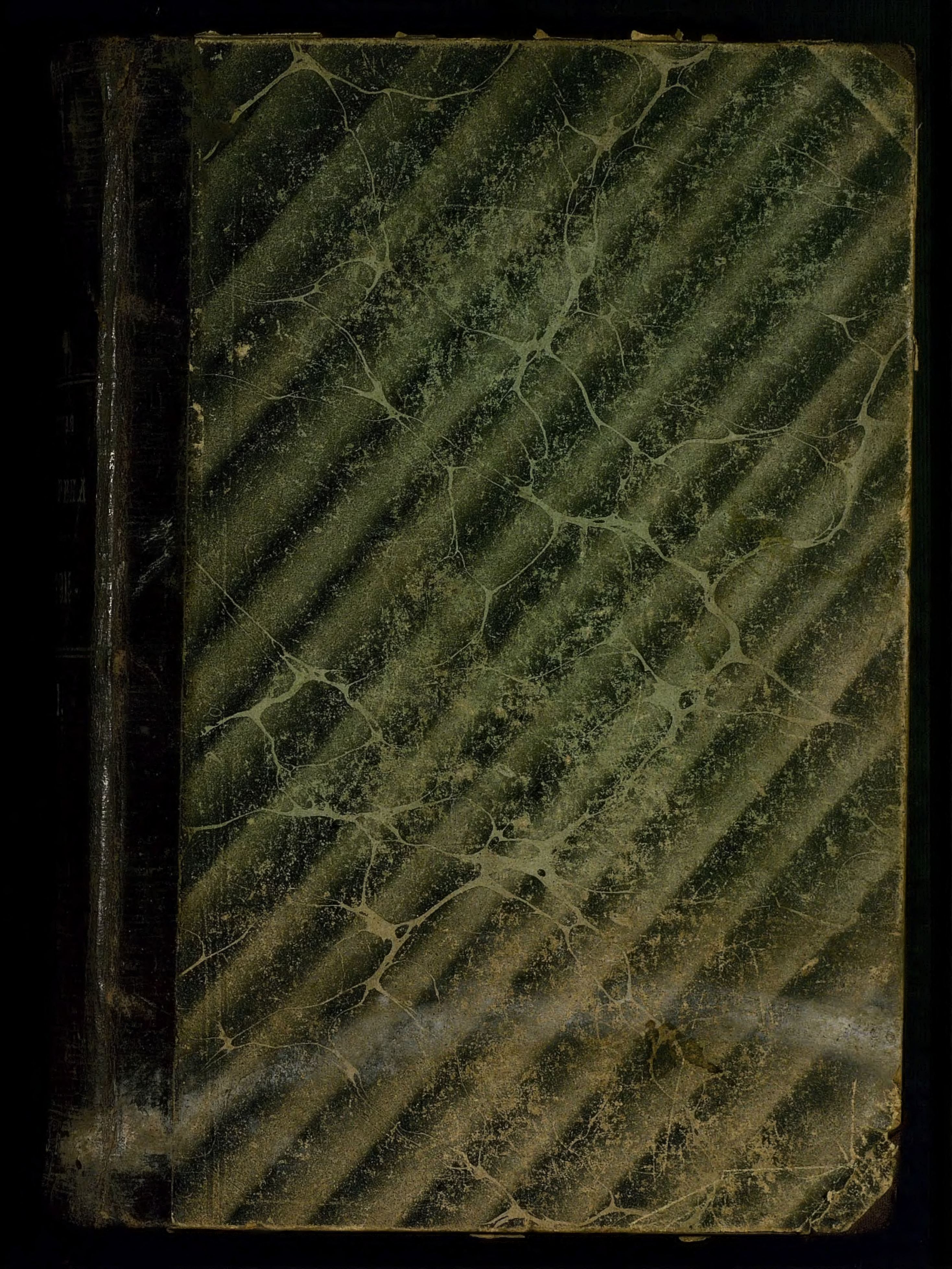
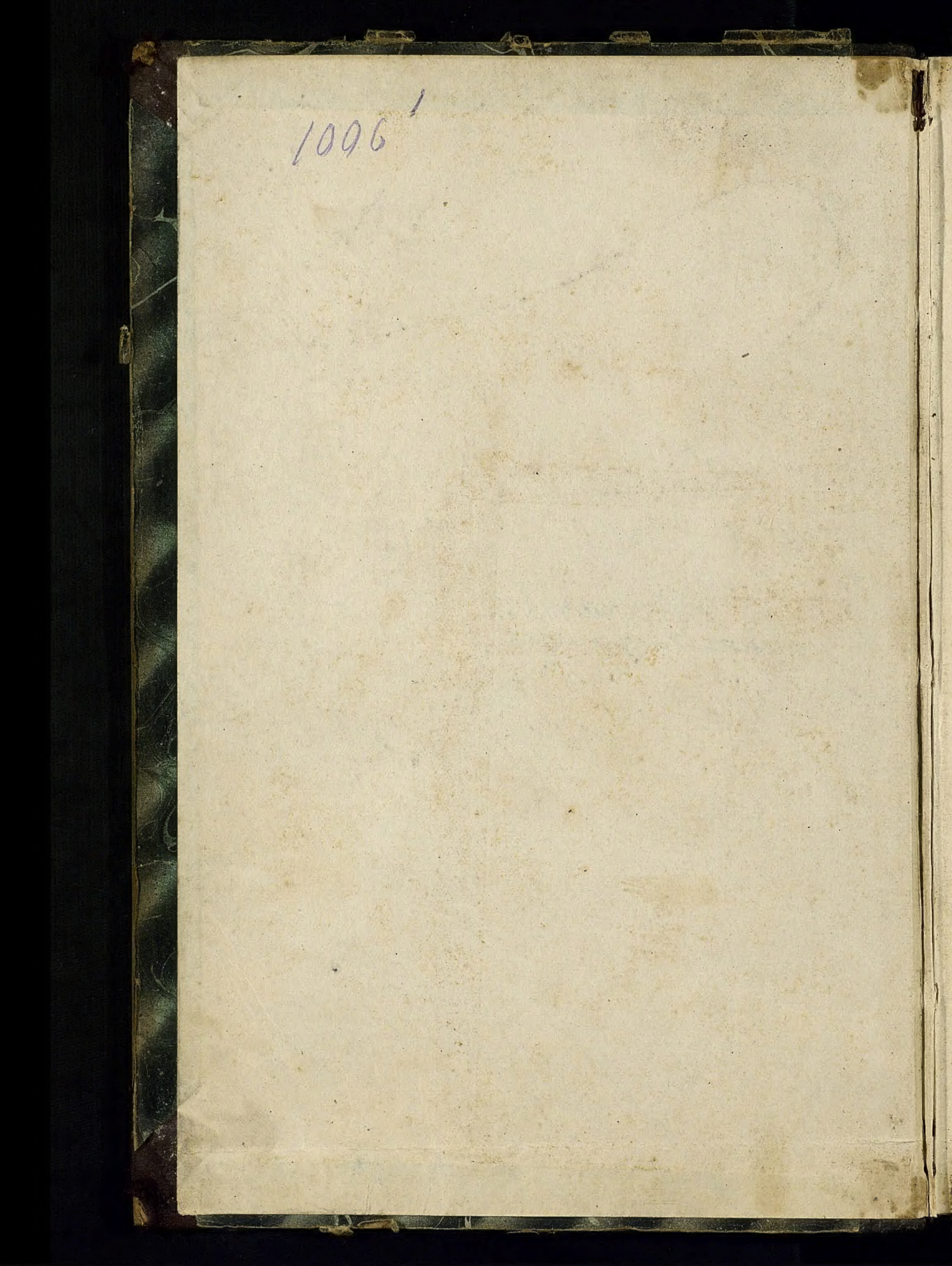
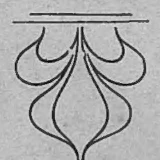



1006 1

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.



1915.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

рис. К. Брожъ.

ВОЕННЫЙ МИНИСТРЪ
Генералъ-Адъютантъ
Владимiръ Александровичъ
СУХОМЛИНОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

основанное 1-го января 1870 г.

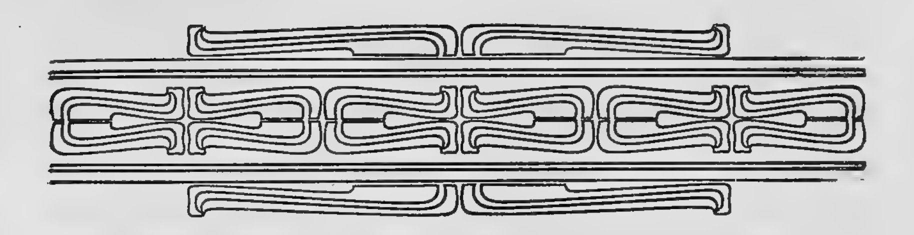
1915.

ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

СОРОКЪ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1915.



Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля [1].

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Судьба была милостива и благосклонна къ поколѣнію— къ которому принадлежу и я—вступившему въ Россіи въ сознательную жизнь и приступившему затѣмъ къ общественной дѣятельности и служебному труду въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ и въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Ему пришлось быть свидѣтелемъ великихъ и возвышенныхъ по идеѣ историческихъ событій и присутствовать при гражданскомъ обновленіи родины, въ которой развернулись скованныя дотолѣ духовныя силы. Я живо помню глубокое впечатлѣніе, произведенное донесеніемъ князя Горчакова о паденіи Севастополя, въ которомъ „непріятель найдетъ лишь однѣ окровавленныя развалины". Надъ ними, однако, занялась заря свѣтлыхъ реформъ и къ нимъ присоединились вскорѣ и развалины обветшалаго общественнаго и бытового строя, очевидцами котораго еще были люди нашего поколѣнія. Этотъ строй въ практическомъ своемъ осуществленіи покоился на четырехъ устояхъ: крѣпостномъ правѣ, рекрутчинѣ, откупной системѣ и узкомъ окаменѣломъ чиновничествѣ, чуждомъ всякаго здороваго почина. Среди нихъ ютились: судъ, полный „неправды черной" по негодующему выраженію Хомякова и жалкое, приниженное сословно-общественное завѣдываніе ближайшими мѣстными нуждами. Волею Царя-Освободителя и лучшихъ его сотрудниковъ все это отошло въ область прошедшаго путемъ законодательной работы, которая кипѣла и спорилась въ умѣлыхъ и любящихъ рукахъ, а не „отцвѣтала, не успѣвши рас-

[1] „Русская Старина" 1907—1914 гг.

цвѣсть“ въ нѣдрахъ безконѐчныхъ бюрократическихъ комиссій и совѣщаній и въ рукахъ „духомъ хладныхъ скопцовъ“. Этой оживленной работѣ, проникнутой искреннимъ желаніемъ создать дѣйствительныя, а не мнимыя преобразованія, сопутствовали отдаленные раскаты боевого грома въ двухъ благороднѣйшихъ войнахъ прошлаго столѣтія: за объединеніе изстрадавшейся Италіи и за отмѣну рабства въ Сѣверной Америкѣ.

Все это отражалось на настроеніи моего поколѣнія, и немногіе изъ насъ, еще остающіеся въ живыхъ, могутъ съ благодарнымъ чувствомъ вспомнить это время благородной мысли, восторженнаго чувства, горячей надежды на свѣтлое будущее и горделивой вѣры въ способности русскаго народа,—время, когда каждый устыдился бы даже тайно отъ всѣхъ подумать про себя многое изъ того, что потомъ приходилось нерѣдко слышать не только въ беззастѣнчиво прорекаемыхъ громкихъ словахъ, но и во вліятельной печати, — время увлеченія незыблемостью принциповъ и отвращенія къ услужливости житейскихъ приспособленій.

20 ноября прошедшаго года минуло пятьдесятъ лѣтъ со времени одного изъ такихъ преобразованій, встрѣченнаго общей радостью, но пережившаго затѣмъ вмѣстѣ со своими созидателями и служителями, много недоброжелательства. Въ этотъ день въ 1864 г. былъ обнародованъ указъ Правительствующему Сенату, возвѣщавшій, что Россіи даруется новый судъ, основанный на Судебныхъ Уставахъ, предназначенныхъ возвысить судебную власть, придать ей надлежащую самостоятельность и утвердить въ народѣ уваженіе къ закону, какъ къ постоянному руководителю дѣйствій всѣхъ и каждаго. Эти Уставы составили логическое и нравственное послѣдствіе освобожденія крестьянъ, неотвратимо связанное съ послѣднимъ, и явились осуществленіемъ государственной потребности имѣть въ Россіи судъ, достойный этого названія, на мѣстѣ царившаго безсудія, произвола и обветшавшихъ формъ, лишенныхъ внутренняго содержанія. Съ отмѣткой крѣпостного рабства на Руси упразднилась и расправа вотчинныхъ владѣльцевъ со своими крестьянами. Лишь при совершеніи крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ „душъ“ былъ безусловно обязанъ обращаться къ общему суду въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворовыхъ или даже постороннихъ, обра-

тившихся къ заступничеству помѣщика, существовало право безконтрольнаго домашняго суда и взысканія. Если, однако, при этомъ вина представлялась особо важной или мѣры взысканія „домашняго изобрѣтенія“ оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались въ смирительные или рабочіе дома, а также и въ арестантскія роты на срокъ (до 1846 года), самимъ владѣльцемъ опредѣленный. Если же помѣщику или (до 1854 года) его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, то къ ихъ услугамъ было право отдачи несовершеннолѣтнихъ крестьянъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ въ рекруты, или препровожденія ихъ въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, „не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ негодованія помѣщика“, ссылало представленнаго въ Сибирь въ сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ— мальчики пяти лѣтъ, а дѣвочки десяти лѣтъ. Отрицаніемъ суда въ настоящемъ смыслѣ слова являлось въ огромномъ большинствѣ случаевъ и полицейское разбирательство по „маловажнымъ дѣламъ“ въ „частныхъ домахъ“, или такъ называемыхъ „Съѣзжихъ“. Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, до 1863 года производилась знаменитая „сѣкуція“. Извѣстный московскій губернскій прокуроръ Д. А. Ровинскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ („Русскія народныя картинки“), что въ дореформенное время тѣлесное наказаніе производилось въ полиціи по утрамъ, при чемъ нѣкоторыя Части славились своими исполнителями. „Пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во́-время барынину собачку, всыплютъ сотню; и расфранченной барышниной камердинершѣ за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки, и той всыплютъ сотню: барыня-де особенно попросила частнаго пристава; никому не было спуска да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виноватъ: присланъ получить, значитъ, и виноватъ; стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро“. Освобожденіе крестьянъ и отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ 1863 году уничтожили это безобразное явленіе, но пріемы изслѣдованія и оцѣнки виновности оставались прежними. Не даромъ одинъ изъ знакомыхъ съ дѣятельностью квартальнаго надзирателя, котораго въ Москвѣ было принято называть комиссаромъ, приводилъ слова будто бы подлинной, но во всякомъ случаѣ характерной рукописи: „Не Богъ сотвори комиссара, но бѣсъ начерта его на песцѣ и вложи въ

пего душу злонравную, исполненную всякія скверны, воеже прицѣплятися и обирати всякую душу христіанскую".

Собственно судъ, съ множествомъ инстанцій и опредѣленными въ законѣ правилами дѣйствія, былъ лишенъ тѣхъ элементарныхъ условій, безъ которыхъ на современный взглядъ немыслимо правильное отправленіе правосудія. Обиліе инстанцій и чрезвычайное развитіе частныхъ производствъ, обращавшихъ нерѣдко дѣло, многократно разбиравшееся, къ первоначальному источнику, обусловливали собою медленность и волокиту, достигавшія поразительныхъ размѣровъ, вызывавшихъ грозныя и вмѣстѣ съ тѣмъ безплодныя Высочайшія резолюціи, одна изъ которыхъ, по дѣлу Баташевыхъ, впрочемъ дала отдаленный толчокъ къ возбужденію вопроса о несостоятельности старыхъ судебныхъ порядковъ. Достаточно указать по этому поводу на то, что дѣло, начатое въ Уѣздномъ или Надворномъ судѣ, могло, въ апелляціономъ и ревизіонномъ порядкѣ, восходить въ уголовную или гражданскую Палату, оттуда въ соотвѣтствующій департаментъ Сената, изъ департамента, въ случаѣ разногласія сенаторовъ, въ общее собраніе, изъ общаго собранія, при отсутствіи двухъ третей единомышленныхъ голосовъ, въ консультацію при Министерствѣ Юстиціи, изъ нея съ согласительнымъ, по ордеру министра, предложеніемъ оберъ-прокурора снова въ общее собраніе и, если это предложеніе не собирало двухъ третей голосовъ, то въ департаментъ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта и, наконецъ, въ общее его собраніе, мнѣніе котораго представлялось на Высочайшее утвержденіе. Примѣромъ такого „нетороппиваго" движенія можетъ служить дѣло о кражѣ изъ московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты* на 115 тысячъ рублей, возникшее въ 1844 году и оконченное въ 1865 г., т. е. черезъ двадцать одинъ годъ. Мнѣ самому, въ качествѣ сенатора перваго общаго собранія, пришлось въ 1906 году участвовать въ разрѣшеніи спорнаго земельнаго дѣла, возникшаго въ 1869 году въ мѣстности, гдѣ еще не была введена судебная реформа.

Не меньше недостатковъ представляло и внутреннее устройство суда. Общіе суды, существовавшіе, въ виду вышесказаннаго, въ сущности *для немногихъ* и *за немногое*, хотя и считались коллегіальными, но самъ законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотными, и возлагалъ изложеніе рѣшенія такихъ судей на секретаря. Въ дѣйствительности дѣла никогда почти не докладывались даже въ Уѣздныхъ судахъ, гдѣ тоже большая

часть членовъ были малограмотными и вовсе неграмотными. Въ судахъ второй степени дѣло рѣшалось обыкновенно безъ доклада—однимъ товарищемъ предсѣдателя—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ же прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное заранѣе рѣшеніе участи подсудимаго, совершенно имъ невѣдомаго. А между тѣмъ законъ предоставлялъ такому суду права опредѣлять наказаніе по своему усмотрѣнію, не установивъ до Уложенія 1845 года ни высшаго предѣла лѣтъ каторжной работы, ни числа ударовъ плетьми или кнутомъ. И высшій судъ—Сенатъ тоже не былъ богатъ людьми просвѣщенными и въ особенности получившими юридическое образованіе. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ семи петроградскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената было всего *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе и носившихъ въ глазахъ приказнаго люда насмѣшливое названіе „учэныхъ“. Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ—секретарь, отъ котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ зависѣлъ исходъ дѣла, отличался нерѣдко отъ „начертаннаго бѣсомъ“ комиссара лишь большимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью „подбирать ихъ масть къ масти“, о чемъ ему укорительно, но безсильно напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зерцало. Такимъ образомъ, если печальная дѣйствительность вызвала, въ свое время, у Императора Николая Павловича горестное признаніе, что „Россія управляется *столоначальниками*“, то можно безъ преувеличенія сказать, что въ это же самое время „Россія судилась *секретарями*“. Нужно ли при этомъ говорить, что въ судахъ засѣдатели отъ сословій утверждались въ должности губернаторомъ и что товарищи предсѣдателей палатъ отъ правительства были лишены надлежащей независимости, такъ какъ прочность ихъ служебнаго положенія тоже зависѣла отъ аттестаціи со стороны административной власти. Извѣстный судебный дѣятель П. Н. Обнинскій, вспоминая старый судъ, даетъ слѣдующую картину, выхваченную прямо изъ жизни: „Въ канцеляріи толпятся просители и шепчутся съ чиновниками. Изрѣдка сѣдой вахтеръ съ медалями во всю грудь важно отворяетъ половину двери въ „присутственную комнату“, куда, сгорбившись и какъ-то робко избочась, прошмыгиваетъ вицмундиръ съ охапкою бумагъ подъ мышкой, а въ отворенную дверь вы видите красное сукно, блестящую золотую раму, такое же зерцало и вокругъ него нѣсколько неподвижно-возсѣдающихъ фигуръ съ

плѣшивыми головами, вплоть до ушей ушедшими въ высокіе, хомутовидные золотые же воротники... Внушительно,—но вы тотчасъ же почему-то чувствуете, что это не болѣе, какъ какая-то никому не нужная, торжественная и мертвая декорація, а вся сила въ томъ заваленномъ бумагами, залитомъ чернилами и засыпанномъ пескомъ столикѣ, у котораго вы только-что совѣщались со столоначальникомъ—тѣмъ, что понесъ подписывать „члену" бумагу по вашему дѣлу; вы чувствуете, что вся сила, вся суть, вся судьба вашего дѣла не тамъ, откуда мелькнули вамъ золотые рамы, орлы и воротники, а въ этомъ столоначальникѣ въ засаленномъ вицмундирѣ, съ сизымъ, запачканнымъ табакомъ носомъ, хищными глазками и перомъ за ухомъ; вы чувствуете, что подпись въ этой парадной „присутственной комнатѣ" ничего не прибавитъ и не убавитъ въ томъ, что этотъ вершитель судебъ вашихъ написанъ на своемъ грязномъ столѣ! „—Для русскаго человѣка двадцатаго и конца девятнадцатаго столѣтія картина эта можетъ показаться неправдоподобной и, во всякомъ случаѣ, ушедшею въ невозвратное прошлое, но для Обнинскаго—и для очень немногихъ, еще находящихся въ живыхъ стариковъ,—она была правдивымъ изображеніемъ современной имъ дѣйствительности. Конечно, въ составѣ судовъ встрѣчались изрѣдка исключенія. Таковъ былъ, напримѣръ, другъ Пушкина Пущинъ, занимавшій должность судьи Надворнаго суда въ Москвѣ, которому поэтъ писалъ: „Ты освятилъ тобой избранный санъ—ему въ очахъ общественнаго мнѣнья—завоевавъ сочувствіе гражданъ". Но это были все-таки исключенія, которыя, по извѣстной французской поговоркѣ, только подтверждали собою общее правило. Это правило характерно подверждается недавно опубликованнымъ письмомъ Дмитрія Сеславина къ брату о томъ, что „оберъ-секретарь говорилъ, что дѣло ваше и тотъ и другой конецъ имѣть можетъ и наконецъ сказалъ прямо, что нынѣ Фемида не смотритъ на стрѣлки на вѣсахъ, но глядитъ болѣе на доски, гдѣ болѣе куча и ярчѣе;—однимъ словомъ, по его требованію нужно 2000 р. на сенатскую челядь и *двухъ дѣвокъ* ему по окончаніи дѣла,—изъ сихъ 2000 надобно хотя половину теперь, чтобы отдать оберъ-секретарю и завалить входъ въ двери противникамъ, иначе онъ говоритъ, что если допустимъ его взять съ противниковъ, то послѣ онъ, по неволѣ, откажетъ намъ".—Не даромъ поэтому ревизующимъ сенаторамъ вмѣнялось закономъ въ обязанность „точно изслѣдовать о теченіи дѣлъ по присутственнымъ мѣстамъ правосудія и справляться о поборахъ, лихоимству столь свойственныхъ". Не напрасно

министръ юстиціи графъ Панинъ нашелъ необходимымъ по своему дѣлу послать „благодарность" чиновнику у крѣпостныхъ дѣлъ, и не безъ основанія считалъ себя въ правѣ на общее уваженіе извѣстный московскій оберъ-секретарь, бравшій съ истца и отвѣтчика одинаковую сумму за направленіе дѣла въ пользу каждаго изъ нихъ и возвращавшій „честно-благородно" взятое проигравшему дѣло. Поэтому слова ектеніи по Требнику въ день священнаго коронованія: „яко суды его не мздоимны и нелицепріятны сохранитъ", были пожеланіемъ, вызваннымъ горькой дѣйствительностью.

Чтобы оцѣнить прошлыя условія производства дѣлъ и постановленія рѣшеній, лучше всего сопоставить безусловныя и основныя требованія уголовнаго правосудія съ тѣмъ, что существовало и господствовало въ судѣ стараго устройства... Въ основаніе приговора должно быть положено *внутреннее убѣжденіе*-судьи, не стѣсняемое ни формальными рамками, ни предустановленными правилами. Оно лишь не должно идти въ разрѣзъ съ положительно выясненными данными дѣла и, при необходимой его искренности, не противорѣчить принятымъ въ законѣ опредѣленіямъ и нравственнымъ основамъ общежитія. Въ старомъ судѣ господствовала система формальныхъ доказательствъ, строгія и узкія рамки которыхъ требовали отъ судьи признанія виновности лишь при *совершенныхъ* доказательствахъ. По отношенію къ главному изъ доказательствъ вообще, т.-е. къ показаніямъ свидѣтелей, было принято закономъ, что показанія эти, по отношенію къ установляемому ими обстоятельству, не имѣютъ силы совершенныхъ доказательствъ, если не даны подъ присягой и при томъ двумя свидѣтелями, буде только одинъ изъ послѣднихъ не мать или отецъ, показывающіе *противъ* своихъ дѣтей. Когда судья встрѣчался съ искреннимъ и правдивымъ показаніемъ, законъ говорилъ ему, что оно не идетъ въ счетъ, если свидѣтель признанъ по суду „явнымъ прелюбодѣемъ" или „портившимъ тайно межевые знаки" или оказывается иностранцемъ, „поведеніе котораго неизвѣстно", и вслѣдствіе этихъ своихъ „качествъ" не можетъ быть допущенъ до присяги. Но и по отношенію къ показаніямъ, даннымъ подъ присягой, законъ предписывалъ давать предпочтеніе показанію знатнаго передъ незнатнымъ, духовнаго передъ свѣтскимъ, мужчины передъ женщиною, ученаго передъ неученымъ. Если, наконецъ, судья находилъ, что, несмотря на отсутствіе совершенныхъ доказательствъ, есть рядъ уликъ, которыя приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ виновно-

сти подсудимаго, совершившаго мрачное дѣло и ловко спрятавшаго особенно выдающіеся концы въ воду, то секретарь имѣлъ право представить ему „съ должною благопристойностью“ о томъ, что его разсужденія не согласны съ законами и что подсудимаго необходимо оставить только въ *подозрѣніи* или дать ему для очищенія подозрѣнія возможность принести присягу. Эта система, связывая убѣжденіе судьи и внося въ его работу элементъ бездушнаго механизма, создавала уголовный судъ, безсильный въ рядѣ случаевъ покарать дѣйствительно виновнаго, но достаточно могущественный, чтобы разбить личную жизнь человѣка сліяніемъ безконтрольнаго возбужденія преслѣдованія воедино съ преданіемъ суду и съ оставленіемъ невиновнаго въ подозрѣніи, что заставляло его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Подъ покровомъ этой системы вершались иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ ними и глубоко оскорбляетъ чувство справедливости.

Таково, напримѣръ, было, рисующее высоту нашихъ дореформенныхъ судебныхъ порядковъ, разбиравшееся въ Москвѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ ужасное дѣло о семнадцатилѣтней фигуранткѣ московскихъ театровъ Аршининой, проданной своимъ отцомъ, театральнымъ музыкантомъ, знатному распутному баричу, который напоилъ ее растворомъ шпанскихъ мухъ и привелъ тѣмъ въ состояніе полового бѣшенства, коимъ, съ его разрѣшенія, воспользовались кромѣ него и другіе негодяи, его окружавшіе. Несчастная дѣвушка, за пресыщеніемъ всѣхъ, пользовавшихся ею, была возвращена домой лишь на третій день съ разрушительнымъ мѣстнымъ воспаленіемъ и омертвѣніемъ и въ состояніи полнаго сумасшествія, изъ котораго не выходила до самой своей страдальческой кончины. Московскій судъ того времени нашелъ справедливымъ и непостыднымъ ограничиться отдачей главнаго виновника въ военные писцы съ выслугою и безъ потери правъ — и присужденіемъ отца жертвы *за потворство разврату дочери* къ трехмѣсячному лишенію свободы.

Матеріаломъ для такихъ рѣшеній служило слѣдствіе, производимое полиціей. Безконтрольный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы въ помѣщеніяхъ, носившихъ иногда (напримѣръ въ Москвѣ) характерное названіе *клоповниковъ* и *могилъ*, вслѣдствіе царившей въ нихъ тьмы, ничѣмъ не оправдываемое производство обысковъ, отсутствіе яснаго пониманія

дѣйствительнаго состава преступленія, неумѣлость и желаніе „покормиться“, „выслужиться“ или „отличиться“ были нерѣдкими признаками и картиною такихъ слѣдствій. При этомъ въ виду того, что собственное признаніе обвиняемаго считалось закономъ за „лучшее доказательство всего свѣта“, бывали случаи добыванія его истязаніями и пріемами замаскированной пытки. Еще въ 1867 году мнѣ пришлось познакомиться съ производившимся въ то время въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣломъ частнаго пристава Стерлигова, вѣшавшаго обвиняемаго со связанными назадъ и за тѣмъ навсегда отнявшимися руками на перекосякъ, исправлявшій должность *дыбы*.

Необходимымъ условіемъ устраненія злоупотребленій и достойнаго отправленія правосудія является его *публичность* и, какъ ея естественное слѣдствіе, *гласность*. Старый судъ не имѣлъ объ этомъ понятія и творилъ свою работу въ застѣнкѣ. Единственное его выступленіе передъ обществомъ и народомъ состояло въ обрядѣ публичной казни на торговой площади черезъ палачей. Такая же канцелярская тайна господствовала и въ судѣ гражданскомъ, и Иванъ Антоновичъ „кувшинное рыло“, жалующійся Чичикову на то, что послѣдній совершилъ сдѣлку въ сто тысячъ, а за труды далъ только красненькую, былъ типичнымъ представителемъ тѣхъ посредниковъ, черезъ которыхъ приходилось узнавать о положеніи дѣла и состоявшемся рѣшеніи. Судъ долженъ производиться *устно* и въ *состязательномъ порядкѣ*. Только этимъ обусловливается всестороннее разсмотрѣніе дѣла и необходимая *непосредственность* воспріятія судьями впечатлѣній, изъ которыхъ слагается сужденіе о дѣйствительныхъ обстоятельствахъ дѣла. Надъ привлеченнымъ по уголовному дѣлу въ старомъ судѣ громоздился ворохъ невѣдомыхъ ему протоколовъ слѣдствія, и до конца дѣла, производимаго въ канцелярской тайнѣ, безъ непосредственнаго ознакомленія судей не только съ показаніями свидѣтелей по дѣлу, но и съ самимъ подсудимымъ, послѣдній не вѣдалъ, какъ слагается то, что будетъ имѣть рѣшительное вліяніе на его участь и противъ чего онъ лишенъ возможности защищаться. Его участь рѣшалъ приговоръ связанныхъ въ своемъ сужденіи судей, не имѣвшихъ ни права, ни способовъ доискиваться въ дѣлѣ не *приказной*, а доступной вообще человѣческому пониманію правды. Живые люди съ ихъ способомъ выраженій и описаній, съ ихъ повадкой и житейскими взглядами были обезличены и погребены подъ тяжелымъ слоемъ написанныхъ канцелярскимъ стилемъ

бумагъ, лишенныхъ всякаго колорита и наполненныхъ безконечными повтореніями между сакраментальными словами: *слушали* и *приказали*.

Не лучше былъ и судъ гражданскій, гдѣ облеченная въ окаменѣлыя формы письменность загромождала основную и правильную почву для спора о правѣ и гдѣ особенно бывалъ заинтересованъ чуткій и изворотливый секретарь-докладчикъ. Еще въ 1857 году Побѣдоносцевъ писалъ объ этомъ судѣ: „Формы его несовершенны, дѣйствіе его не вѣрно и медленно, на всякомъ шагу встрѣчается въ немъ неправда матеріальная подъ ложнымъ видомъ правды формальной и господство мертваго обряда вытѣсняетъ изъ него живой духъ правды законной"

Состязательное начало процесса требуетъ *правозаступника* въ гражданскомъ дѣлѣ и *защитника* въ уголовномъ. Поэтому законъ всемѣрно заботится о предоставленіи подсудимому защитника, когда онъ его самъ не имѣетъ возможности пригласить, и устанавливаетъ правозаступничество для лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, предоставляя подсудимому и отвѣтчику послѣднее слово предъ рѣшеніемъ ихъ дѣла или участи. Вмѣстѣ съ тѣмъ новѣйшія теченія въ уголовномъ процессѣ направляются къ тому, чтобы и на предварительномъ слѣдствіи или во всякомъ случаѣ въ стадіи преданія суду допустить защиту обвиняемаго черезъ избраннаго имъ повѣреннаго. Ничего подобнаго не зналъ нашъ старый судъ. За исключеніемъ присяжныхъ стряпчихъ при коммерческомъ судѣ, онъ не зналъ ходатаевъ и защитниковъ, носящихъ это особо-установленное званіе по праву. Защита вовсе не допускалась въ уголовномъ судѣ, а „хожденіе" по гражданскимъ дѣламъ въ значительной степени находилось въ рукахъ разныхъ дѣльцовъ, ходатаевъ изъ отставныхъ чиновниковъ, оставившихъ службу „пострадавъ, подобно Чичикову, за правду" и такъ называемыхъ въ Москвѣ „стряпчихъ отъ Иверскихъ воротъ". Въ ихъ интересахъ было, по большей части, разъ присосавшись къ дѣлу и внушивъ довѣріе къ своему опыту въ канцелярскихъ хитросплетеніяхъ тянуть дѣло по возможности долго. Типы этого рода подъячихъ съ чрезвычайной рельефностью изображены въ комедіяхъ Островскаго.

Не одной защитѣ, однако, отводитъ мѣсто современный уголовный процессъ. Правосудіе, съ какимъ бы сознаніемъ его важности и святости оно ни отправлялось, есть дѣло рукъ человѣческихъ и людского разумѣнія, которому свойственно впадать въ ошибки. Отсюда—возможность приговоровъ, фактиче-

ская сторона которыхъ и соображенія, на ней основанныя, опровергаются вновь открытыми обстоятельствами, указывающими на полную вѣроятность осужденія невиннаго. Этимъ вызывается установленіе особаго порядка возобновленія уголовныхъ дѣлъ въ случаяхъ основательнаго сомнѣнія въ виновности осужденнаго. Западно-Европейская и наша судебная практика представляетъ много случаевъ, гдѣ вновь открытыя обстоятельства доказывали, что самаго событія преступленія, вмѣненнаго въ вину осужденному, не было въ дѣйствительности, напримѣръ, когда оказывалось, что вмѣсто убійства было самоубійство; случаевъ, когда являлся съ повинной дѣйствительный убійца, поджигатель или иной преступникъ вмѣсто уже осужденнаго за то же, или когда потерпѣвшій, считаемый погибшимъ отъ руки осужденнаго, являлся изъ случайнаго отсутствія здравъ и невредимъ; случаевъ, когда письменный документъ, послужившій важнымъ доказательствомъ, оказывался подложнымъ и т. п. Нашъ старый судъ не отрицалъ, вопреки очевидности, возможности такихъ случаевъ, но—mirabile dictu!—допускалъ ходатайство о пересмотрѣ дѣла исключительно со стороны осужденнаго и при томъ не иначе, какъ по прибытіи его на мѣсто ссылки или каторги. Статьи 116 II ч. XV тома, подробно истолкованная Государственнымъ Совѣтомъ, разрѣшала пріемъ и подачу просьбъ о пересмотрѣ состоявшагося приговора не только послѣ вступленія приговора въ законную силу, что требуется и теперь, но лишь послѣ фактическаго исполненія обряда публичной казни, т.-е. отсчитаннаго палачемъ числа ударовъ плетьми и наложенія на лицо осужденнаго клеймъ. Не доставало только вырыванья ноздрей, практиковавшагося въ восемнадцатомъ столѣтіи...

Таковы были отличительныя свойства того суда, который встрѣчалъ впослѣдствіи, въ разгарѣ происходившей противъ Судебныхъ Уставовъ въ ихъ практическомъ осуществленіи борьбы, неожиданно—снисходительную оцѣнку въ предположеніи, что онъ былъ въ сущности гораздо лучше, чѣмъ его изображали современники. Но предположеніе это, вызванное недостаточнымъ знакомствомъ съ условіями, въ которыя былъ поставленъ этотъ судъ, разбивается о факты несомнѣнной дѣйствительности. Совѣстливый судья, въ душѣ котораго хранилось живое чувство справедливости, долженъ былъ возбуждать своими возраженіями и сомнѣніями насмѣшливое недоумѣніе среди „воротилъ“ стараго суда. Его голосъ былъ обреченъ оставаться „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, на который люди,

успокоившіеся въ самодовольствѣ рутины, отвѣчали ссылками на недопустимость „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“, отъ которыхъ предостерегалъ самъ законъ. Ему оставалось утѣшать себя, заглушая внутренній ропотъ сердца, тѣмъ, что dura lex—sed lex!

Въ манифестѣ по случаю заключенія мира, завершившаго Крымскую войну, было высказано возвышенное пожеланіе: „да правда и милость царствуютъ въ судахъ“. Осуществить его было, однако, немыслимо при наличности стараго суда. Даже поверхностное знакомство съ нимъ убѣждало, что живая, осязательная правда составляла въ его дѣйствіяхъ и рѣшеніяхъ явленіе необычное и что для милости, кромѣ случаевъ исключенія изъ общаго порядка, не было мѣста. Никакія частичныя преобразованія не могли бы помочь. Безполезно было лѣчить отдѣльныя части испорченнаго цѣликомъ организма, который ab initio vitiosum est. Нужна была коренная и рѣшительная реформа. Первые годы царствованія Александра II были особо для этого благопріятны. Оживленіе умственныхъ силъ страны, общій нравственный подъемъ, сознаніе необходимости „совлечь ветхаго Адама“ съ общественнаго устройства и надежда на близкое свѣтлое будущее родины, переходившая въ увѣренность, давали возможность приступить къ новому дѣлу рѣшительно и безповоротно. Люди, призванные къ выработкѣ основныхъ началъ судебной реформы, къ счастію, удержались отъ соблазна вступать въ услужливый компромиссъ съ прошлымъ и создавать излюбленный у насъ, по удачному выраженію печальнаго героя Крымской войны князя Меньшикова, „улучшенный бытъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ“. Большинство людей, сознававшихъ недостатки стараго суда и его темныя стороны, въ своихъ статьяхъ, запискахъ и заявленіяхъ высказались безусловно за коренное преобразованіе. Если про того или другого изъ нихъ можно было сказать словами Пушкина, что „*даль*“ новаго суда онъ „сквозь магическій кристаллъ еще неясно различалъ“, то никто изъ нихъ не былъ согласенъ оставаться при старомъ. Это неясное различеніе иногда вызывало довольно своеобразныя предложенія, въ которыхъ желаніе *новаго* заключало въ себѣ безсознательный отголосокъ *стараго*. Такъ, напримѣръ, при полномъ сочувствіи публичности будущаго суда, предлагалось установить входную плату за впускъ въ засѣданіе суда съ тѣмъ, чтобы таковая поступала въ пользу богоугодныхъ заведеній, при чемъ, конечно, забывалось, что судъ не театръ, а тяжелыя житейскія драмы,

развертывающіяся на судѣ, предназначены не для развлеченія публики—и что установленіе платныхъ входныхъ билетовъ можетъ вызвать, по возбуждающимъ особое любопытство дѣламъ, ихъ перепродажу и другія злоупотребленія. Такъ, на-ряду съ привѣтствіемъ идеѣ о введеніи суда присяжныхъ, предлагалось обязать засѣдателей, въ явное противорѣчіе съ существомъ лежащей на нихъ задачи, выносить мотивированное рѣшеніе, при чемъ постановленіе его по большинству голосовъ допускалось лишь по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, назначенныхъ для объединенія засѣдателей въ единогласіи. Рядомъ съ этимъ и въ области искусства проявлялся взглядъ на судъ прежде всего, какъ на публичное зрѣлище, и на одной изъ очередныхъ выставокъ въ Академіи художествъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ появился рядъ проектовъ помѣщеній для новыхъ судебныхъ установленій, которымъ былъ приданъ видъ настоящихъ театральныхъ зданій съ галлереями, амфитеатрами, а въ одномъ изъ проектовъ—даже съ ложами для почетныхъ посѣтителей. Общее настроеніе отразилось и на умудренномъ опытомъ прошлаго царствованія представителѣ крайней законодательной осмотрительности, недовѣрчивости и любви къ ненарушимой преемственности—графѣ Блудовѣ. И онъ постепенно, хотя и съ оговорками, сталъ признавать необходимость преобразованія въ той области, гдѣ въ прежніе годы видѣлъ лишь мѣсто для улучшеній.

Исторія возникновенія Основныхъ Положеній судебнаго преобразованія, обнародованныхъ въ 1862 году, послѣдовательныхъ работъ комиссіи по составленію Судебныхъ Уставовъ и переработки ея трудовъ въ Государственномъ Совѣтѣ изложена мною подробно въ другомъ мѣстѣ (Введеніе въ систематическій комментарій къ Уставу Уголовнаго Судопроизводства, изд. Гернетомъ въ 1913 и „Отцы и Дѣти судебной реформы". Послѣсловіе, изд. 1914 года), и я ихъ касаться не буду, упомянувъ лишь о трехъ именахъ изъ состава этой комиссіи, которыя должна быть особенно дороги каждому русскому юристу и общественному дѣятелю. Это: *Ровинскій*, *Зарудный* и *Буцковскій*.

Энергичный и подвижный московскій губернскій прокуроръ Дмитрій Александровичъ Ровинскій былъ глубокимъ знатокомъ народной жизни, свойствъ и вкусовъ русскаго человѣка и изслѣдователемъ русскаго народнаго искусства, отражавшаго въ себѣ послѣдніе. На опытѣ и въ близкомъ соприкосновеніи онъ душевно перестрадалъ всѣ темныя стороны и проявленія стараго суда, тюремнаго дѣла, размашистой полицейской распорядительности и властнаго генералъ-губернаторскаго усмотрѣнія. Въ

работы свои по судебному преобразованію онъ внесъ не только богатый практическій матеріалъ, не только вдумчивость своего ума и чуткость своего сердца, но и настойчивое стремленіе коренным образомъ обновить и облагородить нашъ судебный строй, связавъ его со всѣмъ лучшимъ, что дало народному быту упраздненіе крѣпостного права. Впослѣдствіи, когда онъ занималъ должность прокурора Московской Судебной Палаты, я имѣлъ отрадную возможность быть въ должности его секретаря и видѣть, какъ онъ отдавался новому дѣлу съ юношескимъ пыломъ и старческой мудростью, тщательно вытравляя въ сферѣ своей дѣятельности всякіе зачатки чиновничьяго отношенія къ дѣлу правосудія и подавая самъ примѣръ вдумчиваго служенія, а не рядового исполненія обязанностей своего званія. И такимъ продолжалъ онъ быть и на курульномъ креслѣ въ Сенатѣ, гдѣ мы съ нимъ сошлись за общимъ дѣломъ черезъ четверть вѣка и гдѣ изъ-подъ свободнаго обличія правдиваго судьи и страстнаго любителя и знатока искусства въ немъ сквозилъ человѣкъ, мыслью, словомъ и дѣломъ преданный горячо любимой имъ родинѣ. Волею судьбы двое другихъ главныхъ дѣятелей по составленію Судебныхъ Уставовъ Николай Андреевичъ Буцковскій и Сергѣй Ивановичъ Зарудный были по своему спеціальному образованію математиками и должны были начать службу первый учителемъ математики и бухгалтеріи, а второй астрономомъ Пулковской обсерваторіи. Дальнѣйшая служба по министерству юстиціи побудила ихъ къ изученію иностранной юридической литературы и судебныхъ учрежденій и заставила испытать на практикѣ всю косность и отсталость нашего процесса и трудность влитія въ его мертвящіе формальные берега струй дѣйствительнаго правосудія. Съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ и жаждою дать достойную организацію уголовному процессу работали они, не покладая рукъ, въ комиссіи, дополняя и одушевляя другъ друга. Къ нимъ можно было примѣнить, взявъ примѣръ изъ военной области, слова Пушкина: „Пѣхота движется за нею (конницей) и тяжкой твердостью своею ея стремленіе крѣпитъ“. Роль конницы игралъ Зарудный—горячій, впечатлительный и страстный. Роль пѣхоты—Буцковскій, вооруженный въ своей спокойной увѣренности глубоко продуманными выводами и выдающеюся точностью своего дѣлового языка. Отъ Государственнаго Совѣта въ его прежнемъ устройствѣ трудно было ожидать того приподнятаго настроенія, съ которымъ работали члены комиссіи. Послѣдніе, заключая свою работу, имѣли въ виду лишь

картину *будущаго* суда въ Россіи, но Государственный Совѣтъ не могъ отрѣшиться отъ зрѣлища современнаго ему политическаго и административнаго строя, далеко еще не обновленнаго во всѣхъ своихъ частяхъ и еще не заключавшаго въ себѣ Земскаго и Городового Положенія. Но и въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ Судебныхъ Уставовъ, составленный комиссіей, встрѣтилъ серьезную поддержку и защиту со стороны министра юстиціи Дмитрія Николаевича Замятнина и его товарища Николая Ивановича Стояновскаго, что было чрезвычайно важно, такъ какъ возраженія министра юстиціи не могли не заслуживать особаго вниманія, ибо со старымъ и новымъ судомъ ему ближе всего приходилось и пришлось бы имѣть дѣло. Когда повѣяло новымъ духомъ и вокругъ Замятнина заговорили о необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ и здравымъ умомъ ясно представилъ себѣ, въ чемъ должна состоять его задача, и несмотря на вліятельныя предостереженія изъ среды „умѣренности и аккуратности", рѣшительно склонился въ сторону смѣлаго проведенія въ нашъ судъ широкихъ и новыхъ началъ. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ Судебныхъ Уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы, и остался этому вѣренъ до конца, несмотря ни на что. По труднымъ и новымъ вопросамъ реформы онъ прямодушно пользовался совѣтами и указаніями счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и знающихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое оффиціальное достоинство, онъ, дѣйствуя такимъ образомъ, давалъ своимъ противникамъ поводъ злобно заявлять, что онъ „даетъ себя начинять департаментскимъ либераламъ". Въ этомъ умаленіи своего министерскаго „я", въ готовности *учиться,* какъ надо *служить* дѣлу, благому значенію котораго *вѣришь,* состоитъ высокая заслуга Замятнина предъ выработкою основоположеній русскаго правосудія. Благодаря Замятнину и Стояновскому, при энергическомъ содѣйствіи государственнаго секретаря Буткова, Судебные Уставы благополучно прошли въ Государственномъ Совѣтѣ. Они явились, въ окончательной своей редакціи, какъ плодъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаніемъ тѣми, кто ихъ выработалъ, своей отвѣтственности передъ Россіей, жаждавшей осуществленія правосудія въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный, трудъ, построенный на увѣренности въ томъ, что

народъ приметъ новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и сумѣетъ серьезно отозваться на призывъ къ непосредственному въ нихъ участію.

Недостаточно освѣдомленные противники новаго суда иногда упрекали составителей Уставовъ въ рабскихъ заимствованіяхъ изъ западныхъ судопроизводственныхъ кодексовъ, но это—не вѣрно. Составители Уставовъ шли своимъ самостоятельнымъ путемъ, вырабатывали свои положенія долгимъ обмѣномъ взглядовъ и борьбою между ними и, если въ ихъ трудѣ встрѣчается иногда то же, что и въ другихъ законодательствахъ, то это лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда знаніе человѣческой природы, оцѣнка условій общежитія и здравое пониманіе цѣли и смысла закона неизбѣжно приводили и у насъ, и на западѣ къ одному и тому же выводу. Достаточно припомнить сложную и разностороннюю выработку постановленій о нашемъ судѣ присяжныхъ и возраженія Ровинскаго, Буцковскаго и Зарруднаго противникамъ этой формы суда, ссылавшимся, между прочимъ, даже устами знаменитаго Спасовича, на неумѣніе русскаго человѣка отличать законъ отъ начальственнаго предписанія—и правосудія отъ сожалѣнія о „несчастномъ". Читателямъ „Русской Старины" (1914 г. №№ 1 и 2) извѣстна исторія возникновенія этого суда въ Россіи, а также и то, что послѣ всего, имъ пережитаго, особое совѣщаніе высшихъ представителей судебной власти, созванное изъ всѣхъ судебныхъ округовъ, признало, что это—судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и долженствующій не отойти въ угоду своимъ хулителямъ въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Лучшимъ доказательствомъ самостоятельности взглядовъ составителей Уставовъ служитъ постановка у насъ обвинительной власти и опредѣленіе ея задачъ въ Судебныхъ Уставахъ. Передъ глазами составителей былъ особенно яркій примѣръ типическихъ представителей французской прокуратуры. Рѣчи извѣстныхъ французскихъ обвинителей Оскара де Валлэ, Бондюрана и др. читались русскими юристами съ интересомъ и восхищеніемъ передъ ихъ талантливостью. Но составители Судебныхъ Уставовъ не поддались блеску этого обольщенія. Напротивъ, они постарались освободить въ своихъ предначертаніяхъ русскихъ обвинителей отъ свойствъ и пріемовъ, которымъ было легко и соблазнительно послѣдовать. Они вдумались въ душевный складъ русскаго человѣка и на немъ построили правила публичной дѣятельности прокурора. Фран-

цузскій прокуроръ, въ особенности въ то время, привыкъ видѣть въ подсудимомъ своего врага и преслѣдовать его со страстностью, мало гармонирующею не только съ христіанскимъ милосердіемъ, но часто и съ простою справедливостью по своей односторонней безпощадности. Глубокій знатокъ французскихъ судебныхъ нравовъ Лабулэ безъ преувеличенія заставляетъ типичнаго прокурора вспоминать одну изъ своихъ обвинительныхъ рѣчей: я прослѣдилъ подсудимаго отъ колыбели до суда; я изобразилъ его, какъ одного изъ тѣхъ проклятыхъ отъ рожденія дѣтей, которыя никогда не вызывали радостной улыбки у своей матери; я пошелъ съ нимъ въ школу и показалъ всю его лѣнь, лживость, сварливость и преступную наклонность похищать орѣхи и сливы съ деревьевъ, обрамляющихъ дорогу. Изъ школы я перешелъ въ мастерскую и нарисовалъ внушающій отвращеніе портретъ его, какъ работника и какъ пьяницы. Я былъ въ моей рѣчи еще на разстояніи десяти лѣтъ отъ преступленія, когда подсудимый былъ уже потерянъ въ общественномъ мнѣніи. Я не постѣснился намекнуть присяжнымъ, что подсудимый въ душѣ способенъ на отцеубійство и что если онъ не совершилъ этого тягчайшаго изъ преступленій, то только потому, что попечительная судьба дала ему счастье быть сиротою"... Составители Судебныхъ Уставовъ создали русскаго прокурора, который въ обвинительной рѣчи не долженъ ни представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивать значеніе имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ или важности разсматриваемаго дѣянія. Въ отличіе отъ западныхъ кодексовъ они предъявили прокурору особое требованіе объ отказѣ отъ обвиненія и о заявленіи о томъ суду по совѣсти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находитъ, что оправданія подсудимаго заслуживаютъ уваженія. Очертивъ такимъ образомъ *говорящаго судью* въ лицѣ обвинителя, они придали и уголовной защитѣ свойство и характеръ не ремесленнаго краснорѣчія, а общественнаго служенія, выражающагося въ помощи суду на пути отысканія истины въ дѣлѣ. Наконецъ, они отказались перенести на русскую судебную почву широкія полномочія французскаго президента трибунала, злоупотребляющаго своимъ дискреціоннымъ правомъ и всегда являющагося союзникомъ обвинителя, что дало основаніе одному французскому писателю сказать по поводу оправдательнаго приговора: „l'accusation croulait malgré l'habituel appoint du président". Русскій предсѣдатель, руководящій присяжныхъ засѣдателей, обязанъ согласно Уставамъ

соблюдать полнѣйшее безпристрастіе, допрашивать свидѣтелей, лишь послѣ ихъ допроса сторонами и не имѣетъ права, ни прямо, ни косвенно путемъ ссылокъ и характеристикъ, высказывать свое мнѣніе о винѣ или невинности подсудимыхъ.

Судебные Уставы освѣжили и, если можно такъ выразиться, оплодотворили русскую науку права. Между судебной практикой и наукой при старомъ судѣ не было никакой связи. Сами по себѣ лишенныя научной подкладки рѣшенія общихъ судовъ были неизвѣстны и недоступны для публикованія или ссылки на нихъ. Рѣдкіе сборники Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта по судебнымъ дѣламъ тоже не давали серьезнаго матеріала для ученыхъ работъ. Поэтому, въ наукѣ права, когда она не ограничивалась пересказомъ или перефразировкой уголовныхъ и гражданскихъ законовъ, господствовало стремленіе къ историческимъ трудамъ изъ давно прошедшаго времени, изъ эпохи Русской Правды, Судебниковъ и, въ крайнемъ случаѣ, Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. При этомъ надо сказать, что наша анекдотическая дореформенная цензура смотрѣла на работы по современному ей судопроизводству крайнѣ недоброжелательно. Въ 1850 году Н. И. Стояновскій, читавшій въ училищѣ правовѣдѣнія курсъ уголовнаго процесса, составилъ и приготовилъ для печати „Практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству“—и встрѣтилъ совершенного неожиданное препятствіе въ лицѣ мудраго цензора. Этотъ микроскопическій Омаръ нашелъ, подражая знаменитому калифу, сжегшему Александрійскую библіотеку, что книга Стояновскаго *излишня*, объяснивъ автору, что если въ его руководствѣ приведено то, что изложено въ Сводѣ законовъ—то къ чему оно?—а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ Сводѣ, то оно безполезно и, слѣдовательно, ненужно. Такому своеобразному запрещенію надлежало бы остаться единичнымъ, хотя и знаменательнымъ фактомъ въ исторіи русскихъ юридическихъ работъ, предназначенныхъ къ ознакомленію читателей съ уголовнымъ процессомъ,—но, вѣроятно къ немалому удивленію будущаго историка, через *пятьдесятъ* слишкомъ лѣтъ, повторилось нѣчто подобное, когда министръ юстиціи Муравьевъ не стѣснялся войти въ надлежащія сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ о неразрѣшеніи сенатору, читавшему въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ курсъ уголовнаго судопроизводства,—публичныхъ, съ благотворительною цѣлью, лекцій о *нравственныхъ началахъ уголовнаго процесса*, находя такія лекціи несвоевременными... Съ изданіемъ и осуществленіемъ Судеб-

ныхъ Уставовъ въ жизни явился не только богатый матеріалъ для подробной ихъ научной разработки, не только открылись горизонты для дальнѣйшаго развитія основныхъ ихъ началъ, но судебная практика слилась на вершинѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, въ кассаціонномъ Сенатѣ, съ научными толкованіями и изслѣдованіями. Уже совпавшія съ появленіемъ Судебныхъ Уставовъ сочиненія Буцковскаго, объединенныя впослѣдствіи въ его книгѣ „Очерки судебныхъ порядковъ", представляли собою большой научный матеріалъ, а изданіе Государственной канцеляріи „Судебные Уставы съ разсужденіями, на которыхъ они основаны", въ значительной степени обязанное своимъ появленіемъ трудамъ и заботамъ Зарудпаго, содержало цѣлыя вступительныя въ разные отдѣлы главы, полныя научныхъ данныхъ историко-юридическаго характера. Оживилась и переводная литература по вопросамъ права и процесса. Подъ редакціей одного изъ благороднѣйшихъ практическихъ дѣятелей крестьянской и судебной реформы А. М. Унковскаго появились переводы сочиненій Миттермайера о судебной защитѣ и о судѣ присяжныхъ на Западѣ и въ Америкѣ и замѣчательное изслѣдованіе Уильза о косвенныхъ уликахъ. Кассаціонныя рѣшенія и, въ особенности, заключенія нѣкоторыхъ изъ оберъ-прокуроровъ при кассаціонныхъ департаментахъ содержали въ себѣ разработку положеній права и процесса на научной подкладкѣ, такъ что безъ ссылокъ на эти рѣшенія и заключенія и ихъ критической оцѣнки едва-ли можетъ, въ настоящее время, обойтись серьезный юридическій трудъ, посвященный русскому процессу и правовой догмѣ.

Первое время всѣ такъ или иначе причастные къ судебному дѣлу относились къ Судебнымъ Уставамъ съ особой любознательностью и живымъ интересомъ. Въ судахъ и среди прокуратуры устраивались особыя собранія для совмѣстнаго чтенія Уставовъ и уясненія себѣ правильнаго пониманія смысла и соотношенія ихъ отдѣльныхъ статей. Въ исключительныхъ случаяхъ эти чтенія сопровождались комическими эпизодами. Судебные Уставы 1864 г. были изданы первоначально особою книгой въ форматѣ in octavo, отдѣльно отъ Свода законовъ, но съ 1867 года начались, въ маломъ форматѣ, частныя изданія Уставовъ—Бѣликова, Зубарева и др. и, наконецъ, появилось, повторенное двѣнадцать разъ, очень распространенное изданіе Анисимова (такъ называемая Анисимовка), снабженное многочисленными выписками изъ кассаціонныхъ рѣшеній. Для удобства при частомъ употребленіи, книжка этого изданія была

раскрашена по борту разными цвѣтами, соотвѣтственно каждой отдѣльной части Уставовъ, что дало поводъ В. Д. Спасовичу, въ одной изъ его блестящихъ рѣчей, восхищаясь Судебными Уставами и показывая эту книжку, назвать ее „дорогимъ для всякаго юриста *слоенымъ пирогомъ*“. Однимъ изъ предпріимчивыхъ, но достаточно невѣжественныхъ московскихъ издателей былъ выпущенъ въ свѣтъ и очень рекламированъ „Сводъ судебныхъ уставовъ“ по весьма дешевой цѣнѣ. Когда судебная реформа вводилась въ Харьковскомъ судебномъ округѣ, у предсѣдателя Харьковскаго окружнаго суда Э. Я. Фукса происходили собранія для чтенія Уставовъ. Одинъ изъ членовъ суда, почтенный старецъ—вооружился московскимъ изданіемъ и когда предсѣдатель читалъ текстъ статьи по оффиціальному изданію, заявлялъ: „позвольте! да у меня эта статья изложена совсѣмъ не такъ и говоритъ совсѣмъ о другомъ, какъ же это?!“ Оказалось, что издатель Свода призналъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сдѣлать одну общую нумерацію всѣхъ статей, не взирая на то, что Уставы раздѣлялись на учрежденіе судебныхъ установленій, уставы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такъ что Сводъ заключалъ въ себѣ, въ послѣдовательномъ и непрерывномъ порядкѣ 3255 статей, почему, напримѣръ, статья 366 Уст. Гражд. Судопр. о томъ, что истецъ долженъ доказать свой искъ, значилась для довѣрчиваго покупателя Свода подъ цифрою 2040... Иногда и упомянутое выше изданіе Судебныхъ Уставовъ, сдѣланное Государственной канцеляріей, вызывало оригинальныя недоразумѣнія. Находились люди, предполагавшіе, что это изданіе представляетъ собою особое узаконеніе, значительно дополняющее содержаніе Судебныхъ Уставовъ. Я помню, что въ бытность мою секретаремъ Ровинскаго, одинъ изъ становыхъ приставовъ Московской губерніи, которому товарищъ прокурора отказалъ въ разрѣшеніи обжаловать рѣшеніе мирового судьи по возбужденному сердобольнымъ представителемъ полиціи дѣлу „о жестокомъ обращеніи съ гусями“, принесъ на этого товарища жалобу прокурору Судебной Палаты. Въ ней, ссылаясь на то, что блаженъ человѣкъ иже и скоты милуетъ, онъ говорилъ, что „не только иностранныя законодательства, но и Судебные Уставы, *особливо же тѣ, которые съ комментаріями*, считаютъ жестокое обращеніе съ животными заслуживающимъ строгаго наказанія. Жалобу пришлось оставить безъ послѣдствій, ибо проникнутый лучшими намѣреніями становой, къ сожалѣнію, не зналъ, что

такая карательная статья, проектированная первоначально, была не допущена въ уставъ о наказаніяхъ вслѣдствіе упорныхъ возраженій со стороны Второго Отдѣленія и графа Панина, находившихъ ее „преждевременною“ (статья такого содержанія введена въ уставъ, въ качествѣ 41^3 лишь въ 1871 году).

Ограничиваясь воспоминаніями о времени, когда пятьдесятъ лѣтъ назадъ появились Судебные Уставы, не приходится разсказывать ихъ дальнѣйшую исторію, тѣмъ болѣе, что это подробно сдѣлано мною въ „Отцахъ и дѣтяхъ судебной реформы“ и въ статьѣ ноябрьской книжки Журнала Министерства Юстиціи за 1914 годъ. Можно сказать лишь одно, что Судебнымъ Уставамъ въ ихъ практическомъ приложеніи жилось не легко. Подъ вліяніемъ различной „злобы дня“, временныхъ настроеній и обычнаго у органовъ нашего законодательства нежеланія или неумѣнія вникнуть въ отдаленныя причины и происхожденіе того или другого — иногда совершенно напрасно встревожившаго ихъ—явленія, Судебные Уставы претерпѣвали своего рода „усышку и утечку“ и обростали разными новшествами, исказившими ихъ первоначальный смыслъ и духъ. Воздвигнутое любящими и умѣлыми руками, въ строгой гармоніи своихъ линій и рисунка, зданіе Судебныхъ Уставовъ подвергалось перестройкамъ и надстройкамъ недальновидныхъ строителей, съ услужливой поспѣшностью внимавшихъ одностороннимъ, страстнымъ и гнѣвнымъ указаніямъ и совѣтамъ вліятельной печати. Только теперь, въ послѣдніе годы, начинается постепенное возвращеніе къ первоначальному плану строителей, да и то съ большими колебаніями и недодѣлками въ нѣдрахъ нашей Верхней Палаты. Если позволить себѣ шутливое сравненіе Судебныхъ Уставовъ съ *юбиляромъ*, празднующимъ пятидесятилѣтіе своей службы, и справиться съ послѣдней, — какъ это дѣлается обыкновенно при юбилейныхъ торжествахъ и сообщеніяхъ,—по формулярному списку съ обычными подраздѣленіями послѣдняго, то получится довольно оригинальный результатъ. Окажется, что юбиляръ,—родившійся вопреки законамъ природы, черезъ два года послѣ своего зачатія въ 1862 году и почти немедленно вставшій на ноги и пошедшій по всей Россіи, захватывая все большее и большее пространство—происходитъ отъ высшей степени благородныхъ родителей, горячо любившихъ родину и свой народъ, жаждавшихъ водворенія истиннаго правосудія и всѣми силами ума и сердца старавшихся осуществить великодушныя намѣренія своего Монарха. Юбиляру было передано, въ качествѣ родового и наслѣдственнаго, *имущество*, которое казалось

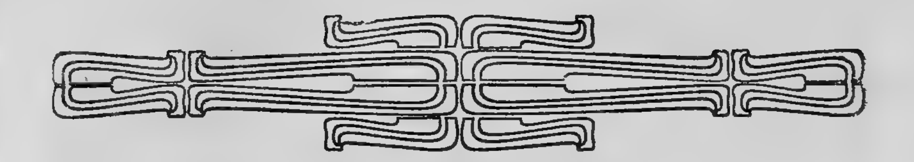
въ главныхъ своихъ частяхъ недвижимымъ; однако, нѣкоторая и притомъ немалая его часть подверглась неожиданному отчужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ юбиляру было неоднократно присвоено имущество благопріобрѣтенное (хотя бы, напримѣръ, въ видѣ учрежденія частныхъ повѣренныхъ), въ которомъ слово *благо* подлежитъ большому сомнѣнію. И *прохожденіе имъ службы* было довольно тяжелое: внося съ собой повсюду начало равенства передъ судомъ, творимымъ по совѣсти и убѣжденію, при чемъ строгое слово закона не заглушало голоса милосердія, юбиляръ не разъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе. Его многолѣтнія обширныя заслуги по водворенію правосудія ставились въ ничто предъ отдѣльными и случайными, свойственными всякому дѣлу рукъ человѣческихъ, ошибками и неудачами. Поэтому *наградъ* и *поощреній* до самаго послѣдняго времени онъ не получалъ. Въ *походахъ* и довольно дальнихъ онъ былъ и выбить его изъ занятыхъ имъ позицій не удавалось, хотя въ сраженіяхъ съ непріятелемъ ему нанесено не мало ранъ и даже увѣчій, тѣмъ болѣе тяжелыхъ, что бывали случаи, когда наносить послѣднія покушались и тѣ, кому надлежало бы его охранять и защищать. Въ *отставкѣ* онъ не былъ; это представлялось труднымъ въ виду полной невозможности замѣнить его предшественникомъ, постепенно доживавшимъ свой безславный вѣкъ. Но въ *отпуску* онъ былъ и при томъ безсрочномъ — съ 1876 года, т.-е. въ то время, когда Судебные Уставы безъ всякаго основанія были втиснуты въ Сводъ Законовъ, разбиты на отдѣльные куски и очутились среди статей чуждыхъ имъ по языку и духу, въ непосредственномъ сосѣдствѣ со словами, которыя, согласно французскому выраженію,—„Hurlent de se trouver ensemble“,—покуда изъ этого отпуска юбиляръ не явился въ 1884 году, украшенный именемъ своего вѣнценоснаго виновника. И *брачная* графа его формуляра представляется довольно странной: по замыслу родителей ему предстояло безбрачіе и одинокая, хотя и достойная жизнь, но безъ всякаго съ его стороны почина у него оказались внѣбрачныя дѣти отъ администраціи. Нынѣ онъ отказывается ихъ усыновить послѣдующимъ бракомъ и снова при помощи *положенія о мѣстномъ судѣ* возвращается къ своему прежнему одинокому состоянію.

Переносясь мыслью въ далекое уже прошлое, я припоминаю не только любопытство, но и своего рода волненіе, съ которыми были встрѣчены въ своей строго оффиціальной внѣшности Судебные Уставы. То, что носилось въ воздухѣ, какъ общія поло-

женія, подлежавшія еще переработкѣ и, быть можетъ, существенному измѣненію, облекалось въ этой книгѣ въ плоть и кровь;—зародышъ обращался въ цѣльный организмъ;—контуры переходили въ законченную и цѣльную картину, подробности которой были твердо начертаны смѣлой и знающей рукой. И мнѣ лично пришлось испытать и пережить эти чувства. Въ 1864 году въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ проф. Лешкова, было открыто при университетѣ Юридическое Общество, засѣданія котораго — довольно безцвѣтныя первое время — усердно посѣщались нами, студентами IV курса. Во время засѣданія, происходившаго въ началѣ декабря, въ одной изъ пустынныхъ комнатъ стараго зданія университета, мой товарищъ по курсу Крымской, человѣкъ мрачнаго вида и добрѣйшей души, перебивавшійся уроками и умершій тотчасъ же по выходѣ изъ университета, вручилъ мнѣ какую-то книгу, тщательно завернутую, и таинственно сказалъ: „Это для васъ. Посмотрите дома! Примите въ добрый часъ“... Эта книга была только-что обнародованные Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года... и *часъ*, дѣйствительно, оказался *добрымъ*. Я свято берегу ее до сихъ поръ. По ней я учился, ее имѣлъ привычку держать для опоры въ рукахъ, вставая говорить судебныя рѣчи и оберъ-прокурорскія заключенія въ Сенатѣ; передо мной лежала она во время предсѣдательствованія на судѣ. Съ нею связаны у меня живыя воспоминанія о всемъ пережитомъ въ силу и вслѣдствіе ея содержанія. И вотъ ея существованію наступило пятьдесятъ лѣтъ. Съ любовью и уваженіемъ смотрю я на нее, и въ памяти моей вереницей проходятъ годы, когда ея возвышенныя начала являлись для меня и для моихъ сверстниковъ по юридическому образованію своего рода *руководящимъ напутствіемъ*,—годы, въ которые мы имѣли незабываемое счастье участвовать во введеніи судебной реформы въ постепенно открываемыхъ округахъ (я лично — въ Петроградскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ) и старались примѣнить къ окружающей средѣ завѣты составителей этой книги. Она была предметомъ нашихъ тревогъ, опасеній и огорченій, когда ей начали грозить искаженія и „исправленія“ и на ней появлялись наросты, чуждые ея духу. И нынѣ ея пожелтѣлыя страницы краснорѣчиво говорятъ мнѣ о томъ довѣріи къ духовнымъ силамъ русскаго народа, которымъ была проникнута работа творцовъ Судебныхъ Уставовъ и первыхъ дѣятелей судебной реформы. Мое практическое служеніе этой книгѣ окончилось восемь лѣтъ назадъ, смѣнившись законода-

тельнымъ трудомъ, при которомъ не разъ приходилось и, вѣроятно, придется говорить объ основаніяхъ уголовнаго правосудія, заложенныхъ въ ней и закрѣпленныхъ на моихъ глазахъ почти полувѣковымъ личнымъ опытомъ. На новыхъ и молодыхъ дѣятеляхъ лежитъ задача дальнѣйшаго практическаго примѣненія этихъ Уставовъ къ жизни. Хотѣлось бы сказать имъ съ поэтомъ: „Здравствуй, племя, младое, незнакомое!“ и, вспоминая стараго товарища, мысленно вручить имъ дорогую мнѣ книгу со словами: „въ добрый часъ“.

А. Ѳ. Кони.



Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Императоръ Александръ III и Вильгельмъ II.

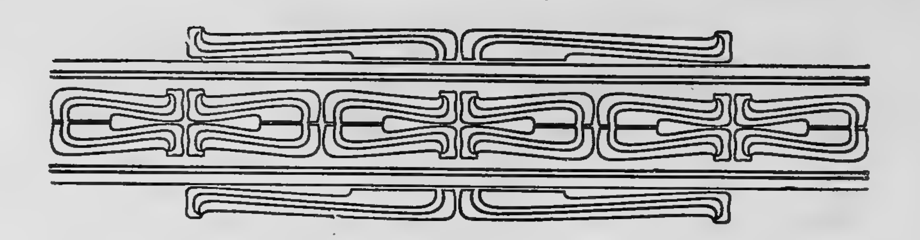
Во время пребыванія императора Вильгельма II въ Россіи въ 1890 году, на нарвскихъ маневрахъ, германской императоръ былъ необычайно внимателенъ и почтителенъ къ Императору Александру III, и очень надоѣдалъ нашему Государю своими любезностями. Въ одинъ день, когда германскій императоръ былъ до приторности любезенъ,—Императоръ Александръ III обратился къ Великому Князю Владиміру Александровичу и сказалъ ему: „Послѣ завтрака возьми Вильгельма на свое попеченіе,—я его перевариваю только до обѣда“.

Императоръ Александръ III и кн. Бисмаркъ.

Когда состоялось представленіе кн. Бисмарка Императору Александру III, то государственный канцлеръ Германской имперіи, проходя мимо германскихъ придворныхъ чиновъ и поднявъ гордо свою голову, произнесъ знаменательныя слова: „Кажется, я произвелъ на русскаго Императора самое благопріятное впечатлѣніе“.

Много лѣтъ спустя послѣ этого свиданія—Императоръ Александръ III въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ приближенныхъ сказалъ: „князь Бисмаркъ при свиданіи произвелъ на меня самое отвратительное впечатлѣніе“.

П. Вороновъ.



Путешествіе графа Н. П. Игнатьева изъ Константинополя въ Петербургъ послѣ константинопольской конференціи.

Въ самый день моего отъѣзда изъ Константинополя, за нѣсколько часовъ до моего отплытія на „Эрикликѣ" врачъ султана явился ко мнѣ съ предложеніемъ устроить мнѣ аудіенцію у Абдулъ-Гамида, который готовъ былъ принять меня немедленно, ежели бы я выразилъ на это желаніе. Врачъ попытался объяснить отказъ султана принять всѣхъ уполномоченныхъ по недомоганіямъ и флюсамъ, который теперь прошелъ. Я сослался на невозможность отложить свой отъѣздъ и не согласился на сдѣланное мнѣ предложеніе потому, что рѣшеніе уѣхать изъ Константинополя было принято представителями державъ *совмѣстно* и если бы представитель Россіи былъ принятъ султаномъ передъ отъѣздомъ одинъ, то отказъ султана принять всѣхъ представителей былъ бы, конечно, приписанъ моимъ интригамъ по отношенію къ *моимъ коллегамъ*.

Старшій сынъ австро-венгерскаго посланника, бывшій венгерскій министръ гр. Іосифъ Зичи, находившійся во время конференціи въ Константинополѣ, держалъ себя такъ странно, что его поведеніе могло поддержать въ туркахъ надежду, что имъ удастся поселить рознь между державами. Такъ, напр., онъ появился на улицахъ Стамбула и на балу, данномъ муниципалитетомъ, вмѣстѣ съ венгерскими студентами, пріѣхавшими изъ Будапешта съ почетной саблей, которая была поднесена Абдулъ-Кериму; очевидно, онъ хотѣлъ этимъ подчеркнуть солидарность, существовавшую между софтами и „мадьярами". Приглашенный султаномъ на обѣдъ, онъ произнесъ рѣчь въ честь Оттоманской

конституціи и братства, существующаго между турками и мадьярами.

Шодорди, французскій уполномоченный, оставшійся въ Константинополѣ послѣднимъ въ ожиданіи парохода, шедшаго въ Варну, видѣлъ передъ отъѣздомъ Мидхада; по его словамъ, султанъ былъ въ угнетенномъ состояніи духа и былъ готовъ исполнить приблизительно всѣ требованія, предъявленныя Портѣ конференціей, за исключеніемъ учрежденія международныхъ контрольныхъ комиссій; онъ утверждалъ, что только мусульманское общественное мнѣніе (которое онъ самъ всячески возбуждалъ до послѣдней степени въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ) помѣшало ему дѣйствовать иначе. Онъ высказалъ желаніе—очевидно, съ цѣлью снискать благожелательство западныхъ державъ — обратиться къ Европѣ съ просьбой прислать ему ученыхъ и спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ управленія, чтобы положить начало эпохѣ дѣйствительныхъ реформъ.

Между тѣмъ, въ рѣчи, произнесенной великимъ визиремъ въ Большомъ Совѣтѣ, на который хотѣли возложить часть отвѣтственности министровъ за ихъ отказъ подчиниться ультимативнымъ требованіямъ уполномоченныхъ, Мидхадъ рисовалъ совершенно иныя перспективы, не имѣвшія ничего общаго съ обѣщаніемъ принять предложенія Европы. Излагая положеніе дѣлъ, онъ выводилъ заключеніе, что отъ Европы ждать болѣе нечего и что „всякій мусульманинъ долженъ вооружиться на защиту своей родинѣ".

Порта просила у Англіи нравственной поддержки, аванса въ 500.000 ф. ст. или содѣйствія къ заключенію займа въ Лондонѣ. Мидхадъ намекалъ на то, что Англія отказала въ займѣ, но выразила желаніе, чтобы „была провозглашена конституція и чтобы власть султана была ограничена".

Нашъ посланникъ въ Римѣ, баронъ Икскуль, въ своемъ донесеніи отъ 23 января (4 февраля) за № 3, передаетъ свой разговоръ съ маркизомъ Салисбюри передъ его проѣздомъ изъ Константинополя въ Англію.

„Лордъ Салисбюри не заблуждается на счетъ внутренняго положенія Турціи. Онъ полагаетъ, что турецкая имперія находится въ совершенномъ упадкѣ и что она вскорѣ распадется. Анархія достигла послѣднихъ предѣловъ. Мидхадъ-паша и его друзья, подстрекая народъ къ революціи и возбуждая умы, создали такое положеніе вещей, которое Порта не въ состояніи измѣнить. Онъ признаетъ, что коллективное выступленіе Европы не удалось. Тѣмъ не менѣе работы конференціи не прошли

безплодно и хотя державы не смогли примирить на совѣщаніи всѣхъ разногласій въ области политики и личныхъ интересовъ, но онѣ нашли почву, на которой установилось соглашеніе. *Было разсѣяно много недоразумѣній и побѣждено взаимное недовѣріе.* Была признана необходимость ввести въ Турціи реформы. Была выработана программа, которая останется быть можетъ связующимъ звеномъ между державами и послужитъ основой для новыхъ переговоровъ.

„Онъ сожалѣетъ объ упрямствѣ Порты, которая, будучи предоставлена самой себѣ, никогда не будетъ въ состояніи ни провести обѣщанныхъ реформъ, ни довести до благополучнаго конца переговоры, начатые ею съ Сербіей и Черногоріей. Вотъ въ чемъ заключается опасность. При подобномъ положеніи вещей Турція, какъ опасается маркизъ Салисбюри, едва-ли избѣгнетъ опасности иностраннаго вмѣшательства. Онъ надѣется однако, что ежели дѣло дойдетъ до этого, то ни одна европейская держава не захочетъ принести особыхъ жертвъ и затянуть настоящій кризисъ, поддержавъ монархію, которой суждено рано или поздно погибнуть. Однако, разнородные интересы державъ на берегахъ Босфора и Дуная внушаютъ не мало заботъ великобританскому министру. Онъ задается также вопросомъ, какая судьба ожидаетъ многочисленныя христіанскія народности, находящіяся подъ владычествомъ Турціи, въ случаѣ ежели турецкая имперія распадется. По его мнѣнію, кабинеты великихъ державъ теперь же должны были бы заняться этими важными вопросами.

„Россія сдѣлала всѣ уступки, которыя были совмѣстимы съ ея достоинствомъ [1]). Она не ищетъ войны, она не хочетъ быть изолированной отъ Европы, но она хочетъ обезпечить осуществленіе реформъ, признанныхъ конференціей необходимыми. Если бы европейскій концертъ разстроился, Россія, вѣроятно, нашла бы для себя болѣе выгоднымъ немедленно прекратить это положеніе вещей, нежели допустить возможность повторенія періодическихъ потрясеній, которыя наносятъ ущербъ ея торговлѣ и парализуетъ ея силы [2]).

„Онъ полагаетъ, что между Петербургскимъ и Вѣнскимъ кабинетами установится по этому поводу окончательное согла-

---

[1]) Величайшая побѣда русскаго представителя на конференціи состояла именно въ томъ, что англійскій посланникъ признался въ этомъ иностранному кабинету.

[2]) Изъ этого видно, что мнѣ удалось настроить своихъ коллегъ такъ, какъ я хотѣлъ, и заставить ихъ принять русскую точку зрѣнія.

сіе. Ежели русская армія перейдетъ Дунай, то австро-венгерскія войска займутъ Боснію. Онъ *убѣжденъ* въ томъ, что кабинетъ нашего августѣйшаго монарха *дѣйствуетъ вполнѣ безкорыстно* и *не стремится ни къ какому территоріальному пріобрѣтенію* на Балканахъ; но австро-венгерскій кабинетъ требуетъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Онъ *опасается* этой возможности, которая, нарушивъ европейское равновѣсіе, можетъ *повлечь за собою* цѣлый рядъ требованій и вызвать опасныя столкновенія, коихъ исходъ нѣтъ возможности предвидѣть.

„Гр. Торніели и министръ иностранныхъ дѣлъ убѣждены, повидимому, въ томъ, что маркизъ Салисбюри говоритъ *вполнѣ искренно* и что онъ твердо рѣшилъ настаивать на своемъ мнѣніи и не дѣлать никакихъ уступокъ лорду Биконсфильду".

Съ точки зрѣнія дипломатической эта депеша свидѣтельствовала о полномъ успѣхѣ, достигнутомъ мною на конференціи; Императорскому кабинету оставалось только использовать его и пожать плоды, а онъ сдѣлалъ наоборотъ все возможное, чтобы парализовать результаты этого успѣха.

Желая достигнуть всеобщаго успѣха и изолировать на конференціи Турцію, я старался узнать взгляды моихъ коллегъ и избѣгалъ ставить открыто и опредѣленно вопросъ о военной оккупаціи Болгаріи русскими войсками, давая въ то же время ясно понять во время преній, что, по моему убѣжденію, дѣятельное вмѣшательство со стороны Россіи было единственнымъ практическимъ средствомъ заставить турокъ исполнить предъявленныя имъ требованія. Мы же какъ будто ставили эту мѣру въ зависимости отъ рѣшенія державъ, которыя въ противномъ случаѣ должны были бы однѣ нести отвѣтственность за всѣ бѣдствія христіанскаго населенія и за могущую произойти рѣзню. Я согласился на предложенный Италіей компромиссъ— пригласить бельгійскую и швейцарскую жандармерію только потому, что, по моему убѣжденію, это былъ самый вѣрный, хотя нѣсколько окольный путь, чтобы привести русскія войска въ Болгарію, при рукоплесканіяхъ Европы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ только было бы приступлено къ осуществленію реформъ, намѣченныхъ конференціей, какъ только европейская контрольная комиссія вступила бы въ исполненіе своихъ обязанностей, опираясь на поддержку 5 или 6 тысячнаго отряда бельгійскаго войска, возбужденіе мусульманъ достигло бы крайнихъ предѣловъ: они поняли бы, что настал последній часъ ихъ владычества въ Болгаріи, и, конечно, сдѣлали бы послѣднее усиліе, чтобы удержать его въ своихъ ру-

кахъ. При первомъ же избіеніи европейскихъ жандармовъ или христіанскаго населенія, которое эта жандармерія *не въ состояніи была бы защитить* отъ нападенія мусульманъ, мы вступили бы, вѣроятно, одновременно съ румынскими войсками въ Болгарію, чтобы поддержать вооруженной силой *авторитетъ Европы* и заставить уважать его.

Мнѣ удалось достигнуть единодушія представителей и заставить ихъ добиваться намѣченной мною цѣли, поставивъ передъ ними слѣдующую дилемму: принимая во вниманіе, что англійскія требованія представляютъ, съ точки зрѣнія Россіи, minimum, отъ котораго ничего нельзя было убавить и на который мы согласились только изъ уваженія къ Англіи и изъ желанія установить между кабинетами полное согласіе, то ежели оно не будутъ прочно обезпечено въ глазахъ турокъ, Россія сочтетъ себя въ правѣ приступить къ выполненію свой собственной программы, гораздо болѣе полной и радикальной, нежели программа европейскихъ державъ".

Изъ Константинополя я отправился въ Аѳины, чтобы не дать пищи зависти, которую старались возбудить въ Греціи противъ славянъ вообще и болгаръ въ частности; мнѣ хотѣлось изучить мѣстную почву и удостовѣриться въ настроеніи партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось провѣрить справедливость слуха, циркулировавшаго въ Константинополѣ, будто на случай войны между Россіей и Турціей и между Австро-Венгріей и Греціей было заключено политическое и даже военное соглашеніе.

Пробывъ нѣсколько дней въ Аѳинахъ, я видѣлся за это время со многими лицами, въ особенности изъ окрестныхъ жителей и пріѣхавшихъ изъ сосѣднихъ провинцій, и былъ пораженъ тѣмъ, что населеніе, въ разстояніи 40 километровъ отъ Аѳинъ, уже не говоритъ по-гречески, а по-албански и что въ греческой столицѣ проживаетъ много болгаръ. Эти болгары, равно какъ и депутаціи отъ ѳессалійцевъ, эпиротъ и критянъ, явились ко мнѣ въ отель, чтобы привѣтствовать меня и поднести мнѣ благодарственные адресы за прошлое и выразить свое желаніе добиться независимости. Всякій разъ, какъ мы съ женою выѣзжали въ экипажѣ, у воротъ дома насъ ожидала толпа народа. Однажды въ этой толпѣ я замѣтилъ между прочимъ герцога Эдинбургскаго и князя Баттенбергскаго (того, который служилъ въ англійскомъ флотѣ).

Эти постоянныя манифестаціи въ честь русскаго представителя въ Константинополѣ вызвали неудовольствіе англійской

партіи и привели въ бѣшенство Делигеоргиса, желавшаго внушить всѣмъ и каждому, что никто не сочувствовалъ русской политикѣ и что онъ одинъ давалъ тонъ въ духѣ англійской партіи и силлогосовъ, относившихся въ высшей степени враждебно ко всему славянству. Въ городѣ и въ особенности среди македонскихъ силлогосовъ—членовъ самаго воинствующаго изъ греческихъ политико-литературныхъ обществъ въ Аѳинахъ, распустили слухъ, будто македонскіе болгары, на глазахъ у грековъ, явились ко мнѣ, въ самыя Аѳины съ требованіемъ присоединить ихъ родину къ Болгаріи и „получили отъ русскаго посланника удовлетворительный отвѣтъ“. На собраніи силлогосовъ было рѣшено устроить немедленно, въ тотъ же вечеръ, контръ-манифестацію въ видѣ протеста противъ демонстраціи славянъ, чтобы засвидѣтельствовать о живучести греческаго элемента въ Македоніи. Отчетъ объ этой контръ-манифестаціи, напечатанный впослѣдствіи ad usum delphini въ Аѳинскихъ и Вѣнскихъ газетахъ, грѣшитъ противъ истины.

На самомъ дѣлѣ, нѣсколько сотъ лицъ, навербованныхъ партіей Делигеоргиса, собравшись передъ домомъ, гдѣ помѣщалось общество силлогосъ рядомъ съ садомъ Великобританскаго посольства, продефилировали по улицамъ, остановились передъ моимъ отелемъ, гдѣ меня не было въ моментъ манифестаціи, съ криками: „Да здравствуетъ король Георгъ! да здравствуетъ Македонія! да здравствуетъ Греція“! и т. д. Покричавъ передъ отелемъ, толпа манифестантовъ направилась ко дворцу, гдѣ я обѣдалъ въ то время вмѣстѣ съ женою. Прокричавъ то же самое подъ окнами дворца, македонскіе силлогосы, сопровождаемые довольно большою толпою любопытныхъ, пошли къ дому перваго министра Комундуроса. Въ концѣ концовъ полицейскому префекту удалось успокоить ихъ и они самымъ мирнымъ образомъ возвратились во дворъ дома, занимаемаго обществомъ силлогосъ. Во время этого шествія не раздалось ни одного непріязненнаго возгласа по адресу „русскаго посланника“ или непосредственно противъ славянъ.

Король Георгъ говорилъ мнѣ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на распространяемые слухи, будто греки относятся враждебно къ Россіи. Въ рѣшительный моментъ исчезнутъ интриги и зависть, существующая по отношенію къ болгарамъ: тогда врагъ и интересы станутъ общими.

Королю было извѣстно о происшедшихъ манифестаціяхъ и о моихъ разговорахъ съ лидерами партій. Онъ одобрилъ все мною сказанное; онъ серьезно думалъ готовиться къ войнѣ и

хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы увеличить территорію Греціи. Онъ понималъ, что турецкая конституція, если бы она оказалась удачной, была бы опасна для Греціи и для надеждъ христіанскихъ народностей. Онъ доволенъ Комундуросомъ и говоритъ, что Делигеоргисъ смѣется надъ увлеченіемъ короля торпедами для защиты греческихъ береговъ. Король сознался, что онъ болѣе всего уважаетъ Трикуписа, какъ честнаго человѣка.

Русскій посланникъ Сабуровъ, провожавшій меня до Коринѳа, утверждалъ, что „посѣщеніе Аѳинъ будетъ очень полезно для русской политики; оно пробудитъ эллиновъ и оживитъ ихъ симпатіи къ намъ; манифестація македонскихъ силлогосовъ имѣла по его словамъ цѣлью низвергнуть Комундуроса, но она безусловно не удалась; грековъ по его мнѣнію легко будетъ увлечь въ борьбу; онъ говоритъ, что я знаю въ Аѳинахъ гораздо больше политическихъ дѣятелей и даже чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, нежели онъ“.

Бесѣдуя съ лидерами партій, я убѣдился въ томъ, что Комундуросъ не располагалъ опредѣленнымъ большинствомъ и не сегодня завтра могъ пасть. Делигеоргисъ былъ проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства, былъ лживъ, расположенъ къ Англіи и очень враждебно настроенъ къ славянамъ. Онъ не хотѣлъ добиваться отставки Комундуроса, такъ какъ, располагая въ палатѣ всего 18 голосами, не расчитывалъ удержаться во главѣ правительства. Кромѣ того, онъ полагалъ, что международное положеніе послѣ конференціи не благопріятствовало осуществленію греческихъ надеждъ; онъ хотѣлъ выждать окончанія кризиса, чтобы осыпать Комундуроса упреками за то, что онъ ничего не достигъ и ничего не сдѣлалъ для блага Греціи. Онъ боялся, что, достигнувъ преждевременно власти, ему пришлось бы взять на себя отвѣтственность за то, что мечты грековъ рушились, тѣмъ болѣе, что противники не преминули бы обвинить его въ томъ, что „онъ раздражилъ Россію, которая относится къ нему несочувственно за его нетактичность и сдѣлала бы для Греціи гораздо больше, ежели бы у власти остался Комундуросъ“.

Заимисъ, старый другъ Комундуроса, преслѣдовалъ только личныя цѣли и былъ недоволенъ тѣмъ, что первый министръ не уступалъ ему своего портфеля. Забывъ все прошлое, онъ предложилъ недавно свои услуги Делигеоргису. Заимисъ далъ понять, что онъ завидуетъ Комундуросу, и замѣтилъ въ разговорахъ со мною, что въ древности аѳиняне управлялись архон-

тами, избираемыми ежегодно. Онъ объясняетъ этимъ, почему населеніе Аѳинъ привыкло традиціонно къ частой смѣнѣ правительства и это сдѣлалось для него даже необходимостью.

Трикуписъ произвелъ на меня очень благопріятное впечатлѣніе. Онъ сказалъ мнѣ, что хотя онъ и принадлежитъ къ крайней лѣвой, тѣмъ не менѣе онъ поддержитъ Комундуроса всякій разъ, когда онъ замѣтитъ, что палата своимъ голосованіемъ хочетъ добиться его отставки, такъ какъ по его мнѣнію Комундуросъ гораздо болѣе горячій патріотъ, нежели многіе лидеры партій.

Лидеры партій дали мнѣ понять, что если послѣ всѣхъ оффиціальныхъ заявленій, сдѣланныхъ Россіей (циркулярныя ноты канцлера и рѣчи, произнесенныя Императоромъ въ Москвѣ), не будетъ объявлено войны, или если Турція не согласится на учрежденіе въ провинціяхъ населенныхъ, христіанами, автономной національной администраціи, то нашъ престижъ упадетъ.

Сэръ Г. Эллiотъ (пріѣхавшій въ Константинополь наканунѣ) сказалъ королю и всѣмъ грекамъ, обращавшимся къ нему, равно какъ и принцу Альфреду, что Турціи предстоитъ прекрасное будущее, что христіане широко воспользуются равенствомъ и свободами, пріобрѣтенными ими послѣ обнародованія турецкой конституціи, что послѣ смерти Абдулъ-Азиса положеніе въ корнѣ измѣнилось и между мусульманскими и христіанскими подданными Турціи установилось полнѣйшее братство. Видно было, что великобританскій посланникъ старался внушить этотъ взглядъ и принималъ химеры Мидхада за дѣйствительность.

Эллiотъ признался Ѳотіодесу, турецкому посланнику въ Аѳинахъ, — съ которымъ онъ бывалъ иногда очень откровененъ, не подозрѣвая, что тотъ, какъ другъ Махмуда, поддерживалъ со мною самыя дружескія отношенія, — что онъ готовитъ къ своему возвращенію въ Англію записку, которая вполнѣ оправдаетъ его поведеніе въ глазахъ Торійскаго кабинета и обезпечитъ ему поддержку Биконсфильда и лорда Дерби; поэтому онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ вернется въ іюлѣ мѣсяцѣ на свой постъ въ Константинополь. Эллiотъ говорилъ также Ѳотіодесу, что у Россіи нѣтъ болѣе предлога воевать съ Турціей, такъ какъ Мидхадъ рѣшилъ выполнить всю программу конференціи, за исключеніемъ учрежденія европейскихъ контрольныхъ комиссій, которыя Эллiотъ не одобрялъ.

Маркизъ Салисбюри, защищая меня въ Аѳинахъ, сказалъ, однако, греческому королю, что „поведеніе русскаго посланника и все, что онъ говоритъ, до того отлично отъ того, что знали въ Англіи изъ донесеній англійскихъ агентовъ при различныхъ дворахъ и изъ газетныхъ сообщеній“, что для него это являлось загадкой и что во время его переговоровъ со мною и негоціацій съ Турціей въ его умѣ не разъ возникали сомнѣнія; но въ концѣ концовъ „очевидность и вполнѣ опредѣленное, ясное, открытое, лояльное, послѣдовательное, умѣренное и твердое поведеніе представителя Россіи разсѣяли всѣ эти сомнѣнія“. Онъ сознался, что прошлое Шувалова и его извѣстное легкомысліе не внушали ему довѣрія и что въ Англіи „желали назначенія посланникомъ въ Лондонъ генерала Игнатьева, въ увѣренности, что, обладая непререкаемымъ авторитетомъ въ дѣлахъ Востока, онъ примиритъ дѣйствительные интересы Россіи и Англіи“.

Лично, маркизъ Салисбюри желалъ дѣйствовать въ Константинополѣ въ полномъ согласіи съ Россіей, но онъ не думалъ, чтобы европейскіе кабинеты захотѣли принять на свой счетъ „пощечину“, данную имъ Портой.

Секретарь Салисбюри, г. Кюрри, говорилъ Сабурову, что было пущено въ ходъ не мало интригъ, чтобы „поссорить великобританскаго посла съ русскимъ уполномоченнымъ, вызвать подозрѣнія и возбудить зависть; маркизу Салисбюри говорили со всѣхъ сторонъ, что я „его провелъ“ и турки (Мидхадъ и Эдхемъ) даже въ послѣднюю минуту распустили слухъ, будто я замышляю безъ вѣдома конференціи заключить тайное соглашеніе непосредственно съ самой Портою“. Эдхемъ-паша, искажая то, что произошло на послѣднемъ засѣданіи конференціи, говорилъ, будто я предлагалъ ему пріѣхать въ Петербургъ въ качествѣ уполномоченнаго, чтобы вести переговоры непосредственно съ Императорскимъ кабинетомъ, но не упомянулъ о томъ, что онъ самъ предложилъ мнѣ вопросъ: *„что остается дѣлать Портѣ послѣ закрытія конференціи, чтобы избѣжать войны съ Россіей“?*

Изъ всѣхъ этихъ изліяній и дружескихъ сообщеній англійскихъ агентовъ вытекало, что въ ноябрѣ можно было еще опасаться войны съ Англіей, между тѣмъ какъ въ январѣ, послѣ закрытія конференціи, Великобританскій кабинетъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода ссориться съ нами. Несмотря на увѣренія и циркуляры канцлера, несмотря на заискиванія нашего посла, въ Лондонѣ не вѣрили ни въ безкорыстіе, ни

въ честность политики Императорскаго кабинета (несмотря на двадцатилѣтнюю миролюбивую политику министерства князя Горчакова).

Достаточно было переговоровъ, происходившихъ между Салисбюри и мною, и Константинопольской конференціи, чтобы измѣнить взгляды торійскаго кабинета, но кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ не только не старались всячески использовать достигнутый мною моральный успѣхъ въ пользу Россіи, а скорѣе хотѣли свести его на нѣтъ и уничтожить всѣ его слѣды, съ цѣлью повредить лично мнѣ и помѣшать моему назначенію на постъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Я избѣгалъ частныхъ бесѣдъ съ лидерами разныхъ партій изъ палаты общинъ, зная, что каждое мое слово будетъ перетолковано, какъ имъ заблагоразсудится; я ограничился тѣмъ что отдалъ визиты всѣмъ посламъ; съ парламентскими же лидерами я встрѣтился ad hoc на вечерѣ у русскаго посла, желая, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ моего обмѣна мыслей съ лидерами оппозиціи. Мы бесѣдовали всѣ вмѣстѣ на политическія темы; затѣмъ я говорилъ отдѣльно съ Заимисомъ, Делигеоргисомъ и Трикуписомъ.

Въ отвѣтъ на обвиненіе, формулированное послѣдними, что Россія забываетъ о грекахъ и пренебрегаетъ ими, я отвѣтилъ лидерамъ партій вполнѣ откровенно и безо всякихъ увертокъ, что въ Аѳинахъ слѣдуетъ установить прочное правительство, съ которымъ можно было бы считаться и которое слѣдовало поддержать. Россія, говорилъ я, не можетъ создавать вопросы искусственно, по своему усмотрѣнію; достаточно регулировать и направлять ихъ по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ сами собою; а для того, чтобы сговориться, какъ мы того хотѣли, съ Греціей, намъ необходимо было знать, съ кѣмъ намъ придется вести переговоры, не опасаясь постоянно внезапныхъ перемѣнъ министерства и политики; греки повидимому интересуются преимущественно Македоніей и Ѳракіей, двумя провинціями, гдѣ живетъ безспорно больше всего славянъ, смѣшавшихся съ греками и мусульманами, между тѣмъ они не сдѣлали еще ни одного серьезнаго шага къ тому, чтобы присоединить къ Греціи Эпиръ, Ѳессалію и острова, которые славяне вовсе не оспариваютъ у нихъ, греки побудили болгаръ отпасть отъ православія, чего мы всегда старались избѣжать; имъ приходится теперь признать, что они вступили изъ ненависти къ славянству на ложный путь и что въ провинціяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ схизма оказалась болѣе пагубной для греческаго насе-

ленія, нежели для болгаръ; въ настоящее время греки могутъ помочь бѣдѣ не иначе, какъ возстановивъ дружескія отношенія съ болгарами; такъ, они могли бы воспользоваться системой кантональной автономіи, которую совѣтовала провести конференція, чтобы вернуть утраченное вліяніе и стать во главѣ населенія, добившись избранія грековъ на административныя и судебныя должности.

Лидеры всѣхъ партій говорили мнѣ, что они встревожены предпочтеніемъ, которое Россія оказываетъ послѣднее время болгарамъ, и желали бы, чтобы намъ удалось найти въ Македоніи и Ѳракіи подходящую линію разграниченія между греческимъ и болгарскимъ элементами, и что ежели эта линія будетъ признана въ Аѳинахъ, то вся страна будетъ дѣйствовать заодно со славянами и возстанетъ противъ турокъ при первомъ знакѣ со стороны Россіи. Я пришелъ въ концѣ концовъ къ убѣжденію, какъ я и заявилъ это откровенно Сабурову и Императорскому кабинету, что для успѣха нашей политики слѣдовало, во что бы то ни стало, *безповоротно скомпрометтировать* какимъ бы то ни было образомъ грековъ въ глазахъ англичанъ, ибо если послѣдніе сумѣли бы использовать средства, которыя находились въ ихъ рукахъ на Востокѣ, то они легко могли бы эксплоатировать греческій элементъ и противупоставить его намъ самымъ невыгоднымъ для насъ образомъ.

Мнѣ первому пришлось испытать всѣ непріятности, связанныя съ появленіемъ въ Сербіи русскихъ добровольцевъ съ строевыми офицерами во главѣ, на что я неоднократно жаловался. Это обстоятельство „сильно скомпрометтировало въ глазахъ турокъ и европейцевъ русскаго посланника въ Константинополѣ, который оставался по-прежнему на своемъ посту, какъ будто не имѣя права его покинуть“.

Между тѣмъ я не позволялъ ни одному иностранному дипломату обвинять въ моемъ присутствіи русское правительство въ неискренности. Я возражалъ дипломатамъ, участвовавшимъ въ конференціи, которые доказывали, что появленіе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи было поступкомъ некорректнымъ по отношенію къ Турціи, и доказывалъ, что турки своими поступками относительно насъ давали намъ право отплатить имъ, между тѣмъ поведеніе императорскаго правительства было корректнѣе поведенія оттоманскаго правительства: его нельзя обвинять въ томъ, что оно не сдержало порыва, заставившаго частныхъ лицъ стать въ ряды единовѣрцевъ и бороться съ ними противъ мусульманскаго ига.

Вотъ что я ставилъ въ вину оттоманскому правительству:

1. Отъѣздъ и даже посылка въ Польшу во время возстанія въ 1863 г. офицеровъ изъ бригады, которой командовалъ Садыкъ-паша Чайковскій (полякъ по происхожденію).

2. Посылка оружія, денегъ, офицеровъ и эмиссаровъ на Кавказъ, во время усмиренія нами горцевъ.

3. Посылка трехъ турецкихъ офицеровъ инструкторовъ и политическихъ эмиссаровъ въ Кашгаръ, во время нашихъ осложненій съ Якубъ-беемъ, съ порученіемъ помочь англійскимъ агентамъ и возбудить противъ насъ мусульманъ средней Азіи, проповѣдуя панславизмъ. Я зналъ объ этой миссіи съ самаго начала и объ ней были поставлены въ извѣстность какъ наши власти въ Туркестанѣ, такъ и самая Порта.

4. На Кавказъ и даже на Волгу неоднократно посылались, въ особенности весною 1876 г., софты съ фанатическими прокламаціями, подъ предлогомъ, что всѣ мусульмане безъ различія принадлежатъ къ калифату Константинопольскихъ султановъ, и что султанъ есть папа всѣхъ мусульманъ-суннитовъ.

По возвращеніи моемъ изъ Аѳинъ и Вѣны въ Петербургъ, я увидѣлъ, что Императорскій кабинетъ занялъ по окончаніи конференціи нерѣшительное, безразличное положеніе, несоотвѣтствовавшее нашимъ интересамъ и нашему достоинству. Ничего не предпринимая, не намѣтивъ себѣ ясной и опредѣленной линіи поведенія, чтобы сгруппировать около себя колеблющихся, кн. Горчаковъ выжидалъ, чтобы кто-нибудь вывелъ насъ изъ безвыходнаго положенія, въ которое онъ поставилъ Россію безъ всякой надобности, согласившись несвоевременно на конференцію. Канцлеръ ограничился тѣмъ, что онъ обратился къ кабинетамъ съ безцвѣтнымъ циркуляромъ, съ цѣлью узнать ихъ мнѣніе о томъ, какъ дѣйствовать дальше. Наше войско стояло подъ ружьемъ, мы связали себя рѣчью, произнесенной Императоромъ, и циркулярной нотой канцлера, разосланной въ ноябрѣ 1876 г., мы несли огромные расходы и никому, разумѣется, не было надобности положить конецъ этому ожиданію и вывести насъ изъ положенія, въ которое мы стали добровольно. Оно могло продлиться неопредѣленное время, подрывая наши финансы и наше вліяніе, и привело бы насъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ; оно могло принести пользу только Англіи и въ особенности Турціи, которыя могли бы спокойно подготовиться къ рѣшительной борьбѣ, начавъ ее въ то время, когда мы были бы истощены и утратили бы всѣ дипломатическія преимущества, пріобрѣтенныя нами на конференціи.

Въ это время мною было высказано мнѣніе, которое можно формулировать вкратцѣ такъ:

Коль скоро нами была сдѣлана ошибка несвоевременной мобилизаціи, мы не могли демонстрировать армію, не достигнувъ какихъ-либо осязательныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе что:

1. Миръ между Турціей и славянскими княжествами еще не былъ заключенъ; а было заключено только продолжительное перемиріе до весны.

2. Турки, возбужденные нашими врагами, выведенные изъ своего оцѣпенѣнія нашей мобилизаціей, успѣли съ октября мѣсяца закупить боевые запасы и подготовиться къ войнѣ; они могли рѣшиться на безумный шагъ и атаковать насъ на Кавказѣ.

3. Турція стала уже не та, какою она была въ прошломъ году, это уже не Турція Абдулъ-Азиса и Махмуда; въ Константинополѣ анархія, въ провинціяхъ нѣтъ никакой безопасности; слѣдовательно, надобно готовиться ко всякой неожиданности. Мы связаны нравственно по отношенію къ христіанамъ, обѣщавъ поддержать и спасти ихъ, матеріально же мы связаны съ Сербіей изъ-за нашихъ добровольцевъ.

4. Мы не получили ни малѣйшей гарантіи относительно того, что подобный же кризисъ и избіеніе христіанъ не повторятся вновь.

Коль скоро нами были произведены крупныя затраты и вся Россія была взволнована, слѣдовало, до принятія окончательнаго рѣшенія, тщательно взвѣсить, что было лучше: рискнуть вести войну, чтобы добиться извѣстнаго рѣшенія вопроса, или же предоставить Восточному недугу итти своимъ чередомъ и быть можетъ затянуться надолго. Только центральное правительство могло быть достаточно хорошо освѣдомлено, чтобы всесторонне освѣтить положеніе, притти къ опредѣленному заключенію и сдѣлать изъ него извѣстный выводъ.

Надобно было выбрать одинъ изъ трехъ путей:

I. Воспользовавшись окончаніемъ конференціи, Россія могла дѣйствовать совершенно независимо отъ прочихъ кабинетовъ, войти въ непосредственное соглашеніе съ Сербіей, Черногоріей, Греціей, Румыніей, Албаніей, съ болгарами и армянами для совмѣстныхъ дѣйствій въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; предоставить туркамъ нѣкоторое время самимъ выполнять реформы, указанныя конференціей, не особенно заботясь объ нихъ, и вести на этихъ началахъ переговоры прямо съ Портой, потребовавъ, чтобы въ Петербургъ былъ присланъ

чрезвычайный посолъ, ради удовлетворенія нашего національнаго самолюбія и спасенія нашего вліянія на Востокѣ. Чтобы итти неуклонно по этому пути, слѣдовало бы послать меня въ Одессу, откуда мнѣ было бы легче руководить дѣйствіями моихъ агентовъ какъ въ Константинополѣ, такъ и въ провинціяхъ, и вызвать туда турецкаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ можно было бы дойти естественнымъ путемъ до демобилизаціи русской арміи.

II. Выяснить непосредственно и какъ можно скорѣе намѣренія кабинетовъ, вмѣсто того чтобы ожидать, сложа руки, ихъ отвѣта на циркуляръ канцлера. Чтобы какъ можно проще и быстрѣе достигнуть этой цѣли, слѣдовало немедленно войти въ ежедневныя сношенія съ кабинетами и подсказать имъ отвѣтъ, который отъ нихъ ожидали.

Надобно было возможно шире использовать наше соглашеніе съ Англіей (Салисбюри) или вернуть себѣ свободу дѣйствій, на что я намекалъ во время конференціи, на тотъ случай, если въ Лондонѣ не захотѣли бы стать на одну точку зрѣнія съ нами. Если бы мы ничего не предприняли, то нами было бы безвозвратно утрачено драгоцѣнное время и это могло послужить намъ только во вредъ. Было бы желательно, чтобы кабинеты заявили, что они совершенно не вѣрятъ въ осуществленіе реформъ, обѣщанныхъ Портою; но такъ какъ она обѣщала въ настоящее время Англіи, что она ихъ выполнитъ, то турецкому правительству можно было бы дать отсрочку самое большее мѣсяца на два, чтобы посмотрѣть, какъ оно будетъ исполнять свои обѣщанія, подписавъ однако предварительно протоколъ, коимъ кабинеты обязались бы рѣшить сообща, какія именно мѣры слѣдовало принять, дабы въ случаѣ надобности принудить къ этому Порту. Такимъ образомъ ей была бы дана ничтожная отсрочка до 15 апрѣля,—пока военныя дѣйствія на Дунаѣ и въ особенности на Кавказѣ были немыслимы, а съ наступленіемъ мая мѣсяца державы могли бы принять понудительныя мѣры въ видѣ морской демонстраціи въ проливахъ и временной оккупаціи провинцій или же Россія при нравственной поддержкѣ Европы одна объявила бы войну Турціи.

III. Выяснивъ какъ можно поспѣшнѣе намѣренія кабинетовъ, можно было дѣйствовать противъ Турціи втроемъ, какъ это было сдѣлано послѣ свиданій въ Берлинѣ и Рейхштадтѣ. Я не одобрялъ этого частнаго соглашенія трехъ имперій и не предвидѣлъ отъ этого никакой выгоды для Россіи, но, полагая, что на это рѣшились по зрѣломъ обсужденіи, взвѣсивъ все

за и *противъ* и обезпечивъ себя солидными гарантіями, я настаивалъ на томъ, что надобно было использовать это положеніе *до конца* и что *послѣ моральнаго ущерба*, нанесеннаго соглашеніемъ трехъ державъ нашей политикѣ въ Европѣ, слѣдовало искать *компенсацію*, въ тѣхъ выгодахъ, какія можно было изъ него извлечь. Но чтобы идти этимъ путемъ, надобно было дѣйствовать, по моему мнѣнію, не такъ, какъ мы дѣйствовали до сихъ поръ въ Берлинѣ и въ особенности въ Вѣнѣ; а именно, надобно было поставить точки надъ і, надобно было ясно формулировать обязательства и взаимныя гарантіи и заставить нашихъ союзниковъ дѣйствовать открыто, отказавшись отъ общихъ мѣстъ, которыми до сихъ поръ злоупотребляли. Словомъ, по моему мнѣнію, надобно было заручиться содѣйствіемъ Берлина для заключенія денежнаго займа, который далъ бы намъ возможность справиться съ угрожавшими намъ событіями, заручиться гарантіей, что Австро-Венгрія выполнитъ свои обязательства на Востокѣ *въ томъ смыслѣ*, какъ мы ихъ *понимали*, и заручиться обѣщаніемъ, что въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ ни въ какомъ случаѣ ничего не предпримутъ противъ насъ до тѣхъ поръ, пока кризисъ не окончится.

Я замѣтилъ кромѣ того, что 1) заключеніе конвенціи относительно предполагаемаго раздѣла Турціи, о которой мнѣ смутно намекали *послѣ конференціи*, не показавъ мнѣ однако подлиннаго текста соглашенія, заключеннаго съ Андраши до марта мѣсяца 1878 г., могло только скомпрометтировать насъ какъ въ глазахъ Порты и Европы, такъ и въ глазахъ христіанскихъ народностей, ежели обѣ державы не поддержали немедленно своихъ требованій вооруженной силой.

2) Если дѣло дошло бы до окончательнаго разрыва между нами и Турціей и вопросъ не былъ бы улаженъ дипломатическимъ путемъ, то *минимальныхъ* требованій, на которыя конференція согласилась единственно съ цѣлью избѣжать войны и поддержать согласіе между кабинетами, каковые должны были участвовать въ демонстративномъ единовременномъ отъѣздѣ представителей изъ Константинополя, оказалось бы уже *недостаточно*.

Мы уже не были обязаны дѣлать условныхъ уступокъ, мы должны были придерживаться единственно *первыхъ* предложеній, сдѣланныхъ конференціей во всей ихъ совокупности.

Къ сожалѣнію, Императорскій кабинетъ не принялъ твердаго рѣшенія, не представилъ на благовоззрѣніе Императора никакой стройной, логической программы, а предпочелъ жить

со дня на день, продолжалъ держаться системы такъ называемыхъ благоразумныхъ *полумѣръ*, не потрудившись подумать о завтрашнемъ днѣ и использовать обстоятельства въ пользу Россіи, и обсуждалъ эти мѣры исключительно съ точки зрѣнія *личныхъ вопросовъ*, игравшихъ всегда первую роль *въ умѣ князя Горчакова.*

Уѣхавъ изъ Константинополя на „Эрикликѣ“ [1]) и сдѣлавъ остановку въ Аѳинахъ, я проѣхалъ сухимъ путемъ Коринѳскій перешеекъ и сѣлъ снова на „Эриклинъ“ въ Патрасскомъ заливѣ. Сойдя съ парохода въ Бриндизи, я поѣхалъ черезъ Болонью въ Вѣну, гдѣ остановился на сутки, чтобы дать отдохнуть супругѣ, а затѣмъ намѣревался немедленно ѣхать далѣе; но императоръ Францъ-Іосифъ милостиво далъ мнѣ на другой же день аудіенцію и настаивалъ на томъ, чтобы я остался на два дня, до придворнаго бала, гдѣ моя жена была бы представлена императрицѣ.

Я долженъ былъ на это согласиться. Императорскій дворъ и лица высшаго вѣнскаго общества „оказали русскому посланнику въ Константинополѣ и его женѣ самый любезный пріемъ“. Гр. Андраши нѣсколько разъ подолгу бесѣдовалъ со мною довольно откровенно и отнесся ко мнѣ съ видимымъ уваженіемъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что „ему никогда не удавалось сойтись съ русскимъ кабинетомъ въ одномъ весьма существенномъ пунктѣ, а именно, относительно ближайшей цѣли, которую намъ надлежало преслѣдовать По его мнѣнію коль скоро существовало убѣжденіе, что турки были неспособны выполнить необходимыя реформы къ благу христіанъ, было безполезно толкать ихъ на этотъ путь и вообще не слѣдовало *преждевременно* мѣшаться въ это.

Между тѣмъ въ Петербургѣ только и говорили о „реформахъ“.

Гр. Андраши высказалъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что „переговоры о турецкихъ дѣлахъ не велись нами непо-

---

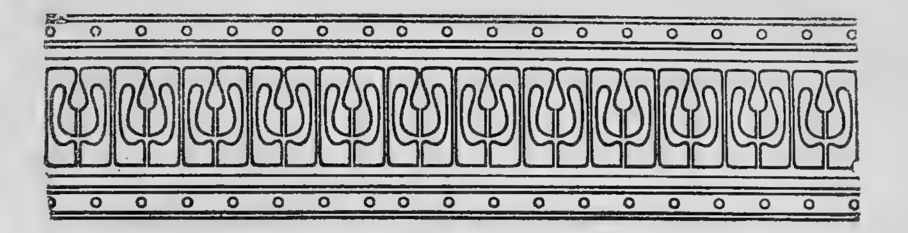
[1]) Хоббартъ-паша пустилъ слухъ, будто яхта, на которой я ѣхалъ съ женою и сыномъ, будетъ пущена ко дну какимъ-нибудь турецкимъ броненосцемъ, который приблизится къ ней случайно или подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и стукнетъ ее какъ бы невзначай, чтобы пустить ее ко дну и отдѣлаться такимъ образомъ отъ человѣка, котораго и турки и западные дипломаты одинаково побаивались. „Эриклинъ“ былъ снабженъ торпедами и командиру яхты было разрѣшено пустить ихъ въ дѣло противъ всякаго военнаго турецкаго судна, которое приблизиться съ враждебными намѣреніями, какъ будто посланника не было на суднѣ. Торпеды держались наготовѣ во время всего пути изъ Константинополя въ Дарданеллы.

средственно. Онъ былъ увѣренъ, что они привели бы безъ всякихъ недоразумѣній къ дѣйствительному соглашенію".

Я телеграфировалъ кн. Горчакову изъ Вѣны, что „у обоихъ (у императора Франца-Іосифа и гр. Андраши) преобладаетъ въ рѣчахъ одна и та же нота, а именно они находятъ, что не слѣдуетъ ничего предпринимать, а надобно предоставить событія, которыя могли дать поводъ къ вмѣшательству, ихъ естественному теченію. Они настаиваютъ на томъ, что достоинство Европы оскорблено и что послѣ конференціи вопросъ пересталъ быть русскимъ, а сталъ европейскимъ. Послѣ трагическихъ событій прошлаго года продолжительное и безконечное выжиданіе конечно легче для западныхъ державъ, нежели для пограничныхъ съ Турціей народовъ. Эта бездѣятельность особенно затруднительна для Россіи, которая, мобилизовавъ часть своей арміи, должна стоять подъ ружьемъ въ то время, какъ безопасность христіанъ ничѣмъ не обезпечена и событія могутъ принять неожиданный оборотъ, тѣмъ болѣе, что роспускъ русскихъ войскъ, сосредоточенныхъ на границѣ, когда державами еще не достигнуто никакихъ результатовъ, непомѣрно увеличилъ бы высокомѣріе и хвастливость турокъ".

Я замѣтилъ также, что паденіе Мидхада, предсказанное мною моимъ коллегамъ и между прочимъ Зичи, который находился въ тотъ моментъ въ Вѣнѣ, смутило мадьяръ и друзей Турціи. Поэтому всѣ дипломаты, коихъ мнѣ довелось видѣть въ Вѣнѣ, признавали, что надобно было во что бы то ни стало поддержать общеевропейское согласіе. Несмотря на всю предупредительность и любезность гр. Андраши, я не дался въ обманъ, я видѣлъ, что австро-венгерскій министръ не былъ искрененъ, что онъ игралъ, въ сущности, въ руку Бисмарка и его политики и пугалъ императора призракомъ Кошута, чтобы быть необходимымъ. Армія была настроена весьма сочувственно къ Россіи, но мы могли достигнуть искренняго соглашенія съ Австро-Венгріей лишь въ томъ случаѣ, ежели бы мѣсто гр. Андраши въ Sraatskanzlei занялъ гр. Альф. Потоцкій или еще лучше ген. Молинари.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.



Власть прошлаго.

> Пусть радости былыя миновали,
> Пусть давнія печали отошли,
> Но для души онѣ не умирали.

Все померкло, все исчезло вокругъ нея... Уютная и милая обстановка, яркій свѣтъ лампы, смягченный красивымъ абажуромъ, столъ съ разставленной аккуратно чайной посудой, привѣтливо шумящій самоваръ, послѣдній номеръ иллюстрированнаго журнала съ лежащимъ возлѣ него костянымъ ножомъ... Все пропало, все потонуло воココ мракѣ... Передъ глазами было только одно: небольшой листъ бумаги, распечатанная телеграмма, да и словъ-то было немного; всего только и стояло: „сдѣлалъ предложеніе, благослови, дорогая. Коля".—Что это? Зачѣмъ? Неужели этотъ небольшой листъ бумаги внесъ такой ужасъ въ ея жизнь? Куда дѣвалось душевное спокойствіе и то радостное состояніе, въ которомъ она была цѣлый день?..

Старая Аннушка уже нѣсколько разъ входила тихими шагами въ комнату, стараясь обратить на себя вниманіе. То передвинула сахарницу и поставила ее ближе къ подносу; то сняла чайникъ съ самовара, но барыня не видала и не замѣчала ея. Откинувшись въ кресло, безпомощно положивъ руки на колѣни, Наталья Николаевна глядѣла передъ собою ничего невидѣвшими глазами. А въ головѣ ея ровно и мѣрно, какъ удары молота, стучало одно слово: „зачѣмъ? зачѣмъ"?..

Бодрая, живая, хотя казавшаяся и старше своихъ пятидесяти лѣтъ, Наталья Николаевна цѣлое утро сегодня съ помощью Аннушки прибирала комнату сына; онъ долженъ былъ вернуться не сегодня — завтра. Съ какой любовью перетирала

она всѣ вещички, разставленныя на письменномъ и туалетномъ столахъ, стряхивала разныя салфеточки, прибрала журналы и газеты, накопившіеся за его отсутствіе и лежавшіе на особомъ столикѣ около окна.

— Аннушка, ты ужъ займись постелью, пожалуйста; вотъ чистое бѣлье; я уже вынула изъ комода; да почисти щеткой коверъ, а ужъ эти мелочи—я сама...

— Куда мнѣ, матушка! Я отъ нихъ отказываюсь! Прошлый разъ стала обтирать ихъ тряпочкой, да вотъ у этого самаго верхового пику-то и сломала.

И она показывала на прехорошенькую статуэтку, изображавшую араба на верховомъ конѣ съ длинною пикою въ рукѣ. Наталья Николаевна улыбнулась и взяла въ руки злополучнаго араба. Вещичка эта была куплена за границею и была очень изящна.

— Да, мы съ Колей насилу ее починили тогда, сказала она. Аннушка, обратилась она опять къ старушкѣ, туфли то на мѣстѣ-ли.

— Все, все готово, матушка! Да что вы ужъ очень-то торопитесь? Не сегодня, авось, пріѣдутъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня! Сегодня не жду. Вотъ телеграмму получимъ, тогда...

Не жду! Да была ли минута, секунда, когда она его не ждала! И сейчасъ вотъ она увѣряла Аннушку, что не ждетъ его, а между тѣмъ чуткимъ ухомъ прислушивалась все время, нѣтъ-ли звонка въ передней.

— А лампадочку я все-таки же затеплю! И Наталья Николаевна поправила и зажгла фитилекъ въ голубомъ граненомъ стаканчикѣ передъ образомъ св. Николая Чудотворца.

Такъ было все хорошо, радостно, и вдругъ—эта телеграмма! Она ждала телеграмму, да только—другую; извѣщавшую о его пріѣздѣ. Она заранѣе думала о томъ, *какъ* онъ телеграфируетъ: напишетъ ли просто, что ѣдетъ, или съ просьбою, чтобы его встрѣтили?—Какъ встрепенется и забьется сердце, увидавъ дорогое имя, написанное размашистой рукой телеграфиста! Онъ всегда подписывался просто: Коля. Такъ было и теперь. Распечатавъ телеграмму, она сначала увидала только четыре буквы, и кровь бросилась къ сердцу. Ѣдетъ, ѣдетъ дорогой! скоро увижу! Можетъ-быть даже завтра! Вѣдь три недѣли цѣлыхъ не видала. Шутка-ли! Завтра прижму къ сердцу, расцѣлую милый лобикъ, глазки!.. И вдругъ глаза ея увидали первыя слова. Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! Она ошиблась, ей показалось! Она чи-

таетъ, перечитываетъ ихъ, начинаетъ уяснять себѣ, что они значатъ.—И вотъ она поняла. Его отнимаютъ у нея! Другіе, чужіе, не любящіе его. Такъ—позабавиться хотятъ; а потомъ—бросить. Подлые, скверные! Какъ они смѣютъ только! Она его не отдастъ, не уступитъ! Для того ли она его ростила, берегла, дрожала надъ нимъ?—Но вдругъ слезы застилаютъ ей глаза, катятся по блѣднымъ, худымъ щекамъ; она начинаетъ уяснять себѣ безцѣльность борьбы. Вѣдь *онъ самъ* этого хочетъ, *онъ самъ* уходитъ отъ нея! Ему мало *ея* ласкъ, *ея* любви, *ея* заботъ! Злая жизнь входитъ въ свои права; она чувствуетъ, что она безсильна, и безпомощныя рыданія душатъ ее.

Судьба Натальи Николаевны сложилась издавна такъ, что сынъ ея Николай сосредоточилъ на себѣ всѣ лучи ея жизни. Она только имъ и жила. И что для другой матери было бы самымъ обыкновеннымъ фактомъ — для нея было равносильно смерти, съ нимъ уходила и ея жизнь.

Есть повѣрье, что въ минуту смертной казни передъ духовными очами человѣка съ быстротой молніи проходитъ вся его жизнь съ мельчайшими подробностями. Такъ случилось и теперь. Пока бѣдная Наталья Николаевна, пораженная и убитая этимъ событіемъ, вторгнувшимся въ ея тихую жизнь, сидѣла въ своемъ креслѣ, въ полномъ безмолвіи окружающей ее тишины, передъ ней начали возставать одна за другой картины изъ ея былой жизни. Ярко вырисовывалось все прошлое и проходило мимо нея. Въ каждомъ фактѣ, въ каждомъ событіи, вспоминаемыхъ ею, она старалась отыскать и добиться связи, причины, дѣйствующаго фактора теперешнихъ ея страданій...

Вотъ она стройная, красивая дѣвочка семнадцати лѣтъ, съ роскошной бѣлокурой косой выбѣгаетъ на террасу ихъ дома съ своей второй сестренкой на годъ моложе ея. У нихъ только-что кончился урокъ математики; старый учитель Латышевъ, убѣленный сѣдинами, только-что ушелъ, ворча на плохо приготовленный урокъ и на неумѣніе своихъ учениць доказать какую-то теорему.

— Спровадили! Слава Богу! Фу, какой несносный!

И съ удовлетвореннымъ сердцемъ слышатъ онѣ, какъ лакей Василій запираетъ за ненавистнымъ педагогомъ массивную парадную дверь.

— Не ворчи, Катюша. Теперь твой „архангелъ“ сейчасъ явится!

„Архангеломъ“ назывался молодой, красивый преподаватель русскаго языка — Навроцкій; это былъ *романъ* Катюши, которому она втайнѣ писала сонеты. Курчавая голова и римскій профиль „архангела“ заполонили сердце шестнадцатилѣтней Катюши, и онъ былъ героемъ и рыцаремъ ея мечтаній.

— Ну, мы довольно „взяли воздуха“, идемъ въ классную, а то мнѣ еще нужно пересмотрѣть сочиненіе, которое я подаю сегодня.

Привыкши постоянно говорить по-французски, дѣвочки употребляли иногда въ разговорахъ, непереводимые на русскій языкъ, галлицизмы.

Ихъ было четыре сестренки: двѣ старшія и двѣ младшія. Воспитывались всѣ дома. Отецъ, рано овдовѣвшій, занималъ важный постъ въ столицѣ. Князь Д. былъ его другомъ и товарищемъ еще въ молодости. Получивъ генералъ-губернаторство, онъ сейчасъ приблизилъ къ себѣ и Горова. Дѣвочки рано лишились матери; младшія даже и не помнили ея. Обладая большимъ состояніемъ, Николай Алексѣевичъ жилъ въ собственномъ домѣ на одномъ изъ бульваровъ, отказавшись отъ казенной квартиры въ губернаторскомъ домѣ. Домъ Горовыхъ былъ старинный, съ колоннами, съ глубокимъ дворомъ, надворными строеніями и большимъ тѣнистымъ садомъ сзади него. Въ нижнемъ этажѣ была цѣлая амфилада парадныхъ комнатъ, три гостиныхъ, большая зала съ мраморными колоннами, гдѣ стояли два концертныхъ рояля, столовая и помѣщеніе отца. Верхъ—состоявшій изъ шести большихъ комнатъ, составлялъ полное владѣніе дѣвочекъ. Двѣ дѣтскія, комната гувернантки, комната старухи-няни, большая классная въ три окна и туалетная и гардеробная.

У старшихъ дѣвочекъ были гувернантки, учителя; у младшихъ—бонна и няня. Николай Алексѣевичъ и слышать не хотѣлъ о гимназіяхъ, пансіонахъ и въ особенности объ институтахъ, хотя, по своему положенію, имѣлъ возможность воспитывать дочекъ на казенный счетъ. Рано овдовѣвъ, онъ всецѣло посвятилъ себя службѣ и воспитанію дѣтей. Много дѣвицъ и молодыхъ вдовъ старались обратить на себя его благосклонное вниманіе; многія изъ нихъ были увлечены красивымъ сановникомъ, аристократомъ до конца ногтей, „старымъ бариномъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова; многихъ прельщалъ и его высокій чинъ, и его положеніе въ свѣтѣ. На балахъ и раутахъ у генералъ-губернатора, когда онъ высокій, красивый, облеченный въ мундиръ съ Владимірской лентой черезъ плечо, весь увѣшенный русскими и иностранными орденами, входилъ въ

валъ, то его присутствіе замѣчалось, производило впечатлѣніе' Когда на другой день этихъ раутовъ, онъ за чаемъ, въ семейномъ кругу, разсказывалъ, какъ онъ наканунѣ говорилъ съ австрійскимъ императоромъ, или съ прусскимъ королемъ, или съ княземъ черногорскимъ, то четыре пары темныхъ глазенокъ съ благоговѣніемъ устремлялись на него, и, затаивъ дыханье, дѣвочки съ жадностью ловили каждое его слово. Для нихъ онъ былъ какимъ-то богомъ, всесильнымъ, всезнающимъ, а подчасъ и грознымъ. И чѣмъ старше становились онѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе боязнь и страхъ пересиливали любовь и привязанность.

Домашній обиходъ былъ поставленъ на широкую ногу; прислуги—пропасть; и старые крѣпостные, и новые молодые; лакеи, кучера, поваръ, горничная для старшихъ дѣвочекъ, таковая же для младшихъ, особая „дѣвочка" для Madame'ы, горничная къ столу, помощница лакея и т. д. и т. д. безъ конца.

Прислуга вся жила подолгу; гувернантки мѣнялись чаще. Несмотря на громадный гонораръ, выплачиваемый имъ (болѣе тысячи рублей), ни одна не оказалась на высотѣ своего призванія; ни одна не сумѣла заслужить любовь и довѣріе дѣвочекъ. Послѣдняя, m-me Клеберъ, какими-то судьбами зажилась четыре года. Но дѣвочки не любили ея. Она была очень образована, говорила на трехъ языкахъ, обучала дѣвочекъ красивымъ работамъ и музыкѣ, но не сумѣла возбудить въ нихъ ни капли теплаго чувства и привязанности. И, когда за вечернимъ чаемъ, она, обращаясь къ Николаю Алексѣевичу, начинала слащавымъ голосомъ: „Votre Excellence, je me fais le devoir de vous annoncer".. за чѣмъ слѣдовалъ полный пространный докладъ о проведенномъ днѣ: объ успѣхахъ Наташи, о невыученомъ урокѣ Катюши, о чернильницѣ, вылитой Женей на новое платье, и т. д.,—то нужно было видѣть, съ какой затаенной злобой слѣдили за ней темные глазенки и какъ горячо потомъ на „общемъ собраніи" въ каморкѣ у няни Анны Филипповны, обсуждался вопросъ, какую бы штуку съиграть съ французенкой и какъ-бы хорошенько отплатить ей за „докладъ". Неимовѣрно богатой фантазіей на этотъ счетъ обладала Наташа. Планы и предложенія сыпались безъ конца. Наконецъ, „собраніе" останавливалось на чемъ-нибудь, шумно одобряло планъ, и „месть" была готова.

На другой день, одѣваясь, m-me Клеберъ долго не могла найти своей рыжей накладки, что задерживало ее къ первому

уроку; когда наконецъ начинался урокъ, то пропадали очки; на исканіе ихъ уходило чуть не часъ времени, и находились они обыкновенно въ самомъ невозможномъ мѣстѣ. А къ завтраку, за которымъ никогда не было отца, прибѣгалъ „Бисмаркъ", собственный мопсикъ m-me Клеберъ и, когда француженка брала на руки своего любимца, онъ оказывался весь вымазаннымъ столярнымъ клеемъ. Боже! сколько труда нужно было, чтобы удержаться и не прыснуть со смѣха! Личики были серьезныя, склоненныя къ тарелкамъ; разговоры были совсѣмъ о постороннихъ предметахъ.

— Настя, отчего ты не ѣшь клюквеннаго киселя? Ты вѣдь знаешь, что докторъ приказалъ!

— Ты такъ и не нашла послѣдняго тома Майнъ-Рида, Катюша? Это ужасно непріятно.

Все это говорилось совершенно серьезно, съ озабоченными лицами.—Съ шумомъ отодвигался стулъ. M-me Клеберъ, съ „Бисенькой" на рукахъ выскакивала изъ-за стола и неслась въ дѣвичью.

— Degoutantes, vilaines fillettes! раздавался ея голосъ по корридору. Одна изъ горничныхъ „маленькая Аннушка" (въ отличіе отъ другой „большой" Аннушки), помогавшая въ это время лакею Василію у стола и бывшая всегда усердной исполнительницей всѣхъ затѣй своихъ барышень, фыркала и закрывалась передникомъ.

Но, когда шаги въ корридорѣ затихали, то общій, дружный смѣхъ оглашалъ столовую; и только Василій, ухмыляясь своими бритыми губами и разглаживая нарядныя съ просѣдью бакенбарды, съ укоромъ качалъ головою.

— Ну что, да если Ихъ Превосходительство...

Но вотъ Наташѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Продѣлки съ m-me Клеберъ, шалости съ сестрами, возня съ собаками и птицами перестали удовлетворять ее. Ученье шло своимъ чередомъ; прибавилось еще два-три учителя, такъ какъ отецъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она сдала экзаменъ при Университетѣ на „домашнюю учительницу". Но училась она всегда съ удовольствіемъ, жажда знанія была страшная. Къ нимъ въ домъ ходилъ одинъ студентъ, родственникъ одной изъ бывшихъ гувернантокъ, которая умерла, одна изъ тѣхъ, о которой сохранилось болѣе теплое воспоминанье. Худой, чахоточный, окончившій уже одинъ факультетъ и перешедшій теперь на фило-

логическій, онъ былъ для Наташи неисчерпаемымъ кладеземъ знаній. Уроковъ собственно онъ ей не давалъ, нашли, что у него не было педагогическихъ способностей. Но онъ любилъ науку для науки и усердно дѣлился съ дѣвочкой всѣми своими познаніями. И впослѣдствіи Наташа всегда говорила, что, если она знаетъ что-нибудь, то это только благодаря Павлу Николаевичу. Чего-чего только онъ не передалъ молодой дѣвушкѣ! Богатѣйшую энциклопедію вложилъ онъ въ юную головку. Но вложилъ съ порядкомъ и толкомъ. Физика, химія, астрономія, геологія, космографія... все поглощалось Наташей. А кто раскрылъ передъ нею интересныя страницы Всемірной Исторіи, кто указалъ и объяснилъ перлы русской и иностранной литературы? Съ глубокой благодарностью вспоминала она всегда этого друга ея юности, научившаго ее понимать и цѣнить всѣ красоты и богатства Вселенной.

Читала она много и безъ разбора. Безконечной вереницей проходили мимо ея духовныхъ очей герои красоты, силы и ума. Она страдала вмѣстѣ съ ихъ подругами и жертвами. Сегодня она олицетворяла Татьяну и, уходя въ глубь тѣнистаго сада, останавливалась на поворотѣ вѣковой, липовой аллеи, прижавъ руки къ бьющемуся сердцу и устремивъ глаза въ даль, ждала, когда же наконецъ въ глубинѣ изъ-за темно-зеленаго массива кустовъ появится Онѣгинъ.

На завтра она была Коринной и, удрученная вѣроломностью лорда Освальда, едва сдерживала рыданія цѣлый день. Но болѣе всего привлекалъ ее таинственный образъ Лермонтовскаго „Демона". Могучій, отверженный, страдающій духъ былъ всего милѣе и понятнѣе ея сердцу. И, какъ Тамара, въ безсонныя ночи она звала его, ждала туманнаго пришельца съ его неземной красой...

Но подѣлиться было не съ кѣмъ; и вотъ она стала писать дневникъ. И горе, и радость, и безсильную злобу, и непонятную тоску—все изливала она въ него. Но въ одинъ прекрасный день дневникъ былъ извлеченъ изъ тайника святотатственной рукой m-me Клеберъ и преподнесенъ отцу.

— Ну посмотримъ, что ты тутъ за литературу развела, сказалъ онъ и развернулъ толстую сшитую тетрадь не совсѣмъ бѣлой бумаги.

Съ первыхъ же строкъ лицо отца омрачилось и чѣмъ дальше—тѣмъ хуже.

— Откуда ты достала Ренана? Кто тебѣ далъ эту ерунду? Скажи, ради Бога!

Ерунда! А она такъ увлеклась, такъ зачитывалась этой книгой! Геніальный авторъ, хотя и развѣнчалъ Христа, какъ Бога, но за то облекъ Его образъ такой неземной, духовной красотой, что этимъ невольно только лишній разъ и доказалъ, что это былъ Богъ, а не человѣкъ. И этотъ развѣнчанный Христосъ былъ такъ близокъ ея сердцу! Ей все казалось, что *такой*—Онъ скорѣй пойметъ ея мятежную душу. Въ минуты горя и тоски, и тогда въ юности, и теперь въ старости—она только и молилась Ему—Человѣку—Богу. И, когда отецъ суровымъ голосомъ доказывалъ ей ея ужасный, непростительный грѣхъ, ея богохульство — она, смиренно поникнувъ головой, всей душой старалась постичь этотъ грѣхъ и — не могла. За что, за что накажетъ ее Спаситель? За то, что въ сердцѣ ея таилась такая безпредѣльная любовь къ Нему? За то, что, когда душа ея смущалась и страдала, она несла къ Нему всѣ свои горести и сомнѣнія? За то, что она съ такой вѣрой въ Его Милосердіе молила Его и за себя, и за дорогихъ ея сердцу?.. О нѣтъ, нѣтъ! Этого не могло быть. Этимъ она не могла заслужить Его гнѣвъ!..

Правда, были нѣкоторыя страницы у Ренана, которыхъ она не оправдывала; но въ общемъ она чувствовала и понимала, что авторъ самъ безгранично любилъ Христа; иначе онъ не сумѣлъ бы дать такой дивный образъ; любовью и нѣжностью дышала каждая страница, каждое слово. Впослѣдствіи, когда она прочла Штрауса, Геккеля, Бюхнера--она поняла и постигла, какъ могутъ писать богоненавистники.

Ренана отобрали; дневникъ сожгли. А, когда узнали, что Ренана принесъ Павелъ Николаевичъ, то онъ былъ приглашенъ на аудіенцію къ отцу; она происходила въ кабинетѣ при закрытыхъ дверяхъ и, вскорѣ послѣ этого инцидента, Павелъ Николаевичъ, кончившій Университетъ, получилъ мѣсто въ Костромской гимназіи и уѣхалъ изъ Москвы.

Нужно отдать справедливость: денегъ на образованіе дѣвочекъ Горовъ не жалѣлъ. Кромѣ курса наукъ имъ было предоставлено: абонементъ въ библіотеку, абонементъ нотъ; ихъ возили на картинныя выставки; старшихъ понемногу начали вывозить на вечеринки къ знакомымъ и въ симфоническіе кон-

церты Московскаго музыкальнаго общества, возникшіе тогда по иниціативѣ Н. Г. Рубинштейна.

Наташа любила музыку и играла довольно порядочно. М-me Клеберъ, которая занималась съ нею, узрѣла даже рѣшительно — талантъ. Она легко читала ноты съ листа и потому, кромѣ заданнаго урока, много играла, разбирала и вообще съ удовольствіемъ проводила время за роялью. Чтеніе тоже стояло на главномъ мѣстѣ. Чего-чего только она не перечитала! Тургеневъ, Достоевскій, Толстой... Въ особенности женскіе типы Тургенева заставили ее призадуматься. Они были ей ближе и роднѣе, чѣмъ вычурныя героини Дюма и Жоржъ-Занда. Сначала не ясно, а потомъ все тверже и увѣреннѣе назрѣвала мысль: любить—это страдать; любить—это жертвовать собою. И какъ ей хотѣлось этихъ страданій, этихъ жертвъ!

Подругъ и товарокъ у нихъ было довольно много.

Раза два въ недѣлю собирались мамаши и тетушки съ дочками и племянницами; подавался чай, конфекты, фрукты; взрослые занимались сплетнями и разговорами; а дѣвочки подъ наблюденіемъ m-me Клеберъ устраивали разныя игры, шарады и т. д. У отца было два-три партнера, старые генералы, съ которыми онъ садился играть въ преферансъ.

Иногда устраивались танцы; танцовали, конечно, больше „шерочка съ машерочкой“; а m-me Клеберъ, напяливъ очки на горбатый носъ, съ большимъ азартомъ откалачивала кадриль „Орфей въ аду“ и польку „Воробушки“.

Единственными кавалерами на этихъ вечерахъ бывали: одинъ лицеистъ—Володя Петровъ, сынъ бывшаго товарища Горова, и студентъ-техникъ, доводившійся родственникомъ m-me Клеберъ. Звали его Гавріиломъ Петровичемъ; но дѣвочки, которымъ онъ казался очень красивымъ, прозвали его „le beau Gabriel“ и всѣ поочередно влюблялись въ него.

Но вотъ въ 1874 году старшія дѣвочки выдержали экзамены при Университетѣ; этимъ, такъ сказать, закончили свое образованіе, распростились съ учителями и учебниками и стали выѣзжать по-настоящему. Наташѣ было восемнадцать лѣтъ. Катѣ—семнадцать. Частные вечера, балы въ лицеѣ Каткова, въ дворянскомъ собраніи, у генералъ-губернатора, симфоническіе концерты,—все это открывало новую, непривычную жизнь.

И домашнія вечеринки получили иной характеръ. Это ужъ

были jours-fix'ы. Горовскія „среды" были шумны и многолюдны. Знакомство все увеличивалось; собиралось до 50—60 человѣкъ

Нанимался всегда таперъ; чай разливался въ буфетной и разносился лакеями; подавали фрукты, мороженое, а послѣ двѣнадцати часовъ ночи въ большой столовой былъ сервированъ роскошный ужинъ.

Иногда „среды" обращались въ литературные вечера. Майковъ, Островскій, Писемскій и другіе писатели, посѣщавшіе Горовыхъ, случалось, читали здѣсь *впервые*, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ нѣкоторыя изъ своихъ твореній. Многія изъ этихъ литературныхъ свѣтилъ были связаны узами родства съ семьей Горовыхъ.

Наташа особенно любила эти вечера. Не могшая еще по своей молодости вполнѣ и достойно оцѣнить ихъ, она все-таки же по-своему чувствовала всю неизъяснимую прелесть этой непосредственной передачи своего произведенія самимъ авторомъ.

И, если „Волки и Овцы", прочитанные самимъ А. Н. Островскимъ, не произвели на нее должнаго впечатлѣнія, такъ какъ типы, выставленные въ этой его комедіи, были совершенно чужды ея пониманію, то тѣмъ сильнѣе сохранилось въ ея памяти то дивное, восторженное состояніе, которое она испытала, когда А. Н. Майковъ читалъ свои „Два Міра".— Большая, полутемная зала (лампы и кинкеты не зажигались въ этихъ случаяхъ), круглый столъ, покрытый бархатной скатертью, на немъ зажженый канделябръ, подносъ съ графиномъ и стаканомъ, возлѣ стола большое уютное кресло; поодаль полукругомъ расположены въ нѣсколько рядовъ стулья для слушателей. Вотъ входитъ и самъ, уже и въ ту пору славный, поэтъ. Небольшого роста, худощавый, съ милымъ и симпатичнымъ лицомъ; садится на кресло, поправляетъ обычнымъ жестомъ очки и волосы, водворяется мертвая тишина, среди которой раздается его чарующій голосъ, четко и немного съ паѳосомъ произносящій:

(Децій): Что значитъ жизнь? . . . . . .
. . . . Человѣкъ,
Самъ по себѣ, что значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? . . . .

Затаивъ дыханье, Наташа внимательно слѣдитъ за поэмой, сидя гдѣ-нибудь въ отдаленномъ углу. Музыка риѳмованныхъ строкъ пріятно баюкаетъ ее; она не сводитъ глазъ съ одухотвореннаго лица поэта и жадно ловитъ каждое слово.

На тѣ вечера, когда читалъ Писемскій, дѣвочки допускались рѣдко. Самъ Горовъ все воевалъ съ Алексѣемъ Ѳеофи-

лактовичемъ за его литературный цинизмъ, который корэбилъ въ то время многочисленныхъ почитателей его таланта; реализмъ не былъ еще въ модѣ тогда и его строго осуждали. Писемскій былъ страшный пессимистъ и ипохондрикъ. На одномъ изъ этихъ вечеровъ произошелъ между прочимъ одинъ очень комическій случай. Въ самый разгаръ чтенія, когда немногочисленная публика внимательно слушала, какъ авторъ развивалъ свою драму (читалъ онъ великолѣпно), присутствующіе вдругъ увидали, какъ лицо писателя исказилось страшнымъ испугомъ и въ слѣдующую минуту А. Ѳ., несмотря на свое грузное тѣло, быстро влѣзъ съ ногами на кресло и, стоя на немъ, уже заносилъ ногу на столъ... Все это могло бы кончиться очень грустно. Взглянувъ на противуположную дверь, на которую былъ устремленъ безнадежно-отчаянный взгядъ А. Ѳ., гости увидали стоящаго на порогѣ залы, громаднаго горовскаго водолаза. Знаменитый писатель ощущалъ непреодолимый страхъ при видѣ собакъ и ненавидѣлъ ихъ. Когда въ домѣ Горовыхъ становилось извѣстнымъ о пріѣздѣ Писемскаго, то всѣ собаки заранѣе убирались и запирались. Долго послѣ этого случая онъ не рѣшался снова навѣстить Горовыхъ. Въ то время въ Москвѣ, въ одномъ изъ театровъ, шла его драма „Горькая Судьбина", въ которой роль Ананія игралъ самъ авторъ. Несмотря на усиленныя просьбы дѣвочекъ, Николай Алексѣевичъ ни разу не разрѣшилъ имъ повидать эту пьесу. Среди бывшихъ у Горова было много и его сослуживцевъ или вѣрнѣе, подчиненныхъ изъ того вѣдомства, гдѣ онъ служилъ. Разные были типы. Молодежь была, большей частью, состоятельная, служившая безъ жалованья, только ради карьеры, чтобы быть „на виду", поближе къ „свѣтилу", т. е. къ высшему начальству Горова, чтобы хотя погрѣться въ его лучахъ. Много было балованныхъ „маменькиныхъ сынковъ", которые хотѣли только занимать мѣсто, получать чины, а на службу не являться. Но съ Горовымъ имъ эти комбинаціи не удавались. Самъ корректный служака, преданный своему дѣлу, педантъ по службѣ, исполнительный и аккуратный, онъ того же требовалъ и отъ молодежи; будучи самъ нелицепріятнымъ и не преклонявшійся передъ своимъ высшимъ начальникомъ, онъ и въ свою очередь не любилъ льстивыхъ и подобострастныхъ и страшно преслѣдовалъ такого рода субъектовъ. Оттого его и любили и страшно боялись одновременно. На вечерахъ же у Горова всѣ бывали съ удовольствіемъ. Грозный начальникъ на службѣ, онъ былъ любезный и гостепріимный хозяинъ.

На „средахъ“ было шумно и весело; ухаживать за дочерьми начальника не требовалось: а если это и дѣлалось, то вполнѣ добровольно. Дѣвочки были милыя и любезныя хозяйки. Отецъ внушилъ имъ, какъ онѣ должны были относиться къ своимъ молодымъ гостямъ. И потому нерѣдко можно было услышать такіе разговоры.

— Прошу васъ, Володя, обращалась Наташа къ Петрову, пригласите на котильонъ Annette Баранову; она безъ кавалера.

— Ну вотъ, Наташа, какъ же это? Вѣдь вы танцуете его со мною. Вы обѣщали мнѣ, помните?

— Не могу же я танцовать, когда Annette безъ кавалера, и потомъ мнѣ нельзя—я должна присмотрѣть, какъ накрываютъ столъ къ ужину.

— Нѣтъ, Наташа, воля ваша—не могу! Ну, хоть бы кого поинтереснѣе выбрали, а то—дѣвица такихъ размѣровъ, что Боже упаси!..

— Володенька, миленькій, ради Бога!

— Ну хорошо, съ условіемъ: послѣ котильона къ ужину ее не поведу, а сяду рядомъ съ вами.

— Что вы, что вы! замахала руками Наташа, да развѣ можно такія вещи?

— Такъ я отказываюсь.

— Господи, ну, что мнѣ съ вами дѣлать! Ну, голубчикъ, я сяду около васъ по другую сторону.

— Знаемъ мы эти обѣщанія! Ужъ которую „среду“ подъ рядъ князь Адашевъ около васъ все вертится!

— Пожалуйста, не выдумывайте! вспыхнула Наташа, а то серьезно разсержусь...

Черезъ нѣсколько минутъ инцидентъ былъ улаженъ; Петровъ танцовалъ съ толстушкой Барановой, а за ужиномъ Наташа сидѣла возлѣ него.

Володя Петровъ былъ первый, который ухаживалъ за Наташей; это былъ самый невинный дѣтскій флиртъ. Они были ровесники. Когда имъ было по шестнадцати лѣтъ, то это ухаживанье очень льстило Наташѣ; но, дѣлаясь старше, она все болѣе и болѣе стала относиться къ Володѣ въ покровительственномъ тонѣ. Худой, болѣзненный мальчикъ, онъ ей внушалъ больше сожалѣнія и въ ея симпатіи къ нему было много материнской заботливости; хотя были минуты, когда она поднимала его на смѣхъ и издѣвалась надъ нимъ. Онъ не былъ героемъ ея романа—этотъ тихій, покорный мальчикъ.—Да и князь. Адашевъ, ухаживавшій за ней ужъ не на шутку, мало

трогалъ своей изысканной любезностью. Нравилась ли она ему на самомъ дѣлѣ, хотѣлъ ли онъ, женившись на дочери принципала, упрочить свою карьеру—не извѣстно; но ухаживалъ онъ очень явно и настойчиво. Но, что въ этомъ для Наташи? Не пробилъ часъ ея; сердце молчало и ждало другого.

„Того, которому внимала
„Она въ полночной тишинѣ“...

Но кто онъ? Гдѣ онъ? И путались мысли бѣдной Наташи... И она ждала, ждала...

„Шепталъ ей кто-то: онъ придетъ!“

И вотъ онъ пришелъ.

Большой залъ Дворянскаго собранія. Яркій свѣтъ безчисленнаго количества свѣчей освѣщаетъ бѣлый мраморъ колоннъ, отражается въ зеркальныхъ стѣнахъ, играетъ на хрустальныхъ подвѣскахъ люстръ. Симфоническій концертъ. Только-что кончилась дивная симфонія Чайковскаго „Франческа да Римини“. Послѣ шумныхъ оваціи Н. Гр. Рубинштейнъ покинулъ эстраду. Нарядная тысячная толпа направляется въ боковыя залы, чтобы использовать десятиминутный антрактъ, поболтать и подѣлиться впечатлѣніями. Въ одной изъ залъ, приходящейся какъ разъ за эстрадой, особенно людно; здѣсь устроенъ небольшой буфетъ; продаютъ фрукты и воды; здѣсь же входъ въ „комнату артистовъ“.

Недалеко отъ входа въ большой залъ стоитъ высокій, сѣдой красавецъ—Горовъ; около него—Наташа и Катюша. Скромныя, бѣлыя платья; на полуоткрытыхъ шеяхъ тоненькія золотыя цѣпочки съ медальонами; головки гладко причесаны, и густыя, тяжелыя косы закручены низко на затылкѣ. Масса молодежи толпится около нихъ. Между ними и князь Адашевъ. Изящно вертя въ рукахъ бѣлую перчатку и шапо-клакъ, онъ что-то говоритъ Наташѣ.

Евгеній Михайловичъ Гарденау, красивый брюнетъ, новый столоначальникъ Горова, не спускаетъ глазъ съ темноокой Катюши; здѣсь же стоятъ пять-шесть молодыхъ офицеровъ; всѣ они были на послѣдней „средѣ“ у Горовыхъ; между ними выдѣляется гвардеецъ Скарятинъ, пріѣхавшій въ Москву навѣстить стариковъ-родителей. Отецъ когда-то былъ консуломъ на востокѣ; теперь же въ отставкѣ и доживаетъ свой вѣкъ съ многочисленной семьей въ Бѣлокаменной. Съ этой семьей Го-

ровы тоже только недавно познакомились. Молодой Скарятинъ видимо еще не рѣшилъ, на которой изъ двухъ дѣвицъ остановить свое благосклонное вниманіе. Ему нравится и восторженно-одухотворенное личико Наташи; манитъ къ себѣ и задорно-улыбающаяся веселая Катюша.

Около двери въ „артистическую“ толпится масса учащейся молодежи, студенты, консерваторки... Ждутъ выхода знаменитаго скрипача Ауэра, который играетъ во 2-мъ отдѣленіи.— Дверь отворяется; выходитъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ и, завидя Горова, подходитъ къ нему.

По дѣламъ своей службы ему часто приходится бывать въ канцеляріи генералъ-губернатора, и потому онъ знакомъ съ Горовымъ, считаетъ своимъ долгомъ всегда подойти къ нему и поздороваться съ дѣвочками.—На этотъ разъ онъ не одинъ. Съ нимъ молодой профессоръ, только-что пріѣхавшій изъ Лейпцига и принятый въ консерваторію на должность преподавателя—Александръ Сергѣевичъ Рагодинъ. Николай Григорьевичъ знакомитъ его съ Горовыми. Высокій, худощавый, съ умнымъ и красивымъ лицомъ, съ густыми волосами, откинутыми назадъ съ бѣлаго, строгаго лба, онъ производитъ чарующее впечатлѣніе. Пока Рубинштейнъ и Горовъ говорятъ о какомъ-то важномъ для нихъ дѣлѣ, молодой профессоръ съ серьезной и снисходительной улыбкой обращается къ Наташѣ и предлагаетъ ей какой-то банальный вопросъ въ области музыки. Боже! какъ бьется сердце Наташи! Отвѣтить какъ слѣдуетъ, не обнаружить своего музыкальнаго невѣжества! Какъ это трудно! А тутъ еще эти темносѣрые глубокіе глаза смотрятъ прямо тебѣ въ душу! Жутко Наташѣ! Какой-то тяжелый кошмаръ сжимаетъ до боли ея сердце. Что это? Не предчувствіе ли?!...

Это происходило въ ноябрѣ, а въ январѣ слѣдующаго года Рагодинъ былъ приглашенъ въ домъ Горовыхъ давать уроки музыки старшимъ дѣвочкамъ. Съ какимъ трепетомъ выслушала Наташа рѣшеніе отца! Какой новый міръ открывался передъ нею! Музыка, которую она такъ любила, получала совершенно новое значеніе. Это уже не было простое удовольствіе, препровожденіе времени. Искусство предъявляло свои права; нужно было относиться серьезно, трудиться.

Первые уроки прошли, какъ въ чаду. Новизна положенія ошеломила ее. Она не могла разобраться въ томъ хаосѣ, который наполнялъ ея голову и сердце.—Черезъ двѣ—три недѣли

Наташа успокоилась, стала хладнокровнѣе; съ рвеніемъ принялась за „Exercices Hanon“ и „Gradus ad Parnassum—Clementi“. Съ благоговѣніемъ выслушивала она замѣчаніе профессора; всѣми силами старалась понять и уяснить себѣ тонкую, кружевную поэзію Шопена, юморъ Шумана, спокойное величіе Бетховена. Какъ была она счастлива, когда съ этихъ строгихъ замкнутыхъ устъ срывались слова одобренія, на которыя Рагодинъ былъ такъ скупъ! Долго не могла она привыкнуть къ тому, что вотъ здѣсь, въ этой большой бѣлой залѣ съ колоннами, на этомъ роялѣ, на которомъ она не такъ давно играла попури Маркса или вальсъ Штрауса, онъ игралъ концертъ Листа или фантазію Шопена. Большой залъ наполнялся непривычными, могучими звуками; мелодіи лились, звучали, то нѣжно, настойчиво, прося о чемъ-то, то рѣзко обрываясь, то возобновляясь съ новой силой и страстью, то торжествуя побѣду могучими, сильными аккордами...

Удивленная, пораженная стояла Наташа возлѣ рояля и всѣми силами сердца и ума старалась понять этотъ новый для нея языкъ.

Кромѣ уроковъ, которые Рагодинъ давалъ два раза въ недѣлю, онъ бывалъ и по „средамъ“, а иногда заходилъ и запросто къ вечернему чаю.—Много оживленія и интереса внесъ онъ въ жизнь Горовыхъ; Николай Алексѣевичъ любилъ его бесѣды. Александръ Сергѣевичъ много путешествовалъ, много всего повидалъ. Даже Женю и Настюшу, и тѣхъ съ трудомъ уговаривала m-me Клеберъ идти спать въ тѣ вечера, когда Рагодинъ за чайнымъ столомъ разсказывалъ о своемъ путешествіи по Америкѣ. И дикая, величественная Ніагара, и храмъ мормоновъ въ штатѣ Юты, и дѣвственные лѣса по берегамъ Мисисипи—все это было такъ ново, такъ интересно, и въ особенности въ разсказахъ очевидца.

Не мудрено, что черезъ нѣкоторое время весь духовный міръ Наташи сосредоточился на немъ. Симфоническіе вечера получили совершенно новую окраску. Въ антрактахъ она уже теперь никуда не уходила съ своего мѣста; она знала, что вотъ сейчасъ онъ придетъ сюда къ ней и будетъ ей указывать на такія-то мѣста симфоніи или увертюры и непремѣнно спроситъ, какъ ей понравилась такая-то часть. Она всегда знала, съ какой стороны онъ долженъ былъ придти. Какъ пріятно было, когда, наконецъ, среди этой толпы, она издали узнавала его! Онъ шелъ своей быстрой, рѣшительной походкой и конечно—къ ней; она не сомнѣвалась.

„Среды“ только и были интересны, когда *онъ* бывалъ. Онъ пріѣзжалъ обыкновенно поздно, часамъ къ одиннадцати. Подкарауливъ иногда его звонокъ сквозь шумъ говора, или звуки вальса, Наташа бѣжала въ первую переднюю. Сбросивъ шубу на руки лакея, снявъ шапку и поправляя обычнымъ жестомъ густые волосы, онъ шелъ навстрѣчу сіяющей и волнующейся дѣвушкѣ.—„Ну, и морозъ!“ подходилъ онъ къ ней, неся съ собой волну бодрящаго, зимняго воздуха.

— Скорѣй, скорѣй къ самовару! и она протягивала ему обѣ руки.—Я вамъ чаю оставила, горячаго!

И они вдвоемъ проходили по амфиладѣ освѣщенныхъ, людныхъ комнатъ.—Завидя Наташу издали, скользя по паркету, спѣшилъ къ ней поручикъ Скарятинъ.

— Наталья Николаевна, третья контрадансъ—вы мнѣ обѣщали!

— Не могу, Андрей Александровичъ, мнѣ нужно по хозяйству. Вонъ тамъ Sophie Иртеньева сидитъ безъ кавалера; пожалуйста танцуйте съ ней.

Скарятинъ корчилъ кислую мину; а бѣдная Sophie, не мечтавшая даже о такомъ счастьѣ, танцовала третью кадриль съ блестящимъ гвардейцемъ.

За большой столовой была маленькая, уютная комнатка, именуемая второй столовой или буфетной. Здѣсь во время „средъ“ накрывался столъ, стоялъ всегда кипящій самоваръ и старая няня Анна Филиппьевна, при помощи одной изъ Аннушекъ, разливала чай.—Сюда-то направлялась Наташа въ обществѣ Александра Сергѣевича.

— Пожалуйте, батюшка, сюда! привѣтливо приглашала Анна Филиппьевна гостя.

— Поближе къ самоварчику! сейчасъ горяченькаго налью.

Наташа пододвигала сливки, лимонъ, сладкіе торты.

— Наташенька, да ты бы Александра Сергѣевича ромкомъ бы угостила! а то вѣрно зазябъ, сердечный.

— Нѣтъ, няничка, спасибо. Здѣсь у васъ такъ тепло, такъ хорошо, что ничего не нужно!

И онъ блестящими, ласковыми глазами смотрѣлъ на молодую хозяйку.

— Наталья Николаевна, не безпокойтесь. Садитесь лучше вотъ сюда и выпейте чашечку со мной за компанію.

Счастливая, сіяющая Наташа садилась рядомъ.

Такъ было странно и хорошо сидѣть вмѣстѣ съ нимъ здѣсь и прислушиваться къ звукамъ музыки и къ шуму тан-

цующихъ. Невольно, чтобы продлить этотъ tête à tête начинались разговоры о музыкѣ, о послѣднемъ концертѣ, о балладѣ Шопена, которую сейчасъ съ нимъ разучивала Наташа...

Когда поздно вечеромъ, или, лучше сказать, ночью, Наташа, проводивъ послѣднихъ гостей и простившись съ отцомъ, шла къ себѣ на верхъ въ спальню, то въ головѣ стоялъ молодой невинной души. Любила первой ясной любовью. Замѣчали ли посторонніе? Догадывался ли отецъ? Объ этомъ и не думала Наташа. Все окружающее перестало существовать для нея. За рояломъ проводила она цѣлые дни.

Томительно долго тянулось время отъ перваго урока до „среды" и отъ второго урока до симфоническаго собранія! Все было заброшено: и книги, и рисованье, и работа... Онъ, онъ одинъ заполнилъ все. Она даже не замѣтила, какъ измѣнилось обращеніе съ ней князя Адашева и Андрея Александровича Скарятина. Безмолвно, какъ бы сговорившись, оба они какъ бы отодвинулись отъ Наташи. Исчезло ухаживанье, замолкли комплименты...

М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной комиссіи 1767 года“.

I.

Екатерина II любила говорить, что комиссія объ уложеніи подала ей „свѣтъ и свѣдѣнія, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно“, такъ какъ для нея стали ясны нужды и запросы русскаго общества начала ея царствованія. Почти то же самое можетъ сказать каждый изслѣдователь, которому приходится изучать тотъ или иной вопросъ въ историческихъ судьбахъ Россіи 2-ой половины XVIII вѣка; онъ невольно обращается къ матеріаламъ комиссіи 1767 года и изъ нихъ старается почерпнуть данныя, какъ для характеристики русскаго общества на порогѣ реформъ Екатерины II, такъ и для выясненія того, въ какой мѣрѣ отвѣчали запросамъ жизни законодательные опыты этого царствованія. Вѣдь никогда ни до, ни послѣ созыва комиссіи 1767 года, русское общество не имѣло возможности одновременно почти по всѣмъ мѣстностямъ имперіи освѣтить такъ полно и всесторонне свои нужды и недостатки. Депутатскіе наказы, большинство которыхъ въ настоящее время уже издано [1]), являются своего рода анкетой, произведенной въ русскомъ обществѣ середины XVIII вѣка. Внимательно вчитавшись въ эту анкету и ставъ такимъ обра-

---

[1]) Матеріалы, относящіеся къ Законодательной Комиссіи 1767 г., напечатаны въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, т.т. 4, 8, 14, 32, 36, 43, 68, 93, 107, 115, 123, 134 и 144, а также въ изданіи журнала: „Кіевская Старина“ „Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года“. Кіевъ 1889 г.

зомъ лицомъ къ лицу съ избирателями, историкъ можетъ составить себѣ довольно полное представленіе о надеждахъ и чаяніяхъ страны. Выступленія же депутатовъ въ самой коммиссіи, тѣ мнѣнія, которыя они или высказывали устно, или излагали письменно, помогаютъ выяснить, въ какой мѣрѣ дѣйствительно назрѣли тѣ запросы, о которыхъ говорили избиратели въ своихъ наказахъ—являлись ли они только пожеланіемъ небольшой части русскаго общества, или затрагивали интересы большинства населенія Россіи того времени. Если же сопоставить съ депутатскими наказами и коммиссіонными преніями тѣ данныя, которыя можно почерпнуть изъ большого наказа Императрицы Екатерины и изъ тѣхъ проектовъ, которые составлены были въ малыхъ комиссіяхъ, то можно безъ труда установить связь между реформаціонными стремленіями русскаго общества 60-хъ г.г. XVIII столѣтія и преобразовательными начинаніями Екатерины II слѣдующихъ двухъ десятилѣтій.

При этомъ не надо забывать, что правительственные круги имѣли также возможность высказаться, какъ въ моментъ созыва законодательной комиссіи, такъ и во время ея дѣятельности. Вѣдь всѣ правительственныя учрежденія, входящія въ составъ органовъ центральнаго управленія, избирали своихъ депутатовъ и снабжали ихъ особыми наказами. Въ этихъ наказахъ отразилась творческая мысль екатерининской бюрократіи, а изъ рѣчей и мнѣній правительственныхъ депутатовъ можно получить отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ реагировала тогдашняя чиновная и сановная среда на запросы различныхъ общественныхъ группъ. Комиссія 1767 года становится такимъ образомъ въ глазахъ историка своего рода крѣпкимъ узломъ, въ который стянуты, какъ общественные, такъ и правительственные интересы начала царствованія Екатерины II.

До сихъ поръ при помощи депутатскихъ наказовъ и дневныхъ записокъ большого собранія изслѣдователи старались освѣтить явленія, относящіяся или къ сферѣ мѣстнаго управленія и суда, или къ области сословнаго и хозяйственнаго строя, сложившагося въ Россіи къ серединѣ XVIII вѣка. Запросы культурнаго порядка, тѣсно связанные съ проблемой народнаго образованія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, затрагивались лишь вскользь и не подвергались изученію во всемъ ихъ объемѣ. А между тѣмъ, подобнаго рода матеріалъ представляетъ значительный интересъ для историка. При помощи его онъ получаетъ возможность уяснить себѣ культур-

ный уровень страны и тѣ стремленія къ просвѣщенію, которыя успѣли назрѣть въ русской жизни къ началу царствованія Екатерины II. Съ этими данными въ рукахъ онъ можетъ произвести русскому обществу своего рода экзаменъ на аттестатъ зрѣлости и обнаружить, въ какой степени оно дѣйствительно сумѣло усвоить плоды общеевропейской культуры. Настоящая работа и ставитъ себѣ цѣлью подойти къ екатерининской комиссіи 1767 года именно съ этой стороны и изучить при помощи ея обширнаго дѣлопроизводства вопросъ о школѣ и просвѣщеніи, какъ онъ ставился и трактовался на переломѣ русской жизни въ серединѣ XVIII вѣка.

Однако среди обширнаго дѣлопроизводства екатерининской законодательной комиссіи 1767 года матеріалы, относящіеся непосредственно къ школѣ и просвѣщенію, занимаютъ весьма скромное мѣсто. Они разбросаны и по депутатскимъ наказамъ, и по дневнымъ запискамъ Большого Собранія, и по проектамъ, составленнымъ малыми комиссіями. Собирать ихъ приходится буквально по крупицамъ и только послѣ такой предварительной работы можно составить общую картину культурныхъ запросовъ русскаго общества наканунѣ реформаціонной дѣятельности Екатерины II. Въ нашемъ распоряженіи находилось 760 наказовъ (25 отъ присутственныхъ мѣстъ и 735 отъ избирателей), изъ которыхъ только въ 62-хъ затронутъ интересующій насъ вопросъ. Другими словами лишь 8,16% всѣхъ наказовъ проявили интересъ къ культурнымъ нуждамъ населенія страны. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что центральныя правительственныя учрежденія говорятъ о народномъ образованіи въ 9 [1]) наказахъ изъ 25, а на все громадное количество наказовъ, составленныхъ избирателями приходится всего на всего 53 [2]), касающіеся вопросовъ культурнаго характера. Для

---

[1]) О школѣ и просвѣщеніи говорятъ наказы: Сената, Синода, Герольдмейстерской Конторы, Коммерцъ-Коллегіи, Бергъ-Коллегіи, Малороссійской Коллегіи, Главнаго Магистрата, Главной полиціи и Академіи Наукъ, при чемъ къ синодальному наказу приложены обширные пункты отъ трехъ малороссійскихъ епархій, отъ Кіево-Печерской Лавры и отъ двухъ великороссійскихъ іерарховъ: петербургскаго архіепископа Гавріила и епископа ростовскаго Аѳанасія, въ которыхъ также много вниманія удѣлено народному образованію.

[2]) Приводимъ подробный перечень всѣмъ наказовъ, въ которыхъ

большей наглядности мы приводимъ въ прилагаемой таблицѣ сводку всего того матеріала, который можно найти въ депутатскихъ наказахъ 1767 года по вопросу о народномъ образованіи. (См. таблицу на стр. 68—69).

Изъ этой таблицы ясно видно, что больше всего вниманія культурнымъ нуждамъ страны удѣляли дворяне—24,02% всѣхъ наказовъ. Среднее мѣсто занимаютъ горожане—5,27%; и послѣднее мѣсто сельскіе избиратели—0,63%. Нѣкоторые же разряды населенія не проявили совсѣмъ во время выборовъ въ комиссію никакого интереса ни къ школѣ, ни къ просвѣщенію. Если расположить весь сведенный въ таблицу матеріалъ въ извѣстной послѣдовательности, то придемъ къ слѣдующимъ любопытнымъ выводамъ. Изъ 20 губерній, въ которыхъ происходили выборы въ комиссію, мы имѣемъ дворянскіе наказы отъ 19 губерній, городскіе—отъ 14, крестьянскіе—отъ 6 и наказы отъ казаковъ и инородцевъ—отъ 2-хъ губерній. Что касается двухъ послѣднихъ группъ избирателей, то они школы совсѣмъ не касались. Изъ сельскихъ жителей, къ составу которыхъ мы относимъ и черносошныхъ крестьянъ, и однодворцевъ, и крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ, только 2 наказа говорятъ о желаніи имѣть школы. Дворяне же и горожане обнаружили стремленіе къ просвѣщенію: первые въ

избиратели говорятъ о народномъ образованіи: 1) отъ дворянъ: Московской губ.—уѣзды: Верейскій, Дмитровскій, Калужскій, Медынскій, Кашинскій, Каширскій, Костромской, Крапивинскій, Московскій, Тарусскій и Оболенскій, Тульскій; Петербургской губ., уѣзды: Копорскій, Шлиссельбургскій и Ямбургскій; Новгородской губ., уѣзды: Новгородскій; пятины: Бѣжецкая, Водская, Деревская, Обонежская, Шелонская, Опочецкій, Псковской и Тверской; Смоленской губ., уѣзды: Дорогобужскій и Смоленскій; Архангелогородской губ., уѣзды: Галицкій и Пароеньевскій; Нижегородской губ., уѣздъ: Алаторскій; Воронежской губ., уѣзды: Ефремовскій и Ряжскій; Бѣлгородской губ., уѣзды: Бѣлгородскій, Бѣлевскій, Курскій и Орловскій; Слободско-Украинской губ., уѣзды: Ахтырскій и Сумской; Малороссійской губ., уѣзды: Глуховской, Переяславскій и Черниговскій; Кіевской губ., уѣздъ: Кіевскій; Новороссійской губ.: Бахмутскій Гусарскій полкъ, и Лифляндской губ.: Эстницкое Рыцарство, 2) отъ горожанъ: Московской губ. города: Бѣжецкій Верхъ и Москва; Новгородской губ., городъ Вязьма; Архангелогородской губ., города: Архангельскъ, Вологда и Солигаличъ и Казанской губ., городъ Соликамскъ; Воронежской губ.: Воронежъ и Ряжскъ, 3) отъ сельскаго населенія: Московской губ. отъ засѣчныхъ помѣстныхъ сторожей д. Кулешевой, Лихвинскаго уѣзда; Казанской губ.—отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ города Мензелинска.

Разряды избирателей.	Наказы депутатамъ.	Г У				
		Московская.	Петербургская.	Новгородская.	Смоленская.	Архангелогородская.
Дворяне.	Всего наказовъ	50	3	18	5	6
	Число наказовъ, касающихся школы и просвѣщенія	10	3	8	2	2
	% отнош. чис. нак., касающ. просв., ко всему количеству наказовъ	20	100	44,44	40	50
Горожане.	Всего наказовъ	58	3	20	5	20
	Число наказовъ, касающихся школы и просвѣщенія	2	—	2	1	3
	% отнош. чис. нак., касающ. просв., ко всему колич. наказовъ	3,43	—	10	20	5
Сельское населеніе.	Всего наказовъ	27	—	8	—	230
	Число наказовъ, касающихся школы, и просвѣщенія	1	—	—	—	—
	% отнош. чис. нак., касающ. просв., ко всему кол. нак.	3,7	—	—	—	—
Казаки.	Всего наказовъ	—	—	—	—	—
	Число наказовъ, касающихся школы и просвѣщенія	—	—	—	—	—
	% отнош. чис. нак., касающ. просв., ко всему кол. наказовъ	—	—	—	—	—
Инородцы.	Всего наказовъ	—	—	—	—	—
	Число наказовъ, касающихся школы и просвѣщенія	—	—	—	—	—
	% отнош. числа нак., касающ. просвѣщ., ко всему кол. нак.	—	—	—	—	—

Б	Е	Р	Н	І	И.										
Нижегородская.	Казанская.	Астраханская.	Воронежская.	Бѣлогородская.	Слободско-Украинская.	Малороссійская.	Кіевская.	Новороссійская.	Эстляндская.	Лифляндская.	Выборгская.	Оренбургская.	Сибирская.	Иркутская.	ВСЕГО.
4	5	—	17	17	5	10	1	11	1	3	1	3	2	3	165
1	—	—	2	4	2	3	1	1	—	1	—	—	—	—	—
25	—	—	11,8	23,53	40	30	100	9,09	—	33,33	—	—	—	—	24,02
7	15	20	16	5	—	12	2	—	—	—	—	—	9	5	205
—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
—	6,06	—	12,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,36
—	48	—	—	—	—	4	1	—	—	—	—	—	—	—	318
—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	2,08	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,63
—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	41	—	—	—	—	—	..	—	—	—	—	—	—	—	41
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

13 губерніяхъ [1]), а вторые въ 6 [2]). При этомъ интересно, что центральная Московская губернія наиболѣе, густо заселенная, занимаетъ среди дворянскихъ наказовъ 3-ье мѣсто съ конца, а среди городскихъ послѣднее. Наибольшее же вниманіе къ явленіямъ культурнаго порядка обнаруживаютъ окраинные районы: для дворянъ— сѣверо-западныя и сѣверныя губерніи, а для горожанъ западное Приднѣпровье, сѣверное Поморье, восточное Поволжье и Южное Подонье. Быть можетъ, въ Московской губерніи, этомъ старомъ государственномъ ядрѣ, школьное дѣло было поставлено лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи; но вѣроятнѣе, что окраины Россіи сильнѣе чувствовали потребность въ образованіи подъ культурнымъ вліяніемъ зарубежныхъ сосѣдей.

Если сравнительно такъ мало вниманія удѣляли культурному подъему страны избиратели, то пожалуй еще меньше

---

[1]) Изъ приводимыхъ ниже данныхъ видно, въ какихъ губерніяхъ дворянскіе избиратели касались въ своихъ наказахъ школьнаго дѣла, въ какомъ % отношеніи находится число этихъ наказовъ, съ культурными запросами ко всему количеству наказовъ, составленныхъ въ данной губерніи въ дворянскомъ избирательномъ собраніи.

Губерніи.	Число нака-зовъ.	% отнош. ко всѣмъ наказ.	Губерніи.	Число нака-зовъ.	% отнош. ко всѣмъ наказ.
Петербургская	3	100	Малороссійская	3	30
Кіевская	1	100	Нижегородская	1	25
Новгородская	8	44,44	Бѣлогородская	4	23,53
Слободско-Украинская	2	40	Московская	10	20
Смоленская	2	40	Воронежская	2	11,8
Архангелогородская	2	33,33	Новороссійская	1	9,09
Лифляндская	1	33,33			

[2]) Приводимыя ниже цифровыя данныя даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, въ какихъ губерніяхъ на выборахъ 1767 года городскіе избиратели обнаруживали стремленіе къ образованію и въ какомъ % отношеніи ко всей массѣ городскихъ наказовъ стоятъ тѣ, въ которыхъ говорится о школьномъ дѣлѣ и явленіяхъ культурнаго порядка.

Губерніи.	Число нака-зовъ.	% отнош. ко всѣмъ наказ.
Смоленская	1	20
Архангелогородская	3	15
Воронежская	2	12,5
Новгородская	2	10
Казанская	1	6,06
Московская	2	3,43

останавливались на немъ депутаты. Вѣдь центральное мѣсто въ преніяхъ Большой Комиссіи занимали вопросы сословнаго и административнаго порядка, говорить же о народномъ образованіи приходилось лишь вскользь, при выясненіи правъ и преимуществъ того или иного сословія. Въ общей сложности за $1^1/_2$ года существованія Законодательной Комиссіи изъ 204-хъ ея засѣданій только въ 16 [1]) ораторы касались проблемы народнаго образованія. Пренія при этомъ иногда принимали довольно страстный характеръ, что является превосходнымъ показателемъ того, какъ съ одной стороны нѣкоторые изъ депутатовъ искренне стремились къ просвѣщенію страны и какъ, съ другой, обскуранты и мракобѣсы горячо отстаивали

---

[1]) Въ прилагаемой таблицѣ мы приводимъ указанія на то, въ какихъ засѣданіяхъ Большой Комиссіи подымались вопросы изъ области народнаго образованія.

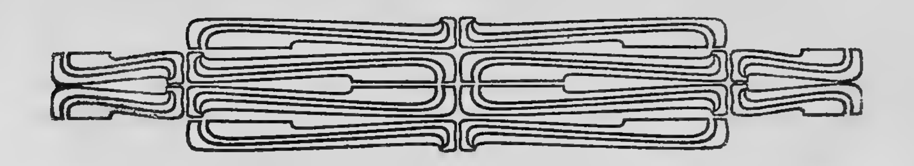
Засѣданія, въ которыхъ говорили о народномъ образованіи:	**Лица, говорившія по вопросамъ, касающимся народнаго образованія.**
25-е 17. IX. 1767 г.	Кн. Щербатовъ, д. Ярославскаго дворян.
25-е 19. IX. 1767 г.	Кожинъ, д. Кошинскаго дворян.
—	Строгановъ, д. Серпейскаго дворян.
26-е 21. IX. 1767 г.	Козельскій, д. Днѣпровскаго Пикинернаго полка.
30-е 28. IX. 1767 г.	Потемкинъ, д. Бѣльскаго двор.
—	Толмачевъ, д. Любимскаго двор.
36-е 9. X. 1767 г.	Межениновъ, д. Коммерцъ-Коллегіи.
47-е 24. X. 1767 г.	Самойловъ, д. г. Енисейска.
51-е 30. X. 1767 г.	Елагинъ, д. Пусторжевскаго двор.
100-е 19. III. 1768 г.	Ларіоновъ, д. г. Симбирска.
118-е 29. IV. 1768 г.	Неустроевъ, д. г. Юрьева-Повольскаго.
121-е 2. V. 1768 г.	Жеребцовъ, д. Нижегородской провинціи пахотныхъ солдатъ.
122-е 5. V. 1768 г.	Любавцевъ, д. г. Пензы.
126-е 13. V. 1768 г.	Селивановъ, д. Пензенской провинціи пахотныхъ солдатъ и старыхъ службъ служилыхъ людей.
128-е 15. V. 1768 г.	Жеребцовъ, д. Нижегородской провинціи пахотныхъ солдатъ.
129-е 16. V. 1768 г.	Строгановъ, д. Серпейскаго двор.
136-е 28. V. 1768 г.	Орловъ, д. Клинскаго двор.
139-е 2. VI. 1768 г.	Глазовъ, д. Обоянскаго двор.

Такимъ образомъ въ этихъ 16 засѣданіяхъ выступало въ общей сложности 16 ораторовъ, изъ которыхъ двое—гр. Строгановъ и Жеребцовъ говорили по два раза. Всего чаще къ вопросу о народномъ образованіи обращались въ своихъ рѣчахъ дворянскіе депутаты—9 ч., городскіе выступали 4 раза, представители отъ сельскаго населенія только 2 ч. и изъ правительственныхъ депутатовъ говорилъ по данному вопросу только 1.

необходимость для Россіи того времени оставаться по-прежнему въ глубокомъ невѣжествѣ. Однако, какъ ни скуденъ матеріалъ, находящійся въ нашемъ распоряженіи, онъ все же позволяетъ намъ раскрыть одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ въ исторіи русскаго общества XVIII вѣка, когда оно впервые получило возможность отмѣтить культурные недочеты страны и намѣтить тѣ мѣры, которыя дали бы ей возможность выйти на широкую дорогу общечеловѣческаго просвѣщенія.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

I.

Лицей 40-хъ годовъ.—Протоіерей Кочетовъ.—Профессоръ Ивановскій.—Занятія политическою экономіею и финансами.—Страсть лицеистовъ къ серьезному чтенію и увлеченіе сенъ-симонизмомъ.—Зачисленіе на службу въ Государственную канцелярію.—Переходъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Исторія возникновенія инспекторскаго департамента.

Въ началѣ 1840 года, изъ V класса С.-Петербургской 2-ой гимназіи я поступилъ въ Императорскій Лицей, который помѣщался тогда въ Царскомъ Селѣ, а четыре года спустя былъ переведенъ въ самую столицу, въ отведенную ему на Петербургской сторонѣ просторную усадьбу. Завершилось мое образованіе въ Лицеѣ къ исходу 1845 года. Нашъ выпускъ, или, по-лицейски, курсъ являлся XIV-мъ съ основанія этого учебнаго заведенія. Такимъ образомъ, я на шесть лѣтъ моложе М. Х. Рейтерна (X курса), окончившаго Лицей въ годъ моего туда вступленія и освободившаго предназначенную мнѣ казенную вакансію.

Въ лицейскую семью я вошелъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, но мое развитіе опередило возрастъ, сверстники мои оказались далеко позади меня въ этомъ отношеніи, ихъ интересы были большею частью мнѣ чужды, и потому первые годы я проводилъ свободное время преимущественно съ воспитанниками старшихъ курсовъ. При неутолимой жаждѣ къ знанію вообще, во мнѣ довольно рано пробудилось увлеченіе философіею и религіозными вопросами, къ которымъ я подходилъ, главнымъ образомъ, съ критической стороны. Въ занятіяхъ

этими предметами меня особенно вдохновлялъ нашъ священникъ протоіерей Кочетовъ, образованнѣйшій человѣкъ того времени, сотрудникъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета, въ бытность послѣдняго ректоромъ Петербургской духовной академіи. Несмотря на подчасъ проявлявшійся во мнѣ духъ отрицанія, о. Кочетовъ очень меня любилъ, постоянно восторгался моими знаніями, а на выпускномъ экзаменѣ даже особо отрекомендовалъ меня посѣтившему тогда лицей митрополиту Антонію.

Отъ религіи и философіи я перешелъ къ политической экономіи и сдѣлался ревностнымъ поклонникомъ этой науки, курсъ которой намъ читалъ И. А. Ивановскій. Талантливый и увлекательный—профессоръ Ивановскій принадлежалъ къ плеядѣ молодыхъ ученыхъ, впервые посланныхъ въ 30-хъ годахъ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ за границу для усовершенствованія въ избранной каждымъ изъ нихъ отрасли знанія. Ознакомившись въ чужихъ краяхъ съ новыми открытіями европейской научной мысли и обогативъ себя обширнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, подготовленные такимъ путемъ профессора внесли свѣжую струю въ господствовавшіе у насъ тогда пріемы преподаванія, возбудили и утвердили въ своихъ слушателяхъ пламенную любовь къ чистой наукѣ. Въ частности, для насъ, лицеистовъ, лекціи незабвеннаго Ивановскаго были даже не ученіемъ, а просто наслажденіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій я еще на школьной скамьѣ пристрастился къ изученію и разработкѣ различныхъ вопросовъ изъ области политической экономіи и финансовъ. Совершенно случайно мои труды въ указанномъ направленіи получили благодатную для своего развитія почву. Около описываемаго времени скончался отецъ одного изъ моихъ товарищей, служившій во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и трудившійся надъ систематизаціею законовъ. Послѣ его смерти осталась довольно обширная библіотека, заключавшая въ себѣ, между прочимъ, полное собраніе законовъ. Такъ какъ для малой квартиры, въ которую переселилась осиротѣвшая семья, библіотека эта представляла значительную тягость, то я предложилъ своему товарищу временно, впредь до продажи книгъ, поставить ихъ у себя или вѣрнѣе въ казенной квартирѣ моего отца, управлявшаго тогда кредитною канцеляріею министерства финансовъ. Получивъ въ свое распоряженіе полное собраніе законовъ, я принялся изучать исторически различныя экономическія явленія въ нашемъ оте-

чествѣ со временъ царя Алексѣя Михаиловича. Съ этою цѣлью мною были сдѣланы подробныя выписки изъ всѣхъ обнародованныхъ въ полномъ собраніи правительственныхъ актовъ, касающихся финансоваго управленія, денежной системы и банковаго дѣла. Надъ такого рода работою я просидѣлъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ рвеніе мое было настолько сильно, что я могъ въ теченіе каникулъ почти безъ отдыха трудиться надъ поставленною себѣ задачею, не выходя ни разу даже въ садъ.

Среди лицеистовъ того времени была сильно развита страсть къ чтенію, но удовлетворять ее въ ту пору, когда большая часть интересовавшихъ молодыхъ людей книгъ была запрещена, приходилось обходными путями. Обыкновенно, у каждаго изъ насъ былъ свой букинистъ, который отлично зналъ всѣ запрещенныя книги, особенно серьезныя, и время отъ времени навѣдывался къ своимъ покупателямъ, снабжая ихъ запрещенною литературою по интересовавшимъ вопросамъ. Наиболѣе извѣстенъ былъ своею дѣятельностью въ этой области одинъ изъ братьевъ Исаковыхъ, выдававшійся среди прочихъ купцовъ своимъ развитіемъ и державшійся нашей молодежи. Доставляемыми намъ, такимъ образомъ, книгами мы зачитывались по ночамъ. Особенно увлекалась тогдашняя молодежь политическою экономіею и развивавшимися на западѣ соціальными ученіями сенсимонистовъ, съ жадностью поглощая произведенія братьевъ Перейръ, Мишеля Шевалье и др. Но моя логическая голова удерживала меня отъ чрезмѣрнаго восхищенія возвышенными, но оторванными отъ жизненной дѣйствительности теоріями. Въ своихъ взглядахъ я оставался на почвѣ строгой политической экономіи, основанной на признаніи свободной борьбы разныхъ потребностей и элементовъ, а не на насиліи, будь то насиліе единоличное или толпы.

Окончившимъ курсъ лицея предоставлено было въ то время зачисляться на государственную службу въ любое изъ правительственныхъ установленій по собственному желанію. Стремясь имѣть возможно большій досугъ для своихъ научныхъ занятій, я, по выходѣ изъ лицея, поступилъ въ Государственную канцелярію подъ начальство Андрея Аѳанасьевича Никитина, статсъ-секретаря департамента Государственной экономіи. Разсчетъ мой оказался правильнымъ: какой-либо серьезной работы по канцеляріи мнѣ исполнять не приходилось, большую часть времени я проводилъ дома, погруженный въ свои изслѣдованія. Пребываніе мое въ Государственной канцеляріи продлилось, однако, недолго: въ іюлѣ 1846 года я былъ переве-

денъ въ первое отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Переходу моему предшествовали слѣдующія небезынтересныя для исторіи нашей гражданской службы обстоятельства.

Въ началѣ 40-хъ годовъ покойный Императоръ Николай Павловичъ приказалъ статсъ-секретарю А. С. Танѣеву, управлявшему первымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сообщить министрамъ, чтобы они доставляли въ Высочайшія руки Государя формулярные списки всѣхъ служащихъ въ Россіи по гражданскому вѣдомству. Во исполненіе этой Высочайшей воли стали стекаться изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, начиная съ министерствъ и кончая земскими судами въ губерніяхъ, списки чиновниковъ. Многіе изъ такихъ списковъ были просмотрѣны самимъ Государемъ, который особенное вниманіе обращалъ на случаи подсудности и нерѣдко собственноручно отмѣчалъ противъ фамиліи находящагося подъ судомъ чиновника: „спросить", а иногда прямо назначалъ провинившимся соотвѣтствующее наказаніе. Такъ, напримѣръ, какого-то канцелярскаго чиновника, находящагося подъ судомъ за то, что стрѣлялъ голубей на Смоленскомъ полѣ, Государь приказалъ уволить отъ службы. Точно также Государь нерѣдко интересовался, какими способами составляли себѣ состояніе нѣкоторые чиновники. Увидѣвъ изъ списковъ статсъ-секретаря Позена и сенатора Лубяновскаго, что за первымъ числится 3.000 душъ, а за вторымъ 2.500 душъ— въ Пензенской губерніи, Государь приказалъ спросить, какимъ путемъ они пріобрѣли свои имѣнія. Лубяновскій отвѣтилъ, что скопилъ необходимую на это сумму переводомъ Фенелонова Телемака. Противъ представленныхъ Позеномъ объясненій Государь написалъ: „Какой умный и способный человѣкъ". Однако, количество накопившагося такимъ образомъ матеріала достигло постепенно столь внушительныхъ размѣровъ, что непосредственное ознакомленіе съ формулярными списками, безъ предварительной ихъ разработки, встрѣчало серьезныя затрудненія. Поэтому, просматривая списки Государственной канцеляріи, Государь повелѣлъ перевести изъ состава послѣдней нѣсколько чиновъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи для разсмотрѣнія всѣхъ вообще формулярныхъ списковъ. Въ числѣ командированныхъ шести чиновниковъ Государственной канцеляріи оказался и я. Наша работа у Танѣева заключалась въ подробной обработкѣ послужныхъ списковъ и, между прочимъ, въ составленіи свода всѣхъ подсудныхъ чи-

новъ. Этимъ положено было начало вскорѣ затѣмъ образованному при первомъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи Императорскому департаменту, которому были переданы всѣ дѣла, подлежавшія ранѣе вѣдѣнію Герольдіи, какъ-то: производство въ чины, назначенія на должности, наблюденіе за сроками изданія всѣхъ списковъ и пр. Самые списки стали печататься въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ помѣщались и начавшіе выходить, подобно принятому въ военномъ вѣдомствѣ порядку, Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству. Въ концѣ 1846 года я окончательно водворился въ Инспекторскомъ Департаментѣ и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, пользуясь такою же свободою для своихъ научныхъ занятій, какъ и въ Государственной канцеляріи.

II.

Общественное движеніе конца 40-хъ годовъ.—Кружки Петрашевскаго, Дурова и др.—Арестъ участниковъ кружковъ въ апрѣлѣ 1849 года.—Обыскъ въ квартирѣ Ламанскихъ и арестъ Порфирія Ивановича Ламанскаго.—Составъ верховной слѣдственной комиссіи.—Освобожденіе Порфирія Ивановича и привлеченіе къ слѣдствію Е. И. Ламанскаго.—Допросъ въ слѣдственной комиссіи и прекращеніе дѣла.

Во время моей службы подъ начальствомъ А. С. Танѣева, я былъ привлеченъ къ слѣдствію по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго.

Въ 1847 году въ Петербургѣ началось соціальное движеніе. Въ это время здѣсь образовались кружки молодежи, гдѣ собирались и толковали о разныхъ предметахъ: о музыкѣ, поэзіи и о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ: въ такихъ собраніяхъ обмѣнивались также мыслями о болѣе свободномъ развитіи въ Россіи, объ освобожденіи крестьянъ, о свободѣ торговли, о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Между этими кружками былъ извѣстенъ кружокъ Петрашевскаго, у котораго собирались разные учителя, военная и статская молодежь. Другой кружокъ былъ у пріятеля Петрашевскаго Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ А. И. Пальмомъ и Щелкановымъ; это была партія литературная. У Петрашевскаго собранія происходили по пятницамъ, а у Дурова, кажется, по средамъ. Съ теченіемъ времени собранія у Петрашевскаго приняли болѣе политическую окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе систематическій характеръ: онъ приглашалъ учителей гимназій и у него была цѣль проводить свободныя мысли между юношествомъ. Я лично

былъ ближе къ кружку Щелканова и Дурова, потому что меня привлекала больше изящная сторона движенія — литературная и музыкальная; къ Петрашевскому ходилъ мой покойный братъ Порфирій, я же былъ тамъ всего разъ или два, такъ какъ мнѣ не нравилась практическая сторона дѣятельности этого кружка.

Кромѣ названныхъ двухъ кружковъ, подъ вліяніемъ кружка Петрашевскаго, образовались и въ другихъ частяхъ города собранія иного характера и свойства. Слухи о томъ, что за кружками наблюдаютъ и что въ числѣ посѣтителей есть агенты III отдѣленія, уже блуждали среди молодежи. Въ 1849 году на одномъ изъ баловъ-маскарадовъ какая-то таинственная маска подошла къ Пальму или къ кому другому и сказала: „Берегитесь, васъ сегодня же ночью будутъ арестовывать". И дѣйствительно, на слѣдующій день ночью послѣдовали аресты Петрашевскаго, Спѣшнева, Толя и многихъ другихъ.

Въ это время я занималъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Порфиріемъ комнату въ квартирѣ отца въ зданіи Главнаго Штаба. Вернувшись 23-го апрѣля въ шесть часовъ утра домой, черезъ черный ходъ, я сѣлъ заниматься и заварилъ себѣ кофе въ наполеоновскомъ кофейникѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, я услышалъ стукъ въ дверь и, отворивъ ее, увидалъ блѣднаго и растеряннаго денщика Пальма. Пальмъ, Дуровъ и Щелкановъ жили въ одной квартирѣ, гдѣ и происходили наши собранія. Денщикъ дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ:

„Нашихъ господъ взяли и они послали сказать вамъ, чтобъ вы припрятали, если у васъ есть какія-нибудь вещи".

Я немедленно разбудилъ брата и сообщилъ ему все переданное денщикомъ и, между прочимъ, о томъ, что къ брату должны придти поутру въ тотъ же день. Наскоро оправившись и переговоривши, мы стали обдумывать, что намъ прятать и скрывать. Особенно подозрительнаго у насъ не было ничего, но были болѣе или менѣе запрещенныя книги того времени. Принявъ необходимыя мѣры предосторожности, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія полиціи. Часовъ въ 12 братъ ушелъ на службу въ департаментъ внѣшней торговли, а я, какъ человѣкъ свободный, остался дома. Дѣйствительно въ 2 часа за братомъ отправились въ департаментъ и привели домой для осмотра комнаты, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ со мною. Какъ любопытное обстоятельство, я припоминаю, что братъ мой былъ тогда боленъ и принималъ какія-то капли, прописанныя докторомъ. Въ то время, какъ агенты тайной и явной полиціи съ

депутатами отъ департамента, въ которомъ служилъ братъ, снимали съ полокъ всѣ книги нашей библіотечки, вынимали бумаги, находившіяся въ шкапахъ и столахъ, и сваливали все въ одинъ узелъ, братъ мой захотѣлъ принять свои капли, но жандармъ съ осторожностью остановилъ его, говоря: „Нѣтъ, извините, я этого не могу вамъ позволить“.

Не буду описывать отчаяніе матери и сдерживаемаго хладнокровія отца. Оказалось, что требовалось взять только одного брата Порфирія; меня же оставили свободнымъ. Какъ за тѣмъ обнаружилось, забирались сначала по списку агентовъ, сообщавшихъ о засѣданіяхъ у Петрашевскаго, а о собраніяхъ у Дурова еще ничего не знали. Въ числѣ посѣщавшихъ Петрашевскаго я не былъ намѣченъ, такъ какъ бывалъ у него очень рѣдко.

По заарестованіи моего брата ни я, ни родители мои не знали, что съ нимъ сдѣлалось и куда его дѣвали. Въ такомъ безпокойствѣ прошло нѣсколько дней, и только чрезъ недѣлю самыхъ назойливыхъ и безпрестанныхъ хлопотъ удалось узнать, что онъ содержится въ крѣпости впредь до разсмотрѣнія дѣла и что разрѣшается прислать ему бѣлье и другія необходимыя вещи, но ни свиданій, ни сообщеній съ нимъ не было дозволено никому ни подъ какимъ предлогомъ.

Что касается меня, то я былъ въ первое время вполнѣ покоенъ, и чрезъ нѣсколько недѣль у меня снова появились и прежнія и новыя запрещенныя книги и точно также приходили ко мнѣ тогда существовавшіе букинисты, спеціально торговавшіе книгами, на которыя имъ указывала русская цензура своими запрещеніями.

Мало-по-малу, слухи о томъ, въ чемъ подозрѣвались захваченные молодые люди и какое развитіе принимало слѣдствіе, проникли въ общество. Эпизоды заарестованія тѣхъ или другихъ изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ лицъ сдѣлались общей басней въ городѣ. Затѣмъ понемногу стали разсказываться открытія, къ которымъ привело слѣдствіе, новые дополнительные аресты и болѣе или менѣе бѣглыя сообщенія изъ разныхъ кружковъ. Кромѣ того, родственники и близкіе друзья заарестованныхъ время отъ времени получали свѣдѣнія о ходѣ уголовнаго слѣдствія.

Послѣ доноса и первыхъ докладовъ Липранди все дѣло было поручено особой верховной слѣдственной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, изъ коменданта крѣпости генерала Набокова и Я. И. Ростовцева.

Неожиданно для меня и для всего нашего семейства въ іюлѣ мѣсяцѣ явился къ намъ освобожденный изъ крѣпостного заключенія братъ мой Порфирій. Изъ разсказовъ его о печальномъ содержаніи въ крѣпости, о тѣхъ допросахъ, которые имъ дѣлали, и объ очныхъ ставкахъ съ другими посѣтителями кружковъ я узналъ, что раскрыты были всѣ развѣтвленія и что я неминуемо буду заарестованъ. Братъ мой объяснилъ мнѣ, что ни на немъ, ни на мнѣ не лежитъ особенныхъ обвиненій, но что тѣмъ не менѣе взятъ я буду для дополненія и окончанія слѣдствія. Въ ожиданіи этого момента я, разумѣется, снова прибралъ всѣ книги и бумаги и, живя тогда на Черной рѣчкѣ на дачѣ Бегрова, ожидалъ въ спокойномъ far niente появленія чиновъ тайной полиціи.

Въ одинъ прекрасный день, въ пять часовъ утра, пріѣхалъ къ намъ на дачу жандармскій полковникъ и вмѣстѣ съ нимъ вошло нѣсколько понятыхъ. Оказалось, что всѣ калитки и заборъ дачи, гдѣ мы жили, были тщательно оберегаемы нижними чинами полиціи. Я зналъ, что меня берутъ только для нѣкоторыхъ допросовъ и что въ скоромъ времени я буду освобожденъ, и потому не испытывалъ никакого волненія. Въ комнатѣ моей не нашли ничего кромѣ одного листа бумаги. Нельзя не упомянуть, что когда явились чины полиціи и мой отецъ спросилъ, по какому праву тревожатъ его покой, они предъявили ему бумагу, что имѣютъ приказъ пригласить сына его Валеріана къ начальнику III отдѣленія. Отецъ объяснилъ имъ, что у него въ семействѣ вовсе нѣтъ сына Валерьяна, а есть Евгеній и что вѣроятно это его приглашаютъ или можетъ быть брата Порфирія, который былъ незадолго предъ этимъ освобожденъ. Цѣль отца моего состояла въ томъ, чтобъ насъ взяли обоихъ и чтобъ братъ Порфирій, по освобожденіи, могъ сказать, что сдѣлалось со мною. Въ виду недоразумѣнія чины полиціи на это согласились, и я помню, какъ, одѣвшись, я сѣлъ на щегольскую эгоистку жандармскаго полковника, который, поддерживая за талію, доставилъ меня въ III отдѣленіе къ генералу Дубельту.

Тотчасъ же по прибытіи Дубельтъ пригласилъ меня въ кабинетъ вмѣстѣ съ братомъ и сказалъ, обращаясь къ нему:

„Вы, Порфирій Ивановичъ, можете ѣхать домой и сказать вашей матушкѣ, что намъ нужно будетъ оставить здѣсь брата вашего Евгенія Ивановича, но чтобъ матушка ваша не безпокоилась".

Вслѣдъ за тѣмъ меня отвели въ большую залу, которую

предоставили въ полное мое распоряженіе, разумѣется, приставивъ съ наружной стороны дверей жандарма. Вскорѣ пришелъ жандармскій полковникъ и сказалъ, что все, что я желаю, будетъ въ моемъ распоряженіи, что, если я хочу завтракать или обѣдать, мнѣ все будетъ отпущено.

— А черезъ нѣсколько времени я вамъ принесу нѣкоторые вопросные пункты,—прибавилъ полковникъ.

Дѣйствительно, мнѣ подали перо, бумагу и чернила. Вопросные пункты были довольно многочисленны и многіе изъ нихъ весьма неопредѣленны. Въ числѣ вопросовъ я помню слѣдующіе: сколько лѣтъ? гдѣ воспитывался? посѣщалъ ли Петрашевскаго? бывалъ ли у Дурова? какія держалъ рѣчи? что понималъ подъ словомъ свобода торговли? велъ ли разговоры объ освобожденіи крестьянъ и объ уничтоженіи помѣщиковъ, о томъ, чтобъ освободить торговлю и т. п. Я написалъ отвѣты на всѣ вопросы и, кончивъ показаніе уже послѣ обѣда, передалъ ихъ полковнику, а самъ легъ спать.

На другое утро явился ко мнѣ тотъ же полковникъ и сказалъ, что генералъ Дуббельтъ проситъ меня поѣхать съ нимъ въ комиссію. Эта послѣдняя засѣдала въ Петропавловской крѣпости, куда я и прибылъ въ сопровожденіи полковника. Меня тотчасъ же позвали въ комиссію, и я увидалъ тамъ князя Гагарина, Набокова и Ростовцева, которые начали предлагать мнѣ разные вопросы, отвѣты на которые я уже зналъ впередъ, частію изъ объясненій моего брата, частію изъ тѣхъ вопросныхъ пунктовъ, которые были предложены мнѣ наканунѣ. Вопросы касались преимущественн› освобожденія крестьянъ и свободы торговли. Это экономическое ученіе было извѣстно генераламъ въ смыслѣ избавленія купцовъ отъ какой-то зависимости отъ правительства и чуть ли не призыва къ бунту всего коммерческаго люда въ Россіи. Когда я объяснилъ, что ученіе о свободѣ торговли есть ученіе экономическое, что о немъ намъ читали съ каѳедръ профессора, что оно признается въ Европѣ, они заставили меня дать снова объясненіе и съ большой снисходительностью эти же самые члены комиссіи подсказывали мнѣ выраженія, служащія къ оправданію. Затѣмъ прочитавъ мнѣ нотацію о добротѣ Государя Императора, который такъ великъ и благодушенъ, что снисходитъ къ заблужденіямъ молодежи, члены комиссіи объяснили мнѣ, что хотя я, по своимъ поступкамъ и идеямъ, заслуживаю тяжкаго наказанія, но что во вниманіе къ моей молодости и общественному положенію, они вмѣняютъ мнѣ этотъ выговоръ въ нака-

заніе и освобождаютъ меня отъ заслуженной мною кары, но съ тѣмъ, чтобы я никогда о томъ, что происходило, никому не разсказывалъ. Вслѣдъ за симъ мнѣ сказали, что я свободенъ и могу ѣхать домой.

Все это дѣло тянулось еще нѣкоторое время, и въ концѣ года, въ декабрѣ, вышелъ подробный докладъ съ резолюціей Государя.

Безспорно, мой арестъ сдѣлался извѣстенъ, я отправился къ статсъ-секретарю Танѣеву и разсказалъ о случившемся. Онъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и сказалъ, что соберетъ обо мнѣ справки. Затѣмъ, по совѣщаніи съ княземъ Гагаринымъ, Танѣевъ не встрѣтилъ препятствій оставить меня на службѣ, но тѣмъ не менѣе исторія эта на долгое время, по ея окончаніи и послѣ рѣшенія въ отношеніи всѣхъ другихъ подсудимыхъ, оставила за собою вліяніе на мою карьеру.

Какъ было замѣчено выше, верховная слѣдственная коммиссія вмѣняла, между прочимъ, въ вину мнѣ и другимъ арестованнымъ лицамъ происходившіе между нами разговоры относительно освобожденія крестьянъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго событія я былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ коммиссій по выработкѣ положеній о крестьянахъ, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, а одинъ изъ участниковъ слѣдственной коллегіи 40 года Я. И. Ростовцевъ состоялъ предсѣдателемъ этихъ коммиссій, предначертавшихъ то великое преобразованіе, за одни разсужденія о которомъ приходилось еще такъ недавно нести отвѣтственность чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

III.

Переходъ на службу въ министерство финансовъ.—Характеристика министровъ финансовъ въ царствованіе Императора Николая I.—Канкринъ. Вронченко. Брокъ.—Исторія назначенія Брока товарищемъ министра финансовъ, а затѣмъ и министромъ финансовъ.—Порядокъ утвержденія государственныхъ бюджетовъ въ царствованіе Императора Николая I.

Непрерывныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятія мои по исторіи денежнаго обращенія и банковому дѣлу естественно предопредѣляли меня для дѣятельности въ министерствѣ финансовъ. Сюда я, наконецъ, и перешелъ въ началѣ 1853 года на должность чиновника особыхъ порученій.

Какъ извѣстно, царствованіе Императора Николая Павловича не было ознаменовано сколько-нибудь крупными преобразованіями по части финансовъ; но и тѣ немногія въ этой обла-

сти реформы, которыя осуществились въ указанный періодъ, относятся ко времени управленія министерствомъ финансовъ графа Канкрина; преемники же его Вронченко и Брокъ, можно сказать, ничего полезнаго не сдѣлали.

По сохранившимся въ моей памяти разсказамъ моего отца и другихъ лицъ, служившихъ при Канкринѣ и хорошо его знавшихъ, Канкринъ впервые обнаружилъ свои способности во время отечественной войны, когда, занимая должность генералъ-интенданта нашихъ армій, онъ производилъ всѣ разсчеты по военнымъ расходамъ какъ внутри Имперіи, такъ и по переходѣ нашими войсками границы. Успѣшность его дѣятельности въ этомъ отношеніи была удостовѣрена особою комиссіею, учрежденной министерствомъ финансовъ въ 1815—16 г.г. для повѣрки произведенныхъ на довольствіе армій расходовъ, причитавшихся намъ отъ Англіи платежей и т. п. Менѣе восторженные отзывы сложились о Канкринѣ—министрѣ финансовъ. Его слава какъ хорошаго хозяина и умѣлаго администратора въ министерствѣ можетъ быть и справедлива; но экономистъ онъ былъ очень плохой. Имъ даже не сознавались тѣ серьезные недостатки, которые были присущи кредитнымъ установленіямъ того времени и препятствовали постановкѣ у насъ на правильныя основанія банковаго дѣла. Денежное преобразованіе 1839—1843 г.г., хотя и связано съ именемъ Канкрина, однако едва-ли осуществлено по его почину. У меня есть данныя предполагать, что главную въ этомъ дѣлѣ роль игралъ членъ Государственнаго Совѣта князь Друцкой-Любецкій, при чемъ составленный имъ планъ реформы повидимому даже не нашелъ себѣ сочувствія со стороны министра финансовъ. Какъ человѣкъ, Канкринъ отличался несноснымъ характеромъ: былъ крайне упрямъ, воображалъ себя выше всѣхъ, любилъ въ сложныхъ вопросахъ отдѣлываться громкими фразами и былъ до грубости рѣзокъ не только съ подчиненными, но даже въ Государственномъ Совѣтѣ, особенно, когда ему приходилось отстаивать тамъ свои зачастую узкіе взгляды. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій совѣта онъ началъ путать какое-то дѣло цифрами, пересыпая свою рѣчь разными техническими терминами, въ родѣ: бухгалтеръ, балансъ и т. п. Когда разбиравшійся вопросъ оказался погруженнымъ въ густой туманъ Канкриновской фразеологіи, графъ Строгановъ заявилъ, что онъ ничего не понимаетъ, вѣроятно потому, что онъ не былъ бухгалтеромъ. На это Канкринъ вдругъ возразилъ: „Я былъ бухгалтеромъ, но вотъ дуракомъ я никогда не былъ“. Усилившаяся съ теченіемъ вре-

мени склонность Канкрина къ экономіи и частые отказы его въ производствѣ новыхъ расходовъ стали раздражать Императора Николая Павловича, который, хотя и цѣнилъ Канкрина, но, не перенося вообще противорѣчій, очевидно тяготился проявляемою имъ неуступчивостью. Это обстоятельство въ связи съ ухудшеніемъ въ здоровьѣ Канкрина, требовавшимъ частыхъ поѣздокъ за границу, привело, наконецъ, къ увольненію его отъ должности министра финансовъ.

Мѣсто Канкрина занялъ мой крестный отецъ Ѳ. П. Вронченко, возведенный впослѣдствіи, по случаю пятидесятилѣтія своей государственной службы, въ графское достоинство. Малороссъ по происхожденію, Вронченко отличался на рѣдкость уродливою наружностью: ростомъ вышиною почти съ сажень, неуклюжій, съ длинными руками, словомъ, настоящій орангутангъ. Онъ былъ умнымъ и хитрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Долгое время управляя кредитною канцеляріею, Вронченко постоянно бывалъ въ домѣ графа Канкрина, гдѣ онъ исполнялъ обязанности шута при хозяйкѣ дома—графинѣ Екатеринѣ Захарьевнѣ, рожденной Муравьевой. Во время лѣтнихъ прогулокъ дѣти Канкрина нерѣдко зарывали Вронченко въ сѣно, но онъ безропотно переносилъ всѣ подобнаго рода продѣлки. По природѣ своей скабрезный циникъ, Вронченко часто служилъ мишенью для остротъ князя А. С. Меншикова. О сладострастныхъ похожденіяхъ Вронченки ходило въ свое время много комичныхъ разсказовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Прогуливаясь, однажды, по Петровскому острову, Вронченко замѣтилъ купавшуюся спиною къ нему соблазнительную фигуру съ густыми золотистаго цвѣта волосами. Воспламененный этимъ видѣніемъ, онъ приказалъ курьеру немедленно доставить къ нему эту, по его предположенію, женщину. Но каково же было удивленіе и досада похотливаго Вронченки, когда возвратившійся курьеръ доложилъ ему, что очаровавшія его тѣлеса принадлежатъ не женщинѣ, а купавшемуся діакону мѣстной церкви.

Начало управленія министерствомъ финансовъ Вронченкою совпало съ проведеніемъ реформы по замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами; это дало поводъ Вронченкѣ впослѣдствіи говорить, что и самая реформа была задумана имъ. Въ дѣйствительности же никакихъ реформъ при немъ не задумывалось. Сдѣлавшись министромъ, Вронченко болѣе всего старался расположить къ себѣ вліятельныхъ лицъ, и въ этомъ отношеніи его угодливости не было, кажется, предѣловъ. Онъ постоянно

представлялъ Государю доклады о прощеніи долговъ и объ оказаніи разныхъ другихъ льготъ высокопоставленнымъ лицамъ за счетъ государственнаго казначейства. Каждый разъ, когда къ нему пріѣзжалъ съ какими-нибудь просьбами графъ Орловъ, Вронченко сбѣгалъ къ всесильному предсѣдателю комитета министровъ внизъ по лѣстницѣ и встрѣчалъ его въ швейцарской.

Но самымъ разительнымъ примѣромъ недостойнаго подслуживанія Вронченки является исторія назначенія товарищемъ министра финансовъ—Брока, человѣка совершенно незнакомаго съ первымъ словомъ финансовой науки. Въ канцеляріи комитета министровъ, гдѣ служилъ Брокъ до своего перехода въ министерство финансовъ, понадобилось продвинуть на его мѣсто другого, болѣе способнаго чиновника Буткова. Это побудило графа Орлова, какъ предсѣдателя комитета, обратиться къ Вронченкѣ съ просьбою устроить Брока по министерству финансовъ. Брокъ мечталъ, какъ о блаженствѣ, поступить директоромъ канцеляріи министерства, но Вронченко, по свойственному ему хамству, счелъ неудобнымъ, въ отношеніи къ просьбѣ графа Орлова, назначить Брока директоромъ своей канцеляріи и предложилъ ему прямо мѣсто своего товарища. Вскорѣ затѣмъ здоровье графа Вронченки, который былъ уже очень старъ, совершенно разстроилось. Въ предвидѣніи близкой кончины Вронченки, Брокъ сталъ мечтать о занятіи поста министра финансовъ. Директоромъ канцеляріи былъ тогда баронъ Гревеницъ, человѣкъ бездарный и пустой. По взаимному между собою соглашенію, Гревеницъ съ Брокомъ рѣшили заставить Вронченко, передъ смертью, обратиться къ Императору Николаю Павловичу съ просьбою о назначеніи министромъ финансовъ Брока, а товарищемъ министра—Гревеница. Въ этомъ смыслѣ составлена была докладная записка, подписанная рукою умирающаго графа Вронченки. Покойный Государь исполнилъ, якобы, волю графа Вронченки и назначилъ Брока сначала управляющимъ министерствомъ финансовъ, а затѣмъ министромъ финансовъ, но Гревеницъ въ товарищи министра не попалъ, изъ-за чего произошла цѣлая исторія, а въ публикѣ сдѣлался извѣстенъ приведенный случай. Вмѣсто Гревеница Брокъ избралъ себѣ въ товарищи весьма добраго, умнаго и образованнаго человѣка, но совершенно невѣжественнаго въ финансовомъ дѣлѣ—тайнаго совѣтника Норова, который кромѣ свѣтскаго приличія не имѣлъ другихъ заслугъ. Единственная его заслуга, пожалуй, состояла въ томъ,

что онъ самъ первый всегда заявлялъ объ отсутствіи у него знаній по финансовой части.

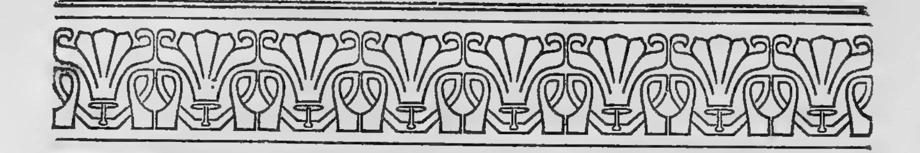
Понятно, что при такомъ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ министерства финансовъ, отъ вѣдомства этого нельзя было ждать какихъ-либо благодѣтельныхъ начинаній и вся дѣятельность его сводилась исключительно къ текущей работѣ. Впрочемъ, и въ этой области наиболѣе серьезные вопросы получали движеніе по почину и непосредственнымъ указаніямъ Государя. Особенно близкое участіе Императоръ Николай Павловичъ проявлялъ въ дѣлѣ составленія бюджета, такъ что государственная роспись, составлявшая тогда тайну, хотя и разсматривалась въ послѣдній день года въ Государственномъ Совѣтѣ, но въ дѣйствительности, можно сказать, устанавливалась лично Государемъ. Въ видѣ примѣра я приведу сохранившіяся у меня свѣдѣнія объ условіяхъ утвержденія бюджета на 50-й годъ.

Представлявшійся Государю бюджетъ сопровождался обыкновенно вѣдомостью о тѣхъ займахъ, которые министръ финансовъ предполагалъ сдѣлать изъ банковыхъ установленій въ дополненіе къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ. При бюджетѣ на 50-й годъ вѣдомость эта была представлена 23 декабря 1849 года министромъ финансовъ, статсъ-секретаремъ графомъ Вронченко вмѣстѣ съ запиской слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе изъявленной сегодня Высочайшей воли, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству вѣдомость о займахъ на 50-й годъ, составленную согласно Высочайшему указанію съ приложеніемъ". На запискѣ этой рукою Императора, при возвращеніи бумагъ, было помѣчено: „Полагаю необходимымъ снестись съ княземъ Меншиковымъ, что, кромѣ внесенныхъ въ роспись статей утвержденныхъ уже займовъ, прочія не возможны. Графа Клейнмихеля увѣдомить, что кромѣ утвержденныхъ уже займовъ можно только его вѣдомству назначить 2 милліона; князя Волконскаго увѣдомить, что на работы музеума нельзя назначить 500 тысячъ, а чтобы донесено было, сколько слѣдуетъ за произведенныя работы; новыя же остановить и по Кремлю тоже. За сими убавками уменьшится экстренныхъ займовъ на работы отъ морского министерства 1.797.025 р., по министерству двора, примѣрно, 500.000 р.; отъ путей сообщенія 6.359.194 р., отъ зданій государственнаго имущества 75.000 р., отъ зданія Оренбургскихъ присутственныхъ мѣстъ 35.000 р., отъ архангельскаго шоссе 27.581 р.; отъ государственныхъ имуществъ 650.000 р., по министерству финансовъ 31.254 р., а всего 9.475.054 р. меньше,

а затѣмъ всѣхъ экстренныхъ займовъ около 10.000.000 рублей, а съ остальными невыполненными въ 49-мъ году—12.900 тысячъ, да на покрытіе смѣтнаго дефицита 28.000.000 рублей; всего нужно 40.900.000 р., менѣе прошлаго года будетъ на 4.096.206 р. о чемъ честь имѣю поздравить, а ежели эти 4.096.206 р. можно допустить, то весьма бы полезно было раздѣлить ихъ такъ: министру двора на музеумъ 500.000; князю Меншикову 1.500.000 и графу Клейнмихелю—2.000.000. Весьма нужныя работы". Получивъ эту резолюцію 23-го того же декабря, министръ финансовъ пишетъ Государю слѣдующее: „Имѣвъ счастіе получить Высочайшія отмѣтки о займахъ, поспѣшу всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести, что Высочайшія повелѣнія будутъ немедленно сообщены по принадлежности. Обстоятельство касательно займовъ на 4.096.206 р. (сверхъ 40.900.000 р.) я полагалъ бы обсудить въ комитетѣ финансовъ, такъ какъ подобный предметъ былъ разсматриваемъ въ семъ комитетѣ и въ прошедшемъ году, и если признано будетъ возможнымъ разрѣшить оные, то распредѣленіе суммъ имѣетъ быть сдѣлано согласно Высочайшему указанію. Не могу скрыть передъ Вашимъ Величествомъ, что я весьма удивленъ былъ столь скорымъ возвращеніемъ бумагъ, ибо никакъ не могъ предполагать, чтобы разсмотрѣніе и разрѣшеніе оныхъ могло совершиться въ продолженіе 1½ часовъ". На этой бумагѣ при возвращеніи ея Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Рады стараться. Желалъ бы, чтобы нашелъ возможнымъ и все сбрить, но никакъ не возможно и впрочемъ деньги эти пустятся въ обращеніе и воротятся намъ въ податяхъ и въ банки. 24 декабря 49 года".

Сообщ. **А. фонъ Таль.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Неизданная статья епископа Никодима Казанцева о митрополитѣ московскомъ Филаретѣ.

Предисловіе.

Русской исторической наукѣ уже извѣстны однѣ записки епископа Никодима Казанцева о знаменитомъ Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ, и о другихъ церковныхъ дѣятеляхъ того времени. Онѣ напечатаны были, спустя три года по смерти автора, арх. Григоріемъ Воиновымъ („О Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ, моя память".—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1877, апрѣль—іюнь, II, стр. V + 116). Воспроизводимая ниже рукопись еп. Никодима „О Филаретѣ", почти совпадая съ уже напечатанной по заглавію и будучи отчасти родственною ей по содержанію, является, однако, совершенно особымъ, предсмертнымъ, трудомъ епископа, доселѣ пребывавшимъ въ безъизвѣстности. Даже арх. Григорій, несмотря на свое несомнѣнное знакомство съ архивомъ еп. Никодима, не подозрѣвалъ объ ея существованіи (ср. предисл. арх. Григорія къ напечатаннымъ имъ запискамъ еп. Никодима, стр. IV). Повидимому, еще самъ еп. Никодимъ отдалъ ее кому-то. Лѣтъ тридцать тому назадъ рукопись перешла къ отцу автора этихъ строкъ, а теперь находится въ рукахъ послѣдняго.

Вполнѣ сохранившаяся, она состоитъ изъ десяти листовъ писчей бумаги, при чемъ самый текстъ заполняетъ девять съ четвертью листовъ. Документъ написанъ рукою самого еп. Никодима, мелкимъ и очень неразборчивымъ почеркомъ, повидимому прямо на-бѣло. Каждый день писанія отмѣченъ на поляхъ, на послѣдней страницѣ двѣ подписи автора, одна на поляхъ, другая послѣ текста. Рукопись, изданная арх. Григо-

ріемъ, содержитъ въ печати 106 страницъ и, такимъ образомъ, уже объемомъ отличается отъ имѣющейся у насъ. Кромѣ этого, та рукопись написана въ Красноярскѣ, между 30 мая и 6 (или 21) октября 1868 года, наша написана на Перервѣ, подъ Москвою, между 13 марта и 11 апрѣля 1874 года. Воспоминанія, содержащіяся въ Красноярскихъ запискахъ, относятся къ 1821—1854 годамъ, излагающіяся въ нашей, Перервинской рукописи къ 1838—1862 годамъ. Параллельныхъ мѣстъ въ обоихъ документахъ довольно много, но редакціи ихъ совершенно различны. Повидимому, при писаніи воспоминаній на Перервѣ авторъ обращался преимущественно къ своей памяти, а не къ старымъ запискамъ. Естественно, что при этомъ оказалось записаннымъ многое такое, чего нѣтъ въ Красноярскихъ запискахъ. Кромѣ того, авторъ здѣсь болѣе откровененъ, чѣмъ прежде. Такъ, онъ приводитъ письмо Филарета, которое раньше не считалъ возможнымъ опубликовать самому (см. Краснояр. зап., стр. 104), даетъ болѣе смѣлые отзывы о разныхъ лицахъ (особенно интересенъ отзывъ, въ концѣ рукописи, о Филаретѣ, во многомъ отличающійся отъ красноярскаго), весьма свободно говоритъ авторъ и о себѣ.

Въ двухъ мѣстахъ нашей рукописи еп. Никодимъ говоритъ, что онъ считаетъ излишнимъ подробно описывать, какъ служилъ Филаретъ, ибо „это—пишетъ епископъ—лучше меня знаютъ московскіе отцы“ (гл. III). Отсюда видно, что эта статья предназначалась къ помѣщенію въ одномъ изъ московскихъ духовныхъ журналовъ. Красноярскія записки также предназначались къ печати (ср. въ нихъ стр. 99 и 104), но (возможно, что „по независящимъ обстоятельствамъ“) не попали въ нее тогда же. Но желая все-таки подѣлиться съ публикой своими богатыми воспоминаніями, еп. Никодимъ и написалъ черезъ пять лѣтъ новую статью. Однако и ее не пришлось ему напечатать; онъ умеръ спустя два мѣсяца послѣ ея окончанія.

Неизлишнимъ будетъ воспроизвести здѣсь остовъ біографіи еп. Никодима (подробности см. въ обоихъ трудахъ епископа о Филаретѣ и въ упомянутомъ предисловіи арх. Григорія, котор. мы пользуемся). Онъ родился въ 1803 г., въ селѣ Комлевѣ Рузскаго уѣзда Московской губерніи отъ дьячка Ив. Ив. Казанцева и былъ названъ Никитой. Окончивъ курсъ въ духовной семинаріи, онъ поступилъ въ Московскую духовную академію и, еще будучи ея студентомъ, принялъ монашество. По окончаніи академіи (магистромъ богословія), онъ проходилъ должность инспектора въ семинаріяхъ: Тульской, Новгородской

и опять Тульской, а въ 1835 г. получилъ санъ архимандрита и должность ректора Вятской семинаріи. Въ 1837 г. арх. Никодиму было предложено, какъ и всѣмъ другимъ ректорамъ семинарій, написать проектъ Богословскаго конспекта для семинарій. Представленное арх. Никодимомъ сочиненіе обратило на него вниманіе синодальнаго оберъ-прокурора Протасова, и онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ два года занимался у Протасова проектомъ новаго устава для духовныхъ училищъ и несъ чреду священнослуженія и проповѣдничества. Послѣ этого арх. Никодимъ былъ ректоромъ семинарій: Херсонской, затѣмъ—Курской и наконецъ Ярославской. Въ 1853 г. онъ вторично былъ вызванъ въ Петербургъ, а въ началѣ слѣдующаго года сдѣланъ былъ епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи. Въ 1859 г. еп. Никодимъ управлялъ Вятской епархіей, а въ 1861 г. былъ назначенъ епископомъ Енисейской епархіи съ жительствомъ въ Красноярскѣ, по дорогѣ куда схватилъ жестокій ревматизмъ, мучившій его до конца жизни. Въ 1870 г. еп. Никодимъ былъ уволенъ на покой и поселился въ Никольскомъ Перервинскомъ монастырѣ, близъ Москвы. Въ 1874 г., больной водянкою, онъ пріѣхалъ, на время, въ Дмитровъ, но здѣсь умеръ 11 іюня того же года. Какъ повѣствуетъ самъ еп. Никодимъ, вся его жизнь была почти сплошнымъ рядомъ неудачъ и непріятностей. Причинами этого были рѣзкость и неуживчивость епископа и, повидимому, какія-то слабости (см. ниже гл. XIV сл.). Неудивительно, что рѣзкимъ и желчнымъ было и его перо, особенно во вторую половину жизни.

Кромѣ упомянутыхъ выше литературныхъ трудовъ еп. Никодиму принадлежитъ еще рядъ статей въ „Енисейскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“, а также написанная еще въ 1839 г., но оставшаяся неизданной, грамматика русскаго языка, въ которой авторъ во многомъ слѣдовалъ Ломоносову, а въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ являлся новаторомъ (ср. Краснояр. зап.). Отчасти въ виду этого труда еп. Никодима мы, по возможности, сохраняемъ въ воспроизводимомъ ниже орѳографію автора и необходимыя измѣненія въ ней (какъ и въ остальномъ) оговариваемъ въ примѣчаніяхъ.

Ив. Марковъ.

О Филаретѣ [1]).

I.

Въ 1838—41 годахъ, живъ въ Петербургѣ, я имѣлъ доступъ бывать у Московскаго Владыки на его Троицкомъ подворьѣ, что на Фонтанкѣ, почти противъ Аничкова дворца.

Въ 1838 году, въ сентябрѣ, когда я явился къ митрополиту Филарету, лишь пріѣхавшему изъ Москвы [2]), на поклонъ и благословеніе (былъ я съ нимъ одинъ—очи на очи), сказалъ ему между прочимъ: [3]) „Въ здѣшней Духовной Академіи отдѣлены спальныя комнаты для студентовъ отъ комнатъ ихъ жительства въ остальной день. И уже студенты не имѣютъ ни возможности, ни права быть въ своихъ спальныхъ комнатахъ, цѣлый день, начиная отъ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера“. Филаретъ, съ удивленіемъ: „Ужели“? потомъ, принявъ спокойный видъ, сказалъ: „Вотъ чертъ шутитъ. Подкрадывался ко Академіи со всѣхъ сторонъ: не пускаютъ. Нашелъ таки путь: теперь студенты будутъ дураки. Ихъ лишили покоя“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ зданіи Академіи для студентовъ комнаты мелкія: ихъ немного. Половину отняли подъ спальни. Остались другія небольшія. Ихъ тутъ столпили кучами. Бѣдные! Послѣ обѣда, напримѣръ, по старой привычкѣ, отдохнуть собирали табуреты, и на нихъ кое-какъ ложились. Вообще: Уровень учености духовной, съ тѣхъ поръ, сильно понизился, хоть и не отъ одной этой причины.

Протасовъ почему-то завидовалъ учености духовной и всячески старался, съ діаволомъ, одурачить насъ духовныхъ.

II.

Филаретъ дозволилъ мнѣ быть у него въ Петербургѣ, запросто, въ три часа по полудни.

Въ это время я находилъ всегда его одного. Тогда онъ былъ: въ одномъ подрясникѣ изъ черной шерстяной м...тейной [4]) матеріи, сшитомъ [5]) просторно и просто, съ просторными руко-

[1]) На поляхъ помѣтка: „13 марта 1874 г. Перерва“.

[2]) „Лишь—Москвы“ вставлено авторомъ.

[3]) Кавычекъ здѣсь нѣтъ.

[4]) Неразобрано.

[5]) Въ подлин. „сшитый“.

вами, въ родѣ простого мѣшка, подпоясанъ мужицки [1]) поясомъ изъ той же м...тейной [2]) матеріи. Голова покрыта... [3]) плетеною сѣткою (вмѣсто камилавки), чтобы не путались волосы. На ногахъ черевички самые покойные и простые, и бѣлые шерстяные [4]) чулки... (Иногда и въ сапогахъ, заношеныхъ, полинявшихъ, рыжихъ).

Сидя на софѣ передъ столомъ, а меня посадя на креслахъ противъ себя,—такъ и разговаривалъ со мною; даже иногда прилажетъ.

Разговоръ его всегда простой, довѣрчивый, отеческій, искренній.

Ни одного изъ Владыкъ Синода, да и вообще никого, никогда при мнѣ не осуждалъ, хотя случаевъ было много и даже касалось оскорбленія его самого. О митрополитѣ Спб. Серафимѣ (тогда бывшемъ) всегда говорилъ: „Владыка, Владыка митрополитъ, Владыка Серафимъ, здѣшній Владыка".

Филарету я могъ говорить все, что хотѣлъ и когда хотѣлъ; но это не значитъ, чтобы можно было говорить ему всякій вздоръ и всякую глупость. На глупость и дерзость получишь такой отвѣтъ, что закаишься впередъ удручать великаго человѣка своимъ дурачествомъ и увидишь свою малость и ничтожество.

Въ моей жизни бывало много бесѣдъ съ высокими людьми и много бесѣдъ, съ обоихъ сторонъ не осторожныхъ а можетъ быть и глупыхъ: но я ни съ однимъ, ни однажды не говорилъ такъ довѣрчиво, какъ съ Филаретомъ, ни отъ кого не получилъ столько доступа и думаю [5]) сказать,—ни отъ кого столь вѣрно, умно и назидательно не получилъ отвѣтовъ. Филаретъ при томъ въ бесѣдахъ своихъ со мною, всегда былъ чистъ, не пороченъ, цѣломудренъ какъ Ангелъ, да же и во мнѣ это же хотѣлъ предполагать и видѣть.

О дѣлахъ Синода, изрѣдка, говорилъ мнѣ, но только то, что мнѣ по плечамъ, и что не обидно Синоду и не укоризна ему.

Говорилъ Филаретъ столь ясно, что еслибъ слушалъ его пятилѣтній ребенокъ,—все умѣлъ бы понять и повторить; но и говорилъ столь изящно и отборно, что я не знаю другого

---

[1]) Зачернуто первоначальное: „мѣщански".
[2]) Неразобрано.
[3]) Неразобрано.
[4]) „Бѣлые шерстяные" вставлено авт.
[5]) Зачеркнуто: „смѣю".

ему подобнаго: хорошо говорилъ и Протасовъ, и нѣкоторые Владыки, напримѣръ, Евгеній бывшій Ярославскій, но далеко не Филаретъ.

III.

Нѣсколько разъ я служилъ у митрополита Филарета, и съ нимъ и безъ него, въ его домовой церкви преп. Сергія, не большой, но совершенно имѣющей видъ церкви, ибо съ куполомъ, и только западной стѣной соединяющейся [1]) съ домомъ.

Большею частію я, такъ сказать, навязывался служить, напримѣръ, въ памяти преп. Сергія, въ Троицинъ день, въ мои постриженія, посвященія (я посвященъ Митрополитомъ во діакона и іерея): Филарету однако сія моя навязчивость не очень нравилась. (Онъ всегда меня допрашивалъ о причинѣ служенія у него). Кажется это по тому, чтобы отдалить отъ себя мнѣніе Петербургскихъ, особенно прокурора, что я въ особенно милыхъ Филарета, покровительствуемыхъ, и даже его агентъ въ Петербургѣ. Чего не придумаетъ черная душа!

Между тѣмъ служить съ Филаретомъ это было духовное наслажденіе, рай на землѣ. А между тѣмъ его ко мнѣ отношенія, даже Отеческія сближенія, были истинно непорочныя, Ангельскія, во славу добродѣтели и Бога, не [2]) для какихъ земныхъ покровительствъ, даже мнѣ самому, тѣмъ менѣе къ какимъ-нибудь услугамъ Владыкѣ.

Я тогда жилъ на Синодальномъ Подворьѣ, поболѣе полверсты отъ Троицкаго Подворья. Въ нашемъ подворьѣ тоже домовая хорошая, просторная церковь, святого Митрофана Воронежскаго. При мнѣ здѣсь обитали преемственно: сперва Владиміръ, Архіепископъ Казанскій, потомъ Кириллъ, Архіепископъ Подольскій, затѣмъ Гавріилъ, Архіепископъ Рязанскій, присутствуя въ Синодѣ.

Всѣ они имѣли свою духовную свиту [3]), при всѣхъ ихъ было ежедневное правильное Богослуженіе. Въ Воскресенье и праздники они большею частію служили; я старался всячески приставать и служить съ ними. Но о Боже! меня всячески старались отдалить, оттиреть, изгонять. Не знаю, воля ли на то была Архіереевъ, или сами отцы свиты меня не терпѣли.— Только наипаче, это изгнаніе и препоны заставляли меня искать

---

[1]) Въ подл. „соединяющаяся".
[2]) Въ подл. „ни".
[3]) На поляхъ помѣтка: „14 марта 1874 г."

мѣста службы въ другомъ мѣстѣ, и всего паче у Владыки Филарета, даже и по близости къ нему нашего подворья.

По сему-то я и докучалъ Филарету, хотя замѣчалъ и его неблаговоленіе. Однако иногда самъ Владыка приказывалъ мнѣ служить въ его церкви, или съ нимъ, или безъ него.

Такъ напримѣръ при постриженіи въ монашество и при посвященіи во Архимандрита нынѣшняго митрополита Московскаго Иннокентія, тогда протоіерея Ивана Евсеича, совершенномъ [1]) митрополитомъ Филаретомъ въ его домовой церкви, я былъ употребленъ, въ дополненіе, впрочемъ указомъ святѣйшаго Синода. Со Владыкой Филаретомъ я освящалъ церковь въ Коммерческомъ училищѣ, по его [2]) приказу или приглашенію. Съ нимъ же я не разъ служивалъ, состоя [3]) на чередѣ, въ Казанскомъ и Петропавловскомъ соборѣ [4]) при погребеніи въ Лаврѣ Невской архіепископа Кирилла и можетъ быть въ другихъ церквахъ и случаяхъ.

Владыка Филаретъ служилъ назидательнѣйше, стоитъ какъ свѣча, не возмутится ни чемъ, не оскорбитъ взглядомъ, но такъ сказать обрадуетъ и подаритъ Ангельскимъ настроеніемъ своей души, какъ лучше меня знаютъ конечно московскіе Отцы.

Не часто послѣ служенія приглашалъ меня къ себѣ Владыка, и я не смѣлъ навязываться: у него всегда почти были гости—мірскіе. А когда бывалъ, всегда радовался душею и получалъ какое-нибудь назиданіе.

Однажды, въ первую недѣлю поста, я осмѣлился [5]) быть на вечерняхъ въ первые четыре дня, чтобъ послушать Владычное чтеніе великаго Канона св. Андрея Критскаго. Удивилъ меня Владыка. Я думалъ слышать оратора, разглагольщика, воздыхателя, какъ многіе изъ насъ и изъ великихъ, какихъ я слыхалъ [6]). Совсѣмъ нѣтъ: читаетъ какъ чтецъ, дьячекъ, псаломщикъ; безъ переливовъ воздыханій, умиленій. Тогда мнѣ это не очень показалось. Я тогда подумалъ: „Владыка такъ читаетъ для того, чтобы не подумали о немъ, что онъ щеголяетъ даже и благочестіемъ". Теперь думаю вовсе иначе: „Владыка читалъ тогда такъ изъ благоговѣйства [7]), и воздыханія испор-

---

[1]) Въ подл. „совершеннаго".
[2]) Въ подл. „Его".
[3]) Вм. зачеркнутаго „бывъ".
[4]) Въ подл. точка.
[5]) Въ подл. „осмѣливался".
[6]) Въ подл. здѣсь двоеточіе.
[7]) Sic.

тили бы дѣло. Такъ слѣдуетъ, такъ служили Святые Отцы, такъ служилъ святый Аѳанасій Александрійскій. Впрочемъ и это лучше меня знаетъ Москва.

IV.

Преосвященный Подольскій Кириллъ пріѣхалъ въ Петербургъ для засѣданія въ Св. Синодѣ, въ 1840 годѣ, въ августѣ. Онъ меня, какъ сосѣда, приглашалъ бывать у себя и часто требовалъ.

Митр. Филаретъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ тогда въ концѣ сентября или въ началѣ октября.

Меня требуетъ Кириллъ къ себѣ, послѣ пріѣзда изъ Синода, когда впервые прибылъ въ Синодъ же и присутствовалъ владыка Филаретъ. Встрѣчаетъ меня Кириллъ слѣдующею рѣчью: „Братъ! Я сегодня былъ въ Синодѣ, да Синода не узналъ. Въ 10 часовъ всѣ на мѣстѣ, и прокуроръ тутъ же, и ассистенты его съ нимъ же; сидятъ чинно каждый на своихъ мѣстахъ и готовятся слушать.

„Появляется оберъ-секретарь, съ кипою бумагъ въ охабкѣ и карандашемъ.

„Начинаетъ читать бумаги, дѣла. Мы слушаемъ. Изъ-рѣдка пробормочитъ митрополитъ Серафимъ, Іона кое-что. Оберъ секретарь запишетъ. Графъ поморщится, Войцеховичъ высморкается.—Молчаніе, чтеніе. Конецъ—„да", „нѣтъ" [1]) кто либо, а больше Серафимъ. Владыка же Филаретъ молчитъ, поглядываетъ на того, другого.

Такъ длилось до часу. Встали, помолились, разкланялись. Графъ застучалъ своею саблею, потянулись вонъ изъ Синода, домой".

Вотъ что Филаретъ; всѣхъ заставилъ стоять на вытяжкѣ, сѣсть на своихъ мѣстахъ, заниматься дѣломъ.

„А прежде бывало, мы съ Іоною пріѣдемъ въ 11 часовъ, никого нѣту, никто не подойдетъ, никакихъ дѣлъ не покажутъ. Говоримъ между собою, что войдетъ въ голову; разсказываемъ свои исторіи. Когда же застучитъ сабля Протасова, въ концѣ 12-го часа или еще позднѣе, крикъ и шумъ точно драка, а тамъ поползутъ то тотъ чиновникъ, то другой, а затѣмъ оберъ-секретарь съ бумагами и всегда кое какими. Пойдутъ споры: то ввяжется Войцеховичъ, то другой—кто, то самъ митрополитъ Серафимъ. Проспорятъ о пустякахъ, время пройдетъ и мы разъѣдемся по домамъ.

---

[1]) Кавычекъ нѣтъ.

Симъ Кириллъ хотѣлъ мнѣ живописать великое значеніе въ Синодѣ Филарета. Это и справедливо. Живя тогда въ Петербургѣ, я не разъ слышалъ: „что скажетъ въ синодѣ Филаретъ, то и есть, и бываетъ, и не умретъ. А что скажутъ другіе члены, [то] большею частію, разлетается; уничтожается. Даже рѣчи прокурора не тверды".

Впрочемъ [1]) это не то значитъ, чтобы Филаретъ совершенно властвовалъ въ Синодѣ. И онъ покорялся гнету особенно свѣтскихъ, дозволялъ, допускалъ, уступалъ, соглашался на многое, чему бы уступить не хотѣлъ.

Я это отчасти очень близко знаю, даже отъ самого Филарета, ибо онъ, иногда, въ избыткѣ апостольской [2]) откровенности и отеческаго добросердечія, какъ бы проговаривался при мнѣ и повѣдывалъ, что допускалъ молча. Это только показываетъ его точно—наблюдательный умъ, по которому онъ умѣлъ понять, видѣлъ, когда что можно настоять, требовать, и когда надо лучше смолчать, уступить, не вступать въ бореніе.

V,

Впрочемъ на владыку Филарета Московскаго при мнѣ въ Петербургѣ все казалось вооруженнымъ и возбужденно ненависящимъ. За что? про что?—за то, что онъ всѣхъ лучше, всѣмъ на обличеніе.

По занятію тогда и службѣ моей, у прокурора Протасова, для сочиненія новаго Устава для семинарій и училищъ, я весь іюль и августъ и отчасти сентябрь 1838 года, по распоряженію прокурора, трижды [3]) въ недѣлю являлся къ нему въ домъ его (на Невскомъ проспектѣ, близъ Аничкова моста) въ 11 часовъ утра и здѣсь просиживалъ часа два и болѣе, препираясь (мнѣ это дозволено было) и отвѣчая на возраженія, выслушивая ихъ предложенія и предлагая мои мысли. (Былъ еще Александръ Ивановичъ Красевскій, Директоръ Духовнаго Учебнаго Управленія—трое насъ). Все—относительно нашего духовнаго образованія въ семинаріяхъ и училищахъ и относительно управленія.

Прокуроръ твердилъ: „учатъ у васъ пустякамъ, какимъ то схоластицизмамъ, какимъ то теоретическимъ бредамъ и воззрѣ-

---

[1]) На поляхъ помѣтка: „14 марта 1874".

[2]) Въ подл. съ большей буквы.

[3]) Передъ этимъ словомъ опять въ подл. „я".

ніямъ, не приложимымъ ни къ жизни вообще, ни къ быту духовнаго лица между мірскими, священника между прихожанами, особенно мужиками. Семинаристъ все знаетъ, кромѣ Господи помилуй, кромѣ паханія, посѣвовъ, сельскихъ работъ. Не смыслитъ подчасъ самой простой помощи больному мужику, вытащить [1]) занозу, смягчить вередъ, сдѣлать примочку ушибу" и проч. Вотъ этому надо бъ учить, а не теоріямъ.

Графъ сильно нападалъ на философію въ семинаріи: на что она тамъ? Кружить головы молодыхъ поповъ? Потакать мятежамъ, ропоту на господъ, начальниковъ. Власть?—Тверди—Господи помилуй! вотъ ваше дѣло. Государь ужаснулся, когда я ему сказалъ: „Въ семинаріяхъ учатъ философіи". „Какъ! Въ семинаріяхъ? въ духовныхъ школахъ? Вонъ ее оттуда".

Я защищалъ. „Наша философія въ рясахъ, а не со штыками. Философія раскрываетъ умъ, и умъ очищенный путемъ Богословіи и проч. Не внемлютъ, несутъ свое, стращаютъ гнѣвомъ Царя.

Изгоняютъ исторію церковную: „На что она? Мужику не проповѣдовать же объ Авраамѣ, о изходѣ [2]) евреевъ изъ Египта" и проч. Я настаивалъ свое. Церковная исторія—почва Богословіи. По ней, на ней мы различаемъ наши Богословскія ученія. Здѣсь ихъ зиждемъ, возращаемъ, украшаемъ" и проч. Не слушаютъ.

Сильно зацѣпляютъ Филарета, автора библейской исторіи. Издѣваются надъ надутою важностію рѣчи, надъ педантствомъ, хвастовствомъ и проч. Я говорилъ свое Филаретъ и свѣтскую литературу научилъ говорить порядочно. То сознаютъ лучшіе литераторы, напр. даже Карамзинъ. Мы учимся въ библ. исторіи Филарета, кромѣ исторіи [3]) богословіи и языку и приличіямъ богословскихъ воззрѣній и проч.

Я заводилъ много разъ рѣчи о нуждѣ новаго устава для духовныхъ училищъ. „Зачѣмъ новый? Хорошъ и старый. Мы въ тридцать лѣтъ не выполнили его малой доли, а какая разумная и твердая духовная ученость.

Весьма много не исполнено, не исполняется, что положено въ уставѣ, то по лѣности нашей, то по неумѣнію, то по ненадзору надъ нами, то по непоощренію, то по непристрастіямъ.—Наблюдите за нашими училищами, попекитесь объ нихъ, по-

---

[1]) Зачеркнуто: „отцу".
[2]) Sic.
[3]) Здѣсь вставлено еще разъ „учимся".

ощрите, дайте способы. А если нужно, и немного переформируйте, напримѣръ прибавте время и длительность для богословія, для исторіи, для философіи и проч. и проч. Не слушали. Захотѣли . . . . [1]) своимъ. Принудили меня писать, сочинять, выдумывать. Внушали мнѣ, учили меня.

Графъ говорилъ мнѣ не разъ: „Слушай меня, а не своихъ архіереевъ. Не ябедничай на насъ. Я твой архіерей". Я отвѣчалъ же не разъ: Нельзя не слушать мнѣ моихъ архіереевъ. Это природные отцы мои. Я откажусь отъ всего, но не отъ нихъ. Мнѣ нельзя, по выбору моему, что нибудь не сказать моимъ добрымъ отцамъ и ихъ не послушать. Ябедничать я не буду" и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, по выбору, впрочемъ самую малую часть, я представилъ Филарету и онъ видимо мнѣ былъ благодаренъ. Наставленій мнѣ не давалъ, но вздыхалъ тяжело и я читалъ во вздохахъ многое [2]) А однако же, моя совѣсть должна меня заставить сказать, что лучшее мое въ работѣ у прокурора, если что было и есть, освящено благословеніемъ и геніемъ [3]) Филарета: у него, въ немъ я умудрялся и [4]) изучалъ умное, доброе, полезное.

VI.

Я долго умолялъ Филарета вступиться за удержаніе философіи въ семинаріяхъ. Былъ его отвѣтъ мнѣ почти всегда или оканчивался сею рѣчью: „Что мнѣ дѣлать? Надо что нибудь уступить и имъ, а то пожалуй все отнимутъ".

Такого свойства и значенія были и большею частію его отвѣты на мои жалобы и просьбы—поддержать меня, поддержать въ борьбѣ противъ посягательства (на) разрушеніе (духовнаго образованія) [5]).

Однако Филаретъ всегда былъ моею защитою въ Петербургѣ и прибѣжищемъ моимъ.

VII.

Меня прокуроръ отыскалъ въ Вяткѣ, гдѣ я былъ ректоромъ въ 1835—38 годахъ, по моему Богословскому конспекту. Желая найти себѣ работника (можетъ быть ища для другихъ цѣлей) прокуроръ выхлопоталъ у Синода дозволеніе,—заставить всѣхъ

---

[1]) Неразобрано.

[2]) На поляхъ помѣтка: „15 марта 1874".

[3]) Съ большей буквы.

[4]) Зачеркнуто: „читалъ".

[5]) Стоящее здѣсь слово неразборчиво.

Ректоровъ семинарій написать свободно, по разумѣнію каждаго, Богословскій конспектъ. Написалъ и я и послалъ. Перечитали скоро кое какъ у прокурора конспекты, нашли мой бойчѣе другихъ. Красевскій пришелъ съ моимъ конспектомъ къ Протасову и говоритъ: „почитайте немного этотъ канспектъ. Человѣкъ даровитый, пишетъ бойко и смѣло. Вотъ его бы намъ выписать и посадить за нашу работу, какую предполагаемъ (т. е. за преобразованіе Духовнаго ученія и управленія)“. Прокурор почиталъ немного. Потомъ отдалъ Красевскому, сказавъ: „поди къ московскому митрополиту, отнеси ему этотъ конспектъ. Попроси отъ меня прочитать и сказать свои мысли о немъ“. Красевскій отдалъ мой конспектъ Митрополиту Филарету. Филаретъ прочиталъ и потомъ въ тогдашнюю Комиссію Духовныхъ Училищъ подалъ свое мнѣніе о конспектѣ и объ авторѣ [1]), столь для меня выгодное и интересное, что я поставленъ выше и бойчѣе всѣхъ прочихъ Ректоровъ (Филаретъ просмотрѣлъ конспекты и другихъ Ректоровъ).

Тогда [2]) прокуроръ смѣло рѣшилъ: вызвать меня въ его распоряженіе“. Я вызванъ [былъ] по высочайшему повелѣнію, помимо Синода, и въ распоряженіе прокурора.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, я явился къ оберъ-прокурору Графу Николаю Александровичу [3]) Протасову. Онъ мнѣ сказалъ: „Слушай меня. Слушайся меня. Если будешь уменъ и послушенъ, твое мѣсто здѣсь, въ Петербургѣ, Ректорство Академіи. Мы тотчасъ опростаемъ тебѣ мѣсто“. Конечно это польстило мнѣ [4]). Прокуроръ прибавилъ еще: „Не слушай своихъ Архіереевъ. Я твой печальникъ“. На это я сказалъ, однако: „Архіереевъ не слушать не могу. Это мои какъ бы натуральные отцы. Но я постараюсь быть благоразуменъ“.

Впрочемъ, дѣло нашего новаго [5]) устава Семинарій и Училищъ, написаннаго мною въ шесть недѣль, къ половинѣ сентября 1838 года, затянулось [6]).

Хоть я не разглашалъ, но дѣло проникло въ Синодъ. Тамъ зашевелились отцы. И самъ прокуроръ, между прочимъ, не

---

[1]) Въ подл. съ большой буквы.

[2]) Здѣсь на поляхъ карандашемъ поставлено: „II Отсюда“. Можетъ быть изложеніе разговора съ Протасовымъ показалось автору лишь повтореніемъ вышеописаннаго и было предназначено опустить. Но второго знака нѣтъ.

[3]) Помѣтка на поляхъ: 16 марта.

[4]) Зачеркнуто: „Но и тутъ“.

[5]) Порядокъ предыдущихъ словъ пришлось измѣнить.

[6]) Зачеркнуто „себѣ“.

соблюдалъ тайны, а иногда было даже необходимо просить на то и [ли] другое разрѣшеніе Синода.

Прокуроръ, найдя ли меня не очень годнымъ подъ свою руку, почитая ли дѣло мною сдѣланнымъ и такимъ образомъ меня ему лишнимъ, находя ли меня не стоющимъ Академіи,— хотѣлъ было меня обратно отослать въ Вятку.

Я прогрустилъ. Пошелъ къ митрополиту Филарету. Просилъ по крайней мѣрѣ чего нибудь другого кромѣ Вятки, чтобъ не подпасть осмѣяніямъ. Добрый Отецъ вступился: „Погоди, сказалъ, переговорю съ другими. Не бросимъ. Ты стоишь побольше Вятки".

VIII.

Меня перечислили на чреду священнослуженій и проповѣди. Я вступилъ въ эту новую службу въ іюлѣ 1839 года и продолжалъ [ее] (или меня держали) цѣлыхъ два года. Отслужилъ до 200 литургій и сказалъ до 14 проповѣдей. Въ этотъ періодъ прокуроръ, оставляя себѣ надо мной право, давалъ мнѣ ученыя порученія. И отъ Владыки Московскаго я получилъ [1]) приказы по распоряженіямъ...[2]) Синода.

Въ это время не разъ я огорчалъ митрополита Филарета. Прокуроръ даетъ мнѣ ученую порученность. Я напишу, подамъ ему. Дѣло мое ему понравится, предложитъ Синоду. Синодъ огорчится: либо не хорошо, либо не во время, либо не нужно мое дѣло, либо кого нибудь или что нибудь задѣваю непріязненно. Филаретъ позоветъ меня. „Ты зачѣмъ это написалъ?"—Объяснюсь.— „Но это не хорошо, вотъ потому-то"—скажетъ Филаретъ. Я молчу. Потомъ Филаретъ: „Ты что же не пришелъ ко мнѣ? Что же не спросилъ? Что же не показалъ мнѣ своего сочиненія?". Я молчалъ.

Здѣсь, кажется, Филаретъ думалъ, что я ослушникъ его, что я искатель протекцій у свѣтскихъ.

Совсѣмъ нѣтъ. Я просто былъ глупъ, не думалъ что нужно, думалъ, что исполняю приказъ.

Тутъ я, между прочимъ, задѣвалъ, нерѣдко, и Московскую Духовную Академію.—Это очень досадно было Владыкѣ, и онъ часто упрекалъ меня въ неблагодарности къ Академіи, которая воспитала меня [3]).

---

[1]) Въ подл. здѣсь еще „же".

[2]) Слово неразборчиво.

[3]) На поляхъ помѣтка: „17 марта".

IX.

Меня тотчасъ, какъ я принятъ и допущенъ былъ до дѣлъ въ Петербургѣ, и графъ Протасовъ, и митрополитъ Филаретъ окуражили непремѣннымъ обѣщаніемъ награды Докторомъ Богословія.

Былъ тому не малымъ препятствіемъ гнѣвъ на меня Митрополита Филарета Кіевскаго и его охужденія моего конспекта Богословіи.

Хотѣли этого избѣжать. Поручили мнѣ же самому выбрать изъ моего конспекта тѣ статьи, которыя мнѣ самому болѣе полюбятся и на которыхъ нѣтъ похуленія отъ митрополита Кіевскаго (Филаретъ испестрилъ своими замѣчаніями, карандашемъ, весь мой конспектъ).

За этимъ дѣломъ я сидѣлъ не мало, иныя статьи даже значительно преобразовалъ; а инадѣ и новаго поклалъ кое-что, особенно тамъ, гдѣ Митрополитъ Московскій находилъ мои разсужденія особенно здравыми и интересными.

Составленную такимъ образомъ не малую тетрадь, я отдалъ на просмотръ и уваженіе Митрополита Московскаго Филарета.

Дѣло видимо замялось по многимъ причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, думаю, суть: а) огромный для Владыки трудъ, а дѣло маловажное, по крайней мѣрѣ для него; б) Никодимъ не столь цѣненъ, чтобъ о его чести хлопотать такъ много в) конспектъ мой не чудо Богословія, а кое-что годное; г) Филарету должно было беречь себя самого отъ мести Кіевскаго, ибо онъ восхваленіе [1]) меня за конспектъ, конечно, счелъ бы, по крайней мѣрѣ, одураченіемъ себя самого [2]); д) графъ Протасовъ ко мнѣ уже сдѣлался въ то время болѣе нежели равнодушенъ.

И такъ, и по сему, по крайней мѣрѣ, въ моихъ понятіяхъ, великій Филаретъ московскій остается съ уваженіемъ: великій мужъ; великій умъ; правильный взглядъ; во время и приличная . . . . . ровка [3]).

Мое докторство увяло, сгнило, пропало [4]); да я и не стою его.

---

[1]) Въ подл. „возхаленіе“.
[2]) Въ подл. здѣсь стоитъ точка.
[3]) Неразобрано.
[4]) Въ подл. стоятъ двѣ точки.

X.

Въ 1841 году, послѣ трехъ лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ, наконецъ, рѣшили меня: меня уволили отъ Череды; мнѣ дали ректорство въ Херсонской семинаріи, которая въ Одессѣ, на мѣсто бывшаго тамъ архимандрита Аѳанасія Дроздова, старшаго меня и, конечно, достойнѣйшаго меня, поставленнаго ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Въ августѣ я выѣхалъ изъ Петербурга. Въ Москвѣ былъ на благословеніи у Митрополита Филарета. Онъ спросилъ меня съ заботливостью: „Ты куда ѣдешь"? Я отвѣчалъ: „Въ Одессу, ректоромъ тамошней Семинаріи". Филаретъ: „Ужели"? потомъ, смѣривъ меня глазами съ головы до ногъ, опустилъ свой взоръ, задумался. И еще больше значущаго, кажется, не говорилъ.

Это „ужели"? звучитъ у меня доселѣ, хотя я не понимаю и нынѣ: утѣшаться-ли мнѣ этимъ, или тужить и . . . . [1] себя.

Но Филаретъ чистъ, святъ, великъ въ судьбахъ моихъ.

XI.

Въ концѣ 1841 года открылось ректорское мѣсто въ Моск. Дух. Академіи. Архимандритъ Филаретъ, мой товарищъ, по Академіи, ректоръ сей Академіи, былъ произведенъ въ Епископы въ Ригу. До меня дошли слухи, что прокуроръ графъ Протасовъ сильно ходатайствовалъ у Митрополита Филарета за меня, чтобы [онъ] принялъ меня въ ректора въ Моск. Академію. Филаретъ однако же отклонилъ, не соблаговолилъ: избралъ [2] другого, Алексія, ректора Моск. семинаріи.

Больно [3] было мнѣ, когда этотъ слухъ дошелъ до меня.

И я человѣкъ, поскорбѣлъ на Филарета. Однако, я скоро одумался. А теперь, совершенно прощаю за себя Филарету. Можетъ быть по учености [4] я могъ быть годнымъ для ректорства Академіи. Но я не твердаго характера. Меня все и всякій увлечь можетъ ко всему. А паче всего, Великій Богъ, Промыслъ Его Благій, смотрѣлъ, конечно, не на меня одного [5]),

---

[1]) Неразобрано.

[2]) Зачеркнуто „указалъ" и сверху „избралъ".

[3]) На поляхъ помѣчено: „18 марта".

[4]) Въ подл. по учености въ запятыхъ.

[5]) Въ подл. запятой нѣтъ.

по и на Академію, общество большое, ученое, важное въ Церкви Русской. Въ государствѣ я не стоилъ тогда мѣста сего!!

Скоро я уѣхалъ. За тѣмъ въ Одессѣ возстали на меня бури: и въ Семинаріи, и въ Монастырѣ, и отъ Архіерея, и въ консисторіи. Одесскій преосвященный Гавріилъ, товарищъ Митрополиту Филарету по ученію въ Троицкой Сергіевой лаврѣ,— конечно жаловался на меня Филарету.

Не сознавая себя наружно и внѣшне виновнымъ въ томъ, въ чемъ меня винили въ Одессѣ и за что порочили, я сперва долго оборонялся съ Одесскими въ Одессѣ; потомъ рѣшился жаловаться Высшей Власти: написалъ прошеніе Прокурору Синода Протасову. Митрополиту Филарету не писалъ: 1) счелъ его меня бросившимъ и презирающимъ, 2) въ то время онъ уже не бывалъ въ Синодѣ (въ 1844 году).

Однако же, теперь я думаю, что онъ, имѣя переписку съ Одесскимъ Гавріиломъ, могущественно передъ нимъ защищалъ меня, по крайней мѣрѣ, удерживалъ его отъ посягательствъ на посрамленіе и погубленіе меня.

XII.

Мою [1]) жалобу въ Синодѣ уважили, хотя строгое дали вразумленіе о слишкомъ смѣлой рѣчи въ прошеніи на лица высокія и о дѣлахъ важныхъ. Преосвященному же Гавріилу показали его тяжкія ошибки и безразсудныя нападенія на меня.

Полагаю, что вслѣдствіе сего, его перевели изъ Одессы въ Тверь, что, конечно, ему было больно. Ему хотѣлось положить свои кости въ Одессѣ; и я былъ бы того же мнѣнія: 1) онъ первый Епископъ въ Одессѣ; 2) кромѣ поступка со мною, онъ Архіерей, по тогдашнему, а административно-уважаемый, разумный и мѣстомъ чтимый; 3) перемѣной мѣста, конечно, его не исправили, но глубоко огорчили, даже и потому, что Тверь слишкомъ холодна противъ Одессы. А Гавріилъ старикъ: здѣсь ему надо было умирать; онъ [2]) лучшія лѣта свои провелъ на югѣ, а именно въ Орлѣ, въ Екатеринославѣ и въ Одессѣ.

Чувствуя себя не безвиннымъ, и по христіанскому правилу, я, будучи уже самъ Архіереемъ, изъ Казани писалъ къ нему въ Тверь на день Пасхи, въ видѣ поздравленія, глубокое мое раскаяніе [3]) передъ нимъ и просилъ христіанскаго

[1]) На поляхъ въ подл. помѣчено: „19 марта“.

[2]) Въ подл. передъ „онъ“ стоитъ „и“.

[3]) Въ подл. „разкаяніе“.

прощенія. Радъ былъ старецъ Гавріилъ, прислалъ мнѣ самое любительное и уважительное письмо, и вполнѣ разрѣшилъ узы совѣсти моей. Царство ему небесное!

Между прочимъ и въ семъ случаѣ почитаю Митрополита Филарета дѣйствовавшимъ. Гавріилъ долго гостилъ у Митрополита Филарета въ лаврѣ; вѣрно и обо мнѣ у нихъ была рѣчь. Такъ думаю.

XIII.

Меня перевели въ Бѣлгородъ, въ Курскую семинарію, куда я прибылъ изъ Одессы 15-го сентября 1845 года, въ день моего крещеннаго Ангела св. Никиты. Преосвященный Курскій, Архіепископъ Иліодоръ, въ то время былъ въ Петербургѣ, присутствовалъ въ Св. Синодѣ. Узнавши мою администрацію, увидѣвъ мою полную покорность ему [1]), можетъ быть немного оцѣнивши и мой умъ и просвѣщеніе, — онъ полюбилъ меня отечески; часто писалъ ко мнѣ почти дружески, училъ, наставлялъ, остерегалъ. Семинарская ученость, пожилые [2]) учители, народъ умный, общество не избалованное, замѣтивъ во мнѣ порядочно мыслящаго и съ энергіей члена, были тоже уважительны. Семинаристы не избалованы, умные и даровитые, и ихъ куча — почти тысяча человѣкъ, — меня уважали и слушались какъ начальника.

Инспекторъ, Архимандритъ Аѳанасій, при мнѣ возведенный въ этотъ санъ, далеко моложе меня, былъ занятъ собою, а между тѣмъ, очень лѣнивъ по службѣ и сталъ затягиваться въ поступки неподобающіе [3]). Онъ меня огорчалъ, ослаблялъ руки, притуплялъ энергію.

За тѣмъ и самъ я затѣялъ одесскія глупости. Пронеслось дурное эхо по городу, дошло до Иліодора. Стало все становиться мнѣ ребромъ и спиною. Стали чернить мою администрацію. Грозныя тучи загремѣли надъ моею головой.

Пріѣхалъ лѣтомъ 1846 года [4]) Иліодоръ на побывку въ свою Епархію изъ Петербурга. Былъ у насъ въ Бѣлгородѣ, взглянулъ на меня. Ласкалъ, куражилъ, пускалъ молніи на воздухъ; стрѣлы летали мимо ушей моихъ — мнѣ грозило. Я плакалъ: молчалъ, вопіялъ ко Господу. Живъ уловленъ былъ сатаною въ его волю, и не умѣлъ выпутаться [5]).

---

[1]) Въ подл. „себѣ“ и помѣщено послѣ слова „мою“.

[2]) Зачеркнуто „старые“ и сверху „пожилые“.

[3]) Въ подл. двѣ точки.

[4]) „1846 г.“ вставлено карандашомъ.

[5]) На поляхъ помѣчено „20 марта“.

XIV.

Были два случая, изъ коихъ тотъ и другой разверзали пропасть предо мною:

Первый. Прокуроръ Синода, Протасовъ, къ коему долетѣли самыя черныя рѣчи о моемъ образѣ жизни въ Бѣлгородѣ, написалъ о семъ къ Иліодору [1]) и грозно требовалъ либо исправленія меня, либо доноса.

Добрый, однако же робкій, Иліодоръ вытребовалъ меня въ Курскъ, прочиталъ мнѣ съ глазу на глазъ отношеніе о мнѣ прокурора, и сказалъ: „отъ васъ зависитъ мечъ [2]), висящій надъ главою вашей, отнять. Перемѣнитесь, пробудитесь, бросьте глупости, и все пройдетъ“. Я плакалъ, замирало сердце. Но слишкомъ затянутъ былъ въ заблужденіе.

Конечно, Иліодоръ, яко Архіепископъ, яко власть, яко имѣвшій большія тысячи рублей денегъ,—могъ бы меня выкупить (въ чемъ и дѣло) и обезопасить [3]); но я на добродѣтель его не расчитывалъ [4]), его благорасположеніе [5]) ко мнѣ поверхностно и скользко; онъ не отецъ мнѣ духовный: и оставилъ себѣ—ныть и замирать сердцу моему, предоставляя Великому Промыслу Божію выкупить меня.

Другой. Одинъ бояринъ [6]), даже князь (не произнесу имя его), имѣлъ во мнѣ нужду. Сынъ вдовы попадьи учился въ семинаріи; юноша развратный, избалованный, лѣнивый, надѣлавшій много глупостей и безпорядковъ,—исключенъ [7]) былъ изъ семинаріи. Князь особенно покровительствовалъ попадьѣ (и кажется этотъ юноша есть побочный сынъ его).

Сперва князь послалъ ко мнѣ агентовъ, присылалъ подарки [8]), потомъ самъ пріѣзжалъ, нападая на меня, даже мнѣ же грозилъ, показавъ мою дурную записку, которая ему попалась въ руки.—Я сталъ на законѣ и дѣлѣ.

„Мальчишка негодный, принять его снова, значило—себя считать купленымъ. А при томъ слѣдовало о семъ утруждать преосвященнаго“.—Я отказалъ. И этотъ-то князь разнесъ по

---

[1]) Въ подл. здѣсь запятая.
[2]) Въ подл. „мечь“.
[3]) Въ подл. двѣ точки.
[4]) Въ подл. „разчитывалъ“.
[5]) Въ подл. „благоразположеніе“.
[6]) Въ подл. „Бояринъ“.
[7]) Въ подл. „изключенъ“.
[8]) Въ подл. двѣ точки.

всему Синоду, всѣмъ Архіереямъ, и вѣроятно Митрополиту Московскому Филарету, мою погрѣшность и раскрывалъ [1]) предъ ними мою записку.

Мѣръ принять я не могъ и не умѣлъ, къ погашенію этой злой молвы, и—я поруганъ на весь свѣтъ!

Я вопіялъ ко Господу о пощадѣ. Только! но Господь спасъ меня. Я есмъ доселѣ.

XV.

Но Господь воздвигъ мнѣ могучаго защитника, Преосвященнаго Архіепископа Симбирскаго Ѳеодотія. Я не просилъ [2]), онъ самъ расположился, и кажется не зналъ сколь я несчастенъ. Онъ любилъ меня съ Семинаріи, бывъ у насъ (въ Виѳаніи) инспекторомъ.

Замѣчая меня какъ бы забытымъ, брошеннымъ, онъ захотѣлъ сперва поставить меня поближе къ Москвѣ. Просилъ ярославскаго Архіепископа Евгенія взять меня въ свою семинарію, рекомендуя меня всячески.

У Евгенія самъ Ѳеодотій учился (въ Моск. семинаріи) [3]) и былъ у него самъ ректоромъ семинаріи въ Рязани. Къ тому же, впрочемъ случайно, и я и Евгеній по фамиліи прозывались Казанцевы (хотя Евгеній не нашелъ, почему бы мои предки съ его предками когда либо соединялись) [4]).

Самъ Великій Богъ управилъ и сложились мои обстоятельства властію Его.

Въ Бѣлгородѣ я висѣлъ на волоскѣ, могъ погибнуть, потерять все, навсегда. Иліодоръ предобрый Архіерей, но совершенно отдаленный. Не вмѣшивался въ частности [5]), смотрѣлъ издалека.

Евгеній Ярославскій строгъ неумолимо, но и правдивъ. Филаретъ его уважалъ. Синодъ почиталъ. Его отзывъ добрый милаго стоилъ. Ѳеодотій въ разсужденіи меня все это расчиталъ [6]). Строгость Евгенія меня отрезвитъ и сдѣлаетъ осторожнѣе; а добрый отзывъ о мнѣ возставитъ честь мою [7]), все это и вышло.

---

[1]) Въ подл. „разкрывалъ".

[2]) Въ подл. запятой нѣтъ.

[3]) Въ подл. здѣсь поставлена запятая.

[4]) На поляхъ помѣчено „21 марта".

[5]) Въ подл. здѣсь точка.

[6]) Въ подл. „разчистилъ".

[7]) Въ подл. двѣ точки.

XVI.

Я пріѣхалъ въ Ярославль въ іюнѣ 1850 года. Въ лаврѣ, въ Геѳсиманіи, я представился Митрополиту Филарету. Здѣсь онъ [1]) наслаждался уединеніемъ, зрѣлищемъ монашескихъ подвиговъ молитвы, чему конечно подражалъ и самъ.

Онъ при мнѣ же написалъ рекомендательное письмо обо мнѣ Преосвященному Евгенію [2]) и мнѣ же вручилъ оное для подачи ему.

Я пріѣхалъ въ Ярославль. Явился Евгенію [3]), подалъ ему митрополитово письмо, которое онъ при мнѣ же прочиталъ, сказавъ: „Посмотримъ, что будетъ. Всѣмъ управляетъ судьба“. Холодная, отдаленная рѣчь. А впрочемъ, какъ теперь понимаю ее: „Хорошо-де. Посмотримъ здѣсь на твою службу [4]), поведеніе. Будетъ видно, какъ понять тебя и какъ трактовать“ [5]).

Затѣмъ преосвященный сталъ очень [6]) выхвалять моего предмѣстника по ректорству въ Ярославской семинаріи, Архимандрита Іоанникія. Однажды при мнѣ онъ сказалъ губернатору, но рѣчь его, что онъ встрѣтился съ Іоанникіемъ на станціи: „Правая рука“ (близъ Петербурга), Евгеній воскликнулъ: „точно былъ мнѣ правая рука отецъ Іоанникій. Въ немъ я потерялъ свою правую руку“. (Іоанникій былъ мастеръ льстить, умѣлъ во время поддакивать или смалчивать. А впрочемъ служилъ-ли онъ сердечно и убѣжденно такъ, какъ я? Умный человѣкъ Іоанникій, но хитрый) [7]). Губернаторъ обнадеживалъ Архіерея мною, моею службою услугами [8]). „Посмотримъ“, сказалъ Евгеній.

Я однако положилъ себѣ правиломъ: во всемъ и всячески угождать Архіерею. И я, точно [9]), у Евгенія три года служилъ, какъ рабъ; былъ его утиркою, отребіемъ. Выслушивалъ почти въ родѣ: „дурака, болвана“, и не только не отражалъ, но ниже малаго негодованія старался дать не замѣтить. Онъ меня и пьяницей обзывалъ, и корыстолюбцемъ, и лѣнтяемъ по службѣ, и не благочестивымъ въ службѣ, и опромѣтчивымъ въ распо-

---

[1]) Въ подл. слѣдуетъ слово „былъ“.
[2]) Въ подл. запятая.
[3]) Въ подл. точка.
[4]) Въ подл. „здѣсь“ помѣщено послѣ „службу“.
[5]) На поляхъ помѣчено: „24 марта“.
[6]) Въ подл. „отлично“.
[7]) Заключенное въ скобки находится на поляхъ.
[8]) Въ подл. двѣ точки.
[9]) Въ подл. „точно“ не въ запятыхъ.

ряженіяхъ, и не знающимъ службы и проч. и проч. Я не защищался. Проѣхалъ съ нимъ до Ростова, однажды по епархіальному объѣзду преосвященнаго, и былъ сущимъ лакеемъ у него, утиркою. Былъ съ нимъ въ Рыбинскѣ, на освященіи тамъ собора, въ Угличѣ, на освященіи великолѣпной церкви въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ, и вездѣ былъ хуже и ничтожнѣе его служителя. Меня томили. Я не спалъ ночи, былъ голоденъ, холоденъ. Все перенесъ: молчалъ!

За то и Евгеній, усматривая во мнѣ толикое послушаніе, уничиженіе, такъ сказать бросовость [1]) себя на все, что низко, оскорбительно, видя мою безропотность, — какъ человѣкъ [2]) умный, тонкій, наблюдательный, прозорливый, въ послѣдствіи отдалъ мнѣ всю честь. Припоминаю:

1) Однажды, кажется въ Рождество, [3]) я говорилъ проповѣдь, (Преосвященный заставлялъ сказывать въ „Буди имя Господне“ и, стоя въ царскихъ дверяхъ, слушалъ), и прочиталъ ее, какъ читаютъ часы, и много выпустилъ [4]), опасаясь обременить публику, а паче—надоѣсть Архіерею.—Послѣ мнѣ преосвященный сказалъ: „Напрасно вы такъ заспѣшили, произнося вашу проповѣдь. Такихъ здѣсь мало слышатъ [5]); ваша отличная проповѣдь“.

2) Въ другой разъ я тоже кое какъ сказалъ свою проповѣдь (на служеніи [6]) въ собраніи дворянъ, при ихъ выборахъ). Дворяне, на половину, вышли въ сосѣднюю залу (служили въ домовой, городской церкви) и шумѣли безобразно, разговаривая. Преосвященный ласково попѣнялъ мнѣ: „Напрасно вы перепугались шума глупыхъ дворянъ. Они не стоятъ вашей проповѣди. Ваши воззрѣнія на службу ихъ и правила годились бы имъ“.

3) Мнѣ поручилъ преосвященный переизслѣдовать запутанное дѣло, въ селѣ около Ростова, которое изслѣдовано было тоже Архимандритомъ (и тоже академически ученымъ), но не выяснено.

Я изслѣдовалъ [7]) и изложилъ, что узналъ и какъ понимаю самъ запутанность дѣла. Прочитавъ, Преосвященный мнѣ ска-

---

1) Sic.
2) Въ подл. „членъ“.
3) Въ подл. съ маленькою буквы.
4) Въ подл. двѣ точки.
5) Въ подл. здѣсь нѣтъ никакого знака.
6) Въ подл. запятая.
7) Въ подл. запятая.

залъ: [1]) „Еще я не читывалъ столь ясно и опредѣленно изложенныхъ бумажныхъ дѣлъ. Большая честь уму вашему, отецъ Ректоръ".

4) Когда преосвященный Евгеній, просясь на покой и думая оставаться въ Ярославлѣ (въ маленькомъ монастырѣ), былъ спрошенъ Митрополитомъ Филаретомъ: „Кого бы онъ хотѣлъ видѣть Архіереемъ въ Ярославлѣ?" отвѣчалъ: „Моего Ректора семинаріи, Архимандрита Никодима". Конечно Евгеній не шутилъ.

5) Получивъ бумагу о вызовѣ меня въ Петербургъ на чреду служенія, я пришелъ къ Евгенію, поклонился ему въ ноги и объявилъ: Преосвященный закричалъ почти въ слезахъ: „На кого ты меня бросаешь?! Кому ввѣрена будетъ семинарія"?! [2])

Много подобныхъ изъявленій его сочувствія мнѣ и, смѣю сказать, уваженія его ко мнѣ.

6) Когда я поѣхалъ, Преосвященный Евгеній мнѣ поручилъ, что говорить о немъ Митрополиту Филарету, Митрополиту Никанору, и тѣ это знали и такъ меня вопрошали. По сему, его обидныя со мною обхожденія приписываю: а) страннымъ размахомъ Архіереевъ, отъ чего не былъ свободенъ и Митрополитъ Платонъ, б) раздражительному характеру, в) старческимъ недугамъ [3]); г) наибольшею же частью моимъ недостаткамъ, и наипаче тѣмъ, о которыхъ молчали, сберегая меня [4]).

Евгеній переписывался со мною на всей моей службѣ, и въ Казани, и въ Сибири, и преподавалъ мнѣ тонкіе совѣты, которые меня учили.

XVII [5]).

Въ 1856 году добрый Митрополитъ С.-Петербургскій, Никаноръ, хотѣлъ взять меня изъ Казани подъ свое крыло, а именно, перевести Викаріемъ же въ Новгородъ. Никаноръ мой отецъ Ректоръ въ Виѳаніи, Богословіи учитель (я первый ученикъ его въ спискѣ), мой рукоположитель въ Архіерея. Смерть его въ этомъ году прекратила. Планъ его (мнѣ его передавали и поздравляли уже съ переходомъ) отмѣнилъ суровый Григорій, поступившій на мѣсто Никанора, и меня по Казани знавшій и глубоко презиравшій. Не сѣтую. Онъ имѣлъ важныя при-

[1]) Въ подл. „Прочитавъ, мнѣ сказ. преосв.".

[2]) Въ подл. здѣсь нѣтъ вопросит. знаковъ.

[3]) Въ подл. точка.

[4]) На поляхъ помѣчено „27 марта".

[5]) На поляхъ помѣчено: „8 апр. 1874 г. Перерва". Въ подл. XVIII, но единица зачеркнута.

чины, хотя всѣ онѣ почти совершенно ложныя. Я остался въ Казани.

Въ 1852 году, въ августѣ, умеръ Архіепископъ Ѳеодотій, Симбирскій,—мой покровитель съ Семинаріи Виѳанской, гдѣ при мнѣ онъ былъ инспекторомъ.

Ѳеодотій, во время тяжкой болѣзни своей, продолжавшейся не одинъ мѣсяцъ, сталъ думать о смерти [1]) и весьма желалъ бы, чтобы я въ Симбирскѣ былъ ему преемникомъ. Объ этомъ вѣроятно онъ писалъ въ Петербургъ къ великимъ [2]) людямъ Синода. Но я твердо знаю, что объ этомъ же онъ весьма умилительно писалъ къ Митрополиту Московскому Филарету. Однакоже Филаретъ не уважилъ ходатайства обо мнѣ Ѳеодотія: а) можетъ быть по неважному понятію Филарета о самомъ Ѳеодотіи, б) но уже безъ всякаго сомнѣнія, по уничиженному взгляду его на меня; в) можетъ быть имѣлъ уже кандидата, котораго хотѣлъ либо облагодѣтельствовать, либо отъ своихъ рукъ сбыть. По крайней мѣрѣ я былъ извѣщенъ во снѣ о томъ, что я устраненъ отъ этой протекціи, и что Господь нашелъ другого лучше меня.

Я во снѣ видѣлъ: „иду въ Московскій Архангельскій соборъ, въ западныя двери. Онѣ починяются: обставлены всякими стойками, матеріаломъ, хламомъ. Я однако пролезъ. Среди храма стоитъ Митрополитъ Филаретъ, съ кѣмъ то, тоже монахомъ, повыше его ростомъ и моложе. Филаретъ указалъ мнѣ сѣверныя врата храма, и какъ бы повелѣлъ выдти вонъ.—Я пошелъ“.

Кажется ясно, что другой—это Евгеній. А я остался въ сторонѣ.

Можетъ быть, Филаретъ не презиралъ меня, не гнушался мною, а боялся за меня, почитая вѣроятно эхо, носившееся тогда обо мнѣ, сущею правдою, хотя уже много времени прошло, что всего этого не было и запаху.

Такъ же, конечно, думалъ обо мнѣ и Григорій, тогда уже Петербургскій Митрополитъ.

Но совершилась воля Божія. Каждый изъ насъ получилъ и еще, конечно, получитъ свое.

Можетъ быть въ Симбирскѣ [3]) довелось бы мнѣ прикрывать много ошибокъ моего предмѣстника; любимые имъ стали

---

[1]) Въ подл. запятая.

[2]) Въ подл. съ большой буквы.

[3]) Въ подл. въ занятыхъ.

бы навязываться мнѣ, свобода моя стѣснялась бы страшный пожаръ Симбирска, вскорѣ послѣдовавшій и погубившій архіерейскій [1]) домъ, можетъ быть разорилъ бы меня.

XVIII.

Въ 1859 году [2]) мнѣ Синодъ поручилъ управлять Вятской Епархіей, по случаю отбытія въ Синодъ Елпидифора, Епископа Вятскаго.

По смыслу распоряженія Синода, мнѣ не вполнѣ ввѣрена Вятка въ управленіе, а подъ надзоромъ Елпидифора, т.-е. его все же оставляли хозяиномъ управленія Епархіи, и я былъ у него, какъ бы его Викарій.

Синодъ, конечно, опасался ввѣрить мнѣ въ полное управленіе Епархію, имѣя обо мнѣ невыгодныя мысли; ждалъ аттестаціи обо мнѣ Елпидифора. Но Елпидифоръ былъ мнѣ почти ровестникъ лѣтами и службой; былъ [3]) очень занятъ собою. Я имѣлъ случай дѣлать ему кой-какія непріятности, вовсе не думая оскорблять его. Конечно, онъ сказалъ Синоду не слишкомъ похвально обо мнѣ.

Григорій въ 1860 году первенствовалъ въ Синодѣ. Въ Вятку онъ опредѣлилъ своего Викарія (Елпидифоръ получилъ Крымскую новую Епархію—и въ тотъ же годъ, въ Петербургѣ же умеръ) Агаѳангела (нынѣ Архіепископа Волынскаго), а меня возвратили опять въ Казань въ Викарія.

Спрашивалъ-ли въ семъ случаѣ обо мнѣ Григорій Филарета, не знаю. Думаю: нѣтъ. А Филаретъ, конечно, не навязывался.

XIX [4]),

Наконецъ [5]) и мнѣ дали Епархію. Открыта была въ 1866 году, въ Сибири, новая Епархія, составленная изъ Енисейской губерніи, которая по церковному составляла часть Томской Епархіи.

Меня Синодъ избралъ первымъ ея Епископомъ. Вѣроятно тутъ [6]) участвовалъ и Митрополитъ Московскій Филаретъ, убѣждая Синодъ моими личными достоинствами, довольно Фила-

[1]) Въ подл. съ большой буквы.
[2]) Въ подл. запятая.
[3]) Въ подл. этого слова нѣтъ.
[4]) На поляхъ помѣчено: „9 апр.“
[5]) Въ подл. запятая.
[6]) Въ подл. „тутъ“ въ запятыхъ.

рету извѣстными, не важностію Сибирской Епархіи, а отдаленіемъ ея отъ Москвы и Петербурга (4000—5000 верстъ).

Между тѣмъ, въ Енисейской Епархіи, по мысли Государя, думали завести центръ миссіонерства остяковъ и тунгузовъ, обитающихъ въ снѣжныхъ пустыняхъ Енисейской губерніи. На меня надѣялись, за мою ученость и живость; но конечно ошиблись. Я не одобряю миссіонерства, заимствованнаго у Европы, гдѣ вѣра служитъ вторымъ мечомъ завоеванія, порабощенія и опустошенія, тамъ [1]), гдѣ ею орудуютъ между дикарями [2]).

Между тѣмъ, свѣтская администрація [3]) Сибири, почти вся [4]), сложена изъ поляковъ и нѣмцевъ, ненавистниковъ и презирателей нашей вѣры православной.

По сему миссіонерамъ доводится въ Сибири вести двѣ войны [5]): со свѣтскимъ ея управленіемъ и съ дикарями суевѣрія.

Я не завелъ въ Енисейской Епархіи миссіи, а упразднилъ ее (хотя послѣ меня, по моимъ представленіямъ Синоду).

Синодъ сдѣлалъ представленіе Государю объ открытіи Енисейской Епархіи 25 мая, 1860 года, а о назначеніи меня Епископомъ въ эту Епархію нѣсколько позднѣе. Государь въ это время разъѣзжалъ по Россіи, а утвержденіе меня Епископомъ Енисейскимъ послѣдовало 18 сентября. Въ это время Государь находился на Кавказскихъ горахъ [6]).

Распорядительный указъ Синода обо мнѣ и всѣ его опредѣленія по сему послѣдовали въ октябрѣ. Не услужливая, а больше своевольная и дерзкая канцелярія Синода,—все сіе послала въ Красноярскъ, а не въ Казань, тогда какъ Аѳанасію, Архіепископу Казанскому, присланъ указъ обо мнѣ еще въ октябрѣ.—Мѣсяцъ я ждалъ, потомъ послалъ письмо къ оберъ-секретарю. Тотъ (. . . . .) [7]), извиняясь предо мною, что послалъ всѣ распоряженія Синода въ Красноярскъ, прислалъ мнѣ съ нимъ засвидѣтельствованную копію [8]) въ концѣ ноября. Съ нею я и тронулся изъ Казани 7 декабря.

[1]) Въ подл. запятой нѣтъ.
[2]) Въ подл. съ большой буквы.
[3]) Въ подл.: Свѣтская администрація.
[4]) Въ подл. запятой нѣтъ.
[5]) Въ подл. запятая.
[6]) На поляхъ помѣчено: „1 апр. 1874 г. Перерва".
[7]) Неразобрано.
[8]) Въ подл.: „копію засвидѣтельствованную, въ концѣ ноября".

Я пріѣхалъ въ Красноярскъ, Богоданный градъ мнѣ для пребыванія, 5 января 1862 года. Въ это жестокое время, почти въ самую ночь, зимнимъ путемъ, ѣхали почти всегда день и ночь, въ жестокіе морозы, я получилъ страшный ревматизмъ, который и доселѣ мучитъ меня, превращаясь въ разныя болѣзни.

Въ этомъ же 1862 году я получилъ кажется отъ оберъ-прокурора Синода отношеніе, при коемъ приложенъ огромный проэктъ, печатный, о свѣчномъ восковомъ заводѣ при каждой Епархіи, для приготовленія свѣчь церковныхъ, восковыхъ, на нужды своей Епархіи. Прокуроръ требовалъ отъ меня (и конечно ото всѣхъ Архіереевъ) мнѣнія о семъ проэктѣ. Проэктъ составилъ одинъ изъ оберъ секретарей Синода Павловъ.

Прочитавъ проэктъ, я преисполненъ сдѣлался страшнаго негодованія на дерзость свѣтскихъ служащихъ въ Синодѣ. Я захотѣлъ освѣтить не кое-какъ. Сѣлъ и написалъ листовъ тридцать.

XX [1]).

Я сперва разсматривалъ каждый пунктъ проэкта и критиковалъ его порознь.

Потомъ сдѣлалъ общее обозрѣніе его [2]) и критиковалъ и надобность сего проэкта, и достоинство его, и обиду, наносимую имъ духовенству [3]), наипаче Архіереямъ Епархій, которыхъ проэктъ дѣлаетъ въ родѣ приказчиковъ [4]) и торгашей, которые должны давать о семъ ежегодно отчетъ [5]) Синоду, т.-е. прокурору и канцеляріямъ; кромѣ того проэктъ въ такомъ смыслѣ изъяснень, что тамъ, гдѣ будетъ отъ духовенства [6]) свѣчной заводъ, не останется ни гривны рубля, ни фунта воска, для того, чтобы трудящимся что-нибудь [7]) получить въ награду; все подметалось какъ метлой [8]) и долженствовало отсылаться въ Синодъ; всѣ крохи. Между тѣмъ проэктъ угрожалъ тяжелой отвѣтственностью, въ случаѣ не выполненія его или ошибокъ противъ него, даже Архіереямъ.

---

[1]) Не поляхъ помѣчено: „11 апр."
[2]) Въ подл. запятая.
[3]) Въ подл. съ большой буквы.
[4]) Въ подл. „прикащиковъ".
[5]) Въ подл. „отчетъ ежегодно".
[6]) Въ подл. съ большой буквы.
[7]) Въ подл. „что же нибудь".
[8]) Въ подл. запятая.

Наконецъ я сдѣлалъ обращеніе къ самимъ свѣтскимъ въ Синодѣ; говорилъ: зачѣмъ вы у насъ въ Синодѣ! Мы духовные, дѣла наши духовные. Вы беретесь за чужое дѣло. Васъ и не просятъ: навязываетесь. Вы заслонили собою отъ насъ Архіереевъ Синодъ: мы съ нимъ не можемъ бесѣдовать лицомъ къ лицу; говоримъ съ ними черезъ васъ, но они старшіе Братія наши; у насъ съ ними дѣло общее. Въ васъ мы не нуждаемся и по уставу церкви и по убѣжденію, зная, что вы не умѣете ни понять наши дѣла [1]), ни судить оныхъ. Подите прочь, вонъ изъ Синода; посторонитесь. Оставьте насъ себѣ самимъ. Мы сами духовные отцы. Не ваше дѣло насъ учить. И проч. и проч.

Такой смѣлый и грозный отвѣтъ я отослалъ кажется, къ князю Урусову, управлявшему Духовн. Учебнымъ Управленіемъ, и ко мнѣ приславшему этотъ проэктъ.

Въ Петербургѣ съ мѣсяцъ подумали; потомъ придумали послать къ Митрополиту Филарету сіе мое измышленіе.

Филаретъ самъ съ мѣсяцъ кажется, и побольше написалъ ко мнѣ въ Красноярскъ:

„Прочиталъ я вашъ отвѣтъ свѣтскимъ въ Синодѣ о свѣчныхъ заводахъ въ Епархіяхъ. Вы на себя больше взяли, нежели сколько вамъ поручалось. Вы учите не только свѣтскихъ въ Синодѣ, но и самихъ членовъ Синода. Въ проэктѣ вы вооружаетесь на Государственную Власть [2]) Понимаете-ли, какой отвѣтственности вы подвергаете себя? Мнѣ довѣрили свѣтскіе въ Синодѣ Вашъ отвѣтъ [3]). Я возвращаю Вамъ все ваше, предлагаю съ своей стороны составить новый отвѣтъ . . . . [4]) и сносный, и пришлите его ко мнѣ; а прежній Вашъ отвѣтъ оставьте у себя, дѣлайте съ нимъ что хотите. Но если вы хотите настоять на прежнемъ вашемъ отвѣтѣ, возвратите мнѣ его. Я отошлю къ тѣмъ, кто прислали. Но предваряю Васъ; Вы потерпите довольно. А если сдѣлаете новый отвѣтъ, болѣе мягкій и . . . . [5]), то пришлите его ко мнѣ.

Я его передамъ, и проч. проч. и проч.“. (Письмо это-подлинное, хранится при этомъ дѣлѣ въ моихъ бумагахъ).

Я составилъ новый, совершенно легкій и мягкій отвѣтъ, довольно краткій, и послалъ къ Филарету; при чемъ приложилъ

---

[1]) Въ подл. запятой нѣтъ.

[2]) Въ подл. двоеточіе.

[3]) Въ подл. двоеточіе.

[4]) Неразобрано.

[5]) Неразобрано.

мое къ нему письмо, въ коемъ я ему изъяснилъ: 1) столь строго я написалъ потому, что такъ думаю и доселѣ; 2) я Синода учить не смѣлъ, но думалъ, что мой правдивый, хотя жестокій [1]), отвѣтъ Отцамъ Синода будетъ не безполезенъ; 3) на своей малости, на томъ что я хотя Епископъ, но послѣднѣйшій, въ послѣднемъ мѣстѣ, я расчитывалъ [2]) мою смѣлость свидѣтельства въ правдѣ; 4) Мнѣ тогда было уже 60 лѣтъ: пусть, я думалъ, 60—лѣтняго накажутъ и проч.

Филаретъ мнѣ прислалъ, отвѣтственное письмо (оно при томъ же дѣлѣ и кажется подлинное), которымъ меня почти благодарилъ за послушаніе ему.

Это уже послѣдняя ко мнѣ милость Филарета, и мои соотношенія къ нему. Не знаю, можетъ быть онъ что-нибудь о мнѣ ходатайствовалъ [3]); но до моихъ ушей не доходило, и самъ я не тревожилъ его.

XXI.

Наконецъ, хочу сказать вообще что-нибудь о Филаретѣ.

Первое. Почитаю его умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи, въ его время, не только между духовными, но и между свѣтскими, и вообще.

Второе. Богословіе онъ зналъ лучше всѣхъ не только въ Россіи въ его время, но и въ католичествѣ и лютеранствѣ, и тѣмъ болѣе между греками [4]) и восточными вообще.

Третіе. Онъ однако, по моему, былъ мудрецъ книги и пера, но не мудрецъ жизни, даже житейской.

Четвертое. Онъ былъ благочестивъ не наружно, не фарисейски, не напоказъ, а для себя самого, по сущему и всегдашнему убѣжденію, даже въ молодости.

Пятое. Онъ былъ дѣвственникъ не только по религіозному убѣжденію, но и на самомъ дѣлѣ [5]).

Шестое. Онъ былъ тщеславенъ и занятъ собою почти по женски. Но это была натура его, какъ думаю, а не страсть нажитая,

Седьмое. Въ молодости онъ не умѣлъ или не хотѣлъ щадить

---

[1]) Въ подл. запятыхъ здѣсь нѣтъ.

[2]) Въ подл. разчитывалъ.

[3]) Въ подл. двоеточіе.

[4]) Въ подл. съ большой буквы.

[5]) На поляхъ помѣчено; „11 апр. 1874 г. Перерва и подпись: Еписк. Никодимъ“.

враговъ своихъ, а не тѣхъ [1]), кого почиталъ такими. Но послѣ 60-ти лѣтъ возраста своего былъ очень снисходителенъ.

Восьмое [2]). Царямъ и Сильнымъ земли онъ робѣлъ говорить нагую истину, настоящую; если и вынуждалъ себя говорить имъ это [3]), то витьевато, завернуто, гадательно, сквозь зубы. Оттого, думаю, девять десятыхъ не сказано имъ того, что онъ хотѣлъ сказать.

Девятое. Филаретъ хотѣлъ угождать свѣтскимъ, иногда сущей дряни иногда въ пустякахъ, иногда обижая кого либо изъ духовныхъ.

Десятое. Духовныхъ, особенно маленькихъ чиномъ, онъ не желалъ угождать.

Одиннадцатое. Кажется Филаретъ терпѣлъ, даже любилъ [4]), ябедниковъ, доносчиковъ.

Двѣнадцатое. Особенно любилъ Филаретъ дурачковъ, юродивыхъ, причудниковъ.

Тринадцатое. У Филарета, кажется, не было друзей, и онъ не искалъ ихъ, но покровительствуемые имъ, особенно духовные, рѣдко были не негодяи, но всегда гордецы дерзкіе и отчаянные, и еще рѣже умѣли хорошо пользоваться благосклонностію къ нимъ его [5]).

Четырнадцатое. Тайны свои Филаретъ, кажется, никому не повѣрялъ; зналъ ихъ для себя самого. Аминь.

Епископъ Никодимъ, проживающій въ Перервѣ.—11 Апр. 1874 года.

И. К. Марковъ.

---

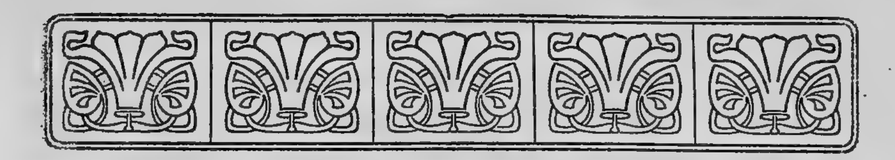
[1]) Въ подл. запятой нѣтъ.

[2]) Въ подл.: „Осьмое“.

[3]) Въ подл. точка съ запятой.

[4]) Въ подл. не въ запятыхъ.

[5]) Въ подл. съ большой буквы.



Поэмы Боратынскаго.

Среди произведеній Боратынскаго совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ его поэмы, представляющія настолько рѣзкія отличія отъ его лирическихъ произведеній, что ихъ неудобно разсматривать параллельно съ лирикой. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэмы Боратынскаго настолько связаны одна съ другой, что экскурсъ объ нихъ легко выдѣляется изъ одного очерка литературной дѣятельности поэта.

За исключеніемъ первыхъ („Эды" и „Пировъ"), поэмы Боратынскаго не пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ, и среди потомства осталась скромная слава скорбной музы искренняго поэта-пессимиста, только какъ лирика-пессимиста.

Такой незначительный успѣхъ поэмъ Боратынскаго обуславливался не только тѣмъ, что лучи славы Пушкинскихъ поэмъ затмили скромную поэму Боратынскаго, но и той особой позиціей, тѣмъ особымъ положеніемъ, какое занимали его поэмы въ современной литературѣ. И поэмами своими, равно какъ и лирическими выраженіями эстетически полно и цѣльно пережитой минуты, Боратынскій являлся одинокимъ и какъ будто бы чужимъ своему литературному вѣку, и, тѣмъ не менѣе, въ поэмахъ Боратынскаго, въ такой же степени, какъ и въ лирикѣ, (а можетъ быть и въ большей), найдемъ мы много общихъ точекъ соприкосновенія съ современной жизнью и литературой. Поэмами своими, какъ и лирическими моментами, муза Боратынскаго обладаетъ „необщимъ выраженіемъ" лица, но не трудно разгадать въ самомъ лицѣ черты, характерныя для поэта 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка.

Первое и, можетъ быть, наиболѣе существенное отличіе поэмъ Боратынскаго заключается въ томъ, что онѣ, собственно

говоря, и *не поэмы*. И эту особенность своихъ крупныхъ произведеній сознавалъ ясно и самъ поэтъ и называлъ свои поэмы *повѣстями*. Названіе „поэмъ“ поэтъ оставилъ только за „Воспоминаніями“, „Пирами“ и „Вѣрой и невѣріемъ“; „Телему и Макара“ и „Переселеніе душъ“ Боратынскій назвалъ сказками, наиболѣе же крупныя и законченныя, наиболѣе художественно совершенныя произведенія названы имъ повѣстями: „Эда“—„финляндская повѣсть“, „Балъ“—„повѣсть“, „Наложница-Цыганка“—„повѣсть“. Воспитанный на классическихъ образцахъ, поэтъ живо чувствовалъ существенныя отличія (отличія по существу) родовъ поэтическихъ произведеній, и его дѣленіе поэмъ на 3 части—поэмы, сказки и повѣсти—является неслучайнымъ. Можно спорить съ Боратынскимъ въ его раздѣленіи крупныхъ поэтическихъ произведеній на поэмы, сказки и повѣсти; можно спорить съ тѣмъ, что являются ли поэмы „Воспоминанія“ и „Пиры“ поэмами и пр.; можно спорить и съ самимъ раздѣленіемъ, объясняя его „французскимъ суевѣріемъ“, но наличіе трехъ группъ—„Воспоминанія“, „Пиры“ и „Вѣра и невѣріе“, „Телема и Макаръ“ и „Переселеніе душъ“, и „Эда“, „Балъ“ и „Наложница-Цыганка“—очевидно. Независимо отъ того, какимъ именемъ называть каждую отдѣльную группу, необходимо различать ихъ групповыя свойства; соотвѣтственно съ этой необходимостью и мы разобьемъ нашъ очеркъ о поэмахъ Боратынскаго на три части, при чемъ главное вниманіе наше будетъ обращено на произведенія Боратынскаго, болѣе законченныя и внутренно-совершенныя, которыя самъ поэтъ назвалъ повѣстями.

Что касается до собственно „поэмъ“, то мы имѣемъ полностью одну поэму—„Пиры“, а остальныя двѣ поэмы—„Воспоминанія“ и „Вѣра и невѣріе“ дошли до насъ только въ отрывкахъ, при чемъ отрывокъ „Вѣры и невѣрія“ весьма незначителенъ по размѣру. Судить о цѣломъ, о замыслѣ, по части представляется намъ весьма рискованнымъ, и потому мы можемъ говорить только о данной части и не высказывать догадокъ. „Воспоминанія“ и отрывокъ изъ „Вѣры и невѣрія“ печатались до сихъ поръ въ посмертныхъ изданіяхъ [1]) вмѣстѣ съ другими лирическими стихотвореніями, а не съ поэмами, и ихъ не пытались разсматривать, какъ поэмы. Тѣмъ не менѣе—„Воспоми-

[1]) Впрочемъ, этотъ принципъ не проведенъ строго въ посмертныхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго.

нанія“ и „Вѣра и невѣріе“, хотя и отрывки, но отрывки поэмъ, и эти отрывки поэмъ нельзя разсматривать и помѣщать между законченными мелкими лирическими произведеніями.

Какъ можно судить по отрывкамъ первой юношеской поэмы, поэтъ задумывалъ широко свою поэму „Воспоминанія“ по образцу классическихъ французскихъ произведеній, и не только стихъ, но и мысли „Воспоминаній“ въ значительной степени навѣяны современной русской поэзіей, преимущественно — Батюшкова и Жуковскаго. Можно съ увѣренностью сказать, что 19-лѣтній юноша, поэтъ-дебютантъ, не совладалъ со своимъ замысломъ, и что поэма была напечатана въ отрывкахъ, т. к. поэту не доставало умѣнія для связнаго большого разсказа; первымъ препятствіемъ, которое онъ встрѣтилъ и которое не могъ одолѣть, было: трудность хода въ развитіи дѣйствія, движенія, обусловленная какъ мало подходящимъ для поэмы сюжетомъ, лишеннымъ драматическаго интереса, такъ и бѣдностью поэтическихъ пріемовъ поэта, впервые взявшаго въ свои руки лиру.

Начатая черезъ 10 лѣтъ послѣ „Воспоминаній“, поэма „Вѣра и невѣріе“ переноситъ насъ въ другой внутренній міръ поэта. Эта пора Боратынскаго характеризуется тревожнымъ исканіемъ, отразившемся во всѣхъ современныхъ его произведеніяхъ и письмахъ къ И. В. Кирѣевскому. Духовная тревога и исканія отразились па новой поэмѣ, и, будь она закончена, мы имѣли бы наиболѣе полное, быть можетъ, выраженіе тревожной души поэта. Поэтъ въ это время искалъ новыхъ путей жизни, освѣщенныхъ философіей и религіей, и, какъ можно думать на основаніи сохранившагося отрывка „Вѣры и невѣрія“, въ этомъ религіозно-философскомъ освѣщеніи и была задумана поэтомъ его новая поэма, раскрывающая вѣрованія поэта. Вмѣстѣ съ религіозными и философскими исканіями, вмѣстѣ съ исканіемъ новаго жизненнаго содержанія, поэтъ, не удовлетворяясь современными родами поэтическихъ произведеній, неустанно искалъ новой поэтической формы. Одной изъ такихъ попытокъ создать новый родъ поэмы, новую поэму, и былъ замыселъ „Вѣры и невѣрія“. Всякія догадки о развитіи поэмы должны быть оставлены: мы пе знаемъ даже о томъ, какіе герои принимаютъ участіе въ ней (въ дошедшемъ отрывкѣ мы имѣемъ только два дѣйствующихъ лица-обобщенія: онъ и она), и какое мѣсто занималъ бы отрывокъ въ цѣлой поэмѣ. Большой интересъ представляетъ тотъ фактъ, что этотъ діалогическій отрывокъ названъ поэтомъ „*сценой* изъ поэмы“, и это названіе наводитъ

насъ на соображенія и догадки, которыя мы не рѣшаемся высказывать...

Мы не знаемъ, была ли написана полностью поэма „Вѣра и невѣріе“, но намъ представляется, что поэма не могла быть закончена, такъ какъ религіозно-философское содержаніе ея является выраженіемъ не прошлыхъ исканій поэта въ этой области, не итогомъ прошлаго, не „отзывомъ прежнихъ чувствъ и прежнихъ впечатлѣній“, что составляло, по мнѣнію поэта, силу творчества „Фебова сына“, а той духовной тревоги Боратынскаго, которой не суждено было скоро улечься въ его душѣ. Въ исканіи поэтическихъ формъ Боратынскій также стоялъ въ то время на распутьи... Во всякомъ случаѣ, если бы даже и отыскалась полная рукопись „Вѣры и невѣрія“, мы не имѣли бы поэмы, одобренной высшимъ судомъ—судомъ самого поэта, напечатавшаго только небольшую сцену изъ поэмы „Вѣра и невѣріе“.

Итакъ, говоря о поэмахъ Боратынскаго, мы съ полной увѣренностью можемъ высказывать наши сужденія только о „Пирахъ“ — единственной законченной поэмѣ Боратынскаго. „Пиры“ Боратынскаго были созданы въ 1821 году, т.-е. въ то время, когда, по словамъ барона А. А. Дельвига, „холодъ и суевѣріе французское“ пробивались въ его поэзіи. И „правила французской школы“, которыя поэтъ „всосалъ съ материнскимъ молокомъ“, замѣтно отразились на его шутливой, „описательной поэмѣ“, которую, по ея родству съ французскими и русскими образцами, можно скорѣе назвать посланіемъ къ друзьямъ, чѣмъ поэмой.

Изъ всевозможныхъ произведеній подобнаго рода французскихъ poësies legères, повліявшихъ на созданіе „Пировъ“, можно въ особенности указать на поэмку (такого же объема, какъ и „Пиры“) „Le déjeuner“ Мильвуа, начинающуюся словами:

Mes chers amis, certes, je fais grand cas
Du sage auteur de la gastronomie...

Нельзя забыть также, что подобныя воспѣванія пиршествъ были весьма въ модѣ въ современной русской поэзіи, и вслѣдъ за Батюшковымъ и Пушкинымъ цѣлый рядъ поэтовъ воспѣвалъ дружескія пирушки. И подобно тому, какъ Боратынскій выдѣлялся своей элегіей среди безконечныхъ элегистовъ, у коихъ „душа увянула и сердце отцвѣло“, шутливая описательная поэма его отличалась такой оригинальностью и неподдѣльною живостью и остроуміемъ, что поразила современниковъ—

и рядовыхъ, и такихъ нерядовыхъ, какъ Пушкина, который всегда живо помнилъ „Пиры“ Боратынскаго. Въ историко-литературномъ комментаріи можно указывать на тѣ иностранные и русскіе источники, въ зависимости отъ которыхъ находился Боратынскій въ періодъ созданія „Пировъ“; можно говорить о рядѣ параллельныхъ мѣстъ въ „Русланѣ и Людмилѣ“ и въ „Пирахъ“—въ мысляхъ и въ поэтическихъ оборотахъ; можно говорить о зависимости фактуры стиха Боратынскаго отъ Пушкина, но нельзя не признать индивидуальной кисти художника, создавшаго яркую и живописную картину въ игривыхъ стихахъ, бѣгущихъ рѣзвою волной, непринужденно искрящихся и переливающихся и не терпящихъ плѣна. Высшей похвалой для „Пировъ“ можетъ служить память о нихъ Пушкина, засвидѣтельствованная не только отзывами Пушкина, но и нѣкоторыми мѣстами „Евгенія Онѣгина“. Взаимная связь творчества Пушкина и Боратынскаго, можетъ быть, ярче всего сказалась въ „Пирахъ“, связь, свидѣтельствующая объ одинаковыхъ источникахъ, литературныхъ и жизненныхъ, которыми питалось вдохновеніе Пушкина и Боратынскаго.

Воспѣваніе дружескихъ „пирушекъ“ было очень модно, но слѣдующій отрывокъ изъ „Пировъ“ [1]) говоритъ не только о дани современности, но имѣетъ и цѣну автобіографическаго значенія, такъ какъ находитъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ многихъ стихотвореній Дельвига:

Сберемтесь дружеской толпой
Подъ мирный кровъ домашней сѣни:
Ты, вѣрный мнѣ, ты Д[ельвигъ] мой,
Мой братъ по музамъ и по лѣни;
Ты, поневолѣ милый льстецъ,
Очаровательный пѣвецъ
Любви, свободы и забавы,
Ты, П[ушкинъ],—вѣтреный мудрецъ,
Наперсникъ шалости и славы,—
Молитву радости запой,
Запой: сосѣдственные боги,
Сатиры, Фавны козлоноги

---

[1]) Какъ этотъ, такъ и слѣдующіе отрывки приведены нами въ томъ чтеніи, которое было забыто послѣдующими издателями и изслѣдователями, и которое возстановлено нами во II томѣ сочиненій Боратынскаго, изд. „Академической библіотеки русскихъ писателей“, имѣющемъ выйти въ свѣтъ въ самомъ скоромъ времени.

Сбѣгутся слушать голосъ твой,
Пѣвца внимательно обстанутъ
И, гимнъ веселый затвердивъ,
Имъ оглашать наперерывъ
Мои лѣса не перестанутъ.
Вы всѣ, дѣлившіе со мной
И наслажденья, и мечтанья,—
О, поспѣшите въ домикъ мой
Упиться радостью свиданья!
Толпой сберитеся опять
Шумѣть за чашей круговою,
Былое время вспоминать
И философствовать со мною.

Любопытно, что поэтъ призываетъ „подъ мирный кровъ“ Пушкина и Дельвига—поэтовъ, которыхъ Боратынскій особенно выдѣлялъ среди всѣхъ своихъ друзей—поэтовъ.

Замѣтимъ, что, несмотря на всю удачу „Пировъ“, Боратынскій болѣе не возвращался къ подобнаго рода поэмамъ, и „Пиры“ остались единственнымъ памятникомъ шутливой поэмы; въ то же время „Пиры“, которые можно назвать съ натяжкой „поэмой“, являются и *единственной поэмой* Боратынскаго, т. к. остальныя поэмы—„Воспоминанія“ и „Вѣра и невѣріе“—остались, какъ мы видѣли, неоконченными.

Изъ „сказокъ“, написанныхъ Боратынскимъ, наибольшій интересъ представляетъ вторая его сказка—„Переселеніе душъ“, такъ какъ первая—„Телема и Макаръ“, ничто иное, какъ почти буквальный переводъ сказки Вольтера „Thélème et Macare“. Боратынскій пытался, повидимому, приблизить сказку Вольтера къ условіямъ русской жизни, но такое пріуроченіе не пошло дальше замѣны двора—„Царскимъ селомъ“.

Гораздо любопытнѣе другая сказка „Переселеніе душъ“—„первый плодъ мечты игривой, новой жизни первый плодъ“. „Переселеніе душъ“ было первымъ крупнымъ произведеніемъ въ „новой жизни“ поэта, оставившаго въ 1826 году военную службу и нашедшаго себѣ „подругу вѣрную“—Н. Л. Энгельгардтъ. Въ „эпилогѣ“ сказки поэтъ посвящаетъ свой „трудъ непринужденный“ вѣрной подругѣ, прояснившей жизнь поэта, и такими словами характеризуетъ свою сказку:

Веселой музой вдохновенный,
Веселый вздоръ болтаю я.

„Веселый вздоръ“ Боратынскаго, фантастическій сюжетъ „Переселенія душъ“ былъ очень въ духѣ романтической фантастики, и въ этомъ смыслѣ сказку Боратынскаго можно разсматривать, какъ дань своему времени и своему учителю—Жуковскому. За „веселымъ вздоромъ“ сказки можно увидѣть однако и болѣе глубокія мысли поэта, задумавшагося надъ враждою чувствъ между собою. Жестокій случай, связывающій людей не столько посредствомъ душъ, сколько „ртами“ и „подбородками“, внушилъ бы въ другое время „тяжелому вдохновенію“ печальной души поэта иное заключеніе, гораздо менѣе отрадное, чѣмъ то, которое онъ вывелъ изъ переселенія душъ царевны и пастушки:

Что жъ? о счастіи прямомъ
Провѣдать людямъ неудобно;
Мы знаемъ, свойственно ему
Любить хранительную тьму,
И драгоцѣнное подобно
Въ томъ драгоцѣнному всему.
Гдѣ искрометные рубины,
Гдѣ перлы свѣтлые нашли?—
Въ глубокихъ пропастяхъ земли,
На темномъ днѣ морской пучины.
А что съ Царевною моей?
Она съ плотнѣйшимъ изъ князей
Великолѣпно обвѣнчалась.
Онъ съ нею ладно жилъ, хотя
Въ иное время не шутя
Его супруга завиралась,
И даже, подъ сердитый часъ,
Она, возвыся бойкій гласъ,
Совсѣмъ ругательски ругалась:
Онъ не роталъ на то ничуть,
Любилъ житье-бытье простое,
И самъ, гдѣ надо, завернуть
Не забывалъ словцо лихое.
По-своему до позднихъ дней
Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Что касается до способа передачи сказки—языка и стиха—„Переселеніе душъ“ отличается большимъ разнообразіемъ и

богатствомъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Роскошною красочностью стиха и нѣкоторою приподнятостью тона вѣетъ отъ слѣдующихъ строкъ:

Какъ будто къ празднику большому,
Ея чертоги убраны:
Вездѣ легли ковры богаты,
И дорогіе ароматы
Во всѣхъ кадилахъ возжены;
Всѣ водометы пущены;
Блистаютъ рѣдкими цвѣтами
Ряды узорчатыхъ кошницъ,
И полонъ воздухъ голосами
Иноземельныхъ, чудныхъ птицъ.
Все нѣгой сладостною дышетъ,
Все дивной роскошію пышетъ.

И эта сладостная нѣга и дивная роскошь чередуется съ шутками, съ просторѣчіемъ, съ эпиграмматическимъ направленіемъ. Описавъ „красотъ подсолнечныхъ алмазъ“—молодую царевну,—„любовь души, веселье глазъ“, которая была „челомъ бѣлѣе лилій Нила, коралла пышнаго морей устами свѣжими алѣй, яснѣе дневнаго свѣтила улыбкой ясною своей“, поэтъ говоритъ, что она:

Къ своимъ высокимъ женихамъ
Вниманье вовсе прекратила
И, кромѣ колкихъ эпиграммъ,
Имъ ничего не говорила.

О „вѣщемъ толкователѣ Изиды“, столѣтнемъ магѣ, поэтъ разсказываетъ въ такомъ тонѣ:

На то и жилъ почтенный дядя;
Отвергнувъ міра суету,
Не пилъ, не ѣлъ, не спалъ онъ, глядя
Въ глаза священному коту...

Эта гибкость языка и стиха, разнообразіе оттѣнковъ тона для передачи соотвѣтствующихъ оттѣнковъ мысли была въ большой степени достигнута въ „Переселеніи душъ“, и этой гибкостью рѣчи вполнѣ воспользуется Боратынскій, какъ мы увидимъ, въ послѣдней своей поэмѣ—въ повѣсти „Наложница“.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ крупнымъ произведеніямъ Боратынскаго, которыя поэтъ называлъ повѣстями, и въ которыхъ наиболѣе ярко выражалась сильная индивидуальность поэта. „Эда“, „Балъ“ и „Наложница-Цыганка“ представляютъ собой попытки создать новый родъ поэмы, независимой отъ существовавшихъ образцовъ. Поэтъ индивидуалистъ въ лирикѣ, для котораго досадно было всякое повтореніе, всякое подражаніе, и въ поэмахъ своихъ хотѣлъ итти своимъ путемъ, не подчиняясь такимъ образцамъ, которымъ трудно было не подчиняться, и отъ вліянія которыхъ нужно было сознательно отгородиться для того, чтобы незамѣтно, безсознательно, не перейти въ ихъ колею. И, чтобы не подпасть вліянію Пушкина и Байрона, надо было сознать направленіе своего пути, какъ иное, отличное отъ нихъ. И въ предисловіи къ первой своей повѣсти „Эда“ Боратынскій пишетъ, что „онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти, не осмѣливаясь вступить въ состязаніе съ пѣвцомъ Кавказскаго Плѣнника и Бахчисарайскаго Фонтана. Поэмы Пушкина не кажутся ему бездѣлками. Нѣсколько лѣтъ занимаясь поэзіей, онъ замѣтилъ, что подобныя бездѣлки принадлежатъ великому дарованію, и слѣдовать за Пушкинымъ ему показалось труднѣе и отважнѣе, нежели итти новою, собственною дорогою. Въ чемъ же заключается, какова же намѣченная поэтомъ его „новая собственная дорога“?

На первыхъ порахъ, въ предисловіи къ „Эдѣ“, поэтъ увидѣлъ ее въ „обыкновенности“ хода повѣсти, въ обиліи „мелочныхъ подробностей“; и тутъ же поэтъ высказываетъ свое вѣрованіе: „въ поэзіи двѣ противоположныя дороги приводятъ почти къ той же цѣли: очень необыкновенное и очень простое, равно поражая умъ и равно занимая воображеніе“. И Боратынскому кажется, что онъ написалъ совершенно „простую“ повѣсть, состоящую изъ „мелочныхъ подробностей“...

Не будемъ разсматривать сейчасъ, насколько его финляндская повѣсть „Эда“ является дѣйствительно „простой, состоящей изъ мелочныхъ подробностей“, реалистической повѣстью, но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „новая собственная дорога“, по которой хотѣлъ итти Боратынскій въ своихъ поэмахъ, оказалась реалистической повѣстью, которою онъ и хотѣлъ отмежеваться отъ вліянія романтической поэмы Байрона и Пушкина. Еще яснѣе выразилъ Боратынскій свои взгляды на поэму-повѣсть въ предисловіи къ своей послѣдней повѣсти „Наложница“. Въ этомъ предисловіи поэтъ не столько защищаетъ нравственность произведеній съ рискованнымъ, какъ

будто въ нравственномъ смыслѣ, сюжетомъ, сколько оправдываетъ реалистическую повѣсть и нравственную пользу, приносимую реалистическими произведеніями. Существенной чертой поэтическихъ произведеній Боратынскій считаетъ „истину показаній", игнорируя „прекрасное": поэтъ хотя и соглашается, что въ литературѣ „можно искать и прекрасное", „но прекрасное не для всѣхъ", и потому „читайте же романъ, трагедію-поэму, *какъ вы читаете путешествіе*". И въ слѣдующихъ строкахъ поэтъ развиваетъ свою мысль о необходимости реалистическаго метода въ искусствѣ:

„Странствователь описываетъ вамъ и веселый югъ, и суровый сѣверъ, и горы, покрытыя вѣчными льдами, и смѣющіяся долины, и рѣки прозрачныя, и болота, поросшія тиною, и цѣлебныя, и ядовитыя растенія. Романисты, поэты изображаютъ добродѣтели и пороки, ими замѣченныя, злыя и добрыя побужденія, управляющія человѣческими дѣйствіями. Ищите въ нихъ того же, что въ путешественникахъ, въ географахъ: извѣстій о любопытныхъ вамъ предметахъ; требуйте отъ нихъ того же, чего отъ ученыхъ: истины показаній.

Читайте землеописателей, и, не выходя изъ вашего дома, вы будете имѣть понятіе объ отдаленныхъ, разнообразныхъ краяхъ, которыхъ вамъ, можетъ быть, не случится увидѣть собственными глазами. Читайте романистовъ, поэтовъ, и вы узнаете страсти, вами или не вполнѣ или совсѣмъ не испытанныя, нравы, выраженія которыхъ, можетъ быть, вы бы сами не замѣтили; узнаете положенія, въ которыхъ вы не находились; обогатитесь мыслями, впечатлѣніями, которыхъ вы безъ того бы не имѣли; пріобщите къ опытамъ вашимъ опыты всѣхъ прочтенныхъ вами писателей и бытіемъ ихъ пополните ваше".

Боратынскій своей новой реалистической повѣстью какъ будто былъ независимъ отъ своего времени; однако и эта реалистическая повѣсть была тѣсно связана съ временемъ, и тѣ же литературныя потребности, которыя обусловили созданіе повѣстей Боратынскаго, вызвали къ жизни такія произведенія Пушкина, какъ „Графъ Нулинъ" и „Домикъ въ Коломнѣ". Независимость отъ литературныхъ образцовъ и оригинальность повѣстей Боратынскаго несомнѣнна, но несомнѣнно въ то же время, что повѣсти Боратынскаго зависѣли отъ господствовавшаго романтическаго направленія съ его двумя тенденціями—идеалистической и реалистической. Послѣдняя тенденція романтизма—реалистическая уже ясно обнаружилась въ 30-хъ годахъ и привела къ созданію реалистической повѣсти; этой тенденціи подчинился и Боратынскій, но создавалъ свои реали-

стическія поэмы тогда, когда еще мало замѣтно пробивалась реалистическая струя.

Еще замаскированное, неясное признаніе реализма въ предисловіи къ „Эдѣ“ получило свое развитіе въ предисловіи къ „Наложницѣ“, въ которомъ реализмъ является торжествующимъ. Сравнивъ въ хронологическомъ порядкѣ поэмы Боратынскаго „Эда“, „Балъ“ и „Наложница“, можно съ увѣренностью вывести заключеніе о „новой, собственной дорогѣ“ Боратынскаго, о пути, по которому онъ пошелъ.

Путь Боратынскаго въ его поэмахъ или повѣстяхъ—*путь отъ идеализма къ реализму*, и своимъ путемъ Боратынскій часто совпадалъ съ общимъ ходомъ русской литературы, то подчиняясь литературнымъ традиціямъ, то опережая свой литературный вѣкъ.

Наиболѣе идеалистическо-романтической поэмой является первая его „финляндская повѣсть“—„Эда“. Несмотря на то, что въ предисловіи своемъ поэтъ говоритъ о новомъ, независимомъ отъ Пушкина и романтической поэмы, пути, по которому онъ пойдетъ въ своей повѣсти, въ „Эдѣ“ обнаруживается несомнѣнная зависимость отъ байроническо-романтической поэмы.

Заявивъ въ предисловіи, что „онъ не принялъ лирическаго тона въ своей повѣсти“, въ развитіи самой повѣсти Боратынскій не могъ отказаться отъ него, и выраженіе грустнаго лирическаго чувства поэта поминутно прерываетъ спокойный разсказъ, создавая музыкально-идеалистическо-романтическое освѣщеніе, въ которомъ доминируетъ задумчиво-грустный тонъ и въ которомъ отражается душа поэта, не безучастная къ душевному горю „своей“ Эды:

...И отвращенное дотоль
Лице тихонько обратила
Къ нему бѣдняжка.
О злодѣй!
Съ какою медленностью томной,
И между тѣмъ какъ будто скромной,
Напечатлѣть умѣлъ онъ ей
Свой поцѣлуй! Какое чувство
Ей въ грудь младую влилъ онъ имъ!
И лобызаніемъ такимъ
Владѣетъ хладное искусство!
Ахъ, Эда, Эда, для чего
Такое долгое мгновенье

Во влажномъ пламени его
Пила ты страстное забвенье?
Полна съ поры мятежной сей
Желанья смутнаго заботой,
Ты освѣжительной дремотой
Ужъ не сомкнешь своихъ очей;.
Слетятъ на ложе сновидѣнья,
Тебѣ безвѣстныя досель,
Иль долго жаркая постель
Тебѣ не дастъ успокоенья.
На камняхъ розовыхъ твоихъ
Весна игриво засвѣтлѣла,
И ярко зеленъ мохъ на нихъ,
И птичка весело запѣла,
И по гранитному одру
Свѣтло бѣжитъ ручей сребристый,
И лѣсъ прохладою душистой
Съ востока вѣетъ по утру;
Тамъ за горою долъ таится,
Уже цвѣты пестрѣютъ тамъ;
Уже черемухъ ѳиміамъ
Тамъ въ чистомъ воздухѣ струится:
Своею нѣгою страшна
Тебѣ волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
Отъ сна возставшая, съ крыльца
Къ прохладѣ утренней лица
Не обращай и въ долъ прекрасной
Не приходи, а сверхъ сего
Бѣги гусара твоего!

И вся повѣсть написана въ такомъ элегическомъ тонѣ, иногда съ отдаленно-сантиментальными оттѣнками, и нельзя не увидѣть въ лирическомъ тонѣ Боратынскаго родственнаго съ тономъ Жуковскаго. Гармонируетъ съ этимъ тономъ и заключеніе „реалистической повѣсти (?)“:

Кладбище есть. Тѣснятся тамъ
Къ холмамъ холмы, кресты къ крестамъ,
Однообразные для взгляда;
Ихъ (межъ кустами чуть видна,
Изъ круглыхъ камней сложена)
Обходитъ низкая ограда.

Лежитъ уже давно за ней
Могила дѣвицы *моей*.
Кто, кто теперь ее отыщетъ,
Кто съ нѣжной грустью навѣститъ?
Кругомъ все пусто, все молчитъ;
Порою только вѣтеръ свищетъ
И можжевельникъ шевелитъ.

Въ связи съ общимъ идеалистическимъ освѣщеніемъ поэмы, созданіе характеровъ въ „Эдѣ" отличается такъ же, если такъ можно выразиться, идеалистической манерой.

Передъ нами, на фонѣ финляндской жизни, дѣйствуютъ два „героя": онъ—гусаръ-соблазнитель—и она жертва гусара, простая финляндская дѣвушка. Немного знаемъ мы о „злодѣѣ" гусарѣ, характеръ котораго не развитъ широко: Боратынскій сильно сгущаетъ краски, когда говоритъ о „коварномъ искусительствѣ" гусара, и читатели поэмы вмѣстѣ съ авторомъ восклицаютъ— „о злодѣй!", но образъ самого злодѣя, еще болѣе неопредѣленный, чѣмъ образъ Кавказскаго плѣнника (которымъ онъ, быть можетъ, навѣянъ), остается неяснымъ. Болѣе развитъ образъ Эды, которой поэтъ даетъ такую характеристику:

Нежданный цвѣтъ въ пустынѣ той,
Отца простого дочь простая,
Красой лица, души красой
Блистала Эда молодая.
Прекраснѣй не было въ горахъ:
Румянецъ нѣжный на щекахъ.
Летучій станъ, власы златые
Въ небрежныхъ кольцахъ по плечамъ,
И очи блѣдно-голубыя,
Подобно Финскимъ небесамъ,
Готовность къ чувству въ сердцѣ чистомъ,—
Вотъ Эда вамъ!

По мѣрѣ развитія поэмы авторъ все болѣе и болѣе уясняетъ эту характеристику, и въ концѣ „повѣсти" читатель имѣетъ вполнѣ опредѣленный образъ, привлекающій его симпатіи (какъ онъ привлекъ и симпатіи автора, который говоритъ объ Эдѣ — „моя"), но идеализація героини не подлежитъ сомнѣнію: невинность, чистота, ясность души, чувствительность (готовность къ чувству)—вотъ та краса души, какой *„блистала* Эда молодая".

Такъ Пушкинъ, идеализируя, создавалъ свою черкешенку въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, Марію въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“, Марію въ „Полтавѣ“, такъ Байронъ создавалъ свои прекрасные женскіе образы...

„Что-жъ чухонка Баратынскаго? я жду“—писалъ Пушкинъ брату, но когда прочелъ „Эду“, долженъ былъ измѣнить неподходящее выраженіе: героиню реалистической повѣсти Боратынскаго можно еще назвать „чухоночкой“ (какъ Пушкинъ и назвалъ ее въ своей эпиграммѣ), но ни въ коемъ случаѣ не „чухонкой“, названіемъ, рѣзко дисгармонирующимъ съ созданнымъ Боратынскимъ идеальнымъ образомъ.

Впослѣдствіи этотъ идеалистическій тонъ будетъ ослабляться, уступая свое мѣсто реалистическому изображенію характеровъ; героиню послѣдней повѣсти Боратынскаго можно назвать цыганкой; но въ Эдѣ идеализмъ является преобладающимъ и свидѣтельствуетъ о сильномъ и прямомъ воздѣйствіи романтизма, отъ котораго поэтъ хотѣлъ, но не могъ отмежеваться. Подобно тому, какъ можно найти общее въ развитіи характеровъ и родственное въ самихъ характерахъ Кавказскаго Плѣнника и гусара, черкешенки и Эды, общее найдемъ мы и въ темѣ „Кавказскаго Плѣнника“ и „Эды“. Боратынскій совершенно оригинально и своеобразно развиваетъ „Эду“, но канва поэмы—обольщеніе злодѣя-эгоиста невинной и чистой дѣвушки, которая платитъ жизнью за довѣрчивую готовность къ чувству—близка къ канвѣ „Кавказскаго Плѣнника“ и, слѣдовательно, принадлежитъ къ числу ходячихъ темъ романтической поэмы того времени.

Зависимость „Эды“ отъ романтической поэмы еще въ большей степени сказалась въ новомъ, творческомъ принципѣ романтической школы: въ соблюденіи мѣстнаго колорита въ извѣстномъ couleur local, которымъ окрашивалась поэма. Рядомъ съ кавказскимъ колоритомъ „Кавказскаго Плѣнника“, съ крымскимъ, съ колоритомъ „Тавриды“—„Бахчисарайскаго Фонтана“, съ цыганскимъ—„Цыганъ“—должна быть поставлена и *„финляндская“* повѣсть „Эда“. Общее у „Эды“ съ „Кавказскимъ Плѣнникомъ“ и другими романтическими произведеніями сказалось и въ томъ, что мѣстный бытъ оставался въ тѣни, главное же вниманіе поэта-живописца было обращено на природу, на фонѣ которой и развивается дѣйствіе поэмы. И въ „Эдѣ“ финляндская жизнь, бытъ съ его мѣстнымъ колоритомъ, почти отсутствуетъ, представленный едва замѣтно однимъ — другимъ штрихомъ, но финляндская природа написана такими живыми

красками, съ такимъ богатствомъ сочетаній и разнообразіемъ оттѣнковъ, что одной своей „Эдой“ поэтъ заслуживалъ имя лучшаго пѣвца Финляндіи и заставлялъ забывать о своемъ учителѣ, первомъ пѣвцѣ Финляндіи—Батюшковѣ.

Зависимость Боратынскаго отъ романтической поэмы несомнѣнна, и первая его повѣсть была, конечно, въ большей степени идеалистической, нежели романтической, но такъ же несомнѣнно, что Боратынскій былъ вполнѣ оригиналенъ, и что обиліе мелочныхъ подробностей и жизненная правдивость давали тѣнь подобія реалистической повѣсти. На вѣковомъ отдаленіи, послѣ тріумфальнаго шествія реализма въ русской литературѣ, мы болѣе замѣчаемъ идеалистическо-романтическую струю „Эды“, то, что сближало ее съ современными романтическими произведеніями, современники же поэта болѣе выдѣляли новое, реалистическое въ повѣсти Боратынскаго. Такъ понялъ „Эду“ и А. И. Тургеневъ, который, сдѣлавъ въ письмѣ къ князю Вяземскому большую выписку изъ „Эды“, прибавляетъ: „Кто изъ насъ, тяжелѣе или легче, не вздохнетъ съ грустнымъ воспоминаніемъ и съ укоромъ совѣсти при этомъ окончаніи! Оно мнѣ нравится, ибо я нахожу въ немъ *быль*, а не сказку“...

Дальнѣйшимъ шагомъ Боратынскаго отъ идеализма къ реализму была его вторая повѣсть въ стихахъ—„Балъ“, вышедшая въ свѣтъ (въ 1827 году) вмѣстѣ съ „Графомъ Нулинымъ“ Пушкина.

„Балъ“, какъ было отмѣчено и наиболѣе чуткой современной критикой (Кирѣевскимъ), не отличается тѣмъ лирическимъ единствомъ и увлекательностью, которыя придавали неизъяснимое и трогательное очарованіе первой повѣсти Боратынскаго. Грустный тонъ „Эды“ производилъ удивительное впечатлѣніе своей дѣятельностью и однимъ настроеніемъ, проникавшимъ всю повѣсть, но свидѣтельствовалъ о сравнительной бѣдности красокъ поэта, ихъ монотонности въ концѣ концовъ и создавалъ изъ „Эды“ лирическую повѣсть. „Балъ“ не обладаетъ такимъ лирическимъ характеромъ, поэтъ рѣдко высказываетъ свое отношеніе къ героямъ, предоставляя имъ свободно говорить за себя, и въ этомъ отношеніи „Балъ“ болѣе приближается къ реалистической повѣсти. Въ то же время „Балъ“ гораздо богаче разнообразіемъ тоновъ и красочностью отдѣльныхъ частей и картинъ, подчиненныхъ общей гармоніей. Совершенствующійся стихъ Боратынскаго, полный музыкальнаго чувства, роскошной нѣги и поэтической опредѣленности, наглядности, рѣзко вы-

черчиваетъ эти отдѣльныя картины, поражавшія читателей современниковъ. Таковы описанія бальнаго вечера, героини, стоящей передъ трюмо и собирающейся на балъ, ночи у Нины въ спальной, смерти Нины. Напомнимъ эти отрывки читателю, чтобы подтвердить нашу мысль о тональномъ разнообразіи роскошною кистью написанныхъ картинъ, съ рѣзко вычерченными и проступающими контурами. Балъ въ высшемъ Московскомъ свѣтѣ:

Глухая полночь. Строемъ длиннымъ,
Осеребренныя луной,
Стоятъ кареты на Тверской
Предъ домомъ пышнымъ и стариннымъ.
Пылаетъ тысячью огней
Обширный залъ; съ высокихъ хоровъ
Гудятъ смычки; толпа гостей,
Съ приличной важностью взоровъ,
Въ чепцахъ узорныхъ, вычурныхъ,
Рядъ пестрый барынь пожилыхъ
Сидитъ. Причудницы отъ скуки
То поправляютъ свой нарядъ,
То на толпу, сложивши руки,
Съ тупымъ вниманіемъ глядятъ.
Кружатся дамы молодыя,
Не чувствуютъ себя самихъ;
Драгими камнями у нихъ
Горятъ уборы головные;
По ихъ плечамъ полунагимъ
Златые локоны летаютъ;
Одежды, легкія, какъ дымъ,
Ихъ легкій станъ обозначаютъ...

Особенно сильное впечатлѣніе на современниковъ произвело описаніе княгини передъ трюмо:

Ужъ газъ на ней, струясь, блистаетъ;
Роскошно, сладостно очамъ
Рисуетъ грудь, потомъ къ ногамъ
Съ гирляндой яркой упадаетъ.
Алмазъ мелькающихъ серегъ
Горитъ за черными кудрями;
Жемчугъ чело ея облекъ
И, межъ обильными косами
Рукой искусной пропущонъ,

То видимъ, то невидимъ онъ.
Надъ головою перья вѣютъ:
По томной прихоти своей,
То ей лице они лелѣютъ
То дремлютъ въ локонахъ у ней.
Межъ тѣмъ (къ какому разрушенью
Ведетъ сердечная гроза!)
Ея потухшіе глаза
Окружены широкой тѣнью,
И на щекахъ румянца нѣтъ!
Чуть виденъ въ образѣ прекрасномъ
Красы бывалой слабый слѣдъ!
Въ стеклѣ живомъ и безпристрастномъ
Княгиня бѣдная моя...

Княгинѣ стало дурно на балу, и она вернулась домой „глухою почью"—

У Нины въ спальной,
Лѣниво споря съ темнотой,
Передъ иконой золотой
Лампада точитъ свѣтъ печальной.
То пропадетъ во мракѣ онъ,
То заиграетъ на окладѣ;
Кругомъ глубокій, смертный сонъ!
Межъ тѣмъ въ блистательномъ нарядѣ,
Въ богатыхъ перьяхъ, жемчугахъ,
Съ румянцемъ страннымъ на щекахъ,
Ты-ль это, Нина, мною зрима?
Въ переливающейся мглѣ
Зачѣмъ сидишь ты недвижима,
Съ недвижной думой на челѣ?
Дверь заскрипѣла: слышитъ ухо
Походку чью-то на полу;
Передъ иконою, въ углу,
Сталъ и закашлялъ кто-то глухо.
Вотъ чья-то дряхлая рука
Изъ тьмы къ лампадѣ потянулась...

Но если въ приведенныхъ нами отрывкахъ замѣтны еще какое-то музыкально живописное роскошество и нѣкоторая истинно-художественная, романтическая приподнятость тона, то въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ чисто реалистическія и натуралистическія описанія, и, среди поэтической нѣги,

такія натуралистическія описанія еще рѣзче выдѣляются и говорятъ о новой манерѣ художника. Такова мертвая княгиня, къ рукѣ которой ея сѣдая мамушка

Устами ветхими прильнула:
Рука ледяно-холодна.
Въ лице ей съ трепетомъ взглянула:
На немъ поспѣшный смерти ходъ;
Глаза распухли, въ пѣнѣ ротъ...

И поэтъ въ своей повѣсти широко пользуется всѣми тонами, которые способны произвести краски его палитры, вводя въ свою повѣсть художественно возсоздаваемую реальную обстановку и, не пренебрегая никакими средствами языка, смѣшивая поэтическія описанія съ прозою жизни, говоритъ о „желудочной тоскѣ“ поэта, скропавшаго на смерть княгини стишки, о князѣ, который характеризуется всего двумя стихами:

Мужъ, не весьма сантиментальный,
Сморкаясь громко, входитъ князь.

Не вводя въ нашъ очеркъ элемента оцѣнки, замѣтимъ только, что описанія „Бала“ гораздо богаче (не говоримъ—выше) и разнообразнѣе „Эды“: „Эда“, въ сравненіи съ „Баломъ“, представляется идилліей или, лучше сказать, элегіей, происходящей на лонѣ природы, тогда какъ въ „Балѣ“ поэтъ перенесъ человѣческую трагедію въ житейскую обстановку и тѣмъ самымъ сообщилъ этой трагедіи большую жизненную (не говоримъ—художественную) убѣдительность.

Особенно большое развитіе Боратынскаго на пути отъ идеализма къ реализму мы находимъ въ изображеніи характеровъ, и въ этомъ отношеніи независимо и оригинально развивавшійся поэтъ шелъ рука объ руку со своимъ литературнымъ вѣкомъ, создавшимъ сложный образъ Евгенія Онѣгина, имѣющій много родственно-общаго съ героями Боратынскаго въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“.

Параллельно съ развитіемъ драматическаго хода повѣсти шло у Боратынскаго и развитіе драматическихъ характеровъ героевъ. Цѣльные и простые, художественные образы—тѣни Гусара и Эды оказались несостоятельными передъ лицомъ жизненной правды. Пять лѣтъ спустя послѣ созданія „Бала“, въ „предисловіи къ „Наложницѣ“, Боратынскій говорилъ, что „характеры смѣшанные одни естественны“, но и въ повѣсти

„Балъ“ поэтъ уже пытался создать болѣе сложные и болѣе естественные смѣшанные характеры.

И на фонѣ обстановки высшаго московскаго свѣта Боратынскій создаетъ два смѣшанныхъ характера: княгини Нины и Арсенія. Для образа Нины поэтъ взялъ натуру (быть можетъ впервые)—графиню А. Ѳ. Закревскую,—которая хоть и была пересоздана живымъ воображеніемъ поэта, но замѣтно сказалась въ повѣсти. Гораздо сложнѣе происхожденіе героя—Арсенія: при всемъ отличіи своемъ отъ Онѣгина, Арсеній имѣетъ съ нимъ много родственно-общаго, и эта родственность должна объясняться общими литературными и жизненными источниками. Не слѣдуетъ однако преувеличивать общности Арсенія и Онѣгина.

Еще въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ Пушкинъ хотѣлъ образомъ своего героя передать ту неудовлетворенность и преждевременную старость души, которая являлась своего рода болѣзнью вѣка, торопившагося и жить и чувствовать. По той же канвѣ жизни созданы и Онѣгинъ, и Арсеній. Но эта жизненная канва давала большой просторъ художественному воображенію и мастерству поэта, и только съ натяжкой можно разсматривать байроническихъ героевъ и Кавказскаго Плѣнника, какъ прототиповъ Онѣгина и Арсенія (какъ и воспроизведеніе героя 20-хъ годовъ по Пушкину и Боратынскому было бы тоже весьма приблизительнымъ).

Болѣе сложное развитіе характеристики у Боратынскаго мы найдемъ въ „Наложницѣ“, но и въ „Балѣ“ мы находимъ прагматическое изображеніе, очень отличающееся отъ изображенія характера героя въ „Эдѣ“. О гусарѣ (въ „Эдѣ“) поэтъ говоритъ только—

Взглядовъ живость,
Изъ-подъ фуражки по щекамъ
Два черныхъ локона къ плечамъ,
Віясь, бѣгущіе красиво,
Гусарскій щегольской уборъ,—
И безъ рѣчей для дѣвы горъ
Все было въ немъ краснорѣчиво—

между тѣмъ какъ характеристикѣ Арсенія поэтъ посвящаетъ гораздо болѣе значительные стихи:

Красой изнѣженной Арсеній
Не привлекалъ къ себѣ очей:
Слѣды мучительныхъ страстей,
Слѣды печальныхъ размышленій

Носилъ онъ на челѣ; въ очахъ
Безпечность мрачная дышала,
И не улыбка на устахъ,—
Усмѣшка праздная блуждала.
Онъ не задолго посѣщалъ
Края чужіе; тамъ искалъ,
Какъ слышно было, развлеченья
И снова родину узрѣлъ;
Но, видно, сердцу исцѣленья
Дать не возмогъ чужой предѣлъ...
Онъ въ разговорѣ поражалъ
Людей и свѣта знаньемъ рѣдкимъ,
Глубоко въ сердце проникалъ
Лукавой шуткой, словомъ ѣдкимъ
Судилъ разборчиво пѣвца,
Зналъ цѣну кисти и рѣзца;
И сколько ни былъ хладно-сжатымъ
Привычный складъ его рѣчей,
Казался чувствами богатымъ
Онъ въ глубинѣ души своей.

И въ теченіе поэмы Боратынскій не разъ возвращался къ своему романтическому герою, поясняя тотъ или иной штрихъ въ его характерѣ. Но какъ Плѣнникъ Пушкина унесъ съ собой тайну своего разочарованія и преждевременной старости, такъ намъ неизвѣстны и „мучительныя страсти“, „печальныя размышленія“ и „безпечность мрачная“ Арсенія. Характеръ Арсенія остался недоразвитымъ. Можно догадываться, что мрачность и разочарованность Арсенія были только напускными, только маской, которую Арсеній сбросилъ, когда нашелъ свое счастье въ Ольгѣ—въ „жеманной дѣвчонкѣ“

Со сладкой глупостью въ глазахъ,
Въ кудряхъ мохнатыхъ, какъ болонка,
Съ улыбкой сонной на устахъ!..

Поэтъ не отвѣтилъ намъ на загадку, поставленную имъ созданіемъ образа Арсенія, какъ въ свое время не отвѣтилъ на загадку Чацкаго Грибоѣдовъ, можетъ быть потому, что недостаточно еще опредѣлился въ жизни тотъ типъ, который могъ бы служить ясной канвой для созданія поэтическаго образа, а можетъ быть потому, что, сдѣлавъ большой шагъ въ изображеніи смѣшанныхъ характеровъ, поэтъ не достигъ такого умѣнія и такихъ пріемовъ, какіе мы найдемъ въ его послѣдней

повѣсти—„Наложница“. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что и Арсеній, какъ все другое, служилъ для поэта только обстановкой, только фономъ, на которомъ оттѣнялась его главная героиня—княгиня Нина, великосвѣтская Лаиса, натура демоническая и въ то же время несчастное слабое существо, которое не могло перенести измѣны Арсенія, поработившаго воображеніе княгини, представшаго ей „посланникомъ рока“.

И Нина, какъ и Арсеній (передъ которымъ „поникли Адонисы“ и умолкъ „задорный полкъ остряковъ“), является героиней романтической поэмы—исключительной „сильной натурой“, для изображенія которой поэтъ избралъ самыя живоговорящія краски. Импрессіонистично самое описаніе княгини, ея „яркаго глянца черныхъ глазъ, облитыхъ влагой сладострастной“.

Смѣшанные характеры одни естественны—говорилъ поэтъ—и создавалъ образъ плѣнительной, нѣжной, ласковой и въ то же время пламенной, страстной, новой „Медеи“, у которой послѣ ревниваго гнѣва катились слезы изъ очей и

Терзая душу, проливали
Въ нее томленье слезы тѣ...
Страшись прелестницы опасной,
Не подходи: обведена
Волшебнымъ очеркомъ она;
Кругомъ ея заразы страстной
Исполненъ воздухъ!..
Бѣги ее: нѣтъ сердца въ ней!
Страшися вкрадчивыхъ рѣчей
Одурѣвающей приманки;
Влюбленныхъ взглядовъ не лови:
Въ ней жаръ упившейся Вакханки,
Горячки жаръ—не жаръ любви.
Такъ, не сочувствія прямаго
Могуществомъ увлечена,
На грудь роскошную она
Звала счастливца молодаго:
Онъ пересозданъ былъ на мигъ
Ея живымъ воображеньемъ;
Ей своенравный зрѣлся ликъ,
Она ласкала съ упоеньемъ
Одно видѣніе свое.
И гасла вдругъ мечта ее:
Она вдалась въ обманъ досадный,
Ея прельститель ей смѣшонъ...

Но „посланникъ рока“ сліялъ „всѣ мысли въ мысль одну“, и, демоническая натура, она не могла не отравиться, не сдержать своего „страшнаго обѣта“, когда эта одна мысль порабощеннаго воображенія была разрушена.

Драматическій элементъ и психологическій реализмъ очень сильны въ повѣсти Боратынскаго, которая и была понята современниками, какъ драма характеровъ, живо списанныхъ съ натуры наблюдателемъ-художникомъ. Такое пониманіе повѣсти Боратынскаго должно быть нѣсколько исправлено, но не подлежитъ сомнѣнію, что „Балъ“ съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть названъ реалистической повѣстью, чѣмъ „Эда“.

„У меня въ пяльцахъ новая ультра-романтическая поэма“, писалъ Боратынскій Кирѣевскому о своей послѣдней повѣсти „Наложница“. И поэма Боратынскаго является дѣйствительно ультра-романтической, понимая подъ этимъ то крайнее направленіе романтизма, которое стремилось къ реализму и натурализму.

„Наложница“ является завершеніемъ пути поэта отъ идеализма къ реализму, и въ ней торжествуютъ тѣ принципы реалистической повѣсти, которые поэтъ высказывалъ въ предисловіи къ своей первой повѣсти „Эда“, и которые широко развилъ въ предисловіи къ „Наложницѣ“. Слѣдя за путемъ развитія въ поэмахъ „Эда“, „Балъ“ и „Наложница“, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ „новую, собственную дорогу“, которую избралъ себѣ Боратынскій въ поэмахъ.

Неудивительно, что Боратынскій со своей „Наложницей“ вышедшей въ свѣтъ въ 1831 году, оказался почти одинокимъ въ современномъ обществѣ, которое было шокировано въ „Наложницѣ“ всѣмъ, начиная съ самаго заглавія повѣсти.

Между тѣмъ „Наложница“, не отличаясь лирической увлекательностью „Эды“ и роскошнымъ импрессіонизмомъ „Бала“, въ которомъ еще силенъ лиризмъ, является самымъ совершеннымъ произведеніемъ Боратынскаго въ томъ смыслѣ, что ни въ одномъ изъ произведеній его не проявилось въ такой мѣрѣ разнообразныхъ сторонъ таланта поэта, использовавшаго всѣ свои лирическія и драматическія тональности и языковыя средства. Говорить объ общемъ тонѣ въ „Наложницѣ“ нельзя, но можно выдѣлять господствующій тонъ въ связи съ общимъ фономъ, на которомъ развита поэтомъ драма дѣйствующихъ лицъ.

Уже въ „Балѣ“ и въ „Переселеніи душъ“ мы отмѣчали богатство оттѣнковъ въ стихѣ Боратынскаго и соединеніе высокой поэзіи съ низкою прозою. Подлинно бытовой, жизненной

прозы, житейской „низкой природы“, еще больше въ „Наложницѣ“, въ которой она какъ будто бы и господствуетъ. Вспомнимъ описаніе „буйной орды гулякъ“, когда

шляпу на лобъ
Надвинувъ, держитъ предъ собой
Стаканъ недопитый иной
И разсуждаетъ: надлежало бъ
Докончить дѣло!—Недвижимъ,
Онъ долго простоитъ надъ нимъ.
Другой предъ зеркаломъ на шею
Свой галстукъ вяжетъ, но рука
Его тяжка и неловка:
Все какъ-то врозь идутъ подъ нею
Концы проклятаго платка.
Къ свѣчѣ приставя трубку задомъ,
Ждетъ третій пасмурный чудакъ,
Когда закурится табакъ.
Лихія шутки сыплятъ градомъ;—
Но полно: вонъ валитъ кабакъ...
Вотъ опрокинутые стулья;
Табачный пепелъ тутъ и тамъ;
Ряды стакановъ по столамъ
Съ остатками задорной влаги;
Тарелки жирныя кругомъ...

Но живопись „Наложницы“ гораздо богаче Фламандской школы пестраго сора, и сейчасъ же послѣ описанія слѣдовъ ночного пированья, послѣ „кабака“ и „жирныхъ тарелокъ“, поэтъ рисуетъ такую картину, представившуюся Елецкому:

Предъ нимъ, свѣтло озарена
Наставшимъ утромъ, ото сна
Москва торжественно вставала.
Подъ раннею лазурной мглой,
Блестящей влагой блескъ дневной
Рѣка мѣстами отражала;
Аркада длиннаго моста
Бѣлѣла ярко. Чуденъ, пышенъ,
Московскихъ зданій красота,
Надъ всѣми зданьями возвышенъ
Огнемъ востока Кремль алѣлъ.
Зажгли лучи его живые

Соборовъ главы золотыя;
Межъ нимъ царственно горѣлъ
Иванъ Великой. Садъ красивой,
Кругомъ твердыни горделивой
Віяся, живо зеленѣлъ.

Сопоставленіе этихъ двухъ отрывковъ достаточно уже говоритъ о богатствѣ оттѣнковъ въ краскахъ „Наложницы“, но тональное богатство „Наложницы“ далеко не исчерпывается указаннымъ различіемъ. Не будемъ приводить длинныхъ выписокъ изъ повѣсти, но укажемъ на присутствіе такихъ стиховъ, которые своимъ лиризмомъ выдаютъ родство „Наложницы“ съ „Эдой“: написавъ яркими красками гулянье подъ Новинскимъ и встрѣчу Елецкаго съ Вѣрой, поэтъ говоритъ:

Какъ бодрость въ путника ночнаго,
На небѣ утреннемъ горя,
Вливаетъ алая заря,—
Такъ точно, жизнью обновленной,
Страстями долго омраченной,
Душѣ его дохнулъ тогда
Румянецъ нѣжнаго стыда.
Онъ къ милой думой умиленной
Летитъ...

Такое же разнообразіе находимъ мы и въ отдѣльныхъ картинахъ „Наложницы“, разнообразіе и особенную выпуклость, контурность, и красочность, встрѣченную нами уже въ „Балѣ“. Картины „Наложницы“ отличаются отъ картинъ „Бала“ еще большимъ разнообразіемъ и драматическимъ движеніемъ.

Такова картина ожиданія гостей Елецкимъ—

Невнятнымъ стукомъ пораженъ
Кареты дальной, вспыхнетъ духомъ,
Вскочивъ къ окну, приникнетъ ухомъ:
Они!.. Неправда! Стихнулъ гулъ
Иль въ переулокъ повернулъ.
Вотъ, наконецъ, предъ самымъ домомъ
Карета покатилась съ громомъ;
Затрясся, зазвенѣлъ весь домъ,—
И тишина тотчасъ потомъ.

Таковы картины гулянья подъ Новинскимъ, осени на Прѣсненскихъ прудахъ, маскарада, ночи, въ которую пришла Вѣра

для побѣга съ Елецкимъ... Въ этихъ отрывкахъ картины отличаются не только зрительной, отчетливой видимостью, но и слуховой картинностью, что болѣе всего и способствуетъ передачѣ движенія въ быстрой смѣнѣ картинъ.

Замѣтимъ, что въ приведенномъ нами отрывкѣ—9 стихахъ—переданы нѣсколько быстро смѣняющихся картинъ, при чемъ для усиленія слуховой картинности, поэтъ прибѣгаетъ къ аллитераціямъ, ассонансамъ и къ звукоподражанію („Стихнулъ гулъ иль въ переулокъ повернулъ", „Затрясся, зазвенѣлъ весь домъ", „карета покатилась съ громомъ").

Въ 1830 году Боратынскій написалъ драму, которая не дошла до насъ, но первый опытъ въ драматическомъ родѣ оказалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе драматическаго хода повѣсти и драматической формы—діалога, которымъ поэтъ пользуется гораздо болѣе широко, чѣмъ въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ.

Діалогъ въ „Наложницѣ" стоитъ особенно высоко въ томъ отношеніи, что каждое дѣйствующее лицо говоритъ особеннымъ, свойственнымъ его характеру языкомъ, и эта наглядность, объясняемая реалистическими тенденціями, способствуетъ большей яркости характеристики героевъ повѣсти. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи языкъ цыганки—наложницы Елецкаго. Въ то время, какъ Эда, простая финка, разговаривала съ гусаромъ высокимъ лирическимъ языкомъ, но безличнымъ, цыганка говоритъ такимъ языкомъ:

Какъ я бы выла, да рыдала...
Ты разлюбилъ,—я все любила;
Ты гналъ безжалостно меня,—
Къ тебѣ я, злобному, ласкалась,
Какъ собаченка. Разсмотри
Меня получше: говори,
Такая-ль я тебѣ досталась?—
Глаза потухнули отъ слезъ,
Лице завяло, грудь изсохла;
Я только, только что не сдохла!..

Особенно выразительны психологически-убѣдительныя заклинанія цыганки, полныя паѳоса дикаго человѣка, глубоко вѣрящаго въ магію чудодѣйственнаго напитка и въ магію словъ заклинанія:

Я знаю, что въ тебѣ творится.
Въ душѣ мятущейся твоей

Я чуднымъ чудомъ оживаю:
Разлучницы проклятой въ ней
Бѣсовскій образъ погашаю.
Блѣднѣешь ты... Не мудрена
Измѣна мнѣ, а ей страшна!
Будь ей теперь моя судьбина!
Томись она, крушись она!
Съ тоски изсохни, какъ лучина!
Умри она! Ты мой: приди,
Прижмись опять къ моей груди!..

Конечно, этотъ реалистическій языкъ прошелъ черезъ художественную шлифовку поэта и его эстетическое воспріятіе (и въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться подлинно реалистическимъ, точной копіей), но отъ этого пріобрѣлъ еще большую убѣдительность и убѣдительность *художественную*.

Особеннымъ, своимъ языкомъ говорятъ и Елецкій, краснорѣчиво убѣждающій и какъ бы гипнотизирующій Вѣру, и Вѣра. Наименьшей яркостью отличается языкъ Вѣры, но блѣдностью отличается и самый образъ романтической дѣвушки, созданный Боратынскимъ. Образъ Вѣры, можетъ быть, потому и менѣе удался поэту, что онъ менѣе привлекалъ вниманіе поэта, сосредоточившагося на драмѣ Елецкаго и цыганки Сары. Вѣра играетъ такую же второстепенную роль, какую играла въ „Балѣ“ Ольга, о которой только упоминалось въ повѣсти, но въ „Наложницѣ“ Боратынскій болѣе развилъ это второстепенное лицо и тѣмъ самымъ не только оживилъ свою повѣсть, но и многое уяснилъ въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ своего главнаго героя (оттого, можетъ быть, Арсеній въ „Балѣ“ и не доразсказанъ, что поэтъ ничего не сказалъ намъ объ Ольгѣ, игравшей такую важную роль въ жизни Арсенія).

Образъ романтической московской дѣвушки имѣетъ родственное съ женскими образами, созданными Пушкинымъ, но мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы говорить о вліяніи того или иного Пушкинскаго образа на Вѣру, и, кажется, не только осторожнѣе, но и основательнѣе говорить объ общихъ источникахъ жизни, изъ матеріала которой создавали поэты свои образы, тѣмъ болѣе, что у Пушкина и Боратынскаго мы не найдемъ (рѣчь идетъ только о Вѣрѣ) формальныхъ совпаденій.

Въ общихъ чертахъ главные герои „Наложницы“—Елецкій и Сара—напоминаютъ героевъ „Бала“—Арсенія и княгиню. Елецкій и Арсеній носятъ на себѣ слѣды печальныхъ размы-

шленій и, недюжинныя натуры, порываютъ связь съ обществомъ, изъ котораго они выдѣляются головой (тема романтической поэмы); сосредоточенность и мрачность такія же основныя черты ихъ внѣшняго облика, какъ у Сары и княгини общая основная стихія, порабощающая ихъ и сливающая всѣ мысли ихъ въ мысль одну—страстность демоническаго характера, толкающая ихъ на преступленіе. Сравненіе героевъ „Бала" и „Наложницы" и драматической интриги можетъ итти дальше: внѣшне холодные, мрачные, съ преждевременно убитой душой, и Арсеній, и Елецкій „въ глубинѣ своей души" были богаты чувствами и, среди своихъ порочныхъ заблужденій, таили въ себѣ возможность духовнаго возрожденія и просвѣтлѣнія души. Такъ была задумана первоначально и „Эда", въ которой по первоначальной редакціи (дошедшей до насъ только въ отрывкахъ), нравственно возрожденный чистой любовью Эды, спѣшитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы начать новую жизнь...

Смѣшанный характеръ Елецкаго, провозглашеннаго со всѣхъ сторонъ „чудовищемъ", составился изъ свѣта и тѣней, и, рѣшительный глава буяновъ и повѣсъ,

среди пороковъ,
Кипѣвшихъ роемъ вкругъ него,
И ядовитыхъ ихъ уроковъ,
И омраченья своего,
Въ душѣ сберегъ онъ чувства пламя.

Главнымъ омраченіемъ души Арсенія и Елецкаго была страстность, представшая имъ въ образѣ княгини Нины и цыганки Сары. Искупительной жертвой, очистительной жертвой отъ омраченія души является чистая любовь Ольги (въ „Балѣ") и Вѣры (въ „Наложницѣ"). Въ драмѣ демонической героини повѣсти „Балъ" Нина погибаетъ отъ своей страстности; драма же Арсенія не доразсказана и превращается въ идиллію. Въ „Наложницѣ" мы имѣемъ три драмы: драму Елецкаго, заплатившаго жизнью за свой союзъ съ демонической страстью, драму жертвы—Вѣры, вызвавшей къ возрожденію омраченную душу Елецкаго, и драму страстной цыганки, павшей жертвой своей исключительной и преступной любви. Не будемъ касаться вопроса о томъ, насколько психологически обоснованы всѣ трагическіе исходы драмъ, высказавъ только предположеніе, что судьей своихъ героевъ является художникъ-моралистъ, которому было необходимо провести въ своей повѣсти идею возмездія, но отмѣтимъ эту идею возмездія, присутствующую

и въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“—въ повѣстяхъ, имѣющихъ между собою много точекъ соприкосновенія. И въ „Балѣ“ и въ „Наложницѣ“ ангелъ борется съ діаволомъ, и полемъ ихъ сраженія является человѣческая душа, состоящая изъ свѣта и тѣни, изъ порочныхъ и чистыхъ побужденій. Въ связи съ такой психологической задачей, поставленной себѣ поэтомъ (о чемъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ повѣсти), находится и развитіе характеровъ „Наложницы“, изъ которыхъ наибольшей яркостью отличается цыганка Сара и наибольшей сложностью, обусловленной психологическимъ заданіемъ,—Елецкій; и по одному этому приходится говорить о самостоятельномъ, индивидуальномъ развитіи характеровъ у Боратынскаго. Между тѣмъ современная критика нашла сходство у Елецкаго съ Онѣгинымъ, и въ своей „Антикритикѣ“ Боратынскій долженъ былъ защищаться и говорить, что „Онѣгинъ человѣкъ разочарованный, пресыщенный; Елецкій страстный, романтическій. Онѣгинъ отжилъ, Елецкій только начинаетъ жить. Онѣгинъ скучаетъ отъ пустоты сердца; онъ думаетъ, что ничто уже не можетъ занять его; Елецкій скучаетъ отъ недостатка сердечной пищи, а не отъ невозможности чувствовать: онъ еще исполненъ надеждъ, онъ еще вѣритъ въ счастье и его домогается. „Онѣгинъ неподвиженъ, Елецкій дѣйствуетъ“, какое же между ними сходство?“—спрашиваетъ поэтъ. И при всемъ видимомъ несходствѣ Елецкаго и Онѣгина, между ними можно установить родство еще въ большей степени, чѣмъ между Онѣгинымъ и Арсеніемъ: это родство значительнѣе, потому что общее у Елецкаго и Онѣгина заключается не только въ общихъ условіяхъ воспитанія и въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, зависящихъ отъ условій вѣка, продуктами котораго они являлись, но и въ способахъ, пріемахъ характеристики—родство, обращающее на себя вниманіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда поэты говорятъ о разныхъ сторонахъ характеровъ своихъ героевъ.

Вспомнимъ начало II-й главы „Наложницы“:

Отца и матери Елецкой
Лишился въ годы тѣ, когда
Обыкновенно жизни свѣтской
Намъ наступаетъ черёда.
Въ нее вступилъ онъ и сначала
Являлся въ вечеръ на три бала;
Съ визитной карточкой порой
Летѣлъ на выѣздъ городской.

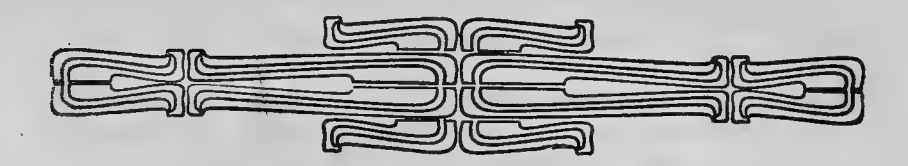
Согласно съ общимъ заведеньемъ,
Къ дядямъ и къ теткамъ съ поздравленьемъ
И въ Рождество, и въ Новый годъ
Скакалъ съ прихода на приходъ...
Но волей полной насладиться
Алкалъ безумецъ молодой,
И вскорѣ началъ онъ томиться
Предѣловъ свѣтскихъ тѣснотой.
Ему въ гостиныхъ стало душно:
Ему досадно и смѣшно
Въ нихъ показалося одно,
Другое глупо, третье скучно.
Изъ нихъ Елецкой мой исчезъ...
Одушевленъ въ рѣчахъ своихъ
Враждою къ мнимымъ предразсудкамъ,
Подвергнулъ дерзновеннымъ шуткамъ
Онъ все святое для другихъ...
И отъ людей благоразумныхъ
Чудовищемъ со всѣхъ сторонъ
Елецкой былъ провозглашенъ.
Съ Москвой и Русью онъ разстался,
Края чужіе посѣтилъ;
Тамъ промотался, проигрался
И въ путь обратный поспѣшилъ.
Своимъ пенатамъ возвращенный,
Всему рѣшительнымъ вѣнцомъ,
Цыганку взялъ къ себѣ онъ въ домъ,
И, общимъ мнѣньемъ пораженный,
Самъ рушилъ онъ, надъ нимъ смѣясь,
Со свѣтомъ остальную связь.

Изъ этой характеристики „страстнаго“ Елецкаго можно заключить, что его связь съ цыганкой является въ большей степени вызовомъ свѣту, чѣмъ потребностью „страстнаго“ сердца; точно также можно оспаривать, что препятствіемъ для Онѣгина является „невозможность чувствовать“. Боратынскій говоритъ, что Елецкой скучаетъ „отъ недостатка сердечной пищи“, но не отъ того же ли недостатка скучаетъ и Онѣгинъ, которому, какъ и Елецкому, стало душно въ гостиныхъ и одно показалось „смѣшно и досадно“, „другое глупо, третье скучно“, и который, не найдя себѣ сердечной пищи, сознательно охладился и не давалъ „привычкѣ милой ходу...“

Нельзя преувеличивать влiянiя Пушкина на оригинальное и независимое дарованiе Боратынскаго, но нельзя и вовсе игнорировать Пушкина при изученiи творчества Боратынскаго, тѣмъ болѣе, что различiе въ сходномъ говоритъ объ индивидуальныхъ особенностяхъ, а сходство въ различномъ часто устанавливаетъ не только взаимную связь, но и (чаще) зависимость отъ литературныхъ традицiй и условiй жизни, современной имъ.

Мы прослѣдили путь Боратынскаго въ его повѣстяхъ, путь романтическiй—отъ идеализма къ реализму, который является уже торжествующимъ въ послѣдней и наиболѣе сложной повѣсти—въ „Наложницѣ", при чемъ попутно отмѣчали, что „новая, собственная дорога", въ которой сказалась вся независимость таланта Боратынскаго, часто сходилась съ дорогами современной поэту литературы и не была вовсе отрѣшена отъ современности. Реалистическая повѣсть Боратынскаго (по существу значительно отличающаяся отъ его лирики) явилась результатомъ того сложнаго романтическаго развитiя, какое мы находимъ въ русской литературѣ Александровскаго и Николаевскаго времени; и все отличiе Боратынскаго отъ современныхъ ему литературныхъ теченiй заключается въ томъ, что онъ какъ бы опережалъ свой литературный вѣкъ и въ то же время не порывалъ рѣзко связей съ литературными традицiями. Этимъ въ большой степени обусловленъ малый успѣхъ поэмъ Боратынскаго: въ то время, когда возникала и постепенно развивалась реалистическая повѣсть Боратынскаго, реалистическiя тенденцiи въ общемъ были чужды „большинству" читателей и критиковъ; въ то же время, когда реалистическая повѣсть получила полное признанiе, повѣсти Боратынскаго, тѣсно связанныя съ современной романтикой и идеалистическо-лирическими прiемами, отошли уже въ область прошлаго и стали анахронизмомъ. О поэмахъ Боратынскаго и значительной роли ихъ въ поступательномъ движенiи русской литературы забыли не только ближайшiе, но и далекiе потомки, почти вовсе игнорировавшiе замѣчательныя не только для своего времени поэмы Боратынскаго.

М. Л. Гофманъ.



Дѣла давно минувшихъ дней.

Глава I.

Съ быстротой кинематографической ленты несутся передъ нами событія титанической борьбы народовъ съ нѣмецкимъ звѣремъ, поднявшимъ ураганъ войны, чтобы затопить весь міръ океаномъ человѣческой крови. На протяженіи двухъ столѣтій мы вели побѣдоносныя войны съ нашей ближайшей сосѣдкой Оттоманской имперіей, и, такимъ образомъ, русская армія встрѣтилась опять со своей старой знакомой, которую она съ тѣмъ же неизмѣннымъ успѣхомъ, какъ и прежде, колотитъ на этотъ разъ во славу „тевтонскаго бога“...

Мы еще не можемъ съ достовѣрной точностью опредѣлить дальнѣйшій ходъ исторіи, но такъ или иначе, а карта Европы будетъ перестроена, и грозный завоеватель древней Византіи уйдетъ въ Азію, откуда онъ пришелъ къ намъ.

Однако, интересно было бы знать теперь, куда собственно или въ какую сторону Азіатскаго материка поведетъ безумный Энверъ турецкій народъ? На берегахъ классическихъ морей ему уже нѣтъ мѣста, такъ какъ всѣ его земли въ Малой Азіи давно захвачены нѣмецкой саранчой, борьба съ которой не подъ силу даже намъ, могучей, несокрушимой державѣ, а не только умирающей, разбитой параличемъ, ограбленной Турціи. Сейчасъ, напримѣръ, армія наша выбрасываетъ штыками изъ окоповъ озвѣрѣвшіе легіоны „божественнаго кайзера“, забираетъ ихъ гаубицы, цеппелины, гонитъ передъ собой, какъ стадо барановъ, тысячи плѣнныхъ, а у себя дома мы никакъ не можемъ управиться съ „мирнымъ колонистомъ“... Все это слишкомъ даже хорошо извѣстно каждому, и я ровно ничего новаго не скажу, если буду продолжать въ такомъ же духѣ. Мои

воспоминанія неудержимо летятъ сейчасъ къ тому времени, когда „тевтонскій богъ“ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, и учитель географіи, надо полагать, ставилъ ему тогда очень хорошіе баллы...

Лучшіе годы моей жизни протекли на берегахъ волшебной красоты Босфора, прелестнаго, какъ мечта, Эгейскаго моря, а также въ Малой Азіи и огненной Африкѣ.

Тамъ я вела свой дневникъ, записывая въ него рѣшительно все, что наблюдала сама. Такимъ образомъ, у меня сохранился обширный матеріалъ этнографическихъ и бытовыхъ картинъ мусульманскаго Востока.

Мои разсказы уже были на страницахъ этого журнала; но нѣкоторыя мелочи, составляя отдѣльные эпизоды, также просятся въ рамки печатнаго станка, и я предлагаю читателю правдивую исторію одной русской дамы, всю жизнь блуждавшей за границей и ни разу не лишенной свободы, хотя главная арена ея интересныхъ похожденій находилась именно въ Турціи, а также въ Египтѣ. Я отмѣчаю этотъ фактъ для параллели съ тѣмъ, что дѣлается сейчасъ тамъ, въ наши дни по распоряженію нѣмецкаго Магомета изъ Берлина, такъ какъ извѣстно, что Вильгельмъ объявилъ себя намѣстникомъ Аллаха на землѣ. О, да! германскіе разбойники XX вѣка могутъ съ гордостью подтвердить, что они ушли куда дальше башибузуковъ и людоѣдовъ, если таковые остались еще на архипелагахъ Тихаго океана. Въ данномъ случаѣ новый калифъ Ислама не знаетъ себя подобнаго, и въ этомъ его тріумфъ!..

Но вернемся къ моей героинѣ и къ ея интереснымъ приключеніямъ во вкусѣ „княжны Таракановой“. Я познакомилась съ ней, когда жила на островѣ Хіосѣ у моего дяди, русскаго консула и его жены, замѣнявшихъ мнѣ отца и мать.

Н. С. Пашкова, такъ звали мою героиню, по рожденію и по мужу принадлежала къ высшему кругу нашего столичнаго общества, а природа, всегда щедрая къ нѣкоторымъ избраннымъ, наградила ее прямо волшебной, неувядаемой красотой: на 48 году своей бурной жизни она казалась не старше 23—24 лѣтъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что у нея были взрослый сынъ офицеръ и замужняя дочь.

Эта русская Нинонъ Ланкло такъ же, какъ ее знаменитый прототипъ, никогда не знала границъ своимъ причудамъ и мотовству: она сорила деньгами точно въ экстазѣ; но не прошло даже и 10 лѣтъ ея супружества съ богачемъ Пашковымъ, а отъ его

милліоновъ къ тому времени осталось лишь всего одно пріятное воспоминаніе.

Тогда „вѣрная“ жена и „нѣжная“ мать, какъ она сама называла себя, покинувъ домашній очагъ, отправилась въ дальніе края, чтобы найти тамъ другую Калифорнію, и не ошиблась!..

По собственному ея выраженію, она терпѣть не могла ни въ чемъ рѣшительно, даже въ мелочахъ жизни, вульгарныхъ пріемовъ. Съ этой моралью „добродѣтельная“ супруга прогорѣвшаго милліонера выступила на путь къ авантюрамъ, окруживъ свое имя такими прекрасными легендами, что всякая дурная мысль какъ-то сама по себѣ исчезала передъ ней, и золото широкимъ потокомъ лилось изъ туго набитыхъ кошельковъ въ ея бездонные карманы.

Въ Парижѣ, напримѣръ, она дебютировала подъ флагомъ любимой жены турецкаго султана, ревность котораго заставила ее бѣжать отъ перспективы кожанаго мѣшка.

Въ Италію наша русская красавица явилась незаконной дочерью коронованной особы, принадлежавшей къ дому Габсбурговъ, а въ Лондонѣ она фигурировала, какъ бѣглянка изъ гарема персидскаго шаха.

Да не подумаетъ тотъ, кто прочтетъ эти строки, что я взяла ихъ изъ романа Саліаса „Принцесса Володимірская“! Нѣтъ! Н. С. Пашкова существовала, дѣйствовала, инсценируя, такимъ образомъ, княжну Тараканову на аренѣ XIX вѣка, и всѣ безусловно вѣрили сказкамъ, которыя она разсказывала о себѣ, плѣненные, очарованные ея удивительной красотой.

Однако всему бываетъ конецъ, и золотая рѣка, на волнахъ которой плыла моя героиня, вдругъ почему-то обмелѣла...

А тѣмъ временемъ слѣпая Фортуна устроила дѣло такъ, что покинутый мужъ, наслѣдникъ цѣлой серіи бездѣтныхъ представителей рода Пашковыхъ, сталъ опять милліонеромъ.

И вотъ раскаявшаяся грѣшница, не долго собираясь, покинула чужіе берега и вернулась къ своимъ пенатамъ, какъ добрая мать и жена: влюбленный супругъ, предавъ забвенію прошлое, открылъ ей снова золотоносный источникъ, въ который она не замедлила окунуться прямо съ головой...

Здѣсь, пожалуй, и развязка?.. О! нѣтъ! приходится добавить сюда еще одну страницу о баснословныхъ приключеніяхъ нашей русской Нинонъ Ланкло. Выпустивъ и эти милліоны въ трубу, вѣчно юная супруга Алексѣя Михайловича Пашкова задумала новую авантюру: не расчитывая больше по какимъ-то причинамъ на европейскіе кошельки, она съ увѣренностью и отвагой побѣ-

дителя направила свой корабль прямо къ устьямъ Нила, въ страну фараоновъ, чтобы захватить тамъ въ плѣнъ необъятно богатаго великолѣпнаго Измаилъ-пашу, властелина Египта, извѣстнаго каждому по исторіи прорытія Суэзскаго канала, а также, какъ пламеннаго обожателя фатальной императрицы Евгеніи.

Экспедиція удалась: врагъ былъ побѣжденъ и сложилъ къ ногамъ русской чародѣйки „золотое“ оружіе, что и требовалось прежде всего...

У меня сейчасъ не хватаетъ красокъ и словъ, чтобы изобразить перомъ ту безумную роскошь, которую устроилъ щедрый любовникъ для сирены, пришедшей къ нему изъ далекаго, холоднаго сѣвера и которой, достаточно будетъ сказать, могла бы позавидовать любая королева.

Но ненасытная душа этого причудливаго созданія, требуя отъ жизни чего-то прямо невозможнаго, искала выхода на широкій просторъ и не находила себѣ покоя, а крылатая фантазія уносила ее въ другой міръ; неугомонное сердце, гибкое, какъ змѣя, томилось въ душныхъ стѣнахъ, украшенныхъ царскими тканями, и ей становилось уже не подъ силу ревнивое обожаніе пламеннаго азіата...

Такъ или иначе, а кончила она тѣмъ, что отправилась въ турне по Европѣ, забравъ на дорогу и сундуки, наполненные сокровищами Голконды...

Однако ее нигдѣ рѣшительно не ограбили?! Мнѣ также извѣстно, что она сама по личной иниціативѣ размотала свое добро безъ всякаго участія хотя бы, напримѣръ, какого-либо германскаго принца?! Впрочемъ, это произошло по условіямъ эпохи: достойный сынокъ достойнаго отца еще тогда не родился, на удивленіе XX и будущихъ вѣковъ, а папаша его, талантливый ученикъ Бисмарка, тѣмъ же временемъ сидѣлъ на школьной скамьѣ, изучая карту земного шара, что пригодилось ему сейчасъ...

Пока неувядаемая красавица заканчивала опустошеніе сундуковъ, вывезенныхъ изъ Египта, мужъ ея ироніей судьбы продолжалъ занимать скромное мѣстечко агента русскаго пароходства въ портовомъ городѣ Александретѣ.

Туда мы довольно часто ѣздили по дѣламъ земельной собственности моего дяди, купившей ее для перепродажи французской компаніи, дѣлавшей изысканія въ Сиріи для соединенія ея желѣзными дорогами съ Египтомъ.

Затѣмъ, планы Лессепса рухнули, а съ ними и громадная площадь земли, скупленная иностранцами для той же цѣли,

потеряла всякое значеніе, и пришлось такимъ образомъ ликвидировать ее.

У А. Н. Пашкова также былъ участокъ рядомъ съ тѣмъ, который онъ собирался продать дядѣ. На этой почвѣ между ними установились дѣловыя и пріятельскія отношенія.

Время шло. Политическій горизонтъ туманился; кровью пахло надъ Балканами, а Марсъ ковалъ войну Россіи съ Турціей. Но очаровательная „московская гурія", какъ называлъ ее Измаилъ-паша, политикой не занималась и, говоря откровенно, хорошо дѣлала: не было тогда ни „кайзера", ни пройдохи Энвера—слѣдовательно, и ничего интереснаго!

Ея красивую головку осаждали другія мысли, другія заботы. Словомъ, не нарушая предѣловъ скромности и тайны *лѣтоисчисленія*, я могу лишь добавить сюда, что она незамѣтно для себя ко времени, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, уже перешагнула роковой возрастъ. Какой? Когда?.. Ну, объ этомъ исторія умалчиваетъ...

Теперь мнѣ остается подойти къ развязкѣ драмы супруговъ Пашковыхъ.

Въ одинъ прекрасный день герою настоящаго разсказа вручили пакетъ изъ Россіи. Въ немъ заключалось увѣдомленіе о смерти кузена и о передачѣ ему, какъ старшему въ родѣ, майоратныхъ угодій на Волгѣ. Туда онъ и отправился.

Но по его слѣдамъ уже мчалась на обломкахъ своего корабля, растрепаннаго житейскими бурями, очаровательная грѣшница, чтобы предъявить ему законныя права, какъ на его сердце, такъ и на кошелекъ...

Что произошло затѣмъ—объ этомъ разскажетъ читателю сама госпожа Пашкова, а пока я могу резюмировать лишь тѣ свѣдѣнія, какія находились у меня тогда, въ слѣдующемъ видѣ.

Наслѣдство, которымъ наградила судьба покинутаго мужа оказалось прежде всего не изъ блестящихъ: оно было разстроено, запущено и требовало отъ хозяина большого запаса энергіи чтобы возстановить его доходность.

Благодарный и за это Алексѣй Михайловичъ съ подъемомъ духа собственника, вернувшагося, наконецъ, къ себѣ домой изъ чужого угла, принялся за дѣло. Но его супруга, что мнѣ было извѣстно, и не нашла тамъ Калифорніи, а затѣмъ я видѣла ее у разбитаго корыта... . .

Чтобы дорисовать портретъ „знаменитой" Надежды Сергѣевны, мнѣ остается только иллюстривать здѣсь одну сценку, гдѣ она говоритъ сама за себя, не требуя комментаріевъ.

Это происходило на палубѣ русскаго парохода „Олегъ", почти наканунѣ объявленія войны Турціи.

Дядя, тетка и я съ ними возвращались изъ Александреты, куда ѣздили по дѣламъ аренды и ликвидаціи участковъ земли, о чемъ я уже разсказывала выше.

Каюты и салоны были заполнены въ большинствѣ нашей русской публикой, уѣзжавшей изъ Египта и Яффы.

На верхней рубкѣ мы увидѣли даму всю точно-сотканную изъ кружевовъ и розовой кисеи. Она дремала въ американской качалкѣ, а надъ ея головой черный мароканецъ-лакей держалъ китайскій зонтикъ.

Я первая узнала ее и окликнула. Послѣ обмѣна рукопожатій, привѣствій и т. д. мы усѣлись вокругъ столика, любезно предложеннаго капитаномъ парохода, видимо уже плѣненнаго нашей сиреной. Здѣсь, кстати, пока она распоряжается сервировкой фруктъ, вывезенныхъ ею изъ садовъ хедива, я пользуюсь моментомъ, чтобы отмѣтить для ясности разсказа удивительно симпатичную черту характера этой женщины: всегда и вездѣ даже подъ флагами метаморфозъ и невѣроятныхъ превращеній во вкусѣ А. Дюме, Ев. Сю и т. п. она, не стѣсняясь, заявляла о своей пламенной любви къ родинѣ—Россіи, называла себя русской, гордилась этимъ въ противоположность нашимъ авантюристкамъ „большого свѣта" (я знала и знаю такихъ лично), скрывающихъ за границей свой національный обликъ. Да будетъ имъ стыдно!..

У моей Надежды Сергѣевны на почвѣ горячаго патріотизма была еще другая слабость, которая дѣлала ее иногда очень смѣшной; но зато невольно подкупала въ ея пользу, а именно ея болѣзненное пристрастіе, какъ это и было замѣтно, къ народному говору, а въ особенности она слишкомъ даже злоупотребляла нашими пословицами, коверкая ихъ немилосердно до ужаснѣйшаго абсурда. Впрочемъ ей такъ казалось, будто бы она великолѣпно знала русскій языкъ и всѣ его обороты. Ничего подобнаго даже не могло быть: она слишкомъ долго жила за границей, думала и размышляла только по-французски, а потому совершенно безсознательно усвоила манеру переводить буквально слово въ слово французскую рѣчь и мысли на русскій языкъ. Отъ знанія родного языка у нея сохранились вѣрный акцентъ, произношеніе, названіе предметовъ, глаголы и другія части рѣчи; но распоряжалась она ими такъ смѣшно, такъ путала ихъ съ французскими словами, что невозможно было слушать ее, не заливаясь хохотомъ прямо до истерики и коликъ. Ничего не могло быть забавнѣе, когда она дословно

переводила галлицизмы и, вообще, риторическія фигуры, воображая при этомъ, что они вполнѣ соотвѣтствовали нашимъ пословицамъ и прибауткамъ.

Какъ образчикъ ея рѣчи вотъ, напримѣръ: „Я *имѣла* въ Александріи лошадку, она хорошо бѣгала животомъ по землѣ [1]). Или еще: „Я люблю говорить съ моими „соопатріотами“ на діалектѣ милой „патріи“. Здѣсь весьма даже остроумная комбинація двухъ понятій въ одно: русскаго „соотечественникъ“ и и французскаго „patrie“.

Видимо, дѣла Надежды Сергѣевны были не изъ важныхъ послѣ окончательнаго краха у семейнаго очага. Теперь она возвращалась изъ Египта въ милую „патрію“; но мимоходомъ, какъ затѣмъ оказалось, ей улыбнулась мысль бросить якорь „на мало времени“ въ синія воды Босфора, на берегахъ котораго проживали въ своихъ дворцахъ оттоманскіе сановники и принцы съ ихъ гаремами.

На возраженія дяди и тети она убѣжденно отвѣтила: „Allons donc! если турки „белликезны“ [2]), то они будутъ кантивировать; le prince Горчаковъ и le général Игнатьевъ красивыхъ, молодыхъ женщинъ они любятъ“. Ахъ, какъ жаль, что она не дожила до нашихъ дней!..

Такимъ образомъ мы и узнали, что въ странѣ фараоновъ золотая нильская рыбка также перебросила ее къ разбитому корыту, какъ и волжскій осетръ...

Ей было уже за 45 лѣтъ приблизительно; но волшебная красота этой, дѣйствительно, русской Нинонъ Ланкло устояла противъ разрушительныхъ силъ времени, и она твердо вѣрила, что своенравная богиня судьбы выведетъ ее рано или поздно на желанный путь.

Для тѣхъ немногихъ, вѣроятно, изъ моихъ читателей, кто не вполнѣ посвященъ въ тончайшіе изгибы французской риторики съ ея образными галлицизмами, метафорами и другими особенностями діалекта, я дѣлаю выноски въ подстрочныя замѣтки, чтобы никто изъ нихъ не могъ бы утверждать, будто бы моя героиня на протяженіи слѣдующей за симъ главы мелетъ отчаянный вздоръ и несетъ чепуху, какъ это и случилось и о чемъ будетъ ниже.

---

[1]) Галлицизмъ: Courir ventre à terre—скакать въ карьеръ.

[2]) Etre belliqueux—быть воинственнымъ.

Глава II.

— Русская пословица говоритъ: „кушай пироги и держи правду зубами". Но для вашей „фамиліи" [1]) у меня сердце на губахъ [2]), сказала она—глубоко тронутая участіемъ, которое невольно звучало въ разспросахъ моихъ дяди и тети:—я кладу себя на коверъ? [3]) Развѣ можно такъ? Нашъ марьяжъ сдѣланъ передъ отелемъ [4]) Господа Бога, и всякій мужъ беретъ „облигаціи" давать женѣ рессурсы жить, какъ говоритъ русская пословица: по ножкѣ надѣнь чулочки [5])—кажется такъ?

— Да! да! такъ,—отвѣтила я за всѣхъ, глотая слезы.

— Я не тигресса [6]), это не моя „повинность", что кутюрьерки берутъ столько много денегъ,—возмущаясь, продолжала она,—я клала себя на четыре [7]), сдѣлала себя большой, большой—„экономкой" [8]), столько много разъ говорила ему: „прогони своего интенданта [9]), онъ поведетъ насъ къ руинѣ [10])—такъ больше нельзя! А онъ, знаете, что сказалъ?—съ негодованіемъ спросила она; но отвѣта не получила, такъ какъ у насъ всѣ губы были уже искусаны зубами.

— Такъ вотъ что онъ сказалъ мнѣ,—волнуясь продолжала она, не замѣчая нашего слишкомъ веселаго настроенія,—это все за грацію [11]) твою я буду дѣлать банкротъ! Развѣ такъ можно?

Молчаніе было ей отвѣтомъ, и она въ экстазѣ продолжала.

— Тогда я не знала, какую партію брать на него [12])! Покупала дешевую дантелю, да!—да! русскую дантелю, а не Bruxelles!—заливаясь слезами, подчеркнула эта несчастная жертва супружескаго деспотизма.

— Ну, вотъ и отлично!—похвалилъ дядя, а затѣмъ даръ слова опять оставилъ его.

— Я вся растаяла [13]) въ моихъ слезахъ, брала себя въ двѣ

---

[1]) La famille—семья.

[2]) Галл.: avoir le coeur les lèvres—быть откровеннымъ.

[3]) Mettre une affaire sur le tapis—просить справедливаго рѣшенія.

[4]) autel—престолъ въ храмѣ.

[5]) По одежкѣ протягивай ножки.

[6]) Тигрица.

[7]) Галл.: Se mettre en quatre—стараться угодить.

[8]) Стала очень экономна.

[9]) Intendant—управляющій домомъ, имѣніемъ и т д.

[10]) Se ruiner—разорять себя.

[11]) Grâce à toi—благодаря тебѣ.

[12]) Не знала на что рѣшиться.

[13]) Fondre en larmes -плакать.

руки [1]) и молилась Доброму Боженькѣ [2]), какъ говорила моя няня, просила его дать „бѣдному дьяволу [3]) резонъ, вся была изъ себя [4]), а онъ дѣлалъ глухое ухо [5]) и приказалъ интенданту не платить моихъ депансовъ.

— Ахъ, какое несчастіе!—перебилъ мой дядя съ непритворнымъ огорченіемъ.—Но почему вы не остались у него? Такое прекрасное имѣніе, родовое гнѣздо! Ну, хотя бы ради дѣтей, ради вашего любимца сына? Алексѣй Михайловичъ говорилъ мнѣ самъ какъ-то, если бы вы сократили хотя бы часть вашихъ расходовъ на модныя, глупыя эти тряпки, то и все наладилось бы между вами... Подумайте же, наконецъ, о дѣтяхъ!..

— Ахъ, не терзайте моего сердца!—не давая ему договорить, воскликнула несчастная мать,—Дѣти! Это все для меня! Мой сынъ! о, бѣдный дьяволъ [6])! Но я уже взяла сепарацію—бѣдный André, бѣдный дьяволъ! И небо свидѣтель, я даже хотѣла умирать! Я уѣхала съ толстымъ, толстымъ сердцемъ [7])...

— Вполнѣ понимаю васъ,—подтвердила моя тетушка,—хотя Богъ не судилъ мнѣ такого громаднаго счастія, но понимаю васъ, какъ мать...

— Ахъ, merci, merci, дорогая Марья Александровна,—обнимая ее, расплакалась нѣжная маменька,—ваши слова я всегда буду сохранять на фонѣ моего сердца [8]). Мой бѣдный дьяволъ! André! ахъ, если бы вы слышали, какъ онъ просилъ меня не ѣхать далеко! Maman!—говорилъ онъ, ты уже дама на ретурѣ [9]), останься у насъ, папа тебя обожаетъ! Не ѣзди—заболѣешь въ вуаяжахъ! Но я сказала ему: Сынъ мой, не я, а этотъ интендантъ, этотъ parvenu толкаетъ въ яму твоего „бѣднаго отца", не забывай твою „бѣдную мать"—я поѣду дергать чорта за хвостъ [10]), а ты сохраняй свою „бѣдную мать" на фонѣ твоей души, мой бѣдный, бѣдный дьяволъ!..

---

[1]) Tenir la patience à deux mains—набраться терпѣнію.

[2]) Au Bon Dieu—Милосердному Господу.

[3]) Pauvre diable—„бѣдняга": ласкательное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ „достойный сожалѣнія". Такъ или иначе, а чрезвычайно для нашего уха необыкновенная кличка любимаго, напримѣръ, человѣка.

[4]) Etre hors de soi—войти изъ себя, страшно волноваться.

[5]) Галл.: faire la sourde oreille—притворяться.

[6]) Здѣсь уже въ крайне нѣжномъ значеніе.

[7]) Avoir le coeur gros—имѣть тяжелое горе на сердцѣ.

[8]) Въ глубинѣ сердца.

[9]) Галл.: Une dame sur le retour—дама уже въ лѣтахъ.

[10]) Tirer le diable par la queue—терпѣть нужду, скитаться отъ нужды по бѣлому свѣту.

Почему-то за французами установилась репутація легкомысленныхъ, фривольныхъ, плохимъ мужей и сыновей, вѣчно бѣгающихъ по кафе, по бульварамъ и вообще людей не серьезныхъ, не домовитыхъ и пр.

Въ параллель къ нимъ эти пивныя бочки, эти звѣри и варвары-нѣмцы стояли у насъ на другомъ счету: имъ охотнѣе, напримѣръ, довѣряли воспитаніе дѣтей, чѣмъ французамъ, ихъ приглашали управлять домами, заводами и мало ли еще чѣмъ, какъ серьезныхъ, положительныхъ, бережливыхъ и другихъ великолѣпныхъ душевныхъ качествъ людей. А между тѣмъ настоящая война, приподнявъ завѣсу какъ надъ тѣмъ, такъ и другимъ народомъ, открыла глаза всему человѣчеству. Да будутъ прокляты убійцы, каины, грабители, оставимъ ихъ чтобы хотя на одно мгновеніе забыть кошмаръ, висящій надъ міромъ, созданный Милосерднымъ Творцомъ, а не „дьяволомъ", кузеномъ Вильгельма.

Я только боюсь, какъ бы „pauvre diable" не предъявилъ бы ко мнѣ иска; но могу его впередъ завѣрить, что рѣчь шла сейчасъ о нѣмецкомъ, а никакъ не о французскомъ „добромъ дьяволѣ", съ которымъ красавица Надежда Сергѣевна обращалась такъ фамильярно.

Итакъ, помянемъ его добрымъ словомъ и вернемся къ темѣ.

Всѣ мы, конечно, знаемъ, что ни одинъ французъ, а тѣмъ болѣе француженка не могутъ и 10 словъ сказать безъ упоминанія нѣжныхъ и чувствительныхъ „mon pauvre pére", но чаще „ma pauvre mère", хотя послѣдніе и вовсе не нуждались бы въ сострадательныхъ порывахъ своихъ дѣтей.

Не говоритъ ли это о мягкости ихъ души и объ ихъ скорѣе патріархальныхъ правахъ наперекоръ предвзятому понятію, что якобы французы не обладаютъ семейными добродѣтелями?

Н. С. Пашкова такъ долго жила за границей, по преимуществу во Франціи, что оказалась также волей-неволей зачисленной въ разрядъ „бѣдныхъ, несчастныхъ родителей".

— Ахъ, Боже мой!—вдругъ спохватилась она,—я еще не передала вамъ много интереснаго, что сдѣлаетъ вамъ страхъ. Въ моемъ турне по Египту я имѣла tête-à-tête у хедива: Турція скоро въ маломъ времени будетъ поднимать свои ружья на Россію[1])...

— Намъ это уже извѣстно,—вмѣшалась, наконецъ, тетя, сохранявшая до сказаннаго момента глубокое молчаніе, чтобы не выдать себя.

---

[1]) Prendre les armes—поднять оружіе.

— Нѣтъ! я другое знаю еще,—перебила ее наша собесѣдница, - я совсѣмъ не курьезная [1]) для politique du général Игнатьевъ, мнѣ говорилъ хедивъ, я потащила у него всѣ черви изъ его носа [2]), что Турція будетъ каптивировать красивыхъ дамъ и водить къ султану въ гаремъ...

— Вотъ оно что!—мелькнула у насъ одна и та же догадка, — не дурно!..

Такимъ образомъ мы были не далеки отъ истины—чтобы развязаться въ отцвѣтавшей такъ или иначе красавицей, перешагнувшей фатальный для женщины возрастъ, коварный любовникъ и направилъ ее въ столицу падишаха своего сюзерена, куда она и спѣшила, чтобы попасть въ плѣнъ въ первую же очередь.

— А какъ ваши дѣла съ хедивомъ?—спросила не безъ лукавства моя тетушка. Но вопросъ остался безъ отвѣта.

— Garçon!—позвала официанта кандидатка въ гаремъ Абдулъ-Гамида,—дайте мнѣ стаканъ воды и положите тамъ немного капель вина...

Лакей бросился со всѣхъ ногъ, чтобы исполнить приказаніе пассажирки, за которой ухаживалъ самъ г. капитанъ.

— Я имѣю жажду!—договорила она, видимо сконфуженная.

— Давайте пить чай по-русски!—предложилъ дядя.

— Oh, non! merci!—возразила будущая одалистка его величества падишаха,—я имѣю свою привычку, когда бываю въ вуаяжахъ и беру мою чашку между собакой и волкомъ [3])... Солнце сейчасъ ляжетъ [4]), мнѣ пора въ мою „постельку", какъ говорила моя „бѣдная" няня—она уже покойная [5])... Bonsoir!

Съ этимъ пожеланіемъ она вспорхнула, какъ чайка надъ водой и понеслась къ своей „постелькѣ".

Къ разговору нашему давно съ напряженнымъ, чрезвычайнымъ вниманіемъ прислушивались двѣ среднихъ лѣтъ дамы, сидѣвшія также въ качалкахъ за спиной Пашковой. По нѣкоторымъ примѣтамъ, то были московскія купчики и возвращались съ богомолья въ Іерусалимѣ.

Когда наша собесѣдница переводила галлицизмы на русскій языкъ, онѣ дѣлали большіе глаза, а при упоминаніяхъ „чорта",

---

[1]) Curieuse—любопытная.

[2]) Галл. tirer les vers du nez—заставить проговориться.

[3]) Галл. entre chien et loup—сумерки.

[4]) Le soleil se couche—солнце садится.

[5]) Т. е. умерла.

„дьявола", волка, червей и другихъ ужасовъ, крестились, испуганно переглядываясь между собой. Затѣмъ, когда Пашкова упорхнула, обѣ вздохнули такъ, какъ будто съ ихъ плечъ скатились горы и онѣ уцѣлѣли.

— Господа!—обратилась одна изъ нихъ къ намъ съ вопросомъ,—извините, что безпокою васъ, но, знаете, дѣло къ ночи идетъ, какъ бы ни приснился!..

— Объясните намъ, господа, перебила ее другая, — эта самая дама, что сидѣла здѣсь... какъ она: дурочка отъ рожденія или такъ порченная?

Тетя отвѣтила, что, наоборотъ, умная и совершенно здоровая.

— Такъ зачѣмъ же она мелетъ такое, что и повторить-то нельзя православному человѣку.

— „Рогатый" и все такое на языкѣ у нея—добавила первая дама.

Мы съ великимъ усердіемъ растолковали обѣимъ москвичкамъ о значеніи именъ и прозвищъ „рогатаго" во французскомъ діалектѣ.

— А! это отъ француза!—воскликнула старшая, видимо очень строгая особа,—ну, теперь понимаемъ. Народъ онъ „лядащій" и безбожникъ...

Нечего сказать, хорошему научилась, шатаясь по за границамъ! Сыночка родного, страшно и вымолвить, не пожалѣла, какимъ словомъ обозвала?!.

— Да что она русская, али какой другой вѣры?

Мы объяснили.

— То-то слушаю я: по говору наша россейская, а мелетъ не знать что! У кого-то червей изъ носа таскала, съ волками чай пила? Живу на свѣтѣ, а ничего такого не слыхала,— возмущаясь, говорила младшая дама.

— Ну, не говори, Анна Никифоровна, а тутъ что-то не ладно, перекрестилась другая и плюнула въ сторону лѣваго плеча, гдѣ обыкновенно засѣдаетъ другъ кайзера,—а все отъ француза идетъ у насъ это. Развѣ не слышала ты, какъ она сама призналась, что его-то. самого, врага человѣческаго рода за хвостъ держала?

— А помнишь ты, Марья Лаврентьевна,—продолжала она,— того мусью, который жилъ при мальчикахъ у Семена Семеновича Образцова? Бывало что-то лопочетъ по-своему съ дѣтьми, прости Господи, а самъ такъ и сыпетъ, такъ и сыпетъ именемъ искусителя насъ грѣшныхъ.

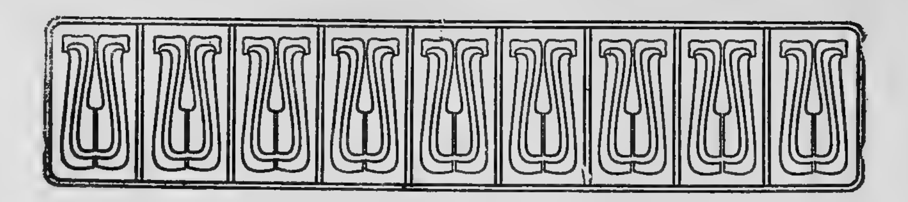
— Это уже не то!—возразила Марья Лаврентьевна,—на то онъ и французъ, чтобы съ нечистымъ водить дружбу и компанію; но обидно, что наша православная допустила себя также до этого—вотъ что не хорошо!

— А замѣтила ты, Марья Лаврентьевна,—спрашивала ее Анна Никифоровна,—какъ она объ мужѣ своемъ отзывалась непочтительно? Охъ, плохая барыня, что ни говори. Вотъ кого бы въ жены моему Егору Ивановичу, постегалъ бы ее маленько разъ, другой—живо дурь изъ головы-то вылетѣла бы...

Еще долго подруги изъ Замоскорѣчья охали, ахали, крестились, плевали, обсуждая вопросъ о „рогатомъ"; но всему бываетъ конецъ, даже самой пріятной компаніи, и мы разошлись по своимъ каютамъ.

Равномѣрный стукъ машины, плавный ходъ парохода, шепотъ классическаго моря, и все населеніе „Олега" погружается въ глубокій сонъ.

Е. Рагозина.



Одинъ изъ ревностнѣйшихъ насадителей нѣмецкаго засилья въ Россіи.

Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде.

Съ именемъ графа К. В. Нессельроде связана цѣлая эпоха въ исторіи русской дипломатіи. Во вторую половину царствованія Императора Александра I и въ теченіе всего правленія Императора Николая I Нессельроде являлся по своему званію отвѣтственнымъ руководителемъ русской политики, выразителемъ ея чаяній и идеаловъ. Хотя, политика эта въ указанное время и была отраженіемъ мнѣній и симпатій самаго русскаго правительства, но, какъ исполнитель его воли и предначертаній, Нессельроде имѣетъ свою собственную физіономію, въ особенности въ позднѣйшее время своей дѣятельности, и его вліяніе многократно сказывалось при Императорѣ Николаѣ I въ знаменательные моменты русской исторіи. Быть можетъ даже, и въ настоящее время наше министерство иностранныхъ дѣлъ не вполнѣ освободилось отъ нѣкоторыхъ пережитковъ Нессельродовской эпохи, но съ послѣдствіями ея политики Россія уже несомнѣнно считается даже теперь, въ моментъ міровой борьбы съ германизмомъ, защищая отъ его напора не только свое собственное великодержавное существованіе, не только интересы славянства, но и будущность всей европейской культуры.

Безъ сомнѣнія, каждый историческій дѣятель долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ современной ему обстановкой, съ характеромъ и потребностями общества, среди котораго онъ

жилъ и дѣйствовалъ. Заслуги государственнаго человѣка тѣмъ выше, дѣятельность его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ лучше сумѣетъ онъ опредѣлить назрѣвающія нужды государства и найдетъ средства къ ихъ удовлетворенію. Въ этомъ смыслѣ дѣятельность въ сферѣ внѣшней политики въ эпоху, предшествовавшую Нессельроде, такихъ крупныхъ русскихъ людей, какъ Потемкинъ и Безбородко, не можетъ вызывать никакихъ недоразумѣній при ихъ оцѣнкѣ. Руководимые Екатериной II, они ясно сознавали историческія задачи Россіи, и каждый ихъ шагъ въ международныхъ отношеніяхъ имѣетъ цѣлью величіе и благо русскаго народа. Мѣнялись политическія системы, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами, оставляли одинъ путь, найдя другой, болѣе удобный и легкій, но цѣль, руководимая Екатериной и ея помощниками, была вѣчно одна и та же, понятная и самой великой монархинѣ, и послѣднему ея подданному. Эта цѣль была понятна и всей Европѣ, государства которой, оберегая свое существованіе и интересы, также слѣдовали своей національной политикѣ и вскорѣ затѣмъ, послѣ взрыва французской революціи, напрягли послѣднія свои силы, чтобы избавиться отъ порабощенія французамъ. Искать цѣлей для своей политики внѣ національныхъ или государственныхъ интересовъ, или даже, вопреки имъ, жертвовать для этого людьми и деньгами и даже собственною безопасностію,—было невозможной роскошью для всякаго европейскаго государства. Роскошь эту послѣ Екатерины позволила себѣ Россія, руководствуясь не національными, а этическими принципами въ своей политикѣ. Слѣдствіемъ ея были 1812 годъ и восточная война 1853—1856 годовъ. Представителемъ и главнымъ руководителемъ этой политики и былъ графъ Карлъ Нессельроде, отрицавшій необходимость національной политики для Россіи, какъ отрицали ее, впрочемъ, и всѣ подобные ему иноземные выскочки, нашедшіе себѣ счастье и пріютъ въ Россіи.

Полунѣмецъ, полуеврей (по матери) Нессельроде въ началѣ своего поприща былъ совершенно чуждъ Россіи по своему происхожденію и воспитанію. Отецъ его, нѣмецкій графъ, находился на русской службѣ, занимая дипломатическіе посты за границей, и только въ царствованіе Павла привезъ сына въ Россію на службу. Послѣ восшествія на престолъ Александра Нессельроде числился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ приблизился къ особѣ Императора, которому въ походахъ необходимо было имѣть подъ рукою у себя молодого дипломатическаго чиновника, умѣющаго

редактировать бумаги и ѣздить верхомъ, перенося всѣ невзгоды походной жизни. Скромный, вкрадчивый, обладавшій недюжинной способностію примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ, вскорѣ достигъ высокаго положенія статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ послѣ паденія Каподистріи, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; свое положеніе и связи въ Россіи онъ упрочилъ женитьбой на дочери графа Гурьева, бывшаго при Александрѣ министромъ финансовъ. Установленный Императоромъ Александромъ Священный Союзъ нашелъ въ немъ ревностнаго слугу. Нессельроде, по замѣчанію Татищева, привыкъ отождествлять государственныя пользы Россіи съ благомъ всей Европы, съ упроченіемъ въ ней мира, законнаго порядка и съ торжествомъ монархическаго принципа. Въ то время, какъ австрійскіе и прусскіе государственные люди смотрѣли на Священный Союзъ, какъ на „театральную декорацію" и на дѣло, „пустое и звонкое", не придавая ему политическаго значенія, Нессельроде считалъ его „краеугольнымъ камнемъ" русской политики до самаго Севастопольскаго погрома. Ни Австрія, ни Пруссія, какъ и вся Европа, долгое время не вѣрили, что Россія придала такое значеніе Священному Союзу, измѣняя историческимъ своимъ задачамъ, но когда они поняли наконецъ это, то не замедлили воспользоваться этимъ въ собственныхъ выгодахъ. „Революція", законный порядокъ, „монархическій принципъ" сдѣлались для нихъ магическими словами, которыми они возбуждали или успокаивали русскаго медвѣдя. Лучше всѣхъ пользовался ими австрійскій канцлеръ, знаменитый князь Меттернихъ, подчинившій своему вліянію Нессельроде. Русскій министръ былъ только подголоскомъ Меттерниха, а русское министерство иностранныхъ дѣлъ сдѣлалось филіальнымъ отдѣленіемъ Меттерниховской канцеляріи, по наблюденію за порядкомъ въ Европѣ. Какъ ни зло издѣвался Меттернихъ въ своихъ „Запискахъ" надъ Священнымъ Союзомъ, но ему нужно было крѣпко держать въ своихъ рукахъ „маленькаго человѣка" (такъ называли Нессельроде за его малый ростъ): за его спиной стоялъ милліонъ русскихъ штыковъ.

Незадолго до своей кончины Александръ I догадался однако, что Меттернихъ смотритъ на Россію, какъ на орудіе для достиженія австрійскихъ интересовъ, но смерть помѣшала ему измѣнить свою систему. Преемникъ его оставилъ Нессельроде на посту министра и мало-по-малу усвоилъ себѣ принципы Священнаго Союза, увлекшись борьбою съ революціонными те-

ченіями. Движеніе декабристовъ и возстаніе поляковъ въ 1830 г. наложили мрачный опечатокъ на все его царствованіе. Поддерживаемый Нессельроде, Императоръ Николай былъ, подобно брату своему, убѣжденъ, что Австрія и Пруссія являются искренними и усердными членами Священнаго Союза, и, подобно ему же, разочаровался въ нихъ лишь незадолго до своей смерти. „Маленькій человѣчекъ", впрочемъ, пробовалъ убѣдить Александра II въ цѣлесообразности своей политики, но преемникъ его по должности министра, князь Горчаковъ, былъ убѣжденнымъ ея противникомъ. Тѣмъ не менѣе, преданіе Нессельроде отразились въ свое время на отношеніяхъ Александра II къ Германіи и въ частности къ Пруссіи.

Сущность политики Нессельроде заключалась въ тѣсномъ единеніи и союзѣ съ „монархическими" Австріей и Пруссіей и враждѣ съ „мятежной" Франціей. Для охраны „европейскаго порядка" Россія держала наготовѣ милліонъ штыковъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ угоду нѣмецкимъ своимъ союзникамъ отказывалась отъ интересовъ своихъ на Ближнемъ Востокѣ и признала общеевропейскій контроль въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи и въ охранѣ Дарданелльскаго пролива. Нѣмецъ по происхожденію, нѣмецъ въ душѣ, Нессельроде усиливалъ нѣмецкій элементъ не только внѣ Россіи, но и внутри ея, особенно въ своемъ вѣдомствѣ, и не даромъ считался главою нѣмецкой партіи въ Россіи. Представителями Россіи за границей являлись, по выбору Нессельроде, также преимущественно нѣмцы, поддерживавшіе его систему въ своихъ донесеніяхъ Императору Николаю. Быть можетъ, ни одинъ министръ въ Россіи, даже принадлежавшій къ числу „безотечественныхъ" нѣмцевъ, не доводилъ своего равнодушія къ русскимъ національнымъ задачамъ до такой степени, какъ Нессельроде. Свое презрѣніе къ нимъ онъ особенно выразилъ въ запискѣ, составленной имъ въ защиту своей политики въ самый разгаръ Крымской войны, бывшей логическимъ ея завершеніемъ. Читая эту записку въ настоящее время, можно лишь удивляться, что ее писалъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а не австрійскій или прусскій.

Въ запискѣ своей Нессельроде не стѣсняясь заявляетъ, что политикой его руководило исключительно стремленіе „поддерживать въ Европѣ консервативное начало" и „принципъ порядка". Этимъ объясняются услуги, оказанныя Австріи и Пруссіи. „Но новое положеніе, говоритъ Нессельроде, требовало отъ Россіи уступчивости, умѣренности и постояннаго безкорыстія (sic!) и вслѣдствіе этого не одну жертву не только со сто-

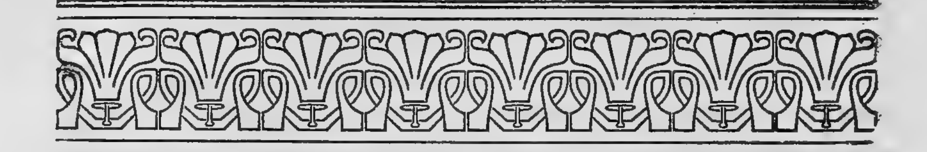
роны самолюбія, но даже личнаго честолюбія, лишь бы высшій интересъ ея политики не подчинялся второстепеннымъ соображеніямъ". „Сосѣднія державы: Австрія, Пруссія, Германія, были средоточіемъ или цѣлью революціонныхъ предпріятій, и онъ по необходимости былъ принужденъ заключить союзъ съ государями и матеріальными силами поддерживать ихъ противъ безначалія. Вслѣдствіе этой же самой причины на его нравственную опору могли полагаться и всѣ прочіе государи, какъ бы они ни были отдалены отъ насъ, если только вступали въ борьбу съ безначаліемъ—общимъ врагомъ всѣхъ престоловъ". По мнѣнію Нессельроде, именно эта политика даетъ Россіи высокую роль въ Европѣ, и враждебная Россіи политика Австріи объясняется только существованіемъ восточнаго вопроса. „У Австріи есть или она *воображаетъ* (sic!), что у нея есть свои интересы на востокѣ, не тождественные съ нашими... Эта причина, конечно, не оправдываетъ ни образа дѣйствій ея въ отношеніи къ намъ, ни ея неблагодарности въ отплату за наши недавнія услуги. Но если австрійское правительство справедливо можетъ упрекать себя, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Россія сама себя осудила... Что касается до Пруссіи и остальной Германіи, то память о нашихъ услугахъ въ этихъ правительствахъ вовсе не такъ изгладилась. Главныя германскія государства чувствуютъ, какъ можно сохранить въ будущемъ нашу защиту. Одно только безсильное ихъ положеніе препятствуетъ имъ откровенно говорить и дѣйствовать въ духѣ Россіи. Но этимъ еще не сказано, что должно нынѣ же потерять надежду на не сопротивленіе гнету, которому они подвержены или того менѣе причислять ихъ къ нашимъ отъявленнымъ врагамъ". „Политика, основанная на поддержаніи порядка въ Европѣ, заключаетъ Нессельроде, должна была навлечь на себя ненависть какъ вольныхъ, такъ и невольныхъ дѣятелей смуты". Нессельроде, очевидно, не зналъ еще, что не только Австрія, но и Пруссія въ это время уже готовы были примкнуть къ коалиціи враговъ Россіи. Нессельроде видимо жалѣетъ, что восточный вопросъ самымъ своимъ существованіемъ портитъ отношенія Россіи къ германскимъ державамъ; возможно, что онъ легко предпочелъ бы упразднить его, предоставивъ Ближній Востокъ Австріи и Германіи, лишь бы сохранить ихъ лицемѣрную дружбу, благо Россія все вынесетъ. Нессельроде, какъ истый нѣмецъ, надѣется, что все уладится.

„Минута, говоритъ онъ, серьезная, спору нѣтъ; но для Россіи, покровительствуемой дланью Божіей, испытанія—дѣло при-

вычное (sic!). Не впервые приходится ей видѣть измѣну союзниковъ и даже ихъ возстаніе противъ себя. Если бы что нибудь повторилось, то оборотъ и исходъ кризиса укажутъ ей, въ комъ надобно искать ей союзниковъ. Если эта перестановка отношеній послужитъ къ наказанію малодушія или недоброжелательства австрійскаго правительства, то еще будетъ время рѣшить, кто изъ насъ повиненъ въ дурной политикѣ: мы ли, оказавъ ему услугу, или оно забвеніемъ оной? До тѣхъ же поръ воздержимся отъ всякаго крутого поворота въ образѣ дѣйствія; въ особенности будемъ избѣгать всякаго пути, который шелъ бы въ разрѣзъ съ консервативными началами, составляющими нашу силу. Поступать иначе значило бы хвататься за ненадежное, опасное оружіе, рано или поздно обращающееся противъ тѣхъ же правительствъ, которыя имъ дѣйствуютъ".

Такова была послѣдняя рѣчь международнаго жандарма съ нѣмецкой душой и нѣмецкими симпатіями, сорокъ лѣтъ завѣдывавшаго внѣшними сношеніями Россіи. Удивляться ли, что, съ его точки зрѣнія, наивысшей исторической задачей для варварскаго русскаго народа было бы — принести себя въ жертву благополучію „Европы", т.-е. германскихъ государствъ, охраняя ихъ внѣшнюю безопасность, предавая имъ на съѣденіе славянскіе народы и Ближній Востокъ и въ то же время открывая въ самой Россіи широкій доступъ нѣмецкой колонизаціи, нѣмецкой торговлѣ и промышленности, а также нѣмецкимъ выходцамъ всякаго рода для захвата мѣстъ въ русской администраціи? Можно сказать его же словами: „для Россіи, покровительствуемой дланью Божіею, испытанія—дѣло привычное", но отъ привычки подготовлять эти испытанія собственными руками, насаждая у себя большихъ и маленькихъ Нессельроде, избави насъ Богъ!

Е. Шумигорскій.



Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина.

Гр. Вильгельмъ Нессельроде [1]).

Нессельроде, это старинная фамилія немедіатизированныхъ графовъ Священный Римской Имперіи. Младшій членъ этого семейства, не обладавшій большимъ состояніемъ, отправился служить въ Россію, пользуясь я не знаю чьей протекціей, былъ послѣдовательно полномочнымъ министромъ въ Лиссабонѣ и Берлинѣ и наслаждался одно время милостью Павла I.

Это время было непродолжительно, такъ какъ Нессельроде любилъ отпускать слишкомъ вольныя слова. Онъ былъ высланъ въ Германію, потому что однажды началъ свою рѣчь такъ: „Я буду имѣть честь разсказать одну вещь, которую не знаютъ ни Ваше Императорское Величество, ни Ваши министры“. И онъ отправился въ Франкфуртъ, гдѣ и умеръ глубокимъ старикомъ.

Проѣзжая черезъ этотъ городъ по пути въ Лиссабонъ, несмотря на свой пожилой возрастъ, онъ женился на нѣкоей m-lle Гонтаръ, происходившей изъ буржуазной купеческой фамиліи. Это была особа очень симпатичная, съ очень большими достоинствами, что доказываетъ между прочимъ и родъ ея смерти— очень странной, почему я и разскажу о ней здѣсь. Однажды послѣ обѣда, когда она была одна, вдругъ вошелъ въ гостиную одинъ дворянинъ—частый посѣтитель ихъ дома, закрылъ дверь на ключъ, вскочилъ на стулъ, стоявшій ближе всѣхъ къ шнурку отъ колокольчика, чтобы нельзя было до него достать, и признавшись m-me Нессельроде въ страсти, которую она никогда не подозрѣвала, объяснилъ ей, что онъ рѣшилъ

---

[1]) Нессельроде, графъ Вильгельмъ, русскій полномочный министръ при Португальскомъ и Германскихъ дворахъ, при Екатеринѣ II, отецъ канцлера графа Карла Васильевича Нессельроде.

или сейчасъ удовлетворить своей страсти или умереть. Бѣдная женщина хотѣла позвать на помощь, но напрасно; люди были далеко; она хотѣла броситься къ окнамъ, чтобы позвать на помощь сосѣдей. Тогда началась между ними борьба, во время которой она ударила нѣжной частью тѣла о ручку кресла, боль чуть не лишила ее чувствъ, когда неожиданный шумъ заставилъ негодяя убѣжать. Она рѣшила, улегшись въ постель, скрыть свои боли и сохранить тайну, но у нея объявилась гангрена; она хотѣла помощи только отъ церкви и довѣрила это страшное приключеніе только одной нѣмкѣ, своей подругѣ, бывшей замужемъ за однимъ изъ товарищей графа Нессельроде.

Отъ нея то узналъ я эту исторію со всѣми подробностями и, еслибъ я ея не разсказалъ, она осталась бы неизвѣстной.

Отъ брака старца съ женщиной, бывшей уже не первой молодости, родился сынъ, который въ теченіе всей своей жизни казался зародышемъ, ускользнувшимъ изъ банки со спиртомъ. Его карьера очень замѣчательна.

Его отецъ представилъ мнѣ его въ 1793 году во время моей поѣздки въ Италію. Онъ заставлялъ его учиться кое-какъ въ Берлинѣ и одѣвалъ его по-матросски, такъ какъ маленькій человѣчекъ любилъ больше плавать, чѣмъ ходить и потому что онъ мало надѣялся пристроить его въ Россіи иначе, какъ во флотѣ. Я его потерялъ изъ виду до царствованія Павла I, который, питая пристрастіе къ нѣмцамъ, назначилъ маленькаго Нессельроде своимъ адъютантомъ и заставилъ его командовать въ большой шляпѣ и широкомъ платьѣ на большой лошади.

Это была фигура, достойная кисти художника, и смерть Императора, изнурявшаго его, была очень кстати для спасенія ея жизни. Но что дѣлать дальше? Я, бывшій въ сильной немилости, рѣшилъ устроить его судьбу, не думая, правда, что онъ пойдетъ такъ далеко. Я убѣдилъ его начать дипломатическую карьеру, на которую заслуги его отца давали ему нѣкоторое право. Я повелъ его къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Панину—моему явному врагу. Велико было удивленіе его сіятельства, когда доложили обо мнѣ, но я просто сказалъ ему. „Мы не любимъ другъ друга, но это не мѣшаетъ намъ дѣлать добро. Я привелъ къ вамъ человѣка знатнаго рода, но безъ карьеры и безъ протекціи. Позаботьтесь о его судьбѣ. Онъ не настолько глупъ, чтобы бѣгать за пустыми отличіями, но онъ хотѣлъ бы ихъ заслужить. Посмотрите, что позволяетъ вамъ сдѣлать ваше положеніе и что ваше сердце приказываетъ

вамъ сдѣлать?“ Я ихъ оставилъ однихъ. Слѣдствіемъ этого страннаго свиданія было удивительное счастіе Нессельроде.

Его отправили служить подъ начальство ловкихъ и строгихъ учителей, къ старому Алопеусу въ Берлинъ, къ графу Штакельбергу въ Гагу такъ, что когда обстоятельства и перемѣны привели Нессельроде въ Парижъ подъ начальство князя Александра Куракина, лучшему и великолѣпнѣйшему вельможѣ, но къ самому незначительному изъ посланниковъ, секретарь посольства сталъ очень ему полезенъ и казался орломъ Бонапарту, который желалъ имѣть Куракина посломъ, зная его за глупца, и былъ сердитъ на секретаря за то, что онъ мѣшалъ ему; наконецъ, когда войны и время выдвинули маленькаго человѣчка, Императоръ Александръ, любившій окружать себя людьми безъ всякихъ связей и имѣвшими канцелярскій навыкъ, назначилъ его, къ всеобщему удивленію, статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Онъ женился тотчасъ же на дочери всемогущаго министра финансовъ Гурьева. Такъ много удачъ, выпавшихъ ему на долю въ короткое время, покрыли его отличіями и осыпали золотомъ. Дойдя до вершины счастія, онъ выказалъ неспособность, заставившую его тутъ и остановиться, т.-е. нѣкоторую нерѣшимость въ переговорахъ, которую Императоръ считалъ скромностью и которая погубила бы его при государѣ, не думавшемъ показывать видъ, что все дѣлается имъ самимъ.

Я могу привести поразительное доказательство этой скромности.

Когда по возвращеніи Бонапарта съ острова Эльбы въ 1815 году весь дипломатическій корпусъ удалился изъ Парижа, я увидѣлъ, что, благодаря своему ничтожеству, я могу оказать неоцѣнимую услугу Европѣ, важнѣйшіе государи и министры которой находились еще въ Вѣнѣ, надо было остаться въ Парижѣ и выѣхать оттуда, только собравши всѣ данныя военнаго и политическаго характера, могущія освѣтить положеніе узурпатора. Я такъ хорошо исполнилъ свой планъ, что на двадцать второй день я отправился въ Базель, очень хорошо освѣдомленный относительно всего того, что имъ важно было знать, и увозя сверхъ того секретаря брата короля, котораго хотѣли разстрѣлять, и одного бѣглеца-гвардейскаго драгуна, котораго меня просили спасти.

Изъ Базеля я отправилъ въ Вѣну очень подробную записку, совѣтуя союзникамъ не терять ни одной минуты и напасть на Наполеона со всѣми находящимися въ ихъ распоря-

женіи силами. Впослѣдствіи князь Меттернихъ и графъ де-Мерси разсказали мнѣ, что послѣ прибытія моей депеши въ Вѣну въ 11 часовъ вечера, назначено было засѣданіе конгресса и что въ 2 часа ночи курьеры уже отправились къ лорду Веллингтону и генералу Блюхеру съ приказаніемъ выступить. Я не ожидалъ для себя благодарности, тѣмъ менѣе вознагражденія со стороны Государя, недовольнаго мною за то, что въ глазахъ Европы онъ былъ мнѣ очень обязанъ, и это было такъ. Всѣ другіе монархи ожидали сигнала моего Государя, чтобы дать мнѣ доказательства своей благодарности. Я думалъ, что Нессельроде, на котораго я могу смотрѣть, какъ на свое созданіе, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ по крайней мѣрѣ увѣдомить меня о полученіи моей депеши; но прошло уже 6 лѣтъ, и я еще все жду этого. Онъ зналъ, что Императоръ поостерегся выказать мнѣ свое удовольствіе, и съ этого времени счелъ своимъ настоятельнымъ долгомъ не исполнять по отношенію ко мнѣ даже вѣжливыхъ формъ, принятыхъ въ обществѣ. Надо сказать, что Александръ рѣшилъ, что войска не должны выступать до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ его армія, но послѣ полученія моей депеши пришлось отказаться отъ этого плана. Онъ не простилъ одному изъ своихъ подданныхъ того, что тотъ изъ гостиницы Трехъ Базельскихъ королей началъ битву при Ватерлоо.

Человѣкъ съ характеромъ понялъ бы, какъ важно было мое сообщеніе при этихъ обстоятельствахъ. Онъ говорилъ бы съ Государемъ, какъ человѣкъ знатный и какъ министръ. Но маленькій человѣчекъ не дѣлалъ этого и пряталъ свое сердце въ карманъ, лишь только являлся къ своему Государю.

Его отецъ впадалъ въ другую крайность. Онъ говорилъ все, что хотѣлъ говорить, что только приходило ему въ голову; а такъ какъ къ забавной наружности онъ присоединялъ еще шутливую манеру обращенія, то его колкія остроты и насмѣшки производили глубокое впечатлѣніе. Павелъ I, сильно осаждаемый своей женой, когда дѣло шло о Вюртембергской фамиліи, приказалъ старому Нессельроде привести въ порядокъ дѣла принца Людовика—своего шурина, который находился на прусской службѣ.

У него были дома во всѣхъ углахъ Берлина. Собравъ всѣ документы о нихъ, Нессельроде не воздержался прибавить къ нимъ еще одинъ счетъ о расходахъ принца на сладости 2.000 экю. Понятенъ смѣхъ Императора и его министра и гнѣвъ Императрицы. Какъ было неприлично обезсмертить государственной

уплатой издержки подобнаго рода, сдѣланныя принцемъ, генераломъ, человѣкомъ 40 лѣтъ!

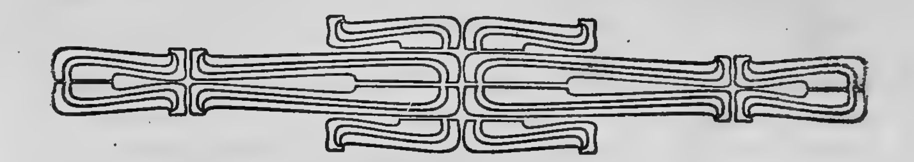
Императрица никогда не простила ему этого. Такъ какъ хитрый старикъ въ молодости служилъ во Франціи и долго жилъ въ Парижѣ, и такъ какъ затѣмъ онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ находился въ обществѣ Фридриха Великаго и остряковъ, окружавшихъ его, то онъ попадалъ очень мѣтко, вотъ почему остерегались попасть ему на зубокъ. Я увѣренъ, что въ разговорахъ со мной, довѣряя мнѣ, онъ смѣялся бы отъ всего сердца надъ блестящимъ и неловкимъ положеніемъ своего сына. Но онъ появился на свѣтъ, когда его отецъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, такъ что послѣднему не удалось наслаждаться его успѣхами.

Его невѣстка—m-me Нессельроде была дюжей и высокаго роста особой, такъ что казалось, что ея мужъ выпалъ у нея изъ кармана. Она была умна, воспитана, умѣла себя хорошо поставить по отношенію къ Императору Александру, охотно напускала на себя важный видъ, который не подходилъ къ мизерной наружности ея мужа, который, въ обществѣ Императора и этой огромной женщины и среди высокихъ обязанностей своего званія самъ собою напрашивался на каррикатуру.

Я забылъ передать очень остроумныя слова стараго Нессельроде.

Его обвиняли въ нескромности въ разговорахъ съ Павломъ I и хотѣли избѣгать его общества. „Меня обвиняютъ“, сказалъ Нессельроде по этому поводу при случаѣ очень громко, „въ томъ, что я передаю Его Императорскому Величеству все то, что я слышу, но я могу поклясться, что я еще никогда не слышалъ въ этой странѣ чего-либо такого, что стоило бы передавать“.

Сообщ. **Е. Шумигорскій.**



За рѣшеткой.

(Изъ тюремныхъ воспоминаній конца прошлаго вѣка).

I.

Какъ я очутился за рѣшеткой—объ этомъ говорить не буду, скажу только, что попалъ я туда въ самомъ началѣ весны 1893 года, когда природа только-что стала пробуждаться отъ долгаго зимняго сна. Какъ теперь помню, привезли меня къ тюрьмѣ на разсвѣтѣ. Жандармской офицеръ постучалъ въ желѣзную дверь, и черезъ нѣсколько секундъ она грузно отворилась. Мы вошли подъ ворота и, повернувъ налѣво, стали подниматься вверхъ по узкой каменной лѣстницѣ. Вся тюрьма спала. Было тихо, какъ въ могилѣ, и только съ нашимъ приходомъ тишину нарушилъ „малиновый звонъ". Вотъ мы вошли въ тюремную контору, помѣщавшуюся въ небольшой неопрятной комнатѣ; въ ней на скамейкѣ лежалъ дежурный надзиратель, быстро вскочившій на ноги при нашемъ появленіи. Онъ заспаннымъ, недоумѣннымъ взоромъ окинулъ насъ.

— Позови начальника! утомленнымъ голосомъ произнесъ жандармскій офицеръ.

Надзиратель вышелъ.

Я сталъ у окна, выходившаго на тюремный дворъ, и началъ пристально всматриваться въ ряды чернѣвшихъ оконъ съ желѣзными рѣшетками, стараясь разсмотрѣть за ними хотя одно человѣческое лицо, но вся тюрьма была погружена въ сонъ и за рѣшетками никого не было видно.

Жандармскій офицеръ, въ ожиданіи смотрителя, нервными шагами ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, стараясь не встрѣчаться съ моимъ взглядомъ. Простые жандармы съ утомлен-

ными, сонными лицами, молча, какъ изваянія, стояли около меня съ обнаженными палашами.

Скоро пришелъ начальникъ тюрьмы, небольшого роста, среднихъ лѣтъ человѣкъ, съ замѣтными слѣдами оспы на лицѣ. Онъ пристально посмотрѣлъ на меня. Жандармскій офицеръ передалъ смотрителю „бумагу", что-то шепотомъ сказалъ ему и затѣмъ торопливо вышелъ изъ конторы, сопровождаемый жандармами, вложившими уже свои обнаженные палаши въ ножны. Опять раздался на лѣстницѣ „малиновый звонъ", но черезъ нѣсколько секундъ все стихло.

— Васъ нужно обыскать! мягко проговорилъ смотритель, обращаясь ко мнѣ. Пожалуйста, снимите верхнее платье.

Я снялъ пальто, пиджакъ и жилетъ.

Надзиратель тщательно сталъ ощупывать всѣ карманы и складки. Деньги, бывшія при мнѣ, смотритель отобралъ, предварительно пересчитавъ ихъ.

По окончаніи обыска, надзиратель, обращаясь къ смотрителю, спросилъ: „ваше высокоблагородіе, казенное платье нужно выдать „имъ"?

— Нѣтъ, вы можете носить свое платье, отвѣчалъ смотритель, обращаясь ко мнѣ. Завтра я посмотрю инструкцію, какъ съ вами поступать: мнѣ еще не приходилось имѣть дѣла съ политическими заключенными, хотя я вотъ уже восемь лѣтъ служу смотрителемъ, изъ нихъ пять лѣтъ служилъ въ уѣздной тюрьмѣ и четвертый годъ служу въ губернской. „Теперь вамъ надо идти въ камеру, продолжалъ смотритель послѣ минутнаго молчанія. Я прикажу дать вамъ свѣжую постель. Ничего не подѣлаете, нужно терпѣть! Можетъ быть, васъ скоро и освободятъ?

— На это я не расчитываю...

— Всяко бываетъ... Иного подержатъ мѣсяца два-три—и выпустятъ на свободу. Главное, не унывайте, не падайте духомъ!—утѣшалъ меня смотритель.

— Ну-съ пока до свиданья, въ заключеніе сказалъ онъ и, обращаясь къ надзирателю, прибавилъ: „отведи въ десятую камеру"!

Надзиратель повелъ меня.

Пройдя тюремный дворъ, мы вошли въ одноэтажное длинное каменное зданіе, въ корридорѣ котораго слабо мерцалъ огонекъ въ висѣвшемъ на стѣнѣ фонарѣ. Въ концу корридора, около предпослѣдней камеры, надзиратель остановился, отперъ тяжелую дверь и впустилъ меня въ камеру, вся обстановка

которой состояла изъ большой неуклюжей, сдѣланной изъ толстыхъ деревянныхъ брусьевъ нары и маленькаго треугольнаго столика въ переднемъ углу, въ которомъ на стѣнѣ висѣла деревянная икона грубаго письма. Стѣны камеры были грязны и исписаны; на двери во всю ширину ея была вырѣзана довольно искусно ножемъ подпись: „Званкинъ" съ большимъ росчеркомъ. Какъ послѣ я узналъ, это была фамилія политическаго заключеннаго, сидѣвшаго лѣтъ за шесть до меня. По разсказамъ старыхъ надзирателей, послѣ Званкина, до моего прибытія, тюрьма не видѣла въ своихъ стѣнахъ ни одного политика.

На дворѣ уже разсвѣло.

Я, какъ маятникъ, быстрыми шагами сталъ ходить по камерѣ взадъ и впередъ. Въ головѣ моей роились тысячи мыслей, одна другую погоняя, одна другую перебивая. Только-что пережитыя впечатлѣнія обыска, ареста, несмотря на всю ихъ реальность, казались какимъ-то сновидѣніемъ, дотого была рѣзка перемѣна въ моемъ положеніи. Нѣсколько часовъ тому назадъ, я находился среди близкихъ, друзей, знакомыхъ, былъ связанъ тысячью нитей въ окружавшимъ меня внѣшнимъ міромъ, но вдругъ всѣ эти нити разомъ порвались и я оказался отрѣзаннымъ отъ этого міра, отрѣзаннымъ отъ всего того, съ чѣмъ сжился за 29 лѣтъ своей жизни. Ощущенія, которыя я переживалъ въ тюрьмѣ въ первыя минуты, были такъ сложны, что выразить ихъ словами, въ особенности теперь, когда впечатлѣнія отъ времени уже стерлись, потускнѣли, я не въ состояніи, могу сказать только одно, что если мнѣ и приходилось переживать въ заключеніи тяжелыя минуты, то тяжесть ихъ главнымъ образомъ усугублялась думами не о себѣ, не о своей участи, а о близкихъ моему сердцу, которые, лишившись меня, остались въ горѣ. Мое воображеніе рисовало картины нужды, лишеній, которыя имъ придется переживать безъ меня. Ежели бы не эти думы, тяжести заключенія для меня были бы, по крайней мѣрѣ, вдвое легко; но и при такомъ настроеніи тюрьма не особенно удручала меня даже на первыхъ порахъ пребыванія въ ней.

Черезъ полчаса дверь моей камеры отворилась, и въ нее вошелъ приземистый старый арестантъ съ слезящимися красными глазами, съ „парашею" въ рукахъ, которую онъ поставилъ на полъ, близъ двери, и, затѣмъ, посмотрѣвъ на меня своими большими добродушными глазами и ничего не сказавъ, тяжело вздохнулъ и вышелъ вонъ. Надзиратель засунулъ засовъ и заперъ дверь на замокъ. Запираніе дверей камеры во

все время моего сидѣнія, въ особенности въ этой тюрьмѣ, гдѣ затворы были тяжелы и первобытны, всегда вызывало во мнѣ непріятное, щемящее, обидное чувство. Въ грохотѣ запираемыхъ дверей я чувствовалъ какъ-бы личное оскорбленіе, наносимое мнѣ.

Наконецъ мое тѣло потребовало отдыха, и я прилегъ на голую нару, положивши подъ голову пиджакъ и накрывшись пальто. Скоро я забылся нервнымъ, безпокойнымъ сномъ. Не знаю, долго ли я находился въ забытьѣ, но вотъ раздался звукъ отодвигаемаго дверного засова — и я моментально вскочилъ съ нары. Дверь моей камеры отперли, и ко мнѣ вошелъ смотритель въ сопровожденіи старшаго надзирателя.

— Здравствуйте! произнесъ смотритель. Сейчасъ вамъ принесутъ постель и подушку, а что понадобится—заявите дежурному надзирателю: они ваши просьбы будутъ докладывать мнѣ.

Сказавъ это, смотритель быстро удалился изъ камеры. Послѣ его ухода я подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться, приложивъ ухо къ круглому дверному отверстію, такъ называемому „глазку“ или „волчку“, черезъ который тюремщики наблюдаютъ за заключенными.

— Ты что же не становишься „на повѣрку“? слышалъ приказъ? сурово говорилъ старшій какому-то арестанту, сидѣвшему въ одной изъ ближайшихъ ко мнѣ камеръ. Арестантъ молчалъ. „Что же ты не отвѣчаешь? русскаго языка развѣ не понимаешь“? грозно крикнулъ старшій.

Послѣ этого окрика, арестантъ ломаннымъ русскимъ языкомъ что-то залепеталъ, но содержаніе этого лепета я не могъ разобрать.

Наконецъ обходъ удалился изъ нашего отдѣленія.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ „повѣрки“, надзиратель сталъ выпускать арестантовъ изъ камеръ въ корридоръ, и въ „глазокъ“ я наблюдалъ, какъ они съ парашками въ рукахъ проходили мимо моей камеры и затѣмъ возвращались обратно въ свои камеры уже безъ парашекъ. Нѣкоторые изъ проходившихъ арестантовъ заглядывали черезъ „глазокъ“ въ мою камеру и тихо спрашивали у меня, по какому дѣлу я посаженъ, гдѣ арестованъ и проч. Но на такихъ любопытствующихъ арестантовъ дежурный надзиратель, находившійся въ корридорѣ, грозно покрикивалъ: „Что тебѣ тамъ нужно? проваливай въ свою камеру“!

Наконецъ надзиратель отперъ и мою камеру, и въ нее вошелъ тотъ самый старикъ-арестантъ, который давеча принесъ

мнѣ парашу. Старикъ молча взялъ обратно парашу, а надзиратель, стоявшій у порога, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ:

Пожалуйста, умываться! рукомойникъ вотъ здѣсь въ корридорѣ.

Я вышелъ въ корридоръ и сталъ умываться. Изъ камеры, которая находилась противъ рукомойника, въ „глазокъ" смотрѣлъ на меня арестантъ. Въ этотъ моментъ въ одной изъ дальнихъ камеръ раздался стукъ въ дверь и надзиратель отправился туда.

Пользуясь этимъ моментомъ, арестантъ, смотрѣвшій на меня, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „вы по какому дѣлу посажены?"—Я объяснилъ.—У кого же ваше дѣло находится? вѣрно у судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ?—Я вкратцѣ объяснилъ, у кого и какимъ порядкомъ ведется мое дѣло. Арестантъ выразилъ мнѣ свое соболѣзнованіе и въ заключеніе замѣтилъ: „васъ, вѣроятно, отсюда скоро отправятъ въ Петербургъ?" Умывшись, я съ большою осторожностью утеръ лицо краешкомъ грубаго, грязнаго полотенца, висѣвшаго на ручкѣ рукомойника. Полотенце, какъ видно, перемѣнялось очень рѣдко.

— Вамъ надо просить смотрителя, чтобы онъ разрѣшилъ вамъ покупать свою пищу, а то отъ казенной пищи вы можете заболѣть! участливо заговорилъ надзиратель, когда я, умывшись, вошелъ въ свою камеру.

— Развѣ казенная пища такъ плоха?

Въ обѣдъ даютъ сѣрыя пустыя щи, кислыя, какъ уксусъ, особенно въ теперешнее лѣтнее время, или же горохъ тоже пустой; мяса ни крошки не дается; все варится на салѣ. Раньше хотя понемногу давали мяса, теперь—нѣтъ!

На ужинъ даютъ тѣ же самыя кислыя, пустыя щи, либо горохъ. Хлѣба полагается на каждаго арестанта $2^1/_2$ фунта въ день; хлѣбъ „ничего себѣ", ѣсть можно. Вамъ пока нужно купить хотя чаю и сахару, продолжалъ надзиратель, по крайней мѣрѣ, развлеченіе будетъ. Кипятокъ у насъ раздаютъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Я вотъ въ 9 час. смѣнюсь съ дежурства, такъ зайду въ контору и скажу старшему, что вы просите купить чаю, сахару и булокъ. Деньги-то у васъ, вѣроятно, есть въ конторѣ?

Послѣ смѣны дежурства дверь въ моей камерѣ снова отперли. На этотъ разъ ко мнѣ вошелъ старшій, низкорослый упитанный мужчина лѣтъ 40, съ глупо-дѣловымъ выраженіемъ на деревянномъ лицѣ.

Старшій важно спросилъ у меня, за что я арестованъ и по какому дѣлу.

Я удовлетворилъ его любопытство.

— Вы чаю, сахару и булокъ желаете купить чрезъ контору? въ заключеніе произнесъ онъ. Я прикажу надзирателю все это закупить для васъ! важно прибавилъ онъ, уходя изъ камеры.

Послѣ посѣщенія старшаго я часа два ходилъ по камерѣ. Разныя мысли безпорядочно толпились въ моей головѣ.

Вотъ въ третій разъ отперли мою камеру: старикъ-арестантъ, уже два раза бывшій у меня, принесъ мнѣ соломенникъ, подушку и одѣяло. Соломенникъ и подушка были набиты свѣжей соломой и потому стояли, какъ говорится, коломъ. Одѣяло было обыкновенное, солдатское, изъ сѣраго сукна, съ холщевымъ подъодѣяльникомъ.

Полежавъ съ часъ на принесенной постели, я забрался на подоконникъ и сталъ смотрѣть на тюремный дворъ, по которому въ одиночку и кучками въ 5 — 10 человѣкъ сновали взадъ и впередъ арестанты и арестантки. Мимо моего окна особенно часто сновали двѣ женщины — пожилая и молодая — изъ которыхъ у первой на груди была мѣдная бляха. Послѣ я узналъ, что это тюремныя надзирательницы: пожилая — вдова священника, а молодая—племянница здѣшняго тюремнаго смотрителя.

Ходившіе мимо моего окна арестанты все поглядывали на меня: видимо имъ любопытно было знать, кто я и по какому дѣлу посаженъ.

Вотъ неподалеку отъ моего окна остановилась небольшая кучка арестантовъ съ лопатами и вилами въ рукахъ, по всему было видно, что они отправлялись на работу въ тюремный огородъ и поджидали конвоира-надзирателя, который гдѣ-то замѣшкался.

Арестанты искоса посматривали на меня. Хотя они старались говорить между собою возможно тише, но до меня, все-таки, долетали почти всѣ слова и фразы, которыми они обмѣнивались.

— Полякъ, вѣрно? сухо произнесъ старый арестантъ, съ худымъ выцвѣтшимъ лицомъ.

— Нѣтъ, говорятъ, русскій! отвѣчалъ молодой высокій арестантъ съ розовымъ лицомъ, видимо недавно поступившій въ тюрьму и потому не успѣвшій еще полинять.

— „Такихъ“ и слѣдуетъ сажать! съ сердцемъ сказалъ старый арестантъ.

— У всякаго, братъ, своя линія, это дѣло не нашего ума! возразилъ молодой арестантъ.

Старикъ что-то пробурлилъ и затѣмъ замолчалъ.

— А все-таки „имъ" почетъ дается: въ своемъ платьѣ сидитъ и постель „на день" не убирается! промолвилъ низкорослый рябой арестантъ добродушнаго вида.

— Мягко стелютъ, братъ, да жестко спать! съострилъ кто-то изъ арестантовъ. Раздался легкій смѣхъ.

Подъ вечеръ мнѣ принесли осьмушку чая, 2 фун. сахару, двѣ французскихъ булки, фунтъ колбасы, лимонъ, жестяной чайникъ и стаканъ съ блюдечкомъ. Все это, разумѣется, было куплено за мои деньги, находившіяся въ тюремной конторѣ.

Скоро стали разносить по камерамъ кипятокъ, я заварилъ себѣ чаю и съ аппетитомъ выпилъ нѣсколько стакановъ.

Послѣ чаю старикъ-арестантъ принесъ мнѣ ужинъ—чашку пустыхъ кислыхъ щей, безъ всякихъ признаковъ навара.

— Я думаю, здѣшнія щи вамъ не понравятся? замѣтилъ дежурный надзиратель, когда мнѣ былъ поставленъ на пару старый грязный, видавшій виды, деревянный жбанчикъ съ варкой и вручена была толстая и большая деревянная ложка.

Не успѣлъ еще старикъ-арестантъ, принесшій мнѣ щи, выйти изъ моей камеры, какъ въ нее вошелъ смотритель и, бросивъ свой взглядъ на жбанчикъ, строго крикнулъ на старика: „болванъ, даетъ варку въ ведеркѣ, какъ мужику... въ чашкѣ долженъ подавать"!.. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, смотритель произнесъ: „я былъ въ городѣ и досталъ инструкцію. Вы можете писать письма роднымъ и знакомымъ, разумѣется, я буду посылать ихъ „полковнику" на просмотръ; также буду посылать ему на просмотръ и письма, которыя будутъ присылаться въ тюрьму на ваше имя. Когда вздумаете писать письма — заявите объ этомъ дежурному надзирателю, а онъ доложитъ мнѣ, и я всякій разъ буду вызывать васъ въ тюремную контору, гдѣ вы и можете писать письма".

Около 8 час. вечера въ нашемъ корридорѣ раздалась команда: „становись на повѣрку!"

По этой командѣ, какъ послѣ объяснилъ мнѣ дежурный надзиратель, арестанты должны стать каждый у своей пары, чтобы обходъ, не заходя въ камеру, могъ видѣть черезъ „глазокъ" каждаго арестанта.

Противъ ожиданія первую ночь въ тюрьмѣ я провелъ хорошо, спокойно. Хотя около двухъ часовъ я вертѣлся на своемъ неудобномъ ложѣ, не смыкая глазъ, но, наконецъ,

утомленные нервы запросили отдыха, успокоенія, и я уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Пробужденіе въ тюрьмѣ, какъ въ этотъ разъ, послѣ первой проведенной въ ней ночи, такъ и послѣ, почти всегда вызывало во мнѣ тягостное, непріятное чувство. Я безъ малаго 2 года высидѣлъ въ строго одиночномъ заключеніи, и за этотъ промежутокъ времени мнѣ приходилось переживать самыя разнообразныя, душевныя настроенія: и тягостныя, и радостныя, и печальныя, но я не помню, чтобы хотя однажды въ моментъ пробужденія отъ сна на тюремной койкѣ я чувствовалъ себя прекрасно, тогда какъ въ остальное время, проведенное въ тюрьмѣ, мнѣ нерѣдко приходилось переживать чудныя минуты экзальтированнаго состоянія, минуты, о которыхъ по выходѣ изъ тюрьмы я вспоминалъ съ сожалѣніемъ, такъ какъ на волѣ уже ничего подобнаго мнѣ не приходилось переживать.

II.

Въ числѣ арестантовъ, часто ходившихъ мимо окна моей камеры, былъ одинъ молодой красивый еврейчикъ лѣтъ 18—20, который, однажды, улучивъ благопріятный моментъ, когда на дворѣ не было ни смотрителя, ни старшаго, остановился подъ моимъ окномъ и завелъ со мною разговоръ. Изъ краткой бесѣды нашей выяснилось, что юный еврейчикъ нѣкоторое время жилъ въ одномъ со мною городѣ и хорошо зналъ меня, хотя лично со мною и не былъ знакомъ.

Однимъ вечеромъ этотъ еврейчикъ, проходя мимо моей камеры, бросилъ мнѣ въ открытое окно букетъ сирени, напомнившій мнѣ среди каменныхъ тюремныхъ стѣнъ о весенней зелени полей, лѣсовъ и садовъ, и непріятное, щемящее чувство на нѣсколько минутъ охватило меня. Сидѣть въ тюрьмѣ въ лѣтнее время значительно тяжелѣе, нежели въ осеннее и зимнее; въ особенности непріятное, тоскливое, тягостное чувство испытываетъ заключенный въ началѣ весны, когда природа пробуждается отъ зимняго сна и на дворѣ стоятъ первые теплые солнечные дни, которые такъ манятъ, зазываютъ узника на волю... Хотя въ стѣнахъ тюрьмы заключенный и не видитъ полной картины пробужденія природы, не видитъ, напримѣръ, первой пробивающейся изумрудной зелени; но эта картина ясно представляется его воображенію, которое въ этомъ случаѣ работаетъ съ замѣчательною ясностью и живостью.

На слѣдующій день утромъ послѣ брошеннаго мнѣ въ окно букета, когда я выходилъ въ корридоръ умываться, одинъ арестантъ сообщилъ мнѣ, что еврейчику, который вчера бесѣдовалъ со мной и передалъ мнѣ букетъ сирени, „досталось“ отъ старшаго.

Сообщеніе это оказалось вѣрнымъ: еврейчикъ хотя по-прежнему ходилъ мимо моего окна, но уже не останавливался подъ нимъ и не вступалъ со мной въ разговоръ.

Съ первыхъ же дней моего поступленія въ тюрьму я сталъ строить планы о томъ, какъ бы мнѣ раздобыть карандашъ, чтобы имѣть возможность заносить на бумагу мысли и чувства, толпившіяся въ моей головѣ и не дававшія мнѣ покою. Однажды утромъ я былъ позванъ въ контору для написанія письма къ роднымъ, и вотъ тамъ мнѣ удалось незамѣтнымъ образомъ сунуть въ свой карманъ небольшой шматокъ карандаша. Этотъ шматокъ карандаша лежалъ на томъ столѣ, за который я сѣлъ писать письмо; за этимъ же столомъ сидѣлъ, углубившись въ свои бумаги, помощникъ смотрителя; самъ же смотритель сидѣлъ за другимъ столомъ, нѣсколько поодаль. Какъ только я запримѣтилъ карандашъ на столѣ, у меня явилось желаніе взять его себѣ тайкомъ, похитить, и я сталъ испытывать сильное душевное волненіе, какъ слѣдствіе борьбы двухъ побужденій, изъ которыхъ одно толкало меня къ похищенію карандаша, а другое противилось этому. Побѣда осталась за первымъ побужденіемъ, и я, улучивъ удобную минуту, сунулъ карандашъ въ карманъ пиджака.

Въ камеру я вернулся въ возбужденномъ, нервномъ состояніи. Въ головѣ у меня гнѣздилась мысль, что въ конторѣ замѣтятъ исчезновеніе карандаша и въ похищеніи его заподозрятъ меня, придутъ на обыскъ... Подъ давленіемъ этой мысли я тщательно запряталъ карандашъ въ щель нары и только послѣ этого немного успокоился. Похищенный карандашъ я берегъ, какъ какую-нибудь драгоцѣнность. Изъ оберточной бумаги, въ которой приносили мнѣ съѣстные припасы, я сдѣлалъ маленькую записную книжку, въ которую украдкой заносилъ свои мысли, впечатлѣнія и наблюденія.

Въ первую же недѣлю моего тюремнаго сидѣнья два раза раздавался въ нашемъ корридорѣ громкій возгласъ дежурнаго надзирателя Фролова: „губернаторъ пріѣхалъ“!

Слыша этотъ возгласъ, я полагалъ, что дѣйствительно, въ тюрьму прибылъ мѣстный губернаторъ въ качествѣ посѣтителя, но, разумѣется, не арестанта... Однако, не замѣчая никакихъ

признаковъ, по которымъ можно было бы судить о прибытіи въ тюрьму почетнаго посѣтителя, я послѣ одного такого возгласа, обуреваемый недоумѣніемъ, обратился къ Фролову съ вопросомъ: „вы уже второй разъ на протяженіи недѣли объявляете намъ о пріѣздѣ въ тюрьму губернатора, а мы еще ни разу не удостоились его видѣть?“

На этотъ вопросъ Фроловъ, улыбаясь, отвѣтилъ мнѣ: губернаторомъ мы называемъ горохъ: когда по постнымъ днямъ—въ среду и пятницу—для арестантовъ приносятъ на обѣдъ горохъ, вотъ я и кричу: „губернаторъ пріѣхалъ! а арестанты уже знаютъ, какой такой губернаторъ пріѣхалъ“.

Однообразной чередой потянулись дни моей тюремной жизни; въ общемъ всѣ они были похожи другъ на друга, но въ частности каждый день приносилъ какое-нибудь новое впечатлѣніе, ощущеніе, новую радость или огорченіе. Со страстнымъ нетерпѣніемъ я всегда ожидалъ писемъ близкихъ; собственно, одни только письма и связывали меня нѣкоторымъ образомъ съ внѣшнимъ міромъ. Поэтому полученіе каждаго письма являлось для меня событіемъ, всегда сильно волновавшимъ меня.

Какъ я уже упоминалъ, любимымъ моимъ развлеченіемъ въ тюрьмѣ было—торчать въ окнѣ и наблюдать ту маленькую жизнь, какая происходила на тюремномъ дворѣ. Но я совсѣмъ не зналъ, что тюремными правилами арестантамъ строго воспрещается даже въ дневное время лазать на подоконники и смотрѣть въ окна. Однажды наружный часовой изъ тюремныхъ надзирателей, стоявшій подъ окнами нашего подслѣдственнаго отдѣленія, какъ-то замѣтилъ мнѣ, что смотрѣть въ окна не дозволяется. „Когда на дворѣ нѣтъ смотрителя или старшаго, наставлялъ меня, вы можете смотрѣть въ окно, а когда замѣтите кого-либо изъ нихъ, то прячьтесь, а то насъ будутъ ругать, зачѣмъ мы позволяемъ смотрѣть въ окно“. Вскорѣ послѣ этого наставленія я нарвался на замѣчаніе со стороны старшаго за смотрѣнье въ окно. Я преспокойно сидѣлъ на подоконникѣ и не замѣтилъ, какъ старшій проходилъ подъ окнами нашего отдѣленія. Вскинувъ глаза, онъ увидѣлъ меня въ окнѣ и сухо проговорилъ: „слѣзьте съ окна: въ окна запрещается смотрѣть!“

Я покорился этому приказанію, но черезъ нѣсколько минутъ, когда старшій ушелъ со двора, снова торчалъ въ окнѣ.

Самъ смотритель неоднократно видѣлъ меня въ окнѣ, но ни разу замѣчаній по этому поводу мнѣ не дѣлалъ. Но и отъ старшаго я уже больше не получалъ замѣчаній за смотрѣнье

въ окно, хотя онъ послѣ описаннаго случая неоднократно видѣлъ меня въ окнѣ.

III.

Пробывъ мѣсяцъ въ тюрьмѣ, я вполнѣ освоился съ ней, узналъ всѣ тюремные порядки, познакомился со всѣми надзирателями, дежурившими въ подслѣдственномъ отдѣленіи, бесѣдовалъ съ ними цѣлыми часами о разныхъ разностяхъ, завелъ знакомства со многими арестантами. И мнѣ такъ удалось устроиться въ тюрьмѣ, несмотря на то, что меня держали въ одиночкѣ и постоянно подъ замкомъ. Тягостнѣе всего для меня была отрѣзанность отъ внѣшняго міра и незнаніе того, что въ немъ совершается. Я, кажется, согласился бы черезъ день кушать, но только, чтобы мнѣ разрѣшили получать газету. На основаніи двухлѣтняго личнаго опыта, я полагаю, что для интеллигентнаго заключеннаго, въ особенности одиночнаго, тяжелѣе всего переносить лишеніе права пользоваться текущими газетами и журналами. Если политическому узнику удастся отъ времени до времени тайкомъ получить газету, хотя бы даже низкопробную, завести сношеніе съ волей, съ товарищами по заключенію или съ оставшимися на волѣ, то самое заключеніе станетъ для него вдвое легче.

Съ младшими тюремными надзирателями у меня установились самыя хорошія отношенія; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что они стали повѣрять мнѣ свои огорченія служебнаго и личнаго характера; жаловались на свою „собачью" службу и говорили, что служить въ тюрьмѣ ихъ заставляетъ одно горе, потому что больше „дѣться некуда".

— Только „отъ горя" служишь на этомъ мѣстѣ!—часто жаловался мнѣ надзиратель Петровъ, съ которымъ я ближе, чѣмъ съ другими, сошелся, сошелся до того, что во время своего дежурства онъ даже часто не запиралъ на замокъ моей камеры.

„Въ деревню идти еще хуже,—продолжалъ жаловаться Петровъ на свою жизнь:—тамъ братъ мой сидитъ на одномъ надѣлѣ съ восьмерыми ѣдоками, бьется, какъ рыбина объ ледъ, часомъ съ квасомъ, а порой съ водой! Куда жъ мнѣ лѣзть къ нему, когда онъ и самъ, порой чуть-ли не безъ хлѣба сидитъ? Пожалуй, иди въ деревню, наймись въ работники къ богатому мужику, такъ, вѣдь, онъ за пятьдесятъ цалковыхъ въ годъ всѣ жилы изъ тебя вымотаетъ"! Въ народѣ все болтаютъ, что „безземельнымъ", не попавшимъ въ ревизію, какъ я, къ примѣру, землю будутъ нарѣзать: отъ помѣщиковъ отбирать, а

крестьянамъ нарѣзать; но, я думаю, этому вѣрить нельзя; давно вѣдь, говорятъ, что „ревизія“ будетъ, а все ничего нѣтъ!

По этому вопросу мы съ Петровымъ долго разсуждали, и въ заключеніе нашей бесѣды онъ со вздохомъ произнесъ: „нѣтъ, пока въ деревнѣ дѣлать нечего, безъ земли тамъ пропадешь, какъ таракань на морозѣ! Запустилъ недоимку—продадутъ послѣднюю „рухлядь“. Вотъ въ нашей, къ примѣру, волости—страсть, какъ стали раззорять мужиковъ за недоимки! Не изъ чего заплатить подати—сейчасъ продажу устраиваютъ! Земскій у насъ лютый! такого страху нагналъ на мужиковъ, что точно полоумные стали. Заслышитъ по дорогѣ мужикъ колокольчикъ—издали ужъ шапку снимаетъ: земскій, значитъ, катитъ, а смотришь: вмѣсто земскаго земскій почталіонъ ѣдетъ“.

IV.

На дворѣ чудный іюньскій вечеръ. Солнце уже близится къ закату. Въ городскомъ саду „полковая музыка“ играетъ „Невозвратное время“. На насъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, музыка производитъ раздражающее дѣйствіе; по крайней мѣрѣ, такое дѣйствіе она производила на меня. Смотритель уже сдѣлалъ „повѣрку“, т.-е. обошелъ, въ сопровожденіи старшаго, всѣ камеры, пересчиталъ арестантовъ и отобралъ на ночь ключи отъ надзирателей. Въ общихъ камерахъ черезъ отворенныя окна слышенъ неясный говоръ не улегшихся еще спать арестантовъ. Въ нашемъ же отдѣленіи царитъ тишина, нарушаемая лишь шагами дежурнаго надзирателя, лѣниво прохаживающагося по корридору, и непріятнымъ, щемящимъ душу, лязгомъ кандаловъ, раздающимся въ шестой камерѣ, въ которой сидитъ худенькій, изнуренный человѣчекъ, называющій себя „Антоніемъ Непомнящимъ“.

„Похожу этакъ до полуночи, а тамъ и прилягу маленько! размышляетъ надзиратель, молодой 27-лѣтній запасной солдатъ, только полгода тому назадъ поступившій на службу въ тюрьму, уже успѣвшую надоѣсть ему хуже горькой рѣдьки. Арестанты цѣлы будутъ, продолжаетъ размышлять Фроловъ, убѣжать отсюда имъ трудно: тюремная стѣна высока, да и ночи теперь почти нѣтъ—заря съ зарей сходится.

До двѣнадцати часовъ оставалось еще цѣлыхъ три часа. Фролову нужно было какъ-нибудь скоротать это время. „Поболтать развѣ съ Преображенскимъ? мелькнуло у него въ головѣ. Онъ чудной такой! подразню, постращаю его, все время не такъ протянется. И съ этою мыслью Фроловъ подошелъ къ

шестой камерѣ и, заглянувъ въ „глазокъ“, полушутливо, полусерьезно спросилъ: „Преображенскій, ты еще не спишь“?

— Самъ видишь, что не сплю! чего же спрашиваешь? недовольнымъ, раздражительнымъ тономъ произнесъ арестантъ, лежавшій на нарѣ, при малѣйшемъ движеніи котораго раздавалась жуткая, хватающая за сердце „кандальная музыка“. Арестанту этому по виду можно было дать лѣтъ 55—60. Онъ былъ средняго роста, худощаваго сложенія, съ небольшою рѣденькою клинообразною бородкою и сѣрыми острыми глазами, во взглядѣ которыхъ замѣчалось что-то не нормальное, болѣзненное.

— Что же ты меня зовешь Преображенскимъ, когда меня зовутъ „Антоніемъ Непомнящимъ“? сердито добавилъ потревоженный арестантъ, приподнимаясь съ нары.

— Я тебя такъ зову, какъ ты пишешься по бумагамъ! дразнящимъ тономъ проговорилъ Фроловъ.

— По бумагамъ меня неправильно называютъ. Я не Преображенскій; а Антоній Непомнящій! вразумительно, но съ раздраженіемъ въ голосѣ произнесъ арестантъ.

— А славные тебѣ, Преображенскій, кандалы надѣли, старинные „петровскіе“, въ цѣлыхъ двѣнадцать фунтовъ! трунилъ надзиратель.

— Ни за что надѣли! по неправдѣ надѣли! первно и раздражительно заговорилъ арестантъ, слѣзая съ нары и начиная быстро ходить по камерѣ взадъ и впередъ, гремя кандалами. Тиранить, мучить меня стали за то, что я не далъ снять съ себя карточки!

— А почему же ты не далъ снять съ себя карточки? вѣрно, боишься, что узнаютъ твою настоящую фамилію, откроютъ, кто ты есть такой?

— Развѣ дуракъ я, что бы позволилъ снять съ себя карточку? Мало-ль есть на свѣтѣ людей, похожихъ другъ на друга! Можетъ быть, похожій на меня человѣкъ сбѣжалъ съ каторги, его розыскиваютъ по разосланнымъ по всѣмъ полиціямъ его карточкамъ и, вмѣсто него, по карточкѣ могутъ забрать меня!

— Вѣрно, ты и впрямь есть бѣглый каторжникъ, потому-то и не даешь снимать съ себя карточки и скрываешь свое настоящее имя?

Послѣднія слова, сказанныя Фроловымъ, вывели Непомнящаго изъ себя. Онъ еще быстрѣе, какъ маятникъ, заходилъ по камерѣ и дрожащимъ отъ волненія и раздраженія голосомъ заговорилъ:

— На каторгѣ я не былъ и не знаю, что такое каторга... Я шесть лѣтъ находился въ домѣ умалишенныхъ въ Казани и два года тому назадъ сбѣжалъ оттуда и съ тѣхъ поръ все ходилъ по монастырямъ...

— Врешь все ты! зачѣмъ тебя стали бы держать въ домѣ сумасшедшихъ, коли ты вовсе не похожъ на сумасшедшаго?

— Не вру я, а чистую правду говорю! Меня доктора, профессора признали не сумасшедшимъ, а „неизлѣчимо психически больнымъ“! вотъ какъ! важно произнесъ Непомнящій. Приговорили меня держать въ домѣ умалишенныхъ по самую смерть, но мнѣ тамъ надоѣло жить, и я сбѣжалъ въ то время, когда всѣхъ насъ, по случаю перестройки нашего дома, перевозили въ Оренбургъ...

— А какъ же ты не помнишь, гдѣ ты родился и кто твои родители?

— Не помню да и все тутъ! Гдѣ родился, не знаю, отца и матери не помню...

— А почему же ты называешь себя „Антоніемъ Непомнящимъ“?

— Такъ меня звали въ домѣ умалишенныхъ, такъ и я сталъ называть себя.

— А гдѣ же ты взялъ паспортъ на имя Преображенскаго, который нашли при тебѣ, когда тебя забрали? ты, вѣрно, самъ смастерилъ его?

— Паспорта я не поддѣлывалъ, а купилъ его въ Саратовѣ за три цѣлковыхъ отъ одного незнакомаго человѣка.

Молчаніе.

— Я, братъ, всю Россію исходилъ вдоль и поперекъ, снова заговорилъ Непомнящій,—былъ и въ Крыму, и на Кавказѣ, и на Соловецкихъ островахъ, и въ Москвѣ, и въ Астрахани. Ходилъ по монастырямъ—Богу молился, ходилъ по попамъ—на скрипкѣ игралъ! Эхъ, и скрипка же у меня славная! не разломали бы ее только здѣсь, въ вашей тюрьмѣ! мечтательно заключилъ Непомнящій, тяжело вздыхая.

— Продай мнѣ, Преображенскій, свою скрипку? съ напускною серьезностью промолвилъ надзиратель.

— Жаль, а продать могу, но только меньше десятки не возьму я за нее...

— Возьми тройку?

— Нѣтъ, за тройку ни за что не продамъ. Я и за десятку продаю только потому, что горе заставляетъ: самъ видишь, цѣлый мѣсяцъ сижу у васъ безъ чаю и сахару; совсѣмъ смо-

дѣлъ. Были бы хотя маленькія деньги, не сталъ бы продавать своей скрипки,—больно ужъ хороша она и жаль мнѣ съ ней разставаться!

— А гдѣ же ты, Преображенскій, выучился на скрипкѣ играть?

— Опять же въ домѣ умалишенныхъ въ Казани. Тамъ намъ все давали чай, сахаръ, табакъ, скрипки, гармоніи, балалайки, и здѣсь у васъ, въ острогѣ, и варки настоящей не даютъ, кормятъ какимъ-то „лошкомоемъ".

— На то и острогъ! вразумительно промолвилъ надзиратель. Не думаешь ли ты, что тебя жаркимъ кормить здѣсь будутъ?

— Не жаркимъ... а хотя-бы варку давали мало-мальски похожую на что нибудь!

— Неизъчего: казна денегъ мало отпускаетъ на вашего брата, всего восемь копѣекъ въ день на человѣка, тутъ и на хлѣбъ, и на приварокъ.

— И за эти деньги, все-таки, можно было бы лучше кормить... А какъ изъ восьми копеекъ между рукъ разойдутся одна-двѣ копейки, то, понятно, и остается только „лошкомоемъ" кормить! Знаемъ, братъ, мы и острожные порядки!.. многозначительно заключилъ Непомнящій...

— Объ этомъ оставь говорить, старикъ! перебивая рѣчь Непомнящаго, съ напускною строгостью произнесъ Фроловъ. Ты вотъ лучше разскажи мнѣ, какъ ты мужика зарѣзалъ подъ Изборскомъ? ограбить, вѣрно, хотѣлъ его?

— Я не воръ и не грабитель! вспылилъ Непомнящій. Меня самого этотъ мужикъ чуть не задушилъ. За мной, какъ за звѣремъ, гнался урядникъ съ мужиками. Одинъ здоровенный большой мужикъ нагналъ меня уже въ лѣсу, сбилъ съ ногъ, навалился на меня и сталъ душить. Вижу я—смерть моя приходитъ... кое-какъ досталъ я ножикъ изъ кармана, да и всадилъ его мужику въ брюхо. Если бы не ножикъ, мужикъ задушилъ бы меня совсѣмъ... У меня и теперь болятъ бока отъ его лапъ.

— А плохо тебѣ будетъ за мужика?

— Ничего не будетъ, потому я отъ смерти оборонялся! всякому братъ „живая смерть" страшна!

— Что ты ни говори, Преображенскій, а бывать тебѣ на каторгѣ, честное слово—бывать!

— Не былъ я на каторгѣ и не бывать мнѣ тамъ, а отправятъ меня на старое мѣсто—въ домъ умалишенныхъ въ Казань. Большое дѣло—мужика убилъ! Спроси, чего этотъ мужикъ такъ

за мной гнался? Что я ему сдѣлалъ худого, когда я его ни разу во всю свою жизнь и не видалъ? Урядникъ, видишь, призналъ меня за бродягу и приказалъ мужикамъ поймать меня, а они, псы, готовы на стѣну лѣзть! Ну, пусть урядникъ и ловилъ бы меня, его должность такая собачья, а мужики-то чего старались? Что ихъ водкой за это угостили, что-ли? Прохвосты, гады ползучіе! Начальство прикажетъ имъ, такъ горло готовы перегрызть своему же брату простому человѣку!

Продолжительное молчаніе.

— А карточку, все-таки, снимутъ съ тебя, Преображенскій! съ лукавою усмѣшкою произнесъ надзиратель, возобновляя прерванный разговоръ.

Напоминаніе о карточкѣ снова взбудоражило Непомнящаго.

— Во вѣки вѣковъ не дамъ снять съ себя карточки! съ бѣшенствомъ заговорилъ онъ, мечась по камерѣ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ. Зубы всѣ разобью тому, кто будетъ снимать карточку! Я никого не боюсь: ни вашего губернатора, ни прокурора, ни смотрителя! Что они могутъ мнѣ сдѣлать? Вонъ въ Саратовѣ и Царицынѣ—одинъ мнѣ знакомый человѣкъ разсказывалъ еще на волѣ—народъ взбунтовался. Докторовъ, полицію перебили... А почему народъ взбунтовался? Потому, что начальство стало хитрить, захотѣли знать больше Бога... Доктора, по приказанію высшаго правительства, стали магнитизировать простой народъ, чтобы узнать его мысли, тайны, что онъ думаетъ про начальство, про господъ... Заберутъ простыхъ людей въ больницы, будто отъ холеры лѣчить, а сами надѣнутъ имъ рубашки, обмоченныя въ намагниченной водѣ, а потомъ и читаютъ, какъ по книгѣ, что они думаютъ... Народъ про это прозналъ и взбунтовался! Самъ посуди, развѣ можно заниматься такимъ волшебствомъ и чародѣйствомъ? съ жаромъ продолжалъ Непомнящій. Великій, смертный грѣхъ узнавать чужія тайны. Человѣкъ можетъ открыть свои тайны только одному Богу, таинственно заключилъ онъ.

— Плетешь ты, старикъ, какую-то плетеницу! никакъ ты и впрямь сумасшедшій? покачивая головой, произнесъ надзиратель.

— Не плету я плетеницу, а истинную правду говорю! Я, братъ, все понимаю... священное писаніе на память знаю... я тебѣ, если хочешь, всю Четьи Минею могу разсказать? Спроси любой псаломъ изъ псалтыря, любую главу изъ евангелія—все передамъ слово въ слово, какъ въ книгѣ.

— Быть правдѣ, что ты знаешь все священное писаніе? сомнѣвался надзиратель.

— Коли говорю, значитъ, знаю! раздражительно отвѣчалъ Непомнящій. Не только священное писаніе знаю, законы всѣ знаю: уставъ гражданскаго судопроизводства, уставъ уголовнаго судопроизводства, уложеніе о наказаніяхъ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—все читалъ и все знаю...

— По острогамъ сидѣвши, можно было законамъ научиться! насмѣшливо замѣтилъ надзиратель.

Непомнящій снова вспыхнулъ, какъ порохъ, и съ нервною дрожью въ голосѣ заговорилъ:

— По острогамъ, говорю тебѣ, я не сидѣлъ, теперь вотъ только въ первый разъ попалъ сюда!

— Не въ первый, а, можетъ быть, въ десятый разъ сидишь! дразнилъ надзиратель.

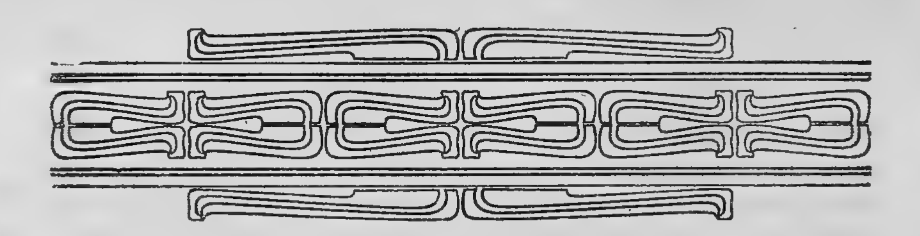
— Что ты ко мнѣ присталъ, какъ банный листъ! гнѣвно воскликнулъ Непомнящій. Вы меня своимъ волшебствомъ, чародѣйствомъ замучить хотите! Я знаю: вашъ смотритель чародѣй, чернокнижникъ! онъ меня въ кандалы заковалъ, а теперь хочетъ „намагнитить“, узнать, что я думаю, узнать всѣ мои тайные помыслы... Я царю буду жаловаться... это чародѣйство... тиранство... великій грѣхъ...

„Ну, замололъ ерунду! промолвилъ про себя надзиратель, отходя отъ „глазка“, черезъ который бесѣдовалъ съ Непомнящимъ, продолжавшимъ ругать начальство за его волшебство...

„А чудной, право, этотъ старичишка! размышлялъ надзиратель, укладываясь на полу, около стѣны, съ намѣреніемъ вздремнуть маленько. Видно, что бывалый, тертый калачъ! говоритъ, что по книжкѣ читаетъ, только голова-то у него того... какъ будто порядочно прихрамываетъ...

М. Сафоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Воспоминанія Н. Леваковскаго.

Гимназія.

Много, много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ, по окончаніи курса, стѣны 1-й Харьковской гимназіи [1]), но воспоминанія о семилѣтнемъ пребываніи тамъ настолько живы, что какъ будто все это было только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Часто и теперь еще, во снѣ, видишь себя опять ученикомъ гимназіи, и различныя событія того времени вспоминаются съ поразительной ясностью и, проснувшись, благословляешь судьбу, что все это видѣлъ только во снѣ. Да, не даромъ давалось мальчику семилѣтнее пребываніе въ гимназіи.

Всѣ педагогическіе пріемы того времени сводились (въ Харьковской гимназіи) на зуботычины или вообще—систему „вбиванія знаній". Вслѣдствіе этого, учащіе и учащіеся представляли собой два враждебныхъ лагеря, готовыхъ ежеминутно вступить въ открытый бой, что дѣйствительно и бывало не разъ. Но между тѣснителями и угнетателями, во образѣ наставниковъ, были и такіе „бичи божіи", которые смиряли и порабощали ввѣренное ихъ заботамъ юношество такъ, что какое бы то ни было сопротивленіе имъ считалось не мыслимымъ, и только усердная молитва предъ приходомъ такого наставника считалась единственно возможной для смягченія гнѣва и слѣдующихъ за нимъ истязаній ни въ чемъ не повинныхъ мальчиковъ. Самое ожиданіе прихода такого педагога приводило дѣтей въ такой трепетъ, что они рѣшительно теряли способность сообразить что-нибудь. Но вотъ является въ классъ наставникъ; дѣти крестятся;

[1]) Поступилъ въ гимназію въ 1845 г. Окончилъ въ ней курсъ въ 1852 году.

крестятъ тетради, спѣшно дѣлаютъ нѣсколько крестовъ на скамьѣ, на полу, чтобы защитить себя, какъ отъ злого духа. Наставникъ, случайно, видитъ это и приходитъ въ неописанную ярость, и прежде нежели окончена молитва предъ началомъ ученія, онъ уже схватилъ кого-нибудь изъ дѣтей, своей костлявой рукой, за волосы, и пучекъ волосъ летитъ на полъ!

— Ты что же это, скотина, выдумалъ открещиваться отъ меня, какъ отъ чорта! Дерите его, скотину, за уши, приказываетъ онъ сосѣдямъ, да крѣпче, крѣпче!

Несчастный плачетъ, но истязаніе продолжается, пока наставникъ не насытится.

— Поди, Л., обращается онъ послѣ этого къ одному изъ учениковъ, сдѣлай перекличку и отмѣть: кого нѣтъ въ классѣ; да смотри, не ошибись, не запиши въ другой графѣ!

Уже этого послѣдняго замѣчанія достаточно для того, чтобы у мальчика, какъ говорится, въ глазахъ зарябило; онъ дѣлаетъ перекличку и перваго же отсутствующаго товарища отмѣчаетъ не въ той графѣ журнала, гдѣ слѣдуетъ. Гнѣвъ педагога не знаетъ границъ: онъ подзатыльникомъ гонитъ несчастнаго, сконфузившагося мальчика черезъ весь классъ и посылаетъ вмѣсто него другого. Повторяется та же сцена, и это битье продолжается до тѣхъ поръ, пока какому-нибудь счастливцу, менѣе робкому, или менѣе забитому мальчику не удастся довести процедуру переклички до конца.

Послѣ этихъ, такъ сказать, предварительныхъ приготовительныхъ занятій, начинаются собственно классныя:

— К., поди спроси Б. урокъ.

Оба выходятъ къ доскѣ. К. лучшій ученикъ.

— Что у тебя, скотина, штаны совсѣмъ спадаютъ, озадачиваетъ педагогъ несчастнаго К., у котораго панталоны, сшитыя, по всему вѣроятію, не на него, дѣйствительно сидятъ какъ-то неуклюже. Начинается спрашиваніе урока. Достаточно отвѣчающему провести, писавши дробь, черту не горизонтально, а наклонно, и буря разразилась:

— Мажь ему, скотинѣ, рожу губкой!—командуетъ онъ К., и тотъ безпрекословно обязанъ исполнить это. Озадаченный такимъ педагогическимъ пріемомъ, отвѣчающій, разумѣется, окончательно теряется. Слѣдуетъ нещадное битье головой объ доску, вырываніе добраго пучка волосъ изъ головы и постановка на колѣни. Затѣмъ очередь слѣдующаго, рядомъ сидящаго, съ которымъ продѣлывается приблизительно то же самое.

Такъ продолжается до объясненія урока на слѣдующій разъ, или же до конца класса, смотря по расположенію духа.

Но, во всякомъ случаѣ, этимъ дѣло не ограничивается: всѣ поставленные на колѣни записываются на бумажку, которая передается послѣ класса инспектору для расправы съ виновными; а расправа одна: сѣченіе безъ разбора, безъ справки за что.

Неужели это дѣйствительная, а не вымышленная личность, задастъ себѣ вопросъ каждый, прочитавшій эти строки въ настоящее время?

Къ несчастію „да"; это бывшій воспитанникъ Педагогическаго Института, человѣкъ, спеціально подготовленный къ педагогической дѣятельности, учитель математики (сороковыхъ годовъ) 1-ой Харьковской гимназіи, Бернгардтъ!

Но вѣдь ему мѣсто не въ учителяхъ, скажетъ читающій, а въ домѣ умалишенныхъ! Согласенъ. Но посмотримъ чѣмъ и насколько отличается онъ отъ прочихъ своихъ собратій по профессіи.

Системы обученія различнымъ предметамъ гимназическаго курса разнились однѣ отъ другихъ только пріемами: идетъ урокъ нѣмецкаго языка; учитель, разжирѣвшій на русскихъ хлѣбахъ нѣмецъ, занимается исправленіемъ переводовъ, сдѣланныхъ учениками на дому; переводчикъ—ученикъ стоитъ предъ нимъ; вдругъ, раздается полновѣсная громкая пощечина! Это значитъ въ переводѣ встрѣтилась ошибка, и учитель поправляетъ ее!

Каждая новая ошибка влечетъ за собой тѣ же послѣдствія. Почему такъ нельзя перевести, и какъ именно нужно, это остается для ученика тайной; фамилія описываемаго педагога—Габерландтъ.

Учитель географіи употреблялъ опять своеобразный пріемъ: являясь въ классъ, онъ бралъ въ руки кусочекъ бумажки, начиналъ его крутить и складывать на всевозможные лады и вполнѣ предавался этому занятію, со страстію, съ увлеченіемъ. Въ это время ученики должны были выходить, по порядку, къ картѣ и отвѣчать урокъ. Что ученикъ отвѣчалъ, учителю до этого не было никакой надобности, лишь бы не останавливался, не молчалъ, потому что за малѣйшую остановку, вслѣдствіе чего бы она ни произошла, но если только вообще ранѣе того, пока учитель скажетъ „довольно", мальчикъ тотчасъ подвергался карѣ: учитель подходилъ къ отвѣчающему и начиналъ немилосердно щелкать то по правому, то по лѣвому уху. Если ученикъ при этомъ заявлялъ, что онъ знаетъ урокъ, но забылъ

только одинъ терминъ, или же какое-нибудь собственное имя, тогда педагогъ весь обращался во вниманіе: раскрывалъ учебникъ и заставлялъ отвѣчающаго „говорить урокъ съ начала“ слово въ слово по книгѣ; каждое незначительное отступленіе отъ текста влекло новые усиленные побои и единицу въ поведеніи, за которую неминуемо слѣдовало сѣченіе въ субботу, когда инспекторъ собиралъ изъ всѣхъ классовъ, такъ называемыхъ, „единичниковъ“ и приступалъ, при помощи служителей и розогъ, къ исправленію успѣховъ и поведенія учащихся. Учитель рисованія (Савицкій) обучалъ искусству, теребя за виски и таща вверхъ, что производило нестерпимую боль.

Учитель чистописанія (Семигановскій, по прозванію „мальчишка“) для исправленія почерка билъ линейкой по ладони.

Учитель французскаго языка (Монтенакъ) билъ просто кулаками, по чемъ попало, не избирая для этого, подобно своимъ товарищамъ, какого-нибудь спеціальнаго пункта.

А сколько приходилось перетерпѣть битья отъ каждаго новаго учителя до тѣхъ поръ, пока ученики усвоятъ его различные педагогическіе пріемы: одинъ требуетъ „пожалуйста, руки на столъ“! И ученикъ, наконецъ, послѣ множества перенесенныхъ наказаній, дѣйствительно убѣждается въ необходимости и пользѣ держанія рукъ на столѣ, въ продолженіе цѣлаго урока. Перемѣняется учитель и требуетъ непремѣнно держанія рукъ подъ столомъ; начинается преслѣдованіе системы предшественника, наказаніе держащихся ея по старой привычкѣ.

Обращеніе съ учениками, подобное описанному, не могло, по крайней мѣрѣ время отъ времени, не вызывать съ ихъ стороны сопротивленія, вслѣдствіе систематическаго раздраженія и преслѣдованія. Дѣло доходило до вооруженнаго сопротивленія. Классъ чистописанія; учитель, сидя на креслѣ предъ столикомъ, видитъ, что одинъ изъ учениковъ, вмѣсто того, чтобы упражняться въ чистописаніи, что-то разсказываетъ своему сосѣду. Учитель подзываетъ къ себѣ, на средину класса и говорящаго и слушающаго, чтобы произвести судъ и расправу. Инструментъ, необходимый для этого, т.-е. линейка, всегда былъ возлѣ него наготовѣ.

— Держи ладонь!—командуетъ онъ нарушителю тишины и порядка въ классѣ.

— У меня руки болятъ!—отвѣчаетъ тотъ, испытавши уже не разъ, на опытѣ, систему обученія чистописанію.

— Держи, говорятъ тебѣ!—настаиваетъ блюститель порядка. Вновь ослушаніе! Тогда педагогъ желаетъ силой заставить

провинившагося исполнить требованіе и схватываетъ виноватаго за руку. Тотъ выдергиваетъ. Слѣдуетъ вторичное нападеніе и такой же отпоръ. Завязывается рукопашный бой, во время котораго ученикъ, окончательно забывшись, схватываетъ стулъ и начинаетъ имъ отмахиваться.

Нападающій уступаетъ, но бѣжитъ къ инспектору; тотъ является въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей; виновнаго арестуютъ, нещадно сѣкутъ и запираютъ въ карцеръ.

Но подобныя столкновенія не всегда оканчивались такимъ образомъ. Иногда, за взятаго въ плѣнъ товарища, вступался цѣлый классъ, завязывалась настоящая битва, имѣвшая, какъ при побѣдѣ, такъ и при пораженіи, непремѣннымъ слѣдствіемъ исключеніе изъ гимназіи нѣсколькихъ человѣкъ.

Памятенъ мнѣ изъ этой эпохи одинъ случай: ожидали пріѣзда Государя въ Харьковъ. Какъ только прошелъ объ этомъ слухъ, начались въ гимназіи приготовленія къ пріему: стригли, сѣкли, заставляли дѣлать новые мундиры, выдергивали лишніе зубы; послѣдній пріемъ былъ примѣненъ по нижеслѣдующему поводу. Когда все было уже готово, бдительное начальство, осматривая учениковъ, обратило вниманіе на то, что у одного мальчика, сверхъ всякаго ожиданія, оказались двойные клыки; начальство возмутилось такимъ отступленіемъ отъ формы и, въ порывѣ справедливаго негодованія, рѣшило тутъ же высѣчь виновнаго; но, сообразивши, что сѣченіемъ все-таки не исправишь въ конецъ замѣченнаго недостатка, распорядилось немедленно позвать цирульника и тутъ же, на мѣстѣ преступленія, вырвать злополучные зубы, мѣшавшіе порядку и однообразію наружнаго вида учащихся. Ни слезы, ни мольбы мальчика не въ состояніи были измѣнить рѣшенія начальства, заботливаго о благѣ ввѣренныхъ ему питомцевъ.

Видя такое рвеніе предержащихъ властей, какой скептикъ могъ бы подумать, что всѣ эти приготовленія, какъ говорится, пойдутъ прахомъ, что всѣ труды и заботы пропадутъ даромъ. Но, увы, въ дѣйствительности такъ и вышло! Въ день ожидаемаго пріѣзда, мы были собраны въ гимназію въ 8 часовъ утра, осмотрѣны еще разъ, выравнены и выстроены. Проходитъ часъ, другой, третій: Государь не пріѣзжаетъ въ гимназію! Въ 4 часа (или нѣсколько ранѣе). Онъ идетъ мимо гимназіи, осматриваетъ на площади гарнизонный баталіонъ, возвращается и... проѣзжаетъ мимо гимназіи. Видя это и принимая во вниманіе голодъ и усталость учениковъ, начальство рѣшило, что Государь не будетъ въ гимназіи, и распустило учениковъ по домамъ.

На грѣхъ мастера нѣтъ, говоритъ пословица; такъ и тутъ; не прошло и пяти минутъ послѣ роспуска дѣтей, какъ Государь прибылъ въ гимназію и не нашелъ тамъ ни учениковъ, ни начальства! Моментъ былъ, говорятъ, ужасный. Директора и инспектора отправили на гауптвахту.

Потомъ по городу разсказывали такой случай: соскучившись заточеніемъ, гимназическій врачъ (добрѣйшій и безвреднѣйшій старичекъ, И. Н. Рейпольскій) вышелъ погулять на платформу гауптвахты (какъ всегда въ форменномъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія). Кто-то изъ проходящихъ, желая подтрунить надъ старикомъ, обратился къ нему съ такими словами:

— А что, нашъ левъ, попалъ въ клѣтку?

— Да-а-а, отвѣчалъ ему, всегда находчивый, Рейпольскій, львы иногда попадаютъ въ клѣтку, а вотъ ослы, такъ тѣ всегда ходятъ на свободѣ!

Кромѣ битья на разныя манеры, съ цѣлью возможно болѣе прочнаго насажденія знаній, интересную особенность гимназическаго строя разсматриваемой эпохи составляли: и цензора и аудиторы. „По причинѣ“ благонравія и прилежанія, я обыкновенно несъ ту и другую обязанности, за то, опять таки, въ концѣ концовъ, былъ битъ, но уже не наставниками, а товарищами. Сказанныя особенности (т.-е. цензорство и аудиторство) заключались въ нижеслѣдующемъ: число учениковъ въ классахъ (особенно въ низшихъ) въ то время было необыкновенно велико: отъ 80 до 90; причина этого та, что о параллельныхъ классахъ въ губернскихъ гимназіяхъ въ описываемую эпоху не имѣли и понятія, а запрещенія оставаться въ одномъ классѣ болѣе извѣстнаго числа лѣтъ также не существовало; поэтому нѣкоторые сидѣли въ классѣ года по три, по четыре и, достигши лѣтъ 17, 18-ти и давно уже брея бороду, выходили изъ гимназіи не далѣе, какъ изъ второго класса.

Естественно, что при такой численности учениковъ, учителю не легко было справляться съ ними; поэтому и находили необходимымъ назначать, такъ сказать, ассистентовъ во образѣ „старшихъ“ или „цензоровъ и аудиторовъ“. Назначеніе „цензоромъ“ дѣлалось инспекторомъ и падало всегда на такъ называемыхъ добронравныхъ и прилежныхъ учениковъ.

Назначеніе это ставило избранное лицо между двухъ огней: съ одной стороны начальство взыскивало за каждый недосмотръ, съ другой—товарищи не прощали, если на кого-нибудь изъ

нихъ приходилось указывать какъ на нарушителя тишины и порядка. Положеніе, по истинѣ, безвыходное, какъ это, напр., можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: кончился урокъ, учитель вышелъ изъ класса и до прихода слѣдующаго—антрактъ въ 5 минутъ; какъ только наставникъ переступилъ порогъ, въ классѣ начинается нѣчто невообразимое: всѣ 90 человѣкъ кричатъ, стараясь заглушить одинъ другого, нѣкоторые, пользуясь свободной минутой, борются, засидѣвшись долго на мѣстѣ, иные сводятъ какіе-нибудь старые счеты и дерутся по-настоящему.

Старшій, обязанный блюсти порядокъ, старается водворить тишину; но, разумѣется, всѣ его попытки напрасны, и вотъ онъ записываетъ, на клочкѣ бумаги фамиліи особенно буйныхъ. Если начальство не заблагоразсудить зайти въ это время въ классъ, все оканчивается благополучно: приходъ учителя усмиряетъ шумящихъ, начинается урокъ, во время котораго, особенно если учитель строгъ, старшему наступаетъ полнѣйшій отдыхъ.

Но если во время такой шумной перемѣны уроковъ, является инспекторъ, онъ требуетъ записку „кто шумѣлъ“, уводитъ виновныхъ и сѣчетъ; а тѣ, по возвращеніи, на слѣдующей же перемѣнѣ, отмщаютъ кулаками старшему за понесенное наказаніе.

Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, какъ можетъ подумать недостаточно знакомый съ дѣломъ, никого не записывать на злосчастную бумажку; но на дѣлѣ выходило не такъ: въ подобныхъ случаяхъ, старшій, какъ не исполнившій своей обязанности, самъ подлежалъ тому наказанію, какому подвергали записанныхъ имъ буяновъ.

Вспоминая прошлое, всѣ эти безчисленные случаи быть высѣченнымъ ни за что, ни про что, я до сихъ поръ не могу достаточно надивиться—какимъ образомъ я избѣгъ этого страшнаго и позорнаго для меня наказанія! Это, по-моему, такой же рѣдкій и счастливый случай, какъ тотъ, когда участвовавшій въ нѣсколькихъ жаркихъ сраженіяхъ остался все-таки ни разу не раненъ!

Обязанности старшаго продолжались и во время урока въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель находилъ это нужнымъ, т.-е. если расточаемыхъ имъ потасовокъ все-таки было недостаточно для умиротворенія буйной толпы; тогда старшій опять вооружался злосчастной бумажкой и записывалъ фамиліи разговаривающихъ.

Не легче была и аудиторская обязанность.

Аудиторы назначались самими учителями изъ лучшихъ учениковъ и обязанность ихъ состояла въ выслушиваніи уроковъ до прихода учителя и подачи этому послѣднему списка объ успѣхахъ ввѣренныхъ ему питомцевъ (а таковыхъ давалось 4—5). Здѣсь опять, стало быть, ученикъ невольно становится между двухъ лагерей—между учителемъ и товарищами.

Особенно много горя причиняли аудиторамъ „столпы класса"—17-ти, 18-ти-лѣтніе юноши, изъ которыхъ, какъ сказано выше, многіе брили бороды, и которые, всѣ поголовно, ничего не дѣлали. Зачѣмъ они оставались въ гимназіи, я и до сихъ поръ не могу понять, но уже во всякомъ случаѣ не съ той цѣлью, что-бы чему-нибудь выучиться! Сидя по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ, они, какъ будто, сростались съ нимъ, съ гордостью смотрѣли на проходившую, ежегодно, мимо ихъ мелюзгу (какъ они называли временныхъ своихъ товарищей) и упорно отказывались учить что-нибудь. Когда учитель вызывалъ такого „старичка" съ тѣмъ, чтобы спросить у него урокъ, то, въ такихъ случаяхъ, „старичекъ", не вставая съ мѣста, а такъ только, нѣсколько пошевелившись на немъ и, показывая видъ, что хочетъ встать, произноситъ густымъ басомъ: „не готовился"! получалъ нуль и успокаивался до слѣдующаго спрашиванія. Наказанія на нихъ не дѣйствовали ни мало, и каждый изъ нихъ давно уже потерялъ счетъ полученныхъ имъ въ гимназіи розогъ

Послѣ каждой новой экзекуціи, они являлись въ классъ какъ ни въ чемъ не бывало, садились на обычное мѣсто и продолжали свое безконечное сидѣніе, какъ бы въ ожиданіи наитія свыше. Легко себѣ представить всю неестественность отношеній мальчика-аудитора къ такимъ многоопытнымъ мужамъ, порученнымъ его надзору!

Подобныя личности въ настоящее время перешли въ разрядъ миѳическихъ, поэтому я позволяю себѣ остановиться на нихъ еще нѣкоторое время. Представьте себѣ, напр., нижеслѣдующую сцену: осень; идетъ послѣобѣденный урокъ (отъ $3^1/_2$ до 5 час.) французскаго языка; классъ слабо освѣщенъ нѣсколькими сальными свѣчами; учитель, зная твердо „что сказала Калипсо Телемаку при отъѣздѣ его" [1]) и одолѣваемый послѣ-

---

[1]) Въ то время, книгой для перевода съ французскаго языка на русскій было „Странствованіе Телемака".

обѣденной дремотой, безъ вниманія слушаетъ переводъ. Старички, соскучившись сидѣть на мѣстахъ и будучи мужами многоопытными, заранѣе приготовили себѣ шинели, разостлали ихъ позади скамеекъ, перешли подъ скамьями въ этотъ заранѣе приготовленный уголъ, разлеглись на шинеляхъ и играютъ въ карты.

Изъ всего непригляднаго сонма педагоговъ описываемаго времени, въ воспоминаніи рѣзко выступаетъ личность, не похожая на прочихъ; это наставникъ Закона Божія, протоіерей Лебедевъ. Онъ пользовался нашею любовію за его человѣческое отношеніе къ намъ. П. И. въ продолженіе всей своей службы въ гимназіи, въ полномъ смыслѣ слова, не тронулъ никого пальцемъ; мало того: мы не слыхали отъ него ни разу, не только ругательнаго, но даже грубаго слова. Я живо, до сихъ поръ, помню его благообразную (апостольскую) физіономію, съ кроткимъ выраженіемъ и всегда опущенными глазами. Но глаза эти, намъ казалось, видѣли насъ насквозь. Въ этомъ всѣвидѣніи насъ убѣждало между прочимъ то, что от. Л—въ, никогда несмотря на сидящихъ противъ него учениковъ, всегда видѣлъ, если кто-нибудь изъ нихъ начиналъ шалить. При этомъ виновный наказывался постановкой въ уголъ на нѣсколько минутъ (эта мѣра наказанія въ то время никѣмъ другимъ не практиковалась, потому, вѣроятно, что считалась слабой, а поэтому мало дѣйствительной); происходило это обыкновенно такъ: замѣтивши шалуна, от. Л—въ обращался ко всему классу, или, вѣрнѣе, не обращаясь ни къ кому собственно и, какъ всегда, смотря внизъ, спрашивалъ:

— Есть у насъ въ классѣ такой-то?

Слѣдуетъ отвѣтъ:

— Есть!

— Пусть онъ станетъ въ уголъ!

Виновный уже зналъ за что и отправлялся по назначенію. Черезъ нѣсколько минутъ за этимъ слѣдовало:

— Пусть такой-то оставитъ уголъ и займетъ свое мѣсто!

Виновный садился и не было случая, что-бы наставнику приходилось въ тотъ же самый урокъ прибѣгать вновь къ той же мѣрѣ наказанія. Нерѣдко, впрочемъ, мы и пользовались добротой о. Л-ва.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ то время объясненіе урока учителемъ было неизвѣстнымъ, вѣрнѣе, не практиковавшимся пріемомъ; дѣло велось просто: учитель бралъ учебникъ, ученики раскрывали свои книги, на соотвѣтствующей страницѣ,

и начиналось „отмѣчаніе урока", т.-е. указаніе учителемъ, какія слова и строки можно пропускать, какія необходимо выучить.

Отмѣченное и составляло урокъ на слѣдующій разъ. „Отмѣчанія эти изъ года въ годъ были одни и тѣ же, по прошлогодней книжкѣ. Вотъ тутъ-то и начинались безконечныя разглагольствованія, благодаря снисходительности наставника, а время между тѣмъ шло.

— Отмѣтьте: „и сказалъ І. Хр...."

— Батюшка, въ прошломъ году это „и" пропускали! заявляетъ кто-нибудь изъ оставшихся въ классѣ на другой годъ, желая затянуть дѣло.

— Нѣтъ, этого не можетъ быть!—серіозно заявляетъ наставникъ.

— Ей Богу, батюшка, пропускали! чуть не умоляющимъ голосомъ заявляетъ второгодникъ.

— Нѣтъ, завѣряетъ вновь наставникъ.

— Вы вслушайтесь: „и сказалъ І. Х...." „Нѣтъ, безъ и нельзя"!

— Нѣтъ „и" выпустить не возможно! серіозно заявляетъ о. Л-въ и отмѣчаніе идетъ далѣе, до какого-нибудь слѣдующаго „и".

При воспоминаніи объ о. Л-вѣ, мнѣ всегда приходитъ на память случай, не имѣющій собственно никакой прямой связи съ нимъ. Это смерть одного изъ товарищей по классу. Я такъ живо помню всю обстановку, всѣ малѣйшія обстоятельства этого событія, что кажется, это было на-дняхъ. Рѣзкость впечатлѣнія зависитъ, можетъ быть, оттого, что это былъ первый случай смерти, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣтиться, болѣе или менѣе сознательно лицомъ къ лицу.

Былъ май мѣсяцъ. Погода стояла восхитительная, какая только бываетъ въ это время на югѣ. Въ классѣ невыносимо душно; воздухъ наполненъ дымомъ какой то смолы, которую курили при каждой перемѣнѣ урока, какъ говорили тогда, „для очищенія воздуха" или, вѣрнѣе, для того, чтобы сдѣлать его окончательно негоднымъ для дыханія. Идетъ урокъ французскаго языка. Кто-то изъ учениковъ, чуть не по складамъ, старается передать по-русски, съ французскаго текста, всю грусть, какую Калипсо испытывала по отъѣздѣ отъ нея Улисса; на сидящихъ въ классѣ также нападаетъ тоска, хотя совершенно по другой причинѣ: въ окно видно нѣсколько кустовъ акаціи, растущихъ за боромъ; воробьи унизали деревцо и подняли

ужасный шумъ, какъ бы стараясь перекричать одинъ другого заявленіемъ: „живъ, живъ, живъ!"

На окно прилетѣла откуда то бабочка и бьется о стекло своими разноцвѣтными крылышками. Какъ бы хотѣлось подойти осторожно къ кусту и ближе посмотрѣть, что такъ ажитируетъ воробьевъ и нельзя ли, пользуясь ихъ возбужденнымъ состояніемъ, поймать, хотя одного, изъ увлекающихся! Какъ хотѣлось бы схватить эту бьющуюся о стекло бабочку! И при томъ, это такъ легко... но это только желанія и вдобавокъ, совершенно неисполнимыя! Учитель и такъ уже ругательски ругаетъ, ломанымъ русскимъ языкомъ, недостаточно внимательныхъ учениковъ, придавая имъ эпитеты, въ родѣ: „ассіоль" и тому подобное. Но вотъ входитъ въ классъ „надзиратель" (гувернеръ) и объявляетъ, что урокъ конченъ. Учитель уходитъ; мы недоумѣваемъ. Слѣдуетъ распоряженіе: „взять книги и фуражки и идти!".

— Куда, Андрей Ивановичъ, куда? спрашиваемъ мы чуть не всѣ въ одинъ голосъ; но надзиратель, какъ подобаетъ начальству, продолжаетъ хранить молчаніе и приказываетъ слѣдовать за собой. Мы охотно исполняемъ это такъ какъ покидаемъ ненавистный классъ съ его ненавистнымъ казеннымъ запахомъ и идемъ, построившись предварительно рядами, по два, на улицу. По дорогѣ мы узнаемъ, что умеръ одинъ изъ нашихъ товарищей, и насъ ведутъ проводить его на кладбище. Мы приходимъ къ какому то небольшому домику, не далеко отъ окраины города; начальство наше входитъ въ этотъ домикъ, а мы остаемся на улицѣ, разсматривая, отъ нечего дѣлать, незнакомую мѣстность. По временамъ изъ домика долетаетъ до насъ протяжное церковное пѣніе; но вотъ отворились двери, и первое, что мы увидѣли—это знакомое намъ лицо о. Л-ва, въ черной ризѣ; потомъ, нѣсколько большихъ церковныхъ подсвѣчниковъ, за ними гробъ и въ немъ знакомое намъ лицо нашего товарища, котораго мы видѣли въ послѣдній разъ въ гимназіи нѣсколько дней тому назадъ. Онъ лежалъ въ гробу въ своемъ мундирчикѣ съ краснымъ воротникомъ, но выраженіе лица, его желто-восковой цвѣтъ, были уже не тѣ, что прежде. Это былъ уже не тотъ рѣзвый мальчикъ, котораго мы знали; это было какое то строгое, серьезное, равнодушное подобіе его. Мы, невольно, сразу, пріутихли всѣ и сняли фуражки; процессія медленно двинулась, и мы, молча, подъ вліяніемъ какого-то новаго, до сихъ поръ неизвѣстнаго чувства, пошли въ слѣдъ за ней. Постепенно и незамѣтно для насъ мы вышли,

наконецъ, за городскую черту, въ поле. Обстановка измѣнилась: пустынная улица смѣнилась полемъ; строгаго—серьезнаго лица покойника не видно, и впечатлѣніе, такъ нечаянно охватившее насъ, исчезло! Мы забыли, почему мы здѣсь, забыли, куда идемъ; мы чувствовали только, что вырвались на волю, что мы вдыхаемъ полной грудью чистый, живительный воздухъ! А кругомъ, на землѣ и въ воздухѣ кишитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; за склономъ горы вьется синей лентой рѣчка, убѣгая куда-то далеко, далеко! Да какъ же тутъ не изгладиться впечатлѣнію, какъ бы оно тяжело ни было!

Понемногу, незамѣтно отстали мы отъ процессіи, разбрелись въ разныя стороны и въ этотъ день позднѣе обыкновеннаго явились домой.

Огромное вліяніе на гимназическій строй разсматриваемаго времени имѣли попечители округовъ. Личный взглядъ начальствующаго лица, его отношеніе къ дѣлу давали то, или другое направленіе дѣйствіямъ лицъ, подчиненныхъ имъ. Поэтому, въ продолженіе семилѣтняго пребыванія моего въ гимназіи мнѣ пришлось испытать, такъ сказать, три режима, соотвѣтственно тремъ попечителямъ, бывшимъ въ этотъ промежутокъ времени Головкинскій, Долгоруковскій и Кокошкинскій.

Поступивши въ гимназію, я засталъ конецъ управленія округомъ попечителя Головкина. Онъ былъ въ это время уже дряхлый, больной, разслабленный старикъ, не выходившій изъ дома. Поэтому мы никогда не видѣли его, но, тѣмъ не менѣе, до насъ доходили нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ; мы знали, напр., что онъ очень добрый старикъ, что онъ любитъ дѣтей; что студентовъ называетъ не иначе, какъ „мои студенты". При этомъ мы не могли понять только одного: какимъ образомъ онъ, любя дѣтей, позволяетъ тиранить ихъ такъ немилосердно, какъ тиранили насъ?

А дѣло объяснялось, собственно говоря, очень просто: числясь попечителемъ, Головкинъ, по старости и дряхлости, предоставилъ дѣло собственному, такъ сказать, теченію и далъ этимъ возможность каждому педагогу дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, какъ Богъ на душу положитъ. Произволу способствовало далѣе то, что директоръ и инспекторъ, слѣдуя вѣянію свыше, также не утруждали себя заботами о ввѣренныхъ ихъ попеченію питомцахъ, предоставляя дѣлу идти такъ, какъ оно идетъ.

Доказательствомъ ревностнаго отношенія начальства гимназіи къ дѣлу можетъ служить, напр., то, что я увидѣлъ ди-

ректора въ первый разъ, только перешедши во 2 классъ и то благодаря перемѣнѣ режима: умеръ Головкинъ, и на мѣсто его былъ назначенъ князь Долгоруковъ (бывшій въ то время харьковскимъ генералъ-губернаторомъ). Съ перемѣной попечителя, гимназическіе порядки быстро и радикально измѣнились. Я не знаю, послѣдовали ли какія-нибудь распоряженія отъ новаго попечителя [1]), но мы легко и скоро замѣтили, что наше непосредственное начальство не можетъ равнодушно произносить имени новаго попечителя и страшно боится его, а скоро узнали и разгадку этого. Педагогическій совѣтъ гимназіи, заботясь о чистотѣ зданія, распорядился, чтобы учениковъ не допускать въ классы до звонка (т.-е. до 9 часовъ утра). Поэтому большая часть мальчиковъ, явившись въ гимназію, напр., за ½ часа до начала уроковъ, должна была оставаться прямо на улицѣ, часто подъ дождемъ и снѣгомъ. Однажды мы стоимъ такимъ образомъ у крыльца гимназіи, въ ожиданіи впуска, и видимъ ѣдетъ кн. Долгоруковъ. Поровнявшись съ нами, онъ остановился и спросилъ:

— „Почему вы нейдете въ классъ?“

Мы отвѣчали, что „насъ не пускаютъ“!

— Позвать мнѣ инспектора!—скомандовалъ генералъ, сидя въ коляскѣ.

Явился инспекторъ.

— Ты почему не пускаешь дѣтей въ классъ?—грозно спросилъ генералъ.

— Педагогическій совѣтъ постановилъ такимъ образомъ, смиренно отвѣчалъ инспекторъ.

— Да я тебя вмѣстѣ съ совѣтомъ выброшу въ окошко!

— Пустить!

Мы были впущены, но главное мы были свидѣтелями описанной сцены, показавшей намъ мощь попечителя, его энергическое заступничество за насъ и ничтожество въ его глазахъ инспектора и всего педагогическаго совѣта.

Мы убѣдились, что этотъ попечитель дѣйствительно любитъ дѣтей. Разсказамъ и комментаріямъ о событіи дня не было конца, и мы пришли къ заключенію, что если князь обратилъ серіозное вниманіе на такое, повидимому, незначительное обстоятельство, какъ держаніе дѣтей подъ дождемъ, то навѣрное онъ не позволитъ истязать насъ безъ всякаго повода, и рѣши-

---

[1]) Ходили слухи, что князь прислалъ бумагу, строго запрещающую бить учениковъ.

лись, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть подъ его сильную защиту, а пока пользоваться его именемъ. Дѣйствительность превзошла ожиданія: имя князя оказалось магическимъ! Разсвирѣпѣвшій безъ всякаго повода учитель укрощался при заявленіи ученика о томъ, что онъ пойдетъ съ жалобой къ князю. Самые строптивые наставники при этомъ имени моментально измѣнялись. Вотъ образчикъ: учитель только-что собрался поднять ученика за виски на воздухъ.

Ученикъ, видя грозящую опасность, смѣло заявляетъ:

— Вы не смѣете драться: я скажу князю!

Учитель опускаетъ руки и, топая ногами, кричитъ:

— Пошелъ, скотина, на мѣсто! Смѣешь ты грозить мнѣ!

Ученикъ благополучно садится на мѣсто. Истязаніе оставлено.

Для того, чтобы обрисовать отношеніе попечителя къ непосредственному нашему начальству, я передамъ слѣдующую сцену: пріѣзжаетъ въ гимназію Долгоруковъ; его встрѣчаетъ дежурный старшій надзиратель (онъ же учитель географіи), С. И. Кованько. Попечитель, посмотрѣвши на него какъ-то особенно презрительно-гадливо, обращается съ вопросомъ, указывая при этомъ пальцемъ на физіономію Кованько.

— Что это такое?

Тотъ, смекнувши, что онъ давно не бритъ и, желая оправдать такое упущеніе по службѣ, отвѣчаетъ:

— У меня рожа, Ваше Сіятельство!

— Да я это вижу!—рѣзко отвѣчаетъ генералъ; но почему она не брита?

При этомъ необходимо прибавить, что несчастный Кованько былъ, какъ говорится, обиженъ природой и красотой не отличался.

Другой случай не менѣе типиченъ: князь осматриваетъ помѣщеніе гимназіи; его сопровождаетъ кто то (кажется, инспекторъ). Въ одной изъ комнатъ была сложена старая мебель, такъ какъ другого помѣщенія, по причинѣ тѣсноты, не нашлось. Князь, видя, что двери заперты, спрашиваетъ сопровождавшаго его:

— Что это значитъ?

Непосредственное наше начальство, окончательно растерявшись и желая сказать: „помѣщеніе гимназіи очень тѣсно, *мѣста мало*, отвѣтилъ на вопросъ князя:

— Мѣло маста!

— Что? грозно переспрашиваетъ князь.

— Маста мѣло! поправляется начальство.

— Да ты совсѣмъ дуракъ, или только съ придурью? недоумѣваетъ Долгоруковъ.

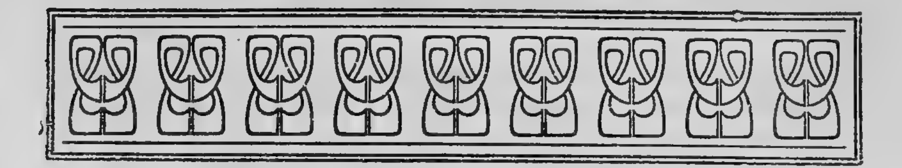
Такимъ образомъ, благодаря заступничеству за насъ попечителя, въ его управленіе округомъ, мы вздохнули свободнѣе, но, къ несчастію, не на долго: нашъ защитникъ-попечитель скоро умеръ, и дѣло пошло по-прежнему. Какъ только разнеслась вѣсть о смерти князя, съ начальства нашего какъ будто спалъ гнетъ.

— Ну теперь васъ вздернутъ! заявлялъ съ какимъ-то злорадствомъ каждый изъ наставниковъ, являясь въ классъ.

— Теперь не пойдешь жаловаться князю!

И эти зловѣщія предсказанія сбылись.

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**



Среди казаковъ.

(Правдивый разсказъ ирландца Ф. Мккулаха, пробывшаго съ казаками всю русско-японскую войну).

Перевелъ съ англійскаго Н. Мельницкій.

„Отчего ты такъ встревоженъ?“
Спрашиваетъ казакъ у Дона,
Отчего мутны волны твои,
О тихій Донъ, тихій славный Донъ,
Батюшка ты нашъ, кормилецъ,
Куда дѣлась твоя чистота.
И славный Донъ Ивановичъ отвѣчаетъ и говоритъ:
Нѣтъ ничего удивительнаго,
Что берега мои разорены, что русла мои загрязнены
Казаки моя крѣпость, защита моя!
Какъ я могу по-старому течь,
Когда казаки мои ушли прочь.

Часть I.

I.

Отъ Токіо до Артура.

Когда началась русско-японская война, я былъ въ составѣ редакціи „Новаго Края“ (издававшейся въ Портъ-Артурѣ газеты).

Чтобы пояснить, какъ я, британскій подданный, могъ находиться въ столь странномъ положеніи, я долженъ немного вернуться назадъ. Еще раньше, когда я былъ издателемъ французской газеты въ Сіамѣ, а затѣмъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ японской газеты въ Токіо, я подумалъ, что недурно

было бы дополнить мое дальне-восточное политическое образованіе въ русскихъ владѣніяхъ и сталъ брать уроки русскаго языка у отца Сергія Глѣбова (настоятеля русской миссіи въ Токіо). Въ августѣ 1903 г. я отказался отъ своего мѣста въ японскомъ Теймсѣ, чтобы ѣхать въ Портъ-Артуръ, гдѣ надо было ожидать крупныхъ событій ко времени, обусловленному Россіи для эвакуаціи Маньчжуріи, т.-е. къ 8 октября.

Признаюсь, что я съ стѣсненнымъ сердцемъ покидалъ Японію, но только потому, что я успѣлъ полюбить эту страну, но для меня этотъ переѣздъ былъ подобенъ прыжку въ темноту.

Я отправился на японскомъ пароходѣ „Tairen Maru", и Дальній былъ первый русскій портъ, къ которому мы пристали. Поднявшись рано утромъ и выйдя на палубу, я увидѣлъ, что мы приближаемся къ солидно построенной набережной, снабженной всѣми новѣйшими приспособленіями для погрузки и выгрузки товаровъ и примыкавшей къ ней желѣзнодорожной вѣткѣ, принимавшей грузы для дальнѣйшей отправки черезъ Сибирь въ Европу. Длина и обширность этой набережной и замѣчательная система скрѣпленій ея сооруженій поразили меня глубоко: такая работа очевидно созидалась не на годъ—на два, но на вѣчныя времена. Не было нужды въ такой постройкѣ, но въ этомъ было что-то римское, характеризующее колосса—строителя—Имперію, расточающаго свои неисчерпаемыя богатства. И, принимая во вниманіе ведущіеся съ Японіей переговоры, это спокойствіе производило особенно сильное впечатлѣніе. Кто могъ бы мнѣ предсказать тогда, что черезъ восемь мѣсяцевъ я буду японскимъ плѣнникомъ въ Дальнемъ!

Дальній съ виду вполнѣ европейскій городъ; какъ австралійцы сдерживаютъ у себя наплывъ желтой расы, такъ поступали и русскіе въ Дальнемъ; лишь въ нѣсколькихъ прилегающихъ улицахъ ютились жалкія китайскія лачужки. Будучи значительнымъ портомъ, Дальній имѣлъ одинъ недостатокъ: въ немъ не было жителей. Изрѣдка только появлялись небольшія кучки рабочихъ, а звуки ихъ шаговъ успѣвали затихнуть прежде, чѣмъ появлялись новые.

Протруситъ казакъ на маленькомъ китайскомъ пони, проѣдетъ извозчикъ съ сѣдокомъ офицеромъ, и вновь тишина.

Нѣкоторые дома еще не были оштукатурены, но въ нихъ уже жили; другіе снаружи были закончены, но не заняты, и внутри завалены известкой, кирпичемъ, гвоздями; часть построекъ была окружена лѣсами, а вокругъ лежали груды мусора и строительнаго матеріала.

День былъ праздничный; въ маленькой церкви, куда я взошелъ, столпилось много молящихся, большей частью солдатъ, напряженно стоявшихъ и часто крестившихся въ то время, какъ священникъ, съ окладистой черной бородой, изнемогая отъ жары въ пышныхъ одеждахъ, совершалъ литургію; на желѣзнодорожной станціи происходили обычныя занятія, но въ остальномъ городъ казался вымершимъ.

Въ общемъ, я нашелъ Дальній наименѣе привлекательнымъ изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мной мѣстъ. Эти высокіе обнаженные, желтаго цвѣта холмы, лишь изрѣдка покрытые тощей травой, мѣстами на половину разрытые, производили грустное впечатлѣніе.—Мы покинули Дальній на разсвѣтѣ, и я все время переѣзда въ Портъ-Артуръ оставался на палубѣ. На пути тянулись все тѣ же непривѣтливыя голыя скалы, и единственнымъ признакомъ жизни были, одиноко торчащіе, телеграфные столбы, да въ одномъ мѣстѣ у подножія утеса ютилась рыболовная китайская деревушка.

Задолго до Портъ-Артура увидали мы вдали какъ бы высокую башню, господствующую надъ окружавшими ее вершинами горъ; это былъ колоссальный столбъ дыма, выходившій изъ судовъ, собранныхъ адмираломъ Алексѣевымъ въ Портъ-Артурѣ. Обогнувъ огромный круглый Лаоташань, грозно поднимавшійся на 1.500 ф. надъ уровнемъ моря, мы около 7 часовъ утра бросили якорь вблизи гавани.

Передъ нами поднимался золотой холмъ съ своей вершиной, совершенно срѣзанной прочь, образуя комнату (площадку) для огромныхъ пушекъ, изъ которыхъ шесть-семь были видны даже простымъ глазомъ. По лѣвой сторонѣ вершины устроена была сигнализація, сзади виднѣлся низкій каменный домъ, а передъ нимъ цементная площадка, на которой 9 февраля слѣдующаго года я видѣлъ адмирала Алексѣева съ его штабомъ, наблюдающаго за морскимъ боемъ, разыгрывавшимся внизу. Даже самымъ неопытнымъ глазомъ можно было видѣть, что и другіе холмы по сосѣдству укрѣплялись.

Поднимаясь черезъ Тигровую гору, я видѣлъ мачты стоявшихъ во внутренной гавани русскихъ судовъ, а у подножія морского берега торпедныя лодки, и цѣлый раіонъ берега былъ покрытъ какъ будто стволами деревьевъ: это были короткія мачты новыхъ торпедныхъ лодокъ.— „Эти лодки“, сказалъ мнѣ одинъ проходившій мимо русскій,—„мы получаемъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ въ разобранномъ видѣ, и японцы

могутъ считать, что ежемѣсячно у насъ прибавляется двѣ лодки".—Недалеко отъ насъ на рейдѣ стоялъ блестящій «Рюрикъ».

Первое впечатлѣніе Портъ-Артура не было особенно благопріятное. Весь берегъ заваленъ былъ грудами каменнаго угля, а въ промежуткахъ сложены были водочныя бочки. День былъ жаркій; воздухъ, казалось, былъ пропитанъ пылью, и отраженіе солнечныхъ лучей отъ зданій и обнаженныхъ каменистыхъ холмовъ дѣлало прогулку весьма непріятной. На улицахъ толпились солдаты и матросы, многіе изъ нихъ со столькими медалями на груди, что онѣ вѣроятно утопили бы ихъ, если бы тѣ случайно попали въ воду. Извозчики съ трудомъ продвигались въ этой толпѣ, поминутно рискуя кого-либо задавить. Меня поразило это оживленіе, хотя я и былъ подготовленъ къ такимъ сценамъ въ прочитанныхъ мной произведеніяхъ Гоголя. Освободивъ свой багажъ отъ набросившихся носильщиковъ, я попытался найти комнату въ одномъ изъ отелей, или въ „номерахъ", какъ они называются, но это была не легкая задача. Номера эти помѣщались въ многочисленныхъ китайскихъ домахъ, выбѣленныхъ, съ небольшими стеклянными окнами, разбитыхъ на очень маленькія, грязныя и невзрачныя комнаты, раздѣленныя между собой лишь тонкой перегородкой; окна въ нихъ никогда не отпирались, и, за отсутствіемъ доступа свѣжаго воздуха, воздухъ въ нихъ такъ пропитался пылью, такъ что не было никакой возможности привести въ порядокъ комнату. Измученный я ходилъ отъ одного отеля къ другому, часто слыша такой грубый отвѣтъ, что поражался, и къ сожалѣнію не могъ это оправдать непониманіемъ моего языка, такъ какъ со мной былъ переводчикъ—русскій. Наконецъ, въ номерахъ „Ефимовыхъ" по имени ихъ владѣльца, я нашелъ маленькую грязную комнату, безъ всякой вентиляціи, цѣной 3 р. 50 к. въ сутки безъ освѣщенія, воды и бѣлья, т.-е. за этотъ несчастный номеръ мнѣ пришлось платить, какъ въ помѣщеніи въ одномъ изъ лучшихъ отелей въ Англіи.

Комната была такъ мала, что кровать съ трудомъ помѣщалась, а дверь снабжена была засовомъ и замкомъ, что дополняло сходство съ конюшней; почти всѣ остальныя комнаты были заняты молодыми еврейками, которыя были прекрасны, но, повидимому, были безъ опредѣленныхъ занятій. Ихъ частые крики: „бойка", „бойка" намекали на присутствіе прислуги для посылокъ китайскаго бойки, но, за все время пребыванія въ номерахъ, я услугами его не пользовался; я самъ долженъ былъ идти въ лавку, если бы мнѣ что-нибудь требовалось, и

такъ какъ самоваръ утромъ подавался не раньше 10—11 ч., то и мнѣ пришлось привыкнуть вставать поздно. Всѣ Портъ-Артурскіе отели, кромѣ одного, содержались армянами, и во всѣхъ ютились юныя дамы того же типа, какъ у „Ефимовыхъ“.

Читатель уже знаетъ, что былъ старый и новый Портъ-Артуръ. Старый Портъ-Артуръ—китайская деревня, существовавшая еще въ тѣ времена. Когда крѣпость была занята гарнизономъ войскъ Небесной Имперіи, всѣ китайскіе дома остались, но они были приспособлены для лавокъ и жилья европейцевъ. Новый городъ расположенъ былъ вдоль бухты къ западу; между обоими городами было около мили, но дорога, вслѣдствіе постоянной грязи, была отчаянная, особенно плохо было передвигаться ночью, потому что городъ вовсе не освѣщался, узкіе деревянные тротуары, тянувшіеся вдоль улицы, были въ плохомъ состояніи: доски не пригнаны и слабо прикрѣплены, во многихъ мѣстахъ торчали предательскіе гвозди. Въ магазинахъ были преимущественно предметы первой необходимости, но люди поразсчетливѣе пріобрѣтали все въ китайскихъ лавкахъ, а русская интеллигенція усердно посѣщала крупные магазины, какъ Кунстъ, Альберсъ, Блокъ и др., гдѣ замѣтно было предпочтеніе офицеровъ статскимъ. Торговля шла всегда оживленно. Единственный въ городѣ банкъ Русско-Китайскій былъ всегда переполненъ, такъ какъ по размѣрамъ помѣщенія не соотвѣтствовалъ требованію. Кто бы ни былъ посѣтитель, ему приходилось дожидаться очереди не менѣе трехъ-четырехъ часовъ. Новый городъ занималъ прекрасное мѣсто, командуя надъ гаванью и будучи защищенъ высокими холмами отъ проникновенія холоднаго вѣтра, почти непрерывно тамъ дувшаго всю зиму; китайцамъ не дозволялось въ немъ селиться, и всѣ постройки были въ европейскомъ стилѣ, но часто невыдержанномъ, такъ что съ архитектурной точки зрѣнія городъ не былъ красивъ.

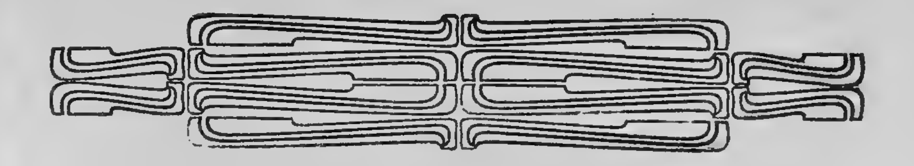
Домъ намѣстника построенъ былъ изъ массивной глыбы,—высотой въ два этажа; вблизи него находился офицерскій клубъ, постройка котораго обошлась около 20 фунтовъ стерл. Морскія казармы были закончены къ самому началу войны, и были лучшія зданія въ этомъ родѣ на всемъ Востокѣ, исключая, быть можетъ, нѣкоторыхъ казармъ въ Индіи. Высотой въ три этажа, длиной около 300 футовъ, онѣ вмѣщали по тысячѣ человѣкъ; напротивъ нихъ, на Тигровомъ полуостровѣ были построены такія же казармы, но въ нихъ приготовлялась пища для людей, и зимой цѣлая площадь передъ ними согрѣвалась

паромъ. Въ новомъ городѣ, какъ и въ Дальнемъ, много домовъ было наполовину лишь застроено. (Въ іюлѣ 1904 старый городъ былъ покинутъ и срытъ до основанія).

Наиболѣе замѣчательная общественная работа, производимая въ то время, какъ началась война, былъ каѳедральный соборъ. Вершина холма между новымъ и старымъ городомъ, дающая обзоръ на всю гавань, была срыта, чтобы образовать пространство для массивнаго фундамента, который выглядывалъ издали подобно пню огромнаго феодальнаго дуба. Эта неоконченная работа первая бросилась мнѣ въ глаза, когда утромъ я шелъ въ контору „Новаго Края". Какъ я теперь вспоминаю, это мѣсто покрыто было тамъ и сямъ маленькими фигурами китайскихъ рабочихъ землекоповъ и каменщиковъ. Если бы этотъ соборъ былъ бы законченъ, онъ былъ бы также высокъ, какъ св. Павла и судя по рисункамъ былъ замѣчательной архитектурной красоты, такъ что на всемъ востокѣ не было бы ничего подобнаго, развѣ только русскій соборъ въ Токіо. И русскіе говорили, что электрическій свѣтъ, который долженъ былъ освѣщать вершину, могъ бы быть виденъ далеко съ моря.

Н. Мельницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1-го октября. Наборъ нынѣшняго года проходитъ при необычайныхъ условіяхъ. Про этотъ наборъ одно лицо пишетъ изъ деревни: „много лѣтъ *я* присутствую при церемоніи призыва на службу; того же, что вижу теперь, еще никогда не бывало: не только нѣтъ ухищреній и отвертокъ, но нѣкоторые забракованные молодые люди усиленно домогаются о принятіи ихъ на службу для участія на войнѣ.

„Парни явились на призывъ франтовато одѣтые, какъ никогда до этой поры".

Что же касается до призыва ратниковъ, то за послѣднее время намъ приходилось встрѣчать многочисленныя партіи ратниковъ, слѣдующихъ по разнымъ улицамъ Петрограда съ веселыми пѣснями.

Ученіе ратному строю на Петроградскихъ площадяхъ и плацахъ идетъ весело, съ большимъ оживленіемъ, и всѣ учащіеся съ восторгомъ подхватываютъ громовое „ура!".

Повсюду дѣти играютъ въ войну, при чемъ никто не желаетъ быть нѣмцемъ.

Таковы въ настоящее время въ Россіи новобранцы и ратники. Является вопросъ, каковы же запасные „дяди", какъ ихъ называли въ Японскую войну. Приводимъ здѣсь очень характерный поступокъ запаснаго. Въ штабъ недавно прославившійся геройской обороной крѣпости Осовецъ явился рядовой, артиллеристъ Роговой, и заявилъ, что онъ бѣжалъ въ Осовецъ изъ Севастопольской крѣпости.

На дознаніи онъ показалъ слѣдующее:

До увольненія въ запасъ онъ служилъ въ Осовецкой крѣпостной артиллеріи, а теперь, по призыву, его назначили въ

Севастопольскую крѣпостную артиллерію. Здѣсь Роговой прочелъ, что онъ (непріятель) бомбардируетъ его любимую крѣпость Осовецъ, которой онъ присягалъ во время службы, и обязанъ по присягѣ защищать ее до послѣдней капли крови. На основаніи послѣдняго, онъ просилъ начальство отпустить его изъ Севастополя въ Осовецъ, на что начальство не изъявило согласія.

Это такъ огорчило Рогового, что онъ заболѣлъ и слегъ въ госпиталь. По выздоровленіи онъ рѣшилъ бѣжать и съ увольнительной запиской изъ госпиталя прямо направился на вокзалъ, на четвертый день пріѣхалъ въ штабъ Осовецкой крѣпости, и явился, показавъ увольнительную изъ госпиталя записку, какъ документъ того, что онъ никуда не заѣзжалъ, а прямо отправился въ Осовецъ, чтобы согласно принесенной присягѣ защищать отъ „него" свою любимую крѣпость.

Каковъ примѣръ непосредственнаго пониманія своего служебнаго долга! Конечно нельзя было судить его поступокъ, какъ бѣглаго, и его представили на благовоззрѣніе Верховнаго Главнокомандующаго о помилованіи.

Въ Японскую войну очень жаловались на формированіе частей съ запасными въ значительномъ количествѣ. Невольно и теперь возникаетъ вопросъ, каково нравственное состояніе частей, въ которыя взято много запасныхъ.

На этотъ вопросъ превосходный отвѣтъ даютъ дѣйствія 78 пѣхотной дивизіи, которая находилась въ указанномъ выше составѣ въ сраженіи подъ Равой Русской,—гдѣ австрійцы занимали почти неприступныя позиціи.

На эти позиціи нѣкоторыя части старыхъ формированій свершали атаки и не совсѣмъ успѣшно.

Разсказываютъ, что какой-то начальникъ, объѣхавъ ряды дивизіи и подбодряя солдатъ, громко крикнулъ: „неужели и 78-я не возьметъ", какъ одинъ человѣкъ встала 78 пѣхотная дивизія, и громовое «ура!» покрыло ужасающій ревъ стрѣльбы. Ни страшный огонь противника, ни ужасающія потери, ни неприступныя позиціи непріятеля, ничто не могло остановить 78 пѣхотную дивизію, и она молодецкимъ налетомъ овладѣла грозной позиціей непріятеля.

Подъ 18 сентября въ замѣткахъ прошлаго мѣсяца забылъ передать грандіозныя манифестаціи, которыми былъ удостоенъ

на концертѣ Долиной въ этотъ день министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова.

Слышалъ разсказъ одного изъ начальниковъ нашихъ сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ о слѣдованіи плѣнныхъ по Сибири.

Австрійскіе плѣнные, по большей части, веселые, а германскіе молчаливые—послѣдніе постоянно сидятъ нахохлившись.

Германцы и австрійцы не хотятъ ѣхать вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ и просятъ ихъ разсадить порознь. Если приходится имъ сидѣть вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ, то между ними постоянно бываютъ отчаянныя побоища.

На одну изъ желѣзнодорожныхъ станцій, въ которой сидѣли австрійскіе плѣнные офицеры, взошелъ начальникъ дороги со своими подчиненными; австрійцы мгновенно встали и отдали честь, а затѣмъ обернулись въ сторону русскихъ офицеровъ и тоже отдали честь, а затѣмъ уже сѣли.

2—16 октября. Наши враги, германцы, сосредоточивши значительныя силы, перевезенныя частью съ французской границы, а частью, усиленныя новыми формированіями, которыя они фабрикуютъ, отчасти выдѣляя кадры изъ дѣйствующихъ войскъ, а также изъ 450 запасныхъ баталіоновъ, 116 запасныхъ эскадроновъ и 300 запасныхъ батарей, и пополняютъ ихъ до штатнаго состава людьми ландвера и ландштурма.

Съ этими войсками съ добавкомъ отъ австрійской арміи они начали, въ началѣ октября, наступленіе на Варшаву. Вильгельмъ поставилъ цѣлью своимъ войскамъ взять Варшаву. Въ этомъ смыслѣ были составлены горячительные приказы кайзера, найденные при германскихъ плѣнныхъ и убитыхъ.

Германцами уже былъ заготовленъ новый круль польскій саксонскій король Фридрихъ III Августъ. Онъ тоже слѣдовалъ при германскихъ войскахъ, со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, дабы занять въ Варшавѣ престолъ своихъ предковъ. Съ нимъ вмѣстѣ въ Варшаву направился германскій кронпринцъ, командовавшій одной изъ германскихъ армій.

Фотографическій аппаратъ воспроизвелъ одно изъ положеній слѣдованія къ Варшавѣ новаго польскаго короля вмѣстѣ съ германскимъ кронпринцемъ. Впереди идетъ кронпринцъ, а за нимъ саксонскій король. Фотографія не польстила высокопоставленнымъ лицамъ Германіи. Германскій кронпринцъ одно изъ неудачныхъ произведеній Императора Вильгельма II. Онъ не отличается высокими умственными качествами—изумительно упрямъ, и считается въ Германіи главой воинствую-

щей партіи, толкнувшей Германію на войну съ Россіей. Онъ помѣшанъ на Наполеонѣ; весь кабинетъ его заставленъ портретами и статуэтками великаго корсиканца, а самъ кронпринцъ считаетъ себя современнымъ Наполеономъ.

Саксонскій король отличается большой физической силой и популярностью въ своей странѣ. Про него разсказывали, что однажды во время прогулки, когда онъ былъ въ статской формѣ, при немъ опрокинулся возъ съ мясными тушами. Король помогъ поднять возъ и за это получилъ одобрительный отзывъ отъ незнавшаго короля мясника такого содержанія: „Видно, братъ, что ты изъ нашего цеха".

Въ это же самое, октябрьское, время, самъ кайзеръ не преминулъ произвести одному изъ полковъ церемоніальный маршъ, и фотографическій снимокъ изобразилъ кайзера въ фигурѣ командора въ походной накидкѣ, и боевыхъ солдатъ, усиленно отбивающихъ ногами тактъ церемоніальнаго марша.

Верховное руководство германскими операціями ушло изъ рукъ ген. фонъ-Мольтке и перешло въ руки ген. Фалькенгауна, четыре года тому назадъ командовавшаго 4-мъ германскимъ гвардейскимъ полкомъ. Мольтке былъ крайне неугоденъ германскому кронпринцу, такъ какъ онъ неизмѣнно говорилъ о военныхъ способностяхъ баварскаго кронпринца Рупрехта, являвшагося боевымъ соперникомъ германскаго кронпринца. Изъ самыхъ старыхъ германскихъ генераловъ еще усидѣлъ на своемъ посту управителя Бельгіи только одинъ фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ.

Стали выдвигаться сравнительно молодые генералы и во главѣ ихъ генералъ полковникъ Гинденбургъ, стяжавшій германскую славу за дѣйствія противъ войскъ ген. Самсонова. Онъ тогда командовалъ войсками въ восточной Пруссіи и представилъ въ Берлинъ очень скромную реляцію объ этомъ дѣлѣ, которую въ Берлинѣ очень скоро перекроили въ необычайный тріумфъ. Несмотря на свои пораженія на Нѣманѣ и Сувалкскихъ лѣсахъ, слава Гинденбурга не уменьшилась, и онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, наступающихъ къ Варшавѣ.

Планъ его наступленія на Варшаву повидимому заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дѣйствовать на непріятельской территоріи, возможно долѣе удерживать русскихъ отъ страшно кошмарнаго для германцевъ, наступленія изъ германской территоріи на столицу Германіи.

Всѣ изощренія германской техники должны быть тутъ примѣнены: и тяжелая артиллерія, и цеппелины, и аэропланы, и бомбометанія съ неба надъ нашими войсками и столицей Польши.

Германцы были вполнѣ увѣрены въ томъ, что они возьмутъ Варшаву: нѣкоторые изъ германскихъ офицеровъ оставляли свои вещи, въ занятыхъ ими пунктахъ, съ указаніемъ, въ какую Варшавскую гостиницу ихъ надлежитъ доставить.

Громадные запасы теплой одежды въ Лодзи остались не разграбленными только потому, что лодзинскія издѣлія полушерстяныя, а нѣмцы разсчитывали одѣться во все шерстяное въ самой Варшавѣ.

Съ начала октября стали развиваться упорные бои на галиційскомъ фронтѣ къ югу отъ Перемышля, а соединенная австро-германская армія начала стремительное наступленіе на фронтѣ Калишъ, Ченстоховъ, Олькушъ и подошла къ средней Вислѣ, въ раіонѣ Козенецъ-Варшава, придвинула свою тяжелую артиллерію и усиленно укрѣпила свои позиціи.

Въ это время русской арміи, только-что прикончившей съ австрійцами, пришлось свершить перегруппировку нашихъ силъ на правомъ берегу Вислы для противодѣйствія наступленію германцевъ. Для этого русскимъ войскамъ приходилось свершать большіе переходы по страшно грязнымъ дорогамъ [1]). Затѣмъ наши перешли Вислу у Козенецъ и стали постепенно расширять плацдармъ на лѣвомъ берегу рѣки. Непріятель оказывалъ отчаянное сопротивленіе на своей усиленно укрѣпленной позиціи, передъ Варшавскимъ раіономъ и въ особенности въ раіонѣ Блоне-Пасечно. Германцы переходили въ энергичныя контръатаки. Послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой германцы въ ночь на 7 октября начали очищать свои позиціи, укрѣпленныя чрезвычайно тщательно, прикрываясь сильными арьергардами, которые наши войска стали энергично преслѣдовать.

Одинъ изъ нашихъ самыхъ талантливѣйшихъ корреспондентовъ В. И. Немировичъ-Данченко вскорѣ послѣ боя видѣлъ укрѣпленія, за которыми находились нѣмцы. На лѣвомъ берегу Вислы онъ былъ пораженъ несмѣтнымъ количествомъ нѣмецкихъ укрѣпленій, ихъ силой, необычайнымъ количествомъ загражденій передъ ихъ позиціями. По его словамъ [2]), „весь этотъ

[1]) Войскамъ нашимъ приходилось дѣлать громадные переходы, подъ сильнымъ дождемъ и по глубокой липкой грязи, доходившей до голенища, а иногда и до кармана шароваръ, а лошадямъ до самаго брюха.

[2]) „Рус. Сл.“ № 240 с. г.

семидневный бой состоялъ изъ безпрерывныхъ ночныхъ и дневныхъ штыковыхъ ударовъ:

„Они почти не прекращались. Здѣсь нашихъ солдатъ нельзя было удержать. Нѣмцы говорятъ: „Мы не могли представить себѣ такое боевое одушевленіе". Гасли инстинкты жизни, горѣла въ душахъ славныхъ бойцовъ только неутомимая жажда побѣды. Никто не жалѣлъ себя. Шли въ атаку перебѣжками отъ окопа къ окопу, а по открытымъ мѣстамъ уже не прятались, стараясь только объ одномъ,—какъ бы скорѣе нащупать штыками врага. Казалось, этимъ истиннымъ богатырямъ нѣтъ ни устали, ни голода. Охотнѣе шли въ ночномъ туманѣ. Въ эту войну мы часто атакуемъ именно такъ. Нѣмцы, чтобы видѣть приближающіеся наши ряды, жгли окрестныя села. Ихъ багровое зарево ложилось на лица нашихъ солдатъ; точно на роковую встрѣчу шли сказочные, кованые изъ красной мѣди витязи. Ихъ не остановили особыя проволочныя, низкія у самой земли, загражденія, которыхъ нельзя было ни видѣть, ни предвидѣть. Въ отблескахъ пожарища, въ мглистой дымкѣ дня атаки повторялись за атаками. Отбивались однѣ, — повторялись другія. Казалось, останься одинъ человѣкъ, — онъ также повторилъ бы это на вѣрную смерть. Солдаты сами соображали, гдѣ сила удара отъ потерь гаснетъ. Они бросались туда, подпирая слабѣющихъ товарищей. Въ первую же половину его наши отняли двѣнадцать орудій, наиболѣе опасныхъ для насъ. Надо отдать справедливость нѣмцамъ,—дрались они какъ львы, но не могли устоять противъ неодолимаго натиска этихъ сѣрыхъ цѣпей. Непріятель, какъ, спѣлая нива, падалъ подъ штыками. Наконецъ, прикрывъ свое отступленіе злополучными австрійцами, германцы отошли ночью въ порядкѣ.

Надо было видѣть окопы непріятеля и площадки ихъ редутовъ. Все это завалено трупами во всѣхъ направленіяхъ. Одни точно застыли, уползая отсюда, другіе еще держались у земляныхъ стѣнъ, третьи падали рядомъ и поперекъ нашихъ солдатъ. Были точно обнявшіеся, и съ незрячихъ уже лицъ еще не сбѣгали послѣднія гримасы мучительной смерти".

Во время нашего наступленія захвачено значительное число плѣнныхъ и орудій. Близъ Ловича былъ взятъ нашимъ разъѣздомъ въ плѣнъ церемоніймейстеръ саксонскаго короля Гаукъ, который ѣхалъ по шоссе въ автомобилѣ, не предполагая встрѣтиться съ русскими. Нашъ разъѣздъ окружилъ автомобиль, въ которомъ, въ обморочномъ состояніи, съ поднятыми руками, лежалъ церемоніймейстеръ.

Онъ былъ долженъ вступать вмѣстѣ съ саксонскимъ королемъ въ Варшаву.

Во время боевъ подъ Варшавой былъ убитъ одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ или одинъ изъ высшихъ генераловъ [1]). Изъ ставки подъ Гленевымъ, подъ сильнымъ кавалерійскимъ конвоемъ былъ вывезенъ въ автомобилѣ трупъ, тщательно завернутый въ полотно.

На дворѣ и въ саду ставки стояли автомобили съ короной.

„На такомъ автомобилѣ нѣсколько разъ проѣзжалъ молодой человѣкъ, котораго всегда окружали генералы. За два дня до отступленія нѣмецкой арміи отъ Варшавы мимо Скерневицъ снова проѣхалъ автомобиль съ короной, и въ немъ везли трупъ, завернутый въ бѣломъ. На подножкахъ стояли офицеры, поддерживавшіе носилки. Въ Скерневицахъ былъ купленъ лучшій гробъ, въ него переложили таинственный трупъ и отправили по желѣзной дорогѣ въ Германію. Вагонъ былъ убранъ елками, зеленью и германскими флагами“.

Германцы въ бояхъ подъ Варшавой понесли страшныя потери. Для того, чтобы скрыть эти потери, ночью, на обывательскихъ подводахъ, трупы убитыхъ увозили за нѣсколько верстъ и ночью погребали ихъ въ пустыряхъ, лѣсахъ и кустахъ. Трупы раздѣвали донага. Яму закапывали, по ней проходили солдаты, исполнявшіе эту работу, и никакихъ признаковъ могилъ не оставляли. Послѣ 10 и 11 октября на путяхъ къ Радому, а также въ лѣсахъ между Радомомъ и Козенецы нѣмцы стали оказывать упорное сопротивленіе нашимъ войскамъ.

Въ Галиціи австрійцы повели бои съ меньшей энергіей.

Въ Восточной Пруссіи германцы переходили въ наступленіе, къ Бакаларжево, но неудачно.

15-го октября было окончательно сломлено сопротивленіе нѣмцевъ въ Завислянскомъ фронтѣ, и всѣ германскіе и австрійскіе корпуса начали отступленіе.

17 октября. Вчерашняго числа суда турецкой эскадры „Гебенъ“, „Бреслау“, „Гамидіе“ и флотилія миноносцевъ, безъ объявленія войны, произвели разбойническое, ночное нападеніе на Одессу, Ѳеодосію и Новороссійскъ.

Разсказываютъ, что чины турецкой эскадры только при входѣ въ самое Черное море распечатали конверты и прочли задачу, имъ поставленную, даже члены турецкаго правительства были о томъ неосвѣдомлены.

---

[1]) „Веч. Вр.“ 17 окт.

Продажная, младотурецкая партія, съ Энверомъ-пашей во главѣ, получивъ хорошій германскій бакшишъ, повела свою родину къ гибели.

Наконецъ таки сложилась благопріятная для Россіи развязка жизненнаго вопроса о проливахъ. И русская армія, и русскій флотъ, и русская дипломатія съумѣютъ прибить русскій щитъ къ вратамъ Царьграда, водрузить крестъ на Святой Софіи, положить ключи отъ Босфора и Дарданеллъ въ русскій карманъ, а также получить достаточную полосу земли для обезпеченія проливовъ по обоимъ ихъ берегамъ.

Подъ восьмымъ октября позабылъ записать одно изъ выдающихся событій русской жизни. Это—манифестація русскаго студенчества въ Петроградѣ и по всей Россіи по поводу призыва значительной части студенчества въ ряды дѣйствующей арміи и отмѣны отсрочекъ по образованію.

Въ этотъ день утромъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петрограда оживленно обсуждался вопросъ о только-что вышедшемъ, но уже давно ожидаемомъ, законоположеніи.

Въ эту тяжелую годину испытаній наша студенческая молодежь наглядно показала, какъ она достойна великой Россіи и что надо ожидать отъ нея въ будущемъ нашей родинѣ.

Вся эта молодежь объединилась въ одномъ героическомъ общемъ чувствѣ пожертвовать самое лучшее благо, какое имѣетъ человѣкъ, жизнь, за дорогую всѣмъ родину.

Изъ зданія Петроградскаго университета, другихъ учебныхъ заведеній, а также изъ Лѣсного института шла многочисленная толпа студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ портретами Государя Императора, Государыни и Наслѣдника, съ національными и союзническими флагами, съ пѣніемъ гимна, „Спаси, Господи“, съ криками „ура“ по Невскому, Невскимъ набережнымъ и улицамъ, гдѣ помѣщались союзническія посольства. Публика горячо привѣтствовала студентовъ, и изъ оконъ многихъ домовъ на нихъ бросали цвѣты. Проѣзжающихъ военныхъ манифестанты встрѣчали единодушнымъ „ура“. У Аничкова Дворца, зданія военнаго министерства и Зимняго дворца торжественно и внушительно пѣли „Боже, царя храни“. У Зимняго Дворца всѣ студенты какъ одинъ человѣкъ, съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди твоя“ пали на колѣни, затѣмъ раздался нашъ могучій, мелодическій, народный гимнъ, громогласно повторенный. Окна Главнаго штаба раскрылись и оттуда понеслось на площадь громкое „ура“. Затѣмъ толпа пошла къ союзнымъ посольствамъ, англійскому, японскому, французскому,

Наши враги:
Генералъ Гинденбургъ, германскій главнокомандующій противъ Россіи.

Наши враги:

Прежній начальникъ германскаго генеральнаго штаба — генералъ фонъ-Мольтке.

Настоящій начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ Фалькенгаунъ.

Наши враги:
Германскій императоръ принимающій въ своей главной квартирѣ парадъ саксонскаго ландвернаго полка.

Наши враги:
Саксонскій король и германскій кронпринцъ, съ главной квартирой, во время октябрьскаго наступленія къ Варшавѣ.

бельгійскому и сербскому; пословъ и чиновъ посольства студенты привѣтствовали громкими криками и „ура!“.

Особенно сердечными оказались оваціи у французскаго посольства, гдѣ самъ посолъ г. Палеологъ цѣловалъ студентовъ и оказался на ихъ рукахъ, а также у сербскаго посольства, гдѣ г. Спалайковичъ, сербскій посолъ, подошелъ къ портрету Государя Императора и поцѣловалъ его.

Это шествіе студентовъ по улицамъ Петрограда, въ составѣ нѣсколькихъ тысячъ, продолжалось отъ двухъ часовъ дня до 8 вечера.

То же было и въ другихъ городахъ Россіи, гдѣ находились высшія учебныя заведенія.

Необычайныя событія выдвигаютъ необычайныхъ людей. Такъ и теперь, въ настоящую, великую войну, отчетливо выдѣлилась дѣятельность двухъ крупныхъ русскихъ людей, хотя и не принадлежащихъ непосредственно къ самому составу нашей доблестной арміи, но по характеру ихъ работы съ нею связанныхъ. Эти лица уже достаточно извѣстны Россіи, по ихъ прежней, общественной дѣятельности, но теперь, благодаря ихъ необычайному уму, изумительной энергіей и дивной иниціативѣ во всемъ—оба они стали высоко и высоко надъ другими.

Первый кн. Г. Е. Львовъ, главный руководитель Всероссійскаго, земскаго союза. Этотъ человѣкъ необычайной энергіи и дивной иниціативы уже былъ во главѣ общеземской организаціи при всероссійскомъ голодѣ и въ русско-японскую войну. И теперь въ настоящую войну онъ, пользуясь особымъ довѣріемъ общества и правительства, взялъ въ свои могучія руки заготовку по оборудованію земскихъ лазаретовъ по всей Россіи, организацію земскихъ поѣздовъ для вывоза раненыхъ, организовалъ земскіе летучіе питательные пункты, заготовилъ теплую одежду для раненыхъ и общеземскихъ поѣздовъ. Земства послали въ его распоряженіе значительныя средства, правительство дало громадныя ассигнованія.

Заготовки всего производились въ Москвѣ, всѣ рѣшенія проходили мгновенно, безъ канцелярской волокиты.

Москва сдѣлалась центромъ колоссальной земской заготовки, сюда отовсюду закупалось необходимое для лазаретовъ бѣлье, медикаменты и запасы.

Здѣсь помѣщались громадныя мастерскія, на которыхъ работали тысячи рабочихъ, здѣсь въ манежахъ устраивались громадные склады.

Изъ Москвы князь Львовъ направилъ всѣ эти заготовки по всей Россіи и по всей русской арміи.

И каждый изъ этихъ посланныхъ предметовъ былъ прекрасно изготовленъ изъ прекраснаго матеріала. Особая комиссія, съ профессоромъ Федоровымъ во главѣ, тщательно осматривали и провѣряли каждый предметъ. Громадное вліяніе имѣлъ кн. Львовъ на другія провинціальныя земскія организаціи, вдохнувъ въ нихъ свой могучій духъ и инціативу въ мѣстной ихъ работѣ.

Про другого дѣятеля упомянемъ впослѣдствіи.

Весь составъ нашей дѣйствующей арміи проникнутъ самымъ высокимъ религіознымъ настроеніемъ. Передъ боемъ поютъ молитвы всѣ вмѣстѣ, молятся на колѣнахъ, а въ самый бой идутъ впередъ съ просвѣтленными лицами, съ однимъ желаніемъ побѣдить или умереть.

Въ такомъ высокомъ христіанскомъ состояніи духа и сама смерть является сравнительно легкой, чѣмъ въ мирное время.

Въ одномъ изъ писемъ одного офицера изъ дѣйствующей арміи приводится трогательное описаніе смерти простого русскаго солдата.

„Въ послѣднихъ бояхъ я видѣлъ примѣръ настоящей глубокой христіанской смерти русскаго солдата. Я ѣхалъ на развѣдку, когда увидѣлъ лежащаго на спинѣ, раненаго солдатика, по всѣмъ признакамъ совершенно безнадежнаго. Замѣтивъ меня онъ сдѣлалъ почти неимовѣрное усиліе и поманилъ меня Хотя я очень торопился, но слѣзъ съ лошади, передалъ ее вѣстовому и, подойдя къ раненому, наклонился надъ нимъ. Онъ тихо прошепталъ однѣми губами: „Ваше благородіе, крестикъ снимите съ меня, достать не могу". Съ трудомъ снялъ я съ его шеи крестъ съ цѣпочкой и передалъ ему въ руки. Грудь у него была вся вдавлена, очевидно, осколкомъ гранаты, и бинты совершенно промокли отъ крови. Увидѣвъ свой крестъ, онъ весь затрепеталъ и, взявъ въ лѣвую руку цѣпочку, а въ правую крестъ, довольно внятно началъ читать „Отче нашъ". Но послѣ первыхъ же словъ голосъ его сталъ ослабѣвать и, дочитавъ молитву до серецины, онъ затихъ. Я взялъ его за руку, но пульсъ уже не бился. Между тѣмъ, руки его все еще продолжали сжимать крестъ, а глаза такъ и остались устремленными на Распятіе. Такъ отошелъ онъ въ вѣчность, смотря

на крестъ распятаго Христа. Я перекрестился и не могъ безъ слезъ отойти отъ этого сѣраго, безвѣстнаго героя земли Русской.“

18—20 октября. Германцы на восточно-прусскомъ фронтѣ производили отчаянныя атаки на Бакаларжево и Владиславлево, которыя были отбиты съ большими для нихъ потерями. Затѣмъ нѣмцы стали отходить къ своимъ границамъ.

Австрійцы повсюду отступаютъ, а на Кавказѣ наши войска вторгаются въ предѣлы Турціи.

21—23 октября. 20-го Государь Императоръ прибылъ въ Дѣйствующую Армію, на слѣдующей день былъ взятъ у австрійцевъ Сандоміръ, а 23-го было въ ставкѣ Главнокомандующаго молебствіе въ Высочайшемъ присутствіи по случаю одержанныхъ русской арміей побѣдъ.

25-го октября. Взята нами Млава. Германцы за Вислой находятся въ полномъ отступленіи. Австрійцы также повсюду поспѣшно отходятъ назадъ.

Въ одной корреспонденціи [1]) приведенъ интересный разсказъ одного рядового, взявшаго въ плѣнъ нѣмца въ бояхъ въ Сувалскихъ лѣсахъ. Разсказъ этотъ дословно приводимъ:

„Идемъ, идемъ, съ нѣмцемъ—ничего не слышно. Даже выстрѣлы прекратились. Заблудились,—повернули въ другую сторону,—прошли нѣсколько верстъ,—тоже ничего. Сталъ я голосъ давать—никто не отвѣчаетъ.

Въ это время стало темнѣть. Въ лѣсу тихо, тихо, инда морозъ отъ страху по спинѣ пробѣгаетъ. Ну,—говорю нѣмцу,— остановимся, отдохнемъ.

Сѣли мы подъ деревомъ и молчимъ. Вдругъ слышу, кто-то зубами щелкаетъ. Сначала подумалъ, что нѣмецъ. Гляжу на него и вижу, что малый заснулъ. Не онъ, значитъ. Смотрю, между деревьями чьи-то глаза блестятъ. Вглядываюсь,—такъ и есть,—волки. Все ближе и ближе подступаютъ. Разбудилъ нѣмца, показываю на волковъ, увидѣлъ ихъ, затрясся, да какъ закричитъ.

Горько мнѣ тутъ стало. Въ девяти сраженіяхъ участвовалъ, да раненъ не былъ, а тутъ волки заѣдятъ...

— Вставай,—говорю,—нѣмецъ, будемъ защищаться.

Далъ я ему свою шашку, а самъ винтовку взялъ въ руки. Вотъ тутъ-то я пожалѣлъ, что пуль нѣтъ. Ну, да, думаю, ничего, штыкомъ справлюсь.

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ отъ 25 окт. с. г.

Стоятъ волки кругомъ, а броситься не рѣшаются. Наконецъ, одинъ большой, матерый совсѣмъ близко подошелъ. Глаза такъ и горятъ, а изъ пасти языкъ свѣшивается. Бросился я на шагъ впередъ, да и всадилъ ему штыкъ въ бокъ. Завизжалъ по-собачьи, упалъ, потомъ поднялся и къ своимъ побѣжалъ.

Стоимъ это мы съ нѣмцемъ подъ деревомъ и дрожимъ, а вдругъ всѣ сразу бросятся! А волки ужъ выть начали. Ну, короче говоря, сидѣли они сидѣли, да вдругъ какъ всѣ бросятся. Я сталъ прикладомъ отбиваться. То вправо, то влѣво, какъ косой траву сметаю. Гляжу на моего нѣмчика, а у него глаза разгорѣлись, шашкой такъ по головѣ волка и колотитъ. Отступили волки, отбѣжали шаговъ на десять и сѣли. Только завываютъ тихонько себѣ.

— Молодецъ,— говорю,—нѣмецъ! Хорошо работалъ.

А онъ мнѣ на руку показываетъ. Вся красная, кровь такъ ручьемъ и льется. Съ опаской присѣли мы, вытащилъ я носовой платокъ и перевязалъ руку нѣмцу, какъ умѣлъ. Здорово его волкъ за руку схватилъ. А онъ сидитъ, смотритъ на меня и всѣ лепечетъ:

— Данке, данке...

— Потомъ,—говорю,—нѣмецъ поблагодаришь, а теперь давай смотрѣть, какъ бы волки не съѣли.

А волки себѣ смирнехонько сидятъ, только жадными глазами смотрятъ. Видно, мало голодны были, что броситься боялись. Долго мы такъ сидѣли. Ко сну клонило здорово, но мы крѣпились. Наконецъ, свѣтать стало.

— Пойдемъ,—говорю,—нѣмецъ!

Встали мы и пошли. Волки въ сторону шарахнулись. Прошли нѣсколько шаговъ, слышимъ, рычатъ что-то. Оглянулись и видимъ, они убитаго волка грызутъ.

Скоро мы нашихъ повстрѣчали. Разсказалъ я имъ все.— Счастливъ вашъ Богъ, говорятъ, что цѣлы остались.

Сдалъ тутъ я имъ нѣмца, а самъ свою часть разыскивать пошелъ. Нѣмецъ, прощаясь, все мою руку трясъ. Обрадовался, бѣдняга, что живъ остался".

26 октября. Въ Петроградѣ замѣчается поразительное явленіе: на улицахъ совсѣмъ нѣтъ нищихъ—съ прекращеніемъ продажи вина нищіе съ улицъ исчезли.

Здѣсь въ Петроградѣ стали получаться открытыя письма отъ плѣнныхъ изъ Германіи. Письма эти напечатаны въ Германіи, по-русски, съ обозначеніемъ адреса. Для содержанія письма оставлено мало мѣста. Сообщаются данныя о томъ, что

плѣнныхъ нѣмцы хорошо содержатъ. На одномъ посылающимъ письмо было прибавлено: сохраните марку на память, а когда въ Петроградѣ стали отклеивать марку, то подъ маркой оказались написанныя по-русски слова: „мы здѣсь страшно голодаемъ".

27 октября. Удивительныя дѣла творятся, по словамъ „Новаго Времени", въ петроградской женской гимназіи Кебке [1]: гдѣ несмотря на строгій выговоръ за преобладаніе въ гимназіи нѣмецкаго языка надъ русскимъ, никакихъ существенныхъ измѣненій до сихъ поръ не произошло. Та же нѣмецкая рѣчь во время классныхъ перерывовъ, то же особенно старательное изученіе нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы. Онѣмеченіе ученицъ доходитъ до того, что на урокѣ пѣнія они разучиваютъ „Deutschland über alles".

На чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, по сообщенію изъ Копенгагена, рѣшено двинуть всѣ свободныя войска противъ Россіи. Главное командованіе на нашемъ фронтѣ вручено кронпринцу, лѣвымъ крыломъ генералу Гинденбургу, правымъ—генералу Данклю.

Разсказываютъ, что на этомъ военномъ совѣтѣ происходили бурныя сцены между ген. Мольтке и кронпринцемъ. Послѣдствіемъ совѣщанія былъ отъѣздъ Мольтке изъ дѣйствующей арміи.

29 октября. И въ этомъ мѣсяцѣ германцы отличались своими звѣриными свойствами, какъ и во все предшествующее время. Изъ ихъ позорныхъ, на этомъ поприщѣ, дѣяній отмѣчено: разграбленіе имущества мирныхъ жителей въ г. Маріамполѣ, генералами, офицерами и солдатами и отвозъ награбленнаго имущества на автомобиляхъ въ предѣлы Пруссіи. Въ этомъ же городѣ три нѣмецкихъ велосипедиста ранили нашего отставшаго солдата, затѣмъ къ нему подошли два нѣмца съ повязками Краснаго Креста на рукавѣ и прикололи его штыками. Передъ уходомъ германцевъ изъ г. Радома они разстрѣляли казачьяго офицера и 4 казаковъ, заставивъ ихъ вырыть себѣ могилы, въ д. Чарновѣ Варшавской губерніи наши развѣдчики, въ количествѣ 11 человѣкъ, взятые въ плѣнъ, были разрублены на такіе куски такъ, что каждая отдѣльная часть не превышала четверти аршина, въ С. найденъ солдатъ, у котораго шуршалъ весь черепъ, разбитый въ кусочки, и изъ открытаго рта былъ

---

[1]) «Новое Время» 27 октября.

вырѣзанъ языкъ. И такіе случаи не единичные. Такихъ бывали сотни. Въ церквахъ были устроены конюшни, а изъ ризъ нѣмцы дѣлали попоны для лошадей. Въ Кальваріи германцы бросили въ отхожее мѣсто св. крестъ, евангеліе, чашу и дискосъ [1]).

Одинъ изъ нѣмецкихъ вагоновъ былъ украшенъ такой надписью: „Если русская кровь польется дождемъ и французскія головы посыпятся, какъ снѣгъ, то мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ продлилъ намъ такую погоду".

30 октября. Относительно обращенія съ женщинами приведемъ дословно сказанія двухъ корреспонденцій [2]).

Первая излагаетъ событіе такъ:

„Въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ славныхъ боевъ съ германцами, когда доблестныя наши войска оттѣснили врага и заставили его бѣжать съ поля брани, передовой отрядъ Краснаго Креста послѣдовалъ за преслѣдовавшими непріятеля частями.

Отдѣлившись отъ своего отряда, сестра милосердія М., вмѣстѣ съ другою сестрою и двумя санитарами, замѣшкалась на покрытомъ трупами враговъ полѣ, осматривая мѣсто боя, въ надеждѣ найти кого-нибудь изъ оставшихся нашихъ раненыхъ.

Неожиданно изъ прилегавшаго къ полю лѣска выскочило нѣсколько германскихъ кавалеристовъ, во главѣ съ офицеромъ. Замѣтивъ, что въ травѣ копошатся одѣтыя въ бѣлое сестры милосердія, германскій офицеръ отдѣлился отъ своихъ солдатъ и поскакалъ прямо на сестеръ.

Подруга г-жи М. упала въ обморокъ. Безоружные санитары не знали, что дѣлать.

Подскакавъ къ г-жѣ М., германскій варваръ съ грубымъ смѣхомъ схватилъ ее за руки, перевязалъ кисти рукъ ремнемъ и, ударивъ нѣсколько разъ по спинѣ стекомъ, поволокъ за собою въ лѣсъ. Крики и стоны обезумѣвшей отъ ужаса сестры милосердія вызвали со стороны германскаго офицера новыя издѣвательства.

Г-жа М. считала себя погибшей. Ноги у нея подкосились, она повисла на ремнѣ, теряя сознаніе отъ боли и ужаса.

И вдругъ совершилось чудо...

Откуда ни возьмись, на полѣ появился казакъ. Услыхавъ крики дѣвушки и увидя, что германскій офицеръ волочитъ ее

---

1) „Новое Время" 13, 20 и 22 окт. „Веч. Вр." 16 окт.

2) „Бирж. Вѣд." 14 и 30 окт.

на ремнѣ за собой, казакъ съ пикой наперевѣсъ, что было духу, помчался на врага. Перепрыгивая черезъ трупы, кочки, окопы и канавы, казакъ летѣлъ, точно по воздуху.

Варваръ замѣтилъ погоню, поднялъ къ себѣ на сѣдло сестру милосердія и пришпорилъ лошадь... Поздно!.. Казакъ, какъ молнія, налетѣлъ, пика пронзила германца, и трупъ его свалился съ лошади.

Казакъ развязалъ руки сестры милосердія и сталъ приводить ее къ чувство.

Придя въ сознаніе, г-жа М. бросилась на колѣни, благодаря своего спасителя. Она хотѣла поцѣловать его руку, но казакъ не позволилъ и, поднявъ сестру съ колѣнъ, сказалъ:

— Помилуй, сестра, что-жъ я особеннаго сдѣлалъ? Ты Бога благодари, что я по близости ѣхалъ...

Потомъ заботливо посадилъ сестру на лошадь германца и отправился съ нею въ ближайшій подвижной госпиталь.

По дорогѣ сестра спросила, какъ зовутъ ея спасителя".

Второй разсказъ такого содержанія:

„Въ одномъ изъ германскихъ курортовъ начало войны застало молодую, красивую женщину, жену таможеннаго чиновника изъ пограничнаго городка Привислинскаго края, съ семилѣтней дѣвочкой.

Вмѣстѣ съ другими русскими попали онѣ въ Берлинъ и, какъ и другіе, были посажены въ тюрьму.

Мать и дочь были заключены въ отдѣльную камеру и подвергнуты самому строгому режиму.

Прошло нѣсколько дней, и въ камеру явился полицейскій офицеръ, начавшій допросъ, который сразу же принялъ специфическій характеръ, такъ какъ красота молодой женщины не могла не обратить на себя вниманія полицейскаго.

Допросъ закончился гнуснымъ предложеніемъ, которое нѣмецъ сдѣлалъ въ самыхъ циничныхъ выраженіяхъ въ присутствіи малолѣтней дочери несчастной и двухъ солдатъ, реагировавшихъ на „шутку" начальства подобострастнымъ смѣхомъ.

Несчастная молчала и только крѣпче прижала къ себѣ дѣвочку.

Разсерженный офицеръ вскочилъ и, отбросивъ дѣвочку къ стѣнѣ камеры, обнялъ молодую женщину. Раздалась звонкая пощечина, и офицеръ съ ругательствомъ отскочилъ отъ своей жертвы.

Еще черезъ секунду палачъ и солдаты удалились изъ камеры.

Поздно ночью уснули тревожнымъ сномъ несчастныя мать и дочь—уснули на голомъ полу, такъ какъ солдаты „забыли" открыть поднятую на день койку.

Вдругъ въ окошечкѣ камеры показался свѣтъ, и дверь стала медленно открываться. Въ камеру, крадучись, вошло шесть человѣкъ солдатъ.

Грудью навалился солдатъ на несчастную женщину, двое другихъ подняли на руки дѣвочку, а трое со смѣхомъ и шутками слѣдили за всѣми перипетіями отвратительнаго насилія.

У другой стѣны билась въ рукахъ палачей свидѣтельница всего этого—семилѣтняя дочь страдалицы.

Шесть разъ смѣнялись палачи, ругаясь надъ обезсилѣвшей жертвой, успѣвшей только выкрикнуть мольбу о томъ, чтобы лучше убили и дочь ея.

— Мы не разбойники,—отвѣтилъ нѣмецъ, державшій фонарь,—мы не убиваемъ арестованныхъ, а дочь ваша можетъ оставаться: не наше дѣло отрывать дѣтей отъ родителей!..

Когда, при свѣтѣ забрезжившаго утра, очнулась отъ глубокаго обморока несчастная, не рыданье, а стонъ вырвался изъ изнуренной груди, а вслѣдъ за этимъ раздался дикій, истерическій хохотъ...

Нѣмцы были гуманны. Они дали возможность матери, лишившейся разсудка, вернуться съ дочерью на родину.

Теперь ея страдальческій леденящій душу хохотъ, оглашаетъ стѣны одной изъ петроградскихъ психіатрическихъ больницъ".

31 октября. Наши войска въ концѣ октября вступили въ Восточную Пруссію и заняли значительный раіонъ пограничнаго пространства, а отъ германской границы стало обозначаться наступленіе нѣмцевъ на привислянскій край.

Государь Императоръ, объѣзжая Дѣйствующую Армію, посѣтилъ Холмъ, Ровно и Люблинъ.

Петроградскому обывателю, присутствовавшему на знаменитомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы 20 іюля с. г., показалось очень страннымъ одно явленіе: въ этомъ засѣданіи всѣ народы Россіи и всѣ думскія партіи ограничились однимъ ораторомъ—депутатомъ, заявлявшимъ credo своей народности, своей партіи. Одной только нѣмецкой партіи въ Россіи недостаточно было заявить свое credo рѣчью одного депутата. Одного было мало и трудно было понять почему.

Не мало дивился также обыватель, когда видѣлъ столбцы петроградскихъ газетъ, испещренныхъ опроверженіями предержащихъ властей Балтійскаго края, старавшихся, зачастую совсѣмъ неудачно, доказать всѣми силами, что появившіяся въ громадномъ количествѣ корреспонденціи изъ Прибалтійскаго края не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Гдѣ же тутъ правда для бытописателя? Исканіе этой правды и понудило его включить въ свои обывательскія сказанія ниже приведенный и краткій очеркъ изъ всего того громаднаго матеріала, *который уже былъ напечатанъ* въ газетахъ, лекціяхъ и сообщеніяхъ, *по возможности*, но не всегда, избѣгая названія мѣстности и упоминанія лицъ.

Во всемъ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцы не составляютъ даже 10% населенія. Латыши, эстонцы и русскіе пользуются незначительнымъ вліяніемъ. Вся жизнь края захвачена нѣмцами. Все городское самоуправленіе принадлежитъ нѣмцамъ, все управленіе уѣздами находится въ ихъ рукахъ. Они играютъ повсюду первую роль, какъ въ административной, такъ и въ промышленно-торговой и культурно-просвѣтительной жизни страны. Въ ихъ рукахъ земля, биржа, банки, торгово-промышленныя предпріятія, нѣмецкая печать, нѣмецкія учебныя заведенія, лучшіе театры, музеи и масса нѣмецкихъ ферейновъ всѣхъ соусовъ.

Это достигнуто нѣмцами всѣми способами, и знакомствами, и связями, и „лояльностью", и такъ называемымъ ими „культурнымъ превосходствомъ".

Для усиленія нѣмецкаго вліянія основано было такъ называемое нѣмецкое общество (Дейчеръ Ферейнъ) „Deutscher Verein", которое раскинуло свою дѣятельность на всѣ три губерніи Прибалтійскаго края. Черезъ всѣ начинанія общества красной нитью проходила одна тенденція превознесенія нѣмецкой культуры и всего нѣмецкаго.

Хотя Дейчеръ Ферейнъ и закрытъ оффиціально, но еще неизвѣстно, прекратилась ли фактически его дѣятельность. Передъ войной въ Германіи очень разсчитывали на русскія неурядицы.

Въ отчетѣ Дейчеръ Ферейна за революціонный 1906 годъ (изданномъ въ Берлинѣ Das Deutschtum im Auslande) говорится, что разрѣшеніемъ союзовъ и введеніемъ мѣстнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края достигнуты весьма утѣшительныя данныя. Еще къ іюлю 1904 г. въ бал-

[1]) Чл. Гос. Думы деп. Мансырева „Русское Слово" 13 окт.

тійскихъ провинціяхъ образовались 19 нѣмецкихъ союзовъ, при чемъ отчетъ оканчивается слѣдующими словами:

„Развитіе нѣметчества въ остзейскихъ провинціяхъ, въ короткое время, полутора лѣтъ, безъ сомнѣнія преисполнитъ каждаго нѣмца гордостью и радостью".

Интересны выдержки изъ двухъ нѣмецкихъ брошюръ Гейзера и Іогансена. Изъ нихъ первый признаетъ, что балтійскіе нѣмцы въ своей борьбѣ за всѣ нѣмецкіе идеалы превзошли даже самыхъ пруссаковъ, а благодаря умѣлой школьной организаціи предохранили до сего дня, хотя и не безъ жертвъ, своихъ дѣтей отъ зачумленія (Verseuchung) ихъ всепроникающимъ духомъ обрусѣнія.

Второй говоритъ, что у каждаго прибалтійскаго нѣмца отечествомъ является Россія, а матерью Германія. Дѣти должны не только не забывать матери, но обязаны особенно любить ее и оказывать посильную помощь. Родителямъ необходимо объединиться и выписать изъ Германіи хорошихъ профессоровъ, чтобы потомъ процвѣталъ настоящій германскій духъ.

Издающаяся въ Россіи газета Rigasche Rundschau (1908 г. № 122) пишетъ: „Правительствомъ ассигнуется на дѣло нѣмецкой школы и преподаванія за границей 850.000 марокъ".

Какова наглость: газета, издаваемая въ Прибалтійскомъ краѣ въ Россіи, пишетъ, что правительство у нихъ германское.

Та же выходящая въ Россіи газета, сообщая о новыхъ цѣляхъ Дейчеръ Ферейна, пишетъ: „Новая высокая цѣль нѣмецкихъ національныхъ стремленій лежитъ въ упроченіи великой (новой) Германіи. Не въ смыслѣ политики крови и желѣза—спѣшитъ оговориться тутъ рижская газета.—Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о національной культурной и экономическо-политической дѣятельности, которая должна находиться въ тѣсной связи между собой и быть направлена къ наивящшему усиленію государственной мощи Германіи (!!)".

Въ послѣдніе годы по Прибалтійскому краю стали учреждаться общества для скупки земли. Эти общества, по капиталамъ своихъ учредителей, обладали небольшими средствами, а по своимъ оборотамъ скупали земли на громадныя суммы. Нашему крестьянскому банку, русскимъ, латышамъ, эстонцамъ землевладѣльцы подъ разными предлогами своихъ земель не продавали.

По словамъ сообщенія депутата Государственной Думы кн. Мансырева „въ послѣдніе годы помѣстное дворянство стало усиленно заниматься насажденіемъ нѣмецкой колонизаціи. Число

нѣмецкихъ колонистовъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ послѣднее время сильно увеличилось. Помѣщики подъ всякими предлогами стараются расторгнуть контракты и выселить изъ своихъ имѣній эстонцевъ и латышей и заселить ихъ нѣмцами. Нѣмецкая колонизація въ Прибалтійскомъ краѣ пополняется частью переселенцами съ Поволожья, частью изъ Волынской губерніи, и въ незначительной степени—непосредственными выходцами изъ Германіи.

Въ результатѣ въ настоящее время вся пограничная полоса съ Германіей сплошь заселена нѣмецкими колонистами. Въ послѣднее же время нѣмецкіе помѣщики почти совершенно изгнали изъ своихъ имѣній служащихъ эстонцевъ и латышей и замѣнили ихъ нѣмцами".

По словамъ того же автора, а также и другихъ во многихъ имѣніяхъ управляющими имѣніями были офицеры запаса германской арміи, а служащіе германскіе подданные. Особенно много было нѣмцевъ лѣсниковъ; они ходили съ записными книжками, устраивали просѣки, рвы и канавы.

Нѣмецкимъ колонистамъ всесильные землевладѣльцы исхлопатывали снабженіе оружіемъ. Мѣстное населеніе утверждаетъ, что колонисты практиковались въ стрѣльбѣ и ходили на охоту стройными рядами.

Тѣ же мѣстные жители утверждаютъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ нѣкоторыя лица производили сборы на германскій флотъ. Дорожныя карты одной изъ губерній со свѣдѣніями, которыхъ нехватаетъ въ картахъ нашего генеральнаго штаба, печатались въ Дюссельдорфѣ.

Въ этомъ же самомъ прекрасномъ краѣ графъ Цеппелинъ, строитель нынѣшняго воздушнаго, германскаго флота, нашелъ себѣ богатую супругу, растратилъ ея громадное состояніе на свои цеппелины, бросающіе въ настоящее время бомбы въ ряды русскихъ войскъ.

Въ этомъ же краѣ, несмотря на то, что 20 лѣтъ тому назадъ Дерптъ и Динабургъ переименованы въ Юрьевъ и Двинскъ, въ этомъ краѣ и теперь въ газетѣ Rigaer Tageblatt оба города называются Дорпатъ и Динабургъ.

Въ этомъ же краѣ, въ послѣдніе годы передъ войной, въ приграничной полосѣ усиленно чинились дороги.

Объявлена была мобилизація въ Прибалтійскомъ краѣ. Сразу исчезла куда-то громадная масса служащихъ изъ нѣмецкихъ имѣній. Распоряженія по мобилизаціи мѣстнымъ начальствомъ извѣщались мѣстному населенію на непонятномъ латышамъ и

эстамъ германскомъ языкѣ. Въ то самое время, когда въ Россіи при призывѣ лошадей самый бѣдный крестьянинъ велъ свою послѣднюю лошадь и никогда не имѣлъ въ умѣ укрыть ее, въ то время въ Прибалтійскомъ краѣ нѣкоторые лояльные бароны лучшихъ фамилій, владѣльцы 50—100 лошадей, давали на войну по 2—3 лошади, остальныя имъ оставлены были за негодностью.

Въ началѣ войны надъ Прибалтійскимъ краемъ стали появляться германскіе аэропланы и цеппелины, которые спускались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были заготовлены особенныя каменныя площадки. Мѣстные жители находили иногда германскіе аэропланы, къ тому мѣсту, гдѣ спустился аэропланъ, было доставлено 2 вагона бензина, по ночамъ производилась своеобразная сигнализація при помощи медленно спускающихся ракетъ.

Когда у береговъ острова Эзеля показались германскія суда, то имъ открыто салютовали германскимъ флагомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены вышки, на которыя всѣ обращали вниманіе; изъ нѣкоторыхъ пунктовъ на берегу производилась сигнализація съ моремъ.

Въ одной прибрежной, целлулоидной фабрикѣ, былъ обнаруженъ докъ для починки судовъ.

Такими лойяльными дѣйствіями обнаружили балтійскіе нѣмцы свою приверженность къ своей родинѣ Россіи. Для того, чтобы окончательно опредѣлить эту лойяльность, приведемъ двѣ нижеслѣдующія корреспонденціи.

Изъ нихъ въ первой значится: „въ субботу, 30-го августа, въ Ригѣ былъ устроенъ день флаговъ. Къ вечеру публика собралась къ памятнику Петра Великаго, гдѣ игралъ военный оркестръ. Солдаты играли все, что угодно, только не гимнъ. Я спрашивала многихъ музыкантовъ: почему вы не играете гимна? Солдаты не отвѣчали, потупя голову. Наконецъ, я обратилась съ вопросомъ къ приставу, и отвѣтъ его показался мнѣ такимъ удивительнымъ, что я не могу не воспроизвести его точно: „имъ запрещено“ [1]).

Другая корреспонденція, не менѣе интересная первой, повѣствуетъ слѣдующее—это пишетъ относительно мѣстнаго книготорговца одна рижанка-француженка: „Моя сестра, возвращаясь изъ Риги во Францію и желая пріобрѣсти на память открытыя

[1]) Городской голова въ Виндавѣ назвалъ патріотическую манифестацію 26 іюля въ Виндавѣ глупостью (Solche Dummheiten).

письма, зашла въ магазинъ „Balt...“ и попросила дать ей портреты de la famille Imperiale. Каково же было ея удивленіе, когда, по ея выраженію „avec beaucoup l'empressement“, приказчикъ вытащилъ ей изъ прилавка портретъ императора Вильгельма!..“

Оба эти факта настолько характерны, что разъясненій не требуютъ.

Очень интересно повѣствованіе корреспондента [1]). „Весь Прибалтійскій край прекрасно соединенъ своими частями густою телефонною сѣтью. Всѣ имѣнія могутъ сноситься не только съ городами, но другъ съ другомъ и даже... съ Мемелемъ. И вотъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нерѣдки такіе случаи: въ Россіи оффиціально ничего не извѣстно еще о нашихъ дѣлахъ въ Восточной Пруссіи, а въ Прибалтійскомъ краѣ уже многое становится достояніемъ публики. Не говорю уже о городахъ, въ родѣ Риги, гдѣ недавно былъ даже задержанъ владѣлецъ одного книжнаго магазина за то, что на вывѣшенной въ витринѣ картѣ вполнѣ правильно передвигалъ флаги за два дня раньше, чѣмъ ихъ можно было передвинуть по оффиціальнымъ телеграммамъ... Въ Ригѣ былъ и другой случай, когда одинъ присяжный повѣренный В., у котораго сестра замужемъ за германскимъ офицеромъ, за цѣлыхъ три дня до полученія телеграммъ разсказывалъ знакомымъ о гибели трехъ англійскихъ крейсеровъ въ Сѣверномъ морѣ... И въ смыслѣ подобной освѣдомленности, нѣкоторые помѣщики выказываютъ также удивительную способность ясновидѣнія. Узнаютъ ли они о передвиженіи нашихъ и германскихъ силъ только во снѣ и черезъ гадалокъ, или же имъ просто-напросто сообщаютъ кое-что всезнающіе управляющіе—германцы, кто знаетъ?“

Прибалтійскіе нѣмцы очень любятъ указывать намъ, что въ настоящую великую войну они несутъ такія же матеріальныя жертвы, какъ и вся Россія, и что ихъ сыны кладутъ свои головы въ рядахъ русской арміи. Конечно, вѣроятно, матеріальныя пожертвованія балтійцевъ значительны, но мы ихъ не знаемъ [2]). Но чтобы они были бы такими же, какъ въ Россіи, въ этомъ позволительно усомниться.

Относительно попечительности о раненыхъ стяжала себѣ печальную извѣстность г. Рига, упорно не желавшій помѣстить

---

[1]) „Нов. Вр.“ 18 окт. с. г.

[2]) Извѣстно намъ, что г. Митава ассигновалъ на помощь семьямъ запасныхъ всего 10 тысячъ рублей, а городское управленіе Фрауенбурга пожертвовало на Красный Крестъ 10 рублей.

нашихъ 400 раненыхъ госпиталя Петроградской Елисаветинской общины. Раненые были приняты только по повелѣнію Верховнаго начальника санитарной части.

Конечно, никто не сомнѣвается, что прибалтійскіе нѣмцы храбро сражаются и умираютъ въ рядахъ русскихъ войскъ, подъ державой Россійской.

Но вотъ что удивительно, что нѣкоторые члены прибалтійскихъ дворянскихъ фамилій сражаются въ рядахъ германскихъ войскъ, подъ державою Гогенцоллерновъ. Теперь ужъ начинаютъ проникать въ печать, какіе прибалтійскіе дворяне убиты въ германскихъ рядахъ и кто изъ нихъ награжденъ орденомъ желѣзнаго креста; фамиліи этихъ сражающихся противъ Россіи въ настоящее время мы не знаемъ.

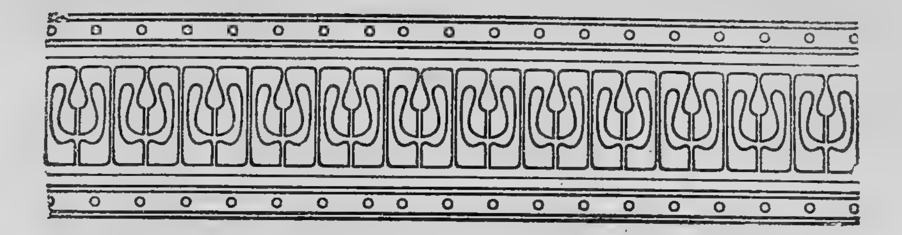
По словамъ корреспондента [1]) въ Adressbuch'ѣ 1907 года [2]) служили въ германской службѣ: Адольфи Вильгельмъ, лейтенантъ. Баронъ ф.-Ашенбергъ, лейтенантъ. Бергенгрюнъ, Максъ, лейтенантъ. Бейзе, Пауль, лейтенантъ. Бурси, Отто, лейтенантъ и адъютантъ 2 пѣхотнаго полка. Брутцеръ, Фридрихъ, оберъ-лейтенантъ. Брутцеръ, Густавъ, лейтенантъ. Фонъ-д.-Декенъ, Куртъ, лейтенантъ. Баронъ Дершау, лейтенантъ. Баронъ фонъ-Фирксъ, лейтенантъ. Геттенсъ, Артуръ, лейтенантъ. Баронъ Фрейтагъ, лейтенантъ. Баронъ Фрейтагъ, оберъ-лейтенантъ. Баронъ фонъ-Вигандъ, лейтенантъ. Фокъ-Голандеръ, лейтенантъ. Баронъ Гойнигенъ-Гюне, лейтенантъ. Ф.-Крузенштернъ, оберъ-лейтенантъ. Графъ Ламсдорфъ, флигель-адъютантъ. Баронъ Мершайдтъ, личный адъютантъ принца Фридриха-Вильгельма. Пантенніусъ, лейтенантъ. Фонъ-Петтерсонъ, лейтенантъ. Шиманнъ, лейтенантъ. Серафимъ, Викторъ, лейтенантъ. Графъ Стенбокъ, лейтенантъ. Баронъ Тизенгаузенъ, лейтенантъ. Фонъ-Тилингъ, оберъ-лейтенантъ. Баронъ Врангель, Ф., лейтенантъ.

В. П.

---

[1]) „Новое Время“, № 13860.

[2]) Adressbuch fur die ausserhalb ihrer Heimat lebenden Balten. Herausgegeben vom Verbande deutscher Balten en Darmstadt.



Воспоминанія генерала-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года.

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

Въ 1877-мъ году дивизіонный компаментъ 1-ой кавалерійской дивизіи по распоряженію высшаго начальства былъ при штабѣ дивизіи въ г. Твери. Занятія въ полкахъ шли своимъ чередомъ, вѣсти съ театра войны получались частыя, благодаря не дальняго разстоянія Москвы и Петербурга. Въ полки получались то и дѣло приказанія о командированіи офицеровъ въ артиллерійскіе парки или для провода лошадей въ мобилизующей части. Поджидали, что очередь дойдетъ и до насъ, слухи доходили, что начальникъ дивизіи очень хлопочетъ о зачисленіи дивизіи въ составъ дѣйствующей арміи.

Августа 2-го, рано доставлена мнѣ была записка изъ штаба дивизіи слѣдующаго содержанія: „Полкамъ дивизіи въ полномъ составѣ къ 11-ти часамъ утра собраться на Желтиково поле".— По лаконическому содержанію записки никому въ голову не приходило, что собираютъ дивизію для объявленія о мобилизаціи. Утромъ еще кто-то изъ офицеровъ встрѣтилъ начальника дивизіи въ дурномъ расположеніи духа, что еще болѣе удаляло соображеніе, что походъ объявится. Большинство предполагали, что начальникъ дивизіи собираетъ полки, чтобы проститься по случаю назначенія лично его въ дѣйствующую армію. По дорогѣ на Желтиково поле заѣхалъ я въ штабъ дивизіи узнать, для чего полки собираютъ; тамъ ничего не узналъ, по дорогѣ встрѣтилъ двухъ бригадныхъ генераловъ, которые изъ штаба же дивизіи въ невѣдѣніи ѣхали на сборный пунктъ.

Лейбъ-драгунскій Московскій Его Величества полкъ собрался довольно скоро на Желтиково поле, хотя приказаніе о сборѣ застало людей на стрѣльбѣ; люди пѣшкомъ за 5-ть, за 6-ть верстъ должны были вернуться въ деревню своего расположенія, подсѣдлать лошадей и на рысяхъ прибыть къ сборному пункту.— Начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дохтуровъ, ранѣе 11-ти часовъ пріѣхалъ на плацъ на тройкѣ, къ удивленію всѣхъ; онъ дѣлалъ это всегда въ торжественныхъ случаяхъ, обыкновенно же пріѣзжалъ изъ дому верхомъ на плацъ на всѣ ученья. Одинъ изъ дивизіоновъ Петербургскаго уланскаго полка, верстъ за десять былъ расположенъ отъ военнаго поля, замѣшкалъ приходомъ; начальникъ дивизіи явно выражалъ неудовольствіе и нетерпѣніе. Старшій бригадный, генералъ-маіоръ Лошкаревъ попытался было подъѣхать спросить высшее начальство о причинѣ сбора полковъ, но предупрежденъ былъ посланнымъ ординарцемъ съ приказаніемъ отъ Его Превосходительства ровнять полки.

Не дождавшись прибытія дивизіона уланъ, начальникъ дивизіи началъ объѣзжать войска, построилъ четырехъугольникъ и поздравилъ дивизію съ походомъ, прочитавъ депешу отъ Главнокомандующаго изъ Горнаго Студня слѣдующаго содержанія: „Поздравляю съ походомъ, твоя дивизія тоже поступаетъ ко мнѣ въ дѣйствующую армію.—Оффиціальное распоряженіе послѣдуетъ за симъ“.

Громкое неумолкаемое „ура!“ огласило Желтиково поле и эхомъ перекатывалось по сосновой рощѣ. Съ музыкой и пѣснями войска стали расходиться, общее было оживленіе, взрывы громкаго „ура“ долго не умолкали.

На другой день полки дивизіи выступили изъ Твери на постоянныя свои квартиры для мобилизаціи, приказъ послѣдовалъ 3-го августа. Московскій драгунскій полкъ остался на тѣсныхъ квартирахъ въ окрестностяхъ Твери.

Подполковникъ Афанасьевъ командированъ былъ въ городъ Осташковъ за обозными лошадьми, и усиленныя приготовленія начались тотчасъ же. Старшему врачу поручено былъ сдѣлать медицинскій осмотръ людямъ всего полка. Слабыхъ и больныхъ людей отдѣлить; въ полку были сверхъ комплекта люди, приказомъ по дивизіи приказано было передать ихъ уѣздному воинскому начальнику. Впослѣдствіи, когда полкъ былъ уже въ г. Ольтеницѣ, людей этихъ вернули въ полки не обмундированныхъ, истощенныхъ походомъ, они сдѣлались основнымъ гнѣздомъ болѣзненности и увеличили число нашихъ людей,

составляющихъ обузу при кавалерійской части. Къ числу распоряженій, послѣдовавшихъ по мобилизаціи полка, вниманіе эскадронныхъ командировъ обращено было на обувь солдатскую. Чтобы всякій солдатъ имѣлъ двѣ пары сапогъ. Для покупки сапогъ, неимущимъ были выданы деньги изъ хозяйственной суммы полка, а также и на заведеніе набрюшниковъ. Потники въ эскадронахъ были освѣжены полостями, купленными въ Москвѣ, лучшаго достоинства, четыре листа на потникъ, подковы были изготовлены, перековка лошадей началась, запасный кругъ подковъ долженъ былъ пдти въ артельныхъ повозкахъ.—Весь запасъ лепчиковъ изъ цейхауза былъ выданъ въ эскадроны. Вьючныя сѣдла были выписаны изъ Петербургскаго военнаго комиссіонерства по дорогой цѣнѣ и не практичныя, хотя форменныя.

Обмундированіе выдано было новое по положенію. Выслуженное, которое составляло собственность солдата, предложено было сдать на храненіе въ полковой цейхаузъ, солдаты не охотно это дѣлали, предпочитая продать за безцѣнокъ, ссылаясь на то, суждено ли будетъ кому вернуться. Предположено было сначала полушубки взять на сѣдла, но выданныя отъ интендантства фуфайки, весьма дурного качества, измѣнили прежнее распоряженіе, о чемъ я очень пожалѣлъ впослѣдствіи, полушубки солдаты продали, весьма немногіе дали на сохраненіе. Кивера приказано было оставить, а полку построить новыя фуражки съ двойнымъ комплектомъ бѣлыхъ чехловъ. Новые фуражки подъ чехлами отъ дождей скоро пришли въ ужасный видъ. Чтобы не затруднять солдатъ точеніемъ сабель на ручныхъ точилахъ, сабли были отточены на машинномъ заводѣ Тверской станціи. Люди полка и офицеры какъ-то сосредоточенно готовились къ предстоящему походу, разгула и кутежей не было. Мною предложено было воспользоваться Успенскимъ постомъ и полку говѣть. Весь полкъ говѣлъ, исповѣдался и пріобщился Св. Тайнъ.

Обозныя лошади, приведенныя въ полкъ, были простого, рабочаго сорта, скоро пришедшія въ хорошія тѣла. 20-го августа, полученъ изъ штаба Московскаго округа планъ перевозки дивизіи по желѣзнымъ дорогамъ и маршрутъ слѣдованія ея походнымъ порядкомъ отъ станціи Барзула до города Бырлатъ въ Румынію, 266¾ вер. Выступленіе Московскому драгунскому полку назначено было 30-го августа, а 7-го сентября день прибытія въ Барзулу.

Общество Тверское пожелало проводить драгунъ и артил-

леристовъ, расположенныхъ въ г. Твери. Офицерамъ предложенъ былъ обѣдъ въ городской думѣ. Обѣдъ былъ очень оживленный. Начальникъ дивизіи былъ противъ этого обѣда, не пожелалъ, чтобъ на площади былъ отслуженъ молебенъ, приказавъ это сдѣлать въ расположеніи полка, настоятельно заявлялъ, чтобы во время обѣда рѣчей не произносить, что не помѣшало присяжному повѣренному Сухоручкину, отъ имени гражданъ, сказать весьма прочувственную напутственную рѣчь; его примѣру послѣдовалъ педагогъ и воспитатель Тверскаго юношества, директоръ П. Ѳ. Фрезе, сравнивъ въ своей рѣчи доблестное воинство съ сѣятелями, а людей науки съ собирателями жатвы. Солдатамъ начальникъ дивизіи разрѣшилъ дать закуску отъ города передъ посадкою въ вагоны, что произвело неизбѣжный безпорядокъ, котораго отнюдь не слѣдовало допустить.

Въ памятный день 30-го августа 1877-го года, эскадронный праздникъ эскадрона № 2, Московскій драгунскій полкъ 5-ю эшалонами долженъ былъ выступить изъ г. Твери.

На станціи желѣзной дороги толпился съ ранняго утра народъ, провожая земляковъ и родныхъ, такъ какъ много поступившихъ на службу были изъ уѣздовъ Тверской губерніи.

Къ отходу пассажирскаго поѣзда къ 4-мъ часамъ вечера собралось все тверское общество. Городской голова Нечаевъ просилъ меня принять хлѣбъ-соль и благословилъ полкъ образомъ Спасителя. Минута была торжественная, самыхъ сильныхъ ощущеній, провожаніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ разстраивало въ высшей степени нервы. Меня провожала жена, которая непремѣнно желала ѣхать до Кіева.—Подгулявшая публика обнималась съ солдатами раздавала папиросы, были сцены комичныя, но подрывающихъ душу было достаточно.

Братъ мой штабсъ-ротмистръ Кавалергарскаго полка, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ былъ командированъ отъ полка въ Болгарію, для формированія коннаго болгарскаго ополченія, которое не состоялось. Въ числѣ прочихъ, участвовалъ въ экспедиціи съ генераломъ Гурко за Балканы въ іюлѣ, и по реформированіи отряда съ разрѣшенія Главнокомандующаго прикомандированъ былъ въ ввѣренному мнѣ полку, 30-го же августа вступилъ съ драгунскимъ полкомъ изъ Твери, получивъ разрѣшеніе отъ меня заѣхать въ Тульскую губернію, взглянуть на наше общее деревенское хозяйство и погнать полкъ въ г. Кишиневъ.

30-го августа въ Москвѣ полку назначена была дневка. Подъ квартиры офицерамъ отведены были гостиницы „Парижъ" и „Франція" на Тверской, весьма комфортабельныя. Мнѣ

пришлось ѣздить по начальству, командующій войсками Московскаго округа генералъ-адъютантъ Гильденштубе сердечно меня принялъ и напутствовалъ лучшими пожеланіями. День не обошелся конечно безъ обѣда въ „Эрмитажѣ", а вечеръ въ Большомъ театрѣ. Бывшій мой сослуживецъ, исполняющій должность директора Московскихъ театровъ, П. А. Кавелинъ предложилъ женѣ свою ложу.

1-го сентября. День прошелъ въ разныхъ закупкахъ, большинство ненужныхъ вещей, которыми большинство офицеровъ запаслись по неопытности, 2-го числа съ курьерскимъ поѣздомъ, въ сопровожденіи жены, отправился по направленію въ Кіевъ, дорогою обгоняя эшелоны полка.

Въ Тулѣ на станціи былъ встрѣченъ родными, которые выѣхали проститься со мною, двоюродные братья съ женами, старикъ дядя, котораго мнѣ, по возвращеніи, не суждено было видѣть въ живыхъ.

Съ приближеніемъ дня разлуки, здоровье жены видимо разстроивалось, такъ что въ Кіевъ пріѣхалъ я съ больною женой (до 6-го числа пробылъ я въ Кіевѣ). Жена видимо крѣпилась, чтобы и меня не тревожить. До 6-го числа пробылъ я въ Кіевѣ, осматривалъ городъ, лавру; преосвященный митрополитъ Ѳеофилъ напутствовалъ меня своимъ благословеніемъ. Не забуду никогда почтенное лицо уважаемаго старца. Въ Кіевѣ же случайно на Крещатикѣ я сдѣлалъ весьма полезное пріобрѣтеніе, желѣзную складную кровать, варшавскаго издѣлія, служившую мнѣ весь походъ, гдѣ только можно было ею пользоваться. 6-го же числа въ 9 час. вечера проводилъ жену въ обратный путь и самъ черезъ 1/2 часа отправился въ Бирзулу, куда прибылъ 7-го числа въ 3 1/4 часа, одновременно съ прибытіемъ 3-го эшелона драгунскаго полка. На станціи Бирзулѣ встрѣтилъ архіерея Кишиневскаго, отправляющагося въ Одессу; онъ передалъ мнѣ сто рублей для раздачи солдатамъ. На эти деньги купленъ былъ табакъ для нижнихъ чиновъ въ Кишиневѣ.

Переѣздъ полка по желѣзнымъ дорогамъ отъ Твери до Бирзулы совершился благополучно, жалобъ и отсталыхъ людей не было. Одна лошадь въ № 4 эскадронѣ раздробила себѣ ногу въ вагонѣ и оставлена была въ Курсѣ. Составъ полка былъ 16-ти рядный и по 4 лошади запасныхъ на эскадронъ. Къ вечеру 7-го сентября полкъ собрался въ Бирзулу и расположился въ 7-ми верстахъ отъ станціи въ селеніи Степана Гавриловича Леонтовича. Первый дивизіонъ въ сараяхъ, второй за плетнями по дворамъ. Для штаба полка уступленъ былъ

домъ помѣщеній съ флигелями. Хозяинъ-былъ радушный человѣкъ, братъ его изъ отставки поступилъ на службу въ Орденскій драгунскій полкъ.

У Леонтовича я со штабомъ завтракали, обѣдали, лакомились арбузами и дынями, составлявшими для насъ рѣдкость; сентября 9 въ 1 ч. утра полкъ выступилъ въ селеніе Ставровки, 7 верстъ. Начальникъ дивизіи, провожая полкъ, повидимому остался доволенъ наружнымъ видомъ полка. Шли мы ближайшею дорогой, что сократило значительно разстояніе перваго перехода по гористой мѣстности, облегчило движеніе обоза, лошади котораго не достаточно подобраны были по темпераментамъ. Къ полку присоединена была 2 конная батарея. Общимъ начальникомъ назначенъ былъ командиръ 1 бригады генералъ-маіоръ князь Абамелекъ, рвавшійся на войну со дня ея объявленія.

Для выхода въ первый переходъ, на дневки въ селеніе мною были сдѣланы слѣдующія распоряженія:

а) обозу и эскадроннымъ кухнямъ, съ ночлеговъ выступать раньше полка.

б) какъ только пища въ эскадронахъ готова—дежурнымъ унтеръ-офицеромъ приходить мнѣ докладывать.

в) во время слѣдованія полка вахмистрамъ ѣхать позади своихъ эскадроновъ.

г) нижнимъ чинамъ безъ приказанія не спѣшиваться и никакихъ остановокъ не дозволять.

д) полку идти на трензеляхъ, подъ чемоданы нанимать обывательскія подводы.

е) эскадронамъ по очереди идти во главѣ полка и караульную службу нести понедѣльно.

Съ перваго же перехода съ овсянаго довольствія полкъ перешелъ на ячмень. Дача ячменя на первыхъ порахъ была уменьшена, да лошади первоначально неохотно ѣли ячмень, овса можно было доставать едва третью часть денной дачи. Первый случай неосторожнаго обращенія съ ячменемъ отозвался на лошади прапорщика Живова, которая пала. Въ Ставровки квартира отведена мнѣ была у священника, который записалъ мое имя и фамилію; на вопросъ, для чего ему, онъ отвѣчалъ, чтобы знать, если въ газетахъ напечатано будетъ, что убитъ, то чтобъ помянуть. Намѣреніе доброе, но непріятно подѣйствовавшее на первыхъ порахъ.

Изъ Ставровки 10 числа переходъ въ деревню Феодоровку, 23 в. Не доходя 4 верстъ, расположился одинъ дивизіонъ, а

въ Феодоровкѣ дивизіонъ драгунъ и батарея. Жители какъ-то недовѣрчиво относились, причина тому, что много уже войскъ прошли по этому тракту и не всегда люди вели себя добропорядочно. Шедшій впереди насъ 3 полкъ дивизіи произвелъ какой-то безпорядокъ, и командиръ полка долженъ былъ заплатить, что заставило меня обратиться къ своимъ эскадроннымъ командирамъ съ предупрежденіемъ, что если поступитъ ко мнѣ какая жалоба на нижнихъ чиновъ, во время пути слѣдованія, то тотчасъ мною будетъ удовлетворена на счетъ эскадроннаго командира; что мнѣ не пришлось, слава Богу, примѣнить за все время похода, если были какія недоразумѣнія, то предупреждались начальниками частей.

М. И. Поклевская-Козелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

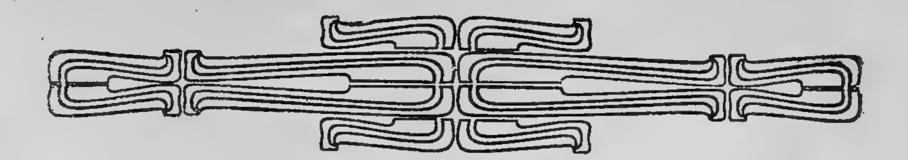
Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Отъ попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета XIII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. Тифлисѣ доводитъ до свѣдѣнія членовъ названнаго съѣзда, что въ распоряженіи Комитета имѣется X номеръ дневника съѣзда, который былъ разосланъ, но вслѣдствіе перемѣны адресовъ членовъ возвращенъ и что желающіе могутъ получить означенный номеръ дневника, если заявятъ объ этомъ предсѣдателю Распорядительнаго Комитета означеннаго съѣзда Попечителю Кавказскаго учебнаго округа Н. Ф. Рудольфу, по адресу: г. Тифлисъ".

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь присовокупить, что напечатаніе означеннаго объявленія дастъ возможность распространить съ пользою оставшіеся экземпляры дневика означеннаго съѣзда.



Необнародованная телеграмма Государя Императора императору Вильгельму отъ 16 іюля 1914 г. [1]).

„Thanks for your telegramm conciliatory and friendly, whereas official message presented to cay by your ambassador to my minister was donveyed in a veri different tone. Beg you to explain this diveggency. Jt would be right to give over the austro-servian problem to the Hague conference. Trust in your wisdom and friendship“.

Переводъ.

„Благодарю за вашу телеграмму, примирительную и дружескую. Между тѣмъ оффиціальное сообщеніе, переданное вашимъ посломъ Моему министру, было совершенно въ другомъ тонѣ. Прошу васъ объяснить это разногласіе. Было бы правильнымъ передать австро-сербскій вопросъ на Гаагскую конференцію. Разсчитываю на вашу мудрость и дружбу“.

---

[1]) Германское правительство напечатало нѣсколько телеграммъ Государя Императора императору Вильгельму, но умолчало объ этой телеграммѣ, предлагающей, за три дня до объявленія Германіей войны, передать рѣшеніе австро-сербскаго вопроса на разсмотрѣніе третейскаго суда въ Гаагѣ.

Ред.

Изъ записной книжки „Русской Старины“.

Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке въ Петербургѣ въ 1873 году.

Весною 1873 года Вильгельмъ I, Бисмаркъ и Мольтке пріѣхали въ Петербургъ. Императоромъ Александромъ II былъ оказанъ имъ самый любезный пріемъ. На Царицыномъ лугу былъ произведенъ майскій парадъ войскамъ гвардіи и округа, при чемъ для осушенія плаца инженернымъ вѣдомствомъ были заготовлены большіе костры, которые горѣли всю ночь наканунѣ парада, но Царицына луга все-таки не осушили и ступни ногъ пѣхоты увязали въ грязи.

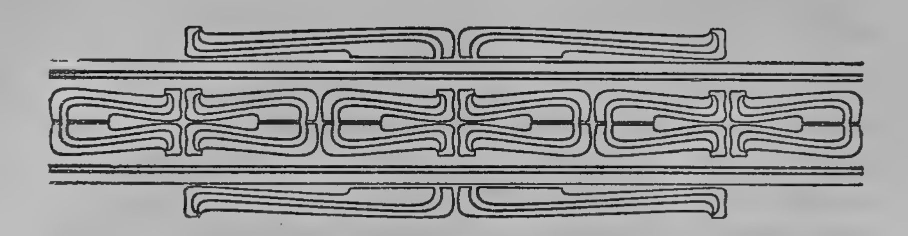
Торжественные обѣды, балы, заря съ церемоніей слѣдовали безпрерывно. Окутанные славой недавнихъ побѣдъ, германскіе гости держали себя гордо и надменно.

Старшій офицерскій составъ нашей гвардіи былъ преисполненъ почтенія къ побѣдителямъ, а младшіе офицеры, будущіе сторонники франко-русскаго союза, не раздѣляли почтенія къ германцамъ и напѣвали Вахтъ амъ Рейнъ протяжно германскимъ напѣвомъ слѣдующими словами:“ Вильгельмъ ослятина, Мольтке дохлятина, Бисмаркъ стервятина“, и заканчивали его самымъ крѣпкимъ русскимъ восклицаніемъ этому нѣмецкому тройственному соединенію.

Изъ провинціи былъ вызванъ на смотръ своему германскому шефу нашъ Орденскій Драгунскій полкъ. По обычаю того времени, командиръ полка полковникъ Л. считалъ себя несомнѣннымъ флигель-адъютантомъ послѣ смотра, и уже заготовилъ флигель-адъютантскіе аксельбанты, эполеты и погоны. Судьбѣ не было угодно, чтобы командиръ орденскихъ драгунъ получилъ это званіе. При объздѣ развернутаго строя полка нашимъ Государемъ и Вильгельмомъ I, послѣдній остановился у боевыхъ литавръ полка и спросилъ командира—за что полкъ получилъ литавры--за взятіе Берлина—отвѣчалъ полковникъ Л. Понятно, что послѣ этого отвѣта, онъ никогда не получилъ назначенія въ свиту.

П. Вороновъ.

Императрица Екатерина II.



Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи [1].

(Дневникъ).

Въ теченіе мая мѣсяца 1716 года датскій король Фредерикъ IV нѣсколько разъ встрѣчался съ Петромъ Великимъ въ окрестностяхъ Гамбурга.

23 мая состоялся прощальный обѣдъ у короля, и царь въ тотъ же день сѣлъ на богато убранную яхту около Альтоны на рѣкѣ Эльбѣ и при салютѣ изъ большихъ орудій поѣхалъ съ попутнымъ вѣтромъ въ Гарбургъ, откуда онъ намѣревался продолжать путь въ Пирмонтскій курортъ; царская свита слѣдовала за нимъ на двухъ яхтахъ отдѣльно.

Его царское величество съ особымъ успѣхомъ прошелъ

---

[1]) Для составленія полнаго дневника пребыванія Петра Великаго въ Даніи источниками служили: *Historisk Tidsskrift*. 5. Raekke, 3. (Holm). *Hist. Meddelelser* om Kóbenhavn IV. *Bussaeus:* Kong Friederich den Fjerdes Dagregister, Kbhvn. 1770. *Orion* 1716. *Рукопись* въ Коп. Королевской библіотекѣ *N 1669*, 4o. *Theatrum Europ. Nye Tidender* 1716. *Brasch.* Vemmetofte II. *Regnskaber* over Czarens Indkvartering (датск. архивъ), *Hòjers* Kònig Friedrich des Vierten Leben. *Suhms* nye Samlinger II. *Zorrebov:* Opera Mathematico-Physica. *Thurah*: Hafnia Hodierna. *Bugge*: Observationes Astronomicae. *Ursin*: Hist. Beretning om Universitetets Observatorium. *Nielsen*: Kòbenhavns Historie VI. *Rhode*: Bidrag til Laaland-Falsters Historie 2. Udg. *Montaigus* Breve til Lòvenòrn. *Рукопись:* Nye kgl. Samling Format 4. *N 1100. Рукоп.* Gl. kgl. Saml. *N 2778*, 4o Mylii Collectanea. Всѣ эти источники, за исключеніемъ Theatrum Europ.,—датскаго происхожденія. Не вошедшіе въ дневникъ дни не напечатаны, или потому что имѣющійся къ нимъ матеріалъ не вполнѣ правдоподобенъ, или потому что къ нимъ не имѣется датскаго матеріала.—Все, помѣщенное въ скобкахъ, служитъ объясненіемъ со стороны автора. Петръ прибылъ въ Данію 4 (15) іюля и оставилъ Копенгагенъ 16 (27) октября 1716.

лѣченіе минеральными водами и 14 іюля намѣревался ѣхать въ Копенгагенъ чрезъ Ганноверъ и Шверинъ.

Тѣмъ временемъ московское войско начало собираться и приготовляться къ переправѣ на датскій островъ Селяндію; для этого приготовленъ флотъ, состоящій изъ галеръ. Войскамъ заготовлены порядочные запасы провизіи и въ такомъ количествѣ, что гдѣ бы они ни остановились въ открытомъ полѣ, все необходимое тотчасъ будетъ подъ рукой. Московская конница въ числѣ 5.000 чел. двигается внутрь страны; для нея приготовленъ лагерь подъ Килемъ, гдѣ уже собрались англійскіе и царскіе чиновники для переговоровъ съ королевскими датскими интендантами о поставкѣ необходимой провизіи.

(Петръ выразилъ предъ королемъ желаніе жить въ дворцѣ принца Карла, брата короля. Съ какими чувствами датскій дворъ отнесся къ желанію царя, видимъ изъ слѣдующихъ засимъ записокъ графа Гольштейна и письма принца Карла, къ своему камеръ-юнкеру).

Король сказалъ своему министру: Царь польстился на домъ моего брата; это причиняетъ мнѣ истинное горе; велите сейчасъ убрать оттуда всѣ рѣдкости и лучшія вещи моего брата, иначе все будетъ испорчено (der Zar ist verpicht auf meines Bruderen Hause, welches mir recht ein chagrin verursachet, lasse Er sogleich meines Bruders Rariteten und beste Sachen an die Seite bringen, sonsten wird alles ruinirt. Записка Гольштейна).

(Рѣчь идетъ о находившейся около Копенгагена пригородной дачѣ принца Карла, недалеко отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи расположился русскій лагерь).

11 (22) іюля 1716. Карлъ, Божіею Милостію принцъ Даніи и пр. и пр. Изъ письма вашего я съ глубокой скорбью узналъ, что его царское величество безъ предварительной просьбы на мое имя и вопреки заявленіямъ брата нашего, короля, захотѣлъ поселиться въ нашемъ дворцѣ Шарлоттенбургѣ. Не будемъ распространяться объ этомъ непріятномъ дѣлѣ. Я только желаю порекомендовать вамъ, какъ можно скорѣе уложить нашу лучшую мебель, вещи и рѣдкости и увезти ихъ къ себѣ на квартиру. Недѣля тому назадъ, какъ я писалъ объ этомъ своему брату, королю; но вѣроятно неожиданно быстрое появленіе царя послужило причиной, что я доселѣ не имѣю отъ него отвѣта... Я написалъ своему брату, что разъ неизбѣжно пережить такое горе, а именно видѣть царя жильцомъ своего дворца, я просилъ бы совѣта, какъ поступить съ находящимися въ немъ мебелью, вещами и драгоцѣнностями. Даю вамъ довѣренность

на вскрытіе всѣхъ моихъ печатей... Съ этимъ письмомъ посылаю къ вамъ лакея, который передастъ вамъ ключъ отъ большого шкафа; возьмите оттуда всѣ серебряныя и золотыя вещи къ себѣ на сохраненіе... Есть еще шкатулка съ разными мелкими золотыми и серебряными вещами; въ противномъ случаѣ все, что въ ней находится, будетъ попорчено и поломано... Если король не дастъ отвѣта на мое письмо, я выѣду изъ имѣнія въ понедѣльникъ.

(Записка Гольштейна): Король самъ сказалъ царю и черезъ другихъ велѣлъ передать ему, что онъ не въ правѣ распоряжаться домомъ своего брата, а мнѣ онъ сказалъ, что онъ даже всячески постарается воспрепятствовать этому. „Dass Er selber und durch andere Ihm (dem Zaren) hatte sagen lassen, dass Er über Ihro Hoheiten seines Bruderen Hause nicht disponiren könne... Er wollte annoch thun alles, was Ihm mennschlich und möglich wäre, obes könnte verhindert werden.

(Наконецъ рѣшено было помѣстить царя въ домѣ купца Эдингера, стараго знакомаго Петра. Это было сдѣлано слѣдующимъ королевскимъ приказомъ):

Мы, Божіею Милостію и пр. и пр. Въ томъ наша всемилостивѣйшая воля, чтобы Вильгельмъ Эдингеръ, купецъ и гражданинъ нашего города Копенгагена, неотмѣнно до завтряшняго вечера уступилъ и очистилъ свой дворъ и домъ со всѣми находящимися въ немъ комнатами въ распоряженіе его царскаго величества. Фредерикъ. 8 (19) іюля 1716.

(Изъ записокъ аптекаря Сайделина):

Въ 1716 году нашъ городъ Нюкэбингъ (на островѣ Фальстерѣ) посѣтилъ россійскій царь Петръ I-ый Великій. Онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ княземъ Меншиковымъ и съ другими князьями и генералами и вышелъ на берегъ ночью полмили отъ Гедесбю; тутъ же на полѣ попались имъ гулявшія на свободѣ крестьянскія лошади, на которыхъ они поѣхали въ деревню; здѣсь они вошли въ домъ старосты и въ постоялый дворъ; царь въ мигъ выгналъ хозяина постоялаго двора вмѣстѣ съ его женой изъ кровати, и самъ вскочилъ въ теплую еще постель—въ сапогахъ. Крестьяне поспѣшили послать гонца въ Нюкэбингъ, чтобы дать знать о прибытіи царя, и всѣ мѣры были приняты къ встрѣчѣ его; вскорѣ послѣ того послали за стифтсамтманомъ (губернаторомъ) Лютцовымъ и за амтманомъ (полицеймейстеромъ) Рейховымъ, чтобы они поспѣшили на встрѣчу царю; дѣлопроизводитель Тейхманъ съ семьей и помощникъ управляющаго Мэллеръ поспѣшили въ Гедесбю и

увезли съ собою всѣ кареты и телѣги съ лошадьми, какія только нашлись въ городѣ, чтобы быть къ услугамъ царя и его свиты. Въ Нюкэбингѣ пробили тревогу, чтобы гражданская милиція вышла на парадъ при въѣздѣ царя, а благородныхъ женщинъ послали во дворецъ приготовить царю столъ. Въ городъ онъ прибылъ въ 11 ч. дня, но не въ каретѣ, а на какихъ-то носилкахъ, подвѣшенныхъ между двумя лошадьми, принадлежащими ему самому. Его пригласили во дворецъ, но это ему не понравилось, потому что онъ положилъ себѣ пообѣдать въ постояломъ дворѣ; заставъ своего повара на дворцовой лѣстницѣ, онъ его жестоко прибилъ. Наконецъ онъ всетаки согласился подняться во дворецъ, но съ условіемъ, чтобы ему позволили обѣдать одному, почему Лютцову и Рейхову пришлось удалиться. Онъ похожъ былъ на унтеръ-офицера или скорѣе на палача; онъ былъ высокаго роста, одѣтъ въ грязную синюю суконную одежду съ мѣдными пуговицами; съ боку, на кожанномъ ремнѣ, сверхъ кафтана, у него висѣлъ большой, широкій ножъ, въ родѣ меча палача; на ногахъ у него были большіе сапоги, на головѣ бархатная шапка, усы у него были короткіе, а въ рукахъ онъ держалъ длинную камышевую дубину; но впрочемъ нельзя сказать, чтобы онъ былъ некрасивъ собою. За обѣдомъ онъ не просидѣлъ долго; прямо изъ-за стола онъ со своими кавалерами направился къ дворцовой кузницѣ, близъ которой стояла приготовленная для него, по его собственной просьбѣ, парусная лодка, принадлежавшая братьямъ Генриху и Кляусу Вендтъ. Тѣмъ, которые подходили слишкомъ близко къ нему, когда онъ шелъ отъ дворца, пришлось отвѣдать его палки. Такъ какъ невозможно было сѣсть въ лодку, не вступая въ воду, Кляусу Вендту пришлось перенести его въ лодку; за этотъ трудъ онъ выдалъ ему 8 скиллинговъ (копѣекъ) на выпивку. Устроившись въ лодкѣ со своими кавалерами, онъ отчалилъ, но, подъѣхавъ къ пристани парома, онъ вышелъ на мостъ, оглядѣлся на всѣ стороны и опять сѣлъ въ лодку, потомъ уѣхалъ по направленію къ Гасселегабу и еще дальше съ цѣлью привести свои галеры, съ которыми онъ прибылъ изъ Мекленбурга; ихъ было много, такъ какъ онъ привезъ съ собою армію въ 36.000 чел. (?) Съ галерами онъ пришелъ обратно въ 5—6 ч. по полудни и опять вышелъ на берегъ со своими приближенными, но отказался отъ приготовленнаг одля него ужина; вмѣсто того онъ вошелъ въ домъ почтмейстера Ивера Розенфельдта, и тамъ велѣлъ подать ржаного и пшеничнаго хлѣба, масла, голландскаго сыра, пива, водки и вина, а

въ особенности ему понравилось Данцигское пиво. Меня тогда также впустили въ домъ Розенфельдта посмотрѣть, какъ царь ѣстъ, а кушалъ онъ съ большой граціей: каждый разъ, когда онъ намазывалъ масло на хлѣбъ, онъ облизывалъ остатки масла съ ножа; въ домѣ моихъ родителей собралось множество его приближенныхъ, ихъ угощали такимъ же образомъ [1]). По приходѣ всѣхъ галеръ, большинство войска высадилось на берегъ такъ что всѣ улицы и дома переполнились, и никому не было свободнаго проходу, а чрезъ два часа негдѣ было достать мяса, свинины, масла, яицъ, пива и водки. Къ ночи царь съ приближенными опять уѣхалъ на галеры, и всѣ прочіе по данному сигналу также вернулись на суда. На слѣдующій день, рано утромъ, на берегу видно было нѣсколько тысячъ (!) походныхъ котловъ на кострахъ; на устройство этихъ костровъ русскіе похитили все, что только могло горѣть, а въ котлы они собрали всевозможной зелени, напримѣръ, крапивы, которую бросали въ котлы, разрѣзавъ ее на мелкіе куски, и въ каждый котелъ еще бросили по одной, разрѣзанной на части, соленой селедкѣ; когда супъ этотъ (или щи) закипѣли, они скоро его съѣли и опять увезли котлы на суда, и царь со своей флотиліей сталъ уходить къ Гульдборгу, направляясь къ Копенгагену, такъ что въ полдень не было видно больше ни одной галеры.

(О торжественномъ въѣздѣ Петра въ столицу Даніи и о приготовленіяхъ датскаго двора къ достойной встрѣчѣ его существуетъ много записокъ какъ въ печати, такъ и въ рукописяхъ (см. напр. Щербачева: шесть документовъ). По разборѣ подробностей слагается слѣдующая картина церемоніала).

Въ пятницу 6 (17) іюля по всему Копенгагену разнесся слухъ, что царь со своей эскадрой былъ уже недалеко отъ столицы. Въ 3 ч. дня пробили тревогу на барабанахъ по всему городу, и вся гражданская милиція была вызвана на парадъ и разставлена шпалерами по всѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ проѣхать кортежъ, т.-е. отъ таможенной пристани до дворца, нынѣшняго Христіансборга, въ которомъ король жилъ.

Ровно въ 5 ч., по окончаніи обѣда, король выѣхалъ изъ дворца въ своей лейбъ-каретѣ на шестерикѣ; вмѣстѣ съ нимъ

---

[1]) Доска, придѣланная къ стѣнѣ той комнаты, гдѣ царь обѣдалъ, напоминаетъ всѣмъ о царскомъ обѣдѣ, дессертъ котораго подали въ наше время: въ 1845 году Имп. Николай пожаловалъ тогдашнему владѣльцу дома почетный подарокъ въ размѣрѣ 100 талеровъ сер. и золотую медаль за то, что онъ сохранилъ доску. (Rhode). Царь обѣдалъ здѣсь 4 іюля.

ѣхалъ гофмаршалъ гр. Калленбергъ. Карета остановилась у таможенной пристани, и король безъ всякой задержки спустился въ королевскій катеръ въ сопровожденіи Калленберга и Лаурвига; катеромъ правилъ морской офицеръ подъ командою датскаго героя Торденскіольда; по совѣту послѣдняго, катеръ направили къ нынѣшней лоцманской станціи Драгэру, гдѣ царь уже находился со своими галерами—въ 6-ти верстахъ отъ Копенгагена. Скоро послѣ отбытія королевскаго катера тайные сов. Краббе и Адлеръ вмѣстѣ съ юст. сов. Шредеромъ сѣли въ королевскую венеціанскую гондолу и поѣхали на веслахъ за королевскимъ катеромъ. Въ 5 ч. 15 м. датскій ген.-адмиралъ Гюльденлэве выѣхалъ изъ порта на собственномъ катерѣ. Когда король со своими кавалерами подъѣхалъ къ галерамъ, царь пригласилъ короля къ себѣ; загремѣли выстрѣлы, и король поднялся на царскую галеру; оба монарха сердечно обнялись, король и свита его поздравили царя съ благополучнымъ прибытіемъ. Потомъ весь русскій флотъ двинулся впередъ, и оба величества прошли мимо морского укрѣпленія „Пробирный Камень“. Первые салютные выстрѣлы послышались въ Копенгагенѣ въ 5 ч. 45 м. Въ 6 ч. венеціанская гондола вернулась пустая и пристала къ таможенной пристани. Въ 5 ч. 55 м. слѣдующіе совѣтники переѣхали въ Военный портъ: Гольштейнъ, Платенъ, ген.-лейт. Эмдтенъ, гр. Фриисъ и др. Въ $6^1/_2$ ч. они вернулись и привезли съ собою ген.-лейт. Шенфельдта, потомъ заняли свои мѣста около лѣстницы пристани, чтобы здѣсь встрѣтить его царское величество. Въ 6 ч. царь съ флотиліей проходилъ мимо „Новаго Укрѣпленія“. Всѣ сигнальные флаги были подняты на 4-хъ флагъ-корабляхъ, и орудія загремѣли. На кораблѣ, которымъ прежде командовалъ Бредалъ, развѣвался вице-адмиральскій флагъ; на немъ командовалъ самъ царь въ качествѣ вице-адмирала; командиромъ судна состоялъ Апраксинъ, который за два дня до того былъ переведенъ сюда, тогда какъ Бредалу вновь было предоставлено командованіе фрегатомъ „Самсонъ“. Когда царь проходилъ мимо морской крѣпости „Три Короны“, его привѣтствовали салютомъ изъ большихъ орудій, и самъ онъ каждый разъ отвѣчалъ 6-ью выстрѣлами; датскіе корабли спустили вымпелы и штандарты въ знакъ уваженія. Въ 7 ч. 15 м. царская флотилія миновала таможенную пристань и прошла прямо въ внутренній портъ, гдѣ корабли ошвартовались у склада Моцмана, нынѣшняго Христіансхольма. Почти цѣлый часъ царь еще остался на своей галерѣ, потомъ спустился въ королевскій катеръ, ко-

торый повезъ его обратно къ таможенной пристани; катеръ остановился у правой лѣстницы, царь [1]) вышелъ первый изъ катера, за нимъ король, Гюльденлэве, Урбе, Лаурвигъ, Шольтенъ, русскій посолъ, Краббе и Адлеръ. Перечисленные выше кавалеры привѣтствовали царя; потомъ загремѣлъ тройной салютъ съ таможенной пристани, съ крѣпости и съ валовъ столицы, и парадный кортежъ двинулся впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Впереди ѣхалъ коричневый эскадронъ конной гвардіи. За нимъ *2.* въ 6-ти парадныхъ каретахъ—гр. Калленбергъ, Платенъ, Кнутъ, Фриисъ и др.; каждую карету везли 6 коней; впереди каждой кареты шли по 4 лакея. *3.* Тайн. сов. Адлеръ и одинъ кавалеръ ордена Данеброга—на шестеркѣ. *4.* Тайный сов. Сегестедъ одинъ верхомъ. *5.* Карета тайн. сов. Сегестеда. *6.* Тайн. сов. Урбе и одинъ кавалеръ Бѣлой ленты. *7.* Карета тайн. сов. Шольтена. *8.* Тайн. сов. Краббе одинъ верхомъ. *9.* Карета тайн. сов. Лаурвига съ сѣрыми конями. *10.* Гюльденлэве и русскій посолъ. *11.* 4 королевскихъ пажа верхомъ. *12.* 4 шталмейстера верхомъ. *13.* 2 кавалера. *14.* 2 кавалера. *15.* 2 кавалера ордена Данеброга, ген. Эмдтенъ и Лерхе. *16.* Царь и Король въ лейбъ-каретѣ съ 6-ью сѣрыми конями, по обѣимъ сторонамъ лакеи. *17.* Бѣлый и черный эскадроны конной гвардіи. *18.* 2 придворныя кареты съ 6-ью конями каждая. *19* и *20.* Нѣсколько придворныхъ парныхъ каретъ; въ нихъ сидѣли ген. Шольтенъ и другіе кавалеры.

Въ 8 ч. 45 м. царь подъѣхалъ къ дворцу; король вышелъ съ лѣвой стороны кареты, а царь съ правой. Когда гвардейцы поравнялись, заиграли трубы и барабаны; немного погодя королевскіе трубачи протрубили на обѣдъ по три раза, какъ это обыкновенно дѣлается; потомъ опять послышались трубачи королевской гвардіи, и гвардія ушла маршемъ. Гражданская милиція и солдаты были распредѣлены такъ: у пристани стоялъ одинъ полкъ солдатъ, вдоль Королевской улицы и на Королевской площади вплоть до канала стояла гражданская милиція, у дворцоваго моста пожарная команда, на дворцовой площади солдаты и гвардія.

Поднявшись во дворецъ, царь прошелъ прямо въ покои наслѣдника, а король ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, но скоро вер-

[1]) Въ какомъ костюмѣ Петръ явился въ Копенгагенъ, указано въ самомъ послѣднемъ пунктѣ статьи.

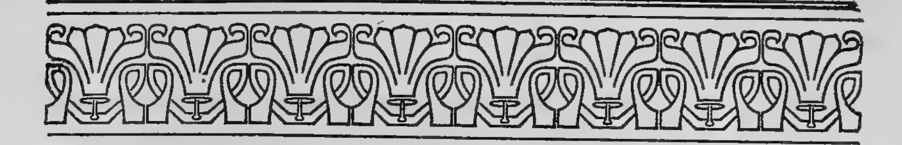
нулся. За обѣдомъ царь имѣлъ съ одной стороны короля, съ другой русскаго посла и русскаго ген.-адъютанта; король сидѣлъ между царемъ и Гюльденлэве. За каждой здравицей играли на трубахъ на дворцовой площади; сигналъ къ этому подавалъ трубачъ. Въ началѣ обѣда царь былъ очень разговорчивъ. Въ 11 ч. 30 м. онъ распрощался съ королемъ и уѣхалъ къ своему послу, у котораго и переночевалъ [1]).

Священникъ Іоаннъ Щелкуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Въ нѣкоторыхъ запискахъ указано, что Петръ, будто бы, хотѣлъ уклониться отъ церемоніала въѣзда и потому, неожиданно для всѣхъ, на галерахъ прошелъ мимо пристани. Безъ сомнѣнія, Петру не нравился сложный церемоніалъ датскаго двора, а свободное поведеніе царя не нравилось датчанамъ: „Какъ только онъ вышелъ на берегъ, онъ сталъ разыгрывать изъ себя господина и начальника",—(записано у Гольштейна).

Домъ посла Долгорукаго, въ которомъ Петръ провелъ первую ночь, доселѣ сохранился; въ немъ помѣщалось русское посольство почти 200 лѣтъ подъ рядъ.



Русскіе у береговъ Эпира.

(115 лѣтъ тому назадъ).

По неизданнымъ мемуарамъ.

Въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки хранятся неизданныя „Записки флота капитанъ-лейтенанта Егора Метаксы“, греческаго уроженца, офицера русской службы, участника похода въ Средиземное море черноморскаго флота въ 1798—1800 г.г. подъ начальствомъ знаменитаго адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова, назначеннаго главнокомандующимъ соединенныхъ русской и турецкой эскадръ, для освобожденія отъ ига французовъ покоренныхъ ими народовъ на побережьяхъ Италія и Адріатическаго моря и на Іоническихъ островахъ, расположенныхъ вдоль береговъ Эпира.

Экспедиція эта, исключительная по политической конъюнктурѣ, когда русскому адмиралу привелось командовать соединенными флотами Россіи и Турціи и вести ихъ, въ первую очередь, на освобожденіе отъ иноземнаго ига православныхъ народовъ, населявшихъ Іоническіе острова, и проведенная Ушаковымъ съ блестящимъ успѣхомъ, доставила ему и русскому отряду много тяжелыхъ испытаній.

Снабженіе нашей эскадры провизіей и экспедиціи дессантными войсками, по состоявшемуся соглашенію, относилось къ обязанности прибрежныхъ турецкихъ пашей Мореи и Эпира. Въ послѣднемъ, въ городѣ Янинѣ, властвовалъ могущественный намѣстникъ Эпира, Али-Паша Янинскій, гремѣвшій своими подвигами въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го вѣка [1])

---

[1]) Популярность личности Али-Паши была такъ велика, что однимъ нѣмецкимъ композиторомъ въ 1824 году была написана опера „Али-Паша изъ Янины“. В. И.

и возбуждавшій самые разнообразные толки. Съ нимъ пришлось имѣть дѣло русскому главнокомандующему, требовать отъ него вспомогательныхъ дессантныхъ войскъ и попутно защищать отъ него христіанское населеніе побережья.

Автору записокъ пришлось два раза, въ концѣ октября 1798 года и въ концѣ января 1799 года, ѣздить къ Али-Пашѣ, по порученію адмирала Ушакова, для личныхъ переговоровъ, и онъ оставилъ намъ подробную характеристику Эпирскаго владыки и живое описаніе своихъ переговоровъ съ нимъ.

Али-Паша, по разсказу Метаксы, происходилъ изъ гор. Тепеленгіи, близъ Янины, и былъ однимъ изъ сыновей бывшаго перваго аги Тепеленгіи. Отецъ его Вели потерялъ свое состояніе въ безпрестанныхъ ссорахъ съ сосѣдями, и когда Али, послѣ долгихъ скитаній за поисками разныхъ приключеній, возвратился въ отечество, мать его, желая сохранить Али всѣ остатки состоянія своего мужа, умертвила другихъ сыновей своихъ, и Али вступилъ одинъ въ наслѣдство отца. Въ теченіе 30 лѣтъ Али-Паша успѣлъ сдѣлаться властителемъ всего Эпира, Ѳессаліи и большой части Албаніи и Македоніи. Сама Порта Оттоманская видѣла въ немъ скорѣе мощнаго и опаснаго сосѣда, нежели данника и подвластнаго ей намѣстника.

Природа одарила Али-Пашу высокимъ умомъ и необыкновенною энергіей, но они направлены были на измышленіе самыхъ преступныхъ средствъ для достиженія власти и богатства. Онъ захватываетъ въ свои руки сосѣднихъ пашей, умерщвляетъ ихъ иногда собственноручно, а управляемую ими область присоединяетъ къ своей. Самые ближайшіе родственники не избѣгаютъ этой участи. Не успѣвъ уговорить сестру свою Хайницу отравить мужа ея, Али-Паша поднялъ противъ зятя родного его брата, которому отдалъ въ награду братское состояніе и руку сестры. Завидуя родному племяннику Эмасу-Бею, назначенному управлять Ѳессаліею, онъ отравилъ его посредствомъ драгоцѣнной собольей шубы, посланной въ подарокъ черезъ Хайницу, его мать. Пользуясь ненавистью между греками и турками, Али-Паша всегда противъ христіанскаго селенія посылалъ магометанъ, а на послѣднихъ посылалъ свои греческія вспомогательныя войска. Не останавливаясь ни передъ чѣмъ, Али во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ достигалъ успѣха, и одно имя его наводило трепетъ на всѣхъ его непріятелей. Онъ сыпалъ щедро деньгами при султанскомъ дворѣ, гдѣ подкупленные имъ сторонники представляли его грабежи и убійства подъ видомъ преданности султану. Часто, вмѣсто

строгаго взысканія и наказанія, Али-Паша былъ награждаемъ и жалованъ почестями, какъ усмиритель непокорныхъ Портѣ воеводъ.

Пользуясь несчастными войнами Турціи съ Россіей, Франціей, сербами и др. подчиненными ей народностями и бунтующими пашами, Али, выставляя вспомогательное войско, часть его съ притворствомъ и осторожностью употреблялъ противъ враговъ Порты, а остальное къ распространенію своихъ границъ. Ему долгое время удавалось обманывать султанское правительство, пока наконецъ, чувствуя себя довольно сильнымъ, Али-Паша сталъ явно отказываться отъ исполненія фирмановъ султана. Опасаясь возрастающаго могущества албанскаго паши и желая присвоить себѣ несмѣтныя его богатства, Порта нѣсколько разъ подсылала явныхъ и тайныхъ убійцъ, но неутомимая бдительность Али-Паши и сила его червонцевъ дѣлали всѣ покушенія тщетными. Палачи, являвшіеся въ одеждѣ придворныхъ чиновниковъ и имѣвшіе повелѣніе отрубить пашѣ голову лишались обыкновенно своей, какъ скоро вступали только въ его владѣнія. Объ отправленіи къ нему палачей Али-Пашу всегда заблаговременно извѣщали сами турецкіе министры, сдѣлавшіеся совершенно его наемными слугами при султанскомъ дворѣ.

Порта, видя всѣ попытки отдѣлаться отъ опаснаго паши тщетными и опасаясь, что Али объявитъ себя независимымъ владѣтелемъ, прибѣгла къ обратнымъ мѣрамъ. Султанъ старался разными милостями привлечь къ себѣ албанскаго пашу. Дѣти Али, Мухтаръ и Вели, были возведены въ первыя пашинскія достоинства: первый, со званіемъ Беглеръ-Бея, получилъ въ управленіе Бератъ, а младшій Вели—Пелопонесскій полуостровъ.

Али-Паша управлялъ подвластными ему провинціями гораздо самодержавнѣе, чѣмъ турецкій султанъ своею имперіею. Одна воля его была законъ, и выше ея ничего не было. Горе было тому, кто не только поступками, но малѣйшимъ ропотомъ осмѣливался возбудить гнѣвъ его. Мщеніе раздраженнаго Али-Паши постигало несчастнаго немедленно, оно переносилось на цѣлое его семейство, а нерѣдко и на все селеніе, откуда тотъ происходилъ. Онъ истребилъ въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе 6.000 христіанъ, исполняя завѣщаніе своей матери, бывшей у нихъ когда-то въ неволѣ. Онъ казнилъ побочнаго своего брата и все семейство его за то, что тотъ смѣлъ негодовать на звѣрскіе поступки Али противъ нѣкоторыхъ богатыхъ эпиротовъ, которыхъ Али умертвилъ для присвоенія себѣ имущества ихъ.

Главное занятіе Али-Паши въ мирное время состояло въ обученіи войскъ и въ постепенномъ приращеніи своихъ сокровищъ. Обширныя его помѣстья, большею частью отнятыя у сосѣдей, онъ отдавалъ на откупъ. Это приносило ему громадные доходы. Точно также большой доходъ приносили въ его казну неисчислимые гурты скота, таможни, поголовныя подати, исключительное его право на продажу скота, шерсти, строевого лѣса и пр.

Дубовые лѣса по Албанскому побережью были превосходнѣйшими въ Средиземномъ морѣ. Изъ нихъ строились всѣ почти Венеціанскіе корабли, и Тулонъ до революціи пользовался предпочтительно эпирскими лѣсами. Французское правительство содержало для закупки лѣсовъ контору въ гор. Превезѣ. Во время экспедиціи адмирала Ушакова въ Средиземное море въ 1798—1800 гг. лѣсъ для починки судовъ покупался также въ Воницѣ на Албанскомъ берегу. Али-Паша присвоилъ себѣ всѣ лѣса безъ изъятія.

Онъ завелъ себѣ многочисленный торговый флотъ, грузилъ его въ турецкихъ портахъ всякими товарами и доставлялъ ихъ въ Италію, а особенно въ Тріестъ. Обратно привозилось все необходимое для мѣстнаго населенія, какъ-то: сукна, шелковыя матеріи, бархатъ, фески и т. п. Али-Паша продавалъ товары своимъ же купцамъ оптомъ изъ 20% барыша и съ возмѣщеніемъ ему путевыхъ расходовъ. Во всѣхъ торговыхъ оборотахъ, производимыхъ его подданными, обращались капиталы паши.

Онъ считался всеобщимъ наслѣдникомъ своихъ подданныхъ. Имѣнія всѣхъ тѣхъ, кто умиралъ безъ дѣтей мужескаго пола, по заведенному имъ порядку отходили къ нему. Наслѣдованіе отдаленными родственниками не допускалось: ихъ замѣнялъ Али-Паша. Вдовы лишались состоянія и дома своего мужа, если не имѣли сыновей и т. д. Онъ готовъ былъ на какія угодно сдѣлки: кто не могъ получить уплаты долго, дарилъ за бездѣлицу свое право Али, и онъ очень скоро производилъ въ этихъ случаяхъ взысканіе. При сомнительныхъ тяжбахъ право иска уступалось также ему, и дѣло тотчасъ же получало оборотъ, благопріятный для истца.

Всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, но никто не смѣлъ являться безъ денегъ или подарка. На рынкахъ и въ лавкахъ онъ бралъ все, что ему нужно, безъ платы. Онъ заставлялъ купцовъ брать у него въ займы по необычайнымъ процентамъ. Будучи самъ наемщикомъ, подрядчикомъ, казен-

нымъ сборщикомъ, откупщикомъ, таможеннымъ начальникомъ и монополистомъ, Али-Паша пополнялъ сундуки свои за счетъ всей государственной промышленности. Онъ не гнушался даже участвовать въ малѣйшихъ барышахъ своихъ управляющихъ, секретарей, сторожей, тюремщиковъ и даже палачей.

Порта облекла его званіемъ главнаго начальника надъ большими дорогами, и онъ сейчасъ же присвоилъ себѣ право налагать на богатыя селенія денежные штрафы, въ видѣ наказанія за укрываніе будто бы воровъ и непріятелей султана. Доходы его достигали до 20 милліоновъ піастровъ; изъ нихъ онъ платилъ Портѣ незначительную часть поголовнаго сбора.

Несмѣтность его богатствъ выяснилась во время бывшаго въ Тепеленгіи въ 1818 году пожара. Въ этомъ родномъ городѣ Али построилъ крѣпость, обведенную водянымъ рвомъ, и хранилъ въ ней казну и всѣ свои сокровища. Въ случаѣ какого-либо несчастнаго для себя переворота Али предполагалъ укрыться въ крѣпости, чтобы найти въ ней свое спасеніе или могилу. Пожаръ обратилъ въ пепелъ дворецъ Али со всѣми драгоцѣнностями, но ему удалось спасти и вывезти въ Янину на 150 милліоновъ одной золотой монеты, бывшей въ подвалахъ дворца. Извѣстіе объ этомъ усилило противъ Али злобу султана и зависть его министровъ: они могли прощать албанскому пашѣ дерзость его и непослушаніе, но такое богатство его выводило ихъ изъ себя. Съ прискорбіемъ думали они, что онъ гораздо дороже могъ бы платить Портѣ за право грабить сосѣдей своихъ, не давая отчета.

Али-Паша могъ выставить и содержать до 40 тысячъ пѣхоты и до 10 тысячъ Ѳессалійской конницы, имѣлъ достаточную и исправную артиллерію. Наемные французы завели ему литейный и пороховой заводы въ Тепеленгіи. Въ мирное время Али-Паша содержалъ не болѣе 10 тысячъ пѣхоты и 3.000 конницы. Албанцы были его любимымъ войскомъ; туркамъ онъ не довѣрялъ; вооруженныхъ грековъ опасался, хотя большая часть дѣлъ его находилась въ рукахъ послѣднихъ. Онъ умѣло пользовался нѣжной любовью, какую греки питаютъ къ своимъ семействамъ, и оставлялъ ихъ въ залогъ всякій разъ, когда отцы семейства должны были отлучаться по дѣламъ изъ пашинскихъ владѣній.

Внутренняя и внѣшняя охрана его владѣній была обезпечена, благодаря необыкновенной его памяти и неусыпной дѣятельности. Лицо, которое онъ видѣлъ хотя разъ, навсегда оставалось въ его памяти. Онъ зналъ лично всѣхъ тѣхъ изъ

своихъ подданныхъ, кто въ кругу своихъ или въ народѣ, имѣетъ малѣйшее вліяніе. До свѣдѣнія его доводили ежедневно все, что происходило въ кофейняхъ, всѣ семейные разговоры въ городскихъ и даже въ деревенскихъ домахъ; однимъ словомъ, не было бездѣлицы, которая бы до него не доходила. Эти точныя свѣдѣнія, собираемыя изъ разныхъ мѣстъ, давали ему средства къ скорѣйшему отысканію воровъ, бѣглецовъ и всякаго рода преступниковъ. Онъ имѣлъ особенный даръ использовать ко всякому дѣлу способнѣйшихъ къ тому людей. Женщины, купцы, нищіе, монахи, имамы, дервиши, даже дѣти весьма успѣшно исполняли у него должности полицейскихъ служителей.

Всѣ Янинскіе почетные граждане, именитые купцы, ведущіе переписку съ своими родственниками или по торговымъ дѣламъ съ Константинополемъ, Россіей, Италіей и др. государствами, до такой степени страшились впасть въ подозрѣніе у грознаго своего повелителя (а особенно въ военное время), что всѣ письма свои представляли добровольно на его просмотръ, а потомъ уже отправляли по назначенію.

Али-Паша имѣлъ на жалованьѣ переводчиковъ, переводившихъ ему эти письма, равно какъ и всѣ газеты, издававшіяся въ Европейскихъ столицахъ. Они вели переписку на иностранныхъ языкахъ. Самъ Али не умѣлъ читать ни на одномъ изъ нихъ. Талисманомъ, который онъ всегда носилъ на пальцѣ въ перстнѣ, скрѣплялись всѣ его письма; всякая бумага, не имѣющая этой печати, была недѣйствительна.

Въ Константинополѣ Али-Паша содержалъ нѣсколько ѣздовыхъ, приставленныхъ къ разнымъ министрамъ и другимъ особамъ, имѣющимъ вліяніе при дворѣ султана. Они доставляли ему немедленно всѣ свѣдѣнія, новости и происходившія въ столицѣ перемѣны. Али-Паша, по этимъ извѣстіямъ, сообразовалъ свои дѣйствія. Онъ иногда оказывался болѣе свѣдущъ въ дѣлахъ турецкаго кабинета, нежели самъ султанъ.

Авторъ записокъ подробно изображаетъ, какое положеніе занялъ Али-Паша, когда на побережьяхъ Адріатическаго моря съ 1794 года явились новые завоеватели—французы. Али-Паша остался вѣренъ себѣ.

„Политика его, по словамъ Метаксы, самая хитрая, но непостоянная. Не ставя ни во что свои обѣщанія, онъ и чужимъ не вѣритъ, друзей и союзниковъ мѣняетъ онъ безпрестанно; не дорожа ихъ пріязнію, онъ не страшится также и мщенія ихъ. Али-Паша плаваетъ по вѣтру и по теченію, придержи-

ваясь сильнаго и потворствуя торжествующей державѣ: онъ былъ преданнѣйшимъ слугою Бонапарта, покуда счастье ему благопріятствовало. Сіи два деспота вели частую переписку между собою, т. е. другъ друга обманывали. Наполеонъ обнадеживалъ Али, что сдѣлаетъ его независимымъ королемъ, и что къ нынѣшнимъ его владѣніямъ присоединитъ еще Іоническіе острова и Морею, а Али-Паша съ своей стороны обязывался имѣть 100.000 отборнаго войска и, по первому востребованію французскаго императора, двинуться съ онымъ на Турцію, Австрію или Россію; но хитрый турокъ проникъ коварнаго корсиканца и сдѣлался скрытымъ его врагомъ съ тѣхъ поръ, какъ французы, занимавшіе Корфу и прочіе Іоническіе острова, стали ему всячески препятствовать завладѣть Паргою [1]. Мѣра сія можетъ быть причтена къ одному изъ лучшихъ дѣяній въ политической жизни Бонапарта, поелику намѣреніе Али-Паши было основать въ Паргѣ (укрѣпленной природою какъ съ сухого пути, такъ и съ моря) новый Алжиръ. Уже флотилія его, въ Превезѣ и Буцинтрѣ собравшаяся, ожидала токмо опытныхъ кормчихъ съ Варварійскихъ береговъ, для начатія разбойническихъ своихъ дѣйствій. Всѣ беи и владѣтели африканскіе были въ тайномъ союзѣ съ Али-Пашею. Цѣль его была истребить торговлю всѣхъ народовъ, учредя въ Адріатическомъ морѣ новую колонію африканскихъ морскихъ разбойниковъ; но Наполеонъ во-время воспрепятствовалъ сему предпріятію Али-Паши, не изъ человѣколюбія, но изъ собственныхъ своихъ выгодъ, ибо Италія и Далмація были ему уже подвластны, а Грецію полагалъ онъ въ скорости присоединить ко всемірной своей имперіи".

„Али-Паша страшится могущества Россіи и вліянія оной надъ ея единовѣрцами. Нѣтъ сомнѣнія, что участь грековъ, ему подвластныхъ, была бы еще горестнѣйшею, ежели бы онъ не боялся найти когда-нибудь въ русскихъ защитниковъ или мстителей. Всякій разъ, что храброе воинство Россійское торжествуетъ блистательными побѣдами надъ турецкими войсками, Али-Паша старается пріобрѣсть пріязнь и благоволеніе грековъ. Монахи греческіе составляютъ тогда любимую его бесѣду, онъ позволяетъ имъ исправлять пришедшіе въ ветхость церкви и монастыри [2] и способствуетъ даже къ тому щедрыми денеж-

[1] Городъ на Албанскомъ побережьи, принадлежавшій Венеціанской республикѣ. *В. И.*

[2] Во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ строжайше запрещено православнымъ возобновлять и исправлять церкви, безъ особеннаго дозволенія отъ

ными вспоможеніями; нерѣдко присутствуетъ онъ при святомъ крещеніи младенцевъ и именуетъ ихъ пріемными своими дѣтьми. Однимъ словомъ, онъ старается дать нѣкоторое вѣроятіе слухамъ, имъ же распускаемымъ, что онъ втайнѣ христіанинъ. Ежели бы Россійская армія дошла до стѣнъ Византіи, нѣтъ сомнѣнія, что Али-Паша принялъ бы христіанскую вѣру, лишь бы могъ симъ отреченіемъ исповѣданія своего удержать при себѣ владѣнія свои и награбленныя сокровища. Золото, сила и вѣроломство суть кумиры, коимъ онъ поклоняется; другихъ боговъ онъ не знаетъ и не признаетъ".

„Австрію старается Али-Паша усыпить, предлагая ей свои услуги для пріобрѣтенія Сербіи, Босніи и Герцоговины. Впрочемъ, держава сія мало обращаетъ на себя вниманіе его, ибо онъ увѣренъ, что она одна, безъ содѣйствія или согласія Россіи, не можетъ ни потрясти существованіе Порты, ни быть виновницею великихъ преобразованій на Востокѣ".

„На англичанъ, новыхъ своихъ сосѣдей [1]), смотритъ онъ съ негодованіемъ. Они, слѣдуя врожденному побужденію истреблять при самомъ началѣ всякую возникающую морскую силу, отняли у него всѣ средства и надежду имѣть на морѣ даже лодку вооруженную. Онъ, однако же, скрываетъ свою ненависть подъ личиною притворной пріязни. Во все время пребыванія французовъ въ Египтѣ, онъ помогалъ симъ подъ рукою въ ущербъ англичанамъ и султану".

Несмотря на достигнутый, благодаря своему богатству, внѣшній лоскъ Али-Паша, по описанію Метаксы, лично познакомившагося съ обиходомъ дворца эпирскаго владыки, сохранилъ черты дикаго албанца въ своей домашней жизни.

„Посѣщающимъ его иностраннымъ путешественникамъ старается Али показать развязность, вкусъ и просвѣщенное образованіе европейскаго вельможи, но самъ сего не можетъ онъ долго выдержать, не обнаружа своего невѣжества. Онъ думаетъ привести въ невѣжество своими войсками, сокровищами и награбленными рѣдкостями, но все сіе затмевается безпорядкомъ, неразборчивостью и дурнымъ вкусомъ, встрѣчающимся повсю-

---

мѣстнаго начальника, подобныя же позволенія покупаются всегда греками большими денежными пожертвованіями. (Примѣчаніе автора записокъ М.).

[1]) Англичанами была отправлена эскадра въ Средиземное море, для перерыва сообщенія Франціи съ Египтомъ, куда переправился съ своимъ войскомъ Бонапартъ. Они заняли островъ Мальту и оказались сосѣдями Али-Паши. *В. И.*

ду. Внутренность его дворца представляетъ также безобразныя противоположности. Пріемныя комнаты блистаютъ позолотою, драгоцѣнными оружіями, софами, покрытыми ліонскою парчею; серебряные сосуды стоятъ на мраморныхъ подножіяхъ, но тутъ же на нечистомъ полу видны изломанныя деревянныя скамейки, мѣшки съ товарами, часто вонючими, разбитыя банки и проч. Самъ онъ одѣтъ бываетъ великолѣпно: въ курткѣ, украшенной брилліантами, съ драгоцѣнными перстнями на пальцахъ; иной же разъ, одѣтый бѣдно и неопрятно, онъ сидитъ, съ простою трубкою во рту, между работниками или слугами, трактуя съ секретарями о важныхъ дѣлахъ, среди шума мастеровыхъ. За столомъ у него раскидано золото, серебро, хрусталь и фарфоръ, но токмо для вида, а не для употребленія; часть его прислуги одѣта богато, а другая служитъ въ замаранномъ и оборванномъ платьѣ; пажи его, блестящіе золотомъ, часто не имѣютъ рубахъ и у всякаго приходящаго просятъ милостыню. Гостей угощаетъ онъ самъ и очень щедро, но неопрятно. Наливши имъ по большому стакану лучшаго кюрассо, онъ потомъ руками отламываетъ часть баранины и кладетъ оную часть на тарелку также руками. Ежели за столомъ который-нибудь изъ слугъ ошибется и сдѣлаетъ не то, что ему приказано, то онъ выходитъ изъ себя, забываетъ всякую благопристойность, ругается, дерется, а часто и казнитъ. Однимъ словомъ, на каждомъ шагу и по всѣмъ поступкамъ Али-Паши, всякій узнаетъ въ немъ не верховнаго визиря, а лютаго арнаута".

Авторъ заканчиваетъ свою негодующую характеристику слѣдующими патетическими строками: „Онъ не токмо не стыдится гнусныхъ своихъ дѣлъ, но и хвастаетъ ими повторяя: „Я хочу, чтобы меня боялись, а не любили". Онъ также утверждаетъ, что, дабы царствовать мудро, надобно только золото, порохъ и дубину".

„Подвиги сего изверга, соединяющаго въ себѣ лицемѣрство и жестокость Тиверія, развратъ и кровожадность Калигулы, мало извѣстны въ Европѣ, но время откроетъ всѣ невѣроятныя его злодѣянія. Нѣсколько тысячъ несчастныхъ чадъ Сулліи, Химары, Боссиграда, Новицъ, Превезы, Парги, Кардики, мученически имъ погубленныхъ, вопіютъ къ небесамъ"!

„Нельзя не удивляться, какъ никто до сихъ поръ не покусился на жизнь человѣка, столь ненавистнаго не токмо рабамъ его и сосѣдямъ, но даже и ближайшимъ родственникамъ. Одинъ ужасъ, коимъ онъ всѣхъ поразилъ, можетъ это объяснить, а

потому бѣдствія, происходящія отъ подобныхъ закостенѣлыхъ въ преступленіяхъ деспотовъ, не столько велики въ отношеніи опустошеній, ими причиняемыхъ, какъ ради развращенія, прививаемаго ими цѣлому современному имъ поколѣнію".

Али-Паша кончилъ жизнь вскорѣ послѣ возстанія грековъ противъ турецкаго владычества въ 1820 году. Коварная политика, какую онъ искусно велъ болѣе 40 лѣтъ, не оправдалась въ концѣ его жизни. Онъ не заключилъ союза съ греками, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ, но, пользуясь смутой, возсталъ противъ султана. Турція, по окончаніи войны, обратила на него всѣ свои силы.

Оставленный своимъ войскомъ, Али-Паша долженъ былъ съ 50 тѣлохранителями запереться въ башнѣ Янинской крѣпости, куда, какъ полагали, свезъ всѣ свои несмѣтныя богатства. Онъ сначала угрожалъ туркамъ взорвать себя на воздухъ, но, послѣ долгихъ переговоровъ, послѣдовалъ измѣнническому совѣту одной изъ женъ своихъ и предалъ себя великодушію султана. Отъ султана получено было повелѣніе умертвить плѣнника. Начальникъ Мореи Мехмедъ-Паша взялъ на себя исполненіе приговора. 5-го февраля 1822 года явился онъ къ Али-Пашѣ, имѣлъ съ нимъ весьма продолжительный разговоръ. Найдя благопріятную минуту, Мехмедъ-Паша вонзилъ собесѣднику кинжалъ въ лѣвый бокъ; въ ту же минуту вошла стража и сняла голову съ мятежника.

Голова была отправлена въ Царьградъ и выставлена на Серальскихъ воротахъ; привезшій ее паша получилъ отъ султана 40 тысячъ піастровъ. Въ Янинѣ нашли только 25 милліоновъ изъ несмѣтной казны Али-Паши, прочія сокровища не были отысканы.

Къ такому представителю оттоманскаго правительства, типу полу-разбойника и полу-владѣтельнаго князя, считавшему себя полновластнымъ хозяиномъ на матеромъ берегу и только-что, подъ предлогомъ освобожденія отъ власти французовъ, устроившимъ кровавую баню среди греческаго населенія г. Превезы, отправляется, по порученію адмирала Ушакова, молодой русскій лейтенантъ, въ сопровожденіи султанскаго комиссара при соединенной эскадрѣ Калфоглу.

Данное ему при первой поѣздкѣ порученіе излагалось въ письмѣ Ушакова къ Али-Пашѣ, написанномъ на греческомъ языкѣ. Разсказъ г. Метаксы о поѣздкѣ красоченъ и живъ и приводится въ подлинникѣ.

„Жители города Парги прислали ко мнѣ (писалъ адмиралъ Ушаковъ) своихъ депутатовъ, прося отъ союзныхъ эскадръ помощи и защиты противу покушеній вашихъ ихъ поработить. Ваше превосходительство угрожаете имъ тѣми же бѣдствіями, которыя нанесли войска ваши несчастнымъ жителямъ Превезы“.

„Я обязаннымъ себя нахожу защищать ихъ, потому что они, поднявъ на стѣнахъ своихъ флаги соединенныхъ эскадръ, объявили себя тѣмъ подъ защиту союзныхъ Имперій. Я съ общаго согласія турецкаго адмирала Кадыръ-Бея, товарища моего, посылаю къ нимъ отрядъ морскихъ солдатъ съ частью турецкихъ войскъ, нѣсколько орудій и военное судно“.

„Узналъ я также, къ крайнему моему негодованію, что, при штурмованіи войсками вашего превосходительства города Превезы, вы заполонили пребывавшаго тамъ Россійскаго консула, маіора Ламброса, котораго содержите въ галерѣ вашей, скованнаго въ желѣзахъ. Я требую отъ васъ настоятельно, чтобы вы чиновника сего освободили немедленно и передали его посылаемому отъ меня къ вашему превосходительству лейтенанту Метаксѣ, въ противномъ же случаѣ, я отправлю нарочнаго курьера въ Константинополь и извѣщу его султанское величество о непріязненныхъ вашихъ поступкахъ и доведу оные также до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго моего Государя“.

„Имѣю честь быть и проч.
Подписано—Ушаковъ
„29“ Октября 1798 года.
Корабль Св. Павелъ на рейдѣ
при С.-Маврѣ“.

„Скользкое сіе препорученіе, данное мнѣ только по знанію мною греческаго языка, не мало меня озадачивало. Путешествіе около всего земного шара показалось бы мнѣ съ меньшими опасностями сопряженнымъ, нежели поѣздка, столь близкая, для переговоровъ съ человѣкомъ, каковъ былъ Али-Паша. Послѣднія происшествія въ Превезѣ, поразивши воображеніе всѣхъ, были причиною, что на эскадрѣ нашей объ иномъ не говорили, какъ о лютомъ нравѣ и о кровавыхъ подвигахъ турецкаго Пугачева. Чрезмѣрная моя молодость и неопытность въ дѣлахъ (особенно такого рода) заставили бы меня можетъ быть желать уступить опасность и славу сего препорученія другому, ежели бы не данъ былъ мнѣ адмираломъ опытный и умный товарищъ.

Я былъ сопровождаемъ каймакамомъ Калфоглу, который, по должности своего военнаго комиссара при Россійскомъ адмиралѣ, имѣлъ снестись съ Али-Пашей относительно продовольствія эскадръ. Онъ взялъ съ собою султанскій фирманъ, по сему предмету послѣдовавшій, и мы пустились въ путь на адмиральскомъ катерѣ. Жители С.-Мавры [1]) проложили намъ фарватеръ на нѣкоторое разстояніе по каналу двумя рядами прутьевъ, по причинѣ мелководья, простирающагося отъ крѣпости С.-Мавры до Акарнанійскаго берега.

Приближаясь къ устьямъ Превезскаго залива [2]) и разговаривая съ товарищемъ моимъ о происшествіяхъ, коихъ страны сіи были свидѣтелями, мы вспомнили, что на водахъ сихъ рѣшена была нѣкогда судьба Римской Имперіи побѣдою, одержанною Августомъ надъ Антоніемъ при Акціумѣ, нынѣ же, т.-е. двѣнадцать столѣтій спустя, россіяне въ самыхъ тѣхъ же мѣстахъ полагали основаніе новой греческой республикѣ [3]), имѣя союзниками турокъ, владѣющихъ остатками только славныхъ древнихъ республикъ, турокъ, истребившихъ владычество гордыхъ римлянъ на востокѣ. Сколь превратно благоденствіе и самое бытіе царствъ! Сколь непостоянны союзы и вражды между народами!... Намъ представлялся образъ трепещущей, несчастной и прелестной Клеопатры, ищущей спасенія на галерѣ, въ сопровожденіи слабаго и обожавшаго ее любовника. Октавій, въ память сей побѣды, построилъ близъ Акціума городъ Никополь (градъ побѣды), котораго развалины и теперь еще видимы.

Калфоглу въ семъ краткомъ нашемъ путешествіи далъ мнѣ полное понятіе не только о Али-Пашѣ, но и вообще о положеніи Турецкой Имперіи во всѣхъ ея отношеніяхъ. Ему было тогда около 70 лѣтъ отъ роду, и сѣдины, его покрывавшія, давали ему почтеннѣйшій видъ. Онъ былъ родомъ изъ константинопольскихъ греческихъ дворянъ и съ молодыхъ лѣтъ служилъ почти всегда, по разнымъ должностямъ, при молдавскихъ и валахскихъ господаряхъ. Калфоглу говорилъ совершенно по-гречески, по-французски, по-итальянски и по-турецки, имѣлъ

---

[1]) Русско-турецкій флотъ находился въ это время у острова С.-Мавра и осаждалъ французскія укрѣпленія на островѣ. *В. И.*

[2]) Нынѣ Артскій заливъ (подъ 39° сѣв. шир.); на сѣверномъ берегу входа въ него стоитъ Превеза, а на южномъ г. Акціумъ, временъ римскаго владычества. *В. И.*

[3]) Ушаковъ имѣлъ порученіе ввести государственное устройство на освобожденныхъ Іоническихъ островахъ и учредилъ *Республику Семи Іоническихъ острововъ.* *В. И.*

обширныя свѣдѣнія, былъ любезенъ въ обществѣ и душевно преданъ русскимъ. Почтенный сей старецъ со слезами вспоминалъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему фельдмаршаломъ П. А. Румянцевымъ-Задунайскимъ, у котораго онъ имѣлъ счастіе (говорилъ онъ) находиться въ плѣну нѣсколько мѣсяцевъ.

Около одиннадцати часовъ пристали мы къ Превезѣ. Едва сошли мы на берегъ, какъ поражены были зрѣлищемъ самымъ отвратительнымъ: толпа арнаутовъ [1]) сопровождала связанныхъ волосяными веревками христіанъ разнаго пола и возраста и продавала ихъ проходящимъ за нѣсколько піастровъ. Сіи несчастные простирали къ намъ руки, рыдали и просили насъ выкупить ихъ изъ неволи. Я дотого былъ пораженъ картиною сею, напоминающею истязанія, претерпѣваемыя неграми въ Индіи, что, забывъ, въ какой нахожусь землѣ, выхватилъ веревку у стоявшаго подлѣ меня арнаута и хотѣлъ силою освободить несчастныхъ сихъ мучениковъ, но товарищъ мой сказалъ мнѣ по-французски: „Что вы дѣлаете? Бога ради не трогайте ихъ, мы подвергаемъ себя опасности быть изрубленными сими варварами"!.. Страхъ не уступилъ бы сильному состраданію, коимъ душа моя была объята, но, вспомня, что я имѣлъ порученіе по службѣ, я удовольствовался отдать на выкупъ бѣдныхъ сихъ невольниковъ всѣ деньги, кои были со мною, и продолжалъ путь въ горестной задумчивости.

Когда мы подошли къ дому, занимаемому Али-Пашею и принадлежавшему прежде французскому консулу де-Ласалю, съ прочими его соотчичами тутъ погибшему, намъ представилось другое зрѣлище, еще ужаснѣйшее прежняго: по сторонамъ большой лѣстницы дома сего, поставлены были пирамидально, на подобіе ядеръ предъ арсеналами, человѣческія головы, служившія трофеями жестокому побѣдителю злополучной Превезы. Кто не видалъ обагренной кровью отрубленной человѣческой головы съ открытыми глазами, тотъ не можетъ представить себѣ, какимъ ощущеніямъ предалась душа моя при домѣ Али-Паши!

Пораженное мое воображеніе было увлечено столь далеко, что мнѣ казалось, что я слышу стоны и вопли неодушевленныхъ сихъ головъ, призывавшихъ месть и состраданіе. На третьей ступени несносный смрадъ, присоединяясь къ ужасу, столь сильно подѣйствовали надъ растроганными чувствами моими, что я принужденъ былъ остановиться. Мнѣ сдѣлалось дурно, я сѣлъ, былъ объятъ холоднымъ потомъ, и внезапное

---

[1]) Арнауты суть албанцы магометанскаго исповѣданія. *М.*

волненіе желчи причинило мнѣ сильную рвоту, избавившую меня отъ тяжкой болѣзни, а можетъ быть и отъ самой смерти. Между тѣмъ толпа арнаутовъ и турокъ, окружившии лѣстницу и пашинскій домъ, смотрѣли на меня свирѣпо, не постигая, какъ невинно пролитая кровь нѣсколькихъ сотъ христіанъ можетъ возбуждать толикое состраданіе въ сердцѣ посторонняго человѣка. Почтенный Калфоглу поддерживалъ меня и приказалъ подать мнѣ воды; освѣжась оною, я продолжалъ путь, и мы вошли въ вертепъ кровожаднаго Али-Паши.

Его не было дома, онъ дѣлалъ смотръ конницѣ своей, находившейся въ лагерѣ, разстояніемъ отъ города верстахъ въ трехъ. Я имѣлъ время отдохнуть, собраться съ духомъ и приготовить себя къ свиданію, столь для меня мало пріятному. Черезъ полчаса пушечные и ружейные выстрѣлы, топотъ конницы, звукъ литавръ и трубъ возвѣстили возвращеніе Али изъ лагеря. Во все сіе время три чиновника пашинскіе занимали насъ въ передней комнатѣ разными вопросами касательно плаванія нашего изъ Константинополя и острововъ, нами отъ французовъ освобожденныхъ.

Съ четверть часа спустя послѣ прибытія паши съ задняго маленькаго крыльца, означенные чиновники повели насъ въ угольную комнату, которая была обита наскоро разными парчами и убрана малиновымъ бархатомъ. Али-Паша сидѣлъ на диванѣ, держа въ одной рукѣ трубку, а въ другой четки дорогой цѣны. Онъ былъ одѣтъ весьма богато: пуговицы, покрывавшія его зеленую бархатную куртку, были бриліантовыя, кинжалъ также осыпанъ крупными драгоцѣнными каменьями, накинутая на него шуба была изъ черныхъ соболей, а голова обвита зеленою шалью. Али-Паша средняго роста, довольно плотенъ и лѣтъ около пятидесяти [1]); большіе его глаза каштановаго цвѣта сверкали какъ огонь и были въ безпрестанномъ движеніи; лицо у него круглое, черты правильныя, усы и борода темнорусые и румянецъ во всю щеку.

Я сдѣлалъ ему обыкновенный поклонъ и вручилъ письмо, сказавъ по-гречески:

„Адмиралъ Ушаковъ, находящійся теперь въ С.-Маврѣ и командующій соединенными Россійскою и Турецкою эскадрами, послалъ меня къ вашему превосходительству пожелать вамъ

---

[1]) Надо понимать, что Али-Пашѣ по внѣшнему виду можно было дать около 50-ти лѣтъ; въ дѣйствительности въ это время ему было 58 лѣтъ. *В. И.*

здравія. Я имѣю также приказаніе вручить вамъ сіе письмо и требовать на оное отвѣтъ".

Али-Паша привсталъ, принялъ отъ меня письмо и сказалъ: „Добро пожаловать". Д. Калфоглу, по турецкому обряду, поцѣловалъ его полу и сталъ передъ нимъ на колѣна. По стѣнамъ комнаты стояло нѣсколько араповъ и арнаутовъ, всѣ вооруженные и весьма богато одѣтые. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ подалъ мнѣ большія кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ, я сѣлъ рядомъ съ товарищемъ моимъ Калфоглу, который на турецкомъ языкѣ изложилъ причины нашего пріѣзда. Али-Паша отвѣчалъ ему нѣсколько словъ также по-турецки, потомъ, оборотясь ко мнѣ, спросилъ по-гречески о здоровьѣ адмирала, и тотъ ли это Ушаковъ, который разбилъ въ Черномъ морѣ славнаго мореходца Сеидъ-Али [1]).

Я отвѣчалъ, что тотъ самый, что онъ же разбилъ при Хаджибеѣ самого Гассана-пашу [2]), взялъ въ плѣнъ 80 пушечное судно и сжегъ пашинскій корабль.

„Вашъ Государь", присовокупилъ Али-Паша, „зналъ кого сюда послать! А сколько адмиралу вашему лѣтъ"?—„Пятьдесятъ семь" [3]). „Такъ онъ гораздо старѣе меня", сказалъ Али-Паша. „Вашему превосходительству", отвѣчалъ я, „не можно дать болѣе сорока лѣтъ, вы еще молодцы"! „Нѣтъ! мнѣ сорокъ шесть лѣтъ", прибавилъ Али, съ видомъ удовольствія.

Послѣ сего краткаго разговора онъ распечаталъ письмо адмирала и просилъ показать ему, гдѣ его подпись; я привсталъ и показалъ ему оную. Потомъ позвалъ онъ одного изъ своихъ секретарей (изъ грековъ), которому и отдалъ письмо, сказавъ

---

[1]) Сеитъ-Али или Саитъ-Али, алжирскій паша, славившійся въ концѣ XVIII вѣка въ Средиземномъ морѣ своей необыкновенной предпріимчивостью и храбростью.—Турція, теряя надежду одолѣть Ушакова на Черномъ морѣ, вызывала Саитъ-Али въ 1791 году на помощь турецкому флоту.—Но послѣдній былъ окончательно разбитъ Ушаковымъ при Каліакріи, и алжирскій мореходецъ едва успѣлъ убѣжать съ своимъ кораблемъ къ Константинополь, куда обѣщалъ привести „Ушака-пашу" въ цѣпяхъ. *В. И.*

[2]) Нужно читать—Гуссейна, турецкаго капуданъ-пашу (генералъ-адмирала).—Въ бою 29-го августа 1790 г. у Гаджибея Ушаковъ разбилъ его флотъ, при чемъ одно судно, „Капитаніе" (адмиральское) сжегъ, а другое—„Мелеки Бахри" взялъ въ плѣнъ.—Съ Гассанъ-пашей, выдающимся турецкимъ адмираломъ и предшественникомъ Гуссейна, Ушаковъ побѣдоносно сражался въ 1788 г. у острова Фидониси. *В. И.*

[3]) Ушакову было 53 года. Въ этомъ діалогѣ собесѣдники не имѣли въ виду точно опредѣлить годы. *В. И.*

ему что-то по-албански. Намъ подали трубки и кофе въ золотыхъ чашкахъ.

Али-Паша вступилъ въ разговоръ съ товарищемъ моимъ Калфоглу вынулъ изъ-за пазухи султанскій фирманъ и вручилъ ему оный; онъ улыбнулся, подержалъ его нѣсколько времени въ рукахъ, посмотрѣлъ на своихъ секретарей и, возвратя фирманъ каймакаму, велѣлъ читать содержаніе вслухъ. Г. Калфоглу началъ читать фирманъ, а паша подозвалъ въ сіе время одного изъ предстоящихъ арнаутовъ, которому приказалъ (какъ мы то послѣ узнали) угостить насъ обѣдомъ въ назначенной имъ комнатѣ; что же касалось до султанскаго фирмана, то онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на чтеніе онаго и не далъ никакого удовлетворительнаго отвѣта военному комиссару Оттоманской Порты. Послѣ сего вошелъ секретарь и сталъ подлѣ него на колѣна. Али-Паша нагнулся къ нему, а сей на ухо прошепталъ ему по-албански переводъ съ письма, мною привезеннаго.

Али-Паша выслушалъ секретаря своего съ большимъ вниманіемъ и потомъ сказалъ мнѣ, усмѣхнувшись: „Жаль, что адмиралъ Ушаковъ не знаетъ меня такъ, какъ бы долженъ знать! Онъ добрый человѣкъ, но вѣритъ всякимъ бродягамъ, преданнымъ французамъ и дѣйствующимъ токмо ко вреду султана и Россіи“.

Я ему отвѣчалъ, что адмиралъ не руководствуется ни чьими доносами, а выполняетъ токмо повелѣнія Государя Императора и султана, его союзника, что онъ не можетъ не сознаться самъ въ истинѣ всего того, что заключается въ письмѣ адмирала Ушакова...

— „Хорошо“, сказалъ Али-Паша, прервавъ мою рѣчь, „я съ вами поговорю уже обо всемъ наединѣ“.

Послѣ сего посадилъ онъ меня рядомъ съ собою на диванѣ; тутъ произошелъ между нами слѣдующій разговоръ:

— Какъ вы называетесь?

— Я называюсь Метакса.

— Вы должны быть, ежели не ошибаюсь, уроженецъ острова Цефалоніи?

— Мой отецъ родомъ изъ Цефалоніи, а я родился на островѣ Кандіи.

— Какъ же вы попали въ Россію.

— Насъ трое братьевъ: отецъ отправилъ насъ въ разныя времена въ Россію, гдѣ мы и были воспитаны. Императрица Екатерина II щедротами своими основала въ Санктъ-Петер-

бургѣ корпусъ для воспитанія 200 чужестранныхъ единовѣрцевъ. Мы такъ, какъ и большая часть соотчичей нашихъ, по окончаніи нашего образованія, остались въ Россіи и вступили въ Россійскую службу.

— Какое жалованье получаете вы?

— Въ моемъ чинѣ получаютъ 300 рублей въ годъ, а когда бываемъ въ походѣ, намъ выдаются сверхъ жалованья еще столовыя деньги; впрочемъ, никто не служитъ Императору изъ-за денегъ, а единственно изъ усердія и благодарности.

— Рейзы, управляющіе моими купеческими кораблями, получаютъ отъ меня до 5.000 піастровъ...

— Вѣрю очень вашему превосходительству, но коммерческіе обороты и военная служба суть двѣ вещи совсѣмъ разныя.

— Почему?

— Рейзы ваши ищутъ корысти и добычъ, а мы славы и случая положить жизнь нашу за Государя (слышите ли? говорилъ Али предстоявшимъ). Быть можетъ, что шкипера ваши болѣе имѣютъ доходовъ, нежели самъ адмиралъ Ушаковъ, но зато они цѣлуютъ вашу полу, стоятъ передъ вами на колѣняхъ, а я, простой лейтенантъ, сижу рядомъ съ визиремъ Али на одномъ диванѣ, и сей почести обязанъ я токмо мундиру россійскому, который имѣю счастіе носить.

Али-Паша, слушавшій меня очень внимательно, захохоталъ, потрепалъ по плечу и прибавилъ: „Намъ много надобно будетъ съ тобою говорить“! Потомъ вставъ сказалъ онъ мнѣ и Калфоглу: „Ну! ступайте кушать. Вы, франки, обѣдаете въ полдень, а мы въ 9 часовъ. Я пойду на верхъ отдыхать, а Васъ позову послѣ, дамъ Вамъ отвѣтъ и отпущу Васъ домой“.

Чиновникъ пашинскій повелъ насъ въ другую комнату, гдѣ на полу, подлѣ маленькаго дивана, поставленъ былъ на скамейкѣ оловянный круглый столикъ въ полтора аршина въ діаметрѣ, на которомъ лежали хлѣбъ, двѣ роговыя ложки и одна серебряная вилка. Я сѣлъ на диванъ, а товарищъ мой противъ меня на полу, обитомъ ковромъ: нѣсколько араповъ стояли за нами, и каждый изъ нихъ держалъ по оловянному покрытому блюду. Длинное кисейное полотенце служило намъ обоимъ вмѣсто салфетки. Арапы начали насъ угощать: прежде подали обыкновенный турецкій супъ (чорба), но ничего не могъ взять въ ротъ, разстроенъ будучи кровавыми украшеніями пашинской лѣстницы, которую я все видѣлъ предъ собою.

Менѣе нежели въ полчаса подали намъ около тридцати блюдъ, одно послѣ другого, и мы, слѣдуя азіатскому обычаю, должны были отвѣдать или по крайней мѣрѣ брать всякаго кушанья. Первое и послѣднее блюдо, именуемое *пилафъ* [1]), служитъ для насыщенія желудка, а прочія для однихъ только губъ. Кружка воды была единственнымъ напиткомъ во весь обѣдъ. У турокъ подаютъ фрукты, варенья и конфекты въ бесѣдахъ, а за столомъ никогда. Потомъ подчивали насъ умываніемъ, трубкою и кофеемъ.

Послѣ обѣда Али-Паша позвалъ одного моего товарища, а меня обступили его любимцы, удивлявшіеся скромному моему обмундированію, состоявшему изъ одной форменной шпаги, шляпы и трости. Примѣтя между окружавшими меня секретаря, переводившаго доставленное мною Али-Пашѣ письмо, я спросилъ его, гдѣ содержится консулъ нашъ Ламбросъ, но онъ не далъ мнѣ никакого отвѣта. Наскуча обществомъ симъ, пошелъ я на пристань къ катеру, спросить, накормлены ли наши гребцы, а болѣе для того, чтобы узнать, не причинена ли имъ какая-нибудь наглость лютыми арнаутами. Гребцы были сытѣе насъ: имъ, по приказанію паши, принесены были два жареные барана, хлѣбъ, сыръ и ведро вина. Люди наши не выходили вовсе на берегъ, а стояли на дрекѣ подъ тентомъ [2]).

На возвратномъ пути къ пашинскому дому, окруженному всегда вооруженною и многочисленною стражею, зашелъ я по дорогѣ посмотрѣть соборную церковь св. Харалампія, гдѣ стояла отборная конница Али-Паши, но едва я успѣлъ перекреститься, какъ прислалъ онъ за мною арапа, и меня привели вверхъ, гдѣ была пашинская обсерваторія. Вошедши въ маленькую комнату, служащую мѣстомъ отдохновенія Али, нашелъ я его переодѣтаго въ домашнее платье, съ одною токмо красною шапочкою на головѣ; онъ занимался разсматриваніемъ завоеваннаго имъ у французскаго консула телескопа: пробовалъ его, поворачивалъ во всѣ стороны и, не умѣя обходиться съ онымъ, сердился на слугъ своихъ, думая, что они, конечно, его испортили, перенося съ одного мѣста на другое, однако же мнѣ казалось, что телескопъ былъ во всей исправности.

Али-Пашѣ было пересказано все то, что со мною происходило на лѣстницѣ. Какъ скоро я вошелъ въ комнату, онъ мнѣ

---

[1]) Оно составлено изъ рису, съ мелко накрошенными кусками баранины и любимо всѣми восточными народами. *М.*

[2]) Палатка на суднѣ. *М.*

сказалъ: „Ты худо обѣдалъ, знаю отъ чего, знаю все,—но я тутъ совсѣмъ не виноватъ. Превезяне сами навлекли на себя гнѣвъ мой, дѣйствуя заодно съ французами". Я ему ничего не отвѣчалъ; онъ бросилъ телескопъ, посадилъ меня подлѣ себя на диванъ, принялъ вдругъ суровый видъ и прибавилъ: „адмиралъ вашъ худо знаетъ Али-Пашу и вмѣшивается не въ свои дѣла. Я имѣю фирманъ отъ Порты, коимъ предписывается мнѣ завладѣть Превезою, Паргою, Воницою и Бутринтомъ. Земли сіе составляютъ часть матераго берега, мнѣ подвластнаго. Онъ адмиралъ, и ему предоставлено завоеваніе однихъ острововъ... Какое ему дѣло до матераго берега? Я самъ визирь [1] султана Селима и владѣю нѣсколькими его областями. Я ему одному обязанъ отчетомъ въ моихъ дѣяніяхъ, и никому другому не подчиненъ. Я могъ, да и хотѣлъ было, занять островъ С.-Мавру, отстоящій отъ меня на ружейный выстрѣлъ, но, увидя приближеніе союзныхъ флотовъ, я отступилъ,—а вашъ адмиралъ не допускаетъ меня овладѣть Паргою!.. что онъ думаетъ"?

— Вашему превосходительству, — отвѣчалъ я, стоитъ только отписать обо всемъ къ адмиралу Ушакову и сообщить ему копію [2]) съ султанскаго фирмана, онъ, конечно, сообразится съ данными въономъ предписаніями. Адмиралу нашему вовсе не извѣстны повелѣнія, кои Вы имѣете касательно матераго берега.

— Я никому не обязанъ сообщать султанскіе фирманы, возразилъ Али-Паша, не для того, чтобы я чего-нибудь страшился,—я страха не знаю, но я не хочу поссорить турокъ съ русскими. Мнѣ отъ этого пользы никакой не будетъ; адмиралъ Ушаковъ напрасно меня огорчаетъ. Знайте, что онъ во сто кратъ болѣе будетъ имѣть надобности во мнѣ, нежели я въ немъ. Я вамъ это говорю...

— Повѣрьте, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я, что адмиралъ Ушаковъ не ищетъ сдѣлать Вамъ ни малѣйшаго оскорбленія, напротивъ того онъ желаетъ снискать дружбу Вашу; но поступка Вашего съ консуломъ Ламбросомъ онъ терпѣть не можетъ и не долженъ.

— Ламбросъ, возразилъ Али-Паша съ гнѣвомъ, виноватъ

---

[1]) Али-Паша не имѣлъ еще тогда званія визиря, но онъ охотно присваивалъ себѣ уже сіе высокое достоинство. *М.*

[2]) Метакса дипломатично уличаетъ ложь паши относительно султанскаго фирмана, котораго у Али, конечно, не было. Въ послѣдующей репликѣ тотъ не менѣе ловко вывертывается изъ затруднительнаго положенія. *В. И.*

кругомъ! Онъ зналъ давно, что я предпринималъ покореніе Превезы. Зачѣмъ не убрался онъ на острова?.. нѣтъ! онъ остался вмѣсто того здѣсь, онъ давалъ совѣты французамъ и приверженцамъ ихъ противъ меня! Въ домѣ Ламброса злодѣи мои, а именно Христаки, производили всѣ совѣщанія и переговоры съ французами.—Ламбросъ измѣнникъ, онъ не достоинъ ни вашего покровительства, ни моей пощады!..

— Можетъ быть непріятели Ламброса обнесли его предъ Вами напрасно. Какая ему польза брать сторону французовъ противу вашего превосходительства? Онъ, какъ и всѣ консулы наши, имѣлъ оффиціальное извѣщеніе о войнѣ противу французовъ и о тѣсномъ союзѣ между Россіею и Турціею; онъ предувѣдомленъ также былъ о прибытіи къ симъ берегамъ соединенныхъ эскадръ. Зачѣмъ было ему уѣзжать? Онъ оставался здѣсь, въ полномъ увѣреніи, что уваженъ будетъ яко чиновникъ, принадлежащій дружественной съ Портою державѣ, а вмѣсто того его ограбили, обругали и онъ, скованный въ цѣпяхъ, сидитъ по сей часъ на галерѣ. Сей поступокъ оскорбляетъ лично Государя Императора и всю Россію. Ваше превосходительство поведеніемъ симъ доказываете явно непріязнь Вашу ко всѣмъ русскимъ вообще.

— Неправда! Я русскихъ очень люблю, я уважаю храбрый сей народъ, отвѣчалъ Али-Паша. — Вашему князю Потемкину имѣлъ я случай оказывать важныя услуги.—Вотъ былъ человѣкъ! Онъ умѣлъ цѣнить меня. Во всѣхъ письмахъ своихъ объяснялся со мною, какъ съ искреннимъ своимъ другомъ. Я получалъ отъ него драгоцѣннѣйшіе подарки, жаль, что нѣтъ ихъ теперь со мною, я бы тебѣ показалъ! О! Потемкинъ былъ великій, необыкновенный человѣкъ! Онъ зналъ людей, зналъ, какъ съ кѣмъ обходиться. Ежели бы онъ былъ живъ теперь, вашъ адмиралъ, иначе бы поступалъ со мною [1]).

— Будьте увѣрены, что и князь Потемкинъ принялъ бы такое же участіе въ россійскомъ консулѣ, какое принимаетъ теперь адмиралъ Ушаковъ. Консулъ не есть частное лицо:

---

[1]) Покойный князь Потемкинъ-Таврическій былъ, конечно, одаренъ необыкновенными качествами, но здѣсь корыстолюбивый Али похвалы свои основывалъ токмо на полученныхъ отъ свѣтлѣйшаго князя подаркахъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ дать почувствовать, что отъ адмирала Ушакова зависѣло бы сдѣлаться также великимъ человѣкомъ. Впослѣдствіи видно будетъ, что Ушаковъ не пренебрегъ внушеній алчнаго Али, но подарки имѣли цѣлью токмо пользу службы Государя Императора

М.

онъ довѣренная особа Государя и принадлежитъ цѣлой Россіи; кто его оскорбитъ, тотъ оскорбляетъ всѣхъ русскихъ.

— Очень хорошо! я велю его освободить. Быть такъ! но адмиралъ Ушаковъ долженъ отступиться отъ Парги и не вмѣшиваться въ мои дѣла.

— Онъ этого сдѣлать не можетъ, не подвергая себя гнѣву Императора: онъ обязанъ защитить паргіотовъ; они не были никогда подвластны Оттоманской Портѣ. Отъ Венеціи перешли они къ французамъ; сіи ихъ оставили, и Парга предала себя великодушію союзныхъ имперій, на стѣнахъ же своихъ подняла флаги соединенныхъ эскадръ. Адмиралъ Ушаковъ и товарищъ его Кадыръ-Бей не могутъ не признать ея независимости, послѣ воззваній, ими обнародованныхъ къ жителямъ Іоническихъ острововъ, въ противномъ случаѣ союзные начальники могутъ быть подозрѣваемы въ вѣроломствѣ.

— Я самъ оплошалъ, прервалъ Али-Паша, ежели бы я ускорилъ взятіе Превезы пятью днями, то и Парга была бы теперь въ моихъ рукахъ. Я не посмотрѣлъ бы на неприступность ея горъ и атаковалъ бы оныя также съ моря.

— Ваше Превосходительство сильно разгнѣваны на паргіотовъ.

— И имѣю на то важныя причины,—отвѣтствовалъ Али-Паша, они причиняютъ величайшее зло мнѣ и султану. Они укрываютъ моихъ злодѣевъ, моихъ ослушниковъ; они пособляютъ во всемъ бунтовщикамъ сулліотамъ, доставляютъ имъ порохъ и всякіе снаряды.—Парга есть разбойническое гнѣздо, въ немъ составляются всѣ заговоры противъ меня;... я не пожалѣлъ бы *двадцати тысячъ венеціанскихъ червонныхъ* и готовъ заплатить ихъ сейчасъ тому, который уговоритъ адмирала Ушакова отступиться отъ Парги... (смягчивъ голосъ). Скажи мнѣ откровенно, кто у него всѣмъ ворочаетъ, кто его первый любимецъ?..

— Адмиралъ нашъ всѣхъ равно любитъ,—отвѣчалъ я, а отличаетъ особенно тѣхъ, которые болѣе усердствуютъ къ службѣ Государя Императора. Впрочемъ, я могу увѣрить ваше превосходительство честью моей, что ни одинъ чиновникъ русскій ни за какія деньги не приметъ на себя исполненія такого препорученія, и адмирала Ушакова никто въ свѣтѣ не уговоритъ сдѣлать поступокъ, противный даннымъ ему инструкціямъ.

— Что же поэтому мнѣ дѣлать?.. дай мнѣ совѣтъ!

— Я не смѣю совѣтовать вашему превосходительству. Чинъ и лѣта мои того мнѣ не дозволяютъ. Вы славитесь

вашимъ умомъ, вашею прозорливостью и безъ сомнѣнія не захотите за Паргу поссориться съ Россійскимъ Императоромъ и черезъ то впасть въ немилость у султана; вы не захотите принудить насъ сражаться противу вашихъ войскъ, чѣмъ навлечете на себя неминуемо мщеніе грековъ и вообще всѣхъ христіанъ, вамъ подвластныхъ. Вашему превосходительству необходимо нужно примириться и сблизиться съ адмираломъ Ушаковымъ.

— Да я готовъ сейчасъ это исполнить! Скажи мнѣ откровенно, какъ мнѣ поступить. Ну! будь ты Али-Паша, что бы ты сдѣлалъ?.

— Ежели бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы написалъ къ адмиралу Ушакову вѣжливое письмо, въ коемъ изъявилъ бы сожалѣніе мое касательно поступка войскъ моихъ противу консула Ламброса, безъ вѣдома моего будто послѣдовавшаго. Ламброса отправилъ бы я немедленно къ адмираду, удовлетворивъ его за все то, что у него похищено; потомъ я укротилъ бы гнѣвъ свой, примирился бы съ паргіотами и, въ уваженіе покровительства Россіи, далъ бы повелѣніе войску не причинять имъ впредь никакой обиды. Я увѣренъ, что поведеніемъ симъ вы бы обратили на себя вниманіе даже благосклонность Россійскаго Императора...

— О! да ты требуешь невозможнаго! Ну! какія же войска займутъ Паргу"?

— Россійскія и турецкія. Я полагаю однакожъ, что адмиралъ позволитъ вашему превосходительству назначить и съ вашей стороны 12 человѣкъ рядовыхъ изъ христіанъ, которые будутъ составлять часть султанскаго гарнизона; а между тѣмъ ожидаться будетъ рѣшеніе союзныхъ Монарховъ объ участи Парги. Нѣтъ сомнѣнія, что вся сія полоса матераго берега присоединится, на особенныхъ постановленіяхъ, къ турецкимъ владѣніямъ. Оттоманская же Порта предоставитъ управленіе оныхъ вашему превосходительству".

Али-Паша слушалъ меня со вниманіемъ, былъ, кажется, доволенъ моимъ совѣтомъ и изъявилъ мнѣ благодарность свою въ сильныхъ выраженіяхъ. Потомъ призвалъ онъ любимца своего Махмедъ-Ефендія, съ коимъ онъ долго совѣтовался, и котораго рѣшился онъ отправить съ нами къ адмиралу, уполномочивъ его удовлетворить всѣ его требованія и стараться всѣми силами снискать его благосклонность. Али-Паша обѣщалъ притомъ освободить на другой день утромъ консула Ламброса и отправить его къ намъ.

Онъ болѣе часа говорилъ еще о разныхъ предметахъ, до него лично касавшихся, о великомъ числѣ непріятелей и за-

вистниковъ, коихъ имѣлъ между султанскими министрами и пашами, своими сосѣдями, сколько стоило ему труда и денегъ избавиться отъ нихъ. „Отецъ мой“, прибавилъ онъ, „далъ мнѣ только жизнь, онъ умеръ молодъ, мать меня образовала... я нажилъ все своими трудами, и одному себѣ обязанъ всѣмъ тѣмъ, что имѣю“. Потомъ описывалъ онъ многотрудный свой походъ къ Виддину [1]), стоившій ему нѣсколько милліоновъ. Участокъ, выставленный тогда Али-Пашею противъ бунтовщиковъ, состоялъ изъ 20.000 хорошаго войска; онъ доказывалъ невозможность завладѣть Виддиномъ, не взирая на всѣ усилія капитанъ-паши, и прибавилъ, что осада крѣпости сей стоила султану столько, сколько бы стоить могла самая продолжительная и несчастная война. Разговорясь потомъ о Пасванѣ-Оглу, онъ описывалъ его, какъ лучшаго полководца Турецкой имперіи, далъ мнѣ уразумѣть, что ведетъ переписку со многими министрами христіанскихъ дворовъ и что получаетъ всѣ европейскія вѣдомости, которыя ему читаютъ наемные для сего иностранцы.

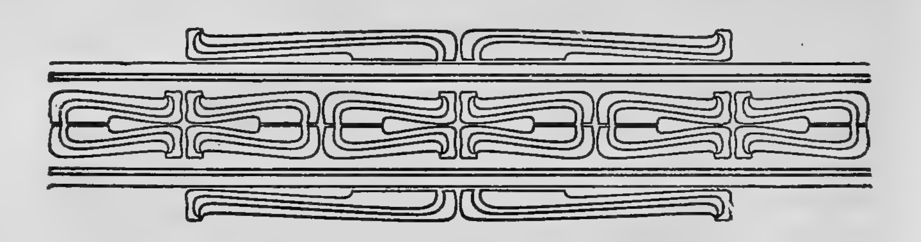
Али-Паша приглашалъ меня пріѣхать въ столицу его Янину, гдѣ хотѣлъ показать мнѣ неисчерпаемыя свои сокровища; также выхвалялъ построенную имъ крѣпость Тепеленгу. Въ ней хранятся въ подземныхъ погребахъ казна его, несмѣтныя богатства, жизненные припасы и военные снаряды, коими крѣпость можетъ на нѣсколько лѣтъ быть снабжена.

Изъ драгоцѣнныхъ своихъ вещей имѣлъ Али-Паша при себѣ только кинжалъ, подаренный ему французскою директоріею и стоящій по крайней 50.000 ливровъ. Дивизіонный генералъ Розъ, командовавшій Превезанскимъ гарнизономъ и войсками, занимавшими матерой берегъ, поднесъ ему кинжалъ сей отъ имени французской республики, которая думала подаркомъ симъ купить дружбу сего коварнаго турка, заключить съ нимъ тѣсный союзъ и воспользоваться вліяніемъ его въ тѣхъ мѣстахъ и содѣйствіемъ войскъ его, для утвержденія французскаго владычества на Востокѣ, обѣщая Али-Пашѣ, взамѣнъ сихъ выгодъ, управленіе всею Европейскою Турціею съ неограниченною властью“...

В. Ильинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Виддинскій паша Пасванъ-Оглу въ началѣ 1798 года взбунтовался противъ султана и усмиреніе его стоило Портѣ большихъ усилій. Виддинъ расположенъ на Дунаѣ, и въ осадѣ его участвовала гребная флотилія турецкаго флота. *В. И.*



Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1]).

Петербургъ $\frac{4}{15}$ января 1762 г.

(*Писано шифромъ*). Ваше превосходительство, со времени восшествія на престолъ Императора все здѣсь пришло въ движеніе и во всемъ проявляется дѣятельность изумительная. Контрастъ поразителенъ: люди по природѣ тяжеловѣсные, лѣнивые и медлительные обратились въ ловкихъ, прилежныхъ и подвижныхъ. Хотя вслѣдствіе такой внезапной перемѣны и проявляется необыкновенная дѣятельность, но я сомнѣваюсь, чтобы она могла быть полезной, и я опасаюсь, чтобы государь, являющійся душой и опорой этой дѣятельности, не направилъ бы ее на исполненіе, съ еще большимъ успѣхомъ и быстротой, какого-либо жестокаго своего рѣшенія.

Хотя занятія по внутреннему управленію должны бы быть главнымъ предметомъ его заботъ, такъ какъ благоразумно съ его стороны позаботиться объ упроченіи своего положенія внутри страны, но это не мѣшаетъ ему думать только о дѣлахъ внѣшнихъ.

Какъ только возникаетъ какое-либо дѣло, тотчасъ же, безъ предварительнаго обсужденія, отдается приказъ изготовить по этому дѣлу бумагу, затѣмъ бумага подписывается и немедленно отправляется по назначенію. Однимъ словомъ—въ короткій срокъ, съ быстротой поразительной, выполняется множество дѣлъ.

Канцлеръ [2]), человѣкъ отъ природы медлительный и къ тому же придерживающійся иныхъ взглядовъ, чѣмъ его новый

[1]) См. „Русск. Стар." декабрь 1914 г.

[2]) Т. е. графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

повелитель, тѣмъ не менѣе сохранитъ, какъ я полагаю, на нѣкоторое время свой постъ, по крайней до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ въ Лондонъ князь Голицынъ, затѣмъ онъ выйдетъ въ отставку, вѣроятно съ большой пенсіей.

Цѣнность денегъ, которыя Императоръ нашелъ послѣ смерти Императрицы, опредѣляется отъ трехъ до четырехъ милліоновъ рублей, но онѣ, съ каждымъ днемъ, быстро таютъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ подарковъ Государя большому числу лицъ и уплаты его долговъ.

Одинъ вѣрный человѣкъ передалъ Императору 260 т. рублей, отданные ему на храненіе покойной Императрицей. Точно также камергеръ Шуваловъ передалъ ему 106 т. руб., которые довѣрила ему его покойная повелительница, разрѣшивъ употребить на свои нужды до 10 т. рублей.

Говорятъ, что тотчасъ послѣ смерти Императрицы бывшій фаворитъ уѣдетъ и будетъ жить въ Женевѣ.

Предполагаютъ, что монополіи не будутъ уничтожены; я тѣмъ охотнѣе этому вѣрю, что Роминъ, Воронцовъ и Глѣбовъ пользуются большими монополіями.

Наканунѣ новаго года Императоръ давалъ парадный обѣдъ всему русскому духовенству, которое находится въ Петербургѣ. Въ тотъ же день онъ приказалъ убрать лѣса, приготовленные для предполагавшагося въ день новаго года большого фейерверка, за сооруженіемъ которыхъ работали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Всѣ принадлежности фейерверка перевезены въ Царское Село для того, чтобы использовать ихъ въ будущемъ мѣсяцѣ— въ день рожденія Императора [1]; но всѣ тѣ принадлежности, которыя должны были аллегорически изображать взятіе Кольберга, были тотчасъ же разобраны и уничтожены.

Г. Брокдорфъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что онъ одинъ не получилъ денежныхъ подарковъ; онъ жалуется на г. Бредаля и тайные происки Императрицы, которыми послѣдній пользуется. Повидимому рѣшено отправить его въ Голштинію, такъ же, какъ и прочихъ его сотоварищей; предполагается дать ему тамъ командованіе полкомъ; во главѣ голштинскихъ дѣлъ останется здѣсь одинъ г. Вольфъ.

Вчера былъ подвергнутъ аресту нѣкій князь Долгорукій [2]: очевидно, въ слишкомъ вольныхъ разговорахъ онъ высказалъ какое-либо неудовольствіе по поводу настоящаго правленія.

[1]) Императоръ Петръ III р. 10 февраля 1728 г.

[2]) Рѣчь идетъ вѣроятно о кн. Василіи Владиміровичѣ Долгорукомъ, умершемъ въ 1782 г. въ чинѣ генералъ-поручика.

8-го января Императоръ созоветъ въ первый разъ Государственный Совѣтъ, на которомъ онъ, вѣроятно, объявитъ свою волю по поводу дѣлъ внѣшней политики; повидимому, тамъ будетъ рѣчь и о насъ.

Г. Бретейль сказалъ мнѣ вчера вечеромъ, что съ послѣднимъ курьеромъ герцогъ де-Шуазель много писалъ ему о нашемъ дѣлѣ, а именно: возобновленіе договора произойдетъ помимо насъ при посредствѣ дворовъ—его и вѣнскаго, что въ основаніе будетъ положено возобновленіе нашего трактата съ Россіей, при чемъ къ этому трактату будутъ прибавлены такія статьи, благодаря которымъ мы достигнемъ, наконецъ, нашей цѣли. Вы сами, ваше превосходительство, съ горечью должны убѣдиться въ томъ, какъ мало пользы мы можемъ извлечь изъ всего этого.

Командованіе арміей фельдмаршалъ графъ Салтыковъ [1]) получилъ при посредствѣ князя Трубецкого [2]), его свояка.

Императоръ подарилъ своему новому шталмейстеру Нарышкину [3]) 40 т. червонцевъ и третьяго дня посѣтилъ его въ сопровожденіи многочисленной свиты. Императоръ оставался у него довольно долго, куря свою трубку; все общество вынуждено было заниматься тѣмъ же.

Положеніе Олсуфьева по-прежнему весьма шаткое: Императоръ строго выговаривалъ ему за то, что онъ самовольно, изъ предосторожности, наканунѣ смерти Императрицы опечаталъ всѣ документы и другія представляющія цѣнность вещи, находившіеся въ кабинетѣ Императрицѣ и отчасти подъ его охраной.

Г. Олсуфьевъ оправдывался, какъ могъ, ссылаясь на то, что онъ былъ отвѣтственнымъ за все находившееся въ кабинетѣ Императрицы и что поэтому онъ былъ обязанъ принять мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ безпорядковъ, ничто не могло пропасть или быть расхищеннымъ.

---

[1]) Графъ Петръ Семеновичъ (1700—1772), извѣстный побѣдитель Фридриха II при Куннерсдорфѣ.

[2]) Князь Никита Юрьевичъ (1699—1766), генералъ-фельдмаршалъ, президентъ военной коллегіи.

[3]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ (1733—1799), впослѣдствіи оберъ-шталмейстеръ, пожалованъ былъ 1 января 1762 г. въ шталмейстеры съ рангомъ и жалованьемъ дѣйствительнаго генералъ-поручика. Это былъ шутъ по призванію (шпынь, по выраженію Екатерины) и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, оберъ-гофмаршаломъ Александромъ Александровичемъ, непремѣннымъ членомъ обѣдовъ, куртаговъ, а всего болѣе „вечернихъ столовъ", за которыми любилъ засиживаться Петръ.

Тѣмъ не менѣе пока онъ еще не лишенъ своихъ обязанностей. Императоръ тотчасъ же завладѣлъ шкатулкой съ бумагами, оставивъ драгоцѣнности, деньги и все остальное и черпая оттуда по мѣрѣ надобности.

Говорятъ, что въ потайномъ кабинетѣ Императрицы, ключъ отъ котораго имѣла только она одна, найдены были чрезвычайно странные предметы, напримѣръ всякаго рода снѣдь, морковь, огурцы, восковая свѣча, которую она держала во время обрученія нынѣшняго Императора, старинныя записи ея отца и много другихъ подобныхъ вещей, и все это среди брилліантовъ огромной цѣнности.

Тѣло Императрицы было вскрыто; хирурги и другіе врачи, присутствовавшіе при вскрытіи, утверждаютъ, что, за исключеніемъ мочевого пузыря, гдѣ замѣчено было проявленіе каменной болѣзни, всѣ другіе органы были невредимы и что, слѣдовательно, согласно съ этими указаніями, если бы Государыня вела болѣе правильный образъ жизни, больше двигалась и слѣдовала совѣтамъ врачей, то она могла бы прожить до 80-ти лѣтъ [1]).

Въ день новаго года, г. Гордтъ, наканунѣ только выпущенный изъ тюрьмы, гдѣ онъ, вѣроятно, много перестрадалъ, имѣлъ честь обѣдать во дворцѣ,—съ Императоромъ и знатными вельможами; по этому случаю Императоръ подарилъ ему шпагу, которую онъ носилъ, будучи великимъ княземъ [2]).

Г. Тотлебенъ выпущенъ изъ крѣпости, и по его собственнымъ настояніямъ дѣло его будетъ разсматриваться военнымъ совѣтомъ, предсѣдательствовать въ которомъ будетъ начальникъ полиціи, генералъ-поручикъ Корфъ.

Третьяго дня вечеромъ канцлеръ получилъ извѣщеніе о томъ, что Испанія объявила войну Англіи; письма г. Гримальди [3]) къ г. д'Альмодовару [4]) подтверждаютъ эту новость.

Его Величество нерѣдко удостаиваетъ своими посѣщеніями своихъ министровъ и другихъ знатныхъ вельможъ; въ прош-

---

[1]) Оффиціальное описаніе кончины Елисаветы, составленное Д. В. Волковымъ („С.-Петербургскія Вѣдомости", 28 декабря 1761 г.), также свидѣтельствуетъ о „весьма крѣпкомъ сложеніи тѣла" и „благополучной конституціи ея императорскаго величества".

[2]) Шведскій уроженецъ, полковникъ прусской службы Гордтъ, взятый въ плѣнъ при Куннерсдорфѣ, по освобожденіи своемъ сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Петра и могущественнымъ проводникомъ вліянія Фридриха II.

[3]) Испанскій первый министръ.

[4]) Испанскому посланнику въ Петербургѣ.

лый вторникъ Императоръ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ новаго оберъ-гофмаршала Нарышкина и въ тотъ же вечеръ ужиналъ у гетмана графа Разумовскаго. Третьяго дня та же честь была оказана новому оберъ-камергеру, графу Шереметеву [1]).

Итальянскій пѣвецъ Компасси [2]), нѣчто въ родѣ шута покойной Императрицы, уволенъ.

Появился указъ по поводу траура: трауръ продолжится годъ и шесть недѣль и будетъ глубокимъ. Имѣю честь приложить оттискъ этого указа, а также послѣдній, только-что появившійся номеръ петербургской газеты.

Канцлеръ—нездоровъ, а его супруга сильно больна.

Г. Бутурлинъ, зять m-lle Воронцовой [3]), получившій на дняхъ званіе камергера, будетъ отправленъ въ Стокгольмъ съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Императора и смерти Императрицы, его тетки. Генералъ Румянцевъ [4]) получилъ приказъ явиться сюда.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, $\frac{8}{19}$ января 1762 г.

(*Писано шифромъ*). Несмотря на рядъ повышеній, которыя Императоръ нашелъ нужнымъ произвести, какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, въ первые дни по своемъ восшествіи на престолъ (списокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я имѣлъ честь отправить вашему превосходительству)—не проходитъ дня безъ того, чтобы не было слышно о какомъ-либо новомъ повышеніи. Только, что появился печатный ихъ списокъ, переводъ котораго имѣю честь препроводить.

Прибывшій на дняхъ принцъ Голштейнъ-Бекскій получилъ отъ Императора званіе генералъ-фельдмаршала [5]); есть

---

[1]) Графъ Петръ Борисовичъ, оберъ-камергеръ, извѣстный огромнымъ своимъ богатствомъ (1713—1788). Домъ его въ то время находился на Милліонной улицѣ.

[2]) Фердинандъ Компасси состоялъ опернымъ пѣвцомъ и при Екатеринѣ II (до 1765 г.).

[3]) Графъ Петръ Александровичъ, сынъ фельдмаршала (1734 — 1777).

[4]) Петръ Александровичъ (1725 — 1796), прославившійся взятіемъ Кольберга, будущій фельдмаршалъ.

[5]) Принцъ Голштейнъ-бекскій Петръ-Августъ-Фридрихъ (р. 1697 г.) одинъ изъ родственниковъ Петра III по отцовской линіи, русскій генералъ-аншефъ. Петръ произвелъ его въ генералъ-фельдмаршала и назначилъ губернаторомъ Петербурга. По отзывамъ современниковъ, это былъ человѣкъ никуда не годный ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи. „Но, писалъ польскій посланникъ Брюль, довольно быть въ какомъ-либо свойствѣ съ голштинской фамиліею, чтобы прослыть одинаково способнымъ и къ государственной, и къ военной дѣятельности".

слухи, что онъ будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи и Эстляндіи; самъ принцъ льститъ себя надеждой, что слухи эти оправдаются.

Третьяго дня, въ день Крещенія по старому стилю, съ большой торжественностью былъ исполненъ обрядъ, составляющій часть культа греческой церкви и совершаемый ежегодно. Обрядъ этотъ заключался въ томъ, что на рѣкѣ было совершено освященіе воды и затѣмъ святой водой были окроплены полковыя знамена и штандарты. Совершалъ церемонію и священнодѣйствовалъ архіепископъ новгородскій. Присутствовавшая при совершеніи этого религіознаго акта, Императрица, находясь среди духовенства и другихъ лицъ, причастныхъ обряду, направилась пѣшкомъ, въ сопровожденіи всего двора и многихъ городскихъ дамъ, отъ дворца къ прилегающему къ нему каналу, рукаву Невы [1]), на льду этого канала находился, устроенный для этой цѣли, павильонъ, гдѣ Императрица и оставалась все время совершенія обряда. Въ то мгновеніе, когда архіепископъ освятилъ воду, раздался пушечный салютъ; по освященіи воды, онъ далъ отпить ее Императрицѣ, при чемъ раздался троекратный ружейный салютъ, произведенный войскомъ, расположеннымъ рядами по обѣимъ сторонамъ канала, Это войско составляли части четырехъ гвардейскихъ полковъ, артиллерійскаго корпуса и трехъ полковъ, приведенныхъ сюда изъ Выборга и другихъ мѣстъ, численностью до 8.330 человѣкъ, что составляетъ половину всего количества находящихся здѣсь теперь войскъ. Командовалъ этимъ корпусомъ фельдмаршалъ принцъ Голштейнъ-Бекскій; подъ его командованіемъ, во главѣ перваго Преображенскаго полка, находился Императоръ. Оберъ-полицеймейстеръ Корфъ исполнялъ обязанности генералъ-аншефа.

Въ прошлую субботу англійскій посланникъ г. Кейтъ имѣлъ честь представлять въ частной аудіенціи всѣхъ проживающихъ здѣсь купцовъ-англичанъ, всего 39 человѣкъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Императоръ оказалъ этому посланнику и его соотечественникамъ самый лестный и милостивый пріемъ: онъ завѣрилъ ихъ въ своемъ покровительствѣ и своемъ особомъ къ нимъ расположеніи.

Состояніе здоровья канцлера графа Воронцова продолжаетъ насъ по-прежнему сильно безпокоить. Третьяго дня ему три

[1]) Мойка. Дворецъ находился въ то время на углу Мойки и Невскаго проспекта, если лицомъ стать къ адмиралтейству, по лѣвой рукѣ, перейдя Полицейскій мостъ.

раза пускали кровь и были замѣчены признаки воспаленія крови, вслѣдствіе этого врачи думаютъ, что положеніе его будетъ становиться съ каждымъ болѣе и болѣе опаснымъ.

Если канцлеру суждено умереть раньше, чѣмъ вернется вице-канцлеръ, князь Голицынъ [1]), что весьма вѣроятно, если послѣдній не получитъ отзывныхъ грамотъ, которыя до сихъ поръ еще не подписаны, то можетъ случиться, что его замѣнитъ Панинъ, оберъ-гофмейстеръ великаго князя, бывшій посланникомъ при нашемъ дворѣ и шведскомъ; или же на него будетъ возложено временное выполненіе обязанностей канцлера до прибытія изъ Лондона князя Голицына.

Фельдмаршалъ графъ Петръ Шуваловъ, послѣ мучительной долгой борьбы со смертью, скончался наконецъ въ вечеръ прошлой пятницы [2]). Особенная заслуга этого вельможи передъ его родиной заключается въ устройствѣ артиллерійскаго корпуса, котораго основателемъ онъ является; корпусъ этотъ какъ по выбору людей, такъ и по искусству и точности, съ которыми производятся всѣ упражненія и маневры, превосходитъ все, что можно было наблюдать до сихъ поръ въ этой области, и заслуживаетъ всяческихъ похвалъ.

Корпусъ, который является образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, стоитъ ему огромныхъ денегъ; оказывается, что вельможа, имѣвшій болѣе 200 т. ежегоднаго дохода, послѣ своей смерти оставилъ состояніе только въ драгоцѣнностяхъ и движимомъ имуществѣ и что долгъ его казнѣ равенъ 2 милліонамъ рублей. Послѣ него остался сынъ; онъ назначенъ камергеромъ [3]).

Сюда ожидаютъ черезъ недѣлю принца Георга Голштинскаго [4]). Императоръ послалъ ему навстрѣчу придворныхъ

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ, впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ, основатель Голицынской больницы въ Москвѣ (1723—1807).

[2]) Умеръ 4 января 1762 г.

[3]) Андрей Петровичъ, французскій стихотворецъ (1744—1789), впослѣдствіи управлялъ государственнымъ ассигнаціоннымъ банкомъ.

[4]) Родной дядя Петра III, принцъ Георгій Голштинскій (р. 1719), былъ выписанъ въ Петербургъ горячо любившимъ его племянникомъ тотчасъ по воцареніи. Онъ пріѣхалъ немедленно съ женою, принцессой голштейнъ-бекскою Софіей Шарлоттой и двумя малолѣтними сыновьями и былъ пожалованъ титуломъ императорскаго высочества, генералъ-фельдмаршаломъ и губернаторомъ Голштиніи, а также назначенъ шефомъ конной гвардіи. Для жительства ему былъ подаренъ домъ (гдѣ нынѣ Сенатъ), купленный за 150 тысячъ рублей (до милліона на наши деньги). И по злу, и по хорошему принцъ Георгъ былъ посредственностію, но

лакеевъ и кухню, для того, чтобы обслуживать его въ пути. Говорятъ, что онъ будетъ занимать домъ камергера Шувалова.

Предполагавшееся путешествіе камергера князя Голицына въ Англію—отмѣнено, но путешествіе г. Бутурлина въ Стокгольмъ состоится.

Прилагаю печатное описаніе болѣзни покойной Императрицы; глубокій трауръ по Государынѣ устанавливается съ 25-го сего мѣсяца, а погребеніе—на 8-е февраля стараго стиля.

„Князь Шаховской попалъ въ немилость [1]), съ перваго же дня восшествія на престолъ Императора за то, что онъ, когда Императоръ нашелъ нужнымъ всенародно объявить своего кузена принца Голштейнъ-Бекскаго генералъ-фельдмаршаломъ, осмѣлился указать ему, что предоставленіе иностранцамъ важнѣйшихъ въ странѣ должностей противно основнымъ законамъ Россійской имперіи, установленнымъ Петромъ I и строго имъ соблюдавшимся. Императоръ, уязвленный его возраженіями, тотчасъ же отстранилъ его отъ исполненія его обязанностей. Кромѣ того, этотъ вельможа, за два дня до смерти Императрицы, отказалъ Императору послать, на основаніи его приказа, на почту предписаніе прекратить отправку писемъ и эстафетъ, сказавъ иронически, что для того, чтобы исполнить это приказаніе, необходимо имѣть указъ, давъ этимъ понять, что Императоръ въ то время еще не стоялъ во главѣ управленія. Эта колкость возбудила сильное неудовольствіе Императора противъ князя Шаховского, и онъ немедленно же отмстилъ ему, отдавъ это приказаніе другому—тому, кто находился въ это время около него и позаботился о томъ, чтобы тотчасъ же привести это приказаніе въ исполненіе.

пользовался огромнымъ вліяніемъ на Петра, который называлъ его „дядюшкой“, а жену его „тетушкой“. Онъ принесъ страшный вредъ Императору, потому что съ момента пріѣзда своего, воспитывалъ въ немъ чувство преклоненія предъ Фридрихомъ II и предъ всѣмъ прусскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ малолѣтніе сыновья его (8 и 9 лѣтъ) пожалованы были прямо въ генералъ-маіоры, а курляндскому дворянству, несмотря на протесты польскаго короля, предписано было избрать Георга Герцогомъ Курляндскимъ. Даже маленькій Павелъ замѣтилъ предпочтеніе, отданное его сверстникамъ-кузенамъ производствомъ въ генералъ-маіоры, и сказалъ: „а я только великій князь“. Болотовъ отозвался о принцѣ Георгѣ, что онъ „человѣчекъ очень, очень маленькій и не слишкомъ дальновидный, замысловатый и расторопный“.

[1]) Князь Яковъ Петровичъ Шаховской, извѣстный по своей дѣятельности и честности генералъ - прокуроръ (1706—1707). Оставилъ „Записки“.

Если король соблаговолитъ одобрить мысли и предположенія, которыя я осмѣлился высказать въ моемъ частномъ письмѣ къ вашему превосходительству, отъ 9 января, по поводу заявленій Англіи, то я просилъ бы васъ, въ одной изъ вашихъ депешъ, сказать нѣсколько учтивыхъ словъ по адресу г. Кейта съ тѣмъ, чтобы я могъ дать ему ихъ прочесть. Хотя этотъ старый умный посланникъ, при всей своей прямотѣ обладающій проницательностью и ловкостью, слишкомъ долго вращался въ свѣтѣ, чтобы не знать настоящей цѣны комплиментамъ, тѣмъ не менѣе, если бы слова вашего превосходительства дошли до него такимъ способомъ, какъ бы случайно, то я полагаю, что онъ былъ бы весьма доволенъ и польщенъ.

До сихъ поръ г. де-Мерси [1]) не говорилъ мнѣ—получилъ ли онъ, относительно нашего дѣла, тѣ же приказанія, что и г. Бретейль [2]). Впрочемъ, г. Бретейль не будетъ исполнять полученныхъ имъ приказаній до тѣхъ поръ, пока его дворъ снова не освѣдомитъ его о своихъ намѣреніяхъ, но въ виду того, что вслѣдствіе смерти Императрицы все здѣсь измѣнилось. Между тѣмъ я поддерживаю съ обоими посланниками отношенія, которыя вашимъ превосходительствомъ мнѣ были предуказаны, хотя я замѣчаю, что со дня объявленія о разрывѣ нашего договора, оба они стали относиться ко мнѣ очень холодно и сдержанно.

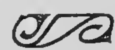
Только-что былъ соборованъ канцлеръ. Я оплакиваю заранѣе его смерть; ваше превосходительство слишкомъ хорошо понимаетъ, какъ велика для всѣхъ потеря такого мягкаго и разумнаго министра, какимъ онъ былъ.

Гакстгаузенъ.

P. S. Засѣданіе совѣта, которое должно было состояться сегодня, отсрочено.

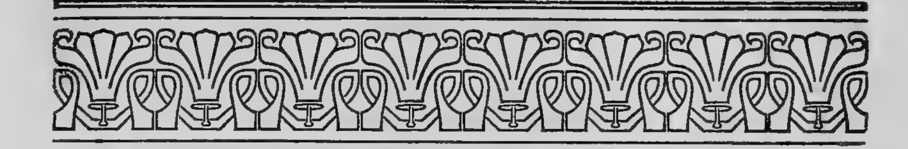
Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ.

[2]) Французскій посланникъ въ Петербургѣ.



Власть прошлаго [1]).

Наступила весна, а съ ней и Пасха. Въ среду на Святой пришелся день рожденія Наташи. Рѣшили отпраздновать и среду и день рожденія на славу. Гостей ожидалось много, въ особенности вечеромъ. Къ обѣду же были приглашены только родные, но и ихъ набралось порядочное количество. Рано утромъ, когда Наташа была еще въ постелѣ, Аннушка внесла и съ трудомъ поставила на маленькій столикъ большую корзину бѣлыхъ розъ и ландышей. Ни письма, ни карточки. Опрошенный посыльный тоже ничего не зналъ. Такъ никогда никто и не узналъ, отъ кого былъ этотъ привѣтъ. Корзину снесли внизъ, поставили въ гостиную на столъ и Катюша съ Володей составили тайный заговоръ какими-нибудь путями добиться и узнать, кто именно прислалъ эти роскошные цвѣты. Но всѣ ихъ старанія пропали даромъ. Богъ знаетъ, почему отнѣкивались князь Адашевъ и Андрей Александровичъ Скарятинъ: изъ скромности, изъ желанія не быть узнанными, или просто потому, что на самомъ дѣлѣ они не были причастны этой посылкѣ. Одна Наташа не старалась узнавать; она не сомнѣвалась; она знала.

Пасха была поздняя въ этомъ году; стоялъ конецъ апрѣля; дни были свѣтлые, ясные, теплые.

Въ первой гостиной дверь на балконъ была выставлена и даже открыта. Гости съѣжались; иные съ удовольствіемъ выходили на красивую бѣлую террасу, пока почти еще пустую и не обставленную цвѣтами. Деревья въ саду едва, едва зеленѣли; свѣже-взрытыя грядки издавали пряный запахъ сырой земли; дорожки только передъ домомъ были посыпаны свѣжимъ пескомъ. Отъ всего сада несло свѣжей сыростью нарождающейся

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1915 г.

весны; вѣяло новыми жизненными силами; природа торжествовала, сбросивъ и побѣдивъ зимнія оковы.

Наташа и Катюша въ бѣлыхъ шелковыхъ платкахъ, накинутыхъ на легкія платья, стояли вмѣстѣ съ другими молодыми дѣвушками на балконѣ, не рискуя въ тонкихъ туфляхъ выходить на дорожки, куда ихъ звали Скарятинъ, Адашевъ, Володя и еще нѣсколько другихъ молодыхъ людей.

— А вотъ и профессоръ!—послышался голосъ Горова. Здороваясь и пожимая руки направо и налѣво, Рагодинъ шелъ прямо къ Наташѣ. Взволнованная, трепещущая ждала она его; ей казалось, что само счастье идетъ къ ней.

— Не знаю, что сказать вамъ, обратился онъ къ ней, всякое поздравленіе, всякое пожеланіе мнѣ кажутся пустыми и банальными. Желаю, чтобы этотъ годъ принесъ вамъ большое счастье, чтобы весь жизненный путь вашъ...

— Былъ усыпанъ розами и ландышами, лукаво улыбаясь, едва слышно произнесла Наташа.

— Да! также тихо промолвилъ онъ, наклоняясь къ ней и съ благоговѣніемъ прикасаясь губами къ этой дѣвичьей рукѣ, не знавшей еще никакихъ пожатій и поцѣлуевъ.

Поздно вечеромъ, когда веселье было въ полномъ разгарѣ, Рагодинъ подошелъ къ Наташѣ.

— Наталья Николаевна, знаете, я долженъ сообщить вамъ непріятную новость.

Она подняла на него испуганные глаза.

— Послѣ экзаменовъ въ консерваторіи я уѣзжаю за границу, въ Италію.

Она не удивилась, почему онъ выразился именно такъ: непріятная новость; почему онъ зналъ, что именно ей это будетъ непріятно. Это было такъ натурально. Такъ же натурально, какъ и ея возгласъ вслѣдъ за этой фразой:

— Ахъ, Господи! да зачѣмъ же это?

Онъ не улыбнулся; все лицо оставалось сосредоточеннымъ и серьезнымъ.

— Я ѣду въ Римъ и Миланъ по порученію Николая Григорьевича. Наталья Николаевна, не бросайте музыку безъ меня; работайте, какъ вы до сихъ поръ работали. Вы сдѣлали за это время большіе успѣхи. Я на дняхъ зайду и принесу списокъ вещей, которыя вы выучите безъ меня.

— Смогу ли я безъ васъ? и безпомощные глаза, устремленные на него, сдѣлались влажными.

— Если захотите—все сможете.

Лѣто Горовы проводили всегда безвыѣздно у себя дома. Садъ былъ большой, тѣнистый съ вѣковыми деревьями и въ свою очередь весь окруженъ другими садами; воздухъ былъ чистый, чудный. Та часть города, гдѣ находился домъ Горова, въ то время, была немноголюдна; здѣсь все больше стояли барскіе особняки. Ни лавокъ, ни магазиновъ даже и по близости тогда не было, такъ что и ѣзды городской совсѣмъ не было слышно. Утромъ рано въ особенности, въ саду, когда всѣ лужайки были еще покрыты блестящей росой, верхушки деревьевъ едва золотились въ солнечныхъ лучахъ, а тамъ, въ глубинѣ, гдѣ купы кустовъ были какъ-то гуще и темнѣе, все было застлано синей дымкой тумана, получалась полная иллюзія деревенскаго пейзажа. Самъ Горовъ очень заботился о своемъ садѣ; къ веснѣ всегда нанимался садовникъ, который устраивалъ клумбы, разсаживалъ цвѣты, подрѣзывалъ деревья. Нерѣдко можно было видѣть, какъ и самъ Николай Алексѣевичъ, вооружившись большими ножницами, обрѣзалъ сухія вѣтви или подвязывалъ цвѣты на клумбахъ.

Дѣвочки тоже очень любили свой садъ. У каждой были любимыя скамейки и мѣстечки, носившія особыя названія. Женя и Настя устраивались обыкновенно въ круглой бесѣдкѣ, называвшейся „Монплезиромъ"; m-me Клеберъ и Катя съ работою сидѣли въ „хуторкѣ"; Наташа съ книгою въ рукахъ удалялась обыкновенно въ самую глубь сада, въ тѣнистую липовую аллею; и, когда пріѣзжали гости, то ее едва находили въ этой глуши. Она какъ-то вся ушла въ себя, мало разговаривала, мало интересовалась всѣмъ ее окружающимъ. Играла она по пяти, по шести часовъ въ день. Отецъ, самъ любившій музыку, радовался ея прилежанію и внимательно слѣдилъ за успѣхами. Молодежь изрѣдка навѣщала Горовыхъ; были впрочемъ и такіе, которые не лѣнились и часто заглядывали къ нимъ. Князь Адашевъ, Скарятинъ, Гарденау нерѣдко засиживались по вечерамъ и съ удовольствіемъ пили чай на большой террасѣ.

Лѣто выдалось чудное, хотя и грозное. Всѣ наслаждались и теплыми погожими днями, и красивыми лунными ночами, и запахомъ только-что скошеннаго сѣна, и дивнымъ одуряющимъ ароматомъ, несшимся съ пестрыхъ клумбъ и съ цвѣтущихъ липъ. Одна Наташа не замѣчала всѣхъ этихъ красотъ и съ радостью привѣтствовала первые желтые листья и осыпающіеся лепестки розъ.

А пріѣхалъ онъ тогда, когда менѣе всего его ждали.

Теплый августовскій вечеръ нарядно и трепетно блестѣлъ миріадами звѣздъ съ прозрачнаго синяго неба. Только-что пронеслась гроза. Воздухъ былъ чистъ и влаженъ. Дышалось какъ-то особенно легко. Издали неясно доносился городской шумъ, да и тотъ почти затихалъ. На террасѣ накрывали чай; бѣлая скатерть и серебро блестѣли подъ яркимъ свѣтомъ лампы съ темнымъ абажуромъ. Василій въ бѣлыхъ перчаткахъ безшумно двигался и приносилъ на столъ то—то, то другое. На боковой скамеечкѣ, недалеко отъ дому, сидѣла Наташа съ двумя маленькими сестренками.

Вдругъ на свѣтломъ фонѣ балкона, на верхней ступенькѣ показался стройный силуэтъ Катюши; за ней еще кто-то.

— А посмотри, кого я тебѣ веду! громко крикнула она въ сторону Наташи.

И они оба быстро спустились по бѣлымъ каменнымъ ступенямъ. Наташа даже не встала; она чувствовала, что, если встанетъ, то сейчасъ же упадетъ. Въ груди все замерло. Она ясно не помнитъ, что было дальше. Дѣвочки радостно вскрикнули и захлопали въ ладоши. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, а Катюша, крича имъ, чтобы они шли чай пить, быстро удалялась къ балкону.

— Что это какъ похудѣли? Нездоровы были? участливо спрашивалъ онъ; а она не понимала даже, что онъ ей говорилъ; только радостно, всѣмъ существомъ своимъ прислушивалась къ звуку дорогого голоса, который она не слыхала больше трехъ мѣсяцевъ.

Потомъ двинулись къ балкону, размѣстились вокругъ стола. Пришелъ Николай Алексѣевичъ.

— А, Александръ Сергѣевичъ! Наконецъ-то! Долгонько же вы пропадали. Батюшки, да вы совсѣмъ итальянскимъ маэстро стали, смѣялся Горовъ, намекая на длинные волосы Рагодина.

Долго въ этотъ вечеръ просидѣли за чайнымъ столомъ. Много и интересно разсказывалъ Рагодинъ про свое путешествіе, разсказывалъ, какъ въ Римѣ ему пришлось играть въ Квириналѣ и какъ милостиво и любезно отнеслась къ нему королевская чета.

Наташа разливала чай, намазывала масло на хлѣбъ для сестренокъ, надѣляла ихъ фруктами; но все это она дѣлала какъ во снѣ. Дорогой голосъ и радовалъ и смущалъ ее.

Послѣ чая Рагодинъ всталъ и подошелъ къ Наташѣ; остановясь за ея стуломъ и наклонясь немного къ ней, онъ спросилъ:

— А что наша музыка? Играли? Не лѣнились?

Обернувшись къ нему, вся сіяющая, смущенная, она разсказывала о своихъ занятіяхъ.

— Что Бехштейнъ настроенъ? спросилъ онъ.

Наташа утвердительно кивнула головой, и они оба прошли въ большую залу, гдѣ уже были зажжены лампы. Рагодинъ сѣлъ за рояль и взялъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ; Наташа стояла около него. Какъ бы угадавъ ея завѣтное желаніе, онъ началъ играть.

Дивная, звучная мелодія наполнила всю залу; за ней слѣдовали богатыя варіаціи. Наташѣ казалось, что она понимаетъ смыслъ этихъ звуковъ.

— Что это вы играли? робко спросила она, когда онъ кончилъ.

Онъ обернулся къ ней и, глядя ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Эту фантазію я написалъ тамъ въ Италіи, въ минуты скуки и тоски, когда я вспоминалъ о . . . . Москвѣ.

На другой день Рагодинъ прислалъ Горову свертокъ съ обѣщанными акварелями итальянскихъ художниковъ. Николай Алексѣевичъ рисовалъ самъ и даже увлекался живописью. Весь его кабинетъ былъ увѣшанъ картинами собственной работы. Отдѣльный свертокъ былъ присланъ на имя Наташи. Развернувъ его, она такъ и замерла.

Какъ-то зимою въ разговорѣ съ Рагодинымъ, она передавала ему свои впечатлѣнія послѣ только-что видѣнной ею на сценѣ Малаго театра трагедіи Гуцкова „Уріель Акоста". Ленскій и Ермолова въ главныхъ роляхъ совсѣмъ покорили ея сердце. Сама трагедія, внутренній смыслъ ея — поразили ея воображеніе.

И вотъ теперь передъ нею лежала, дивно исполненная, акварель, подъ которой значилось: „Акоста и Юдиѳь". Это былъ отчасти снимокъ съ извѣстной картины нѣмецкаго художника. Представленъ уголокъ дивнаго, роскошнаго сада, старинная бесѣдка, обвитая плющемъ, мраморная бѣлая скамья угломъ и передъ нею такой же столъ.

Другъ противъ друга сидятъ Акоста и Юдиѳь. Передъ ними лежитъ раскрытая библія. Онъ, видимо, что-то вдохновенно толкуетъ, а юная ученица восторженными глазами смотритъ на своего учителя.

Вотъ, что изображала картина; но не это заставило ахнуть Наташу. Не дочь Манассе Вандерстратена сидѣла на мраморной скамьѣ и не ей принадлежала эта роскошная бѣлокурая коса, спустившаяся съ плеча, а черты еврейскаго мыслителя удивительно напоминали другое, болѣе знакомое, болѣе дорогое лицо. Но сходство было едва уловимо, такъ что для посторонняго лица оно могло сойти за простую случайность или быть вовсе незамѣченымъ.

Картина была развернута при Горовѣ. Онъ взглянулъ на нее, нахмурилъ сѣдыя брови и, не сказавъ ни слова, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. M-me Клеберъ тоже неодобрительно покачала головою. Катюша взглянула на картину, потомъ на Наташу, и какъ будто только теперь ей все стало ясно.

Впослѣдствіи итальянскія акварели были отдѣланы въ чудныя паспорту и рамки, Наташина же картина подвергнулась остракизму. Впрочемъ, она объ этомъ не горевала; отнесла ее къ себѣ на верхъ и приколола булавками надъ постелью. При встрѣчѣ съ Рагодинымъ она ни словомъ не обмолвилась про сходство и оффиціально поблагодарила его за подарокъ.

Прошелъ сентябрь мѣсяцъ, а Горовъ не поднималъ разговора о возобновленіи уроковъ музыки. Рагодинъ почти не бывалъ, а если и бывалъ, то на очень короткое время и какъ бы мимоходомъ; всегда куда-то спѣшилъ, всегда было некогда.

Какъ-то вечеромъ послѣ обѣда, m-me Клеберъ была приглашена на аудіенцію въ кабинетъ его превосходительства. Аудіенція длилась очень долго. Смущенныя необычайностью событія, дѣвочки озабоченно ходили на верху по своимъ аппартаментамъ.

— Ты не знаешь, зачѣмъ ее позвали? съ безпокойствомъ спрашивала Катюша у Наташи, которая стояла у окна и разсѣянно смотрѣла въ глубь порѣдѣвшаго сада.

— Почемъ я знаю! и глубокій вздохъ вырвался у нея изъ груди.

Наконецъ, m-me Клеберъ вернулась красная и взволнованная. Маленькія сидѣли уже въ классной за столомъ и ждали французскаго урока. Съ шумомъ отодвинула стулъ m-me Кле-

беръ и усѣлась; потомъ напялила очки, тряхнула головой, взяла въ руки Марго и, ни къ кому особенно не обращаясь, изрекла:

— Oui, mesdemoiselles, la tâche d'une institutrice est une chose très difficile, surtout lorsque les éléves manquent de sincerité!

Катюша сдѣлала круглые глаза, а Наташа сдвинула брови и безнадежно махнула рукой.

Все кругомъ было не ладно. Въ воздухѣ чуялась гроза. За обѣдомъ, вмѣсто прежнихъ веселыхъ разговоровъ, отецъ молчалъ и всѣмъ было не по себѣ. Сколько разъ порывалась Наташа идти прямо къ отцу и поговорить съ нимъ; покаяться въ своемъ грѣхѣ, какъ она мысленно называла свое чувство, и спросить его самого, отчего онъ такъ перемѣнился; но страхъ, смертельный страхъ останавливалъ ее.

Въ началѣ ноября было первое симфоническое собраніе. Съ утра Наташа была какъ въ лихорадкѣ. Вечеромъ она увидитъ его, будетъ говорить съ нимъ. Отцу немного нездоровилось, и онѣ ѣхали съ m-me Клеберъ. Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе отъ этого обстоятельства, она вмѣстѣ съ тѣмъ проклинала себя за такое чувство.

— Господи, прости меня грѣшную! Не накажи меня за такой грѣхъ! И она покрывала маленькими незамѣтными знаменіями креста то мѣсто, гдѣ въ груди ея билось непокорное и раненое сердце.

— Наташа, какія мы платья надѣнемъ? кричала Катюша изъ гардеробной. Аннушка спрашиваетъ, какія готовить.

— Мнѣ все равно, какія хочешь!

И она, вся занятая своими мыслями, разсѣянно шла одѣваться.

Пріѣхали въ собраніе рано, чуть не за полчаса до начала. Прошли на свои мѣста. Стоя спиною къ эстрадѣ, Наташа разглядывала въ бинокль весь залъ. Нѣтъ никого! Почему онъ не идетъ? Вышелъ на эстраду Рубинштейнъ; постучалъ своей дирижерской палочкой; водворилась такая тишина, что муху можно было услыхать; онъ былъ на этотъ счетъ строгій господинъ. Сыграли симфонію Гайдна; вторымъ номеромъ были отрывки изъ какой-то новой оперы; былъ хоръ и солисты. Должно быть, было хорошо сыграно и спѣто. Публика громко апплодировала и вызывала солистовъ. Наташа ничего не слыхала. Вотъ антрактъ.

— Ну, теперь-то придетъ навѣрно!

И сердце билось такъ, что мѣшало дышать.

M-me Клеберъ и Катюша поднялись, чтобы идти въ другой залъ.

— Nathalie, а вы?

— Я не пойду, я останусь здѣсь. Вы идите.

Въ это время къ Наташѣ подошла извѣстная тогда пѣвица, Евлалія Павловна Кадмина, съ которой Горовы были знакомы; она была одна изъ солистокъ нынѣшняго вечера.

— Что, барышня, смотрите знакомыхъ? заговорила она съ Наташей своимъ низкимъ груднымъ контральто и опустилась на кресло рядомъ; они были сосѣди по мѣстамъ.

— Да, но никого нѣтъ сегодня... интереснаго, прибавила Наташа, стараясь улыбнуться.

— Ну, какъ вамъ понравилась арія, которую я пѣла?

— Очень, да. (Наташа продолжаетъ смотрѣть въ бинокль). Ахъ, вотъ идетъ Скарятинъ! Лишь бы только недолго оставался, думаетъ она. Не хочу, чтобы кто-нибудь былъ, когда онъ придетъ.

Но онъ—не пришелъ. Былъ ли онъ въ концертѣ? не былъ ли? спросить не у кого было, да она и не рѣшилась бы. Чуть не плакала она, сидя въ каретѣ, возвращаясь домой.

Прошло еще нѣсколько дней. Бехштейнъ и Ренишэ, отверженные и покинутые, молчали чуть ужъ не цѣлый мѣсяцъ. Осунувшаяся, блѣдная ходила Наташа. Слова отъ нея трудно было добиться. Она все думала, думала.

— Что съ тобою, дитятко? участливо спрашивала старуха Анна Филипьевна.

— Ничего, няничка, голова немного болитъ!

— Какое ужъ тамъ голова! Развѣ я не вижу! И она ворчала себѣ подъ носъ и вздыхала.

Наконецъ она рѣшилась. Какъ только послѣ завтрака отецъ собрался на службу, она, стоя въ залѣ, проводила глазами, выѣзжавшаго со двора, сѣраго рысака и побѣжала къ себѣ на верхъ. Выждавъ, пока m-me Клеберъ съ младшими дѣвочками отправилась совершать обычную прогулку, она быстро одѣлась, накрыла голову чернымъ кружевнымъ шарфомъ, почти закрывъ лицо, и, счастливо миновавъ коридоръ и буфетную, черезъ

людскую и боковую калитку вышла на дворъ, а оттуда и на улицу. Видѣли ее только прачка, которая выходила въ это время изъ прачешной, да старикъ-дворникъ, сидѣвшій у воротъ и удивленно взглянувшій на барышню, которая выходила одна на улицу—это было необычное явленіе. Но Наташѣ было рѣшительно все равно. Она вышла бы и передъ всѣми; только бы не помѣшали! Нервы были дотого натянуты; все существо ея было такъ измучено, что она на все махнула рукой.

Выйдя за ворота, она наняла перваго встрѣчнаго извощика и приказала ѣхать на Новинскій бульваръ. За два—три дома она остановилась, вышла изъ пролетки и подошла къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Рагодинъ. Отворила незапертую парадную дверь и вошла на лѣстницу. Вотъ и квартира его. Она не помнитъ, но кажется, она ни минуты не раздумывала и дернула звонокъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась. На порогѣ стояла женщина лѣтъ тридцати.

Красивые черные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ глянули участливо на Наташу. Несмотря на рѣзко выраженный иностранный типъ, она съ чисто русскимъ акцентомъ спросила:

— Вамъ кого нужно?

— Александръ Сергѣевичъ дома? Мнѣ его нужно видѣть.

Ноги подкашивались у Наташи и она вся дрожала. Отвѣта не послѣдовало, потому что въ эту минуту боковая дверь, видимо изъ кабинета отворилась, и самъ Рагодинъ подошелъ къ Наташѣ.

— Наталья Николаевна, вы! Зачѣмъ? Что случилось?

— Я не могу больше... я должна была...

И рыданья прервали ея слова.

Рагодинъ ввелъ ее въ свой кабинетъ, усадилъ на диванъ и притворилъ дверь.

— Успокойтесь, умоляю васъ! Онъ взялъ стаканъ, налилъ воды изъ графина и подалъ ей.

— Выпейте, прошу васъ!

Взявъ съ дивана подушку, онъ сѣлъ у ея ногъ, выжидая, пока она немного успокоится.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы не были у насъ... такъ давно?..

И, безпомощно опустивъ руки на колѣни, она глядѣла на это дорогое, тоже поблѣднѣвшее и похудѣвшее лицо. Онъ взялъ эти руки въ свои, прижался къ нимъ своимъ горячимъ лбомъ и прерывающимся голосомъ произнесъ:

— Наталья Николаевна, Наташа, дорогая... простите меня... я не смѣю, не могу бывать у васъ... я виноватъ во всемъ... простите, если можете...

Этими словами было сказано все. Поняла ли Наташа тогда, или позднѣе—не все ли равно?

Грустно, тоскливо смотрѣла она на него.

Проведя рукой по лбу, Рагодинъ всталъ.

— А теперь, уѣзжайте, прошу васъ...

Бережно окутавъ ее, онъ сошелъ вмѣстѣ съ нею съ лѣстницы, усадилъ ее на извощика, предварительно велѣвъ поднять верхъ и крѣпко, судорожно сжавъ ей руку, сказалъ тихо:

— Прощайте... и простите...

Вернувшись домой, Наташа прошла прямо къ себѣ. На верху лѣстницы ее встрѣтила m-me Клеберъ.

— Seigneur Dieu! d'où venez vous dans cet état-là?..

Должно быть лицо Наташи выдавало ее, да и шарфъ былъ повязанъ не совсѣмъ элегантно. Равнодушно глядя на нее, Наташа произнесла:

— Se viens de chez Александръ Сергѣевичъ! и видя, что она хочетъ сказать еще что-то—прибавила:

— Laissez-moi tranquille!

Растопыривъ руки и воздѣвъ очи долу m-me Клеберъ отступила въ недоумѣньи.

Наташа между тѣмъ уже бросилась на нянину кровать и истерично рыдала. Старая няня раздѣла свою любимицу, уговаривая, какъ малаго ребенка; потомъ прикрыла ее своимъ платкомъ.

— Да оставьте вы ее, дайте ей успокоиться, выпроваживала она изъ своей комнаты m-me Клеберъ и дѣвочекъ, жавшихся около двери и съ любопытствомъ посматривавшихъ на сестру.

— Еще француженка, а ничего не понимаетъ,—ворчала себѣ подъ носъ старушка.

Много ли она сама поняла во всей этой исторіи — неизвѣстно.

На другой день рано утромъ Наташу позвали къ отцу Молчаливая, угрюмая вошла она въ кабинетъ. Она знала, что она виновата, и знала, что должна перенести наказаніе въ видѣ строгаго выговора. Отецъ взволнованный, суровый, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету.

— Садись! Онъ указалъ на кресло возлѣ стола.

Она молча повиновалась; онъ всталъ передъ нею.

— Скажи, пожалуйста, ты отдаешь себѣ отчетъ въ твоемъ поступкѣ? произнесъ онъ голосомъ, который онъ напрасно хотѣлъ сдѣлать спокойнымъ.

Она молча подняла на него свои глаза и сейчасъ же опять ихъ опустила.

— Ты, старшая въ семьѣ! Какой примѣръ сестрамъ! Но зачѣмъ вспоминать все это, что было сказано въ этотъ часъ! Тутъ было говорено и о позорѣ, и о томъ клеймѣ, который она положила на всю семью. Вѣдь завтра вся Москва будетъ знать! Ни одинъ порядочный, молодой человѣкъ не женится на такой дѣвушкѣ, и т. д., и т. д. А прислуга! А знакомые! Боже, какой ужасъ!..

Уничтоженная, убитая, стараясь постичь свой страшный грѣхъ, она вернулась къ себѣ; къ вечеру ей сдѣлалось худо; послали за докторомъ и уложили ее въ постель.

Такъ кончился ея романъ съ Рагодинымъ! Такъ кончилась ея первая, юная любовь!

Какой-то странной, жуткой жизнью жила она послѣдующее время. Не было уже больше той увѣренности въ радость и красоту жизни; пропала увѣренность и въ себя. Страхъ ко всему ее окружающему смѣнилъ то чувство міровой любви, которымъ было полно ея сердце. Какъ тяжко больная, послѣ только-что вынесенной операціи, осторожно и ощупью ступала она на своемъ жизненномъ пути. Прежде—она знала—ей стоило показаться и всѣ любили ее; ей даже не нужно было для этого дѣлать какія-либо усилія. Жизнь въ ней звучала такой дивной гармоніей, что одно присутствіе ея уже было—свѣтъ.

Теперь все исчезло, все пропало. Въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ отца она чувствовала укоръ, упрекъ; въ каждомъ соболѣзнованіи знакомыхъ и родныхъ ей чудились обидный намекъ, насмѣшка и иронія.

Вечеринки, балы—отъ всего она отказывалась подъ предлогомъ нездоровья. Когда наступила суббота съ ея симфоническимъ концертомъ, она, было, одѣлась, а потомъ въ свѣтломъ, нарядномъ платьѣ спустилась внизъ, прошла въ кабинетъ отца; онъ стоялъ передъ зеркаломъ совсѣмъ одѣтый, въ черной вечерней парѣ и прилаживалъ въ петличку сюртука маленькую изящную цѣпочку съ массой миніатюрныхъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ, не глядя на нее.

— Папа, позвольте мнѣ не ѣхать,—произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Что это за новости! воскликнулъ Николай Алексѣевичъ недовольнымъ голосомъ.

— Я... право... не могу...

Онъ обернулся, взглянулъ на нее и должно быть чуткимъ отцовскимъ сердцемъ, облеченнымъ теперь въ напускную суровость, онъ понялъ, что дѣйствительно она *не могла* ѣхать.

— Хорошо, можешь остаться дома. И голосъ его прозвучалъ мягко и нѣжно.

Къ роялю, къ своему милому Бехштейну она тоже боялась подходить. Какъ-то вечеромъ, когда никого не было дома, она сошла въ большую залу, открыла рояль, взяла тутъ же лежавшую тетрадь нотъ; это были сонаты Бетховена; и открылась-то тетрадь на „Apassionata"—послѣдняя вещь, которую онъ игралъ у нихъ; взяла первые вступительные аккорды, да такъ и замерла на нихъ. Опустивъ голову на руки и прислонившись къ пюпитру, она долго и горько плакала. А въ ушахъ звучали еще торжественные звуки „Allegro" и вся зала, казалось, была полна этими трепетными, дивными звуками...

Горовскіе „Среды" продолжали собирать многочисленное общество. Молодежь веселилась. Кромѣ танцевъ, въ этомъ году отдавали предпочтеніе шарадамъ и живымъ картинамъ. Это было и осмысленнѣе, и интереснѣе, и развивало художественный вкусъ. Скарятины сдѣлались почти постоянными посѣтителями. Самъ старикъ, бывшій консулъ гдѣ-то на Востокѣ, былъ не изъ симпатичныхъ; за то старая m-me Скарятина представляла собою на рѣдкость добродушный и любящій типъ. Семья была большая, но безалаберная. Дѣтей было шесть человѣкъ: пять сыновей, всѣ почти—военные и одна дочь, на которую было положено много труда и заботъ, чтобы выдать ее замужъ, но, благодаря неинтересной наружности и свѣтской безсодержательности, никакія комбинаціи не удались.

Съ дѣвочками Горовыми она сойтись не могла. Слишкомъ большая разница была въ воспитаніи. Наташа и Катюша, хотя уже и совсѣмъ взрослыя дѣвицы—были однако все время какъ бы подъ ферулой гувернантокъ, Наденька же Скарятина была вполнѣ самостоятельная особа. Участвовала въ благотворительныхъ обществахъ, ѣздила одна съ братьями по баламъ и пик-

никамъ, каталась верхомъ, причесывалась у парикмахера и, что между прочимъ ужасно конфузило и смущало Наташу и Катюшу, красила себѣ брови, завивалась, пудрила волосы и главное—о ужасъ—носила привязную косу.

Старшій сынъ—Андрей, бывшій гвардеецъ, служилъ теперь въ одномъ изъ московскихъ гренадерскихъ полковъ, второй—Василій былъ уланомъ, а остальные были пока юнкера и кадеты.

Скарятины вносили большое оживленіе въ семью Горовыхъ. Самой Скарятиной очень нравилась Наташа. Почуявъ материнскимъ сердцемъ, что у дѣвушки горе, она относилась къ ней ласково и тепло, стараясь вызвать въ ней довѣріе и искренность. Наташѣ такъ нужна и необходима была любовь, что она всей душой привязалась къ Еленѣ Ивановнѣ.

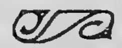
Бывало, молодежь шутитъ, веселится, а Наташа присядетъ къ Еленѣ Ивановнѣ и болтаетъ, болтаетъ съ ней безъ конца; и такъ ей хорошо и уютно съ этой милой старушкой. Очень часто къ этимъ бесѣдамъ присоединялся и Андрей Александровичъ. Ни словомъ никогда не обмолвился онъ про Рагодина, какъ будто-бы ничего и не было; никогда при ней не спрашивалъ про него, какъ это дѣлали другіе; и даже, когда мать какъ-то въ разговорѣ упомянула про Наташины музыкальныя занятія, онъ сейчасъ же свернулъ разговоръ на другую тему. И какимъ мягкимъ, благодарнымъ взглядомъ подарила его за это Наташа!

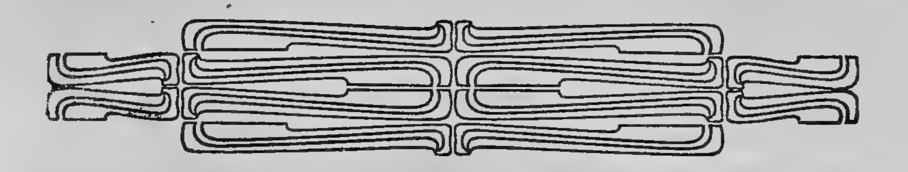
Что за жизнь, когда человѣкъ сомнѣвается въ себѣ! А вотъ именно этойто жизнью жила теперь Наташа. Грозныя слова отца преслѣдовали ее. Она совершенно наивно и искренно думала, что уронила себя въ глазахъ общества, что репутація ея испорчена. Мало того: она думала, что и передъ Богомъ она совершила чуть ли не преступленіе. Когда великимъ постомъ она говѣла, съ какимъ необычайнымъ страхомъ шла она къ исповѣди! Проститъ ли ей Господь этотъ страшный грѣхъ? Она даже не умѣла его формулировать. Полюбила того, кого *нельзя было*, кого *не слѣдовало* любить. Такъ она сказала на исповѣди, вся дрожа и съ глазами полными слезъ. Но должно быть старикъ-священникъ, который зналъ ее съ дѣтства, былъ ея духовникомъ, напутствовалъ въ смертный часъ и ея покойную мать—должно быть, онъ не усмотрѣлъ особенной грѣховности въ ея поступкѣ и, видя ея полное и искреннее раскаяніе, отпустилъ ей этотъ „ея великій грѣхъ“. Несмотря на это, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ подходила она на другой день

къ Царскимъ Вратамъ, когда священнослужитель вынесъ св. Дары! Ей все казалось, что она недостойна приступить къ Таинству; ей чудилось, что невѣдомая рука оттолкнетъ ее, какъ нѣкогда оттолкнула великую грѣшницу, ставшую потомъ великой подвижницей.—За то послѣ говѣнья она успокоилась; жизнь потекла нормальнѣе; и, если въ ней не замѣчалось прежняго веселья и увлеченья—то все-таки же она стала опять дѣятельной, много читала, рисовала, работала. Отецъ сталъ по-прежнему ласковъ и снисходителенъ; а она стала какъ-то ближе къ отцу. Какъ будто, испытавъ житейскую бурю, она поняла, что все-таки *его* любовь—это истинная, тихая пристань, гдѣ можно успокоиться, отдохнуть и быть въ безопасности.

Сообщ. **М. С.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Записки графа Н. П. Игнатьева [1]).

1864—1874.

Приводимъ эти записки нашего выдающагося дипломата, какъ доказательство того затмѣнія умовъ и непониманія взаимныхъ политическихъ интересовъ которое въ то время замѣчалось въ политическихъ сношеніяхъ, нынѣ союзной Россіи и Франціи.

Ред.

Недоброжелательное отношеніе къ Россіи, которымъ отмѣчена вся политика французскаго правительства въ Восточномъ вопросѣ, проявилась особенно наглядно во время возстанія на о. Критѣ, которое сосредоточило на себѣ исключительное вниманіе европейской дипломатіи въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ (1866—1869 гг.).

Дипломатическіе переговоры, происходившіе во время этого возстанія между петербургскимъ и тюильрійскимъ кабинетами, которые излагаетъ въ своихъ запискахъ Н. П. Игнатьевъ, служатъ наилучшимъ комментаріемъ къ политикѣ Второй Имперіи по отношенію къ Россіи.

Въ своихъ депешахъ русскому правительству гр. Игнатьевъ вскрываетъ тайныя пружины, руководившія намѣреніями Наполеона III, который старался изолировать Россію въ Константинополѣ и подчеркнуть въ глазахъ турокъ и христіанъ разницу въ отношеніяхъ къ нимъ Франціи и Россіи. Стараясь добиться первенствующаго вліянія на христіанское населеніе Турціи, французы хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы Турція считала ихъ своими искренними друзьями и защитниками отъ честолюбивыхъ намѣреній Россіи. Выясняя соперничество и недоброжелательство къ намъ тогдашняго французскаго прави-

---

[1]) Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874 г.). Seconde periode. Извѣстія министерства иностранныхъ дѣлъ. 1914. Книга II.

тельства, гр. Игнатьевъ говоритъ: „Всякій разъ, какъ намъ приходилось отстаивать правое дѣло, — если только въ немъ были прямо или косвенно замѣшаны интересы Россіи на Востокѣ—мы всегда оставались одинокими передъ лицомъ сплотившейся противъ насъ Европы“ [1]).

Поощреніе, которое французское правительство оказывало втайнѣ возставшимъ критянамъ, ввело послѣднихъ въ заблужденіе; они не давали себѣ отчета въ томъ, что Франція хотѣла только отвлечь вниманіе турокъ отъ Придунайскихъ княжествъ, въ судьбѣ которыхъ она была заинтересована; между тѣмъ возстаніе критянъ приняло такіе размѣры, что не только румынскій вопросъ, занимавшій въ ту пору Францію, но и многіе другіе вопросы Восточной политики надолго отошли на задній планъ.

Франція, собственно говоря, весьма мало интересовалась судьбою критянъ, а затянувшееся возстаніе не согласовалось съ программой ея Восточной политики; поэтому она старалась сдѣлать отвѣтственной за событія Россію, тогда какъ русское правительство не только поощряло возставшихъ критянъ, но вначалѣ не выказывало имъ даже никакого сочувствія. Принявъ во вниманіе соціальный и экономическій переворотъ, который Россія переживала въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, ея стѣсненное въ то время финансовое положеніе, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, затруднявшее перевозку войскъ, только что пережитое возстаніе въ Польшѣ и другіе факторы ея внутренней жизни, легко понять, что Россія не могла желать войны и поэтому „русское правительство не только ничего не сдѣлало, чтобы вызвать возстаніе на Критѣ, какъ утверждали впослѣдствіи, но считало его крайне несвоевременнымъ“.

„Я, со своей стороны, старался всѣми силами сдержать начавшееся движеніе, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, и предложилъ нашему генеральному консулу въ Канеѣ разъяснить критянамъ, что Россія не можетъ притти имъ на помощь и предотвратить кровопролитіе. Въ то же время я совѣтовалъ Портѣ исполнить требованія критянъ, старался задержать посылку войскъ изъ Константинополя и воздѣйствовать на греческаго посланника и на моихъ коллегъ, чтобы не довести дѣло до войны“. Но всѣ его старанія парализовались тѣмъ, что представители западныхъ державъ поддерживали Порту во всѣхъ ея начинаніяхъ, и вскорѣ стало совершенно ясно, что съ той и другой стороны никакіе совѣты не будутъ приняты, только серьезныя уступки со стороны Порты могли положить конецъ возстанію.

[1]) Въ настоящее время этотъ взглядъ совершенно несоотвѣтствуетъ убѣжденіямъ нашихъ союзниковъ. *Ред.*

Въ исходѣ августа гр. Игнатьеву повелѣно было войти въ соглашеніе съ французкимъ и англійскимъ посланниками относительно совмѣстнаго шага передъ Портою для замиренія Крита, въ крайнемъ случаѣ ему разрѣшалось дѣйствовать энергично помимо отъ его коллегъ. Графъ очень скоро убѣдился въ томъ, что на единодушіе державъ трудно было расчитывать.

6/18 сентября онъ писалъ кн. Горчакову: „я не надѣюсь, чтобы Франція искренно захотѣла присоединиться къ шагу, который будетъ сдѣланъ *не* по ея иниціативѣ, при томъ въ интересахъ православнаго населенія, мало доступнаго вліянію Франціи“. И въ самомъ дѣлѣ, французскій посланникъ, маркизъ Мустье всячески тормозилъ дѣло и убѣждалъ турокъ не увлекаться нашими совѣтами.

„Критяне подняли возстаніе, не будучи достаточно къ нему подготовлены, писалъ Н. П. Игнатьевъ въ томъ же письмѣ, и оно будетъ подавлено, ежели греческое и славянское населеніе Турціи не придетъ на помощь критянамъ и не отвлечетъ вниманіе турокъ... Борьба, которую каждый народъ ведетъ отдѣльно, губитъ нашихъ единовѣрцевъ; между тѣмъ избѣжать подобныхъ столкновеній невозможно, такъ какъ ихъ можетъ вызвать всякая случайность... Я предвижу, что, въ случаѣ побѣды турокъ, жалобы и сѣтованія христіанъ обрушатся на Россію — единственную державу, дѣйствительно интересующуюся ихъ судьбою; и что насъ будутъ укорять за то, что мы ихъ покинули“.

Гр. Игнатьевъ, какъ и можно было ожидать, не встрѣтилъ, поддержки со стороны державъ въ своемъ выступленіи въ пользу критянъ; когда же онъ сдѣлалъ попытку вступить непосредственно въ переговоры съ Портой, послѣдняя отнеслась къ этому шагу подозрительно.

„Жребій брошенъ“, сказалъ кн. Горчаковъ повѣренному въ дѣлахъ Турціи на его сообщеніе о томъ, что Порта рѣшила подавить возстаніе критянъ вооруженной силой. Слова канцлера были невѣрно истолкованы, и турецкое правительство стало относиться къ намъ недовѣрчиво, полагая, что Россія рѣшила осуществить свой планъ раздѣла Турецкой имперіи.

Сочувствіе, съ какимъ русское общество и русская печать отнеслись къ критянамъ, денежные сборы, подписки, балы въ пользу возставшихъ произвели на турокъ огромное впечатлѣніе и поддерживали въ возставшихъ надежду на помощь со стороны Россіи. Когда же пронесся слухъ о предстоявшемъ бракосочетаніи греческаго короля Георга съ великой княжной Ольгой Константиновной, это вызвало въ нашихъ единовѣрцахъ самыя несбыточныя мечты.

„Я опасался послѣдствій этого брака“, говоритъ гр. Игнатьевъ, „я понималъ, въ какое трудное положеніе событіе это поставитъ насъ относительно грековъ и относительно Европы и Порты. Изъ бесѣдъ съ греками я убѣдился въ томъ, что такъ какъ бракъ короля совпалъ съ возстаніемъ на о. Критѣ, то Критъ, по ихъ понятію, долженъ былъ составить приданое ихъ будущей королевы и если бы намъ не удалось добиться присоединенія его къ Греціи, то критяне обвинили бы насъ въ томъ, что мы ихъ обнадежили своими сочувственными манифестаціями и не сдержали своихъ нравственныхъ въ отношеніи ихъ обязательствъ... Популярность, которую мы пріобрѣли въ Греціи, создала для насъ крайне щекотливое положеніе и заставляла насъ дѣйствовать особенно осторожно“.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1866 г. мы могли бы еще добиться при поддержкѣ Англіи нѣкоторой автономіи Крита, но послѣ бракосочетанія короля Георга всѣ поняли, что мы были отнынѣ заинтересованы въ успѣшномъ разрѣшеніи критскаго вопроса“... Дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Лордъ Лайонсъ сразу это понялъ и укорялъ Н. П. Игнатьева за то, что „онъ хотѣлъ провести его и воспользоваться англійскимъ вліяніемъ, чтобы сдѣлать имя великой княгини популярнымъ въ Греціи... Совмѣстное дѣйствіе съ Англіей было уже невозможно и освобожденіе критянъ являлось ближайшей цѣлью, къ которой намъ слѣдовало настойчиво стремиться, такъ какъ наше вліяніе на Востокѣ зависѣло всецѣло отъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ“.

Между тѣмъ возстаніе на о. Критѣ разгоралось, и турки боялись, что съ наступленіемъ весны начнется броженіе среди прочихъ христіанскихъ народностей Турціи.

„Эти опасенія весьма важно поддержать“, писалъ графъ Игнатьевъ канцлеру 29 ноября, „не принимая, впрочемъ, активнаго участія въ конфликтѣ“. Для выясненія истиннаго положенія дѣлъ на островѣ, онъ подалъ русскому правительству мысль настаивать на посылкѣ въ Кандію смѣшанной комиссіи изъ представителей державъ.

Али-паша оффиціально протестовалъ противъ посылки этой комиссіи, но въ то же время, бесѣдуя съ гр. Игнатьевымъ однажды съ глазу на глазъ, довольно прозрачно далъ ему понять, что Порта ничего не имѣла бы противъ, если бы державы заставили ее согласиться на это, поэтому Н. П. Игнатьевъ энергично настаивалъ на своей мысли. „Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, всѣ мои настоянія оказались напрасны“. Наши переговоры съ державами были перенесены на почву обсужденія

Восточнаго вопроса во всей его совокупности. Тюильрійскій кабинетъ, дѣлая видъ, что онъ готовъ присоединиться къ нашему взгляду, выступилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1867 г. съ предложеніемъ присоединить къ Греціи Эпиръ и Өессалію и заняться вопросомъ объ улучшеніи судьбы христіанскихъ подданныхъ султана. Со стороны Франціи это было не что иное, какъ ловкій маневръ, чтобы уклониться отъ обсужденія Критскаго вопроса, дать Турціи время подавить возстаніе силой и, открывъ передъ нами болѣе обширные горизонты, заставить насъ потерять изъ вида главный предметъ нашихъ заботъ".

Въ виду важнаго значенія, какое имѣлъ поднятый Франціей вопросъ объ увеличеніи греческой территоріи присоединеніемъ къ ней Эпира и Өессаліи, интересно знать, какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ человѣкъ, столь близко знакомый съ дѣлами на ближнемъ Востокѣ, какимъ былъ въ вопросѣ, не потерявшемъ до сихъ поръ своей остроты,—гр. Игнатьевъ. Онъ излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ депешѣ къ канцлеру кн. Горчакову отъ 1/13 февраля 1867 г.

„Присоединеніе Эпира и Өессаліи къ Греціи нарушитъ равновѣсіе между греческимъ и славянскимъ элементомъ на Востокѣ", писалъ графъ,—„ежели славяне не получатъ одновременно соотвѣтствующей компенсаціи, напр., ежели Сербія не получитъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію. Мы не можемъ согласиться на такую комбинацію, которая заставитъ чашу вѣсовъ склониться снова въ пользу грековъ; славяне не могутъ согласиться на раздѣлъ, по которому львиная доля достанется грекамъ... ибо послѣдствія такого раздѣла отразились бы самымъ пагубнымъ образомъ на нашихъ политическихъ интересахъ.... Сомнительно, чтобы державы стали единодушно содѣйствовать осуществленію плана, который нанесетъ ударъ цѣлости Турецкой имперіи. Великобританія, какъ сознался лордъ Лайонсъ въ 1866 г., до сихъ поръ сожалѣетъ о томъ, что, давъ свое согласіе на присоединеніе къ Греціи Іоническихъ островов она была причиной ихъ несчастія; едва-ли она рѣшится настаивать чтобы Порта уступила Греціи Эпиръ и Өессалію.

„Во всякомъ случаѣ Порта уступитъ только подъ давленіемъ матеріальной силы, а державы едва-ли рѣшатся прибѣгнуть къ этому средству"... „Что касается реформъ и вопроса о расширеніи греческой территоріи, намъ придется дорого заплатить за содѣйствіе Франціи, на которое мы расчитываемъ... Огромная разница между проектомъ реформъ, предложеннымъ маркизомъ Мустье, и тѣмъ, который выработанъ петербургскимъ.

кабинетомъ, и это показываетъ, какъ далеко отъ плановъ Франціи до нашихъ желаній.

Исходя изъ этихъ соображеній, гр. Игнатьевъ высказался рѣшительно за отклоненіе предложеній, сдѣланныхъ Франціей, но „наше министерство иностранныхъ дѣлъ, говоритъ онъ, сочло возможнымъ имъ воспользоваться, чтобы подготовить почву къ миролюбивому рѣшенію Восточнаго вопроса".

„Переговоры съ Франціей тянулись нѣсколько лѣтъ, мы потеряли драгоцѣнное время, ничего не достигнувъ, но они подчеркнули еще разъ, что *въ вопросѣ о реформахъ въ Турціи взгляды западныхъ державъ были всегда діаметрально противоположны нашимъ взглядамъ*". Такое рѣшеніе вопроса, которое не обезпечило бы автономію христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, не отвѣчало бы цѣлямъ, которыя мы себѣ поставили; между тѣмъ осуществленіе реформъ, на которыхъ настаивали западныя державы, усилило бы власть турокъ надъ христіанами, подавивъ одновременно національныя стремленія христіанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинило бы Турцію власти западныхъ державъ и поставило бы ее во враждебныя отношенія къ Россіи.

„Этотъ антагонизмъ интересовъ и стремленій", существующій между Россіей и западными державами въ Восточномъ вопросѣ, „весьма прискорбенъ, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, но онъ создался силою вещей и отрицать его значитъ готовить себѣ напрасныя разочарованія".

„Переговоры съ Франціей, обнаруживъ преждевременно наши истинные взгляды и желанія, послужили въ ущербъ намъ... Али-паша, котораго я упрекнулъ однажды за его ни на чемъ не основанное недовѣріе къ намъ, возразилъ мнѣ на это, что обнародованная нами министерская записка о неотложности реформъ обнаружила радикальность нашихъ стремленій и сдѣлала въ этомъ отношеніи больше, нежели всѣ внушенія иностранныхъ державъ; эта программа *мирнаго уничтоженія Турціи* одна въ состояніи подорвать къ намъ довѣріе Порты и заставитъ ее остерегаться нашихъ совѣтовъ", добавилъ онъ.

Видя явное соперничество Франціи, Н. П. Игнатьевъ считалъ за лучшее прервать съ нею переговоры, тѣмъ болѣе, что прочія „державы также склоняли Порту не соглашаться на наши требованія и дали ей понять, что, несмотря на всѣ старанія Россіи заставить Европу предпринять „Крестовый походъ" противъ Турціи, западныя державы по-прежнему относятся къ Портѣ доброжелательно и предоставляютъ ей полную

свободу дѣйствій какъ въ отношеніи Крита, такъ и въ отношеніи прочихъ христіанъ".

Получая подобные совѣты, Порта весьма естественно уклонялась отъ серьезныхъ жертвъ, какихъ требовала отъ нея Россія".

Бѣдственное положеніе критянъ встревожило наконецъ общественное мнѣніе Англіи, и Сентъ-Джемскій кабинетъ, все еще не допуская мысли о присоединеніи острова къ Греціи, преподалъ Портѣ совѣтъ, ради своей собственной безопасности, всесторонне обсудить еще разъ критскій вопросъ. Одновременно въ Константинополѣ было получено извѣстіе о томъ, что въ Эпирѣ, Ѳессаліи и Македоніи дѣйствовали тайные комитеты и со дня на день готово было вспыхнуть возстаніе. Это произвело на Порту удручающее впечатлѣніе, и она, вѣроятно, пошла бы на уступки, ежели бы Франція дѣйствовала открыто, безъ заднихъ мыслей; но это не входило въ намѣренія французскаго кабинета и его коварныя увѣренія увлекли Россію на ложный путь, „усѣянный", какъ выразился гр. Игнатьевъ [1]) „опасностями и разочарованіями".

Буре, вновь назначенный въ Константинополь французскій посланникъ, держалъ себя такъ же, какъ и его предмѣстникъ, двусмысленно, скрывалъ отъ Порты соглашеніе, состоявшееся между французскимъ и русскимъ правительствомъ, и одновременно поддерживалъ тайныя сношенія съ греками, предлагая имъ свои услуги не только для пріобрѣтенія Криты, но и другихъ турецкихъ провинцій и убѣждая ихъ возлагать свои надежды на поддержку Франціи, а не на „безсильныя симпатіи Россіи".

„Двоедушіе Тюильрійскаго кабинета было дотого очевидно, что многіе, по словамъ гр. Игнатьева „полагали, что онъ сблизился съ нами единственно съ цѣлью вывѣдать наши планы и разстроить ихъ, съигравъ въ руку Портѣ... Быть можетъ, это обвиненіе было преувеличено, но во всякомъ случаѣ у французовъ была задняя мысль: начиная съ 1861 г., Наполеонъ III искалъ себѣ въ Европѣ союзниковъ и не зналъ, на комъ остановить свой выборъ. Дѣйствовать открыто заодно съ нами онъ не рѣшался отчасти изъ боязни Англіи, отчасти потому, что онъ надѣялся на Пруссію, полагая, что она будетъ не прочь заключить соглашеніе съ Франціей. Такимъ образомъ, подготовляя себѣ путь къ союзу съ Россіей, Наполеонъ въ то же

---

[1]) Письмо къ кн. Горчакову отъ 24 января 1867 г.

время не хотѣлъ скомпрометтировать себя передъ другими державами и не хотѣлъ ничѣмъ связать себѣ руки“.

Въ началѣ 1867 г. петербургскій кабинетъ обратился къ державамъ съ предложеніемъ произвести на Порту давленіе для скорѣйшаго рѣшенія критскаго вопроса. Всѣ кабинеты, за исключеніемъ Сентъ-Джемскаго, изъявили на это согласіе и поручили своимъ представителямъ воздѣйствовать на Порту, но посланники, вмѣсто того чтобы сдѣлать этотъ шагъ совмѣстно и вручить Портѣ тождественную ноту одновременно, сдѣлали это каждый отдѣльно. Въ Стамбулѣ поняли, что настоящаго согласія между державами не было, и быстро оправились отъ страха, вызваннаго первымъ извѣстіемъ о „совмѣстномъ“ шагѣ державъ... Между тѣмъ, какъ видно изъ словъ Али-паши, турецкіе министры были готовы подчиниться силѣ и позволили бы державамъ „вызвать“ у нихъ уступки, на которыя они не рѣшались пойти сами, изъ боязни возстановить противъ себя общественное мнѣніе страны.

„Можемъ ли мы пойти на уступки подъ давленіемъ дипломатическаго шага, сдѣланнаго державами“— сказалъ Али-паша графу Игнатьеву въ минуту откровенности; „только вооруженное вмѣшательство могло бы спасти насъ отъ отвѣтственности... Страна простила бы намъ только въ одномъ случаѣ: если бы мы отстаивали свои права до послѣдней крайности... Вы можете вырвать у насъ Кандію, но мы никогда не отдадимъ ее добровольно“.

Текстъ ноты, предъявленной Портѣ представителями державъ, былъ, оказывается, заранѣе извѣстенъ турецкимъ министрамъ, такъ же точно, какъ и конфиденціальныя предложенія, сдѣланныя петербургскимъ кабинетомъ французскому правительству; мало того—Али и Фуадъ знали заранѣе о томъ, какъ державы отнесутся къ отказу Порты исполнить ихъ требованіе. Они знали, что наибольшимъ проявленіемъ неудовольствія со стороны Франціи будетъ только „нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ обоихъ правительствъ, „и“ что согласіе между державами будетъ нарушено въ тотъ день, когда одна изъ нихъ вздумала бы перейти отъ платоническихъ совѣтовъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ“.

Если бы Франція въ самомъ дѣлѣ хотѣла достигнуть прочнаго соглашенія съ Россіей, то она воспользовалась бы, говоритъ Н. П. Игнатьевъ, „посѣщеніемъ Парижа Императоромъ Александромъ II весною 1867 г. Всѣ недоразумѣнія легко могли бы быть устранены личными объясненіями кн. Горчакова съ маркизомъ Мустье. Ничего подобнаго не случилось. Желая какъ-

нибудь ослабить невыгодное впечатлѣніе, произведенное разногласіемъ между обѣщаніями Тюильрійскаго кабинета и поступками французскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ, Наполеонъ III заявилъ, что „отъ турокъ ничего нельзя добиться, потому что они расчитываютъ на поддержку англичанъ".

Вслѣдъ за Императоромъ Александромъ II посѣтилъ Парижъ турецкій султанъ, Наполеонъ III „только для очистки совѣсти", какъ говоритъ гр. Игнатьевъ, замолвилъ въ бесѣдѣ съ нимъ слово въ пользу критянъ. Его просьба осталась безъ послѣдствій.

„Что касается меня, читаемъ въ письмѣ гр. Игнатьева русскому канцлеру, я ни минуты не заблуждался на счетъ послѣдствій, какія могло имѣть путешествіе султана по Европѣ, оно связало насъ въ Константинополѣ по рукамъ и по ногамъ"...

Какъ я и предвидѣлъ, ловкій министръ иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшій султана въ Европу, извлекъ изъ этой поѣздки огромную выгоду. Онъ такъ ловко сумѣлъ отстранить всѣ попытки вмѣшательства державъ въ пользу критянъ и упрочить вліяніе порты, что по возвращеніи султана въ Константинополь ни султанъ, ни Али-паша не хотѣли болѣе и слышать объ уступкѣ Крита.

„По истинѣ можно было сказать: жребій брошенъ, ибо на обѣщанія Наполеона III нельзя было болѣе расчитывать. Бесѣдуя съ султаномъ о недавнемъ свиданіи съ русскимъ Императоромъ, Наполеонъ III утверждалъ, что Е. И. В.,—если не говорить о Критскомъ вопросѣ—настроенъ миролюбиво".

„Что касается меня", будто бы сказалъ императоръ французовъ, какъ передавалъ впослѣдствіи гр. Игнатьеву Фуадъ-паша, „я не заинтересованъ въ этомъ вопросѣ непосредственно; вамъ же слѣдуетъ установить добрыя отношенія съ Россіей, иначе она можетъ сдѣлать вамъ не мало зла. Присоединяясь къ ея шагамъ въ Критскомъ вопросѣ, я этимъ только хочу предотвратить это зло; Франціи нѣтъ въ сущности никакой надобности вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи".

Фуадъ-паша былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ и много говорилъ гр. Игнатьеву о симпатіи и предупредительности, выказанной западными державами султану и ему лично. По его словамъ, въ Англіи въ особенности не только дворъ и члены правительства, но каждый англичанинъ старался быть пріятнымъ султану. Султанъ былъ также очень доволенъ предупредительностью къ нему короля прусскаго и императора австрійскаго. Вообще турки возвратились въ Константинополь

подъ впечатлѣніемъ, что вся Европа питаетъ къ нимъ величайшую симпатію.

Въ то время, какъ султану былъ оказанъ при европейскихъ дворахъ столь радушный пріемъ, турецкія войска самымъ жестокимъ образомъ расправлялись съ христіанами на Критѣ. Омеръ-паша этого не отрицалъ и выражалъ даже глубокое сожалѣніе по поводу этихъ варварскихъ поступковъ, но не видѣлъ возможности предотвратить ихъ. „Это было равносильно сознанію въ безсиліи власти".

Однако Порта, видя, что Россія продолжала настаивать на своихъ требованіяхъ, и опасаясь, чтобы мы не выступили самостоятельно на помощь критянамъ, рѣшилась на слѣдующій шагъ.

Въ первыхъ числахъ августа, за день до отъѣзда гр. Игнатьева изъ Константинополя въ Ливадію, Фуадъ-паша заявилъ нашему посланнику, что „онъ убѣдился въ необходимости притти къ соглашенію съ Россіей", а нѣсколько дней спустя графъ Николай Павловичъ узналъ, что Фуаду было приказано отправиться въ Крымъ, гдѣ находился въ то время Государь, чтобы привѣтствовать Е. И. В. и засвидѣтельствовать ему дружественныя чувства султана къ Россіи.

Возлагая это порученіе на одного изъ самыхъ выдающихся и прогрессивныхъ турецкихъ сановниковъ, Порта, очевидно, хотѣла непосредственно узнать взгляды и намѣренія Императора Александра II въ Восточномъ вопросѣ.

Возвышенныя чувства Императора, ясность, съ какою онъ изложилъ Фаудъ-пашѣ свои мысли, произвели на турецкаго министра огромное впечатлѣніе. Онъ говорилъ гр. Игнатьеву, что бесѣда съ Императоромъ окончательно убѣдила его въ искренности нашихъ намѣреній и въ томъ, что Турціи слѣдовало войти въ соглашеніе съ Россіей, имѣющей право на законное вліяніе на Востокѣ. Въ доказательство готовности своего правительства принять во вниманіе совѣты и требованія Императора, Фуадъ-паша заявилъ „о готовности султана прекратить немедленно непріязненныя дѣйствія", присовокупивъ, что „уступка, сдѣланная непосредственно самому русскому Императору, была бы не столь тягостна султану, какъ необходимость пойти на уступки подъ давленіемъ иностранныхъ державъ".

Гр. Игнатьеву было разрѣшено начать переговоры съ Фуадъ-пашею. Ознакомясь съ нашими требованіями, онъ заявилъ категорично, что онъ согласенъ на три пятыхъ реформъ, на которыхъ мы настаиваемъ, и что по возвращеніи въ Константино-

поль онъ постарается притти къ соглашенію и относительно прочихъ пунктовъ.

Что касается тѣхъ мѣръ, которыя Турція обѣщала намъ принять по отношенію Крита, то онѣ были приведены въ исполненіе немедленно; критянамъ дарована полная амнистія, всѣмъ желавшимъ покинуть островъ было дозволено выселиться и перемиріе заключено на шесть недѣль. Это имѣло особенно важное значеніе, такъ какъ это время могло быть употреблено на переговоры съ державами, поэтому, пишетъ Н. П. Игнатьевъ „по отъѣздѣ Фуадъ-паши изъ Ливадіи, я тотчасъ изложилъ министерству, по повелѣнію Императора, свое мнѣніе о необходимости воспользоваться перемиріемъ, достигнутымъ его величествомъ, и предложить прочимъ державамъ настаивать совмѣстно съ нами на томъ, 1) чтобы блокада Крита была объявлена не достигающей цѣли, 2) чтобы перемиріе было продолжено и 3) чтобы на островъ были посланы европейскіе комиссары".

„Одновременно, выработанный мною проектъ реформъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета министровъ, но такъ какъ послѣдній не раздѣлялъ моихъ взглядовъ, то мнѣ пришлось взять обратно текстъ этого проекта, переданный мною Фуадъ-пашѣ; и мы потеряли такимъ образомъ единственный случай упрочить наше вліяніе на Турцію и добиться отъ нея существенныхъ уступокъ въ пользу христіанъ".

„Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Франція боялась послѣ Ливадійскаго свиданія сепаратнаго соглашенія Россіи съ Турціей; въ то же время она боялась нашего сближенія съ Германіей и хотѣла помѣшать ему, возобновивъ переговоры съ Петербургскимъ кабинетомъ. Поэтому весьма вѣроятно, что въ случаѣ категорическаго требованія съ нашей стороны Тюильрійскій кабинетъ былъ бы не прочь оказать намъ свое содѣйствіе, если бы мы предложили ему принять участіе въ переговорахъ, имѣвшихъ единственной цѣлью урегулированіе Критскихъ дѣлъ. Съ другой стороны возможно, что если бы вопросъ былъ поставленъ ясно и опредѣленно, то и Сентъ-Джемскій кабинетъ присоединился бы къ нашей точкѣ зрѣнія... но мое предложеніе, удостоившееся высочайшаго одобренія, не было принято, и перемиріе, достигнутое въ Ливадіи было потеряно безъ всякой пользы, и военныя дѣйствія, возобновившіяся въ исходѣ осени, продолжались всю зиму 1867—68 года".

„Мое предложеніе не было принято нашимъ министерствомъ по той причинѣ, что оно намѣревалось въ это время заявить

Турціи о своемъ рѣшеніи не вмѣшиваться болѣе въ ея дѣла и собиралось предложить великимъ державамъ присоединиться къ этому шагу. Узнавъ объ этомъ, я счелъ долгомъ предостеречь князя Горчакова, что этотъ шагъ, „сдѣланный вслѣдъ за неудавшейся попыткой активнаго вмѣшательства, будетъ сочтенъ признаніемъ безсилія съ нашей стороны и поэтому не будетъ имѣть того характера, который мы хотѣли придать ему, и только свяжетъ намъ безовсякой пользы руки".

„Турки были бы, конечно, очень довольны невмѣшательствомъ державъ, чего они всегда добивались, но провести этотъ принципъ на дѣлѣ было бы нелегко".

„Повѣренный въ дѣлахъ Франціи говорилъ мнѣ, что его правительство не можетъ держаться политики невмѣшательства на Востокѣ. Документы, обнародованные впослѣдствіи Тюильрійскимъ кабинетомъ, свидѣтельствуютъ, что—по его понятію принципъ невмѣшательства могъ быть проведенъ лишь по отношенію къ Криту, а не ко всему Восточному вопросу, какъ полагали у насъ. Такъ объяснялъ сущность готовившейся декларации г. Буре, по возвращеніи своемъ въ Константинополь, держа отъ своихъ коллегъ въ тайнѣ текстъ документа, который былъ сообщенъ ему первому. Французскій посланникъ старался въ особенности избѣгать всякихъ разговоровъ о Критскомъ вопросѣ со мной, между тѣмъ, пробывъ четыре мѣсяца въ Парижѣ, онъ долженъ былъ вполнѣ быть освѣдомленъ о намѣреніяхъ своего правительства".

Надѣясь, что министерство приметъ во вниманіе высказанныя имъ опасенія, гр. Игнатьевъ медлилъ съ передачей декларации турецкому правительству, но, подчиняясь требованію Петербурга, онъ вручилъ наконецъ Фуаду-пашѣ совмѣстно со своими коллегами декларацію, въ которой кабинеты заявляли, что они слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствія Порты и отказываютъ ей въ дальнѣйшей нравственной поддержкѣ.

„Декларація эта могла бы быть полезна и даже необходима, если бы среди христіанъ Балканскаго полуострова началось броженіе, но такъ какъ ничего подобнаго не было, то этотъ шагъ былъ неумѣстенъ и не принесъ никакой пользы. Какъ эпилогъ коллективныхъ выступленій державъ или, по выраженію маркиза Мустье, какъ „послѣдній актъ Критской комедіи" онъ далъ державамъ возможность съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія и отказаться отъ мысли о присоединеніи Крита къ Греціи. Что всего хуже—турки послѣ этого шага

ничѣмъ не были стѣснены въ отношеніи своихъ подданныхъ-христіанъ".

Между тѣмъ, по словамъ гр. Игнатьева, дѣла могли принять совершенно иной оборотъ, если бы мы воспользовались перемиріемъ, которое имѣло огромное вліяніе на ходъ возстанія: въ іюлѣ мѣсяцѣ положеніе мятежниковъ было критическое, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ возвращенія Фуада-паши изъ Крыма, когда были пріостановлены военныя дѣйствія, мятежники воспрянули духомъ; получивъ возможность отправить свои семьи въ Грецію, получивъ съѣстные припасы и аммуницію, они могли продержаться еще цѣлый годъ. Турки понимали, что положеніе измѣнилось изъ-за уступки, сдѣланной ими въ Ливадіи. Они объ этомъ сожалѣли и старались наверстать потерянное. Съ этой цѣлью Али-паша былъ посланъ полномочнымъ комиссаромъ на островъ Критъ съ порученіемъ выработать новый проектъ администраціи острова.

Ознакомившись съ подробностями этого проекта, гр. Игнатьевъ сказалъ Фуадъ-пашѣ, что онъ не удовлетворитъ критянъ и слѣдовательно не будетъ одобренъ Россіей, на что турецкій министръ замѣтилъ, что „пока державы не остановятъ Порту, она будетъ итти по намѣченному ею пути". Это признаніе было весьма знаменательно. Ясно, что Порта расчитывала на снисходительность Франціи, была увѣрена въ поддержкѣ Австріи и была увѣрена, что не встрѣтилъ противодѣйствія со стороны Англіи, которая съ самаго начала высказывалась противъ какого бы то ни было давленія на Турцію; наконецъ, Порта понимала, что и Петербургскій кабинетъ не предприметъ никакого рѣшительнаго шага. Такимъ образомъ турецкіе министры не разъ готовы были уступить силѣ, но наша нерѣшительность дала имъ предлогъ не дѣлать уступокъ, которыя у нихъ слѣдовало вырвать.

Во время возстанія критянъ греки были такъ увѣрены въ поддержкѣ Россіи, что разорялись, поддерживая мятежниковъ, въ надеждѣ, что эта проволочка дастъ Россіи возможность выполнить свои обѣщанія.

Порта была готова на разрывъ съ Греціей и едва сдерживала свое раздраженіе противъ нея. Въ исходѣ 1868 года озлобленіе Порты достигло крайней степени; она рѣшила показать грекамъ всю безплодность ихъ надеждъ на русскую помощь и въ первыхъ числахъ декабря предъявила Греціи ультиматумъ.

Предвидя многочисленныя бѣдствія, какія этотъ шагъ могъ повлечь за собою, гр. Игнатьевъ старался воздѣйствовать на своихъ коллегъ и побудить ихъ остановить турокъ на пути къ

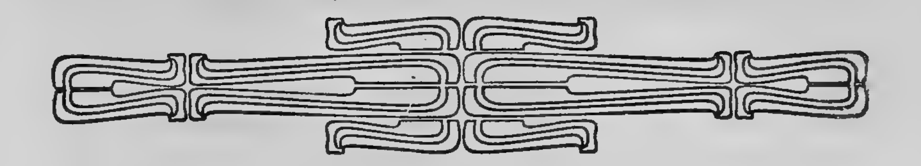
крайнимъ мѣрамъ. Они отнеслись къ этому довольно равнодушно, не желая производить давленія на Порту, однако, уступая ея желанію они все-таки рѣшили добиться у Али-паши двухнедѣльной отсрочки, чтобы преподать Греціи совѣтъ дѣйствовать болѣе умѣренно.

Эта отсрочка дала возможность созвать конференцію для обсужденія этого вопроса. Въ депешѣ къ канцлеру отъ 10—22 декабря 1868 г. гр. Игнатьевъ писалъ, что „созывъ европейской конференціи былъ единственнымъ средствомъ устранить опасность“; по его мнѣнію, она была тѣмъ болѣе необходима, что Франція могла раздуть греко-турецкій инцидентъ въ своихъ собственныхъ видахъ.

Гр. Бисмаркъ отнесся къ мысли о созывѣ конференціи весьма сочувственно. Она состоялась въ Парижѣ. Турки понимали всю важность момента и съ тревогой ожидали рѣшенія конференціи; которое имѣло огромное значеніе для ея дальнѣйшей судьбы; они понимали, что осужденіе ихъ дѣйствій европейскимъ ареопагомъ нанесетъ имъ роковой ударъ, тогда какъ благопріятное для нихъ рѣшеніе могло поднять ихъ престижъ и на долго упрочить ихъ существованіе. Поэтому велика была радость Порты въ январѣ 1869 г., когда ей стало извѣстно рѣшеніе конференціи. Не только ея поведеніе не вызвало ни малѣйшаго неодобренія, но даже ультиматумъ, предъявленный ею Греціи, былъ одобренъ въ самыхъ существенныхъ его пунктахъ. Особенно поразило Порту полнѣйшее совпаденіе рѣшеній, конференціи съ предварительными заявленіями представителей западныхъ державъ, которые предсказали и продолжительность конференціи и главные пункты рѣшенія, которые будутъ ею приняты.

Уступки, которыя пришлось сдѣлать Россіи ради поддержанія европейскаго мира, были весьма значительны; „по общему мнѣнію, рѣшенія, принятыя на парижской конференціи, были полнымъ пораженіемъ нашей политики, и оно доказало еще разъ старую истину, что когда намъ приходится защищать самое справедливое дѣло, если только оно касается хотя бы косвенно или непосредственно интересовъ Россіи на Востокѣ, мы оказываемся всегда одинокими передъ лицомъ сплотившейся противъ насъ Европы“.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II-мъ.

Воспоминанія 1864—1881 дѣтства и отроческихъ лѣтъ вдовы профессора живописи Наталіи Кирилловны Васильевой.

Берусь за перо съ тѣмъ, чтобы оставить тебѣ, дорогое мое дитя, хотя въ краткой формѣ воспоминанія о моемъ въ дѣтствѣ знакомствѣ съ Государемъ—знакомствѣ, продолжавшемся и въ послѣдующіе годы, вплоть до роковою 1881 г. Считаю грѣхомъ умолчать объ этихъ встрѣчахъ. Пускай эти строки, писанныя хотя совсѣмъ неопытной рукою, прольютъ еще лишній яркій лучъ на личность того Царя, который, любя свой народъ, совершилъ великое дѣло освобожденія. Тутъ я пишу о томъ, какъ онъ любилъ дѣтей, понимая ихъ чистыя, безхитростныя сердца. И такъ, моя хорошая, тебѣ посвящаю я эти строки, въ которыхъ ты, дружокъ, найдешь все то, о чемъ я тебѣ, бывало, много разъ разсказывала, сидя у твоей кроватки, гдѣ ты, засыпая, просила, бывало: „Бабикъ, разскажи про себя, какъ ты была маленькой и какъ говорила съ Царемъ“.

И такъ, я начну.

Счастливое дѣтство,
Веселые дни,
Какъ вешнія воды
Промчались они.

1864—1881 г.

Въ 1864 г., 5 марта, меня свезли въ Смольный институтъ на Александровскую половину. Въ то время еще Николаевская и Александровская половины составляли одно цѣлое подъ начальствомъ Маріи Павловны Леонтьевой и инспектриссы Аделаиды Карловны Сентъ-Илеръ. Тяжело мнѣ было разставаться съ семьей, и только благодаря прекрасной и доброй классной

дамѣ, къ которой я попала, Александрѣ Петровнѣ Ламбиной (впослѣдствіи Орловой), и благодаря ея теплому участію къ моему одиночеству, я скоро въ институтѣ освоилась, а когда познакомилась съ будущими моими подругами, то, какъ и всегда бываетъ въ жизни, все вошло въ свою колею, особенно когда начались занятія. Время отъ времени институтъ нашъ посѣщалъ Государь Императоръ Александръ II. Это было для насъ счастливѣйшимъ временемъ; мы всѣ съ открытымъ сердцемъ, полнымъ любви и обожанія къ доброму Государю, бѣжали ему навстрѣчу, чувствуя своимъ дѣтскимъ сердцемъ, какъ онъ насъ, дѣтей, любитъ. Его добрыя слова: „Хорошо ли намъ и довольны ли мы всѣмъ“, его забота о насъ сильно западала въ сердце, и сейчасъ, уже на склонѣ лѣтъ, помнишь его добрый взглядъ (при этомъ). Провожали мы его всегда гурьбой до подъѣзда, гдѣ онъ еще разъ съ нами прощался. Я особенно его любила, и М. П. Леонтьева, когда мнѣ было еще 10 лѣтъ, не иначе меня называла: „c'est ma petite patriote“, и это прозвище осталось за мною на все время моего пребыванія въ институтѣ. При видѣ Государя я не могла безъ слезъ умиленія смотрѣть на него, такъ я передъ нимъ благоговѣла. Лѣто обыкновенно мы проводили на дачѣ въ деревнѣ Ново-Весь, близъ Павловска; мы, дѣти, постоянно гуляли въ лѣсу близъ деревни, собирая цвѣты и землянику.

Однажды, въ 1864 г., играя на горкѣ, я увидѣла Государя, ѣхавшаго на лошади съ берейторомъ, по другую сторону рѣки Славянки, отъ Глазова по направленію Ново-Веси. Я забыла и цвѣты и все, и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать по направленію къ мосту, гдѣ долженъ былъ ѣхать Государь. Перескочивъ канаву, я остановилась (мнѣ было 11 лѣтъ), а Государь, подъѣхавъ, остановился съ вопросомъ: „Зачѣмъ вы такъ бѣжали“. Я отвѣчала: „Чтобы на васъ посмотрѣть, Ваше Императорское Величество“.—„Вотъ что, а я какъ будто бы васъ гдѣ-то видалъ“. Я ему отвѣтила, что, когда онъ былъ въ Смольномъ, я въ присутствіи его отвѣчала. Разговаривая, дошли мы до деревни, и прощаясь, онъ сказалъ, что всегда здѣсь катается отъ 2 до 4 часовъ, всегда по этой дорогѣ, и если мы хотимъ, то можемъ сюда приходить. Такъ началось наше знакомство. Черезъ нѣсколько дней онъ спросилъ, знаемъ ли мы Императрицу; мы, ни капли не смущаясь, отвѣтили, что знаемъ только по карточкѣ, а онъ сказалъ тогда, смѣясь: „Сегодня къ 7 часамъ вечера приходите сюда, и я вамъ покажу Императрицу, Великую Княжну, Наслѣдницу (нынѣ вдовствующую

Императрицу) и всѣхъ моихъ". Я съ братьями, дѣти Лаврова и другіе дачники собрались къ 7 часамъ вечера въ паркъ, на горку близъ деревни, и дѣйствительно, къ этому времени Государь пріѣхалъ въ шарабанѣ, запряженномъ цугомъ въ 4 лошади съ жокеями. Государь правилъ и сидѣлъ съ Великой Княжной Маріей Александровной, Императрица сидѣла съ Наслѣдницей, а сзади Великіе Князья Павелъ и Сергѣй. Впослѣдствіи Государь заказалъ моему отцу, К. А. Горбунову, картину масляными красками, изображающую этотъ моментъ, и въ настоящее время картина эта находится въ Царскосельскомъ дворцѣ, на половинѣ Императора Александра II. Когда Государь остановился, онъ сказалъ Императрицѣ: „вотъ мои новые знакомые", c'est ma petite bande и ровесницы нашей Маши, и я ее какъ-нибудь привезу, чтобы посбирала съ вами цвѣтовъ.

Съ этого лѣта 1864 года начинаются постоянныя мои встрѣчи съ Государемъ. Обыкновенно встрѣчали мы его у деревни Ново-Весь и шли, разговаривая съ нимъ, до спуска съ горы въ Красную Долину; здѣсь Государь прощался съ нами, говоря, что боится, чтобы лошадь кого-нибудь изъ насъ не зашибла. Въ настоящее время здѣсь вывѣшена дощечка съ надписью: „Любимая дорога Императора Александра II". Я не сказала еще, что Государь всегда ѣхалъ верхомъ, а сзади его, на разстояніи,—берейторъ, а мы, человѣкъ 8—12 дѣтей, шли рядомъ и говорили, конечно, какъ ребятишки, обо всемъ: объ ягодахъ, о грибахъ, о купаньѣ и т. п., часто подносили Государю цвѣты, которые намъ казались хорошими, а братъ мой, которому тогда было 13 л. (теперь арх. А. К. Горбуновъ), разъ набралъ на припекѣ букетикъ лѣсной земляники, созрѣвшей на солнцѣ, и думая, что это первая ягода и что Государю еще не приходилось ея кушать, преподнесъ ему; съ доброй улыбкой принялъ Государь этотъ подарокъ, поѣлъ нѣсколько ягодъ и поблагодарилъ брата. Говорили мы съ нимъ о своихъ играхъ, о томъ, кто скорѣе бѣгаетъ, и даже разъ предложили ему посмотрѣть, какъ мы играемъ въ горѣлки, чтобы онъ самъ видѣлъ, кто изъ насъ скорѣе всѣхъ бѣгаетъ. Мы ему говорили обо всемъ: о томъ, какъ въ сильный дождь протекаютъ крыши въ нашей дачѣ и какъ приходится подставлять корыта, чашки и проч. посуду; онъ много смѣялся надъ дачею „съ протекціей". Въ разговорѣ, вызванномъ нашей простой дѣтской искренностью, самъ Государь часто разсказывалъ намъ многое изъ своего дѣтства и о времени, проведенномъ въ Павловскѣ у своей Авгу-

стѣйшей Бабки, Императрицы Маріи Өеодоровны, о томъ, какъ она ему позволяла въ жаркое время бѣгать босикомъ по рѣкѣ Славянкѣ и ловить рыбу; онъ прибавлялъ при этомъ: „Если есть во мнѣ что хорошее, то я всецѣло обязанъ этимъ своей Бабкѣ, которая меня воспитывала". Вспоминалъ онъ также о томъ, какъ отецъ его, Императоръ Николай I, не любилъ, когда курятъ: „Разъ еще юношей, разсказывалъ Государь, шелъ я по коридору дворца съ папиросой; вдругъ показался навстрѣчу отецъ; я чувствовалъ уже, что будетъ неудовольствіе, сжалъ въ кулакѣ горящую папиросу, и хотя сильно жгло мнѣ ладонь, но я, не морщась, отвѣчалъ на всѣ вопросы Батюшки". Вспоминалъ онъ также, какъ однажды, во время лагернаго дежурства въ Красномъ Селѣ, ему пришла очередь ночного дежурства у Царскаго Валика на мосту: „Былъ проливной дождь и спать сильно хотѣлось"—разсказывалъ Государь: „недолго думая, я преспокойно залѣзъ подъ мостикъ и расположился спать. Отецъ же вздумалъ провѣрить, точно ли я исполняю службу, какъ и другіе, пріѣхалъ ночью для провѣрки и, не найдя меня на мѣстѣ, наказалъ еще дежурствомъ и на гауптвахтѣ". И много еще онъ разсказывалъ про свое дѣтство.

Часто мы жаловались ему на свое горе; однажды мы сѣтовали на то, что жарко, а купаться нельзя, такъ какъ вода въ рѣкѣ вся спущена и шлюзы въ Павловскѣ закрыты; думая, что всему виною распоряженіе Великаго Князя Константина Николаевича, которому принадлежалъ Павловскъ, мы жаловались на него, а Государь, шутя, говорилъ: „Ничего, завтра будетъ вода, я ему скажу, чтобы воду спустили"—и дѣйствительно Славянка опять принимала свой видъ, и мы тогда большую часть дня проводили въ рѣкѣ, купаясь на дню нѣсколько разъ. Такъ проходило лѣто, наступалъ августъ мѣсяцъ, и насъ везли въ институтъ, тамъ шли занятія своимъ чередомъ, а въ маѣ мы опять переселялись на дачу, въ деревню, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда Государя Императора. Съ пріѣздомъ его опять начинались наши встрѣчи, и мы опять слышали добрый и ласковый голосъ Государя и повѣряли ему, не боясь, что онъ насъ осудитъ, всѣ наши дѣтскія радости и горести. Разъ онъ спросилъ (мы были въ возрастѣ лѣтъ 14-ти), ходимъ ли мы въ Павловскъ на музыку; тогда намъ было строго воспрещено посѣщать Павловскъ, но я помню, какъ прямо отвѣтила ему: „Да, Ваше Величество, ходимъ, но только не говорите объ этомъ начальницѣ" (въ то время была начальницею Д. А. Львова, ранѣе бывшая замужемъ за Фредериксомъ), а

онъ отвѣтилъ, смѣясь: „Будьте спокойны, не скажу, не выдамъ васъ“. Шутя въ разговорѣ съ нами, онъ обратился разъ къ мальчикамъ-братьямъ нашимъ, спрашивая: „Вотъ когда вы выростете, кто изъ васъ кѣмъ бы хотѣлъ быть тогда“. Конечно, всѣ захотѣли быть генералами, а одинъ изъ нихъ Ж. Л. сказалъ: „А я хочу быть Царемъ“. А что же ты думаешь, сказалъ Государь: „легко быть Царемъ? и скажи мнѣ, почему ты хочешь быть Царемъ“. Я бы все ѣлъ сладкіе пироги и черничный супъ. Государь сильно смѣялся, говоря Царемъ не желаю тебѣ быть: очень тяжело, а супъ и пироги ѣшь,—это хорошо и вкусно. Разъ сказалъ онъ намъ, что пріѣдетъ къ 7 часамъ вечера и покатаетъ насъ по парку. Дѣйствительно, Государь къ вечеру, часовъ въ 7, въ плетеномъ шарабанѣ въ 2 лошади и съ жокеемъ сзади, въѣхалъ въ деревню Ново-Весь, остановилъ лошадей и, велѣвъ жокею сойти и ждать его въ деревнѣ, тутъ же, всѣхъ насъ дѣтей, забралъ къ себѣ въ шарабанъ. Влѣзло насъ много, даже на подножкахъ нѣсколько человѣкъ помѣстились, всѣ безъ шляпъ и платковъ, словомъ, какъ были... А Государь, обратясь къ нашимъ родителямъ, сказалъ: „Не бойтесь, я ихъ покатаю по парку и въ цѣлости доставлю обратно“. Государь самъ правилъ, каталъ насъ по Павловскому парку; мимо оранжерей проѣхали мы въ Розовый Павильонъ, ко Дворцу Константина Николаевича, а затѣмъ обратно къ нашей деревнѣ, гдѣ всѣ мы, восторженные, выскочили изъ шарабана, благодаря Царя за доставленное намъ удовольствіе и радость. Онъ, смѣясь, сказалъ: „Ну, кажется, всѣ, никого не потерялъ“. Затѣмъ жокей помѣстился на сидѣньѣ сзади шарабана, и Государь поѣхалъ по Фермерской дорогѣ въ Царское.

Да, счастливое, свѣтлое было время, и теперь, вспоминая о немъ, кажется, что все это было недавно, а между тѣмъ прошло уже много времени (45 лѣтъ, съ тѣхъ радостныхъ и кажущихся даже сказочными встрѣчъ). Забыла я еще сказать, что Государь любилъ курить во время прогулокъ, и когда онъ докуривалъ папиросу, а затѣмъ закуривалъ другую, то мы просили, чтобы онъ ихъ не бросалъ, а давалъ бы намъ на память. У меня и сейчасъ еще хранятся эти папиросы и спички. Спички были особенныя: спичка, а затѣмъ на проволочномъ штифтикѣ сѣрая продолговатая шишечка; при чирканьѣ шишечка эта вспыхивала, а затѣмъ тлѣла и отъ вѣтра не гасла.

Часто Государь показывалъ намъ фокусы съ папиросой, куря, какъ бы черезъ ухо, и много другихъ, и мы всѣ были

въ восторгѣ. Когда мы находили ягоды, то обязательно, воображая, что это рѣдкость, подчивали ими Государя, онъ всегда пробовалъ, говоря: „Вотъ я пріѣду домой и передъ обѣдомъ мнѣ мои Маша, Сергѣй и Павелъ также принесутъ со своего огорода морковки, рѣпы и огурцовъ, всего, что у нихъ поспѣло. (Огородъ этотъ находился тамъ, гдѣ ферма Маріи Александровны).

Во время прогулокъ, когда мы уже нѣсколько подросли, онъ спрашивалъ насъ, ходимъ ли мы въ церковь, что читаемъ, совѣтовалъ болѣе заниматься...

Такъ на его глазахъ подростали мы и каждый годъ лѣтомъ опять встрѣчались во время его пребыванія въ Царскомъ, такъ какъ, любя Павловскій паркъ, онъ всегда пріѣзжалъ въ него гулять. Помню какъ сейчасъ: случились однажды маневры близъ Ижоры; Государь спросилъ насъ, видали ли мы маневры, говоря, что это очень интересно и что онъ на этотъ разъ проведетъ ихъ черезъ нашу деревню Ново-Весь: „Вотъ завтра, сказалъ онъ, въ 2 часа, войска пойдутъ здѣсь; будьте дома, чтобы видѣть ихъ, а затѣмъ войска будутъ стоять на фермѣ бивуакомъ". Дѣйствительно, къ этому времени показались съ большой дороги войска, проводимыя Государемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Войска шло множество; когда Государь приблизился къ намъ, я бросилась къ нему навстрѣчу, поздоровалась съ нимъ (Государь всегда здоровался и прощался за руку) и пошла съ нимъ рядомъ, такъ какъ онъ сказалъ, что останавливаться ему неудобно, познакомилъ меня съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, говоря: „Вотъ моя знакомая, про которую тебѣ извѣстно". Изъ всѣхъ дѣтей мнѣ одной пришлось идти такимъ образомъ впереди войска, а когда мы прошли деревню и спустились уже къ Фермерской дорогѣ до рѣки Славянки (дорога же шла дальше въ гору), то Государь сказалъ: „Теперь намъ надо проститься, потому что лошадямъ трудно взбираться въ гору, а вотъ къ 7 часамъ вечера приходите на ферму; мы всѣ будемъ тамъ пить чай, а вы посмотрите, что значитъ бивуакъ; тамъ зажгутъ костры и будетъ играть музыка". Тутъ Государь попрощался, а мнѣ пришлось идти какъ разъ навстрѣчу войскамъ и офицеры, видя, что Государь и Великій Князь попрощались со мною, стали отдавать мнѣ честь. Страшно мнѣ совѣстно было, и я только и думала о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до своихъ и до дому, гдѣ братья мои смѣялись надъ тѣмъ, какой я удостоилась чести. Къ 7 часамъ вечера мы всею компаніей пришли къ фермѣ, гдѣ, дѣйствительно, уже играла

музыка, а за фермой, на лугу, до Тярлева, были раскинуты бѣлыя палатки. Палатка Наслѣдника Цесаревича была совсѣмъ рядомъ съ фермою; Государь и Великая Княжна Марія Александровна, увидавъ насъ съ балкона фермы, бросали намъ персики. Между тѣмъ время все шло, мы подростали. Въ одну изъ нашихъ прогулокъ Государь спросилъ меня, отчего мы все говоримъ по-русски: „Давайте, хотя для вашей практики пофранцузски или по-нѣмецки говорить“—добавилъ онъ. Я сказала: „Хорошо, будемъ говорить по-французски, но только ни за что по-нѣмецки, такъ какъ я терпѣть не могу нѣмцевъ и ихъ языкъ даже“. Государь сказалъ: „Какъ же такъ можно говорить, вѣдь вы знаете, что они намъ родственники“. „Какіе“?—удивившись, спросила я. „А по Императрицѣ“. Послѣ этого объясненія мы опять стали говорить по-русски и до самаго конца нашего знакомства съ Государемъ говорили не иначе, какъ по-русски.

Узнавъ отъ насъ, что маневры намъ понравились, онъ сказалъ: „Если вы пойдете въ воскресенье въ церковь, то послѣ нея приходите къ Большому Дворцу, на площадь (плацъ): тамъ будетъ парадъ“. Нечего и говорить, что мы охотно шли смотрѣть такіе парады.

Незамѣтно прошли 6 лѣтъ, я перешла уже въ X, выпускной классъ; въ то время существовало еще правило, что воспитанницъ послѣдняго класса не пускали на лѣто домой: онѣ оставались въ институтѣ, все лѣто занимаясь языками, повтореніемъ пройденныхъ курсовъ и работой.

1-го іюля воспитанницы X класса всѣхъ институтовъ Вѣдомства Императрицы Маріи ѣздили въ Петергофъ, гдѣ осматривали паркъ, дворцы, обѣдали, пили чай, затѣмъ танцовали на воздухѣ и такъ проводили цѣлый день, а вечеромъ возвращались въ Петербургъ. Поѣздка и празднество это устраивалось на особый капиталъ, оставленный Императрицей Маріей Ѳеодоровной съ тѣмъ, чтобы 1-е іюля, день ея рожденія, дѣти всегда проводили въ радости и вспоминали ее. Такъ было и въ то лѣто, когда намъ объявили, что 1-го іюля мы всѣ поѣдемъ въ Петергофъ. Много было сборовъ и волненій, всѣмъ хотѣлось быть въ порядкѣ и вообще подготовиться къ достойной встрѣчѣ съ другими институтами.

День былъ чудный, тихій, жаркій; вотъ мы и въ Петергофѣ... Съ вокзала насъ въ дворцовыхъ экипажахъ долгушахъ—прямо повезли въ Монплезиръ. Здѣсь въ залѣ воспитанницы всѣхъ институтовъ были поставлены по порядку; когда всѣ были

установлены, доложили Государю, дверь изъ покоевъ открылась, и вышли Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Александровна и Великіе Князья. Государь сталъ обходить, здороваясь съ институтками, а когда подошелъ къ Смольному и увидѣлъ меня, сказалъ: „Вчера я видѣлъ вашихъ; я сказалъ имъ, что васъ увижу сегодня здѣсь; они вамъ кланяются и просили меня, чтобы васъ пустили на лѣто домой“. Мнѣ пришлось выйти впередъ, а онъ прибавилъ: „Сегодня я васъ покатаю въ шарабанѣ и покажу вамъ паркъ“. Затѣмъ всѣ удалились, а намъ былъ предложенъ обѣдъ здѣсь же, въ Монплезирѣ; обѣдъ продолжался долго, такъ что окончили его лишь къ 3 часамъ. Затѣмъ подали экипажи, въ которые стали размѣщать воспитанницъ. Въ это же время подъѣхалъ въ шарабанѣ Государь и сказалъ мнѣ, чтобы садилась я, а также еще 5 воспитанницъ другихъ институтовъ; когда экипажъ Государя тронулся, то вслѣдъ за нами поѣхали и остальные экипажи; мы между прочимъ осмотрѣли фонтаны и большой дворецъ... Послѣ прогулки, которая продолжалась до 5 часовъ, насъ привезли въ Александрію, гдѣ былъ приготовленъ чай на длинныхъ и узкихъ столахъ, уставленныхъ фруктами, печеньемъ, конфектами у каждаго прибора и чайными чашками. Государь вышелъ изъ экипажа, показалъ, гдѣ и какъ надо намъ размѣщаться, и, указавъ мнѣ на одинъ стулъ, сказалъ: „Здѣсь садитесь вы, а этотъ берегите для меня“, а самъ пошелъ обходить другіе столы. Воспитанницы, всѣ радостныя, размѣщались съ веселымъ говоромъ, дѣлясь впечатлѣніями отъ всего видѣннаго; надо замѣтить, что воспитанницы всѣхъ институтовъ сидѣли тутъ въ перемежку, не по институтамъ. Въ это время начальница наша Д. А. Львова, подойдя ко мнѣ и увидя свободный около меня стулъ, сказала, что здѣсь сядетъ, на что я отвѣтила, что этотъ стулъ занятъ уже Государемъ, который просилъ меня поберечь для него мѣстечко. Начальница строго на меня взглянула, но это не смутило меня. Я ни за что не уступила бы ей своего стула, хотя и чувствовала, что поступаю дерзко, безтактно. И дѣйствительно, Государь, обойдя всѣ столы и видя, что для всѣхъ есть мѣста и что все въ порядкѣ, пришелъ къ своему мѣсту около меня и сѣлъ, а за нимъ и всѣ уже сѣли. Тотчасъ, точно по волшебству, лакеи, стоявшіе за стульями, стали наливать всѣмъ изъ большихъ чайниковъ чай. Во время стола играла музыка, а мы пили, ѣли, а затѣмъ, на разостланныхъ на лугу деревянныхъ полахъ начали танцовать воспитанница съ воспитанницею. Танцы продолжались до 9 часовъ вечера, послѣ чего велѣно было приво-

дить себя въ порядокъ, чтобы ѣхать обратно въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ всѣмъ было предложено по букетику, а Государь раздавалъ всѣмъ персики. Прощаясь, Государь сказалъ мнѣ: „Васъ завтра отпустятъ домой, такъ какъ я передалъ просьбу объ этомъ вашей начальницѣ“. Мы поѣхали на 10 ч. поѣздѣ, а въ 12 были дома, въ институтѣ.

Тотчасъ по пріѣздѣ меня потребовали къ начальницѣ Д. А. Львовой, отъ которой я получила заслуженный выговоръ; я чистосердечно извинилась передъ нею и сказала, что и другая на моемъ мѣстѣ навѣрно поступила бы также, потому, что такое счастье выпадаетъ рѣдко. Начальница, побранивъ меня какъ слѣдуетъ, сказала, что я поставила ее въ неловкое положеніе, такъ какъ ей передъ другими институтами неудобно было, что я ей отказала дать свое мѣсто. Однако гнѣвъ ея прошелъ, я ей, со своей стороны, преподнесла чудный персикъ, данный мнѣ Государемъ, и она сказала, что дастъ моему батюшкѣ знать, чтобы за мною завтра пріѣхали, такъ какъ я могу ѣхать домой до занятій.

Съ радостной душой ушла я отъ начальницы и крѣпко уснула послѣ такъ сказочно-чудесно проведеннаго дня. Пріѣхала я въ деревню 2-го іюля 1872 года. Лѣто промелькнуло незамѣтно, и опять наступили занятія, а въ маѣ былъ выпускъ нашъ изъ института, на которомъ мы прощались съ добрыми нашими попечителями: барономъ Б. В. Фредериксомъ и В. Я. Скарятинымъ. Всѣ мои акварели, которыя я рисовала за послѣднее время въ институтѣ и которыя были выставлены на выпускной нашей выставкѣ, подарила я на память имъ и своимъ преподавателямъ. У меня была способность къ музыкѣ и живописи, которую я страшно любила, и теперь еще она мнѣ доставляетъ большую отраду. Лѣтомъ этого года, когда встрѣтилась я съ Государемъ, онъ сказалъ мнѣ: „Вотъ вы теперь кончили курсъ и Императрица спрашивала меня про васъ и, узнавъ, что вы и по окончаніи курса въ институтѣ продолжаете заниматься живописью, была очень этому рада; чтобы еще больше порадовать ее, я попрошу васъ написать картинку для Императрицы, сюжетъ возьмите какой хотите, но изготовьте ее непремѣнно къ 18 іюля, такъ какъ я въ этотъ день ѣду въ Крымъ и свезу картину къ именинамъ Императрицы; я знаю, что доставлю ей этимъ удовольствіе“. До 18-го оставалось очень мало времени, и Государь, видя мое огорченіе, спросилъ: „Что же?“ Я отвѣтила, что я очень рада, но такъ какъ времени до 18-го немного, то мнѣ не придется ходить отъ 3—4 часовъ, чтобы видѣть

Государя и говорить съ нимъ. На это онъ сказалъ мнѣ: „Хорошо, я эти дни не буду сюда ѣздить, но 18-го принесите картину въ рамѣ и въ ящикѣ, чтобы везти; я пріѣду и взгляну“. Я тотчасъ же принялась усердно за работу, и къ 18-му іюля у меня была готова картина, изображающая сельскій пейзажъ съ курами на первомъ планѣ. 18-го числа, ровно въ 3 часа, пріѣхалъ къ намъ Государь и пожелалъ посмотрѣть картину, она ему понравилась (конечно, онъ хотѣлъ меня, вѣроятно, поощрить). „Я сейчасъ взять съ собой ее не могу, сказалъ онъ, такъ какъ я верхомъ, но быть можетъ пріѣду въ экипажѣ вечеромъ, а если не буду, пусть вашъ братъ (онъ былъ уже студентъ 21 года) доставитъ мнѣ ее завтра къ 10 часамъ утра прямо во дворецъ, къ собственному моему подъѣзду; я ужъ тамъ распоряжусь“. 19-го іюля 1872 г. братъ мой на чухонской таратайкѣ подъѣхалъ къ большому дворцу съ плаца; тамъ его, дѣйствительно, уже ждали и взяли отъ него картину, которая была уложена въ нарочно заказанный для нея ящикъ Въ этотъ же день въ 3 часа Государь пріѣхалъ, сказавъ, что сегодня онъ простится съ нами, такъ какъ поѣдетъ на югъ. Про картину онъ сказалъ, что поставилъ ее у себя въ кабинетѣ и что чѣмъ больше онъ на нее смотритъ, тѣмъ болѣе она ему нравится. Прощаясь, онъ просилъ за него помолиться, и сказавъ: „Дай Богъ намъ опять на будущее лѣто встрѣтиться“, благословилъ насъ и, прощаясь, передалъ мнѣ въ руку небольшой пакетикъ; я сильно изумилась этому, а онъ сказалъ: „Спасибо вамъ за картину, порадую ею Императрицу, а это вамъ пригодится болѣе, чѣмъ что-либо другое“. Еще перекрестивъ меня и сказавъ: „Смотрите, работайте, развивайтесь, я буду слѣдить за вашими успѣхами“—уѣхалъ. Онъ такъ былъ добръ, такъ насъ, дѣтей, хотя уже мы были большіе, любилъ: всегда, когда онъ прощался, у него были слезы на глазахъ. Когда Государь скрылся изъ виду, я раскрыла конвертъ и въ немъ нашла три сторублевки.

Кончилось мое ученіе, и началась новая жизнь. Всѣ мы очутились на свободѣ, родители первое время особенно баловали насъ, и всѣ старались доставить намъ побольше удовольствій, которыхъ мы были такъ долго лишены. Понятно, что долго такъ продолжаться не могло: чувствовалась необходимость приняться за то дѣло, какое кому было болѣе симпатично. Я любила музыку и живопись, которая давалась мнѣ легко. Хотя я любила и музыку, но, не найдя поддержки въ окружающихъ, я принялась за живопись, которою всѣ окружающіе меня зани-

мались (отецъ и всѣ братья мои были художники). Я начала рисовать по вечерамъ съ гипсовъ, а днемъ красками. копируя картины въ Кушелевской галлереѣ и въ Эрмитажѣ; время шло незамѣтно за любимымъ занятіемъ. Я мечтала о томъ, что если мнѣ суждено когда-нибудь выйти замужъ,—я выйду за художника. Какъ разъ въ то время изъ-за границы вернулся пансіонеръ Академіи академикъ М. Н. Васильевъ, человѣкъ образованный, развитой, любящій искусство и такъ хорошо говорившій про Италію, Грецію и все свое пребываніе за границей, что, слушая его, я прямо переносилась и на Аѳонъ, и въ Константинополь, и всюду, гдѣ онъ побывалъ. Понятно, что я вся была слухъ и вниманіе. Зная его какъ прекраснаго художника, я всегда просила у него совѣтовъ въ рисункѣ. Когда я копировала въ Эрмитажѣ, онъ часто приходилъ посмотрѣть на мою работу и дать полезный совѣтъ. Однажды въ началѣ весны, пришлось намъ итти на Васильскій островъ, гдѣ тогда жили и мы и М. Н. Васильевъ.

Выйдя изъ Эрмитажа, я и М. Н. шли по набережной по направленію къ Дворцовому мосту, солнце свѣтило намъ прямо въ лицо, почему я шла, совсѣмъ нагнувъ голову. Вдругъ на меня налетѣла большая собака; я выпрямилась и увидала прямо передъ собой Государя, который протягивалъ мнѣ руку, говоря: „Откуда это вы?“ Мой спутникъ сразу куда-то скрылся... Государь, узнавъ, что я работала въ Эрмитажѣ, сказалъ мнѣ: „На этихъ дняхъ я приду къ вамъ въ Эрмитажъ посмотрѣть на вашу работу“. Дѣйствительно, 4 апрѣля, дня три-четыре спустя послѣ встрѣчи, подбѣгаетъ ко мнѣ придворный служитель и говоритъ: „Его Императорское Величество изволитъ къ вамъ итти“. Я тотчасъ же бросила кисти и палитру и поспѣшно пошла навстрѣчу Государю, который, со своей собакой Милордомъ, шелъ по направленію ко мнѣ изъ Петровской галлереи.

Я страшно была рада видѣть Государя и очень волновалась, подводя его къ своей работѣ и объясняя ее Государю. Онъ сѣлъ передъ копіей на кресло, долго смотрѣлъ на мою работу, сравнивалъ ее съ оригиналомъ, и по добротѣ своей все хвалилъ, говоря, что я сдѣлала большіе успѣхи въ живописи. Затѣмъ я проводила его опять до Петровской галлереи, причемъ онъ сказалъ мнѣ, что пойдетъ навѣстить Великаго Князя Владиміра Александровича, который тогда былъ боленъ. Прощаясь, онъ благословилъ меня, говоря „работайте, не бросайте, а я буду слѣдить за вами и разскажу объ успѣхахъ вашихъ Императрицѣ“. Вернувшись къ своему мѣсту, гдѣ я копиро-

вала, я нашла множество любопытныхъ, которые и на второй день точно также толпились около меня, такъ какъ вѣсть объ оказанномъ мнѣ вниманіи быстро разнеслась по Эрмитажу. Эти любопытные очень мѣшали мнѣ работать, а потому я, такъ какъ копія моя почти была готова, попросила служителя завернуть ее и унесла домой.

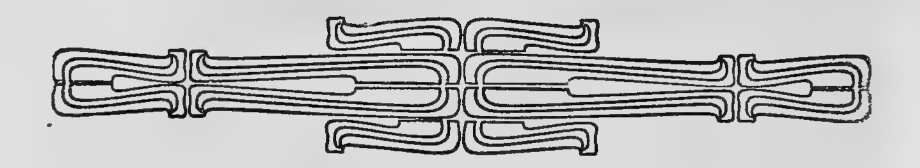
Эту копію съ Карла Маратто я берегу, какъ дорогую для меня память. Ободренная такимъ Высочайшимъ и сердечнымъ покровительствомъ и поощреніемъ, я всей душой отдалась искусству и работала съ усердіемъ въ галлереяхъ М. П. Боткина, копируя Ахенбаха Иванова и др. Наступило лѣто, и я начала этюды съ натуры. Въ это лѣто также я неоднократно встрѣчалась съ Государемъ. Однажды въ іюлѣ онъ ѣхалъ въ шарабанѣ съ Великой Княжной Маріей Александровной, Великой Княгиней Маріей Николаевной и Великими Князьями Павломъ и Сергѣемъ; встрѣтившись со мною, онъ остановилъ экипажъ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „Можете ее поздравить, она невѣста, показывая на Великую Княжну Марію Александровну“. Я отъ всей души говорила ей пожеланія всего хорошаго и въ то же время сказала, что и я невѣста. Мы всѣ весело и много смѣялись такому совпаденію, что обѣ одновременно стали невѣстами, и когда Государь спросилъ, за кого я выхожу, я отвѣтила: „За того художника, который тогда встрѣтился съ вами на набережной и убѣжалъ“. Великая Княгиня Марія Николаевна, какъ президентъ академіи художествъ, заинтересовалась узнать его спеціальность и работы. Услыхавши, что это онъ работалъ на братскомъ Севастопольскомъ кладбищѣ и въ Парижской церкви, она очень одобрила его произведенія.

И такъ я вышла замужъ за художника, какъ того и хотѣла, всю жизнь помогала ему въ его работѣ и теперь, на склонѣ лѣтъ, живопись поддерживаетъ мой духъ и я нахожу въ ней большую отраду и успокоеніе.

Съ Государемъ и послѣ выхода своего замужъ я постоянно встрѣчалась, при чемъ, гдѣ бы мы ни встрѣтились, онъ всегда останавливался, подавалъ мнѣ руку и разспрашивалъ о моихъ дѣлахъ. Однажды лѣтомъ въ Павловскомъ паркѣ гуляла я съ мужемъ, съ семействомъ Зайцевскихъ и др.; навстрѣчу намъ показался верхомъ Государь; увидѣвъ меня, онъ остановилъ лошадь, поздоровался и спросилъ, съ кѣмъ я, и узнавъ, что это мужъ мой, онъ позвалъ его къ себѣ и далъ ему руку, говоря: „Я радъ васъ видѣть, вѣдь ваша жена моя старинная пріятельница, и я всегда радъ ее видѣть: вѣдь она сверстница

моей Маши". Всѣ, кто видѣлъ Государя въ это время говорящимъ, были поражены его добрымъ взглядомъ и ласковымъ голосомъ, звучавшимъ такою добротой. Я такъ любила мѣста, гдѣ протекало мое дѣтство, что, и вышедши замужъ, всегда проводила лѣто въ деревнѣ Ново-Весь. Когда у меня были уже маленькія дѣти, сынъ Коля 3 л. (1880), то однажды, гуляя въ лѣсу, мы встрѣтили Государя. Онъ взялъ его на руки, посадилъ къ себѣ впереди на сѣдло, ласкалъ его, спрашивалъ, нравится ли ему лошадь. Обласкавъ ребенка, онъ отдалъ его мнѣ, выразивъ сожалѣніе, что онъ не его крестникъ. Въ это же лѣто Государь, точно чувствуя, что болѣе не увидится, пріѣхалъ разъ къ нашей дачѣ и далъ мнѣ большой свой фотографическій портретъ, говоря: „Это самый удачный портретъ; я нахожу его болѣе похожимъ". Затѣмъ, прощаясь и благословляя меня, онъ сказалъ: „Дай Богъ намъ и на будущее лѣто еще разъ встрѣтиться". Однако, это были послѣднія его слова ко мнѣ: 1-го марта 1881 года не стало Великодушнѣйшаго Монарха, положившаго жизнь свою за ближнихъ своихъ... Вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, оплакивала своего гуманнѣйшаго Царя-Освободителя, и память объ немъ, какъ яркій лучъ солнца, всегда будетъ свѣтиться въ исторіи Россіи.

Н. К. Васильева.



Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной комиссіи 1767 года.

II [1]).

„Законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію“. „Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому пріуготовить“ [2]). Съ такими словами обращалась Екатерина II къ избирателямъ 1767 года и къ депутатамъ, выбраннымъ ими въ комиссію для составленія Новаго Уложенія. Слѣдовательно, по мнѣнію Императрицы законы должны прежде всего соотвѣтствовать культурному уровню страны, и только тогда законодательная дѣятельность можетъ итти правильно и цѣлесообразно, когда умы къ тому пріуготовлены. Каковъ же былъ культурный уровень русскаго общества на порогѣ царствованія Екатерины II въ тотъ моментъ, когда оно было призвано составить новую Уложенную книгу, когда впервые съ высоты престола заговорили о томъ, что „всякаго честнаго человѣка въ обществѣ желаніе есть или будетъ видѣть все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія“ [3]).

Депутатскіе наказы заключаютъ въ себѣ довольно много данныхъ для отвѣта на только-что поставленный вопросъ. Внимательно вчитываясь въ нихъ, мы можемъ составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о культурномъ уровнѣ страны въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи 1767 года.

---

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1915 г.

[2]) Наказъ императрицы Екатерины II, стр. 57, 58.

[3]) Ibid., ст. 2.

„Неоспоримо, что большая половина людей въ отдаленныхъ отъ столицъ провинціяхъ и до нынѣ пребываетъ еще въ тьмѣ невѣжества“ [1]), говоритъ въ своемъ Наказѣ Сенатъ, горячо отстаивая необходимость изданія спеціальнаго учрежденія о школахъ. Основной причиной этого онъ считаетъ то, что „нигдѣ почти по городамъ, или губерніямъ порядочныхъ школъ нѣтъ, въ которыхъ бы юношество могло обучаться благопристойнымъ для каждаго званія наукамъ или художествамъ“ [2]) Правда, о заведеніи школъ по городамъ говорилъ еще Регламентъ Главнаго Магистрата 1721 года, „но оныхъ потому положенію ни въ одномъ городѣ не сдѣлано“ [3]). Поэтому вполнѣ понятно, что, какъ говоритъ въ своемъ наказѣ Главная Полиція, „добраго воспитанія... въ городахъ, а паче, что до среднихъ и мелкихъ мѣщанъ принадлежитъ, совсѣмъ нѣтъ“ [4]). „Отъ заведенныхъ же въ Россіи училищъ“, съ грустью замѣчаетъ въ своемъ Наказѣ Академія Наукъ: „по сіи поры плодовъ не видно такихъ, какими чужестранныя государства отъ своихъ пользуются“ [5]). Въ странѣ, слѣдовательно, къ началу царствованія Екатерины II почти повсемѣстно остро обнаруживался недостатокъ въ образовательныхъ средствахъ, и городъ, на-ряду съ деревней, пребывалъ во тьмѣ самаго безпросвѣтнаго невѣжества. Вполнѣ понятно, что при такомъ печальномъ положеніи народнаго образованія въ странѣ даже въ самыхъ высшихъ общественныхъ слояхъ сплошь и рядомъ попадались лица въ буквальномъ смыслѣ слова неграмотныя.

Наказы, составленные избирателями, заключаютъ въ себѣ не мало данныхъ для характеристики того, какъ сравнительно немного въ русскомъ обществѣ середины XVIII вѣка было людей, получившихъ самое элементарное образованіе. Вѣдь на выборы 1767 года должны были явиться, конечно, наиболѣе сознательные элементы населенія, тѣ, которые принимали наиболѣе активное участіе въ выясненіи мѣстныхъ пользъ и нуждъ; и, несмотря на это, сплошь и рядомъ среди подписей подъ наказами мы встрѣчаемъ или прямое указаніе, что тотъ или иной избиратель „грамотѣ не имѣетъ“, или подпись выведена такъ, что она краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о степени образованія того лица, кому принадлежитъ. Приведемъ нѣсколько

1) Сб. Р. И. О. т. 43, стр. 7—8.
2) Сб. Р. И. О. т. 43, стр. 7—8.
3) Ibid., стр. 243. Наказъ Главнаго Магистрата.
4) Ibid., стр. 350.
5) Ibid., стр. 371.

примѣровъ: „Къ сему Наказу отставной прапорщикъ Михайла, Ивановъ сынъ, Травинъ, вмѣсто отца своего отставного сержанта Ивана, Григорьева сына, Травина, по неже онъ грамотѣ и писать не умѣетъ велѣніемъ его подписуюсь" [1]). „Вахмистръ Иванъ Исуповъ і въ мѣсто поручтчика Бариса Калагривова, ефрейтъ капрала Матвея Лихутина, вахмистра Никифора Неронова, капрала Якова Карсакова, каптенармуса Егора Карсакова, прапорщика Никиты и сержанта Ивана Полушникова, дворенина Петра Антонова, коннойгвардіи рейтора Елисея Масалова подписуюсь, ибо оне все вышеписанные грамоте сами не умеютъ" [2]). „Купецъ Степанъ Шкуринъ і вместа Дмитрія Бальшакова подписался" [3]). „Александръ Иванофъ, сынъ Володимирофъ, руку приложилъ" [4]), „Тихѳенскій дьячекъ", Иванъ Матьѳиевъ". „Соборны диаконъ Димитрей Илиинъ" [5]). „Се ку нтъ маэоръ князь Радивонъ Мансыревъ" [6]). „Къ сему наказу премиеръ-моэоръ Александръ Семеновъ, сынъ Биревъ руку приложилъ" [7]). „Дѣйствительный штатскій совѣтникъ губернаторскій товарищъ и дворянской предводитель Максимъ Макшѣевъ" [8]). „Генералъ Аншефтъ Ея Императорскаго Величества оберъ егеръ мейстеръ, дѣйствительной каморъ-геръ обоихъ россійскихъ орденовъ и святыя Анны кавалеръ Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ" [9]). „Генералъ-маэоръ, города Санктпитербурха оберъ-камендантъ и кавалеръ и жителей Санктъпитербурскихъ галава Николай Зиновьевъ" [10]). „Сочувственный за болезнею приступаю и подписоваюсь Генералъ-аншефъ, генералъ-губернаторъ Смоленской, сенаторъ и кавалеръ графъ Ферморъ" [11]). Мы привели здѣсь лишь нѣсколько яркихъ и наиболѣе характерныхъ образцовъ малограмотности лицъ, явившихся на выборы въ Комиссію 1767 года. При желаніи этотъ списокъ могъ бы быть увеличенъ еще многими десятками подписей.

---

[1]) Сб. Р И. О., т. 14. Наказъ отъ дворянъ Галицкой провинціи Парѳеньевскаго уѣзда.

[2]) Сб Р. И. О., т. 68, стр. 112. Наказъ Арзамасскаго дворянства.

[3]) Сб. Р. И. О., т. 93, стр. 92—93. Наказъ Дмитровскихъ городскихъ жителей.

[4]) Ibid., стр. 111. Наказъ Тульскаго купечества.

[5]) Ibid., стр. 92. Наказъ Дмитровскихъ городскихъ жителей.

[6]) Сб. Р. И. О. т. 68, стр. 329. Наказъ Кадомскаго дворянства.

[7]) Ibid., стр. 426. Наказъ Инсарскаго дворянства.

[8]) Ibid., стр. 105. Наказъ Нижегородскаго дворянства.

[9]) Ibid., стр. 353. Наказъ Данковскаго дворянства.

[10]) Сб. Р. И. О., т, 107, стр. 225. Наказъ жителей гор. С.-Петербурга.

[11]) Ibid., стр. 226. Наказъ жителей города С.-Петербурга.

Но для выясненія въ болѣе широкомъ масштабѣ степени культурнаго уровня многочисленныхъ столичныхъ и провинціальныхъ избирателей, мы считаемъ не лишнимъ свести въ небольшую таблицу всѣ тѣ данныя, которыя говорятъ объ участіи неграмотныхъ избирателей въ выборахъ 1767 года [1]).

Губерніи.	Дворяне.			Горожане.		
	Всего.	Неграмотныхъ.	% отн. неграмотн. ко всей массѣ избират.	Всего	Неграмотныхъ.	% неграмотн. ко всей массѣ избират.
Оренбургская	185	111	60	—	—	—
Архангелогородская	331	93	28,09	—	—	—
Московская	1,756	314	17,88	4646	1543	33,17
Новгородская	977	141	14,33	69	3	4,35
Нижегородская	130	15	11,54	680	331	48,97
Новороссійская	309	33	10,68	—	—	—
Смоленская	206	19	9,22	30	—	0
Бѣлгородская	510	43	8,44	1404	441	31,41
Воронежская	553	45	8,14	1471	813	55,27
Малороссійская	884	53	5,99	521	383	73,51
Петербургская	41	2	4,88	100	—	0
Слободско-Украинская	254	11	4,33	—	—	—
Казанская	205	2	0,97	82	13	15,85
Кіевская	111	—	0	183	93	50,82
Астраханская	—	—	—	682	372	54,54
Эстляндская	165	—	0	—	—	—
Лифляндская	171	—	0	—	—	—
Сибирская	65	—	0	67	—	0
Иркутская	39	—	0	63	—	0
Выборгская	3	—	0	—	—	—

Свободныя данныя, приведенныя въ таблицѣ, представляютъ довольно любопытный матеріалъ для отвѣта на вопросъ, въ какихъ мѣстностяхъ населеніе отличалось большей образованностію, сравнительно съ другими. Оказывается, что въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находились губерніи сѣверо-западныя, юго-западныя и восточныя до Сибири включительно. Наибольшій же процентъ малограмотныхъ дворянъ попадается въ центральныхъ губерніяхъ, на сѣверѣ и въ отдаленныхъ

[1]) Къ сожалѣнію, далеко не подъ всѣми наказами, напечатанными въ Сборникахъ Р. И. О., приведены подписи избирателей и очень часто имѣются лишь глухія ссылки на число подписавшихся лицъ и на количество листовъ или страницъ, на которыя эти подписи размѣщены въ рукописныхъ экземплярахъ. Ср., напр.: Наказы отъ городскихъ жителей Архангельской губерніи, т. 123, стр. 356—529.

окраинахъ на юго-западѣ и юго-востокѣ—Новороссія, Оренбургскій край. Что же касается горожанъ, то среди нихъ % неграмотныхъ избирателей нерѣдко превышалъ половину всѣхъ лицъ, участвовавшихъ на выборахъ. При этомъ трудно установить какую-либо послѣдовательность въ распредѣленіи неграмотныхъ избирателей по территоріи страны. Не безынтереснымъ въ нашихъ глазахъ является только то, что выше всего въ культурномъ отношеніи стояли горожане Новгородской губерніи, гдѣ издавна населеніе отличалось большимъ умственнымъ развитіемъ. Наиболѣе малограмотными, оказывается, были губерніи: Малороссійская, Воронежская, Астраханская и Кіевская, вѣроятно, въ виду разноплеменнаго состава своего городского населенія. Среднее же мѣсто занимали города Московской губерніи, гдѣ подсчетъ обнаруживаетъ цѣлую 1/3 неграмотныхъ лицъ среди избирателей. Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности выяснить степень грамотности сельскаго населенія, потому что въ громадномъ большинствѣ случаевъ подъ крестьянскими наказами имѣются подписи, или погостныхъ и провинціальныхъ повѣренныхъ, или сельскихъ должностныхъ лицъ, или представителей мѣстнаго приходскаго духовенства. Намъ кажется, что тѣ данныя, которыя почерпнуты были нами изъ наказовъ, въ достаточной мѣрѣ вскрываютъ малоотрадную картину культурной отсталости Россіи, въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи 1767 года. Однако, на этомъ общемъ довольно сѣромъ фонѣ русской жизни XVIII вѣка попадались и отрадныя явленія. Такъ, когда весною 1768 года пренія въ Комиссіи сосредоточены были на обсужденіи мѣръ, касающихся хозяйственнаго и правового положенія купечества, симбирскій депутатъ Ларіоновъ отмѣтилъ въ своей рѣчи значительный культурный уровень инородческаго населенія въ Поволожьѣ: „но еще болѣе надлежитъ учить новокрещенныхъ чувашей и народъ Мордовскій и Черемисскій, говорилъ онъ въ 100-мъ засѣданіи, ибо живущіе между ними мухаммедане имѣютъ обыкновеніе не только въ большихъ деревняхъ, но и въ малыхъ, гдѣ не болѣе, какъ двадцать дворовъ, содержать училище для обученія малыхъ дѣтей“ [1]).

[1]) Сб. Р. И. О., т. 14, стр. 202. Приводимъ здѣсь любопытную выдержку изъ Путевыхъ записокъ извѣстнаго Рычкова, который въ 1769 г. былъ въ Поволжьѣ, т. е. какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ говоритъ симбирскій депутатъ. Въ одной изъ главъ его записокъ, посвященной описанію Казанской губ., мы читаемъ: „Проѣзжая по большей части татарскими деревнями, съ прилежаніемъ взиралъ я на воспитаніе ихъ

Такимъ образомъ восточная инородческая окраина отличалась, оказывается, большей образованностью, сравнительно съ коренными русскими областями.

Но чтобы составить себѣ наиболѣе полное представленіе о культурномъ состояніи Россіи въ моментъ избирательной кампаніи 1767 года, нельзя ограничиваться только тѣми данными, которыя касаются всей страны вообще. Вѣдь Россія къ эпохѣ Екатерины II успѣла превратиться изъ полицейскаго государства времени Петра Великаго въ сословную монархію со строгимъ расчлененіемъ всѣхъ жителей на нѣсколько рѣзко другъ отъ друга отдѣленныхъ общественныхъ группъ. Дворяне кичились своимъ благородствомъ и высокомѣрно относились ко всѣмъ кто по ихъ мнѣнію обладалъ черной костью. Все, что не было благороднымъ, заклеймено было эпитетомъ подлости. Но и среди непривилегированныхъ элементовъ населенія наблюдалась значительная общественная дифференція. Горожане съ высоко поднятой головой смотрѣли на крестьянскую массу, а духовенство не только городское, но и сельское, отличаясь всегда значительной сословной замкнутостью, особнякомъ стояло и отъ тѣхъ и отъ другихъ. Поэтому, чтобы дать вполнѣ законченный очеркъ культурнаго уровня страны къ 1767 году, надо воспользоваться тѣми свѣдѣніями изъ наказовъ и протоколовъ, какія говорятъ намъ о степени интеллигентности отдѣльныхъ сословныхъ группъ. Начнемъ нашъ обзоръ съ дворянскаго сословія.

Дворянская масса, въ свою очередь, не представляла чего-либо единаго. Конечно, землевладѣльцы тѣхъ уѣздовъ, которые лежали ближе къ столицѣ, были значительно развитѣе, сравнительно съ помѣщиками отдѣльныхъ медвѣжьихъ угловъ. Какіе-нибудь Пареньевскіе, или Солигалицкіе дворяне не могли стоять на одной ступени умственнаго развитія съ крупно: по-

---

дѣтей. Обряды, кои употребляютъ они при воспитаніи питомцевъ своихъ, достойны справедливой похвалы: ибо они съ самаго младенчества стараются или воспитать въ познаніи ихъ закона и всѣхъ должностей человѣческихъ. А для того почти въ каждой татарской деревнѣ находится молитвенный храмъ и училище для дѣтей, которыхъ обучаетъ живущій тутъ мулла. При вступленіи младенца въ сіе похвальное училище, мулла сей начинаетъ ихъ учить словеснымъ наукамъ татарскаго и арапскаго языка, потомъ показываетъ имъ правилы, законы и толкуетъ имъ таинство ихъ священнаго Алкорана. Не изъяты отъ такого воспитанія дѣти и женскаго полу; а разность только состоитъ въ томъ, что дѣвицъ не всѣ учатъ по арапски, но только одни почетные и богатые отцы“. Стр. „Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства“.

мѣстными владѣльцами подмосковныхъ усадьбъ, или съ титулованной знатью, земельныя латифундіи которой встрѣчались преимущественно въ западныхъ и южныхъ губеніяхъ. Если среди рядового дворянства было много тьмы и невѣжества, то среди придворныхъ и столичныхъ круговъ не мало встрѣчалось той свѣткости и лоска, которые въ XVIII вѣкѣ назывались обычно словомъ „политесъ". Посмотримъ сперва, каковы были бытъ и нравы провинціальнаго дворянства, а затѣмъ приведемъ данныя, вскрывающія передъ нами культурный уровень болѣе образованной части дворянскаго сословія. Такъ дворяне Смоленскаго уѣзда говорятъ о себѣ, что они: по изнеможенію и недостатку своему для обученія дѣтей содержать достойныхъ учителей способа не имѣютъ, и за скудостью въ учрежденныя училищныя мѣста вести не въ состояніи, черезъ то не только иностранными и указными не пользуются науками, но и россійской грамотѣ нѣкоторые съ нуждою обучаются" [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ имперіи положеніе было еще хуже. „Дворяне бѣдные и недостаточные, но такъ какъ и дѣти ихъ по ихъ бѣдности не довольно прочими науками, но и россійской грамотѣ безъ ученія остаются" (Парѳеньевскіе дворяне), и „возращиваютъ безъ всякой науки, такъ что и грамотѣ не умѣютъ" (Дорогобужскіе дворяне), „въ учителяхъ же имѣютъ крайнюю нужду и тѣхъ учителей собственно черезъ однихъ себя для пользы всего общества откуда бы получить способа не имѣютъ" (Курскіе дворяне) [2]). Отсутствіе образованія естественно должно было пагубно отражаться на провинціальномъ обществѣ, особенно на молодыхъ его представителяхъ: „Небогатые дворяне, а иные оставшіе въ сиротствахъ ихъ дѣти... живутъ въ домахъ своихъ безъ всякаго наученія праздно, отчего государственнаго плода быть отъ нихъ уже не можно" [2]), говорятъ Бѣлгородскіе дворяне.

Если Бѣлгородскій наказъ главнымъ образомъ подчеркиваетъ моментъ государственный и служебный, то костромскіе и верейскіе дворяне переносятъ центръ тяжести своего вниманія на бытовыя условія жизни. Отмѣчая недостатокъ образо-

---

[1]) Ibid., т. 14, стр. 422.

[2]) Ibid., т. 14, стр. 489, 433 и т. 68, стр. 549,

[3]) Ibid., т. 68, стр. 656. Наказъ Бѣлгородскаго дворянства. Ср. изъ Наказа Черниговскаго шляхетства: „тѣ, которыхъ счастье не одарило достаткомъ, отдаленностью и другими неудобствами лишенные способовъ къ хорошему воспитанію дѣтей, оставляли ихъ безъ надлежащаго присмотра въ домахъ возрастать безполезно и частію въ тягость обществу". Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 14.

вательныхъ средствъ въ своемъ уѣздѣ, костромичи заключаютъ свои жалобы такими словами: „отчего тѣ ихъ дѣти въ невѣжествѣ и косности возрастаютъ, и не только дѣлаются неспособными къ службѣ, но и ни малѣйшаго вида дворянскаго въ житіи и въ поведеніи своемъ не имѣютъ; а многіе черезъ то приходятъ въ разныя гнусныя страсти и шалости, которыя имъ же самимъ, наконецъ, во-вредъ и погибель обращаются [1]". Верейцы же въ своемъ наказѣ говорятъ: „и такъ дѣти тѣхъ бѣдныхъ дворянъ, живучи при отцахъ ихъ безъ всякихъ наукъ, коснѣютъ, а пришедъ въ совершенныя лѣта, за незнаніемъ наукъ (а много и такихъ есть, которые россійской грамотѣ за бѣдностью и сиротствомъ не учились), только что записываются въ солдаты [2]". Слѣдовательно, отсутствіе даже самаго примитивнаго образованія пагубно отражалось на моральной сторонѣ дворянскаго быта, и дворянскіе недоросли за сорокъ лѣтъ, протекшихъ со смерти Петра Великаго, совсѣмъ не подвинулись по пути культурнаго развитія и продолжали въ своихъ отцовскихъ и дѣдовскихъ гнѣздахъ „словно лѣсъ нечищенный расти", по образному выраженію крестьянина-публициста Посошкова.

Однако, наиболѣе активная половина дворянскаго сословія не чужда была стремленія перестроить заново основные устои тогдашней провинціальной жизни. Она глубоко при этомъ сознавала высокую цѣнность знанія вообще, особенно для государства, какъ союза общественнаго блага. „Что же принадлежитъ до воспитанія всякаго гражданина", говорилъ депутатъ Днѣпровскаго Пикинернаго полка Козельскій 21-го сентября 1767 г., „то оно необходимо нужно для пользы государственной, а не лично для него одного [3]". Если такъ говорили дворянскіе депутаты, то они, вѣроятно, отражали въ своихъ рѣчахъ точку зрѣнія своихъ избирателей. Очевидно, далеко не всюду царило безпросвѣтное невѣжество, и среди провинціальнаго дворянства попадались отдѣльныя группы, захваченныя новыми культурными вѣяніями. „Многіе россійскіе дворяне", говорилъ въ сентябрѣ 1767 года Бѣльскій депутатъ Потемкинъ: „обучаютъ дѣтей своихъ всякимъ иностраннымъ языкамъ, ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи собственнымъ иждивеніемъ, не жалѣя для уплаты иностраннымъ учителямъ своихъ денегъ [4]".

[1] Ibid., т. 4, стр. 246.
[2] Ibid., стр. 381.
[3] Ibid., стр. 189.
[4] Ibid., т. IV, стр. 209

Это заявленіе для насъ представляетъ тѣмъ большую цѣнность, что дворяне землевладѣльцы какъ разъ сосѣднихъ уѣздовъ Смоленскаго и Дорогобужскаго утверждали въ своихъ наказахъ совершенно противоположное. И въ другихъ мѣстностяхъ имперіи попадались явленія чрезвычайно отрадныя. Тамъ дворянъ и разночинцевъ перестало уже удовлетворять чисто зоологическое существованіе, и они стремились жить жизнью культурнаго человѣка. „Въ нашемъ пространномъ государствѣ", утверждалъ въ своей рѣчи одинъ изъ Малороссійскихъ шляхетскихъ депутатовъ Мотонисъ: „можно сыскать множество людей всякаго сословія, которые преизрядно воспитываютъ своихъ дѣтей; порочные бываютъ во всякомъ званіи; учатся наукамъ и художествамъ и мѣщанскія, и другихъ сословій дѣти; а отцы ихъ служатъ ревностно государю и отечеству [1])" Эти слова депутата Мотониса находятъ себѣ прекрасное подтвержденіе въ заявленіяхъ цѣлаго ряда малороссійскихъ наказовъ. „Жители здѣшніе тѣ токмо, коимъ не препятствовалъ достатокъ, отправляли дѣтей своихъ въ Санктъ-Петербургъ и Москву и въ чужіи краи [2])". Такъ говорятъ въ своемъ наказѣ черниговскіе дворяне. „А и въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота видится", читаемъ въ наказѣ Глуховскаго шляхетства, но за отдаленностью отъ здѣшняго краю университетовъ и другими препятствующими неудобствы, а иншіе отсылая дѣтей своихъ въ иностранные земли, приходятъ въ оскудѣніе [3])".

Но если въ уѣздахъ по западной границѣ культура хотя и недостаточно глубоко бороздила теченія общественной жизни, то въ далекой восточной окраинѣ не замѣтно было и этой легкой зыби и тамъ жизнь засасывала обывателей, какъ вредоносная болотная трясина. Такъ во время обсужденія въ Большомъ Собраніи законовъ, касающихся до дворянства, лидеръ праваго крыла Комиссіи извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ вступилъ въ горячую полемику съ представителемъ г. Енисейска, Степаномъ Самойловымъ, доказывая, что на сибирскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отнюдь нельзя распространять тѣхъ привилегій, которыхъ добивались россійскіе дворяне въ періодъ дворцовыхъ переворотовъ. Свое отрицательное отношеніе къ сибирскимъ дворянамъ этотъ лучшій

---

[1]) Ibid., стр. 170.
[2]) Ibid., стр. 14. Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года.
[3]) Ibid., стр. 6 и 7. Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года

ораторъ Комиссіи 1767 года аргументировалъ ссылками на безконечно низкій культурный уровень Сибирской окраины. Для этихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ прежде всего, по его словамъ, „надлежитъ учредить въ главныхъ городахъ Сибири школы нужнѣйшихъ наукъ, дабы въ эту страну, сколь возможно, проникало просвѣщеніе [1])".

Въ столицахъ и ближайшихъ къ нимъ мѣстностяхъ жизнь складывалась иначе: тамъ и бытъ, и нравы были другіе, тамъ сильнѣе давало себя чувствовать вліяніе европейской цивилизаціи. Французскія моды и французскій языкъ быстро усваивались столичнымъ дворянствомъ, а все „свое", проникнутое старо-русскими преданіями, признавалось удѣломъ мѣщанства и подлости. „Нынѣ многіе дворяне и разнаго чина люди", писалъ въ своихъ пунктахъ ростовскій архіерей—„обучая дѣтей своихъ разнымъ языкамъ и свѣтскимъ наукамъ, отнюдь не стараются катихизиса обучать, такъ что многіе дворянскіе дѣти церковной печати и читать не умѣютъ [2])". Удивляться этому было бы странно, потому что главную роль въ дѣлѣ воспитанія дворянской молодежи играли иностранцы. Объ этихъ педагогахъ много писали въ XVIII вѣкѣ, и намъ типъ гувернера-иностранца очень памятенъ и по сатирическимъ журналамъ и по бытовой комедіи. Но и въ наказахъ 1767 г. эти иноземные учителя не были обойдены молчаніемъ. О нихъ довольно много говоритъ Академія Наукъ, относясь при этомъ къ нимъ весьма отрицательно. „Учители-чужестранцы, обучающіе наше юношество въ домахъ, конечно, больше вреда, нежели пользы, намъ приносятъ, потому что несравненно большая часть негодныхъ, нежели хорошихъ сюда выѣзжаютъ [3])". Особенно обрушивается академическій наказъ на низкій нравственный уровень гувернантокъ изъ иностранокъ, которымъ поручается воспитаніе дѣтей въ дворянскихъ домахъ. „Къ тому же выѣзжающіе учители, какъ всѣмъ извѣстно, не только учатъ, но и въ воспитаніи великую участь имѣютъ, а иногда и совсѣмъ воспитателями многихъ дѣтей, по соизволенію отцовъ и родственниковъ, дѣлаются. Мадамы также и мамзели пользуются преимуществомъ учить и воспитывать наше юношество безъ одобрительнаго свидѣтельства о своемъ поведеніи, а въ самомъ дѣлѣ многія изъ нихъ не только худого, но и безчестнаго поведе-

---

[1]) Ibid., т. IV, стр. 161.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 423.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 372.

нія [1])". И Ростовскій владыка и члены Академіи Наукъ, одинаково враждебно относясь къ воспитанію исключительно на иностранный ладъ, предлагаютъ рядъ мѣръ, которыя могли бы явиться своего рода коррективомъ въ дѣлѣ воспитанія дворянской молодежи. Первый считаетъ необходимымъ неуклонное исполненіе синодальныхъ указовъ 1743 года, въ которыхъ подъ угрозой значительнаго штрафа строго предписывалось „дабы по всей Россійской Имперіи дворяне и разнаго чина люди дѣтей своихъ изъ младыхъ лѣтъ, сначала обученія россійскихъ книгъ чтенію, обучали прямаго знанія толкованія букваря и катихизиса, также-бъ и другія книги церковныя читать тщились, дабы черезъ то христіанскую должность и догматы православныя вѣры знать и въ томъ бы право поступать и отъ развратниковъ себя сохранять могли [2])". Вторые же высказываются за самую тщательную предварительную провѣрку научныхъ знаній иностранцевъ, желающихъ посвятить себя дѣлу воспитанія; и за установленіе путемъ спеціальныхъ свидѣтельствъ степени ихъ нравственной безупречности. Правда, еще въ царствованіе Елизаветы Петровны предписано было подвергать испытанію при Академіи въ Петербургѣ, или при Университетѣ въ Москвѣ учителей и гувернеровъ изъ иностранцевъ, однако, этотъ указъ объ экзаменахъ въ жизнь проведенъ не былъ. Что же касается предъявленія свидѣтельства о нравственной благонадежности, то эта мѣра являлась вполнѣ новой. Объ этомъ въ академическомъ наказѣ встрѣчаемъ слѣдующій пунктъ: „Академія за полезное почитаетъ, чтобъ выѣзжающіе учители и учительницы привозили съ собою одобрительныя въ поведеніи своемъ достовѣрныя свидѣтельства и представляли бы оныя при экзаменѣ [3])". Если въ наказѣ Академіи Наукъ и въ пунктахъ Ростовскаго архіерея для поднятія культурнаго уровня дворянъ предлагались мѣры въ общемъ довольно мягкія и цѣлесообразныя, то изъ среды провинціальнаго дворянства выдвигались проекты нѣсколько иного свойства. „Предводителя же и земскихъ судей долгъ сверхъ положеннаго на нихъ дѣла состоитъ еще и въ томъ", читаемъ въ Наказѣ Дмитровскихъ дворянъ — „что бы при общихъ собраніяхъ уговаривать каждаго дворянина обучать дѣтей своихъ разнымъ полезнымъ наукамъ и языкамъ; особливо стараться о

---

[1]) Ibid., стр. 372.
[2]) Ibid., стр. 422.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 372.

наученіи дѣтей правильному знанію россійскаго языка [1])". На этомъ своеобразномъ предложеніи отразилось служилое происхожденіе дворянскаго сословія, которое издавна привыкло рѣшительно во всемъ испытывать на себѣ начальственное воздѣйствіе или столичныхъ или мѣстныхъ властей.

Въ рамкахъ крѣпостного строя русскій городъ XVIII вѣка влачилъ довольно жалкое существованіе; ему трудно было развиваться и расти въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ хозяйственнаго быта, который повсемѣстно господствовалъ въ странѣ. Онъ почти не жилъ той напряженной и разносторонней жизнью, какая являлась отличительной чертой громаднаго большинства городовъ Западной Европы, и его населеніе въ культурномъ отношеніи должно было лишь немногимъ отличаться отъ жителей селъ и деревень. Мы уже видѣли, какой громадный процентъ неграмотныхъ отмѣченъ наказами почти во всѣхъ городахъ, принимавшихъ участіе въ выборахъ 1767 года. Теперь посмотримъ, какъ сами избиратели въ своихъ наказахъ характеризуютъ культурный обликъ русскаго города въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи. „Молодые граждане, имѣя худое отъ непросвѣщенныхъ нимало отцевъ и матерей воспитаніе, и лишаясь совокупно самыхъ первыхъ необходимыхъ наставленій, вступаютъ по необходимости малолюдства въ нашемъ посадѣ въ служенія при питейныхъ казенныхъ сборахъ, портятъ около пьянственныхъ дѣлъ природные свои нравы, а черезъ то гражданство вообще лишается прочныхъ гражданъ, купечество же особливо добрыхъ, вѣрныхъ и обученныхъ служителей [2])". И это говорятъ не жители какого-нибудь захудалаго городка, а избиратели такого крупнаго торговаго центра, какимъ былъ въ XVIII вѣкѣ Архангельскъ. Глубокой грустью вѣетъ отъ слѣдующихъ словъ его наказа, въ которыхъ удительно рельефно выступаетъ сознаніе важности и цѣнности образованія для всѣхъ городскихъ жителей безъ различія пола и происхожденія: „принуждены мы стерпѣть недостатокъ въ обученіи грамотѣ дѣтей, потому что по большей части они отъ предувѣреній и скудости со стороны родителей не учеными остаются, особливо-жъ женскій полъ, коему ввѣряется по замужествѣ воспитаніе дѣтей и домашняя экономія, почти и вовсе того лишается [3])". Выдвигая на первый планъ связь

[1]) Ibid., т. VIII, стр. 506.
[2]) Ibid., т. 123, стр. 463.
[3]) Ibid., стр. 463.

между образованіемъ и торговой дѣятельностью, составители архангелогородскаго наказа красиво и образно вскрываютъ передъ законодательной Комиссіей, какой глубокій ущербъ испытываетъ государство отъ того безпросвѣтнаго мрака невѣжества, въ которомъ пребывало городское торгово-промышленное населеніе. „Коммерція лишается искусныхъ негоціантовъ, каковыми просвѣщенная Европа, наполнена будучи, всегда умѣетъ верхъ одерживать въ своихъ прибыткахъ. И этого ради можетъ уподоблена быть такой мануфактурѣ, которая, имѣя хорошіе матеріалы, а неисправные инструменты, не можетъ достигнуть совершенства [1])“.

Но всесторонне освѣщая темныя стороны городского быта середины XVIII вѣка, наказы стремятся внести лучъ свѣта въ это царство почти сплошного мрака и поголовнаго невѣжества. Они не только устанавливаютъ діагнозъ болѣзни, но и выдвигаютъ цѣлый рядъ животворныхъ мѣръ для ея излѣченія. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ въ своемъ наказѣ Главная Полиція. „Доброе воспитаніе дѣтей сколь нужно, извѣстно всякому благоразумному, и резоны описывать за излишнее находится [2])“. Главнымъ воспитательнымъ средствомъ является безспорно школа, но, на-ряду съ нею, громадное культурное значеніе въ глазахъ Екатерининской Полиціи имѣла книга, объ удешевленіи которой, преимущественно въ цѣляхъ образовательныхъ, она выражаетъ большую заботливость. „Церковныхъ и учебныхъ, книгъ то-жъ и законовъ военныхъ и гражданскихъ дорогою цѣною продавать запретить и единственно такою цѣною, что бы только типографія въ напечатаніи убытку имѣть не могла, дабы каждый за дешевую цѣну могъ тѣ необходимо нужныя книги имѣть [3])“. Другое правительственное учрежденіе, тоже близко стоящее къ городскому торгово-промышленному населенію,—Коммерцъ-Коллегія видитъ также въ книгѣ громадный факторъ для хозяйственнаго и идейнаго развитія страны. „Надлежитъ при Коммерцъ-Коллегіи завесть библіотеку“, читаемъ мы въ ея наказѣ — „и на выписываніе изъ иностранныхъ государствъ таковыхъ полезныхъ для Россійской коммерціи свѣдѣній и на переводъ оныхъ опредѣлить на каждый годъ сумму изъ таможенныхъ доходовъ до тысячи рублевъ [4])“. Если такъ говорила высшая бюрократія того вре-

[1]) Ibid., т. 123, стр. 464.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 350.
[3]) Ibid., стр. 357.
[4]) Ibid., т. 43, стр. 199.

мени, то мы уже заранѣе можемъ предполагать, что и среди городскихъ избирателей были лица, которыя въ школѣ и книгѣ видѣли лучшее средство для борьбы съ тѣмъ недугомъ, который пустилъ такіе глубокіе корни въ городской жизни екатерининской Россіи. „Недостатокъ же въ обученіи дѣтей христіанскому исповѣданію произошелъ отъ недостатка средствъ, къ сему намѣренію необходимыхъ [1])", заявляютъ въ своемъ наказѣ жители города Архангельска. Этими же средствами по ихъ глубокому убѣжденію являются „книги, которыя бы для сего намѣренія на разные классы, смотря по количеству лѣтъ дѣтскихъ, раздѣлясь, объ одной матеріи изданы были; школьные исправные мастера, коихъ недостаточное нынѣ число по той причинѣ видимъ, что они довольнаго содержанія отъ неположенія имъ за обученіе доходовъ и отъ малаго числа учениковъ, по непринужденію къ тому ихъ родителей, себѣ снискать не могутъ [2])". На-ряду съ только-что указанными средствами, для поднятія культурнаго уровня торгово-промышленнаго класса предлагались и другія мѣры. Такъ, напримѣръ, 9-го октября 1767 года въ 36-мъ засѣданіи Большой Комиссіи депутатъ Коммерцъ-Коллегіи, Межениновъ говорилъ въ своей рѣчи о томъ, чтобы „для обученія коммерціи и бухгалтеріи посылать купеческихъ дѣтей по желанію ихъ отцовъ въ чужіе краи [3])".

Невысокимъ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ отличалось и духовное сословіе. Правда, тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ, почерпнуты нами изъ дворянскихъ наказовъ, но трудно предполагать, что въ данномъ случаѣ на характеристикѣ приходскаго духовенства отразилась какая-нибудь сословная или классовая вражда. По всему вѣроятію дворяне въ своихъ наказахъ только констатировали фактъ, такъ какъ и изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ серединѣ XVIII вѣка представители духовнаго сословія не отличались большими моральными достоинствами и высокимъ умственнымъ развитіемъ. „Вкоренить въ сердца наши страхъ, чтобъ помнили Бога и законъ его, а зависитъ оное не отъ иного чего, ежели бы мы имѣли священниковъ не таковыхъ, какъ нынѣ" [4]), говорятъ въ своемъ наказѣ дворяне Ефремовскаго уѣзда. Почти съ аналогичной жалобой сталкиваемся мы и въ наказѣ Псков-

---

[1]) Ibid., т 123, стр. 463.
[2]) Ibid., стр. 464.
[3]) Ibid., т. VIII, стр. 73.
[4]) Ibid., т. 68, стр. 463.

скихъ дворянъ: „простой нашъ народъ, по ихъ словамъ, мало о законѣ знаетъ, а много и таковыхъ, кои и совсѣмъ не знаютъ потому что не имѣемъ тѣхъ, кои-бъ, доказательно изъясня, научали“ [1]).

Въ обоихъ этихъ наказахъ довольно рѣзкими штрихами обрисовано приходское духовенство. „Во всемъ городѣ Ефремовѣ и уѣздѣ, почти заключить единымъ словомъ, не находимъ ученаго священника, то отъ неразумія ихъ нежели наставить на истинный законъ, но еще сами въ худыхъ предпріятіяхъ состоятъ“ [2]).

„Духовенство нашего православнаго закона въ высочайшемъ градусѣ знанія, но токмо оныхъ весьма малое число имѣется, а прочіе и наипаче, кои во обществѣ не просвѣщенныхъ, не знающѣе еще тѣхъ, коимъ научать долгъ имѣютъ; слѣдовательно, можетъ ли незнающій научить незнающаго, нѣтъ; а можетъ въ несправедливое увѣреніе довесть“ [3]). Въ какихъ только житейскихъ и нравственныхъ порокахъ не пребывали, по словамъ дворянства, священно и церковно-служители. „Многіе входятъ въ ябеды, коихъ священный чинъ не дозволяетъ, и употребляютъ себя въ другихъ количествахъ, т. е. въ пьянствахъ и въ чиненіи безобразностей“, жалуются Ефремовскіе дворяне—„и отъ невоздержанія и малоразумія ихъ являются иные по оговорамъ отъ воровъ“ [4]). „Какъ получитъ который постъ священническій“, говорятъ Псковскіе дворяне —„прибывъ къ своей должности, вознамѣритъ, что онъ великій санъ на себѣ имѣетъ, не мнитъ о справедливой паствѣ стада своего, а думаетъ по неразсужденію своему, что ему оное будто по наслѣдству для сожитія его въ здѣшнемъ вѣкѣ досталось; не токмо какое поученіе, ниже о чемъ изъяснить о худомъ и хорошемъ можетъ, ибо самъ мало знаетъ. Какъ же непросвѣщенные простолюдины и не знающіе ни о чемъ могутъ познать о справедливости и о спасеніи души своей, если цѣлый вѣкъ свой живъ, не слышатъ о полезномъ и неполезномъ и не имѣютъ отъ кого слышать“ [5]).

Все это приводило къ самымъ печальнымъ результатамъ, такъ какъ невѣжественное духовенство не могло благотворно вліять на свою паству. „То уже видя оное, подлый народъ

---

[1]) Ibid., т. 14, стр. 396.
[2]) Ibid., т. 68, стр. 463.
[3]) Ibid , т. 14, стр. 396.
[4]) Ibid., т. 68, стр. 463.
[5]) Ibid., т. 14, стр. 396.

какого отъ нихъ благочинія набраться можетъ. Кромѣ отъ таковой соблазны, отвергаются отъ церкви Божіей и входятъ во всякія беззаконныя дѣла“ [1]), пишутъ въ своемъ наказѣ Ефремовскіе дворяне, а псковичи еще болѣе сгущаютъ краски, устанавливая тѣсную связь между низкимъ моральнымъ уровнемъ духовенства и широко распространенными въ обществѣ пороками. „Въ обществѣ“, говорятъ они—„большія несправедливости, ложь, воровство, грабительство и смертоубійство не искореняются; ибо сколько закону свѣтскому за преступленія сіи ни подвержены, но не имѣя страха Божія и поученія о немъ не уважаютъ“ [2]). Правда, дворяне не отрицаютъ того, что правительство принимаетъ мѣры къ распространенію образованія среди духовенства, „доводитъ священство въ познаніе, какъ то черезъ учиненныя училища, семинаріи и проч.“ [3]), однако эти мѣры не оказываютъ рѣшительно никакого вліянія на духовенство сельское, о которомъ главнымъ образомъ и говорятъ дворянскіе наказы. „Въ коихъ случается до достоинствъ которымъ дойтить“, замѣчаютъ по этому поводу псковичи—„тѣ опредѣляются къ знатнымъ постамъ, а по крайности въ городахъ, а въ уѣзды посылаются изъ уѣздныхъ же, производя къ заступленію мѣстъ по линіи, по неимѣнію людей ученыхъ и по необходимости нужды“ [4]).

Но развертывая передъ законодательной комиссіей довольно мрачную картину быта и нравовъ сельскаго духовенства, дворянскіе избиратели выдвигали рядъ мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ.

Тѣ изъ нихъ, которые въ своихъ наказахъ останавливались на положеніи духовнаго сословія, въ одинъ голосъ указываютъ, что только путемъ образованія можно поднять культурный уровень священнослужителей и способствовать установленію ихъ вліянія на темную массу сельскаго населенія. Вотъ, напр., какія мѣры предлагаютъ Ефремовскіе дворяне: „Каковаго званія священники ни были, указать посвѣщать знающихъ ученыхъ людей, отъ коихъ бы народъ, видя ихъ достоинства и хорошее поученіе, почувствовать о своей жизни могли и черезъ то-бъ доказали установленный законъ Ея Императорскаго Величества“ [5]). Съ еще болѣе широкимъ планомъ реформы вы-

---

[1]) Ibid., т 68, стр. 463.
[2]) Ibid., т. 14, стр. 396.
[3]) Ibid., т. 14, стр 396.
[4]) Ibid., т. 14, стр. 397.
[5]) Ibid., т. 68, стр. 463.

ступили псковичи: они обращаются съ просьбой о томъ, чтобы повелѣно было „въ уѣздные священники опредѣлять изъ ученыхъ и выпускныхъ по удостоинству изъ семинаріи, коимъ быть на довольной ругѣ и на жалованьи, а не на пашнѣ“ [1]). Въ этомъ, по мнѣнію Псковскихъ дворянъ, заключается единственное средство оздоровить ту тяжелую атмосферу, въ которой пребываетъ русская деревня. „Ибо ученый и знающій пастырь потачки въ беззаконіяхъ не сдѣлаетъ, и какъ какое преступленіе противъ закона важно истолкуетъ ясно, и отъ всякихъ худыхъ поступковъ паство свое воздержать возможетъ, потому что простой народъ весьма въономъ стремителенъ, когда видитъ худой поступокъ духовнаго пастыря, тотчасъ воображаетъ, что ему то-жъ дѣлать слѣдственно, когда-жъ хорошій, то весьма наблюдаетъ поступать по немъ“ [2]). Однако, желая быть вполнѣ реальными политиками, псковичи понимали, что при недостаткѣ духовныхъ учебныхъ заведеній въ Россіи не мыслимо въ ближайшее время заполнить всѣ приходы вполнѣ подготовленными къ выполненію своихъ обязанностей священнослужителями. Они поэтому идутъ на компромиссъ и предлагаютъ половинчатую мѣру, лишь отчасти разрѣшающую вопросъ. „Но какъ такихъ ученыхъ и достойныхъ во всѣ мѣста доколѣ и въ училищахъ умножатся къ опредѣленію набрать не можно“, говорятъ они въ заключеніе—„то, по крайней мѣрѣ, подъ смотрѣніемъ одного еще пять должность свою съ успѣхомъ, хотя и неученые, но достойные, отправлять могутъ; а въ городахъ все лучше и уѣздные быть могутъ, потому что всегда подъ страхомъ, и много смотрителей за собой имѣть будутъ“ [3]).

Но въ Россіи XVIII вѣка образованіе было цѣнно не само по себѣ; въ немъ видѣли главнымъ образомъ средство для матеріальнаго и соціальнаго преуспѣянія. Насъ поэтому не должно удивлять то предложеніе, которое включилъ въ свои пункты Петербургскій митрополитъ Гавріилъ: „Ученымъ священникамъ и дьяконамъ, буде ученія должность исполнять будутъ передъ неучеными, хотя бы и старшими, предстояніе и преимущество имѣть“ [4]), писалъ онъ въ Синодъ, выясняя нужды и недостатки своей епархіи. Почти на томъ же настаиваетъ Кіевскій митрополитъ, говоря о преимуществахъ, которыми должны поль-

---

[1]) Ibid., т. 14, стр. 396.
[2]) Ibid., т. 14, стр. 396—397.
[3]) Ibid., т. 14, стр. 397.
[4]) Ibid., т. 43, стр. 417.

зоваться воспитанники академіи. По его мнѣнію, слѣдуетъ узаконить „чтобы вси тѣ студенты, кои себе отличатъ трудолюбіемъ, превосходнымъ успѣхомъ въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, а за то заслуживаютъ похвальныя отъ Академіи свидѣтельства, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ чинахъ имѣли къ достиженію желаемыхъ мѣстъ преимущество и первенство передъ прочими" [1]).

На общемъ фонѣ тѣхъ печальныхъ явленій, которыми полна была жизнь и сельскаго и городского духовенства, довольно отраднымъ исключеніемъ была малороссійская Украйна: въ ней, благодаря дѣятельности Кіевской Академіи, культурный уровень какъ чернаго, такъ и бѣлаго духовенства былъ значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстностяхъ имперіи. „Толико число священниковъ изъ одной Академіи произошло", читаемъ въ пунктѣ отъ Кіевской епархіи—„что вси полковые городы епархіи Кіевской безнужно оными снабжены, да и прочіе малые городы и мѣстечки, едва не вси, тако же и нѣкоторыя лучшія села таковыми же людьми съ успѣхомъ въ наставленіи и просвѣщеніи простого народа трудящимся довольствуются и впредь еще удовольствованы быть могутъ" [2]).

Если вообще провинціальное общество, какъ мы видѣли, стояло на довольно низкомъ уровнѣ культурнаго развитія, то можно представить себѣ, какая безпросвѣтная тьма невѣжества царила въ русской деревнѣ того времени. Правда, въ депутатскихъ наказахъ и въ протоколахъ комиссіонныхъ засѣданій мы найдемъ довольно мало указаній на это, но все же то немногое, что можетъ быть почерпнуто изъ нашихъ источниковъ, рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ картину умственнаго и нравственнаго развитія деревенскаго населенія Россіи въ серединѣ XVIII вѣка. „Во всей Россійской имперіи", говоритъ въ своихъ пунктахъ Ростовскій епископъ Аѳанасій, крестьянскія дѣти приходятъ въ возрастъ безграмотные, а потому не только закона христіанскаго, сколько возможно, но и неминуемо должныхъ христіанину повседневныхъ молитвъ многіе знать не могутъ, рѣдкій же крестьянинъ и о самомъ Богѣ надлежащее понятіе имѣетъ" [3]). Результатомъ подобнаго рода положенія вещей была значительная грубость нравовъ, на что особенно настойчиво указуютъ представители помѣстнаго дво-

---

1) Ibid., т. 43, стр. 90—91.
2) Ibid., т. 43, стр. 92 и 93.
3) Ibid., стр. 422.

рянства. Такъ Серпейскій депутатъ, графъ Строгановъ, говоря объ убійствѣ крестьянами одного помѣщика со всей его семьею, восклицаетъ: „сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина своего разлучивъ умертвили, но и жену его и нерожденнаго еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали" [1]). Въ глазахъ графа Строганова единственнымъ средствомъ для искорененія подобныхъ дикихъ расправъ являются училища, потому что „если бы просвѣщеннѣй сей родъ людей былъ, то, конечно, бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были" [2]). Но не слѣдуетъ думать, что на такомъ низкомъ культурномъ уровнѣ стояла только крѣпостная крестьянская масса. И среди деревенскаго населенія поморскаго сѣвера грамотные люди были рѣдкимъ исключеніемъ. Такъ въ наказѣ Ковской волости, Кольскаго уѣзда крестьяне горько жалуются на тягость выборныхъ службъ, говоря, что всѣ они „дѣйствительно грамотны не умѣютъ и имъ, въ силу этого, приходится „наймовать счетчиковъ, ларешныхъ и цѣловальниковъ платами и отъ того претерпѣвать крайнее разореніе и нужду" [3]). Такимъ образомъ сами крестьяне сознавали крайнее практическое неудобство отъ господствовавшаго среди нихъ невѣжества и этимъ какъ бы косвенно указывали на необходимость заведенія по деревнямъ хотя бы самыхъ элементарныхъ школъ.

Съ такимъ культурнымъ обликомъ русское общество выступило на выборахъ 1767 года. Посмотримъ теперь, каковы были его запросы въ области школы и просвѣщенія.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ibid., т. 32, стр. 457.
[2]) Ibid., т. ₴2, стр. 457.
[3]) Ibid., т. 123, стр. 30—32.

Мои воспоминанія и размышленія.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

„Но каждый смотри какъ строитъ... Каждаго дѣло обнаружится... у кого дѣло, которое онъ строитъ, устоитъ, тотъ получитъ награду, а у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ, впрочемъ самъ спасется, но такъ какъ бы изъ огня“. (1 Кор. 3, 10—15, passim).

„Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ, ибо каждый понесетъ свое бремя“ (Гал. 6, 4 и 5).

Скончавшійся почти четыре года тому назадъ на 81-мъ году жизни отецъ мой, сенаторъ Александръ Ивановичъ Георгіевскій, оставилъ послѣ себя записки, озаглавленныя имъ самимъ „Мои воспоминанія и размышленія“. Этому труду, составленному со всею тщательностью и основательностью, на основаніи не только личныхъ воспоминаній, но и документальныхъ данныхъ, отецъ мой посвятилъ послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, работая надъ ними въ тиши Царскаго Села, гдѣ онъ поселился, покинувши должность предсѣдателя ученаго комитета послѣ назначенія своего сенаторомъ. Работы этой онъ не прерывалъ и тогда, когда началъ терять зрѣніе и не могъ писать уже самъ, а долженъ былъ диктовать свои записки, до послѣдняго дня своей жизни сохранивши полную ясность ума и свѣжесть памяти.

Къ сожалѣнію, дряхлѣющія уже силы, почти полная потеря зрѣнія и отвлеченіе отъ этого труда другими работами и занятіями не дали ему возможности довести свои воспоминанія до конца, которыя прерываются на 1867 году. Но и въ этой своей

части онѣ представляютъ большой общественный интересъ и значеніе. По этимъ запискамъ видно, какъ изъ бывшаго питомца славнаго когда-то Московскаго дворянскаго института и студента Московскаго университета конца сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія постепенно вырабатывался и закалялся будущій публицистъ, профессоръ и выдающійся дѣятель на нивѣ родного просвѣщенія, человѣкъ съ несокрушимой энергіей и желѣзной волей, глубоко преданный сынъ нашей православной церкви и беззавѣтно вѣрный слуга своего Государя и Отечества. Уже въ эти первые годы подготовленія къ предстоящей дѣятельности и первыхъ ея шаговъ судьба сблизила автора этихъ записокъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, имена которыхъ принадлежатъ исторіи. Передъ умственнымъ взоромъ читателя проходятъ какъ въ калейдоскопѣ и профессора, и публицисты, и общественные, и государственные дѣятели той отдаленной уже теперь эпохи конца царствованія Императора Николая Павловича и начала царствованія Императора Александра II, когда надъ Россіей занималась заря новой жизни. Особенно много страницъ и теплыхъ воспоминаній посвящено въ этихъ запискахъ М. Н. Каткову, Н. И. Пирогову и Ѳ. И. Тютчеву, какъ по той близости, которая была у отца съ этими тремя дѣятелями, такъ и по его преклоненію передъ ихъ умомъ и геніальностью. Вотъ какъ самъ авторъ записокъ говоритъ по этому поводу: „Я имѣлъ счастье на своемъ вѣку имѣть дѣло со многими выдающимися дѣятелями; но на одномъ уровнѣ съ Пироговымъ по геніальности и обаятельности я могъ бы поставить только двоихъ, мало въ чемъ сходныхъ, какъ съ нимъ, такъ и между собою: это М. Н. Каткова и Ѳ. И. Тютчева". Что придаетъ этимъ страницамъ особенный интересъ и значеніе, это то, что онѣ касаются тѣхъ сторонъ жизни этихъ выдающихся дѣятелей, которыя, пожалуй, менѣе всего извѣстны публикѣ, рисуя Каткова какъ человѣка и какъ профессора, Пирогова—какъ администратора въ качествѣ попечителя учебнаго округа и Тютчева—въ его интимной сердечной жизни, въ послѣдней любви его, предмету которой имъ были посвящены одни изъ наиболѣе вдохновенныхъ его произведеній и про которую самъ поэтъ сказалъ:

О ты, послѣдняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность...

Не доведя самъ своихъ записокъ до конца, отецъ мой не разъ въ послѣдніе годы своей жизни выражалъ мнѣ надежду,

что мнѣ удастся окончить этотъ его трудъ, пользуясь для этого сохранившимися у него и приведенными имъ самимъ въ порядокъ его замѣтками, оффиціальными записками, письмами разныхъ лицъ къ нему и его письмами ко мнѣ. Конечно, такому продолженію этихъ записокъ будетъ недоставать живости и свѣжести личныхъ воспоминаній, но и при всемъ томъ, если только Богъ поможетъ мнѣ исполнить эту задачу, оно можетъ дать довольно точную и вѣрную картину наиболѣе интереснаго періода дѣятельности моего отца, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по министерству народнаго просвѣщенія, которому были отданы лучшіе годы его жизни и его еще свѣжія силы.

Левъ Георгіевскій.

I.

Въ семьѣ.

(1830—1839 гг.).

Я родился 31 іюля 1830 г. въ Москвѣ въ Барашевскомъ переулкѣ (который идетъ съ Покровки отъ церкви Воскресенья въ Барашахъ до церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы), въ домѣ Подобѣдовой. Впрочемъ мнѣ было всего 6 мѣсяцевъ и 25 дней, когда отецъ мой купилъ себѣ домъ на Земляномъ валу, или, какъ значится въ купчей крѣпости отъ 26 февраля 1841 г., въ Земляномъ городѣ, Яузской части 3-го квартала № 297 (въ послѣдствіи № 286). Домъ этотъ принадлежалъ вдовѣ одного изъ героевъ отечественной войны 1812 г. генералъ-лейтенанта Невѣровскаго и достался ей по наслѣдству отъ матери ея, адмиральши Прасковьи Ивановны Мусиной-Пушкиной вмѣстѣ съ внучкою послѣдней Масюковой, рожденною княжною Вяземскою. Отецъ мой, окончившій курсъ Московскаго университета по медицинскому факультеду весною 1812 г., былъ командированъ въ дѣйствующую армію, къ Смоленску, въ военный госпиталь той дивизіи, которой командовалъ генералъ Невѣровскій и сталъ лично ему извѣстенъ, а затѣмъ, по смерти Невѣровскаго, смертельно раненаго въ сраженіи подъ Лейпцигомъ въ 1813 г., продолжалъ бывать у его вдовы Елизаветы Алексѣевны, которая и уступила ему свой домъ за 10,500 р. ассигн., „тронутая будто бы моими ласками", какъ о томъ хранилось преданіе въ моей семьѣ.

Цѣна эта и для того времени была болѣе чѣмъ умѣренная,

потому что домъ, хотя и деревянный на каменномъ фундаментѣ и одноэтажный съ мезониномъ, былъ все-таки довольно большой, съ 7-ю большими комнатами внизу и 5-ю въ мезонинѣ, и тремя надворными постройками, не считая сарая для двухъ коровъ на заднемъ дворѣ, дровяного сарая на маломъ дворѣ и большой деревянной бесѣдки (бывшей прежде бани) въ саду, которая впослѣдствіи была лѣтнимъ жилищемъ для меня и моихъ двухъ братьевъ.

Наибольшая прелесть этого дома, какъ и большей части домовъ на Земляномъ валу въ Москвѣ, заключалась въ томъ, что онъ со всѣхъ сторонъ былъ обсаженъ деревьями и кустарниками; передъ домомъ на улицу выходилъ большой палисадникъ со множествомъ китайскихъ яблонь, кустовъ сирени и дикаго жасмина, благоухавшихъ весною и раннимъ лѣтомъ предъ окнами передняго фасада дома; за домомъ былъ также небольшой палисадникъ съ кустами крыжовника и малины, а по сторонамъ, какъ при въѣздѣ въ ворота къ крыльцу, такъ и на противоположномъ маломъ дворѣ, были березы и серебристые тополи. Но главную прелесть составлялъ большой садъ за большимъ дворомъ и надворнымъ строеніемъ, въ которомъ помѣщались прачешная, кухня и небольшая квартира съ двумя комнатами и особой небольшой кухней,—садъ, съ трехъ сторонъ окруженный большими садами и богатый фруктовыми деревьями, особенно же превосходными яблонями, кустами малины, крыжовника, всякаго рода смородины и грядами клубники и земляники. Отецъ любилъ самъ заниматься садомъ и посвящалъ ему много времени въ болѣе поздніе годы своей жизни, когда онъ уже мало занимался медицинскою практикою, а намъ, дѣтямъ, были отведены въ наше пользованіе извѣстное количество фруктовыхъ деревьевъ и кусты ягодъ, за которыми мы сами должны были имѣть и уходъ, конечно, подъ надзоромъ и руководствомъ отца. Домъ и всѣ постройки, съ большимъ, малымъ и заднимъ дворами, палисадниками и садомъ, занимали 605 кв. саж., и слѣдовательно 1 кв. саж. при покупкѣ обошлась въ 17 р. 34 коп. ассигнаціями, то-есть, менѣе чѣмъ 5 р. сер.

Въ этой-то почти сельской обстановкѣ, на лонѣ природы, протекали счастливые годы моего дѣтства и юности до самаго сентября 1848 года, когда мы по смерти отца, въ виду необходимости раздѣла имущества съ братьями, состоявшими въ военной службѣ, и трудности ремонта дома, также за ничто продали этотъ прелестный домъ доктору Бушу, всего за 4,000 руб. сер. (по 6 руб. 60 коп. за 1 кв. саж.).

Съ этимъ домомъ и особенно съ его садами и дворами, большимъ и малымъ, связаны самыя лучшія воспоминанія моего дѣтства и моей юности. Насъ было трое братьевъ и три сестры. Сестры были много насъ старше (старшая сестра Надежда родилась 29-го мая 1819 года, вторая Вѣра въ 1820 году, а третья Любовь въ 1821 году) и мало или и вовсе не участвовали въ нашихъ играхъ и забавахъ; но мы трое предавались имъ въ саду или на дворѣ, когда только было возможно, безъ всякаго стѣсненія и на полной нашей волѣ. Особенно изобрѣтателенъ на всякаго рода игры и затѣи былъ старшій братъ Василій, во всемъ необыкновенно умѣлый и способный, который, будучи на 4 почти года старше брата Дмитрія и почти на 5 лѣтъ старше меня (онъ родился 29-го сентября 1825 года), уже поэтому первенствовалъ между нами. Изрѣдка дозволялось принимать участье въ нашихъ играхъ кучеру Егору, который былъ настоящимъ нашимъ любимцемъ, потому что самъ онъ очень любилъ свою четверню, а по временамъ и шестерку лошадей, и хорошо за ними ходилъ, былъ удалымъ, смѣлымъ и умѣлымъ ѣздокомъ, любилъ скорую ѣзду и не боялся никакихъ самыхъ рѣзвыхъ и нравныхъ лошадей и сверхъ того былъ мастеръ на всѣ руки: змѣя ли устроить, или ходули, или ледяную гору, или катокъ для коньковъ, онъ все умѣлъ и все дѣлалъ съ охотой. Играть съ нимъ „въ одинъ шкуль" въ бабки считалось за особую честь. Игра въ бабки вообще не поощрялась, особенно матерью, но отецъ не рѣшался ее запретить, считая ее полезною гимнастикою, развивающею вмѣстѣ и мѣткость; особенно же онъ цѣнилъ въ этомъ отношеніи *конъ за конъ,* а мы съ своей стороны еще болѣе любили *плоски* и *пристѣнокъ.* Игра въ бабки смѣнялась играми въ мячъ, въ бары, въ лапту и т. д., или хожденіемъ и даже бѣганіемъ на ходуляхъ, пусканіемъ большихъ змѣевъ на необыкновенную высоту, игрою въ свайку и т. д. Въ зимнее время преобладало катанье на конькахъ съ горы и на каткѣ, которые сначала устраивались на большомъ дворѣ прямо предъ окнами отцовскаго кабинета, гдѣ обыкновенно сиживала читая или работая maman, при чемъ могла всегда наблюдать и за нами, а потомъ, когда уже менѣе нужно было присматривать за нами, гора и катокъ устраивались въ аллеяхъ и на площадяхъ сада. Въ саду же въ весеннее, лѣтнее и осеннее время года, въ хорошую погоду, шло и ученіе, если не нужно было писать, и приготовленіе уроковъ, впослѣдствіи же и приготовленіе къ экзаменамъ какъ институтскимъ, такъ и университетскимъ.

Такая благопріятная домашняя обстановка и такое раздолье во всемъ, что касается до игръ и забавъ на чистомъ воздухѣ, конечно, много содѣйствовали развитію здоровья и крѣпости нашихъ силъ. Разумные и вполнѣ развитые родители наши не стѣсняли насъ и въ прогулкахъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ, отпуская насъ однихъ, но всякій разъ съ особаго разрѣшенія, въ опредѣленное мѣсто и на опредѣленное время всѣхъ троихъ или же двоихъ вмѣстѣ, послѣ надлежащихъ наставленій, какъ держать себя во время прогулки, въ числѣ каковыхъ наставленій на первомъ мѣстѣ было то, чтобы ни съ кѣмъ не заговаривать самимъ ни изъ ровесниковъ, ни изъ старшихъ, вѣжливо отвѣчая, однако же, послѣднимъ на ихъ вопросы, и затѣмъ никуда и ни къ кому не заходить, кромѣ церкви, и ничего не покупать. Я помню, что еще за долго до поступленія моего въ Московскій дворянскій институтъ, т. е., до времени, когда мнѣ минуло 9 лѣтъ, мнѣ въ компаніи братьевъ случалось ходить даже въ Сокольники на тамошнія гулянья по пятницамъ или въ лагерь Московскаго учебнаго карабинернаго полка, когда тамъ играла полковая музыка и была заря, и еще чаще ко всенощной и къ обѣднѣ въ болѣе или менѣе отдаленныя отъ насъ церкви (на Воронцовомъ полѣ въ церковь Иліи пророка, гдѣ очень славился тогда хоръ купца Прокофьева, или Троицы на Грязяхъ на Покровкѣ, гдѣ очень хорошо пѣли пѣвчіе полковника Ильина или же въ церковь при Шереметевской больницѣ, недалеко отъ Сухаревой башни, гдѣ пѣли знаменитые Чудовскіе пѣвчіе). Нерѣдко родители давали намъ троимъ лошадей съ кучеромъ Егоромъ, чтобы прокатиться на дрожкахъ въ Петровскій паркъ или въ Сокольники, а на масляницѣ послѣ блиновъ въ саняхъ на гулянье подъ Новинское, и тутъ-то Егоръ показывалъ намъ всю свою удаль и всю прыть и рѣзвость своихъ выхоленныхъ коней.

Въ дѣлѣ нашего воспитанія на первомъ, повидимому, планѣ было у родителей пріучить насъ Богу молиться и дома, и въ церкви, во время общественныхъ богослуженій, и при томъ молиться въ надлежащемъ настроеніи духа, въ твердой надеждѣ на милость Божію, въ искренней благодарности за всѣ милости Божіи и ниспосланныя намъ большія и малыя радости, съ возможнымъ по возрасту нашему разъясненіемъ словъ молитвы и значенія наступавшихъ церковныхъ праздниковъ. До 7-ми или 8-ми-лѣтняго моего возраста наши двѣ дѣтскія комнаты размѣщались въ мезонинѣ на верху, и въ одной изъ этихъ комнатъ, когда старшій братъ уже подросъ, спала наша

старая няня, при раскрытыхъ дверяхъ, въ другой же большой мы—втроемъ или вдвоемъ, такъ какъ старшій братъ былъ уже въ институтѣ, и рано утромъ насъ приводили къ отцу, который вставалъ чрезвычайно рано, часа въ 4 или въ 5, тогда какъ maman, довольно слабаго здоровья, еще опочивала въ диванной, гдѣ была и образница, и отецъ ставилъ насъ передъ своимъ образомъ въ кабинетѣ и заставлялъ насъ громко повторять за собою положенныя утреннія молитвы, сначала весьма немногія, затѣмъ все болѣе размножавшіяся по мѣрѣ того, какъ мы, ежедневно повторяя, заучивали однѣ и тѣ же молитвы, такъ что ко времени поступленія моего въ институтъ я уже зналъ почти всѣ утреннія молитвы и большую часть молитвъ на сонъ грядущимъ. Послѣднія молитвы тѣмъ же порядкомъ, но предъ большою образницею, по вечерамъ, когда насъ приводили прощаться съ родителями, заставляла насъ за собою повторять наша добрѣйшая maman, которая во время ежедневныхъ съ нами бесѣдъ въ назначенное для того время разъясняла намъ по возможности каждую молитву какъ утреннюю, такъ и вечернюю, передъ тѣмъ какъ она должна была впервые войти въ нашъ обиходъ; разъясняла также двунадесятые и другіе большіе церковные праздники предъ ихъ наступленіемъ, заставляя насъ не разъ повторять всѣ эти разъясненія. Я говорю: „насъ", разумѣя при этомъ себя и брата моего Дмитрія, который былъ только на 1 годъ и 3 мѣсяца старше меня и съ которымъ я воспитывался и учился вмѣстѣ. Какъ памятны мнѣ всѣ эти молитвы съ отцомъ и матерью, и какъ радостно было для меня возвращеніе подъ кровъ мой, по смерти младшей моей сестры, въ октябрѣ 1899 года, значительной части этой семейной святыни, этихъ священныхъ семейныхъ образовъ, предъ которыми я впервые учился и пріучился молиться Богу. Не менѣе памятно мнѣ, какъ отецъ самъ приходилъ будить насъ, малышей, часа въ 2 или 3 ночи въ большіе праздники, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти въ нашъ приходъ къ Іакову Апостолу къ заутренѣ — въ это время въ Москвѣ съ 14-го сентября и до кануна Ѳомина воскресенья вовсе не было всенощныхъ въ приходскихъ церквахъ—и какъ мы въ трескучіе морозы съ истиннымъ веселіемъ сердца въ припрыжку поспѣвали за нимъ и въ праздничномъ настроеніи духа слушали не совсѣмъ стройное, но зато очень громкое и усердное пѣніе двухъ сборныхъ хоровъ пѣвчихъ на обоихъ клиросахъ: отецъ, а впослѣдствіи и мы сами, участвовали въ этомъ пѣніи на правомъ клиросѣ, а отецъ не-

рѣдко читалъ паремія и апостола. Великимъ утѣшеніемъ для нашихъ родителей было, что какъ-то разъ, будучи уже институтцами, мы трое вмѣстѣ съ отцомъ пропѣли всю заутреню и обѣдню, большею частью по нотамъ, на Рождество Христово; повидимому, и причтъ, и прихожане не были недовольны нашимъ пѣніемъ. Я пѣлъ альтомъ, братъ Дмитрій дискантомъ, Василій теноромъ, а отецъ басомъ.

Встрѣтивъ такимъ образомъ всякій великій праздникъ въ своей приходской церкви всею семьею (maman съ тремя дочерьми и съ жившею вмѣстѣ съ нами тетушкой Варварой Антоновной Малиновскою отправлялись въ церковь обыкновенно въ четырехмѣстной каретѣ, какъ тогда водилось, цугомъ, съ форейторомъ), мы всѣ тѣмъ же порядкомъ возвращались домой въ самомъ праздничномъ настроеніи духа и въ такомъ же жизнерадостномъ, веселомъ и бодромъ настроеніи (за крайне рѣдкими исключеніями) проводили всѣ праздники. И maman и отецъ, повидимому, особенно старались о поддержаніи такого настроенія духа во всей семьѣ, чтобы какъ можно болѣе отличить праздники отъ будней, и они вполнѣ достигали своей цѣли. Вѣчная и благоговѣйная имъ благодарность за всѣ эти ихъ старанія: привитыя ими намъ религіозныя привычки и связанныя съ молитвою и съ церковью драгоцѣнныя воспоминанія дѣтства не разъ предохраняли меня отъ всякаго рода пагубныхъ вліяній, отъ всякихъ сомнѣній, невѣрія и лжеученій. Умъ по временамъ совсѣмъ сбивался съ толку, а сердце все влекло къ Богу, къ церкви, къ молитвѣ, и праздникъ былъ не въ праздникъ, когда не побываешь у заутрени или у всенощной и особенно у обѣдни; пришлось усиленно искать выхода изъ этого томительнаго раздвоенія, и онъ былъ найденъ съ помощью такого великаго наставника, какимъ былъ незабвенный, чтимый мною почти наравнѣ съ моими приснопамятными родителями, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, который путемъ философіи и науки успѣлъ примирить отпадавшій отъ православной вѣры умъ съ религіозно-настроеннымъ сердцемъ.

Въ числѣ особыхъ религіозныхъ обычаевъ семьи было ежегодное посѣщеніе вечерней службы въ честь мученика Іоанна Воина и служеніе молебна ему въ храмѣ его имени наканунѣ дня, посвященнаго его памяти 30 іюля. Обычай этотъ возникъ такимъ образомъ: родители мои въ крайнихъ денежныхъ затрудненіяхъ съ людьми, очень имъ дорогими, противъ которыхъ они не рѣшались прибѣгнуть ни къ какимъ мірскимъ властямъ, обратились, по совѣту одного благочестиваго старца, къ пред-

стательству св. мученика Іоанна Воина и послѣ вечерни въ день его памяти въ его храмѣ за Москвой рѣкой, въ очень далекомъ разстояніи отъ нашего дома отслужили ему молебенъ, и, о чудо! на другой же день въ самый праздникъ св. Іоанна Воина весь долгъ, въ которомъ заключалось все состояніе семьи, былъ уплаченъ моимъ родителямъ; должникъ ихъ (К. А. Левашевъ) вышелъ изъ всякихъ затрудненій, остался въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ моими родителями и даже убѣдилъ ихъ принять отъ него за все время проценты. Въ ознаменованіе столь чудеснаго и неожиданнаго событія родители мои положили ежегодно отправляться наканунѣ 30-го іюля къ вечернѣ въ церковь Іоанна Воина и служить молебенъ. И вотъ однажды, когда мы всею семьею въ двухъ экипажахъ (четырехмѣстной каретѣ, запряженной четверней въ рядъ съ кучеромъ Егоромъ, и въ коляскѣ, гдѣ за кучера былъ форейторъ) ѣхали въ церковь Іоанна Воина за Москву рѣку, и проѣзжая Воронцовымъ полемъ, поровнялись съ церковью Николая въ Воробинѣ, вдругъ задняя ось кареты сломалась. Дальше ѣхать было невозможно. Въ это самое мгновеніе съ колокольни храма раздался торжественный благовѣстъ: оказалось, что въ храмѣ есть придѣлъ во имя Іоанна Воина и что праздникъ справляется очень торжественно съ участіемъ во всѣхъ службахъ хора пѣвчихъ. Вся семья наша пошла въ эту церковь, отслушала вечерню и молебенъ, и затѣмъ положено было ежегодно 29 іюля въ этой церкви слушать вечерню и служить молебенъ Іоанну Воину, но ходить въ эту церковь пѣшкомъ взадъ и впередъ; исключеніе дѣлалось только для maman, которая не могла ходить пѣшкомъ такъ далеко, хотя это и было раза въ четыре ближе отъ нашего дома, чѣмъ замоскворѣцкій храмъ Іоанна Воина.

Дѣло воспитанія и первоначальнаго обученія нашего лежало главнѣйше на нашей дорогой maman, такъ какъ отецъ въ эту пору своей жизни былъ поглощенъ своею медицинскою практикою. Отецъ мой, Иванъ Васильевичъ Георгіевскій, прошелъ строгую и суровую школу сначала во Владимірской духовной семинаріи, а потомъ учился въ Московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Изъ семинаріи, вмѣстѣ съ довольно обширнымъ богословскимъ образованіемъ и твердымъ знаніемъ церковныхъ службъ, онъ вынесъ добрые религіозные навыки и основательное знаніе какъ обоихъ древнихъ языковъ, такъ и языковъ церковно-славянскаго и русскаго, къ чему впослѣдствіи присоединилось порядочное знаніе языковъ фран-

цузскаго и нѣмецкаго, пріобрѣтенное имъ во время заграничнаго путешествія, которое онъ совершилъ еще до женитьбы своей (въ 1818 г.), сопровождая въ качествѣ врача извѣстную Московскую семью С. А. Мельгунова и супруги его Екатерины Алексѣевны (рожденной Дурасовой), а Московскому университету онъ былъ обязанъ недюжиннымъ для того времени медицинскимъ образованіемъ, и до конца жизни съ благодарностью всегда вспоминалъ онъ своихъ наставниковъ профессоровъ Мудрова и особенно Мухина. Еще въ бытность студентомъ онъ исполнялъ обязанности прозектора по каѳедрѣ анатоміи подъ ближайшимъ руководствомъ профессора Ефрема Осиповича Мухина, который, повидимому, прочилъ его себѣ въ ассистенты, а потомъ и въ преемники по этой каѳедрѣ. Какъ уже выше упомянуто, по окончаніи курса въ 1812 г., какъ только началась отечественная война 1812 г., отецъ мой былъ командированъ въ дѣйствующую армію въ качествѣ врача, а затѣмъ по окончаніи войны вступилъ на службу въ Московскій университетъ, въ должности прозектора по каѳедрѣ анатоміи. Послѣ публичнаго, при членахъ медицинской конторы докторскаго экзамена 9 января 1815 г., онъ защитилъ 26 января 1816 г. докторскую диссертацію: De aneurismate, adnexis tribus observationibus. Diss. D. M. M. 1816.

Въ попавшемся мнѣ случайно весьма полезномъ трудѣ д-ра медиц. Льва Ѳеодоровича Змѣева: „Русскіе врачи-писатели". Вып. I до 1863 г. сказано, между прочимъ, о моемъ отцѣ: „Въ 1826 г., пролежавъ около года въ студенческой больницѣ, уволенъ по прошенію отъ прозекторства". 1826-й годъ—это не болѣе какъ опечатка вмѣсто 1816 г., ибо въ 1826 г. отецъ мой былъ уже 8 лѣтъ женатъ, и у него было четверо дѣтей, и въ эту пору своей жизни, будь онъ боленъ, онъ, конечно, не лежалъ бы въ студенческой больницѣ. Должность прозектора онъ покинулъ дѣйствительно по болѣзни и затѣмъ былъ назначенъ руководителемъ—наблюдателемъ (наблюдающимъ репетиторомъ, по словамъ г. Змѣева) за выпускными студентами медиками въ Московскомъ военномъ госпиталѣ. Для нихъ, вѣроятно, въ качествѣ руководства было имъ переведено съ французскаго сочиненіе *Бруссе* (Broussais)—„Афоризмы или главныя основанія физіологіи, патологіи и терапіи. Москва 1724". Печатано, кажется, на казенный счетъ, замѣчаетъ г. Змѣевъ, который говоритъ, что въ той же должности онъ былъ еще и въ 1827 г. и, какъ я слышалъ отъ одного изъ бывшихъ нѣкогда на его попеченіи студентовъ, онъ, благодаря своей твердости и умѣ-

лости, а особенно—благодаря своей сердечной заботливости о студентахъ и своимъ познаніямъ, имѣлъ на нихъ самое благотворное вліяніе и пользовался ихъ любовью и уваженіемъ. Также сердечно и умѣло обращался онъ съ учащеюся молодежью и въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ (на Остоженкѣ), и въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, впослѣдствіи преобразованномъ въ Московскій дворянскій институтъ, въ которыхъ онъ состоялъ врачемъ, почти до конца жизни, пользуясь любовью воспитанниковъ и довѣріемъ ихъ родителей.

Мало-по-малу медицинская практика совсѣмъ отвлекла его отъ ученой и учебной карьеры, и онъ посвятилъ себя этой практикѣ съ тою любовью къ своему дѣлу и своему призванію, которая коренилась въ глубокой его религіозности. Въ самый разгаръ своей практики онъ никогда и никому изъ самыхъ бѣдныхъ больныхъ не отказывалъ въ своей помощи, принимая ихъ у себя на дому въ большомъ числѣ въ той небольшой квартирѣ, которая была въ надворномъ строеніи передъ садомъ, держалъ для нихъ особаго фельдшера и съ нихъ обыкновенно, когда они оказались тяжело больными, начиналъ ежедневные свои визиты, чему много способствовало необыкновенно раннее его вставанье. Особенную извѣстность въ Москвѣ и далеко за ея предѣлами онъ пріобрѣлъ лѣченіемъ нервныхъ, истерическихъ и душевныхъ болѣзней (въ томъ числѣ и падучей болѣзни) имъ самимъ изобрѣтеннымъ лѣкарствомъ, которое онъ самъ и приготовлялъ съ усердною всегда молитвою за своихъ больныхъ къ Богу. Убѣдившись многократными опытами въ дѣйствительности этого лѣкарства, отецъ мой обратился въ Московскую медицинскую контору съ просьбою о выдачѣ ему разрѣшенія на составленіе и употребленіе имъ этого лѣкарства. Дѣло восходило до медицинскаго совѣта, который на основаніи записки исправлявшаго должность гражданскаго генералъ-штабъ-доктора въ разрѣшеніи отказалъ, на что послѣдовало и утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18-го апрѣля 1830 года. Въ запискѣ этой генералъ-штабъ-докторъ, указавъ на качественный составъ лѣкарства [1]), выразилъ мнѣніе, что „оное, можетъ статься, и доставляло нѣкоторое облегченіе въ припадкахъ, отъ слабости нервовъ происходящихъ

[1]) Ex. Gum. Benzoe, rad. Peoniae officin., rad. Lathrae Squamariae, rad. Atropae mandragorae, herba Thumi Serpilli, semin. Raparum recentiu (—iorum?), vino Cohorensi et melle virgineo. Изъ всего этого отецъ варилъ декоктъ.

но чтобы посредствомъ состава сего можно было прекращать и и совершенно излѣчить (sic!) падучую болѣзнь, родимецъ у дѣтей, истерику у женщинъ, помѣшательство ума и т. п., то сіе потому невѣроятно, что не только различныя, но однѣ и тѣ же болѣзни, по различію причинъ оныя наводящихъ или поддерживающихъ, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ различныхъ также требуютъ средствъ для искорененія своего, что, безъ сомнѣнія, должно быть извѣстно и самому г. Георгіевскому, какъ доктору медицины, а потому составъ его вовсе не заслуживаетъ того, чтобы на приготовленіе и употребленіе онаго давать особенную какую-либо привилегію". Если бы дѣло шло объ употребленіи во всѣхъ вышеозначенныхъ болѣзняхъ исключительно лишь этого одного средства, тогда разсужденія медицинскаго совѣта имѣли бы еще нѣкоторое значеніе; но въ данномъ случаѣ они были лишены всякаго основанія, и отказавъ въ общемъ разрѣшеніи употреблять означенное средство, медицинскій совѣтъ принужденъ былъ въ отдѣльныхъ случаяхъ давать таковыя разрѣшенія по просьбамъ ближайшихъ родственниковъ самихъ больныхъ. Въ просьбахъ этихъ непосредственно на имя самого министра внутреннихъ дѣлъ недостатка не было, и первая изъ нихъ была отъ бывшаго (съ 1 января 1817 по іюль 1825 г.) попечителя Московскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника князя Андрея Петровича Оболенскаго, который ходатайствовалъ 9-го мая 1830 года о дозволеніи моему отцу пользовать изобрѣтеннымъ имъ лѣкарствомъ его больного брата, отставного генералъ-маіора кн. Василія Петровича Оболенскаго. На это ходатайство послѣдовала резолюція министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го мая 1830.: „Увѣдомить доктора Георгіевскаго, что изъ уваженія къ ходатайству г. тайнаго совѣтника Оболенскаго онъ можетъ составлять изобрѣтенное имъ противу нервическихъ болѣзней врачебное средство у себя въ домѣ, но только для пользованія онымъ князя Василія Петровича Оболенскаго, не распространяя сего позволенія на другіе случаи, или при лѣченіи другихъ больныхъ, гдѣ онъ долженъ выписывать средства сіи изъ аптекъ, сообразно существующимъ постановленіямъ". На послѣдующія подобныя же ходатайства давалось отъ министра внутреннихъ дѣлъ дозволеніе лѣчить подлежащихъ больныхъ „на томъ же самомъ основаніи, какъ разрѣшено было ему пользованіе князя Оболенскаго". Впослѣдствіи ему было дано знать частнымъ образомъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ можетъ въ частной своей практикѣ употреблять изобрѣ-

тенное имъ лѣкарство безъ испрашиванья каждый разъ особаго разрѣшенія, и такимъ образомъ отецъ мой, до глубины души преданный долгу, могъ по совѣсти исполнять свои обязанности врача безъ нарушенія своего гражданскаго долга, не выходя изъ повиновенія властямъ предержащимъ, каковое онъ считалъ священною обязанностью каждаго гражданина.

Въ то время въ нашемъ медицинскомъ мірѣ шла ожесточенная борьба между русскими и нѣмцами или, точнѣе сказать, между людьми русскаго происхожденія и языка и людьми нѣмецкаго происхожденія. Послѣдніе были въ большой силѣ особенно въ С.-Петербургѣ въ самомъ медицинскомъ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ихъ вліянію отецъ мой приписывалъ такое недоброжелательное къ нему отношеніе медицинскаго совѣта, чѣмъ еще болѣе поддерживалось и питалось національно-русское и глубоко-патріотическое направленіе моего отца, вынесенное имъ, конечно, прежде всего изъ Владимірской духовной семинаріи и изъ Московскаго университета, гдѣ на медицинскомъ факультетѣ первенствовали такіе дѣятели, какъ Мудровъ и Мухинъ,— направленіе, усиленное и первыми служебными впечатлѣніями въ бытность его въ дѣйствующей арміи, противопоставленной вторженію иноплеменниковъ съ Наполеономъ I во главѣ. Намъ, дѣтямъ, отецъ не переставалъ внушать при всякомъ случаѣ свое національно-русское чувство и свое патріотическое воодушевленіе, свою беззавѣтную преданность православной церкви, Царю и отечеству и русскому народу. Въ этомъ онъ еще до появленія славянофильства былъ истымъ славянофиломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и къ концу своей жизни не безъ огорченія и даже раздраженія замѣчалъ успѣхи западничества и въ литературѣ, и въ Московскомъ университетѣ, и нѣкоторое его отраженіе и въ моихъ тогда еще далеко не установившихся воззрѣніяхъ.

Медицинская практика привела его къ близкому знакомству съ семействомъ Мельгуновыхъ: съ этимъ семействомъ онъ былъ, какъ выше сказано, за границей и съ нимъ же бывалъ въ обширныхъ ихъ помѣстьяхъ въ Оренбургской и Самарской губерніяхъ и на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, которымъ и посвятилъ статью: „Сергіевскія (Бугурусланскаго уѣзда) минеральныя воды, по собственнымъ пятилѣтнимъ наблюденіямъ“ въ „Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ и Медицины“ Іовскаго (1829 г., II, 453—76) [1]. Въ томъ же семействѣ Мельгуно-

[1]) Въ томъ же журналѣ за 1831 г. (II, 138—64) была имъ напечатана статья: „О мокротной лихорадкѣ“.

выхъ онъ встрѣтился впервые съ будущею своею женою Софіей Дмитріевной Чугаевичъ.

Maman наша была родомъ изъ дворянской семьи Черниговской губерніи и въ раннемъ дѣтствѣ осталась сиротой. Всѣмъ своимъ воспитаніемъ и образованіемъ она была обязана супругѣ московскаго главнокомандующаго графа Захара Григорьевича Чернышева. Въ какихъ отношеніяхъ родные моей матери стояли къ графинѣ или къ графу Захару Григорьевичу, мнѣ это неизвѣстно; но графиня почему-то взяла къ себѣ на воспитаніе сначала тетушку моей матери Варвару Антоновну, вышедшую потомъ замужъ за Малиновскаго и впослѣдствіи жившую до конца жизни въ нашей семьѣ, а потомъ и мать мою. Сколько могу припомнить и сообразить разсказы моей матери, это былъ цѣлый небольшой пансіонъ благородныхъ дѣвицъ, который устроила и содержала на свой счетъ графиня Чернышева и въ которомъ особенное вниманіе было обращено на изученіе новыхъ иностранныхъ языковъ, на практику въ нихъ, а также на музыку и рисованіе и на женскія рукодѣлья. Въ отношеніи къ новымъ иностраннымъ языкамъ въ этой необыкновенной школѣ-пансіонѣ дѣлалось нѣчто совсѣмъ необыкновенное: maman вполнѣ владѣла французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо знала языки итальянскій, испанскій и польскій. Относительно музыки она превосходно играла на фортепіано и на арфѣ, которая была въ то время въ модѣ, и сама обучала своихъ дочерей фортепіанной игрѣ и съ старшею изъ нихъ Надеждою достигла замѣчательныхъ результатовъ. Благодаря maman и старшей сестрѣ мы выросли, можно сказать, на самой изящной музыкѣ, и слухъ нашъ былъ взлелѣянъ лучшими произведеніями классической, итальянской и русской музыки.

По части живописи у меня сохранился небольшой акварельный портретъ моей бабушки Варвары Антоновны, чрезвычайно похожій на нее, и нѣсколько акварельныхъ бездѣлушекъ (бабочекъ, цвѣтовъ), которыя свидѣтельствуютъ объ отличной техникѣ моей матери по этой части и, смѣю думать, также о ея талантѣ. Рукодѣлья, очевидно, также были поставлены очень высоко въ этомъ пансіонѣ графини Чернышевой. Что въ немъ дѣлалось для пріученія его питомицъ къ домашнему хозяйству, я не знаю; но мать моя славилась между своими знакомыми умѣньемъ поставить и вести свой домъ, какъ слѣдуетъ, и особенно своимъ молочнымъ хозяйствомъ.

Всѣ эти знанія и умѣнья какъ нельзя болѣе пригодились моей maman, когда ей было суждено стать матерью и воспитательницею трехъ дочерей и трехъ сыновей и притомъ въ такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ невозможно было бы ни за какія деньги имѣть вполнѣ надежную чужую помощь. Дѣло въ томъ, что семьѣ нашей и особенно родителямъ былъ ниспосланъ тяжкій крестъ: обѣ ихъ младшія дочери Вѣра и Любовь въ самые ранніе годы ихъ жизни, лѣтъ 4-хъ и 5-ти, были поражены въ различной мѣрѣ глухотой. Какъ это случилось, въ точности неизвѣстно. Семья наша,—это было еще лѣтъ за пять до моего рожденья,—гостила лѣтомъ у Мельгуновыхъ. Маленькія дѣти оставались здѣсь болѣе на рукахъ своей няни, и вотъ въ одинъ злосчастный день, помѣстивъ ихъ на широкой подоконницѣ высокаго подъемнаго окна, какія тогда были въ употребленіи, и играя съ ними, она сама же нечаянно сдвинула подставку окна съ мѣста, и окно со всей высоты своей грохнуло на подоконницу съ такой силой, что всѣ стекла разбились въ дребезги, а дѣти были совсѣмъ оглушены. Глухота эта оказалась лишь временною, и у старшей изъ дѣвочекъ, Вѣры, миновала на столько, что она говорила довольно чисто по-русски и немножко по-французски и могла при самоотверженныхъ, соединенныхъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и кротостью, трудахъ матери научиться и читать со смысломъ по-русски и по-церковно-славянски и писать и даже препорядочно играть на фортепіано. Но у младшей дѣвочки, Любы, слухъ былъ пораженъ въ несравненно большей степени. Она до конца жизни осталась при томъ дѣтскомъ лепетѣ, котораго она достигла до катастрофы, и никакими стараніями нельзя было исправить ея крайне неправильнаго говора, ни научить ее читать правильно и со смысломъ, хоть она и доведена была до умѣнья подписывать свое имя, отчество и фамилію и правильно списывать своимъ особымъ дѣтскимъ почеркомъ цѣлыя фразы, напередъ для нея написанныя съ ея же словъ или же просто кѣмъ-либо составленныя. При этомъ однако же она могла въ продолженіе всей своей жизни, хотя и съ большимъ трудомъ, усвоивать себѣ новыя слова въ очень неправильной формѣ, соединяя ихъ съ соотвѣтственными понятіями, напр., „обчево"—общество, „пубти"—публика, „мовеша"—mauvais genre и т. д. Нуженъ былъ большой навыкъ, чтобы ее понимать и чтобы съ нею говорить. Впрочемъ, какъ она, такъ и Вѣра, лучше всего понимали чужую рѣчь по движенію губъ, особенно если это были хорошо знако-

мыя лица, такъ что въ потьмахъ было совсѣмъ безполезно заводить съ ними какую бы то ни было рѣчь.

При такихъ тяжкихъ условіяхъ только родная мать съ такимъ высокимъ умомъ и образованіемъ и еще болѣе съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою добротою, кротостью и нѣжностью сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ съ замѣчательною твердостью воли и характера, могла достигнуть съ этими несчастными своими дѣтьми такихъ по истинѣ изумительныхъ результатовъ, и одной изъ нихъ, Вѣрѣ, дать всѣ почти способы для истинно-человѣческаго существованія, а другой въ той мѣрѣ, въ какой это оказалось возможнымъ. Большую службу сослужили въ этомъ случаѣ какъ рукодѣлья, такъ и особенно живопись. Мать сама обучала двухъ старшихъ своихъ дочерей и музыкѣ, и живописи, и всѣмъ вообще предметамъ, а младшую дочь рукодѣльямъ и рисованью, и въ этихъ занятіяхъ онѣ преуспѣли и въ продолженіе всей своей жизни находили себѣ большое удовольствіе. Впрочемъ родители вывозили ихъ въ гости, и въ театръ, и на балы, и у себя принимали гостей и устроивали балы и вечера, и находили, что надобно же и этимъ обиженнымъ судьбою дѣтямъ доставить ихъ долю радостей; чтобы имъ было чѣмъ помянуть свою молодость, и что это возможно только при ихъ жизни, при томъ уваженіи и любви, какими они, особенно же maman, пользовались въ своемъ обществѣ. Должно правду сказать, что старшая моя сестра Наденька, какъ одаренная отъ природы всѣми чувствами, будучи обучаема и воспитываема исключительно только матерью, по своему умственному образованію и развитію, по своей благовоспитанности во всѣхъ отношеніяхъ, едва-ли въ чемъ-либо уступала кому-либо изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ сверстницъ, а по своему прелестному характеру, унаслѣдованному отъ матери, была со многими изъ нихъ въ большой дружбѣ, особенно съ Шелашниковыми, Софьей Петровной, по мужу баронессою фонъ-Гюнтероде, и Аделаидою Петровной княгиней Оболенской, и Елизаветою Алексѣевной Ошаниной, въ замужествѣ Карльгофъ, а потомъ Драшусовой; въ обществѣ же ея находили большое удовольствіе такіе умные и ученые люди, какъ проф., И. Т. Глѣбовъ, М. Н. Катковъ, А. П. Ефремовъ и другіе. Никакихъ гувернантокъ въ нашемъ домѣ не водилось, и одного лишь гувернера я помню, швейцарца monsieur Pelleporte, который говорилъ съ нами по-французски и по-нѣмецки и очень скоро исчезъ изъ нашего дома одновременно съ хорошенькой горничной Дуняшей. Впослѣдствіи я узналъ, что совпаденіе это было не случайное и что

бѣдная Дуняша окончила свою жизнь въ родильномъ домѣ несчастными родами.

Затѣмъ все воспитаніе и обученіе наше, мое и брата Дмитрія, велось мамою и Надею подъ главнымъ руководствомъ и при нѣкоторомъ, но очень небольшомъ, участіи отца, который училъ насъ чтенію и письму по-латыни и вообще письму, желая придать большую твердость и мужественность нашему почерку. Не могу сказать, чтобы домашнее мое ученье шло по всѣмъ предметамъ съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. Въ предметахъ, которыми съ нами занималась сама мама, я оказывалъ хорошіе успѣхи, именно въ начальномъ курсѣ закона Божія и въ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ практически, но съ старшею сестрою, какъ только мы дошли до русской грамматики и ариѳметики (по руководству Меморскаго въ вопросахъ и отвѣтахъ), дѣло пошло очень плохо: очень ужъ смущали меня всѣ эти существительныя и прилагательныя и ихъ падежи: винительный, родительный и т. д., и глаголы съ ихъ залогами, видами и наклоненіями; все это казалось мнѣ чѣмъ-то очень страннымъ, смѣшнымъ и совсѣмъ ненужнымъ. При всей своей изумительной добротѣ, кротости и терпѣніи, сестра Надя по временамъ выходила изъ себя и жаловалась на меня мамѣ какъ на лѣниваго, упрямаго и дерзкаго мальчишку, и тогда мнѣ болѣе или менѣе сильно доставалось. Въ то время ни дѣтей, ни взрослыхъ не баловали, и за провинности со всѣхъ взыскивали очень строго: само правительство показывало примѣръ тому крайне строгими наказаніями даже и въ привилегированныхъ школахъ, и отъ родителей часто приходилось слышать, что васъ запорятъ въ школѣ, коли дома не будете пріучены учиться и слушаться. Такимъ образомъ и добрѣйшая наша мама при всей своей нѣжности и слабости нервовъ отъ времени до времени прибѣгала съ нами и къ розгамъ, и раза два досталось и мнѣ за плохое мое ученье у Нади. Вина моя была въ томъ, что я иногда не принималъ въ серіозъ всѣ эти падежи и залоги, склоненія и спряженія, и глумился надъ ихъ прозвищами; но происходило это въ сущности отъ того, что моя дорогая и незабвенная сестра-учительница, при всемъ своемъ умѣ, образованіи и развитости, какъ не прошедшая правильной систематической школы, едва-ли умѣла приняться настоящимъ образомъ за обученіе грамматикѣ или ариѳметикѣ и, безъ сомнѣнія, какъ тогда водилось, обучала по книгѣ, недостаточно разъясняя ея содержаніе и требуя заучиванія ея наизусть. Память у меня была очень хорошая, и заучить я могъ все, что мнѣ задавали;

но примѣнять къ дѣлу заученныя правила (къ грамматическому разбору или къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ) тутъ памяти было мало, и нужно было пониманіе, а до него-то меня и не умѣла довести моя добрѣйшая, но неопытная учительница.

Во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, которымъ мы обучались главнымъ образомъ по слуху и во всякомъ случаѣ почти безъ грамматики, мы преуспѣвали настолько, что могли бойко говорить на нихъ съ мамой и съ сестрою и съ знакомыми, особенно же по-французски, такъ какъ въ отсутствіе отца французскій языкъ былъ наиболѣе въ ходу въ нашей семьѣ и съ мамой мы проводили все свое время, которое не посвящали ученію съ сестрой, играмъ или прогулкамъ, и въ которое она сама не занималась съ сестрами, или по хозяйству, или съ гостями, или съ мужемъ, а мама требовала, чтобы мы говорили съ нею по-французски, а по временамъ и по-нѣмецки, какъ только мы немножко понаторѣли въ этихъ языкахъ.

Дѣти въ то время не властвовали такъ въ своихъ семьяхъ, и родители, даже и самые добрые, далеко не находились подъ ихъ командою, какъ теперь. Лѣтъ до 4-хъ или до 5-ти дѣти оставались большею частью у себя въ дѣтской: мы на верху въ мезонинѣ съ своими нянями, которыя приводили насъ къ родителямъ, въ назначенное время или же по особому ихъ зову, и мы не сажались за общій столъ съ большими, а когда бывали гости, то могли выходить къ нимъ не иначе какъ по особому зову, даже и въ первые два-три года послѣ поступленія въ институтъ; да и послѣ случалось, что мы отсылались при гостяхъ къ себѣ въ дѣтскую. Этотъ режимъ имѣлъ несомнѣнно свою хорошую сторону. Прежде всего мы не мѣшали старшимъ въ ихъ бесѣдахъ между собою; пріучались быть скромными и почтительными къ старшимъ; до нашего слуха не могло доходить изъ разговоровъ старшихъ между собою ничего такого, что было бы для насъ непонятнымъ или могло бы насъ смущать и сбивать съ толку. Отъ старшихъ мы слышали только одно: учитесь всему, чему васъ тамъ учатъ, слушайтесь начальства и ведите себя хорошо. Никакой критики ни учебныхъ, ни воспитательныхъ порядковъ въ школахъ никто себѣ тогда не позволялъ не только въ печати, но и въ разговорахъ между собою, по крайней-мѣрѣ при учащихся, при дѣтяхъ, и никто тогда не смущалъ и не сбивалъ съ толку учащихся.

Но была и не совсѣмъ хорошая сторона въ этомъ до нѣкоторой степени отчужденіи дѣтей въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ отъ родителей: это возможность всякаго рода злоупотре-

бленій со стороны нянекъ даже и при самомъ тщательномъ присмотрѣ со стороны матери, бабушки, сестры, какой былъ въ нашей семьѣ. Такъ, первая моя нянька Василиса, очень видная и красивая женщина, оказалась, судя по разсказамъ, во всѣхъ отношеніяхъ никуда негодною и могла бы меня совсѣмъ погубить, если бы не выдала себя вскорѣ неумѣренностью въ пищѣ и особенно излишнимъ пристрастьемъ къ пирожнымъ: она требовала для меня двойныхъ и тройныхъ порцій, но изъ нихъ мнѣ почти ничего не перепадало, а все съѣдала она сама. Вскорѣ это и многое другое, несравненно худшее, было обнаружено, и она была замѣнена тою же няней, которая ходила и за моимъ братомъ Дмитріемъ, которая очень любила дѣтей и которую мы очень любили, такъ какъ она была большая мастерица разсказывать сказки и устраивать всякаго рода игры и забавы для дѣтей.

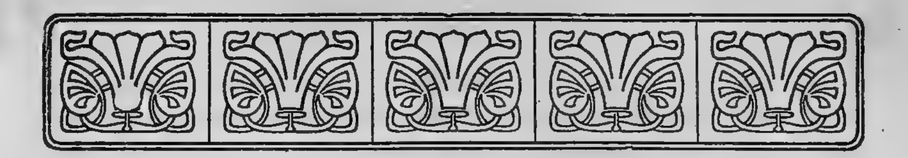
При всей своей близости и нѣжности къ намъ и при всей своей добротѣ, какъ сказано, и мама не давала намъ потачки, и въ случаяхъ, когда мы въ своей рѣзвости и въ своихъ шалостяхъ выходили изъ границъ дозволеннаго или же въ играхъ между собою выходили изъ себя, и начинали драться между собою съ слишкомъ большимъ азартомъ, подвергала насъ наказанію розгами. Кромѣ искорененія злобы, задора, легкомыслія и вообще дурныхъ наклонностей при этомъ имѣлось въ виду пріученіе насъ къ тому самообладанію, послушанію, дисциплинѣ и порядку, какіе отъ насъ потребуются въ институтѣ, и сверхъ того предупрежденіе своевременнымъ наказаніемъ гнѣва отца,— гнѣва, котораго мы никогда не видывали и не испытывали на себѣ, но которымъ добрѣйшая мама всегда насъ пугала какъ чѣмъ-то необычайно ужаснымъ. Отецъ дѣйствительно былъ неотходчивъ, когда чѣмъ-нибудь разсердится или огорчится; но намъ не случалось видѣть, чтобы онъ когда-либо выходилъ изъ себя, и вообще съ нами онъ былъ всегда довольно ласковъ, хотя и сдержанъ и мало общителенъ, пока мы не подросли и не стали студентами, тогда какъ мама была истиннымъ средоточіемъ семьи и настоящею душою всей нашей семейной жизни, всегда озабоченная, чтобы чѣмъ-нибудь не раздражить и не разстроить отца и не возбудить его гнѣва противъ кого-либо изъ дѣтей или прислуги, и въ случаѣ какой-либо серьезной провинности всѣ не только изъ женской, но и изъ мужской прислуги, прежде всего обращались къ добрѣйшей своей барынѣ и ее просили о заступничествѣ. Прислуга была у насъ почти вся изъ крѣпостныхъ и очень многочисленная, особенно жен-

ская. Обращеніе съ нею вообще было хорошее и ласковое, что не мѣшало, конечно, старшей горничной, ходившей за матерью и бывшей за экономку, давать затрещины своимъ подчиненнымъ, а кучеру Егору. нашему любимцу, точно также расправляться съ подчиненными ему конюхами. Мнѣ всѣ подобныя сцены были крайне ненавистны: съ самаго дѣтства онѣ глубоко меня огорчали и смущали надолго. Гдѣ можно было, я вступался за обиженныхъ и обезоруживалъ довольно-таки гнѣвную экономку и очень вспыльчиваго, хотя и очень добраго Егора. Но особенно мнѣ памятны два случая, надолго разстроившіе и меня, и всю семью, когда чѣмъ-то тяжко провинился самъ Егоръ, а спустя много времени послѣ того выѣздной лакей Сергѣй, и когда за ними явились будочники, отвели ихъ въ полицейскій домъ и по наказаніи ихъ тамъ розгами, вновь привели ихъ къ отцу, и они, упавъ предъ нимъ ницъ, въ слезахъ просили у него прощенія... въ чемъ, я этого не зналъ; но я до глубины сердца былъ возмущенъ и этими сценами, и тѣмъ, что имъ предшествовало, и этими впечатлѣніями дѣтства объясняю ту сильнѣйшую ненависть, которую я всю жизнь свою питалъ къ крѣпостному быту и ко всякой кулачной расправѣ.

Впрочемъ, это были единственные два подобныхъ случая за всѣ 17 лѣтъ, которыя я прожилъ съ отцомъ, и я долженъ тутъ же прибавить, что вся дворня очень его любила и уважала, какъ то оказалось особенно послѣ его смерти, и никто не хотѣлъ уходить отъ насъ, когда мама, по минованіи 6-ти недѣль, предложила отпустить на волю желающихъ: всѣ они имѣли очень хорошее у насъ содержаніе, и сверхъ того получали ежемѣсячно порядочное жалованье, за что весьма многіе изъ помѣщиковъ и сосѣдей очень пеняли на моихъ родителей.

Сообщ. **Левъ Георгіевскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. [1]

Глава XXXIII.

Изъ дипломатическаго міра стали доходить къ намъ тревожныя вѣсти: газетныя фанфары еще болѣе усилили темпъ, возвѣщая пораженія генерала Черняева и наступленіе турецкой арміи къ Алексинацу.

Отсюда каждый видѣлъ, что Россія не могла уже оставаться только зрительницей полнѣйшаго разгрома славянъ и, такимъ образомъ, реальное выступленіе нашей политики стояло на очереди дня.

Все это заставило моего дядю собраться въ Константинополь, чтобы взять отъ генерала Игнатьева послѣднія инструкціи на случай объявленія войны. Тетушка и я ради удовольствія и компаніи отправились также въ столицу Абдулъ-Гамида. Мнѣ очень интересно было увидѣть снова этого принца съ нѣжными глазами въ его новой роли повелителя Ислама.

На утро 18 октября „Юнона“ бросила якорь въ Золотой Рогъ и дала протяжный свистокъ.

Европейская Пера еще дремала, какъ лѣнивая одалиска, въ объятіяхъ Морфея; но турецкій Стамбулъ, покинувъ сонныя грезы, уже встрѣчалъ пламенную зорю, а съ балкончиковъ всѣхъ минаретовъ пѣли о томъ, что „нѣтъ другого бога, кромѣ Единаго Бога“, и что „Магометъ Его пророкъ“. Унылые, протяжные звуки неслись волнами къ жилищамъ правовѣрныхъ и манили сердца ихъ въ храмы Аллаха.

Надъ Босфоромъ царила фантасмагорія какая-то: въ голубыхъ испареніяхъ, точно за тюлевой вуалью, скользили по водѣ легіоны баржъ и лодокъ, купая свои бѣлые паруса въ

[1]) См. „Русская Старина“, декабрь 1914 г.

лучахъ краснаго разсвѣта, горѣвшаго на небосклонѣ Азіатскаго материка. Словно чайки носились воздушные каики, цѣпляясь за борта входившихъ на рейдъ пароходовъ. Лиловый туманъ еще дымился по берегамъ; но золотые блики уже играли на холмахъ грандіозной панорамы, раскинувшейся амфитеатромъ въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи...

Я любовалась этой картиной, и моя фантазія невольно улетала на розовомъ лучѣ въ область сказокъ Шехеразады.

Проснулась также и дѣловая Галата. Весь лабиринтъ ея кривыхъ, тѣсныхъ улицъ былъ наполненъ движеніемъ и звуками: тянулись караваны верблюдовъ; ревѣли ослы; кричали водоносы и разносчики. Всадники на арабскихъ коняхъ, вереницы хамаловъ, навьюченныхъ сверхъ мѣры мѣшками съ товаромъ; зеленыя чалмы духовенства, малиновыя фески гражданъ Царьграда, бѣлыя повязки софтъ, турчанки, закутанныя въ яшмаки и типы всѣхъ племенъ Востока мелькали передъ глазами. точно живой калейдоскопъ на фонѣ утренней зари.

Между Галатой и Перой колесной ѣзды не существуетъ: ее замѣняетъ проволочная желѣзная дорога, вагоны которой двигаются черезъ тоннель снизу вверхъ и обратно не болѣе двухъ минутъ времени.

Туда мы всѣ и направились, чтобы подняться въ европейскій кварталъ. Но по пути отъ берега къ станціи насъ едва не разорвали на мельчайшіе кусочки босфорскіе пираты: швейцары отелей, гиды, комиссіонеры, продавцы всякой дряни и цѣлая армія носильщиковъ багажа. Ихъ штурмующія колонны шли въ атаку, захватывая наши вещи, какъ военную добычу. Десятки рукъ тащили мою безпомощную особу неизвѣстно куда. Тетушка Marie отбивалась прямо зонтикомъ отъ насѣдавшихъ легіоновъ вражеской силы, а наши спутники грозили имъ даже револьверами. Но въ концѣ концовъ мы отразили непріятеля и благополучно взобрались на вершину Перскаго холма, чтобы устроиться тамъ въ отелѣ. Однако судьба распорядилась иначе нашимъ временемъ и заставила еще долго блуждать по камнямъ, буграмъ и ямамъ Константинопольской мостовой...

Это случилось вотъ при какихъ условіяхъ.

По выходѣ изъ тоннеля достаточно было сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы отказаться въ тотъ же моментъ отъ всякой мысли двинуться куда-нибудь дальше: бурнымъ потокомъ, точно лава изъ кратера, мчалась навстрѣчу къ намъ сплошная до непроницаемости масса людей, какъ будто живая рѣка, покинувъ старое ложе, опрокинулась водопадомъ въ новое русло. По

инерціи мы были захвачены ея теченіемъ, а при слѣдующемъ поворотѣ изъ одной улицы въ другую отброшены въ сторону. Здѣсь, не теряя секунды, мы кинулись въ открытыя двери какой-то харчевни, гдѣ и остановились, занявъ удобную позицію.

Надъ толпой рѣяли красные флаги съ полумѣсяцемъ и звѣздой, ихъ несли ходжи и софты, эти пламенные воины Магомета; далѣе шли типичные старцы, патріархи Ислама, увѣнчанные тюрбанами изъ драгоцѣнныхъ персидскихъ шалей; улемы въ лиловыхъ и зеленыхъ накидкахъ слѣдовали за ними: они что-то кричали, жестикулируя, точно на каѳедрѣ передъ аудиторіей; но въ хаосѣ звуковъ голоса ихъ не доходили по назначенію. Матросы, аскеры и турецкая чернь выплясывали на ходу какой-то необыкновенный танецъ, собственнаго изобрѣтенія; арабы въ пестрыхъ бурнусахъ и красныхъ башмакахъ, съ огненными отъ возбужденія лицами, звенѣли оружіемъ, подбрасывая его вверхъ надъ головами; школьники учебныхъ заведеній съ дудками и барабанами, силуэты турчанокъ въ бѣлоснѣжныхъ яшмакахъ, негры и негритянки, черные эѳіопы—рабы, важные мароканцы, арнауты, зейбеки въ живописныхъ лохмотьяхъ, татары, персы, индусы, горцы въ бараньихъ шапкахъ, персы, лазы, курды—вся эта разноязычная, но единокровная по вѣрѣ толпа, которая обыкновенно наполняетъ стамбульскія улицы и базары своимъ движеніемъ, своими рѣзкими, гортанными криками, вся она была здѣсь, въ Европейскомъ кварталѣ...

Что влекло ее сюда? Кто привелъ ее въ ненавистную Перу, гдѣ каждый вершокъ земли былъ собственностью гяура?..

„Алексинацъ! Алексинацъ!“—ревѣла она, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ.

„Алексинацъ! Алексинацъ!“ стонало эхо, перекликаясь съ берегами Царьграда, и весь охваченный восторгомъ синій Босфоръ повторялъ: „Алексинацъ! Алексинацъ!..“

Какъ вдругъ наперерѣзъ бѣжавшей массѣ вылетѣла конная стража и отрѣзала ей путь къ главной улицѣ Перы: словно разсѣченная огненной рукой на части, толпа шарахнулась назадъ, и что произошло затѣмъ, я не могла видѣть, такъ какъ хозяинъ лавочки закрылъ двери.

— А это, конечно, любезность падишаха по адресу генерала Игнатьева,—обращаясь къ дядѣ на мѣстномъ жаргонѣ и не подозрѣвая въ немъ „русскаго“, объяснилъ левантинецъ.

— Въ чемъ собственно она заключается?—спросили его.

— Какъ въ чемъ?— съ умѣшкой повторилъ онъ,—манифестація для того и была организована, чтобы разбудить его

превосходительство пріятной вѣсточкой о дорогихъ и милыхъ ему братьяхъ-славянахъ, которыхъ давно уже пора всѣхъ перерѣзать...

Мы переглянулись; но возражать не пришлось, такъ какъ дверь затрещала подъ ударами въ нее чьихъ-то могучихъ кулаковъ:

— Corpo di bacco! [1]),—послышался грозный окрикъ,—пусти! Бенедетто! diavolo! а то разнесу домъ и крышу сниму! Diavolo! отвори сію минуту!

Требованіе его было немедленно исполнено, и въ комнату ураганомъ влетѣлъ здоровый парень, судя по акценту и огромной шляпѣ съ перомъ, уроженецъ Калабріи. Бенедетто представилъ его намъ:

— Анджело, мой землякъ, другъ короля Италіи и падишаха Абдулъ-Гамада, а также комиссіонеръ отеля „dell' Napoli", кавалеръ всѣхъ орденовъ и знаменитый теноръ театра „St. Carlo". Онъ можетъ устроить васъ въ нашей гостиницѣ, гдѣ вся прислуга чистокровные неаполитанцы, лучшіе люди въ мірѣ...

„O, Napoli uno pezzo di cielo caduto in terra! [2]),—для большей убѣдительности запѣлъ Анджело, хотя видъ его менѣе всего давалъ иллюзію „ангела".

Постучались опять, и вошло нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ два—мальтійца оказались гидами, а прочіе разныхъ профессій.

— Ну, что тамъ дѣлается, разсказывайте! спрашивалъ Бенедетто, раздергивая жалузи и распахивая двери, такъ какъ съ улицы перестали доноситься крики манифистантовъ.

— А все-таки жаль, — говорили новоприбывшіе,—что не разрѣшили софтамъ устроить концертъ подъ окнами грознаго „Московъ-султана"—то-то была бы потѣха!..

— Ну, теперь идемъ!—сказалъ дядя, раскланиваясь съ хозяиномъ нашего временнаго убѣжища.

— Господинъ!—остановилъ его знаменитый теноръ Анджело,—вы обѣщали взять меня гидомъ? Какъ же такъ, corpo di bacco!..

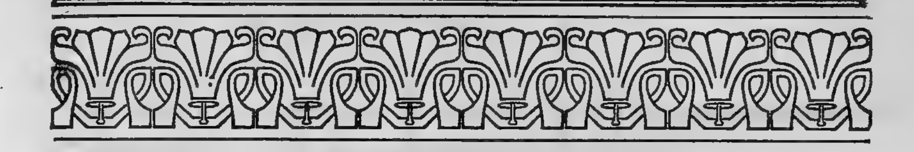
— Ничего подобнаго я не могъ обѣщать вамъ,—строго и внушительно отвѣтилъ ему дядя. Но это не подѣйствовало, и еще долго назойливый калабріецъ слѣдовалъ за нами, предлагая свои услуги.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Чортъ возми"! по-итальянски.

[2]) Неаполь, кусочекъ неба, упавшій на землю — любимая пѣсенка неаполитанцевъ.



Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

IV [1]).

Занятія въ Географическомъ Обществѣ.—Развитіе дѣятельности общества съ середины 50-хъ годовъ.—Командировка секретаря общества Е. И. Ламанскаго за границу.—Отношеніе къ этой командировкѣ министра финансовъ Брока.—Посвѣщеніе Германіи, Франціи, Бельгіи.—Вѣнскій статистическій международный конгрессъ.—Изученіе банковаго дѣла въ Парижѣ.—Поѣздка въ Лондонъ.

За отсутствіемъ серьезной работы въ министерствѣ финансовъ въ періодъ управленія Брока, дѣятельность моя въ это время сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, членомъ котораго я былъ избранъ въ 1850 году. По предложенію Вице-Предсѣдателя общества М. Н. Муравьева (бывшаго впослѣдствіи министромъ государственныхъ имуществъ и генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края), я принялъ на себя въ 1852 году завѣдываніе библіотекою общества, затѣмъ сдѣлался секретаремъ отдѣленія статистики и, наконецъ, съ 1853 года, по отъѣздѣ для лѣченія за границу Владиміра Алексѣевича Милютина, вскорѣ потомъ умершаго, сталъ исполнять обязанности секретаря общества. Въ качествѣ секретаря отдѣленія статистики, я взялъ на себя редакцію II тома статистическаго сборника общества, вышедшаго въ 1854 году. Въ этомъ томѣ появились составлявшія плодъ долголѣтнихъ трудовъ двѣ статьи мои: Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 по 1852 года. Въ основу перваго изъ этихъ изслѣдованій легли

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1915 г.

добытыя мною въ Полномъ Собраніи законовъ данныя о нашемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи со времени Царя Алексѣя Михайловича. Матеріалами же для второй работы послужили, главнымъ образомъ, найденные мною у отца отчеты государственныхъ кредитныхъ установленій, которые, хотя и обнародывались во всеобщее свѣдѣніе, начиная съ 1817 года, однако, оставались публикѣ почти неизвѣстными. Въ этихъ статьяхъ моихъ имѣются многочисленныя ссылки на впервые мною извлеченныя изъ разныхъ томовъ Полнаго Собранія законовъ историческія свѣдѣнія о нашемъ денежномъ обращеніи. Писавшіе послѣ меня по тому же вопросу авторы видимо часто пользовались, какъ путеводною нитью, моимъ сочиненіемъ, хотя нигдѣ объ этомъ прямо и не упоминаютъ. За свои изслѣдованія я получилъ отъ Географическаго Общества полную Жуковскую премію и былъ избранъ Императорскою Академіею Наукъ въ члены-корреспонденты.

Въ февралѣ 1855 года послѣдовала, какъ извѣстно, кончина Императора Николая Павловича. Я помню, въ этотъ день назначено было засѣданіе въ Географическомъ Обществѣ. Всѣ мы пришли въ возбужденномъ настроеніи и скоро закрыли засѣданіе, потому что вмѣсто того чтобы вести бесѣду о предметѣ засѣданія, хотѣлось поговорить о другомъ. Разошлись мы группами по улицамъ, съ жаромъ толковали о томъ, что старый режимъ продолжаться не можетъ, такъ какъ Крымская война доказала всю несостоятельность Россіи передъ Европою, и ничтожество одной грубой силы передъ усовершенствованіями науки. Многіе бросались цѣловаться другъ съ другомъ на улицахъ, въ ожиданіи наступленія лучшаго положенія вещей.

Обнаружившіяся съ новымъ царствованіемъ новыя вѣянія, охвативъ собою всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни, не могли, конечно, не отразиться и на дѣятельности Географическаго Общества. Завоевавъ себѣ почетное мѣсто среди научныхъ учрежденій, общество это не находилось, однако, въ сколько-нибудь оживленномъ общеніи съ другими родственными ему по своимъ задачамъ организаціями въ Западной Европѣ. Для установленія болѣе тѣсной связи съ послѣдними совѣтъ общества, въ составъ котораго, на-ряду съ вице-предсѣдателемъ М. Н. Муравьевымъ и помощникомъ предсѣдателя А. И. Левшинымъ, входили въ то время: Д. А. и Н. А. Милютины, А. М. Княжевичъ, Я. И. Ростовцевъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, престарѣлый П. И. Кеппенъ,—поручилъ мнѣ, въ концѣ 1856 года, отправиться

за границу для распространенія, по возможности, сношеній общества съ иностранными учеными учрежденіями по части географіи, этнографіи и статистики, а также для присутствованія, въ качествѣ представителя общества, на созывавшемся осенью 1857 года, въ Вѣнѣ, III-мъ статистическомъ международномъ конгрессѣ. Кромѣ того, въ виду высказаннаго П. И. Кеппеномъ отъ имени статистическаго отдѣленія пожеланія, раздѣленнаго и совѣтомъ общества, я поставилъ себѣ задачею изучить, во время командировки, устройство за границею государственнаго и частнаго кредита и вообще финансовыя учрежденія главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ. Понятно, что объ этомъ предположеніи мною было сообщено Броку, въ вѣдомствѣ котораго я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій, но къ величайшему изумленію Брокъ отнесся къ задуманной мѣрѣ несочувственно, заявивъ, что Россіи нечему учиться за границею. Отрицательное отношеніе министра финансовъ къ моей командировкѣ повергло общество въ уныніе, лишивъ его надежды получить изъ казны необходимыя на мое путешествіе средства. Однако, дѣлу помогъ Августѣйшій предсѣдатель общества Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о выдачѣ мнѣ изъ государственнаго казначейства на покрытіе расходовъ по командировкѣ 4 тыс. руб. серебромъ. Послѣ этого случая, возстановившаго противъ меня Брока, мнѣ оставалось только покинуть службу въ министерствѣ финансовъ, что я и сдѣлалъ, выйдя въ началѣ 1857 года передъ самымъ отъѣздъ за границу, въ отставку.

Итакъ съ весны 1857 года до осени 1858 года, то есть полтора года я провелъ въ чужихъ краяхъ. Исполненіе возложеннаго на меня Географическимъ Обществомъ порученія я началъ съ Берлина, гдѣ засталъ старика Ал. Гумбольдта, географа Риттера, статистиковъ Дитерици и Эрмана. Затѣмъ, я посѣтилъ другіе главные города Германіи, въ которыхъ имѣли мѣстопребываніе научныя учрежденія или была развита банковская и финансовая дѣятельность, при чемъ особенное впечатлѣніе оставилъ во мнѣ Гамбургъ, со своею едва-ли не лучшею на земномъ шарѣ коммерческою библіотекою. Повсюду встрѣчалъ я самое любезное и предупредительное къ себѣ отношеніе. Менѣе всего радушія проявляли наши дипломатическіе агенты, которымъ видимо не нравилось, что ихъ тревожитъ какой-то русскій изслѣдователь. Впрочемъ, освоившись съ заграничными порядками, я пересталъ прибѣгать къ услугамъ

нашихъ дипломатовъ и непосредственно обращался въ тѣ или другія учрежденія, гдѣ, безъ всякой рекомендаціи, получалъ все, что мнѣ было нужно.

Изъ Германіи черезъ Страсбургъ я пріѣхалъ на двѣ недѣли въ Парижъ, а затѣмъ отправился въ Брюссель, гдѣ провелъ вторую половину іюля и часть августа. Здѣсь я познакомился со знаменитымъ ученымъ, секретаремъ Брюссельской академіи наукъ Кеттлэ, предсѣдательствовавшимъ въ центральной статистической комиссіи. Старикъ меня обласкалъ и очень полюбилъ. Покинувъ Брюссель, я посѣтилъ нѣкоторые города Бельгіи, совершилъ прогулку по Рейну и черезъ Франкфуртъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Прагу направился въ Вѣну, чтобы присутствовать на открывшемся тамъ въ концѣ августа международномъ конгрессѣ. Еще во время моего пребыванія въ Брюсселѣ, мы условились съ Кеттлэ ѣхать на этотъ конгрессъ вмѣстѣ. Встрѣча наша была назначена, согласно заранѣе выработанному маршруту, на границѣ Саксоніи и Австріи въ Боденбахѣ, куда Кеттлэ долженъ былъ пріѣхать прямо изъ Брюсселя. Свиданіе это сопровождалось забавнымъ инцидентомъ, обнаружившимъ невѣроятную разсѣянность и забывчивость бельгійскаго ученаго. Пріѣхавъ въ Боденбахъ, въ 2 часа ночи, я, послѣ таможеннаго осмотра, пошелъ всюду разыскивать Кеттлэ. Наконецъ, встрѣчаю его; онъ любезно здоровается и пресерьезно спрашиваетъ меня: „скажите, пожалуйста, куда мы ѣдемъ“. Я объяснилъ ему цѣль нашего путешествія, и мы вмѣстѣ доѣхали до Вѣны.—Русскихъ собралось на конгрессъ человѣкъ пять, въ томъ числѣ проф. И. В. Вернадскій и Ѳ. Г. Тернеръ. Въ Вѣнѣ я познакомился со многими иностранными знаменитостями, въ томъ числѣ: съ барономъ Чернигомъ—предсѣдателемъ подготовительной комиссіи конгресса и фонъ-Гокомъ—предсѣдательствовавшимъ въ третьемъ отдѣленіи конгресса по вопросамъ статистики государственныхъ бюджетовъ. Баронъ Чернигъ извѣстенъ былъ своею многостороннею и плодотворною дѣятельностью въ различныхъ отрасляхъ административной и хозяйственной жизни: занимая должность начальника статистическаго отдѣленія австрійскаго министерства торговли, онъ одновременно былъ начальникомъ желѣзныхъ дорогъ и управляющимъ Дунайскаго пароходства. Что же касается фонъ-Гока, то въ качествѣ начальника отдѣленія министерства финансовъ, онъ являлся просвѣщеннымъ сотрудникомъ адаровитаго встрійскаго министра финансовъ барона Брука. Конгрессъ былъ устроенъ на очень широкихъ основа-

ніяхъ. Торжества длились, кажется, цѣлыхъ двѣ недѣли; самъ императоръ принималъ насъ; словомъ, интереснаго было много. Русскимъ делегатамъ оказано было полное вниманіе: Вернадскій избранъ былъ вице-президентомъ конгресса, я—вице-президентомъ одного изъ отдѣленій. Подробный письменный отчетъ о конгрессѣ мною былъ тогда же препровожденъ для сообщенія Географическому Обществу графу Ѳ. П. Литке, избранному въ началѣ 1857 года вице-предсѣдателемъ общества, вмѣсто М. Н. Муравьева, назначеннаго министромъ государственныхъ имуществъ.

По окончаніи конгресса, я возвратился въ Парижъ, чтобы въ теченіе предстоявшей зимы подробно ознакомиться тамъ съ дѣятельностью кредитныхъ учрежденій и, въ особенности, самаго главнаго изъ нихъ: Banque de France. Съ цѣлью заручиться необходимыми рекомендаціями, я отправился къ нашему послу графу П. Д. Киселеву, котораго никогда до тѣхъ поръ не видѣлъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно еще бодраго человѣка, наслаждавшагося въ Парижѣ свободою отъ серьезныхъ занятій. Пріемъ, однако, былъ не изъ любезныхъ. Киселевъ встрѣтилъ меня словами: „нельзя ли обойтись безъ меня". Мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я его утруждать не буду, и поискать другихъ путей для достиженія своей цѣли. Вернувшись домой, я, по совѣту одного знакомаго француза, написалъ прямо письмо управляющему „Banque de France" съ просьбою принять меня. На другой же день получаю краткую записку, заключавшую въ себѣ приглашеніе зайти такого-то числа въ такомъ-то часу. Я прихожу, рекомендуюсь какъ секретарь Географическаго Общества, объясняю, что, занимаясь вопросами кредита, очень желалъ бы изучить механизмъ веденія дѣла во Французскомъ банкѣ, стяжавшемъ себѣ репутацію образцоваго кредитнаго учрежденія. — „Вы долго пробудете въ Парижѣ?" — спросилъ управляющій.—„Всю зиму"—отвѣчалъ я.—„Прекрасно. Приходите ежедневно къ намъ въ банкъ"—предложилъ управляющій —„у насъ каждый вечеръ сводятся счеты, а къ утру слѣдующаго дня готовъ уже балансъ; все, что вы желаете, вамъ будетъ показано и объяснено".

Французское центральное кредитное учрежденіе—„Banque de France" является частнымъ акціонернымъ предпріятіемъ, находящимся лишь подъ особымъ надзоромъ правительства, которое назначаетъ управляющаго банка и двухъ его товарищей. Положеніе управляющаго блестящее: ему присвоено со-

держаніе въ 60 тыс. франковъ въ годъ и кромѣ того предоставлена казенная квартира.

Такимъ образомъ, я получилъ возможность подробно ознакомиться съ техникою банковскаго дѣла и съ обязанностями всѣхъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. До моихъ занятій во французскомъ банкѣ, хотя мною и были подробно обслѣдованы, по отчетамъ, операціи нашихъ кредитныхъ установленій, однако, практическими знаніями по банковскому дѣлу я не обладалъ. Здѣсь же, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я основательно изучилъ всѣ банковскія операціи путемъ непосредственной работы на разнообразныхъ должностяхъ, начиная съ самыхъ низшихъ. Я велъ самостоятельно книги и на опытѣ пріобрѣлъ всѣ необходимыя для текущей работы въ банкѣ свѣдѣнія, которыя я впослѣдствіи использовалъ, между прочимъ, для созданія цѣлой школы банковскихъ бухгалтеровъ въ Россіи.

Изъ Парижа, весною 1858 года, я совершилъ путешествіе въ Лондонъ, гдѣ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ Петербургскаго банкирскаго дома Штиглица, познакомился съ извѣстнымъ банкиромъ — Берингомъ, состоявшимъ тогда членомъ Парламента, и подробно осмотрѣлъ Англійскій банкъ, управленіе коего открыло мнѣ всѣ книги, за исключеніемъ неподлежащихъ оглашенію личныхъ счетовъ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, я имѣлъ неосторожность посѣтить вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими знакомыми Герцена. Это обстоятельство стало извѣстно нашей полиціи, окончательно причислившей меня къ числу красныхъ и неблагонадежныхъ личностей. Укрѣпленію такого обо мнѣ мнѣнія не мало способствовали и тѣ либеральные взгляды, которые нерѣдко излагались мною въ письмахъ къ отцу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Недаромъ, когда я представлялся находившемуся въ то время въ Лондонѣ Великому Князю Константину Николаевичу, онъ мнѣ сказалъ: „не пишите вы ничего о Россіи и о нашихъ внутреннихъ непорядкахъ“.

Какъ бы то ни было, создавшаяся за мною репутація надѣлала мнѣ не мало вреда.

V.

Возвращеніе въ Россію.—Интриги Брока.—Разговоръ съ Княжевичемъ.—Поступленіе на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ.—М. Н. Муравьевъ и его отношенія ко мнѣ.

Къ осени 1858 года, послѣ кратковременнаго лѣченія въ Соденѣ, я возвратился въ Петербургъ.

Въ это время мои финансовыя знанія и труды уже обра-

щали на себя вниманіе; сочиненія мои сдѣлались извѣстны не только въ Россіи, но и за границею. Общественное мнѣніе и нѣкоторыя вліятельныя лица указывали на меня, какъ на будущаго финансоваго дѣятеля, и одно время держался слухъ, что я намѣченъ къ замѣщенію одного изъ видныхъ постовъ въ Министерствѣ Финансовъ, въ которомъ произошли большія измѣненія. Въ мартѣ 1858 года Брокъ былъ уволенъ отъ должности Министра Финансовъ, и его мѣсто занялъ А. М. Княжевичъ. Меня уже называли будущимъ Товарищемъ Министра Финансовъ. Тѣмъ временемъ, Брокъ и его сподвижники, ничтожество которыхъ я выставлялъ въ разныхъ статьяхъ того времени, печатавшихся въ „Экономистѣ“ (какъ напримѣръ въ статьяхъ: „Китайскія ассигнаціи“, „Австрійскій министръ финансовъ Брукъ“, котораго я просилъ не смѣшивать съ Брокомъ), воспользовались моимъ посѣщеніемъ Герцена, доложили объ этомъ Государю и напомнили ему кромѣ того, что я былъ когда-то замѣшанъ въ исторію Петрашевскаго. Инсинуація подобнаго рода не могла, конечно, не повліять на мнѣніе обо мнѣ Государя, и всѣ ожиданія о моемъ назначеніи рушились сами собою. Княжевичъ, увидѣвъ меня по возвращеніи изъ-за границы, прямо сказалъ мнѣ, что онъ былъ бы очень радъ видѣть меня на службѣ возлѣ себя, но что онъ не смѣетъ замолвить объ этомъ Государю. „Его Величество имѣетъ о васъ весьма невыгодное понятіе“,—прибавилъ онъ.

При такихъ условіяхъ я вновь принялся за свои ученыя занятія, возвратился къ исполненію обязанностей секретаря Географическаго Общества и писалъ статьи о банкахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Между тѣмъ, бывшій Вице-Предсѣдатель Географическаго Общества М. Н. Муравьевъ, который всегда относился ко мнѣ съ самымъ горячимъ расположеніемъ, упрекалъ меня въ недостаткѣ дѣятельности, собственно по административной части, и говорилъ, что я долженъ не только заниматься наукою, но и служить практически. По этому случаю я передалъ ему разговоръ, который имѣлъ съ Княжевичемъ, но онъ мнѣ тотчасъ же возразилъ:

— Теперь я управляю Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, у меня есть очень большіе, разнородные вопросы по финансамъ, и потому я желалъ бы васъ имѣть въ моемъ вѣдомствѣ.

На замѣчаніе мое, что Княжевичъ находилъ невозможнымъ продолженіе моей служебной дѣятельности, онъ приказалъ мнѣ прямо подать ему просьбу объ опредѣленіи меня на службу въ

Министерство Государственныхъ Имуществъ. Дѣйствительно, послѣ ближайшаго же доклада Государю, Муравьевъ предложилъ мнѣ вступить чиновникомъ особыхъ порученій въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и при этомъ объяснилъ, что имѣлъ съ Государемъ слѣдующій разговоръ обо мнѣ.

Государь спросилъ его:

— А ты знаешь Ламанскаго? онъ, кажется, очень неблагонадеженъ.

Муравьевъ отвѣчалъ:

— Ваше Величество, я его отлично знаю и желалъ бы, чтобъ побольше было такихъ людей, какъ Ламанскій.

На это Государь замѣтилъ:

— Ну, если ты его знаешь, то я довѣряю тебѣ.

Не болѣе какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я вновь получаю записку отъ Княжевича, въ которой онъ проситъ меня пріѣхать къ себѣ.

Когда я прибылъ, старикъ Княжевичъ сказалъ мнѣ:

— Ну, такъ какъ Муравьевъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе опредѣлить васъ на службу, то поступайте не къ нему, а въ Министерство Финансовъ. Что вы будете дѣлать въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ? Муравьевъ всегда много обѣщаетъ и ничего не дѣлаетъ.

На это я, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Вы находили невозможнымъ опредѣлить меня въ Министерство Финансовъ, сказали, что не можете замолвить обо мнѣ слова Государю, а Михаилъ Николаевичъ устроилъ меня къ себѣ на службу и потому оставлять его я не считаю себя въ правѣ.

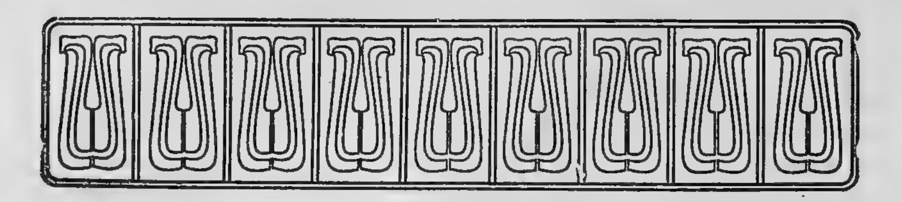
Такимъ образомъ, я остался при особѣ Муравьева для исполненія тѣхъ порученій, которыя онъ считалъ необходимымъ лично возлагать на меня.

Съ Муравьевымъ я сохранялъ самыя дружескія отношенія, начавшіяся еще съ тѣхъ поръ, когда я былъ секретаремъ Географическаго Общества, а онъ—его Вице-Предсѣдателемъ. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, Муравьевъ интересовался самыми разнообразными вопросами, въ томъ числѣ и финансовыми, по которымъ, путемъ чтенія, онъ пріобрѣлъ основательныя знанія. Во время управленія Межевымъ Корпусомъ, онъ сдѣлалъ много полезнаго по межевой части. Ему не были также чужды и интересы науки; всѣ ученые труды Географическаго Общества, въ періодъ вице-предсѣдательства Муравье-

ва, велись подъ его непосредственнымъ руководствомъ. По возвращеніи моемъ изъ-за границы, Муравьевъ уже былъ Управляющимъ Кабинетомъ Государя Императора и Министромъ Государственныхъ Имуществъ. Несмотря на перемѣну его положенія, на огромный штатъ служащихъ и подчиненныхъ, на постоянныя посѣщенія министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, я всегда, когда мнѣ случалось приходить къ Муравьеву, былъ принимаемъ по-прежнему прежде всѣхъ и приглашаемъ посидѣть и покурить папиросочку. Онъ всегда смѣялся надъ моей страстью курить „бумагу"; самъ онъ постоянно курилъ, по старому обычаю, турецкій табакъ въ трубкѣ съ длиннымъ чубукомъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго. **А. фонъ-Таль.**

Продолженіе слѣдуетъ).



За рѣшеткой.

(Изъ тюремныхъ воспоминаній конца прошлаго вѣка).

V [1]).

Прогулки арестантовъ подслѣдственнаго отдѣленія происходили на тюремномъ дворѣ, подъ самыми окнами этого отдѣленія. Тюремный дворъ былъ вымощенъ крупнымъ булыжникомъ, а потому прогулки представляли арестантамъ мало удовольствія, въ особенности въ жару, когда приходилось ходить взадъ и впередъ подъ палящими лучами солнца. Подслѣдственные арестанты гуляли въ одиночку или покамерно (въ томъ случаѣ, если, напр., въ одной камерѣ сидѣло двое—трое лицъ), что, однако, не препятствовало гуляющимъ перекидываться словами съ остальными своими товарищами—подслѣдственниками, всегда торчавшими въ окнахъ во время прогулокъ. Надзиратель, наблюдающій за гуляющими, замѣчая переговоры, обыкновенно, строгимъ голосомъ кричитъ: „не переговариваться, а то на прогулку не буду пускать! Но арестанты мало обращаютъ вниманія на такія угрозы, ибо и приведеніе ихъ въ исполненіе не особенно пугаетъ заключенныхъ, такъ какъ такими прогулками они мало дорожатъ. Вообще переговоры между гуляющими и сидящими въ камерахъ постоянно велись, но при мнѣ за это не было ни одного случая лишенія прогулки или примѣненія какого-либо другого наказанія.

Первую недѣлю меня не выпускали на прогулку: смотритель сомнѣвался въ своемъ правѣ самолично разрѣшить мнѣ ее, но потомъ, по сношеніи съ „полковникомъ“, мнѣ были

---

[1]) См. „Русская Старина“, январь 1915 г.

разрѣшены прогулки наравнѣ съ уголовными арестантами: разумѣется, я, какъ сидѣвшій въ одиночной камерѣ, и гулялъ одинъ.

Непомнящему тоже долгое время не разрѣшали пользоваться прогулками, вѣроятно, все въ наказаніе за то, что онъ сопротивлялся снятію съ него фотографической карточки; но впослѣдствіи по отношенію къ нему гнѣвъ былъ переложенъ на милость: его тоже стали выпускать на прогулку.

— Преображенскій! пойдешь сегодня на прогулку? раздается въ корридорѣ строгій голосъ надзирателя Фролова, человѣка съ сердитымъ и раздражительнымъ характеромъ, относившагося начальнически къ арестантамъ.

— Пойду! Но только зачѣмъ ты меня называешь Преображенскимъ, когда меня зовутъ Антоніемъ Непомнящимъ?

— Ну, не разговаривай много, выходи на прогулку!

Слышится звукъ отпираемаго дверного засова, и Непомнящій выходитъ на дворъ и мелкою воробьиною походкою начинаетъ ходить отъ одного угла зданія до другого, громко лязгая своими двѣнадцати-фунтовыми „петровскими" кандалами.

— А, пожалуй, далеко бы ты сегодня ушелъ, Преображенскій, ежели бы тебя выпустить на волю? съ усмѣшкой произнесь надзиратель, наблюдавшій за гуляющими арестантами.

— Въ этихъ браслетахъ, братъ, далеко не уйдешь! отвѣчалъ Непомнящій, бросая взоръ на свои „петровскіе" кандалы.

— Ты, старикъ, не умѣешь носить кандаловъ? тебѣ нужно хорошенько подтянуть ихъ бечевкой, тогда они не будутъ такъ лязгать, да и ходить тебѣ куда легче будетъ! дѣловито замѣтилъ другой надзиратель, стоявшій на часахъ снаружи слѣдственнаго отдѣленія.

— Первый разъ въ жизни ношу эту музыку! Спасибо вотъ вашему смотрителю! по его приказанію надѣли ее мнѣ! раздражительно заговорилъ Непомнящій. Худого я, кажется, ничего не сдѣлалъ? зачѣмъ же мучить человѣка? Мужика я, дѣйствительно, убилъ—отъ этого не отпираюсь; но убилъ я его, обороняясь отъ смерти. Ежели бы я его не ударилъ ножикомъ, все равно мнѣ не бывать бы живому: онъ задушилъ бы меня!

— Кандалы надѣли на тебя зато, пояснилъ надзиратель, что ты не далъ снять съ себя карточки и еще за то, что ты скрываешь свое настоящее имя: называешься „Непомнящимъ". Напоминаніе о карточкѣ опять сильно взволновало Непомнящаго, и онъ съ гнѣвомъ произнесъ: „Карточки я не далъ съ себя снять и не дамъ ни за что! пусть хоть убьютъ меня за

это! съ мертваго развѣ только снимутъ, а съ живого не удастся имъ снять!

— Преображенскій, пора „домой!“ произнесъ надзиратель.

— Повремени немножко, дай еще маленько походить; видишь, какъ я зачерствѣлъ, сидѣвши у васъ?

— Пора, пора „домой!“ торопилъ надзиратель. Другихъ нужно выпускать на прогулку.

Непомнящій, тяжело вздыхая, направляется въ свою камеру.

VI.

Въ нашемъ отдѣленіи въ званіи „арестанскаго старосты“ состоитъ старикъ-эстонецъ, о которомъ я уже упоминалъ выше.

Старикъ этотъ имѣлъ такой добродушный видъ, что, глядя на него, невольно возникалъ вопросъ: „За что же онъ попалъ въ тюрьму? какое такое преступленіе совершилъ этотъ человѣкъ, который, казалось, и мухи обидѣть не въ состояніи?

Всѣ арестанты, надзиратели, а также и самъ смотритель звали старика „дѣдомъ“. По-русски „дѣдъ“ говорилъ крайне плохо, ужасно коверкая слова и пропуская въ нихъ цѣлые слоги, особенно такіе, въ которыхъ встрѣчались три согласныхъ буквы кряду. Лишь нѣсколько привыкнувъ къ его разговору, можно было съ грѣхомъ пополамъ понимать его рѣчь. Напримѣръ вмѣсто „кипятокъ“, онъ говорилъ „пятокъ“, вмѣсто „скрипки“—„рипка“ („у тарика рипка кароша есть!“ говорилъ онъ про скрипку „Антонія Непомнящаго“).

Помимо раздачи арестантамъ кипятка и пищи, на обязанности „дѣда“ лежитъ содержаніе въ чистотѣ помѣщенія, занимаемаго подслѣдственнымъ отдѣленіемъ. „Дѣдъ“ почти цѣлый день занятъ дѣломъ: мететъ, скребетъ, моетъ, чиститъ. Свободное отъ работы время онъ проводитъ въ отхожемъ мѣстѣ, которое такимъ образомъ служитъ ему какъ бы кабинетомъ. Въ нужникѣ онъ, по обыкновенію, сидя на чурбанѣ, замѣняющемъ ему кресло, читаетъ по складамъ на распѣвъ свой истрепанный лютеранскій молитвенникъ, или же полеживаетъ тамъ на полу на грудѣ арестантскихъ постелей, которыя на день убираются въ отхожее мѣсто, если камеры подслѣдственнаго отдѣленія не всѣ заняты, то постели складываются на день въ одну изъ свободныхъ камеръ.

— За что тебя, „дѣдъ“, посадили въ тюрьму? какъ-то спросилъ я своего старосту послѣ того, какъ познакомился съ нимъ поближе, а познакомиться съ нимъ я могъ хорошо, такъ какъ

онъ, по приказанію смотрителя, съ перваго же дня моего поступленія въ тюрьму, сталъ оказывать мнѣ нѣкоторыя услуги (напр. приносить и выносить парашу, мыть посуду и прочіе); за что я, разумѣется, расплачивался съ нимъ продуктами, чаемъ, сахаромъ, остатками обѣда и проч.

— Земска шальника садила меня на цѣли шести мѣсяци! грустно, съ тяжкимъ вздохомъ, отвѣчалъ „дѣдъ". Парина просила садить...

— За что же баринъ просилъ посадить тебя?

— Яплоня у нево крала Лешка и Васька.

— Какже такъ вышло, что Лешка и Васька украли у барина яблоки, а тебя въ тюрьму посадили?

— На меня паринъ казалъ. Русска каварить не мѣю, потому и садила земска шальника...

Только путемъ долгаго и утомительнаго разспроса удалось установить, что какіе-то парни Лешка и Васька украли, вырыли изъ помѣщичьяго сада молоденькія яблони, а баринъ въ совершеніи этой кражи почему-то заподозрилъ „дѣда", но такъ какъ послѣдній на судѣ, вслѣдствіе плохого знанія русскаго языка, ничего толкомъ не могъ сказать въ свое оправданіе, словомъ, не въ состояніи былъ выяснить свою невиновность, то земскій начальникъ, въ угоду помѣщику, и приговорилъ „дѣда" къ заключенію въ тюрьмѣ на полгода.

— Не крала, а вотъ сиди тутъ! печально заключилъ „дѣдъ". Равды нѣту...

VIII.

Въ концѣ іюня вечеромъ въ наше отдѣленіе привели пять новыхъ арестантовъ, закованныхъ въ кандалы.

„Ротныхъ привели! ротныхъ привели!" послышалось въ корридорѣ. „Ротными", для краткости, называютъ арестантовъ, отбывающихъ наказанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, называемыхъ по-просту „арестантскими ротами". Вновь прибывшіе къ намъ квартиранты были молодые парни—латыши, самому старшему изъ нихъ было не болѣе 30 лѣтъ. Обвинялись они, какъ я тотчасъ же узналъ отъ надзирателей, въ побѣгѣ и въ покушеніи на убійство тюремнаго надзирателя. По разсказамъ, дѣло произошло такъ. Шестеро „ротныхъ", подъ конвоемъ одного надзирателя, были отправлены изъ тюрьмы за городъ для доставленія пищи своимъ товарищамъ, работавшимъ на сѣнокосѣ. Изъ шести арестантовъ пятеро было латышей и одинъ русскій. Вотъ эти-то пятеро латышей, пользуясь

тѣмъ, что сопровождавшій ихъ надзиратель не зналъ латышскаго языка, дорогой, сговорились бѣжать; а чтобы привести свое намѣреніе въ исполненіе, имъ нужно было отдѣлаться отъ конвоира-надзирателя. Старшій лѣтами арестантъ незамѣтно подхватилъ съ земли увѣсистый камень, которымъ, улучивъ удобную минуту, оглушилъ надзирателя, ударивъ его два раза по головѣ. Надзиратель замертво упалъ на землю. Арестанты-латыши взяли отъ него револьверъ, часы и побѣжали; шестой же арестантъ, русскій, въ сговорѣ не участвовавшій, побѣжалъ въ ближайшую желѣзнодорожную будку (дѣло это происходило не вдалекѣ отъ линіи желѣзной дороги), чтобы заявить о случившемся, но, не найдя никого въ будкѣ, вернулся на то мѣсто, гдѣ лежалъ на землѣ оглушенный надзиратель; послѣдній, когда къ нему подошелъ возвратившійся арестантъ, уже пришелъ въ себя, хотя продолжалъ еще лежать на землѣ.

— Что со мной случилось? спросилъ надзиратель арестанта.

Послѣдній все разсказалъ.

Въ головѣ у надзирателя шумѣло и чувствовалась въ ней сильная боль, такъ что пускаться въ погоню за убѣжавшими арентантами онъ былъ не въ силахъ. Съ трудомъ дотащился онъ до тюрьмы, гдѣ и заявилъ своему начальству о происшедшемъ.

Бѣглецамъ, впрочемъ, не долго пришлось погулять на волѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда ночей почти нѣтъ, кучкѣ бѣглыхъ арестантовъ, одѣтыхъ въ казенное платье, очень трудно было скрываться долгое время, не будучи замѣченной; а потому не прошло и двухъ недѣль, какъ всѣ бѣглецы были пойманы полиціей. Они успѣли отойти только 80 верстъ отъ мѣста происшествія. Днемъ имъ приходилось скрываться въ лѣсу, въ кустахъ, а въ коротенькую ночь они успѣвали пройти верстъ десять, не больше. Будь дѣло подъ осень, бѣглецы въ 3—4 ночи могли бы пройти сто и болѣе верстъ и, несомнѣнно, тогда ихъ не такъ скоро удалось бы изловить.

„Вотъ этотъ былъ за атамана!“ съ ироническою улыбкою произнесъ дежурный надзиратель Никитинъ, обращаясь ко мнѣ и указывая рукою на одного изъ „ротныхъ“, которому „дѣдъ“ наливалъ изъ ушата варку.

„Атаманъ“ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 28—30, съ красивымъ, умнымъ, можно сказать, интеллигентнымъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою окладистою свѣтло-русою бородкою; голубые глаза его смотрѣли такъ открыто, пріятно и довѣрчиво, что какъ-то не вѣрилось, что этотъ красавецъ, обладавшій та-

кими чудными, невинными глазами,—рецидивистъ-конокрадъ, приговоренный къ 4 годамъ арестантскихъ ротъ и, въ добавокъ, совершившій еще новое серьезное преступленіе — покушеніе на убійство конвоира.

— А здорово достанется вамъ, ребята? добавилъ надзиратель, обращаясь къ „атаману".

— Сошлютъ въ Сибирь на поселеніе, а больше что же могутъ сдѣлать намъ,—спокойно отвѣчалъ „атаманъ". Если бы надзирателя мы убили, ну тогда, разумѣется, бывать бы намъ на каторгѣ, а то вѣдь онъ живъ остался, да, мы совсѣмъ и не думали его убивать, а хотѣли только оглушить его!

„Атаманъ" говорилъ замѣчательно чистымъ русскимъ языкомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ акцента, что меня не мало удивило.

— Вы грамотный? спросилъ я „атамана".

— Грамотный! По-латышски и по-русски знаю читать и писать. Вотъ нѣтъ ли у васъ чего-нибудь почитать? Такъ безъ всякаго занятія скучно сидѣть здѣсь...

Я пообѣщалъ „атаману" дать ему книжекъ, какія у меня найдутся.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ корридорѣ нашего отдѣленія во время раздачи пищи, когда всѣ камеры были отперты и заключенные по очереди подходили къ „дѣду", который наливалъ имъ изъ ушата въ подставляемые жбаны арестантскую варку.

„Атаманъ"-красавецъ, съ которымъ я только-что завелъ знакомство, сидѣлъ по сосѣдству со мной—въ десятой камерѣ, самой послѣдней отъ входа, находившейся рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, отъ котораго въ жаркое лѣтнее время исходило сильное зловоніе. Помню хорошо, какъ въ одну душную іюльскую ночь производили у насъ очистку нужника и у меня буквально запирало дыханіе отъ ужаснѣйшаго зловонія и моментами мутило, дѣлались спазмы въ горлѣ... Это была своего рода пытка даже для меня, не обладавшаго тонкимъ обоняніемъ.

Познакомившись поближе съ „атаманомъ", я сталъ снабжать его имѣвшимися у меня брошюрками, просовывая ихъ въ „глазокъ" въ то время, когда меня выпускали за чѣмълибо въ корридоръ. Дежурные надзиратели хотя и замѣчали иногда, какъ я передавалъ „атаману" книжонки, но смотрѣли на это сквозь пальцы и никакихъ замѣчаній мнѣ не дѣлали, только мой пріятель Петровъ однажды предупредилъ меня: „книжки-то ротному" вы давайте, это ничего, но

только скажите ему, чтобы онъ хорошенько пряталъ ихъ въ камерѣ, а то при обходѣ онѣ какъ разъ могутъ попасться на глаза старшему, либо самому смотрителю, тогда намъ выговоръ сдѣлаютъ, да и вамъ непріятность будетъ!"

Скоро вся тюрьма узнала, что у меня есть книжки, и чрезъ „дѣда" даже срочные арестанты, сидѣвшіе въ отдѣльномъ корпусѣ, стали обращаться ко мнѣ съ просьбами „дать имъ что-нибудь почитать".

По возможности, я старался удовлетворять такія просьбы. Прочитанныя книжки хотя и возвращались мнѣ, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я не досчитывалъ листовъ. Несомнѣнно, эти исчезнувшіе листы были употреблены на цыгарки. Вообще въ тюрьмѣ, какъ я замѣтилъ, арестанты крайне нуждались въ бумагѣ для „самокрутокъ", „козлиныхъ ножекъ", и потому не удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ не могли устоять передъ соблазномъ вынуть изъ прочитанной брошюрки нѣсколько листковъ „на курево".

Затѣмъ, отъ одного подслѣдственнаго арестанта, носившаго фамилію Срѣтенскаго и происходившаго изъ духовнаго званія, я сталъ получать записки, заключавшія въ себѣ просьбу объ удѣленіи ему чаю, сахару, булокъ. По мѣрѣ силъ, я удовлетворялъ его просьбы, за что получалъ отъ него письменныя благодарности, которыя онъ, какъ и просительныя записки, просовывалъ въ дверной глазокъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ надзирателя Петрова, что Срѣтенскій раньше служилъ въ этой же тюрьмѣ писаремъ, а теперь вотъ сидитъ въ ней въ качествѣ арестанта.

— За что же Срѣтенскій посаженъ? спросилъ я у Петрова.

— А лѣшій его знаетъ, за что онъ попалъ сюда? Самъ-то онъ скрываетъ, отмалчивается, совѣстно, вѣрно, признаться, а люди говорятъ, будто онъ церковную кружку разломалъ „съ пьяныхъ глазъ", а въ кружкѣ-то оказалось только нѣсколько копеекъ, такъ что и на похмелье ему мало было.

VIII.

Произошелъ большой переполохъ.

Двое „ротныхъ", сидѣвшіе въ одиночкахъ по сосѣдству другъ съ другомъ, продолбили въ стѣнѣ около печки дыру, чтобы имѣть возможность сообщаться между собою и вести постоянныя бесѣды. Эту работу они производили ножами съ двухъ сторонъ, т. е. вели ее такъ, какъ проводятъ тоннели въ горахъ.

Дежурный надзиратель, замѣтившій работу „ротныхъ", доложилъ, разумѣется, о сдѣланномъ открытіи смотрителю, и тотъ явился на мѣсто происшествія въ разсвирипѣвшемъ, гнѣвномъ видѣ.

— Ахъ вы, мерзавцы! прохвосты! сукины дѣти! набросился смотритель на ротныхъ. Говорите, гдѣ ножи достали?

„Ротные" начали-было объясняться на скверномъ русскомъ языкѣ, но это только усилило гнѣвъ смотрителя. „Заморю въ карцерѣ, негодяевъ"! съ бѣшенствомъ кричалъ онъ, стуча немилосердно своею камышевою тростью по нарѣ.

„Ротныхъ" двое сутокъ продержали въ карцерѣ.

— А что хорошо въ карцерѣ? шутливо спросилъ ротныхъ надзиратель Фроловъ, когда тѣхъ привели обратно въ камеры.

— Шиста бѣда! грустнымъ тономъ отвѣчали они въ одинъ голосъ. Темно, спать на голи камени полъ, нара нѣтъ, коротка, нога витянуть нельзя, кушать даютъ одинъ хлѣбъ и вода, помирать можно, ешели долга сидѣть! Охъ, какъ плохо въ карцерѣ! со вздохомъ заключили „ротные".

— Лѣтомъ еще сполагоря въ карцерѣ сидѣть! проговорилъ надзиратель. Вотъзимой бы васъ посадили туда, такъ узнали бы кузькину мать! Прямо изъ карцера въ больницу пришлось бы васъ отводить. Прошлой зимой одного арестанта продержали въ карцерѣ цѣлую недѣлю, такъ оттуда его на рукахъ перенесли въ больницу.

IX.

— Преображенскій! собирайся въ отправку! раздался въ нашемъ корридорѣ зычный голосъ „старшаго".

„Непомнящій" извѣстіе это встрѣтилъ съ чисто дѣтскою радостью.

— Слава Богу, мученія мои тутъ кончились! радостно воскликнулъ онъ.

Арестанты вообще склонны радоваться всякой перемѣнѣ, не ухудшающей ихъ положенія; они радуются не только освобожденію изъ тюрьмы, что, разумѣется, понятно, но даже простому передвиженію изъ одного мѣста заключенія въ другое. Продолжительная тюремная жизнь наскучиваетъ своимъ однообразіемъ даже „шпанѣ", проводящей большую часть своей жизни въ стѣнахъ тюрьмы, и потому не мудрено, что арестантъ радуется всякому даже маленькому событію, приносящему но-

выя впечатлѣнія, какъ-бы они ничтожны и незначительны не были.

Гакъ радовался наступившей перемѣнѣ въ его тюремной жизни и „Антоній Непомнящій".

— Теперь, значитъ, меня поведутъ въ Казань „на улику"! ликовалъ онъ. Слава Богу, опять тамъ буду жить, а то здѣсь меня совсѣмъ замучили... Съ живого человѣка карточку хотѣли снять—думать нужно!..

— Ну, старикъ, оставь болтать! строго замѣтилъ старшій, перебивая радостную рѣчь Непомнящаго.

— Я, Павелъ Павлычъ, истинную правду говорю! убѣжденно произнесъ Непомнящій. Понапрасну меня здѣсь тиранили, кандалы надѣли, да еще замагнитизировать хотѣли!

— Что ты, дуракъ, ерунду плетешь? съ сердцемъ проговорилъ старшій. Никакъ ты и впрямь сумасшедшій?

— Прикидывается, скотина, полоумнымъ! произнесъ про себя старшій, отходя отъ камеры Непомнящаго. Я бы тебя „намагнитилъ" „березовой кашей", такъ ты у меня развязалъ бы языкъ, сказалъ бы, небось, кто ты такой, а не назывался бы Непомнящимъ!

X.

Опять у насъ произошло „событіе", надѣлавшее шуму. „Дѣдъ", стирая пыль съ абажура висячей корридорной лампы, по неосторожности, разбилъ ламповое стекло, стоющее не больше гривенника. Однако, объ этомъ чрезвычайномъ происшествіи доложили смотрителю, немедленно прибывшему на мѣсто преступленія и накинувшемуся на „дѣда", дрожавшаго, какъ осиновый листъ.

— Ахъ, ты старая скотина! гнѣвно кричалъ смотритель. Я тебя научу, мерзавца, какъ обращаться съ казенными вещами! Отправьте его, прохвоста, въ карцеръ на трое сутокъ! заключилъ смотритель, обращаясь къ старшему.

„Дѣдъ", немилосердно коверкая русскія слова, со слезами на глазахъ, жалобнымъ голосомъ умолялъ: „Ваше бляроди! пишалуста сапайте миня карцеръ!

Смотритель улыбнулся и шутливо произнесъ: „Вотъ дуралей, самъ просится въ карцеръ! На этотъ разъ плохое знаніе русскаго языка спасло „дѣда" отъ карцера: гнѣвъ былъ переложенъ на милость!

XI.

Къ намъ прибылъ еще новый постоялецъ, корявый, лѣтъ 30 парень, со смѣшнымъ короткимъ, вздернутымъ носомъ и добродушнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

— Гришка корявый, ты опять къ намъ явился? такими словами встрѣтилъ прибытіе этого арестанта надзиратель Фроловъ. Не долго же ты погулялъ на волѣ! продолжалъ Фроловъ. Небось, и двухъ недѣль не прошло, какъ ты вышелъ отсюда въ послѣдней разъ?

— Ничего не подѣлаешь, Иванъ Фроловичъ, со вздохомъ произнесъ арестантъ, люди подвели, оговорили...

— Тебя, братъ, все люди подводятъ! насмѣшливо сказалъ надзиратель. Бить тебя надо—вотъ что! Постоянно ты попадаешься въ пустякахъ: украдешь на какой-нибудь полтинникъ, цѣлковый и то концовъ не съумѣешь спрятать! Горевый ты воръ! По моему разсужденію укралъ ты двѣ-три сотни, такъ, по крайней мѣрѣ, погулять есть на что! Ежели и попадешься, такъ знаешь хоть за что сидѣть будешь! Да и изъ тюрьмы выйдешь, можетъ, не съ пустыми руками: все что-нибудь останется отъ прежняго заработка! Небось, и теперь посадили тебя за какую-нибудь пустую, глупую, кражу?

— Говорятъ, будто я самоваръ укралъ на пожарѣ, когда горѣлъ домъ Калашникова.

— Ну я и угадалъ, что опять ты въ пустякахъ попался! Дѣло-то оно пустое, грошовое, а сидѣть-то тебѣ придется, надо полагать, долго, потому что за кражу на пожарѣ судятъ вдвое строже! Еще какъ разъ въ роты угодишь? Эхъ, ты глупая голова, когда-то ты наберешься ума! наставительно закончилъ Фроловъ.

„Глупая голова", тяжко вздохнувъ, молчала, какъ-бы вполнѣ соглашаясь съ разсужденіями надзирателя.

XII.

Однажды въ сумерки, уже послѣ повѣрки, когда я прохаживался по своей камерѣ, погруженный въ думы, въ волчій „глазокъ" чья-то невидимая рука просунула свернутую бумажку, упавшую на полъ. Я поднялъ ее, развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

Многоуважаемый N. N.

Съ первыхъ же дней вашего поступленія въ тюрьму, вы понравились мнѣ за ваши рѣчи, за ваше обхожденіе. Вы открыли мнѣ много новаго, чего я, можетъ быть, не узналъ бы

во всю свою жизнь. Тюремная служба мнѣ опротивѣла, и я сильно желаю уйти отсюда. Не поможете ли вы мнѣ въ этомъ? У васъ, вѣроятно, есть на волѣ хорошіе знакомые, у которыхъ, можетъ, найдется для меня какое-нибудь мѣсто, хотя бы съ маленькимъ жалованьемъ. Я хотѣлъ бы уѣхать совсѣмъ изъ этого города: тутъ мнѣ все надоѣло. Какая-то сила тянетъ меня въ чужіе края. Были бы деньги, я, кажется, уѣхалъ бы на край свѣта, только бы не болтаться здѣсь. Самъ не знаю, что со мной творится. Пожалуйста, напишите мнѣ отвѣтъ на этомъ же письмѣ. Посылаю вамъ карандашъ, который можете оставить у себя.

Уважающій васъ надзиратель Иванъ Соловьевъ.

Авторъ этого письма уже раньше обращалъ на себя мое вниманіе. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26—27, сосредоточенный, задумчивый. Со всѣми арестантами онъ обращался мягко, спокойно, никогда не кричалъ на нихъ, не ругался, какъ это нерѣдко дѣлали другіе надзиратели.

На полученное письмо я, разумѣется, отвѣтилъ и, кромѣ того, написалъ письмо къ одному близкому знакомому съ просьбою пристроить, если представится возможность, просителя къ подходящему мѣсту и передалъ это письмо ему.

XIII.

Тюремные надзиратели въ сильномъ возбужденіи: смотритель получилъ отъ высшаго тюремнаго начальства циркуляръ о томъ, чтобы должности надзирателей предпочтительно замѣщать нижними чинами, уже вышедшими изъ запаса, т. е. получившими отставку.

Возбужденіе противъ этого циркуляра усиливалось еще тѣмъ, что неизвѣстно было, оставятъ ли на службѣ теперешнихъ надзирателей, поголовно состоявшихъ изъ запасныхъ солдатъ, или же постепенно всѣхъ ихъ замѣнятъ отставными солдатами.

— Что же это такое съ нашимъ братомъ хотятъ дѣлать? горячились даже самые спокойные изъ надзирателей. Значитъ, намъ теперь остается одно—взять дубину въ руки и идти подъ мостъ!.. Ежели бы я былъ грамотный, одного дня не сталъ бы здѣсь служить,—со вздохомъ сказалъ надзиратель Никитинъ. Я скоро нашелъ бы себѣ мѣсто, а безъ грамоты, поневолѣ, приходится держаться и теперешняго мѣста.

XIV.

Наконецъ и мнѣ объявили, что сегодня съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12 час. ночи, меня отправятъ въ Петербургъ. Я не зналъ, что меня ожидаетъ впереди, но я, подобно „Антонію Непомнящему“, радовался предстоящей перемѣнѣ мѣста.

Въ ожиданіи отправки я испытывалъ сильное душевное волненіе и находился въ проподнятомъ, первномъ состояніи.

Остатки своихъ продуктовъ (чай, сахаръ, булки, колбасу) я роздалъ арестантамъ, „дѣду“ же подарилъ на память чайный приборъ, чѣмъ онъ былъ очень тронутъ и со слезами на глазахъ выражалъ мнѣ свои пожеланія всего лучшаго. „Шелаю вамъ сево корошава, ви за равду терпите“! душевно говорилъ онъ мнѣ, крѣпко пожимая мою руку.

Въ 11 час. ночи за мной явилось двое простыхъ жандармовъ, тѣхъ самыхъ, которые находились при моемъ обыскѣ, арестѣ и отправкѣ въ тюрьму. Покидая камеру, въ которой я такъ много передумалъ и перечувствовалъ, мнѣ въ послѣднюю минуту какъ будто было жаль разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, съ людьми, съ которыми я успѣлъ за это время близко сойтись и къ которымъ уже успѣлъ привыкнуть... Да, сила привычки—великая сила!..

Смотритель, прощаясь со мной, крѣпко жалъ мою руку и съ замѣтнымъ волненіемъ въ голосѣ говорилъ: „желаю вамъ поскорѣе выйти на волю“!..

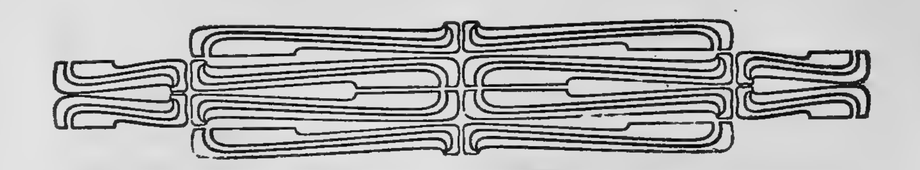
Тюремный священникъ, случайно находившійся при моей отправкѣ въ тюремной конторѣ, тоже желалъ мнѣ скораго освобожденія...

На вокзалъ меня жандармы доставили тайкомъ, точно какую краденую вещь, и до отхода поѣзда помѣстили въ жандармскую комнату.

Ровно въ полночь поѣздъ тронулся и помчалъ меня къ туманной столицѣ, на берега красавицы Невы, къ неизвѣстному будущему...

На гостепріимныхъ берегахъ Невы я долго загостился, но объ этомъ разскажу когда-нибудь потомъ, въ дни счастливые...

М. Сафоновъ.



Послѣдній штурмъ крѣпости Карса въ 1877 году и предшествовавшія взятію этой крѣпости событія въ дѣйствующей Кавказской арміи и на Кавказѣ.

Во второй половинѣ 1876 года наши войска начали сгруппировываться около города Александрополя, расположеннаго близъ крѣпости того же имени. Временно командующимъ войсками былъ назначенъ генералъ-адъютантъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ; количество войскъ было усилено прибытіемъ въ Александрополь Московской гренадерской пѣхотной дивизіи и Сороковой пѣхотной. По распоряженію начальника главнаго военно-суднаго управленія В. Д. Философова, я, будучи уже подполковникомъ и помощникомъ военнаго прокурора кавказскаго военно-окружного суда, назначенъ былъ прокуроромъ военно-полевого суда дѣйствующей кавказской арміи. Въ апрѣлѣ 1877 года наконецъ послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ объ объявленіи войны съ Турціей, что обрадовало крайне войска, и въ день объявленія Манифеста кавказская армія подъ начальствомъ генералъ-адъютанта М. Т. Лорисъ-Меликова вступила въ турецкія владѣнія. Затѣмъ послѣдовало взятіе Баязета и Ардагана, а наша кавалерія, состоящая изъ трехъ драгунскихъ, нѣсколькихъ казачьихъ и конно-мусульманскихъ полковъ и милиціи подъ начальствомъ генерала князя Чавчавадзе съ надлежащимъ количествомъ конной артиллеріи, опередивъ нашу пѣхоту, появлялась иногда даже тамъ, гдѣ были расположены отряды турецкой регулярной арміи, чѣмъ и вынуждала отряды эти къ оставленію занятыхъ ими позицій. Вообще наши боевыя дѣла шли довольно успѣшно, когда въ началѣ 1877 года намѣстникъ Кавказа Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, прибывъ въ городъ Александрополь, при-

нялъ на себя званіе главнокомандующаго дѣйствующею кавказскою арміею. Подъ личнымъ начальствомъ Его Императорскаго Высочества большее количество нашей дѣйствующей арміи подоступило къ Карсу,—крѣпости въ инженерномъ отношеніи первоклассной, превосходно вооруженной и признаваемой почти неприступной въ боевомъ смыслѣ. Неудачное однако сраженіе съ турецкою арміею подъ начальствомъ самого Мухтара-паши вынудило насъ снять осаду Карса и отступить, но послѣ знаменитой одержанной нами побѣды подъ Авліяромъ надъ турецкою арміею, наши войска снова обложили крѣпость Карсъ, такъ какъ разбитый Мухтаръ-паша вынужденъ былъ отступить съ своею арміею къ Эрзеруму.

Съ отъѣздомъ Его Императорскаго Высочества Михаила Николаевича изъ Александрополя въ дѣйствующую армію, въ городъ Александрополь пріѣхала супруга Его Императорскаго Высочества Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна, вмѣстѣ съ фрейлиною госпожею Озеровой и немедленно приняла подъ свой надзоръ попеченіе о раненыхъ, которыхъ въ городѣ Александрополѣ уже скопилось довольно много. Съ пріѣздомъ Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны сестры милосердія пріуныли, а медицина, напротивъ, какъ бы обрадовалась, вполнѣ надѣясь, что уходъ за больными улучшится. Дѣйствительно, каждый день съ шести часовъ утра приблизительно до семи часовъ вечера Великая Княгиня Ольга Ѳеодоровна неутомимо работала: обходила раненыхъ, наблюдала за ихъ содержаніемъ, аккуратностью перевязокъ, доброкачественностью пищи и вообще всего, что касалось до раненыхъ, исполняя преимущественно желаніе тяжело раненыхъ всѣмъ необходимымъ. Вѣчная память Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ за ея вполнѣ разумное и полное сердечности отношеніе къ страдальцамъ-раненымъ, и думаю, что никто изъ раненыхъ дѣйствующей арміи на Кавказѣ о заботливости Великой Княгини не забудетъ. Съ уходомъ войскъ изъ Александрополя городъ почти опустѣлъ, но вскорѣ наполнился плѣнными турками въ количествѣ болѣе двадцати двухъ тысячъ съ двумя пашами съ ихъ штабами; эти плѣнные являлись больнымъ мѣстомъ для мѣстной администраціи и въ особенности для коменданта крѣпости генерала-лейтенанта Кобіева, по отношенію къ размѣщенію и продовольствію плѣнныхъ, хотя нижніе чины турецкой арміи были размѣщены въ большомъ опустѣломъ караванъ-сараѣ, складочномъ мѣстѣ для товаровъ, а по домамъ обывателей—офицеры, коимъ и выдавались на руки порціонныя деньги.

Въ половинѣ сентября 1877 года умеръ военный прокуроръ кавказскаго военно-окружного суда дѣйствительный статскій совѣтникъ Коропчицъ, и я по распоряженію начальника главнаго военно-суднаго управленія В. Д. Философова долженъ былъ вступить къ исполненію двухъ обязанностей: военнаго прокурора кавказскаго военно-окружного суда и прокурора Высочайше учрежденнаго кассаціоннаго присутствія при кавказской арміи, а также докладчика у Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго оной арміею по дѣламъ гражданскихъ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію военно-окружного суда и полевыхъ судовъ, за цѣлый рядъ преступленій въ силу объявленія нѣкоторыхъ мѣстностей Кавказа и Закавказья на военномъ положеніи. Почему передавъ должность прокурора военно-полевого суда при дѣйствующей арміи подполковнику Брюсту, я выѣхалъ изъ Александрополя въ городъ Тифлисъ, гдѣ немедленно вступилъ въ отправленіе вышеуказанныхъ обязанностей. По прокурорскому надзору Кавказскаго военно-окружного суда запущеній никакихъ не оказалось, а потому и моя работа пошла путемъ уже намѣченнымъ. Какъ прокурору Высочайше учрежденнаго кассаціоннаго присутствія, мнѣ приходилось ничего не дѣлать, такъ какъ кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ изъ военно-полевыхъ судовъ во все время войны въ присутствіе не поступало, но за то много накопилось различныхъ донесеній съ препровожденіемъ дознаній отъ жандармеріи, мѣстной кавказской гражданской полиціи и даже губернаторовъ, ибо болѣе ста пакетовъ, заключающихъ въ себѣ оффиціальные акты, оказались даже не вскрытыми по случаю тяжкой болѣзни покойнаго Коропчица. Вслѣдствіе чего по послѣднему отдѣлу мнѣ приходилось усиленно работать при помощи только одного дѣлопроизводителя и нерѣдко выходить изъ прокурорскаго кабинета къ себѣ домой далеко за полночь; требовалась работа спѣшная, тѣмъ болѣе, что многіе изъ заподозрѣнныхъ лицъ въ совершеніи главнымъ образомъ преступленій государственныхъ по распоряженію административныхъ властей были заключены подъ стражу. Кассаціонное присутствіе составляли два военныхъ юриста, прибывшихъ изъ С.-Петербурга, и именно: обязанность предсѣдателя кассаціоннаго присутствія исполнялъ генералъ-маіоръ Зиминскій, а члена присутствія—военный судья полковникъ Берновъ.

Между тѣмъ многія мѣстности Кавказа находились въ крайне тревожномъ положеніи и въ особенности области: Дагестанская, Терская, а отчасти Абхазія и Сванетія. Въ мечетяхъ

муллами произносились проповѣди, поджигающія населеніе къ возстанію противъ русскихъ властей, какъ гяуровъ и сочувственному отношенію къ турецкому правительству, какъ правовѣрнымъ суннитамъ. Такое тревожное состояніе горцевъ не позволяло оставить Дагестанскую и Терскую области безъ войска, хотя для подавленія возстанія въ аулахъ, какъ оказалось на практикѣ, достаточно было одного или двухъ баталіоновъ съ тремя горными орудіями. Независимо отъ такого броженія появлялись лица, пропагандирующія отдѣленіе Кавказа отъ Россіи и вообще государственное переустройство въ смыслѣ переноса суверенитета государственной власти на народъ, но такихъ революціонеровъ было мало и они какъ пришлые не пользовались общественнымъ довѣріемъ. Несмотря однако на проповѣди въ мечетяхъ и Высочайшее соизволеніе, разрѣшающее горцамъ оставлять свои аулы и переселяться въ турецкія владѣнія, большинство горцевъ охотно поступало на службу въ милицію и конно-мусульманскіе полки, входящіе въ составъ нашей дѣйствующей кавалеріи. Такое стремленіе горцевъ безусловно оправдывалось отчасти хорошимъ денежнымъ жалованьемъ съ полнымъ продовольствіемъ; при чемъ, конечно, вопросъ религіозный совершенно игнорировался.

Болѣе семидесяти духовныхъ лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія муллъ и муэзиновъ были заключены подъ стражу, а потому и въ мечетяхъ по неволѣ не производилось богослуженія и обитатели ауловъ уже не слышали съ минаретовъ мечети громкихъ молитвенныхъ призывовъ муллъ и муэзиновъ каждый день передъ заходомъ солнца къ вечернему намазу и молитвѣ [1]). Такое положеніе ауловъ нельзя было признать нормальнымъ, а потому я рѣшилъ освободить муллъ и муэзиновъ изъ-подъ стражи, предоставивъ имъ полную свободу къ отправленію ими духовныхъ обязанностей, но съ строгимъ воспрещеніемъ произносить проповѣди, подстрекающія населеніе къ возстанію противъ мѣстныхъ властей и вообще враждебному отношенію къ русскимъ, какъ гяурамъ, съ предупрежденіемъ муллъ и муэзиновъ, что въ случаѣ повторенія ими законо-преступныхъ проповѣдей и реальнаго обнаруженія подстрекатель-

[1]) Каждодневный призывъ муэзиновъ и муллъ съ минаретовъ произнесеніемъ громко молитвы „алла-иль-алла“ и такъ далѣе производилъ грандіозное впечатлѣніе и все въ аулѣ стихало, какъ бы прислушиваясь къ молитвѣ, напоминающей о Всемогуществѣ Бога въ природѣ. Нечего говорить, что непровозглашеніе молитвы съ минарета производило на обывателей ауловъ тягостное впечатлѣніе, въ чемъ я лично убѣдился.

ства къ возстанію, они, то-есть муллы и муэзины, будутъ немедленно удалены въ предѣлы турецкихъ владѣній. Означенное однако распоряженіе могло послѣдовать только съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества, какъ намѣстника кавказскаго, а для этого необходимъ былъ отдѣльный докладъ Его Императорскому Высочеству. Съ моимъ докладомъ объ освобожденіи изъ-подъ стражи духовныхъ лицъ мусульманскаго вѣроисповѣданія Его Императорское Высочество изволилъ согласиться и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ мнѣ сдѣлать распоряженіе согласно моего доклада. Такимъ образомъ мулламъ и муэзинамъ была предоставлена свобода съ отдачей ихъ подъ надзоръ мѣстной администраціи, или правильнѣе сказать „наибовъ", завѣдывающихъ аулами въ административномъ и полицейскомъ отношеніяхъ; мечети были открыты и въ аулахъ потекла прежняя заурядная жизнь. „Наибы", какъ состоящіе у насъ на государственной службѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяющіе въ себѣ званіе мѣстнаго судьи, „кади", были строгими блюстителями порядка въ аулахъ. Конечно, тайная пропаганда противъ нашего правительства не прекращалась при помощи абрековъ и тѣхъ же муллъ и муэзиновъ, но въ крайне рѣдкихъ случаяхъ пропаганда эта облекалась во внѣшнюю форму и, такъ сказать, вступала на почву активнаго возстанія, но „наибы" немедленно доносили надлежащему начальству, и разгоравшійся огонекъ былъ конечно потушенъ при помощи незначительнаго количества войска.

Въ послѣднихъ числахъ сентября я получилъ сообщеніе отъ эриванскаго гражданскаго губернатора генералъ-маіора Рославлева о переполненіи арестованными мѣстнаго Эриванскаго тюремнаго замка и распространеніи вслѣдствіе этого въономъ мѣстѣ заключенія тифа и даже сыпного, угрожающаго перейти въ городъ. Почему генералъ-маіоръ Рославлевъ и просилъ разсортировки заключенныхъ и освобожденія нѣкоторыхъ на свободу, тѣмъ болѣе, что въ тюремномъ замкѣ были также заключены и восемьсотъ пятьдесятъ турецкихъ плѣнныхъ, покушавшихся на побѣгъ. Почти одновременно съ полученіемъ пакета отъ генералъ-маіора Рославлева, я получилъ и подробную телеграмму отъ начальника штаба дѣйствующей кавказской арміи генералъ-лейтенанта Павлова о томъ, что Его Императорское Высочество предлагаетъ мнѣ лично отправиться въ городъ Эривань, гдѣ при содѣйствіи генералъ-маіора Рославлева очистить тюремный замокъ отъ переполненія арестованными и вмѣстѣ съ тѣмъ находящихся въ городѣ Эривани турецкихъ плѣнныхъ

эшелонами направить въ городъ Тифлисъ. На другой день послѣ полученія телеграммы я на почтовыхъ выѣхалъ въ городъ Эривань. По прибытіи въ городъ Эривань и остановившись у военнаго слѣдователя, я, не теряя времени, отправился къ генералъ-маіору Рославлеву, отъ котораго и узналъ о причинѣ скученности арестованныхъ въ тюремномъ замкѣ. Медлить было невозможно, но необходимо было также предварительно переговорить съ прокуроромъ окружного Эриванскаго суда, а между тѣмъ всѣ присутственныя мѣста по случаю сильной жары и цвѣтенія хлопка выѣхали изъ города Эривани на высокую мѣстность, такъ называемую „Гора-Цвѣтовъ“ и превышающую Эривань на три тысячи футовъ. Получивъ отъ эриванскаго прокурора окружного суда надлежащія свѣдѣнія по отношенію къ арестованнымъ я снова отправился въ Эривань и немедленно приступилъ къ исполненію возложенныхъ на меня обязанностей. Состояніе Эриванскаго тюремнаго замка въ то время было самое плачевное отъ переполненія арестованными и отсутствія медицинской помощи, ибо два медика, состоящіе при тюрьмѣ, заразившись отъ тифа, умерли и вся медицина сосредоточилась въ рукахъ старшаго фельдшера. Плѣнные турки были сгруппированы въ трехъ большихъ камерахъ; отъ тѣсноты воздухъ въ этихъ камерахъ былъ невыносимый и когда туркамъ предложено было выйти изъ камеръ, то до ста плѣнныхъ остались въ камерахъ за неимѣніемъ силъ подняться съ наръ и начавшагося уже у нихъ тифа. За исключеніемъ турецкихъ плѣнныхъ мною освобождено еще изъ заключенія до ста пятидесяти арестованныхъ и тюрьма могла быть свободно подвергнута дезинфекціи.

Разбивъ девять тысячъ турецкихъ плѣнныхъ на шесть эшелоновъ, я предложилъ губернатору генералъ-маіору Рославлеву немедленно препроводить плѣнныхъ въ Тифлисъ, хотя и въ Тифлисѣ было много уже турецкихъ плѣнныхъ, но такое распоряженіе вызывалось необходимостью въ виду скученности населенія города Эривани и довольно сильнаго уже тамъ распространенія тифа тяжелой формы.

Городъ Тифлисъ былъ также переполненъ турецкими плѣнными, но нижніе чины разгуливали свободно по городу, сосредоточиваясь главнымъ образомъ группами на Эриванской и другихъ площадяхъ, а плѣнные офицеры приглашались обывателями на обѣды и вечера и посѣщали лѣтнее помѣщеніе единственнаго въ то время въ Тифлисѣ клуба, носящаго названіе „Художественнаго и Артистическаго кружка“.

Павильонъ клуба, гдѣ читались газеты, былъ всегда переполненъ публикою, а газеты выписывались не только русскія, но и иностранныя, даже англійскія; всѣ стремились узнать, что дѣлается у насъ на театрахъ военныхъ дѣйствій, и вообще населеніе Кавказа какъ бы было наэлектризовано войною. Либеральныя газеты, а къ числу ихъ принадлежалъ и Тифлисскій Вѣстникъ, редакторомъ коего былъ солидно-образованный князь Бебутовъ, относились къ нашимъ первоначальнымъ военнымъ успѣхамъ на Кавказѣ съ какою-то недовѣрчивостью, признавая подобно англійской прессѣ Мухтара-пашу за полководца, не лишеннаго дарованій. Пріѣзжающіе офицеры изъ дѣйствующей арміи въ Тифлисъ тоже передавали иногда неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи нашей арміи, о ея голодовкѣ, усиленной смертности отъ тифа и интригахъ генераловъ почему, когда послѣ неудачи наши войска должны были оставить осаду Карса и отступить по направленію къ Александрополю, то въ обществѣ уже появилось не только сомнѣніе въ стойкости нашихъ войскъ, но даже и боязнь за вторженіе Мухтара-паши въ предѣлы нашихъ владѣній. Пріѣздъ однако Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ дѣйствующую армію и принятіе имъ на себя званія главнокомандующаго парализировали всѣ интриги и не только упорядочили состояніе арміи, но и дали возможность послѣ знаменитой нами одержанной побѣды подъ Авліяромъ надъ Мухтаромъ-пашой снова осадить крѣпость Карсъ и вселить уже въ обществѣ надежду на успѣхъ, хотя либеральныя наши газеты, а въ томъ числѣ и Тифлисскій Вѣстникъ, опираясь опять же на англійскую прессу, продолжали сомнѣваться и главнымъ образомъ въ виду двухъ нашихъ неудачныхъ штурмовъ крѣпости Карса.

Между тѣмъ турецкій флотъ подъ начальствомъ англичанина Гобарта-паши подступилъ къ Сухумъ-Кале и подвергнулъ этотъ городъ сильной бомбардировкѣ, а находящаяся въ этомъ городѣ наша дивизія подъ начальствомъ генерала Кравченко, не выждавъ даже турецкаго десанта, удалилась изъ Сухума, оставивъ городъ на произволъ непріятеля. Свое отступленіе Кравченко оправдывалъ возстаніемъ въ Абхазіи, что подтверждалось и полученными мною сообщеніями отъ мѣстной въ Абхазіи администраціи, но Гобартъ-паша, испепеливши Сухумъ, двинулся съ флотомъ къ Константинополю, не попытавшись даже высадить около Сухума десанта. Короче говоря, общественное мнѣніе въ Тифлисѣ, Эривани и Кутаисѣ по отноше-

нію къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ мнѣ удалось прислушаться, не отличалось устойчивостью и сомнѣніе въ непобѣдимости нашей, по крайней мѣрѣ на Кавказѣ, подрывало какъ бы увѣренность въ героизмѣ русскихъ войскъ.

Къ первому октября у меня накопилось болѣе трехсотъ дѣлъ, требующихъ личнаго доклада у Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго Кавказскою арміею, а потому я и рѣшилъ телеграммою просить начальника штаба дѣйствующей арміей генералъ-лейтенанта Павлова разрѣшить мнѣ пріѣхать въ армію и того же перваго октября отъ генералъ-лейтенанта Павлова отвѣтною телеграммою получилъ на то разрѣшеніе. Рано утромъ второго октября я отправился изъ Тифлиса въ Александрополь, куда и прибылъ въ шесть часовъ вечера того же числа.

Отдохнувши и напившись чаю у подполковника Брюста, я намѣренъ былъ немедленно отправиться къ мѣсту расположенія дѣйствующей арміи, осаждавшей въ то время крѣпость Карсъ, но неожиданное обстоятельство помѣшало исполненію моего намѣренія. Въ то время, когда я и подполковникъ Брюстъ пили чай, послышался сильный грохотъ со стороны крѣпости Александрополя, какъ будто отъ залпа нѣсколькихъ орудій, что меня крайне заинтересовало, и по моему предложенію подполковникъ Брюстъ вмѣстѣ со мной отправился на мѣсто происшествія. Оказалось, что совершилось немаловажное событіе: расположенная въ люнетѣ крѣпости казарма, гдѣ происходила работа по начинкѣ и снаряженію артиллерійскихъ орудійныхъ снарядовъ, была разрушена и на мѣстѣ происшествія лежало въ безпомощномъ состояніи двадцать три обожженныхъ и изуродованныхъ нижнихъ чина, а пять нижнихъ чиновъ и въ томъ числѣ два фейерверкера были уже мертвы. Немедленно раненымъ и обожженнымъ была оказана медицинская помощь и двумя медиками при помощи нѣсколькихъ фельдшеровъ и всѣмъ пострадавшимъ были тутъ же на мѣстѣ сдѣланы перевязки, и они, въ буквальномъ смыслѣ закутанные ватой, были перенесены въ отдѣльный шатеръ лѣтняго помѣщенія госпиталя. Въ виду заявленія медиковъ, что жизнь большинства пострадавшихъ находится въ опасности и едва-ли они могутъ пережить болѣе сутокъ, я предложилъ подполковнику Брюсту потребовать на мѣсто событія военнаго слѣдователя подполковника Антушевича и приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, не ожидая дознанія и донесенія о случившемся отъ коменданта Александропольской крѣпости. Подпол-

ковникъ Брюстъ, будучи формалистомъ, не согласился однако нарушить требованіе XXIV кн. Св. Воен. Постановленій, а потому я, пользуясь властью военнаго прокурора Кавказскаго военно-окружнаго суда, рѣшился принять полную отвѣтственность за нарушеніе закона лично на себя, формально предложивъ военному слѣдователю подполковнику Антушевичу немедленно составить протоколъ осмотра мѣста происшествія и затѣмъ допросить пострадавшихъ.

По окончаніи составленія протокола осмотра мы всѣ отправились на мѣсто нахожденія обожженныхъ раненыхъ, и военный слѣдователь подполковникъ Антушевичъ приступилъ къ допросу, конечно, подъ присягою, при чемъ священникъ, приводившій къ присягѣ каждаго отдѣльно, нашелъ умѣстнымъ предложить пострадавшимъ по снятіи съ нихъ допроса исповѣдываться и причаститься Св. Тайнъ, на что всѣ и изъявили согласіе. Дѣйствительно, изъ двадцати трехъ обожженныхъ и раненыхъ рано утромъ третьяго октября девятнадцать прекратили свое земное существованіе, а между тѣмъ показанія ихъ были крайне существенны, ибо съ рельефностью обнаруживали полную неряшливость, допущенную начальствомъ при производствѣ работъ по снаряженію артиллерійскихъ снарядовъ и, какъ впослѣдствіи оказалось, въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу были привлечены не только офицеръ, назначенный наблюдать за работою нижнихъ чиновъ, но и начальникъ артиллеріи Александропольской крѣпости. Во время производства допроса въ шатеръ вошла окруженная медицинскимъ персоналомъ и сестрами милосердія Ея Императорское Высочество Великая Княгини Ольга Ѳеодоровна, которая крайне сочувственно отнеслась къ несчастнымъ и пожелала узнать, кто изъ нихъ женатъ и имѣетъ семейства, а также какой губерніи и уѣзда; всѣ эти свѣдѣнія были затѣмъ доставлены Ея Императорскому Высочеству [1]) и, какъ оказалось затѣмъ, семействамъ

[1]) 1) Убытокъ казны, причиненный взрывомъ второго октября, былъ довольно значителенъ и достигалъ во всякомъ случаѣ не менѣе пятидесяти тысячъ, при чемъ въ разрушенной казармѣ были также сложены уже приготовленные къ отправленію подъ крѣпость Карсъ четыреста артиллерійскихъ снарядовъ для орудія большого осаднаго калибра, въ чемъ наша осадная артиллерія сильно нуждалась, и пятьсотъ артиллерійскихъ снарядовъ для полевой артиллеріи, подлежащихъ передачѣ въ летучіе артиллерійскіе парки и 2) крѣпость Александрополь сооружена по системамъ Кармонтаня и Монталамбера, а потому имѣетъ форму непрерывныхъ бастіонныхъ сооруженій съ двумя отдѣльными люнетами или равелинами, расположенными противъ двухъ крѣпостныхъ воротъ и об-

лицъ, умершихъ по окончаніи войны, выданы были пособія по сто рублей на каждое семейство.

На другой день послѣ происшествія, то-есть третьяго октября, я въ десять часовъ утра отправился къ мѣсту расположенія нашей дѣйствующей арміи вмѣстѣ съ хирургомъ профессоромъ Дерптскаго тогда еще университета Беeромъ [1]).

По прибытіи подъ крѣпость Карсъ, я помѣстился у старшаго адъютанта начальника кавалеріи, поручика барона Франка, который проживалъ въ довольно обширной саклѣ мѣстнаго селенія. Въ помѣщеніи, занимаемомъ барономъ Франкомъ, находилась и его канцелярія, а также и проживалъ поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, фамилію не припомню, прибывшій въ дѣйствующую армію добровольцемъ и состоявшій въ прикомандированіи къ штабу арміи. Зайдя вмѣстѣ со мною къ ротмистру барону Франку, почтенный хирургъ—профессоръ Бееръ, несмотря на предложенія барона Франка помѣститься у него, отправился искать пріюта въ средѣ медицинскаго персонала. Существовавшія между мною и ротмистромъ Франкомъ добрыя отношенія, начавшіяся еще съ 1876 года въ городѣ Александрополѣ до открытія военныхъ дѣйствій, не позволяли мнѣ отказаться отъ любезнаго предложенія ротмистра барона Франка помѣститься у него, тѣмъ болѣе, что я располагалъ пробыть въ дѣйствующей арміи только однѣ сутки. Въ разговорѣ за чаемъ ротмистръ баронъ Франкъ сообщилъ мнѣ, что наша дѣйствующая армія подъ крѣпостью Карсомъ находится въ страдательномъ положеніи: смертность отъ тифа и дезинтеріи довольно значительна, что главнымъ образомъ происходитъ отъ неимѣнія у нижнихъ чиновъ фуфаекъ и теплыхъ одѣялъ и отчасти неудовлетворительности пищевыхъ продуктовъ, а между тѣмъ на Карскомъ возвышенномъ плато уже съ сентября мѣсяца начались заморозки, которые въ послѣднее время стали

стрѣливаемыхъ съ прилегающихъ къ воротамъ бастіоновъ главнаго фронта крѣпости; сами же люнеты или равелины тоже снабжены артиллерійскими осадными орудіями большого калибра. Вообще крѣпость Александрополь въ оборонительномъ отношеніи не такъ была сильна, какъ крѣпость Карсъ, состоящая изъ отдѣльныхъ фортовъ или укрѣпленій, взаимно обстрѣливаемыхъ перекрестнымъ артиллерійскимъ огнемъ, съ полнымъ отсутствіемъ мертвыхъ пространствъ, такъ что взятіе одного укрѣпленія не могло парализировать оборону остальныхъ укрѣпленій.

[1]) Въ моихъ памятныхъ замѣткахъ фамилія хирурга профессора Дерптскаго университета написана крайне не разборчиво, такъ что въ настоящее время по слабости моего зрѣнія не могу вполнѣ удостовѣрить, носилъ ли профессоръ-хирургъ фамилію Беера или Бауэра.

доходить ночью до пяти градусовъ холода по Реомюру. Напившись чаю и переодѣвшись въ походную парадную форму, я, захвативъ съ собой портфель съ докладами, направился къ начальнику штаба арміи. Пѣхотныя части войскъ и пѣшей артиллеріи располагались въ палаткахъ и, чтобы добраться до мѣста нахожденія штаба, надо было пройти довольно большое пространство. Его Императорское Высочество, Главнокомандующій арміею помѣщался тоже въ палаткѣ, но большаго размѣра, чѣмъ палатки у остальныхъ чиновъ штаба, и надъ ставкою Его Императорскаго Высочества развѣвался флагъ. Когда я вошелъ въ палатку начальника штаба генералъ-лейтенанта Павлова, то засталъ его за работою: онъ просматривалъ инструкціи отдѣльнымъ начальникамъ, которыя затѣмъ и вкладывалъ въ пакеты.

Вообще помѣщенія высшаго начальства арміи и даже самого Главнокомандующаго отличались не только скромностью, но и отсутствіемъ даже удобствъ. Поздоровавшись съ мной, генералъ-лейтенантъ Павловъ предложилъ мнѣ сѣсть и, указывая на пакеты, сложенные на столѣ высказалъ [1]): часъ тому назадъ разошелся совѣтъ, который былъ собранъ Его Императорскимъ Высочествомъ и въ виду большой смертности въ войскахъ отъ тифа, совѣтъ, согласно мнѣнія Его Императорскаго Высочества, моего, а также генералъ-адъютанта Святополкъ-Мирскаго, завѣдующаго медицинскою частью въ арміи и многихъ отдѣльныхъ начальниковъ, рѣшилъ штурмовать крѣпость Карсъ сегодня ночью, почему и вамъ придется видѣться съ Его Императорскимъ Высочествомъ только завтра, послѣ штурма. Положеніе нашей дѣйствующей арміи на Кавказѣ, добавилъ генералъ-лейтенантъ Павловъ, довольно затруднительное — медлить нельзя, лучше потерять въ бою значительное количество войска, чѣмъ понести почти такую же совершенно безполезную потерю отъ тифа. Да, наконецъ, въ заключеніе замѣтилъ генералъ-лейтенантъ Павловъ, всякое промедленіе даетъ возможность Мухтару-пашѣ усилиться, а это осложнитъ еще болѣе положеніе нашихъ войскъ, тогда какъ при удачномъ штурмѣ, то-есть взятіи крѣпости Карса, можно пожалуй будетъ признать военныя дѣйствія на Кавказѣ оконченными, если конечно и не игнорировать успѣшныхъ дѣйствій нашихъ войскъ на Балканахъ.

Раскланявшись съ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, я от-

---

[1]) Разговоръ мой съ генералъ-лейтенантомъ Павловымъ передаю такъ, какъ онъ занесенъ въ мою памятную тетрадь, а въ тетрадь эту я заносилъ съ января 1876 года все, что признавалъ необходимымъ.

правился обратно въ мѣсто моего пристанища, то-есть къ ротмистру барону Франку, рѣшившись по пути зайти къ казначею штаба, но, проходя мимо ставки Главнокомандующаго, былъ лично остановленъ Его Императорскимъ Высочествомъ, при чемъ Его Императорское Высочество, поздоровавшись со мною, сказалъ: „комендантъ крѣпости Александрополя телеграммою уже донесъ мнѣ о случившемся тамъ печальномъ происшествіи, крайне жаль пострадавшихъ нижнихъ чиновъ, а также и потери значительнаго количества артиллерійскихъ снарядовъ, завтра прошу васъ подробно доложить мнѣ объ указанномъ происшествіи, такъ какъ по мнѣнію моему и генералъ-лейтенантъ Кобіевъ, какъ комендантъ, за свою халатность долженъ тоже подлежать отвѣтственности“.

Отыскать помѣщеніе казначея штаба, капитана Голицынскаго [1], было крайне не трудно, ибо около его палатки находился часовой, охранявшій казначейскій ящикъ, совершенно похожій на артиллерійскій двухколесный зарядный. Когда я вошелъ въ палатку, то капитанъ Голицынскій пилъ чай, почему, поздоровавшись со мною, онъ предложилъ и мнѣ заняться чаепитіемъ, замѣтивъ при этомъ, что до начала штурма крѣпости Карса еще времени много. На мой вопросъ, почему онъ знаетъ рѣшеніе совѣта, капитанъ Голицынскій съ усмѣшкою отвѣтилъ: „никакихъ секретовъ у насъ въ дѣйствующей арміи быть не можетъ, тѣмъ болѣе въ средѣ штаба; мы знаемъ не только о всякихъ замыслахъ высшаго нашего начальства, но даже и о положеніи турецкихъ войскъ въ крѣпости Карса, послѣднія же свѣдѣнія намъ доставляются ежедневно, конечно, дезертирами изъ крѣпости. Положимъ, продолжалъ капитанъ Голицынскій, дезертирамъ вполнѣ вѣрить нельзя, но вѣрно то, что и въ крѣпости Карсъ свирѣпствуетъ тифъ и дисциплина въ войскахъ отсутствуетъ, почему открытое возстаніе войскъ противъ начальства только съ трудомъ сдерживается усиленными карательными и принудительными средствами, хотя сообщеніямъ дезертировъ, что для воспрепятствованія артиллеристамъ въ укрѣпленіяхъ самовольно оставлять свои мѣста, они даже приковываются къ своимъ орудіямъ цѣпями, пожалуй вѣрить нельзя. Во всякомъ случаѣ, пояснилъ капитанъ Голицынскій, положеніе осажденныхъ гораздо хуже осаждающихъ,

---

[1]) Казначеемъ дѣйствующей арміи на Кавказѣ былъ капитанъ артиллеріи и если не ошибаюсь Голицынскій, а можетъ быть подъ другой фамиліей, что для фактической стороны не существенно.

тѣмъ болѣе, что турецкія войска не отличаются тою стойкостью, выносливостью и героизмомъ, какъ наши, чему нельзя не удивляться по отношенію къ нашимъ нижнимъ чинамъ — людямъ молодымъ и не закаленнымъ въ бояхъ, какъ прежде“.

Во время нашего разговора въ палатку вошелъ генералъ-лейтенантъ Грабе, прибывшій добровольцемъ на театръ военныхъ дѣйствій въ началѣ 1877 года и имѣвшій уже за прежнія свои боевыя заслуги два офицерскихъ ордена святого Георгія четвертой и третьей степеней. Поздоровавшись со мной и капитаномъ Голицынскимъ, графъ Грабе вручилъ послѣднему пакетъ, пояснивъ при этомъ, что въ пакетѣ находится чекъ на три тысячи рублей, выданный ему изъ Тифлисскаго отдѣленія Государственнаго банка на вкладъ въ этотъ банкъ и записка въ формѣ духовнаго завѣщанія, какъ поступить съ указанною суммою послѣ его, графа Грабе, смерти. „Порученіе Вашего Сіятельства мнѣ не придется исполнить, заявилъ капитанъ Голицынскій, такъ какъ я увѣренъ, что послѣ штурма крѣпости Карса буду имѣть удовольствіе видѣть Ваше Сіятельство совершенно здоровымъ и невредимымъ“. „Можетъ быть“, возразилъ графъ Грабе, „на все воля Всемогущаго Бога, но у меня зародилось сильное предчувствіе, что живымъ не вернусь, ибо на мою долю выпало довольно опасное дѣло: начальствовать отрядомъ, предназначеннымъ взять штурмомъ Канлы — самый укрѣпленный пунктъ крѣпости, войска могутъ дрогнуть и мнѣ придется показать примѣръ храбрости“. По выходѣ изъ палатки казначея, графъ Грабе вмѣстѣ со мною направился къ турецкому селенію, гдѣ квартировалъ ротмистръ баронъ Франкъ, сначала мы шли молча между палатками нижнихъ чиновъ, но затѣмъ графъ Грабе, первый прервавъ молчаніе, сказалъ: „время уже позднее, а нижніе чины еще копошатся въ своихъ палаткахъ; каждый изъ нихъ соображаетъ теперь по-своему, но едва-ли кто думаетъ ретироваться для спасенія своей жизни. Причина настоящей войны, добавилъ графъ Грабе, какъ объясняетъ ее себѣ народъ и общество, если хотите, увлекательна:—избавленіе христіанъ отъ гнета мусульманъ, но правиленъ ли такой взглядъ — это вопросъ другой; во всякомъ же случаѣ общественное сочувствіе къ настоящей борьбѣ съ турками невольно передавалось и нижнимъ чинамъ, чѣмъ можно и объяснить удивительную стойкость и храбрость нашего молодого войска“. Высказавъ послѣднія слова, графъ Грабе со мной простился, при чемъ при прощаніи заявилъ, что зайдетъ въ офицерскую столовую, гдѣ по всей вѣроятности найдетъ и инже-

неръ-полковника Бульмеринга, вызвавшагося тоже принять участіе въ штурмѣ укрѣпленія Канлы въ качествѣ руководителя саперъ.

Ротмистра барона Франка и поручика лейбъ-гвардіи Коннаго полка я засталъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, причемъ оказалось, что барону Франку не только было извѣстно о предполагаемомъ штурмѣ крѣпости Карса, но также и о томъ, что его сожитель поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка назначенъ къ графу Грабе ординарцемъ. Въ четверть двѣнадцатаго ночи ротмистръ баронъ Франкъ и его сожитель оставили занимаемое ими помѣщеніе и отправились: баронъ Франкъ въ штабъ начальника кавалеріи, а поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка розыскивать графа Грабе, чтобы ему представиться. Прощаясь со мной, баронъ Франкъ предложилъ мнѣ воспользоваться его запасною лошадью, предупредивъ однако меня, что добраться во время боя до перевязочнаго пункта можно совершенно безопасно, а далѣе уже будетъ рискъ. Послѣ отъѣзда барона Франка и его сожителя я тоже направился пѣшкомъ къ мѣсту расположенія войска; было довольно холодно, но ночь свѣтлая и полный дискъ луны изрѣдка только заслонялся облаками. Спустившись съ пригорка, на которомъ было расположено селеніе, я замѣтилъ, что нижніе чины выходили уже изъ своихъ палатокъ и сгруппировывались въ отдѣльныя части, а Перновскій гренадерскій полкъ былъ вполнѣ готовъ къ дальнѣйшему движенію и ожидалъ только прибытія своего командира полка, который не заставилъ себя долго ждать и, подъѣхавъ верхомъ къ гренадерамъ, сперва поздоровался съ ними, а затѣмъ произнесъ краткую рѣчь, но полную, по мнѣнію моему, убѣдительнаго краснорѣчія. Близко находясь отъ Перновскаго гренадерскаго полка, я могъ слышать отчетливо каждое слово, произнесенное полковникомъ, а потому рѣчь его мною занесена въ мою памятную тетрадь. „Вы, гренадеры“, такъ началъ свою рѣчь полковникъ, „должны сегодня поддержать честь и боевую славу вашего полка, семь смертей не бывать, а одной не миновать, но лучше и доблестнѣе умереть героемъ съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ на пуховикѣ; помните, что наша жизнь въ рукахъ Всемогущаго Бога, а наша борьба съ турками за избавленіе болгаръ-христіанъ отъ турецкаго насилія—дѣло святое, а потому забудьте все мірское и направьте всѣ ваши помыслы и усилія только къ уничтоженію врага; теперь же помолимся и отдадимъ себя на волю Всемогущаго Бога“. Затѣмъ полковникъ скомандовалъ на молитву, полкъ обнажилъ головы

и началъ тихо молиться, слова молитвы не были слышны, но, какъ мнѣ тогда показалось, каждый изъ молящихся смотрѣлъ на небо; картина была торжественно-трогательна. По окончаніи молитвы полкъ, выстроившись по отдѣленіямъ, направился къ мѣсту боя; прошли артиллерія и другіе полки, и скоро вся движущаяся военная сила слилась въ одну темную массу, но было все еще тихо, наша осадная артиллерія не стрѣляла и турецкія укрѣпленія молчали; вся эта таинственность передъ наступленіемъ ужасовъ какъ бы невольно наэлектризовывала человѣческую натуру. Усталость и нервная напряженность вынудили меня возвратиться въ мое временное помѣщеніе, раздѣться и лечь спать; подъ теплымъ одѣяломъ я могъ протянуть свои усталые члены и заснуть, но скоро пришлось проснуться отъ сильной орудійной канонады—стрѣляли залпами. Наскоро одѣвшись, я приказалъ вѣстовому осѣдлать лошадь и немедленно направился изъ селенія по дорогѣ къ крѣпости Карсу: была еще ночь, хотя на востокѣ начинали уже проявляться первые признаки утренней зари. Тѣ укрѣпленія крѣпости Карса, неясные абрисы которыхъ можно было различать съ пригорка, сплошь были окаймлены огненною лентою, изрѣдка на нѣсколько секундъ прерываемою; отголоски канонады все болѣе усиливались, и смерть, такъ сказать, вступила уже въ свои права.

По пути меня нагналъ адъютантъ, фамилію не припомню, направлявшійся на мѣсто сраженія съ цѣлью, согласно приказанію Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго, собрать свѣдѣнія о положеніи отрядовъ, штурмующихъ укрѣпленія Арабъ-Табія, Канлы и Мухлисъ, а также и о количествѣ убитыхъ и раненымъ, доставленныхъ на перевязочные пункты. Согласно любезнаго предложенія этого адъютанта я вмѣстѣ съ нимъ добрался до перваго перевязочнаго пункта, мѣстонахожденіе коего издали можно было узнать по высокоразвѣвающемуся бѣлому флагу съ краснымъ крестомъ; на пунктѣ этомъ совершенно неожиданно для меня работалъ хирургъ, профессоръ Дерптскаго университета Бееръ, а со стороны Краснаго Креста находился уполномоченный гражданскій инженеръ Карцевъ, съ которымъ я познакомился еще въ Тифлисѣ. Хирургическія ампутаціи производились въ большомъ шатрѣ, и профессоръ-хирургъ мнѣ сообщилъ, что раненыхъ немного, а убитыхъ масса и, дѣйствительно, около перевязочнаго пункта лежало рядами около ста нижнихъ чиновъ и три офицера, собранныхъ на мѣстѣ боя и доставленныхъ санитарами къ перевязочному пункту; между убитыми были и три санитара, на лѣвомъ рукавѣ кото-

рыхъ были, однако, широкія бѣлыя перевязки съ красными крестами, но можно ли было винить турокъ въ неисполненіи извѣстной конвенціи? едва-ли, все зависѣло отъ случая. Положеніе уполномоченнаго Карцева было крайне затруднительное: предать землѣ около ста нижнихъ чиновъ являлось дѣломъ нелегкимъ, въ виду недостатка рабочихъ силъ, такъ какъ при перевязочномъ пунктѣ состояло только нѣсколько саперъ и человѣкъ десять изъ мѣстныхъ обывателей ближайшаго турецкаго селенія. Во всякомъ случаѣ при мнѣ вырыты были двѣ могилы или, правильнѣе сказать, большія ямы, въ каждую изъ этихъ могилъ было уложено по шести нижнихъ чиновъ въ два ряда, по три въ каждомъ, конечно, о саванахъ и другихъ аттрибутахъ погребенія не могло быть и рѣчи: умершіе погребались въ форменной мундирной одеждѣ, но безъ головныхъ уборовъ. Передъ опусканіемъ въ могилу каждый нижній чинъ обыскивался и найденныя при немъ вещи и деньги передавались уполномоченному инженеру Карцеву, который въ свою очередь долженъ былъ полученныя имъ деньги и вещи передать казначею штаба арміи для отправленія по возможности къ родственникамъ убитыхъ. Священникомъ, находящимся на перевязочномъ пунктѣ, передъ засыпкою могилъ была совершена панихида и отпѣваніе, при чемъ священникъ по незнанію именъ убитыхъ употребилъ очень умѣстное выраженіе: „Тебѣ, Всемогущему Богу, имена умершихъ извѣстны, упокой же и ихъ со святыми и прости имъ прегрѣшенія". Вообще погребеніе было крайне трогательное; всѣ присутствующіе исполняли роль пѣвчихъ и у многихъ, а равно также и у меня невольно появились слезы.

Мнѣ теперь семьдесятъ три года, но въ памяти моей хорошо удержался слѣдующій грустный фактъ: въ числѣ погребенныхъ былъ очень молодой нижній чинъ съ выразительнымъ лицомъ; при обыскѣ у него оказались кошелекъ съ пятнадцатью рублями денегъ, золотые съ цѣпочкою часы въ мѣшочкѣ и главное—фотографическая карточка дѣвушки или женщины довольно красивой; на оборотѣ этой карточки было написано: не забывай меня, помни—я жду тебя; надпись и нахожденіе карточки при убитомъ комментарія не требуютъ, но вызываютъ грустное чувство. Утренняя заря уже совершенно замѣнила блескъ луны, когда на перевязочный пунктъ былъ привезенъ трупъ командира гренадерскаго Перновскаго полка полковника Бѣлинскаго, который вмѣстѣ съ тремя убитыми офицерами и былъ направленъ въ мѣсто расположенія дѣйствующей арміи.

Орудійная канонада начинала стихать и изрѣдка даже прерывалась, количество доставляемыхъ на перевязочный пунктъ раненыхъ превышало убитыхъ, и начиналась усиленная дѣятельность профессора-хирурга. Раненые снимались съ двухколесныхъ телѣжекъ и немедленно переносились въ шатеръ, гдѣ на большомъ столѣ, сколоченномъ изъ простыхъ досокъ, и производилась хирургическая ампутація; слышались громко произносимыя слова профессора-хирурга, обращенныя имъ преимущественно къ сестрамъ милосердія: „ножку держите крѣпче! опять слезки и платочекъ! чувства упрячьте въ карманъ! дайте пилу, ланцетъ, опять не мыты! выбросьте ножку изъ шатра— тутъ не мѣсто валяться! и т. д.“. По временамъ профессоръ-хирургъ выходилъ изъ шатра на нѣсколько минутъ, чтобы отдохнуть, а ампутированныхъ имъ лицъ уже одѣтыхъ и надлежаще перевязанныхъ выносили изъ шатра и сажали въ двухколесныя телѣжки, гдѣ подъ вліяніемъ хлороформа несчастные начинали громко бредить; произносились не только слова, но и цѣлыя фразы; это, такъ сказать, былъ концертъ полной дисгармоніи, аккомпанируемой развѣ орудійными выстрѣлами. На профессорѣ-хирургѣ былъ надѣтъ бѣлый длинный передникъ съ рукавами, а на головѣ его почему-то такой же бѣлый колпакъ съ кисточкой; когда я подошелъ къ профессору-хирургу, то онъ курилъ сигару и распекалъ за что-то сестру милосердія; повидимому, профессоръ-хирургъ сильно былъ утомленъ, но нервы его были въ порядкѣ. Во время моего разговора съ профессоромъ-хирургомъ, къ намъ подошелъ уполномоченный Карцевъ и обратился ко мнѣ съ просьбою: взять деньги и вещи, отобранныя у убитыхъ для передачи казначею штаба, такъ какъ ему, Карцеву, рѣшительно невозможно наблюдать за сохраненіемъ отобраннаго имущества, а отъ недостатка надзора можетъ случиться и грѣхъ.

Согласившись исполнить порученіе Карцева, я, раскланявшись съ нимъ и профессоромъ-хирургомъ, отправился съ перевязочнаго пункта съ намѣреніемъ взятыя мною вещи и деньги передать лично казначею штаба; было уже семь часовъ утра и лучи восходящаго солнца начинали согрѣвать. Когда я доѣхалъ до дороги и повернулъ къ селенію, то оружейная канонада совершенно прекратилась; все стихло, и только въ ста шагахъ отъ меня пролетѣлъ большой снарядъ изъ орудія Амстронга; снарядъ былъ на излетѣ, почему и ясно обрисовывалъ въ воздухѣ свой путь спиралью винта, снарядъ упалъ и зарылся въ землю— это, такъ сказать, была точка къ оконченному кровавому періоду.

Вскорѣ по пути меня нагналъ, ѣхавшій полною рысью, ротмистръ баронъ Франкъ, который сообщилъ мнѣ, что крѣпость Карсъ взята и всѣ ея укрѣпленія сдались на капитуляцію, однако, болѣе одной трети гарнизона какимъ-то образомъ ушла изъ крѣпости, но за ушедшими погнался съ кавалеріею и конною артиллеріею генералъ-лейтенантъ князь Чавчавадзе; этотъ эпизодъ такъ сказать подтверждалъ существовавшій въ крѣпости разладъ между отдѣльными воинскими частями гарнизона. Изъ разсказовъ ротмистра борона Франка я узналъ, что убиты генералъ-лейтенантъ графъ Грабе и командиры полковъ полковники Бѣлинскій, князья Меликовъ, Вачнадзе и Дишколіани и много оберъ-офицеровъ, а также и нижнихъ чиновъ. Раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ тоже немало и въ томъ числѣ генералъ-лейтенантъ Соловьевъ, начальникъ отряда штурмующаго укрѣпленія Мухлисъ; два ординарца, находящіеся безотлучно при генералъ-лейтенантѣ Лазаревѣ, начальникѣ отряда штурмующаго укрѣпленія Арабъ-Табія, тоже убиты, а генералъ Лазаревъ даже не раненъ, несмотря на его тучную комплекцію. Дѣйствительно, генералъ-лейтенантъ Лазаревъ былъ высокъ ростомъ и довольно полонъ и отличался отважною храбростью, а потому во всѣхъ сраженіяхъ съ турками почти всегда находился впереди ввѣреннаго ему войска, почему и получилъ прозваніе генерала Заколдованнаго отъ пуль.

Въ виду того, что ротмистръ баронъ Франкъ любезно согласился выполнить возложенное на меня уполномоченнымъ Карцевымъ порученіе, я, передавъ ему довольно солидныхъ размѣровъ тюкъ и простившись съ нимъ, направился къ крѣпости Карсъ. По пути въ крѣпость Карсъ я чуть не наѣхалъ на лежавшаго на дорогѣ нижняго чина въ распростертомъ положеніи; головной его уборъ валялся въ двухъ отъ него шагахъ, а также и ружье; заинтересовавшись, я слѣзъ съ лошади и подошелъ къ лежавшему, но, убѣдившись, что онъ живъ, постарался его разбудить. Оказалось, что лежавшій не спалъ, а находился въ состояніи тяжелаго обморока, вслѣдствіе усиленнаго напряженія силъ въ связи можетъ быть съ порокомъ сердца. Когда нижній чинъ уже поднялся, то я нашелъ удобнымъ спросить его, какъ все это съ нимъ случилось. „Да хорошо не помню, Ваше Высокоблагородіе", отвѣтилъ заинтересовавшій меня субъектъ: „закружилась голова, потемнѣло въ глазахъ, и я упалъ, а далѣе не помню".

На вторичный мой вопросъ, гдѣ онъ находился во время штурма крѣпости Карса, субъектъ, уже придя въ себя, зая-

вилъ: „да подъ укрѣпленіемъ Канлы, въ числѣ охотниковъ, ворвавшихся съ тылу въ укрѣпленіе, ну, а какъ ворвались, то по приказанію поручика начали колоть турокъ безъ разбора и до того остервенились, что можетъ быть прикалывали и безоружныхъ, пока поручикъ скомандовалъ „довольно"; перекололи-то мы большею частью артиллеристовъ, которые, не желая сдаться, стрѣляли въ насъ изъ револьверовъ; работали штыкомъ недолго, но перекололи много, въ плѣнъ сдалось только человѣкъ пятьдесятъ; правда жаль, добавилъ нижній чинъ, турокъ тоже человѣкъ, а не приколи— самъ убьетъ, видно, на то война, чтобъ друга убивать" [1]).

Узнавши отъ нижняго чина, что виднѣвшееся впереди укрѣпленіе и есть Канлы, я направился туда полною рысью.

Передъ укрѣпленіемъ Канлы не виднѣлось уже ни одного трупа, все было прибрано, и съ внѣшней стороны укрѣпленія ничто не обнаруживало, что за нѣсколько часовъ назадъ на мѣстѣ этомъ происходило страшное побоище.

Не останавливаясь на оцѣнкѣ въ спеціально-технически-инженерномъ отношеніи укрѣпленія Канлы, могу только сказать что укрѣпленіе это произвело на меня грандіозное впечатлѣніе; по заявленію же военныхъ инженеровъ, укрѣпленіе Канлы являлось ключомъ всей оборонительной линіи крѣпости Карса. Дѣйствительно, укрѣпленіе Канлы имѣло двухъярусную оборону: нижній ярусъ казематированъ, а верхній—составлялъ площадку, и такимъ образомъ только орудія нижняго казематированнаго яруса были скрыты, такъ какъ стрѣляли чрезъ амбразуры, а орудія верхней площадки совершенно открыты, но за то сфера дѣйствій орудій верхней площадки была гораздо больше, чѣмъ орудій казематированнаго яруса укрѣпленія. Все укрѣпленіе было сооружено изъ тесанаго камня и желѣза съ наружною земляною облицовкою, при чемъ земляная насыпь имѣла уклонъ, а съ внѣшней стороны укрѣпленіе окружалъ ровъ довольно широкій и глубокій; эскарпъ и контръ-эскарпъ рва были тоже выложены тесанымъ камнемъ, составленнымъ въ двухъ мѣстахъ пространствъ необходимыхъ на случай производства минныхъ работъ. Нижній казематированный ярусъ укрѣпленія соединялся съ верхнею площадкою внутреннею не широкою каменною лѣстницею; на верхней площадкѣ укрѣпленія было соору-

[1]) Отвѣты нижняго чина занесены мною были въ мою памятную тетрадь, изъ коей тетради я и рѣшился въ подлинности помѣстить эти отвѣты въ настоящей моей статьѣ.

жено изъ камня небольшое закрытое помѣщеніе для телеграфа, ибо всѣ укрѣпленія крѣпости Карса сносились между собою при помощи телеграммъ; горжа у укрѣпленія была закрыта и имѣла только однѣ двухстворчатыя большія двери, запирающіяся висячимъ замкомъ. Всѣ орудія въ укрѣпленіи были стальныя и новой усовершенствованной конструкціи, при чемъ раздѣлялись на дальнобойныя и стрѣляющія на разстояніе близкое. Вообще укрѣпленіе Канлы представляло собою и въ тактическомъ боевомъ отношеніи пунктъ, не лишенный существеннаго значенія, такъ какъ орудія верхней площадки укрѣпленія могли обстрѣливать и другія укрѣпленія крѣпости Карса, независимо отъ того, что всѣ отдѣльныя укрѣпленія этой крѣпости были связаны между собою сильною взаимно-перекрестною обороною.

Остальныя укрѣпленія крѣпости Карса по сооруженіямъ своимъ имѣли большое сродство съ укрѣпленіемъ Канлы, но не отличались такою силою въ боевомъ отношеніи, какъ указанное укрѣпленіе. Въ какомъ положеніи находится въ настоящее время крѣпость Карсъ, мнѣ, конечно, не извѣстно, но въ 1877 году Карсъ признавался всѣми стратегами - иностранцами за первоклассную неприступную крѣпость, да и при пересооруженіи этой крѣпости по новому образцу принимали участіе иностранные инженеры, какъ-то: англичане, французы и пруссаки.

Внутри укрѣпленія лежали еще не подобранные трупы убитыхъ турокъ преимущественно около орудій, а на верхней площадкѣ умиралъ отъ ранъ, лежавшій на широкомъ плащѣ, какой-то турецкій штабъ-офицеръ артиллеристъ, повидимому начальникъ укрѣпленія Канлы. Голову умирающаго поддерживалъ нашъ фельдшеръ, и тутъ же стоялъ русскій военный докторъ. На мой вопросъ, почему раненаго не перенесутъ въ турецкій госпиталь, докторъ заявилъ, что это будетъ хуже для умирающаго, такъ какъ ему остается жить не болѣе пяти минутъ; весь организмъ исколотъ штыками и даже внутренности вывалились, спасеніе невозможно. Между тѣмъ умирающій, обративъ глаза къ небу, тихо произносилъ: „Алла-Алла" и дѣйствительно, не болѣе, какъ минуты черезъ четыре, смерть прекратила существованіе героя, не хотѣвшаго сдаться живымъ въ плѣнъ. Количество боевыхъ припасовъ и продовольствія позволяло гарнизону укрѣпленій крѣпости Карса еще обороняться въ теченіе не менѣе двухъ мѣсяцевъ, а потому отважное дѣйствіе нашихъ охотниковъ, между прочимъ, подъ укрѣпленіемъ Канлы и пассивное, до нѣкоторой степени, положеніе турецкой пѣхоты съ полевою артиллеріею имѣли существенное

значеніе по отношенію къ капитуляціи крѣпости Карса. Дѣйствительно, турецкая полевая артиллерія и редифы, пѣхота, обязанные оказывать сопротивленіе нашимъ войскамъ въ промежуткахъ между отдѣльными укрѣпленіями, дѣйствовали, какъ мнѣ тогда говорили, крайне вяло и нерѣшительно, почему и распространился даже слухъ о подкупѣ съ стороны нашей коменданта крѣпости Карса, что, конечно, невѣроятно. Отдѣльныя укрѣпленія крѣпости окружали городъ Карсъ, а потому я и рѣшилъ осмотрѣть городъ кавальеръ-батарею, сооруженную на возвышенномъ пунктѣ, командующемъ надъ всею окружающею мѣстностью, а также и помѣщеніе для турецкаго госпиталя, для чего и направился сперва въ городъ. Городъ Карсъ имѣлъ вполнѣ типъ азіатскаго города; по склону главной улицы протекалъ довольно широкій ручей, загрязненный всякими отбросами, въ узкихъ переулкахъ господствовала полная загрязненность, всѣ дома были одноэтажные и только нѣкоторые съ претензіями на архитектуру; растительности въ городѣ почти не существовало; на площади находились лавки, а посреди ея— мечеть съ довольно красивымъ минаретомъ. Всѣ зажиточные обыватели Карса, какъ надо полагать, заранѣе оставили городъ, и только въ переулкахъ, населенныхъ по преимуществу бѣднотою, замѣтна была жизнь, что объяснялось опасностью, ибо много домовъ въ городѣ было разрушено нашею осадною артиллеріею, громившею городъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

На кавальеръ-батареѣ было установлено два орудія Амстронга, по выраженію, находившагося на батареѣ, турецкаго артиллерійскаго офицера: два чудовища страшныхъ однако только по внѣшности. Когда я по-французски попросилъ артиллерійскаго офицера объяснить мнѣ имъ высказанное, то, любезно удовлетворяя мою просьбу, онъ заявилъ, что едва-ли одна десятая часть снарядовъ, выпущенныхъ изъ орудія Амстронга, можетъ принести вредъ, ибо для этого необходимо, чтобы капсуль, находящійся на остріѣ снаряда, ударился о что-либо твердое, въ противномъ случаѣ снарядъ на излетѣ упадетъ не разорваннымъ или закопается въ мягкій грунтъ почвы. Между тѣмъ, пояснилъ офицеръ, каждый выстрѣлъ изъ Амстронговаго орудія, считая при этомъ и цѣнность снаряда, обходится не менѣе ста франковъ, и такимъ образомъ придется признать, что на десять выпущенныхъ снарядовъ затрачивается тысяча франковъ и девятьсотъ франковъ совершенно безполезно. Что прикажете дѣлать, добавилъ артиллерійскій офицеръ, надо было чѣмъ-либо украсить кавальеръ-батарею; правда, разрывъ снаряда вѣсомъ около

трехъ пудовъ причинитъ громадный вредъ, ибо сфера его разрушенія значительна. На мой вопросъ, кого онъ ждетъ, артиллерійскій офицеръ отвѣтилъ: жду вашего артиллерійскаго офицера, коему я долженъ сдать эти два чудовища. Дѣйствительно, на флагштокѣ, находящемся на кавальеръ-батареѣ, развѣвался уже нашъ русскій трехцвѣтный флагъ.

Простившись съ артиллерійскимъ турецкимъ офицеромъ, я направился къ турецкому госпиталю, находившемуся въ недальнемъ разстояніи отъ укрѣпленія Канлы; госпиталь былъ размѣщенъ въ нѣсколькихъ одноэтажныхъ зданіяхъ, по наружности довольно красивыхъ съ большими окнами. Каждая палата госпиталя содержалась въ безупречной чистотѣ и порядкѣ; меня встрѣтилъ докторъ-венгерецъ, который съ предупредительностью объяснилъ мнѣ положеніе больныхъ въ госпиталѣ, въ смыслѣ только экономическомъ, продовольственномъ. Каждый больной пользовался желѣзною кроватью, лежалъ на мягкомъ тюфякѣ, покрытомъ простынею, подушки были мягкія, а не набитыя сѣномъ, больные укрывались байковыми одѣялами, подшитыми простынями, около каждой кровати находился небольшой шкафчикъ. Вообще госпиталь произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, а когда я спросилъ одного больного и именно нашего нижняго чина, раненаго и попавшаго въ плѣнъ къ туркамъ, доволенъ ли онъ своимъ положеніемъ, то раненый категорически заявилъ, что совершенно доволенъ, такъ какъ присматриваютъ и кормятъ хорошо, даже чаемъ поятъ. Послѣ госпиталя осматривать было нечего, и я направился въ свое временное обиталище, то-есть къ ротмистру барону Франку, но на пути туда около укрѣпленія Канлы мнѣ пришлось проѣхать мимо сгруппированныхъ въ одну общую колонну турецкихъ нижнихъ чиновъ; всѣ эти нижніе чины были обезоружены, и только турецкіе офицеры, образовавши особую группу, имѣли при себѣ оружія, оставленныя при нихъ по распоряженію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго.

Изъ разсказовъ инженеръ-полковника Бульмеринга, поручика лейбъ-гвардіи Коннаго полка и другихъ офицеровъ, бывшихъ при штурмѣ укрѣпленія Канлы, смерть полковника Бѣлинскаго и генералъ-лейтенанта графа Грабе произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда Перновскій гренадерскій полкъ дрогнулъ и обнаружилъ нерѣшительность, то полковникъ Бѣлинскій, соскочивъ съ лошади и подойдя къ знаменщику полка, взялъ отъ него знамя и, обратясь къ полку, громко сказалъ: „гренадеры, вспомните славу Вашего полка и не посра-

митесь, впередъ!" Но въ это время осколкомъ гранаты полковникъ Бѣлинскій былъ раненъ въ лѣвую ногу, а нѣсколько пуль, такъ сказать, пронизали его и онъ упалъ мертвымъ на руки знаменщика. Генералъ-лейтенантъ графъ Грабе, видя смущеніе Перновскаго полка, бросился къ мертвому полковнику Бѣлинскому и, взявъ отъ него знамя, произнесъ: „гренадеры, отмстите за смерть своего командира полка, впередъ за мной!", но когда генералъ-лейтенантъ графъ Грабе, увлекшись, очутился впереди охотниковъ, то нѣсколько турецкихъ пуль также пронизали его и онъ палъ мертвымъ на руки инженеръ-полковника Бульмеринга, такъ какъ его ординарецъ поручикъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка присоединился къ охотникамъ и вмѣстѣ съ ними подъ командою поручика М. [1]) бросился въ укрѣпленіе Канлы не съ фронта, а съ горжи. Какъ взяты остальныя укрѣпленія крѣпости Карса, мнѣ не удалось узнать, но князь Меликовъ, какъ тоже сообщили, шелъ впереди полка. Дѣйствіе отряда генералъ-лейтенанта Лазарева тоже было полно отчаянной храбрости, да и самъ генералъ-лейтенантъ Лазаревъ не жалѣлъ своей жизни, когда исполнялъ долгъ воина.

Около четырехъ часовъ пополудни въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, штаба дѣйствующей арміи и пожалуй въ наличности всего количества офицеровъ, совершена была панихида надъ убіенными офицерами, скромные тесовые гробы коихъ были поставлены въ большомъ шатрѣ тѣсно другъ къ другу. Панихида была торжественна и сердечна, при чемъ гробы съ останками всѣхъ убитыхъ офицеровъ, за исключеніемъ графа Грабе, должны были быть перевезены въ городъ Александрополь, для погребенія тамъ на братскомъ кладбищѣ; кладбище существуетъ давно, и на немъ погребались только офицеры, убитые въ сраженіи. Что же касается до гроба съ останками генералъ-лейтенанта графа Грабе, то, по заявленію шурина графа, для графа Грабе былъ сдѣланъ новый гробъ въ Александрополѣ и затѣмъ останки графа перевезлись въ его имѣніе, какъ кажется Саратовской губ.

Наконецъ, около пяти часовъ вечера я былъ принятъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ; солидное

---

[1]) Кто командовалъ охотниками подъ укрѣпленіемъ Канлы, фамилію позабылъ и она не занесена въ мою памятную тетрадь, но кажется, въ 1879 году была помѣщена въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ" статья о дѣйствіяхъ нашихъ охотниковъ подъ укрѣпленіемъ Канлы, и авторъ этой статьи есть именно поручикъ, начальствовавшій охотниками.

количество докладовъ вынудило меня предварительно разсортировать ихъ, но въ общемъ все обошлось благополучно и только по отношенію взрыва въ люнетѣ крѣпости Александрополя Его Императорское Высочество потребовалъ отъ меня подробный докладъ, по окончаніи коего Его Императорское Высочество изволилъ по-прежнему заявить, если генералъ-маіоръ Кобіевъ не виновенъ прямо, то во всякомъ случаѣ косвенно, какъ комендантъ крѣпости за недосмотръ и допущеніе безпорядковъ.

Только въ десять часовъ вечера, я, пользуясь прекрасною лунною ночью, рѣшился выѣхать изъ дѣйствующей арміи на почтовыхъ; дорога шла по Карскому плоскогорью и ничего интереснаго не представляла, только въ семи или восьми верстахъ отъ мѣста расположенія дѣйствующей арміи, мнѣ пришлось встрѣтить транспортъ, состоящій изъ верблюдовъ; транспортъ этотъ, какъ я узналъ отъ вахтера, слѣдовалъ въ дѣйствующую армію съ фуфайками и байковыми одѣялами. Состоящій при дѣйствующей арміи полковникъ Бобоховъ всегда запаздывалъ даже при доставленіи продовольствія.

Въ городѣ Александрополѣ я заѣхалъ на нѣсколько часовъ къ прокурору полевого военнаго суда подполковнику Брюсту, у котораго засталъ плѣннаго штабъ-офицера турецкой арміи, рослаго, съ красивой выразительной физіономіей и вполнѣ прилично одѣтаго въ свою форменную одежду. Плѣнный офицеръ, отрекомендовавшись мнѣ, назвалъ себя Абдуломъ-Магометомъ; онъ былъ природный турокъ и зналъ объясняться не только по-турецки, арабски и албански, но и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ могъ свободно вести разговоръ; по собственному заявленію Абдулъ-Магомета, онъ не чуждъ и англійскаго языка, но объясняется на немъ съ трудомъ. Когда я сообщилъ о взятіи крѣпости Карса и объ убитыхъ офицерахъ и массѣ нижнихъ чиновъ, то Абдулъ-Магометъ замѣтилъ: „напрасныя потери въ людяхъ, можно Карсъ было не брать, а только блокировать; во всякомъ случаѣ крѣпость Карсъ и все Карское плоскогорье перейдутъ къ вамъ, русскимъ; все зависитъ отъ театра военныхъ дѣйствій на Балканахъ, а тамъ дѣла Оттоманскаго правительства слишкомъ плохи.“ На мой вопросъ, почему Мухтаръ-паша не далъ нашему войску послѣ Авляра реваншъ, быть можетъ и имѣлъ бы успѣхъ, то на такой щекотливый вопросъ Абдулъ-Магометъ, подумавши, сказалъ: „я думаю, что Мухтаръ-паша свои дѣйствія соображалъ съ театромъ военныхъ дѣйствій на Балканахъ, а потому здѣсь, на

Кавказѣ, добавилъ Абдулъ-Магометъ, вы, русскіе, могли бы по моему мнѣнію довольствоваться оборонительною войною— оружіе беретъ мѣстности, но дипломатія по-своему дѣлитъ эти мѣстности и теперь, повѣрьте, Эрзерумъ вашъ, а по заключеніи мира перейдетъ снова къ Оттоманскому правительству [1]).

По прибытіи въ Тифлисъ, я немедленно вступилъ въ колею своихъ заурядныхъ работъ. Въ половинѣ октября прибылъ въ Тифлисъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ своимъ начальникомъ штаба генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, и такимъ образомъ ждали со дня на день окончанія войны.

Войска дѣйствующей Кавказской арміи послѣ взятія крѣпости Карса были распредѣлены такъ: городъ Сухумъ былъ занятъ нашими войсками; на лѣвомъ флангѣ Карскаго плоскогорья командовалъ войсками генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, Ардаганъ и Баязетъ были наши, крѣпость Карсъ была занята значительнымъ количествомъ войскъ, а комендантомъ крѣпости былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Соловьевъ. Генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, возведенный въ графское достоинство съ потомствомъ, и генералъ-лейтенантъ Лазаревъ пожалованный званіемъ генералъ-адъютанта, возвратились въ Тифлисъ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала и награжденъ орденомъ св. Георгія второй степени, а начальнику штаба генералъ-лейтенанту Павлову была дарована шпага, украшенная бриллiантами. Короче говоря, награды посыпались, какъ изъ рога изобилія, при чемъ не забыто было и военно-судебное вѣдомство, но останавливаться на наградахъ я не буду, а въ заключеніе лишь скажу, что общество въ Тифлисѣ и другихъ городахъ Кавказа и Закавказья еще до заключенія окончательнаго мира вошло въ прежнюю заурядную колею, почему и противъ горскаго населенія въ Дагестанѣ, Терской области и другихъ мѣстностяхъ Кавказа репрессивныя мѣры пришлось пріостановить, такъ какъ всякія дальнѣйшія стѣсненія въ бытовой жизни были бы совершенно излишни.

Изъ генераловъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ въ 1877 и 1878 годахъ, едва ли кто-либо теперь остался въ живыхъ, такъ

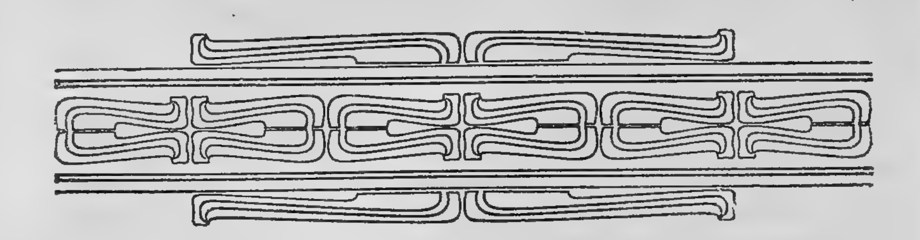
---

[1]) Разговоръ мой съ Абдулъ-Магометомъ, какъ отличающійся оригинальностью взгляда Абдулъ-Магомета на военное дѣйствіе, занесенъ въ мою памятную тетрадь и даже на французскомъ языкѣ.

генералы Соловьевъ и Гейманъ еще до заключенія мира пали жертвами сыпного тифа и скончались, первый комендантомъ крѣпости Карса, а второй начальникомъ Эрзерумскаго отряда; генералъ-адъютантъ Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ Ахалтекинской экспедиціи, но по прибытіи на мѣсто назначенія черезъ двѣ недѣли умеръ отъ карбункула, послѣ чего начальникомъ означенной экспедиціи былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Скобелевъ, и много другихъ лицъ, достойныхъ памяти и воспоминаній сошло въ могилу. Скончался также и генералъ Бульмерингъ, кавалеръ ордена св. Георгія четвертой и третьей степеней.

Въ 1885 году мнѣ пришлось встрѣтиться съ Бульмерингомъ на желѣзной дорогѣ, онъ былъ уже тогда генералъ-лейтенантомъ и комендантомъ Керчъ-Еникальской крѣпости, чѣмъ, какъ онъ высказывалъ, былъ крайне недоволенъ.

Н. П. Хитрово.



Императоръ Николай I, какъ носитель идеи франко-русскаго союза.

Къ непредвидѣннымъ затрудненіямъ, встрѣчающимся при изслѣдованіи любой исторической эпохи—хотя бы даже ближайшей — слѣдуетъ отнести строго-объективную оцѣнку тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя вынуждали нерѣдко властителей странъ мѣнять, вопреки собственнымъ желаніямъ, симпатіямъ и убѣжденіямъ, курсъ внѣшней политики управляемыхъ имъ государствъ. Но анализируя безъ предвзятости послѣдовательный ходъ всѣхъ событій извѣстнаго періода, не слѣдуетъ придавать черезмѣрное значеніе достовѣрнымъ фактамъ и явленіямъ, служащимъ зачастую единственными отправными точками и опорными пунктами для всѣхъ дальнѣйшихъ сужденій общественнаго мнѣнія на сложныя политическія темы. публика склонна черезмѣрно опираться на достовѣрныя событія, сокращающія до минимума работу индивидуальнаго мышленія при выводѣ конечныхъ умозаключеній.

„Что можно противопоставить очевиднымъ фактамъ“? спрашиваетъ съ вызывающимъ апломбомъ большинство образованныхъ людей, при каждомъ столкновеніи двухъ противоположныхъ мнѣній. На это можно всегда отвѣтить—*очень много!* Политика прошлаго, ставшая, благодаря времени, достояніемъ исторіи, уподобляется въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ космографіи и астрономіи, такъ блистательно опровергающихъ ложность многихъ предположеній, зиждящихся на впечатлѣніяхъ отъ *очевидности!* Вѣдь благодаря только скептически настроенному уму *Коперника,* человѣчество познало, къ великому своему удивленію, ошибочность предположенія относительно вращенія солнца вокругъ нашей земной планеты. Но подобное заблужде-

ніе нельзя было приравнивать къ господствовавшимъ въ ту пору предразсудкамъ, такъ какъ оно покоилось па осязательномъ чувствѣ, дарованномъ человѣку самой природой.

Что въ области международной политики и въ послѣдовательной исторической ея оцѣнкѣ ошибочныя предположенія встрѣчаются гораздо чаще, нежели въ какой-либо другой сферѣ проявленія человѣческаго ума, принимая нерѣдко всѣ характерныя свойства суевѣрія,—это весьма естественно, такъ какъ въ коллективныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ этнографически разъединенныхъ группъ людей нѣтъ ни заранѣе опредѣленнаго плана, могущаго служить канвой для принципіальнаго согласія, ни общей цѣли, преслѣдуемой всѣми съ одинаковымъ рвеніемъ.

I.

Царствованіе Императора Николая I отмѣчено многими западно-европейскими историками весьма односторонне, какъ эпоха сугубо-мрачной реакціи, связанной съ неоднократными попытками насильственнаго возстановленія попранныхъ правъ легитимизма и охраненія абсолютическаго образа правленія отъ посягательствъ на него со стороны революціонныхъ организацій. Съ первыхъ дней вступленія на престолъ, вплоть до своей кончины русскій самодержецъ не переставалъ вѣрить въ предначертанную ему самимъ Провидѣніемъ роль вѣнценоснаго борца-Геркулеса, обязаннаго безпощадно преслѣдовать и давить всюду гидру революціи. И дѣйствительно, желая словно испытать силу и мощь державнаго противника, международная крамола и антимонархическія выступленія никогда не достигали въ Европѣ такого широкаго распространенія и такой интенсивности, какъ за истекшій тридцатилѣтній періодъ царствованія Императора Николая I. Убѣжденный консерваторъ до мозга костей и приверженецъ самодержавнаго образа правленія, русскій Государь готовился 7 разъ выступить съ вооруженной силой противъ революціонныхъ вспышекъ, грозящихъ спокойствію Европы. Если Императору Николаю I пришлось только два раза обнажить мечъ въ защиту легитимизма и монархическаго принципа, при подавленіи польскаго мятежа и возстаніи венгерцевъ, то это только благодаря случайнымъ обстоятельствамъ и ловкости нѣкоторыхъ искусныхъ дипломатовъ, сумѣвшихъ во-время повліять на державнаго повелителя Россіи въ духѣ умиротворенія. Іюльская революція въ Парижѣ въ 1830-мъ

году, отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландовъ, февральскія и мартовскія событія во Франціи и Германіи въ 1848, усиленное броженіе въ Италіи, все это страшно возбуждало Императора Николая I и онъ съ трудомъ сдерживалъ въ себѣ порывъ покончить однимъ ударомъ съ крамольными движеніями въ различныхъ странахъ европейскаго материка.

Хотя общее направленіе политики русскаго самодержца было совершенно ясное и всѣмъ понятное, тѣмъ не менѣе многія весьма существенныя и интересныя детали остались малоизвѣстными. Нравственно-политическій обликъ Императора Николая I не вырисовывался съ достаточной рельефностью изъ окутавшаго его вслѣдствіе пристрастныхъ сужденій современниковъ тумана, благодаря которому вся Европа видѣла въ немъ только грозное воплощеніе реакціонныхъ идей. Въ такомъ призрачномъ явленіи, наводившемъ страхъ на всѣхъ, никто не хотѣлъ видѣть живого человѣка, чутко реагировавшаго на все, что затрагивало его умъ и сердце. Французскій историкъ ученый юристъ и членъ академіи *Артуръ Держарденъ* (Achille *Arthur Desjardens)* постарался выяснить подлинныя чувства Императора *Николая I* къ Франціи за періодъ его царствованія и его взгляды на возможное сближеніе двухъ государствъ, имѣвшихъ гораздо болѣе связывающихъ, нежели разъединяющихъ ихъ интересовъ въ области внѣшней политики. Въ своемъ трудѣ, озаглавленнымъ *Nicolas I-er et la révolution de Juillet* авторъ сообщаетъ немало характерныхъ подробностей, рисующихъ своеобразныя условія, при которыхъ дипломатамъ приходилось дѣйствовать, и подлинную роль, какую игралъ самъ Императоръ Николай I при окончательномъ рѣшеніи всѣхъ важныхъ вопросовъ. Изъ приведенныхъ мѣстами дословныхъ бесѣдъ Государя съ французскимъ посломъ графомъ *Бургоэномъ* (comte de Bourgoin), характеръ, темпераментъ и проницательный умъ державнаго повелителя Россіи выступаютъ въ отчетливомъ и яркомъ освѣщеніи. Но попутно съ выясненіемъ всѣхъ основныхъ причинъ, побуждавшихъ Россію держаться извѣстнаго направленія во внѣшней политикѣ, сообщенія французскаго ученаго историка снимаютъ—насколько они касаются затронутыхъ имъ вопросовъ—и большинство взводимыхъ на представителей нашего дипломатическаго міра обвиненій относительно преступнаго ихъ равнодушія къ истиннымъ интересамъ Россіи и неумѣстнаго радѣнія о пользѣ и выгодахъ другихъ державъ, далеко не столь дружелюбно расположенныхъ къ намъ, какъ старались увѣрить въ этомъ ихъ правители.

Въ послѣдніе годы реставраціи Бурбоновъ отношенія между Россіей и Франціей сдѣлались особенно близкими. Когда въ 1828 году вспыхнула война между Россіей и Турціей, французскій король Карлъ X охотно давалъ офицерамъ своей арміи разрѣшеніе вступать въ ряды русскихъ войскъ, готовившихся уже перейти Прутъ. Однимъ изъ первыхъ, воспользовавшихся дозволеніемъ французскаго монарха, былъ маркизъ Анри де-Рошжакалэнъ.

Въ то время, когда взятіе Браилова, Варны, Карса и Ахалцыка возбудило въ австрійцахъ прямую зависть, французскій король продолжалъ по-прежнему проявлять благорасположеніе къ Россіи. Съ своей стороны и Николай I послѣ гибельнаго для турокъ пораженія при Адріанополѣ отказался принять посредничество Меттерниха, предложившаго произвести раздѣлъ Оттоманской Имперіи, но безъ участія Франціи. Спустя нѣкоторое время, когда подготовлялась французская экспедиція въ Алжиръ, Императоръ выразилъ въ дружеской бесѣдѣ съ французскимъ посломъ Бургоэномъ сожалѣніе, что не можетъ поддержать Карла X своими войсками, но въ то же время распорядился онъ, чтобы изъ архивовъ военнаго вѣдомства собраны были всевозможныя свѣдѣнія касательно способовъ борьбы съ восточными народами.

— „Я желаю, говорилъ Николай I, чтобы вы (французы) извлекли наибольшую пользу изъ той опытности, которую пріобрѣли мы въ продолженіе вѣковой борьбы съ Турціей и азіатами“.—Онъ обратилъ также вниманіе французскаго правительства и на гигіеническія предосторожности, которыя необходимо было соблюдать въ алжирскомъ климатѣ, и вообще далъ приказъ относительно заготовки цѣлаго ряда мемуаровъ по вопросамъ, имѣющимъ серьезное значеніе для французской арміи. О взятіи города Алжира Императоръ узналъ, будучи довольно далеко отъ Петербурга на маневрахъ. Тотчасъ же послалъ онъ за Бургоэномъ и сказалъ ему: Французы взяли Алжиръ, напишите вашему королю, что это завоеваніе исполнило меня величайшей радостью, какъ будто оно сдѣлано при помощи тѣхъ пушекъ, которыя сейчасъ стрѣляютъ кругомъ насъ.

II.

Но дружба Императора *Николая I* къ Франціи и королю Карлу X не была слѣпой. Правда, французская конституція, ринятая Бурбонами послѣ первой реставраціи въ 1814 году,

далеко не была идеаломъ русскаго Государя, считавшаго всякаго рода ограниченія верховной власти неумѣстными. Но русскій посланникъ въ Парижѣ, графъ *Поццо-ди Борго* (родомъ корсиканецъ, прежній другъ дѣтства Наполеона Бонапарта, а затѣмъ непримиримый его врагъ), доставлялъ своему монарху отличныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, благодаря которымъ Императоръ *Николай I* ясно видѣлъ, что абсолютизмъ во Франціи не имѣетъ никакихъ шансовъ. Когда въ маѣ 1830 г. покидавшій Петербургъ французскій посолъ, герцогъ де *Мортмаръ* отправлялся въ Парижъ, Императоръ просилъ его передать королю совѣтъ, чтобы онъ не только вообще придерживался умѣреннаго образа дѣйствія во внутренней политикѣ, но и относился бы съ уваженіемъ къ конституціи. Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи *Николай I* говорилъ графу *Бургоэну*: „Если бы среди безпорядковъ, которые залили Парижъ кровью, толпа разграбила русское посольство и мои депеши были опубликованы, то всѣ были бы удивлены, узнавъ, что я былъ противъ переворота; всѣ разинули бы рты, увидавъ, что русскій самодержецъ поручалъ своему посланнику склонить короля къ сохраненію конституціи, установленной закономъ и утвержденной клятвою монарха".

Такимъ образомъ, оказывается, что Императоръ *Николай I* вполнѣ ясно предвидѣлъ всю нетактичность политики Полиньяка и прозорливо осуждалъ ее. Онъ всѣми силами старался удержать французское правительство отъ государственнаго переворота, но *Карлъ X*, унаслѣдовавшій преимущественно только ограниченное упрямство отъ своихъ предковъ, не обратилъ вниманія на дружескіе совѣты и поплатился за это короной. Еще 27-го іюля, получивъ отъ Поццо-ди-Борго депеши, извѣщавшія о задуманномъ переворотѣ, Императоръ *Николай I* призвалъ *Бургоэна* и конфиденціально сказалъ ему: „Я въ отчаяніи! Вы знаете, какъ близки мнѣ интересы Франціи и какъ расположенъ я къ Карлу X-му—и вотъ я вижу, что онъ идетъ прямо навстрѣчу гибели"!

Затѣмъ онъ сталъ разспрашивать Бургоэна о томъ, какихъ окончательныхъ послѣдствій можно ожидать отъ борьбы, которая, несомнѣнно, завяжется теперь между правительствомъ и радикально настроеннымъ большинствомъ народа. *Бургоэнъ* отвѣчалъ уклончиво. Тогда Николай I обратился къ нему съ такими словами:—Замѣтьте! Теперь не русскій Императоръ разговариваетъ съ французскимъ уполномоченнымъ, а *Николай* обращается къ *Бургоэну*! Онъ хотѣлъ, хотя бы приблизительно

только, знать напередъ, что будетъ дѣлать армія, если въ Парижѣ вспыхнетъ возмущеніе, достаточно ли имѣется людей подъ ружьемъ, имѣютъ ли они достаточное содержаніе, каковы командиры и т. д. Черезъ девять дней, когда пришли извѣстія о первыхъ столкновеніяхъ между войсками и повстанцами, разговоръ этотъ возобновился снова въ Аничковомъ дворцѣ. Императоръ старался угадать, что случится, если *Карлъ X* будетъ свергнутъ, кого могутъ посадить на его мѣсто, не объявятъ ли республики? Нѣсколько разъ онъ выражалъ желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ монархическій принципъ не былъ уничтоженъ. Подумали о *Луи-Филиппѣ*, но *Николай I* предпочелъ ему герцога *Ангулемскаго* или герцога *Бордосскаго*.

Но старшей линіи Бурбоновъ не суждено было пережить іюльскую революцію. Русскій посланникъ въ Парижѣ отлично понималъ это. Когда послѣ отреченія *Карла X* королевская семья переселилась въ Рамбулье, папскій нунцій, какъ историческій доэнъ дипломатическаго корпуса въ Парижѣ, предложилъ всѣмъ аккредитованнымъ при французскомъ дворѣ посланникамъ послѣдовать туда же, то *Поццо-ди-Борго* прямо заявилъ, что отреченіе Карла X не удовлетворитъ инсургентовъ и что неминуемо должны произойти болѣе радикальныя перемѣны. Будучи преданъ Бурбонамъ не менѣе своего государя, *Поццо-ди-Борго* тѣмъ не менѣе видѣлъ, что ихъ дѣло проиграно окончательно и что поддерживать ихъ совершенно безполезно.

Тотчасъ же послѣ іюльской революціи въ Петербургѣ рѣзко обозначились двѣ партіи: одна группировалась вокругъ министра финансовъ графа *Канкрина*, вице-канцлера графа *Нессельроде* и товарища его князя *Ливена*; другая партія опиралась на военнаго министра, графа *Чернышева*. Первая партія склонялась къ умѣренному образу дѣйствій, вторая—старалась вызвать немедленный разрывъ между Россіей и Франціей.

Самъ Императоръ и по характеру, и по образу мыслей ближе примыкалъ къ Чернышеву и его сторонникамъ. Ему несимпатична была точка зрѣнія Канкрина, который думалъ, что если ошибки Карла X приведутъ къ перемѣнѣ династіи во Франціи, то съ этимъ надо мириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. При одной мысли, что придется *поддаться революціи*, Николай I приходилъ въ негодованіе. Онъ—по его собственнымъ словамъ—*не желалъ себя обезчестить хотя бы молчаливымъ признаніемъ совершившагося факта*.. Наконецъ, революція 1830 года создавала ему цѣлый рядъ непріятностей, весьма близко касавшихся его самого.

Бельгійскія провинціи, подчиненныя съ 1815 года королю Нидерландовъ, свояку Николая I, возмутились съ цѣлью добиться независимости. Польскія войска, видя, что надъ французскимъ консульствомъ въ Варшавѣ вновь развѣвается трехцвѣтное знамя 1799 и 1812 года, стали волноваться и скоро подняли страшное возстаніе. Наконецъ союзъ съ Франціей былъ за послѣднее время основой нѣкоторыхъ важныхъ комбинацій русской дипломатіи, особенно что касалось ближневосточныхъ дѣлъ, и Императоръ *Николай I*, лелѣявшій эту мысль, опасался теперь, что правительство, созданное революціоннымъ движеніемъ, откажется, пожалуй, отъ союза съ самодержавнымъ государемъ. Всѣ эти причины и соображенія заставили Императора *Николая I* отнестись къ парижскимъ событіямъ крайне непріязненно.

Между тѣмъ представители Россіи при двухъ главныхъ Дворахъ Западной Европы—англійскомъ и французскомъ—не только сами не раздѣляли точки зрѣнія Императора, но пытались вдобавокъ воздѣйствовать на него въ противоположномъ смыслѣ.

Въ Парижѣ *Поццо-ди-Борго* старался при составленіи своихъ депешъ и всеподданнѣйшихъ донесеній по возможности не усиливать раздраженіе Государя противъ революціонной партіи, а напротивъ дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на встревоженное событіями воображеніе Императора. Въ Лондонѣ, съ ноября 1829 года, русскимъ посланникомъ былъ графъ *Матусевичъ*, человѣкъ выдающихся дарованій, соединявшій независимость мнѣній съ громаднымъ дипломатическимъ тактомъ. *Нессельроде* далъ ему титулъ чрезвычайнаго посланника, а *Ливенъ* рекомендовалъ его англійскимъ министрамъ, какъ носителя самыхъ сокровенныхъ мыслей русскаго правительства и довѣреннаго лица у Императора.

Узнавъ 28 іюля 1830 г. изъ газетъ о происшедшей въ Парижѣ революціи, *Матусевичъ* отправился немедленно къ лорду *Абердину*, котораго засталъ въ большомъ волненіи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ утратилъ подъ впечатлѣніемъ полученныхъ имъ изъ Парижа извѣстій способность къ хладнокровному объективному мышленію. Бесѣду съ *Матусевичемъ* онъ началъ съ того, что призналъ пресловутые *„ордонансы“* *Полиньяка* превосходными, а кончилъ тѣмъ, что назвалъ ихъ весьма прискорбнымъ фактомъ.

Но въ то же время онъ выразилъ мнѣніе, что надо усмирить революціонеровъ, и что Шомонскій трактатъ налагаетъ на великія державы обязательство помочь Карлу X. Этотъ трак-

татъ, заключенный между Австріей, Великобританіей, Пруссіей и Россіей 1-го марта 1814 г., содержалъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующее: *„Высокія договаривающіяся стороны торжественно обязуются одна по отношенію къ другой, на случай, если Франція откажется принять предложенныя условія мира, посвятить всѣ усилія свои на упорное продолженіе настоящей войны противъ нея, чтобы обезпечить и себѣ и всей Европѣ общій миръ, подъ покровомъ котораго были бы утверждены и гарантированы права и свобода всѣхъ націй... Высокія договаривающіяся стороны обязуются не вступать съ общимъ врагомъ въ сепаратные переговоры и не подписывать ни условій мира, ни перемирія, ни конвенціи иначе, какъ съ общаго согласія. Онѣ обязываются не полагать оружія, пока не будетъ достигнута цѣль войны“*.

Матусевичъ вполнѣ резонно отвѣтилъ англійскому дипломату:—Я не понимаю, при чемъ тутъ Шомонскій трактатъ. Человѣкъ, противъ котораго онъ былъ направленъ, давно уже сошелъ со сцены, и давно уже эта конвенція не входитъ въ составъ дѣйствующаго международнаго права. Она была замѣнена сначала Парижскимъ трактатомъ, потомъ договорами въ Ахенѣ. Перечитайте эти акты, милордъ, перечитайте сопровождающую Парижскій трактатъ ноту четырехъ державъ,—и вы поймете, что, если державы гарантировали Бурбонамъ Францію, то въ то же время онѣ гарантировали Франціи *Бурбоновъ съ конституціонной хартіей*. Такова буква, таковъ и смыслъ этихъ обязательствъ. Теперь *Полиньякъ* считаетъ современнымъ уничтожить хартію. Можетъ быть, онъ и правъ, и я вполнѣ искренно желаю успѣха его начинаніямъ; но я не могу удержаться отъ замѣчанія, что эти начинанія совершенно измѣняютъ положеніе великихъ державъ относительно Карла X. Онъ освободилъ ихъ своимъ переворотомъ отъ прежнихъ обязательствъ. Державы должны уважать свои договоры, но ихъ нельзя заставить, чтобы онѣ взялись за оружіе съ цѣлью ввести во Франціи новое государственное устройство вмѣстѣ съ Полиньякомъ, либо съ цѣлью доказать, что Полиньякъ—единственный человѣкъ въ мірѣ, способный управлять этимъ государствомъ.

Необходимо подчеркнуть знаменательный фактъ, что этотъ урокъ международнаго права былъ данъ представителемъ *„варварской“*, *„автократической“* Россіи, министру архилиберальной, конституціонной Англіи. Твердость и ясность взглядовъ русскаго посла не могли не оказать значительнаго вліянія на англійскаго дипломата. Съ другой стороны, *Матусевичъ*, зная господствующее теченіе въ Петербургѣ, поспѣшилъ и туда послать

объясненія, способствующія предотвращенію пагубной войны. Онъ указывалъ, что общественное мнѣніе въ Англіи противъ вооруженнаго вмѣшательства во французскія дѣла. Но если Англія не вступитъ съ Россіей въ союзъ, то ясно, что она очутится въ рядахъ враговъ Россіи. Во всякомъ случаѣ Матусевичъ отстаивалъ энергично свою точку зрѣнія, что съ Англіей или безъ нея, но Россіи нѣтъ смысла вступать въ борьбу съ Франціей; Россія должна стремиться къ тому, чтобы Франція была не раздѣлена и ослаблена, а наоборотъ, крѣпка и могуча, ибо только въ такомъ случаѣ она можетъ быть надежнымъ союзникомъ нашимъ.

„Блаженной памяти Императору Александру I,—говоритъ Матусевичъ,—мы обязаны политической системѣ, давшей возможность установить вполнѣ прочныя и даже дружественныя отношенія между Россіей и Франціей. Онъ не только воспрепятствовалъ раздѣлу и униженію Франціи на Вѣнскомъ конгрессѣ, но снова поставилъ ее на степень великой европейской державы въ 1818 г., между прочимъ онъ, защитилъ ее отъ Англіи во время испанской экспедиціи [1]). Съ своей стороны, и Франція оказала намъ услуги во время Турецкой войны.

Вспоминая всѣ эти факты, можно убѣдиться, какое значеніе имѣетъ для насъ это государство, и какъ прозорлива была въ этомъ направленіи политика Александра I. Напасть на Францію—значитъ на вѣки прервать нравственныя узы, столь необходимыя и полезныя для обѣихъ націй. Да и какая можетъ быть цѣль подобнаго нападенія? Неужели мы хотимъ возстановить во Франціи старшую вѣтвь Бурбоновъ? Но, чтобы утвердить ее тамъ, надо постоянно держать въ странѣ громадную оккупаціонную армію. Вмѣсто независимой Франціи мы будемъ имѣть дѣло съ Франціей порабощенной. Неужели мы станемъ расчленять тридцатимилліонную націю?“

---

[1]) Въ 1823 году, король Фердинандъ VII, вынуждено присягнувшій, послѣ изгнанія Наполеонидовъ и французской арміи изъ Испаніи, конституціи 1812 года, желалъ возстановить вновь прежнюю абсолютную власть монарха. Онъ обратился для этого съ секретнымъ посланіемъ къ Священному Союзу, въ которомъ просилъ помощи противъ засилья кортесовъ и радикальной партіи. По состоявшемуся по этому поводу соглашенію между Россіей, Франціей и Австріей французскій король Людовикъ XVIII послалъ въ 1823 году экспедиціонный корпусъ въ Испанію. Послѣ занятія Мадрида французскими войсками Фердинандъ VII упразднилъ конституціонный образъ правленія, объявивъ всѣ прежнія распоряженія правительства недѣйствительными.

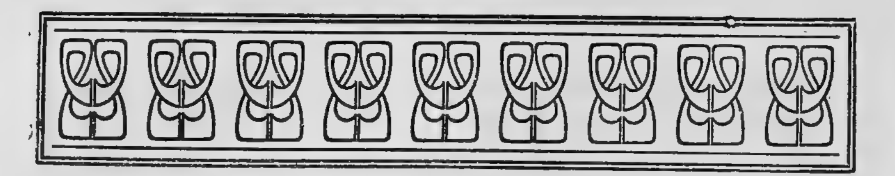
М. С.

Матусевичъ указалъ, сверхъ того, и на коренную разницу въ политическихъ стремленіяхъ Россіи съ одной стороны, Австріи и Англіи—съ другой: „двѣ послѣднія державы не видятъ никакой пользы для себя въ экономическомъ и политическомъ преуспѣяніи Франціи; ослабленіе ея вліянія въ европейскомъ концертѣ не противорѣчитъ ихъ жизненнымъ интересамъ; для Россіи же, наоборотъ, важно чтобы Францiя была сильна, богата, спокойна, была бы монархіей и чтобы она не теряла своего мѣста и значеніявъ симметрической группировкѣ великихъ державъ".

Матусевичъ понималъ, что принципы внутренней политики того или другого государства могутъ измѣняться сколько угодно, но эти перемѣны не должны отражаться на внѣшней ихъ политикѣ. Франко-русскій союзъ основывается не на личныхъ отношеніяхъ главъ России и Франціи. Интересы обѣихъ странъ переплетаются на многихъ поприщахъ и при разнообразныхъ условіяхъ настолько тѣсно, что дружба этихъ двухъ державъ можетъ пережить вліянія перемѣны въ образѣ правленія. Замѣчательно, что *Матусевичъ* и *Бургоэнъ*, безъ всякаго предварительнаго соглашенія, дѣйствовали совершенно въ одномъ и томъ же духѣ, при чемъ выражались даже приблизительно одинаково.

Сообщ. **М. В. Станиславскій.**

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XV [1]).

Внутренняя жизнь Россіи.

Г-жу Новикову, поборницу Балканскихъ славянъ, англійскіе либералы считали представительницей неоффиціальной Россіи. Она защищала свободу, національность, религію и самодержавіе. Но когда, по окончаніи Балканской борьбы, центръ революціи былъ перенесенъ изъ Филиппополя въ Петербургъ, г-жа Новикова, не колеблясь, взяла на себя трудную и неблагодарную задачу защищать эти принципы отъ нападокъ нигилистовъ, и революціонеровъ, сильно поддерживаемыхъ въ Европѣ и въ Лондонѣ, со времени Герцена.

„Смерть Царя Освободителя стала причиной суровыхъ репрессій въ Россіи", говоритъ Стэдъ, и онѣ продолжались до смерти Александра III. Все время этого царствованія Ольга Алексѣевна, съ необыкновенной смѣлостью, защищала Русское Правительство передъ крайне предубѣжденной и враждебной публикой.

Если репрессіи отвѣчали на убійства, г-жа Новикова, какъ и многіе русскіе, брала сторону правительства и находила логическое объясненіе каждому случаю. Любимая тема для нападокъ на Россію англійской печати были преувеличенные, а часто и вымышленные ужасы Сибири и жестокости русской тюрьмы. Чтобъ смягчить эти обвиненія, г-жа Новикова согласилась напечатать предисловіе къ книгѣ г-на Винта о Сибирскихъ тюрьмахъ.

---

[1]) См. „Русская Старина", декабрь 1914 г.

Это предисловіе, говоритъ Стэдъ, очень характерно и выражаетъ такъ ясно точку зрѣнія г-жи Новиковой и ея способъ борьбы, что я помѣщаю его полностью:

„Г-нъ Винтъ проявилъ несомнѣнную смѣлость, прося меня написать нѣсколько словъ, къ его книгѣ о русскихъ тюрьмахъ, говоритъ она:

„Меня всякій, кто обо мнѣ слышалъ, знаетъ, что я русская до мозга костей, вѣрующая искренно въ православіе, самодержавіе и націонализмъ;—я глубоко убѣждена въ великую будущность Россіи, какъ въ своемъ собственномъ существованіи. Никогда не лицемѣря, чтобъ скрыть свое настоящее *я*, я представляю собой все, что ненавистно англичанамъ.

„Я колебалась исполнить просьбу г-на Винта, боясь, что сочувствіе русской женщины къ его энергическому и честному изслѣдованію можетъ скорѣе повредить его книгѣ, чѣмъ ей помочь.

„Другое, важное размышленіе пришло мнѣ въ голову: чтобъ составить правильное мнѣніе о русскихъ тюрьмахъ, необходимо знать настоящія условія русской жизни, чѣмъ англичане, конечно, похвастать не могутъ. Но приводить нѣкоторые факты о нашей странѣ мнѣ трудно, меня бы заподозрили въ сильномъ пристрастіи: мнѣ бы не повѣрили!

„Россія—страна обширная, страна стоиковъ, но русскій стоицизмъ основанъ на христіанствѣ, это суровая школа для характеровъ. Важно изучить нашу деревенскую жизнь. Она полна самоотверженія, труда и лишеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жизнь крестьянъ такъ сурова, что мы, такъ называемые высшіе классы, не могли бы ее переносить.

„Помѣщики, землевладѣльцы находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ прежними своими крѣпостными. Послѣдніе, хотя пользуются полной свободой и сами имѣютъ землю, все же думаютъ, видя доброжелательство своихъ бывшихъ господъ, что эти послѣдніе обязаны имъ помогать въ нуждѣ. Нерѣдко эти требованія добродушно исполняются бывшими господами, хотя часто и влекутъ за собой большія матеріальныя жертвы. Я могла бы кое-что разсказать о деревенской жизни изъ моего личнаго опыта; укажу хоть на нѣкоторыя мелочи:

„Навѣщать бѣдныхъ и больныхъ мы считаемъ своей обязанностью, которая иногда бываетъ пыткой. Какъ темны и тѣсны ихъ жилища! Признаюсь, къ стыду своему, я едва могла проглотить ихъ пищу. (Бѣдственное состояніе ихъ я могу сравнить лишь съ бѣднѣйшими областями Ирландіи). Несмотря на

эту суровую неприглядную жизнь, они сильны на видъ и довольны. Они способны весело шутить и послѣ тяжелой дневной работы, отъ восхода до захода солнца, они возвращаются съ поля съ пѣснями и пляской.

„Неумѣлая и неразумная благотворительность вредна у насъ, какъ вездѣ. Примѣръ этого могу привести изъ собственнаго опыта.

„Сынъ мой, вновь назначенный земскій начальникъ, основалъ двѣ школы въ нашемъ Тамбовскомъ имѣніи; то же самое было сдѣлано и другими землевладѣльцами той же губерніи, Нарышкинымъ, Горяиновымъ и пр.

„Главные представители мѣстнаго духовенства и мѣстнаго учебнаго персонала были приглашены обсуждать программу ученія и управленія этихъ школъ, одной для живущихъ на полномъ пансіонѣ (впослѣдствіи начальная школа сельскихъ учителей), а другой для приходящихъ дѣтей нашего прихода. Народныя школы и у насъ всегда безплатны.

„Проекты воспитанія и ученія были приняты единодушно, но что касается устройства общежитія, освѣщенія, матрацовъ, подушекъ, это встрѣтило сильное порицаніе со стороны членовъ нашего учебнаго комитета. Они находили все это ненужной, вредной роскошью; достаточна для удобствъ крестьянскаго мальчика простая скамья и немного соломы. Больше ничего не нужно", говорили они.

„Жажда къ ученію у нашихъ крестьянскихъ дѣтей такъ сильна, что кандидаты являются въ подавляющемъ количествѣ, это явленіе наблюдается во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. То же наблюдается въ нашихъ тюрьмахъ. Людямъ, привыкшимъ къ суровой жизни, покажется ли наказаніемъ за ихъ преступленіе, если, вмѣсто лишеній, они будутъ имѣть то, что въ ихъ глазахъ кажется роскошью? Какъ провести черту между необходимостью и роскошью? Тюрьма должна быть наказаніемъ, а не наградой за преступленіе.

„Посѣщая тюрьмы, я слышала такое мнѣніе, что нѣкоторые заключенные—не совершили бы своихъ проступковъ, если бъ имѣли дома половину удобствъ, доставляемыхъ имъ въ тюрьмѣ. Имъ извѣстно, что пока они содержатся въ тюрьмѣ, о дѣтяхъ ихъ заботятся. Я помню женщину, приговоренную на годъ тюремнаго заключенія за воровство и контрабанду; меня поразило ея печальное лицо. Зная, что срокъ ея наказанія близокъ, я спросила, почему она такая грустная? Развѣ она не знаетъ, что срокъ ея заключенія кончается? спросила я.

„Я горюю о сынѣ, я увѣрена, что онъ умеръ, я писала ему два раза, по не получила отвѣта“, отвѣчала она, рыдая. Его арестовалъ за нищенство и бродяжничество комитетъ о нищихъ.

„Такъ какъ ты знаешь, гдѣ онъ, сказала я, я поѣду къ нему и скажу тебѣ всю правду о немъ. Подожди терпѣливо моего возвращенія“.

„Я поѣхала въ учрежденіе о нищихъ очень далеко, отдѣленное отъ тюрьмы, и вызвала мальчика. Видъ у него былъ здоровый и опрятный.

„Мать твоя шлетъ тебѣ благословеніе, сказала я. Она здорова, но огорчена тѣмъ, что ты не отвѣчаешь на ея письма. Развѣ ты ихъ не получилъ?

„Да, я ихъ получилъ, но я не умѣю писать. Меня начали учить здѣсь, я знаю лишь только нѣсколько буквъ.

„Со мной, при поѣздкахъ въ тюрьмы, всегда бывали письменныя принадлежности, чтобъ, въ случаѣ надобности, писать письма подъ диктовку безграмотныхъ заключенныхъ. Я предложила свои письменныя услуги мальчику.

Онъ просіялъ „Да скажите ей, что меня здѣсь очень хорошо кормятъ, три раза въ день, и даютъ сколько хочешь“.

„Что еще, спросила я, не хотѣлъ бы ли ты видѣть свою мать? Ходишь ли ты въ церковь и молишься ли о ней?“

„Да. Скажите, чтобъ она скорѣй пришла жить со мной здѣсь.

„Пріятно было видѣть, какъ мое сообщеніе обрадовало мать и заинтересовало ея тюремныхъ товарокъ!

„Помогать несчастнымъ составляетъ истинное удовольствіе для русскихъ людей, намъ почти не надо проповѣдей о милосердіи и состраданіи, насъ воспитываютъ въ этихъ понятіяхъ съ дѣтства; христіанство—не пустой звукъ для насъ, оно представляетъ ясный, категорическій принципъ, составляющій звено между нами, отъ Императора и до самаго смиреннаго мужика. Наши классы служатъ прекраснымъ примѣромъ этого. Первая, наша Государыня, душа всякаго благотворенія. Я никогда не слышала, чтобъ просьба, обращаемая къ ней, осталась безъ отвѣта. Трудно быть добрѣе Государя! Великая Княгиня Александра Іосифовна, несмотря на громадное число просьбъ, все находитъ время на нихъ удѣлять не мало вниманія, и щедрость ея дѣйствительно поразительна: во время голода, она между прочимъ взяла на себя прокормить, въ теченіе года, тысячу крестьянъ. Я бы могла указать еще примѣры щедрости нашей Царской семьи.

„Среди частныхъ лицъ, укажу напримѣръ, на нашего оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева и его жену; несмотря на слабое здоровье, она не только учредила великолѣпную школу, посѣщая ее ежедневно и часто проводя тамъ даже часть ночного времени. Съ помощью мужа она собираетъ большія суммы, для сосланныхъ на Сахалинъ, посылаетъ имъ одежду, нужныя орудія, табакъ, игрушки, письменныя принадлежности и религіозныя книги. Наши низшіе классы любятъ только Божественныя книги, какъ они ихъ называютъ. Духовныя книги въ очень большомъ спросѣ и нерѣдко удерживаютъ народъ отъ нигилистической пропаганды.

„Вотъ еще примѣръ: Сергѣй Александровичъ Рачинскій, извѣстный Московскій профессоръ, человѣкъ свѣтскій, независимый, безъ всякихъ само-рекламированій, встрѣчаемыхъ въ Западной Европѣ, зарылся въ своемъ имѣніи, гдѣ основалъ школу, которая послужила примѣромъ десяти, двѣнадцати школамъ той же губерніи, и которую онъ ведетъ лично съ отеческой заботой и въ православномъ духѣ. Онъ начинаетъ также учреждать общества трезвости по всей Россіи.

„Я могла бы разсказать о безчисленныхъ случаяхъ, доказывающихъ, что человѣколюбіе широко развито въ Россіи. Имъ проникнуты всѣ наши дѣла, включая тюрьмы.

„Екатерина Великая говорила: „Лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ одного невиннаго осудить. Это правило нерѣдко примѣняется нашими судьями.

„Въ Англіи убійцъ преспокойно вѣшаютъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, и случается это довольно часто, а въ Индіи строгость, по свидѣтельству самихъ англичанъ, принимаетъ громадные размѣры. А случаи тѣлеснаго наказанія считали тысячами до самаго 1909 года. Такъ: по оффиціальнымъ даннымъ въ 1897 году было 24.818 случаевъ тѣлеснаго наказанія, а законъ объ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ такихъ наказаній прошелъ лишь въ 1909 г. Смертная казнь претитъ общественному чувству въ Россіи и была примѣняема къ счастью лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ.

Да вѣдь и подлинно: какъ же лишать человѣка возможности покаяться и, можетъ быть, загладить свое преступленіе? Но старанія — улучшить нашу тюремную систему, къ счастью, не прекращаются.

„Желающіе знать настоящее состояніе русскихъ тюремъ въ 1891 г. пусть прочтутъ вполнѣ правдивую книгу г-на Винтъ. Должна прибавить: онъ видѣлъ больше русскихъ земель, чѣмъ

я, къ сожалѣнію, я никогда не была въ Сибири, онъ два раза. Наше тюремное начальство, въ Европѣ и Азіи, убѣжденное въ его искреннемъ желаніи писать правду, исключительную правду, отворяло ему двери тюремъ днемъ и ночью, когда бы онъ объ этомъ ни просилъ. Я рада, что наши власти такъ хорошо къ нему отнеслись.

„Чѣмъ больше читаешь его книгу, тѣмъ больше убѣждаешься, что все, что онъ пишетъ, будь то похвала, или порицаніе, онъ глубоко въ этомъ увѣренъ. Англичанинъ имѣетъ собственные взгляды и чувства, пусть онъ выражаетъ ихъ откровенно, если имъ руководитъ искреннее уваженіе къ правдѣ. Въ этомъ направленіи книга г-на Винта достойна подражанія и служитъ контрастомъ столь популярной, въ Англіи, литературѣ, которая основана на воображеніи и вымышленныхъ нашихъ полицейскихъ донесеніяхъ. Въ каждой странѣ имѣются тюрьмы, надо предположить, что каждая страна имѣетъ преступниковъ и, при желаніи, легко можетъ изобрѣсти всякіе ужасы по этому поводу. Въ Англіи, къ сожалѣнію, чѣмъ безстыднѣе преувеличеніе, тѣмъ лучше оно оплачивается. Къ тому же биржевая игра не рѣдко усиливается отъ такихъ вымысловъ.

Довѣрчивые читатели англійскихъ газетъ часто вводятся въ заблужденіе печатью. На меня сердились, въ прошломъ году, когда я напомнила имъ, какую силу представляетъ Россія. Я сказала, что Россія великая военная страна съ двухъ-милліонной арміей, на которую ни одна Европейская держава не посмѣетъ напасть, безъ посторонней помощи; я могла бы прибавить, что еще важнѣе, способность Россіи превратить свою будничную жизнь въ геройскіе подвиги, не разъ удивившіе міръ, въ минуты народныхъ испытаній. Не могъ ли бы такой народъ быть полезнымъ другомъ и союзникомъ всякой державы?

„Что бы я дала, чтобъ обладать искусствомъ лечить нравственную слѣпоту? Какое грандіозное зрѣлище представляли бы собой двѣ великія христіанскія державы, дружно работающія не только въ Европѣ, но въ особенности въ Азіи, гдѣ теперешняя ихъ политика только мѣшаетъ цивилизаціи иноземныхъ племенъ?

„Поэтому каждый англійскій писатель, помогающій вѣрному пониманію Россіи, оказываетъ услугу христіанскому дѣлу.

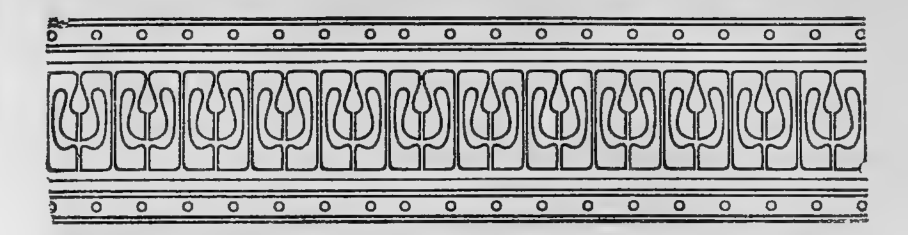
Г-нъ Винтъ одинъ изъ нихъ, и я, какъ русская, могу только пожелать успѣха ему и его книгѣ. Если „Noblesse oblige, Christianisme oblige plus encore“.

Какъ прибавленіе къ этой главѣ, говоритъ Стэдъ, я привожу одно изъ послѣднихъ писемъ Фруда къ m-me Новиковой отъ 2-го апрѣля 1892 года:

„Съ интересомъ прочелъ книгу Винта. Ваше предисловіе—самая остроумная его часть. Винтъ скученъ, хотя факты его могутъ быть точны. Графа Льва Толстого я давно считалъ сумасшедшимъ. Замѣтьте, большинство людей, когда они недовольны своей прошлой жизнью и раскаиваются, сваливаютъ вину на общество, въ которомъ жили, вмѣсто того, чтобъ обвинять себя. Насколько я понимаю, Толстой велъ безпорядочную жизнь одно время, когда уже пользоваться онъ ею не могъ, тогда онъ вдался въ религію и революцію. Поэтому онъ именно во вкусѣ теперешнихъ англичанъ. Газеты пишутъ о немъ, какъ объ угнетаемомъ Иліи“.

Е. С. М.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Лихолѣтье на Кавказскомъ рубежѣ.

Начавшаяся съ воцареніемъ перваго самозванца кровавая смута на Руси не ограничилась предѣлами только центральныхъ и ближайшихъ къ Москвѣ областей, но проникла и въ отдаленные рубежи: въ Астрахань, на Волгу, Яикъ, Терекъ и Кавказъ, гдѣ свили себѣ прочныя гнѣзда вольные сыны степей—казаки.

Въ ту пору послѣдняя область была слишкомъ удалена отъ сердца Россіи обширными и трудно-проходимыми Придонскими и Приволжскими степями, подчиняясь въ духовномъ и военно-административномъ отношеніяхъ не близко расположенной отъ нея Астрахани. Русскихъ поселенцевъ тамъ было мало. Только на устьѣ рѣки Тюменки близъ Каспійскаго моря стоялъ городъ-острогъ Терки, да въ верховьяхъ рѣки Терека противъ устьевъ рѣки Сунжи и въ Гребеняхъ разбросалось нѣсколько городковъ и становищъ Терскихъ „вольныхъ" казаковъ.

Остальные обитатели Кавказа—кабардинцы, черкесы пятигорскіе, кумыки и шамхальцы, постоянно враждовавшіе между собою, хотя и считались подданными русскаго царя, „шертовали" ему и давали въ г. Терки аманатовъ, но при первомъ удобномъ случаѣ уклонялись то къ шаху Кизылбашскому (Персія), то къ Турціи, то къ хану Крымскому.

Болѣе преданными русскому престолу были кабардинцы и черкесы. Даже когда Лжедимитрій занялъ мономаховъ тронъ, они, увѣренные въ его царственномъ происхожденіи, прислали въ Москву (12 ноября 1605 года) съ поздравленіемъ „о принятіи имъ Россійскаго престола" особую депутацію, въ составѣ мурзы Петра Сунчалѣевича Янгалычева съ 10 узденями и

нѣсколькими „черкашенинами" и терскими „новокрещепами" и Окоцкаго мурзу Батыя Шихмурзина съ 6-ю товарищами. „Цесарь" обласкалъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, но просимаго ими жалованья по ихъ окладамъ за 1604 годъ [1]) не далъ, наградивъ ихъ только сукнами, камками, шубами и шапками и повелѣвъ послать такое же награжденіе прочимъ кабардинскимъ, черкаскимъ, кумыцкимъ и другимъ тамошнимъ князьямъ и мурзамъ. Они обѣщали ему „служить и прямить, какъ прежнимъ великимъ государямъ, предкамъ его" [2]).

Въ свою очередь, узнавъ о воцареніи самозванца, и шахъ Аббасъ 2 прислалъ къ нему гонца съ своей грамотой, въ которой, называя его „всего крестьянскаго государства великимъ государемъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ", предлагалъ ему свою „дружбу, любовь и братство" съ тѣмъ, чтобы „за одно промышлять надъ турецкими людьми" [3]).

Передъ „богоотступникомъ Гришкой" не согнули свои выи только Терскіе вольные казаки, которые и депутаціи ему не послали и не присягали ему. Напротивъ, находившіеся на „годовой службѣ" въ г. Теркѣ казаки жилецкіе, не получая давно жалованья денежнаго и хлѣбнаго, рѣшили выставить своего самозванца, Илейку Муромца, подъ именемъ царевича Петра, несуществующаго сына царя Ѳедора Ивановича. Чтобы добыть себѣ „корму" и отомстить астраханскимъ воеводамъ за притѣсненія и задержку жалованья, въ числѣ 300 человѣкъ, подъ начальствомъ атамана Бодырина, пустились они на легкихъ стругахъ по Хвалынскому морю къ устьямъ широкой Волги.

Совершивъ погромъ татарской столицы и усилившись астраханскими и волжскими казаками, терцы потянули вверхъ по великой рѣкѣ къ Казани, все разрушая на своемъ пути. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ текли воры и „гулящіе люди", чтобы поживиться чужимъ добромъ. Къ концу похода набралось до 4 тыс. человѣкъ разношерстныхъ воякъ.

---

[1]) Янгалычеву 40 руб., узденямъ по пяти, Батыю 15-ть, окоцкимъ людямъ по пяти, а черкашенику и новокрещенамъ по шести рублей.

[2]) Москов. архивъ иностр. дѣлъ. Кабардинск. сношенія, корт. 1, № 1.

[3]) Тамъ же, Персидскія дѣла кор. 3.—Въ указанномъ архивѣ сохранилось шесть грамотъ, полученныхъ отъ Персидскаго шаха въ смутный періодъ. Двѣ изъ нихъ адресованы „Государю Дмитрію Ивановичу", остальныя „Всероссійскому государства повелителю и Великому князю бѣлому царю" (безъ имени).

Несдерживаемые ничѣмъ, достигли казаки Свіяжска, но здѣсь получили извѣстіе, что разстрига убитъ на Москвѣ. Тогда они повернули на низъ и, переваливши у Камышинки на Донъ, зазимовали тамъ. А весной 1607 года, соединившись съ донцами, по приглашенію кн. Шаховского, двинулись на Путивль къ Тулѣ.

Въ это время отдаленный Кавказъ не оставался спокойнымъ зрителемъ совершавшихся на Руси событій. Избраніе на царство ненавистнаго для всей Россіи Василія Ивановича Шуйскаго вызвало и тамъ волненіе. Правда, черкасскій мурза Сунчалей Янгалычевъ съ окоцкими мурзами и узденями также ѣздилъ въ Москву на поклонъ къ новому царю, чтобы заявить ему о своей вѣрности, но, получивъ отъ скупого государя „малое" награжденіе, по возвращеніи на Терекъ перемѣнилъ свои мысли.

Какъ говоритъ въ разспросныхъ рѣчахъ казанецъ, сынъ боярскій, Иванъ Хохловъ [1]), астраханцы и терцы никакъ не соглашались „цѣловать креста" царю Василію, несмотря на уговоры сего послѣдняго и брата его стрѣлецкаго головы Василія Хохлова. И не только находившіеся въ г. Теркѣ казаки, стрѣльцы и горскіе служилые люди, но даже дворяне и дѣти боярскіе противились тому, схватили обоихъ братьевъ „подговорщиковъ", „били ихъ на смерть и, ограбя донага, посадили въ тюрьму", гдѣ они „мучили животъ свой полтора года". Потомъ „развели ихъ розно"; Василія оставили на Терекѣ, а Ивана Хохлова отправили въ Астрахань „за приставы", гдѣ онъ „животъ свой мучилъ же и хотѣли убить его до смерти".

Къ сожалѣнію, архивные документы не указываютъ, кто руководилъ волненіемъ на Терекѣ и кто настраивалъ тамошнихъ казаковъ и служилыхъ людей противъ новаго царя. Возможно, что тутъ были замѣшаны высшіе чины—бояре, окольничьи, стольники. По крайней мѣрѣ въ Астрахани возбудилъ къ возстанію гарнизонъ самъ воевода князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ. Даже тогда, когда нѣкоторые изъ астраханцевъ и терцевъ, раскаявшись въ своихъ поступкахъ, принесли повинную и вступили въ отрядъ правительственныхъ войскъ, подъ начальствомъ Ѳедора Ивановича Шереметева, онъ не переставалъ „мутить" окружныхъ жителей. Въ своей грамотѣ, писанной въ 1608 году, онъ требовалъ отъ Ногайскаго князя

---

[1]) Моск. арх. иност. д. Персидск. дѣло, кор. 4, № 2.

Иптерека шертовать второму самозванцу, называя Шереметева измѣнникомъ [1]).

Посылалъ ли астраханскій воевода такія же письма къ другимъ обитателямъ края,—о томъ не дошли до насъ свѣдѣнія. Но едва-ли, враждебно настроенный противъ Шуйскаго, утерпѣлъ онъ склонить на сторону мятежника вольныхъ казаковъ Волжскихъ, Терскихъ и Яицкихъ. Первые съ самаго начала появленія своего на Волгѣ промышляли грабежомъ торговыхъ судовъ и воровскими набѣгами на заволжскихъ ногаевъ орды князя Уруса. Часть ихъ также отправилась съ Илейкой на Тулу, но и оставшіеся на мѣстахъ не прочь были присоединиться къ мятежникамъ, въ страхѣ держа сосѣднія русскія поселенія и преградивъ всѣ пути въ Персію и на Кавказъ. Впослѣдствіи съ помощію ихъ Ивашка Заруцкій завладѣлъ Астраханью и возбудилъ къ возстанію ногайскія и татарскія орды. Но Яицкіе казаки, обезсиленные незадолго передъ тѣмъ совершеннымъ на Хиву неудачнымъ походомъ, не могли откликнуться на призывъ князя Хворостинина, чтобы принять участіе въ происходившихъ на Руси смутахъ. Еще того менѣе астраханскій воевода могъ разсчитывать на сочувствіе къ своимъ замысламъ Терскихъ вольныхъ казаковъ, затерявшихся своими становищами въ дебряхъ Кавказа. Тамъ остался болѣе спокойный элементъ, отказавшійся слѣдовать въ ранѣе организованной шайкѣ за самозваннымъ царевичемъ Петромъ. Послѣдніе казаки не изъявили покорности ни самозванцамъ и не присягали царю Василію. Однако стойко защищали пограничныя поселенія отъ вражескихъ набѣговъ и зорко слѣдили за всякими передвиженіями разнородныхъ горскихъ племенъ.

Первыми узнали они о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ кабардинскихъ князей передаться на сторону турецкаго султана въ виду того, что шахъ персидскій, слѣдуя подговорамъ своего шурина, Кумыцкаго князя Гирея, хотѣлъ завладѣть ихъ землей и наказать кумыковъ за то, что они отказались дать ему помощь войскомъ противъ царя Грузинскаго.

Жившіе на мѣстахъ терцы наоборотъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами старались прекратить смуту. Они не сдались потомъ и на заманчивыя обѣщанія прибѣжавшаго въ Астрахань Заруцкаго. Напротивъ, передъ масляницей 1614 года они схватили пріѣхавшаго на р. Быструю тюменскаго мурзу Салтангула, который распространялъ среди горцевъ невѣроятныя извѣстія

---

[1]) Собран. Госуд. Грам. и догов. II, №№ 153 и 155.

о дѣйствіяхъ послѣдняго и Маринки. Послѣ того, дней десять спустя, переняли на р. Сухой Бороздѣ другого агитатора, Михалку Чернаго, посланнаго мятежникомъ для возмущенія кабардинцевъ, и представили его въ г. Терки къ воеводѣ Петр. Петр. Головину.

Когда послѣ пытки въ Теркѣ Михалка разсказалъ о враждебныхъ замыслахъ Заруцкаго противъ вновь избраннаго юнаго царя Михаила Ѳеодоровича, собравшіеся тамъ „вольные атаманы и казаки и всѣ прочіе Терскіе служилые и жилецкіе люди тому обрадовались и великому государю крестъ цѣловали тотчасъ, и князей и мурзъ черкаскихъ, которые были на Терекѣ, къ шерти привели, а у иныхъ аманатовъ взяли“. Послѣ того „учиня межъ себя благосоюзный совѣтъ, къ астраханскимъ всякимъ людямъ послали отписку, чтобъ они, помня Бога и души свои и прежнихъ великихъ государей къ себѣ жалованье, отъ такого злого Ивашкина воровства и отъ Маринки отстали и великому государю добили челомъ и вины свои принесли“ [1]).

Слѣдомъ затѣмъ на шестой недѣлѣ поста воевода Головинъ отправилъ въ Астрахань, подъ начальствомъ стрѣлецкаго головы Василія Хохлова, дѣтей боярскихъ, сотниковъ и стрѣльцовъ 200 человѣкъ и 500 терскихъ вольныхъ казаковъ, которые разгромили шайку Заруцкаго, многихъ воровъ побили, иныхъ въ водѣ потопили и захватили въ плѣнъ тетку Маринки, литовку Варвару Козановскую, слугу ея Ивашку Попруцкаго, да бывшаго при ней литовскаго попа Антона и 160 волжскихъ казаковъ съ атаманомъ Иваномъ Аѳанасьевымъ [2]).

Съ немногими ворами на 33 стругахъ бѣжали остальные мятежники въ Каспійское море, откуда кинулись на Яикъ, гдѣ ихъ потомъ переловили всѣхъ казанскіе и самарскіе стрѣльцы, прибывшіе въ Астрахань съ княземъ Одоевскимъ изъ Самары.

За такой подвигъ 21 іюня 1614 года отъ царя Михаила Ѳеодоровича была дана терцамъ похвальная грамота. А мѣсяцъ спустя отправленъ на Терекъ дворянинъ Дмитрій Погожевъ съ царскимъ милостивымъ жалованнымъ словомъ и „съ золотыми“. Ему было велѣно сказать тамъ:

„И вы бъ, головы, дворяне, дѣти боярскіе, сотники, атаманы, казаки, стрѣльцы и всякіе служилые терскіе люди, видя надъ нами, великимъ государемъ, милость Божію и нашу царскую милость къ себѣ и призрѣніе, какъ есте начали намъ великому

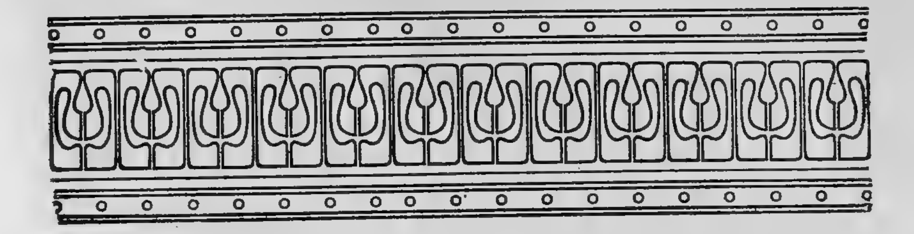
---

[1]) Моск. арх. ин. д. Вязки кабард. кор. 2, № 5.
[2]) Тамъ же, корд. 2, № 2.

государю служити, такъ бы и содержали—намъ служили и прямили и надъ воромъ Ивашкой Заруцкимъ и надъ Маринкою съ сыномъ промышляли неослабно, сколько вамъ милосердный Богъ подастъ; а мы, великій государь, васъ учнемъ жаловать и держать въ призрѣніи свыше прежняго и учнемъ къ вамъ присылать съ нашимъ жалованьемъ съ деньгами и хлѣбнымъ ежегодно безпереводно, *и ту вашу службу учинимъ на вѣки памятну дѣтямъ вашимъ и внучатамъ*“ [1]).

П. Юдинъ.

[1]) Тамъ же, кор. 2, № 5.



Неудачная опека.

(Изъ прошлаго села Кончанскаго).

Сынъ генералиссимуса А. В. Суворова—Аркадій Александровичъ умеръ трагической смертью; онъ утонулъ въ 1811 году въ Рымникѣ, въ той самой рѣкѣ, на берегахъ которой, какъ извѣстно, стяжалъ себѣ славу его отецъ. Послѣ А. А. осталось большое состояніе, которое должно было перейти по наслѣдству женѣ его Еленѣ Александровнѣ, урожденной Нарышкиной, и четверымъ малолѣтнимъ дѣтямъ. Но ни родственники, ни сама вдова, не могли дать свѣдѣній о томъ, гдѣ находится и въ чемъ заключается это состояніе. Во избѣжаніе какихъ-либо расхищеній, тесть покойнаго А. Л. Нарышкинъ просилъ Императора Александра Павловича „снисходить къ сиротамъ", и тогда Правительствующему Сенату послѣдовалъ Высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно „надъ имѣніемъ зятя оберъ-камергера Нарышкина—умершаго генералъ-лейтенанта князя италійскаго графа Суворова-Рымнинскаго учредить опеку" [1]. Началась усиленная переписка по розысканію имущества. Больше всѣхъ учрежденій писало петербургское губернское правленіе такъ какъ и Нарышкинъ и вдова Суворова проживали въ Петербургѣ. Кое-какъ были добыты отрывочныя данныя. Графиня припомнила изъ словъ мужа, что есть имѣнія въ губерніяхъ: Новгородской, Пензенской, Костромской, и въ концѣ концовъ выяснилось, что имѣется душъ 5-й ревизій: по 1-й въ Скривенской волости—1000, по 2-й въ селѣ Никольскомъ—440, по

---

[1] Указъ Прав. Сен. Губ. Правл. отъ 16 іюня 1811 г. за № 543.

3-й, въ с. Сараевѣ—220 и по 4-й въ с. Рождественѣ—150. Эти имѣнія приносили доходу 20—22 тыс.

Для управленія имуществомъ вдова избрала опекуновъ: со стороны покойнаго мужа генералъ-лейтенанта Алексѣя Ивановича Горчакова и государственнаго секретаря Михаила Михайловича Сперанскаго, а отъ себя генерала Филатова.

Опекуны соглашались принять подъ свое покровительство малолѣтнихъ Суворова не иначе, если будетъ строжайше приказано управляющимъ имѣній исполнять всѣ требованія и предписанія опекающихъ лицъ и будутъ сдѣланы повсемѣстно розыски иного движимаго и недвижимаго имущества, сверхъ указаннаго, такъ какъ не довѣряли, что послѣ князя только и осталось состоянія, что въ четырехъ губерніяхъ. Управляющимъ „подтвердили". Другихъ имѣній искали, но ничего не нашли, и въ качествѣ опекуновъ, такимъ образомъ, выступили: вдова Суворова, Горчаковъ, Сперанскій и Филатовъ. Прежде всего дѣятельность опекуновъ выражалась въ отчетѣ по наслѣдству за 1812 годъ. Отчетъ этотъ небезъинтересенъ:

Изъ четырехъ наслѣдниковъ только княжна Марія, 9 лѣтъ, воспитывалась въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Князь Константинъ—2-хъ лѣтъ, по малолѣтству ничему не обучался, а прочія дѣти: Александръ 7 л. и Варвара 4 лѣтъ учились дома; имъ преподавались уроки Закона Божія, русскаго, англійскаго и французскаго языковъ, музыки, танцевъ и рисованія.

Съ имѣній поступило денегъ: оброчной недоимки съ крестьянъ и дворовыхъ людей 5.705 р., оклада за первую половину 9.258 р., за дворовыхъ, отданныхъ въ рекруты по вотчинамъ покойнаго 2.000 р., остатокъ 13 р. отъ проѣздныхъ и кормовыхъ служителямъ, бывшимъ въ вотчинѣ для возстановленія порядка, нарушеннаго бурмистромъ, за медъ и воскъ—122 р., отъ продажи дома въ Москвѣ 2.770 р., на воспитаніе малолѣтнихъ 400 р., собранные крестьянами изъ усердія и остатокъ отъ 1811 года—80 р. Всего 20.348 р.

Израсходовано было: на перенесеніе тѣла князя Суворова изъ Рымника въ Воскресенскій монастырь 3.925 р., на годовую [1]) соборную панихиду 35 р., въ уплату пошлинъ, на гербовую бумагу и публикаціи о вызовѣ кредиторовъ 3.054 р., въ жалованье писарямъ опекунской конторы 84 р., на канцелярскія и мелкія потребности 259 р. и въ уплату долговъ 12.466 р.—всего

[1]) Князя Аркадія Александровича. *Ред.*

19.823 р. Кромѣ того опекуны взяли изъ 20.000 р., всемилостивѣйше пожалованныхъ на воспитаніе сиротъ 16.166 р. и передали вдовѣ, которая счетъ по этимъ деньгамъ обѣщалась представить прямо отъ себя въ дворянскую опеку. Теперь о долгахъ покойнаго: за уплатою указанной суммы осталось неоспоримаго долга 39.996 руб., да сверхъ того „рекомбіи" и процентовъ 9.912 р. По неокончанію дѣлъ и неприсылкѣ документовъ опекуны не признали еще прежнихъ казенныхъ и партикулярныхъ долговъ на сумму 107.125 р. и по новымъ претензіямъ 10.015 р. Въ свою очередь покойный имѣлъ за разными лицами 55.488 р., но въ числѣ оныхъ сомнительныхъ 25.737 р. О взысканіи надежныхъ долговъ опекуны прилагали и продолжаютъ прилагать всѣ старанія. Такъ говорилось въ отчетѣ.

Кромѣ того опекуны предложили управляющимъ, чтобы они выбрали изъ каждой вотчины по 4 мальчика изъ сиротъ и отдали бы ихъ обучиться грамотѣ съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ впослѣдствіи писарей и бурмистровъ.

Опека нашла въ суммахъ отчета исправность и вѣрность, въ расходахъ бережливость, въ имѣніяхъ заботливость и наблюденіе, поэтому, утвердивъ сей отчетъ, объявила опекунамъ благодарность за отеческое стараніе о пользѣ малолѣтнихъ дѣтей покойнаго.

Главное, надо было сдѣлать имѣніямъ опись. За это дѣло съ энергіей взялся М. М. Сперанскій. Онъ составилъ 86 образцовъ описей и переплелъ ихъ въ книги. Судя по образцамъ, имущество должно было подвергнуться описанію съ нитки до нитки. Для осуществленія описей М. М. обратился съ просьбой къ губернаторамъ тѣхъ губерній, гдѣ находились Суворовскія имѣнія.

Новгородскому губернатору А. В. Васильчикову М. М., какъ вѣроятно и другимъ губернаторамъ, писалъ: „Вашему превосходительству извѣстны уже, какъ Высочайшій указъ, объявленный Правительствующему Сенату министромъ юстиціи объ учрежденіи надъ имѣніемъ покойнаго князя Аркадія Александровича Суворова, такъ и о лицахъ, имѣющихъ составлять оную опеку.

Нынѣ петербургская дворянская опека увѣдомляетъ меня, что она писала здѣшнему губернскому правленію о сообщеніи таковымъ же Новгородскому, Московскому, Костромскому и Пензенскому, дабы оныя дали знать дворянскимъ опекунамъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ имѣніе, какъ объ учрежденіи

надъ онымъ состоящаго опекунства, такъ и о избранныхъ опекунахъ, предписавъ въ то же время дворянскимъ опекамъ сдѣлать самому имѣнію опись и оную доставить въ петербургскую дворянскую опеку. Но поелику чиновники, коимъ поручено будетъ учинить требуемую опись, при всемъ тщательнѣйшемъ ихъ стараніи исполнить съ точностью сіе порученіе, руководствуясь въ ономъ общими правилами, упустить могутъ такія изъ подробностей, которыя въ хозяйствѣ непосредственно важны и о которыхъ свѣдѣнія опекунамъ, быть можетъ, необходимы, да и самыя описи доставляются токмо въ петербургскую опеку, а не собственно опекунамъ, и какъ они по сей причинѣ ни къ какому распоряженію съ основательностью приступить не могутъ, яко люди неимѣющіе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о истинномъ состояніи ввѣреннаго управленію ихъ имѣнія, слѣдственно не только не въ состояніи будутъ достигнуть цѣли, для коей Высочайше повелѣно учредить настоящее надъ онымъ опекунство, но за неустройство того имѣнія могутъ еще безвинно подвергнуться предосужденію и даже отвѣту, то по всѣмъ симъ обстоятельствамъ и по долгу званія опекуна, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить кому слѣдуетъ, дабы описи имѣнію покойнаго князя Суворова, состоящему во ввѣренной вамъ губерніи, учинены были по образцамъ, при семъ препровождаемымъ, и чтобы изъ оныхъ одинъ экземпляръ доставленъ былъ въ петербургскую дворянскую опеку, а другой ко мнѣ для препровожденія сего послѣдняго въ контору опекуновъ. А дабы скорѣйшему окончанію сихъ описей елико можно поспѣшествовать и облегчить трудъ тѣхъ, кои къ учиненію оныхъ употреблены будутъ, для того отъ конторы сего опекунства управляющему имѣніемъ покойнаго предписано пріискать писарей. Въ печатные экземпляры вышесказанныхъ описей, слѣдственно, за симъ останется внести только предметы, для коихъ они предназначены. Впрочемъ, какое по сему случаю дано отъ опекуновъ предписаніе помянутому управляющему, то для свѣдѣнія препровождается копія съ него" [1]).

Предписаніе же это именуется М. М. Сперанскимъ въ подлинникѣ приказомъ. Приказъ былъ данъ бурмистру Абраму Михайлову, который управлялъ вотчиной князя Суворова въ Боровичскомъ уѣздѣ.

„Ты извѣщенъ о Высочайшемъ указѣ, коимъ повелѣно учре-

[1]) Письмо М. М. Сперанскаго отъ 31 дек. 1811 г.

дить опеку надъ имѣніемъ покойнаго твоего барина и о лицахъ, имѣющихъ составлять оную. Нынѣ же дается тебѣ знать"... Сообщая о ходѣ дѣла, Сперанскій заключаетъ: „и предлагается тебѣ съ миромъ:

Первое. Когда секретарь Уѣзднаго Суда и свидѣтели изъ дворянъ прибудутъ къ описи имѣнія, управляемаго тобою, тогда представить имъ препровождаемые при семъ печатные экземпляры описей.

Второе. Поелику опекуны желаютъ состояніе управляемыхъ тобою крестьянъ содѣлать сколько отъ нихъ зависитъ лучшимъ, цвѣтущимъ и счастливѣйшимъ, совершеніемъ же сего намѣренія елико можно ускорить, къ чему предварительно весьма нужно имѣть имъ самое подробнѣйшее свѣдѣніе о достаткахъ каждаго особенно крестьянина, дабы сообразно съ тѣмъ принять нужныя мѣры ко благу каждаго изъ нихъ и всѣхъ вообще и какъ для сего единственно намѣренія въ вышепомянутыя описи будетъ вноситься все имущество крестьянъ покойнаго твоего барина, яко-то: скотъ, птицы, посѣянный и наличный хлѣбъ и прочее движимое и недвижимое имѣніе, то и не должны они ни унывать, а тѣмъ менѣе страшиться сей только подробной описи, ниже утаивать при оной что-либо изъ имѣнія своего, поелику изъ онаго ни единый волосъ не отымется у нихъ, да и самая сія опись дѣлается съ изъясненною подробностью для вящщаго охраненія блага ихъ и пользы малолѣтнихъ ихъ господъ, чего ради прочитать сей приказъ на мірской сходкѣ и потомъ прочитывать оный въ каждой деревнѣ предъ началомъ описи ея.

Третье. Цѣну разнымъ домовымъ вещамъ, платью и всему вообще имѣнію предоставляется показать каждому крестьянину по совѣсти его. И, наконецъ,

Четвертое. Чиновникамъ, долженствующимъ учинить сію опись, отвести приличные покои въ господскомъ или, гдѣ онаго нѣтъ, въ крестьянскихъ домахъ, оказывать имъ всевозможную помощь къ скорѣйшему и вѣрнѣйшему составленію помянутой описи; объ окончаніи же оной донести опекунамъ рапортомъ, отправляя оный на имя супруги покойнаго барина, каковымъ порядкомъ и впредь посылать всѣ донесенія по ввѣреннымъ твоему управленію деревнямъ" [1]).

Какое послѣдовало отъ губернатора распоряженіе—неизвѣстно, но только боровичская дворянская опека посылала въ вотчину

[1]) Копія съ приказа отъ 31 дек. 1811 г. за № 61.

секретаря уѣзднаго суда Каткова. По закону обстоятельная опись наслѣдства должна была составляться въ присутствіи двухъ постороннихъ дворянъ и опекуновъ или ихъ довѣренныхъ, но Катковъ никого въ вотчинѣ не нашелъ. Правда, встрѣтилъ его бурмистръ Михайловъ, однако, и онъ не могъ быть при описи, такъ какъ не имѣлъ довѣренности отъ опекуновъ. Тѣмъ не менѣе, будь даже на-лицо дворяне и опекуны, то и тогда бы описей не составить потому, что не было писарей и писать было бы некому. Поэтому Катковъ просилъ опеку вывести его изъ затруднительнаго положенія и указать, какимъ образомъ приступить къ описи имѣнія безъ опекуновъ, ихъ повѣренныхъ и свидѣтелей, откуда потребовать для письма писарей, кому оставить имущество на храненіе и кто въ немъ распишется. Если это будетъ устранено, то, кромѣ того, просилъ сообщить ему, откуда онъ долженъ будетъ взять свѣдѣніе о томъ, сколько имѣетъ крестьянинъ десятинъ земли пахотной, отдыхающей и подъ сѣнокосомъ, такъ какъ бурмистръ на этотъ счетъ ничего утвердительнаго сказать не можетъ. Конечно, разрѣшить подобные вопросы опека не могла и обратилась за разъясненіемъ къ опекунамъ. Долго ходилъ этотъ запросъ по инстанціямъ, года три ходилъ. Наконецъ, петербургская управа благочинія увѣдомила опеку, что А. И. Горчаковъ находится въ Нижней Саксоніи, М. М. Сперанскій служитъ въ Пензѣ гражданскимъ губернаторомъ, а вдовы Суворова на жительствѣ въ Петербургѣ не оказалось. Относительно же Филатова сообщалось, что онъ уволенъ отъ обязанностей опекуна указомъ Сената. Но въ виду того, что его мѣсто заступилъ генералъ С. Борисовъ, то управа и передала ему свѣдѣніе о затрудненіяхъ опеки. Новый опекунъ никакого разъясненія не далъ и ничего по этому дѣлу не предпринималъ.

Спустя восемь лѣтъ послѣ смерти князя Суворова Петербургское губернское правленіе просило Новгородское, въ силу Высочайшаго повелѣнія, составить опись Суворовскому наслѣдству.

На этомъ ходатайствѣ у губернатора сдѣлана помѣтка „доложить немедленно“

Вотъ и доложили. Когда же?—3-го сентября 1828 года. Доложили, что съ 1811 г. описи имѣнію покойнаго Суворова до сего времени боровичскою дворянскою опекою учинено не было, по неявкѣ опекуновъ и по недоставленію отъ нихъ разныхъ необходимыхъ свѣдѣній. Посему и постановлено: „дѣло сдать въ архивъ“.

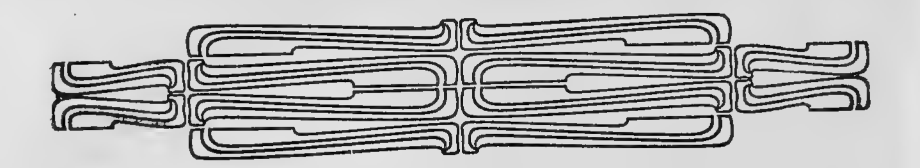
Теперь минуло уже сто лѣтъ со дня смерти князя А. А. Суворова, и снова выплылъ вопросъ объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія о наложеніи опеки на имѣніе его наслѣдниковъ, село Кончанское, въ Боровичскомъ уѣздѣ, въ виду крайней задолженности и раззоренія этого маіоратнаго имѣнія.

Но постигнетъ ли его прежняя участь или вѣкъ спустя опека будетъ удачнѣе, предугадать трудно.

З. Слезскинская [1]).

[1]) Матеріаломъ для данной статьи послужила переписка Спб. Губернскаго Правленія съ Новгородскимъ, заключающаяся въ дѣлахъ архива Новгородскаго Губернскаго Правленія, равно какъ и сообщенія дворянскихъ опекъ.

З. Слезскинская.



Пятидесятилѣтіе «Педагогическаго Сборника».

Почтенный журналъ, закончившій недавно первое полустолѣтіе своей дѣятельности, остается однимъ изъ лучшихъ наслѣдій шестидесятыхъ годовъ и незабвенной „Милютинской эпохи". Его вызвала къ жизни ясно сознанная потребность въ органѣ педагогической мысли, который разрабатывалъ бы вопросы воспитанія параллельно съ работою по преобразованію всего нашего военно-учебнаго дѣла, начатою правительствомъ послѣ Восточной войны. Въ концѣ 1861 г. главѣ военнаго вѣдомства всталъ Д. А. Милютинъ, а въ слѣдующемъ году началась реорганизація военно-учебныхъ заведеній, управленіе которыми было ввѣрено ген.-ад. Н. В. Исакову. По иниціативѣ обоихъ этихъ дѣятелей возникъ „Педагогическій Сборникъ", начавшій выходить 1 октября 1864 г. подъ редакціей педагога-писателя Н. Х. Весселя (1834—1906). Въ первой же книжкѣ Н. Х. Вессель счелъ необходимымъ, въ особой статьѣ „Отъ редакціи", объяснить profession de foi новаго журнала.

„Наши частные педагогическіе журналы, число которыхъ весьма ограничено, не могутъ занятьс разрабатываніемъ педагогическихъ и дидактическихъ вопросовъ, преимущественно въ примѣненіи къ потребностямъ того или другого рода учебно-воспитательныхъ заведеній. Они необходимо должны слѣдить за потребностями всего общества въ этомъ отношеніи и стараться по возможности удовлетворять имъ. Кромѣ того, постоянное неуклонное слѣженіе за правильнымъ развитіемъ возникающихъ на новыхъ началахъ учебныхъ заведеній, хорошо обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, имѣетъ важное, самое существенное значеніе не только непосредственно для этихъ заведеній, но и для возможно правильнаго устройства училищъ вообще, согласно указаніямъ здравой педагогики. Преобразовывающіяся въ настоящее время военно-учебныя заведенія представляютъ рѣдкій, самый счастливый случай возможности постепенчаго примѣненія здравыхъ теоретическихъ указаній, выработанныхъ наукою и искусствомъ воспитанія касательно общаго и спеціальнаго образованія, на самомъ дѣлѣ. Въ настоящую сферу дѣятельности военно-учебныхъ заведеній входятъ, какъ видно изъ изложеннаго краткаго очерка ихъ преобразованія, спеціальныя военныя училища, юнкерскія школы, военныя гимназіи, основанныя на началахъ общаго образованія, и училища военнаго вѣдомства съ классами для первоначальнаго

образованія. Слѣдовательно, военно-учебныя заведенія заключаютъ въ себѣ всю область воспитанія и обученія, первоначальнаго, общаго и спеціальнаго".

Работа закипѣла, и черезъ нѣсколько лѣтъ „Педагогическій Сборникъ" сталъ необходимымъ спутникомъ русскаго педагога, какъ военнаго, такъ и гражданскаго. Когда, въ 1874 г., Н. В. Исакову пришла мысль собрать отзывы дѣятелей военно-учебныхъ заведеній о журналѣ, онъ могъ быть доволенъ достигнутыми результатами. Такъ, директоръ второй военной гимназіи Г. Г. Даниловичъ, впослѣдствіи воспитатель нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, писалъ, что журналъ „представлялъ собою въ теченіе истекшаго десятилѣтія изданіе существенно-полезное для нашего вѣдомства въ двухъ, главнымъ образомъ, отношеніяхъ: съ одной стороны въ немъ нашли полную возможность заявлять свои мнѣнія и дѣлать извѣстными свои опыты всѣ лица нашего учебно-воспитательнаго состава, и этимъ путемъ облегчался общій успѣхъ педагогическаго дѣла на практическомъ поприщѣ; съ другой стороны—просвѣщенный редакторъ журнала далъ въ этомъ изданіи значительное мѣсто описанію иностранныхъ учебныхъ заведеній, цѣлымъ обширнымъ, частію самостоятельнымъ, частію переводнымъ монографіямъ по различнымъ педагогическимъ вопросамъ и напечаталъ въ приложеніяхъ нѣсколько цѣнныхъ переводныхъ сочиненій по педагогикѣ и нѣсколько учебниковъ... На-ряду съ практическими задачами школы, говоритъ далѣе Г. Г. Даниловичъ, журналъ этотъ далъ мѣсто на своихъ страницахъ и значительнымъ самостоятельнымъ и переводнымъ статьямъ по педагогикѣ, училищевѣдѣнію и психологіи. И эта сторона журнальной дѣятельности нашего органа заслуживаетъ полнаго сочувствія, такъ какъ при естественной заботливости каждой школы о ближайшихъ практическихъ результатахъ, ею даваемыхъ, весьма легко было уклониться и журналу въ узкую односторонность, исключивъ изъ своей программы изслѣдованіе тѣхъ общихъ научныхъ вопросовъ, которые съ перваго взгляда кажутся стоящими далеко отъ практической цѣли и потому излишними. Редакція „Педагогическаго Сборника" въ мѣру избѣжала этой крайности. Самое пользованіе журналомъ распространено въ довольно значительной степени въ средѣ воспитателей и преподающихъ; практическіе вопросы, обсуждавшіеся въ этомъ „Сборникѣ" въ различное время, часто бывали, вслѣдствіе появленія той или другой статьи въ журналѣ, предметомъ и разговоровъ, и бесѣдъ, и споровъ"...

Директоръ Ярославской военной прогимназіи писалъ: „Педагогическій Сборникъ" былъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, и я не помню статьи, въ особенности практическаго содержанія, – наиболѣе, слѣдовательно, потребнаго, а потому и самаго цѣннаго въ то время,—которая не была бы всѣми прочитана, обсужена, дебатирована и комментирована при всякомъ представлявшемся на практикѣ случаѣ. Такими статьями являлись въ особенности тѣ, въ которыхъ излагалась обстоятельно педагогическая практическая дѣятельность того или другого лица въ нашихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ... Изъ нихъ черпалось и примѣнялось къ дѣлу все то, что казалось хорошимъ и удобнымъ для примѣненія у себя, и въ этомъ главнѣйшая заслуга и важность этихъ статей... Въ то же время съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ такимъ изслѣдованіямъ въ области педагогической теоріи, каковы статьи К. Д. Ушин-

скаго, вошедшія потомъ въ составъ его книги „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, статьи Громачевскаго—„О религіозно-нравственномъ воспитаніи примѣнительно къ современнымъ потребностямъ общества“, „Объ эстетическомъ воспитаніи“, статьи Модзалевскаго и проч. Затрагивая множество живо интересовавшихъ вопросовъ съ чисто научной точки зрѣнія и давая сами по себѣ элементы для формальнаго педагогическаго развитія читателей, статьи эти вмѣстѣ съ тѣмъ наталкивали многихъ изъ нихъ на мысль о необходимости серьезнаго изученія того матеріала, надъ которымъ они работаютъ, т.-е. человѣческаго организма вообще и дѣтскаго въ частности... Мнѣ извѣстно, продолжалъ директоръ, „что не одинъ изъ тогдашнихъ педагоговъ занялся чтеніемъ сочиненій по анатоміи, химіи, физіологіи, психологіи и біологіи такихъ писателей, какъ Бенъ, Спенсеръ, Гризингеръ, Комбъ, Дрепперъ и др. Воспитатели стали интересоваться жизнью важнѣйшихъ представителей педагогической науки и практики: Аммосъ Коменскій, Песталоцци, Дистервегъ, Стой и др.“...

Интересенъ отзывъ еще одного спеціалиста, директора Псковской военной прогимназіи. Наполняясь рядомъ блестящихъ статей реформаторовъ нашего дѣла и давая отвѣты на многіе затруднительные вопросы учебно-воспитательной практики, журналъ этотъ сдѣлался необходимою книгою; каждый интересующійся правильнымъ ходомъ преподаванія учитель, каждый воспитатель, серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ, прибѣгалъ къ помощи „Сборника“ и въ большинствѣ случаевъ не оставался неудовлетвореннымъ.

Помощь „Педагогическаго Сборника“ была тѣмъ цѣннѣе, что, если и теперь педагогическая русская литература, которой одной могутъ пользоваться наши преподаватели и воспитатели, не богата, то во время появленія его она была и совершенно скудна. Гдѣ жъ, какъ не въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, появились тѣ замѣчательные труды по воспитанію дѣтей (Ушинскаго—„Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, Громачевскаго—„О христіанскомъ воспитаніи“ и др.), которые совершили переворотъ въ русской школѣ и тѣмъ болѣе имѣли значенія для прогимназическихъ дѣятелей, что имъ пришлось нововыработанныя идеи употреблять тотчасъ же въ дѣло, при переформированіи прежнихъ училищъ въ прогимназіи? Изъ какого педагогическаго журнала могли почерпнуть преподаватели прогимназіи тѣ статьи по методикѣ и дидактикѣ обще-образовательныхъ предметовъ (напр., статьи Евтушевскаго), которыя научили раціональнымъ способамъ обученія? Не ограничиваясь общимъ изложеніемъ методовъ и пріемовъ обученія, „Педагогическій Сборникъ“ давалъ даже пробные уроки, которые, съ одной стороны, объясняли сущность дѣла, а съ другой—давали чуть не готовый матеріалъ для введенія въ учебную практику. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ богатѣла русская учебная литература сочиненіями, частью оригинальными, частью переводными, матеріалъ для чтенія умножился, и, конечно, „Педагогическій Сборникъ“ не могъ всего вмѣстить на своихъ страницахъ: появились и другіе педагогическіе журналы, появились и отдѣльныя изданія. „Сборникъ“ и въ этомъ случаѣ сослужилъ свою службу. Давая всегда обзоръ педагогической литературы, онъ являлся какъ бы руководителемъ и въ выборѣ матеріала для чтенія, и въ его надлежащей оцѣнкѣ. Такимъ образомъ журналъ „Педагогическій Сборникъ“, пишетъ въ заключеніе директоръ, „выполняя въ высшей степени успѣшно свою програму, со-

ставленную вполнѣ раціонально, являлся проводникомъ свѣжихъ идей и руководителемъ по всѣмъ отдѣламъ воспитанія. Эта свѣжесть журнала и многочисленность прекрасныхъ статей и ихъ практическая цѣлесообразность дѣлали его необходимымъ собесѣдникомъ всякаго взявшагося серьезно за дѣло воспитанія; интересъ, возбуждаемый имъ, былъ такъ великъ, и чтеніе его было такъ полезно, что не требовалось никакихъ особенныхъ мѣръ или настояній, чтобы распространять его въ средѣ воспитателей и родителей. Всѣ его читали, всѣ имъ пользовались, новости педагогическаго дѣла схватывались на-лету, и оживленные дебаты при сходкахъ воспитателей въ свободное отъ занятій время доказывали, что журналъ возбуждалъ ихъ къ самодѣятельности и къ старательному уясненію истины"... Нѣсколько большій періодъ, между прочимъ все время редакторства Н. Х. Весселя, оставившаго „Педагогическій Сборникъ" въ 1882 г., охватываетъ горячо-одобрительный отзывъ авторитетнаго составителя „Историческаго очерка военно-учебныхъ заведеній", генерала М. С. Лалаева, который перечисляетъ, между прочимъ, рядъ появившихся въ журналѣ „капитальныхъ статей и цѣлыхъ сочиненій, кои несомнѣнно представляютъ цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу вообще". Къ числу такихъ статей М. С. Лалаевъ отнесъ: Ушинскаго—„Главнѣйшія черты человѣческаго организма въ приложеніи къ искусству воспитанія" (1864—1868 г.), Шмидта „Очеркъ исторіи воспитанія и обученія отъ Песталоцци до нашего времени" (1865 г.), Бенеке—„Руководство къ воспитанію и обученію", Раумера—„Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени", ч. I и II (1873—1877 г.), „Психологія по Ланге и по Герберту Спенсеру" (1871 и 1874 г.), біографіи Песталоцци, Бенеке и Дистервега (1871—1875 г.), „Очеркъ лекцій по педагогикѣ", Гербарта (1874 и 1875 г.), „Индукція и дедукція", по Карстену (1873 г.), „Общая методика ученія", по Шрадеру (1878 г.), „Воспитатель", по Бауеру (1875 г.), „Основанія воспитательнаго ученія", по Циллеру (1873 г.), „Очеркъ развитія и современнаго состоянія учительскихъ семинарій", по Шнейдеру (1874 г.) и другія переводныя статьи изъ „Энциклопедіи" Шмида (Encyklopädie des gesammten Erziehungs und Unterrichtswesens, von Dr. K. Schmid), Дебольскаго—„Философія въ связи съ педагогіей", „Философскія основы нравственнаго воспитанія", „Очеркъ исторіи новой англійской и нѣмецкой философіи" и другія статьи философско-педагогическаго содержанія (1871—1879 г.), д-ра Эрисмана—„Училищная гигіена" (1871—1872 г.), д-ра Багинскаго (Baginsky)—„Школьная гигіена" (1877—1878 г.), д-ра Кедрова—„Опытъ санитарной статистики военно-учебныхъ заведеній за 1866—1875 гг." (1879 г.), Макарова—„Воспитательно-исправительныя заведенія" (1869 г.), д-ра Лесгафта—„Приготовленіе учителей гимнастики въ Германіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи и Австріи" (1877 и 1879 г.), Альбрехта—„Музыкальное образованіе въ школахъ" (1871 и 1872 гг.), Герда—„Ремесла и внѣклассныя работы" (1872 г.), Леера—„Учебно-воспитательныя системы во французскихъ и прусскихъ военныхъ училищахъ" (1868 г.), рядъ статей по „Училищевѣдѣнію" Весселя, подробныя описанія заграничныхъ учебныхъ заведеній, общеобразовательныхъ и военныхъ.

При слѣдующемъ редакторѣ (1882—1910 г.), А. Н. Острогорскомъ, „Педагогическій Сборникъ" продолжалъ разработку научныхъ и практическихъ вопросовъ воспитанія. Дѣятельности этого выдающагося педагога

журналъ многимъ обязанъ. При А. Н. Острогорскомъ „Педагогическій Сборникъ", какъ сказано въ одномъ изъ привѣтствій, полученныхъ А. Н. Острогорскимъ въ день 25-лѣтія его редакторства, „вносилъ въ умственный обиходъ педагога мысли и чувства, оживлявшія учителя, заставлявшія его вводить въ дѣло преподаванія новые методы, другіе, болѣе цѣлесообразные пріемы. Каждая книжка журнала будила и тревожила педагогическую мысль, толкала ее въ одномъ строго опредѣленномъ направленіи улучшенія школы, приближенія ея къ идеальной школѣ, гдѣ нѣтъ недостатковъ, гдѣ царитъ счастье и радость".

Съ 1910 г. редакторомъ „Педагогическаго Сборника" состоитъ И. С. Симоновъ [1]). Справедливую оцѣнку его дѣятельности находимъ въ „Русскомъ Инвалидѣ". „Въ каждой книжкѣ журнала, руководимаго И. С. Симоновымъ", говоритъ военный органъ, „чувствуется настойчивое стремленіе редактора—стать ближе къ жизни, обнять всѣ стороны воспитанія и образованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ съ ихъ спеціальными въ этомъ отношеніи интересами. Это, конечно, не значитъ, что журналъ исключилъ изъ своей программы разработку общихъ педагогическихъ вопросовъ, интересныхъ для всего учебнаго міра,—онъ только выдвинулъ то, что слѣдуетъ считать насущной пищею, способствующей росту педагогическаго персонала нашихъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Давая на своихъ страницахъ широкое мѣсто разнообразнымъ вопросамъ, имѣющимъ близкое отношеніе къ кадетскимъ корпусамъ и военнымъ училищамъ, журналъ безспорно много способствуетъ выясненію воспитательнымъ и учебныхъ задачъ этихъ заведеній, поставленныхъ въ особыя условія, вслѣдствіе ихъ организаціи. Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время какъ общая, такъ и военная пресса, все чаще и чаще обращается съ упреками къ военно-учебнымъ заведеніямъ (въ большинствѣ стоя не столько на научной, сколько на дилеттантской почвѣ), редакторъ совершенно основательно допустилъ на страницахъ журнала рядъ статей, смѣло трактующихъ о жизни нашихъ учебныхъ заведеній, выбирая авторовъ, близко стоящихъ къ дѣлу и заявившихъ себя своею компетентностью. Во всякомъ дѣлѣ есть отрицательныя стороны, которыя необходимо доброжелательно освѣщать. Въ этомъ отношеніи можно указать на весьма остроумныя, не лишенныя образности и жизненнаго интереса, замѣтки В. П. Буданова—„Изъ разговоровъ въ учительской" (1910—1914 г.). Хронику военно-учебнаго дѣла за границей велъ въ журналѣ за послѣдніе годы авторъ, обладающій большой эрудиціей, В. И. Недзвѣцкій, перо котораго хорошо извѣстно читателямъ „Русскаго Инвалида" и „Военнаго Сборника". Придавая первостепенное значеніе разработкѣ вопросовъ военно-учебнаго дѣла, редакторъ, И. С. Симоновъ не уклонился въ узкую односторонность: въ журналѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей, которыя являются цѣннымъ вкладомъ въ нашу общую педагогическую литературу. Таковы статьи П. Ф. Каптерева, А. Н. Острогорскаго, Н. Н. Бахтина, И. И. Полянскаго, Н. С. Дрентельна, Н. А. Саввина, Е. І. Лозинскаго, К. Г. Житомірскаго, А. Д. Бутовскаго, М. Г. Попруженко, А. В. Полторацкаго и многихъ другихъ крупныхъ педагоговъ.

---

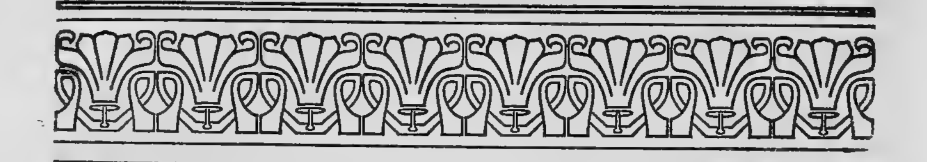
[1]) Изъ написаннаго имъ очерка „Педагогическій Сборникъ" за 50 лѣтъ. 1864—1914 г. и заимствованы изложенныя здѣсь историческія свѣдѣнія.

Въ отдѣлѣ „Новости иностранной педагогической литературы“, введенномъ два года тому назадъ, мы съ особеннымъ интересомъ останавливаемся на статьяхъ В. В. Волынцевича, знакомящаго читателей „Педагогическаго Сборника“ съ новыми теченіями педагогической мысли на Западѣ“.

Событія войны помѣшали своевременно и съ подобающей торжественностью отпраздновать юбилей „Педагогическаго Сборника“, и лишь въ печати раздалось нѣсколько сочувственныхъ голосовъ. Вотъ что писала, напримѣръ, Петроградская „Рѣчь“. „Прогрессивное, гуманное направленіе „Педагогическаго Сборника“ уже полвѣка поддерживаетъ въ преподавателяхъ тотъ священный огонь педагогическаго вдохновенія, безъ котораго не можетъ быть живого дѣла воспитанія и образованія молодежи—гордости Россіи. Каждая книжка журнала вотъ уже полвѣка будитъ, тревожитъ педагогическую мысль, толкаетъ ее въ одномъ строго опредѣленномъ направленіи—улучшенія школы, приближенія ея къ школѣ, въ которой нѣтъ недостатковъ, въ которой царитъ счастье и радость. Просуществовать въ Россіи полвѣка, какъ передовой педагогическій журналъ, быть полвѣка на этомъ славномъ посту со свѣтлымъ знаменемъ, поднятымъ Ушинскимъ, быть полвѣка источникомъ, изъ котораго черпаютъ преподаватели и воспитатели указанія для ихъ живого дѣла,—наконецъ, черезъ полвѣка сохранить ту же чистоту и жизненность,—въ этомъ большая заслуга юбиляра. Пожелаемъ же „Педагогическому Сборнику“ дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія на долгіе и долгіе годы“.

Отъ души присоединяемся къ этимъ пожеланіямъ и привѣтствіямъ.

Н. Л.



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1 ноября. Слышалъ курьезный разсказъ раненаго охотника, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ. Разсказчикъ служилъ въ одномъ изъ министерствъ Петрограда и очень желалъ идти на войну, но обстоятельства сложились такъ, что ему пришлось поступить охотникомъ въ одну изъ частей, расположенныхъ въ Финляндіи. Эта служба не была ему по сердцу. Онъ рвался въ бой. Нѣсколько, подобныхъ ему, головорѣзовъ, ничто же сумняшеся, сѣли на желѣзную дорогу безъ ружей и съ большими затрудненіями текущей осенью пріѣхали въ Варшаву.

Наша армія въ то время наступала, и они, съ еще большими препятствіями, чѣмъ при пріѣздѣ, пробрались въ передовыя части, гдѣ отъ убитыхъ снарядились, вооружились и пошли съ энергіей на развѣдки, охотниками. Двигаясь, съ особыми предосторожностями, они замѣтили несущійся низко непріятельскій аэропланъ.

Охотники расположились укрыто и при пролетѣ открыли огонь по аэроплану, убили одного изъ летчиковъ, а другой убѣжалъ при спускѣ. Взятая добыча была хорошо укрыта въ лѣсу. Охотники предлагали встрѣчной полусотнѣ казаковъ отвезти аэропланъ, но тѣ отказались.

Пришлось обратиться къ повозкамъ мѣстныхъ жителей, и тѣ везли до тѣхъ поръ, пока не выбились лошади изъ силъ. Опять аэропланъ былъ спрятанъ, и охотники пошли назадъ доложить о происшедшемъ начальству. Сначала имъ не повѣрили, а потомъ дали полуроту, которая доставила аэропланъ высшему начальству, затѣмъ аэропланъ былъ для починки отправленъ въ Петроградъ и поправленный доставленъ на

театръ военныхъ дѣйствій. Разсказчикъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ, а затѣмъ былъ зачисленъ въ другую часть, гдѣ тоже служилъ развѣдчикомъ, участвовалъ во многихъ бояхъ, былъ раненъ въ шею и ногу и отправленъ въ Петроградъ.

Въ дневникѣ пятнадцатаго числа прошлаго мѣсяца позабылъ упомянуть, что въ одной изъ полковыхъ церквей Петрограда мнѣ пришлось быть на отпѣваніи нѣсколькихъ героевъ, павшихъ на полѣ брани. Къ концу служенія внутреннія двери изъ казармъ въ храмъ отворились, и внесли въ церковь на носилкахъ тяжело раненаго героя этого полка, привезеннаго въ это утро въ Петроградъ, и пожелавшаго отдать послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ.

Когда носилки поравнялись со мной, то тяжело раненый, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: „очень благодарю за присылку газетъ", и въ такую тяжелую минуту раненый вспомнилъ и нашелъ силы благодарить за такую ничтожную услугу.

Мнѣ разсказывалъ одинъ Петроградскій житель, что онъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность посѣщать раненыхъ нашихъ героевъ-солдатъ въ Петроградскихъ больницахъ, и онъ замѣчаетъ и видитъ успѣшность этихъ посѣщеній въ улучшеніи распорядковъ въ больницахъ къ несомнѣнной пользѣ раненыхъ. Устанавливается такимъ образомъ контроль общества надъ уходомъ за ранеными, только однимъ посѣщеніемъ раненыхъ. Какъ бы было полезно, если бы петроградцы послѣдовали этому назидательному примѣру и вмѣнили бы себѣ въ обязанность посѣщать раненыхъ въ больницахъ и лазаретахъ.

Съ конца октября нѣмцы, перешедши къ оборонѣ на западномъ фронтѣ, перебросили оттуда на восточный фронтъ отъ 12 до 15 корпусовъ и начали съ 31 октября энергичное наступленіе по направленію къ Варшавѣ, по обоимъ берегамъ Вислы. Главнокомандующимъ германскими силами былъ генералъ Гинденбургъ, подъ его командою были: мнящій себя Наполеономъ, германскій кронпринцъ и генералъ Макензенъ, который очень почитаемъ кронпринцемъ, какъ его учитель по военнымъ наукамъ.

Отчаянное стремленіе всѣхъ этихъ господъ, а также германской арміи, поджигаемыхъ воззваніями и рѣчами самого кайзера, было во что бы то ни стало взять Варшаву.

Наставникъ кронпринца Макензенъ шелъ во главѣ нѣмецкихъ корпусовъ.

Путь слѣдованія тевтонскихъ полчищъ пролегалъ по уже опустошенной Польшѣ, и, по разсказамъ, съ этими тевтонскими ордами слѣдовали автомобили и повозки съ значительными боевыми и продовольственными запасами.

Среди этихъ запасовъ было много автомобилей и повозокъ съ алкоголемъ, эѳиромъ и другими наркозами, которые должны были влить въ кровь германцевъ надлежащій подъемъ духа, необходимый тевтонамъ для рукопашнаго столкновенія съ великой трезвенницей—русской арміей.

Въ нашихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяцъ было указано про двухъ лицъ, которыя, благодаря ихъ необычайному уму, изумительной энергіи, дивной во всемъ инціативѣ, стали высоко и высоко надъ другими. Тамъ былъ указанъ одинъ кн. Г. Е. Львовъ. Про другого было обѣщано упомянуть впослѣдствіи.

Этотъ другой—Александръ Ивановичъ Гучковъ, главноуполномоченный Краснаго Креста на Варшавскомъ фронтѣ, гдѣ его называютъ генераломъ отъ Краснаго Креста. Никто изъ лицъ этого почтеннаго учрежденія не можетъ такъ использовать имѣющагося въ его распоряженіи средства для пользы войскъ, такъ дивно ихъ возсоздать, какъ А. И. Гучковъ.

Гдѣ бы ни происходили бои, гдѣ бы ни размѣщались наши боевыя линіи, Гучковъ движется неотступно за арміей, а иногда даже и впереди ея непосредственно за сторожевымъ охраненіемъ, предъугадываетъ мѣста возможныхъ боевъ, развертываетъ тамъ свои отряды и съ необычайнымъ искусствомъ выхватываетъ раненыхъ изъ рукъ смерти. Съ ранняго утра до поздняго вечера онъ въ постоянной работѣ, служа источникомъ неизсякаемой энергіи для всѣхъ, съ нимъ дѣла имѣющихъ. Ночью, когда нѣтъ боевыхъ столкновеній, онъ выдвигается со своими автомобилями впередъ и выискиваетъ раненыхъ при свѣтѣ факеловъ. Ему пришлось въѣзжать въ одинъ городъ, еще не занятый нашими войсками, и тамъ изумительно прекрасно организовать врачебную помощь для раненыхъ. Чувство страха и боязнь препятствій ему незнакомы. Не даромъ онъ участвовалъ въ четырехъ кампаніяхъ, спокойно переносилъ невзгоды думской трибуны, и невозмутимо стоялъ подъ дуломъ пистолета противника.

Сколько тысячъ раненныхъ Варшавскаго фронта спаслось энергіей Александра Ивановича Гучкова!

Вотъ что разсказываютъ про поведеніе германскихъ военноплѣнныхъ, поражающее полнымъ отсутствіемъ военнаго воспитанія и понятій о воинской и гражданской чести. Солдаты или угрюмы, или дерзки до наглости. Они снимаютъ свои каски и съ нескрываемымъ цинизмомъ предлагаютъ ихъ всѣмъ, кого встрѣчаютъ, чтобы выманить нѣсколько копѣекъ на табакъ, продавая тѣмъ самымъ честь и имущество полка, для удовлетворенія простой прихоти.

Говорятъ, что нѣмецкія войска отличаются гордостью, высокомѣріемъ, самолюбіемъ. Правильнѣе все это назвать однимъ словомъ: грубостью. Вся ихъ гордость и надменность заключаются въ томъ, что они кидаютъ въ толпу встрѣчныхъ дерзкія оскорбленія, когда ихъ трубки полны табакомъ, и заискивающе торгуютъ своими киверами, когда у нихъ табаку нѣтъ.

Каждый раненый нѣмецъ непремѣнно похвастается, что Англія совершенно отрѣзана германскимъ флотомъ отъ материка и что будто бы десантъ англійскихъ войскъ прекращенъ навсегда. Германцы убѣждены, что Варшава давно въ ихъ рукахъ, что русскіе отступили чуть не подъ Москву и т. д. Вѣрятъ также всѣ они въ скорое заключеніе мира, конечно, чрезвычайно выгоднаго для ихъ фатерлянда.

Когда пробуютъ разубѣждать плѣнныхъ, они недовѣрчиво качаютъ головой. Никто изъ нихъ не знаетъ о побѣдахъ нашихъ доблестныхъ войскъ не только подъ Варшавой, но даже и въ Галиціи.

2 ноября. Читалъ гдѣ-то въ газетахъ, какъ одинъ прибалтійскій предводитель дворянства доказывалъ, что онъ не могъ возбуждать дѣла объ исключеніи изъ дворянскаго сословія одного барона, осужденнаго въ одной судебной инстанціи за укрывательство при мобилизаціи своихъ годныхъ для поставки лошадей. По его мнѣнію, необходимо было выждать рѣшенія всѣхъ инстанцій.

Существуетъ поговорка, что у всякаго барона своя фантазія. Конечно, такая фантазія не препятствуетъ барону оставаться предводителемъ дворянства много лѣтъ, послѣ того, какъ другой баронъ его билъ по лицу, а подлежащее начальство такого предводителя украсило его, черезъ нѣсколько лѣтъ, шейнымъ Владиміромъ.

Ну мыслимы ли такія фантазіи у насъ въ Россіи съ предводителемъ дворянства?

3 ноября. Разсказывали про календарь дейчеръ ферейна за 1907 годъ, изд. въ Ригѣ. Въ этомъ календарѣ въ главѣ „Die

Eurapäischen Fürsterhause" подробно перечислены дни рожденія и именинъ всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ особъ, начиная съ кайзера и кончая самымъ мелкимъ германскимъ князькомъ, перечислены всѣ выдающіяся событія германской исторіи, ихъ побѣды, дни рожденія германскихъ поэтовъ, полководцевъ и художниковъ.

Что же сказано про Россійскій Царствующій Домъ и про событія въ Россіи?

Russland: Kaiser Nicolaus II geb. 19 mai 1868, а изъ событій въ Россіи упомянуты Ляоянъ, Цусима и паденіе Портъ-Артура.

4 ноября. Читалъ еще подтверждающія свѣдѣнія о прошедшемъ наборѣ, которыя были уже нами сообщены. Наборъ протекалъ въ изумительномъ порядкѣ. Ни одного пьянаго.

„Въ полномъ порядкѣ, смѣлымъ шагомъ подходили будущіе защитники родной земли къ столу присутствія и съ выраженнымъ въ лицѣ и по всей фигурѣ горячимъ желаніемъ отдать всего себя родинѣ, вставали подъ мѣрку. И если много было изъ нихъ такихъ, которые, не давши еще врачу приступить къ освидѣтельствованію ихъ, уже заявляли: „я всѣмъ здоровъ", то можно сказать, не было почти совсѣмъ такихъ, въ которыхъ проглядывало бы желаніе быть забракованнымъ или, вообще, уклониться отъ службы. Немало было даже случаевъ, когда врачъ находилъ какой-либо недостатокъ у свидѣтельствуемаго, а послѣдній упорно заявлялъ, что это ему „не препятствуетъ" и „онъ желаетъ служить".

6 ноября. Привожу выдержку изъ трогательнаго разсказа сестры милосердія [1]).

„Принесли новыхъ раненыхъ.

Среди нихъ былъ одинъ солдатъ съ мертвенно блѣднымъ, какимъ-то сѣрымъ лицомъ, на которомъ страданье стерло всякое выраженіе, и съ тусклыми закатившимися глазами. Онъ былъ раненъ въ животъ и лежалъ безъ сознанія, подавая признаки жизни только рѣдкими, слабыми стонами.

Когда его раздѣли и отмочили прилипшую къ ранѣ рубашку, докторъ осмотрѣлъ его и какъ-то досадливо отвернулся, и потому, что при этомъ онъ не сказалъ ни одной рѣзкости и прикасался къ страдальцу съ нѣжной, почти женственной осторожностью, я поняла, что часы этого человѣка сочтены и что если онъ придетъ въ сознаніе,—надо постараться по возможности находиться около него.

---

[1]) „Бирж. Вѣд." 6 ноября с. г.

Послѣ перевязки и вылитаго въ ротъ коньяку, больной дѣйствительно очнулся, взглядъ его глазъ, печальный, недоумѣвающій, скользнулъ по обширной полянѣ, гдѣ вокругъ громадной палатки копошилось на носилкахъ и прямо на землѣ множество стонущихъ, разговаривающихъ и безмолвныхъ человѣческихъ фигуръ, по моей бѣлой косынкѣ и по далекому вечернему небу, догоравшему заревомъ заката.

— Помираю?..—не то вопросительно, не то неувѣренно промолвилъ онъ тихо, и ненужныя, блѣдныя слова утѣшенія не сошли съ моего языка.

Онъ замолчалъ, и только сосредоточенный, острый взглядъ доказывалъ, что онъ и не спитъ, и въ памяти, и крѣпко думаетъ о чемъ-то своемъ.

Прошло нѣсколько времени. Я успѣла поправить повязку на головѣ его сосѣда и отозваться на зовъ другого, просившаго пить. И когда умирающій снова заговорилъ, я не сразу уловила теченіе его мысли.

— Ну, что-жъ, за Царя, значитъ, и Отечество. Божья воля. Сестрица, а сестрица, голубушка.

— Что тебѣ, милый, хочешь чего-нибудь?

Рука солдата торопливо и невѣрно шарила около кармана путаясь въ одеждѣ холодѣвшими пальцами и не попадая куда надо.

— Достань,—прошепталъ онъ съ усиліемъ.

Въ карманѣ оказалась плитка шоколада въ пестрой оберткѣ. Нѣсколько удивленная, я показала ее солдату.

— Это?

— Она,—слабо кивнулъ онъ въ отвѣтъ.

— Какъ въ первой я раненъ былъ, мнѣ ее санитаръ далъ. Барыня одна, говоритъ, на вокзалѣ для солдатиковъ передать велѣла... А я берегъ... Думалъ, побьемъ нѣмца, въ деревню вернусь, сынишка тамъ у меня, Митька, четвертый годокъ о Покровѣ пошелъ. Ему думалъ привезу.—Гостинецъ, значитъ...

Тяжелое дыханіе прервалось, и солдатикъ на мигъ замолчалъ.

— У тебя и жена, значитъ, есть? Можетъ, написать ей, что-нибудь скажешь?—предложила я.

— Ни, ни...—забезпокоился раненый.—Зачѣмъ писать. Она баба молодая. Что на нее тоску нагонять. Такъ лучше понемногу отвыкнетъ. А вотъ мальченкѣ бы гостинецъ, мальченкѣ. Возьмите, сестрица. Картиночка на ей... Пускай порадуется...—слова страдальца стали несвязны и понемногу перешли въ бредъ.

Начиналась агонія.

Я приняла изъ судорожно сжавшихся пальцевъ маленькую, смятую конфетку и благоговѣйно спрятала ее на груди".

Незадолго до объявленія войны Турціи, на одномъ многолюдномъ обѣдѣ въ Константинополѣ, спросили у адмирала Сушона его мнѣніе о русскомъ флотѣ. На это германскій турокъ нахально отвѣтилъ:

— Дайте мнѣ три часа времени и одинъ только „Гебенъ", и я уничтожу весь флотъ.

На Черномъ морѣ произошелъ бой нашего флота съ германотурецкими крейсерами „Гебеномъ" и „Бреслау", которые быстро отступили, при чемъ „Гебенъ" ушелъ тяжко поврежденный.

7—15 ноября. Выше было сказано, что германскія войска, подъ начальствомъ генерала Макензена, въ началѣ ноября, начали энергичное наступленіе на Варшавскомъ фронтѣ и въ одну недѣлю дошли почти до Лодзи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней нѣмцы стремились прорвать наше расположеніе, примыкавшее правымъ флангомъ къ рѣкѣ Вислѣ.

Шестого ноября послѣ невѣроятныхъ усилій и жертвъ, нашему врагу удался прорывъ въ раіонѣ Піонтека, послѣ котораго германцы широкой лавиной полились въ образовавшійся промежутокъ, направляясь на Стрыковъ, Брезины, Колюшки, Тушинъ и Рзговъ. Обтекая правый флангъ нашихъ войскъ, дравшихся въ раіонѣ Лодзи и къ западу отъ нея, германцы энергично и стремительно атаковали наши войска, угрожая имъ съ тыла, и окружили ихъ въ Лодзи съ трехъ сторонъ.

„Въ это время, пишутъ нѣмцы, произошелъ неожиданный переломъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда явилась надежда, вмѣсто простого задержанія наступленія русскихъ, нанести имъ рѣшительное пораженіе, русскимъ удалось подвести подкрѣпленіе тѣмъ частямъ арміи, которымъ грозило окруженіе". Этотъ маневръ былъ парализованъ наступленіемъ нашихъ резервовъ съ востока отъ Ловича и съ юга отъ Радома, вслѣдствіе чего большая часть корпусовъ арміи Макензена сама попала въ мѣшокъ.

„Положеніе германцевъ, пишутъ нѣмцы, было серьезнымъ, помощи ни откуда нельзя было ожидать, ожидали катастрофы для германцевъ".

Къ тринадцатаму ноября германцамъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, удалось рядомъ отчаянныхъ ночныхъ атакъ пробиться къ Стрыкову. Въ этихъ дѣлахъ они, по собственному призна-

нію ихъ оффиціальнаго сообщенія, понесли неслыханныя потери, объясняющіяся тѣмъ, что имъ пришлось пробиваться подъ нашимъ перекрестнымъ огнемъ и совершать отступленіе по стѣсненному нашими войсками пространству.

Потери ихъ дивизій, участвовавшихъ въ прорывѣ и неудавшемся обходѣ, были столь велики, что эти дивизіи нашему врагу пришлось вывести совершенно съ фронта все еще продолжавшагося сраженія. Равнымъ образомъ, по показаніямъ плѣнныхъ, во многихъ другихъ частяхъ, роты коихъ передъ переходомъ германцевъ въ наступленіе были доведены до 260—280 штыковъ, потери оказались столь велики, что въ ротахъ осталось не свыше 70 человѣкъ.

Нѣмцы потеряли здѣсь десятки тысячъ убитыми и ранеными и 28.000 плѣнными. Къ 15 ноября первое лодзинское сраженіе окончилось.

На галиційскомъ фронтѣ наши дѣйствія были вполнѣ успѣшны, и 7 ноября нами заняты на Карпатахъ Васничъ, Дукла и Ужокъ, а 13 ноября передъ Краковомъ взята Бохня, а черезъ 6 дней мы овладѣли и Величкой.

Недавно [1]) были напечатаны выдержки изъ письма Радко-Дмитріева. Въ этомъ письмѣ нашъ герой высказывается за необходимость славянской политики для Болгаріи. По убѣжденію славнаго генерала, святое славянское дѣло должно восторжествовать и врагъ будетъ сокрушенъ. „Я, пишетъ генералъ, всегда любилъ и вѣрилъ въ русскаго воина; но нынѣ, видя его доблестные подвиги собственными глазами, я его боготворю. Съ такими воинами нельзя не побѣдить“.

15—23 ноября германцы, перебросивши на Варшавскій фронтъ громадныя силы, начали второе лодзинское сраженіе, сопряженное для нихъ съ громадными потерями. Сраженіе это окончилось въ ничью, такъ какъ обѣ стороны сохранили свои позиціи. 22 ноября германцы пытались перейти въ наступленіе отъ Млавы на Прасныпъ, но были отбиты съ большимъ урономъ.

Затѣмъ къ концу мѣсяца на Варшавскомъ фронтѣ все затихло и стало обнаруживаться сосредоточеніе австро-германскихъ войскъ къ югу отъ Кракова, и направленіе ихъ въ обходъ нашихъ силъ съ лѣваго фланга.

Всѣ эти обстоятельства создали новую группировку нашихъ силъ по Бзурѣ, Равкѣ, Нидѣ и Дунайцу.

---

[1]) „Бирж. Вѣд.“ 8 ноября с. г.

Государь Императоръ отбылъ восемнадцатаго ноября изъ Царскаго Села въ Дѣйствующую Армію и прибылъ туда 19-го ноября.

Изданная недавно французскимъ правительствомъ „Желтая Книга" представляетъ несомнѣнное доказательство, что принятый планъ войны съ проходомъ черезъ Бельгію и молніеносное наступленіе на Парижъ задумано и обработано Германіей до мельчайшихъ подробностей еще два года назадъ.

Но среди этихъ данныхъ встрѣчается и неизвѣстная доселѣ подробность дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ. Какъ оказывается, германскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ французскому послу Камбону, что Германія воздержится отъ мобилизаціи, если Россія ограничится мобилизаціей на австрійской границѣ. Въ виду этого заявленія берлинскаго кабинета, 17-го іюля въ Россіи была объявлена лишь частичная мобилизація, не коснувшаяся тѣхъ военныхъ округовъ, которые граничатъ съ Германіей или лежатъ близко къ прусской границѣ. Такимъ образомъ, наше правительство рѣшилось лишь на мѣры предосторожности, направленныя противъ Австріи, и эти мѣры достигли своей цѣли. Въ тотъ же день, какъ была объявлена въ Россіи частичная мобилизація, графъ Берхтольдъ сообщилъ нашему вѣнскому послу Шебеко, что австро-венгерское правительство согласно передать свой споръ съ Сербіей на международное разсмотрѣніе. Лишь только въ Берлинѣ узнали про уступчивость Австріи, графъ Пурталесъ, по приказу кайзера, осмѣлился предъявить свой историческій ультиматумъ г. Сазонову. Немедленнымъ отвѣтомъ нашего правительства на эту дерзость, соединенную съ вѣроломствомъ, явилась общая мобилизація русской арміи. На запросъ посла Камбона по поводу нарушенія данныхъ барлинскимъ кабинетомъ обѣщаній, г. Яговъ цинично отвѣтилъ, что его заявленіе не равносильно формальному обязательству. Такимъ образомъ, германская дипломатія шла на сознательный обманъ, лишь бы получить предлогъ для разрыва съ Россіей.

Кромѣ того, берлинскій генеральный штабъ добился отсрочки на одинъ день мобилизаціи въ пограничныхъ съ Пруссіей округахъ въ такое время, когда дорогъ каждый часъ.

Нѣкоторые торговцы разъясняли мнѣ, что якобы весь успѣхъ нѣмецкаго торговаго засилья на Руси зиждется на двухъ китахъ—виртуознаго умѣнья нѣмцевъ подносить взятки и необыкновенно щедро давать деньги въ кредитъ.

Разсказывали, что нейтральная держава Швеція обнаруживаетъ въ настоящее время энергичную дѣятельность по закупкѣ въ обширныхъ размѣрахъ русскаго масла, яицъ и бычьихъ внутренностей, и что здѣшняя Европейская гостиница переполнена шведскими комиссіонерами.

Передаютъ, что якобы изъ Россіи идутъ заказы на Швецію для Германіи, и не однихъ только съѣстныхъ припасовъ.

Понятіе о благѣ родины и понятіе о благѣ кармана трудно совмѣстимы между собой.

Въ Петроградѣ, Петроградской губерніи, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Одессѣ и другихъ городахъ выплываютъ наружу дѣла о судебномъ преслѣдованіи разныхъ лицъ по сбору на германскій флотъ (флотенъ ферейнъ). Сколько нѣмцевъ, стоявшихъ во главѣ и на службѣ въ разныхъ обществахъ и торговыхъ предпріятіяхъ, ихъ жены собирали русскія денежки и сооружали нѣмецкіе „Гебены", „Гнейзенау" и „Шарнгорсты". Сколько у этихъ сборщиковъ-нѣмцевъ родственниковъ, служащихъ офицерами въ германской арміи. Говорятъ, что одинъ изъ этихъ нѣмцевъ руководилъ нападеніемъ на черноморскіе порты, владѣя прекрасно русскимъ языкомъ.

Въ ноябрьскихъ бояхъ подъ Лодзью особенно себя проявили нѣмецкіе колонисты. Ярымъ защитникамъ нѣмецкихъ колонистовъ рекомендуемъ прочесть нижеслѣдующія строки талантливѣйшаго ветерана русскихъ корреспондентовъ В. И. Немировича - Данченко о ихъ достохвальныхъ дѣяніяхъ подъ Лодзью [1]):

„Здѣсь обнаружился величайшій вредъ, который приносятъ намъ нѣмецкіе колонисты. Вся наша армія просочена ихъ шпіонажемъ. Они наводятъ германцевъ на наши отдыхающія части, предательски завлекаютъ ихъ въ западни. Служатъ непріятелю укрывателями, проводниками, сигнализируютъ ему разноцвѣтными флажками и огнями, движеніемъ мельницъ, пожарами одинокихъ домовъ, факелами, доставляютъ ему всевозможные съѣстные припасы и фуражъ, отказывая намъ въ этомъ. То и дѣло ловятъ ихъ женщинъ, разносящихъ „агентамъ" нѣмецкія деньги и векселя на рубли, по которымъ

---

[1]) „Русское Слово", 21-го ноября сего года.

должна производиться ежемѣсячная уплата. Для нѣмецкихъ колонистовъ, разбогатѣвшихъ у насъ, это—„служба отечеству". Молодежь ихъ бѣжитъ въ германскіе отряды и тамъ, при встрѣчахъ съ русскими, обманываетъ нашихъ русской командой. Переодѣвается русскими солдатами. Вредъ отъ этихъ колоній не поддается учету".

Въ этихъ же лодзинскихъ бояхъ ярко выяснились драгоцѣнныя боевыя качества средне-азіатской, текинской и мервской конницы. 16-го ноября, нѣмцы успѣли сосредоточиться въ Керновѣ, и незамѣтно, подъ прикрытіемъ тумана, двинулись на наше расположеніе.

Этотъ же самый корреспондентъ описываетъ [1]) такъ этотъ дивный подвигъ:

„Въ мглистой дали этотъ маневръ былъ замѣченъ одной изъ среднеазіатскихъ кавалерійскихъ частей, на высокія боевыя качества которой указывалъ еще М. Д. Скобелевъ. Въ настоящую войну эта конница своей порывистой и неодолимой отвагой не разъ сбивала съ толку германцевъ, не считавшихъ такіе удары возможными. Одинъ изъ германскихъ офицеровъ генеральнаго штаба говорилъ:

— Кто же могъ думать, что у русскихъ есть „дьяволы", совершающіе то, что должно быть внѣ предѣловъ человѣческихъ силъ. Развѣ можно предвидѣть подвиги, граничащіе съ безуміемъ. Они не поддаются здравому расчету.

Такъ и тутъ эти удивительные всадники, силу которыхъ впервые почувствовали въ Текинскомъ и Мервскомъ оазисахъ, угадавъ противника, пошли на его пѣхоту коннымъ строемъ съ такимъ изумительнымъ бѣшенствомъ, на которое только способны эти истинные поэты войны. Намъ передаютъ, что налетъ ихъ на большія силы оторопѣвшихъ нѣмцевъ невозможно описать. Каждый моментъ этого боя былъ необычайнымъ. Рубили, съ гиканьемъ бросались въ самую гущу ощетинившихся штыками колоннъ, перескакивали черезъ людей въ ихъ середину, охватывали ихъ отовсюду. Мало того, что эти степные богатыри заставили отойти германскую пѣхоту, но и весь путь ихъ отступленія они замостили трупами враговъ. Это—сплошное поле смерти, гдѣ трудно ступить, не наткнувшись на сраженныхъ шашками нѣмцевъ.

---

[1]) „Русское Слово" 23 ноября и № 274 „Рус. Сл.".

Батарея не останавливаетъ ихъ. Они, какъ смерчъ, несутся на орудія, уничтожаютъ прикрытія.

Удары нашихъ азіатскихъ героевъ были и ужасны, и молніеносны. Встрѣчаются мертвецы, раздвоенные отъ плеча до пояса. Налетъ этихъ губительныхъ всадниковъ былъ такой, что отъ сдвигавшихся для своей защиты маленькихъ каре враговъ не осталось никого. Еще разъ война показала намъ, какимъ великолѣпнымъ боевымъ матеріаломъ мы обладаемъ за песками и пустынями Каспійскаго моря. А, вѣдь, оттуда мы можемъ опять выбросить на театръ этой міровой войны еще, по крайней мѣрѣ, 250.000 всадниковъ „первой въ свѣтѣ кавалеріи", какъ называлъ ихъ М. Д. Скобелевъ. Съ ихъ боевымъ увлеченіемъ ничто сравниться не можетъ"...

„Это—тѣ же безтрепетные, выносливые всадники. Для нихъ нѣтъ ни лишеній, ни опасностей, ни разстояній. Все, что кажется невозможнымъ для кавалеріи, не заставляетъ ихъ задумываться вовсе. Имъ нужно только одно—командиръ такой же, какъ они, умъ, способный воспользоваться этою несравненною лавиною и направлять ее. Здѣсь это все молодежь, настоящіе поэты войны, которая для нихъ является мечтой и вѣрой.

Отлично дисциплинированные, они—послушное и убійственное орудіе въ рукахъ вождя. Во главѣ ихъ—сыновья ихъ владѣтельныхъ князей, хановъ и бековъ, съ которыми каждый всадникъ сжился съ дѣтства. Потому они представляютъ сплоченную боевую семью. Чудныя лошади на высокихъ ногахъ, съ красивыми головами, легко переносятъ всю натугу и усталь перелетовъ по громаднымъ пространствамъ современныхъ похода и боя.

Пески, оазисы и степи далекихъ солнечныхъ краевъ нашихъ могутъ дать вмѣстѣ съ Кавказомъ русской арміи до трехсотъ тысячъ всадниковъ такого рода, считая съ Орскимъ бассейномъ и Закаспіемъ. Триста тысячъ небывалой кавалеріи, способной просочиться сквозь германскія войска и такъ похозяйничать въ тылу у нихъ, что никакія движенія впередъ нѣмецкихъ корпусовъ будутъ невозможны".

Германскіе офицеры отличаются изнѣженностью: размѣщаясь по домамъ, они прежде всего требуютъ мягкія перины и подушки, потомъ заказываютъ завтраки и обѣды при самомъ разнообразномъ меню.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда наступленіе нашихъ войскъ послѣдуетъ для нѣмцевъ неожиданно, то въ спальняхъ офицеровъ находятъ корсеты, пудру и другія парфюмерныя принадлежности.

24 ноября. Нѣмцы по-прежнему отличались своими возмутительными дѣяніями [1]). У города Волковишки они хоронили нашихъ убитыхъ въ большой ямѣ такимъ образомъ: трупы павшихъ героевъ привязывали къ хвосту лошади и тащили по грязной мостовой къ страшной могилѣ.

Въ г. Радомѣ къ костелу привезли покойника и понесли въ церковь для отпѣванія. На улицѣ остался катафалкъ, запряженный парой лошадей.

Вдругъ появилось нѣсколько человѣкъ германскихъ солдатъ. Подошли къ катафалку и давай отпрягать лошадей. Отпрягли и увели. При этомъ громко смѣялись, не дѣлая изъ своего грязнаго дѣла ни малѣйшей тайны.

Приводимъ разсказъ офицера о милосердной нѣмецкой сестрицѣ.

„Въ одинъ изъ славныхъ боевъ подъ А. я былъ раненъ и волею судьбы долженъ былъ пролежать въ полѣ около двухъ дней. Шагахъ въ тридцати отъ меня лежалъ другой раненый, тоже офицеръ. Бѣдняга былъ, повидимому, въ еще болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ я. На вторыя сутки нашего лежанія вдали показались нѣмецкіе санитары, въ сопровожденіи „сестрицы“. Рука не поднимается написать „милосердной“. Она отдѣлилась отъ своихъ помощниковъ и приближалась къ намъ. Бѣдный мой товарищъ застоналъ и привлекъ ея вниманіе. Она наклонилась къ нему, и я съ ужасомъ увидѣлъ порядочной длины ножъ, которымъ она замахнулась надъ раненымъ. Благословляю судьбу, которая оставила при мнѣ револьверъ. Я выпустилъ четыре пули и потерялъ сознаніе.

Впослѣдствіи я узналъ отъ солдатъ, которые меня подобрали, что я ее убилъ наповалъ“.

А у нашихъ союзниковъ, бельгійцевъ, очевидецъ описываетъ такъ неистовства германцевъ:

„Я считаю самымъ большимъ звѣрствомъ то, что нѣмцы, проходя среди мирнаго крестьянскаго населенія, не оставили ни одного мальчика, чтобы не отрубить указательный и средній пальцы правой руки, чтобы и въ будущемъ бельгійцы не могли стрѣлять.

---

[1]) „Новое Время“ 4 ноября и „Бирж. Вѣд.“ 5 ноября с. г.

Я видѣлъ сотни опозоренныхъ дѣвушекъ. Въ видѣ особаго садизма у большинства изъ нихъ отрѣзаны груди. Мнѣ разсказывали несчастныя о невыносимыхъ издѣвательствахъ варваровъ. Чаще всего, награбивъ въ магазинахъ, замкахъ, въ городскихъ квартирахъ драгоцѣнности, нѣмецкіе офицеры забавлялись тѣмъ, что дарили дѣвушкамъ часть драгоцѣнностей, а затѣмъ, проведя съ ними ночь, подъ угрозой револьверомъ, отбирали все назадъ.

Въ одной деревнѣ я видѣлъ трехъ дѣвушекъ, совершенно нагихъ, связанныхъ вмѣстѣ веревкой, по грудь опущенныхъ въ яму, наполненную негашеной известью. Несчастныя заживо сгорѣли.

Проклятые не щадили малолѣтнихъ и даже грудныхъ младенцевъ. Трупики я находилъ на дорогѣ съ слѣдами звѣрскаго насилія".

25 ноября. Обращеніе германцевъ съ нашими плѣнными и ранеными какъ съ офицерами, такъ и нижними чинами, самое возмутительное. Съ нихъ зачастую стаскиваютъ шинели, сапоги и грабятъ все, что имѣетъ какую-либо цѣнность. Деньги вытаскиваютъ изъ кармановъ, не брезгаютъ и перочинными ножами. Снимаютъ кольца съ пальцевъ на память и, при неуспѣхѣ этого предпріятія, пытаются отрѣзать пальцы.

Кормятъ отвратительно, зачастую такою дрянною бурдой, что противно взять въ ротъ. Даютъ иногда по два бутерброда съ ломтикомъ колбасы, намазанные саломъ, такъ тонко разрѣзанные, что можно видѣть на свѣтъ любой предметъ. Вообще довольствуютъ впроголодь.

Помѣщенія даютъ сырыя и холодныя, которыя не топятъ. Содержатъ взаперти и гулять позволяютъ только на дворѣ казармъ, гдѣ содержатъ плѣнныхъ въ заключеніи. Обращеніе самое грубое и варварское. Надъ ними издѣваются, на нихъ кричатъ и ихъ зачастую бьютъ. Съ ранеными обращаются такъ же. Перевязочный матеріалъ отпускаютъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

Дѣлаютъ перевязки изъ грязныхъ матеріаловъ, зачастую заражающихъ раненыхъ. Мѣнять тюфяки въ помѣщеніяхъ русскихъ раненыхъ не полагается. Одинъ плѣнный, раны котораго гноились, лежалъ на одномъ тюфякѣ цѣлый мѣсяцъ. Раненыхъ заставляютъ самихъ убирать комнаты и служителей не даютъ.

Когда плѣнныхъ приводятъ въ какой-нибудь нѣмецкій городъ, то стараются, чтобы это произошло въ праздничный день, когда на улицахъ много гуляющей публики. Тогда весь этотъ

нѣмецкій сбродъ плюетъ въ плѣнныхъ, ругаетъ площадными словами; раздаются свистки. Характерно при этомъ, что толпа состоитъ сплошь изъ стариковъ, дѣтей и женщинъ.

Нашихъ плѣнныхъ солдатъ зачастую выстраивали въ рядъ и по порядку разстрѣливали. Разстрѣливали германскіе офицеры плѣнныхъ изъ револьверовъ. Иногда собирали плѣнныхъ въ зданіе и разстрѣливали изъ пулеметовъ. Особенно варварски обращаются германцы съ казаками. Плѣнный казакъ можетъ остаться въ живыхъ лишь благодаря случайности: разстрѣливаютъ всѣхъ безъ исключенія. Обстановка разстрѣла самая ужасная. Безъ суда безъ обычной процедуры смертной казни, просто приставятъ казака къ дереву или къ стѣнѣ и разстрѣливаютъ.

Закончимъ эти строки сказаніемъ очевидца о дикомъ поступкѣ германскаго офицера:

„Подходитъ къ намъ нѣмецкій офицеръ и, обращаясь къ нашему плѣнному офицеру на ты, кричитъ: „встань"!

Офицеръ этотъ не могъ стоять: онъ былъ раненъ и отъ потери крови настолько сильно ослабѣлъ, что пришлось поддерживать его. Раненый, возмущенный такимъ обращеніемъ, заявилъ нѣмцу, что онъ офицеръ.

— Ахъ, ты—офицеръ? Ахъ, ты... И тутъ полился потокъ площадной брани. При этомъ этотъ грубый нѣмецъ не ограничился одной руганью. Онъ сталъ наносить раненому офицеру сначала шашкой, а потомъ и кулакомъ удары"...

---

26 ноября. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Тифлисъ.

27 ноября. Въ настоящую войну германскіе офицеры, генералы и даже германскіе принцы на всѣхъ театрахъ военныхъ дѣйствій стяжали славу отчаянныхъ грабителей. Положимъ, что отблески этой славы проявились еще и въ франко-германскую войну, ярко свѣтились въ китайскую, но во всю ширь они развернулись только въ текущую войну.

Союзнымъ правительствамъ надлежало бы составлять протоколы этихъ грабежей для предъявленія впослѣдствіи къ разсчету. Знаменательно то, что германскіе солдаты въ дѣлѣ грабительства, сравнительно съ офицерами и генералами, являются младенцами. Конечно, на счетъ выпивки, насилія женщинъ и разстрѣла мирнаго населенія, нѣмецкіе солдаты охулки на руку не положатъ, но въ дѣлѣ грабительства германское офицерство зарекомендовало себя виртуозами. Они ничѣмъ не

пренебрегаютъ: отъ женской ротонды и бѣлья до столовыхъ ложекъ, все, что ни попадетъ подъ ихъ попечительныя руки, все направляется въ ихъ фатерландъ, изъ дальней Франціи и Бельгіи въ вагонахъ, а изъ ближней Россіи и въ вагонахъ, въ автомобиляхъ и повозкахъ для пополненія своего, повидимому, убогаго домашняго скарба. Въ нашу приграничную полосу являлись за имуществомъ нѣмки-хозяйки и увозили домой награбленное.

По свидѣтельству лицъ, видавшихъ эти грабительскіе подвиги, ни одинъ громила не умѣетъ такъ вскрывать столы, взламывать шкафы, рыться въ грязныхъ тряпкахъ, какъ эти лейтенанты, оберсты и гауптманы съ генералами включительно.

28 ноября. Изъ сводки данныхъ о второмъ лодзинскомъ сраженіи выясняется, что лишь только именитый учитель кронпринца генералъ Макензенъ вывелъ изъ боя печальные остатки своихъ полковъ, какъ германцы, подвезя громадные резервы съ утроившимися силами, начали яростно второй лодзинскій императорскій бой (Kaiserschlacht).

Говорятъ, еще ни разу до сихъ поръ германскія атаки не доходили до такой настойчивости. Онѣ повторялись одна за другой; ихъ люди таяли на этомъ роковомъ пути, встрѣчая повсюду рѣшительную и неодолимую контръ-атаку нашихъ отрядовъ. Въ эти дни солдатамъ почти не приходилось отдыхать въ окопахъ. Они все время должны были отражать непріятеля, на котораго воззванія императора Вильгельма, полныя отчаянія, производили воодушевляющее впечатлѣніе. Люди, участвовавшіе въ этомъ бою, говорятъ: „Нѣмцы точно обрекали себя смерти".

Во время самаго разгара этихъ бѣшеныхъ, безсчетныхъ атакъ, на одинъ изъ перевязочныхъ нашихъ пунктовъ принесли усталаго, иззябшаго и раненаго солдата и на торопливый вопросъ, ну, какъ дѣла? Какъ идетъ бой? Раненый спокойно отвѣтилъ: Какъ? *Да всыпаемъ.* И это „всыпаемъ" успокоительно подѣйствовало на нервы всѣхъ присутствовавшихъ, болѣе успокоительно, чѣмъ любая телеграмма.

Въ одной изъ корреспонденцій [1]) такъ описывается одна изъ германскихъ атакъ:

„Въ окопахъ тихо...

Кругомъ адъ. Визжатъ куски глупаго желѣза. Ахаютъ эти отвратительные бризантные снаряды, раскидывая грязь кругомъ и точно ввинчиваясь въ податливую землю, чтобы тотчасъ же

---

[1]) „Рус. Сл." 26 ноября с. г.

разворотить ее безобразной воронкой, лопаются шрапнели, свищутъ назойливо и подло пули... А во рвахъ припалъ народъ и молчитъ, прислонивъ щеки къ торчащимъ впередъ сторожко и злобно дуламъ ружей. На ихъ примкнутыхъ штыкахъ изрѣдка вздрагиваетъ пламя разрывовъ.

Вонъ, вдали желтыя пятна догорѣвшихъ стоговъ, бѣлая полоса дороги, по которой двигались густыя колонны непріятеля, не замѣтившаго хорошо прикрытыхъ траншей. Даже въ яркомъ полымѣ ихъ увидишь по осыпямъ нарытой земли сзади, а никакъ не оттуда. Тутъ нѣмцевъ разстрѣляли наши, а когда тѣ бросились „штыки наруку", ихъ встрѣтили такимъ отвѣтнымъ ударомъ, что на мѣстѣ этой схватки:

— До сихъ поръ слышно: ползутъ, голоса подаютъ.

— Только что ни ихнимъ къ нимъ, ни намъ не податься.

Дѣйствительно, прислушиваешься,—точно изъ-подъ земли кто-то стонетъ тамъ, и глухая жалоба эта расползается понизью, западая и въ наши окопы. Какъ-будто въ могилахъ проснулись и слабо-слабо подаютъ голоса: мы-де здѣсь, живы, спасите насъ"...

Наконецъ непріятель былъ окончательно отброшенъ, и второе лодзинское сраженіе прекратилось.

29 ноября. Корреспондентъ „Русскаго Слова" В. И. Немировичъ-Данченко картинно описываетъ выдающійся эпизодъ императорскаго лодзинскаго боя легендарнаго кавалерійскаго полка [1]).

„Второму дивизіону славнаго кавалерійскаго полка было приказано атаковать непріятельскую артиллерію. Какъ только онъ бросился впередъ, непріятель открылъ ужасающій огонь. Это былъ сплошной ураганъ картечи и пѣхотныхъ пачекъ. Казалось, самъ воздухъ раскалился кругомъ вдоль опушки лѣса у Ружице. Въ этотъ стихійный ужасъ наши ворвались такъ стремительно, съ такою бѣшеною, неудержимою отвагой кинулись на сильную вражью позицію, сметая все находившееся при взводахъ нѣмецкой батареи, что передъ нами, казалось, воскресли времена несравненныхъ витязей стараго Кавказа.

Второй взводъ непріятельской батареи былъ на опушкѣ лѣса; передъ нимъ глубокая выемка желѣзной дороги и большая окраивавшая его канава. Всадники точно на крыльяхъ одолѣли ихъ, смѣлымъ взлетомъ ворвались въ лѣсъ, изрубили

---

[1]) „Рус. Сл." 29 ноября с. г.

въ немъ непріятельскую пѣхоту въ ея окопахъ. Черезъ нѣсколько дней я видѣлъ здѣсь, голова къ головѣ, тѣло къ тѣлу, сплошь лежавшіе окоченѣвшіе трупы защитниковъ этой непріятельской позиціи. Трудно описать панику, охватившую нѣмцевъ. Въ эти мгновенія они забыли всѣ преимущества окопавшейся пѣхоты противъ кавалерійскаго налета. Ружья далеко отброшены отъ мертвыхъ. Очевидно, въ слѣпомъ страхѣ передъ этимъ въ лѣсную дрему ворвавшимся смерчемъ они кинули ихъ прочь и искали спасенія только въ безуміи безпорядочнаго бѣгства. Паника охватила не только тѣхъ, которые были на пути нашихъ эскадроновъ. Все, что пряталось и сидѣло въ загражденіяхъ этой чащи, вплоть до резервовъ въ глубинѣ ея, не удержалось на мѣстѣ, разсыпалось вразбродъ, кто куда попалъ, на югъ, только бы подальше отъ нашихъ богатырей. Это дало возможность нашей пѣхотѣ съ лѣваго фланга безъ выстрѣла продвинуться на жаковицкую дорогу, на сѣверъ отъ Ружице. Въ самомъ восточномъ углу лѣса густились непріятельскія роты у этой деревни. Вторая линія всадниковъ лавою обвила ихъ, отбила большой нѣмецкій транспортъ и, уничтоживъ тамъ все живое, соединилась съ уцѣлѣвшими всадниками остальныхъ эскадроновъ. Плѣнные, попавшіеся намъ, говорятъ: „Мы ничего подобнаго не слышали у себя. Ваша кавалерія, это — молнія, которой ничто противиться не можетъ. Нельзя было защищаться, некогда было одуматься, сообразить обстановку. Ноги, помимо головы, сами уносили насъ подальше отъ этой внезапной тучи, обволакивавшей насъ, какъ казалось, отовсюду. Мы не видѣли передъ собою просвѣта“. Уцѣлѣвшіе? Ихъ было немного, и подобрали ихъ потомъ другія части...

Въ этомъ грозовомъ ударѣ у противника уничтожена прислуга тяжелой батареи, всѣ ея прикрытія и ближайшіе къ нимъ пѣхотные заслоны. Только тридцать человѣкъ живьемъ попались въ плѣнъ,—растерянныхъ, оторопѣвшихъ, ничего не соображающихъ, точно они были пришиблены метеоромъ, упавшимъ съ неба. Всадники вывезли сейчасъ же три передка орудійныхъ, самыя пушки оставлены на позиціи. Онѣ были между нашими цѣпями и непріятельскими, на ближайшихъ лѣсныхъ опушкахъ, подъ перекрестнымъ огнемъ.

Нѣмцы въ это время съ другой стороны сильно насѣли на подполковника Я.

Ихъ было много. Огнемъ ихъ удержать оказалось невозможно.

Я. съ тремя эскадронами бросился на другую колонну противника. Картечный и ружейный обстрѣлъ, направленный противъ нашихъ, былъ отсюда ужасенъ. Наши всадники, проскакавъ точно сквозь огнедышащую пасть, разбили непріятеля, безпорядочно бросившагося въ лѣсъ. Намѣреніе его пробиться на востокъ не удалось. Задача нашего кавалерійскаго отряда была рѣшена, но онъ за новую славную страницу своей боевой исторіи заплатилъ дорого.

Всюду еще лежатъ неубранные трупы. Всадники и ихъ кони вмѣстѣ... Торчатъ разбитые зарядные ящики. Нѣмецкія орудія увезены нами. По сторонамъ сотни „кулебякъ", этихъ несуразныхъ, громадныхъ гранатъ, не разорвавшихся и еще не использованныхъ. Ихъ плетеные футляры, стаканы отъ шрапнелей, нѣмецкія каски, палаши и разбитыя, изломанныя ружья... Въ глубокомъ рву точно припавшіе къ водѣ трупы. Широко открыты ихъ глаза. Рѣсницы опушены нетающимъ снѣгомъ. Вверху лѣсъ, полный страшныхъ тайнъ недавняго боя. Тамъ подъ каждымъ деревомъ — безмолвный свидѣтель вчерашняго ужаса".

Другимъ выдающимся событіемъ второго лодзинскаго сраженія была атака германцевъ нашими бронированными автомобилями, дѣйствовавшими 21-го ноября по шоссе подъ начальствомъ штабсъ-капитана Гурдина и поручика Шулькевича. Своимъ страшной силы огнемъ, сопряженнымъ съ искуснымъ маневрированіемъ, автомобили эти совершали на шоссе свои налеты и отражали атаки громадныхъ массъ германской пѣхоты. Наши войска полюбили эти автомобили и привѣтствовали ихъ блестящія дѣйствія восторженными восклицаніями.

30-го ноября. „Небываемое бываетъ", говаривалъ Великій Петръ.

Такое небываемое свершилось: 29-го ноября сербы на-голову разбили австрійскую армію.

Какая иронія судьбы: передъ этой побѣдой разошлись германскія иллюстрированныя газеты, гдѣ были портреты генерала Піотрека и прочихъ генераловъ, съ надписями побѣдителей сербовъ, а также фотографія мѣстностей, гдѣ были одержаны австрійцами побѣды надъ сербами.

Странное соблюденіе нейтралитета Румыніей и Болгаріей.

Румынскій король и Болгарскій царь принимали въ особой аудіенціи будущаго главнокомандующаго военными силами

Турціи фонъ-деръ-Гольцъ-пашу и съ нимъ о чемъ-то продолжительно совѣщались.

Какой поучительный урокъ нашей прошлой исторіи. Сколько пролито драгоцѣнной русской крови за освобожденіе болгаръ и румынъ, въ то время называемыхъ валахами и молдаванами; турки величали ихъ въ то время презрительнымъ словомъ „влашки“.

Еще далѣе: сколько пролито русской крови за Австрію въ 1799 г., 1813, 1814 гг. и за Пруссію въ 1806 — 1807, 1812 и 1814 г.

Телеграфныя лаконическія сообщенія нашихъ, дорогихъ, вѣрныхъ, союзниковъ французовъ, англичанъ, и бельгійцевъ: „продвинулись нѣсколько впередъ“, отошли „нѣсколько назадъ“ и „въ общемъ безъ перемѣнъ“ имѣютъ свой, собственный, глубокій смыслъ. Хотя бы намъ, русскимъ, и хотѣлось бы, чтобы въ осенній и зимній періодъ войны, когда мы выносимъ на своихъ плечахъ безчисленныя атаки пьяныхъ тевтонскихъ ордъ, эти выраженія и были бы замѣнены болѣе энергичными выраженіями наступленія, но вѣдь надо помнить, что у французовъ не такъ много людского запаса, у самихъ англичанъ вербовочное комплектованіе и перевозка колоніальныхъ войскъ сопряжены съ значительнымъ количествомъ времени, а у доблестныхъ бельгійцевъ совершенно изсякъ источникъ пополненія. Все это надо учитывать и спокойнѣе выждать весенняго укомплектованія, новыхъ формированій и перевозки значительныхъ союзныхъ силъ.

Надо относиться съ полнымъ довѣріемъ къ талантамъ и волѣ желѣзнаго Жоффра. Поставленная ему задача очень грандіозна. Вѣдь ему надо было перевоспитать, возсоздать прежній духъ французскихъ армій, утвердить ихъ въ сознаніи, что имъ нечего опасаться германцевъ. И онъ достигъ этого въ самое непродолжительное время. Теперь французы ни въ чемъ не уступаютъ германцамъ.

Надо помнить, что французскій парламентскій режимъ наложилъ свою руку на выборъ начальниковъ великой молчальницы, французской арміи. Сколько несоотвѣтственныхъ начальниковъ, выдвинутыхъ по протекціи депутатовъ, надо было смѣстить.

На указаніе свыше, сдѣланное по этому дѣлу Жоффру, нельзя ли поступать не такъ круто, былъ полученъ такой отвѣтъ: „нельзя“—„тогда ищите другого главнокомандующаго“.

Онъ ведетъ самый спартанскій образъ жизни. Довольствуется

самымъ скромнымъ образомъ. Одного только требуетъ относительно себя: сохраненія опредѣленнаго числа часовъ только на сонъ.

Весь день посвященъ работѣ, а для ночи совершенно точно указано штабу, въ какихъ случаяхъ надлежитъ будить главнокомандующаго.

Въ опредѣленный часъ Жоффръ встаетъ и тотчасъ же идетъ въ штабъ, гдѣ въ теченіе ночи чины штаба обозначили цвѣтными булавками послѣдовавшее измѣненіе въ расположеніи союзныхъ и непріятельскихъ войскъ.

Популярность Жоффра громадна. Вся французская армія, вся Франція вѣрятъ въ его таланты и его желѣзную волю.

Жоффръ болтать не любитъ. Рѣчь его лаконична.

Недавно онъ пріѣхалъ въ Эльзаскій городъ—Танъ, и тамъ, собравшимся къ нему женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ онъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: „теперь вы французы навсегда“.

Съ необычайнымъ восторгомъ привѣтствовало населеніе слова главнокомандующаго французовъ.

Наши враги. Полную противоположность Жоффру представляетъ его противникъ императоръ Вильгельмъ, у котораго болтовня стоитъ превыше всего. Неуравновѣшенный, самомнительный, принимающій свои фантазіи за дѣйствительность, мало кого слушающій, никогда ничего не читающій, жестокій, влюбленный только въ себя, Нарциссъ-Вильгельмъ представляетъ изъ себя оригинальный типъ самодовлѣющей тевтонской наглости.

Изъ приближенныхъ на Вильгельма имѣютъ нѣкоторое вліяніе Мольтке, умѣющій стаскивать своего кайзера съ небесъ на землю, и германскій кронпринцъ, своимъ дикимъ упрямствомъ вліяющій на слабую волю своего отца. Между отцомъ и сыномъ происходятъ постоянныя ссоры. Вильгельму присущъ даръ гипноза слова, какъ на свои войска, такъ и на своихъ михелей.

Передъ своимъ послѣднимъ отъѣздомъ съ восточнаго фронта Вильгельмъ имѣлъ наглость сказать войскамъ: „небо на нашей сторонѣ“. Болѣзненный, подверженный простудѣ, сухорукій на одну руку, съ течью изъ ушей, Вильгельмъ постоянно боится за наслѣдственность въ горловой болѣзни своего отца. Всякое недомоганіе въ горлѣ, ослабленіе голоса иногда повергаютъ его въ тяжкую хандру. Онъ очень перемѣнчивъ на видъ, даже въ теченіе дня, то онъ сумрачный, то очень оживленный и веселый.

Прилагаемый при этой книжкѣ послѣдній портретъ Вильгельма поражаетъ ужасной перемѣной его лица. Ужъ нѣтъ его знаменитыхъ, длинныхъ, усовъ. Они коротко подстрижены. Онъ страшно похудѣлъ, и печальный взглядъ его устремленъ впередъ, какъ бы чувствуя, что будущее не сулитъ ему радостнаго конца. Надвинутая низко на лобъ каска какъ бы давитъ мысль и дѣлаетъ ее мрачной и тяжелой. Нѣтъ ничего веселаго и радостнаго на этомъ портретѣ.

Говорятъ, что голосъ его сталъ хриплымъ и неувѣреннымъ.

Германскій кронпринцъ, одинъ изъ главныхъ виновниковъ потрясшей весь міръ катастрофы, совершенно лишенъ ума своего отца и отличается дикимъ, упрямымъ характеромъ и циничеcкой наглостью. Онъ очень жаденъ до трона своего отца и узнавъ о томъ, что отецъ его тяжело заболѣлъ, сейчасъ же прилетѣлъ посмотрѣть, не очищается ли ему ваканція. Точь въ точь какъ во время оно Вильгельмъ неотступно слѣдилъ за умирающимъ отцомъ.

Прилагаемая фотографія касается настоящей военной обстановки, при которой кронпринцъ снятъ со своимъ штабомъ въ школьномъ зданіи.

Недавно одинъ англійскій корреспондентъ имѣлъ разговоръ съ кронпринцемъ о современныхъ событіяхъ, при чемъ кронпринцу былъ заданъ вопросъ: дѣйствительно ли нѣмецкіе солдаты убиваютъ и грабятъ, какъ гунны, опустошаютъ тѣ страны, по которымъ проходятъ?

— Все это, конечно, сплошная выдумка,—отвѣтилъ кронпринцъ и прекратилъ разговоръ на эту тему, боясь, очевидно, нескромнаго вопроса смѣлаго американскаго журналиста о соучастіи германскихъ военачальниковъ въ грабежахъ и погромахъ.

Разговоръ перешелъ на болѣе общія темы. Кронпринцъ имѣлъ наглость повторить слова своего отца: „Отвѣтственность за войну нужно всецѣло возложить на державы тройственнаго согласія“.

— Больше никому не нужна была эта авантюра,—заявилъ съ апломбомъ кронпринцъ.

Кронпринцъ рекомендовалъ своего наставника въ военныхъ наукахъ генерала Макензена, и ему вручено было командованіе передовыми германскими корпусами въ первомъ сраженіи подъ Лодзью, изъ которыхъ спаслись только жалкіе остатки.

Во главѣ лоскутной австро-венгерской монархіи стоитъ выжившій изъ ума старецъ, императоръ Францъ-Іосифъ.

Недавно приведено сообщеніе задержаннаго въ качествѣ военно-плѣннаго бывшаго полковника русской службы донъ Хаиме Бурбонскаго о его свиданіи съ Францемъ-Іосифомъ. Донъ Хаиме Бурбонскій нашелъ императора настолько ослабѣвшимъ, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала разговора Францъ-Іосифъ даже позабылъ, о чемъ, собственно, идетъ рѣчь.

Донъ Хаиме напомнилъ Францу-Іосифу, что онъ — членъ австрійской императорской фамиліи и имѣетъ право на болѣе корректное отношеніе къ себѣ. Императоръ слабымъ голосомъ прошепталъ:

— Я не имѣю теперь никакой власти. Повѣрьте мнѣ, что я не могу отмѣнить мѣры, принятой по отношенію къ вамъ военными властями.

У дона Хаиме составилось такое впечатлѣніе, что въ настоящій моментъ старый императоръ дѣйствительно лишенъ всякой власти. Онъ даже просилъ дона Хаиме сообщить ему точныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ горько жаловался:

— Я знаю, что мнѣ ничего не говорятъ...

Въ концѣ концовъ, дону Хаиме не удалось ничего добиться отъ императора, и онъ пошелъ обходнымъ путемъ. Пользуясь своими родственными связями, онъ черезъ членовъ Габсбургскаго дома добился разрѣшенія выѣхать въ Швейцарію.

Въ настоящее время на улицахъ Вѣны, при проѣздѣ Франца-Іосифа не слышно никакого оживленія, не слышно криковъ vivat и публика его встрѣчаетъ съ полнымъ равнодушіемъ и гробовымъ молчаніемъ.

Изъ жизни нашихъ враговъ въ австрійской арміи прилагается портретъ австрійскаго генерала Данкля, командовавшаго въ ноябрѣ краковской арміей, одного изъ командующихъ арміей, не смѣненнаго, и фотографія австрійскаго 57 пѣхотнаго, герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго полка съ командиромъ полковникомъ Біакъ. Полкъ, передъ выступленіемъ въ походъ противъ Россіи изъ Тарнова, склоняетъ знамя.

В. П.

Наши враги:
Германскій императоръ Вильгельмъ II.

Наши враги:
Австрійскій генералъ Данкль, командовавшій въ ноябрѣ Краковской арміей.

Наши враги:
Германскій кронпринцъ, съ своей главной квартирой.

Наши враги:
Генералъ Макензенъ, командовавшій германскими корпусами въ первомъ сраженіи подъ Лодзью.

Наши враги:

57 пѣхотный австрійскій герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго полкъ и командиръ полковникъ Біакъ. Полкъ, передъ выступленіемъ въ походъ противъ Россіи изъ Тарнова, склоняетъ знамя.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 20-го ноября по 10-е декабря 1914 г.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. Время Императора Николая I. ПГ. 1914. Тип. Государственная. 4° (20 × 30). XXV + 716 стр. Съ рис. + 11 лист. рис. + 1 карта. Ц. 5 р. Вѣсъ 6 ф. 5 л. 500 экз.

Великая война 1914 года. Художественная лѣтопись войны. П.Г. 1914. Тип. Е. Вейерманъ и К° (Благовѣщинская пл., 3). 8° (17 × 26). 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 10.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1914 г. Томъ XIX. Книжка II. Содержаніе: Сиповскій, В. В. Эволюція христіанства. — Бертенсонъ, С. Л. Гоголь.— Ржига, В. Ѳ. Пушкинъ. Калинскій, В. А. Народный говоръ Волыни. Бодуэнъ де Куртэнэ-Фасмеръ, Ц. И. Камень Латырь и городъ Алатырь.—Ильинскій, Г. К. Сербо-хорватскій языкъ. — Марковъ, А. В. В. Ѳ. Миллеръ.—Даниловъ, Н. М. Козловъ.—Фатовъ, Н. Н. Е. Ганъ. Багрій, Н. М. Чудо св. Николая—Кунцевичъ, Г. З. Князь А. М. Курбскій. ПГ. 1914. Тип. Императ. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 8° (16 × 24). 304 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 830 экз.

Исторія Московскаго Купеческаго Общества 1863—1913. Тома четвертаго выпускъ первый. Учрежденія, недвижимости и капиталы Московскаго Купеческаго Общества. Подъ ред. В. Н. Сторожева. М. 1914. Изд. Московск. Купеческаго О-ва. Тип. Городская. 4° (22 × 30). 2 нен. + 494 + 97 стр. + 14 нен. листъ и табл. и рис. Вѣсъ 5 ф. 30 л. 900 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга XXX. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (19 × 28). 277—400 стр. + 7 портр. Вѣсъ 29 л. 3.800 экз.

Козловскій, Н. Война съ Японіей 1904—1905 гг. Санитарно-статистическій очеркъ ПГ. 1914. Изд. Гл. Воен. Санитарнаго Упр. Тип. Военная Императрицы Екатерины Великой (зданіе Главнаго Штаба). 8° (18×27). IV + 303 стр. + 3 карты. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 5.010 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по народной словесности. Кіевъ. 1914. Тип. Трудъ М. В. Ельника, (Караваевская, 4). 8° (18 × 28). 100 стр. Вѣсъ 17 л. 300 экз.

Н. К. Чурлянисъ. ПГ. 1914. Изд. Аполлона. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (21 × 26). 61 стр. + 15 лист. рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 26 л. 300 экз.

Отчетъ о соединенномъ засѣданіи Высочайше утвержденнаго комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ Имени Императора Александра III и Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, посвященномъ памяти И. В. Цвѣтаева и Ю. С. Нечаева-Мальцова. М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (15 × 22). 39 стр. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Русское народное искусство на второй Всероссійской кустарной выставкѣ въ Петроградѣ въ 1913 г. (Главное управл. землеустройства и земледѣлія). ПГ. 1914. Тип. С. С. Голике и А. И. Вильборгъ. 4° (28×37). LXXXVIII листовъ рис. + 85 стр. съ рис. Вѣсъ 7 ф. 24 л. 3.000 экз.

Сторожевъ, В. Н. Война и Московское купечество. Историческій этюдъ. М. 1914. Тип. Т-ва Рябушинскаго (Страстн. б. с. д.) 8° (19×24). 124 + II стр. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Сѣрая книга. Дипломатическая переписка Бельгіи, предшествовавшая войнѣ 1914 года. Съ французскаго перевелъ Н. М. Лаговъ. ПГ. 1914. Изд. Освобожденіе. Тип. Е. М. Малаховскаго (П. С. Большой пр., 17). 8° (15×21). 104 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 10 л. 3.000 экз.

Сѣрая книга. Сборникъ бельгійскихъ дипломатическихъ документовъ. ПГ. 1915. Изд. изд. Библіотека Великой Войны. Тип. Викторія (Знаменская, 17). 8° (14×21). 107 + 5 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 3.500 экз.

Шамуринъ, Юрій. Старая Варшава и ея окрестности. (Культурныя сокровища Россіи. Вып. II). М. 1915. Изд. Т-ва Образованіе. Тип. Русскаго т-ва (Мыльниковъ п., с. д.). 8° (18×27). 61 стр. съ 31 рис. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.000 экз.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Томъ VII. (Предисловіе на русскомъ языкѣ). Nicolas Mikhailowitch, Grand Duc. Les relations diplomatiques de la Russie et de la France d'aprés les rapports des ambassadeurs d'Alexandre et de Napoleon 1808—1812. Tome VII. ПГ. 1914. Тип. Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ. 8° (19×28). XV + 439 стр. Вѣсъ 3 ф. 14 л. 300 экз.

А—ъ, Б. В. и А—ъ, В. М. Императорскій періодъ (петербургскій). Исторіи Русскаго Права (Пособіе при изученіи и сдачѣ испытаній). Казань. 1914. Тип. В. Еремѣевъ и А. Шашабринъ. 8° (17×24). 66 стр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Акаёмовъ, Н. Ѳ. Монахи въ старой Варшавѣ. Историческій очеркъ. Варшава. 1914. Тип. Губернская. 16° (10×16). 48 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Анненская, А. Н. Н. В. Гоголь, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). ПГ. 1914. Изд. 5-е. Тип. Л. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 16° (12×18). 79 стр. Съ портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.100 экз.

Бахтіаровъ, А. Исторія первой печатной книги (Въ связи съ началомъ книгопечатанія на Руси). Спб. 1914. Изд. Училищ. Совѣта при Свят. Синодѣ, 2-ое. Тип. Синодальная. 8° (15×21). 58 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Бѣлая книга о войнѣ съ Турціей. Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ съ Турціей. ПГ. 1914. Изд. Кн-ва М. В. Попова (Невскій, 66). Тип. Тов. Екатерингофское Печатное Дѣло (Екатеринг. пр., 17). 8° (16×22). 158 + XXXV стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 22 л. 2.000 экз.

Бѣляевъ, И. С. Одинъ изъ источниковъ смутнаго времени о пожалованіи „Деревнишекъ". М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 12 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Война съ Турціей (Вторая бѣлая книга). Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая разрыву съ Турціей. (Документы, относящіеся къ Великой Европ. войнѣ 1914 г. № 5. ПГ. 1915. Изд. Освобожденіе Тип. Т-ва Грамотность (5 Рождественская, 44). 8° (15 × 21). 144 стр. Вѣсъ 13 л. 3900 экз. Ц. 1 р.

Вульфіусъ, А. Г., проф. Учебникъ средней исторіи. ПГ. 1914. Изд. Я. Башмакова и К°, 6-е. Тип. 1 Петроградской Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8° (15 × 22). IV + 153 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 18 л. 2.000 экз.

Георгіевскій, А. Юрій Крижаничъ и современная дѣйствительность. (Отд. оттискъ изъ журнала Вѣстникъ образованія и Воспитанія за 1914 г. № 9). Казань. 1914. Тип. Центральная. 8° (19 × 28). 10 стр Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Дневникъ войны Россіи съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей. Сборникъ Высочайшихъ манифестовъ, воззваній и телеграммъ Верховнаго Главнокомандующаго, правительственныхъ сообщеній и оффиціальныхъ телеграммъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Вып. I. 12 іюля—31 октября ПГ. 1914. Тип. Т-ва Екатерингофское Печатное Дѣло (Екатерингофскій, 7). 8° (20 × 26). 89 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 18 л. 1.200 экз.

Добровъ, В. А. Опись документовъ и дѣлъ историческаго архива В. П. Дѣла „удѣльныя". Саратовская Губернская Ученая Архивная Коммиссія. Саратовъ. 1914. Тип. Союза Печатн. Дѣла. 8° (18 × 27). 136 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 18 л. 700 экз.

Ельчаниновъ, И. Н. Родъ Соколовыхъ. II Подробная опись Менчаковскаго архива Соколовыхъ. Ярославль. 1913. Изд. Соколовыхъ. Тип. Трудъ, А. К. Чарышникова. 8° (18 × 26). 347 + LV стр. Вѣсъ 2 ф. 10 л. 600 экз.

Ермиловъ, В. Е. Фельдмаршалъ Суворовъ и его „наука побѣждать". М. 1914. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (11 × 17). 32 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Записки историко - филологическаго факультета Императорскаго Петроградскаго Университета. Часть CXXII. ПГ. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 25). 86 стр. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической коммиссіи. Вып. 54. ПГ. 1914. Тип. М. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (20 × 28). 120 стр. съ 84 рис. и 15 табл. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 900 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Прибавленіе къ вып. 56-му (хроника и библіографія, вып., 26). ПГ. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19 × 28). 197 стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 900 экз.

Исторія русскаго театра. Подъ ред. В. В. Каллаша и Н. Е. Эфроса, при ближайшемъ участіи А. А. Бахрушина и Н. А. Попова, художественной частью завѣдуетъ К. А. Коровинъ. М. 1914. Изд. К-ва Объединеніе. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 4° (22 × 28). XII + 364 × VIII стр. Съ рис. + 27 лист. рис. и портр. Вѣсъ 4 ф. 18 л. 5.000 экз.

Каптеревъ, П. Ѳ. Исторія русской педагогіи. ПГ. 1915. Изд. 2-е пересм. и доп. Тип. В. Безобразовъ и К° (В. О., Большой, 61). 8° (17 × 24). XXI + 746 стр. Кн. скл. Земля (Невскій, 55). Ц. 3 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 3.000 экз.

Катаевъ, И. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время. (Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. Подъ ред. проф. А. А. Кизеветтеръ и М. В. Довнаръ-Запольскаго). М. 1915. Изд. Д. И. Тимковскаго, 2-е. Тип. Т-во печатня С. П. Яковлева (Петровка. Салтыков. п., 9). 16° (13 × 17). 79 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 6.000 экз.

Каталогъ книгъ Пермской епархіальной библіотеки, учрежденной при братствѣ Св. Стефана епископа Пермскаго и святыхъ его преемниковъ Герасима, Питирима и Іоны. Пермь. 1914. Изд. 2-е Тип. Н-ковъ Каменскаго. 8° (15 × 22). 193 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 300 экз.

Каталогъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1908 и 1909 г.г. Кіевъ 1914. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (18 × 26). 263 стр. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 150 экз.

Каталогъ № 562. Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Спб. 1914. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (16 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Книгопродавецъ Н. Соловьевъ. Каталогъ № 135. ПГ. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (14 × 22). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Лисовскій, Н. М. Библіографія русской періодической печати 1703—1900 гг. (Матеріалы для исторіи журналистики). ПГ. 1915. Изд. автора. Тип. Акц. общ. Тип. Дѣлъ, (7-я рота, 26). 8° (15 × 20). 2 нен. + XVI + 1067 стр. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 609 экз.

Макаренко, Николай. Школа Императорскаго Общества Поощренія Художествъ 1839—1914. Очеркъ, составленный по порученію комитета Императорскаго общества поощренія художествъ. ПГ. 1914. Тип. Якорь. 8° (16×21). 115 стр. съ рис. Вѣсъ 26 л. 1.200 экз.

Оранжевая книга. Сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ (Оригиналомъ служилъ экземпляръ, выпущенный государственной типографіей по распоряженію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Царицынъ. 1914. Изд. Н. Н. Сорокина, 2-е Тип. В. В. Гольцева. 8° (17×25). 54 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 1.000 экз.

Орловъ, Ф. Легенда о митрополитѣ Филаретѣ въ Варшавѣ (1614—1914). По поводу брошюры М. П. Устимовича: „Митрополитъ Филаретъ и царь Василій Шуйскій въ польскомъ плѣну". ПГ. 1915. Изд. 2-е Тип. т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (13×20). 63+1 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 800 экз.

Полоцкій, Симеонъ. Орелъ Россійскій. Сообщилъ Н. А. Смирновъ ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова Надеждинская, 43). 4° (20×28). XXXVIII+79 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 275 экз.

Португоловъ, О. В. Нѣсколько словъ въ юбилейный вѣнокъ судебной реформы по поводу исполнившагося 50-лѣтія (26 ноября 1864—1914 г.). Памяти А. Я. Мейера. Вольскъ 1914. Петеръ и Полякова. 8° (13×22). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Сборникъ въ память князя Павла Петровича Вяземскаго. П. ПГ. 1915. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). 83 стр.+ карта. Вѣсъ 17 л. 600 экз.

Сивковъ, К. В. Великая Европейская война 100 лѣтъ назадъ и теперь („Война и Трудъ"). № 2. М. 1914. Изд. т-ва Задруга (М. Никитская, 29). Тип. т-ва Рябушинскихъ (Путинковскій пер.) 16° (14×18). 31 стр. Ц. 8 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Скабичевскій, А. М. А. С. Пушкинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова). ПГ. 1914. Изд. 5-е. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 16° (12×19). 80 стр. Съ 15 порт. и рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 3.100 экз.

Судебные уставы 20-го ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ. Томъ I—II ПГ. 1914. Тип. Сенатская 4° (23×32). XI+786+831 стр. Вѣсъ 10 ф. 16 л. по 3.000 экз.

Чернопятовъ, Викторъ. Матеріалы къ родословію и семейной хроникѣ Чернопятовыхъ XVI—XX. 1875—1913. М. 1914. Тип. А. П. Петцманъ (Мясницкій проѣздъ, 2.) 8° (18×27) 7 нен.+XLIII) +433 стр. +20 лист. рис. и портр. Вѣсъ 2 ф. 24 л. 30 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

Отъ Романовскаго Комитета.

И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ сихъ чашею студены воды токмо, во имя ученика, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея.

(Ев. отъ Мате. гл. 10 ст. 42).

Неслыханна по своей жестокости нынѣшняя война. Съ беззавѣтною храбростью чудо-богатыри наши отдаютъ свою жизнь на защиту родины отъ кровожаднаго врага. Много сиротъ остается послѣ нихъ въ деревняхъ и селахъ нашихъ.

Священный долгъ родины спасти этихъ сиротъ отъ физической и нравственной гибели и обезпечить имъ призрѣніе и воспитаніе.

Состоящій подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Покровительствомъ Романовскій Комитетъ уже остановилъ свое вниманіе на этой потребности. Къ земскимъ учрежденіямъ уже обращена просьба создать при его помощи сѣть воспитательныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ крестьянскому быту, въ которыхъ осиротѣвшія вслѣдствіе войны дѣти могли бы получать необходимыя ремесленныя или сельско-хозяйственныя познанія, обезпечивающія имъ въ будущемъ хорошій заработокъ. Но изъ имѣющихся въ распоряженіи Комитета казенныхъ средствъ онъ можетъ оказывать созданію и содержанію подобныхъ заведеній лишь ограниченную помощь, въ размѣрѣ половины средствъ, предназначаемыхъ для сего мѣстными учрежденіями.

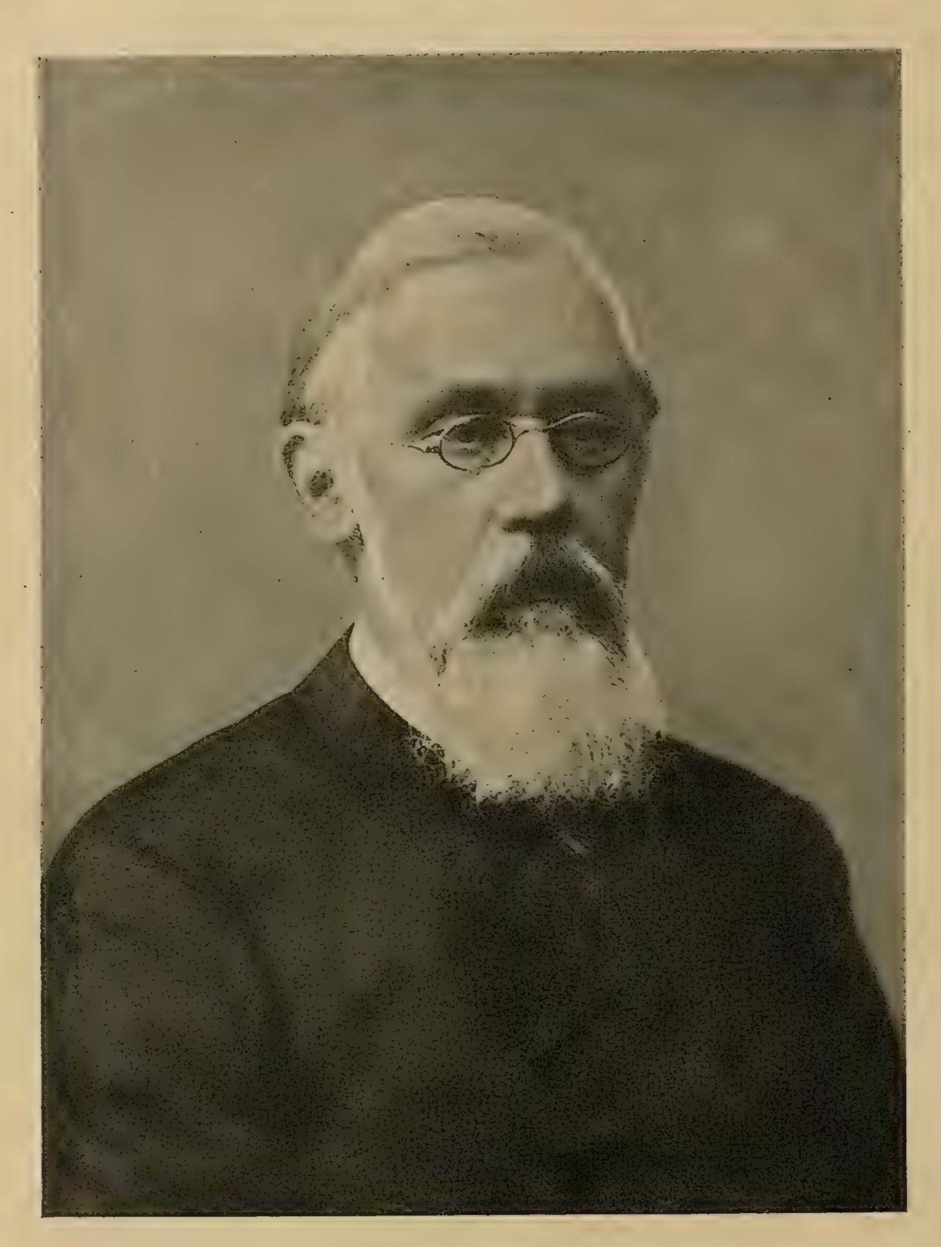
Чтобы создать нѣчто достойное Великой Россіи и дѣйствительно, а не только на словахъ, воздать хотя бы отчасти нашимъ храбрецамъ, въ лицѣ ихъ потомства, благодарность родины—нуженъ обильный притокъ доброхотныхъ пожертвованій.

Комитетъ вѣритъ, что таковыя притекутъ. Каждая, хотя бы и самая ничтожная, лепта будетъ принята съ горячею благодарностью, будетъ израсходована съ строгою бережливостью и въ ней будетъ отданъ публичный отчетъ.

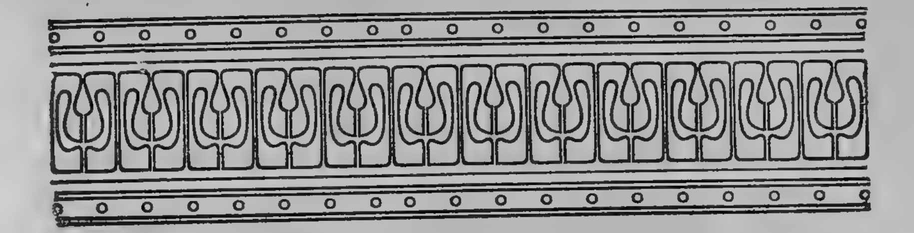
Пожертованія принимаются:

1. Въ Канцеляріи Совѣта Министровъ (по Романовскому Комитету)—Петроградъ, ул. Жуковскаго, 59, ежедневно отъ 1 до 5 часовъ дня.
2. Въ Конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.
3. Во всѣхъ казначействахъ Имперіи.

Пожертвованія, отправленныя денежными переводами, адресуются на имя Романовскаго Комитета въ Петроградъ (ул. Жуковскаго, 59).



Михаилъ Александровичъ
ТОЛСТОПЯТОВЪ.



Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи [1]).

(Дневникъ).

Петръ уклоняется отъ ѣзды въ королевской каретѣ.—Торжественный въѣздъ Царицы въ Копенгагенъ.—Подробный списокъ размѣщенія по квартирамъ Петра и его свиты.—Ненасытная любознательность и проницательная наблюдательность Петра.—Петръ разбираетъ астрономическіе инструменты.—Прибытіе русскаго флота.—Король на русской эскадрѣ.—Развѣдочная поѣздка Петра къ шведскимъ берегамъ.—Шведы встрѣчаютъ его огнемъ.—Арестъ Петра въ Копенгагенѣ въ одеждѣ голландскаго крестьянина.—Поѣздка Петра въ Гельзингеръ и оригинальный способъ Петра удостовѣриться въ боевой способности гарнизона. Петръ производитъ развѣдку Гельсинборга.

Рано утромъ 7 (18) іюля король послалъ карету за Петромъ, но вмѣсто того, чтобы поѣхать къ королю, Царь пѣшкомъ спустился къ ближайшей пристани, и на шлюпкѣ уѣхалъ на свои галеры; съ галеръ онъ, опять на шлюпкѣ, вернулся обратно, но присталъ къ другой пристани, поближе къ дворцу—и здѣсь стояла приготовленная для него придворная карета; Петръ отпустилъ карету и пѣшкомъ прошелъ чрезъ дворцовую площадь прямо во дворецъ мимо караула. Послѣ обѣда у короля оба величества обошли королевскія конюшни, манежъ и цейхгаузъ.

Ночь на 8 (19) іюля Царь провелъ на галерѣ.

8 и 9 (19 и 20) іюля на галерахъ.

10 (21) іюля Царь посѣтилъ военный портъ [2]) и обѣдалъ у короля.

---

[1]) См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

[2]) Петръ при случаѣ выразился такъ о флотѣ датчанъ: „Датчане обращаются со своимъ флотомъ, какъ старикъ-мужъ съ молодой женой и пр.“. (Bruun: København).

Въ четвергъ 12 (23) іюля въ Копенгагенъ прибыла Царица и была встрѣчена съ полной церемоніей.

(Она, какъ и самъ Царь, до пріѣзда въ Копенгагенъ заѣхала въ городъ Нюкэбингъ на островѣ Фальстерѣ; о пребываніи ея въ этомъ городкѣ аптекарь Сайделинъ (см. выше) записалъ):

Супруга Царя прибыла въ Нюкэбингъ нѣсколько дней спустя послѣ отбытія Царя въ Копенгагенъ; она пріѣхала изъ Мекленбурга чрезъ Гольштинію и Голландію; съ послѣдняго острова она на паромѣ переправилась въ Нюкэбингъ; стифтсамтманъ и амтманъ встрѣтили ее па самой пристани парома; предъ ними она не показала себя особенно ласковой или привѣтливой; но когда она, проѣзжая въ каретѣ къ дворцу, въ толпѣ любопытныхъ замѣтила магистра, т.-е. пастора, Оле Лунда, который, благодаря своей сѣдинѣ, отличался весьма почтенной наружностью, она высунулась изъ кареты и глубоко поклонилась ему, вѣроятно принявъ его за патріарха Даніи. Она, впрочемъ, чувствовала себя вполнѣ довольной во дворцѣ Нюкэбинга; она прожила здѣсь 5 дней: благороднымъ женщинамъ города пришлось готовить ей столъ поочередно во дворцѣ; дворецъ ей очень понравился также какъ и рѣдкія вина и прочее, чѣмъ возможно было угостить ее; потомъ она уѣхала къ своему господину въ Копенгагенъ. Она была 2-я супруга Царя Петра; онъ взялъ ее отъ мужа, унтеръ-офицера, котораго впослѣдствіи произвелъ въ подполковники...

Король съ Царемъ выѣхали въ окрестности Копенгагена и встрѣтили Царицу недалеко отъ харчевни 15 верстъ отъ города и проводили ее до самыхъ городскихъ воротъ; здѣсь начался торжественный въѣздъ Царицы съ полной церемоніей. Король и Царь отстали отъ Царицы у городскихъ воротъ и направились кратчайшимъ путемъ во дворецъ; во время въѣзда стрѣляли изъ пушекъ по три раза со всѣхъ городскихъ валовъ, и по всѣмъ улицамъ были разставлены солдаты.

Вечеромъ Царь съ супругою обѣдали у короля во дворцѣ; за обѣдомъ король выпилъ за здравіе Царицы изъ золотого эмалеваго бокала, украшеннаго драгоцѣнными камнями, и тутъ же вручилъ бокалъ Царицѣ въ подарокъ. Послѣ обѣда Царь съ Царицей въ лейбъ-каретѣ короля переѣхали въ приготовленную для нихъ квартиру въ домѣ купца Эдингера (подробности у Щербачева: Шесть документовъ).

Пока Царь жилъ здѣсь, на улицѣ напротивъ его квартиры стоялъ караулъ изъ одной гвардейской роты со знаменами, смѣнявшійся ежедневно съ музыкой. Предъ самымъ входомъ въ

квартиру стояли 4 часовыхъ, два пѣхотныхъ и два конныхъ гвардейца; по корридорамъ также стояли гвардейцы.

(Когда Петръ устроился въ домѣ Эдингера, свита его, чиновники, многіе офицеры и даже солдаты стали устраиваться по домамъ копенгагенскихъ купцовъ и ремесленниковъ; почти ни одинъ изъ дворянскихъ домовъ не предложилъ своего гостепріимства, а все было возложено на тѣхъ гражданъ, которые по правиламъ закона должны были нести постой. Какъ самого царя помѣстили въ купеческомъ домѣ, такъ и ближайшія къ нему лица были расквартированы у разныхъ шляпочниковъ, виноторговцевъ и мелкихъ чиновниковъ; неохотно датчане заботились о своихъ гостяхъ-союзникахъ; нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось даже самимъ пріискать себѣ квартиры. (Приведемъ нѣсколько строкъ изъ списковъ квартирантовъ):

1. Ихъ царскія величества съ придворнымъ штатомъ живутъ во дворцѣ Эдингера на островѣ Фредериксгольмѣ; походныя и багажныя телѣги стоятъ во дворѣ у г-жи Вигантъ. Впрочемъ, Его Царское Величество также занялъ домъ Ленте за Восточными воротами. (Это было впослѣдствіи, когда Царь выразилъ желаніе жить поближе къ русскому лагерю, расположившемуся именно за Восточными воротами).

(Въ слѣдующихъ за симъ спискахъ выпущены названія улицъ, которыя только могутъ интересовать читателей, знакомыхъ съ топографіей Копенгагена).

2. Генералъ-фельдмаршалъ и т. сов. Шереметевъ со своей свитой занимаетъ домъ асессора Эма на Королевской площади. По требованію города для этого куплена и поставлена мебель.

3. Ген.-адъютантъ съ багажомъ и съ военной канцеляріей въ домѣ Брокдорфа.

4. Великій канцлеръ Галовскій (Головинъ) со свитой у д. ст. сов. президента Мэллера.

5. Т. сов. Толстой съ 1 камердинеромъ, съ пажами и со своими лакеями у Шнуппа [1]).

6. Вице-канцлеръ баронъ Шафировъ съ 2 лакеями у виноторговца Ф. Впослѣдствіи, согласно его просьбѣ, переведенъ на...

7. Кн. Долгорукій, царскій т. сов. и ген.-лейт. въ домѣ виноторговца А. со своими лакеями; въ этотъ домъ, по требованію города, поставлена мебель и отъ города отпущено 1 саж. дровъ и 16 ф. свѣчей, за что уплатилъ городской казначей.

---

[1]) Тотъ Ш., изъ записокъ котораго почерпаны разныя подробности.

Упомянутый князь требуетъ продолженія поставки дровъ и свѣчей, но этого нельзя допустить безъ разрѣшенія короля.

8. Оберъ-гофмаршалъ Ея Царскаго Величества Василій Дмитріевъ (??) съ 4-мя лакеями у кузнеца Д.

9. Маршалъ Ея Царскаго Величества съ 3-мя лакеями у купца Г.

10. Русскій ген.-маіоръ Рѣпнинъ у пивовара П.

11. Русскій ген.-маіоръ Шлиппенбахъ у табачника М.

12. У управляющаго В. самъ устроился 1 русскій генералъ-маіоръ.

13. Архіепископъ Өеодосій (архимандритъ) у бакалейнаго лавочника Л. съ 1 лакеемъ; впослѣдствіи, по просьбѣ обоихъ Величествъ, переведенъ, чтобы жить поближе къ нимъ, къ старшинѣ бакалейныхъ торговцевъ.

14. Оберъ-шталмейстеръ Его Царскаго Величества въ гостиницѣ Б. Тамъ также жила дама, назвавшая себя княгиней,— перешла на квартиру Долгорукаго.

15. Оберъ-шталмейстеръ Царицы у акцизнаго служителя П.

16. У П. стоитъ множество лошадей Царя и Царицы съ конюшенной прислугой и съ кузницей, всего чел. 50, по словамъ хозяина.

17. Русскій камеръ-юнкеръ у торгующаго бисеромъ Н.

18. и 19. Русскій камеръ-юнкеръ.

20. Лейбъ-медикъ Его Царскаго Величества съ лакеемъ у морского капитана В.

21. Лейбъ-медикъ Ея Царскаго Величества докторъ Полликула съ 3-мя лакеями у Д.

22. Царскій медикъ, онъ же и кухонный писарь, Фельтельенъ у вѣсовщика М.

23. Русскій докторъ Пинзель, 2 полковыхъ фельдшера и 4 офицера у Х. на Биржѣ.

24. Царскій придворный священникъ въ трактирѣ.

25. Канцелярскій сов. Остерманъ съ служителями у мелочного торговца Щ.

26. Секретари канцеляріи Степановъ и Веселовскій съ 5-ю служителями у виноторговца С.

27. Секретарь Александръ съ 2-мя лакеями, 1 карета и 1 телѣга у Б.

28. Секретарь Келлерманъ и Петръ Рениновъ съ 2-мя служителями у виноторговца Г.

29. 6-ть канцеляристовъ съ 6 служителями и 1 карета у Ф.

30. Капитанъ, привезшій съ собою нѣсколько телѣгъ съ царскими сундуками, у еврея Давида Н.

31. У пивовара Б. 2 офицера, 2 писаря, 24 солдата съ ружьями, 4 царскія телѣги съ денежными сундуками.

32. Волонтеръ Миллау съ 1 лакеемъ у веревочника К.

33. 2 царскихъ пажа у вдовы Н.

34. Царскій курьеръ Каневскій у Анны Ш.

35. Царскій курьеръ Михаилъ у купца Х.

36. Хорунжій Юшковскій, Веревкинъ и курьеръ Кроликъ у пивного торговца П.

37. 2 царскихъ курьера.

38. 1 курьеръ у исляндскаго купца К.

39. и 40. 2 музыканта Царицы.

(Слѣдуетъ рядъ именъ музыкантовъ или пѣсенниковъ Царицы).

52. 1 поваръ и 1 лакей изъ прислуги т. сов. Толстаго у лавочника Ц.

54. 5 походныхъ и багажныхъ телѣгъ вице-канцлера Шафирова у В.

57.—59. 2 драгуна, прибывшіе съ Ея Царскимъ Величествомъ.

61. Въ домѣ Квиста 400—500 чел. больныхъ со служителями.

64. У садовника во дворцѣ Шарлоттенбургѣ нѣсколько офицеровъ, находящейся по близости русской артиллеріи.

65. Командиръ-капитанъ, привезшій съ собою царскія палатки, походную провизію и пр., помѣщенъ, согласно просьбѣ русскаго посла въ домѣ В.

(Списокъ квартирантовъ на этомъ мѣстѣ содержитъ слѣдующее примѣчаніе):

Какіе другіе русскіе нашли себѣ квартиры, можно будетъ провѣрить сегодня вечеромъ, когда не явившіеся вчера на смотръ стражники, сегодня соберутся.

Полиціймейстеръ всеподданнѣйше запросилъ:

1. Кому изъ вышеприведенныхъ лицъ полагается безплатная квартира съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ?

2. Полагается ли безплатная квартира тѣмъ изъ военныхъ, которые числятся тайными совѣтниками?

3. Кто изъ нихъ долженъ платить?

4. Не должны ли платить изъ собственныхъ средствъ тѣ изъ нихъ, которые самовольно заняли квартиры?

5. Полиціймейстеръ проситъ сообщить русскимъ министрамъ, что имъ надлежитъ указать человѣка, который сдалъ бы казен-

ную и частную обстановку обратно городу безъ всякихъ повреждeній.

(По окончаніи этой вставки списокъ продолжается такъ):

1. У портного Н. 1 князь и 4 пѣсенника.

2. 1 князь и 2 лакея у шляпочника Л.

3. 1 генералъ у А.

8. Двоюродный братъ фельдмаршала Шереметева...

22. Нѣсколько офиціантовъ русской пекарни.

23. Офицеры, говорящіе по-нѣмецки и по-шведски.

24. На улицѣ Н. живетъ 30—40 чел. рядовыхъ; здѣсь по словамъ дежурнаго стражника, находится лазаретъ русскихъ...

30. Петръ Марихъ, по рекомендаціи старшаго царскаго повара Фельтена, нанятый на одинъ мѣсяцъ въ качествѣ царскаго пекаря.

31. Нѣсколько ремесленниковъ на нужды русскаго флота.

(Съ перваго дня своего пребыванія въ Копенгагенѣ Петръ сталъ проявлять ту сторону своего оригинальнаго характера, которая больше всего поразила датчанъ: ту ненасытную любознательность и проницательную наблюдательность, съ какими онъ каждый день осматривалъ то одну, то другую часть столицы, укрѣпленія ея, валы, достопримѣчательности и даже всякіе пустяки).

13 (24) іюля Царь съ королемъ совершили прогулку въ королевской гондолѣ. Въ тотъ же день королева послала Царицѣ поздравленіе съ благополучнымъ пріѣздомъ чрезъ г-на Мюниха; сама же она была нездорова.

14 (25) іюля Царь осмотрѣлъ нѣсколько церквей и копенгагенскую достопримѣчательность: Круглую Башню съ находившейся на ней астрономической обсерваторіей; въ особенности его интересовало разбирать на части и разсматривать астрономическіе инструменты.

15 (26) іюля осмотрѣны кунсткамера и библіотека; въ кунсткамерѣ Царь выразилъ свое довольство по поводу поднесенія ему куска окаменѣлаго хлѣба и пары лапландскихъ башмаковъ.

16 (27) іюля королева съ наслѣдникомъ пріѣхали въ Копенгагенъ подъ конвоемъ 17 гвардейцевъ и 1 унтеръ-офицера, съ кавалерами и съ дамами. Царь съ Царицей были на галерахъ, а такъ какъ они вернулись слишкомъ поздно съ галеръ, королева не успѣла посѣтить Царицу.

17 (28) іюля королева посѣтила Царицу; за креслами ея стоялъ оберъ-гофмейстеръ Мейнихенъ, а позади наслѣдника стоялъ тайн. сов. Вальтеръ. Царица сидѣла съ лѣвой стороны.

Царь въ тотъ день не могъ присутствовать, потому что онъ ожидалъ прибытія флота [1]) изъ Россіи, и ради этого обстоятельства находился на своихъ галерахъ. Царица проводила королеву до коляски. (Подробности у Щербачева: Шесть документовъ).

18 (29) іюля къ Каструпу подошла эскадра Его Царскаго Величества, состоявшая изъ 9 большихъ военныхъ кораблей и 2 фрегатовъ. Вмѣстѣ съ стоявшими въ Копенгагенѣ царскими судами они должны были присоединиться къ королевскому датскому флоту.

Въ тотъ день Царица посѣтила королеву и обѣдала у короля подъ краснымъ балдахиномъ, украшеннымъ золотой бахрамой, въ покояхъ королевы до 10½ ч. вечера. Царь отсутствовалъ; говорятъ, что онъ въ тотъ день чрезъ курьера получилъ извѣстіе о смерти своей сестры; совѣтникъ его Толстой вѣроятно зналъ объ этомъ раньше, потому что онъ заранѣе заказалъ себѣ черный костюмъ. Толстому принесли костюмъ въ воскресенье утромъ 15 (26) іюля.

Царь обѣдалъ на суднѣ у англійскаго адмирала, но ночевалъ на берегу.

19 (30) іюля предположена была охота, но была отмѣнена по случаю траура Царя.

20 (31) іюля король обѣдалъ у Царя на русской эскадрѣ. „Весьма хорошо угощали его королевское величество со свитой изъ высокопоставленныхъ лицъ на царской адмиральской галерѣ". Король пріѣхалъ на великолѣпной гондолѣ. Послѣ обѣда Царь съ королемъ отправились осматривать всѣ эскадры, и имъ салютовали съ датскихъ, русскихъ, англійскихъ и голландскихъ судовъ.

21 іюля (1 авг.). Царь угощалъ короля и наслѣдника съ 12 ч. до вечера. Впереди ѣхала шлюпка, за нею царская галера съ Царемъ, королемъ и нѣкоторыми изъ министровъ, за нею другія лодки.

22 іюля (2 авг.) король угощалъ Царя и Царицу въ загородномъ дворцѣ Фредериксбергѣ подъ палаткой на балконѣ. Играла музыка. Послѣ обѣда всѣ гуляли по саду и вернулись во дворецъ въ 9 ч. Царица шла съ королевой, король съ Царемъ и маршаломъ; за ними шли другіе кавалеры.

[1]) Кромѣ 42 или 48 галеръ, прибывшихъ съ Петромъ, пришелъ флотъ изъ 23 кораблей. Списки этихъ судовъ, съ именами командировъ, съ числомъ команды и орудій хранятся въ Копенгагенской Королевской Библіотекѣ.

23 іюля (3 авг.). Петръ отсутствовалъ. Въ 12 ч. дня онъ съ 3 галерами уѣхалъ къ шведскому берегу, чтобы самому разслѣдовать возможность десанта между Гельсингборгомъ и Ландскроною; онъ убѣдился, что шведы укрѣпили удобныя для десанта мѣста батареями; шведы открыли пальбу по галерѣ Царя, а онъ отвѣтилъ выстрѣлами по какой-то постройкѣ, изъ которой скоро вышли запрятанные тамъ кавалерійскіе солдаты. Къ вечеру вѣтеръ стихъ, галеры стали на якоря, а Петръ одинъ въ лодкѣ вернулся въ Копенгагенъ. Принцъ и принцесса, посланные встрѣтить его на пристани, не дождались его возвращенія.

Петръ вернулся поздно, но когда онъ подошелъ къ Восточнымъ воротамъ, дежурный лейтенантъ караула арестовалъ Царя, который былъ одѣтъ голландскимъ крестьяниномъ; Царь самъ имѣлъ неосторожность выдать себя за голландскаго крестьянина съ острова Амагера [1]), но это ему не помогло—его отвели въ зданіе караула; впослѣдствіи онъ назвалъ себя, чтобы освободиться; но лейтенантъ заявилъ ему, что такъ какъ рапортъ объ арестѣ уже былъ отправленъ къ королю, необходимо было дождаться королевскаго распоряженія. Немедленно по полученіи доклада король велѣлъ послать карету за Царемъ; Петру пришлось принять навязанное ему непріятное вниманіе короля и въ костюмѣ голландскаго крестьянина явиться во дворецъ; здѣсь оба монарха—скрывъ каждый свои истинныя чувства—разсмѣялись, и покончили дѣло какъ бы очень веселую шутку.

24 іюля (4 авг.) Петръ отправился съ бригантинами въ Гельсингэръ; онъ взялъ съ собою капитана „Юстиціи". Когда Царь подъѣхалъ къ Гельсингэрской пристани и вышелъ на берегъ, караульный солдатъ остановилъ его и спросилъ его: кто онъ? На это Царь отвѣтилъ: „русскій офицеръ". Потомъ онъ пошелъ расхаживать по улицамъ, попросилъ у прохожаго указать ему трактиръ, вошелъ въ трактиръ, но хозяину велѣлъ никого посторонняго не впускать. Явился къ нему комендантъ (мѣстной) крѣпости Кронборга и былъ принятъ. Вмѣстѣ съ комендантомъ Петръ отправился въ крѣпость. Комендантъ, въ честь Царя, устроилъ смотръ, во время котораго Петру пришла мысль какъ-нибудь узнать, дѣйствительно ли гарнизонъ вооруженъ по-военному; для этого онъ неожиданно выхватилъ ружье изъ рукъ перваго попавшагося ему мушкетера, выстрѣлилъ и

---

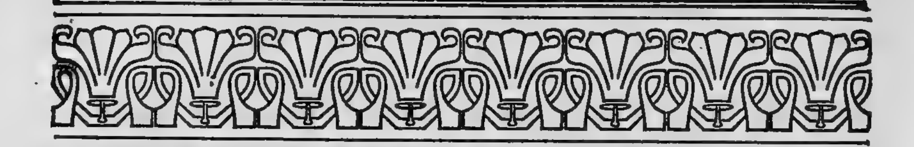
[1]) На островѣ Амагерѣ доселѣ живутъ голландскіе крестьяне, потомки пріѣхавшихъ сюда въ 16 стол. колонистовъ.

убѣдился, что гарнизонъ былъ снабженъ пулями. Послѣ смотра Царь пообѣдалъ у коменданта, потомъ поѣхалъ въ коляскѣ обратно въ Гельсингэръ. По пути онъ остановился у дома юст. сов. Ринкеля, постучался въ двери и былъ приглашенъ осмотрѣть домъ; онъ тотчасъ поднялся на верхній этажъ, откуда сталъ подавать сигналы своей бригантинѣ, махая платкомъ; одна изъ бригантинъ подняла якорь и пошла къ шведскому городу Гельсингборгу. Спустя нѣсколько времени Царь ушелъ и отправился на судно и также подъѣхалъ къ Гельсингборгу и такъ близко, что возможно было бы видѣть его въ подзорную трубу. Около Гельсинборга онъ захватилъ принявшее тамъ грузъ поташа голландское судно и привелъ его въ Гельсингэръ.

Вечеромъ Царь вернулся въ Копенгагенъ; подъ шведскимъ берегомъ онъ нашелъ мѣсто, гдѣ было 7 футовъ воды 30 саженъ отъ берега.

Священникъ Іоаннъ Щелкуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Русскіе у береговъ Эпира [1]).

(115 лѣтъ тому назадъ).

По неизданнымъ мемуарамъ.

Второй разъ г. Метакса ѣздилъ, по порученію адмирала Ушакова, отъ острова Корфу, блокированнаго соединенной эскадрой, въ расположенный на албанскомъ берегу, противъ Корфу, гор. Бутринто, гдѣ находился въ это время Али-паша, чтобы убѣдить его дать помощь дессантными войсками. Осада неприступныхъ корѳинскихъ укрѣпленій требовала значительныхъ сухопутныхъ силъ. Ихъ на эскадрѣ не было. Поставка дессантныхъ войскъ входила въ обязанность сосѣднихъ пашей, въ томъ числѣ и Эпирскаго намѣстника, въ силу султанскаго фирмана. Но сила самыхъ строгихъ указовъ изъ Константинополя ослабѣвала до ничтожности, по мѣрѣ удаленія отъ столицы, и адмиралу Ушакову приходилось всѣми способами — убѣжденіемъ, подарками, угрозами заставлять правовѣрныхъ исполнять султанскіе фирманы. Владѣніе Али-паши находилось ближе всѣхъ остальныхъ къ району военныхъ дѣйствій соединенной эскадры, но онъ-то менѣе другихъ былъ расположенъ подчиняться повелѣніямъ султана. Такимъ образомъ, новое отвѣтственное порученіе, возложенное на лейтенанта Метаксу, являлось не менѣе „скользкимъ", чѣмъ первое. Авторъ „Записокъ" выполнилъ его успѣшно. Его столь же живой разсказъ о второй поѣздкѣ интересенъ той откровенностью, какой подарилъ Али-паша русскаго офицера по такъ называемому „Восточному вопросу".

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1915 г.

..."Теперь приступлю я къ разсказу вторичной моей посылки къ пашѣ Янинскому: 28-го января былъ я призванъ къ адмиралу, который, вручивъ мнѣ письмо и табакерку съ футляромъ, приказалъ отправиться къ Али-пашѣ съ тѣмъ, чтобы я ни мало не медля, по полученіи отвѣта касательно войскъ, возвратился ко флоту. Я отвалилъ въ 9 часовъ утра съ флагманскаго корабля и при южномъ вѣтрѣ подъ парусами прибылъ къ назначенію своему въ самый полдень. Какъ скоро стали мы приставать къ правому берегу при устьѣ рѣчки Бутринто, я спросилъ, тутъ ли Али-паша. Греческіе матросы указали намъ купеческій трехъ-мачтовый бригъ, къ которому я тотчасъ привалилъ. Первое лицо, которое я встрѣтилъ, взошедъ на судно, былъ самъ визирь въ простомъ албанскомъ капотѣ, расхаживавшій по палубѣ съ трубкою во рту. Онъ тотчасъ назвалъ меня по имени, какъ стараго знакомаго, и сказалъ: „Добро пожаловать, г. Метакса"! потомъ взялъ меня подъ руку, и мы спустились въ весьма темную, тѣсную и нечистую каюту: тутъ подалъ я ему письмо и табакерку. Вынимая послѣднюю изъ футляра, онъ пораженъ былъ ея блескомъ и показывалъ видъ величайшаго удовольствія. Табакерка сія была украшена изумрудами, кои вмѣстѣ съ крупными брилліантами представляли букетъ цвѣтовъ, и оцѣнена была въ казнѣ 2.000 червонныхъ.

Узнавъ содержаніе адмиральскаго письма, которое я ему прочелъ, Али-паша сказалъ съ веселою улыбкою: „все пойдетъ на ладъ"! Онъ приказалъ тотчасъ накрыть для меня на столъ и велѣлъ накормить гребцовъ моихъ, извиняясь, что дадутъ мнѣ походный обѣдъ, ибо никто не могъ, прибавилъ онъ, ожидать въ пустынѣ сей такого гостя. Потомъ, пожелавъ мнѣ хорошаго аппетита, отправился онъ на другое судно.

Шкиперъ подалъ мнѣ холодной жареной баранины и множество самыхъ лучшихъ сухихъ закусокъ, я второпяхъ перехватилъ кое-что, выпилъ рюмку вина и, спѣша возвратиться съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ къ адмиралу, ожидалъ возвращенія паши въ каюту, чтобы съ нимъ проститься и попросить письмо, но вмѣсто того, онъ прислалъ своего письмоводителя пригласить меня на то судно, гдѣ находился самъ, и которое было столь же великолѣпно и опрятно, сколько первое было бѣдно и нечисто. Азіатскіе ковры, украшавшіе каюту, бархатные диваны, висѣвшіе на стѣнахъ богатые кинжалы, оправленные въ золотѣ и серебрѣ ружья, пистолеты и другія оружія; дорогіе янтарные трубочные мундштуки, зеркала, фар-

форъ, отборная мебель — все однимъ словомъ показывало, что я находился на яхтѣ визиря и повелителя Эпира. ...Я, не теряя времени, началъ у Али-паши возобновлять настоянія свои объ отправленіи меня скорѣе съ отвѣтомъ къ адмиралу. Онъ обнадежилъ меня, что я не долго буду задержанъ, но какое было удивленіе мое, услышавъ отъ него, что онъ готовъ дать Россійскому Главнокомандующему сколько будетъ ему угодно войскъ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы, по завладѣніи Корфою, половина артиллеріи съ крѣпостей и всѣ мелкія военныя непріятельскія суда были отданы ему, яко участнику въ экспедиціи сей.

Много стоило мнѣ труда дать ему уразумѣть, что таковаго обѣщанія не въ силахъ дать ни самъ султанъ Селимъ, потому что союзники почитаютъ всѣ Іоническіе острова не покоренною добычею, но землями, исторгнутыми токмо отъ владѣній французовъ, и въ коихъ все до послѣдней пушки должно оставаться неприкосновеннымъ. Я Али-пашѣ представилъ, что безкорыстное содѣйствіе дастъ ему случай обезоружить враговъ своихъ при Портѣ Оттоманской, а особенно Низедъ-пашу, бывшаго тогда верховнымъ визиремъ, и утвердить самого султана въ хорошемъ объ немъ мнѣніи, чѣмъ вліяніе его по всему матерому берегу еще болѣе увеличится, что и Высочайшій Россійскій дворъ не оставитъ, конечно, при случаѣ сказать ему своего благоволенія и наградитъ его щедрыми подарками. Долго не выходили изъ головы его пушки и галеры, наконецъ, отступился онъ отъ требованій своихъ, призвалъ Мухтара [1]), далъ ему по сему предмету нужныя предписанія и отправилъ его въ Янину, а мнѣ объявилъ, что отправленіе мое будетъ готово къ завтрему въ 10 часовъ утра. Ни неотступныя мои просьбы, ни представленіе объ отвѣтственности, коей я подвергался предъ начальствомъ замедленіемъ своимъ, не могли заставить Али-пашу перемѣнить своего опредѣленія: надлежало повиноваться избалованному деспоту, привыкшему подчинять все необузданной своей власти. Послѣ открылось, что причина сего задержанія была та, что визирь, не имѣя съ собою, чѣмъ отдарить Главнокомандующаго, разослалъ курьеровъ въ Дельвино, Янину и другіе города за подарками...

...Послѣ ужина, Али часа съ два разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ. Онъ казался мнѣ весьма озлобленнымъ

---

[1]) Старшій сынъ Али-паши.

на Порту, можетъ быть и притворно; я поздравилъ его съ полученными отъ султана милостями [1]).

„Меня хотѣли", отвѣчалъ онъ (принявъ поздравленія мои довольно равнодушно), „сдѣлать верховнымъ визиремъ, но что мнѣ въ этомъ? Я здѣсь силенъ. Скорѣе султанъ будетъ меня бояться въ Стамбулѣ, нежели я его въ Янинѣ. Алчность къ моимъ сокровищамъ заставитъ его, можетъ быть, воевать со мною, но всѣ они въ заблужденіи; я не такъ богатъ, какъ они думаютъ [2]); нѣтъ деревеньки, которую я бы не укрѣпилъ и не привелъ въ лучшее оборудительное состояніе. Все это требуетъ великихъ издержекъ, а чего стоятъ мнѣ эти ненасытные (разумѣя министровъ Порты Оттоманской). Едва сдѣлаешь себѣ подпору и пріятеля, онъ уже безъ головы, а ты безъ денегъ"...

Видя, что я разсмѣялся, Али, улыбнувшись самъ, спросилъ,—кто мнѣ казались смѣшными, пріятели ли его или онъ?

— „Вашему горю", отвѣчалъ я, „можно еще пособить, а головы пріятелей"...

— „Оставимъ эти пустяки", продолжалъ Али-паша, прервавъ рѣчь, „скажи мнѣ свое мнѣніе откровенно, думаешь ли ты, что независимость, которую вашъ адмиралъ провозглашаетъ здѣсь, будетъ распространена и на грековъ матераго берега"?

— „Конечно нѣтъ"! отвѣчалъ я, „прочіе греки не подъ игомъ французовъ, какъ и іонійцы, а подданные султана нашего друга и союзника"!

— „И то правда", возразилъ онъ, „я все забываю и вѣрить тому не могу, что русскіе—союзники Порты".

Потомъ сталъ онъ говорить очень подробно о бывшихъ между Россіею и Турціею войнахъ, о князѣ Потемкинѣ и графѣ Румянцевѣ, разбиралъ дѣйствія ихъ, исчислялъ ихъ ошибки. „Повали дерево съ корня и тогда дѣлай съ нимъ, что хочешь", прибавилъ Али-паша. „Я на мѣстѣ Россіи ударилъ бы прямо высадкою въ Царьградъ, у васъ войско прекрасное, флотъ сильный, — зачѣмъ же дѣло встало? А покуда деретесь безполезно вы на Дунаѣ, гдѣ у васъ болѣе умираетъ отъ болѣзни, нежели отъ войны, завистники ваши вамъ перечатъ". Мнѣ довольно странны показались разсужденія сіи въ устахъ

---

[1]) За взятіе Превезы Али-пашѣ султанъ далъ званіе визиря. *В. И.*

[2]) Въ первую мою поѣздку къ нему въ Превезу, онъ не то мнѣ говорилъ. Тогда приглашалъ онъ меня съѣздить въ Тепеленгу, чтобы посмотрѣть на накопленное имъ тамъ сокровище. *М.*

турецкаго визиря, но кто можетъ проникнуть цѣль, съ коею Али-паша оныя дѣлалъ?

Видя, что я отвѣчалъ ему однимъ молчаніемъ, онъ оставилъ разговоръ сей и началъ говорить о французской экспедиціи въ Египетъ, съ такою основательностью и разумомъ, что я былъ приведенъ въ удивленіе; онъ предсказывалъ уже тогда все, что послѣдовало позже, потомъ перешелъ онъ къ своимъ подвигамъ и завоеваніямъ; онъ описывалъ съ большимъ восторгомъ, какимъ образомъ совершилъ покореніе Эпирской столицы, и воспѣвалъ побѣду, одержанную имъ надъ прежнимъ владѣтелемъ оной пашею Колосомъ; разсказывалъ мнѣ также, какъ онъ, съ горстью албанцевъ—парамифіотовъ, вторгся въ городъ Янину, гдѣ считалось 75.000 жителей. Дѣло дошло потомъ и до древне-греческой исторіи, которую ему читаютъ въ досужное время ученые греки. Онъ отзывался о Өемистоклѣ и Эпаминондѣ, какъ о величайшихъ полководцахъ, но болѣе всѣхъ выхвалялъ Филиппа, называя его пронырливѣйшимъ изъ всѣхъ древнихъ великихъ мужей. Кажется, что Али-паша, при порабощеніи Эпира и Өессаліи, слѣдовалъ той же политикѣ, которую Македонскій царь употребилъ для покоренія греческихъ республикъ, т.-е.: поджигалъ раздоры между сосѣдственными пашами и аянами (воеводами), помогалъ подъ рукою слабымъ, вступался во-время за свои или постороннія права, принималъ на себя попеременно лицо примирителя и оскорбленнаго; наконецъ, сильныхъ, слабыхъ, побѣжденныхъ и побѣдителей, всѣхъ поработилъ подъ свою власть, зная, что Порта, по малодушію своему, объявляетъ себя всегда на сторонѣ сильнѣйшаго.

Настало время отдыхать: Али-паша распростился со мною и, пожелавъ мнѣ добрую ночь, легъ за перегородкою на деревянной широкой лавкѣ, устланной ковромъ, а я, расположась на диванѣ, долго не могъ заснуть, перебирая въ головѣ моей все то, что слышалъ. Я не могъ довольно надивиться, какъ человѣкъ столь жестокій, свирѣпый и необразованный, могъ обладать разговоромъ, столь плѣнительнымъ, ловкимъ и пріятнымъ. Ужели, говорилъ я самъ себѣ, это тотъ самый Али-паша, истребляющій столь безжалостно не только невинныхъ христіанъ, но собственное свое семейство и ближнихъ родственниковъ—это ли опустошитель, обратившій въ пустыню несчастную Превезу, гдѣ искалъ ни славу, ни лавры, но токмо головы человѣческія? Мнѣ казалось, что, несмотря на всѣ его гнусные пороки, кои отчасти приписать должно невѣжеству,

необузданности, власти и свирѣпству нравовъ края того, Али-паша одаренъ отъ природы качествами, кои сдѣлали бы изъ него великаго и мудраго владѣтеля, ежели бы родился онъ въ просвѣщенномъ государствѣ.

Матросы стояли во всю ночь на часахъ у дверей и наблюдали за огнемъ, горѣвшимъ въ каютѣ, раскуривали нѣсколько разъ пашинскую трубку или подавали ему воды, онъ же спрашивалъ поминутно, не возвратился ли который-нибудь изъ гонцовъ. Безпрестанное движеніе, происходившее въ каютѣ всю ночь, не позволяло мнѣ хорошенько заснуть: я поспалъ только часа съ два, и то кое-какъ, съ урывками, а Али-паша, я полагаю, и того еще менѣе. Вставъ съ зарею вмѣстѣ, онъ пошелъ на берегъ къ своему войску, стоявшему на бивуакахъ; вскорѣ послѣ того и я послѣдовалъ за нимъ.

Солнце начинало восходить, но земля еще покрыта была на нѣсколько саженъ туманомъ, произведеннымъ густыми озерными парами, такъ что люди казались ходящими въ дыму. Воздухъ здѣсь ощутительно отяготителенъ и крайне нездоровъ; доказательствомъ тому служитъ то, что, кромѣ рыбныхъ хижинъ и нѣсколькихъ амбаровъ для складки рыбы, никакого почти жилища не находится.

Узнавъ отъ пашинскихъ людей, что онъ на яликѣ пустился по рѣкѣ, я сѣлъ на катеръ и послѣдовалъ за нимъ... Увидя Али-пашу, окруженнаго нѣсколькими арнаутами, я присталъ къ берегу: онъ осматривалъ мѣстоположеніе Бутринто и предполагалъ вырубить весь лѣсъ, простирающійся на три версты до самой албанской границы и служившій венеціанцамъ защитою отъ набѣговъ арнаутовъ... Возвратившись на свою яхту, Али-паша призвалъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ письмо и два большіе узла: въ одномъ изъ нихъ были серебряный рукомойникъ, тазъ съ рѣшеткою, подносъ, кофейникъ и двѣнадцать турецкихъ чашекъ (зарфо), а въ другомъ — нѣсколько шелковыхъ исподницъ, кушаковъ и другихъ азіатскихъ матерій. „Я посылаю вещи сіи къ россійскому адмиралу“, сказалъ визирь, „въ знакъ моей благодарности за его ко мнѣ вниманіе и искреннѣйшаго моего желанія быть съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, на счетъ же войскъ пришлю Мухтара-пашу къ адмиралу для полученія отъ него нужныхъ по сему предмету предписаній; сынъ мой выполнитъ оныя во всей точности. Я надѣюсь заслужить любовь русскихъ и покровительство великаго вашего Государя“... Мнѣ подарилъ Али-паша пару пистолетовъ въ золотой оправѣ и предлинный изъ алой вигони каф-

танъ (бинишъ), который я, однако же, не надѣлъ, отзываясь, что по формамъ, у насъ предписаннымъ, мы не можемъ сверхъ мундира ничего надѣвать, кромѣ мундирнаго сюртука или шинели. Гребцамъ моимъ подарено было сто піастровъ.

Успѣхъ второй моей посылки къ Али-пашѣ вознаградилъ отчасти неудачу и непріятность первой. Я возвратился поспѣшно на эскадру и донесъ адмиралу о всѣхъ подробностяхъ поѣздки моей и ввѣреннаго мнѣ препорученія. Адмиралъ былъ очень доволенъ, смѣялся привезеннымъ подаркамъ, но не очень охотно полагался на слово человѣка, которому столь же мало стоило давать обѣщанія, какъ нарушать оныя. Товарищи, не видя моего возвращенія, начинали бояться, что я былъ Али-пашею задержанъ, а можетъ быть и причисленъ къ прочимъ жертвамъ лютости его.

30-го января авизъ „Панагія" посланъ былъ въ Бутринто въ распоряженіе Мухтара-паши. Ушаковъ учтивостью сею имѣлъ болѣе въ виду напомнить отцу его данное имъ слово. Али-паша былъ крайне доволенъ вниманіемъ адмирала Ушакова. Около полудня того же числа Мухтаръ со свитою своею прибылъ на посланномъ къ нему авизѣ ко флоту и посѣтилъ тотчасъ главнокомандующаго: ему оказаны были генеральскія почести. Узнавъ, какое число вспомогательныхъ войскъ нужно союзникамъ, и сдѣлавъ съ адмираломъ условное постановленіе, какую плату производить имъ и ихъ начальникамъ, Мухтаръ, ни мало не медля, отправился обратно въ Бутринто, для приведенія албанцевъ въ готовность къ отправленію въ Корфу.

Вслѣдъ за нимъ посланъ былъ капитанъ 1-го ранга Сарандинаки [1]) для отданія ему отъ имени адмирала визита. Офицеръ сей, увидѣвшись съ Али-пашею, убѣждалъ его неотступно пріѣхать на россійскую эскадру и познакомиться лично съ адмираломъ Ушаковымъ. Али-паша долго отговаривался и колебался, опасаясь вѣроломства турокъ, кои, зная, что Порта многократно покушалась лишить его жизни, могли бы измѣною его арестовать или умертвить; но всѣ его опасенія были уничтожены ручательствомъ капитана Сарандинаки: осторожный и недовѣрчивый Али, считая слово русскаго офицера достаточнымъ залогомъ, ввѣряетъ себя великодушію русскихъ и законамъ гостепріимства, столь свято имъ наблюдаемымъ.

---

[1]) Капитанъ 1-го ранга Сарандинаки, какъ командиръ флагманскаго судна „Св. Павелъ", представлялъ, очевидно, въ настоящемъ случаѣ особу русскаго главнокомандующаго. *В. И.*

2-го февраля отправился Али-паша съ многочисленною своею свитою на фрегатѣ „Сошествіе Святаго Духа" и прибылъ предъ захожденіемъ солнца на адмиральскій корабль. Ему были отданы почести полнаго адмирала. Онъ былъ въ турецкой великолѣпной одеждѣ, облитый золотомъ и украшенный брилліантами, яхонтами и изумрудами; особенно же отличалось чрезмѣрнымъ богатствомъ оружіе его. Одежда чиновниковъ, свиты и тѣлохранителей пашинскихъ соотвѣтствовала блеску ихъ визиря. Кадыръ-бей и прочіе турецкіе флагманы были ему представлены самимъ главнокомандующимъ. Они дотого унизились предъ нимъ, что цѣловали его полу, отличіе или, лучше сказать, дань покорности, отдаваемая знатнымъ турецкимъ вельможамъ самыми нижними чинами. Нельзя себѣ изобразить, сколь велико было удовольствіе Али-паши при видѣ всѣхъ почестей, коими его осыпали; онъ не скрывалъ онаго, и на восхищенномъ лицѣ его изображалось ясно удовлетворенное честолюбіе.

Послѣ обыкновенныхъ угощеній по восточному обряду, т. е. подчиванія трубкою, кофеемъ, вареньями и холодною водою, онъ ходилъ осматривать адмиральскій корабль, освѣщенный фонарями, и обошелъ верхнюю и нижнюю палубы. Чистота, порядокъ, военное устройство, встрѣчавшееся на всякомъ шагу, крайне его удивляли; на всякій предметъ дѣлалъ онъ свои вопросы, и ничто не могло скрыться отъ прозорливаго и любопытнаго его взора.

Послѣ сего осмотра Али-паша, въ сопровожденіи адмирала Ушакова и всей флагманской свиты, посѣтилъ турецкаго адмирала Кадыръ-бея. Здѣсь пробылъ онъ менѣе четверти часа, извиняясь тѣмъ, что нѣкоторыя дѣла принуждаютъ его возвратиться скорѣе въ Бутринто. Отправляясь обратно на томъ же фрегатѣ, онъ наговорилъ нашему главнокомандующему множество самыхъ лестныхъ привѣтствій и благодареній за отличный пріемъ, прибавя, что онъ никогда не забудетъ посѣщенія своего на россійской Императорской эскадрѣ, и что считаетъ за величайшую для себя честь сдѣланное съ адмираломъ Ушаковымъ знакомство.

Въ заключеніе этихъ выдержекъ изъ „Записокъ капитанъ-лейтенанта флота Егора Метаксы, заключающихъ въ себѣ (какъ значится въ полномъ ихъ оглавленіи) повѣствованіе о военныхъ подвигахъ россійской эскадры, покорившей, подъ начальствомъ адмирала Ѳедора Ѳедоровича Ушакова, Іоническіе острова при содѣйствіи Порты Оттоманской въ 1798 и

1799 годахъ" слѣдуетъ вспомнить, что описываемая въ нихъ экспедиція закончилась утвержденіемъ русскаго вліянія у береговъ Эпира. Учрежденная Ушаковымъ Республика семи соединенныхъ острововъ, признанная по Амьенскому договору 27-го марта 1802 года, была отдана подъ покровительство Россіи и Турціи. Но естественно, что все тяготѣніе ея склонялось къ родственной по вѣрѣ Россіи, и отношеніе къ Турціи ограничивалось взносомъ установленной небольшой дани.

Въ „Запискахъ морского офицера" В. Броневскаго (1836 г.), прибывшаго въ Корфу въ эскадрѣ адмирала Д. Н. Сенявина въ 1806 году, разсказывается, что Іоническіе острова, а въ особенности островъ Корфу, сдѣлались какъ бы русской колоніей въ Средиземномъ морѣ. Наши чувствовали себя въ Корфу „столь же безопасными", по словамъ автора, „какъ бы и въ самой Москвѣ". Такое положеніе казалось столь утвердившимся и вытекающимъ изъ исторіи нашихъ стремленій къ южнымъ морямъ, что авторъ приводитъ соображенія, „сколько важно въ отношеніи политическомъ пребываніе наше здѣсь, и какія выгоды Корфа представляла для торговли нашего отечества".

„Петръ Великій, построивъ флотъ, хотѣлъ (пишетъ Броневскій) поставить Россію въ число морскихъ державъ, обогатить подданныхъ своихъ распространеніемъ судоходства, которое какъ извѣстно, прибыльнѣе, нежели сухопутная торговля. Моря, принадлежавшія тогда Россіи, были тѣсны для обширныхъ намѣреній мудраго Просвѣтителя нашего: онъ искалъ пріобрѣсть въ отдаленной странѣ хотя малое владѣніе, дабы, имѣя тамъ флотъ, пріуготовить нужное число мореходцевъ. Эскадра, на сей предметъ посланная къ острову Мадагаскару, лежащему у южной оконечности Африки, поврежденная бурею, возвратилась безъ успѣха. Екатерина II, слѣдуя по стопамъ Великаго изъ Царей, во время счастливой войны съ турками 1770 года, желала отъ Венеціанской, тогда къ паденію клонившейся, республики пріобрѣсть островъ Итаку [1]); но смерть Іосифа, миръ, заключенный Леопольдомъ, съ турками и недоброжелательство Англіи, Пруссіи и другихъ посредствовавшихъ въ мирѣ державъ, воспрепятствовали и сіе привесть въ исполненіе".

Теперь потребность базы для нашего флота, а вмѣстѣ съ нимъ для нашего вліянія въ открытомъ южномъ морѣ, по мнѣнію автора, осуществилась.

---

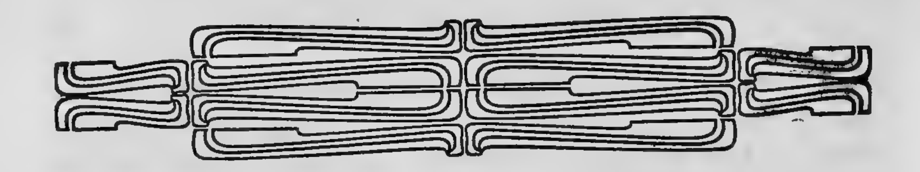
[1]) Одинъ изъ Іоническихъ острововъ.

„Іоническая республика по географическому положенію есть ключъ Италіи и врата древней Греціи. Корфа, имѣя одну дивизію пѣхоты и десять линейныхъ кораблей, не только безопасна отъ непріятельскаго вторженія, но становится важною точкою наблюденія между сѣверными и южными государствами. Народы Италіи, угнетенные чуждымъ игомъ, отклоняя вліяніе другихъ соревнующихъ державъ, изъ Корфы ожидали своего освобожденія. Съ другой стороны греки, обитающіе въ Мореѣ, Албаніи и Архипелагѣ, при незначущихъ нашихъ силахъ мечтали о вольности. Славяне, живущіе на восточномъ берегу Венеціанскаго залива, гордясь однимъ съ нами происхожденіемъ и вѣрою, считали Корфу своею столицею"...

„Корфа для торговли Чернаго моря необходима. Находясь посреди Средиземнаго моря, она представляетъ безопасное убѣжище, надежную защиту и мѣсто для складки товаровъ. Какія выгоды пріобрѣтаетъ наше отечество отъ сего порта, доказательствомъ служитъ то, что въ 1806 году и до половины 1807 число торговыхъ судовъ увеличилось болѣе нежели вчетверо. Въ Средиземномъ морѣ россійскій флагъ преимуществовалъ надъ всѣми прочими. Въ другомъ отношеніи Корфа представляетъ важнѣйшія выгоды. Россія, почитаясь второю морскою державою, имѣетъ одно Черное море способное для плаванія круглый годъ, Балтійское же открыто бываетъ только пять мѣсяцевъ, имѣя же Корфу, морскіе офицеры и 10.000 матросовъ пріобрѣтаютъ познаніе въ чужихъ моряхъ. Симъ помышленіе Петра и желаніе Екатерины было исполнено".

По Тильзитскому миру (1807 г.) Іоническіе острова снова были уступлены Франціи, а впослѣдствіи захвачены англичанами, и такъ закончилось русское вліяніе у береговъ Эпира.

В. Ильинскій.



Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXIV [1]).

На другой день былъ назначенъ торжественный выѣздъ султана въ мечеть на селямликъ.

Изъ посольства намъ прислали билеты для входа въ палатку дипломатическаго корпуса. Въ 10 часовъ утра мы были уже тамъ. Войска въ парадной формѣ стояли шпалерами, охраняя путь между дворцомъ и мечетью.

Съ высотъ Тотанъ-ханэ доносились выстрѣлы въ честь побѣды турецкаго оружія надъ маленькой, злополучной Сербіей. Но здѣсь, конечно, центръ вопроса лежалъ не въ Алексинацѣ, а дальше, у береговъ Невы, и это понималъ каждый...

Ликованію мусульманской толпы, находившейся за линіей охраны, не было границъ: вся она, полная жизни и огня, трепетала и горѣла въ порывахъ дикаго восторга. Слова: „Алексинацъ, Бѣлградъ, Черняевъ" такъ и рѣзали воздухъ, окружавшій ее, а протяжное эхо повторяло ихъ на тысячу ладовъ.

До начала церемоніи осталось болѣе часа; но мы не теряли времени, занимаясь пріятными разговорами. Макѣевъ, всегда и вездѣ неистощимый въ остротахъ, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Гриневъ забавлялъ дамъ сценами изъ Горбунова. Маленькій, розовый, какъ майскій день, Вурцель декламировалъ что-то изъ „Демона". Желчный Максимовъ, размахивая во всѣ стороны руками, громилъ политику князя Горчакова, съ чѣмъ никто и не спорилъ.

Казначей Тепловъ, Лишинъ, Базили, Яковлевъ и другіе атташе громко смѣялись, не замѣчая странныхъ улыбокъ

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1914 г.

иностранцевъ. Словомъ, русская колонія имѣла такой видъ, какъ будто съ паденіемъ Алексинаца ровно ничего дурного не произошло, а все, наоборотъ, обстояло благополучно.

Въ другомъ концѣ палатки серьезные люди, въ томъ числѣ нашъ Ону и его коллеги обсуждали вопросъ о кредитномъ обращеніи турецкаго банка. На эту тему разсказывали тогда массу анекдотовъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, и я передаю его здѣсь. „Однажды нищій-калѣка поднялъ на мостовой кошелекъ, туго набитый кредитными билетами. „Аллахъ!“ воскликнулъ несчастный, заливаясь горькими слезами, отдай ихъ лучше нашему падишаху, онъ твоя тѣнь на землѣ, а мнѣ пришли сюда хотя два піастра, чтобы я могъ купить себѣ хлѣба“. Но молитва его не дошла къ небесамъ, а голодъ терзалъ его желудокъ. Тогда нищій направился къ морю и сталъ звать Посейдона.

— „Чего тебѣ надо? спроситъ грозный богъ, выплывая наверхъ. „Да вотъ принесъ тебѣ это богатство, гарантированное всѣмъ достояніемъ Оттоманской имперіи,—бросая ему кошелекъ, говорилъ бѣднякъ,—купи себѣ новый трезубецъ, а мнѣ заплати всего лишь два піастра комиссіонныхъ“.

— „Ахъ ты, жуликъ, чего захотѣлъ?! въ моемъ царствѣ металлическое обращеніе, такъ и скажи своему падишаху, но не бумажное, которое размокаетъ въ водѣ“. Съ этими словами онъ выбросилъ обратно кошелекъ на берегъ и скрылся въ глубинѣ морской, а нищій умеръ съ голоду, обладая громадной суммой оттоманскихъ кредитныхъ билетовъ. Такова мораль этой сказки, авторомъ которой считали тогда Юсуфъ-Изединъ-Эфенди, брата Абдулъ-Гамида.

Ждали генерала Игнатьева; но раньше явился Нелидовъ, его замѣститель. Онъ былъ непроницаемъ и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: не знаю... увидимъ... кто можетъ это знать и т. д., какъ полагается, вообще, серьезному дипломату. Наконецъ прибылъ и нашъ посолъ. Въ толпѣ, стоявшей за цѣпью солдатъ, пробѣжалъ точно вѣтерокъ, и всѣ глаза устремились къ нему. На лицѣ каждаго словно написано было:—ну, что скажешь намъ теперь—Алексинацъ-то взятъ!..

Моложавый, быстрый въ движеніяхъ, генералъ Игнатьевъ взошелъ на площадку, торопливо обмѣнялся рукопожатіемъ и отвелъ въ сторону барона Каличе.

Улучивъ моментъ, мой дядя спросилъ Ону: „Ну, что? будемъ воевать“?

— Не знаю, но вѣрнѣе всего, что нѣтъ: завтра мы предъявимъ ультиматумъ съ требованіемъ отозвать войска изъ предѣловъ Сербскаго Княжества и съ угрозой дипломатическаго разрыва.

— Кажется, вы опять надѣли розовыя очки? улыбаясь, спросилъ дядя.

— Ошибаетесь!—возразилъ ему собесѣдникъ,—Абдулъ-Гамидъ уже дѣлаетъ намъ авансы: сегодня утромъ, напримѣръ, по его личному распоряженію манифестанты были удалены изъ Перы...

— Блаженъ, кто вѣруетъ,—получилъ онъ насмѣшливый отвѣтъ,—а затѣмъ уводимъ!..

Раздалась команда: штыки и сабли отразили яркое солнце; ряды сомкнулись, барабаны забили и музыка грянула маршъ.

Вотъ показалась голова шествія: главный тѣлохранитель въ красномъ одѣяніи и вооруженный сѣкирой; за нимъ отрядъ гвардіи въ голубыхъ мундирахъ, расшитыхъ золотомъ съ длинными откидными рукавами и въ страусовыхъ перьяхъ на торбушахъ; албанцы въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ юбкахъ; саперы въ кожаныхъ фартукахъ и съ топорами на плечахъ. Далѣе вели подъ уздцы лошадей султана чистѣйшей арабской крови.

Безконечная золотая лента турецкихъ сановниковъ, на великолѣпныхъ аргамакахъ, тянулась въ порядкѣ шествія, сверкая бриллiантами въ лучахъ полуденнаго солнца.

Войска сдѣлали на караулъ. И вотъ къ мраморнымъ ступенямъ мечети, окруженный принцами крови, на бѣломъ, какъ снѣгъ, арабскомъ конѣ, подъѣхалъ самъ повелитель Ислама, тѣнь Аллаха на землѣ, братъ солнца и луны, убѣжище свѣта и міра [1]) Абдулъ-Гамидъ II.

„Падишахимизъ бинъ яша“! (да живетъ нашъ государь тысячу лѣтъ) понеслось къ нему навстрѣчу.

Его худощавая фигура сутуловато держалась въ сѣдлѣ; блѣдное, какъ алебастръ, лицо и черные, нѣжные глаза были точно задернуты пеленой какихъ-то невѣдомыхъ страданій, что придавало ему видъ крайней усталости.

Затѣмъ, онъ сошелъ съ лошади и медленнымъ шагомъ направился ко входу въ мечеть, ни разу не взглянувъ на окружавшихъ его, а также не отдавая чести даже войскамъ.

---

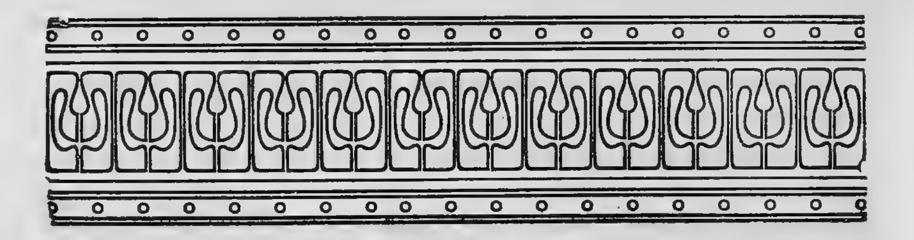
[1]) Это существуетъ въ титулѣ султана.

Когда моленіе было окончено, Абдулъ-Гамидъ вышелъ на площадку, пересѣлъ въ карету и уѣхалъ другимъ путемъ къ себѣ во дворецъ Ильдизъ-Кіоска.

Полки съ барабаннымъ боемъ разошлись въ разныя стороны, а въ палатахъ дипломатическаго корпуса еще долго обсуждался вопросъ, выступитъ ли Россія съ оружіемъ въ рукахъ или же ограничится „ультиматумомъ“, пригрозивъ лишь отъѣздомъ своего представительства?..

Е. А. Рагозина.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Правила обученія и наставленія рекрутъ и рядовыхъ Л.-Гв. Коннаго полка.

26 августа 1788 г.

Архивъ Конной Гвардіи, журналъ исходящимъ бумагамъ за 1788 г. карт. № 415 [1]).

„Чему новоприверстаннаго въ полку рекрута и всехъ рядовыхъ вообще обучать надлежитъ“.

1-е. Какъ скоро рядовои или рекрутъ въ полкъ, а потомъ и въ роту определится, должно онаго ростъ смерить; въ ротѣ назначить ему по ранжиру место и лошадь, на которои онъ служить долженъ; ротнои же командиръ с нимъ, в разные случаи, несколко времени разговаривать долженъ; примечать его склонность, привычки; отдать его на руки, сверхъ капрала и ундеръ-офицера,—в ту артель, в которую онъ напишется, надежному и добронравному рядовому, что бы онъ ежечастно того новоопредѣленнаго обучалъ не только порядочному поведенію, но какъ обутся, одется и дать себе доброи видъ; быть не лениву, смелу, поворотну, чтобъ *крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесаніе при разговоре—совсемъ были из него изтреблены*. Лошадь строевую, данную ему, любить, беречь, чистить, кормить и прибирать ее; и, обходясь с нею ласково, не кричать, не бить, противъ гласъ стоя не махать, внушая при томъ, что кавалеріиста какъ исправность службы, такъ и собственное сохраненіе живота, зависитъ от соблюденія в добромъ состояніи лошади своеи. Ротному жъ командиру всего на помянутомъ приставленномъ рядовомъ взыскивать; однако жъ *новоприверстаннои не долженъ быть не только сначала битъ, но*

---

[1]) Сохранена орфографія подлинника. *Ред.*

ниже стращенъ, а все сіе ласковостію и со истолкованіемъ ему изъяснять; разве по нескольком времени и *усмотрится* в немъ *грубое упрямство и сопротивленіе,* то таковому изъясня его вину—*штрафовать.*

2-е. Въ первыхъ надлежитъ ему накрепко втвердить и вкоренить, чтобъ онъ ружье свое, мундиръ и аммуницію не только по должности, но за нужное почиталъ содержать в бережені и в краинеи чистотѣ, изъясняя ему, что то к сохраненію самаго его служитъ и что исправностію ружьемъ—побеждается непріятель, а чистотою и береженіемъ аммуниціи сохраняется его собственное здоровье. Сверхъ того, въ отъменную ему привычку приводить, чтобъ онъ за необходимое почиталъ всякои день лицо и руки умывать, голову причесать, ногти, буде отросли, обрезать; рубашки чаще переменять, сапоги и башмаки обувать, галстукъ повязывать порядочно и никогда дыръ какъ на одежде, такъ и на обуви не терпеть, а всегда починивалъ, если что издерется; а потомъ весь конскои уборъ, по препорціи лошади своеи, всегда содержать; и какъ повредившееся что в немъ поправить; пуки седелныя набивать, пряшки пришивать, ремни сшивать, олстреди привязывать, чистоту ремнеи пряжекъ, уделъ и стремянъ имѣть; и ежедневно до совершеннои привычки лошадь свою седлать, мундштучить, весь вьюкъ ввязывать, карабинъ и приколъ в погоннои ремень и бушматъ полагать, с показаніемъ всего къ тому аккуратнаго фортеля; потомъ карабинъ и приколъ снять, лошадь размунштучить, то есть цепочку отстегнуть, облехчить подпруги, отпустить пахви и чепракъ на седло заваратить, стремена заложить и седло снять; также показать ему и сенныя фуражныя вьюки вязать и на лошадеи полагать. А какъ все предписанныя поведеніи оной понимать начнетъ, то ево ежедневно посылать въ полковую манежъ, для показанія ему вседанія на конь и низседаніе с коней; держаніе, будучи на лошади, таліи, ногъ и поводовъ; свободное владеніе своею лошадью, обороты, заезды и осаживаніе лошади, крепкое и смелое сиденіе на лошади, чрезъ что увеличить можетъ видъ проворнаго, неустрашимаго и храбраго каваллериста.

3-е. При чтеніи воинскихъ артикуловъ, уставовъ и приказовъ, а паче, что до салдата касается, изъяснять должность службы и требуемую от салдата неустрашимую храбрость, и что никакія страхи и трудности храбрость и верность россійскаго салдата никогда поколебать не могли, въ которыхъ число и онъ принятъ; научать такого новоприверстаннаго, какъ назы-

ваются: генералы, полковые штабъ и оберъ офицеры, а паче— его роты; какъ ему без робости, но и с пристоиною смелостію, к нимъ когда случится приттить,—с ними говорить и помнить всегда, что онъ не крестьянинъ, а салдатъ, которой именемъ и чиномъ от всехъ его прежнихъ званіи преимуществуетъ. Чтеніе же воинскихъ артикуловъ и устава должно быть во всякои воскресной и праздничной день, естли к тому особливаго какого помешательства не случится, при чемъ всемъ ротнымъ офицерамъ быть должно.

4-е. Таковаго новопріверстаннаго рекрута не надлежитъ тотъ часъ ружьемъ обучать, но сперва обучать, какъ с нимъ обходится, заставляя его разбирать и собирать оное по частямъ, и чтобъ онъ умѣлъ его чистить, показавъ ему къ тому способы; то-жъ: какъ чистить и вохрить штаны, перчатки, перевесь, портупею, связать шляпу и, обувъ сапоги, положить на нихъ шпоры, привить косу, надеть мундиръ, а потомъ стоять в требуемой солдатскои фигуре; ходить просто и маршировать в строю безъ ружья и с ружьемъ. И когда онъ во всемъ томъ привыкнетъ, начать обучать оружейнымъ приемамъ, конной и пешей экзерциціи, а потомъ стрелбе: сперва без пороху и потомъ и с порохомъ. Но сіе поручать конечно надежному и знающему унтеръ-офицеру и рядовому, которые бы, *без наглой и излишней строгости, все с истолкованіемъ показывали и обучали*; на все сіе довольно два, а покрайней мере с половиною месяца; для такого необученнаго никуда от роты не коммандировать и с другими в строи и в караулы не посылать; чрезъ показанное же время, естли ротной командиръ прилежность свою употребитъ, то конечно из таковаго крестьянскія привычки и видъ истреблены будутъ, и его со всеми наряду потребить будетъ можно.

5-е. Всякому ротному командиру надлежитъ по одиначке всехъ своей роты унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ свидетельствовать и научать во всехъ званіяхъ: умеет ли порядочно обучатся, одется, ходить, стоять, пристойно говорить; ружьемъ верно ли делаютъ; приемы тверды ли; лошадь порядочно ли вычищена и оседлана, замунштучена, обовьючена; седаніе и низседаніе съ онои; держаніе ногъ, корпуса и поводовъ в твердой ли позитуре производятъ; а от унтеръ-офицеровъ взыскивать и способовъ, какимъ образомъ и другихъ научать; и буде что недостаточно в комъ усмотритъ, обучаетъ съ истолкованіемъ, накрепко надсматривая, чтобъ всякой во всехъ по его званію приведенъ былъ в надлежащую исправность.

6-е. Разстверживать рядовымъ, чтобъ не почитали опрядство,

умываніе, чесаніе головы толко тогда нужнымъ, когда онъ можетъ быть усмотренъ отъ командира, или от него за неисполненіе будетъ наказанъ, но что то ему, какъ человеку и какъ особливо военно-служащему, необходимо, и гдѣ бъ онъни былъ, в полку при роте или въ отсудствіи, всегда того наблюдать; і имѣлъ бы стыдъ разодраннымъ, не умытымъ и не причесаннымъ или босымъ показатся въ полковыхъ строяхъ и знатныхъ караулахъ; тако жъ в праздничные дни или в гуляные находясь, рядовыя должны быть напудрены.

7-е. Въ обуви и одежде кавалеріиста следующаго между протчимъ наблюдать: сапоги—чтобъ вычищены были и смазаны хорошею глянцовою ваксою, обуты порядочно, шпоры вычищены и шпорные ремни одною с сапогами ваксою смазаны были и на ногу посажены были такъ препорцыално, чтобъ оные будучи на ноге, никуда двигатся не могли; штибель манжеты иметь, а внизу под коленомъ кругъ ноги завязывать снуркомъ или тесемкою изъ под раструбъ сапожныхъ вверху штибель манжетъ, чтобъ виденъ былъ на три палца и по штанамъ плотно былъ пристегнутъ; штаны сколько можно на ногахъ имѣть глаже и чисто вычищены, и внизу около ноги, подъ коленомъ, завязывать нарочно к темъ придѣланнымъ ремешкамъ. Кафтаны, камзолы—шить каждому человеку по росту, в надлежащую пропорцію, и чтобъ воротники и обшлага одинъ другова шире не былъ, а по опробованному образцу единственно, дабы никакои разности не было; портупей подтягивать туже, и палашъ на погонахъ пристегнутъ былъ, по препорціи его росту такъ, чтобъ онои, не наклонясь, можно было из ноженъ вынуть; пряшка портупейная лежала бъ самою своею срединою на пуговицахъ, которыми застегивается камзолъ или кафтанъ, а оставшей от портупеи ремень застегивался бы под протупеи, и чтобъ многихъ дыръ на портупеи и иныхъ ближе, а иныхъ дале прорезано не было, а убовлять и прибавлять по корпусу человека пряшкою; погонъ бы лежалъ на самой середине плеча которымъ всегда пристегивать перевязь; рубашку застегивать, около шеи снуркомъ плотно, и былъ бы подгалстушникъ, а рукавныя обшивки около самой кисти, и чтобъ обшивка рубашечная изъ под рукава кафтаннаго видна была; шляпу носить прямо, подстегивая под бороду ремнемъ, и будучи в ремняхъ, шляпы не перед кемъ не скидывать; косы иметь длиною три палца выше портупеи, к волосамъ привязывать весма туго. Впротчемъ смотреть и возбранять накрепко, чтобъ излишнихъ ремешковъ и завязокъ отнюдь около рядоваго не было.

А для лутчаго наставленія какимъ образомъ поступать съ рекрутомъ по приемѣ в роту:

Во 1-хъ, какъ назначутъ от полка в роту принимать, той роты дежурной репортуетъ своего ротного командира о числе принятыхъ рекрутъ не толко тогда, когда примутъ рекрутъ дежурной, но и командиръ долженъ еще заблаговременно знать, в которую связь и покой распределить для квартированія.

Примечаніе: въ разсужденіи объстоятельствъ военныхъ всегда нужно укомплектованіе, следовательно и ожидать должно ежедневно рекрутъ, потому распологать и приготовлять долженъ ротной командиръ и фельдфебель квартиру, и мысленно прежде назначить, в которое капральство и в таковой покой, в которомъ бы былъ добраго поведенія и знающей службы рейтаръ, и при томъ знать, ест ли в томъ покое место, где бъ вновь определенной в рейтары рекрутъ себѣ примастить для постели пріютъ имѣлъ.

Во 2-хъ, по приводу в роту и по показанію ему квартеру и в квартире место для его постели,—потомъ описать, что у него собственнаго богажу, до последней нитки, и какова цвету платья, имянно—вещи, а денги отобрать для сохраненія.

Въ 3-хъ, стараться и определить, когда рекрутъ до обеда приведенъ, что ему с кемъ обедать и ужинать и те дни, пока не получитъ подлежащей ему провиянтъ.

Въ 4-хъ, раздеть рекрута, осмотреть ево нагова, здоров ли, и нетъ ли на теле каковыхъ приметъ; потомъ смерить, какова росту, и тѣмъ начинать описывать ево приметы с лица; ростъ, котораго городу, чей былъ крестьянинъ и какова званія; не умеет ли какого мастерства, и котораго числа в рекруты определенъ, и гдѣ принятъ, и котораго числа вступилъ в роту,—и зделается формуляръ; а потомъ, когда давать будутъ в роте казенныя вещи и какіе именно, особую имѣть табель и непременно иметь в роте должно—четыре списка: первой—формуляръ, вторую—табель, третій—ранжирной, четвертой—ежемесячной—для наряду, с графами, все числа и дни, мѣсяцы, и в каждои графе,—противъ имя, числа и того дня,—означивать, гдѣ тотъ находится.

Въ 5-хъ, долженъ ротнои командиръ ежедневно видить своихъ рекрутъ, а темъ лутче два раза в день, по утру и ввечеру; а не худо, естли бъ обедъ и ужинъ салдатскои видѣть, каково сварено и в чемъ варено; опасатся надобно, дабы в нелуженой

посуде не варить; не только варить, ниже наливать в нелуженой для ежи и хлебанія; а федфебель долженъ ежечастно посещать в каждой покой, затемъ примечать, в чемъ и чемъ упражняется.

Примѣчаніе: нужно ротному командиру и федфебелю говорить чаще с рекрутами, внушая имъ, каковую вести жизнь; старался бъ узнавать должность, нетъ ли у него в чемъ недостатку, не имѣетъ ли онъ печали сердечной, тогда нужно помочь и ободрить; прилежно ли за нимъ смотритъ ефрейторъ, капралъ и живущей с нимъ старой и доброй рейтаръ; стараться нужно, дабы завелъ себѣ рекрутъ белье и обувь очень довольное, потомъ имѣлъ бы постелю, тюфякъ, подушки; естли жъ не в силахъ иметь порядочную постелю, приказать купить толстой холстины и сшить наволочку и набить сеномъ; и служитъ за постелю.

Научать, дабы онъ около себя могъ зашить, вычистить покрайности; естли не имеетъ какова ремесла, а время есть свободное, в квартире заставлять и учить чулки вязать; разговоры имѣли бъ не о другомъ о чемъ какъ о службе: какимъ образомъ обращатца с карабиномъ, пистолетомъ во время экзерциціи и темпы о пешей и конной; в какомъ порядке содержать казенныя вещи и какъ обращатца с лошадью и ей повелевать; о почтеніи и послушаніи к своему командиру,—словомъ фелдфебель, какъ кормилица или хорошая мамка за дитятемъ должно ходить и смотреть и за таковымъ, которой с помочей спускается, такъ прилежно и то, чтобъ безотлучно быть федфебелю с рекрутомъ; естли самъ отлучитца которые часы, приказываетъ ефрейтору, капралу и живущему с нимъ доброму салдату за нимъ смотреть.

Не толко в квартире и тогда, когда нужда есть рекруту на рынакъ или захочитъ с кемъ повидатца итьтить из роты в полку,—одного не отпускать, а колми паче ис полку всегда отпускать должно с трезвымъ и добрымъ рейтаромъ рейкрута, дабы рекрутъ не попалъ в какую шалость, в пьянство, воровство; не ретко случаетца, что отдаютъ в салдаты пьяницъ, воровъ и всякихъ безделниковъ и какова узнать не можно о ево поведеніи, естли не будутъ за нимъ присматривать; а тогда позда, когда свободно рекрутъ всюду одинъ ходитъ, и наделаетъ разныхъ приступленіевъ, и отъ того и не явитца в роту, и побегъ сделаитъ; за побегъ рекрута отвечаетъ перед ротнымъ командиромъ—ефрейтуръ, капралъ, унтеръ-офицеръ того капральства и федфебель; а перед полковымъ командиромъ—ротной

командиръ. Видевъ неприлежность ротнаго командира, в другой разъ входить нужно и полковому командиру, какое в роте той учрежденіе и какъ смотреть за людми и отчего дѣлаютъ побегъ; не всегда бегаютъ отъ строгости: от порядочной строгости и расматрительности не побежитъ ни одинъ человекъ, а болше бегаютъ от слабаго смотренія и от безпорядочнаго учрежденія в ротѣ.

И что с ними говорить и научать около ружья, аммуниціи, говорить объ экзерциціи и объ овалюціи, какъ маршировать, о фортеляхъ:

Въ 6-хъ, не прежде рекрута не должно ставить под ружье и учить ружьемъ какъ *во первыхъ*: дать ему время осмотретца в своей квартире, и чтобъ онъ зналъ свое место и куда свои богашъ класть; 2-е, узналъ бы и научать узнать, хто таковыя ево товарищи по имени, отечеству и прозванію, и кто надъ нимъ в томъ покое старшей; 3-е, своего ефрейтора, капрала и ундеръ-офицера, федфебеля, ротного командира; 4-е, дать ему ружье, пистолеты, все чистить ружья и пистолеты; научать, дабы зналъ названія до последняго шурупа, скопки и трупки, стволъ, дула, цели—разказать, для чего каждая вещь; а потомъ разобрать от ложи замокъ и чистить и збирать, и тогда смотреть, когда збирать,—не попалось бы песку; зналъ бы все въ замке, что какъ называетца, и умелъ бы привертывать и в препорцію ввертывать кремень, а потомъ у ствола казенной шурупъ отвернуть и смыть внутри и сухо вытереть и снаружи вычистить; а потомъ палашъ и пуговицы и учить чистить, и во время чищенія пуговицъ не моралъ бы у мундира своего сукна; а затемъ учить, дабы у него в чистоте были бъ мундирные вещи и ни где бъ нераспорото; и естли распоритца, когда самъ не умеетъ хорошо зашить, ефрейторъ долженъ старатца, дабы зашилъ знающей мастерству портному хорошенка; какъ аммуниція, ружье, пистолеты, палашъ, такъ и мундирные вещи всегда бъ положены или развешены были порядочно, надь ево постелью, и закрыты, дабы не пылились; а потомъ около седла и муштука научить, какъ и что называется и чистится, а тамъ около лошади какъ ходить чистить и седлать. *Правила первые* с рекрутомъ такимъ образомъ начинать обращатца, какъ в сих 6-ти пунктахъ описано.

Примечаніе: 1) С рекрутами должно во время ученья обходитца не строго и не застращивать; 2) нужно каждое слово и

названіе растолковать рекруту; не разумеетъ отъ того, кто ево учитъ; при каждомъ слове и темпе распросить ево, такъ ли онъ понимаетъ и разумеетъ, что командиръ ему говоритъ; есть глупые такіе рекруты, напримѣръ онъ и того не разумеетъ: корпусъ, кинь голову, здѣлай приемъ, означить темпъ,—для него покажитца не понятнымъ; иныя слова многія рекруты не понимаютъ без толкованія. Во время захожденія взвода или фронта нужно, чтобъ всякой солдатъ чувствовалъ и зналъ бы про себя: в которомъ взводѣ, которой человекъ возлѣ ково стоитъ и по которому равнятца,—вотъ для чево нужно. Когда фрунтомъ заходить, тогда надобно первой зводъ—идетъ свободнымъ и полнымъ шагомъ, второй и третей—окорочиваютъ в полшега, четвертой почти на местѣ.

А потомъ обучать, какъ ему держать свой корпусъ и во время ученія подъ ружьемъ, а какимъ образомъ учить воздерживать корпусъ: во 1-хъ, начиная от ногъ, дабы носки держалъ врось, каблуки вмѣсте, колени прямо не согнутые, корпусъ держать прямо, брюхо не выпячивать, а грудь была бы впереди; голову держалъ бы свободно; имелъ бы в лицѣ видъ веселой; глазами, когда стоитъ одинъ на часахъ, тогда бъ смотрелъ на того, кто мимо ево идетъ; а когда во фрунтѣ, тогда по слову, какъ командиръ скажетъ „слушай", тогда бъ и голову кинулъ на право, а глазами бъ гледелъ на флигельманта,—ушами слышалъ от того, кто имъ командуетъ; а во время маршированія взвода или фрунтомъ, равнялись по четвертому человеку; во время поворотовъ научать, дабы зналъ фортель своемъ корпусе, естли скажутъ: „на право", „на лѣво" или „на право кругомъ", „на лѣво кругомъ" все темпы, а в поворотахъ освобождали бъ в каленяхъ м в поджилкахъ жилы; и повороты дѣлали бъ такъ, чтобъ корпусомъ не трогался,—корпусъ всегда бъ держалъ прямо; во время поворотовъ никогда ни в какое время колени згибать не должно, а приучать всегда, чтобъ держать колени прямо, и во время маршу *вертлуге* свободно ногу поднималъ, а колено отнюдь не згибалъ бы; когда левою ногою выступитъ, на правой бы держалъ корпусъ прямо, а когда на правой, то—на левой; во время маршированія приучать, дабы отнюдь не кочался, а всегда бъ корпусъ держалъ прямо; во время премаго марша и захождениевъ равнялся бъ по четвертомъ человекѣ.

7-е. Карабиномъ обучать старатца, дабы темпы приучать верные, и каждай бы темпъ зналъ и всякому темпу препорцію;

и во время приемовъ экзерциціи держать бы корпусъ твердо, и в лицѣ не делалъ бы никакихъ ужимокъ, а однеми бъ руками работалъ ружьемъ,—теломъ никакихъ движеніемъ не делать.

А, за симъ, всемъ господамъ ротнымъ командирамъ репортую: дабы все оное было исполняемо и каждый фетфебель и все унтеръ-офицеры, капралы и ефрейтары, *имели бъ таковыя наставленія при себѣ* и знали бъ все оное отвечать наизустъ, и новопиверстаннымъ *рейтарамъ разтверживать с подробнымъ толкованіемъ*.

Сообщ. **герцогъ Г. Н. Лейхтенбергскій.**

Неизданныя письма Фридриха Великаго о его отношеніяхъ къ Россіи.

Въ нѣмецкомъ журналѣ „Gartenlaube“, за іюль 1914 г. помѣщены неизвѣстныя до сихъ поръ письма Фридриха Великаго къ принцу прусскому Генриху,—его брату, при чемъ приводится факсимиле писемъ и указывается, что подлинность ихъ подтверждается отвѣтными письмами Генриха, хранящимися въ королевскомъ государственномъ тайномъ архивѣ.

Въ первомъ изъ нихъ, помѣченномъ „ce 18“ и написанномъ, какъ предполагаютъ, 18-го іюля 1768 г., Фридрихъ, передавая о политическихъ событіяхъ въ Европѣ, своеобразными чертами рисуетъ современныхъ ему государей; въ концѣ письма онъ изображаетъ свое собственное бѣдственное положеніе во время семилѣтней войны. Приводимъ это письмо цѣликомъ:

Сего 18-го.

Мой дорогой братъ, если вы находите нужнымъ предпринять ваше путешествіе, то это вполнѣ зависитъ отъ васъ. Если вы желаете взять съ собой Лавильета, то я посмотрю, кѣмъ можно лучше всего его замѣнить.

Письма въ Брауншвейгъ и Гаагу я уже приготовилъ. Будьте добры увѣдомить меня—прислать ли вамъ ихъ или же, если это васъ не затруднитъ, вы возьмете ихъ лично. Сестра Амалія здѣсь; я развлекаю ее „Обращеніемъ св. Августина“ и „Эмаусскими паломниками“. Вы найдете довольно страннымъ мое положеніе среди этихъ лицъ, но я слушаю музыку и не обращаю вниманія на слова. Можно изъ всего извлечь пользу на этомъ свѣтѣ и, при желаніи, позабавиться тѣмъ, что другому показа-

лось бы скучнымъ. Также и относительно политики. Я восхищаюсь широкими замыслами другихъ, поражаясь, что для такой короткой жизни составляются такіе большіе планы, смѣюсь надъ совершающимися глупостями; признаюсь вамъ, что политическая сумятица такъ занятна,—пока самъ не находишься на той сценѣ, гдѣ разыгрывается вся эта комедія,—что изъ нея сдѣлали нѣчто въ родѣ общественнаго увеселенія благодаря газетамъ, освѣдомляющимъ публику, худо или хорошо, о тѣхъ пустякахъ, которыми занято столько свѣтлѣйшихъ головъ. Я держусь, какъ нельзя болѣе, пассивно въ своемъ маленькомъ уголкѣ, который принадлежитъ мнѣ въ Европѣ, и поэтому я могу спокойно и равнодушно смотрѣть на то, что такъ сильно волнуетъ другихъ.

Русскіе испытываютъ жестокое затрудненіе въ Польшѣ, и между нами будь сказано—какого чорта имъ тамъ надо. Король Даніи отправился удивлять Европу своими причудами,—я предпочитаю скрывать свои—въ уединенія. Шуазель захватываетъ Корсику, дрожа отъ страха передъ англичанами, — я ничего не присваиваю и ни передъ кѣмъ не дрожу. Императоръ производитъ смотры,—вотъ когда я отъ всей души позабавлюсь! Папа разоблаченный шарлатанъ,—я, никого не обманывавшій, не потеряю высокаго престижа, которымъ никогда не пользовался. Шведскій король—аптекарь неимѣющій сахару,—у меня еще есть и сахаръ и аптека.

Его британское величество служитъ своимъ подданнымъ мишенью для даванья щелчковъ въ носъ. Что касается щелчковъ, то мой носъ еще цѣлъ и невредимъ. Нѣсколько пинковъ ногой въ з—у, полученныхъ мной въ послѣднюю войну, — не идутъ въ счетъ. Меня наградили ими мои враги, и, въ концѣ-концовъ, это героическія несчастья, и мы можемъ найти въ нихъ даже удовлетвореніе своему самолюбію, если поставить себѣ въ заслугу то, что мы счастливо изъ нихъ выпутались.

Простите, дорогой братъ, тѣ глупости, которыя я вамъ пишу. Удовольствіе видѣть свою сестру приводитъ меня въ веселое настроеніе духа и возвращаетъ молодость моимъ старымъ костямъ"...

Второе письмо написано два года спустя—во время первой русско-турецкой войны. Въ началѣ письма Фридрихъ сообщаетъ своему брату о томъ, что онъ сильно болѣетъ геморроемъ, „не всякому суждено", пишетъ онъ дальше: „достичь возраста стараго барона. Онъ и Маѳасуилъ пользуются особыми привилегіями. Я думаю, старый баронъ помолодѣлъ отъ удовольствія, которое доставили вы ему, почтивъ день его рожденія. Я убѣ-

жденъ, что онъ чванится, какъ павлинъ, и ни въ чемъ не уступитъ теперь ни Виллару, ни Монморанси.

Принцесса Азовская можетъ, сколько ей угодно, расхваливать свое отечество,—у меня не явится ни малѣйшаго желанія туда отправиться. Это нація, покрытая ржавчиной варварства; она была слѣпа, но теперь начинаетъ однимъ глазомъ различать кое-что и воображаетъ, что она имѣетъ уже нѣкоторое значеніе. Что касается ея государыни, то я думаю, что она очень гуманна по отношенію къ тѣмъ, кто не мѣшаетъ ея честолюбію, но въ виду того, что она обладаетъ опасными средствами для тѣхъ, кто страдаетъ геморроемъ, то я ни подъ какимъ видомъ не пожелалъ бы попасть къ ней въ руки. Успѣхи ея войскъ въ Молдавіи—болѣе, чѣмъ несомнѣнны. По непостижимому ослѣпленію тщеславный владыка, прошлаго величія, Оттоманской имперіи хочетъ продолжать войну во что бы то ни стало, не замѣчая разверзающейся у его ногъ пропасти. Я полагаю, что Шуазель хорошо понимаетъ,—какъ неудачна его затѣя и что война эта поведетъ къ большимъ послѣдствіямъ, противоположнымъ его намѣреніямъ и которыхъ онъ никоимъ образомъ не ожидалъ, приводя въ исполненіе свой планъ. Когда смирно пребываешь въ своемъ уголкѣ Европы, стараешься не ставить себя въ подобное положеніе, но иногда, косвеннымъ образомъ, страдаешь отъ послѣдствій чужого легкомыслія".

Личная непріязнь Фридриха къ Императрицѣ Екатеринѣ объясняется, отчасти, сознаніемъ, что она не дастъ себя провести и въ внѣшней политикѣ будетъ всегда слѣдовать исключительно интересамъ своей страны. Онъ видѣлъ въ ней опаснаго врага и не могъ сочувственно относиться къ успѣхамъ русскаго оружія.

Съ такой же откровенностью онъ высказываетъ свое отношеніе къ ней въ другомъ письмѣ къ Генриху. Разсказывая о томъ, что турки въ Молдавіи вырѣзали четыре роты русскихъ гренадеръ, онъ говоритъ: это только маленькое вступленіе, и я боюсь, что дѣло этимъ не кончится и что послѣ войны ея всероссійское Величество окончательно сопричислится съ Отцемъ, Сыномъ и исходящимъ отъ нихъ св. Духомъ, чтобы образовать четвероединство. Что бы она ни дѣлала, она никогда не будетъ моимъ божествомъ. Слишкомъ много трехъ, четвертое—совсѣмъ уже нельзя переварить".

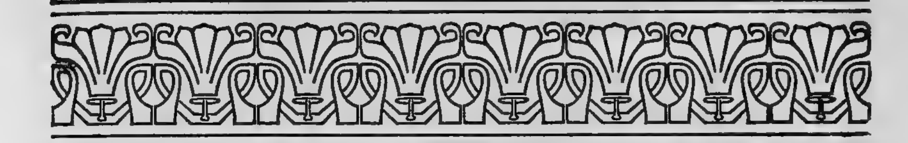
Приведенное выше письмо, помѣченное „сего 8-го" относятъ къ 8-му марта 1770 г.

Въ 1769 г. Фридрихъ принужденъ былъ возобновить союзъ съ Россіей для того, чтобы,—какъ онъ самъ говорилъ,—„se procurer quelques années d'une paix solide et assurée pour retablir toutes les provinces ravagées et abimées pur la guerre (доставить себѣ нѣсколько лѣтъ прочнаго и вѣрнаго мира, чтобы возстановить опустошенныя и раззоренныя войной области).

Третье изъ напечатанныхъ писемъ представляетъ интересъ, какъ выраженіе философскихъ воззрѣній Фридриха на жизнь и „конецъ вещей".

Четвертое и послѣднее письмо Фридриха, помѣщенное въ „Gartenlaube"—до насъ не дошло вслѣдствіе наступленія настоящей войны и перерыва сношеній нашихъ съ Германіей.

Н. Бѣлова.



Памяти профессора М. А. Толстопятова.

(Къ 25-лѣтiю со дня смерти).

Московскiй университетъ со второй половины 60 годовъ прошлаго столѣтiя вступилъ въ блестящую пору своего существованiя. Въ 1862 году былъ введенъ Новый Уставъ, утверждавшiй выборное начало при избранiи ректора, декановъ, профессоровъ. Новыя чаянiя и надежды одушевили ученую корпорацiю. Ректоромъ избранъ былъ при всеобщемъ ликованiи Серг. Ив. Баршевъ и оставался на этомъ посту 3 пятилѣтiя. Московскiй университетъ сталъ центромъ просвѣщенiя въ Россiи. Въ него по преимуществу стремилась молодежь по окончанiи гимназiй. Талантливые профессора, какъ напр. Щуровскiй, Давидовъ, Бабухинъ, Лясковскiй, Захарьинъ, занимали каѳедры. Минералогiя тогда еще не имѣла отдѣльнаго представителя. Ее вмѣстѣ съ геологiей преподавалъ Г. Е. Щуровскiй. Такъ какъ наука эта быстро разросталась, удовлетворять ея требованiямъ одному профессору было трудно. Въ 1861 г. Щуровскiй поручилъ чтенiе этого предмета своему любимому ученику Михаилу Александровичу Толстопятову. Талантливый и энергичный молодой человѣкъ горячо принялся за дѣло, о которомъ мечталъ еще на студенческой скамьѣ. Вскорѣ минералогiя была выдѣлена въ особую каѳедру. Мих. Ал. былъ первымъ профессоромъ-спецiалистомъ на ней и занималъ ее въ теченiе 30 лѣтъ.

Мих. Ал. былъ родомъ изъ Василь-Сурска Нижегородской губ. Вскорѣ по его рожденiи отецъ его переселился въ Кострому, гдѣ былъ секретаремъ думы; впослѣдствiи служилъ чиновникомъ особыхъ порученiй при губернаторѣ, который нѣсколько разъ посылалъ его съ конфиденцiальными порученiями къ ми-

нистру внутреннихъ дѣлъ. Мих. Ал. провелъ дѣтство въ Костромѣ, гдѣ учился въ мѣстной гимназіи. Живой нравъ мальчика не мирился со школьной дисциплиной, и къ учебнымъ занятіямъ онъ относился небрежно, тѣмъ болѣе, что родители въ своей безграничной любви къ нему сильно его баловали. Вмѣсто гимназіи онъ шелъ на Волгу, спокойствіе и величіе которой тогда еще не нарушалось пароходами и современнымъ коммерческимъ движеніемъ судовъ. Онъ бродилъ по ея берегу, слѣдя за разшивами, бѣлянами, парусными судами, тихо скользившими вдоль ея водъ; заходилъ въ рыбацкія деревни, исчезнувшія съ расширеніемъ города; даже самъ пускался въ одинокой рыбачьей ладьѣ по Волгѣ, не боясь ни волнъ, ни непогоды; или вплавь достигалъ какой-нибудь бѣляны, проплывалъ на ней противъ теченія нѣкоторое разстояніе, затѣмъ спрыгивалъ съ нея и вплавь возвращался обратно, являясь домой только поздно вечеромъ къ великому безпокойству родителей.

Въ это время въ Костромѣ свирѣпствовали пожары; въ городѣ жило много поляковъ; предполагали политическіе поджоги. Напуганные жители выселялись изъ домовъ, забирали съ собой все болѣе цѣнное и располагались подъ открытымъ небомъ на берегу Волги. Необычайность такого положенія, звѣздное небо вмѣсто крыши, мракъ, прерываемый отъ времени до времени отблескомъ пожара, разсказы о политическихъ поджигателяхъ, все способствовало развитію въ ребенкѣ воображенія и любви къ необычайному. Въ подобной обстановкѣ жители Костромы провели 3 первыя недѣли сентября. Наконецъ пожары прекратились, и всѣ возвратились въ свои дома. Это дѣтство, вольное и наполненное необычайнаго, развило въ немъ поэтическій элементъ, оставшійся ему присущимъ въ теченіе всей жизни. Единственное занятіе, привлекавшее его въ то время, была музыка. Онъ страстно желалъ учиться на скрипкѣ. По его неотступнымъ просьбамъ былъ наконецъ приглашенъ учитель, но, по тому ли, что родители придавали слишкомъ мало значенія этому искусству, вслѣдствіе ли ограниченности средствъ, учитель былъ плохой; не имѣя ни метода, ни опытности, онъ, въ своемъ преподаваніи, ограничивался темами русскихъ пѣсенъ, которыя давалъ для заучиванія переписанными на клочкахъ бумаги, и которыя приводили ребенка въ отчаяніе. Отъ товарищей онъ зналъ, что есть скрипичныя школы, этюды, но всѣ его просьбы не измѣняли дѣла. Быть можетъ, благодаря этому онъ навсегда сохранилъ непреодолимое отвращеніе къ русскимъ пѣснямъ. Въ 1848 году умерла, отъ сви-

рѣпствовавшей тогда холеры, нѣжно любившая его мать. По смерти ея надзоръ сталъ еще слабѣе, занятія пошли еще хуже; онъ оставленъ былъ на 2 годъ въ 3 классѣ гимназіи. Тогда старшій братъ, окончившій уже курсъ Московскаго университета и посвятившій себя педагогической дѣятельности, выписалъ его въ Москву и помѣстилъ въ 3 классъ Московской 3 гимназіи. Здѣсь подъ его твердымъ руководствомъ юноша принялся серьезно за ученіе. Черезъ годъ его считали среди лучшихъ учениковъ класса. Первые годы онъ особенно усердно изучалъ классическіе языки, за тѣмъ увлекся математикой. Прекрасно сдавъ экзамены 6 класса, онъ поступилъ въ Московскій университетъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета, что разрѣшалось тогда лучшимъ ученикамъ гимназіи. Такъ какъ число студентовъ было въ то время ограничено, ему пришлось на первый годъ записаться вольнослушателемъ. На второй годъ онъ сдѣлался стипендіатомъ и кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ-эминентомъ,—степень, теперь упраздненная. Каждый кандидатъ долженъ былъ представить сочиненіе въ доказательство способности къ самостоятельнымъ ученымъ занятіямъ. За 6 мѣсяцевъ до окончанія курса Мих. Ал. принялся за работу и написалъ изслѣдованіе „о вулканизмѣ". Трудъ этотъ, какъ по разработкѣ, такъ и по объему, далеко превосходилъ требованія, предъявляемыя кандидатскимъ сочиненіямъ. Тогдашній деканъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ отказался принять его, говоря, что не имѣетъ времени на просмотръ такихъ большихъ работъ. Мих. Ал. взялъ свой трудъ обратно, чтобы сократить его, и разсказалъ свое горе брату. Тотъ воспротивился сокращенію изслѣдованія и посовѣтовалъ подать его декану опять въ томъ же объемѣ, прося прочесть сколько нужно изъ какой-либо части сочиненія. На этотъ разъ деканъ принялъ сочиненіе и передалъ его профессору Щуровскому. Григорій Ефимовичъ прочелъ работу съ начала до конца, остался ею очень доволенъ и, видя, что тема подходитъ близко къ той, которую онъ задалъ въ этомъ году на золотую медаль „о вліяніи ядра на земную поверхность", посовѣтовалъ автору прибавить еще нѣсколько главъ „о горячихъ источникахъ, землетрясеніяхъ, вѣковыхъ поднятіяхъ и опусканіяхъ земной поверхности", чтобы приноровить работу къ заданной темѣ. Мих. Ал. послѣдовалъ совѣту и былъ удостоенъ за сочиненіе золотой медали.

По окончаніи университетскаго курса Мих. Ал. опять взялся за скрипку, но занятія были непослѣдовательными, и служили

только развлеченіемъ. Иногда среди товарищей онъ бралъ инструментъ въ руки, начиналъ съ опернаго мотива, слышаннаго имъ, развивалъ его, переходилъ отъ одной темы къ другой; часы летѣли; товарищи слушали и просили продолжать. Впослѣдствіи, вспоминая прошлое, онъ самъ дивился, что могъ играть въ теченіе цѣлаго вечера, чтобы привлекать вниманіе слушателей. Уроки на скрипкѣ онъ сталъ брать уже профессоромъ у извѣстнаго солиста и классика К. А. Кламрота.

По окончаніи курса, въ маѣ 1859 г. Мих. Ал. былъ оставленъ физико-математическимъ факультетомъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ. 20 августа того же года совѣтъ университета санкціонировалъ представленіе факультета и единогласно избралъ его въ число оставляемыхъ при университетѣ. Въ августѣ 1859 г. онъ былъ приглашенъ преподавать естественныя науки въ практической академіи коммерческихъ наукъ, гдѣ директоромъ былъ тогда извѣстный, талантливый профессоръ технической химіи М. Я. Китарры.

Въ университетѣ Мих. Ал. началъ читать лекціи съ осени 1861 года. Обладая живымъ темпераментомъ и прекраснымъ даромъ слова, онъ съ самаго начала овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей, и интересъ къ его лекціямъ росъ съ каждымъ годомъ вмѣстѣ съ развитіемъ его собственныхъ знаній и лекторскаго таланта. Вступительная лекція передъ началомъ курса привлекала всегда студентовъ разныхъ факультетовъ и посвящалась обзору естественныхъ наукъ и мѣсту, занимаемому минералогіей среди нихъ. Студенты часто рукоплескали своему любимому лектору. Послѣдняя лекція полугодія всегда заканчивалась аплодисментами. Такъ какъ этотъ способъ выраженія симпатій не одобрялся начальствомъ, субъинспекторъ часто просилъ профессора прекратить чтеніе лекцій недѣлей раньше. Студенты скоро поняли уловку и рукоплескали профессору за нѣсколько лекцій до окончанія семестра. Наконецъ послѣдній годъ его жизни каждая лекція начиналась и кончалась рукоплесканіями. Замѣчанія Мих. Ал. по этому поводу не помогали, и продолжалось это до тѣхъ поръ, пока профессоръ серьезно не попросилъ студентовъ оставить этотъ способъ заявленія ему своего расположенія, который могъ имъ самимъ навлечь непріятности; что усердное посѣщеніе его лекцій, любовь къ наукѣ и уваженіе къ университету будутъ лучшимъ для него доказательствомъ ихъ расположенія.

Въ 1863 г. нѣсколько извѣстныхъ профессоровъ рѣшили прочесть рядъ лекцій въ пользу основанія въ Москвѣ перваго

въ Россіи зоологическаго сада. Мих. Ал. былъ въ числѣ ихъ и прочелъ двѣ лекціи „объ аэролитахъ“. Имя его привлекло массу слушателей. Богатыя по содержанію, блестящія по изложенію онѣ положили начало популярности его въ Москвѣ.

Въ 1864 г. онъ осуществилъ наконецъ свое завѣтное желаніе побывать за границей, чтобы познакомиться съ тамошними методами преподаванія и сокровищами европейскихъ музеевъ. Данная ему командировка была всего на 6 мѣсяцевъ. Нельзя было много сдѣлать въ столь короткій срокъ, но съ присущей ему энергіей онъ старался использовать это время. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ хотѣлъ заняться геологіей и палеонтологіей, такъ какъ тогда не предполагалъ еще посвятить себя минералогіи, которая впослѣдствіи стала излюбленной имъ наукой. Въ Берлинѣ геологію читалъ профессоръ Бейрихъ. При первой встрѣчѣ онъ объявилъ, что геологическій кабинетъ не открытъ для публики. Когда же молодой профессоръ сказалъ, что не считаетъ себя публикой, а пріѣхалъ изъ Москвы со спеціальной цѣлью изученія прекрасныхъ коллекцій Берлинскаго университета, проф. Бейрихъ разрѣшилъ ему посѣщать музей въ тѣ дни, когда онъ самъ занимался въ немъ, т. е. четыре раза въ недѣлю по 2 часа. Такое положеніе было очень не по вкусу Мих. Ал., но приходилось подчиниться ему. Какъ самъ онъ разсказывалъ: едва успѣвалъ онъ разобрать раковины и углубиться въ ихъ изученіе, какъ являлась невозмутимая фигура проф. Бейриха, предупреждавшая, что нужно кончать; онъ уходитъ, такъ какъ уже половина второго.

Минералогическій кабинетъ былъ открытъ тогда для публики два раза въ недѣлю. Густавъ Розе не читалъ больше „privatissime“; что же до публичнаго курса, онъ былъ, какъ онъ самъ выразился, короче того, который молодой ученый читалъ своимъ слушателямъ въ Москвѣ.

Черезъ три мѣсяца Мих. Ал. переѣхалъ въ Парижъ и былъ пораженъ богатствомъ сокровищъ, собранныхъ въ музеяхъ этого города. Въ Парижѣ онъ продолжалъ заниматься преимущественно геологіей и изучалъ парижскій бассейнъ третичной эпохи. Къ сожалѣнію, такъ скоро наступили вакаціи, и онъ покинулъ Парижъ съ горячимъ желаніемъ вернуться туда для продолженія занятій.

По возвращеніи въ Москву онъ снова приступилъ къ чтенію лекцій. Изучая коллекціи своего кабинета и самое минералогію, онъ все болѣе увлекался ей и рѣшилъ наконецъ вполнѣ посвятить себя этой наукѣ. Въ 1865 г. онъ женился

на дѣвушкѣ, съ которой познакомился на одной изъ своихъ лекцій объ аэролитахъ, и съ ней прожилъ въ полномъ согласіи и счастьи 25 лѣтъ.

Въ этомъ году произошло событіе, повидимому, заурядное въ жизни университета, но которое отозвалось черезъ 45 лѣтъ злобной клеветой на Мих. Ал.: лицеистъ Вырубовъ по окончаніи курса вздумалъ заняться наукой и съ этой цѣлью пріѣхалъ въ Москву; былъ 2 года вольнослушателемъ, затѣмъ уѣхалъ за границу и черезъ годъ представилъ магистерскую диссертацію „о красящихъ веществахъ плавиковъ“, выражая желаніе, чтобы она была просмотрѣна скорѣе. Случилось такъ, что въ ближайшее засѣданіе факультета не собралось достаточнаго количества членовъ; черезъ 2 недѣли на засѣданіе не пришелъ по болѣзни самъ Щуровскій, безъ санкціи котораго нельзя было пропустить диссертацію. Приходилось отложить вопросъ еще на 2 недѣли. Вырубовъ, человѣкъ крайне самолюбивый, увидалъ въ этомъ интригу, даже зависть профессоровъ, рѣшившихъ не пропустить его. Взбѣшенный, онъ потребовалъ диссертацію обратно и уѣхалъ въ Парижъ. Оттуда прислалъ грубое письмо Мих. Ал. со вложеніемъ дерзкаго письма на имя Щуровскаго, которое требовалъ прочесть въ факультетѣ. Такое выступленіе было для всѣхъ неожиданно, но оно прошло бы незамѣченнымъ, если бы черезъ 45 лѣтъ Вырубовъ не вздумалъ напомнить о себѣ пасквилемъ на естественный факультетъ Московскаго университета того времени и, въ особенности, на Мих. Ал., котораго считалъ виновникомъ событія. 45 лѣтъ злоба уязвленнаго самолюбія кипѣла въ душѣ его и вылилась, когда, полагалось, никого не осталось для защиты добраго имени Мих. Ал.

Съ 1865 года Вырубовъ ни разу съ Мих. Ал. не видался, не могъ, слѣдовательно, знать ни характера дѣятельности его, ни степени учености, ни отношенія его къ студентамъ и своимъ лекторскимъ обязанностямъ. Естественно приписать всю вылившуюся въ статьѣ желчь исторіи съ представленной имъ въ 1865 году диссертаціей. Вообще, Вырубовъ задался, кажется, мыслью развѣнчивать русскихъ выдающихся людей. Такъ онъ объясняетъ героизмъ и любовь къ родинѣ Штоквича и Тергукасова, героевъ Баязета, низменными побужденіями; въ „Революціонной Миѳологіи“ старается набросить тѣнь на Герцена. Это отмѣчено было въ печати, все же клевета оставляетъ черный слѣдъ за собой.

Въ 1867 году Мих. Ал. представилъ диссертацію „о при-

чинахъ гетероморфизма углекислой извести“; въ 1869 году—сочиненіе подъ заглавіемъ „Общія задачи ученія о кристаллогенизисѣ“, за которое получилъ званіе доктора минералогіи и геогнозіи. Какъ самъ онъ говорилъ впослѣдствіи, „только первый шагъ труденъ: сомнѣніе, недовѣріе къ себѣ, страхъ передъ публичной оцѣнкой порождаютъ воображаемыя преграды; когда же начало положено, увѣренность въ своихъ силахъ ростетъ, темы, вопросы являются одинъ за другимъ и только времени не хватаетъ на разработку всѣхъ ихъ“. Но онъ мало печаталъ. Онъ никогда не увлекался желаніемъ видѣть свое имя въ концѣ маленькаго мемуара, оповѣщавшаго ученый міръ о каждой мысли, всякомъ заключеніи, выведенномъ имъ изъ своихъ изслѣдованій. Глубокіе вопросы науки, обобщающія идеи исключительно интересовали его. Для разработки ихъ приходилось изучить массу матеріала, изслѣдовать многіе вопросы по математикѣ и физикѣ, которые университетскіе курсы освѣщали недостаточно для рѣшенія тонкихъ вопросовъ, его интересовавшихъ. Онъ много работалъ надъ теоріей свѣта, звука, магнетизма, и занимался другими явленіями, тѣсно соприкасавшимися съ минералогіей, этой наукой, которая, по предъявляемымъ своимъ адептамъ требованіямъ, составляетъ звено, связующее естественныя науки съ математикой.

Въ это же время онъ тщательно изучалъ минералогическій кабинетъ, которымъ завѣдывалъ. Съ утра онъ отправлялся туда и возвращался домой въ 5 часовъ усталый, но довольный. „Ни одно руководство“, говорилъ онъ, „не сообщитъ свѣдѣній столь ясныхъ, полныхъ, точныхъ, какъ изученіе самихъ минераловъ, когда умѣешь ихъ понять и разобраться въ нихъ“. Какъ говорилъ хранитель музея, „можно было разбудить его среди ночи и спросить, гдѣ находится тотъ или иной минералъ; онъ, не задумываясь, указалъ бы шкафъ и полку, гдѣ его найти“. Послѣ обѣда онъ обыкновенно отдыхалъ до 7 часовъ и затѣмъ, напившись чаю, посвящалъ вечеръ чтенію послѣднихъ изслѣдованій по минералогіи или изученію фундаментальныхъ сочиненій Наумана, Зенфта, Штрауса, Циркеля, Чермака, Розенбуша, которые были его излюбленными авторами и всегда лежали на его письменномъ столѣ. Среди счастливой семейной обстановки мирно протекала его трудовая жизнь. Единственнымъ развлеченіемъ его была музыка. Онъ игралъ хорошо на скрипкѣ, жена на рояли, и по четвергамъ у нихъ собирались артисты и друзья для исполненія камерныхъ сочиненій. Музыка перемежалась оживленными бесѣдами. Самъ

хозяинъ, воспріимчивый, разносторонній и краснорѣчивый, былъ всегда душею общества. Посѣщавшіе эти вечера до сихъ поръ вспоминаютъ о нихъ съ любовью. Но, какъ говоритъ латинская пословица: „судьба къ счастливымъ завистлива"; смерть похитила у нихъ одного за другимъ троихъ первыхъ дѣтей, и понесенныя утраты наложили на него тѣнь печали, которая поэтично сливалась съ экспансивностью и врожденной веселостью его характера.

Настойчивое и глубокое изученіе минералогіи зародило въ умѣ его рядъ вопросовъ, разрѣшенію которыхъ онъ посвятилъ остальное время жизни своей. Музыка уступила свое мѣсто минералогіи, которую онъ продолжалъ изучать со страстью, свойственной его натурѣ. Приходилось собственноручно приготовить и отшлифовать сотни пластинокъ для наблюденій, подобрать препараты и кристаллы, подтверждавшіе его идеи и выводы. Весь механическій трудъ лежалъ на немъ одномъ. Какъ часто онъ вспоминалъ иностранныхъ профессоровъ, которые въ лицѣ своихъ лаборантовъ, и даже студентовъ, имѣли дѣятельныхъ помощниковъ, и трудъ спорился. Ему же приходилось дѣлать все самому. Дня не хватало. Въ особенности приготовленіе пластинокъ и шлифованіе ихъ отнимало много времени. Каждый минералогъ знаетъ, насколько трудъ этотъ копотливъ и неблагодаренъ. Бывали неудачи, разочарованія, но, энергичный и увѣренный, онъ не терялъ надежды и неуклонно шелъ къ цѣли своихъ изысканій. Его всегда можно было застать за микроскопомъ, гоніометромъ или шлифовальнымъ станкомъ. Множество вопросовъ возникало въ умѣ его; страстная натура стремилась къ разрѣшенію всѣхъ ихъ.

Работы надъ общими задачами ученія о кристаллогенезисѣ занимали его преимущественно. Его изслѣдованія въ этой, тогда еще новой, области минералогіи все болѣе и болѣе укрѣпляли въ немъ убѣжденіе, что минералы представляютъ собой не только извѣстные типы химическихъ соединеній, но что они должны быть признаны за естественныя тѣла, одаренныя своего рода жизнью, которую нужно изучать, наблюдая проявленія этой жизни въ процессахъ кристаллообразованія; что это самый надежный путь къ познанію особенностей минераловъ, какъ естественныхъ тѣлъ природы, въ созданіи и образованіи которыхъ проявляется работа весьма сложнаго комплекса силъ, и только этотъ путь ведетъ къ выработкѣ естественной классификаціи минераловъ. Работы по кристаллогенезису должны были способствовать разрѣшенію нѣкоторыхъ противорѣчій и

явленій, до того необъяснимыхъ въ минералогіи, и къ постановкѣ научныхъ вопросовъ путемъ пирамидальной теоріи кристалловъ (Криптопирамиды). Кристаллическая пирамида давала возможность опредѣлить основную форму кристалла. Явленія боковой спайности тоже объяснялись.

Предметомъ его изслѣдованій были также геликоидальные кристаллы діопсида въ эпидотахъ, включенія въ топазахъ, эпоптическія фигуры въ идіоцикнофоновыхъ кристаллахъ, двойники въ топазахъ, астеризмъ въ бериллахъ, турмалинѣ, корундѣ и топазахъ, включенія въ каменной соли изъ Велички, округленные кристаллы березовскаго кварца, эмиморфизмъ въ правильной системѣ (Везувіанъ, Гроссуляръ изъ Вилуи), химическіе и физическіе цвѣта минераловъ.

Всѣ эти вопросы могутъ быть прослѣжены на его коллекціи кристалловъ и препаратовъ. Долгія, настойчивыя изслѣдованія подтверждали его выводы. Друзья торопили напечатать добытыя положенія или, по крайней мѣрѣ, послать свои тезисы въ запечатанномъ конвертѣ для храненія во Французскую Академію, чтобы имѣть за собой право перваго изслѣдованія; но онъ медлилъ, предпочитая вполнѣ завершить работу. Онъ предполагалъ уже въ слѣдующемъ 1890 году начать печатаніе своихъ трудовъ въ бюллетенѣ Общества испытателей природы, вице-президентомъ котораго онъ состоялъ. Его задерживали, главнымъ образомъ, рисунки, для хлопотливаго выполненія которыхъ ему не удавалось найти рисовальщика. Но дни его уже были сочтены, и теперь отъ всего этого многолѣтняго, настойчиваго, добросовѣстнаго труда остались только замѣтки да наброски, изданные по его смерти („Recherches Minéralogiques"), и коллекція кристалловъ и препаратовъ, подтверждающая его гипотезы [1]).

Въ 1885 году онъ былъ назначенъ деканомъ математическаго факультета и принялъ эту должность неохотно, послѣ многихъ настояній тогдашняго попечителя графа Капниста. Новое назначеніе породило ему массу хлопотъ. Научный трудъ былъ отодвинутъ на второй планъ или, по крайней мѣрѣ, сильно замедленъ. Обязанности декана со введеніемъ новаго Устава 1884 года были очень тяжелы: профессора неохотно подчинялись нововведеніямъ, министерство торопило. Это порождало столкновенія, непріятности, вѣчную спѣшку и массу переписки, которая всецѣло ложилась на него. Здоровье его, и

---

[1]) Хранится у вдовы покойнаго. Петроградъ. Алексѣевская, 4.

такъ не особенно крѣпкое, еще болѣе расшаталось. Онъ просилъ нѣсколько разъ увольненія, но настойчивые уговоры заставляли его оставаться у дѣлъ. Въ 1887 году у него стали появляться сердечные припадки. Опять онъ сталъ просить увольненія отъ обязанности декана. На этотъ разъ не рѣшились ему отказать. Онъ могъ опять отдаться исключительно научнымъ занятіямъ и профессурѣ.

Доктора совѣтовали ему провести лѣто на берегу моря. Онъ не рѣшался ѣхать на югъ: поѣздка въ Крымъ съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ младшему было 5 лѣтъ, казалась ему слишкомъ затруднительной. Оставить семью въ Москвѣ, ѣхать одному, ему не хотѣлось. Рѣшили провести лѣто на Балтійскомъ взморьѣ, въ Ревелѣ, которое не только было ближе, но и условія жизни въ немъ были знакомы, такъ какъ профессоръ провелъ тамъ съ женой лѣто 1867 года послѣ смерти сына. Они поселились въ Екатериталѣ. Морской воздухъ, чудный видъ на Ревель, рейдъ и острова, спокойствіе, — все благотворно подѣйствовало на его здоровье и укрѣпило расшатанные нервы; онъ совсѣмъ ожилъ; съ новымъ рвеніемъ принялся за изслѣдованіе эпоптическихъ фигуръ въ эпидотахъ и занялся наблюденіями надъ поляризаціей атмосферы, пользуясь обширнымъ горизонтомъ и благопріятными условіями мѣстности. Въ 1889 году пріѣхавъ въ Ревель въ 3-й разъ, онъ снова почувствовалъ благодатное вліяніе морского воздуха и опять принялся за изслѣдованіе поляризаціи атмосферы. Для наблюденія хохолковъ въ эпидотахъ онъ заказалъ приборъ по своему рисунку, который облегчалъ рисованіе ихъ. Онъ радовался успѣшному ходу своихъ работъ и, казалось, никогда себя лучше не чувствовалъ. Но въ половинѣ іюля случилось происшествіе, которое совсѣмъ пошатнуло его здоровье: дача лежала на берегу моря; шоссейная дорога отдѣляла ее отъ пляжа; дѣти обыкновенно гуляли и играли на берегу. Какъ-то передъ вечеромъ профессоръ съ женой вышли посмотрѣть на ихъ игры. Вся семья стояла поперекъ пляжа, отъ мостика купальни до скамейки у дороги. Вдругъ сзади, неслышно по песку подскакали два всадника. Одинъ изъ нихъ тутъ же своротилъ на большую дорогу; другой промчался среди стоявшихъ, задѣвъ профессора крупомъ своей лошади; по другую сторону стоялъ 5-ти лѣтній сынъ его, котораго, къ счастью, няня успѣла нѣсколько оттолкнуть. Все это произошло въ мгновеніе ока. Въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, всадники опять съѣхались, посмѣиваясь, вѣроятно, своей дикой удали. Было ли это пари

или простое проявленіе грубости, не знаю; какъ бы то ни было, это страшно потрясло профессора. Въ первую минуту испугъ за сына, котораго онъ считалъ помятымъ лошадью, лишилъ его возможности остановить всадника. На берегу никого не было кромѣ двухъ молодыхъ нѣмокъ, сидѣвшихъ на лавочкѣ и улыбавшихся дикой выходкѣ своего соотечественника. Потрясеніе вызвало сильное біеніе сердца и кашель, носовое кровотеченіе, которое сутки не могли остановить. Нѣсколько ночей были проведены безъ сна; грозная картина несущейся на малютку лошади не покидала его. Сильная потеря крови вызвала большую слабость, отъ которой онъ не могъ вполнѣ оправиться. Онъ продолжалъ заниматься, но прогулки, даже короткія утомляли его; усиленное біеніе сердца повторялось. По возвращеніи въ Москву, онъ возобновилъ чтеніе лекцій, но не могъ быть уже столь аккуратнымъ, какъ прежде. Ночи для него становились все томительнѣе. Къ этому присоединилось въ декабрѣ воспаленіе легкаго, отъ котораго онъ, впрочемъ, оправился и нѣкоторое время чувствовалъ себя хорошо, но это была только вспышка послѣднихъ силъ. Съ 1-го февраля сонъ сталъ очень тревоженъ: онъ въ эту ночь могъ уснуть только 3 часа; слѣдующую ночь — 2 часа, затѣмъ — часъ; въ концѣ концовъ не могъ уснуть во всю ночь и найти сколько-нибудь сносное положеніе. Уже приближеніе ночи было для него мучительно. Въ 6 час. утра онъ выпивалъ обыкновенно 2 стакана крѣпкаго кофея, и это успокаивало его часа на два, но дольше лежать онъ не могъ. Такъ продолжалось два съ половиною мѣсяца; тѣмъ не менѣе днемъ онъ былъ веселъ и охотно бесѣдовалъ съ пріятелями, навѣщавшими его. Жизнь постепенно угасала. 11-го апрѣля 1890 года его не стало.

Чувство искренней любви и уваженія собрало вокругъ его гроба массу народа, друзей, товарищей, студентовъ. Гробъ былъ покрытъ цвѣтами и вѣнками. Среди нихъ выдавался серебряный вѣнокъ съ трогательной надписью: „дорогому наставнику и учителю отъ студентовъ естественниковъ и медиковъ“. Гробъ студенты несли на рукахъ изъ квартиры на Малой Дмитровкѣ до Университетской церкви, гдѣ происходило отпѣваніе. Большая Университетская церковь едва вмѣщала молящихся; многимъ пришлось стоять на галлереѣ, окружавшей церковную лѣстницу. Пѣть панихиду студенты захотѣли сами, и пѣли трогательно и прекрасно. Друзья и товарищи вынесли гробъ изъ церкви, затѣмъ передали его студентамъ, которые его несли до самой могилы въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Трога-

тельна была картина этого шествія: бѣлый глазетовый гробъ, обвитый гирляндами зелени и цвѣтовъ, высоко поднимался надъ головами студентовъ, собравшихся проводить любимаго профессора и нелицепріятнаго наставника.

Какъ лекторъ Мих. Ал. пользовался громадной популярностью. Его способность захватывать широкія области научнаго мышленія отражалась и на характерѣ его лекцій. Изложеніе даже самыхъ спеціальныхъ отдѣловъ науки онъ умѣлъ сдѣлать живымъ и интереснымъ.

За время своей ученой и профессорской дѣятельности онъ прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій объ аэролитахъ, алмазѣ; дѣлалъ сообщенія въ Императорскомъ обществѣ испытателей природы о каменной соли изъ Велички, о топазахъ съ демонстраціями, объ аэролитѣ Пултуска и друг. На Университетскомъ актѣ 1877 года дѣлалъ сообщеніе объ организаціи минераловъ. Въ торжественномъ собраніи Общества испытателей природы въ 1888 г. произнесъ рѣчь на тему „Иллюзіи, скептицизмъ, чаянія естествоиспытателей, колебанія научныхъ идей, космическія идеи“, которая обратила на себя вниманіе за границей. Имя его и выбранная тема привлекли массу слушателей. Пришлось перенести Собраніе въ актовый залъ университета. Трудность чтенія въ столь обширномъ помѣщеніи и такой большой аудиторіи, энтузіазмъ, вызванный его появленіемъ, несмолкаемые аплодисменты по окончаніи рѣчи, оваціи, слишкомъ дѣйствовали на него и онъ рѣшилъ не выступать больше съ публичной рѣчью. Это было его лебединой пѣснью.

Всякій обращавшійся къ нему могъ съ увѣренностью ждать ласковаго пріема, полезнаго совѣта, вѣрнаго указанія въ недоразумѣніяхъ. Въ домашней жизни Мих. Ал. былъ въ высшей степени сердеченъ; съ любовью и чрезвычайной заботливостью относился не только къ семьѣ, но къ слугамъ и подчиненнымъ, что въ свою очередь порождало въ нихъ искреннюю любовь къ нему и уваженіе. Они оплакивали его какъ отца и благодѣтеля.

По смерти портретъ его былъ повѣшенъ въ Минералогическомъ кабинетѣ Московскаго университета, гдѣ онъ съ честью и любовью проработалъ 30 лѣтъ.

Матеріалы къ статьѣ

(хранящіеся у вдовы профессора).

1. Записки субъинспектора съ просьбой не допускать аплодисментовъ при окончаніи лекцій.

2. Письмо секретаря Общества испытателей природы, профессора Линдемана о блестящемъ избранiи Мих. Ал. въ вице-президенты Общества.

3. Письмо академика Н. И. Кокшарова.

4. Портретъ, присланный имъ Мих. Ал. съ надписью, указывающей на его искреннее уваженiе къ нему какъ ученому.

5. Некрологъ, помѣщенный въ университетскомъ отчетѣ за 1890 годъ.

6. Письмо члена Общества испытателей природы Ѳ. Вешнякова о трогательныхъ, торжественныхъ похоронахъ и отношенiяхъ студентовъ къ Мих. Ал.

7. Письмо Ѳ. П. Чиркипа объ отношенiи студентовъ къ Мих. Ал.

8. Серебряный вѣнокъ съ цѣнной надписью, возложенный студентами на гробъ Мих. Ал.

9. Письмо Барбьэ-дю-Бокажа о послѣдней публичной рѣчи Мих. Ал. на юбилейномъ засѣданiи Общества испытателей природы въ 1888 году.

10. Его же письмо по поводу „Recherches Minéralogiques" и хохолковъ въ эпидотахъ.

11. Письмо профессора Bensande изъ Лиссабона по поводу „Recherches Minéralogiques".

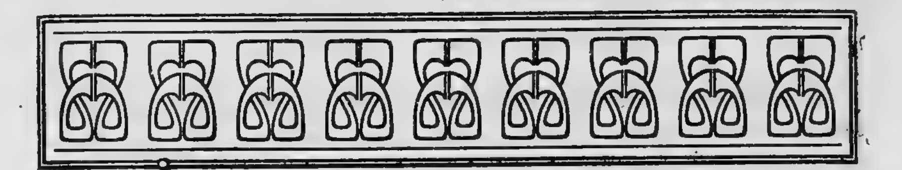
12. Еще нѣсколько писемъ и отзывовъ ученыхъ.

13. Надпись Вырубова на присланной Мих. Ал. въ 1886 г. своей диссертацiи: „не злопамятное воспоминанiе о когда-то въ Москвѣ не защищенной диссертацiи и изъ далекихъ странъ искреннiй привѣтъ".

14. Его же письмо къ вдовѣ профессора по полученiи книжки „Recherches Minéralogiques".

15. Наконецъ, портретъ Мих. Ал., повѣшенный по смерти его въ Минералогическомъ кабинетѣ Московскаго университета.

Е. Толстопятова.



Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года [1]).

(Переводъ съ французской рукописи Н. А. Бѣловой).

Петербургъ $\frac{11}{22}$ января 1762 г.

(*Писано шифромъ*). „Съ каждымъ днемъ все болѣе общимъ становится слухъ о томъ, что Императоръ не сегодня—завтра заключитъ миръ съ прусскимъ королемъ и что онъ имѣетъ въ виду только насъ и лишь намъ однимъ онъ желаетъ всяческаго зла и что въ силу этого русскій корпусъ, расположенный подъ Кольбергомъ, будетъ постепенно пополненъ 20-тью тысячами человѣкъ и что въ августѣ вся эта армія двинется оттуда прямо въ Голштинію [2]).

Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что слухи эти частью вымышлены, частью преждевременны. До тѣхъ поръ, пока Императоръ, торжественно, въ засѣданіи Высочайшаго Совѣта, не объявитъ о своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ,—нельзя ничего сказать съ увѣренностью и, слѣдовательно, всѣ эти разговоры не болѣе, какъ слухи, основанные на догадкахъ и предположеніяхъ, тѣмъ не

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1915 г.

[2]) Извѣстно, что въ первую же ночь своего царствованія, угождая „своему господину", какъ называлъ онъ Фридриха II, Петръ отправилъ въ Пруссію русской арміи приказаніе немедленно прекратить военныя дѣйствія противъ пруссаковъ и затѣмъ поручилъ Гудовичу поѣхать въ Бреславль къ Фридриху, чтобы увѣрить его въ неизмѣнности чувства любви и уваженія къ нему русскаго императора. Генералу Чернышеву послано было особое приказаніе немедленно отдѣлиться съ своимъ корпусомъ отъ австрійцевъ. Принцъ Георгъ затѣмъ еще болѣе укрѣпилъ его придерживаться той же политики полнаго подчиненія русскихъ интересовъ прусскимъ. Гакстгаузенъ имѣлъ всѣ причины держать, что, заключивъ миръ съ Пруссіей, Петръ обрушится, при содѣйствіи Фридриха, на Данію, чтобы отобрать у нея для Голштиніи Шлезвигъ.

менѣе, къ несчастью, мнѣ представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что все противъ насъ.

Я не могу еще ничего утверждать съ той опредѣленностью, которая необходима въ такомъ важномъ дѣлѣ и которая давала бы мнѣ право заранѣ предупредить ваше превосходительство о грозѣ, собирающейся надъ нами и быть можетъ уже готовой разразиться. Во всякомъ случаѣ, если бы произошло такое несчастье и мы подверглись бы нападенію, то я утѣшаю себя той мыслью, что мы не будемъ застигнуты врасплохъ; предпринятыя съ нашей стороны, благодаря неутомимымъ, по истинѣ отеческимъ, заботамъ короля, предосторжности и всѣ тѣ благоразумныя приготовленія, которыя мы уже давно успѣли сдѣлать, убѣждаютъ меня въ томъ, что мы обладаемъ всѣми средствами защиты на случай нападенія русской арміи на Голштинію. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ только обороняться, на нашей сторонѣ будетъ большое преимущество: опытъ настоящей войны показалъ, что русскія войска ничего не могутъ сдѣлать, если имъ приходится нападать. Эти войска страшны только тогда, когда они подвергаются нападенію, они плохо маневрируютъ, не способны пользоваться выгодными позиціями и не умѣютъ окапываться.

Прекрасно ознакомленный съ этой арміей маіоръ Леманнъ, знающій всѣ ея сильныя и слабыя стороны, даетъ намъ самыя лучшія свѣдѣнія, какія мы только можемъ желать.

Нѣкоторые увѣряютъ, что Императоръ ничего не предприметъ противъ насъ съ моря, такъ какъ онъ увѣренъ въ превосходствѣ во всѣхъ отношеніяхъ нашего флота, и поэтому флотъ, для того, чтобы не подвергать его опасности, будетъ оставленъ, въ этомъ году невооруженнымъ, въ гаваняхъ. Но и относительно этого трудно утверждать что-либо опредѣленное. Если бы даже флотъ Императора и выступилъ противъ насъ, то наибольшую опасность, во всякомъ случаѣ, представляетъ для насъ война на сушѣ.

Другіе полагаютъ, что Императоръ, не желая быть въ роли зачинщика войны и тѣмъ самымъ возбудить противъ себя въ народѣ еще большую ненависть, рѣшилъ отложить войну до будущаго года, въ ожиданіи дальнѣйшаго образа дѣйствія нашего двора, чтобы этимъ придать своему дѣлу характеръ справедливости и необходимости, но я полагаю, что Государь слишкомъ плохо владѣетъ собой для того, чтобы выждать такой долгій срокъ и такъ долго скрывать свою ненависть къ намъ. До сихъ поръ неизвѣстенъ планъ Императора, но судя по его давнишнимъ склонностямъ и намѣреніямъ, скрываемымъ имъ

теперь меньше, чѣмъ когда бы то ни было, можно составить себѣ довольно ясно представленіе о его системѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ взошелъ на престолъ, всѣ коллегіи бездѣйствуютъ, точно также—ни сенатъ, ни конференція, ни кабинетъ не выполняютъ своихъ назначеній и ничего не дѣлаютъ. Когда ему приходитъ въ голову мысль, которую онъ желаетъ выполнить, онъ зоветъ государственнаго секретаря Волкова [1]), поручаетъ ему изложить письменно свои повелѣнія, подписываетъ ихъ и, не говоря никому ни слова, отдаетъ распоряженіе немедленно отправить ихъ по назначенію. Вотъ, ваше превосходительство, тотъ способъ, по которому выполняются теперь всѣ дѣла въ Россіи. Можете судить—какъ трудно узнать о томъ, что дѣлается, если сами министры и совѣтники Императора столько же участвуютъ въ дѣлахъ и столько же знаютъ, сколько я или любой другой иностранецъ.

M-lle Воронцова пожаловалась на сырость своего помѣщенія; Императоръ вслѣдствіе этого уступилъ ей свои покои и перешелъ въ комнаты, которыя занимала она; такимъ образомъ m-lle Воронцова помѣщается теперь рядомъ съ Императрицей и занимаетъ большее и лучшее, чѣмъ она, помѣщеніе; прежде, чѣмъ попасть въ крайне плохое помѣщеніе Императора, нужно подняться по очень дурной лѣстницѣ.

Здоровье канцлера не улучшается. Полагаютъ, что, въ случаѣ его смерти, канцлеромъ будетъ назначенъ его братъ (отецъ фаворитки) [2]); это было бы новымъ несчастьемъ, такъ какъ онъ представляетъ во всемъ полную противоположность канцлеру: человѣкъ грубый, жестокій,—но притомъ не глупый,—онъ знаетъ только немного по-нѣмецки и не имѣетъ никакого понятія объ иностранныхъ дѣлахъ.

---

[1]) Дмитрій Васильевичъ Волковъ, конференцъ-секретарь при Елисаветѣ, „тайный секретарь" Петра III (1718—1785), даровитый и умный государственный дѣятель, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, интриганъ и человѣкъ безпутной жизни. По словамъ Бюслинга, при Петрѣ онъ дѣлалъ, что хотѣлъ", управлялъ дѣлами, но нерѣдко отступалъ отъ пути долга, преслѣдуя личныя выгоды и угождая сильнымъ, т. е. въ данномъ случаѣ нѣмецкой партіи. Какъ страстный и притомъ несчастливый игрокъ въ азартныя игры, Волковъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и былъ опутанъ долгами.

[2]) Графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ (1707—1783), генералъ-аншефъ, отецъ фаворитки императора и княгини Дашковой. Человѣкъ ума посредственнаго, извѣстенъ былъ взяточничествомъ и алчностію. По преданію, когда онъ былъ при Екатеринѣ генералъ-губернаторомъ Владимірскимъ, императрица, узнавъ о его поборахъ, въ видѣ высочайшаго подарка, послала ему пустой кошелекъ. Когда Р. И. Воронцовъ получилъ этотъ подарокъ, его схватилъ параличъ.

Нѣкоторые,—но впрочемъ немногіе,—думаютъ, что канцлеромъ будетъ назначенъ г. Бредаль; но такъ какъ въ немъ человѣческаго только и есть, что внѣшній обликъ и глупость его бросается въ глаза, то я съ трудомъ могу вѣрить, чтобы его повелитель пожелалъ назначить его канцлеромъ. Другіе называютъ г. Олсуфьева или Волкова; они оба—хорошія головы, но недостаточно знатны и кромѣ того первый изъ нихъ не въ достаточной мѣрѣ пользуется милостью Императора, чтобы на это надѣяться.

Я желалъ бы, чтобы это былъ г. Панинъ, человѣкъ образованный, мягкій и умѣренный—качества теперь болѣе цѣнныя, чѣмъ когда-либо; но мнѣ кажется, что и къ нему Императоръ недостаточно милостиво относится, чтобы можно было на это разсчитывать.

Вчера г. Брокдорфъ предупреждалъ меня о томъ, что онъ получилъ отъ Императора приказаніе передать мнѣ на этихъ дняхъ ноту, содержаніе которой слѣдующее: такъ какъ срокъ временнаго соглашенія съ ними истекъ, то Его Величество приказываетъ ему сообщить мнѣ,—съ тѣмъ, чтобы я съ своей стороны освѣдомилъ объ этомъ свой дворъ,—что онъ не находитъ болѣе нужнымъ возобновлять съ нами соглашенія.

Говорятъ, что вскорѣ г. Прассе получитъ со стороны Императора ясный намекъ о необходимости для него оставить дворъ и въ обществѣ думаютъ, что за нимъ скоро послѣдую и я. Что касается меня лично, то я льщу себя надеждой, что Императоръ относится ко мнѣ снисходительно, но я сомнѣваюсь, чтобы это обстоятельство хотя сколько-нибудь могло вліять на его рѣшенія.

Я разсчитываю, ваше превосходительство, что курьеръ Петерсонъ долженъ пріѣхать къ вамъ сегодня; я буду считать минуты до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не получу отъ васъ указаній, которыя разсѣятъ то тягостное положеніе, въ которомъ я нахожусь.

Два капитана гвардіи, князь Долгорукій и князь Шаховской [1]), навлекли на себя немилость за то, что слишкомъ свободно говорили о современномъ строѣ; они сосланы на одинъ изъ острововъ Бѣлаго моря.

Въ Курляндіи, со времени восшествія на престолъ Императора, смута еще болѣе усилилась. Герцогъ [2]) поспѣшно уда-

[1]) Дѣло ихъ еще не опубликовано.

[2]) Принцъ Карлъ Саксонскій, младшій сынъ польскаго короля Августа III, избранъ былъ Курляндскимъ герцогомъ по приказанію Императрицы Елисаветы.

лился изъ Митавы въ Варшаву. Передаютъ за вѣрное, что Императоръ лишитъ его Курляндіи и сдѣлаетъ герцогомъ Курляндскимъ принца Георга.

Его Величество отправилъ въ Парижъ своему посланнику [1]) орденъ св. Андрея, не столько ради оказанія ему своей милости, сколько ради того, чтобы умалить значеніе польскаго ордена, который нѣкоторые изъ его министровъ носили прежде пожалованія имъ ордена св. Андрея.

Въ прошлую среду Его Величество отдалъ визитъ принцу Голштейнъ-Бэкскому; въ тотъ же вечеръ Императоръ оказалъ честь графу Роману Воронцову, отужинавъ у него. Этотъ вельможа ожидаетъ изъ Вѣны своего сына; послѣдній получилъ званіе камергера и поѣдетъ посланникомъ въ Гаагу.

На дняхъ здѣсь умеръ, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, грузинскій царь Теймуразъ, отецъ знаменитаго Ираклія, который ведетъ войну противъ персовъ; Теймуразъ прожилъ здѣсь около года, тщетно добиваясь со стороны Россіи помощи, деньгами и войскомъ, противъ персовъ.

Впрочемъ грузинскій царь и его свита,—числомъ около 80 человѣкъ,—были окружены здѣсь большимъ почетомъ: дворъ предоставлялъ ему помѣщеніе и все необходимое; отъ двора онъ получалъ также экипажи, и его охрана состояла изъ 24 человѣкъ, во главѣ съ офицеромъ. Кромѣ того, на содержаніе дома, онъ получалъ ежемѣсячно по 3 тыс. руб.

Кромѣ капитана князя Дашкова, ѣдущаго въ Константинополь съ извѣстіемъ о смерти Императрицы и восшествіи на престолъ новаго Императора (но не съ тѣмъ, чтобы остаться тамъ въ качествѣ посланника) и камергера Бутурлина, отправляющагося съ тѣмъ же порученіемъ въ Стокгольмъ къ шведскому двору,—не указаны другія лица, которымъ было бы поручено отвезти такое же извѣщеніе къ другимъ европейскимъ дворамъ.

Съ большимъ рвеніемъ здѣсь работаютъ надъ катафалкомъ, для сооруженія котораго ничего не щадятъ; это будетъ прекрасное, достойное восхищенія, произведеніе; вскорѣ тѣло Императрицы будетъ выставлено на этомъ катафалкѣ. Всѣмъ, даже простому народу, разрѣшается входъ во дворецъ и въ ту ком-

---

[1]) Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, пожалованъ орденомъ св. Андрея въ 1761 г.—1773 г.

нату, гдѣ умерла Императрица и гдѣ; со второго дня ея смерти, стоитъ ея тѣло, здѣсь всѣ приходящіе цѣлуютъ ея руку. Погребеніе Императрицы назначено теперь на 2-е февраля стараго стиля.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{11}{22}$ января 1762 г.

(*Писано шифромъ*) Меня увѣряютъ со всѣхъ сторонъ, что Императоръ принялъ рѣшеніе набрать и содержать въ Гольштиніи десять полковъ пѣхоты, три кирасирскихъ полка, три драгунскихъ и два гусарскихъ и что, будто бы, уже назначены командующіе.

Въ виду того, что это является явнымъ нарушеніемъ 2-й статьи Травендальскаго трактата и что король не сможетъ спокойно смотрѣть на выполненіе мѣръ, предпринимаемыхъ противъ него и съ цѣлью причиненія ему вреда, то я полагаю, что достаточно такого рѣшенія императора, чтобы поставить насъ въ печальную необходимость начать противъ него враждебныя дѣйствія; тщетно мы старались, всевозможными средствами, умилостивить государя, но его ненависть къ намъ, повидимому, непоколебима.

Вслѣдствіе этого я долженъ представить на обсужденіе проницательности вашего превосходительства и мнѣнію военноначальниковъ его величества тѣ соображенія, которыя высказалъ мнѣ, съ просьбой передать ихъ моему двору, прибывшій сюда съ ходатайствомъ отъ герцога Мекленбургскаго, г. Петерсдорфъ, будучи, конечно, увѣреннымъ въ томъ, что мы присоединимся къ великому союзу и открыто выступимъ противъ Россіи.

По его мнѣнію, король долженъ былъ бы войти съ герцогомъ Мекленбургскимъ въ соглашеніе, чтобы герцогъ намъ позволилъ, на время войны, занять его сторону, подъ предлогомъ охраны ея границъ отъ возможнаго вторженія непріятельскихъ войскъ, его величество могъ бы взять на себя трудъ сообщить объ этомъ Императору письмомъ; затѣмъ слѣдовало прежде всего занять Мальшинъ, Ростокъ и Домицъ на Эльбѣ; первый изъ этихъ городовъ—Мальшинъ—расположенъ очень выгодно: онъ окруженъ болотами и проникнуть въ него нельзя иначе, какъ только по двумъ шоссейнымъ дорогамъ; дороги эти точно также, какъ и самый городъ, могутъ быть, безъ особаго труда, въ одинъ мѣсяцъ, такъ сильно укрѣплены, что на взятіе этого города непріятель долженъ былъ бы затратить цѣ-

лую кампанію; города между тѣмъ русскіе не смогутъ добыть себѣ въ Помераніи никакого продовольствія, такъ какъ она обращена ими въ пустыню; доставить что-либо моремъ—не позволятъ имъ наши суда, а ихъ склады, которые они могли бы основать въ Кольбергѣ и другихъ мѣстахъ, будутъ для нихъ безполезны, вслѣдствіе дальности перевозки сухимъ путемъ; такимъ образомъ они будутъ приведены къ необходимости или погибнуть голодной смертью или же удалиться.

Императоръ пожаловалъ генералъ-маіору Левену [1]) ленту и произвелъ его въ генералъ-аншефы—съ условіемъ принять на себя командованіе въ Гольштиніи.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ $\frac{15}{26}$ января 1762 г.

Въ прошлую субботу ко мнѣ пожаловалъ оберъ-камергеръ генералъ Брокдорфъ и, по приказу Его Императорскаго Величества, вручилъ мнѣ ноту о прекращеніи временнаго соглашенія, которое существовало до сихъ поръ между королемъ и Императоромъ (въ бытность его великимъ княземъ) и срокъ котораго истекъ уже 15 мѣсяцевъ тому назадъ. Принявъ ноту изъ рукъ г. Брокдорфа, я сказалъ ему, что я не премину увѣдомить о ней свой дворъ самымъ подробнымъ донесеніемъ. Имѣю честь приложить врученный мнѣ г. Брокдорфомъ документъ.

(*Писано шифромъ*). При этомъ г. Брокдорфъ сообщилъ мнѣ секретно слѣдующее: когда онъ получилъ первый приказъ по этому дѣлу, онъ осмѣлился указать Императору, что, по его мнѣнію, условія, которыя побудили его два года тому назадъ совѣтовать своему повелителю продлить срокъ договора,—не измѣнились.

На это Императоръ отвѣтилъ ему, что соглашеніе всегда представляло бóльшую опасность для Даніи, чѣмъ для него, что со времени его восшествія на престолъ все измѣнилось и что, короче говоря, онъ не находитъ болѣе нужнымъ продолжать договора съ ними.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ,—на какія размышленія наводитъ этотъ первый, неособенно любезный, поступокъ Императора, а также обращать вниманіе вашего превосходительства на тотъ стиль, которымъ изложенъ документъ.

---

[1]) Шефъ лейбъ-кирасирскаго его имени полка.

Относительно общаго направленія дѣлъ и плана, составленнаго себѣ Императоромъ, нельзя ничего сказать болѣе опредѣленно, чѣмъ я имѣлъ честь говорить вашему превосходительству въ своихъ прежнихъ донесеніяхъ, основываясь исключительно на догадкахъ и предположеніяхъ. Не желая наполнять свои письма сомнѣніями и возбуждать ложную тревогу я тѣмъ не менѣе не могу умолчать передъ вашемъ превосходительствомъ о томъ, что мои предположенія съ каждымъ днемъ переходятъ все въ большую увѣренность, и я все болѣе утверждаюсь на этотъ счетъ въ своихъ мысляхъ.

Многіе изъ посланниковъ увѣрены въ томъ, что рѣшеніе Императора находится въ зависимости отъ рѣшенія Англіи и отъ отвѣта, который онъ получитъ отъ британскаго посла. Эти посланники утверждаютъ, что имъ достовѣрно извѣстно, что Императоръ, прежде, чѣмъ перемѣнить фронтъ и измѣнять систему, совершенно противоположную той, которой слѣдовала Россія въ войнѣ съ Пруссіей, обратился къ Англіи съ нѣкоторыми предложеніями. По утвержденію посланниковъ, Императоръ предлагалъ возвратить прусскому королю всѣ завоеванныя у него русскимъ оружіемъ земли, т. е. всю Пруссію и Померанію, болѣе того, его величество не требуетъ даже никакого денежнаго вознагражденія за военныя издержки ни съ него, ни съ Англіи,—все это при одномъ условіи, чтобы Англія, съ которой онъ въ такомъ случаѣ заключилъ бы самый тѣсный союзъ, поддержала бы его предпріятіе, направленные противъ Даніи, и прислала въ Балтійское море хорошій флотъ, который соединился бы съ его флотомъ и выступилъ противъ насъ. По мнѣнію посланниковъ, если бы Англія не приняла его предложенія, то онъ остался бы вѣренъ системѣ, принятой покойной Императрицей, и, слѣдовательно, продолжалъ бы упорную борьбу съ прусскимъ королемъ.

Нѣкоторые прибавляютъ, что съ тѣми же предложеніями Императоръ обращался и къ прусскому королю, поставивъ еще условіемъ — предоставленіе его войскамъ свободнаго прохода черезъ прусскія владѣнія и присоединеніе, въ помощь русской арміи, нѣкотораго количества прусскихъ войскъ.

Весьма возможно, что слухи эти ложны и вымышленны, и до сихъ поръ ни я и ни одинъ изъ моихъ сотоварищей не можетъ поручиться за ихъ достовѣрность. Этотъ вопросъ интересуетъ насъ въ данное время больше, чѣмъ что-либо другое, и для всѣхъ насъ въ одинаковой степени важно было бы узнать истину.

Правда, трудно повѣрить, чтобы Государь, которому есть много основаній дорожить мнѣніемъ страны, рѣшился тотчасъ по своемъ восшествіи на престолъ, сразу опрокинуть ту систему, съ которой свыклась вся Россія и которой не можетъ не сочувствовать хотя бы только потому, что эта система была принята и проводима въ дѣйствіе покойной Императрицей, чья память будетъ здѣсь долго оплакиваема.

Кромѣ того, его тетка оставила ему монархію въ блестящемъ состояніи, по крайней мѣрѣ во внѣшнихъ дѣлахъ; благодаря успѣхамъ своего оружія и вліянію, которое они стяжали Россіи, по отношенію ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, она завѣщала своему преемнику славную роль быть посредникомъ враждующихъ сторонъ и законодателемъ всего міра. Тѣмъ болѣе трудно себѣ представить, чтобы Императоръ могъ рѣшиться съ легкимъ сердцемъ отказаться отъ такихъ важныхъ преимуществъ. Повторяю, если сопоставить всѣ эти обстоятельства, то придется признать невѣроятнымъ, чтобы Императоръ, имѣя передъ собой такой широкій, свѣтлый путь, способный покрыть его безсмертной славой, рѣшился изъ прихоти сразу отбросить выгоды, имѣющіяся у него въ рукахъ, и промѣнять ихъ на такое незначительное для себя дѣло, гдѣ онъ,—какъ я полагаю, надѣясь на Божью помощь и разумныя мѣропріятія короля,— не только ничего не получитъ, но рискуетъ попасть самъ и поставить свою имперію въ весьма опасное положеніе.

Но когда я представляю себѣ причудливый нравъ этого Государя, его восторженное преклоненіе передъ прусскимъ королемъ, ненависть, которую онъ питаетъ къ нимъ,—я нахожу весьма вѣроятнымъ его обращеніе къ прусскому и англійскому королямъ съ тѣми предложеніями, о которыхъ я говорилъ выше. Но если бы это и было такъ, то я сомнѣваюсь, чтобы Англія приняла участіе въ намѣреніяхъ Императора и пожелала выступить противъ насъ.

Если только мнѣ посчастливится узнать какое-либо точное свѣдѣніе по интересующему насъ вопросу, я, не теряя времени, передамъ его черезъ курьера вашему превосходительству; точно также я поступлю послѣ того, какъ соберется въ первый разъ Высочайшій Совѣтъ, и станутъ извѣстны чувства и намѣренія Государя.

Засѣданіе Высочайшаго Совѣта все время откладывается; такое промедленіе представляется мнѣ неестественнымъ, и я подозрѣваю, что Императоръ созоветъ его только тогда, когда онъ сможетъ согласовать свои заявленія съ отвѣтомъ, который

будетъ полученъ отъ Англіи. Тѣмъ временемъ г. Кейтъ получаетъ отъ Императора ежедневныя извѣщенія и комплименты; для этого Императоръ пользуется услугами г. Вольфа. Я берусь утверждать, что если бы отъ г. Кейта зависѣло управлять жестокими рѣшеніями Государя, то онъ предотвратилъ бы ихъ отъ насъ; я предполагаю, что посланникъ этотъ, хорошо изучившій склонности Императора и прекрасно освѣдомленный о его восторженномъ преклоненіи передъ прусскимъ королемъ, убѣдилъ свой дворъ въ томъ, что, выполнитъ ли Англія условіе, которое ставитъ Императоръ въ своемъ предложеніи (если таковое вообще существуетъ) или нѣтъ,—Императоръ все равно порветъ союзъ съ дворами вѣнскимъ и версальскимъ, такъ какъ онъ никогда не рѣшится воевать съ своимъ героемъ и также въ виду его явной ненависти и презрѣнія ко всѣмъ французамъ.

Г. Кейтъ признался мнѣ, что онъ цѣловалъ руку Императора и Императрицы въ день представленія имъ англійскихъ купцовъ; онъ говорилъ, что не сдѣлалъ этого въ день восшествія на престолъ Императора только вслѣдствіе отказа г.г. Мерси и Бретейля. Онъ увѣрилъ меня въ томъ, что въ царствованіе Императрицы Анны между его дворомъ и русскимъ было заключено взаимное обязательство, по которому русскій посланникъ въ Лондонѣ обязывался цѣловать руку короля, если британскій посланникъ будетъ дѣлать то же здѣсь. По мнѣнію г. Кейта, Императоръ впредь потребуетъ, чтобы всѣ иностранные посланники цѣловали ему руку.

Всѣ прочіе посланники по-прежнему согласны въ томъ, чтобы не цѣловать руки Императора, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не прикажутъ этого дѣлать ихъ государи. Поэтому въ случаѣ, если мое пребываніе здѣсь продлится, я убѣдительно прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ, возможно скорѣе, опредѣленныя на этотъ счетъ приказанія короля.

Непостижимо, до какихъ размѣровъ доводятъ лесть лица, окружающія Императора, и невозможно себѣ представить всѣ несообразности, распространяемыя на нашъ счетъ. Мнѣ извѣстно изъ довольно вѣрныхъ источниковъ, что его убѣдили въ томъ, что, стоитъ ему объявить намъ войну или же только двинуть свои войска отъ Кольберга къ Голштиніи, какъ мы, тотчасъ же, обратимся къ нему съ самыми постыдными для себя предложеніями и отдадимъ ему не только Шлезвигъ, но и всю Голштинію и что мы почтемъ еще себя счастливыми, если онъ, при такихъ условіяхъ, пожелаетъ войти съ нами въ мирные

переговоры и откажется отъ той суммы денегъ, на которую онъ желаетъ получить.

Другіе,—люди болѣе освѣдомленные и менѣе льстивые, говорили ему, что теперь, когда Россія въ теченіе шести лѣтъ вела раззорительную для себя, во многихъ отношеніяхъ, войну,—война съ Даніей будетъ ему дорого стоить, что въ данное время мы такъ хорошо подготовлены, какъ никогда, и что положеніе наше, въ смыслѣ обороны, очень выгодное, и что, если онъ хочетъ начать войну при лучшихъ условіяхъ и съ вѣроятіемъ на успѣхъ, то онъ долженъ готовиться къ ней года четыре или пять и прежде всего улучшить свой флотъ; указывали также на то, что необходимость поддерживать въ теченіе такого долгаго срока вооруженіе—истощитъ наши силы и что, слѣдовательно, отложить войну является лучшимъ способомъ съ нами расправиться.

Принцъ Голштейнъ-Бекскій, который всегда былъ преданъ долгу короля, не только по-прежнему хорошо къ намъ относится, но и старается быть намъ полезнымъ; Я имѣлъ удовольствіе убѣдиться въ этомъ, разговаривая съ нимъ на-дняхъ; кромѣ того, я замѣтилъ, что Императоръ очень высоко его ставитъ и окружаетъ его большимъ почетомъ.

Это обстоятельство наводитъ меня на мысль, которую я хочу представить на обсужденіе вашего превосходительства: не найдите ли вы полезнымъ написать принцу письмо, изложивъ довольно подробно наше дѣло и представивъ ему всѣ выгоды, которыя произойдутъ въ томъ случаѣ, если между обоими государями—его кузенами—установятся дружескія, мирныя отношенія, а также указавъ ему, какъ будетъ почетна его роль посредника въ достиженіи этой великой и желанной цѣли.

Я признаю, что этотъ шагъ,—за успѣшность котораго нельзя поручиться,—рискованный и можетъ привести къ совершенно обратнымъ результатамъ, поэтому я и представляю эту мысль всестороннему обсужденію вашего превосходительства; въ томъ только случаѣ, если король надѣется еще какимъ бы то ни было мирнымъ путемъ достигнуть соглашенія,—я предлагаю, среди другихъ способовъ, воспользоваться и моей мыслью, при чемъ я находилъ бы полезнымъ поручить мнѣ передать письмо принцу, уполномочивъ меня высказаться болѣе подробно по поводу его содержанія и тѣхъ способовъ, какими предполагается достичь соглашенія.

Какъ доказательство чрезмѣрной любви Императора къ прусскому королю, я долженъ разсказать вашему превосходительству слѣдующее. Въ первый же день своего вос-

шествія на престолъ, вечеромъ, онъ заказалъ для портрета этого прославленнаго воина великолѣпную раму, украшенную всевозможными трофеями и эмблемами; съ тѣхъ поръ надъ этой рамой работали днемъ и ночью. Въ прошлую пятницу она была готова, и Императоръ выставилъ портретъ прусскаго короля въ своихъ покояхъ, на виду у всѣхъ; теперь онъ только и занятъ тѣмъ, что смотритъ на этотъ портретъ, показываетъ его всѣмъ, кто къ нему приходитъ, и восхваляетъ необыкновенныя качества этого короля-завоевателя. Надо прибавить, что портретъ этотъ единственный въ покояхъ Императора, гдѣ не видно даже портрета покойной Императрицы.

Всѣ говорятъ о томъ, что Государь вернетъ сюда бывшаго герцога Курляндскаго [1]) и двухъ принцевъ—его сыновей, чтобы возстановить въ его правахъ. Г. Прассе, повидимому, этому вѣритъ. Мнѣ также представляется это обстоятельство весьма вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ, разумѣется, никогда не отказывался отъ своихъ правъ, хотя на отреченіи несчастнаго принца Карла сильно настаивалъ польскій дворъ съ самаго начала его герцогства. Мнѣ хотѣлось бы думать, что слухи о низверженіи принца Карла не оправдаются, но, тѣмъ не менѣе, я полагаю, что онъ сильно рискуетъ быть низверженнымъ, если только принцъ Георгъ, котораго ждутъ здѣсь со дня на день, пожелаетъ быть герцогомъ Курляндскимъ".

(Конецъ шифра).

Въ прошлую пятницу Его Величество соблаговолилъ отужинать, въ большомъ обществѣ, у шталмейстера Льва Александровича Нарышкина: та же честь была оказана имъ оберъ-прокурору Глѣбову.

Покойный графъ Петръ Шуваловъ оставилъ, распредѣливъ въ своемъ завѣщаніи, до 800 тыс. руб. Наканунѣ своей смерти онъ подарилъ своему близкому другу—вышеназванному оберъ-прокурору Глѣбову, свою, осыпанную брилліантами Андреевскую звѣзду, имѣніе подъ Москвой и большую сумму денегъ, всего стоимостью на 100 тыс. руб., своему кузену, камергеру Ивану Шувалову, онъ завѣщалъ 100 тысячъ рублей. Значительные подарки онъ оставилъ также своимъ невѣсткамъ и другимъ членамъ своей семьи; онъ не забылъ никого до послѣдняго своего лакея; всѣ его родственники и даже посторонніе наслѣдуютъ

---

[1]) Знаменитаго Іоганна Бирона, находившагося съ своей семьей въ ссылкѣ въ Ярославлѣ.

послѣ него, кромѣ его единственнаго сына, которому онъ, какъ утверждаютъ, ничего не оставилъ; если Императоръ не найдетъ нужнымъ что-нибудь сдѣлать для него, то онъ ничего не получитъ.

Предполагаютъ, что завѣдываніе артиллерійскимъ корпусомъ, которое пока еще никому не поручено, будетъ передано генералу Фермору.

Сюда ежедневно пріѣзжаютъ изъ городовъ Лифляндіи и другихъ мѣстъ уполномоченные,—съ поздравленіями къ Императору.

Генералъ Тотлебенъ [1]) пользуется полной свободой; въ его домѣ нѣтъ даже стражи. Вскорѣ дѣло его будетъ разбираться въ Военномъ Совѣтѣ; тѣмъ временемъ, въ обществѣ распространяется убѣжденіе въ томъ, что онъ невиновенъ и будетъ оправданъ.

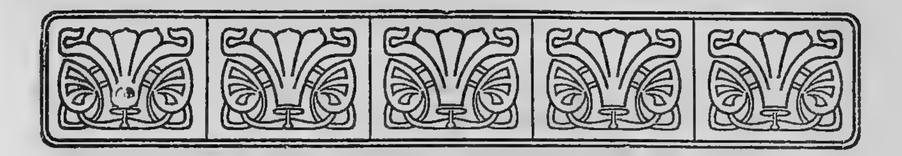
Я счастливъ сообщить вашему превосходительству объ улучшеніи, хотя очень медленномъ, здоровья канцлера; слабость принуждаетъ его оставаться въ постели и не такъ скоро позволитъ ему приняться за дѣла.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Тотлебенъ уличенъ былъ въ измѣническихъ сношеніяхъ съ пруссаками и преданъ суду въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.



Власть прошлаго [1]).

„Aimer—c'est courir la chance d'être blessé, et il faut la courir".

Наступила Пасха. Свѣтлую заутреню Горовы всегда стояли въ домовой церкви Коммерческаго училища. Туда пріѣхали и Скарятины, т.-е. молодежь. Пробывъ заутреню вмѣстѣ съ родителями въ своей приходской церкви братья пріѣхали къ обѣднѣ въ Коммерческое училище и такъ какъ у нихъ въ семьѣ не было обычая разговляться почью, то по окончаніи службы, Николай Алексѣевичъ пригласилъ ихъ къ себѣ на розговѣнье. Молодые офицеры, конечно, согласились. Домъ Горовыхъ былъ очень близко, и потому изъ церкви всѣ отправились пѣшкомъ. Уже почти совсѣмъ разсвѣло; погода была весенняя, хотя ночная свѣжесть давала себя чувствовать. Весело болтая, дошли до дома. Василій, караулившій господъ, уже открылъ дверь. Раздѣвшись всѣ вошли въ столовую. Роскошно сервированный столъ пріятно манилъ къ себѣ. Нѣсколько старушекъ-родственницъ поджидали ихъ прихода. На дворѣ стало совсѣмъ свѣтло. Николай Алексѣевичъ подошелъ къ столу, потушилъ зажженные канделябры и, поднявъ занавѣски, открылъ настежь окна въ садъ. Въ комнату ворвался снопъ свѣта, послышалось чириканье птицъ, природа пробуждалась, а вдали раздался запоздалый благовѣстъ приходскихъ церквей.

Многочисленная прислуга самымъ патріархальнымъ образомъ ввалилась въ столовую, чтобы похристосоваться съ господами. Дѣвочки весело смѣялись, болтали съ офицерами, а старшія все путались въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ шлейфахъ. За ужиномъ Андрей Александровичъ сидѣлъ рядомъ съ Наташей.

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1915 г.

— Мнѣ такъ сегодня хорошо и отрадно на душѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ. А знаете почему?

— Нѣтъ, не знаю. Почему? подняла она на него свои темные глаза.

— Вы сегодня такая хорошая, веселая, какой я васъ давно не видалъ. Не даромъ сегодня Свѣтлое Воскресенье. Вы воскресли для новой жизни. Правда?

Облачко грусти затуманило лицо Наташи.

Она взглянула на Андрея Александровича серьезно и вдумчиво.

— Да, я этого хочу. Я стараюсь всѣми силами.

— И это такъ будетъ—повѣрьте мнѣ!

Осенью, когда полкъ Андрея Александровича вернулся изъ лагерей и когда его посѣщенія Горовскаго дома еще болѣе участились—онъ сдѣлалъ предложеніе Наташѣ. Успокоенное, отдохнувшее сердце дѣвушки радостно открылось навстрѣчу тихаго семейнаго счастья. Привязанность Андрея Александровича была такъ искренна, такъ велика, сулила такое безпредѣльное счастье, что Наташа вся отдалась ей и только все спрашивала мысленно, за что Господь ей посылаетъ такое счастье?

Елена Ивановна, искренно полюбившая и привязавшаяся къ дѣвушкѣ, сама пріѣхала къ Николаю Алексѣевичу ходатайствовать за сына; но вопросъ былъ уже рѣшенъ, все улажено, и счастливые женихъ и невѣста встрѣтили ее сами на порогѣ первой гостиной. Взглянувъ на лицо сына, она догадалась о счастливомъ исходѣ, привлекла къ себѣ Наташу и покрыла ея лицо горячими поцѣлуями. Усадивъ Елену Ивановну на диванъ, Наташа опустилась передъ ней на колѣни и, припавъ къ ея груди, заплакала.

— О чемъ, дочурка моя, ласкала ее старуха, или боишься, думаешь, что Андрей не сдѣлаетъ тебя счастливою? Онъ тебя такъ любитъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, шептала она, но я не стою его, я такая гадкая, грѣшная...

— Полно, полно, родимая, не клевещи на себя. Андрюша, позвала она сына, который стоялъ поодаль у окна, не желая стѣснять мать и невѣсту, Андрюша, подойди, успокой ее и скажи, какъ мы ее давно, давно любимъ, какъ и ты, и я постараемся сдѣлать ее счастливою...

Андрей Александровичъ подошелъ къ Наташѣ, нѣжно приподнялъ ее съ колѣнъ и, взявъ ея руки, горячо поцѣловалъ ихъ. А глаза его, отуманенные непрошенными слезами, ласково и любовно смотрѣли на нее.

— Дорогая, милая, шептали его губы, вся жизнь моя тебѣ и для тебя!..

Хорошее, счастливое время настало въ семьѣ Горовыхъ. Какъ-то все измѣнилось. Вся жизнь приняла другой характеръ. Отецъ окружалъ Наташу особенной нѣжностью и заботливостью; всѣ родные и знакомые привѣтствовали ея бракъ съ молодымъ Скарятинымъ. Катюша торжествовала. Во-первыхъ, она радовалась за любимую сестру; а потомъ—она становилась теперь „царицей“ и „point de mire“ общества веселыхъ Горовскихъ „средъ“ и всей молодежи. Наташа была отрѣзаный ломоть. Шитье приданаго и покупка и устройство будущаго хозяйства внесли тоже немало оживленія и пріятныхъ хлопотъ.

Николай Алексѣевичъ устраивалъ для молодыхъ верхъ. Дѣвочекъ и м-me Клеберъ переводили въ низъ. Вся эта суета, всѣ эти перемѣны были такъ веселы и радостны. Свадьба была назначена на весну, послѣ Пасхи.

На Страстной недѣлѣ вся семья Горовыхъ говѣла.

Говѣлъ также и Андрей Александровичъ. Въ Вербное Воскресенье, послѣ обѣда, Николай Алексѣевичъ, подозвавъ Андрея Александровича, сказалъ ему:

— Вы, конечно, тоже будете говѣть, а потому и некогда вамъ будетъ, и я прошу васъ не смущать Наташу и до Великаго Четверга не пріѣзжать къ намъ.

Андрей Александровичъ молча поклонился; онъ всегда какъ-то невольно испытывалъ на себѣ Горовскій авторитетъ; возражать или противорѣчить ему—это и въ голову не приходило Скарятину.

Наташа знала объ этомъ рѣшеніи отца; но въ головѣ у нея былъ планъ, и она не знала, какъ приступить къ его исполненію. Дѣло въ томъ, что, согласно христіанскому обычаю, она чувствовала, что передъ этимъ ея говѣньемъ ей придется испросить прощеніе въ своихъ прежнихъ грѣхахъ и у человѣка, которому она дала слово и съ которымъ вмѣстѣ она теперь вступала въ новую жизнь. Всегда увлекающаяся и пылкая, она хотѣла, чтобы этотъ фактъ не носилъ на себѣ рутиннаго отпе-

чатка; она хотѣла искренно, чистосердечно покаяться Андрею Александровичу въ своемъ страшномъ грѣхѣ, какъ она до сихъ поръ называла свое увлеченіе Рагодинымъ, испросить у него прощеніе и чистой, обновленной и прощенной встрѣтить съ нимъ Великій Праздникъ Пасхи.

Первое время ихъ жениховства они почти никогда не оставались вдвоемъ. Или м-me Клеберъ, или сестры, или старушка родственница всегда присутствовала въ комнатѣ. Въ этотъ же вечеръ случилось какъ-то такъ, что всѣ разошлись. Отецъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ; Катюшу вызвали къ пришедшей портнихѣ, а младшія, по обычаю, удалились съ м-me Клеберъ на верхъ.

Наташа и Андрей Александровичъ прошли въ полутемную большую залу.

— Наталья Николаевна, съиграйте что-нибудь!

Наташа лукаво и строго погрозила ему пальцемъ.

— Сегодня? въ такой день? прошептала она.

У Горовыхъ съ Вербной Субботы не позволялось ни играть, ни пѣть до самаго дня Св. Пасхи.

Потомъ, какъ бы отвѣчая на свою собственную тайную мысль, она продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь! и ея взглядъ, полный страха и тоски, скользнулъ по темному профилю Бехштейна. Нѣтъ, пойдемте въ красную гостиную! И, схвативъ руку Андрея Александровича, она увлекла его за собой.

— Сядьте, сказала она, указывая на мягкую кушетку, стоявшую въ дальнемъ углу и всю заставленную цвѣтами и большимъ трельяжемъ съ дикимъ виноградомъ. Онъ повиновался, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Что это за торжественный тонъ? попробовалъ онъ улыбнуться.

— Нѣтъ, не шутите... и ея губы задрожали.

Потомъ, немного помолчавъ:

— Я не знаю... не знаю, какъ сказать... Я хочу быть счастливой и не могу... я должна...

Она закрыла лицо руками; по ея дрогнувшимъ плечамъ, онъ догадался, что она плакала. Испуганный, взволнованный, онъ вскочилъ съ кушетки.

— Наташа, ради Бога, что съ вами? въ чемъ дѣло?

И онъ заботливо и нѣжно обнялъ ее.

Прижавшись головой къ его плечу, вся сгорая отъ стыда и волненія, трепетными губами она произнесла имя Рагодина.

Ясной, спокойной улыбкой озарилось лицо Андрея Александровича.

— Ну, слава Богу, вздохнулъ онъ съ облегченіемъ, я уже думалъ Богъ знаетъ что случилось! Ни слова больше, не нужно, я все знаю, сказалъ онъ тихимъ и серьезнымъ голосомъ.

Она подняла голову и смотрѣла на него мокрыми отъ слезъ глазами.

— Знаете... и любите? прошептала она.

— Знаю. И люблю больше прежняго.

И порывистымъ движеньемъ онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Если это—грѣхъ, въ которомъ вы считаете себя обязанной мнѣ покаяться, то какже мнѣ испросить у васъ прощеніе и открыть вамъ свою душу и жизнь...

Голосъ его дрогнулъ.

— Молчите! Я ничего не хочу знать! И она рукою закрыла ему ротъ.—Скажите только, что вы всегда, всегда будете любить меня!

О своей любви она не говорила; она знала, что ея любовь останется неизмѣнной.

— Наташа, дорогая! и онъ покрывалъ ея руки поцѣлуями.

Послышались шаги отца.

— А! вотъ вы гдѣ уединились! сказалъ онъ веселымъ голосомъ, проходя мимо нихъ въ другую комнату, какъ бы не находя въ этомъ уединеньи ничего особеннаго и санкціонируя этимъ ихъ tête-à-tête.

Между тѣмъ Россія переживала тяжелое, напряженное время. Газеты были полны потрясающими подробностями о турецкихъ звѣрствахъ и воплями угнетенныхъ славянъ. Готовились событія великой важности, въ которыхъ наше отечество не могло далѣе оставаться безучастнымъ. И вотъ гроза разразилась. 12 апрѣля появился Высочайшій манифестъ съ объявленіемъ войны туркамъ.—Не только Московскій гарнизонъ, но и гвардія была призвана подъ знамена. Полкъ, гдѣ служилъ Андрей Александровичъ, пока еще не трогали, но, конечно, со дня на день ожидали и его назначенія. Свадьба Наташи была назначена въ послѣднихъ числахъ апрѣля. На другой день Манифеста отецъ вошелъ въ комнату Наташи; она сидѣла за работой, мѣтила столовое бѣлье для своего будущаго хозяйства. Отецъ сѣлъ противъ нея въ большое мягкое кресло. Наташа подняла глаза, и ея взоръ съ нѣжностью остановился на лицѣ отца. За послѣднее время онъ сталъ жаловаться на здоровье.

Это ли обстоятельство, или то, что въ предстоящихъ событiяхъ она предчувствовала полную разлуку съ отцомъ, но ея чувства къ нему никогда не были такъ живы и глубоки, какъ все это послѣднее время.

— Я пришелъ поговорить съ тобой, началъ Горовъ, и Наташѣ показалось, что голосъ его былъ какой-то надломленный и старческiй.—Не отложить ли свадьбу? Вѣдь, всего вѣрнѣе, что полкъ Андрея Александровича будетъ тоже мобилизованъ. Нужно быть готовыми ко всему. Закрывать глаза на опасность не слѣдуетъ. Что же будетъ тогда?

— Папа, какъ хотите! Нужно спросить Андрея. Что онъ думаетъ.

— А ты? и онъ смотрѣлъ на нее испытующимъ взоромъ.

Она не смутилась подъ этимъ взглядомъ.

— Я его люблю, папа! Будь, что будетъ! Я раздѣлю съ нимъ и радость и горе!

Горовъ глубоко вздохнулъ и всталъ. Подойдя къ Наташѣ, онъ ласковымъ жестомъ положилъ ей свою руку на голову, простоялъ такъ нѣсколько минутъ и потомъ, не сказавъ ни слова больше, вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ того же дня, когда Наташа сошла внизъ въ столовую,—Василiй, который только-что подалъ самоваръ, почтительно доложилъ ей:

— Андрей Александровичъ прiѣхали. Они у ихъ превосходительства.

Наташа направилась къ отцу въ кабинетъ. Не доходя кабинета, въ первой прiемной ее встрѣтилъ Андрей. Повидимому, у нихъ только-что былъ разговоръ съ Горовымъ.

— Наташа, вы знаете... голосъ его дрожалъ, и онъ испуганно глядѣлъ на нее.

Она спокойно улыбнулась и протянула ему руки.

— Я знаю, о чемъ папа говорилъ съ вами.

— И что же?

— Я ваша и люблю васъ. Дѣлайте, какъ хотите. Андрей Александровичъ склонился къ ея рукамъ.

Святая прошла быстро. Прiѣздъ Государя; прiемъ во дворцѣ; парады, смотры. Вся Москва жила какой-то лихорадочной жизнью. И у Горовыхъ въ домѣ жизнь била ключемъ. Послѣднiя приготовленiя въ комнатахъ для молодыхъ. Привозили новую мебель; вѣшали портьеры; разставляли цвѣты.

— Серебро отъ Садикова привезли, докладывалъ Василій.

— Барышня, вѣнчальное платье принесли; Лизавета Васильевна проситъ примѣрить, влетала Аннушка.

— Наташа, иди скорѣй! кричала Женя. Какія туфли! бѣлыя, атласныя, съ бантиками! Одинъ восторгъ!

Катюша возилась съ бѣльемъ и перевязывала розовой ленточкой цѣлыя груды тонкаго, наряднаго бѣлья.

Наташа, какъ въ туманѣ, какъ завороженная, ходила по комнатамъ, спѣшила то туда, то сюда, дѣлала, что ей приказывали дѣлать; въ головѣ хаосъ и ни одной ясной мысли.

— Что съ тобой? сердилась Катюша. Ты ничего не понимаешь, что тебя спрашиваютъ!

Наташа улыбалась ей и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что она ничего не понимаетъ. Если бы ее спросили, что она чувствуетъ, какія мысли волнуютъ ее, наврядъ ли она сумѣла бы объяснить свое состояніе. На первомъ мѣстѣ, конечно, стояла любовь къ Андрею. Это чувство заслоняло собою всѣ другія. Ну, а потомъ страхъ,—непонятный, жуткій страхъ и передъ всѣмъ тѣмъ грядущимъ, что надвигалось на нее и чего она не знала, и страхъ передъ Андреемъ, передъ его любовью. О тѣхъ обязанностяхъ, которыя накладывала на нее роль замужней женщины—она не думала. Не думала по той самой простой причинѣ, что она ихъ не знала. Да откуда ей было что знать!

Воспитанная въ четырехъ стѣнахъ, почти не имѣя подругъ, проводя все время между отцомъ, сестрами и гувернанткой, читая только то, что разрѣшалось отцомъ, находясь постоянно подъ ихъ ферулой—что могла знать она о жизни? Она сфинксомъ стояла передъ нею. И сфинксъ—молчалъ. И благо ей было, что онъ молчалъ! Господь одинъ знаетъ, что, если бы она разгадала это молчаніе и завѣса будущаго приподнялась бы передъ нею—не пала ли бы она духомъ и не содрогнулась ли бы передъ тѣмъ, что ей готовило будущее!

Вотъ и 20 апрѣля! Церковь Коммерческаго училища освѣщена à giorno. Широкая лѣстница богато убрана ковромъ и цвѣтами. Масса приглашенныхъ—родныхъ и знакомыхъ. Вся закрытая бѣлымъ облакомъ подвѣнечной фаты, входитъ Наташа подъ руку съ отцомъ въ церковь.

Говоръ и шумъ стихаютъ; хоръ пѣвчихъ привѣтствуетъ невѣсту. Но вотъ священникъ подводитъ къ ней Андрея Але-

ксандровича, соединяетъ ихъ руки и ведетъ ихъ вмѣстѣ на средину церкви.

Поднявъ глаза и увидавъ милое и дорогое лицо, она старается улыбнуться, но улыбка не выходитъ, и на глазахъ безпомощно блестятъ слезы. Серьезный и сосредоточенный стоитъ онъ рядомъ съ нею. Она старается всѣми силами понять слова службы, старается молиться и—не можетъ. А утромъ того же дня за ранней обѣдней, въ приходской маленькой церкви, гдѣ она была съ отцомъ—какъ молилась она! Вся ея душа трепетала въ молитвѣ! „Господи, лишь бы онъ меня любилъ! Я все буду для него—другомъ, рабою... нѣтъ въ свѣтѣ той жертвы, которой я ему не принесу—вся, вся его... только бы быть достойной его любви"!..

Но вотъ—служба кончена. Ихъ окружаютъ, поздравляютъ, цѣлуютъ. Она идетъ подъ руку съ нимъ по освѣщеннымъ заламъ; рука ея дрожитъ и ноги не слушаются. Андрей Александровичъ нѣжно прижимаетъ эту дрожащую руку, и губы его шепчутъ ласку.

— Карету молодыхъ! лихо кричитъ швейцаръ.

Андрей помогаетъ ей сѣсть, поправляетъ ея бѣлый шлейфъ, и они ѣдутъ къ Горовымъ. Туда же ѣдутъ родные и знакомые. Домъ весь иллюминованъ; парадная дверь открыта настежь. Отецъ и тетка встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью. Вся прислуга собралась, чтобы поздравить свою барышню. Подаютъ шампанское, а въ большой залѣ сервированъ богатый ужинъ. Шумъ, суета, говоръ; поздравляютъ молодыхъ, поздравляютъ другъ—друга. Андрей Александровичъ подводитъ Наташу къ своему начальнику, старому генералу въ лентѣ и орденахъ.

— Моя жена!—представляетъ онъ ее.

Голосъ звучитъ серьезно, но углы рта улыбаются, а у Наташи отъ этихъ словъ радостно и страшно бьется сердце.

Странное, жуткое чувство овладѣло ею; въ старый, милый, родной домъ она вошла, какъ чужая; она чувствовала себя оторванной. Отецъ былъ все также ласковъ, еще ласковѣе, если возможно, сестры тоже, но—что-то порвалось! *Онъ* разъединялъ ихъ, *онъ* стоялъ между ними... И вдругъ, какъ молнія, блеснуло у нея въ головѣ.

— А что, если вдругъ разлюбитъ!

Нѣтъ, нѣтъ! Она гонитъ эту мысль. Этого не можетъ быть! За что! Вѣдь онъ же обѣщалъ, вотъ сейчасъ, передъ Богомъ! Нѣтъ! Вотъ онъ подходитъ къ ней, глядитъ на нее своими хорошими, честными глазами; такіе глаза лгать не могутъ!

И зачѣмъ онъ ее разлюбитъ? Вѣдь она всю жизнь, всю себя отдаетъ ему... вѣдь онъ знаетъ, что теперь онъ для нея—все... для него она бросаетъ семью, отца...

— Наташа, что съ тобою? заботливо спрашиваетъ Андрей Александровичъ, ты вся блѣдная! Тебѣ дурно, ты ничего не ѣла сегодня!..

— Нѣтъ, ничего... Я немного устала... Андрюша, милый, скажи...

Но слова остаются недосказанными. Къ нимъ подбѣгаетъ Катюша и одинъ изъ братьевъ Андрея, говоря и крича что-то вмѣстѣ. Оказывается, старики Скарятины собираются ѣхать домой и нужно съ ними проститься. Наташа быстро слѣдуетъ за ними.

Вотъ и послѣдніе гости разъѣзжаются.

Прислуга ходитъ по комнатамъ и тушитъ канделябры и лампы. Дѣвочки прощаются съ отцомъ и уходятъ по своимъ комнатамъ. Отецъ особенно нѣжно цѣлуетъ и благословляетъ Наташу; отъ отца она повертывается къ Андрею Александровичу, который стоитъ тутъ же. Онъ цѣлуетъ ей руки и нѣжно говоритъ:

— Иди! Господь съ тобою! я сейчасъ приду.

Наташа идетъ на верхъ въ свою новую спальню.

Весь верхъ предоставленъ въ ихъ распоряженіе; дѣвочки переселились внизъ съ гувернанткой.

Тихо входитъ она въ комнату; въ ней полумракъ, въ углу на столѣ подъ темнымъ абажуромъ горитъ лампа; а прямо передъ ней стоитъ кіотъ, въ который видимо только-что поставили образъ Владимірской Божьей Матери, тотъ образъ, которымъ ее благословили къ вѣнцу. Тихо теплится и мерцаетъ передъ нимъ огонекъ лампады, освѣщая серебряную, вызолоченную ризу. Безмолвно опускается Наташа въ своемъ подвѣнечномъ нарядѣ на колѣни передъ образомъ; глаза ея устремлены на ликъ Пресвятой Дѣвы; она молится; словъ нѣтъ; она ихъ не находитъ; но вся она—душа, сердце, все ея существо—уже есть одна молитва...

Рѣзкой чертой отдѣлилась дѣвичья жизнь Наташи. Пропала беззаботность; исчезла безотвѣтственность. Тамъ, за чертой, было только одно *я*, которое жило, любило, стремилось, страдало... Теперь же каждая мысль, каждый поступокъ отдавались на судъ другому лицу — лицу близкому, любящему, любимому, но съ которымъ приходилось считаться. Наташѣ это было странно, но

не трудно. Она слишкомъ любила Андрея, чтобы тяготиться этимъ. Она съ радостью отдавала ему на судъ весь свой духовный міръ. Да у нея тайнъ никакихъ и не было! Вся ея жизнь была такъ свѣтла, такъ прозрачна.—Иногда, правда, она задумывалась, старалась уяснить себѣ свой настоящій нравственный міръ, свои духовныя стремленія, но Андрей Александровичъ въ пылу молодой любви не давалъ ей долго думать объ этомъ; онъ окутывалъ ее такими ласками, плѣнялъ и туманилъ ея воображеніе такими восторгами, властно требовалъ отвѣта на свою любовь. Она совершенно теряла чувство субъективности и сознавала только, что она часть чего-то, не цѣльное—*я*.

Но жизнь вокругъ нея текла своимъ чередомъ; все шло фатально по заранѣе намѣченнымъ путямъ; тяжелыя, непрошенныя событія вторгались въ ея жизнь и заставили ее силой пробудиться и выйти изъ того зачарованнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ она находилась.

Полкъ Андрея назначенъ на Кавказъ, на усиленіе арміи, находящейся подъ командой Вел. Кн. Михаила Николаевича. Мобилизація всей дивизіи; сборы, проводы поочередно всѣхъ полковъ и батарей.—А тутъ телеграмма отъ Катюши: „Пріѣзжай скорѣй, папа заболѣлъ“. Молодые жили то лѣто въ Всѣхсвятскомъ, недалеко отъ Ходынки.

Черезъ недѣлю отца не стало, а черезъ мѣсяцъ Наташа, вся въ траурѣ, провожала на войну своего дорогого, ненагляднаго Андрюшу. Ее почти безъ чувствъ увезли съ вокзала домой. Все рушилось вокругъ нея; она чувствовала, какъ почва ускользала изъ-подъ ея ногъ.

— Мнѣ не пережить этого, твердила она, бродя по пустымъ комнатамъ отцовскаго дома и не зная, куда уйти отъ всего того, что ей напоминало то дорогого, любимаго отца, то ненагляднаго, боготворимаго человѣка. Да развѣ можно жить послѣ всего того, что случилось!

Младшихъ сестренокъ опекунъ увезъ въ Петербургъ кончать образованіе. Катя тоже уѣхала туда же къ теткѣ. Домъ былъ назначенъ въ продажу для раздѣла. Наташа наняла по близости квартиру, перевезла часть мебели, взяла нѣсколько человѣкъ прислуги; остальныхъ отпустили съ денежными наградами.

Въ семьѣ Скарятиныхъ тоже было горе. Кромѣ Андрея на войну ушли еще два сына: уланъ Василій и, только-что произведенный въ офицеры, Сергѣй; производство въ томъ году было

раннею весною. Дома остались только два кадета: Саша и Митя. Семья Андрея привязалась къ Наташѣ; Елена Ивановна въ ней души не чаяла. Наташа проводила иногда цѣлые дни у нихъ. Сидя на скамеечкѣ у ногъ Елены Ивановны, положивъ голову къ ней на колѣни, она цѣлыми часами говорила и вспоминала о своемъ далекомъ другѣ. Случалось, онѣ вмѣстѣ плакали, въ особенности если газетныя извѣстія были грустныя и тяжелыя.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Ожидали великихъ событій: состояніе духа у всѣхъ было напряженное. Тамъ, далеко, на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ Закавказьѣ, и за Дунаемъ, на поляхъ, обагренныхъ и залитыхъ русской кровью, ждали или славныхъ побѣдъ, или ужасныхъ, немыслимыхъ пораженій. — Карсъ и Плевна пали и сдались на разстояніи нѣсколькихъ дней. Но это выжидательное время, предшествовавшее штурму и сдачѣ обѣихъ крѣпостей, было нѣчто ужасное. Въ одинъ изъ этихъ дней, не въ состояніи болѣе переносить своего одиночества, Наташа отправилась къ Скарятинымъ. Встрѣчали ее тамъ всегда съ распростертыми объятіями. Елена Ивановна не знала, куда усадить, чѣмъ накормить и побаловать свою нареченную дочку. Самъ старикъ изысканно любезно цѣловалъ ея ручку, бросалъ только-что начатый пасьянсъ и, желая ее развлечь, начиналъ разсказывать что-нибудь интересное изъ своихъ консульскихъ воспоминаній. Маленькій 12-ти-лѣтній Митя несъ ей показывать свои новыя картинки, въ которыхъ уже проглядывалъ выдающійся талантъ. Послѣ обѣда въ кабинетѣ зажигали каминъ и вся семья отправлялась туда.

Елена Ивановна сидѣла въ большомъ креслѣ и вязала чулокъ; а Наташа на низенькой скамеечкѣ около нея. Александръ Николаевичъ дремалъ на диванѣ, а Наденька углубилась въ чтеніе французскаго романа. Сначала разговоръ былъ общій, но потомъ Nadine куда-то исчезла, а съ дивана послышался сладкій храпъ. Елена Ивановна и Наташа заговорили шопотомъ.

— Мамочка, милая! я право больше не могу! Ну, гдѣ онъ? Гдѣ мой Андрюша? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ писемъ!

И она судорожно обнимала колѣни Елены Ивановны и прижимала къ нимъ свое лицо, все мокрое отъ слезъ. Старуха успокаивала, какъ могла; у нея у самой было тяжело на сердцѣ, Гвардія, гдѣ въ одномъ изъ полковъ служилъ Сергѣй, стояла—

около Плевны; оттуда тоже давно не было вѣстей. Да къ довершенію всего тамъ еще свирѣпствовалъ тифъ.

— За что меня Господь такъ наказываетъ? продолжала Наташа. Если что съ Андреемъ случится, я не вынесу... я умру... Зачѣмъ мнѣ жить?...

Елена Ивановна только-что собралась ей сказать, чтобы она не роптала, чтобы покорилась судьбѣ, что не одна она страдаетъ и мучается, какъ вдругъ Наташа вскочила на ноги, выпрямилась, широкооткрытые глаза ея смотрѣли куда-то вдаль; обѣими руками она держалась немного ниже того мѣста, гдѣ билось ея сердце, а губы тихо шептали, какъ будто сдерживая не то смѣхъ, не то слезы:

— Ну, вотъ, вотъ... а я еще сомнѣвалась! Господи! мамочка, милая, какое счастье!...

Елена Ивановна встала тоже и обняла ее.

— Тише, родная, тише! Зачѣмъ такія движенья! Будь осторожнѣе. Теперь нужно беречь себя.

Беременность ея была тяжелая; нездоровье усугублялось угнетеннымъ, нравственнымъ состояніемъ. Были дни, когда она не вставала съ постели, несмотря на увѣщаніе доктора, привезеннаго Еленой Ивановной, который предписывалъ моціонъ и—слѣдствіе его—хорошій аппетитъ.

Лежа въ постелѣ или на широкой оттоманкѣ, вся окруженная портретами Андрея Александровича, его письмами, телеграммами, послѣдними нумерами газетъ, она то и дѣло, что читала, перечитывала, разсматривала весь этотъ музей.

— Наташенька! прими лѣкарство, ужъ пора!

И Елена Ивановна подходила къ ней съ ложкой и стклянкой микстуры.

— Подождите, мамочка! вотъ, слушайте, я вамъ прочту эту страничку! Эту—можно, а дальше нельзя — и она лукаво улыбалась — дальше не про васъ! И она глазами просматривала цѣлый десятокъ нѣжныхъ эпитетовъ, которыми Андрей баловалъ и ласкалъ ее.

— Ну, хорошо,—только прими лѣкарство, а то тебѣ опять нехорошо будетъ!

— Не хочу, не буду! плаксиво говорила она голосомъ балованнаго ребенка, который чувствуетъ, что ему все позволено. Не хочу! Андрюшу—хочу! Дайте мнѣ Андрюшу!

И она разражалась истеричными рыданіями.

Но вотъ и Санъ-Стефанскій договоръ подписанъ. Россія ликуетъ. Войска возвращаются, покрытыя славой. Возвращаются тихо, постепенно, но все-таки уже вездѣ чувствуется радость. У всѣхъ подъемъ духа, нервное ожиданіе, кромѣ, конечно, тѣхъ, которые уже облеклись въ трауръ и уже никого не ждутъ...

Полкъ Андрея Александровича вернулся въ концѣ февраля; оставивъ свой эшелонъ въ Воронежѣ, онъ со скорымъ поѣздомъ пріѣхалъ въ Москву.

Болѣе полу-года былъ онъ въ разлукѣ съ молодой женою и теперь, понятно, стремился скорѣй увидать ее. Есть минуты въ жизни, которыя не забываются. Онѣ составляютъ эпохи.—Въ отсутствіи Андрея Наташа снова принялась писать дневникъ. Писала она его теперь спокойно, безъ боязни, что его кто-нибудь конфискуетъ; но все-таки-же прятался онъ далеко, и даже Андрей Александровичъ никогда не видалъ его. Вотъ что она писала:

20 февраля 1878 г.

... „Сегодня получила телеграмму отъ Андрея; онъ ѣдетъ назадъ! У меня нѣтъ словъ, чтобы передать то состояніе, въ которомъ я сейчасъ нахожусь. Доживу ли я до завтра! до этого свѣтлаго, радостнаго дня. Мнѣ кажется, что завтра никогда не придетъ; еще больше чѣмъ пол-сутки ждать. Завтра онъ будетъ со мною, около меня. О, мой дорогой, несравненный другъ, какъ я тебя люблю! Я знаю, это Царица Небесная возвратила мнѣ тебя! Я такъ Ей молилась! Она услышала меня!...

22 февраля.

Андрюша тутъ. Онъ пріѣхалъ вчера съ почтовымъ вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ. Ну, какъ могу я написать, что я чувствую! Я еще не могу взвѣсить всего моего счастья. Онъ здѣсь! Я его вижу, трогаю, обнимаю. Жизнь, счастье вернулись ко мнѣ!...

Сегодня ночью онъ спалъ, а я долго, долго смотрѣла на него и не вѣрила своему счастью... У меня теперь лишь одна забота — сдѣлать его счастливымъ. Смогу ли я?...

Въ концѣ марта у Наташи родился сынъ Дмитрій. Роды были тяжелые, мучительные; пришлось позвать акушера. Андрей Александровичъ ни на минуту не отходилъ отъ нея;

среди страданій она какъ-то сказала, что ей легче, когда онъ тутъ, возлѣ нея, и онъ все время стоялъ около ея изголовья, держа ея руки, которыми она безпомощно хваталась за него, поправляя подушки, по которымъ разметались ея длинныя, туго-заплетенныя косы, шепча слова ласки и любви.—Онъ первый услыхалъ крикъ своего сына, такъ какъ Наташа лежала въ это время въ глубокомъ обморокѣ.

Рожденъ первенецъ! что сказать! Какими словами выразить! Кто испыталъ это чувство самъ — тотъ, конечно, знаетъ и не забылъ. Ну, а кто не испыталъ — тому никогда и не понять этого.

Вотъ онъ, этотъ новый пришлецъ! Кто ты? Откуда? Изъ какого таинственнаго міра явился ты къ намъ? Безгрѣшный Ангелъ, случайно попавши на землю, что принесъ ты мнѣ? Счастье? Горе? Тебя сейчасъ здѣсь не было, и вотъ ты здѣсь! Мое маленькое *я*! Дитя моей души! Какую безсмертную любовь, какія непонятныя силы вдохнулъ Создатель въ сердце матери! Какъ постичь эту великую тайну?

Когда Наташа пришла въ себя, отдохнула и докторъ нашелъ, что всякая опасность миновала, ей показали ребенка. Андрей Александровичъ самъ поднесъ ей новаго члена семьи, окутаннаго въ голубое шелковое одѣяльце. Въ общей ласкѣ соединила она мужа и сына, попемѣнно цѣлуя то сморщенное красное личико, то красивую мужскую руку, запутавшуюся въ мягкихъ шелковыхъ складкахъ одѣяла. Съ безпредѣльной любовью и благодарностью поднялись ея глаза на мужа.

— Нашъ сынъ, нашъ ангелъ! шептала она. Андрюша, подумай, какъ Господь милосердъ къ намъ!

Какъ она ни просила, но кормить ей не позволили. И Елена Ивановна, и Андрей Александровичъ возстали противъ этого.

— Полно, голубчикъ, ты еще такая молоденькая, тебѣ еще жить, веселиться нужно! Ты еще будешь выѣзжать! Какое ужъ тутъ кормленіе!

Ей показалось страннымъ, что теперь, когда *онъ* тутъ, говорятъ о выѣздахъ и весельѣ; ей казалось непонятнымъ думать о чемъ-нибудь другомъ, а не объ ребенкѣ, который, какъ ей думалось, имѣлъ болѣе всего права на нее. Но она подчинилась рѣшенью свекрови. Значитъ, такъ надо — думала она. И молодость взяла свое. Къ осени, оправившись совершенно отъ тяже-

лыхъ родовъ, она расцвѣла, поздоровѣла и стала съ удовольствіемъ выѣзжать. Балы, пикники, концерты, театръ—у нея едва хватало времени на все это. День, впрочемъ, она почти весь проводила дома съ ребенкомъ; няньчилась съ нимъ, обшивала его.

Въ симфоническіе концерты она ѣздила неохотно; она боялась прошлаго; боялась роковой встрѣчи. Какъ она сама себя ни успокаивала, что все прошло, прошло безвозвратно, что она ничего не боится, что она сильна любовью къ Андрею, любовью къ сыну, но все-же больно и мучительно билось ея сердце, когда она подъ руку съ Андреемъ Александровичемъ, въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ входила какъ-то зимою въ большой залъ Дворянскаго Собранія.

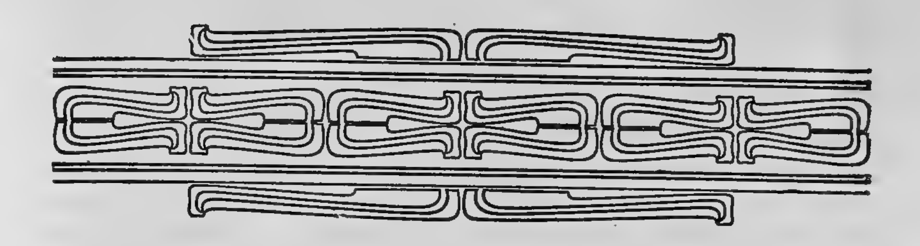
— „Ужъ, если суждено намъ встрѣтиться, думала она, то пусть это будетъ тогда, когда Андрей будетъ возлѣ меня! Около него, опираясь на его руку, чувствуя его дорогое присутствіе, никакое воспоминаніе не страшно мнѣ! Господи, сдѣлай, чтобы такъ было“! — Но видно. Господь не услышалъ ея грѣшную молитву.—Во время антракта, Андрей Александровичъ ушелъ покурить, а она, увидавъ издали Sophie Иртеньеву, сидѣвшую возлѣ своей старой тетки, фрейлины Волынской, захотѣла подойте къ ней. Выйдя изъ партера за колонны, она повернула налѣво и пошла между двумя рядами красныхъ бархатныхъ скамеекъ, Народу здѣсь было не такъ много, такъ какъ вся публика отхлынула въ другіе залы. Не дойдя до боковой двери нѣскольких шаговъ, она увидала, какъ изъ нея вышелъ Рагодинъ и шелъ прямо на нее. Повидимому, онъ ее еще не замѣтилъ; онъ глядѣлъ въ сторону; но уже былъ такъ близко, что она ясно разглядѣла его лицо. Онъ ей показался похудѣвшимъ и какъ-то болѣзненно осунувшимся. Она остановилась, и тутъ онъ ее увидалъ; ихъ глаза встрѣтились. Испугъ, радость, внезапное страданіе—вотъ что, должно быть, изображали ихъ лица, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, другъ въ другѣ. Но все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Черезъ минуту они оба прошли спокойно мимо другъ друга. Наташа только почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у нея отъ лица и до слуха ея сквозь шумъ, говоръ и ропотъ толпы, какъ легкое дуновеніе, какъ отзвукъ далекаго прошлаго, донеслись слова: „милая, дорогая“.—Но, можетъ быть, ей это показалось? Конечно, несомнѣнно показалось!

Сказать или не сказать Андрею объ этой встрѣчѣ, думала она все время обратнаго пути, сидя въ каретѣ рядомъ съ му-

жемъ и кутаясь въ мѣховую ротонду. И почему-то ей показалось, что говорить объ этомъ будетъ — святотатствомъ; но и молчать — тоже казалось ей грѣхомъ. Она никакъ не могла разобраться въ этой двойственности ощущенія, и ужасно мучалъ ее этотъ душевный разладъ.—Но когда, раздѣвшись, она вошла въ дѣтскую и опустилась на колѣни около маленькой кроватки, гдѣ, разметавшись подъ мягкимъ вязанымъ одѣяльцемъ, спалъ Митюша, то тихій миръ сошелъ въ ея душу, всѣ сомнѣнья исчезли, ясно представилась ей цѣль всей ея жизни, и вся душа ея въ тихой, искренней молитвѣ вознеслась къ Всевышнему.

Сообщ. **М. С.**

(Продолженіе слѣдуетъ).



Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II по матеріаламъ Законодательной комиссіи 1767 года.

III [1]).

Проблема народнаго образованія въ законодательной комиссіи 1767 года преломилась сквозь призму строгой сословности, которой, какъ извѣстно, насыщена была атмосфера русской общественной жизни XVIII вѣка. Застрѣльщиками въ этомъ вопросѣ, какъ и слѣдовало ожидать, были дворяне, среди которыхъ особенно широко распространены были элементы сословнаго самосознанія. Это желаніе имѣть школу только для себя было настолько общепризнаннымъ положеніемъ того времени, что оно красной нитью проходитъ черезъ громадное большинство депутатскихъ наказовъ и находитъ себѣ громкій откликъ въ комиссіонныхъ рѣчахъ и заявленіяхъ. При этомъ особенно настойчиво избиратели 1767 года подчеркиваютъ необходимость приблизить къ себѣ школу, имѣть ее не только въ губернскихъ и въ провинціальныхъ городахъ, но даже въ уѣздныхъ и въ наиболѣе значительныхъ населенныхъ пунктахъ уѣзда. И насъ заявленія подобнаго рода не должны удивлять, потому что къ моменту созыва законодательной комиссіи, дворянство широкой волной отлило изъ центра къ периферіи, изъ гвардейскихъ полковъ и коллежскихъ канцелярій въ свои родовыя дворянскія гнѣзда, воспользовавшись освобожденіемъ отъ обязательной службы по манифесту 1762 года. На мѣстахъ въ началѣ царствованія Екатерины уже успѣло образоваться про-

[1]) См. „Русская Старина" февраль 1915 г.

винціальное общество со своими запросами и интересами, и въ нѣдрахъ этого общества стала зарождаться потребность въ извѣстной культурной обстановкѣ, въ которой первое мѣсто, конечно, должна была занимать школа. „Взирая на толь высокоматернія Ея Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ изливаемыя щедроты и милости“, говорятъ Сумскіе дворяне, отмѣчая правительственныя заботы въ сферѣ народнаго образованія, — „необходимо нужно есть представить и о семъ, чтобъ повелѣно было и въ здѣшнемъ городѣ учредить училищи: первое—для благороднаго дворянства, второе—для церковническихъ подяческихъ, мѣщанскихъ и протчихъ тому подобныхъ дѣтей, и обучать оныхъ такъ, какъ въ учрежденномъ въ Москвѣ Императорскомъ Университетѣ и въ городскихъ протчихъ училищахъ предписано“ [1]). Однако такъ говорили далеко не всѣ избиратели; въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждое сословіе просило о школахъ исключительно лишь для себя. Въ этомъ отношеніи характернымъ является заявленіе Бѣлевскихъ дворянъ. „Дабы соблаговолено было“, читаемъ мы въ ихъ наказѣ—„сверхъ учрежденныхъ нынѣ кадецкихъ корпусовъ и уневерситету, учредить въ нашемъ городѣ школу, въ коихъ и обучать однихъ дворянскихъ дѣтей, не примѣшивая другихъ родовъ, дабы они подлостью заражены при самомъ своемъ воспитаніи не были“ [2]).

Эти дворянскія школы должны были удовлетворять тѣмъ минимальнымъ запросамъ на образованіе, которые обнаруживались въ провинціальной общественной средѣ. Такъ, напр., Костромскіе дворяне, набросавъ самую безотрадную картину времяпрепровожденія дворянскихъ недорослей, пишутъ въ своемъ наказѣ, чтобы „для сохраненія таковыхъ, и что бы оные вмѣсто гибели на пользу государству и годны для службы Ея Величеству быть могли, Костромское дворянство всеподданнѣйше проситъ, чтобы материнское Ея Императорскаго Величества воззрѣніе на таковыхъ быть могло и для воспитанія и обученія ихъ грамотѣ и первымъ хотя основаніямъ математики и чужестранныхъ языковъ, а паче для пристойнаго ихъ воспитанія повелѣть учредить по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ школы или семинаріи, въ которыхъ бы небогатыя дворянскія дѣти воспитываться и сказаннымъ наукамъ обучаться могли“ [3]). О такихъ элементарныхъ дворянскихъ школахъ про-

---

[1]) Ibid., т. 68, стр. 276.
[2]) Ibid., т. 68, стр. 610—611.
[3]) Ibid., т. IV, стр. 246.

сили въ 1767 году дворяне цѣлаго ряда уѣздовъ, какъ-то: Калужскаго, Кашинскаго, Новгородскаго, Курскаго, Смоленскаго, Ряжскаго, Верейскаго и др. [1]). Эти школы должны были быть „по близости", „въ каждомъ городѣ или провинціи, выбирая такой городъ, который въ серединѣ той провинціи [2])". Въ первую очередь вновь учреждаемыя школы обязаны были удовлетворять потребности неимущихъ элементовъ дворянскаго сословія „чтобы всѣ дворянскія дѣти, какъ по бѣдности своей въ домахъ обучаться и за дальностью въ учрежденныя училища ѣхать не могутъ", говорятъ избиратели Бѣлгородскаго уѣзда— „въ тѣхъ же городахъ обучились какъ словесному и письменному, такъ и протчимъ пристойнымъ наукамъ къ дворянству" [3]). Алаторскіе дворяне указываютъ прямо, что въ такія училища слѣдуетъ „принимать таковыхъ, за которыми ихъ малолѣтнихъ родительми не болѣе ста душъ" [4]). Да и дѣйствительно такіе помѣщики при скудости своего достатка были поставлены въ очень трудное, почти неразрѣшимое положеніе, когда подрастали дѣти и когда передъ ними вставалъ вопросъ о необходимости дать имъ надлежащее образованіе. „Многіе дворяне", читаемъ въ Кашинскомъ наказѣ—„своихъ дѣтей бѣдности ради не токмо на своемъ коштѣ обучать, но и въ опредѣленныя для дѣтей школы за дальностью отвозить не могутъ; да и нерѣдко случается и то, что и въ тѣхъ мѣстахъ за полнымъ комплектомъ не принимаютъ; отчего дворянскія дѣти многія, а особливо недостаточныя, или воспитываемыя нерадивыми отцами, а иныя за сиротствомъ остаются безъ всякаго ученья" [5]).

Подъ часъ такимъ бѣднымъ дворянамъ, прямо, нечѣмъ было содержать своихъ дѣтей въ учебномъ заведеніи, и они, въ силу недостатка средствъ, должны были оставаться безъ образованія. Вотъ почему среди нѣкоторыхъ избирателей возникала мысль объ образованіи по уѣздамъ на казенный счетъ своего рода дворянскихъ пансіонъ-пріютовъ. „Внутри Бѣжецкой пятины имѣется нѣсколько бѣдныхъ и неимущихъ малолѣтнихъ дворянъ, которые, приходя въ возрастъ, на своемъ коштѣ обу-

---

[1]) Ср. ibid., т. 4, стр. 289; ibid., т. 4, стр. 486; ibid., т. 14, стр. 330; ibid., т. 68, стр. 549 и ibid., т. 14, стр. 422; ibid., т. 68, стр. 388; ibid., т. 4, стр. 387.

[2]) Ibid., т. 4, (наказъ Кашинскаго дворянства), стр. 486; ibid., т. 14 (наказъ Галицкаго дворянства), стр. 495; ibid., т. 14. (Наказъ Парееньевскаго дворянства), стр. 489—490.

[3]) Ibid., т. 68, стр. 658.

[4]) Ibid., стр. 116.

[5]) Ibid., т. 4, стр. 468.

чаться не могутъ", читаемъ въ одномъ изъ наказовъ Новгородскаго уѣзда—„того ради просить, чтобъ была учреждена при губерніи школа, или знатныхъ погостовъ училищные домы, и тѣмъ бы дворянамъ на содержаніе ихъ милостивно пожалованы были одежда и питомство" [1]). Однако, въ другихъ мѣстностяхъ вопросъ о такихъ пріютахъ не подымался и дворянамъ даже казалось вполнѣ естественнымъ содержать своихъ дѣтей на собственный счетъ, если только школы будутъ находиться поблизости отъ постояннаго ихъ мѣстожительства. Такъ, напр., Курскіе дворяне возбуждаютъ ходатайство о томъ, чтобы „въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ другихъ знатныхъ городахъ, усматривая, гдѣ дворянъ противъ прочихъ состоитъ довольнѣе, учреждены бы были учители въ тѣхъ наукахъ искусные и рачительные на казенномъ однихъ оныхъ учителей содержаніи, а дворянскія дѣти, будучи при томъ обученіи по близости къ своимъ домамъ, смогутъ себя содержать собственно отъ оныхъ своихъ домовъ безъ употребленія на нихъ казеннаго кошта" [2]). Съ довольно оригинальнымъ предложеніемъ выступаютъ Дорогобужскіе помѣщики, возбуждающіе ходатайство объ открытіи въ ихъ городѣ дворянскаго училища, въ которомъ учителю быть на жалованьи, а дворянскихъ дѣтей недостаточныхъ, хотя на одномъ провіантѣ, по ихъ неимуществу обучать; въ томъ же домѣ содержать печатныя книги, происходящія изъ академической, университетской и прочихъ учрежденныхъ типографій, которымъ въ пользу обучающагося юношества будетъ продажа" [3]).

Свои сословныя школы провинціальное дворянство отдавало въ руки мѣстнаго начальства, и это, пожалуй, являлось вполнѣ послѣдовательнымъ, такъ какъ уѣздной администраціи большая часть дворянъ 1767 года стремилась придать чисто сословный характеръ. Этимъ путемъ, вѣроятно, могъ быть культивированъ въ школѣ болѣе тщательно сословно дворянскій духъ, такъ какъ она входила какъ бы составною органическою частью въ общую массу мѣстныхъ привилегированныхъ дворянскихъ учрежденій". „И чтобы оное училище", читаемъ въ наказѣ Тульскаго уѣзда—

---

[1]) Ibid., т. 14, стр. 359.

[2]) Ibid. т. 68, стр. 549. Почти съ аналогичнымъ предложеніемъ выступаютъ дворяне Тверского уѣзда, которые въ своемъ наказѣ просятъ о томъ „не соблаговолено ли будетъ въ городѣ Твери учредить на казенномъ коштѣ училище съ пристойнымъ числомъ учителей; а учениковъ содержать дворянамъ на своемъ коштѣ". (Ibid. т. 14, стр. 327).

[3]) Ibid., т. 14, стр. 433.

„состояло подъ вѣдомствомъ того же начальника, который и въ городѣ судъ и расправу чинить будетъ“ [1]), а Калужскіе и Медынскіе помѣщики предлагаютъ отдать сословную школу „подъ смотрѣніе дворянскаго суда“ [2]). Въ такія формы отливалась организація сословной школы элементарнаго типа въ сознаніи сѣрой рядовой провинціальной, дворянской массы, съѣхавшейся на выборы весною 1767 года.

На школу она смотрѣла преимущественно съ практической, утилитарной точки зрѣнія, хотя въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ дворянъ избирателей школа должна была имѣть общее гуманизирующее вліяніе на дѣтей, а благодаря своему сословному характеру, укрѣплять въ нихъ чувства дворянскаго достоинства. Такъ Калужскіе дворяне, говоря о цѣляхъ и задачахъ образованія „за главное почитали, чтобы тому юношеству въ молодыхъ ихъ лѣтахъ чтеніемъ внушить отъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества власти къ блаженству подданныхъ ея установленные законы, дабы оные познаніемъ сихъ ко отправленію наложенной впредь на нихъ должности достойными себя учинили, да и отъ преступленія, которое иногда и по одному невѣдѣнію бываетъ, спасти себя могли“ [3]). По мнѣнію Костромичей въ школьной выучкѣ особенно нуждаются дворянскіе недоросли, которые благодаря школѣ „вмѣсто гибели, на пользу государству и годны для службы Ея Величеству быть могли“ [4]). Бѣлевцы же выдвигаютъ на первый планъ сословно служебную точку зрѣнія. Школа по ихъ словамъ нужна для того „что бъ дворянство къ достиженію своей славы, къ воинской службѣ Ея Императорскаго Величества наиспособнѣйшимъ себя предъ протчими отличали“ [5]). Еще большими утилитаристами являются въ нашихъ глазахъ дворяне Шелонской пятины и Опочецкаго уѣзда. Первые изъ нихъ путемъ образованія желаютъ „избавиться отъ солдацкой службы“, а вторые ходатайствуютъ о томъ, чтобы дворяне, окончившіе правительственную школу, или сдавшіе экзаменъ при кадецкомъ корпусѣ, награждались оберъ-офицерскими чинами“ [6]). Но какія бы цѣли и задачи учрежденіемъ элементарной школы дворяне ни преслѣдовали, все-таки весьма отраднымъ явленіемъ было то, что подъ часъ изъ весьма

[1]) Ibid., т. 4, стр. 289.
[2]) Ibid., стр. 405.
[3]) Ibid., т. IV, стр. 246.
[4]) Ibid., стр. 289.
[5]) Ibid., т. 68, стр. 610.
[6]) Ibid., т. 14, стр. 275, 341.

далекихъ, прямо, медвѣжьихъ угловъ раздавались пожеланія имѣть по близости доступную и дешевую школу. Въ этомъ нельзя не видѣть извѣстнаго шага впередъ по пути общаго культурнаго подъема страны, и очевидно, дворяне въ своей массѣ къ началу царствованія Екатерины II ясно сознавали цѣнность и значеніе образованія вообще. Если прежде правительству приходилось насаждать чуть ли не насильственными мѣрами самыя примитивныя школы въ провинціи, то теперь уже очень многіе дворяне добровольно, безъ всякаго принужденія и при томъ на свой счетъ стремились дать дѣтямъ образованіе. Имъ только часто хотѣлось при этомъ, чтобы ихъ дѣти, получивши домашнее образованіе, уравнены были въ правахъ и преимуществахъ съ тѣми, кому удавалось кончить правительственную школу. Такъ для того, чтобы „возстановить охоту дворянъ къ обученію на своемъ коштѣ дѣтей своихъ“ [1]), дворянскіе избиратели Псковскаго уѣзда—„всеподданнѣйше просили, не повелѣно ли будетъ вступающихъ въ настоящую службу Ея Императорскаго Величества экзаменовать съ выпускными изъ корпусовъ, обучившимися на казенномъ содержаніи, и кои окажутся въ наукахъ съ тѣми равные таковыхъ награждать офицерскими чинами, противъ выпускныхъ изъ училищъ“ [2]).

Почти буквально ту же мысль проводятъ въ своемъ наказѣ и Опочецкіе дворяне [3]). Точку зрѣнія дворянъ этихъ обоихъ уѣздовъ раздѣляла и Герольдмейстерская контора—это высшее правительственное учрежденіе, вѣдавшее со времени Петра Великаго всѣхъ служилыхъ людей въ государствѣ. „Для поощренія къ полезнымъ наукамъ молодыхъ дворянъ и прочихъ всякаго чина, исключая крѣпостныхъ“, читаемъ мы въ ея наказѣ—„не благоволено ли будетъ сдѣлать такое положеніе, чтобъ, если кто,

---

[1]) и [2]) Ibid., т. 14, стр. 400.

[3]) Приводимъ полностью соотвѣтствующее мѣсто изъ наказа дворянъ Опочецкаго уѣзда: „дабы отнынѣ каждый дворянинъ, обученный россійской грамотѣ, хорошо читать и писать, тако-жъ ариѳметикѣ, геометріи и нѣсколько россійской географіи, вступалъ въ службу прямо въ оберъ-офицеры; тѣ же дворяне, кои обучены будутъ на своемъ коштѣ разнымъ чужестраннымъ языкамъ и экзерциціямъ, дабы при вступленіи на службу награждались по знаніямъ и наукамъ подпоруческими и поруческими чинами; все же справедливѣй экзаменовать дворянъ вмѣстѣ съ выпускаемыми изъ кадетскаго корпуса кадетами и равныхъ съ оными знаніемъ и достоинствами по крайней мѣрѣ равными же награждать чинами; по надлежащему же обучившіеся дворяне на своемъ коштѣ и истратившіе на то великое иждивеніе имѣть могутъ претензію преимуществовать предъ обучившимися на казенномъ содержаніи“. Ibid. т. 14, стр. 275.

а особливо изъ дворянъ, собственнымъ своимъ иждивенiемъ обучится иностраннымъ языкамъ и прочимъ нужнымъ и полезнымъ для общества наукамъ, таковыхъ въ тѣхъ наукахъ свидѣтельствовать, гдѣ надлежитъ, и, когда явятся, что подлинно въ какомъ-либо родѣ наукъ успѣли, опредѣлять ихъ въ службу по желанiямъ, давая имъ за обученiе собственнымъ своимъ иждивенiемъ полезныхъ наукъ во всѣхъ командахъ, куда способны явиться, чины оберъ-офицеровъ“ [1]).

Если псковскiе и опочецкiе дворяне являлись горячими и убѣжденными сторонниками системы домашняго образованiя, то избиратели другихъ уѣздовъ стояли, наоборотъ, за казенную школу и при томъ обычнаго для XVIII вѣка типа шляхетскаго кадетскаго корпуса. „Чтобы къ Московскому и ближнему внутреннихъ провинцiй дворянству“, читаемъ мы въ наказѣ Московскаго уѣзда, „такая же Высочайшая милость показана была, какая уже въ Санктпетербургѣ дѣйствительные плоды приносить начинаетъ, учрежденiемъ въ здѣшней столицѣ... Кадетскаго корпуса для молодыхъ дворянъ“ [2]). За учрежденiе въ Москвѣ новаго шляхетскаго корпуса, „на основанiи указа 1731 года“, высказался въ своей рѣчи и кашинскiй депутатъ Кожинъ въ 25-омъ засѣданiи большой комиссiи 19 сентября 1767 года, при чемъ онъ аргументировалъ свое предложенiе: 1) тѣмъ, что „хотя въ Петербургскомъ шляхетскомъ корпусѣ по повелѣнiю Императрицы и обучается дворянское юношество отъ самаго молодого возраста, но по множеству въ государствѣ дворянства одного такого учрежденiя недостаточно“ [3]), и 2) тѣмъ, что „недостатокъ порядочныхъ учителей совершенно препятствуетъ давать дома добронравное и приличное дворянскому званiю воспитанiе“ [4]). Это новое привилегированное учебное заведенiе должно было являться оплотомъ строгой сословности и въ него, по предложенiю Кожина, „слѣдовало принимать дворянскихъ дѣтей не иначе, какъ по свидѣтельству герольдiи“. „А ежели кто какимъ-нибудь случаемъ“, говорилъ онъ въ своей рѣчи—„и будетъ опредѣленъ въ корпусъ, но окажется не имѣющимъ [5]) дворянскаго достоинства, то его оттуда немедленно исключать“. Этой мѣрой Кожинъ клалъ рѣзкую грань между благородствомъ и подлостью. Поборниками закрытаго дворянскаго

[1]) Ibid., т. 43, стр. 142—143.
[2]) Ibid., т. 4, стр. 231.
[3]) Ibid., т. 4, стр. 172.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid., т. 4, стр. 172—173.

учебнаго заведенія типа шляхетскаго корпуса оказались дворяне и Малороссійскихъ уѣздовъ. „Не меньше того полезно быть имѣетъ здѣшнему шляхетству“, читаемъ въ наказѣ Переяславскаго шляхетства—„ежели Ея Императорское Величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ шляхетскій“ [1]). О томъ же пространно проситъ въ своемъ наказѣ и Черниговское шляхетство, которое полагаетъ, что во вновь учрежденномъ корпусѣ „малороссійскимъ дворянамъ, какъ нужное для утвержденія ихъ въ добронравіи воспитаніе, такъ и ученіе всему тому, что благородному человѣку въ военной и статской службахъ и сообществѣ гражданскомъ полезно быть можетъ, дано было“ [2]). При этомъ весьма цвѣтистымъ и велерѣчивымъ языкомъ составители черниговскаго наказа стараются аргументировать цѣлесообразность учрежденія сословнаго учебнаго заведенія „для просвѣщенія нравовъ народныхъ, искорененія невѣжества и въ разсужденіи того, что безъ добраго воспитанія нельзя быть искуснымъ и храбрымъ военноначальникомъ, мудрымъ государственнымъ служителемъ, справедливымъ судьею гражданамъ общества“ [3]).

Но на-ряду съ сословными школами полувоеннаго типа дворянской массѣ середины XVIII вѣка не чужда была мысль о школѣ общеобразовательной, которая являлась бы ступенью къ полученію высшаго образованія. Такъ, напр., Ахтырскіе дворяне просили о томъ, чтобы „повелѣно было изъ здѣшняго дворянства принимать дѣтей въ Харьковскій коллегіумъ, какъ къ приведенію наукъ, такъ и къ воинской потребности способными“ [4]). Этотъ коллегіумъ былъ полудуховнымъ, полусвѣтскимъ учебнымъ заведеніемъ, который, по словамъ проф. Д. И. Багалѣя, „и по программѣ, и по составу учащихся представлялъ изъ себя тогда все сословное учебное заведеніе, образцово поставленное и пользовавшееся симпатіями всего общества“ [5]).

Объ общеобразовательной школѣ высказаны были заботы и въ другой русской окраинѣ—въ Прибалтійскомъ краѣ. Такъ дворянство и рыцарство Эстницкаго уѣзда въ Лифляндіи просило о возстановленіи „бывшей въ Лифляндіи въ шведскія вре-

---

[1]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 40.
[2]) Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., стр. 14.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., т. 68, стр. 257.
[5]) Д. И. Багалѣй: „Очерки изъ Русской Исторіи“, т. II, стр. 158.

мена академіи или сначала общему юношеству почти еще полезнѣйшей гимназіи" [1]).

Если подобнаго рода желанія высказывались дворянами юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, гдѣ сильно было вліяніе иноземной культуры, то въ этомъ почти нѣтъ ничего удивительнаго. Но когда о томъ же говоритъ дворянство одного изъ центральныхъ уѣздовъ, принадлежащаго къ старому Замосковному краю, то это въ нашихъ глазахъ можетъ служить признакомъ значительнаго культурнаго развитія мѣстнаго провинціальнаго общества.

Очевидно, потребность въ образованіи въ такихъ уѣздахъ уже довольно сильно начала сказываться ко времени созыва законодательной комиссіи. Вотъ съ какимъ проектомъ, напр., выступили Тульскіе дворяне. Въ каждомъ, или по крайней мѣрѣ, провинціальномъ городѣ учредить небольшія гимназіи, къ чему надлежащее число, а именно одного профессора и двухъ ему помощниковъ... опредѣлить... черезъ что возрастающее и умножающееся юношество подъ высокимъ покровительствомъ безъ всякаго отягощенія своихъ отцевъ и матерей, избѣгая при томъ излишняго убытка свободно не токмо въ посредственныя науки войти могутъ, но и къ дальнѣйшему изъ оныхъ окончанію въ Императорскомъ Университетѣ и Академіи способными учинятся" [2]).

Поборникомъ общаго образованія для провинціальнаго дворянства въ самой комиссіи явился извѣстный кн. М. М. Щербатовъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ убѣдительно доказывалъ необходимость заведенія въ Сибири школъ „нужнѣйшихъ наукъ", при чемъ „тѣхъ изъ обучающихся въ сихъ школахъ, которые покажутъ отличное прилежаніе и подадутъ надежду, что могутъ быть способны къ высшему образованію, по ихъ желанію и съ позволенія родителей ихъ", онъ предлагалъ—присылать въ Академію Наукъ и Университетъ для окончанія наукъ" [3]). То, что было уже предпринято правительствомъ въ дѣлѣ болѣе правильной постановки народнаго образованія въ странѣ, находило себѣ живой откликъ въ сердцахъ провинціальнаго дворянства. Во многихъ наказахъ мы читаемъ цѣлые панегирики Императрицѣ Екатеринѣ за ея заботы о школѣ и просвѣщеніи. „Всему свѣту извѣстно, сколь великое Ея Импе-

---

[1]) Ibid., т. 68, стр. 72.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 405.
[3]) Ibid., т. 4, стр. 172.

раторскаго Величества и неусыпное попеченіе о просвѣщеніи российскаго юношества черезъ обученіе въ свободныхъ наукахъ“ [1]), заявляетъ въ своемъ наказѣ Глуховское шляхетство. Въ еще болѣе высокопарныхъ выраженіяхъ выясняютъ свое отношеніе къ школьной политикѣ Екатерины II Тульскіе дворяне: „Изъ всѣхъ, выдаваемыхъ въ народъ отъ Ея Императорскаго Величества съ самаго восшествія на Всероссійскій престолъ, всемилостивѣйшихъ указовъ и высочайшихъ материнскихъ намѣреній“, говорятъ они въ заключительной части своего наказа— „мы, вѣрноподданные рабы, усматривать должны, до коеликой степени простираются Ея Императорскаго Величества высочайшія намѣренія о возстановленіи правосудія, не меньше же и наукъ, принадлежащихъ не токмо къ благородному шляхетству, но и простирающіеся до всѣхъ разночинцевъ, учрежденіемъ разныхъ училищъ въ первопрестольныхъ городахъ Санктпетербургѣ и Москвѣ“ [2]).

Нѣкоторые наиболѣе экспансивные представители дворянскаго сословія рисовали себѣ самую радужную перспективу благодѣтельныхъ послѣдствій благотворныхъ заботъ правительства въ дѣлѣ народнаго образованія. „А по городамъ вездѣ будутъ гимназіи на собственномъ содержаніи дворянскомъ“, восклицаютъ не безъ паѳоса Псковскіе дворяне—„каждый охотно, не жалѣя иждивенія, обучать будетъ дѣтей; и всѣ мѣста военныя и статскія наполнятся хорошими и просвѣщенными людьми; въ Россіи жъ вездѣ науки черезъ короткое время размножатся по примѣру знатнѣйшихъ городовъ“ [3]). Какъ во всѣхъ вообще панегирикахъ и диѳирамбахъ, въ этихъ словахъ была значительная доля преувеличенія, но все-же нельзя отрицать благотворнаго вліянія казенной школы на дворянскую молодежь того времени. Наказы 1767 года иногда прямо отмѣчаютъ тѣсную связь между насажденіемъ новыхъ школъ и повышеніемъ нравственнаго уровня русскаго общества XVIII вѣка.

Вотъ, напр., какъ констатируютъ вліяніе школы на жизнь дворяне Сумскаго уѣзда: „какъ во многихъ, состоящихъ подъ высокою державою Ея Императорскаго Величества, городѣхъ учреждены воспитываемыхъ дворянствомъ и протчего званія дѣтямъ училища, отъ которыхъ и немалой плодъ отечеству приносится, а невѣжды и развращенные нравы, суевѣрія, рас-

[1]) Наказы Малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Изд. Кіевской Старины. Кіевъ 1889 г. стр. 6.

[2]) Ibid., т. 4, стр. 405.

[3]) Ibid., т. 14, стр. 401.

колы и протчее тому подобное совсѣмъ къ сожитію благонравнаго народа непотребное истребляетца“ [1]).

Въ виду преобладанія натурально-хозяйственныхъ отношеній въ экономической жизни страны русскій городъ XVIII вѣка не былъ сколько-нибудь крупнымъ торговопромышленнымъ центромъ и все его значеніе, можно сказать, исчерпывалось чисто административными функціями. По своему образу жизни и хозяйственнымъ занятіямъ городское населеніе мало чѣмъ отличалось отъ деревенской крестьянской массы. Однако, все-же въ нѣкоторыхъ городскихъ населенныхъ пунктахъ, благодаря природнымъ и историческимъ условіямъ, въ XVIII вѣкѣ уже можно наблюдать слабыя завязи торговыхъ и промышленныхъ отношеній. Кое-гдѣ, благодаря строго покровительственной системѣ, положенной въ основу нашей экономической политики со времени Петра Великаго, города начинаютъ пріобрѣтать индустріальный отпечатокъ. Въ столицахъ же, а также въ пограничныхъ и приморскихъ городахъ можно наблюдать довольно значительные успѣхи во внутренней и внѣшней торговлѣ. Благодаря этимъ новымъ явленіямъ, среди городскихъ обывателей къ началу царствованія Екатерины II стала наблюдаться нѣкоторая корпоративная сплоченность и обнаруживаться стремленіе въ той или иной степени отмежеваться отъ другихъ сословій.

А разъ въ сознаніи городского населенія элементы сословной организаціи стали находить себѣ мѣсто, то вполнѣ естественно, что и въ школьномъ дѣлѣ эта точка зрѣнія начала превалировать. „А тѣмъ школамъ и сиропитательнымъ домамъ быть только жъ для одного купечества, а не для какого другого званія людей и состоять въ вѣдомствѣ магистрата“ [2]), говорятъ, напр., въ своемъ наказѣ городскіе избиратели Соликамска. Жители г. Ряжска высказываются почти въ томъ же смыслѣ: „и быть имъ (школамъ и учителямъ) на казенномъ иждивеніи въ вѣдомствѣ однихъ только магистратовъ, другимъ же никакимъ правительствамъ и званія людямъ въ нихъ никакой власти не имѣть“ [3]).

Отстаивая школу сословнаго типа, нѣкоторые наиболѣе культурные элементы городского населенія подымались до высоты сознанія цѣнности и полезности образованія вообще. Такъ, напр., во время обсужденія въ комиссіи законовъ о купечествѣ, когда

---

[1]) Ibid., т. 68, стр. 276.
[2]) Ibid., т. 107, стр. 537.
[3]) Ibid. 144 т. стр. 251.

пренія коснулись вопроса о нерадѣніи приказчиковъ и даже прямого обмана съ ихъ стороны, депутатъ г. Симбирска, Ларіоновъ въ пространной рѣчи вскрылъ основныя причины той атмосферы лжи и обмана, которая царила въ торговопромышленной средѣ. „Все это", говорилъ онъ въ 100-мъ засѣданіи 19-го марта 1768 года—„происходитъ отъ невѣжества и неученія". И онъ горячо и убѣдительно доказывалъ въ своей рѣчи „какъ необходимо быть у купечества училищу" и „какое великое дѣло, чтобы купеческія дѣти были ученыя". Правильность своей точки зрѣнія онъ отстаивалъ тѣмъ соображеніемъ, что „отъ пяти до пятнадцати лѣтъ" дѣти изъ купеческой среды „имѣютъ праздное время, которое наиболѣе проводятъ въ играхъ, тогда какъ, будучи въ училищѣ, они могли бы пріобрѣсти себѣ много пользы" [1]). Заботы объ организаціи этихъ купеческихъ школъ слѣдуетъ возложить на города. Вотъ, напр., съ какимъ предложеніемъ выступилъ 28-го сентября 1767 года въ 30-мъ засѣданіи депутатъ Любимскаго дворянства, Толмачевъ: каждый городъ „по числу своихъ гражданъ и по способности мѣста" долженъ принять на себя „обязанность обучать своихъ обывателей разнымъ мастерствамъ" [2]). Находиться же эти школы должны были въ вѣдѣніи магистратовъ и ратушъ, какъ органовъ сословнаго управленія [3]).

Системѣ обученія составители нѣкоторыхъ городскихъ наказовъ стремились придать принудительный характеръ, „чтобъ ни одинъ купеческой и цеховой сынъ, неумѣющій грамотѣ, не былъ и по міру не ходилъ" [4]), какъ говорятъ въ своемъ наказѣ жители города Вязьмы. Но особенно обстоятельно аргументируютъ свою точку зрѣнія на обязательное обученіе городскихъ дѣтей избиратели города Вологды. Чтобы „бѣдныхъ купецкихъ малолѣтнихъ сиротъ", заявляютъ они въ своемъ наказѣ, ...„по общему магистрата съ купечествомъ разсмотрѣнію, по благопристойности, кто къ чему будетъ и способенъ, обучать, хоша и не по ихъ желанію, но по истинному объ ихъ испопеченію, кто къ чему способенъ разсмотрѣнію, на возможномъ хлѣбомъ и платьемъ удовольствіи, отъ коликихъ и до каковыхъ лѣтъ" [5]). Съ наиболѣе суровыми мѣрами по данному вопросу выступаютъ составители Архангелогородскаго наказа: „предписать всѣмъ

[1]) Ibid., т. 14, стр. 201.
[2]) Ibid., т. VIII, стр. 35.
[3]) Наказъ отъ жителей гор. Архангельска. Ibid., т. 123, стр. 48.
[4]) Наказъ отъ жителей гор. Вязьмы. Ibid., т. 134, стр. 105.
[5]) Ibid., т. 134, стр. 105.

гражданамъ", строго и рѣшительно говорятъ они—„чтобъ они дѣтей своихъ обоего пола безъ всякаго изъятія подъ чувствительными штрафами россійской грамотѣ и катехизма учили бы" [1]). Ряжское купечество является сторонникомъ еще болѣе крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Называя школьное ученіе „нужнымъ и благоугоднымъ дѣломъ, которое человѣка совершеннымъ и государству полезнымъ дѣлаетъ", оно предлагаетъ тѣхъ родителей, которые будутъ „отъ онаго дѣтей своихъ укрывать и въ школы не отдавать, штрафовать на содержаніе сихъ школъ, да сверхъ того, который изъ сихъ дѣтей, согласясь потачкѣ отца своего и матери, съ школы сойдетъ безъ воли и отпуску главнаго учителя, тому, въ силу 1714 г. именного указа, запретить жениться" [2]).

Что же касается до самой организаціи учебныхъ заведеній для дѣтей купеческаго сословія, то она городскимъ избирателямъ и депутатамъ 1767 года рисовалась въ слѣдующихъ очертаніяхъ. Такъ, во время обсужденія законовъ о купечествѣ въ общемъ собраніи большой комиссіи выступилъ депутатъ Любимскаго дворянства, Толмачевъ, который, ссылаясь на 377 ст. Наказа, полагалъ, что „должно учредить для мѣщанъ училище, въ которомъ обучать русской грамотѣ и изъясненію государственныхъ законовъ... въ большихъ же городахъ учредить высшія училища, въ которыхъ сверхъ вышеписаннаго обучать нѣмецкому и англійскому языкамъ и мореплаванію" [3]). За школы двоякаго типа—элементарнаго и повышеннаго характера—высказываются и жители города Архангельска.

„Учредить малыя школы", предлагаютъ они въ своемъ обширномъ наказѣ—„для которыхъ государственнымъ закономъ повелѣно-бъ было, кому надлежитъ сочинить и издать въ печать, съ размѣромъ дѣтскому разумѣнію, катехизма, единственно на словѣ Божьемъ утверждающагося, и для изъясненія онаго издать краткія священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта исторіи изъ лучшаго въ семъ родѣ авторовъ, и таковыми книгами снабдить оныя школы" [4]). Эти элементарныя школы предназначались для дѣтей обезпеченныхъ слоевъ городского населенія; „для бѣдныхъ же городскихъ дѣтей архангелогородскій наказъ предлагалъ учредить особливую школу, гдѣ бы они могли безъ платы обучаться" [5]). Но для такого крупнаго торговаго пункта,

---

[1]) Ibid., т. 123, стр. 431.
[2]) Ibid., т. 123, стр. 480; ibid. 144, стр. 251.
[3]) Ibid., т. 8, стр. 36.
[4]) и [5]) Ibid., т. 123, стр. 480.

какимъ былъ г. Архангельскъ, конечно, такихъ школъ было недостаточно. Онъ нуждался въ хорошо поставленныхъ коммерческихъ училищахъ; вотъ почему объ открытіи подобнаго рода учебныхъ заведеній онъ и возбуждаетъ ходатайство въ своемъ наказѣ: „учредить для купецкихъ людей и для способныхъ изъ бѣдности большую школу“, читаемъ мы въ немъ—„во оной обучать дѣтей по желанію отцовъ, которымъ однако-жъ оное желаніе вперять магистратъ обязанъ, тѣмъ ученіямъ и языкамъ, въ которыхъ купечество нужду чувствуетъ“ [1]). Конечно, и въ другихъ городахъ съ развитой торговой дѣятельностью потребность въ хорошей постановкѣ коммерческаго образованія ощущалась довольно остро и настоятельно.

„Здѣшнее купечество, прибѣгая къ несомнѣнной надеждѣ и неизреченной щедротѣ Ея Императорскаго Величества“, говорятъ въ своемъ наказѣ москвичи—„всеподданнѣйше проситъ, чтобъ высочайше повелѣно было здѣсь учредить училища, гдѣ не токмо достаточныхъ купцовъ дѣти на иждивеніи отцовъ своихъ и матерей, но и малолѣтнія сироты на содержаніи всего здѣшняго купечества разнымъ языкамъ, бухгалтерству и прочимъ купечеству необходимымъ наукамъ и званіямъ обучаемы были“ [2]). Жители г. Ряжска горячо ратуютъ за то, чтобы магистратамъ „непремѣнно“ предписано было „о воспитаніи дѣтей прилагать всевозможное стараніе, дабы они обучены были сверхъ искуснаго понятія закона и письма, ариѳметикѣ, бухгалтеріи, навигаціи и геометріи, а сверхъ того и о прочихъ принадлежащихъ до коммерціи наукахъ стараться; если жъ кто изъ сихъ дѣтей высокимъ наукамъ непонятенъ окажется, таковыхъ обучать рукомесламъ и художествамъ, кто къ чему склоненъ и охотенъ окажется, дабы никто безъ науки въ праздности не закоснѣлъ“ [3]). Слѣдовательно, ряжскіе городскіе избиратели стремились поднять культурный уровень не только верхнихъ слоевъ городского торговопромышленнаго населенія, но и того ремесленнаго люда, для котораго профессіональная выучка была столь же необходима, какъ для купечества „принадлежащія до коммерціи науки“. Такимъ образомъ горожане, особенно жители наиболѣе крупныхъ торговопромышленныхъ центровъ высказывались за учебныя заведенія профессіональнаго, преимущественно коммерческаго типа.

---

[1]) Ibid. т. 123, стр. 480.
[2]) Ibid., т. 93, стр. 134.
[3]) Ibid. т. 144, стр. 251.

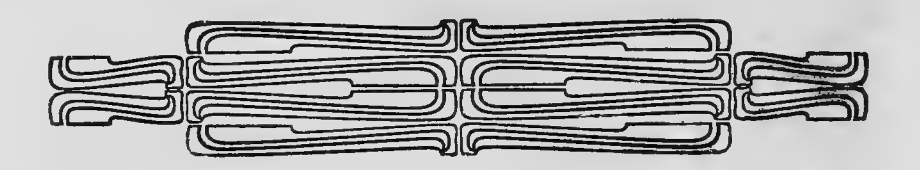
Само правительство стояло почти на той же точкѣ зрѣнія и отстаивало необходимость учрежденія спеціальныхъ учебныхъ заведеній для представителей промышленнаго класса, стараясь придать этимъ школамъ нѣкоторую сословную окраску. Такъ Бергъ-коллегія указывала на настоятельную потребность въ горномъ и плавиленномъ кадетскихъ корпусахъ, „въ которые“, читаемъ мы въ ея наказѣ—„и заводчики дѣтей своихъ, хотя и не могущіе никакою службою быть обязанные, отдавать должны, дабы всякій правящій заводами имѣлъ въ дѣлѣ своемъ надлежащее свѣдѣніе“ [1]. А одинъ изъ правительственныхъ депутатовъ въ комиссіи, Межениновъ, во время обсужденія законовъ о купечествѣ настаивалъ на надлежащей подготовкѣ капитановъ и штурмановъ для нуждъ торговаго мореплаванія. „Для обученія навигаціи“, говорилъ онъ 9-го октября 1768 года—„полезно было бы учредить при адмиралтействѣ штурманскую школу, въ которую принимать дѣтей бѣдныхъ купцовъ, а по обученіи ихъ помѣщать къ тѣмъ русскимъ купцамъ, которые ведутъ съ чужими державами торгъ и отпускаютъ туда свои корабли“ [2]. Стоя на стражѣ внутренней и внѣшней торговли, какъ представитель Коммерцъ-коллегіи, Межениновъ настаивалъ такимъ образомъ на учрежденіи новаго спеціальнаго учебнаго заведенія типа мореходныхъ классовъ.

В. Бочкаревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 201.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 73.



Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

VI [1]).

Характеристика главнѣйшихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. — Дворянство и его значеніе. — Крѣпостное право.—Государственная служба.—Взяточничество.—Распространеніе въ обществѣ критическаго отношенія къ существовавшимъ порядкамъ.—Крымская война.—Смерть Императора Николая Павловича.—Стремленіе къ преобразованіямъ новаго Государя.—Расширеніе торгово-промышленной предпріимчивости. — Образованіе новыхъ акціонерныхъ компаній. — Возникновеніе Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Экономическое положеніе Россіи въ серединѣ 50-хъ годовъ.— Банковскій кризисъ.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному изложенію моей дѣятельности по возвращеніи изъ-за границы, мнѣ бы хотѣлось представить, хотя бы въ главныхъ чертахъ, важнѣйшія стороны общественной и государственной жизни Россіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Руководящую роль въ странѣ играло дворянство; оно пользовалось исключительнымъ правомъ владѣть душами и являлось источникомъ для пополненія состава служилыхъ людей. Дворянство существовало, преимущественно, за счетъ чужого труда. Помѣщику не нужно было денегъ, если онъ жилъ дома, въ Россіи. Его хозяйство было натуральное, все доставлялъ ему крестьянинъ. Деньги требовались или на поѣздки за границу, или на удовлетвореніе какихъ-либо фантазій, напримѣръ, на устройство своей охоты, театра, на обученіе своихъ музыкантовъ, актеровъ и т. п. Впрочемъ, это могли дѣлать только крупные помѣщики. Но по мѣрѣ ихъ разоренія или, какъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1915 г.

говорятъ „оскудѣнія“, явилось мелкое дворянство, которое не имѣло дворовыхъ людей. Я помню лицъ, ежемѣсячно получавшихъ отъ своихъ крѣпостныхъ людей оброка по 3—5 р., бѣдныя женщины приносили своимъ господамъ рубля по четыре въ мѣсяцъ. И все это не считалось безнравственнымъ; таковъ былъ законный способъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни. Во многихъ случаяхъ помѣщики взимали съ крестьянъ только извѣстную сумму оброка, предоставляя своимъ крѣпостнымъ распоряжаться землею, какъ они хотѣли. Другіе помѣщики сами занимались земледѣліемъ; трудъ имъ, конечно, ничего не стоилъ; на нихъ работали ихъ крестьяне. Говорятъ, что бѣдные помѣщики, „оскудѣвшіе“ дворяне жили государственною службою. Но такихъ было меньшинство. Это были лица, получившія нѣкоторое образованіе въ университетахъ или въ гимназіяхъ.

Въ какомъ же положеніи находилась въ то время государственная служба? Каждая должность давала занимавшему ее лицу извѣстный доходъ, кромѣ положеннаго оклада. Напримѣръ, всѣ предсѣдатели казенныхъ палатъ были на содержаніи у откупщиковъ, отъ которыхъ получали также опредѣленное вознагражденіе и губернаторы. Таможенные чиновники вели открытую торговлю за пропускъ товаровъ безъ внесенія пошлинъ. Такіе же соблазны представляла и военная служба: не говоря уже объ интендантствѣ, но даже на должности командировъ полковъ офицеры нерѣдко назначались для поправленія своихъ обстоятельствъ; это было всѣмъ извѣстно. Не лучшіе обычаи существовали въ морскомъ вѣдомствѣ: получавшіяся отъ разныхъ построекъ сбереженія въ казенныхъ суммахъ обращались въ пользу тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, а предъ ревизіями всегда бывали пожары. О томъ, что происходило въ министерствѣ путей сообщенія, и говорить нечего. Водяная коммуникація была цѣлой системой обложенія чиновниками въ свою пользу населенія. Для характеристики господствовавшихъ въ горномъ вѣдомствѣ порядковъ достаточно сказать, что, напримѣръ, начальникъ алтайскихъ заводовъ получалъ казеннаго содержанія вдвое меньше, чѣмъ платилъ гувернанткѣ своихъ дѣтей. Духовенство находилось въ крайнемъ пренебреженіи: цѣлая система безчестныхъ поборовъ царила въ консисторіяхъ; священники брали взятки. Полиція; — я помню, какъ съ полиціей дрались на улицахъ. Полиція безпрекословно исполняла приказанія дворянъ. Всякій дворянинъ могъ съ запискою послать своего двороваго въ поли-

цейскій участокъ для того, чтобы ему дали столько-то ударовъ. Юстиціи въ сущности не было. Судили по письменному производству, обвиняемыхъ не допрашивали, осужденіе зачастую произносили заглазно. Судебныя гражданскія дѣла почти всегда рѣшались за взятки.

Словомъ, вся Россія жила для какой-то отвлеченной идеи государства и для практической идеи—процвѣтанія одного сословія, довольствовавшагося натуральнымъ хозяйствомъ и въ общемъ сравнительно незначительными денежными капиталами. Обманы, кражи, неуваженіе къ чужой собственности — были обычными явленіями. Сбереженій большинство населенія— крестьяне не дѣлали; барину платили столько, сколько нужно было, а если что-либо откладывали, то скрывали за голенищами сапоговъ или зарывали въ землю.

Первое стремленіе крестьянъ направлено было къ полученію воли. Многіе выходцы изъ крестьянскаго сословія посвящали себя торговлѣ. Такимъ образомъ, произошли наши купеческіе роды, распространившіеся за тѣмъ по всей Россіи. Впрочемъ, право выкупа принадлежало помѣщикамъ; нѣкоторые же изъ нихъ ни за что не выпускали своихъ крестьянъ на волю.

Понятно, люди сороковыхъ годовъ не могли мириться съ такимъ положеніемъ вещей; оно противорѣчило начавшемуся проникать въ общество образованію. Въ университетахъ читалось римское право, публичное право иностранныхъ государствъ; лекціи эти не могли не наводить юношей на сравненіе окружавшей ихъ обстановки съ жизнью въ другихъ государствахъ. Нарождавшееся, такимъ образомъ, въ обществѣ критическое отношеніе къ существующей дѣйствительности сильно озабочивало правительство. Въ царствованіе Императора Николая Павловича молодежь вообще избѣгали пускать за границу изъ опасенія, какъ бы она не заразилась вредными идеями. Въ то же время значительно была усилена строгость цензуры, которая даже слова „вольный духъ въ печи“ считала подозрительными и усердно исключала ихъ изъ поваренныхъ книгъ. Но всѣ эти мѣры не могли, конечно, остановить начавшагося умственнаго движенія, и пугавшія правительство мысли постепенно распространялись все шире и шире. Профессора съ каѳедръ университетовъ и лицея продолжали передавать намъ стремленія другихъ народовъ. Иностранныя газеты, хотя иногда и съ зачеркнутыми страницами, но все же пропускались къ намъ и давали возможность почерпать извѣстія о томъ, какъ жилось за границей. Еще въ большей степени способствовали

укрѣпленію у насъ новыхъ идей запрещенныя къ продажѣ иностранныя книги, попадавшія въ руки молодежи при посредствѣ услужливыхъ букинистовъ.

Между тѣмъ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, на политическомъ горизонтѣ стали собираться грозныя для насъ тучи, и, наконецъ, въ вопросѣ о Святой землѣ мы встрѣтили противъ себя почти всю Европу и вызвали Крымскую кампанію. Всѣ говорили тогда, что мы не допустимъ къ себѣ непріятеля, не дозволимъ произвести ему высадку въ Крыму; утверждали, что тамъ нельзя высадить болѣе 10.000 солдатъ. Когда же пришло извѣстіе, что иностранныя войска приближаются, что идетъ Франція, Англія и ведетъ за собою Италію и что они готовы ступить на нашу землю въ Крыму, у насъ было такъ мало войска, что ничего нельзя было предпринять для предотвращенія непріятельскаго вторженія. Первая встрѣча съ непріятелемъ, высадившимъ 40.000 человѣкъ, произошла на рѣкѣ Альмѣ, гдѣ мы потерпѣли пораженіе. При полученіи извѣстія о неудачѣ съ Государемъ случилось нѣчто въ родѣ удара. Разсказывали, что когда посланный съ донесеніемъ Грейгъ явился къ Государю и сообщилъ о встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, Государь спросилъ его: „Ну что?!"—„Мы не имѣли успѣха—отвѣчалъ Грейгъ. Насъ было мало, полки дрогнули и побѣжали".—„Что?! побѣжали... Государь побагровѣлъ, вскочилъ съ кресла и быстрыми шагами направился къ Грейгу, который съ испуга бросился къ дверямъ и, только своевременно выйдя, избѣжалъ проявленій Царскаго гнѣва. Но при этомъ, Грейгъ забылъ свою шляпу въ кабинетѣ Государя. Какъ уйти безъ шляпы? Онъ подождалъ нѣсколько минутъ, думая, что придетъ камердинеръ, какъ вдругъ дверь отворяется и Государь кидаетъ его шляпу.

Государь никакъ не могъ представить себѣ, что войско его можетъ быть разбито. А что это было за войско? Военная служба для крестьянъ считалась своего рода наказаніемъ. Помѣщики сдавали въ солдаты своихъ крѣпостныхъ за ничтожный проступокъ, даже за дурной характеръ. А какъ обращались съ этими солдатами?! Ихъ били въ зубы ефесами шпагъ за малѣйшее неправильное поднятіе ноги. Съ этимъ войскомъ, съ отсталымъ оружіемъ мы встрѣтили непріятеля, начавшаго стрѣлять въ насъ на такомъ разстояніи, на которое не хватали наши пушки и ружья. Весьма естественно мы дрогнули и побѣжали. Государь не пережилъ постигшей Россію военной неудачи. Причину его смерти оффиціально приписывали просту-

дѣ во время смотра какого-то полка, но правильнѣе предполагать, что Государя сломило пережитое имъ нервное потрясеніе. По ходившимъ тогда слухамъ, Государь, передъ смертью, призвалъ къ себѣ Наслѣдника и завѣщалъ ему, между прочимъ, освобожденіе крестьянъ. И въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Императоръ Николай, несмотря на всю энергію свою въ подавленіи свободнаго развитія, былъ человѣкъ прямо идущій къ своей цѣли. Онъ серьезно поднималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но въ его понятіяхъ это не было сочувствіе къ крестьянской несчастной участи, а, главнымъ обзомъ, желаніе нивеллировать всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса побуждали, вѣроятно, также интересы внутренняго спокойствія и общественной безопасности. Надо сказать, что въ послѣдніе годы управленія Императора Николая Павловича повторялись нѣсколько разъ случаи насилій крестьянъ надъ своими помѣщиками.

Но такъ или иначе, вступленіе на престолъ новаго Государя породило собою возбужденіе, ожиданія и напряженіе нравственныхъ силъ въ образованномъ классѣ. Всѣ понимали, что прошла пора насилій, что пришла пора правильнаго, свободнаго развитія.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ заключенія мира, политика совершенно измѣнилась. Всѣмъ извѣстенъ былъ характеръ новаго Государя, доброта его сердца, болѣе либеральное направленіе, внушенное большимъ образованіемъ, чѣмъ было у покойнаго отца. Къ тому же Императоръ Александръ II былъ воспитанникомъ Жуковскаго, человѣка добраго сердца, идеалиста. Симпатіи большинства образованныхъ людей были въ пользу новаго движенія, либеральнаго, и ясно, что при этомъ напряженномъ состояніи общества сами собою намѣтились всѣ наиболѣе жгучіе вопросы русской жизни, какъ-то: освобожденіе крестьянъ, преобразованіе судебной части, поощреніе торговли и промышленности, и сразу явилось стремленіе къ самодѣятельности.

Вліяніе новаго царствованія прежде всего сказалось въ области экономической. До Крымской кампаніи экономическія силы Россіи были слабо развиты: общественная дѣятельность въ этой области едва проявлялась, частныхъ акціонерныхъ компаній почти не существовало. Само государство не имѣло прочнаго внутренняго кредита. Займы на государственныя потребности или заключались у иностранныхъ банковъ или покрывались путемъ позаимствованій необходимыхъ суммъ въ госу-

дарственныхъ кредитныхъ установленіяхъ: въ подчиненномъ министру финансовъ заемномъ банкѣ и въ подвѣдомственныхъ опекунскимъ совѣтамъ сохранныхъ казнахъ. Эти же учрежденія служили источникомъ для пополненія постоянныхъ нашихъ дефицитовъ по росписямъ, достигавшихъ крупныхъ размѣровъ. Бюджеты не распубликовывались, и финансовое положеніе государства оставалось неизвѣстнымъ обществу. Главнѣйшимъ поприщемъ для проявленія частной предпріимчивости были откупа или золотые пріиски, которые тоже давались только привилегированному сословію: дворянамъ и купцамъ первой гильдіи. Всѣ частныя народныя сбереженія сосредоточивались главнымъ образомъ, въ видѣ вкладовъ въ банкахъ заемномъ и коммерческомъ, въ сохранныхъ казнахъ и въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Взамѣнъ денежныхъ вкладовъ названныя кредитныя установленія выдавали билеты, частью именные, частью на предъявителя, которые обращались какъ деньги. Получавшіяся такимъ образомъ средства заемный банкъ, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія раздавали въ долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ— населенныхъ имѣній, фабрикъ, заводовъ, городскихъ домовъ— и, какъ было уже сказано, предоставляли правительству на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ потребностей. Что касается торговаго кредита, то онъ существовалъ въ самыхъ слабыхъ размѣрахъ въ одномъ коммерческомъ банкѣ, гдѣ всѣ вексельныя операціи не превышали 18—20 милліоновъ рублей въ годъ.

Еще болѣе ухудшилось наше экономическое положеніе послѣ войны. Не говоря уже о томъ, что во время войны торговля безспорно должна была сократиться, кромѣ торговли нѣкоторыми вещами для надобностей арміи, призывъ ополченія не могъ обойтись безъ обѣднѣнія дворянъ, которые несли на себѣ непосильныя тяготы по снаряженію ополченцевъ. Помимо того, дворяне дѣлали пожертвованія для нуждъ арміи, при чемъ нѣкоторые предлагали поставить столько-то тысячъ четвертей овса, ржи и т. п. Покойный Государь, принимая пожертвованіе, писалъ: „Но не натурой, а деньгами“. Послѣ крымской кампаніи многія губерніи оказались крайне разоренными. Банки съ своей стороны исчерпали всѣ средства выдачею свободныхъ денегъ казначейству на надобности войны. Понятно поэтому, что вопросъ объ оживленіи торговой и промышленной предпріимчивости сильно озабочивалъ правительство, которое не могло не сознать необходимости въ развитіи частной дѣятель-

ности и, уступая потребностямъ времени, разрѣшало учрежденіе новыхъ компаній на акціонерныхъ началахъ. Такъ появились пароходныя общества на Волгѣ, а потомъ и другія промышленныя предпріятія. На-ряду съ этимъ со стороны иностранцевъ стали поступать весьма обширныя предложенія о постройкахъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича по отношенію къ желѣзнодорожному строительству сдѣлано было очень мало. Въ Европѣ первыя желѣзныя дороги явились въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ; у насъ же до 40-хъ годовъ выстроена была одна только Царскосельская желѣзная дорога. При Императорѣ Николаѣ заявлено было предложеніе о постройкѣ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою лейпцигскими банкирами Дюфуромъ и Гервортомъ. Проектъ представленъ былъ прямо Государю, который препроводилъ его графу Канкрину, требуя его мнѣнія. Канкринъ, разсмотрѣвъ проектъ, написалъ Государю слѣдующее: „Я полагаю, что желѣзныя дороги больше служатъ для сытости людской, льстя ихъ надеждѣ перемѣщаться скорѣе изъ одного города въ другой, но для перевозки товаровъ врядъ ли могутъ быть способны. Впрочемъ, это дѣло новое и требуетъ нѣкотораго опыта для окончательнаго заключенія“. Этотъ проектъ не былъ принятъ. Вскорѣ затѣмъ правительство начало строить на свой счетъ дорогу изъ Петербурга въ Москву. До конца царствованія Императора Николая начата еще была дорога къ границѣ, но такъ какъ средства были очень малы, то ихъ едва хватило на сооруженіе линіи отъ Петербурга до Луги.

Убѣдившись въ важности скорѣйшаго оборудованія страны желѣзнодорожною сѣтью, правительство разрѣшило въ январѣ 1857 года образованіе крупной желѣзнодорожной компаніи, извѣстной подъ именемъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, учредителями котораго являлись: Перейръ, Берингъ, баронъ Штиглицъ и др. Компаніи этой была предоставлена постройка линіи отъ Варшавы до Петербурга, отъ Москвы до Нижняго и отъ Москвы до Севастополя. Для капитала необходимаго на сооруженіе этихъ линій правительство выдало обществу гарантію въ 5%, считая на металлическіе рубли.

Несмотря, однако, на наступившее съ началомъ новаго царствованія нѣкоторое оживленіе въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, наше экономическое и финансовое положеніе во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ оставалось крайне неудовлетворительнымъ. Крымская кампанія была неожидан-

ностью не только для министра финансовъ, но и для самого Государя. Онъ погалалъ, что все кончится дипломатическими сношеніями. Посылка князя Меншикова въ Константинополь показала, что Императоръ не предвидѣлъ войны. Меншикову дана была инструкція относиться высокомѣрно, настойчиво. Но когда выяснилось, что предложенія Россіи не будутъ приняты Турціей и что Франція, Англія и Италія идутъ на насъ, мы оказались безъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Какіе были наши финансовые рессурсы? Обыкновенный бюджетъ былъ съ дефицитомъ, который покрывался изъ банковъ. Для исполненія военныхъ расходовъ удалось заключить только два (5-ый и 6-ой) пятипроцентныхъ займа на общую сумму въ 100 милл. руб. нариц. и выпустить шесть серій билетовъ государственнаго казначейства на сумму въ 18 милл. руб. Затѣмъ, видя недостаточность этихъ средствъ, Брокъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ кредитныхъ билетовъ для удовлетворенія военныхъ нуждъ безъ ограниченія суммъ, по мѣрѣ надобности. Билетовъ этихъ было выпущено свыше 300 милл. руб. въ дополненіе къ 300 милл. руб., которые находились въ обращеніи до начала войны. Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени бумажное денежное обращеніе удвоилось. Правда, Высочайшимъ указомъ о временномъ выпускѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ было, между прочимъ, постановленно: чрезъ три года по заключеніи мира, а если окажется возможнымъ, то и ранѣе, приступить къ постепенному изъятію изъ обращенія временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Обѣщаніе это не было, однако, исполнено, и такимъ образомъ всѣ деньги, внезапно выпущенныя во время войны, сдѣлались, чрезъ нѣкоторое обращеніе среди поставщиковъ, подрядчиковъ и производителей, свободнымъ кипиталомъ и притекли ради выгоднаго помѣщенія къ банкамъ. Слѣдствіемъ этого явилось значительное возрастаніе свободной кассовой наличности банковъ, составлявшей къ серединѣ 1857 года около 150 милл. руб. За невозможностью помѣстить въ ссуды столь крупную сумму для приращенія изъ соотвѣтствующихъ процентовъ, министръ финансовъ Брокъ счелъ необходимымъ сократить притокъ вкладовъ въ кредитныя установленія и провелъ съ этою цѣлью свое предположеніе о пониженіи процентовъ на частные вклады съ 4 до 3, при одновременномъ уменьшеніи процентовъ, взимаемыхъ по ссудамъ, съ 5 до 4. Послѣднею мѣрою достигалось сокращеніе на сумму до 10 милл. руб.

въ ежегодныхъ платежахъ по числившемуся за казною государственнымъ кредитнымъ установленіямъ долгу. Между тѣмъ, какъ было замѣчено выше, въ это время развилась страсть къ предпріятіямъ. Естественно поэтому, что вслѣдъ за пониженіемъ процентовъ явился напоръ на банки: вкладчики начали требовать обратно свои капиталы, предпочитая помѣстить ихъ въ акціи желѣзнодорожныхъ и другихъ предпріятій. Въ теченіе 22 мѣсяцевъ, протекшихъ со времени пониженія процентовъ, изъ банковъ было вынуто вкладовъ на сумму до 143 милл. руб., такъ что кассовая наличность кредитныхъ учрежденій, составлявшая въ іюлѣ 1857 г. свыше 150 милл. руб., понизилась за указанный періодъ до 20 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предстояло въ ближайшемъ будущемъ востребованіе положенныхъ въ банки на временное храненіе капиталовъ акціонерныхъ компаній на сумму до 50 милл. руб. Сверхъ того, могли быть потребованы и другіе остававшіеся въ банкахъ частные вклады, общая сумма коихъ достигала 700 милл. руб. Словомъ, вмѣсто бывшаго въ серединѣ 57 года излишества денежныхъ вкладовъ въ кассахъ банковъ—излишества, вызвавшаго пониженіе процентовъ на вклады, черезъ два года по осуществленіи этой мѣры обнаружилось противоположное явленіе: банки, помѣщавшіе вклады въ долгосрочныя операціи на сроки до 37 лѣтъ, стали испытывать затрудненія въ возвратѣ вкладовъ по востребованію, при чемъ правительство должно было, по необходимости, прибѣгнуть для подкрѣпленія оскудѣвшихъ банковскихъ кассъ къ увеличенію числа бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Изыскивая выходъ изъ этихъ затрудненій, финансовое вѣдомство остановилось на выпускѣ 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ, которые могли пріобрѣтаться за счетъ вкладныхъ билетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Мѣра эта была крайне неудачна по своимъ послѣдствіямъ: публика не охотно обмѣнивала свои вкладные билеты, оплачивавшіеся по предъявленіи, на 4% билеты, такъ какъ правила объ этихъ послѣднихъ билетахъ не устанавливали условія погашенія капитала, а заключали въ себѣ лишь обѣщаніе, что по истеченіи двадцати лѣтъ правительство объявитъ способъ и порядокъ выкупа билетовъ. Къ такого рода займамъ русская публика того времени не привыкла.

Такимъ образомъ въ исходѣ 1858 и въ началѣ 1859 года обнаружились уже всѣ признаки банковскаго кризиса, выдвигавшаго на первую очередь вопросъ о коренномъ преобразованіи дѣйствовавшей тогда банковской системы. Къ скорѣйшему

разрѣшенію этого вопроса побуждала и подготовлявшаяся въ то время крестьянская реформа, съ проведеніемъ которой должны были существенно измѣниться самыя условіи займовъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній.

VII.

Крестьянская реформа.– Редакціонныя комиссіи.—Финансовая комиссія.—Положеніе о выкунѣ.—Измѣненія основаній земельнаго кредита для помѣщиковъ подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Въ 1858 году подготовительныя работы по крестьянской реформѣ были уже въ полномъ ходу: на мѣстахъ занимались этимъ дѣломъ губернскіе комитеты, а въ центрѣ—министерство внутреннихъ дѣлъ, составлявшее предварительныя программы осуществленія задуманнаго Государемъ преобразованія. По поступленіи трудовъ губернскихъ комитетовъ на разсмотрѣніе высшаго правительства признано было необходимымъ созвать для ихъ обсужденія и для начертанія окончательныхъ проектовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, особую комиссію изъ представителей разныхъ оттѣнковъ политической мысли и разныхъ общественныхъ интересовъ. М. Н. Муравьевъ мечталъ быть предсѣдателемъ такой комиссіи. Но, въ то же время, постоянную переписку и разговоры съ государемъ по крестьянскому вопросу велъ, въ совершенно частномъ порядкѣ, Я. И. Ростовцевъ, и послѣднему выпало на долю быть предсѣдателемъ образованныхъ въ началѣ 1859 года такъ называемыхъ редакціонныхъ комиссій. Ему было поручено набрать въ нее членовъ изъ всѣхъ министерствъ, а также изъ всѣхъ кружковъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ крестьянскимъ вопросомъ. Вскорѣ по созывѣ редакціонныхъ комиссій, при нихъ учреждена была особая финансовая комиссія для разсмотрѣнія финансовой стороны крестьянской реформы. М. Н. Муравьевъ, по соглашенію съ Я. И. Ростовцевымъ, отрекомендовалъ меня въ эту комиссію членомъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ первый же мой визитъ къ Ростовцеву, я былъ принятъ имъ весьма ласково и, будучи съ нимъ раньше знакомъ, заявилъ ему, что я очень польщенъ приглашеніемъ въ комиссію, гдѣ будетъ обсуждаться вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, тотъ именно вопросъ, за который я десять лѣтъ тому назадъ былъ судимъ. Ростовцевъ добродушно разсмѣялся и самъ любилъ иногда, во время перерывовъ нашихъ засѣданій или за завтракомъ, тонко напоминать мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ.

Къ числу членовъ финансовой комиссіи принадлежалъ и одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы— Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Слѣдуетъ, однако, сказать, что при всѣхъ своихъ способностяхъ Милютинъ своею предшествующею дѣятельностью не былъ подготовленъ для разрѣшенія важнѣйшаго государственнаго вопроса русской жизни. Получивъ воспитаніе въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ, онъ, ко времени созыва редакціонныхъ комиссій, былъ по преимуществу чиновникъ и, за недостаткомъ образованія, не обладалъ широкимъ кругозоромъ. Государственное значеніе Милютина обнаружилось собственно въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ, завязавъ дружественныя связи съ выдающимися участниками комиссій, онъ успѣлъ образовать вокругъ себя цѣлую партію, а такое умѣніе объединять—первый признакъ человѣка съ государственными способностями. Репутація Милютина какъ государственнаго человѣка еще болѣе утвердилась благодаря послѣдующей кипучей дѣятельности его въ Царствѣ Польскомъ. Но все же отдѣльныя выступленія Милютина въ редакціонныхъ комиссіяхъ не могли не заслуживать порицаніе за свою излишнюю подчасъ рѣзкость по отношенію къ дворянскому сословію. Въ союзѣ съ Позеномъ, княземъ Черкасскимъ и такими демагогами, какъ Константинъ Домонтовичъ и Соловьевъ, онъ любилъ дразнить дворянъ, напрасно усиливая неудовольствіе тѣхъ изъ нихъ, которые были противъ задуманныхъ основаній освобожденія крестьянъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ крестьянской реформы, я коснусь, главнымъ образомъ, выкупной операціи, составлявшей предметъ занятій финансовой комиссіи. Вся система освобожденія крестьянъ была основана яко бы на благородномъ порывѣ дворянъ, заявившихъ о своемъ нежеланіи владѣть душами. Но, предоставляя волю своимъ крестьянамъ, дворяне требовали вознагражденія за ту землю, которую они изъ своего имущества удѣляли крестьянамъ. Когда было рѣшено, что крестьяне должны быть освобождены съ землею, то возникъ вопросъ о совершеніи, при содѣйствіи правительства, огромной кредитной операціи. Лично я стоялъ за выпускъ для этой цѣли заграничнаго займа на всю потребную для выкупа крестьянскихъ надѣловъ сумму, т.-е. въ размѣрѣ около 900 милл. руб. Но другіе члены комиссіи и въ томъ числѣ М. Х. Рейтернъ опасались, что появленіе въ обращеніи такой массы процентныхъ бумагъ убьетъ денежный рынокъ, въ особенности при непривычкѣ вообще Россіи къ крупнымъ кредитнымъ операціямъ.

Указанныя опасенія послужили, между прочимъ, основаніемъ для всяческаго сокращенія на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ выкупныхъ сдѣлокъ. Съ этою цѣлью въ изданное 19 февраля 1861 года Положеніе о выкупѣ включено было правило, по силѣ коего къ выкупу допускались только крестьяне, состоявшіе на оброкѣ; это постановленіе отвѣчало, впрочемъ, также и стремленію правительства какъ можно менѣе затрагивать, при реформѣ, видимые интересы помѣщиковъ, для которыхъ было, конечно, очень нежелательно сразу лишиться дарового крестьянскаго труда въ своихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ. Что же касается крестьянъ, отбывавшихъ барщину или такъ называемую издѣльную повинность, то Положеніе требовало, чтобы предварительно выкупа своихъ надѣловъ крестьяне этой категоріи переходили на оброкъ. Той же цѣли ограниченія выкупной операціи содѣйствовало и предоставленное, по почину главнаго комитета, помѣщикамъ право надѣлять своихъ крестьянъ не полнымъ надѣломъ, а четвертью надѣла, но даромъ. Конечно, эта четверть надѣла не можетъ кормить своихъ владѣльцевъ и является одною изъ причинъ наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неудовлетворительнаго положенія крестьянскаго населенія.

Самая сущность разработанныхъ финансовою комиссіею и одобренной послѣдующими инстанціями выкупной операціи, при содѣйствіи правительства, сводилось къ слѣдующему. Изъ общей суммы причитавшейся помѣщику за отходившую къ крестьянамъ землю выкупной ссуды вычитался банковскій долгъ, переводившійся на крестьянъ и, затѣмъ, если стоимость надѣла была выше означеннаго долга, то превышавшая послѣдній сумма выдавалась помѣщику на руки, главнымъ образомъ, 5%-ными выкупными свидѣтельствами и отчасти 5%-ными банковыми билетами. Установленіемъ выкупныхъ свидѣтельствъ, свободное обращеніе которыхъ связано было съ значительными затрудненіями, имѣлось въ виду воспрепятствовать по возможности давленію вновь выпускаемыхъ бумагъ на денежный рынокъ. По истеченіи первыхъ пяти лѣтъ по выдачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ одна треть ихъ обмѣнивалась на банковые билеты, затѣмъ, по истеченіи слѣдующаго пятилѣтія—другая треть и, наконецъ, въ концѣ третьяго пятилѣтія—вся остальная сумма. Съ допущеніемъ же въ 1862 году къ выкупу крестьянъ, отбывавшихъ издѣльную повинность, по выкупнымъ сдѣлкамъ этихъ крестьянъ взамѣнъ выкупныхъ свидѣтельствъ выдавались особыя письма предсѣдателя главнаго выкупного учрежденія, пре-

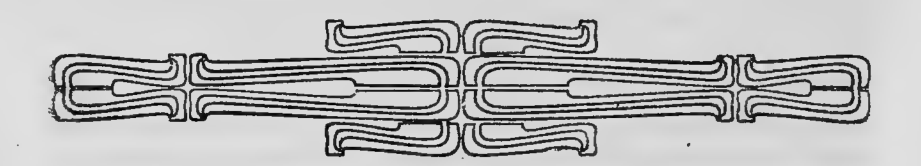
доставлявшія владѣльцу ихъ право на полученіе $5^1/_2$ %-наго непрерывнаго дохода. Уплату роста и погашенія по выпускаемымъ для производства выкупной операціи процентнымъ бумагамъ принимало на себя государство; крестьяне же въ счетъ выданныхъ для выкупа ихъ надѣловъ ссудъ обязаны были въ теченіе 49 лѣтъ вносить въ казну выкупные платежи въ размѣрѣ 6% съ номинальной стоимости соотвѣтствующихъ ссудъ. Такимъ образомъ, крестьянская реформа предоставляла болѣе или менѣе значительныя средства помѣщикамъ, которые, за отводомъ крестьянамъ надѣльной земли, не превышавшимъ въ общемъ одной трети помѣщичьихъ владѣній, съ одной стороны, освобождались отъ своихъ ипотечныхъ долговъ, подлежавшихъ оплатѣ изъ вносимыхъ крестьянами выкупныхъ платежей, а съ другой, получали извѣстную сумму банковыми билетами и другими приносившими опредѣленный доходъ процентными бумагами. Но со всѣмъ тѣмъ крестьянская реформа безспорно произвела коренное измѣненіе въ строѣ сельскаго хозяйства. Трудъ крестьянъ изъ обязательнаго сдѣлался свободнымъ, изъ дарового—подлежащимъ оплатѣ. Раздающіяся до сихъ поръ нападки на великую реформу Императора Александра II со стороны многихъ помѣщиковъ объясняются тѣмъ, что дворянское сословіе, за время существованія крѣпостного права, привыкло къ даровому и обязательному крестьянскому труду, лишившись котораго, оно, при недостаткѣ въ развитіи, неспособно было поставить на правильныя основанія свое хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтенныя многими помѣщиками путемъ реализаціи банковыхъ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ средства были затрачены не на улучшеніе хозяйства, а на поѣздки за границу и разные непроизводительные расходы. Впослѣдствіи, съ открытіемъ общественныхъ и частныхъ земельныхъ банковъ, помѣщики, разумѣется, воспользовались предоставляемымъ имъ этими банками способомъ закладывать земли и снова заключили долги безъ всякихъ соображеній о возможности уплачивать ложившіеся на нихъ проценты. Результатомъ неумѣнія приспособиться къ новымъ условіямъ хозяйства явилось постепенное обѣдненіе помѣщиковъ и постоянныя жалобы ихъ на измѣненіе стараго порядка вещей. Нѣкоторые помѣщики утверждаютъ при этомъ, что и крестьянамъ лучше жилось до освобожденія. Можетъ быть, такой взглядъ отчасти и справедливъ: крестьяне, вслѣдствіе продолжительнаго рабства, могли сдѣлаться негодными гражданами. Не надо, впрочемъ, забывать, что упадку крестьянскаго хозяйства въ слѣдовавшее за реформою время въ извѣст-

ной мѣрѣ способствовало допущенное при освобожденіи сокращеніе площади крестьянскихъ земель. Дѣйствительно, согласно коренному закону крѣпостного права, на каждую крестьянскую душу полагалось 4½ десятинъ земли, а во многихъ случаяхъ крестьяне располагали и большимъ земельнымъ обезпеченіемъ. Полученные же крестьянами, при выкупѣ, надѣлы не превосходили въ среднемъ 3⅓ дес. на душу.

Крестьянская реформа не могла не внести самыхъ серьезныхъ измѣненій въ основанія земельнаго кредита въ Россіи. Размѣры ссудъ, выдававшихся подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій: заемнаго банка, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, опредѣлялись сообразно количеству числившихся въ имѣніяхъ по послѣдней ревизіи крестьянскихъ душъ, при чемъ на каждую крѣпостную душу выдавалось, смотря по губерніямъ, отъ 50 до 80 руб. Если принять во вниманіе, что банки требовали наличія за каждою душею, по крайней мѣрѣ, 4½ дес. удобной земли, то, при переводѣ на землю, размѣръ установленныхъ прежними банками ссудъ составитъ 11—17 руб. за десятину, не считая излишней сверхъ предназначенной для пользованія крестьянъ площади помѣщичьяго имѣнія. Ссуды эти не могутъ, конечно, не показаться скромными по сравненію съ теперешнею стоимостью земли и размѣрами производимыхъ подъ нее земельными банками ссудъ. Само собою, однако, разумѣется, что съ предположенною отмѣною крѣпостного права вся прежняя система выдачи ссудъ по разсчету на души оказывалась уже непримѣнимою и должна была уступить мѣсто иной системѣ, ставящей размѣры ссудъ въ зависимость отъ цѣнности обезпечивающей ихъ земли. Но оцѣнка земель могла совершаться только на мѣстахъ при посредствѣ многочисленныхъ оцѣнщиковъ, которыхъ правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи. Позднѣе, благодаря обществу поземельнаго кредита, такая оцѣнка была произведена почти повсемѣстно и съ большею тщательностью, такъ какъ общество понимало, что чѣмъ строже будетъ оцѣнка, тѣмъ дороже будутъ оплачиваться выпускаемыя имъ для выдачи ипотечныхъ ссудъ облигаціи. Во всякомъ случаѣ, крестьянская реформа побуждала озаботиться измѣненіемъ существовавшихъ тогда основаній производства ссудъ подъ недвижимыя имущества.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).



Императоръ Николай I, какъ носитель идеи франко-русскаго союза.

III [1]).

Недовольство Императора Николая I тѣмъ временемъ росло и не замедлило обнаружиться вполнѣ явственно; циркуляръ отъ 16-го августа отзывалъ изъ Франціи всѣхъ русскихъ подданныхъ и запрещалъ французамъ въѣздъ въ предѣлы Россіи. Указъ отъ 20-го августа запрещалъ французскимъ судамъ появляться въ русскихъ водахъ подъ *трехцвѣтнымъ* флагомъ. Нѣсколько судовъ, показавшихся подъ Кронштадтомъ съ новымъ вымпеломъ, не были впущены въ рейдъ. Наконецъ, 23-го августа, когда Государь вернулся изъ кратковременной поѣздки по Финляндіи, главарь враждебный Франціи партіи въ Россіи, военный министръ графъ *Чернышевъ* явился къ французскому посланнику и завелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ: „Вы знаете, до какой степени его величество недоволенъ тѣмъ, что произошло во Франціи. Онъ рѣшилъ вручить вамъ ваши паспорта и прервать всякія сношенія съ Франціей". — Воинственный *Чернышевъ* совѣтовалъ даже *Бургоэну* не добиваться свиданія съ Императоромъ—до такой-де степени онъ разгнѣванъ! Но французскій дипломатъ не потерялъ присутствія духа; онъ тотчасъ же отправился къ князю *Ливену*, временно исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, который заговорилъ съ нимъ совсѣмъ иначе и подалъ ему надежду на возможность успокоить царя.

Въ 11 часовъ вечера того же дня *Бургоэнъ* былъ принятъ Императоромъ во дворцѣ на Елагиномъ островѣ. Разговоръ былъ продолжителенъ и весьма оживленъ. *Бургоэнъ*, какъ раз-

---

[1]) См. „Русская Старина", февраль 1915 г.

сказываетъ онъ самъ въ своихъ воспоминаніяхъ, началъ съ того, что указалъ на послѣдствія разрыва: нѣтъ сомнѣнія, что весь дипломатическій корпусъ покинетъ Парижъ въ одинъ день съ русскимъ посланникомъ; а тогда Франція неудержимымъ потокомъ снова набросится на Европу, не давъ ей времени приготовиться къ борьбѣ. Императоръ отвѣчалъ на это, что еще не рѣшилъ окончательно, какой держаться политики. *Бургоэнъ* настаивалъ: „если я выйду изъ этого кабинета, не убѣдивъ ваше величество, то начнется война еще болѣе напряженная и кровопролитная, чѣмъ войны временъ революціи и имперіи; и вы, государь, отвѣтите за это передъ Богомъ“.

Николай I выразилъ надежду, что Господь избавитъ его отъ столь тяжкой отвѣтственности, и затѣмъ пообѣщалъ не дѣйствовать поспѣшно. Онъ увѣрялъ *Бургоэна*, что не можетъ дать окончательнаго отвѣта, не снесшись съ другими державами, но что онъ не имѣетъ въ виду объявить Франціи войну.

Тогда посланникъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: полагаетъ ли Императоръ, что его представители въ Парижѣ удержатся отъ оскорбительныхъ выходокъ и намѣренно-демонстративнаго проявленія знаковъ холодности? Дѣло въ томъ, что теперь Франція совершенно оправилась отъ прежняго погрома, духъ націи поднялся, и малѣйшаго повода достаточно, чтобы сдѣлать всякое соглашеніе немыслимымъ. Сверхъ того, прибавилъ *Бургоэнъ*, если Россія приметъ явно угрожающее положеніе по отношенію къ Франціи, то послѣдней придется по неволѣ вступить въ тѣсную связь съ Англіей. Этотъ доводъ подѣйствовалъ видимо сильно на *Николая I*.

— „Имѣйте въ виду, сказалъ Императоръ,—громадную разницу между Россіей и Англіей. Даже когда у васъ происходятъ вещи, для меня огорчительныя, я все же и по-прежнему принимаю близко къ сердцу интересы Франціи. За послѣднее время меня не покидала и тревожила мысль, что нѣкоторыя европейскія державы, завидующія вашимъ завоеваніямъ въ Алжирѣ, попробуютъ воспользоваться настоящими безпорядками, чтобы поспорить съ вами изъ-за этого прекраснаго пріобрѣтенія. Что касается Австріи, то она дрожитъ за свои итальянскія владѣнія; этотъ страхъ и вызываетъ въ ней сожалѣніе о новой революціи во Франціи,—но тутъ и единственная причина ея чисто показного участія: какія бы бѣды ни стряслись надъ вами, она никогда не станетъ грустить. Мы же, наоборотъ, счастливы, когда Франція начинаетъ усиливаться и благоденствовать“.

Благодаря этой продолжительной интимной бесѣдѣ, немедленный разрывъ былъ устраненъ. Бургоэнъ напомнилъ еще Императору, что этотъ послѣднiй приглашалъ нѣсколько недѣль тому назадъ посланника поѣхать вмѣстѣ осмотрѣть войска, расположенныя въ окрестностяхъ Петербурга. Императоръ Николай, не желая брать слово назадъ, замѣтилъ только, что совмѣстная ихъ поѣздка „сильно всѣхъ изумитъ".

На слѣдующiй день члены дипломатическаго корпуса сдѣлали визитъ *Бургоэну*.

— Правда ли, спрашивали они — что вы скоро уѣзжаете изъ Петербурга?

— Да, безъ сомнѣнiя, — отвѣчалъ тотъ не безъ самодовольства, — я ѣду черезъ три дня, но вмѣстѣ съ Императоромъ — осмотрѣть его войска.

Время было выиграно, но, собственно говоря, ни одинъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ. Такъ, напримѣръ, ближайшiй разговоръ Императора съ Бургоэномъ начался фразой:

— „Скажите, нѣтъ ли у васъ новостей отъ вашего правительства, отъ господина *lieutenant général du royaume* (титулъ, принятый первоначально герцогомъ *Орлеанскимъ Луи-Филиппомъ* съ согласiя Карла X. Императоръ *Николай I* сравнительно долгое время не соглашался признать вступившаго, послѣ iюльской революцiи, на престолъ Луи-Филиппа королемъ Францiи, величая его по-прежнему лишь *„генералъ-лейтенантомъ королевства"*). Вѣдь вы ужъ знаете, что я не признаю никакого другого порядка вещей и что этотъ я разсматриваю, какъ единственный, законный, потому что онъ проистекаетъ отъ законной королевской власти... Да, таковъ мой образъ мыслей; принципъ легитимизма—вотъ чѣмъ я буду неуклонно руководствоваться. Никогда, никогда я не соглашусь признать все то, что происходитъ во Францiи.

— Государь, отвѣчалъ *Бургоэнъ*, не слѣдуетъ говорить *никогда*: въ наши дни этого слова нельзя произносить.

Между тѣмъ Императору *Николаю I* со всѣхъ сторонъ совѣтовали придерживаться осторожной политики. *Матусевичъ* изъ Лондона настаивалъ на необходимости признать новое правительство, если не хотятъ поставить Россiю въ совершенно изолированное положенiе и „низвести на степень азiатскаго государства". *Нессельроде* говорилъ въ томъ же духѣ. Но сильна была и партiя войны. Императоръ колебался.

Непрiязненно смотрѣли на воцаренiе *Луи-Филиппа* и въ Берлинѣ, гдѣ воинственный духъ сѣялъ пылкiй фельдмаршалъ

графъ *Дибичъ-Забалканскій*, посланный со спеціальнымъ порученіемъ къ прусскому королю и прозванный въ шутку „самоваромъ", такъ какъ своей короткой, толстой фигурой и кипучимъ темпераментомъ походилъ на эту полезную и пріятную принадлежность въ домашнемъ обиходѣ. Впрочемъ, прусскій король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* былъ въ высшей степени остороженъ и прямо не обѣщалъ примкнуть къ коалиціи противъ Франціи. Австрійская политика, направляемая *Меттернихомъ*, смотрѣла, какъ уже замѣчено, не менѣе косо на новый порядокъ вещей во Франціи. Словомъ, ни одна великая держава не выражала согласія на признаніе *Луи-Филиппа* королемъ, и, судя по общему настроенію, можно было предполагать, что Франціи предстоитъ новая тяжкая борьба съ Европой.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ *Луи-Филиппъ* обнаружилъ большую тактичность и сдержанность. Прежде всего онъ призвалъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ прежняго министра реставраціи, *Моле*. Затѣмъ, сообразивъ съ замѣчательной прозорливостью, что признанія легче всего добиться отъ Австріи, онъ послалъ императору *Францу II* письмо, въ которомъ объяснилъ обстоятельства, заставившія его принять корону. Это письмо было отвезено генераломъ *Бельярдомъ*, весьма ловкимъ дипломатомъ. Австрійскій императоръ отвѣтилъ *Луи-Филиппу* оффиціальнымъ посланіемъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, что Австрія готова признать совершившійся переворотъ, если новый король не поддастся революціоннымъ стремленіямъ и откажется отъ всякой поддержки этимъ идеямъ въ другихъ государствахъ Европы. 4-го сентября генералъ *Бельярдъ* имѣлъ особую аудіенцію у императора Франца II, и въ этотъ же самый день австрійское правительство признало *Луи-Филиппа* королемъ французовъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Англія, поддаваясь общественному голосу, признала также новаго короля. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* заявилъ *Дибичу*, что въ виду признанія Англіей и Австріей новаго государственнаго порядка во Франціи, Пруссія не имѣетъ никакого особаго основанія упорствовать въ своемъ отказѣ, а потому охотно присоединяется къ двумъ поименованнымъ великимъ державамъ. Въ одинъ день съ письмомъ къ австрійскому императору *Луи-Филиппъ* отправилъ анонимное посланіе къ *Николаю I*, съ генераломъ *Аталеномъ*.

Послѣдній повелъ дѣло весьма осторожно и ловко, благодаря чему *Николай I*, узнавъ о рѣшеніи прочихъ державъ, вскорѣ отвѣтилъ *Луи-Филиппу* приблизительно такъ же, какъ и австрій-

скій императоръ. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ 1830 года новое французское правительство добилось признанія всѣхъ европейскихъ державъ. Желая сдѣлать угодное Императору *Николаю*, французскій король послалъ въ Петербургъ своимъ представителемъ герцога *Мортмара*, занимавшаго уже этотъ постъ при Карлѣ X и пользовавшагося тогда особымъ расположеніемъ русскаго Императора.

Съ признаніемъ короля *Луи-Филиппа*, однако, далеко еще не всѣ затрудненія были улажены, и бельгійская революція скоро дала новую пищу негодованію Императора Николая I противъ іюльскаго переворота въ Парижѣ. Переписка Императора съ фельдмаршаломъ *Дибичемъ* служитъ яснымъ доказательствомъ, что до самаго ноября мѣсяца *Николая I* не покидала мысль о вооруженномъ вмѣшательствѣ во франко-бельгійскія дѣла. Царь не только не тушилъ кипучій „самоваръ", но еще поджигалъ его. Но въ это время партія мира нашла себѣ твердую точку опоры какъ разъ въ Пруссіи. Король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* всю свою жизнь не могъ забыть, перенесенныя имъ послѣ несчастной кампаніи 1806 — 7 года, униженія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ отъ безпощадныхъ французскихъ побѣдителей. Онъ сдѣлался съ годами до трусости осторожнымъ и боязливымъ; къ войнѣ же онъ никакого пристрастія не питалъ. Правда, король далъ приказъ сосредоточить 80-тысячную армію на Рейнѣ, но это было сдѣлано подъ давленіемъ изъ Петербурга. Когда онъ сидѣлъ, однажды, въ своей театральной ложѣ вмѣстѣ съ *Дибичемъ*, ему подали депешу Императора *Николая I*, въ которой Пруссія приглашалась принять немедленно участіе въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Австріи противъ Франціи. Прочитавъ депешу, *Фридрихъ-Вильгельмъ III* обратился съ горькой усмѣшкой къ фельдмаршалу *Дибичу* со словами: „Въ Петербургѣ любятъ подавать слишкомъ горячія блюда на столъ, тамъ видимо еще не обожглись. Насъ приглашаютъ любезнымъ, вѣжливымъ жестомъ начать военный контрадансъ, обѣщая въ скоромъ времени присоединиться къ нему. Но Императоръ *Николай* не принимаетъ въ соображеніе, что пока его армія придетъ намъ на помощь, французы порядкомъ таки успѣютъ поколотить насъ на Рейнѣ и дойти даже до Берлина".

Въ бельгійскія дѣла прусскій король рѣшилъ не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что Франція провозгласила принципъ полнаго невмѣшательства и заявила посланнику *Фридриха-Вильгельма III*, что фактъ появленія прусскихъ войскъ на бельгійской территоріи будетъ учтенъ, какъ враждебный по отношенію

къ Франціи поступокъ. Понятно, что послѣ такой угрозы Пруссія старалась не давать Франціи ни малѣйшаго предлога къ нападенію.

Тогда Николай I послалъ въ Австрію графа *Орлова*, который вполнѣ сочувствовалъ воинственнымъ проектамъ *Чернышева*. Оффиціальная миссія *Орлова* заключалась въ томъ, чтобы присутствовать при торжественной коронаціи эрцгерцога *Фердинанда* въ Пресбургѣ [1]), а въ дѣйствительности онъ долженъ былъ вступить въ тайные переговоры съ Меттернихомъ. „Мемуаръ графу Орлову", помѣченный 6-го октября, показываетъ намъ, какой образъ мыслей обнаружился при вѣнскомъ дворѣ подъ вліяніемъ бельгійскихъ дѣлъ и, можетъ быть, начавшагося уже броженія въ Италіи. Указавъ на то, что іюльская революція нашла громкій отзвукъ въ странахъ за предѣлами Франціи, *Меттернихъ* допускаетъ возможность войны между Франціей и ея сосѣдями, которые считаютъ себя обязанными охранять спокойствіе Европы. Во всякомъ случаѣ, говоритъ мемуаръ, три великія континентальныя державы должны подвести итоги своимъ военнымъ силамъ и, какъ можно скорѣе, поставить ихъ на боевую ногу, чтобы въ случаѣ необходимости, имѣть наготовѣ компактную силу, способную поддержать дипломатическія представленія. Вслѣдъ за тѣмъ Меттернихъ протестовалъ противъ *принципа невмѣшательства*.

„Если бы *принципъ невмѣшательства*, говорилъ онъ, служилъ гарантіей того уваженія, которымъ обязаны державы одна по отношенію къ другой, то императоръ австрійскій первый сталъ бы на его сторону. Но за послѣднее время этотъ принципъ часто поддерживалъ не независимость отдѣльныхъ государствъ, а враждебную дипломатію".

Несмотря на *видимую солидарность* Австріи, *Нессельроде* совѣтовалъ Императору *Николаю I* не вмѣшиваться прямо въ бельгійскій вопросъ и предоставить иниціативу въ этомъ дѣлѣ другимъ державамъ, болѣе заинтересованнымъ въ силу хотя-бы своего географическаго положенія.

Николай I сначала не раздѣлялъ взглядовъ своего вице-канцлера. Я думаю вести войну,—отвѣчалъ онъ,—не противъ Бельгіи, а противъ самаго революціоннаго духа, который мало-

---

[1]) О какой торжественной коронаціи въ Пресбургѣ эрцгерцога *Фердинанда* говоритъ Артуръ Дежарденъ, намъ не совсѣмъ ясно. Австрійскій императоръ *Францъ II* былъ еще живъ и пользовался вождѣленнымъ здравіемъ. Быть можетъ, рѣчь идетъ о провозглашеніи эрцгерцога палатиномъ Венгріи? *М. С.*

по-малу и скорѣе, чѣмъ можно было предполагать, станетъ угрожать намъ самимъ, если мы обнаружимъ страхъ передъ нимъ.

13-го октября Императоръ сообщилъ британскому правительству, что онъ готовъ немедленно двинуть 60.000-ное войско, чтобы, при согласіи и поддержкѣ другихъ державъ, возобновить соединеніе Бельгіи съ Голландіей. Въ то же время три континентальныя державы окончательно выработали планъ, по которому предполагалось, что прусскія силы будутъ сосредоточены на Рейнѣ, австрійскія—въ Италіи, а русскія на западныхъ границахъ имперіи. Вѣнскій кабинетъ заявилъ, что имѣетъ наготовѣ 200-тысячную армію, а отъ Россіи ожидаетъ по крайней мѣрѣ 150.000 солдатъ. *Такимъ образомъ война казалась неизбѣжной!*

IV.

Въ этотъ критическій моментъ *Матусевичъ* въ Лондонѣ сдѣлалъ еще одну послѣднюю, отчаянную попытку отвратить Императора *Николая I* отъ разрыва съ Франціей. Онъ написалъ *Нессельроде* частное письмо въ формѣ меморандума, въ которомъ изложилъ съ присущей ему откровенностью и неподдѣльной искренностью свои взгляды на предстоящую авантюру, затѣянную по какому-то фатальному недоразумѣнію и непониманію историческихъ задачъ Россіи. Онъ доказывалъ, что это будетъ война *за отвлеченный принципъ и не принесетъ никакой пользы Россіи*, такъ какъ не дастъ ей ни малѣйшаго территоріальнаго пріобрѣтенія; пораженіе будетъ роковымъ, побѣда—тягостной. „Предположимъ, — писалъ *Матусевичъ* — что наши войска въ Парижѣ: что намъ тогда дѣлать съ Франціей? Подѣлить ее? Изъ-за такого дѣлежа возникнутъ еще двадцать войнъ. Подвергнуть ее вѣчной оккупаціи? Тогда надо будетъ держать въ ней 500-тысячную армію. Наконецъ русскія войска, оставаясь слишкомъ продолжительное время во Франціи, сами могутъ заразиться революціонными идеями“...

На эти соображенія, такъ умѣло подкрѣпленными логическими доводами, возражать было нечего, и, въ концѣ-концовъ, въ Петербургѣ признали политическіе взгляды *Матусевича* „*столь же справедливыми, какъ и глубокими*“. Воинствующая партія *Чернышева*, *Орлова*, *Дибича* и другихъ представителей высшаго столичнаго общества потерпѣла полное пораженіе. Насколько *Матусевичъ* дѣйствовалъ, за все время пребыванія своего въ Лондонѣ, рѣшительно, самостоятельно, рискуя даже своимъ положеніемъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. На рапортѣ *Нессельроде* отъ 18-го октября Императоръ Николай I собственною рукою

надписалъ: „Отступать уже нельзя; вы должны приготовить ноту тремъ державамъ о томъ, что необходимо *поставить революціи барьеръ изъ штыковъ*“. Вслѣдствіе этого русскому посланнику въ Лондонѣ приказано было сообщить герцогу *Веллингтону* о скорой мобилизаціи арміи. Но *Матусевичъ*, зная, что англійское общественное мнѣніе все рѣзче и рѣзче высказывается противъ вооруженнаго вмѣшательства, рѣшилъ подождать съ передачей приказанія изъ Петербурга.

Торійскій кабинетъ держался тогда уже на волоскѣ. И дѣйствительно, скоро герцогу *Веллингтону* пришлось подать въ отставку; его мѣсто занялъ лордъ *Грей*, который относился къ политикѣ вмѣшательства крайне враждебно. На эти-то перемѣны въ англійскомъ правительствѣ и указывалъ *Матусевичъ* въ оправданіе своего непослушанія. Вскорѣ на постъ посла въ Лондонѣ возвратился князь *Ливенъ*, который, не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ *Матусевичъ*, указывалъ на то, что Англія не только не вступитъ въ борьбу съ Франціей, но даже будетъ поддерживать ее противъ континентальныхъ державъ. Понятно, что энергичныя настоянія *Нессельроде, Ливена, Матусевича* и *Поццо-ди-Борго* не могли не оказать вліянія на образъ мыслей Императора *Николай I*. Но этого одного было мало, чтобы сломить его рѣшимость. Къ счастью на помощь нашимъ дипломатамъ пришелъ цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ.

Прежде всего въ поведеніи Австріи *обнаружилась обычная страшная фальшь*. Когда началось броженіе въ Италіи, *Меттернихъ* всецѣло приписалъ это дѣло парижскимъ революціоннымъ комитетамъ. Вѣнскій дворъ, признавая *Луи-Филиппа*, надѣялся, что онъ справится съ революціонной пропагандой, но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Тогда *Меттернихъ* сдѣлалъ русскому послу въ Вѣнѣ, *Татищеву*, неожиданное предложеніе. Допуская, что молодость герцога *Бордоскаго* не дозволяетъ выставить его кандидатомъ на французскій тронъ, *Меттернихъ* напоминалъ, *что существуетъ на свѣтѣ сынъ Наполеона I, герцогъ Рейхштатскій* и заявилъ, что въ Вѣнѣ окончательно рѣшено пустить въ ходъ это средство, если парижскій кабинетъ будетъ протестовать противъ вооруженнаго вмѣшательства Австріи въ итальянскія дѣла. *Татищевъ* сообщилъ немедленно это болѣе чѣмъ странное предложеніе въ Петербургъ. На этотъ разъ *Николай I* вполнѣ согласился съ *Нессельроде*. Онъ заявилъ австрійскому правительству, что вполнѣ раздѣляетъ его взгляды касательно необходимости подавить революціонное броженіе въ Италіи, что готовъ морально и матеріально поддержать Австрію въ этомъ стремле-

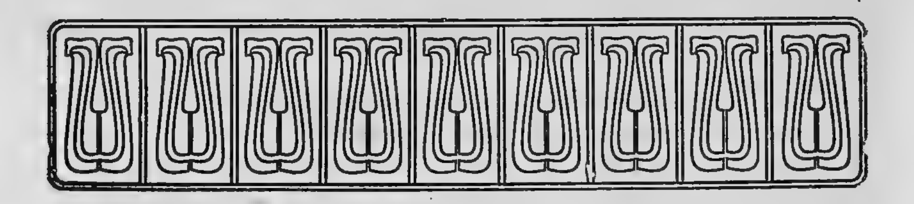
ніи, но въ то же время *отказывался категорически* выставить герцога *Рейхштатскаго* противъ *Луи-Филиппа. Меттерниху* пришлось отказаться отъ хитро задуманнаго проекта наполеоновской реставраціи, но, во всякомъ случаѣ, этотъ инцидентъ значительно охладилъ русско-австрійскія отношенія. Императоръ *Николай I* убѣдился наглядно въ необычайномъ эгоизмѣ Австріи, не брезговавшей никакими средствами при преслѣдованіи своихъ завѣтныхъ цѣлей. Защищая правой рукой идею легитимизма, она безъ малѣйшаго смущенія готова въ то же время сѣять лѣвой рукой революціонную смуту, разъ это сулитъ ей выгоду.

Но главной причиной, отвлекшей вниманіе *Николая I* отъ Франціи и Бельгіи и сдѣлавшей крайне затруднительнымъ вооруженное вмѣшательство въ западно-европейскія дѣла—явилось внезапно и съ необычайной силой вспыхнувшее 17-го ноября 1830 года польское возстаніе, потребовавшее отъ Россіи большого и довольно продолжительнаго напряженія силъ. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, государственно-политическія выгоды, явно проистекавшія изъ союза съ Франціей, взяли окончательный перевѣсъ надъ всѣми другими соображеніями, и Императоръ *Николай I* вполнѣ и искренно примирился съ *Луи-Филиппомъ*. Попытки *Меттерниха* посѣять раздоръ между Россіей и Франціей; его предсказанія о скоромъ паденіи іюльской монархіи, долженствующей уступить мѣсто радикальнѣйшей якобинской республикѣ, встрѣтили холодный отпоръ въ Петербургѣ. Происки вѣнскаго кабинета не находили уже прежней благопріятной для нихъ почвы при русскомъ дворѣ, они имѣли даже отчасти обратное дѣйствіе. Императоръ *Николай I* сталъ все ласковѣе и предупредительнѣе обращаться съ французскимъ посланникомъ, высказывая при этомъ открыто желаніе сблизиться съ Франціей. Онъ разрѣшилъ *Наслѣднику Цесаревичу, Александру Николаевичу* посѣтить Алжиръ и затѣмъ еще одинъ изъ французскихъ военныхъ портовъ. Затѣмъ поддержалъ французскій банкъ въ затруднительный для него моментъ, усердно оказывая помощь французской политикѣ и тѣмъ самымъ становился нерѣдко въ натянутыя отношенія съ лордомъ *Пальмерстономъ*. Дѣло близилось уже къ формальному союзу, когда вспыхнувшая февральская революція снова отодвинула на долгое время франко-русское сближеніе.

Въ историческихъ очеркахъ западно-европейскихъ и многихъ русскихъ писателей проводится основная мысль, что Императоръ *Николай I* смотрѣлъ на всѣ политическіе вопросы съ крайне односторонней и отчасти предвзятой точки зрѣнія.

Его ультра-консервативныя убѣжденія не мирились-де ни съ какими вновь открывающимися горизонтами въ области международныхъ сношеній, разъ предполагаемая новая группировка державъ хоть косвеннымъ образомъ нарушала или игнорировала принципы легитимизма и абсолютистическаго монархизма. Въ подобныхъ сужденіяхъ, укоренившихся даже въ строго научныхъ сочиненіяхъ по исторіи новѣйшаго времени, нѣтъ той объективной правды, безъ которой невозможна какая-либо правильная оцѣнка недавняго прошлаго и характеристика главнѣйшихъ дѣятелей той эпохи, о которой идетъ рѣчь. Интересныя изслѣдованія *Артура Дежардена* объ отношеніи Императора *Николая* къ Франціи вообще, а къ событіямъ польской революціи въ частности, опровергаютъ во многихъ отношеніяхъ большинство ходячихъ историческихъ сплетенъ, которыя не переставали распространять даже спустя полъ-столѣтія послѣ смерти этого безусловно весьма выдающагося по уму и характеру монарха. Что Императоръ *Николай I* всю жизнь мечталъ объ осуществленіи, задуманной еще Александромъ I, мысли на счетъ франко-русскаго союза, объ этомъ свидѣтельствуетъ трудъ *Дежардена* убѣдительнѣйшимъ образомъ. Если же всѣ старанія въ этомъ направленіи не могли привести къ конкретной цѣли, то виноваты были въ этомъ не люди, а обстоятельства, о которыя разбивались, какъ о гранитную скалу, всѣ благія намѣренія и сокровенныя желанія русскаго Самодержца. Если Императоръ *Николай I* отъ событій февральской революціи 1848 года приходилъ прямо въ отчаяніе, то отнюдь не по причинѣ опасенія— какъ объ этомъ стараются увѣрить многіе историки—что мятежъ можетъ переброситься въ Россію, а вслѣдствіе увѣренности относительно невозможнаго дальнѣйшаго пребыванія Россіи и Франціи въ одной и той же политической орбитѣ. Историческіе интересы отходили вопреки здравому смыслу на задній планъ, а политическая интрига выдвигала на первое мѣсто новыя формулы мишурнаго народнаго благополучія, льстя „демократическимъ“ на словахъ, а *демагогическимъ* на дѣлѣ вожделѣніямъ безразсудной толпы. Съ горькой обидой на злосчатную судьбу пришлось Императору *Николаю I* отказаться отъ закрѣпленія своей подписью франко-русскаго союза. Но исторія, повинуясь законамъ тяготѣнія, предоставила правнуку *Николая I* завершить то, о чемъ такъ долго мечталъ державный властелинъ, 30 лѣтъ царствовавшій не только въ Россіи, но и въ Европѣ.

Сообщ. **М. В. Станиславскій.**



Угличское слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія 15 мая 1591 г.

Подъ указаннымъ выше заголовкомъ Императорскій Московскій археологическій институтъ имени Императора Николая II въ концѣ 1913 года издалъ, при редакціи В. К. Клейна, три работы, посвященныя этому дѣлу: 1) точное фототипическое воспроизведеніе подлинника, хранящагося въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, всѣхъ его 54 склеекъ, заключенныхъ въ особую папку; 2) для широкаго и доступнаго распространенія новое (послѣ „собранія грамотъ" и А. С. Суворина) третье печатное изданіе текста и 3) дипломатическое изданіе подлинника.

Такимъ образомъ, къ загадочному и страшному событію, имѣвшему мѣсто болѣе 300 лѣтъ назадъ на крутомъ берегу Волги, время отъ времени возвращаются изслѣдователи, стараясь поднять завѣсу тайны или найти новыя въ ней стороны.

Въ 1907 году въ первой книжкѣ „Чтеній Императорскаго общества и исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ" мною былъ впервые разобранъ подлинникъ слѣдственнаго дѣла, со стороны дипломатики, были приложены два болѣе выдающихся и характерныхъ его снимка, а въ заключеніе выражено пожеланіе „*изданія фототипическимъ способомъ* этого прекраснаго обращика приказной письменности конца XVI вѣка: оно того заслуживаетъ". Кромѣ того къ изслѣдованію мною былъ приложенъ алфавитный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ; на основаніи его сдѣланъ цѣлый рядъ выводовъ, относящихся къ дѣлу.

Поэтому мнѣ крайне грустно было и не за себя, а за молодого автора вышеуказанныхъ трудовъ, что онъ не только не

сказалъ намъ должнаго спасиба за предъуказаніе фототипіи дѣла и за систему алфавита, которую онъ несомнѣнно имѣлъ въ виду при своей работѣ, но что въ предисловіи къ печатному тексту увѣряетъ, что онъ „*впервые* произвелъ дипломатическое изслѣдованіе слѣдственнаго дѣла, непосредственно по хранящемуся въ архивѣ оригиналу“ (III). Если бы г. Клейнъ не зналъ моего изслѣдованія, тогда это объяснялось бы просто, но онъ въ своемъ „дипломатическомъ изслѣдованіи подлинника“, начиная съ 45 стр. предисловія и чуть не до конца продолжаетъ ссылаться на нашъ трудъ, соглашается или отрицаетъ,—тѣмъ страннѣе его увѣреніе о „впервые произведенномъ имъ дипломатическомъ изслѣдованіи“.

Будучи повидимому влюбленъ въ свое лишь изслѣдованіе, авторъ желалъ бы, чтобы „*каждый* письменный памятникъ прежде, чѣмъ перейти въ руки историка, долженъ быть тщательно разсмотрѣнъ и изученъ археографомъ“ (43).

„Приступая *впервые*,—(говоритъ онъ дальше),—къ дипломатическому изслѣдованію дѣла, мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ взгляды историковъ на угличское событіе *и не задаемся цѣлью критиковать* ихъ историческую точку зрѣнія въ вопросѣ о смерти царевича и о роли дѣятелей смутной эпохи“ (XLVI).

Но въ своемъ заключеніи авторъ повидимому забываетъ о заявленномъ безпристрастіи, восклицая: „можемъ ли мы послѣ дипломатическаго изученія слѣдственнаго дѣла согласиться со взглядомъ И. С. Бѣляева на цѣнность изученнаго акта и принять его соображенія“? (98). И дальше: „въ этихъ словахъ (П. В. Голубовскаго) слышится уже не пристрастное отношеніе къ дѣлу, а прямое отрицаніе самаго акта“ (стр. 113).

Наконецъ, въ самомъ главномъ заключеніи, въ томъ „разсмотрѣніи и изученіи археографа“, которое В. К. Клейнъ преподноситъ историку, какъ результатъ своей работы, онъ утверждаетъ дважды *самозакланіе царевича* (стр. 128 и 131) и поэтому, по нашему мнѣнію, вся его большая и кропотливая работа сводится въ ничто. Онъ старается доказать, что слѣдственное дѣло „не даетъ *никакого повода* заподозрѣвать Шуйскаго и его товарищей въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу, а *тѣмъ болѣе* говорить о явныхъ поддѣлкахъ, обнаруживаемыхъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ состояніемъ памятника“ (стр. 130) и ради защиты внѣшняго его вида утверждаетъ, что давно уже забылось отъ Погодина.

Между тѣмъ, кромѣ этого *единственнаго* пристрастнаго свидѣтельства слѣдственнаго дѣла о самозакланіи царевича, ни

одна изъ русскихъ лѣтописей, ни записи современниковъ какъ русскихъ (повѣсть кн. С. И. Шаховского, временникъ Тимофеева, повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго), такъ и иностранныхъ (Беръ, Паерле, Маскевичъ, Масса, Петрей, „дневникъ" Марины Мнишекъ), наконецъ оба крупнѣйшихъ историка Карамзинъ и Соловьевъ ни однимъ словомъ не подтверждаютъ версіи о самозакланіи, а наоборотъ всѣ указываютъ объ убіеніи царевича, всѣ сходятся въ одномъ *этомъ* фактѣ. Одинъ изъ ближайшихъ же современниковъ и въ то же время одинъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ русскихъ писателей Авраамій Палицынъ говоритъ: „Егда же заколенъ бысть той незлобивый агнецъ Дмитрій царевичъ, тогда весь градъ Угличъ возмятеся и емше убійцъ его, смерти предаша".

Ближайшій родственникъ царевича, бывшій во время событія 15 мая 1591 г. въ Угличѣ, Андрей Александровичъ Нагой, въ своей духовной, написанной имъ 19 декабря 1617 года, незадолго до смерти, когда онъ, какъ говорится въ документѣ, „изнемогъ", объясняетъ, что „его, Андрея, животы (т. е. имущество) взяли въ опалѣ на государя, *какъ царевича Димитрія убили*". А во время допросовъ княземъ Шуйскимъ онъ же показалъ, что „царевичъ былъ *зарѣзанъ*, а того онъ не видалъ, кто зарѣзалъ". Такимъ образомъ, и спустя четверть вѣка послѣ событія, помышляя о будущей жизни, этотъ родственникъ царевича повторяетъ прежнее свое показаніе. Если бы онъ въ первый разъ далъ невѣрное, то въ своемъ завѣщаніи онъ могъ бы его исправить. Однако и здѣсь онъ утверждается на прежнемъ показаніи, что царевичъ убитъ, а не закланъ. Въ 1617 г. ничто уже не мѣшало ему сознаться въ своей ошибкѣ, если бы она была: отъ того не пострадали ни святость невиннаго младенца, ни прочность новоизбраннаго царя.

Но авторъ дипломатическаго изслѣдованія „Угличскаго слѣдственнаго дѣла" В. К. Клейнъ дѣлаетъ довольно странную натяжку, чтобы обезцѣнить нашъ документъ—завѣщаніе, онъ даже позволяетъ себѣ отожествить самозакланіе ребенка, явившееся во всякомъ случаѣ не по его винѣ, а скорѣе вслѣдствіе попустительства со стороны надзирателей, съ *самоубійствомъ*. „Вѣдь духовное завѣщаніе (Нагого),—говоритъ онъ,—можетъ потерять всякое *оффиціальное* значеніе, если въ него будутъ внесены субъективные взгляды на *справедливость* правительственныхъ постановленій. Въ 1617 г. нельзя было выразиться о смерти царевича иначе, какъ словомъ убили. Какую оффиціальную цѣнность имѣла бы духовная Нагого, если бы онъ назвалъ въ

ней новопрославленнаго святого *самоубійцею*. Трудно себѣ представить, какъ поплатился бы человѣкъ, а особенно родственникъ Нагихъ за подобныя кощунственныя слова въ XVII вѣкѣ... Цѣлая группа духовныхъ лицъ (свидѣтелей) не станетъ подписываться подъ духовной съ кощунственными, на взглядъ правительства, словами; этого, надѣемся, и И. С. Бѣляевъ не станетъ опровергать" [1]).

Въ этой посылкѣ В. К. Клейнъ старается объяснить постановку вопроса начала XVII вѣка *нынѣшними* юридическими формами, повидимому забывая о той патріархальности, которая существовала тогда, когда завѣщатель составлялъ свою духовную большею частію „вѣчнаго ради покоя и будущихъ благъ наслажденья",—какъ обыкновенно въ нихъ писалось. Тогда подписи завѣщателя и удостовѣренія его свидѣтелями, какъ было въ духовной Нагого и въ сотняхъ другихъ, ей современныхъ, было вполнѣ достаточно для „оффиціальной" ея цѣнности, а крѣпость ея даже, при тогдашнемъ сильномъ родовомъ укладѣ жизни, для потомковъ имѣла громадное значеніе на цѣлыя столѣтія, большее, чѣмъ теперешнія вполнѣ юридическія нотаріальныя завѣщанія, сплошь и рядомъ толкуемыя вкривь и вкось.

Относительно вида смерти святого В. К. Клейнъ едва-ли толкуетъ, какъ православный. Наша церковь совершенно свободно признавала всякій видъ кончины святителя, разъ затѣмъ являлось прославленіе его мощей. Преподобный Прокофій Устюжскій найденъ на четвертый день по его смерти, послѣ какой-то странной снѣжной бури, лежащимъ на голой землѣ, и однако онъ причисленъ къ лику святыхъ. Закланіе царевича при игрѣ въ свайку, при внезапномъ припадкѣ падучей болѣзни, какъ происшедшее не по его волѣ, если бы даже оно такъ и было, все равно не могло бы служить препятствіемъ къ объявленію его мощей, разъ были чудеса.

Было бы, какъ разъ наоборотъ, кощунственно со стороны группы духовныхъ лицъ подписаться подъ завѣщаніемъ А. А. Нагого, если бы онъ написалъ въ немъ, что царевичъ заклался самъ. Въ 1617 г., конечно, вся Россія знала истинную причину смерти ребенка въ Угличѣ 15 мая 1591 г. Какъ могли подписаться свидѣтели подъ такимъ завѣщаніемъ, когда ихъ же современникъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ, Авраамій Палицынъ,

---

[1]) В. К. Клейнъ. Дипломатическое изслѣдованіе Угличскаго слѣдств. дѣла, стр. 108.

говоритъ, что царевичъ зарѣзанъ. Въ бумагѣ близкой къ послѣднему часу человѣка, они на такую ложь не пошли бы, какъ не отважился бы на то, по моему мнѣнію, и завѣщатель, несмотря ни на какое „оффиціальное значеніе документа“, а считая жизнь „въ будущемъ вѣцѣ“ важнѣе временной настоящей.

Исходя изъ этой мысли, въ жизни Годунова мы видимъ новое, полное драматизма, положеніе, на которое до сихъ поръ историками не было обращено вниманія. Пятно на его имени лежитъ не въ соучастіи убійства ребенка, а въ попустительствѣ извращенія факта убійства. Его правительствомъ царю дѣло было представлено такъ, что ребенокъ закололся самъ, а Нагіе и жители Углича возмутились якобы неправильно и убили невинныхъ Битяговскихъ и Волохова. И Нагіе и цѣлыя сотни угличскихъ жителей были за это жестоко наказаны, тогда какъ, какъ мы видѣли по духовной А. А. Нагого, убійство было дѣйствительно произведено, и тогда Нагіе и угличане могли бы быть наказаны лишь за самовольство. Правительство Годунова должно бы имѣть мужество открыть истину, тогда бы многіе не пострадали невинные, но за то само правительство было бы поставлено въ неловкое положеніе. Оно этого не сдѣлало, за вопли несчастныхъ поплатился Годуновъ.

Какія же были тому причины?

Ссылка въ Угличъ царевича Димитрія съ матерью и ея родственниками была, конечно, устроена подъ вліяніемъ Бориса, и безопасность этого двора въ Угличѣ безъ сомнѣнія лежала на правительствѣ Годунова. Слѣдовательно, если бы оно объявило о фактѣ, какъ онъ дѣйствительно случился, т. е. что ребенокъ убитъ, тогда часть вины за это событіе правительство Бориса должно бы принять за себя, но за Годуновымъ стоялъ главнымъ представителемъ власти его зять, мягкосердечный царь Θеодоръ Ивановичъ. Послѣдній, если бы даже и простилъ шурина за происшествіе въ Угличѣ, то все время самъ бы мучился угрызеніями совѣсти за убійство брата, допущенное въ его царствованіе. Конечно, Борисъ зналъ отлично свойства души своего царственнаго зятя и вотъ, повидимому для избавленія его отъ нравственныхъ мученій, онъ измыслилъ такое рѣшеніе угличскаго дѣла, которое стало „*Божьимъ судомъ*“. Передъ такой формулой, выдвигающейся въ дѣлѣ, чтобы повидимому она была замѣтной, долженъ былъ преклониться и смириться царь Θеодоръ Ивановичъ. На слѣдствіе въ Угличъ были посланы близкій Годунову Клешнинъ и такой коварный боя-

ринъ, какъ князь В. И. Шуйскій, чрезвычайно гибкій подъ давленіемъ всякой власти или всякаго факта, какъ видно изъ дальнѣйшей его дѣятельности.

Это извращеніе уголовнаго случая для спокойствія царя было несомнѣнно извѣстно и патріарху Іову, стоявшему во главѣ освященнаго собора, докладывавшаго дѣло Ѳеодору Ивановичу. И всѣ трое, бывшіе главными попустителями извращенія факта и потому виновниками страданій многихъ лицъ, по волѣ какъ бы высшаго верховнаго Судіи, получили тяжкія наказанія, но Шуйскій и Іовъ еще при жизни успѣли отчасти исправить свой грѣхъ: первый всенароднымъ прославленіемъ убіеннаго ребенка, при перенесеніи его мощей въ Москву, а второй—собственнымъ своимъ опроверженіемъ угличскаго факта, прочитаннымъ всенародно въ Успенскомъ соборѣ въ прощальной грамотѣ бывшаго патріарха, гдѣ о кончинѣ ребенка сказано, что онъ „*пріятъ закланіе* неповинно отъ рукъ измѣнниковъ своихъ“ [1]).

Третій виновникъ извращенія угличскаго событія Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ не успѣлъ при жизни ничѣмъ исправить своего попустительства, въ которомъ онъ былъ, вѣроятно, главнымъ виновникомъ. Съ этимъ грѣхомъ, быть можетъ даже не имѣющимъ ничего общаго съ соучастіемъ въ убіеніи ребенка, онъ сошелъ въ могилу, а высшій верховный судъ свершился надъ его семьею, получившею самыя тягчайшія наказанія. Сотни же угличанъ, невинно сосланныхъ, и оставшіеся въ живыхъ Нагіе, послѣ смутнаго времени, молчать уже объ извращеніи угличскаго событія не стали, виновникомъ извращенія и своихъ пережитыхъ страданій они называли, конечно, Годунова, главнаго правителя въ эпоху событія; ихъ разсказы переходили, конечно, изъ устъ въ уста, переходили въ народъ, для котораго уже по этимъ даннымъ было легко перейти къ выводу объ организаціи всего угличскаго убійства Борисомъ, хотя быть можетъ того въ дѣйствительности и не происходило. Но какъ бы ни было, неискупленный грѣхъ Годунова въ явномъ извращеніи угличскаго дѣла былъ несомнѣнно памятенъ въ народѣ еще при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, и вотъ именно это пятно на имени Бориса, а не его гоненія на братьевъ „Никитичей“, забытыя ихъ потомками, послужило вѣроятно причиною, что прахъ его съ семью до сихъ поръ покоится въ бѣдномъ почти погребномъ каменномъ зданіи въ Троицкой

---

[1]) Карамзинъ—„Исторія государства Росс.“, т. XII, примѣч. 108.

Лаврѣ съ надписью: „Усыпальница Годуновыхъ“ [1]), тогда какъ другой дѣятель того же извращенія—Василій Ивановичъ Шуйскій нашелъ себѣ болѣе почетное мѣсто, несмотря даже на то, что онъ скончался не въ Россіи, а невольникомъ въ Польшѣ и для возвращенія его останковъ на родину было приложено не мало хлопотъ.

Не пора ли и въ отношеніи Б. Ѳ. Годунова забыть не искупленный за его смертью грѣхъ и отвести ему болѣе почетную усыпальницу, памятуя, что онъ все-таки достойно заключилъ собою цѣлый рядъ „собирателей“ Руси, предшественниковъ дома Романовыхъ, настолько укрѣпилъ страну, что она съ честью вышла изъ одного изъ величайшихъ испытаній, которое оставило слѣдъ въ нашей исторіи подъ названіемъ смутнаго времени, „разрухи“.

Возвращаясь же къ дипломатическому изслѣдованію г. Клейномъ подлинной рукописи Угличскаго слѣдственнаго дѣла, мы должны прежде всего сказать, что онъ дѣлаетъ такую же ошибку, какъ утвержденіе самозакланія царевича, стараясь во что бы ни стало доказать, что теперешняя спутанность и дефектность дошедшаго до насъ документа произведена „*временемъ* и небрежнымъ обращеніемъ, а никакъ не слѣдственной комиссіей и не московскими царями, какъ утверждаетъ, напримѣръ, И. С. Бѣляевъ [2]). Съ головокружительною быстротою несется г. Клейнъ по полюбившейся ему мысли, гадательно и мечтательно выражаясь: „Можетъ быть выяснится, что „слѣдственное дѣло о смерти царевича Димитрія составлено *вполнѣ добросовѣстно,* что Шуйскій оказался *честнымъ* слѣдователемъ, и вопросъ, какъ умеръ царевичъ Дмитрій, отъ руки ли убійцъ, или отъ своей собственной, въ припадкѣ падучей, можетъ стать передъ нами въ болѣе *простомъ и ясномъ* къ разрѣшенію видѣ“ [3]).

Но стараясь объяснить дефектность подлинника „временемъ“, г. Клейнъ самъ запутывается въ послѣднемъ.

На оборотѣ перваго листика рукописи имѣется надпись: „Дѣло розыскное *чѳ* г. *про убивство* царевича Димитр. Івановича на Угличе, конц. і начала нетъ“. Г. Клейнъ про эту надпись говоритъ, что она „сдѣлана почеркомъ весьма характернымъ *для первой четверти XVIII вѣка* и принадлежитъ перу

---

[1]) Крупному дѣятелю въ нашей исторіи пора бы хотя въ самой лаврѣ уготовить болѣе соотвѣтствующее его высокому положенію помѣщеніе. Это долгъ теперешнихъ поколѣній.

[2]) Дипломатическое изслѣдованіе подлинника, стр. 13.

[3]) Тамъ же, стр. 14.

одного изъ первыхъ архиваріусовъ, должность которыхъ при иностранной коллегіи была учреждена впервые Петромъ Великимъ [1])".

Съ 1700 г., когда введено было новое лѣтосчисленіе не отъ созданія міра, а отъ Рождества Христова, старое лѣтосчисленіе и буквенныя цифры перестали употребляться, такъ что надпись на оборотѣ перваго листика, или склейки, Угличскаго слѣдственнаго дѣла, была сдѣлана не въ первой четверти XVIII столѣтія, а *въ концѣ XVII* и скорѣе, по нашему мнѣнію, основанному на опытѣ, въ семидесятыхъ-восьмидесятыхъ его годахъ.

Надпись совершенно вѣрно поясняетъ существенный вопросъ, что было *убійство* и что въ рукописи *нѣтъ начала и конца*. Первое должно содержать донесеніе къ царю изъ Углича о событіи 15 мая 1591 года, съ указаніемъ, кѣмъ оно сдѣлано, выписка или справка, кто въ Угличѣ находился въ управленіи города, и какіе изъ Москвы были даны ему наказы, распоряженіе Царя объ образованіи слѣдственной комиссіи, наказъ послѣдней. Начало дѣла, вѣроятно, выясняло ту необычайную спѣшность, которая видна въ отъѣздѣ слѣдственной комиссіи къ мѣсту происшествія: отъ Углича до Москвы, даже при тогдашнемъ водяномъ пути, было до 500 верстъ; скача днемъ и ночью, даже конный могъ только въ два дня доставить извѣстіе въ столицу; по крайней мѣрѣ, два же дня нужно было и слѣдственной комиссіи, посланной изъ Москвы, доѣхать до Углича; только при этой спѣшности она могла прибыть сюда 19-го мая 1591 года, т. е. всего *черезъ 4 дня* послѣ событія. Требовалась необыкновенная быстрота какъ для рѣшенія о назначеніи комиссіи, такъ и для выѣзда на слѣдствіе такого важнаго боярина, какимъ являлся князь В. И. Шуйскій. Времени для этого церемоніала было такъ мало, что невольно является предположеніе, что не было ли все приготовлено въ Москвѣ заблаговременно до *событія* въ Угличѣ. Во всякомъ случаѣ, начало Угличскаго слѣдственнаго дѣла должно было, можетъ быть, вполнѣ или отчасти пролить свѣтъ на интересующія насъ стороны, а его *еще въ XVII* вовсе уже *не было при дѣлѣ*; его отсутствіе тѣмъ страннѣе, что по порядку стариннаго дѣлопроизводства начало *столбца* составляло самый его центръ, самую сердцевину, къ нему присоединялись дальнѣйшія части дѣла, дальнѣйшія склейки и вокругъ него сверты-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.

вались. *Чтобы утратить начало,* прежде нужно было развернуть весь столбецъ, вынуть это начало, и тогда уже затерять. Слѣдовательно, еще *до надписи* на слѣдственномъ дѣлѣ XVII вѣка, кто-то его свитокъ развертывалъ, послѣ чего начало—цѣлый рядъ склеекъ были оторваны и утеряны. Отсутствіе начальныхъ склеекъ, рисующихъ обрядную сторону слѣдствія въ первой его стадіи, могло быть выгодно впослѣдствіи только двоимъ лицамъ, игравшимъ крупную роль въ это время: Борису Ѳеодоровичу Годунову и князю Василію Ивановичу Шуйскому; тому и другому при воцареніи для будущаго потомства *и преемниковъ* непріятно было оставлять письменныя свидѣтельства, гдѣ дѣятельность ихъ представлялась болѣе, чѣмъ загадочной; такимъ образомъ, изъятіе начальныхъ склеекъ дѣла, по моему мнѣнію, было сдѣлано въ царствованіе одного изъ нихъ.

Такое же изъятіе, и опять при царствованіи Б. Ѳ. Годунова или В. И. Шуйскаго, было сдѣлано и съ концомъ дѣла, гдѣ по самой меньшей мѣрѣ должны находиться донесенія Дроздова и Жеребцова о высылкѣ въ Москву кормилицы Орины съ мужемъ, вѣдуна Андрюши и, наконецъ, приговоръ о наказаніи виновныхъ, приговоръ, мотивированный, конечно, представлявшій видный документъ какъ для характеристики лица, именемъ царя вершившаго дѣло, такъ и для боярина, производившаго слѣдствіе. Въ концѣ дѣла также могли находиться показанія тѣхъ угличанъ, которые были виновны въ актѣ убійства Битяговскихъ и Волохова; у нихъ, конечно, были свои *имена,* одни изъ нихъ были виновны больше, другіе меньше, слѣдовало доискиваться зачинщиковъ убійства Битяговскихъ и Волохова, а между тѣмъ, въ дѣлѣ такъ и остался совсѣмъ невыясненнымъ вопросъ, *кто же именно* ихъ убилъ и по какому побужденію. Если этихъ показаній не было сдѣлано вообще, то это еще разъ подтверждаетъ мысль о крайне преступномъ веденіи угличскаго слѣдствія кн. В. И. Шуйскимъ, о которомъ говорятъ почти всѣ крупнѣйшіе русскіе историки.

Конечно, трудно сказать, кто изъ нихъ Б. Ѳ. Годуновъ или В. И. Шуйскій изъяли изъ угличскаго слѣдственнаго дѣла начало и конецъ, можетъ быть, одинъ изъ нихъ, или каждый по части, но нужно сказать, что отрывками самыхъ существенныхъ мѣстъ они достигли того, что дѣло въ настоящемъ видѣ представляетъ такое запутанное содержаніе, въ которомъ дѣятельность того и другого представляется крайне затруднительной для пониманія: что они посѣяли и желали, то и получилось.

Кромѣ того, въ подлинной рукописи слѣдственнаго дѣла имѣется цѣлый рядъ неправильно склеенныхъ между собою склеекъ, такихъ, что отвѣтъ на одну помѣщенъ черезъ нѣсколько другихъ, въ дѣлѣ видно *хозяйничанье* расположенія его составныхъ частей въ эпоху, когда лица, его писавшія, были живы, т.-е. подтасовка, сдѣланная въ *концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII* столѣтія. Кромѣ другихъ я укажу, какъ на яркій примѣръ тогдашней подтасовки, на 16 листъ подлинника, состоящій изъ двухъ склеекъ, при чемъ на первой маленькой написано всего 7 строкъ, а на второй все остальное то же показаніе пономаря Огурца; и та и другая склейка, служа продолженіемъ одна другой и будучи написана однимъ и тѣмъ же лицомъ, въ то же же время отличаются другъ отъ друга шириной поля, которое у первой на полвершка шире, чѣмъ у второй, потому что у этой послѣдней текстъ въ свою очередь на полвершка шире первой. Такимъ образомъ, къ нижней части видна ясная *приставка* маленькой первой, хотя и написанной тѣмъ же почеркомъ, но имѣющей болѣе широкую колонну текста; это соединеніе двухъ различныхъ по размѣру текста половинокъ ясно указываетъ, что въ свое время онѣ каждая шли отдѣльно къ своему прямому назначенію, а потомъ ихъ соединили, взявъ быть можетъ отъ одного начало, отъ другого конецъ, а быть можетъ верхнюю половинку прибавили наскоро, не придавая уже тому значенія. Несомнѣнно, что верхняя половинка была подмѣнена, это подтверждается еще тѣмъ, что на ней пономарь названъ Ѳедоромъ, тогда какъ на слѣдующей склейкѣ того же листа онъ дважды именуется Ѳедотомъ. За верхушкою же впереди 16 листа идетъ показаніе Андрея Нагого, говорившаго, что царевича *зарѣзали*. Какъ это показаніе, такъ и допросъ Михаила Нагого, указывавшаго тотъ же мотивъ смерти царевича, были весьма невыгодны для Лжедимитрія перваго, какъ противорѣчившее его спасенію и дававшее, по его мнѣнію, ложное объясненіе Угличскаго событія для потомства. Поэтому я думаю, что при Лжедимитріи, начиная съ верхней склейки 16 листа — показанія Огурца и захватывая, быть можетъ, нѣсколько другихъ склеекъ, въ томъ числѣ и допросъ Андрея Нагого, въ угличскомъ слѣдственномъ дѣлѣ была иная группировка матеріала, еще разъ за тѣмъ редактированная и, вѣроятно, въ послѣдній разъ В. И. Шуйскимъ, по его воцареніи. Я убѣжденъ, что уже къ избранію на царство Михаила Ѳедоровича Романова это дѣло, послѣ перетасовокъ при Годуновѣ, Шуйскомъ и Лжедимитріи, уже представлялось

въ такомъ же дефектномъ видѣ, въ которомъ оно дошло до насъ.

Послѣдній же изслѣдователь рукописи угличскаго дѣла г. Клейнъ всю дефектность этой рукописи старается объяснить предполагаемыми ими дѣйствіями надъ нею архиваріусовъ XVIII вѣка и оставшимся на рукописи водянымъ пятномъ, которое, конечно, отчасти можетъ служить указаніемъ на составъ документа, но только съ того времени, когда появилось на немъ пятно и во всякомъ случаѣ не давая никакихъ доказательствъ къ тому, въ какомъ состояніи находилась рукопись въ началѣ XVII вѣка, когда по нашему мнѣнію въ ней были произведены перетасовки.

Г. Клейнъ, казалось бы, правильно понимаетъ, что „въ Петровское время угличское слѣдственное дѣло уже никому не было нужно", слѣдовательно, надо бы остановиться надъ вопросомъ, кому же оно было *нужно*, и перейти къ лицамъ, въ немъ заинтересованнымъ, къ концу XVI или началу XVII вѣка; онъ, однако, выражаясь его же словами, продолжаетъ „ломать голову надъ измышленіями", относящимися къ Петровскому времени.

Онъ *предполагаетъ*, что рукопись угличскаго слѣдственнаго дѣла была небрежно исправлена архиваріусомъ начала XVIII вѣка (не ранѣе 1720 года, когда по генеральному регламенту учреждена была эта должность); тогда какъ вся дѣятельность архиваріусовъ въ XVIII вѣкѣ состояла не въ исправленіи документовъ, въ особенности столбцовъ, а лишь во внѣшнемъ наблюденіи документовъ и въ заключеніи разбившихся склеекъ одного и того же дѣла въ одну обложку съ общимъ заголовкомъ, безъ склеиванія ихъ по листамъ въ свитки, такъ какъ уже съ начала XVIII столѣтія дѣлопроизводство приняло новую форму—листы подшивались въ тетради, почему и склеиваніе столбцовъ считалось отсталостью и не практиковалось.

Въ архивѣ же министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ угличское слѣдственное дѣло находится на храненіи, мнѣ приходилось слышать, что дѣло это обращено изъ свитка въ тетрадку въ началѣ XIX столѣтія послѣ напечатанія его въ „Собраніи грамотъ и договоровъ"; здѣсь же въ печатномъ текстѣ сдѣлана оговорка, что „дѣло писано *на столбцѣ*", т.-е. что еще и во время его напечатанія оно находилось въ сверткѣ и, слѣдовательно, только послѣ 1819 года оно было обращено въ тетрадку и переплетено. Странно поэтому читать повторное заключеніе г. Клейна, что дѣло было переплетено *въ 1798*

году (стр. 2 и 5) съ указаніемъ, что „документальныхъ свѣдѣній, когда былъ сдѣланъ переплетъ, *не имѣется*“ (стр. 5). Для своего доказательства г. Клейнъ беретъ водяные знаки, но изъ его же разбора этихъ знаковъ, помѣщенныхъ на 4 страницѣ, видно, что ихъ принимать слѣдуетъ *относительно:* въ подлинной рукописи одного и того же угличскаго слѣдственнаго дѣла 1591 года попадаются листики, датируемые по водянымъ знакамъ и 1581 и 1542 года, слѣдовательно, въ одномъ дѣлѣ бумага употреблена съ промежуткомъ почти въ 40 лѣтъ, а мы имѣли документъ, указывавшій, что бумага, привезенная въ Архангельскъ въ началѣ XVII столѣтія, была употреблена въ дѣло лишь въ началѣ XVIII, т. е. ровно черезъ 100 лѣтъ; значитъ, при неимѣніи даты на такой бумагѣ, ошибку для ея опредѣленія по водянымъ знакамъ можно было сдѣлать на цѣлое столѣтіе.

Вообще странное впечатлѣніе оставляютъ многіе выводы „дипломатическаго изслѣдованія“ угличскаго слѣдственнаго дѣла; выводы собственные большею частью критически не провѣрены, тогда какъ для отрицанія чужихъ выводовъ употребляются такіе пріемы, какъ объясненіе ширины колонны текста на 16 склейкѣ „*простымъ* желаніемъ дьяка уширить не въ мѣру сузившіяся строки“ или названіе Ѳедота Ѳедоромъ „*простой*, естественной ошибкой“ (стр. 64 и 65).

Не отрицая въ одномъ мѣстѣ (стр. 69), что среди „начальныхъ *утраченныхъ* листовъ могли быть еще какія-либо свѣдѣнія, такъ какъ до листа съ записью въѣзда слѣдственной комиссіи въ Угличъ остается мѣсто, размѣръ котораго *можетъ* быть *произвольнымъ*, авторъ „дипломатическаго изслѣдованія“ въ то же время говоритъ, что водяныя пятна, находящіяся на *первыхъ 23 склейкахъ* подлинной рукописи угличскаго дѣла, служатъ намъ самымъ безпристрастнымъ и *самымъ вѣрнѣйшимъ* критическимъ матеріаломъ *для провѣрки* внѣшняго состоянія дѣла и выясненія происшедшихъ въ немъ *перемѣнъ за 300 лѣтъ* его существованія“ (стр. 12).

Но г. Клейнъ, ставя такъ вопросъ, говоритъ съ современной намъ точки зрѣнія, съ положенія документа въ настоящее время, забывая старину. Вѣдь даже по его діагнозу, водяныя пятна относятся къ положенію дѣла въ столбцѣ въ теперешнемъ расположеніи его листовъ, т.-е. въ такомъ порядкѣ, гдѣ дѣйствительное начало дѣла о пріѣздѣ Шуйскаго и т. д. является уже верхними листиками столбца. Но при производствѣ самого слѣдствія былъ другой порядокъ, тамъ нынѣшнее

начало было въ самомъ концѣ столбца, въ его центрѣ, а *конецъ* составлялъ *верхнія* склейки столбца, къ которымъ приклеивались всѣ вновь поступавшія бумаги и съ ними столбъ вновь навертывался, увеличиваясь въ діаметрѣ. Такимъ образомъ, *послѣднія склейки* до 63 включительно по настоящему составу дѣла *были верхними*, а на нихъ какъ разъ отсутствуютъ водяныя пятна, слѣдовательно, и вся теорія этихъ послѣднихъ въ отношеніи къ моменту наличности слѣдственнаго дѣла при его веденіи отпадаетъ, а является естественный вопросъ, какъ могло *утратиться* дѣйствительное начало дѣла, находясь въ столбцѣ въ самомъ его центрѣ? Если бы по окончаніи дѣла никто имъ не интересовался, тогда бы и столбецъ никто не раскатывалъ и все начало *цѣликомъ* дошло бы до насъ, могъ бы утратиться конецъ дѣла—его оберточные листы, а середина бы осталась. До водяныхъ пятенъ изъ него изъяли начало, изъяли конецъ, перекатали столбецъ началомъ вверхъ, забыли объ немъ, и тогда онъ можетъ быть подвергся гдѣ-нибудь въ сыромъ мѣстѣ подмочкѣ, получивъ водяныя пятна.

Предположенія другихъ лицъ г. Клейнъ считаетъ или „совершенно неосновательными" или же „не могущими даже подлежать разсмотрѣнію археографа" (т.-е. его), тогда какъ самъ онъ относительно сомнительныхъ случаевъ, нисколько не смущаясь, почти на той же страницѣ (75) говоритъ: „*мы* и высказываемъ *предположеніе*, что обѣ подписи Русина и Нагого были сдѣланы на одномъ листѣ, который вмѣстѣ съ началомъ дѣла нынѣ утраченъ". Немного ранѣе: „рукоприкладство Михаила Нагого, *можно предположить*, находилось на одномъ изъ утраченныхъ листовъ" (стр. 74).

Авторъ „дипломатическаго изслѣдованія" дважды въ примѣчаніяхъ къ тексту угличскаго слѣдственнаго дѣла и къ фототипическимъ снимкамъ утверждаетъ, что напечатанное въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ" названіе (съ листа 41 рукописи) мужика „*бѣлотѣльцемъ*" ошибочное, что слѣдуетъ читать „бѣлозерца", потому что, „сличая начертаніе буквы *рцы* и *земля* съ другими буквами въ этой же челобитной, убѣждаешься, что данное слово слѣдуетъ читать именно „бѣлозерца", а не Бѣлотельца. Писецъ очень нетвердымъ почеркомъ написалъ букву *рцы* въ три штриха, что придало ей форму близкую къ „л" подъ *взметомъ*; букву з, близкую по начертанію съ „т", можно найти во многихъ словахъ челобитной" (стр. 50 и 26). Г. Клейнъ и нѣкогда г. Бѣловъ въ изданіи угличскаго слѣдственнаго дѣла А. С. Суворинымъ, на-

печатавшій также „бѣлозерца“, дѣлаютъ крупную ошибку, извращая чрезвычайно характерное старинное выраженіе въ искусственное. И со стороны палеографической это слово даетъ одинаковое изображеніе его буквъ въ другихъ словахъ того же писца: „т“ хвостатое употреблено только двумя строчками выше въ словѣ: „убити“, а прекрасно написанное „л“ съ *каморою* верхнее выносное оканчиваетъ дважды повторяющееся слово „велѣлъ“, такъ что никакого сомнѣнія нѣтъ, что слово слѣдуетъ читать: „*белотельца*“ (бѣлотѣльца). Въ обычаѣ времени географическое наименованіе было прибавлять только къ служилымъ людямъ и посадскимъ: „бѣлозерецъ или костромичъ сынъ боярскій“, „калужанинъ или чухломецъ посадскій человѣкъ“, а къ крестьянамъ это не примѣнялось. Въ толковомъ словарѣ Даля (вып. 1, стр. 139) разбираемое нами слово объясняется такъ: „ярославцы-красавцы бѣлотельцы“. Въ г. Кашинѣ, Тверской губ. „бѣлотельцами“ называются люди, моющіе посѣтителей въ баняхъ, — столичные „парильщики“. Въ послѣднемъ значеніи несомнѣнно и состоялъ при угличскомъ княжескомъ дворѣ „мужикъ-бѣлотѣлецъ“.

Еще г. Клейнъ очень неудачно вводитъ *архаизмы*, стараясь поставить на видъ, что „не слѣдуетъ смѣшивать названій „столпъ“ и „столбецъ“ (въ архивномъ, конечно, значеніи) и объясняя въ то же время, что *отдѣльные листы* старинныхъ свитковъ, склеивавшіеся другъ къ другу, „носятъ названіе столбцовъ *или сставовъ*“ (стр. 3). Въ послѣднее время довольно точно установилась терминологія, что „столбецъ имѣетъ столько-то листовъ, или *склеекъ*“, это каждому понятно и просто. Г. Клейну понадобились „сставы“. Самое же *названіе* отдѣльныхъ *листовъ* свитковъ „*столбцами*“ въ старину встрѣчалось чрезвычайно рѣдко, было настолько малоупотребительно, что архивисту, имѣющему за собою опытъ, странно даже читать такія выраженія автора „дипломатическаго изслѣдованія“: „*столбцы* (вмѣсто „листы“), *склеенные* когда-то въ *одинъ* длинный *свитокъ* — столпъ, розняты на множество частей“ (стр. 4), или: „число утраченныхъ *столбцовъ* (вмѣсто „склеекъ“) въ началѣ документа (т.-е. „столбца“ — по нашей терминологіи) не поддается опредѣленію“ (стр. 66). „Всего *въ дѣлѣ* имѣется *54 столбца*“ (вмѣсто—„листа“), стр. 6.

Слѣдуя своему методу, что въ угличскомъ актѣ все обстоитъ благополучно, г. Клейнъ склоняется къ мысли, что дѣло можно считать законченнымъ тѣми послѣдними листками, которые дошли до насъ. Но въ предпослѣдней склейкѣ дѣла го-

ворится, что Государь приказалъ угличское дѣло по договору *вершити, а по* тѣхъ *людей*, которые въ дѣлѣ объявилися, велѣлъ Государь *посылати*" (стр. 41). Такимъ образомъ, этотъ указъ касается двухъ частей: вершенія дѣла и посылки за дополнительными свидѣтелями. И если въ слѣдъ за тѣмъ на послѣдней склейкѣ дѣла записаны даже памяти Дроздову и Жеребцову о доставленіи свидѣтелей, то, конечно, и вторая часть, исполненіе—боярскій приговоръ долженъ бы былъ находиться; онъ, конечно, утраченъ, что свидѣтельствуетъ даже надпись XVII вѣка. Г. же Клейнъ дѣлаетъ такое странное заключеніе: „Соборъ лишь указалъ въ общихъ чертахъ лицъ, которыя достойны наказанія, а исполненіе приговора было, *безъ сомнѣнія*, возложено на какое-либо учрежденіе *вродѣ* Разбойнаго или Земскаго приказа. Поэтому и дѣлопроизводство по наказанію виновныхъ *велось и осталось* въ томъ учрежденіи, которому было поручено то дѣло" (стр. 72). Но Разбойный приказъ вѣдалъ дѣла, исключительно касавшіяся разбойниковъ, а Земскій, или Приказъ земскихъ дѣлъ, вѣдалъ *предварительныя* полицейскія функціи и земельные вопросы по самому городу Москвѣ. Передача такого важнаго дѣла, какъ угличское, второстепенному учрежденію была немыслима.

Послѣднія три указанія мы ставимъ на видъ автору „дипломатическаго изслѣдованія", главнымъ образомъ, потому, что разъ онъ самъ говоритъ, что памятникъ, прежде чѣмъ перейти въ руки историка, долженъ *тщательно* изучиться археографомъ, слѣдовательно, самъ авторъ съ еще большимъ вниманіемъ и съ большею осторожностью долженъ производить свой дипломатическій просмотръ.

За данное же г. Клейномъ фототипическое воспроизведеніе подлинника угличскаго слѣдственнаго дѣла, буквально передающее всѣ 54 листка рукописи, мы должны быть ему благодарны. Жаль только, что подписи на оборотѣ склеекъ подлинника къ распросамъ, челобитнымъ и т. п., въ воспроизведеніяхъ не оттиснуты, а, снятыя отдѣльно, приклеены къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ фототипій въ видѣ бумажныхъ ярлычковъ. Такъ какъ въ изслѣдованіи о томъ не оговорено, то не спеціалисты могутъ подумать, что такія наклейки существуютъ и на подлинникѣ.

Событіе 15-го мая 1591 года въ Угличѣ, будучи яснымъ для современниковъ и для поколѣній, жившихъ въ XVII столѣтіи, столь же, сколь извѣстны, напримѣръ, намъ обстоятельства кончины императора Павла Петровича, попадаетъ въ

XVIII вѣкѣ въ область забвенія, въ XIX — становится загадочнымъ, нѣкоторые историки, какъ Погодинъ, усиливаютъ загадочность, но анализирующіе умы Карамзина, Соловьева, Костомарова, Ключевскаго и многихъ другихъ не останавливаются на историческомъ застоѣ, смѣло идутъ впередъ, по немногу очищая отъ наслоеній вѣковъ самое событіе и объясняя роль лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Новое изслѣдованіе г. Клейна не можетъ быть отнесено къ числу подобныхъ трудовъ, способствующихъ поступательному движенію науки. Оно не отвѣчаетъ, прежде всего, тремъ, по моему мнѣнію, доказаннымъ положеніямъ:

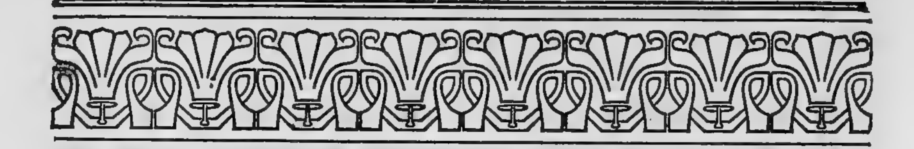
1. Что въ Угличѣ произошло 15-го мая 1591 года убіеніе ребенка, а не самозакланіе отъ игры въ тычку.

2. Что кн. В. И. Шуйскій съ товарищами велъ слѣдствіе не справедливо.

3. Что подлинная рукопись угличскаго слѣдственнаго дѣла, вскорѣ послѣ его окончанія, въ интересахъ Годунова, Лжедимитрія и царя В. И. Шуйскаго, во многомъ убавлена и даже подтасована.

Самый же памятникъ письменный, несмотря на его дефектность, является единственнымъ *непосредственнымъ* свидѣтелемъ происшествія въ Угличѣ и, какъ таковой, при послѣдовательной шагъ за шагомъ критической разработкѣ его свидѣтельствъ, можетъ, по моему мнѣнію, дать еще многое для объясненія событія, а любителей родной старины онъ всегда будетъ привлекать своимъ содержаніемъ.

И. С. Бѣляевъ.



Записки графа Н. П. Игнатьева [1]).

1864—1874 [2]).

Рѣшеніе Греціи подчиниться постановленіямъ парижской конференціи нанесло критскому возстанію смертельный ударъ: съ прекращеніемъ подвоза продовольственныхъ припасовъ критяне не могли болѣе держаться.

„Народы“, говоритъ гр. Н. П. Игнатьевъ, рѣдко даютъ себѣ ясный отчетъ въ ходѣ событій; они судятъ о нихъ по достигнутымъ результатамъ и осуждаютъ того, кого постигнетъ неудача. Такъ точно и греки, видя, что всѣ принесенныя нами жертвы оказались безплодны, съ присущей южанамъ страстностью и непослѣдовательностью, воспылали злобой и ненавистью противъ Россіи, на которую они возлагали прежде всѣ свои надежды“.

„Я предвидѣлъ это съ самаго начала возстанія и указывалъ министерству на возможность такого поворота въ общественномъ мнѣніи Греціи, считавшей печальный исходъ критскаго возстанія результатомъ нашей измѣны по отношенію къ Греціи. Пользуясь этимъ настроеніемъ, наши противники поспѣшили завоевать утраченную нами позицію. На Востокѣ вліяніе есть нѣчто весьма деликатное и зависитъ отъ столькихъ зачастую совершенно неуловимыхъ и скорѣе моральныхъ, нежели матеріальныхъ причинъ, что утратить его легко, а возстановить чрезвычайно трудно“.

„Наши противники спѣшили использовать противъ насъ возможно шире настроеніе умовъ, создавшееся въ Греціи“.

---

[1]) Извѣстія Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Записки графа Н. П. Игнатьева (1864—1874). Спб. 1914 г. Кн. III.

[2]) См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

„Послѣднія событія оказались особенно полезны Англіи, которая дѣйствовала все время въ высшей степени послѣдовательно. Она съ самаго начала высказалась открыто противъ аннексіи Кандіи къ Греціи и противъ вмѣшательства державъ въ пользу этой послѣдней. Ходъ событій убѣдилъ грековъ въ безполезности всѣхъ попытокъ, которыя шли въ разрѣзъ съ совѣтами Англіи, и въ безусловной необходимости подчиниться волѣ этой державы"........

Что касается политики Вѣнскаго кабинета, то судя по всему, что передаетъ гр. Игнатьевъ, она была во время критскаго возстанія какъ всегда двойственна, и въ результатѣ Австріи удалось не скомпрометтировать себя въ глазахъ турокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить добрыя отпошенія къ грекамъ.

„Уловить нить двуличной политики, которую графъ Бейстъ велъ въ Константинополѣ, довольно трудно", говоритъ графъ Игнатьевъ. „То возбуждая недовѣріе къ славянамъ, то возстановляя Европу противъ Румыніи, то стараясь поднять греческій вопросъ, когда не удавалось посѣять смуту въ иномъ мѣстѣ,—Вѣнскій кабинетъ, руководимый гр. Бейстомъ, какъ бы умышленно старался вызвать осложненія, которыхъ, ему казалось бы, всего болѣе слѣдовало избѣгать. Образъ дѣйствій австро-венгерскаго канцлера даетъ поводъ думать, что онъ хотѣлъ сохранить группировку державъ, возникшую въ 1856 г., на почвѣ недоброжелательства къ Россіи".

Когда разрѣшился греко-турецкій конфликтъ, посланникъ Наполеона III въ Константинополѣ говорилъ, что „вліяніе Россіи на Востокѣ потеряно лѣтъ на пятьдесятъ и что на ея счетъ усилится вліяніе Франціи" [1]).

Быть можетъ, съ точки зрѣнія Франціи, „Буре имѣлъ основаніе дѣлать это пророчество, но благодаря обстоятельствамъ и непрестаннымъ усиліямъ нашей дипломатіи оно не оправдалось". Между тѣмъ Наполеонъ III, не прекращая переговоровъ съ нами, долго еще старался повліять на турокъ и заставить ихъ провести реформы въ духѣ, діаметрально противоположномъ нашей программѣ, которая соотвѣтствовала жизненнымъ интересамъ христіанскаго населенія Турціи, отвергала мысль западныхъ державъ о сліяніи христіанъ и магометанъ, „элементовъ, взаимно другъ друга отталкивающихъ" и стремилась „создать на Балканскомъ полуостровѣ такой соціальный, политическій

---

[1]) Удивительное непониманіе взаимныхъ интересовъ замѣчалось тогда между Россіей и Франціей. *Ред.*

и административный порядокъ вещей, который соотвѣтствовалъ бы интересамъ какъ христіанскихъ, такъ и мусульманскихъ подданныхъ Турціи и обезпечилъ бы ихъ совмѣстное существованіе и дальнѣйшее развитіе подъ властью султана“ [1]).

„Мехмедъ-Руджи-паша, стоявшій во главѣ управленія въ то время, когда обсуждался проектъ реформъ, рѣшилъ (въ январѣ мѣсяцѣ 1867 г.) выйти въ отставку, заявивъ султану, что „только такіе люди, какъ Фуадъ и Али-паша, въ состояніи нести бремя управленія страною, такъ какъ они пользуются довѣріемъ западныхъ державъ“. Али-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ, а главный сторонникъ реформъ, Фуадъ-паша, занялъ его постъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ“.

„Этотъ дуумвиратъ“, говоритъ гр. Игнатьевъ, „обладалъ всѣми необходимыми качествами если не для искуснаго проведенія реформъ, то по крайней мѣрѣ для инсценированія ихъ съ цѣлью обмануть общественное мнѣніе Европы. Подъ напыщенными разглагольствованіями о новой эрѣ, которая должна была наступить съ осуществленіемъ реформъ, чувствовалось, что въ глубинѣ души министры хотѣли только прикрыть въ глазахъ иностранцевъ тогою либерализма свои личные виды и свой административный произволъ, и отдѣлаться хотя бы на время отъ докучливыхъ напоминаній представителей державъ, которые требовали все новыхъ и новыхъ реформъ“.

„Событія, совершившіяся на о. Critѣ, и безсиліе турецкаго правительства подавить возстаніе поколебали авторитетъ Порты и султана въ глазахъ населенія. Разоренное налогами, ожесточенное произволомъ властей, отчаявшись въ осуществленіи обѣщанныхъ реформъ, возбуждаемое тайными обществами оно едва сдерживало свое озлобленіе. Весною 1868 г. недовольство приняло такіе угрожающіе размѣры, что возстаніе, казалось, готово было вспыхнуть съ часа на часъ. Раздраженіе противъ турокъ и страстное желаніе добиться улучшенія своей участи овладѣло не одними только христіанами; среди мусульманъ—албанцевъ, боснійцевъ, курдовъ и т. п. также шло глухое броженіе.

Какія-либо осложненія на Балканахъ были въ то время весьма нежелательны для Россіи въ виду ея внутренняго поло-

---

[1]) Меморандумъ министерства иностранныхъ дѣлъ отъ 6 апрѣля 1867 года.

женія, поэтому нашъ представитель въ Константинополѣ считалъ необходимымъ заблаговременно всесторонне обсудить, какое положеніе займетъ Россія при данныхъ обстоятельствахъ. Надобно было рѣшить вопросъ, слѣдовало ли ей руководить движеніемъ, возникшимъ на Балканахъ, и въ какомъ духѣ могъ бы быть рѣшенъ Восточный вопросъ, если бы эта дилемма предстала передъ европейскими кабинетами. Соображенія, высказанныя на этотъ счетъ гр. Игнатьевымъ въ рядѣ депешъ на имя канцлера князя Горчакова, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ остался вѣренъ своему взгляду, а именно, что Россіи слѣдовало избѣгать всякихъ манифестацій, которыя дали бы поводъ думать, что она намѣревалась принять участіе въ движеніи или хотя бы хотѣла руководить имъ. Но при этомъ графъ все-таки считалъ необходимымъ оказать нашимъ единовѣрцамъ нравственную поддержку и содѣйствовать сближенію народностей Балканскаго полуострова, чтобы онѣ могли въ извѣстный моментъ оказать другъ другу взаимную поддержку. Особенно важно, по мнѣнію графа Игнатьева, было способствовать сближенію Греціи и Сербіи [1]) въ виду той роли, какую имъ предстояло съиграть въ дальнѣйшей судьбѣ Балканскаго полуострова; а въ Бѣлградѣ мечтали привлечь къ союзу противъ Турціи и Румынію, которая предпочитали тогда дѣйствовать особнякомъ и даже находила для себя выгоднымъ сохранить вассальную связь съ Турціей. До какой степени Порта была встревожена, узнавъ о переговорахъ, происходившихъ между ея вассальными княжествами, и какъ она боялась, чтобы между ними не состоялось соглашеніе, показываетъ ниже слѣдующій разговоръ съ Фуадъ-пашею, записанный гр. Игнатьевымъ.

„Мы знаемъ навѣрно о существованіи союза между Сербіей и Румыніей, сказалъ однажды Фуадъ-паша гр. Игнатьеву, мы знаемъ что, онѣ хотятъ привлечь къ этому союзу Грецію и Черногорію. Этотъ союзъ можетъ быть только оборонительнымъ, такъ какъ обоимъ княжествамъ не угрожаетъ никакой опасности извнѣ.

„Онъ имѣетъ въ виду будущее... сербы и румыны выжидаютъ удобный моментъ, чтобы напасть на насъ... но когда передъ мусульманской Турціей встанетъ вопросъ „быть или не быть“, она подымется какъ одинъ человѣкъ и ежели ей придется по-

---

[1]) Какъ былъ правъ въ этомъ гр. Игнатьевъ, предугадывая будущія событія исторіи балканскаго союза. *Ред.*

гибнуть, она оставитъ за собой однѣ развалины [1]). Неужели Сербія и Румынія серьезно считаютъ возможнымъ жить самостоятельной политической жизнью, продолжалъ паша. „Я рѣшительно отрицаю это. Онѣ, подобно двумъ спутникамъ, вращаются вокругъ насъ. Ежели онѣ уклонятся отъ своей орбиты, онѣ либо погибнутъ и затеряются въ пространствѣ, либо будутъ притянуты другимъ болѣе компактнымъ и могущественнымъ политическимъ тѣломъ и будутъ имъ поглощены. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онѣ потеряютъ болѣе, нежели выиграютъ, между тѣмъ какъ на насъ это не отразится замѣтнымъ образомъ“.

Одновременно съ движеніемъ, начавшимся въ Греціи и въ Сербіи, заволновалась и Болгарія. Опасаясь, чтобы движеніе не разрослось, Порта рѣшила подавить его въ самомъ началѣ и въ Дунайскій вилаетъ былъ посланъ Мидхатъ-паша, облеченный чрезвычайными полномочіями. Жестокость, съ которой онъ дѣйствовалъ, была такова, что вокругъ его имени создались легенды.

Западныя державы поспѣшили использовать начавшееся въ Болгаріи движеніе противъ насъ. Онѣ преувеличивали его значеніе, чтобы придать въ глазахъ Порты болѣе цѣны своей поддержкѣ и доказать ей коварство Россіи. Появленіе мятежныхъ бандъ приписывалось агитаціи панславистскихъ комитетовъ; высказывалось даже предположеніе, будто болгарскія четы были организованы нашими агентами, получили отъ нихъ деньги и состояли подъ командой русскихъ офицеровъ. Между тѣмъ, по словамъ гр. Игнатьева, было „полное основаніе предполагать, что на болгаръ вліяли польскіе агенты, которые находились въ сношеніи съ французскимъ посольствомъ“.

Что касается Румыніи, то, не взирая на всѣ увѣренія, данныя княземъ Карломъ при вступленіи на простолъ, Россія не могла быть довольна его политикой. Онъ опирался на либеральную партію, которая пресмыкалась передъ Франціей и относилась враждебно къ Россіи. Впрочемъ, князь вскорѣ убѣдился въ недоброжелательности Франціи и Австріи и понялъ, что императоръ Наполеонъ III не задумался бы пожертвовать Румыніей, ежели это понадобилось бы для упроченія его дружественныхъ отношеній къ Вѣнскому кабинету.

Недоброжелательство къ намъ императора Наполеона III, выражавшееся въ противодѣйствіи его всѣмъ нашимъ высту-

[1]) Событія союзной войны 1912 года не оправдали предсказаній Фуадъ-паши. *Ред.*

пленіямъ на Балканахъ, что гр. Игнатьевъ особенно подчеркиваетъ въ своихъ запискахъ, сказалось и въ отношеніи Черногоріи. Воспользовавшись пребываніемъ князя Николая черногорскаго въ Парижѣ въ 1866 г., во время его путешествія по Европѣ, Наполеонъ III старался возстановить его противъ Сербіи, соблазнялъ его несбыточными обѣщаніями относительно возможнаго увеличенія его территоріи, обѣщалъ поддержать всѣ его домогательства въ этомъ смыслѣ и старался сдѣлать его глухимъ къ нашимъ совѣтамъ. Князь Николай, поддавшись этимъ соблазнительнымъ обѣщаніямъ, рѣшилъ по возвращеніи въ Цетинье послать въ Константинополь уполномоченныхъ и предъявить Портѣ свои требованія.

Сенаторъ Пламенацъ и Станко-Радаиичъ, на которыхъ было возложено веденіе переговоровъ, пріѣхавъ въ Константинополь, сразу увидѣли, что имъ нечего ждать поддержки со стороны западныхъ державъ и что мы одни сочувствуемъ Черногоріи. Они были очень изумлены конфиденціальными совѣтами французскаго посланника Буре, который увѣрялъ ихъ, что для благоденствія Черногоріи имъ необходимо признать сюзеренитетъ Порты. Полнѣйшее согласіе его словъ съ тѣмъ, что говорили черногорскимъ уполномоченнымъ Фуадъ и Али-паша, не оставляло сомнѣнія въ томъ, что Наполеонъ III и Турція дѣйствовали заодно. Фуадъ-паша категорически заявилъ делегатамъ, что Порта не имѣетъ никакого повода уступать Черногоріи земли, на которыя она претендовала.

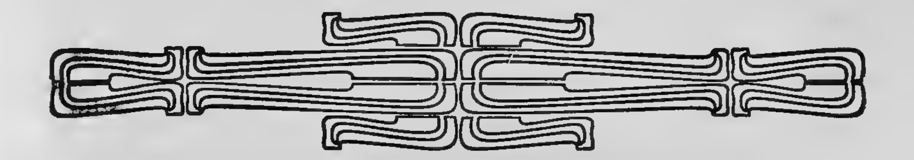
„Державы признали независимость Черногоріи; если ея территорія слишкомъ мала и не можетъ пропитать населеніе, Портѣ остается только пожалѣть объ этомъ“, говорилъ турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ; „иное дѣло, если бы Черногорія была подвластна султану, какъ Сербія и Румынія, тогда ей могла бы быть уступлена извѣстная территорія безъ ущерба для Турецкой имперіи“.

Черногорскіе уполномоченные поняли, какую роль ихъ хотѣли заставить играть; они поняли, что имъ можно было расчитывать только на поддержку Россіи, и заявивъ Портѣ, что ихъ миссія окончена, поспѣшно стали готовиться къ отъѣзду изъ Константинополя.

„Русская Императорская миссія въ Константинополѣ пережила, по окончаніи Критскаго возстанія, очень трудное время“, пишетъ гр. Игнатьевъ. „Исходъ дипломатической кампаніи, предпринятой нами въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, отразился

на нашемъ собственномъ положенiи на Востокѣ: наше значенiе и влiянiе было сильно подорвано. Потерявъ довѣрiе христiанъ, не имѣя болѣе въ глазахъ турокъ того авторитета, какимъ мы пользовались прежде, мы не могли похвастать также и симпатiями западныхъ державъ", и представителямъ Россiи въ Константинополѣ пришлось выказать немало энергiи и настойчивости, чтобы возстановить утраченное Россiей положенiе, дѣйствуя въ то же время сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами и оберегая интересы Россiи и балканскихъ христiанъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XVI [1]).

Четвертое пугало войны.

Поддержка, оказанная Англіей Японіи, наканунѣ ея войны съ Россіей, была, конечно, весьма непріятна Ольгѣ Алексѣевнѣ. Она, однако, мало писала объ этомъ, но 13-го января 1904 г. на просьбу издателя Дели-Мейль, она послала въ эту газету: „Права ли Россія?“ Это не была попытка рѣшить: кто правъ, кто виноватъ въ этой борьбѣ. Г-жа Новикова указала лишь на нѣкоторыя причины, которыя могли бы заставить англичанъ одуматься во-время. Она не скрывала своего негодованія на такую близорукость.

„Много лѣтъ я старалась доказать пользу соглашенія Россіи съ Англіей,—пишетъ она. Думалось мнѣ, что краснорѣчіе фактовъ побѣдитъ. Но Англія, пренебрегая Россіей, пошла на союзъ съ Японіей. Подлинно: „у всякаго свой вкусъ“.

Авторъ отрицаетъ желаніе Россіи завладѣть Манчжуріей, но та обладаетъ желѣзнымъ путемъ, который даетъ Россіи выходъ въ море. Вопросъ серьезный.

Г-жа Новикова, въ этомъ спорѣ, выказала большую сдержанность.

„Японія—главный соперникъ, а не союзникъ Англіи въ Китаѣ.

„Какъ можно этого не знать. Что изъ этого выйдетъ?

Допустимъ, что союзъ двухъ желтыхъ расъ состоится въ

---

1) См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

ущербъ и Англіи и Россіи. Развѣ отъ такой соединенной силы можетъ выиграть весь европейскій міръ?

Г-жа Новикова получила много благодарственныхъ писемъ за эту статью отъ выдающихся англичанъ, какъ сэръ Генри Кампбель, Баннерманъ и другихъ. Онъ писалъ 16-го января: „Большое доставило намъ удовольствіе извѣстіе отъ Васъ, Вы очень добры, что написали".

„Ваше письмо въ Дели-Мейль очень полезно, въ особенности появленіе его въ такой демократической газетѣ. Мнѣ говорилъ одинъ пріятель о разговорѣ своемъ, касательно положенія, съ выдающимся европейскимъ финансистомъ, на всѣ вопросы и замѣчанія моего друга отвѣтъ былъ одинъ: „Войны не будетъ". Будемъ надѣяться.

Несмотря на оптимизмъ европейскаго финансиста, японцы начали войну, напавъ, безъ предваренія, на русскій флотъ.

Цѣлый годъ, говоритъ Стэдъ, печальна была жизнь для русскихъ патріотовъ, и г-жа Новикова молчала.

Но она постоянно была насторожѣ, чтобъ не пропустить случая войти въ свою роль миротворца между ея страной и нашей.

Я говорилъ, продолжаетъ Стэдъ, о четырехъ случаяхъ ея дѣятельности, по которымъ Россія и Англія могли быть вовлечены въ войну. Первый—по поводу польскаго вопроса, гдѣ она, несмотря на свою молодость, боролась съ англійскимъ посломъ лордомъ Непиромъ, второй—когда Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи въ 1876 и опять въ 1878 г., въ связи съ восточнымъ вопросомъ, третій—въ 1885 г., когда Гладстонъ угрожалъ войной изъ-за Афганской границы. Во всѣхъ трехъ случаяхъ Ольга Алексѣевна принимала сердечное участіе, а въ 1876—78 гг. она играла совсѣмъ выдающуюся роль въ Англіи. Четвертое столкновеніе, могущее грозить войной, случилось въ ноябрѣ 1904 г., когда Гульскіе рыбачьи суда были приняты за Японскіе миноносцы нѣкоторыми капитанами эскадры Рожественскаго и были обстрѣлены и потоплены въ Dogger-Bank.

Четвертый случай былъ острый, но краткій, однако острый дотого, что если бъ осуществились совѣты печати, русскій флотъ былъ бы потопленъ, не дойдя до Бискайской бухты. Не однѣ газеты потеряли голову, требуя такихъ дѣйствій, однимъ изъ результатовъ которыхъ отдано было бы мало-по-малу владычество Германіи надъ материкомъ.

Гульскій инцидентъ произошелъ такъ: въ ночь съ пятницы на субботу съ 21—22 октября русская Балтійская эскадра, по

пути на Дальній Востокъ, прошла мимо пятидесяти траллеровъ, рыбачьихъ судовъ, съ командой въ 500 человѣкъ, мирно ловившихъ рыбу на Degger-Bank.

Первая дивизія прошла вблизи отъ траллеровъ, не обративъ на нихъ вниманія, вторая дивизія, состоящая изъ четырехъ броненосцевъ, освѣтила прожекторами рыбачьи суда.

По словамъ шкипера, рыбакамъ показалось, что миноносцы идутъ на нихъ, и они поспѣшили уйти. А русскимъ показалось напротивъ, что рыбачьи суда принадлежали японцамъ, вслѣдствіе чего они открыли огонь на спасающихся лодочниковъ.

Русскіе сдѣлали триста выстрѣловъ, убиты были два рыбака и шесть ранены всѣ на томъ же траллерѣ крэнъ. Другихъ несчастій не было, потопивъ его, русская эскадра поплыла на югъ.

Объ этомъ событіи, со всѣми его запутаными подробностями, полетѣли телеграммы во всѣ редакціи Лондонскихъ газетъ. Въ воскресенье 23-го октября, дѣло было сдано въ слѣдственную комиссію, засѣдавшую въ Парижѣ. Въ заключеніе было доказано, что столкновеніе произошло по недоразумѣнію, за которое русскіе согласились не только извиниться, но и щедро заплатить.

Ошибка произошла вслѣдствіе того, что русскіе, проученные Японіей, думали, что снова имѣютъ врага, не признающаго никакихъ обязательствъ войны цивилизованныхъ народовъ, и на этотъ разъ не желали вновь быть взятыми врасплохъ. Ихъ нервность была вполнѣ естественна.

Цѣлую недѣлю сыпались обвиненія на Россію и русскихъ; всѣ газеты, какъ бы сговорясь, винили русское правительство въ нежеланіи признать необходимость извиненій и вознагражденій.

Не было слова правды въ этихъ увѣреніяхъ, но повторяемыя со всѣхъ сторонъ, они привели страну въ воинственное возбужденіе. Наконецъ, чтобъ прекратить эту неурядицу, премьеръ лордъ Лансдаунъ обнародовалъ въ концѣ недѣли слѣдующее объявленіе:

1. Четыре просьбы англійскаго правительства охотно удовлетворены царемъ.

2. Какъ только катастрофа стала извѣстна въ Петербургѣ, немедленно русское правительство выразило глубокое сожалѣніе, обѣщало полное вознагражденіе, даже вначалѣ хотѣло, чтобъ виновные въ ошибкѣ были наказаны.

3. Справедливость требуетъ сказать, что русское правительство ни минуты не отрицало серьезности поступка и не замалчивало его.

4. Премьеръ и его коллеги категорично заявили, что какъ они, такъ и русское правительство дѣлаютъ все для умиротворенія государствъ. Эти категорическія и рѣшительныя заявленія вырвали съ корнемъ всю ложь и клевету, которыми печать стремилась вовлечь въ войну двѣ Имперіи.

Послѣ заявленій Бальфура, остатки бури были еще замѣтны. Г-жа Новикова, вѣрная себѣ, воздерживалась говорить до тѣхъ поръ, пока не пришло время, когда слова ея могли подѣйствовать.

Случай представился, и въ интервью и въ письмѣ въ Вестминстерскую газету она во-время заговорила. Англичанинъ спросилъ: что она думаетъ объ Англіи „особенно послѣ нашего недавняго безумнаго припадка".

„Я гостья", отвѣчала г-жа Новикова, „и пользуюсь гостепріимствомъ вашей страны, не мнѣ судить о поступкахъ моего домохозяина. Англичане всегда были очень добры ко мнѣ, а когда не имѣешь ничего лестнаго сказать—лучше молчать".

„Nil nisi bonum, хорошее правило, но все ли Nil и нѣтъ bonum въ этомъ случаѣ"?

„Несомнѣнно есть.—Лордъ Лансдаунъ отнесся очень хорошо" отвѣчала Ольга Алексѣевна, „я рада, что въ вашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ есть сановникъ, дѣйствующій самостоятельно, не поддаваясь передрягамъ вашихъ газетъ".

„Не могли ли бы вы, теперь, благо инцидентъ уже исчерпанъ, объяснить русскую точку зрѣнія".

„Она очень проста", сказала г-жа Новикова, „имѣйте въ виду, что русскіе еще съ ума не сошли и что наши адмиралы и морскіе офицеры не преступники. Какъ могли англичане имъ приписывать поступки, которые могли бы объясниться преступнымъ безуміемъ".

„Humanum est errare" и русскіе не такъ высокомѣрны, чтобъ не допускать въ себѣ свойства, присущаго всѣмъ смертнымъ.

„Да, но, г-жа Новикова, вы забываете, вѣдь пролита была британская кровь".

„Наоборотъ", отвѣчала она, улыбаясь, именно потому, что мы такъ легко можемъ поставить себя на вашемъ мѣстѣ, мы такъ искренно вамъ сочувствуемъ. Не такъ давно, въ Китаѣ, русская кровь была пролита почти въ томъ же размѣрѣ, какъ на Dogger-Bank; два человѣка убиты и нѣсколько ранены англійскими пулями, благодаря ошибкѣ, но мы не приняли это за международное оскорбленіе и не возбуждали къ англичанамъ дурныхъ чувствъ въ народѣ".

Объ этомъ случаѣ г-жа Новикова написала письмо въ Вестминстерскую газету 16-го ноября.

Характерно, говоритъ Стэдъ, бѣшенство того времени, хотя письмо было перепечатано за границей, ни одна англійская газета не удостоила его вниманіемъ, несмотря на то, что такое разъясненіе было крайне необходимо. Вотъ письмо:

„Знаменательная параллель".

„Издателю Вестминстерской газеты".

„Милостивый Государь, позвольте привлечь ваше вниманіе на случай, повидимому забытый въ Англіи, но который, надѣюсь, вы найдете интереснымъ".

„Я говорю о 1900 годѣ, когда соединенныя сухопутныя войска были посланы по желѣзной дорогѣ изъ Тянь-Цзина въ Пекинъ, для охраны европейцевъ отъ боксеровъ".

„Около полуночи, 17-го іюня, отрядъ нашихъ матросовъ возвращался пѣшкомъ съ работъ. Англійскіе матросы, ѣхавшіе по близъ лежащей желѣзной дорогѣ, увидавъ движущіяся фигуры, приняли ихъ за боксеровъ и стали стрѣлять. Ошибка вскорѣ обнаружилась, и стрѣльба была прекращена, но вредъ уже былъ нанесенъ. Два матроса, Шадринъ съ „Наварина" и Иліаковъ съ „Корнилова" были убиты, нѣсколько другихъ ранены. Англійскій вице-адмиралъ Сеймуръ, главнокомандующій соединенными силами, поспѣшилъ послать Чагину, начальнику пострадавшихъ людей, оффиціальное письмо съ извиненіемъ и сожалѣніемъ".

„Этотъ важный документъ, который я привожу, былъ напечатанъ (въ № 127) Кронштадтскаго Вѣстника. Вотъ его подлинный текстъ":

„Милостивый Государь,—имѣю честь вамъ сообщить, что я сейчасъ получилъ извѣстіе о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ вчера ночью; нѣсколько русскихъ моряковъ убиты нашими. Спѣшу выразить вамъ мои величайшія сожалѣнія, а также британскихъ силъ, подъ моей командой, о событіи, которое нельзя достаточно оплакивать, имѣю честь быть, Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

Вице-адмиралъ Сеймуръ".

„Подлинныя ли это слова адмирала по-англійски, я сказать не могу. Перевожу ихъ съ русской статьи, напечатанной въ названной газетѣ".

„Капитанъ Чагинъ донесъ о событіи адмиралу Гильдебранду, начальнику Русской Тихоокеанской эскадры. Онъ, конечно, былъ огорченъ этимъ печальнымъ извѣстіемъ, но, какъ опытный морякъ, понялъ, что такая ошибка можетъ произойти, въ особенности ночью. Когда адмиралъ Сеймуръ пріѣхалъ къ нему повторить свои сожалѣнія, русскій адмиралъ принялъ ихъ, вполнѣ довѣряя ихъ искренности“.

„Другихъ послѣдствій это англійское оскорбленіе не имѣло. Не подымалась съ воинственной тревогой русская печать, не гнались съ крикомъ за англійскимъ посломъ, не бранились и не требовали денежнаго вознагражденія“.

„Читая описаніе этого грустнаго событія въ Китаѣ, поражаешься нѣкоторымъ сходствомъ, а также нѣкоторой разницей между случаемъ въ іюнѣ 1900 г.—гдѣ пострадали русскіе, и въ октябрѣ 1904 г.—гдѣ погибли два англичанина. Оба произошли въ ночной темнотѣ, хотя англичане стрѣляли въ русскихъ въ іюньскую свѣтлую ночь, а русскіе въ Dagger-Bank стрѣляли въ сильно туманную октябрьскую ночь. Въ обоихъ случаяхъ двое были убиты и нѣсколько ранены. Но была и разница, какъ я замѣтила. Британскій адмиралъ могъ тотчасъ же представить свои сожалѣнія и извиненія, тогда какъ адмиралъ Рожественскій узналъ о печальномъ событіи 21-го октября въ Сѣверномъ морѣ, на третій день, въ Виго,—что могло имѣть видъ небрежности съ его стороны къ своимъ насущнымъ обязанностямъ. *Но русское правительство не требовало никакой компенсаціи и Англія ихъ не предлагала для семействъ убитыхъ русскихъ матросовъ;* въ Россіи царило полное спокойствіе, тогда какъ въ Англіи въ 1904 г. печать оказала по меньшей мѣрѣ плачевный недостатокъ сдержанности и благоразумія“.

„Въ самомъ дѣлѣ не будь государственная постановка дѣла—консерваторовъ лорда Лансдауна и г-на Бальфуръ, большое горе могло бы охватить два христіанскіе народа, именно тѣ націи, интересы которыхъ противоположны войнѣ. Вмѣсто войны обѣ наши страны должны признать необходимымъ честный и прочный entente cordiale“.

Вамъ преданная

Ольга Новикова.

4 Brunswick Place
Pugent's Park.

„Да, сказала г-жа Новикова своему интервьюеру, недоразумѣніе къ счастію улажено. Снова надо работать объ умиротвореніи“.

„Это, подлинно, Сизифова работа, но отчаяваться не слѣдуетъ—сказала Ольга Алексѣевна; помните, что инціатива нашего государя, созвать Гаагскую конференцію, дала способъ, по которому одно англо-русское недоразумѣніе удовлетворительно разъяснено. Это хорошее предзнаменованіе въ будущемъ. Быть можетъ такое собраніе или комиссія разсѣетъ множество предубѣжденій, служащихъ опаснымъ орудіемъ для враговъ мира".

На тему, что въ туманную ночь ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлать ошибку, допущенную русскимъ капитаномъ, принявъ рыбачьи лодки за миноносцевъ, г-нъ Ведламъ пишетъ въ Спектеторъ:

„Такая ошибка вовсе не рѣдкость среди самихъ англичанъ. Я ссылаюсь на „Морской ежегодникъ" за 1901 г. стр. 115,—говоритъ г-нъ Турсфильдъ, извѣстный гражданскій экспертъ по морскимъ дѣламъ".

„На морскихъ маневрахъ 1900 г. „Минерва", дѣлая развѣдку на западномъ берегу Ирландіи, попала въ рыбацкія суда въ ночь на 27-е іюля и стрѣляла по своимъ соотечественникамъ. Ея дѣйствія гораздо болѣе предосудительны, чѣмъ ошибка русскаго адмирала въ Dogger-Bank".

Г-жа Новикова получала въ то время много сочувствующихъ писемъ, говоритъ Стэдъ, изъ нихъ я привожу одно отъ сэра Генри Кампбель Баннерманъ:

23 ноября 1904 г.

„Ваше письмо въ Вестминстерскую газету отмѣнно хорошо, надѣюсь, что оба случая на сушѣ и на морѣ окончатся дружелюбно. Но они совсѣмъ не похожи, первый нерѣдко встрѣчается въ арміи, тогда какъ второй, таинственное нападеніе на постороннихъ зрителей. Признаюсь, я никогда не слыхалъ и не могу себѣ вообразить разумнаго объясненія этому случаю, но повторяю, я надѣюсь, что онъ окончится благополучно и не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій".

„Жена шлетъ вамъ свой искренній привѣтъ".

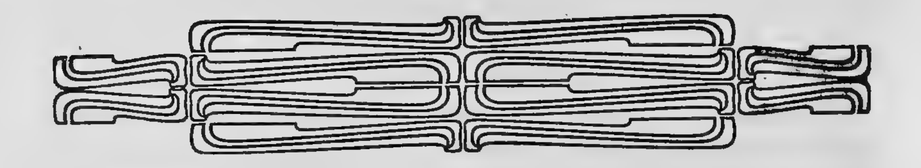
Вѣрьте моей преданности.

Г. Кампбель Баннерманъ.

Сэръ Генри Кампбель Баннерманъ имѣлъ много большихъ достоинствъ, но, какъ всѣ люди, имѣлъ и свои слабости. Онъ не могъ, напримѣръ, себѣ объяснить, какъ могли случиться вышеупомянутыя ошибки. Тѣмъ не менѣе всѣ эти факты вполнѣ достовѣрны.

Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Памяти М. В. Безобразовой.

(Не замѣченная смерть замѣтнаго человѣка).

Вмѣсто предисловія къ своимъ воспоминаніямъ о Маріи Владиміровнѣ Безобразовой, я позволяю себѣ, для полной ея характеристики, сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ прекраснаго фельетона В. В. Розанова, появившагося какъ бы ея некрологомъ.

Фельетонъ былъ напечатанъ въ „Новомъ Времени" 8-го августа, а она скончалась 2-го сентября.

20-го августа она мнѣ писала: „лестно мнѣ было прочесть фельетонъ В. В. Розанова, но въ немъ много интимнаго".

„Удивительно, говоритъ В. В. въ своемъ фельетонѣ, какъ однѣ біографіи, литературныя дѣятельности, литературные „портреты" — удаются, а другіе почему-то „не выходятъ"... Почему „не выходятъ"? Почему „удаются"? Богъ вѣсть. Судьба, Рокъ, предназначеніе. Раціональныхъ причинъ бываетъ иногда много для этого; или, по крайней мѣрѣ, онѣ далеко не все объясняютъ въ разницѣ между „свѣчкой зажегшейся" и свѣчкой „не зажегшейся", часто при одномъ и томъ же составѣ въ нихъ горючаго матеріала и свѣтильни. „Одну свѣчку зажегъ Богъ", и она горѣла, и люди видѣли это горѣніе и запомнили его, а другую свѣчку „не зажегъ Богъ", и она простояла. Стояла, потомъ сломалась. Потомъ куда-то ее вынесли. Никто не знаетъ и не помнитъ.

„Мысль эта невольно приходитъ на умъ при сравненіи двухъ очень сходныхъ личностей въ нашей наукѣ, литературѣ и общественности: Софіи Ковалевской и Маріи Безобразовой. Параллелизмъ — полный. Составъ горючаго матеріала — одинаковъ. Талантъ, призваніе—равно. Кто не знаетъ Софью Кова-

левскую? Марію Безобразову — никто не знаетъ. Почему же имя первой такъ извѣстно и всѣми почитаемо въ Россіи? „Богъ зажегъ свѣчку", — одинъ отвѣтъ. Всѣ увидѣли, всѣ узнали, всѣ очень много говорили и всѣ запомнили „привлекательную и ученую дѣвушку".

„Между тѣмъ у Маріи Безобразовой было никакъ не меньше „матеріала", чѣмъ у Софьи Ковалевской, чтобы стать около нея плечомъ къ плечу. Высшая математика, которой отдалась Софья Ковалевская,—по самому существу своему не допускаетъ популяризаціи, и изъ тысячъ русскихъ устъ, слагающихъ хвалу Софьи Ковалевской, — едва-ли хоть одни уста могутъ сказать что-нибудь объ ея открытіяхъ или вообще о чемъ-нибудь „новомъ", что она дала математикѣ, остается чисто внѣшній фактъ профессуры въ Стокгольмскомъ университетѣ.

„М. В. Безобразова имѣла опредѣленное, сильное призваніе къ философіи; это не было ни баловство, ни—„надумала себѣ"; не было—„вообразила себя философомъ и не удалось"... Ничего подобнаго; никакой претенціозности, никакой нескромности.

Въ чемъ же дѣло и отчего „не вышла судьба"? отчего нѣкоторая меланхолія Софьи Ковалевской о томъ, что она „не приняла обычной женской доли", — привлекла сочувствіе всей Россіи, и отчего никто не оглянулся на жалобы и печаль столь же замѣчательной дѣвушки, у которой не вышла „философская судьба"?

Въ книгѣ „Изъ одного альбома", носящей характеръ философскаго и вмѣстѣ автобіографическаго дневника, она говоритъ много о себѣ, — о своей судьбѣ и жалуется на свой недугъ — глухоту.

„Съ внутренними слезами, говоритъ В. В. Розановъ въ своемъ фельетонѣ, я смотрѣлъ на замѣчательную и даровитую дѣвушку, которая фатальнымъ недугомъ разобщена со всѣмъ міромъ,—которая можетъ только видѣть и читать, когда полна энергіи жить и дѣйствовать"... Ея книга „Изъ одного альбома" пестритъ такими словами: „Самое ужасное, что можетъ испытать человѣкъ, это быть оторваннымъ отъ дѣятельности, когда ее страстно любитъ". Далѣе: „Какое самое страшное слово для насъ, выступающихъ на публичную дорогу? Это слово—*замалчивать*" (курсивъ автора). „Но вы не знаете, какъ это дѣлается! На это существуетъ тысяча маневровъ тѣхъ многихъ недоброжелателей, которые есть у всякаго, кто не зауряденъ. И вотъ устраиваются такія сѣти, что вы сами не понимаете ихъ существованія. Все кажется такъ естественнымъ. О

васъ никто не говоритъ, или говорятъ недоброе, иногда нечаянно и втихомолку пускаютъ этотъ ядъ".

„Мнѣ, по крайней мѣрѣ, закрыты всѣ русскія изданія, нигдѣ я не могу не только излагать своихъ мыслей, но даже возражать—закрыты *всѣ двери*" (курсивъ автора).

„И у меня вырываютъ задуманное: исторію философіи въ Россіи и „философское общество". Гражданской смертью я давно умерла, а живу физически".

„Мнѣ кажется иногда, что во мнѣ еще цѣлая неисчерпанная жизнь, такъ хочется жизни и жизни".

Тоска отошла, но жажда жизни встаетъ грозной силой.

„Работа не страданіе, а наслажденіе, и потому высшее, что существуетъ на землѣ—быть въ состояніи работать".

„Счастье работать по призванію, и только ради такого счастья и стоитъ жить".

„Счастьемъ" Марія Владиміровна Безобразова считала работу по призванію. И этого-то желаннаго счастья, несмотря на постоянный и упорный трудъ, она и не достигла.

Года за два до своей кончины она пришла ко мнѣ, чѣмъ-то очень огорченная и сказала: „Жизнь прошла незамѣтно. Сначала мнѣ казалось, что она *вся впереди* и вдругъ оказалось, что она *вся назади*, и дѣтство, и старость для меня тождественны и это тожественное въ нихъ тоска. Тоска по какой-то очень хорошей жизни. Въ срединѣ ея не было тоски. То была жизнь полная увлеченія чѣмъ-то возвышеннымъ и идеальнымъ, чего не существовало въ дѣтствѣ и что какъ бы перестаетъ существовать теперь. Что было можно — все сдѣлано. Силы были приложены къ тому, чтобы не прожить безцѣльно. Я стучалась въ сотни дверей, и мнѣ никто не отворилъ этихъ дверей. Въ дѣтствѣ мысль о смерти не давала мнѣ покоя, теперь я ея не страшусь".

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ жизнь Маріи Владиміровны Безобразовой и поставивъ ее рядомъ, плечо къ плечу, какъ это сдѣлалъ В. В. Розановъ, съ Софьей Васильевной Ковалевской, сейчасъ же увидишь громадную разницу въ ихъ дѣятельности.

Одна взяла отъ жизни *все*. Другая, работая не меньше—ничего. Одной все удавалось; другая во всѣхъ своихъ идейныхъ начинаніяхъ встрѣчала всегда преграду.

„Почему"? Ставлю и я вопросъ В. В. Розанова. М. В. росла въ интеллигентной семьѣ. Ея мать была женщина очень образованная, сотрудничала подъ буквами Т. S. около десяти

лѣтъ въ „Journal desDébats“ и многія ея корреспонденціи принимали за корреспонденціи Leroy Beaulien. Въ „Journal des Economistes“, въ 1873 г. была напечатана ея статья „L'émancipation de la femme considérée dans les rapports avec le socialisme et l'économie politique“, надѣлала много шума по новизнѣ мыслей. Ея отецъ былъ академикъ и извѣстный экономистъ и публицистъ. Тѣмъ не менѣе дѣвочка была отдана въ нѣмецкій пансіонъ, гдѣ всѣ предметы, само собою разумѣется, преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, и отдана она была туда только потому, что отецъ находилъ, что тамъ учили меньше, чѣмъ въ гимназіяхъ, и главное не учили естественной исторіи.

Отецъ М. В., какъ это ни странно, находилъ, что женщинамъ совсѣмъ не надо было учиться. Такимъ образомъ, отдавая ее въ нѣмецкій пансіонъ, онъ какъ бы дѣлалъ уступку требованіямъ XIX вѣку.

Покончивъ свои занятія въ пансіонѣ 16-ти лѣтъ, М. В. начала готовиться къ экзамену на домашнюю учительницу—обзавелась программами экзаменовъ и русскими учебниками, и черезъ нѣкоторое время экзаменъ при гимназіи былъ сданъ и аттестатъ на домашнюю учительницу полученъ. Однако, дипломъ учительницы не удовлетворилъ и не успокоилъ М. В. Ей хотѣлось идти дальше и знать больше, чѣмъ она знала.

И вотъ, во время ея томительныхъ исканій, пополнить свое образованіе, она встрѣтилась съ одной барышней, которая ей дала програму Цюрихскаго университета. Съ этого момента, поступленіе въ Цюрихскій университетъ сдѣлалось ея мечтой. Но для того, чтобы попасть въ университетъ, она думала, что ей придется пройти курсъ мужской гимназіи. Тогда, не теряя времени, она беретъ программу, вычеркиваетъ изъ нея все то, что она знала, и занимается исключительно—математикой и древними языками. Въ два года она прочла всѣхъ тѣхъ авторовъ, которые полагается читать въ гимназіи.

Послѣ этого она поступаетъ на педагогическіе курсы при Александровской женской гимназіи, которые оканчиваетъ въ 1876 году.

Съ 1880 и по 1885 г. служитъ въ Московскомъ учебномъ округѣ. Съ 1880 и по 1883 г. занимаетъ мѣсто учительницы новыхъ языковъ въ Вяземской женской гимназіи, а съ 1883 и по 85 г. начальницы пяти-классной прогимназіи въ Жиздрѣ (Калужской губ.) и преподаетъ: естествовѣдѣніе, географію и исторію.

Въ 1887 г. ѣдетъ въ Лейпцигъ и занимается своей любимой наукой—философіей. Тамъ и появляется ея первая работа: „Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre“ (ученіе Плотина о счастьѣ). Затѣмъ слушаетъ лекціи (2 семестра) въ Цюрихскомъ университетѣ.

Въ 1888 г. читаетъ въ Москвѣ свою первую публичную лекцію „О значеніи Канта“ и затѣмъ въ 1891 г. держитъ въ Бернѣ экзаменъ на д-ра философіи и получаетъ его. Диссертація, за которую М. В. получила въ Бернѣ званіе доктора философіи, называлась: „Materialen zur Geschichte der Philosophie im Russland.

Съ 1892 г. занимается исключительно изслѣдованіемъ рукописей, относящихся къ исторіи философіи въ Россіи, и работаетъ въ Публичной библіотекѣ Московскаго Румянцевскаго музея, библіотекѣ Московской духовной академіи, Чудова монастыря, С.-Петербургской и Кіевской духовной академіи.

Мысль о существованіи философіи въ Россіи въ древнія времена всецѣло принадлежитъ М. В., и изслѣдовать съ такой цѣлью рукописи до нея никому не приходило въ голову.

Въ 1897 г. ея сочиненіе „Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи“, представленное въ академію наукъ на премію митрополита Макарія, получило почетный отзывъ.

Несмотря на все это, неудачи, какъ въ ранней молодости, преслѣдовали ее и въ научныхъ трудахъ.

Все, что она писала, видѣлъ свѣтъ, *только тогда*, когда она *наработанное* издавала на свой собственный счетъ...

Удовлетворяли ли ее эти изданія?

Конечно, нѣтъ. Имѣя большею частью спеціальный характеръ—они шли медленно.

А лекціи, которыя она читала: въ Петербургѣ, Москвѣ и разныхъ городахъ Россіи (около 80 лекцій) дали ли хотя онѣ ей удовлетвореніе?—тоже нѣтъ, за немногими исключеніями онѣ были слишкомъ спеціальны и не могли также, какъ и ея книги, привлечь широкую публику. И вотъ спустя 12 лѣтъ по полученіи докторскаго диплома, она стала хлопотать о допущеніи ея читать лекціи въ какомъ-нибудь изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Молодежь всегда притягивала ее къ себѣ, да и кромѣ того ей хотѣлось подѣлиться съ ней своими знаніями и вселить въ ней интересъ къ философіи. Но и тутъ послѣдовала неудача: ей заявили, что для того, чтобы читать лекціи на высшихъ курсахъ, требуется русская ученая степень...

Послѣ наведенныхъ справокъ, что русская ученая степень нужна, она стала готовиться къ экзамену...

Но ея разстроенное здоровье довело ее до того, что русскій языкъ показался ей „санскритскимъ" и когда она явилась на экзаменъ, то по ея словамъ у нея „прилипъ языкъ къ гортани". Послѣ этого ей былъ назначенъ второй экзаменъ.

Второй экзаменъ также былъ неудаченъ. Ей была предложена тема спеціально логическая, отвѣтить на которую, подробно, готовясь къ исторіи философіи—она не могла. Отложить еще разъ экзаменъ было не въ ея силахъ...

Эта послѣдняя неудача переполнила чашу ея страданій и убила вѣру въ свои силы, которыхъ на самомъ дѣлѣ было еще очень много.

Въ 1895 г. 25 мая было основано первое въ Россіи, „Русское женское взаимно-благотворительное общество".

Надо ли говорить о томъ подъемѣ женщинъ, давно стремившихся соединиться въ прочный союзъ для достиженія общечеловѣческихъ правъ, равнаго права на трудъ, равныхъ юридическихъ правъ и одинаковаго образованія съ мужчинами.

Не успѣло новое общество открыть своихъ дверей, какъ въ нихъ, точно горный потокъ, устремились сотни женщинъ всѣхъ положеній, возрастовъ и состояній.

И вотъ на одномъ изъ общихъ собраній этого общества, въ 1896 г. я встрѣтилась съ Маріей Владиміровной Безобразовой. Невысокаго роста съ подстриженными и слегка подвитыми волосами, одѣтая въ темную юбку и синюю шелковую рубашечку, она сидѣла въ первомъ ряду и во время преній, порывисто вставала, подходила къ эстрадѣ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, что-то невнятно говорила и такъ же порывисто, какъ и вставала, снова занимала свое мѣсто въ первомъ ряду.

— Кто это? спросила я даму, рядомъ со мной сидѣвшую.

— Это Безобразова. Докторъ философіи Бернскаго университета. Она плохо слышитъ, отвѣтила мнѣ моя сосѣдка.

Послѣ собранія меня съ ней познакомили. На другой день вечеромъ, я поѣхала въ общество и снова встрѣтилась съ М. В.

Увидѣвъ меня, она подошла ко мнѣ вплотную, какъ къ старой знакомой, и сказала:—не хотите ли войти въ нашъ „кружокъ домашнихъ чтеній".

— Охотно, отвѣтила я ей. А какія задачи преслѣдуетъ вашъ кружокъ?

— Какія задачи, отвѣтила мнѣ она, его задачи—способствовать посредствомъ живого обмѣна мыслей самообразованію членовъ. Занятія кружка относятся къ четыремъ отдѣламъ: 1) лите-

ратурному, 2) научному, 3) отдѣлу общихъ вопросовъ и 4) исторіи женщинъ. Въ собраніяхъ кружка домашнихъ чтеній уже происходили пренія по поводу слѣдующихъ вопросовъ:

„Что такое самолюбіе" тема г-жи Дунинъ-Борковской.

„Душевныя свойства женщины" Кашперова, тема г-жи Щепкиной.

Разборъ сборника „Къ рѣшенію земскаго вопроса"—авторъ темы Сабинина. „Женскіе типы Ибсена"—авторъ темы Лучинская. „О женской преступности съ антропологической точки зрѣнія" П. Н. Тарновской. „Университеты и народное образованіе" Е. Ф. Литвиновой. „Гдѣ предѣлы вмѣшательства родителей въ дѣтскую жизнь?"—авторъ темы Поваринская. Пренія по вопросу Элизы Ожешко „Сдѣлало ли образованіе современную женщину сердечнѣе, чѣмъ то было въ предъидущія поколѣнія?" Это была моя тема.

— Все, что вы мнѣ сказали, отвѣтила ей я—очень интересно, и я конечно не пропущу ни одного собранія. А кому именно принадлежитъ мысль учрежденія этого кружка, спросила ее я.

— Мнѣ, отвѣтила Безобразова. Я состою также и его распорядительницей.

Въ 1899 г. М. В. былъ основанъ при томъ же обществѣ, вмѣсто кружка домашнихъ чтеній, „Этическій кружокъ", существующій и теперь. Цѣль этическаго кружка—сближеніе членовъ на нравственной почвѣ. Его задачи: разрабатывать этическіе вопросы, не имѣя при этомъ въ виду двигать науку, а лишь цѣль удовлетворить запросы своихъ членовъ, давая имъ возможность высказывать собственные взгляды и знакомиться съ другими мнѣніями. Интересъ къ этому кружку среди членовъ общества былъ очень большой. Распорядительницей его была также какъ и въ кружкѣ домашнихъ чтеній М. В. Безобразова. Въ этомъ же 1899 г. я начала издавать журналъ „*Женское дѣло*", къ участію въ которомъ привлекла и М. В.

Помню, съ какой радостью и интересомъ она принялась за это дѣло. Мы видѣлись съ ней каждый день. И, если она почему-нибудь не приходила, то писала мнѣ: „иду въ публичную библіотеку". Или „ѣду къ ушному врачу". Не быть у меня она не считала возможнымъ. Ей былъ нуженъ со мной ежедневный обмѣнъ мыслей. Этотъ обмѣнъ мыслей давалъ и мнѣ и моему журналу „Женское дѣло" и педагогическому изданію „На помощь матерямъ" и дѣтскому журналу „Игрушечка"—массу полезныхъ свѣдѣній. Во всѣхъ этихъ моихъ изданіяхъ она и работала и

держала корректуру. А какъ она была аккуратна въ своихъ работахъ... И какая у нея была колоссальная память.

За корректурой я посылала къ ней всегда вечеромъ, послѣдніе годы мы жили черезъ домъ другъ отъ друга, и къ извѣстному часу она была готова. Очень часто, на другой день, рано утромъ, я получала отъ нея нервно написанную записочку: „кажется, на 3-й строкѣ сверху я забыла вычеркнуть два одинаковыхъ слова. Посмотрите. Вѣдь это послѣдняя корректура. Если не вычеркнули и послали, я сейчасъ поѣду въ типографію"... До болѣзненности строгая къ работѣ, она часто упрекала меня за медлительность въ чтеніи авторской корректуры... Сама она работала чрезвычайно быстро, и какъ тяжело переживала, когда ея работы не помѣщались... Каждый отказъ сопровождался у нея обильными слезами и рядомъ безсонныхъ ночей, губившихъ ея и безъ того слабое здоровье. На всякіе злободневные вопросы она горячо откликалась, писала о нихъ и если эти замѣтки во-время не появлялись, она страдала...

Покончивъ съ этическимъ кружкомъ, которымъ она руководила одиннадцать лѣтъ, она принялась съ жаромъ писать свою автобіографію: „Розовое и черное изъ моей жизни". Эта автобіографія сблизила ее, какъ она мнѣ потомъ сказала, съ женой редактора „Русской Старины"—Евгеніей Николаевной Вороновой, отъ которой она была въ полномъ восторгѣ и сильно полюбила ее. „Такія женщины рѣдки",—говорила она мнѣ. Ни о комъ ни слова дурного. Напротивъ, въ каждомъ находила что-нибудь хорошее. Послѣ разговоровъ съ нею дѣлалось такъ хорошо на душѣ...

Ея смерть была тяжелымъ ударомъ для М. В. Думала ли она тогда, когда провожала ее 1 февраля 1913 г. въ Новодѣвичій монастырь, что въ 1914 г. 8 сентября сама успокоится на вѣки—тамъ же!..

На страницахъ того же журнала, гдѣ теперь печатаются мои воспоминанія о скончавшейся 2-го сентября прошлаго года, Маріи Владиміровнѣ Безобразовой, она, въ 1913 году, помѣстила свою автобіографію, назвавъ ее „Розовое и черное изъ моей жизни" (еще не оконченную). Зная близко жизнь М. В., мнѣ хотѣлось, читая эту исповѣдь, — отыскать въ ней то розовое въ ея жизни, о которомъ она намѣревалась сообщить. Пока розовымъ мнѣ показалось только одно ея раннее дѣтство, проведенное въ деревнѣ, гдѣ ей былъ отведенъ лужокъ, на которомъ она устроила себѣ огородъ и садъ, гдѣ у нея

была своя лошадка „каренькая“, на которой она, одѣтая мальчикомъ, ѣздила верхомъ.

А затѣмъ, окончивъ пансіонъ и выдержавъ борьбу за дальнѣйшее свое образованіе, *неудачи* черною нитью проходятъ черезъ всю ея жизнь, если только не считать „розовымъ“ ея стремленіе къ самосовершенствованію, учительству, достиженіе ученой степени, желаніе посредствомъ лекцій сблизиться съ молодежью и вообще сѣять разумное, вѣчное...

Марія Владиміровна любила людей, вѣрила въ торжество добра и правды и эту вѣру сохранила до конца своихъ дней. Она всегда говорила: „Что можетъ быть выше любви, проповѣдь которой не отразима, когда она искренна“.

„Сколько бы ни открывали новыхъ истинъ, сколько бы ни рождалось ученій, которыя хотятъ замѣнить любовь ненавистью, какъ никогда не утратитъ свою силу свѣтъ и будетъ убивать бактерій, такъ нравственныя бактеріи всегда будутъ гибнуть тамъ, гдѣ горитъ любовь, гдѣ искреннія хорошія слова говорятся, потому что они чувствуются. Вѣра въ любовь не призракъ, какъ и вѣра въ гибель бактерій подъ вліяніемъ свѣта—это все истины и тѣ истины, благодаря которымъ еще и можно жить на свѣтѣ“. Говоря это, она всегда добавляла: „Но вмѣстѣ съ любовью рука объ руку должна идти свобода. Она ея лучшій другъ. Нѣтъ любви тамъ, гдѣ деспотизмъ, нѣтъ и свободы, гдѣ нѣтъ любви. Любовь освобождаетъ личность, свобода научаетъ тому, что значитъ любить въ настоящемъ смыслѣ этого слова—любить лучшее въ человѣкѣ, ту его высокую личность, которая не можетъ существовать безъ свободы, гдѣ немыслимо *я*, знающее только само себя.

„Если бы любовь и свобода были такъ же близко связаны съ нами, какъ связаны между собою, иною бы стала человѣческая жизнь“...

Начало 1910 года было какъ-то особенно тяжело для М. В.; она часто говорила: „мнѣ скучно“. „Работы нѣтъ“. У нея усилилась глухота. Сердце ослабѣло. Она сдѣлалась нервна и часто говорила о смерти...

28-го декабря исполнялось 30-лѣтіе ея педагогической, научно-литературной и общественной дѣятельности. И этотъ день, дѣйствительно, можно назвать „розовымъ“ днемъ ея жизни. Съ часу дня маленькая квартирка начала наполняться людьми, желавшими ее лично поздравить. Чествованіе началось поднесеніемъ адреса отъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго Общества съ многочисленными подписями; затѣмъ ее при-

вѣтствовали въ теплыхъ выраженіяхъ и поднесли адресъ члены „этическаго кружка“ и редакторы изданій, гдѣ помѣщались ея работы. Въ привѣтствіи отъ московскаго женскаго клуба говорилось: „Съ Москвой связаны ваши первые шаги на педагогическомъ поприщѣ. Въ Москвѣ вы первая изъ русскихъ женщинъ читали лекціи изъ исторіи философіи. Въ Москвѣ же васъ — первую русскую женщину, избрали дѣйствительнымъ членомъ Московскаго психологическаго общества. Правленіе Московскаго женскаго клуба съ особенной признательностью считаетъ необходимымъ отмѣтить, что въ періодъ горячей борьбы за равноправіе женщинъ на васъ русская женщина съ благодарностью и гордостью указываетъ, чѣмъ она можетъ быть и что она можетъ сдѣлать... Вы доказали, что женщинѣ одинаково доступны и область отвлеченной науки, и практическая дѣятельность“.

Предсѣдательница Общества В. Морозова.

Вслѣдъ за привѣтствіями читались многочисленныя телеграммы и письма; въ телеграммѣ отъ совѣта философскаго Общества (начало которому было положено ею) говорилось: „Въ день вашего юбилея съ благодарностью вспоминаетъ о вашей иниціативѣ въ дѣлѣ учрежденія Общества и о томъ интересѣ, который постоянно съ юныхъ лѣтъ вы проявляли къ философскимъ занятіямъ. Въ вашемъ лицѣ совѣтъ радостно привѣтствуетъ первую русскую женщину, избравшую служеніе философіи цѣлью всей своей жизни“.

Предсѣдатель совѣта философскаго Общества Введенскій.

Товарищъ Предсѣдателя Радловъ.

Въ телеграммѣ отъ редактора „Русской Старины“ говорилось: „все это время вы неизмѣнно слѣдовали идеаламъ истины, нравственности и правды и въ своихъ твореніяхъ и въ своей жизни и держали высоко то знамя, которое лишь немногимъ достается удержать за время своего служенія родинѣ и наукѣ“.

Среди привѣтствій были письма отъ Людвига Штейна изъ Берлина и изъ Іены отъ бывшаго ея профессора Рудольфа Эйкена.

Постоянно повторяющіеся случаи самоубійства среди молодежи, потерявшей вѣру въ жизнь и свои силы, не давали ей покоя.

„Надо бороться съ холодомъ жизни, надо что-нибудь придумать, чтобы отвлечь молодежь отъ самоубійствъ и пробудить въ ней любовь къ жизни", только и говорила М. В.

И вотъ въ 1911 году она основываетъ „Этическое общество". Это общество было ея лебединой пѣснью и привело ее къ могилѣ.

Послѣ ряда успѣховъ, сдѣланныхъ Обществомъ, при началѣ своего существованія, и заинтересовавшихъ разные слои, не только въ Петербургѣ, но и въ провинціи, оно стало распадаться: начались раздоры, непріятности, рознь; борьба за власть.

Вскорѣ народилось новое Общество подъ тѣмъ же названіемъ, но съ другимъ составомъ правленія и членовъ, и Общество, созданное Маріей Владиміровной, закрылось. Но и новое просуществовало не долго, оно также закрылось, оставивъ послѣ себя еще большій „холодъ жизни".

Послѣ распада Общества, Марія Владиміровна стала серьезно болѣть, и если она прожила лишнихъ 3 года, то только благодаря заботамъ и уходу ея друзей Анны Николаевны и Ольги Николаевны Никитиныхъ, которыя прожили съ нею неразлучно съ 1904 года. Съ ними она не чувствовала своего одиночества, онѣ согрѣвали ее и своею любовью, и своими заботами, простиравшимися до того, что похоронили ее въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ схоронены ихъ мать и отецъ, оставивъ мѣсто и для себя.

Мое послѣднее свиданіе съ Маріей Владиміровной было 6-го мая.

Когда ее, больную, рѣшили везти на Кавказъ, она пожелала непремѣнно проститься со мной. Мы съ ней не видѣлись 2 мѣсяца, такъ какъ и она и я были обѣ очень больны.

Свиданіе наше было очень трогательное: меня на креслѣ снесли въ низъ къ двери у подъѣзда, ее подвелъ къ этому же подъѣзду, бывшій у нея, редакторъ „Русской Старины" Павелъ Николаевичъ Вороновъ.

Сидя другъ противъ друга, намъ обѣимъ хотѣлось, при прощаніи, многое сказать другъ другу, но какъ-то не говорилось. Меня душили слезы при видѣ ея худобы.

— Вотъ мы завтра уѣзжаемъ съ Никитиными до осени на Кавказъ. Говорятъ, надо для моего здоровья, уже билеты взяли... А вы куда?—спросила она меня, положивъ свою красивую, но худую, почти мертвую руку, на мое плечо. Соскучилась я по васъ. Но подняться къ вамъ на лѣстницу не

могла. Сердца плохое... потомъ встала, крѣпко прижалась къ моему лицу, заплакала, и швейцаръ повелъ ее домой. Выходя изъ подъѣзда, она пристально на меня посмотрѣла и сказала: „буду по васъ скучать, пишите“...

Меня понесли на верхъ. Въ санаторіи я часто получала отъ нея открытки. Въ послѣдней полученной мной въ концѣ августа она мнѣ писала: „Вѣрно, будущую зиму я не проживу“. 2-го сентября на станціи Влахерской въ 1½ час. отъ Москвы на дачѣ жены предсѣдателя 2-й Государственной Думы Головиной, Марія Владиміровна скончалась. Совершивъ въ это утро довольно продолжительную прогулку, вечеромъ они должны были ѣхать въ Петербургъ. И вотъ прострадавши всю жизнь, она умерла легко отъ разрыва сердца 56 лѣтъ.

Думая постоянно о смерти, въ ея книгѣ „Изъ одного альбома“ я нашла слѣдующее ее изреченіе: „сдѣлайте, пожалуйста, надпись на моей могилѣ: „здѣсь лежитъ безпокойный человѣкъ“.

А. Пѣшкова-Толивѣрова.

Письма Г. Е. Благосвѣтлова.

Ниже мы печатаемъ семь неизданныхъ писемъ извѣстнаго публициста Григорія Благосвѣтлова къ его сотруднику и другу А. П. Пятковскому.

Благосвѣтловъ -- яркая личность въ русской литературѣ, начиная съ 60-хъ годовъ (вплоть до 80-хъ). Другъ Герцена, редакторъ-издатель журнала „Русское Слово“ (1860—1866), гдѣ тогда главенствовалъ и пылалъ блестящій талантъ Д. И. Писарева, основатель народническаго „Дѣла“ (съ 1866—80 г.), Благосвѣтловъ сконцентрировалъ вокругъ своего журнала крупнѣйшія литературныя силы 60-хъ годовъ. Однимъ изъ виднѣйшихъ сотрудниковъ „Дѣла“ былъ и небезызвѣстный А. П. Пятковскій, впослѣдствіи редакторъ-издатель „Наблюдателя“. Пятковскій завѣдывалъ нѣсколькими отдѣлами въ „Дѣлѣ“ и, между прочимъ, и пестрымъ „Калейдоскопомъ“.

За послѣдніе годы катарръ горла изнурилъ Благосвѣтлова до послѣдней степени. Болѣзненный и слабый, онъ уже не покидалъ свою квартиру, и тяжкій недугъ не позволялъ ему даже принимать у себя сотрудниковъ „Дѣла“ и вести съ ними переговоры, почему онъ и прибѣгалъ къ письмамъ, въ которыхъ инструировалъ своихъ сотрудниковъ и указывалъ имъ, какъ откликаться на событія текущаго момента. Циклъ такихъ писемъ Благосвѣтлова къ Пятковскому мы и приводимъ здѣсь. Чего въ нихъ нѣтъ: цензурныя мытарства „Дѣла“, современныя литературныя новости и выпады противъ разныхъ лицъ, а главное, какъ это ни злободневно и нынче, порицаніе дѣйствій С.-Петербургской Городской Думы за хищенія при постройкѣ Литейнаго моста, о неустройствѣ газоваго освѣщенія—

словомъ,—о хозяйничаньѣ тогдашнихъ стародумцевъ, оставившихъ своихъ продолжателей и понынѣ, т.-е. спустя 40 лѣтъ безъ малаго...

Что и говорить—русская жизнь послѣдовательна.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Безъ вины виноватъ я передъ Вами. „Калейдоскопъ“ отложенъ до слѣдующей книжки, и вотъ почему. Вся книжка полна чумы, такъ что я боюсь, чтобы ее не приняли за чумную... „Внутреннее Обозрѣніе“ трактуетъ о чумѣ, Полотебновъ говоритъ о чумѣ, „Картинки“— о чумѣ, такъ что пожалуй стошнитъ читателя, которому не страшна чума. Нѣтъ сомнѣнія, что я могъ отложить до слѣдующей книжки или „Внутренн. Обозрѣн.“ или Полотебнова, но дѣло въ томъ, что они были раньше набраны. 20 февраля книжка была уже готова, но ее на цѣлыхъ восемь дней задержала цензура, благодаря ошибкѣ типографіи, напечатавшей статью безъ цензора. Ну, и пришлось хлопотать, чтобы не повѣсили и позволили перепечатать статью послѣ прочтенія цензоромъ.

Впрочемъ, „Калейдоскопъ“ только выиграетъ отъ этой маленькой задержки. Изъ иностранныхъ газетъ видно, что и иностранные врачи раздѣлились на два лагеря: одни утверждаютъ что была чума, а другіе — нѣтъ. Полемика дѣло выяснитъ и Вамъ останется дать послѣдній результатъ всѣхъ споровъ и недоразумѣній. А это очень важно. За что же мы потеряли нѣсколько милліоновъ и развѣ насъ мало умираетъ и не отъ чумы? Пишу Вамъ потому, что все еще боленъ и не могу повидаться съ Вами лично.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Книгу Градовскаго Вамъ доставятъ, и я очень радъ, что Вы потолкуете о семъ политикѣ конюшеннаго вѣдомства. Но о Бѣлинскомъ у насъ была статья Шашкова и запрещена цензурой. Надо справиться, дозволятъ ли статью другого автора и въ другомъ видѣ (запрещена она была за то, что авторъ указалъ на вліяніе Бакунина въ развитіи Бѣлинскаго).

Утина я отложилъ до декабрьской книжки; онъ всегда будетъ bien venu въ „Калейдоскопѣ“; отложилъ во-первыхъ потому, что и безъ него Калейдоскопъ около двухъ листовъ; а во-вто-

рыхъ онъ ведетъ безвозмездно одно редакціонное дѣло (о правѣ продавать книги въ конторѣ „Дѣла") и будетъ на дняхъ защищать его въ Сенатѣ. Неловко благодарить его Калейдоскопомъ; или надо предупредить его, что намѣрены немножко поскоблить съ него его аристократическій пушекъ. Во всякомъ случаѣ, онъ останется про запасъ. Постараюсь увидѣться съ Вами и лично потолкую объ этомъ подробнѣе.

16 ноября 1876 г.

Душевно преданный Вамъ

Григорій Благосвѣтловъ".

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Посылаю Вамъ книжку Зеленскаго. Посмакуйте ее и доложите пустозвону Боборыкину, что въ ней кромѣ бумаги нѣтъ ничего, что принадлежало бы автору. Во всякомъ случаѣ надо знать тотъ языкъ, на которомъ мы рѣшаемся поучать другихъ.

1 декабря 1876 г.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ".

„Вчера я собирался къ Вамъ, многоуважаемый Александръ Петровичъ, но меня задержали и теперь до выхода книжки я изъ своего хомута не вырвусь, чтобы побывать у Васъ. Поэтому не считаю лишнимъ черкнуть Вамъ нѣсколько строкъ.

1. Вы, конечно, не оставите вниманіемъ вашего „Калейдоскопа" такого университетскаго шантажа, какъ доносъ Л.; онъ такъ и бѣжитъ на Васъ.

2. 1-ая книжка будетъ выпущена 17 или 18 января.

3. Очень жалѣю, что намъ не удалось потолковать заранѣе о романѣ Тургенева, но я думаю, что онъ произвелъ на Васъ такое же впечатлѣніе, какъ и на меня. Это старческое озлобленіе, агонія умирающаго таланта, брюзжаніе на что, на кого то, но на кого и на что именно—ничего не разберешь. Тутъ все есть, но нѣтъ прежняго честнаго и умнаго Тургенева. Наша критическая статья отзовется о немъ рѣзко.

12 января 1877 г.

Григорій Благосвѣтловъ".

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Давно я собирался написать Вамъ, но ужъ очень одолѣли недуги. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Вы говорите, что Вами будутъ затронуты городскія дѣла. Давно слѣдуетъ заглянуть въ эту темную закуту. Хотя въ „Картинкахъ“ вопросъ этотъ затронутъ, но вскользь и вяло, а тутъ надо писать не чернилами,—нѣтъ, кровью и сокомъ нервовъ. Посмотрите, что дѣлаетъ Общество Газоваго Освѣщенія. И все это покрывается Думой и ея жалкими посредственностями. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ отъ 1 марта помѣщенъ Городской бюджетъ и его расходы на городскія школы. Это мизерное просвѣщеніе еще хуже газоваго освѣщенія. А новый Литейный мостъ! И тутъ совершается грандіозное воровство при дневномъ свѣтѣ. Пожалуйста копните эту кучу и чѣмъ дольше на ней остановитесь, тѣмъ лучше. Не придется ли кстати упомянуть о письмахъ Пушкина. За что и про что милымъ его дочкамъ понадобилось опошлять ихъ папашу? За что и про что Тургеневъ взялся рекомендовать и редактировать этотъ домашній хламъ, которому дальше семейнаго бюро не слѣдовало ходить? Что сбарышничалъ Стасюлевичъ, это понятно, но дѣти-то за что топчутъ память отца? Вѣдь эта переписка роняетъ Пушкина хуже, чѣмъ „Записки“ Вигеля—ихъ автора. Да и что въ ней интереснаго? Что въ ней общественнаго? Неужели всѣ обѣденныя меню и записки прачекъ составляютъ историческіе документы? Пора бы этой пошлости положить конецъ, вразумивъ этихъ дураковъ, что не всякій же домашній соръ имѣетъ право на историческое значеніе. Знаете ли что: даже самые ярые поклонники Пушкина, прочитавъ его письма, разочаруются въ нёмъ. Какой-то старый дворецкій является передъ нами вмѣсто геніальнаго человѣка. Вы пишите о Фойницкомъ. Этого дѣльца никогда не мѣшаетъ вывести на свѣжую воду; но не скрою отъ Васъ, что мнѣ не хотѣлось бы особенно реабилитировать Никитина: это тоже изъ нашихъ—и фальшивой пробы. Вы особенно не довѣряйтесь ему; я знаю по собственному опыту, что это за мальчикъ. Если къ мартовской книжкѣ поспѣетъ „Калейдоскопъ“, то пожалуйста не откладывайте Самарина дальше апрѣля. Даже было бы лучше, если бъ Вы дали Самарина къ марту, а „Калейдоскопъ“ къ апрѣлю.

2 марта 1878 г.

Весь Вашъ Григорій Благосвѣтловъ“.

„Многоуважаемый Александръ Петровичъ. Посылаю Вамъ на всякій случай статью о Выссцкомъ, Минаевѣ, Микѣшинѣ, Суворинѣ и Достоевскомъ. Пожалуйста остановитесь con amore на безобразной выходкѣ Минаева. Это стоитъ; это что-то дотого безобразное, что между трактирнымъ (неразборчиво) и буфетчикомъ болѣе человѣческія отношенія, чѣмъ между литераторомъ и редакторомъ. Это прекрасный мотивъ для отвѣта „Петербургскому Листку". Кто же, какъ не мелкая пресса создала подобнаго молодца? Кто узаконилъ скандалъ и хлестаковщину въ литературѣ, какъ не В. и X. Вѣдь это ихъ башибузуки? И вотъ они теперь вездѣ даютъ себя знать и въ шиканьѣ Высоцкаго, и въ замѣчаніяхъ Ламанскаго, и въ развязности Суворина, и гдѣ же ихъ нѣтъ? Кровью надо писать эти вещи. Вилетъ выдаетъ себя за благороднаго человѣка, безграмотный Соколовъ за литератора. Чортъ знаетъ,—что такое.

Цензура мякнетъ и болѣе повадливѣй дѣлается. Пишите,—не стѣсняя себя: война облегчитъ прессу.

Душевно преданный Вамъ

Григорій Благосвѣтловъ".

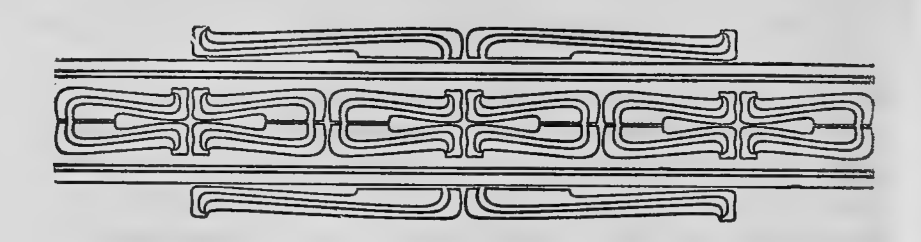
„Уважаемый Александръ Петровичъ. Все надѣялся побывать у Васъ и потолковать о дѣлишкахъ нашихъ,—а потолковать есть о чемъ,—но простудился и не могу отвязаться отъ горловаго катарра. Пожалуйста, дайте поскорѣе окончаніе „Калейдоскопа"; начало набрано и ждетъ конца. „Родину" Радонежскаго доставятъ Вамъ, а Забѣлина предвосхитилъ Шашковъ, такъ какъ онъ уже говорилъ о немъ прежде. Иловайскаго, думаю, нечего трогать—........., пока не трогаютъ его. Стихотворенія я получилъ давно, но на эту книжку уже были напечатаны много принятыхъ и наобѣщанныхъ по словамъ Шеллера, и я просилъ бы Васъ, Александръ Петровичъ, не оставлять насъ пробой, а стихи пока приберечь до болѣе благопріятной минуты, ибо цѣлая куча есть такихъ стихотвореній Сурикова, Шеллера, Полонскаго, Быкова, которыя печатаются, по мѣрѣ надобности въ нихъ. Какъ бы намъ устроить свиданія наши хоть разъ въ недѣлю. Есть вещи, о которыхъ слѣдовало бы потолковать вкупѣ, особенно въ такое табунное время, когда

все ползетъ врозь. Не обратитъ ли вниманіе „Калейдоскопъ" на такую пошлую демонстрацію студентовъ, какая была напечатана во вчерашнемъ номерѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей" въ пользу О. Миллера. Это значитъ не смѣй говорить того, чего мы не хотимъ, а говори только то, что мы думаемъ. Это значитъ заводить цензуру въ цензурѣ, бить литературу въ два кнута. Если Орловскіе дворяне наказываютъ „Голосъ" за то, что онъ не поетъ въ унисонъ съ „Новымъ Временемъ", то можетъ случиться, что послѣзавтра они всей прессѣ предпишутъ свою програму. Они молчали, когда „Голосъ" говорилъ гадости и подлости, но возстали, когда онъ отклонился отъ табуннаго энтузіазма. Лавочники поняли лавочниковъ-издателей и начинаютъ бить по карману своихъ руководителей за то, что они рѣшаются смѣть свое сужденіе имѣть. Гнусно.

Крѣпко жму Вашу руку

Григорій Благосвѣтловъ".

Сообщилъ С. **Шпицеръ**.



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. [1])

2 декабря. Его Величество Государь Императоръ изволилъ отбыть, 29-го ноября, изъ города Тифлиса къ Кавказской дѣйствующей арміи.

30-го ноября, въ воскресенье, Государь Императоръ посѣтилъ крѣпость Карсъ.

1-го декабря, утромъ, Императорскій поѣздъ прибылъ на станцію „Сарыкамышъ", крайній пунктъ желѣзнодорожной линіи, гдѣ сосредоточены запасы и военныя учрежденія, обслуживающія значительную часть кавказской арміи.

Обойдя на станціи почетный караулъ и пропустивъ его церемоніальнымъ маршемъ, Государь Императоръ принялъ военноначальствующихъ лицъ, послѣ чего отбылъ въ военную церковь въ селеніе Сарыкамышъ.

Отслушавъ молебствіе, Государь Императоръ прослѣдовалъ въ автомобилѣ на пограничный съ Турціей постъ, составляющій одинъ изъ пунктовъ той позиціи, которую въ настоящую минуту занимаютъ русскія войска.

Сюда заблаговременно были собраны наиболѣе отличившіеся въ бою нижніе чины частей, находящихся на передовыхъ позиціяхъ. Государь Императоръ обходилъ войска и Собственноручно роздалъ Георгіевскіе кресты и медали.

Слышалъ разсказъ дальневосточнаго дѣятеля о томъ, какъ Германія науськивала на насъ Китай, внушала ему всѣми способами, что теперь только самое удобное и безопасное время для нападенія на Россію, у которой германцы уже давно взяли

[1]) См. „Редак. Стар." февраль 1915 г.

Петроградъ. Разумѣется, тевтоны не брезгали никакими средствами—подкупомъ вліятельныхъ лицъ, печати, безсовѣстнымъ искаженіемъ событій, доставленіемъ оружія и др. Но Китай, тщательно охраняемый Японіей, взымаетъ нѣмецкія денежки, но выступленій никакихъ не дѣлаетъ.

Въ Забайкальѣ стоятъ лютые морозы, въ 50 градусовъ, и птицы мерзнутъ на-лету.

Какіе у насъ встрѣчаются теперь патріотическіе дѣятели изъ купечества. Еще ни въ одну войну подобные дѣятели не обнаружили такого подъема къ набиванію своего кармана, какъ въ настоящую войну. Мелкое купечество увѣряетъ, что всѣ эти дѣянія якобы дѣла нѣкоторыхъ оптовиковъ. Цѣны на жизненные припасы растутъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ одной изъ корреспонденцій приведенъ интересный разсказъ польскихъ крестьянъ о томъ, какъ шелъ казачій разъѣздъ и какъ онъ встрѣтилъ 20 человѣкъ конныхъ нѣмцевъ, которые выкинули бѣлый флагъ, и лишь только казаки приблизились, то нѣмцы стащили ихъ съ коней и двухъ изъ нихъ тотчасъ же повѣсили, а третьему распороли животъ и вымотали всѣ кишки наружу. Когда казаки N-скаго полка откопали могилу замученныхъ, то съ несчастнаго съ выкрученными кишками былъ снятъ фотографическій снимокъ, обошедшій весь полкъ и вызвавшій крайнее озлобленіе. Пошли разговоры: надо нѣмцамъ отплатить съ лихвой.

Шли легендарные разсказы о томъ, какъ ночью въ лѣсу, по Запорожскому обычаю, будто бы казаки клялись убивать нѣмцевъ безъ пощады. Когда же пришлось N-скому казаку столкнуться съ лежащимъ нѣмцемъ, но, по словамъ Г. Петрова [1]) дѣло произошло такъ:

„Мы двинулись дальше. Дѣйствительно, кусты скоро смѣнились лѣсомъ, дорога стала лучше, зато туманъ еще гуще и еще гнилѣе и холоднѣе. Ѣдемъ; вдругъ впереди топотъ; кто-то ѣдетъ верхомъ. Остановились. Прислушиваемся: одинъ. Двигаемся далѣе. Нагоняемъ. Топотъ оборвался; остановились и мы.

— Кто тамъ?—тревожно кричитъ правящій у насъ, готовый быстро ринуться впередъ.

---

¹) „Русское Слово“ 1914 г. № 273.

— Свой!—слышится отвѣтъ, и къ намъ подъѣзжаетъ казакъ.

Черная мохнатая папаха и бурка. Бурка забрана почти вся напередъ и топорщится бугромъ. Видно, что у казака спрятано что-то подъ буркою, и спрятано большое.

— Куда ѣдешь?

— Посланъ въ лѣсъ дозоромъ, да вотъ вернулся...

— Зачѣмъ?

— По дѣлу...—запинается смущенно.

— А что у тебя спрятано?—говоримъ.

— Гдѣ?—больше и больше смущается казакъ.

— Гдѣ?.. Подъ буркою!—начинаемъ мы подозрѣвать что-то нечистое.

— Подъ буркою...—мнется казакъ.—Такъ... по дѣлу.

— Чего такъ, по дѣлу! Покажи. Отверни бурку.

На нашъ окрикъ бурка раздвигается сама, и оттуда высовывается голова... нѣмца. Маленькая заморенная голова высунулась изъ-подъ бурочной полы, какъ голова цыпленка изъ скорлупы. Мы невольно разсмѣялись:

— Откуда это у тебя?

— Да ѣду я это тутъ лѣсомъ, пробираюсь съ опаскою. Слышу,—подъ деревомъ, въ сторонѣ, шорохъ. Прислушиваюсь: какъ быть,—одинъ. Взялъ на всякій случай пику наперевѣсъ и на шорохъ. Освѣтилъ электрическимъ фонаремъ: нѣмецъ. Отбился, надо-быть, отъ своихъ и заплутался. Видимо, усталъ, да и зазябъ. Стоитъ и смотритъ на меня, словно ему все равно, что я съ нимъ сдѣлаю. Я его за собою:

— Иди, молъ!

Валится съ ногъ, а главное—дрожитъ. Не отъ страха, а отъ холода: одеженка-то на немъ лѣтняя. Ноги у него и одеревянѣли. Я его сгребъ за шиворотъ да на коня, впереди себя. Спрятался подъ бурку. Тутъ ему, знать, сразу потеплѣло. Сталъ что-то лопотать. По-своему. Не пойму, а вижу только, благодаритъ меня. Я пріостановилъ коня, досталъ хлѣба. Пожевали съ нѣмцемъ оба. Поѣхали,—онъ у меня подъ буркою какъ-будто и задремалъ въ теплѣ, какъ дитё на рукахъ у няньки.

— Такъ вотъ и ѣду съ младенцемъ,—улыбнулся казакъ.

Я вспомнилъ ходячіе разсказы и легенды о клятвѣ N—скихъ казаковъ и сказалъ:

— Значитъ, плѣннаго везешь?

— А то кого же?—удивился казакъ.

— А сказывали, что вы рѣшили плѣнныхъ не брать?

— Мало ли чего сказываютъ?—потупился казакъ.—Слово-

то, да особенно въ сердцахъ,—одно, а дѣйствіе—другое. Въ бою-то бьешь на-смерть, а безъ бою какъ на него руку подымешь? Безоружный, вѣдь, онъ! Тутъ, вѣдь, ужъ не бой будетъ, а убійство. Вонъ онъ сидитъ подъ буркою,—развѣ можно его убить?

— Ты!—ткнулъ его казакъ подбородкомъ въ темя.

Нѣмецъ поднялъ бокомъ на казака глаза и, очевидно, догадавшись, что рѣчь идетъ о немъ, и рѣчь для него не дурная, устало, но тепло улыбнулся.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ казакъ больше для того, чтобы замять разговоръ о плѣнномъ.

Мы сказали, что въ такой-то штабъ.

— Такъ это прямо лѣсомъ, а потомъ большою дорогою направо. Я и самъ везу туда своего младенца.

— Только, пожалуйста,—попросилъ онъ насъ,—ежели будетъ тамъ рѣчь о плѣнномъ, когда привезу, не сказывайте, что я везъ его подъ буркою. Узнаютъ наши,—просмѣютъ бабою или кормилкою... Зубоскалы!

Удивительно организована у нѣмцевъ шпіонская сигнализація. По словамъ очевидца: „Нѣтъ такой церковной колокольни, фабричной трубы или высокой кровли, на которыхъ у нѣмцевъ не было бы наблюдательнаго пункта, или не поставленъ былъ безпроволочный телеграфъ. Оттуда они оглядываютъ все, что внизу подъ ними, а въ зрительныя трубы слѣдятъ за нѣкоторыми окнами Лодзи, откуда имъ сигнализируютъ ихъ агенты. Ночью—разноцвѣтными фонарями, днемъ — зеркалами и флажками. Сколько разъ наши замѣчали. Работаетъ батарея чудесно. Никакъ ея они нащупать не могутъ. Какъ вдругъ около, въ окнахъ деревни, въ трубѣ оставленнаго дома, гдѣ-нибудь подъ кровлей, начинаютъ играть огоньки, или мельница замашетъ крыльями, или стогъ сѣна вспыхнетъ, и сейчасъ же туда направляется непріятельскій огонь. Мы то-и-дѣло ловимъ шпіоновъ, которыхъ у нѣмцевъ тьма-тьмущая. Еще бы, давно готовились къ этой войнѣ. Колонистовъ ихъ— хоть прудъ пруди“[1]).

3-го декабря. Отношеніе нашихъ офицеровъ и солдатъ къ плѣннымъ зиждется на древней русской поговоркѣ „лежачаго не бьютъ“, а потому подчасъ и слагаются поразительныя явле-

[1]) „Русское Слово“ 2-го декабря 1914 года.

нія. Очевидцы разсказывали, какъ цѣлый поѣздъ австрійскихъ солдатъ изъ славянъ очень стройно пѣлъ „Боже, Царя храни“, а затѣмъ кричалъ: „ура, виватъ! Живіо Царь Никола“.

Совершенно невѣроятное для германцевъ событіе, если бы кто-либо изъ плѣнныхъ англичанъ, бельгійцевъ, русскихъ или французовъ запѣлъ „Вахтъ амъ Рейнъ“.

Уже полгода ведется война и за все это время нигдѣ въ печати германской, австрійской, французской, англійской, бельгійской и русской не проскользнуло ни одного слова, гдѣ бы слагался хотя бы одинъ намекъ на благородный поступокъ нѣмца, начиная отъ кайзера, кронпринца до самаго послѣдняго солдата.

Въ занятыхъ нѣмцами городахъ Царства Польскаго офицеры и солдаты сильно пьянствуютъ. Солдаты массами перепиваются до безчувствія, а затѣмъ ночью повальное пьянство завершается дракой и кровопролитной свалкой. Въ гор. Кутно недавно отрядъ нѣмецкихъ солдатъ вошелъ въ костелъ во время богослуженія съ пѣніемъ „Пупсика“. Не снимая касокъ и не выпуская изо рта трубокъ, нѣмцы стали выталкивать молящихся изъ храма, сопровождая свои дѣйствія смѣхомъ и прибаутками: „Пошли прочь, скоты, представленіе кончено“. Конечно, богослуженіе было прервано.

Печально слышать, какъ русскіе люди добровольно отдавали себя въ мирную кабалу нѣмцамъ. Оказывается, что сѣмена свекловицы нѣмцы разводили въ Россіи и продавали ихъ русскимъ за 100 — 150 процентовъ прибыли. Особенно усиленно работала фирма „Рабсте и Гитике“.

Слышалъ такой разсказъ. Къ столу мирового судьи въ Бѣлостокѣ подходятъ двѣ бабы:

— Господинъ судья, — говоритъ одна изъ нихъ, — она меня обругала.

— Какъ же она васъ обругала? — спрашиваетъ судья.

— Она меня назвала „нѣмкой“ — отвѣтила жалобщица.

6—13 декабря. Къ началу декабря наши арміи расположились за рѣками Бзурой, Равкой, Нидой, Дунайцомъ и по Карпатамъ. Въ началѣ декабря мы потѣснили германцевъ въ

Млавскомъ направленіи, на правомъ берегу Вислы, и остановились по восточной окраинѣ Пруссіи. 6 декабря началась зимняя кампанія, въ которой Гинденбургъ предпринялъ свое третье наступленіе противъ нашихъ войскъ на Варшавскомъ фронтѣ, съ задачею во что бы то ни стало прорвать нашъ центръ и овладѣть Варшавой, а австрійцы предприняли противъ насъ демонстраціи на Карпатахъ. Съ 6 декабря начались безумныя, по своему упорству и по громаднымъ для германцевъ потерямъ, безчисленныя атаки на наши укрѣпленныя позиціи Варшавскаго фронта между Вислой и Пилицей по рѣкѣ Бзурѣ и Равкѣ. Появились въ донесеніяхъ эти доселѣ мало извѣстныя рѣки и мѣстечки Сохачевъ, Болимовъ, Рыбно, госп. дворъ, Жуковъ и другія.

Вильгельмъ въ своемъ приказѣ по арміи писалъ: „Вы должны взять Варшаву. Тамъ мы зажжемъ Рождественскую елку. Тамъ будутъ наши зимнія квартиры".

Германскіе начальники стали исполнять этотъ приказъ и стали посылать въ атаку нѣмецкія войска въ густыхъ массахъ. Они ихъ опаивали передъ атакой эѳиромъ, коньякомъ и ромомъ. Ошалѣвшіе, озвѣрѣлые, шатаясь, съ хриплыми криками: „отдай Варшава", нѣмцы лѣзли на наши окопы.

Не щадя силъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами, они набрасывались на наши войска, переходя отъ атаки къ атакѣ. Они лѣзли, какъ саранча на наши позиціи, гибли тысячами отъ нашего огня, оставляя передъ нашими окопами горы труповъ. Нѣкоторые участки нашихъ позицій нѣмцы атаковали безпрерывно девять, десять, одиннадцать разъ.

Ни пьяный угаръ, въ которомъ нѣмцы бросались въ атаки, ни превосходство силъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ не могли разорвать желѣзную цѣпь нашихъ войскъ. Прорвавшись въ одномъ мѣстѣ, они наталкивались на новую стѣну резервовъ, и послѣ штыковой схватки отступали на прежнія позиціи.

Наркотическое возбужденіе давало имъ ту силу и то упорство, котораго въ нормальныхъ условіяхъ лишены германскія войска. Но возбужденіе длилось недолго, и сплошь да рядомъ солдаты падали, не добѣжавъ до окоповъ, и засыпали, чтобы, затоптанные слѣдующими своими частями, ужъ никогда не проснуться...

Эти пьяныя атаки отбивались съ неизмѣннымъ успѣхомъ великой трезвенницей русской арміей.

Одинъ штабъ-офицеръ въ своемъ письмѣ крѣпко и картин-

но сказалъ о нашемъ положеніи: *„Мы крѣпко стоимъ на Бзурѣ, и нѣмцамъ насъ не своротить“*.

Этотъ пьяный угаръ германцевъ имѣлъ послѣдствіемъ, что ихъ раненые были негодны на перевязку, ихъ надо было привести въ нормальное состояніе, и многія пустыя раненія сопровождались смертельными осложненіями, тогда какъ у нашихъ раненыхъ, русскихъ трезвенниковъ, раненія протекали зачастую просто чудесно, и нѣкоторые герои, съ прострѣленными грудями, убѣгали съ перевязочнаго пункта на позиціи.

Вотъ какъ описываются очевидцемъ [1]) эти безчисленныя атаки германцевъ въ бою подъ Рыбно. „Начались онѣ съ вечера, какъ только стемнѣло. Когда по ту сторону, у непріятеля, послышались крики, и почудилось движеніе, наши думали, что это обычный обманъ непріятеля: вызвать русскихъ на себя и разстрѣлять ихъ изъ своихъ траншей. Мы остались спокойно у себя. Но скоро оттуда донеслось приближеніе большихъ массъ, и намъ пришлось отбивать обычное ихъ наступленіе густыми колоннами. Косили мы ихъ безъ счета. Особенно наши пулеметы нагромоздили ихъ скоро чуть не въ упоръ. Цѣлый валъ образовался изъ тѣлъ убитыхъ, изъ-подъ которыхъ раненые не имѣли силы выползти. Отбились, отхлынула волна назадъ, и не успѣли наши отдышаться, какъ нѣмцы опять, очевидно, впитавъ въ себя новую часть изъ подходившихъ ихъ отрядовъ, кинулись на русскіе окопы. Описать это сейчасъ почти невозможно. Въ эту темень, подъ молніями и громами артиллерійскаго боя, здѣсь совершались дѣла величайшаго мужества и безумной отваги. Нашихъ было гораздо меньше, чѣмъ противника. Мы должны были здѣсь драться наличностью однѣхъ и тѣхъ же силъ, но эта война пріучила насъ и не къ такимъ еще подвигамъ. Девять атакъ одна за другой, одинаково неистовыхъ, когда упорство соединялось съ пьянымъ угаромъ, стремительность наступленія — съ густотою строя, были отбиты нами изъ окоповъ и встрѣчными ударами, для которыхъ нашимъ усталымъ героямъ приходилось выходить изъ-за своихъ валовъ. Тутъ наши смѣшивались съ нѣмцами, дрались лобъ въ лобъ, схватывались въ единоборствахъ, напоминавшихъ богатырей греческаго эпоса. Надо сказать правильнѣе: вся эта ночь была сплошнымъ боемъ, потому что атаки безъ перерыва сливалась одна съ другою. Все простран-

---

[1]) В. И. Немировичъ-Данченко „Русское Слово“ 13-го декабря 1914 года.

ство между окопами было усѣяно тѣлами противниковъ. Ревѣли орудія, стучали пулеметы, грохотали ружья, вторя хриплому стихійному „ура“, и десятая атака, наконецъ, такъ смѣшала и насъ, и нѣмцевъ, что, вернувшись въ свои окопы, мы застали тамъ засѣвшихъ туда въ торопи нѣмцевъ. Ихъ живо перекололи, но и еще приходилось въ зигзагахъ траншеи находить ополоумѣвшаго и растерявшагося врага. Это былъ безпощадный бой, хотя солдаты говорятъ сами, что имъ было порою жаль наносить ударъ одурѣвшему врагу, колоть пьяныхъ, а когда ломались или портились штыки, бить непріятеля прикладами. Между десятою и одиннадцатою атаками промежутокъ былъ небольшой. Захваченные нами и уведенные съ собою плѣнные не понимали, гдѣ они, безсмысленно шли впередъ и часто заговаривали съ нашими, какъ со своими“.

Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть 13-го сего декабря къ дѣйствующей арміи.

Разсказывали о чудесномъ спасеніи повозки съ полковой церковью. Повозка свалилась съ моста въ р. Санъ, и на глазахъ всѣхъ, ее чудесно принесло теченіемъ на то самое мѣсто, гдѣ надлежало повозкѣ съѣхать съ моста.

Другой домъ, на стѣнѣ котораго висѣлъ образъ „Тайной Вечери“, былъ разрушенъ непріятельскими снарядами,—осталась только часть стѣны, гдѣ находился образъ.

Въ стѣнѣ образовалась дыра, давшая трещину до самаго гвоздя, на которомъ висѣлъ образъ, но послѣдній даже не покачнулся.

Сестра милосердія одной изъ Парижскихъ общинъ сообщаетъ въ письмѣ въ Россію, что къ нимъ въ лазаретъ былъ доставленъ легко раненый германецъ, около койки котораго былъ постоянно зловонный запахъ. Долго не могли понять, откуда исходитъ зловоніе. Стали обыскивать германца и нашли у него мѣшечекъ, который онъ тщательно хранилъ у себя. Мѣшечекъ открыли, и въ немъ оказалась кисть женской руки, пальцы которой были покрыты драгоцѣнными камнями.

Прочелъ приводимый ниже разсказъ сербскаго посланника Спалайковича [1]) о знаменательномъ днѣ 11 іюля 1914 года.

„Посланникъ вспомнилъ день 11 іюля, когда для всѣхъ стало ясно, что единственнымъ исходомъ изъ тяжелаго положенія должна явиться война.

— Мнѣ пришлось,—говорилъ посланникъ, — подробно обо всемъ говорить съ министромъ иностранныхъ дѣлъ г. Сазоновымъ, который проявилъ большую рѣшимость и въ категорической формѣ заявилъ мнѣ, что Россія ни въ коемъ случаѣ не можетъ потерпѣть агресивныхъ дѣйствій Австріи противъ Сербіи. Министръ сообщилъ, что ему пришлось говорить по этому поводу съ полной откровенностью съ германскимъ посломъ графомъ Пурталесомъ, и глава русскаго дипломатическаго вѣдомства заявилъ представителю Германіи, что нападеніе на Сербію затрагиваетъ самые жизненные интересы Россіи, а потому Императорское правительство будетъ принуждено принять тѣ мѣры, которыя оно найдетъ въ данномъ случаѣ нужными. Графъ Пурталесъ относился какъ будто съ нѣкоторымъ скептицизмомъ къ словамъ г. Сазонова, не допуская возможности, что Россія съ оружіемъ въ рукахъ будетъ защищать Сербію. Тутъ же г. Сазоновъ сказалъ германскому послу, что если бы вопросъ шелъ, напримѣръ, объ Албаніи, то конечно могли быть какія-либо соглашенія и Императорское правительство не считало бы дѣло столь обостреннымъ въ настоящій моментъ. Австрійскій ультиматумъ, по словамъ г. Сазонова, наносилъ ударъ Сербіи, какъ самостоятельному государству, и это—одна изъ основныхъ причинъ, почему конфликтъ не можетъ быть отнюдь улаженъ дипломатическимъ путемъ.

Графъ Пурталесъ, который такимъ образомъ былъ рѣшительно въ курсѣ всего происходящаго и истинныхъ намѣреній русскаго правительства, однако продолжалъ быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что Россія войны не объявитъ.

11 іюля я, ожидая въ пріемной у министра иностранныхъ дѣлъ, столкнулся съ германскимъ посломъ. Онъ спросилъ меня, какія извѣстія получены изъ Сербіи, и тутъ же добавилъ: „Все это дѣло должно быть улажено между Сербіей и Австріей“: На это я возразилъ, что посолъ далеко ошибается, и что теперь вопросъ перешелъ на европейскую почву.

До послѣдней минуты графъ Пурталесъ и его ближайшій помощникъ фонъ-Люціусъ, — продолжалъ посланникъ, — были

---

[1]) „Нов. Вр.“ 10 дек. 1914 г.

убѣждены, что съ русской стороны только угроза и что на рѣшительный шагъ въ Петроградѣ не пойдутъ. Нѣмцы убѣдили въ этомъ и австрійцевъ, которые полагали, что все дѣло можетъ быть улажено мирнымъ образомъ".

Разсказывали объ изумительномъ дѣйствіи жидкости доктора Малинина по истребленію всѣхъ паразитовъ и насѣкомыхъ. Книга объ этой жидкости издана въ Тифлисѣ въ 1905 г. докторомъ Григорьевымъ подъ заглавіемъ „Противомоскитная жидкость", и навѣрное могла бы принести немалую пользу на войнѣ.

Передъ войной германское интендантство высылало особыхъ эмиссаровъ къ нашимъ нѣмецкимъ колонистамъ и въ Прибалтійскій край [1]) для закупки въ громадномъ количествѣ гороха, фасоли, бобовъ, сала, а также на нашемъ югѣ громадныхъ заказовъ клещевиннаго масла, необходимаго для моторовъ, аэроплановъ и автомобилей. Таково было у насъ до войны засилье нѣмецкое, что и запасы на веденіе войны поступали нѣмцамъ изъ Россіи. Только одна война всколыхнула матушку Русь свергнуть съ себя иго нѣмецкое, которое не легче было для насъ ига татарскаго.

Интересныя извѣстія получаются изъ Прибалтійскаго края.— „Пасторъ прихода Лютрингенъ, Гольдингенскаго уѣзда, Брифлингъ высланъ въ Тобольскую губернію.

Высылка послѣдовала послѣ того, какъ пасторъ на похоронахъ произнесъ рѣчь, въ которой порицалъ русскихъ и хвалилъ германцевъ" [2]).

„Владѣлецъ имѣнія „Паленъ", Венденскаго уѣзда, Самсонъ фонъ-Гиммельстьенъ за утайку при мобилизаціи 12-ти лошадей преданъ суду" [3]).

„Въ Валкскомъ уѣздѣ былъ арестованъ крупный землевладѣлецъ баронъ Вольфъ.

Какъ установлено слѣдствіемъ, баронъ Вольфъ скупалъ у окрестныхъ помѣщиковъ и крестьянъ лошадей, подлежащихъ

---

[1]) „Нов. Вр." 12 дек. 1914 г.
[2]) „Русс. Слово" 14 дек. 1914 г.
[3]) Тамъ же.

мобилизаціи, по дешевымъ цѣнамъ и пряталъ ихъ въ своихъ имѣніяхъ, надѣясь на свою „неуязвимость" [1]).

„Въ состоявшемся вчера [2]) засѣданіи соединеннаго присутствія перваго и кассаціоннаго департаментовъ Сената былъ разсмотрѣнъ вопросъ о преданіи суду тальсенскаго (Курляндской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства барона Радена.

Поводомъ для этого послужили слѣдующія обстоятельства, характеризующія прибалтійскихъ бароновъ.

Стражникъ Юхневскій по возникновеніи войны обратился къ барону Радену съ просьбой отпустить его со службы, въ виду желанія поступить добровольцемъ въ армію.

Баронъ Раденъ не только не согласился на это, но въ припадкѣ гнѣва сорвалъ съ Юхневскаго форму и посадилъ его за проявленіе такого желанія подъ арестъ. Юхневскій обратился съ жалобой къ прокурору. Возникло дѣло о превышеніи власти барономъ Раденомъ.

Губернское присутствіе, однако, высказалось противъ преданія барона Радена суду.

По настоянію прокурора дѣло перешло въ Сенатъ.

Вчера соединенное присутствіе перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Сената постановило отрѣшить барона Радена отъ должности уѣзднаго предводителя дворянства и предать его суду по обвиненію по 2-й части 341 ст. и стт. 348 и 362 (превышеніе власти, незаконное взятіе подъ стражу, подлогъ по службѣ)".

Въ одномъ секретномъ нѣмецкомъ рапортѣ отъ 9 марта 1913 года сказано:

„Въ Сѣверной Африкѣ и Россіи нужно порождать смуту. Это средство поглотитъ силы противника. Устройство политическими агентами безпорядковъ должно быть тщательно подготовлено и путемъ матеріальныхъ средствъ. Безпорядки должны вспыхивать внезапно съ разрушеніемъ путей сообщенія и должны имѣть руководителя изъ вліятельныхъ круговъ религіознаго и политическаго" [3]).

Въ одномъ письмѣ, оставленномъ въ Ригѣ госп. Гирсъ было сказано, между прочимъ, что племянникъ ея Врангель палъ за отечество [4]).

---

[1]) „Русс. Слово" 13 дек. 1914 г.
[2]) „Новое Вр." 10 дек. 1914 г.
[3]) „Нов. Вр." 13 дек. 1914 г.
[4]) „Бирж. Вѣд." 13 дек. 1914 г.

Оказывается, что этотъ Врангель курляндскій баронъ, убитый въ германской арміи.

При этомъ извѣстіи невольно вспоминается, какъ одинъ генералъ съ русской фамиліей, нынѣ находящійся на театрѣ войны, и быть можетъ имѣющій противъ своихъ войскъ германскихъ офицеровъ изъ балтійцевъ, запальчиво утверждалъ въ недавнее, смутное, время: — „Опора русской власти въ Прибалтійскомъ краѣ—это прибалтійское дворянство“.

Къ половинѣ декабря на Кавказѣ въ Ольтинскомъ и Саракамышскомъ направленіяхъ обнаруживаются значительныя силы турокъ.

15-го декабря. Во всѣхъ корреспонденціяхъ съ театра войны ярко выступаетъ, преступная противъ Россіи, дѣятельность нѣмцевъ-колонистовъ. Они всѣми силами помогаютъ германцамъ и австрійцамъ. Шпіоны они изумительные. Сигнализація нашимъ непріятелямъ организована изумительно, какъ это и было уже отмѣчено въ нашихъ замѣткахъ. Въ районѣ военныхъ дѣйствій дома и постройки колонистовъ приспособлены къ боевымъ дѣйствіямъ германцевъ. Если бы было возможно послать нашихъ развѣдчиковъ, офицеровъ генеральнаго штаба, и военныхъ инженеровъ въ приграничныя полосы военныхъ дѣйствій и въ Прибалтійскій край, то получилась бы картина поразительная. Двойное, двуличное, подданство нѣмцевъ не допускаетъ никакого къ нимъ довѣрія. Посмотрите на здѣшнихъ петроградскихъ нѣмцевъ, уже русскихъ подданныхъ (булочниковъ, колбасниковъ, цвѣточниковъ и другихъ коммерческихъ профессій людей). Какія у нихъ довольныя хари, когда бываютъ удачные дни для Германіи, и какія кислыя рожи у нихъ при нашихъ удачахъ. Если пасторовъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ ссылаютъ за моленія въ успѣхахъ германцевъ, то нечего ждать ничего благопріятнаго для Россіи отъ Дейтшландъ юбералистыхъ тевтоновъ.

Колонистовъ нѣмцевъ пограничниковъ надо немедленно нещадно гнать. Какая же будетъ польза отъ нѣмцевъ, уже давно пріявшихъ русское подданство? Будутъ ли они когда-либо считать себя русскими, и дѣтей своихъ воспитывать въ русскомъ духѣ. Разумѣется, никогда. Всегда родина у нихъ будетъ Германія, и портретъ нѣмецкаго кайзера будетъ висѣть у нихъ на первомъ планѣ. Русскими они никогда не будутъ. Старые

колонисты, начиная съ Екатерины II, никакой для Россіи пользы не принесли и ничего для благосостоянія Россіи не сдѣлали. Они захватили громадное количество земли, такое количество, что если бы его обнародовать, то надо выпучить глаза отъ изумленія. Зачѣмъ направлять нашихъ безземельныхъ крестьянъ въ дальнюю Сибирь, а лакомые и жирные куски земли въ Россіи предоставлять нашимъ внутреннимъ, наглымъ, германцамъ. Надо и съ ними теперь же покончить, какъ съ пограничными, разъ навсегда.

Если отъ этихъ лояльныхъ патріотовъ никакъ не избавиться, то земельное дѣло наше будетъ проиграно навсегда для русскаго крестьянина. Русская земля должна быть русской, а не нѣмецкой. Какія внутри Россіи нѣмецкія колоніи, какое ихъ устройство, организація, названія,—все это сплошной нѣмецкій фатерландъ, не менѣе опасный для Россіи, какъ пограничные колонисты.

16-го декабря. Какое позорное поведеніе болгарскаго кайзера и его присныхъ правителей. Какой урокъ для насъ за нашу войну 1877 — 1878 гг. за освобожденіе славянъ, или вѣрнѣе однихъ только болгаръ, потому что для сербовъ было мало сдѣлано. Недавно слышалъ, какъ одинъ господинъ изъ русскихъ, при многолюдномъ собраніи, утверждалъ, что мы въ войну 1877—1878 гг. не могли ничего сдѣлать для сербовъ, ибо это не угодно было Австріи.

А румыны? у нихъ исчезло совсѣмъ изъ памяти, что русскіе ихъ освободили отъ турецкаго ига, еще въ то время, когда они назывались валахами и молдаванами, а не румынами. Вотъ, что значитъ проливать русскую кровь за чуждые Россіи интересы.

Говорятъ, что у нѣмецкихъ военачальниковъ имѣются аттестаціонные списки нашихъ высшихъ начальниковъ военныхъ и гражданскихъ, и тамъ въ особенности выставляются особенности ихъ характера. Видимо, что фельдмаршалъ Гинденбургъ знакомъ съ этими характеристиками, когда онъ заявилъ, что текущая война есть дѣло характера воюющихъ сторонъ.

А вотъ нѣмецкіе военачальники теряются отъ всего непредвидѣннаго ими. Внезапность ихъ главный врагъ, отъ нея они шалѣютъ; они терпѣть не могутъ ничего вдохновеннаго, творческаго. Они должны все дѣлать отъ печки, пики, по шаблону.

Даже и въ атаку идти локоть къ локтю. Если ихъ разсчетъ нарушенъ, то они теряются.

Тупоумное упорство долбить одну цѣль характеризуетъ современнаго германскаго начальника.

17-го декабря. Слышалъ, что нейтральная Италія, получая черезъ свои порты аргентинскій хлѣбъ, снабжаетъ имъ Австрію и Германію. Конечно, хлѣбные запасы Болгаріи, Румыніи и Греціи также не миновали германскихъ животовъ.

Разсказывали, что въ петроградскія учрежденія, возникшія для потребностей военнаго времени, нещадно лѣзутъ балтійскіе бароны. Передавали, что одному кровному, русскому, достойнѣйшему во всѣхъ отношеніяхъ, человѣку въ одномъ изъ этихъ учрежденій мѣста не оказалось, а прибалтійскому барону, хотя и довольно дурковатому, мѣсто было уготовано.

18-го декабря. Государь Императоръ во время пребыванія въ дѣйствующей арміи посѣтилъ ставку Верховнаго Главнокомандующаго, гдѣ принималъ доклады о ходѣ военныхъ дѣйствій, и прослѣдовалъ затѣмъ къ войскамъ. При объѣздѣ войскъ въ мѣстахъ ихъ расположенія, Государь Императоръ Собственноручно награждалъ наиболѣе отличившихся въ дѣлахъ противъ непріятеля знаками отличія и благодарилъ воинскія части за боевую службу. Выслушавъ докладъ Главнокомандующаго арміями сѣверо-западнаго фронта, генералъ-адъютанта Рузскаго, Государь Императоръ изволилъ отбыть изъ дѣйствующей арміи.

Со времени внесенія въ настоящія замѣтки боевыхъ дѣйствій нашихъ войскъ, къ настоящему дню прибавились въ Карпатахъ и ихъ предгорьяхъ мало извѣстныя прежде названія Корчинъ, Горлице, Ялиско, Дукла, Лиско и Перемышль, а на Варшавскомъ фронтѣ Гумино, Иновлодзь, Болимовъ. Эти мѣста ознаменовались сильными боями нашихъ чудо-богатырей съ австро-германцами. Особенно бѣшено-упорны были многократныя, пьяныя атаки германцевъ у Гумина и Болимова. Несмотря на страшныя потери, эти пьяныя атаки, направляемыя дикой волей Гинденбурга, исполняли волю своего руково-

дителя. Прилагаемый рисунокъ представляетъ набросокъ художника, съ одной изъ этихъ пьяныхъ атакъ. Участники боевъ разсказываютъ, что во время пьяныхъ атакъ нѣмцы кричали: „отдай Варшава". По свидѣтельству корреспондента „Русскаго Слова" В. И. Немировича-Данченко, непріятель уже сплошь бьетъ по насъ разрывными пулями [1]).

„Это возмутительнѣйшее нарушеніе всякихъ конвенцій, соглашеній и договоровъ больше никого не удивляетъ. Оно въ порядкѣ вещей. Обманувшіеся въ своихъ ожиданіяхъ быстрой побѣды и разгрома непріятеля нѣмцы пускаютъ въ ходъ все. Я видѣлъ такія раны: входное отверстіе въ одной щекѣ, затѣмъ развороченная, раздробленная челюсть, вырванная совсѣмъ другая щека. Незамѣтная ранка въ бедро, внутри измельченная кость и громадный, съ блюдечко, выходъ. Мерзавцы до того дѣлаютъ этотъ огонь густымъ, что наши солдаты уже окрестили его свѣтлячками. Впиваясь въ дерево, падая на шоссе, эти пули даютъ зеленовато-желтые огоньки, вспыхивающіе теперь со всѣхъ сторонъ".

Этотъ же корреспондентъ разсказываетъ [2]), какъ во время одного ночного боя подъ Сохачевымъ, когда германцы предполагали насъ обойти, два нашихъ блиндированныхъ автомобиля со скорострѣлкой вылетѣли въ самую гущу непріятельскихъ колоннъ и неожиданно какъ смерчь закружились въ толпахъ германцевъ. Груды нѣмецкихъ труповъ быстро покрыли боевое поле. Наши били въ упоръ, по сторонамъ, назадъ. Нѣмцы кидались на землю, въ слѣпомъ страхѣ ползли въ стороны, бѣжали куда глаза не глядятъ, сталкивались другъ съ другомъ и стрѣляли по своимъ.

Такимъ дивнымъ набѣгомъ отбита была эта атака.

19—20 декабря. Опять упорныя атаки германцевъ на Бзурѣ и Равкѣ. Мы вступаемъ въ Буковину. На Кавказѣ идутъ упорные бои съ турками въ Сарыкамышскомъ и Ольтинскомъ направленіяхъ и у Ардагана.

---

[1]) „Русское Слово" 18-го декабря 1914 года.

[2]) Тамъ же.

Приводимъ прелестный разсказъ сибирскаго стрѣлка о томъ, какъ онъ одинъ подбилъ нѣмецкій автомобиль и привелъ его въ штабъ [1]).

— „Какъ же ты это сдѣлалъ?—спрашиваю солдата.

— Шелъ я, ваше благородіе, по дорогѣ, вижу, автомобиль катитъ, по виду на нашихъ не похожъ, и управляетъ имъ человѣкъ въ нѣмецкой шапкѣ. Я отступилъ отъ шоссе, разсыпался въ цѣпь, открылъ огонь и началъ его обстрѣливать. Автомобиль подшибъ, и машина стала, я подбѣжалъ и того, который въ машинѣ сидѣлъ, тоже подшибъ... Думаю, надо машину въ штабъ доставить. Сѣлъ вмѣсто шоффера, пробовалъ управлять, ничего не выходитъ,—пыхтитъ и ни съ мѣста... А тутъ навстрѣчу крестьянинъ ѣдетъ,—распрягъ повозку и заставилъ везти... Говорятъ къ наградѣ представили“...

21—22 декабря. Опять многочисленныя и безрезультатныя атаки и атаки германцевъ на Бзурѣ и Равкѣ. На Карпатахъ прибавился бой за Ужокскій перевалъ, на Кавказѣ упорные бои въ прежнихъ мѣстахъ, а въ Буковинѣ продвигаемся впередъ.

Армія Радко Дмитріева взяла за послѣднія двѣ недѣли въ плѣнъ 311 офицеровъ, 22.269 нижнихъ чиновъ, и захватила 7 орудій и 45 пулеметовъ.

Въ прилагаемомъ рисункѣ Радко Дмитріевъ изображенъ на своемъ автомобилѣ на боевыхъ позиціяхъ, на этомъ же автомобилѣ, во время похода, этотъ войсковой кумиръ безпрерывно проѣзжаетъ по походной колоннѣ.

Другой рисунокъ представляетъ Радко Дмитріева 28 августа 1914 г. въ рѣшительную минуту Городка, за что онъ награжденъ послѣдней наградой Георгіемъ 3-го класса.

Общеземская организація, во главѣ которой стоитъ кн. Львовъ, перевозитъ ежемѣсячно на своихъ 40 поѣздахъ 13.000 раненыхъ. За 4 мѣсяца войны она израсходовала на снабженіе солдатъ теплыми вещами 16 милліоновъ рублей.

Въ нѣкоторыхъ городскихъ лазаретахъ города Саратова для плѣнныхъ нѣмцевъ въ день Рождества по ихъ стилю была устроена елка. Зажигались свѣчи, раздавались подарки, кон-

[1]) „Веч. Вр.“ 20 дек. 1914 г.

фекты, папиросы и яблоки [1]), а въ городѣ Оренбургѣ, Орскѣ и др. сосланные въ Оренбургъ и Орскъ нѣмцы, служившіе до ссылки въ нѣмецкой компаніи Зингера, получаютъ прекрасныя назначенія въ той же компаніи Зингера въ Оренбургскомъ и Орскомъ ея отдѣлахъ.

Какую еще видную роль играетъ и теперь въ Россіи нѣмецкое засилье.

23-го декабря. Яростныя атаки на Болимовъ. Въ Буковинѣ овладѣли Сучавой. На Кавказѣ мы взяли обратно Ардаганъ.

Приводимъ разсказъ заживо погребеннаго нашего раненаго [2]).

„Была полная ночь, когда я очнулся отъ своего обморока,— разсказываетъ раненый.—Съ громаднымъ усиліемъ, упершись во что-то мягкое,—это былъ трупъ,—я попробовалъ приподняться, но невыносимая боль заставила меня снова откинуться на спину. И, падая, я увидѣлъ передъ собой, на краю ямы, въ которой я лежалъ, свѣже-сколоченный крестъ, неясно бѣлѣвшій. Я былъ въ могилѣ, и рядомъ со мной лежали два уже похолодѣвшихъ трупа“. Полубезсознательное состояніе, въ которомъ находился раненый, помогло ему перенести ужасъ тѣхъ двухъ дней, что онъ пробылъ въ этой незарытой могилѣ, покамѣстъ почти случайно не былъ подобранъ нашими санитарами, привлеченными къ могилѣ невнятнымъ стономъ раненаго.

Кайзеръ Вильгельмъ любитъ кататься по германской арміи съ большими предосторожностями и громаднымъ конвоемъ. На прилагаемой фотографіи онъ изображенъ во время недавняго его посѣщенія главной квартиры кронпринца въ Польшѣ.

---

24 декабря. Наши дивныя кавказскія войска подъ Сарыкамышемъ разнесли турецкія полчища. На-голову разбили турецкіе 9 и 10 корпуса и взяли громадное количество плѣнныхъ, орудій и пулеметовъ. Подъ Ардаганомъ разбитъ первый турецкій корпусъ.

„Бреслау“ и „Гамидіе“ встрѣтились съ Черноморскимъ флотомъ, и поврежденные нашимъ огнемъ убѣжали къ Константинополю.

---

[1]) „Нов. Вр.“ 21 дек. 1914 г.
[2]) „Нов. Вр.“ 23 дек. 1914 г.

Наши враги: Пьяная атака.

Радко-Дмитріевъ на боевыхъ позиціяхъ.

28 августа 1914 г. Рѣшительныя минуты Городка.

Наши враги: Вильгельмъ II въ главной квартирѣ Кронпринца.

Какія вдохновенныя строки посвящаетъ В. И. Немировичъ-Данченко нашимъ героямъ въ своей корреспонденціи въ „Русскомъ Словѣ“, отъ 24 декабря. Вотъ что онъ пишетъ своимъ дивнымъ перомъ:

„Пятый мѣсяцъ въ огнѣ и въ походѣ. Пятый мѣсяцъ люди не видѣли надъ собою кровли. Хлестало ихъ ливнями. Пекло безпощадное солнце въ іюлѣ и августѣ. Засасывали вязкіе омуты осенью. Желѣзнымъ гвоздемъ прибивали къ землѣ, слава Богу, недолгіе морозы. Сырыхъ обдувало и знобило безжалостнымъ вѣтромъ. Били сверху шрапнели, низали вдоль пулеметы, въ клочья рвали снаряды, впивались и рвались въ тѣлѣ подлые „свѣтлячки“. Солому просасывало подъ ногами слякотью. Вода въ окопахъ, холодная и смрадная, подымалась чуть не до колѣнъ. Безсонныя ночи въ заревахъ горящихъ деревень, въ штыковыхъ встрѣчахъ съ одурѣвшимъ пьянымъ врагомъ, въ вѣчномъ ожиданіи засады, въ прислушиваніи къ шорохамъ за каймами раскинутыхъ передъ траншеями труповъ... Лобъ въ лобъ съ противникомъ, который крадется отовсюду... Мучительные пути къ такимъ побѣдамъ, о которыхъ не вѣдалъ еще міръ. Атаки по горло въ водѣ на живую стѣну непріятеля, засѣвшаго за гребнемъ берега, въ зеленомъ мракѣ лѣса, гдѣ врагъ заслонился, срубивъ на твоей дорогѣ вѣковыя деревья, перепутавъ ихъ сплошными завалами, нарылъ волчьихъ ямъ, окутался колючими проволоками, змѣиными жалами вонзающимися въ руки и ноги, терзающими лицо и грудь, когда споткнувшійся солдатъ падаетъ на эти адскіе переплеты. Минуты тревожнаго сна,—сутки непрерывнаго боя. Переходы, какихъ и коню не обломать, въ такую даль, гдѣ не нагонитъ ни ротная кухня, ни телѣга съ хлѣбомъ. Героизма—мало! Героизмъ въ моментѣ, въ порывѣ, въ стремительности удара, въ порывѣ защиты. Нѣтъ! Надобно нѣчто высшее героизма: рѣшимость вынести все, сила одолѣть не только человѣка, но и стихію, побороть не ощетинившагося штыками нѣмца, не сосредоточившійся на тебѣ огонь пулеметовъ, но голодъ, сонъ, усталь, бездорожье; не гастроль вдохновеннаго подвига, а изо дня въ день, изъ минуты въ минуту все то, съ чѣмъ нельзя жить, дышать, думать. Надо заковаться въ стальную броню готовности на все, умирать каждое мгновеніе, но не отдавать священныхъ рубежей, пока бьется сердце, и кровь еще струится по жиламъ. Болятъ кости, слипаются глаза, нервы вотъ-вотъ оборвутся, какъ слишкомъ натянутыя струны, а ты выжидай на себя врага, глуши его мощнымъ окрикомъ, обезумь такою отвагой, о какой онъ

развѣ-что въ сказкахъ слышалъ, но наяву еще не видалъ. Строй рѣдѣетъ, товарищи наполовину уже спятъ сномъ праведныхъ въ братскихъ могилахъ, остальные—кого на носилкахъ подняли и сдали въ лазареты санитары, кто самъ ушелъ туда „перевязаться", и назадъ, только въ окопъ не пустили его врачи. Сложили на солому въ теплушку и отправили. Строй рѣдѣетъ, но тѣ же бодрость и сила, точно ушедшіе оставили свои въ наслѣдство этимъ немногимъ. И никто, какъ врагъ, знаетъ это. Бушующимъ ураганомъ кружился, вспѣненными волнами несся сюда и, разбившись и отхлынувъ назадъ, долго не могъ опамятоваться въ своихъ траншеяхъ за ихъ траверсами. Строй рѣдѣетъ, мало остается, — таковъ жребій войны. Подходятъ наши свѣжіе боевые ряды! Пора смѣнить усталыхъ. Пусть идутъ на давно заслуженный отдыхъ. И вдругъ негаданный отвѣтъ! Какъ одинъ человѣкъ, эти остатки славнаго полка:

— Останемся здѣсь, гдѣ легли товарищи!

Тутъ все залито ихъ святою кровью: уйти отсюда къ жизни, счастью, свѣту, — не все ли равно, что измѣнить имъ, зарытымъ тутъ же, около.

— Останемся здѣсь, гдѣ легли товарищи!

Смѣняютъ командира.

— Умру, гдѣ умеръ полкъ! Вмѣстѣ жили, вмѣстѣ и на вѣчный покой!

И въ послѣдній разъ грозно направляются стальныя дула въ приближающагося врага, расплатившагося вдесятеро за этихъ бойцовъ. Онъ зоветъ поле передъ окопомъ своимъ кладбищемъ, и когда ему удалось обойти и схватить живьемъ нѣсколькихъ нашихъ, не захотѣвшихъ оставить эту Голгоѳу, даже грубый, озленный, безжалостный нѣмецъ отдалъ имъ воинскія почести...

Когда вели этихъ плѣнныхъ, германскій офицеръ скомандовалъ своимъ:

— На-караулъ!..

Навстрѣчу строился полкъ, и вражье знамя преклонилось передъ ними...

Слава умирающимъ и да здравствуютъ живые! Не забудемъ братскихъ могилъ и послѣ великой побѣдной войны придемъ сюда поклониться священному праху безропотныхъ мучениковъ. Пусть память о нихъ живетъ вѣчно въ сердцѣ, въ пѣснѣ и сказѣ благодарнаго народа, которому они дали все, что у нихъ было, и взамѣнъ не взяли даже погребальной молитвы. Глубоко напитали землю своею чистою кровью, чтобы на этихъ

поляхъ на вѣки-вѣчные росло и крѣпло дѣло правды и свободы, радости и покоя,—росло, крѣпло и вѣтвилось, покрывая благословенною сѣнью мирный трудъ работника".

25, 26, 27 декабря. Опять на Варшавскомъ фронтѣ Гинденбургъ опаиваетъ своихъ солдатъ спиртомъ и эѳиромъ и посылаетъ ихъ на убой на Боржимовъ-Скерневицы и Могелы.

Всѣ атаки отбиты. Германцы понесли колоссальный уронъ во время декабрьскихъ, безумныхъ, атакъ. Уронъ германцевъ простирался до 200.000.

Въ Галиціи наши войска перешли въ наступленіе и разбили 3 австрійскихъ армій и отбросили австрійцевъ въ Венгрію и къ Кракову. Плѣнныхъ австрійцевъ мы взяли до 80.000. Въ Буковинѣ заняли Гура-Гумору и Кимполингъ.

Одни турки стараются тщетно поправить свое пораженіе у Караургана.

Всѣ эти отчаянные бои разбились о желѣзную стѣну нашихъ чудо-богатырей.

28—29 декабря. Одинъ американскій журналистъ провелъ болѣе сутокъ въ русскихъ окопахъ среди солдатъ. Вернулся восторженный и умиленный. Говоритъ:

— Я понялъ теперь, почему у васъ, русскихъ, такая прекрасная литература. Она—отраженіе прекрасной народной вашей души. Въ другое время, въ обыденщинѣ жизни, за мусоромъ и хламомъ мелкихъ заботъ и нищенскихъ горестей или радостей, эту вашу народную душу въ ея чистотѣ, вѣдь, иностранцу, пожалуй, и не разглядѣть. Но вотъ въ окопахъ! Передъ лицомъ смерти! Въ сплошномъ, непрерывномъ, невидномъ и такомъ скучномъ подвигѣ самопожертвованія. Что это за люди ваши солдаты и офицеры! Живая красота!

Американецъ былъ вполнѣ правъ, утверждая, что „живая красота" наши офицеры и солдаты. Подтвержденіе этой мысли особенно ярко выразилось въ разсказѣ шт.-кап. Подгурскаго, принимавшаго энергичное участіе въ взрывѣ мостовъ на р. Бзурѣ въ декабрѣ с. г.[1]), которые надлежало уничтожить лишь только тогда, когда съ непріятельскаго берега перейдутъ всѣ наши войска. Это былъ мостъ-шлюзъ у мельницы, по одну сторону котораго Бзура текла въ видѣ широкаго ручейка, а по другую поднимались очень высоко, заливая часть луга. По прибытіи команды на мостъ, были заложены динамитные патроны и провели поро-

---

[1]) Корреспонденція Н. Рогозинщикова. „Веч. Вр." 24 дек. 1914 г.

ховую нить для взрыва. Войска проходили черезъ мостъ, и шт.-кап. Подгурскій провѣрялъ ихъ по списку. Къ утру прошелъ послѣдній отрядъ. Мосты на остальныхъ переправахъ были уже взорваны. Вотъ какъ разсказываетъ это дѣло самъ руководитель его:

„Черезъ мостъ спѣшили пройти подводы убѣгавшихъ жителей. Возы, перегруженные хозяйственной рухлядью, едва поддавались усиліямъ измученныхъ лошадей... Матери на рукахъ тащили плачущихъ ребятъ.

Непріятель подходилъ.

Нужно было спѣшить. Но одна мысль не давала мнѣ покоя—что, если я взорву мостъ, а тамъ, на сторонѣ нѣмцевъ еще наши части.

И мы ждали. На мельницѣ, замыкая наши колонны, осталась сотня казаковъ. Чтобы быть спокойными, есаулъ С. послалъ во всѣ стороны разъѣзды...

Черезъ полчаса казаки возвратились съ донесеніемъ, что нигдѣ поблизости нашихъ войскъ не видно, но уже показались густыя колонны непріятеля.

Тоскливо было на душѣ... Томило какое-то предчувствіе. Думалось—взорвешь мостъ, и вдругъ на той сторонѣ окажутся русскіе... При одной этой мысли страшно становилось!

И мы снова ждали, жадно разсматривая въ бинокли открытыя окрестности... Время шло.

Вдругъ прискакалъ казакъ. По его словамъ, нѣмцы были уже верстахъ въ 2½ отъ насъ, а въ 1½ верстѣ у дер. Попово были оставлены нашей тяжелой артиллеріей два заднихъ хода съ снарядами.

Снаряды неминуемо должны были попасть въ руки непріятелю. Это было слишкомъ обидно.

Проснулось страшное желаніе выхватить снаряды изъ-подъ самаго носа непріятеля.

Сказано—сдѣлано. На мельницѣ стояли 4 фурманки. Разгрузить повозки и снять съ передковъ было дѣломъ одной минуты.

Взяли передки и упряжь, и шесть казаковъ рысью пустились въ опасное предпріятіе.

Твердо было дано имъ приказаніе—доставить снаряды, во что бы то ни стало.

Но они ускакали, а мы остались съ тяжелымъ сердцемъ.

Тревожилъ вопросъ—успѣютъ ли?

Вѣдь имъ до снарядовъ было полторы версты, а нѣмцамъ только верста. Одна была надежда на скорыхъ казацкихъ лошадей.

Между тѣмъ насъ начали уже обстрѣливать, то вправо, то влѣво разрывалась шрапнель.

Германцы надвигались быстро и повидимому страстно хотѣли сохранить за собой мостъ.

Оставаться на мельницѣ было уже не безопасно, и я просилъ есаула увести сотню.

Длинной шеренгой казаки стали уходить. У меня порывалась послѣдняя связь съ отходившей арміей.

Прошелъ часъ.

Безпокойство за казаковъ принимало нервный характеръ.

Нашихъ частей уже давно не было видно.

Нужно отдать справедливость и моимъ минерамъ—они вели себя превосходно—работали съ такимъ спокойствіемъ, точно у себя дома, а не подъ обстрѣломъ въ виду у непріятеля..

И вдругъ—радость. Вижу: скачутъ прямо черезъ поле къ мосту казаки, сзади громыхаютъ снарядные ящики... Вывезли!

Усталые, запыхавшіеся, но счастливые...

Велѣлъ увозить снаряды дальше. Въ верстѣ показалась германская артиллерія.

Шрапнель сыпалась все чаще и чаще.

Было время взрывать мостъ... И уже хотѣлось отдать приказаніе поджигать шнуръ, какъ вдругъ—смотрю—бѣгутъ наискось какія-то фигуры. Хватаюсь за бинокль—батюшки, наши!

Нужно во что бы то ни стало рвать мостъ, съ одной стороны скачутъ нѣмцы, а съ другой бѣгутъ заблудившіяся наши части.

Кто скорѣе?

Такого нервнаго напряженія я никогда въ жизни не испытывалъ, какъ въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ минутъ, пока не выяснилось, что наши солдаты успѣютъ спастись...

И едва перебѣжалъ черезъ мостъ послѣдній изъ нихъ, какъ шнуръ былъ зажженъ.

Отбѣжали—ждемъ.

Проходитъ 7—8 томительныхъ минутъ...

И взрывъ. Уже по звуку слышу, что дѣло не важно—смотрю, сваи покосились, но и только. Мостъ цѣлъ. Оказывается, взорванъ только одинъ зарядъ изъ шести.

Что дѣлать?

Шрапнель рвется вокругъ цѣлыми снопами, цѣлы мы только чудомъ...

Направо и налѣво поднимаются громадные столбы дыма—восточная окраина Ловича и деревня Забастовъ горятъ... Врагъ быстро наступаетъ. Еще нѣсколько минутъ, и будетъ поздно.

Снова закладывать шнуръ? Но онъ разъ обманулъ, можно ли на него понадѣяться?

Нѣтъ. Одинъ выходъ—поджечь непосредственно пороховую нить...

Правда, тогда у насъ останется всего нѣсколько секундъ, чтобы сбѣжать съ моста и самимъ не взлетѣть на воздухъ, но зато мостъ будетъ навѣрно взорванъ...

Думать некогда. Сообщаю объ этомъ старшему минеру. Тотъ сразу понялъ положеніе.

Видно было, какъ поблѣднѣло и сдѣлалось серьезнымъ его лицо... Но приказаніе было исполнено точно и безпрекословно.

Все остальное заняло не болѣе, какъ минуту.

Три минера и я взошли на мостъ, наклонились къ патронамъ...

Я роздалъ имъ по папиросѣ. Зажигать необходимо было одновременно, чего трудно было достигнуть со спичками...

Закурили.

— Теперь ребята, слушай! При командѣ „три" зажигай и бѣги съ моста...

Все готово. Папиросы около пороховыхъ шнуровъ.

— Разъ, два... Секунды кажутся часами...

— Три.

Вижу, у всѣхъ троихъ облачки дыма—значитъ, загорѣлось.

Прикладываю и самъ огонь къ пороху...

Вскакиваемъ, бѣжимъ, прыгаемъ черезъ брешь отъ перваго взрыва...

— Ложись!

И тотчасъ же надъ ухомъ что-то звякнуло, страшный ударъ раскатился по полю, смѣшался съ звономъ разбивающихся стеколъ, земля дрожала...

Я поднялъ голову. Надъ мостомъ падалъ громадный столбъ воды съ обломками свай и настила... Съ глухимъ шумомъ хлынула вода... Мостъ былъ взорванъ и путь врагу отрѣзанъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на взрывъ съ нѣмецкой стороны участилась шрапнелъ, засвистали пули.

Дѣло было сдѣлано, и мы тихо, не покидая двуколки, стали отходить.

Германцы уже бѣсновались на томъ берегу бурлившей и разлившейся рѣки".

Наши врачи, сестры милосердія и врачебный персоналъ на боевыхъ поляхъ и въ лазаретахъ великими подвигами испол-

няютъ долгъ свой. Впослѣдствіи я приведу дивное возсозданіе этой высокой дѣятельности въ талантливой кореспонденціи В. И. Немировичемъ-Данченко, а теперь испросивъ учителя извиненія за массу корреспонденцій, напечатанныхъ въ ноябрьскихъ замѣткахъ, я приведу описаніе многосуточной работы профессора Бурденко корреспондентомъ „Вечерняго Времени“ [1]).

„Маленькій невзрачный человѣкъ въ защитной курткѣ и фуражкѣ, въ высокихъ сапогахъ, высматривающій изъ-за золотыхъ очковъ, всегда одинаково ровный, рѣдко повышающій голосъ, сосредоточенный,—будто о чемъ-то вспоминаетъ или носитъ въ себѣ тяжелую думу.

Мнѣ часто приходилось сталкиваться съ этимъ человѣкомъ, но я его какъ-то не замѣчалъ и принималъ—не то за одного изъ безчисленныхъ уполномоченныхъ, не то за врача, какихъ на войнѣ много и какіе не выдѣляются изъ общаго уровня.

Въ послѣдніе дни я снова встрѣтился съ этимъ маленькимъ человѣкомъ въ очкахъ.

Онъ стоялъ у операціоннаго стола за стеклянной дверью, очки его совсѣмъ опустились, глазъ не было видно, а въ рукахъ были щипцы, которыми онъ подрѣзывалъ черепную кость.

На столѣ лежалъ солдатъ съ пробитой головой. Рядомъ на двухъ другихъ столахъ такіе же раненые. Одного уже разбинтовали, и онъ покрикивалъ, когда ему пробривали голову.

Операція окончилась, сестры, ассистенты и санитары,—группа человѣкъ въ семь въ бѣлыхъ халатахъ,—разступились, и маленькій человѣкъ перешелъ къ слѣдующему столу.

Рядомъ со мной черезъ стеклянную дверь смотрѣла одна изъ сестеръ. Она не проронила слова и слѣдила глазами за движеніемъ рукъ человѣка, дѣлавшаго операцію.

— Третьи сутки, не отдыхая, дѣлаетъ операціи...—замѣтила она въ мою сторону, когда операція кончилась,—профессоръ Бурденко, его здѣсь всѣ боготворятъ...

Сестра говорила про маленькаго человѣка въ очкахъ. Это и есть профессоръ Юрьевскаго университета Бурденко, которому еще въ прошлую войну предрекали „блестящую будущность“.

Хохолъ, изъ духовныхъ, скромный, застѣнчивый, вмѣстѣ съ тѣмъ твердый и настойчивый, не знающій устали, способный по шесть-семь часовъ не выходить изъ операціонной ком-

[1]) „Вечернее Время“ 28 декабря.

наты. Мелкихъ операцій не дѣлаетъ. Все больше трепанаціи, серьезныя пораненія живота, переломы, раздробленіе костей.

Когда выпадаетъ свободная минута, и въ пакгаузѣ уменьшается число раненыхъ, профессоръ Бурденко ѣдетъ поближе къ окопамъ и смотритъ бой. Война и солдаты—сейчасъ весь его міръ и всѣ его интересы. Гдѣ онъ, тамъ въ госпиталяхъ спокойны. Знаютъ, что тяжелые раненые будутъ спасены, что серьезныя операціи пройдутъ съ успѣхомъ, что живыхъ останется больше, погибшихъ будетъ меньше.

— Такой руки, какъ у профессора Бурденко, второй въ арміи нѣтъ...—говорятъ сестры.

— Бѣда только, что ему не разорваться".

И вотъ въ сравненіи съ дѣятельностью нашихъ врачей и сестеръ милосердія, удѣляющихъ свой святой уходъ своему и врагу, и въ сравненіи съ заповѣдью „лежачаго не бьютъ", свято соблюдаемой нашими чудо-богатырями, мы приводимъ картинку культурныхъ дѣяній германцевъ [1]):

Вблизи села Бабушкина, Волынской губерніи, былъ найденъ трупъ рядового Николаенка съ обрѣзанными ушами, носомъ и половыми органами. На животѣ и на груди найдено 15 колотыхъ штыковыхъ ранъ. При осмотрѣ трупа выяснилось, что всѣ истязанія продѣланы надъ Николаенковымъ еще при жизни.

Поручику Смирнову, лежащему раненымъ на полѣ сраженія, пруссаки отрѣзали носъ; гусаръ Толстошеевъ весь былъ изрубленъ и исколотъ; одному казаку, на прусскомъ же театрѣ войнѣ, отрѣзали уши и носъ, выкололи глаза и вырѣзали языкъ; другому солдату нѣмцы вырвали ногти, а кожа на обѣихъ рукахъ его была завернута, какъ снятая перчатка.

Одинъ корнетъ, близъ Мюльгаузена, раненый пулей въ грудь, былъ весь исколотъ штыками, а вмѣсто глазъ у него зіяли двѣ впадины, наполненныя кровью. Въ дер. Саенки, близъ Августова, былъ найденъ обгорѣвшій остовъ казака, котораго сожгли живого, обливъ предварительно керосиномъ.

Давно я не бралъ въ руки атласа нашего Стрѣльбицкаго карты Европы. Теперь его у меня нѣтъ подъ рукой, но я отлично помню, какъ въ этомъ атласѣ были приведены карты нашихъ войнъ съ Турціей съ исчисленіемъ того количества

---

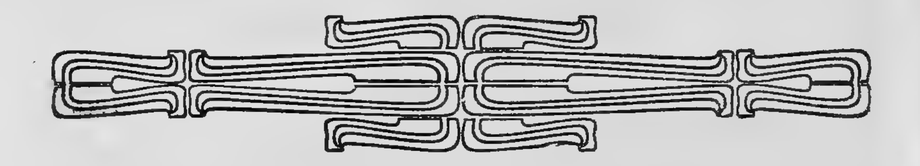
[1]) „Нов. Вр." 13 ноябр. 1914 г.

квадратныхъ верстъ, которое русскіе завоевывали у Турціи, по окончаніи каждой войны.

Меня очень поражали въ этихъ, отторгнутыхъ отъ Турціи областяхъ, окрашенныхъ извѣстными красками, двѣ особенности. Первое: первоначальныя кампаніи, которыя вела Россія съ Турціей,—оканчивались присоединеніемъ отторгнутыхъ отъ Турціи областей къ державѣ Россійской, а войны послѣдняго времени оканчивались освобожденіемъ отъ турецкаго ига, завоеванныхъ нами странъ, безъ пріобщенія ихъ Россіи (Молдавія, Валахія, Болгарія). Второе это то, что въ конфигураціи завоеванныхъ отъ Турціи областей была видна ясно, что сама судьба, отторгая отъ Турціи земли, неудержимо, шагъ за шагомъ, толкаетъ насъ на югъ, по направленію къ Константинополю.

Преисполненъ увѣренности, что по окончаніи настоящей великой войны Константинополь, Босфоръ и Дарданеллы будутъ наши на Св. Софіи засіяетъ русскій крестъ, и образъ Господа Саваоѳа, замазанный турками на куполѣ софійскаго храма, по преданію, послѣ взятія Константинополя будетъ видимъ всякимъ входящимъ въ храмъ.

В. П.



Воспоминанія генералъ-лейтенанта Николая Константиновича Языкова о кампаніи 1877-го года [1]).

Записки, найденныя послѣ смерти Н. К. Языкова.

Сентября 11-го, сдѣлавъ переходъ въ 27 вер., пришли мы въ г. Дубасары; не знаю, почему этотъ городъ меня интересовалъ особенно, развѣ потому только, что слышалъ объ немъ отъ покойнаго отца, который дѣлалъ кампанію 1823 года и странствовалъ изъ Рязанской губ. до Адріанополя по нашему хожденію. Самый же городъ не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ грязи ужасной и множества жидовъ, которые по случаю праздника своего Кучки копошились на улицахъ со своимъ домашнимъ скарбомъ. Громадный виноградникъ, арендуемый нѣмцемъ, привлекъ общее вниманіе офицеровъ; понасладились виноградомъ, дешевизна его насъ удивляла.

Нашлись охотники, которые отправили въ корзинахъ въ г. Тверь своимъ знакомымъ десятки фунтовъ винограду.

Вечеромъ играла полковая музыка, что кажется доставало не малое удовольствіе шлепавшимъ по грязи еврейкамъ. Сентября 13-го съ утра шелъ дождь, предстояла переправа черезъ Днѣпръ въ 5 вер. отъ города на паромахъ.

Эскадроны постепенно подходили къ переправѣ и сдѣлавъ 13 верстъ пришли въ г. Опицканъ. На другой день 14 числа подъ дождемъ прошли 23 версты и вступили въ г. Кишиневъ, куда изъ Твери отправлены были хлѣбопеки. Начальникъ дивизіи былъ въ городѣ, получа откуда-то свѣдѣнія, что въ го-

---

[1]) См. „Русская Старина", январь, 1915 г.

родѣ сапъ, приказалъ полку стать бивуакомъ на площади. По маршруту предстояла дневка, нашли опять закупки разныхъ вещей, дороговизна меня поражала. Квартира мнѣ отведена была въ домѣ Инглези, хозяинъ дома былъ въ деревнѣ, сырость въ квартирѣ была страшная. Очень радъ былъ, что согласились вытопить помѣщеніе, въ которомъ находился.

Лучшая гостиница въ городѣ „Петербургская", не отличалась чистотою, кормили дурно, хотя посѣтителей было много. Обмѣнявшись визитами съ генералъ-губернаторомъ, не заставъ другъ друга дома, осмотрѣлъ я городской садъ, какъ достопримѣчательность города. Изъ дивизіи получилъ предписаніе заключить условіе по примѣру прочихъ полковъ, съ евреемъ подрядчикомъ для довольствія фуражемъ полка, дачу давать по 4 гарнца зерна и 12 фун. сѣна по справочной цѣнѣ. Начальникъ дивизіи былъ убѣжденъ, что съ выходомъ полка въ походъ 4 гар. будетъ отпускать казна.

Слѣдующій переходъ 16 сентября былъ въ Малешти 29 вер. и на другой день въ д. Саращи. Изъ Малешти къ Абамелекъ ѣздилъ къ родственникамъ своимъ въ Гакчешти къ кн. Манугбей. Распоряженіемъ мѣстной Бессарабской администраціи всѣ проходящія войска сопровождаемы были сельской и земской полиціей, которая заготовляла воловъ у крутыхъ подъемовъ, которые впрягались въ обозныя фуры и обозъ отъ полка не отставалъ. Трудно шли офицерскія повозки, пара лошадей 2 разряда не соотвѣтствовала грузу офицерской повозки, несмотря на крайне ограниченный размѣръ клади каждаго офицера. Сопутствующій становой приставъ сообщилъ бригадному командиру, что можемъ миновать Саращи и идти въ с. Карокуй, имѣніе кн. Манугбея, что и было принято бригаднымъ командиромъ. Сентября 17 пришелъ полкъ въ с. Карокуй, дороги шли значительными подъемами и вмѣсто 29 маршрутныхъ верстъ, сдѣлали переходъ въ 35 вер. Семейство князя Манугбея въѣхало въ свое помѣстье, всѣ офицеры были къ обѣду приглашены. Людямъ дана была водка.

Трубачи и пѣсельники развлекли нашу походную стоянку, а семейство кн. Манугбея было въ высшей степени любезно и гостепріимно, это былъ послѣдній привѣтъ родины, такъ какъ на другой день предстоялъ переходъ границъ и вступить въ Румынію, нашу недоброжелательную союзницу, которая по милости Россіи и значитъ то на географическихъ картахъ, какъ государство.

Если не предстоялъ значительный переходъ, то съ ночлега обыкновенно полкъ выступалъ въ 8 час. утра.

Во дни большихъ переходовъ и въ 7 час. утра выступали; 18 сентября предстоялъ переходъ въ 36 вер. въ г. Леово и переходъ румынской границы. Полкъ выступалъ раньше обыкновеннаго, обозъ отправленъ былъ тоже раньше, но не переходя границу приказано было ждать прибытія полка, гдѣ полковымъ священникомъ отслуженъ былъ молебенъ. Граница сама по себѣ ничего не представляла необыкновеннаго, какъ будто валикъ наросшій. Десятокъ румынскихъ солдатъ, находившихся въ домѣ кордона, отдали честь полку, нижніе чины поцѣловали крестъ и въ 10 час. 3 мин. вступили въ Румынію, а въ 3 часу прибыли въ г. Леово, съ довольно широкими улицами, съ неизмѣнною грязною площадью, на которой связалъ уже подрядчикъ сѣна для полка. Съ утра проголодавшись, выставка „Русскій Трактиръ" пришлась очень кстати, гдѣ кромѣ любви къ деньгамъ русскимъ ничего порядочнаго, за исключеніемъ кофе, варенья и подозрительныхъ котлетъ, нельзя было достать. Голодъ не свой братъ, все предлагаемое было живо съѣдено, а мнѣ какъ запоздавшему пришлось долго ждать борща и обѣщаннаго бифштекса.

Квартиру свою я тоже долго искалъ по пустыннымъ улицамъ, а придя на квартиру, чуть-чуть не рѣшился искать другого пріюта, такъ какъ запахъ чесноку ошеломилъ меня. Къ вечеру городъ оживился, день былъ субботній, шабашъ кончался, лавки отворились и жидки забѣгали съ гешефтами.

Полкъ выступилъ въ походъ безъ маркитанта, на эту должность предлагали свои услуги нѣсколько личностей въ Твери, прося дать имъ денегъ впередъ, на что я не согласился. Деньги, отпускаемыя отъ казны, въ количествѣ 250 руб., въ полкъ на офицерскую столовую, раздѣлены были на пять частей между эскадронами и штабомъ полка, предоставивъ эскадроннымъ командиромъ купить нужныя вещи для каждой артели. На отведенныхъ мнѣ квартирахъ останавливался я, братъ мой, прибывшій въ Кишиневъ, къ полку, и старшій штабъ-офицеръ полка Алексѣевъ.

Стряпалъ намъ солдатикъ, бывшій денщикъ капельмейстера, взятый передъ самымъ походомъ только потому, что, служа въ нѣмецкомъ семействѣ, пріучился кое-что варить и жарить.

Въ Леовѣ на 19-ое число назначена была дневка, тогда же на выводкѣ осматривалъ я лошадей и ихъ содержаніемъ остался

доволенъ, въ особенности № 3 эскадрономъ. Слабѣе прочихъ по содержанію лошадей оказался № 1 эскадронъ.

Въ № 1 эскадронѣ двѣ лошади, а въ прочихъ трехъ эскадронахъ по одной лошади оказались съ набитыми спинами. По совѣсти винить сѣдоковъ въ небрежной сѣдловкѣ не могъ, такъ такъ всѣ лошади были съ высокими холками. Но всетаки эскадроннымъ командирамъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе, а съ ѣздоковъ взысканіе идти пѣшкомъ, пока спины не заживутъ у лошадей. Изъ третьяго эскадрона очень хорошую лошадь за хромоту приказалъ оставить, а въ первомъ эскадронѣ, какъ мнѣ показалось, одна лошадь была споена. Нижнимъ чинамъ былъ сдѣлалъ медицинскій осмотръ и 14 человѣкъ оказались больными, преимущественно сифилисомъ, полкъ отъ этого зла въ Твери страдалъ. Обозныя лошади, не втянувшись въ работу, были съ обожженными плечами, приказано было сдѣлать войлочныя подкладки. Слѣдующій переходъ 25-го сентября въ г. Фальги былъ въ 25 верстъ. Этотъ городъ весь въ садахъ. Съ затрудненіемъ расположились мы по дворамъ на окраинѣ города. Пріятно было воспользоваться телеграфомъ, чтобъ послать домой депешу, такъ какъ еще ничего не получалъ изъ дому. Послалъ съ уплаченнымъ отвѣтомъ на г. Бырлатъ, но отвѣтной телеграммы не получилъ. Въ г. Бырлатѣ предстоялъ намъ конечный пунктъ полученнаго маршрута, приказаніе дальнѣйшаго передвиженія должно было послѣдовать. 21-го сентября предстоялъ переходъ большой въ 42 вер. въ Бырлатъ. По слѣдованію же оказалось больше 45 вер. Вообще неточность верстъ, показанныхъ по маршруту, была поразительна.

Выступивъ въ этотъ день раньше обыкновеннаго, предполагалъ сдѣлать привалъ около часу на полкъ дороги. Обыкновенный же порядокъ слѣдованія былъ таковъ: тронувшись по часамъ съ мѣста, пройдя часъ времени, останавливалъ полкъ, не слѣзая на 10 минутъ, пройдя еще часъ, спѣшивалъ полкъ, на 15 минутъ и версты двѣ лошадей вели въ поводу. Не доходя часу до ночлега еще остановка, а иногда и двѣ, смотря по разстоянію всего перехода. Полкъ шелъ очень ходко по 6-ти верстъ въ часъ, время стояло осеннее, отъ жары полкъ не страдалъ, скорѣй отъ дождей, грязи и холодныхъ, темныхъ ночей. На полъ пути въ Бырлатъ сдѣланъ былъ привалъ, нижнимъ чинамъ дана была водка отъ бригаднаго командира, люди позакусили хлѣбомъ, дождь раза два смочилъ дорогою, подъемы и спуски были большіе, дорога шла изворотами и

окраинами лѣса. Горячившіяся и идущія тротомъ лошади всегда отправлялись впередъ полка, но такихъ не много было, лошадей пять въ полку. Предполагалось, что начальникъ дивизіи встрѣтитъ полкъ въ Бырлатѣ. Не доходя верстъ 4-хъ до города мы были встрѣчены генераломъ Дохтуровымъ, вышедшимъ пѣшкомъ за городъ. Онъ остался очень недоволенъ, что поздно пришли, а было около 6-ти часовъ вечера, и не пожелалъ вѣрить, что переходъ болѣе 45 вер. Самъ же пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ. Приказалъ полку стать бивуакомъ и на другой день назначилъ выводку полку въ 10 ч. утра. 22-го сентября дневка въ г. Бырлатѣ. Выходка состояла въ томъ, что начальникъ дивизіи обошелъ коновязи, пробовалъ пищу въ котлахъ, приказавъ больше класть баклажановъ, и повидимому остался доволенъ. Лошадей пять были съ набитыми спинами, въ прочихъ же полкахъ было больше, какъ мнѣ передавалъ словоохотливый дивизіонный интендантъ подполковникъ Рейнботъ. Къ казачьемъ полку 16 лошадей были съ набитыми спинами. Дальнѣйшій маршрутъ былъ черезъ г. Бузео въ Зимницу.

Въ Бырлатѣ грязь ужасная. Полицмейстеръ города, русинъ, воспитывавшійся въ г. Берлинѣ, скоро сошелся съ офицерами, говоритъ по-французски и нѣмецки, посѣщая съ офицерами рестораны, гдѣ, подорванныя пѣніемъ и жизнію, пѣвицы пѣли „стрѣлочка", обходя съ тарелками каждыя ¼ часа. Офицерство тутъ погуляло и первый денежный запасъ порасходовали. Жалованье и фуражныя деньги были выданы въ г. Кишиневѣ.

На другой день 23-го сентября съ дождемъ выступили въ с. Ліэшти 24 вер. Селеніе это лежало въ сторонѣ отъ дороги. Дождевая погода растворила землю, былъ порядочный холодъ, идти пѣшкомъ было затруднительно. Я не могъ смотрѣть безъ жалости на штатныхъ нашихъ людей при полку. Изъ Бырлата отправилъ я ихъ по желѣзной дорогѣ до г. Бузео, перевозъ ихъ по румынской дорогѣ дорого стоилъ. На ночь полкъ размѣстился за изгородями, 2-ая батарея стала бивуакомъ. Ночью лошади сорвались съ коновязи, хлопотъ не мало доставили батарейному командиру; къ слѣдующему переходу лошадей собрали, а мнѣ труда не мало стоило уговорить бурнаго князя подождать доносить объ этомъ. Батарея осталась дневать въ Ліэштахъ и собирать лошадей, а я съ полкомъ 24-го сентября пошелъ въ г. Текучъ 24 вер.

Здѣсь узнали мы, что въ Уланскомъ полку въ г. Фокшанахъ весь полкъ съ бивуака сорвался ночью, нѣсколько лоша-

дей попали подъ поѣздъ жел. дор. и много лошадей искалѣчено и пропали безъ вѣсти.

Отъ начальника тыла арміи офицеръ привезъ мнѣ приказаніе идти въ Зимницу, а съ г. Бузео свернуть въ с. Обелешти-Нау и тамъ ожидать приказанія. Полкъ сталъ бивуакомъ, и сердце начало у меня болѣть, какъ бы не случилось того, что въ артиллеріи и Уланскомъ полку. Въ г. Фокшанахъ 25 сентября, переходъ 25 вер., нагнали Уланскій полкъ, который оставался нѣсколько дней собирать лошадей. Городъ, несмотря на грязь, съ хорошими постройками. Большая гостиница, гдѣ весьма сносно можно было питаться. Полку дневка предстояла, памятная мнѣ по нарушенію дисциплины въ 3 эскадронѣ. Два пьяныхъ солдата нагрубили и толкнули унтеръ-офицера. Командиромъ эскадрона было тотчасъ доложено мнѣ объ этомъ; полкъ былъ уже въ сборѣ и виновныхъ тутъ же передъ полкомъ приказалъ тѣлесно наказать, взявъ на себя всю отвѣтственность въ такой незаконной расправѣ, но счелъ долгомъ доложить командиру бригады, который моимъ распоряженіемъ остался очень недоволенъ, тогда я просилъ его довести до свѣдѣнія начальника дивизіи о моемъ поступкѣ, или я при случаѣ самъ начальнику дивизіи доложу. Изъ Фокшанъ выступили 21-го сентября въ г. Рымникъ. Въ 40 вер. переходъ— утомителенъ подъ проливнымъ дождемъ. Въ Рымникѣ уже казачій полкъ № 1 былъ расположенъ по дворамъ. Драгуны должны были расположиться бивуакомъ за городомъ. Начальникъ дивизіи встрѣтилъ полкъ, отдалъ приказаніе завести треноги, какъ у казаковъ. 4 гарнца зерна сократить, такъ какъ таковаго отъ казны не отпускалось. Сдѣланный же расходъ на сей день принять на счетъ полковъ. За дурною погодою не удалось осмотрѣть городъ, по пространству больше всѣхъ городовъ, что проходили до сего дня. Для ночлега мнѣ былъ отведенъ хорошій пріютъ, что было очень кстати, потому что лошадь наканунѣ моя оступилась и ушибла мнѣ ногу, къ счастію обошлось безъ послѣдствій.

На другой день при выступленіи изъ Рымника начальникъ дивизіи пропустилъ полкъ справа по три и передалъ, что полкъ изъ Бузео идетъ въ с. Будешти, а не въ Обелешти-Нау. На ночлегъ пришли 28-го сентября въ г. Бузео, сдѣлавъ 30 вер., и были обрадованы первою получкою писемъ изъ Россіи. Вѣсти не радостныя получилъ я изъ дому, что жена больна и ѣдетъ въ Петербургъ за совѣтомъ къ доктору.

Изъ г. Бузео полкъ выступилъ 29-го сентября въ д. Ми-

халешти 26 вер. Я остался въ Бузео на нѣсколько часовъ съ полковымъ адъютантомъ, подождать прибытія почты. Въ 10 часовъ утра я уже выѣхалъ изъ Бузео съ полученными солдатскими письмами, съ разнообразными и оригинальными адресами; мы едва не сбились съ дороги, тройка добрыхъ лошадей едва тащила тарантасъ по грязи, дождь такъ и поливалъ. Въ Михалешти полкъ расположился по дворамъ, т. е. за изгородями. Отведенная мнѣ мазанка у корчмы такъ низка была, что я подпиралъ головою потолокъ, въ углахъ груда подушекъ и ковровъ, сколько я ни спрашивалъ хозяевъ и хозяекъ, ни одинъ не согласился мнѣ продать коверъ, очень красивые, съ яркими красками. Какъ только вступили въ Бессарабію, то во всѣхъ хатахъ было изобиліе подушекъ и ковровъ, въ Румыніи тоже. Это чужое добро служило обыкновенно постелью офицерамъ, которые вышли очень налегкѣ. Пока Бородинъ, мой денщикъ, занялся стряпнею, на спирту приготовленный кофе всегда утолялъ первоначальный аппетитъ. За такимъ дѣломъ засталъ меня вошедшій мужчина, одѣтый по-русски въ кафтанѣ съ громаднымъ арбузомъ въ рукахъ, и по-русски же просилъ принять отъ него арбузъ, поздравляя съ проѣздомъ. Такое привѣтствіе удивило и обрадовало всѣхъ присутствующихъ. Начались разспросы, откуда онъ? повидимому, изъ переселенцевъ, такъ какъ объ прямомъ своемъ званіи не могъ дать отвѣта, говорилъ, что въ Румыніи много русскихъ, въ особенности въ Добруджѣ, а что занимаются здѣсь бахчами. Арбузы продаютъ въ Бухарестѣ и отправляютъ въ Россію. Получивъ русскія деньги на чай, остался очень доволенъ; по политическимъ событіямъ, относился очень равнодушно. Вечеромъ получилъ приказаніе идти въ Обелешти-Нау, а не въ Будешти, туда былъ направленъ Уланскій полкъ съ 2-ой батареей и княземъ Абамелекомъ. Петербургскій Уланскій полкъ тоже пришелъ въ Михалешти. 1-го октября былъ Уланскій полковой праздникъ, и я получилъ приглашеніе отъ командира полка полковника Балка придти на...

Князь Абамелекъ прислалъ мнѣ приказъ слѣдующаго: „получивъ другое назначеніе и желая проститься съ Драгунскимъ полкомъ, съ которымъ все время слѣдовалъ, предписываетъ въ часъ выступленія полку быть готовымъ и ожидать его прибытія“. 1-го октября въ 8 часовъ утра князь обскакалъ полкъ по-эскадронно на своемъ Лопушкѣ, благодаритъ солдатъ за примѣрный порядокъ во время похода, офицеровъ вызвалъ впередъ, передавъ благодарность за ихъ заботливость о нижнихъ

чинахъ. Полкъ двинулся въ г. Урзучени на 26 вер., а я отправился въ расположеніе Уланскаго полка, который засталъ уже построеннымъ къ молебну, по окончаніи котораго предложена была закуска съ изобиліемъ вина, привезеннаго изъ Бухареста, заварили жженку, тосты были сильные, задушевные, и командиръ 2-го баталіона полковникъ Сухоржевскій потѣшилъ всѣхъ своими остротами.

Время уже клонилось къ вечеру, когда посадивъ съ собою въ тарантасъ Сухоржевскаго, провожаемый офицерами, отправился догонять полкъ драгунъ въ г. Урзучени. Во время празднества, по предположенію ветеринара Уланскаго, отправился я посмотрѣть конный лазаретъ, который на меня произвелъ очень тяжелое впечатлѣніе. Въ нѣсколькихъ строяхъ въ повалку лежали собранныя искалѣченныя лошади, нѣкоторыя были страшно изуродованы, и только частымъ поднятіемъ головы давали знать, что живы. Приставленные солдаты и ветеринары, съ ведрами, обходили лошадей, давая пить, что лошадей какъ будто облегчало. Ветеринарный врачъ очень заботился о своихъ страдальцахъ и подавалъ надежду, что оправятся многія. Рѣшено было конному лазарету направляться въ с. Будешти по усмотрѣнію полкового ветеринара.

Къ г. Урзучени подъѣхалъ я, когда совершенно уже стемнѣло, улицы сплошною жидкою грязью были покрыты на ½ аршина, кое-гдѣ мерцающіе фонари у лавченокъ, солдаты едва вытаскивали ноги, переходя улицу. Придя на квартиру, доложено мнѣ было, что лошадь 2-го эскадрона скоропостижно пала. Самая худоконная въ эскадронѣ, но за молодостью лѣтъ, не могъ забраковать передъ походомъ.

Октября 2-го перешли въ д. Сапунари, 30 вер., но ихъ по маршу было гораздо больше, грязь затрудняла спѣшиваніе, я предпочелъ дѣлать болѣе частыя остановки и пѣшкомъ не вести полкъ. Квартиру отвели мнѣ у Примара, съ которымъ могъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ по-французски. Примаръ показывалъ мнѣ нѣсколько верховыхъ лошадей, очень кровныхъ, но дорогихъ, желающихъ купить не нашлось. Въ Сапунари случилось два обстоятельства, объ которыхъ упомяну; одно при вступленіи въ селеніе, другое при выступленіи на другой день. Штабсъ-капитанъ С., шедшій съ квартирьерами, встрѣтилъ полкъ въ с. Сапунари въ нетрезвомъ видѣ. Я приказалъ смѣнить его другимъ офицеромъ, но распоряженіе свое по этому дѣлу оставилъ до другого дня.

При выступленіи, штандартъ былъ принятъ уже взводомъ,

я собирался сѣсть верхомъ, какъ прибѣжала ко мнѣ старуха-румынка и съ воплемъ мнѣ что-то говоритъ. Примаръ мнѣ перевелъ, что на ея квартирѣ остановился офицеръ, по уходѣ котораго, она замѣтила, что половина ковра отрѣзана. Удовлетворивъ румынку тремя золотыми, послалъ приказаніе командиру нестроевой роты по выѣздѣ изъ деревни обоза осмотрѣть повозки. Постояльцемъ этой старушки оказался прапорщикъ Гортиловъ, и у его денщика нашли половину отрѣзаннаго ковра, и тутъ же на мѣстѣ ему была сдѣлана экзекуція нагайками.

Въ селеніе Обелешти-Нау полкъ пришелъ 3-го октября въ $12^1/_4$ час. утра, переходъ въ 18 верстъ показался прогулкою, погода вдругъ прояснилась, настало тепло, солдатики въ этотъ день купались въ озерѣ, что, однако, должно было запретить. Мѣстность этого селенія,—по берегу громаднаго озера, довольно живописна, на противоположномъ берегу расположено большое селеніе Обелешти-Веки. Эскадроны расположились по дворамъ и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, мнѣ квартира отведена была въ домѣ арендатора, очень зажиточнаго изъ крестьянъ, сынъ его Александръ воспитывался въ Берлинѣ, говорилъ понѣмецки и французски и помогалъ отцу въ хозяйствѣ. Вернувшись вечеромъ съ полевыхъ работъ, этотъ m-er Александръ, фамиліи его такъ и не знаю, заходилъ ко мнѣ въ комнату, переводилъ румынскую газету, охотникъ былъ большой болтать, такъ что подъ часъ и надоѣдалъ своимъ присутствіемъ. Приказаній никакихъ не было еще получено, удобство помѣщенія дало даже намъ мысль, если останемся зимовать, выписать нашихъ женъ, чтобъ онѣ порадовали насъ своимъ пріѣздомъ; въ трудную минуту простительно себя потѣшить пріятною мыслью. Гор. Бухарестъ былъ въ 60 верстахъ, мнѣ захотѣлось взглянуть на маленькій Парижъ, какъ мнѣ его назвали, а главное хотѣлось побывать въ банѣ. Раннимъ утромъ 6-го октября поѣхалъ я въ Бухарестъ съ Алексѣевымъ и братомъ. Я приказалъ, чтобы 8-го числа мнѣ выставлена была бы подстава на полъ-дороги. По случаю грязной дороги, мы пріѣхали къ 8 часамъ вечера въ Бухарестъ, гостиницы были всѣ переполнены, пришлось остановиться въ Grand-Hôtel, за номеръ платить 35 ф., а лошадей оставить въ другой гостиницѣ и за сутки заплатить 21 ф. за одно сѣно и помѣщеніе; овесъ былъ взятъ съ собою. Къ коменданту города, генералу Голынскому, я на другой день явился, и онъ мнѣ посовѣтывалъ быть и у начальника тыла арміи генерала-адъютанта Дрентельна, который меня любезно принялъ, спросилъ, гдѣ полкъ стоитъ.

Доложилъ ему, что пріѣхалъ на одинъ день. Многолюдство и уличная жизнь Бухареста, произвела на меня одуряющее впечатлѣніе. Городъ совершенно европейскій, вся жизнь на улицѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ знакомыхъ петербургскихъ, какъ бы на Невскомъ проспектѣ. За весь походъ, извѣстій съ театра войны не имѣли, всѣ были заняты Плевною, и слухи, какъ всегда не основательные, ходили, что война долго не продолжится. Изъ общественныхъ удовольствій посѣтилъ театръ Marie Keller, что напомнило мнѣ Излера. Проѣзжіе офицеры тамъ безобразничали и вообще, какъ мнѣ передавали, дурно вели себя въ Бухарестѣ. Былъ по загороднымъ гуляньямъ на шоссе, народу не много было, былъ будничный день, но было нѣсколько щегольскихъ экипажей, съ красивыми женщинами, біографію которыхъ мой возница, отлично говорящій по-русски, разсказывалъ въ подробностяхъ. Побывавъ въ банѣ, 8-го числа отправились въ обратный путь. Ожидаемой подставы не нашли, сбились съ дороги, и простояли въ ожиданіи меня сутки; поздно вечеромъ вернулся я въ Обелештинау, гдѣ въ тотъ же день въ 4 часа вечера получено было приказаніе, что полкъ взошелъ въ составъ Каларашскаго отряда, начальникомъ его назначенъ генералъ Дохтуровъ и приказано дивизіону занять разъѣздъ отъ селенія Монастыря до гор. Ольтеницы и сдѣлать рекогносцировку праваго берега Дуная. Назначивъ офицеровъ для рекогносцировки 9-го октября, 1-й дивизіонъ посланъ былъ мною къ Дунаю. Смѣну предполагалъ дивизіону сдѣлать черезъ недѣлю, чтобы не утомлять 35 верстными переходами до Дуная. Почтовые посты были выставлены къ Калараשу и разъѣзду 1-го дивизіона. Съ постовъ сталъ получать донесенія, что турки по разъѣздамъ стрѣляютъ, сосредоточенныхъ силъ непріятельскихъ не видно, на ночь дивизіонъ выставляетъ въ тростникахъ секреты. 11-го октября поѣхалъ на линію постовъ. Главные караулы эскадроновъ были расположены: 1-го въ с. Спанцовы, а 2-го въ с. Фунды. Мѣры предосторожности были всюду приняты, люди рвались въ секреты и на ближайшіе къ берегу посты. Офицеры педантично исполняли свою обязанность, я могъ только радоваться. Унтеръ-офицеры, отправляясь на постъ, убрали у остающихся людей берданки и охотились на отдѣльно довольно нахально бродящихъ турокъ. Ночевать отправился я въ г. Ольтеницу, гдѣ стоялъ № 11 казачій полкъ съ полковникомъ Поповымъ, одна батарея Путивльскаго полка и взводъ нашей батареи. Къ полковнику Попову я тотчасъ отправился познакомиться и узнать

о постахъ, такъ какъ его полкъ давно здѣсь стоитъ и занимаетъ посты и разъѣзды. Попова засталъ, сидящаго съ полковымъ ветеринаромъ, который переводилъ полковнику французскую газету. Личность Попова, на видъ очень почтенная, служилъ когда-то на Кавказѣ въ конной артиллеріи. Ничего мнѣ обстоятельно, что меня могло интересовать, не передалъ, сказавъ, что прежде здѣсь трудно было стоять, полкъ былъ растянутъ на 40 верстъ, а теперь спокойно, турокъ не видно, дома кордоновъ заняты небольшими частями, но что съ жителями праваго берега много возни изъ-за пастбища скота и рыболовства, котораго нельзя допускать. Мѣры эти не нравятся крестьянамъ, которые привыкли смотрѣть на лѣвый берегъ Дуная, какъ на собственный и имѣютъ даже родство и коммерческіе дни на томъ берегу съ близъ лежащими селеніями. Было даже нѣсколько фальшивыхъ тревогъ. Вернувшись въ Обелешти-Нау, дни шли самые однообразные. Ежедневно занятія съ солдатами 2-го дивизіона дѣлались, стрѣлковое ученіе, проѣздки, люди стали болѣть лихорадками и поносомъ въ особенности въ 1-й дивизіи, гдѣ съ 5 часовъ вечера туманъ и ночи холодныя, а люди въ тростникахъ на постахъ. Такъ какъ я рѣшилъ черезъ пять дней 1-й дивизіонъ смѣнить 2-мъ дивизіономъ, дивизіоны изъ Обелешти-Нау отправлялись на посты въ полной готовности идти далѣе, т.-е. съ обозомъ артельныхъ. Письма изъ Россіи получили изъ Бухареста, куда посылали и за покупками и въ свободное время офицеры ѣздили. Но скоро пришелъ приказъ офицеровъ не увольнять въ Бухарестъ, посылать только должностныхъ по дѣламъ службы. Мнѣ сдѣланъ былъ запросъ, съ чьего разрѣшенія я ѣздилъ въ Бухарестъ. Вышло это изъ-за кн. Абамелека, который на другой день моего выѣзда явился генералу-адъютанту Дрентельну, который остался недоволенъ, что полковой командиръ и бригадный оставили свои части. Одновременно съ запросомъ отъ начальника дивизіи и поѣздки своей въ Бухарестъ, получилъ я выговоръ отъ бригаднаго командира князя Абамелека, который меня разсердилъ въ высшей степени. Опишу этотъ случай, какъ характеристику князя. Когда полкъ драгунскій отдѣлился въ Михалешти отъ бригаднаго командира, который пошелъ съ Уланскимъ въ Будешти, кн. Абамелекъ мнѣ передаетъ, что адъютанту своему приказалъ ѣхать съ моимъ полкомъ въ Обелешти-Нау, гдѣ просилъ меня передать адъютанту его слѣдуемое князю содержаніе, которое требовалось при Драгунскомъ полку, я сказалъ, что исполню. Казначей, выдавая деньги, для

памяти адъютанта, написалъ на лоскуткѣ бумаги, что столько-то звонкою монетою, а такое-то количество кредитными билетами онъ ему передаетъ. Адъютантъ привезъ деньги и бумажку, данную ему лично для памяти. Князь Абамелекъ взбѣленился, и счелъ за неслужебное уваженіе, что позволилъ я прислать ему расчетъ, писанный на клочкѣ бумаги. Пишетъ мнѣ формальный выговоръ и ставитъ на видъ, что имъ замѣчено, во время слѣдованія полка походомъ, я не всегда сопровождалъ его во время его объѣзда эскадроновъ по фронту. Предписывалъ мнѣ на будущее время исполнять изложенное въ уставѣ. Я отвѣтилъ письмомъ князю, въ которомъ выразилъ: что сожалѣю, что исполнилъ его просьбу и выдалъ ему содержаніе безъ присланной имъ довѣренности формальной, которая также должна быть приложена къ требовательнымъ вѣдомостямъ.

Что я ни его сіятельству, ни кому изъ офицеровъ ввѣреннаго мнѣ полка не обязанъ дѣлать письменныхъ расчетовъ, при полученіи жалованья и что не знаю, какъ считать на будущее время выраженіе его благодарности, такъ какъ таковую получилъ отъ него въ Михалешти, при отдѣленіи полка изъ подъ его начальства. На другой день съ оказіею получаю я письмо отъ князя, чуть не дружественное, въ которомъ описываетъ мнѣ свою поѣздку въ Бухарестъ, мнѣ совѣтуетъ не ѣздить безъ спросу, что генералъ Дрентельнъ сдѣлалъ ему выговоръ. Письмо это было писано до полученія моего на его форменную бумагу. Въ Обелешти-Нау въ свободное время отъ службы— офицеры скучали, ѣздили верхами по окрестностямъ, для ихъ развлеченія изъ Ольтеницъ пріѣхали нѣсколько дѣвицъ, товаръ оказался тоже посредственный, поэтому не долго оставались въ распоряженіи полка. Дни тянулись очень однообразно, всякому заѣзжему и проѣзжающему были рады, но и такихъ не много было, за все время нашей стоянки изъ проѣзжихъ былъ генералъ-адъют. Гершельманъ, его 24-я дивизія отъ Калараша направлена была на Шипку.

М. И. Поклевская-Козелъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10-го декабря 1914 г. по 28-е января 1915 г.

Алекторовъ, А. Е. Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Среди книгъ и писателей. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15 × 23). 72 стр. Вѣсъ 7 л. 300 экз.

Бородинъ, Д. Н. Историческій очеркъ русской адвокатуры 1864—1914 г. Часть I. ПБ. 1915. Тип. М. Виленчика (Никол., 60). 8° (18 × 24). 97 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Въ крѣпостяхъ въ Тверскихъ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры Ѳеодора Игнатьева да подъячаго Тимофея... (Стефанова) 135 и 136 годовъ Тверскаго уѣзда Захожскаго стана. Тверь. 1914. Тип. Н. М. Родіонова. 8° (16 × 25). 141 стр. Вѣсъ 10 л. 1.320 экз.

Демковъ, М. И. Очерки по исторіи русской педагогики. Для народныхъ учителей и учительницъ, учительскихъ семинарій и институтовъ, женскихъ институтовъ и гимназій и епархіальныхъ женскихъ училищъ. М. 1915. Изд. 3-е испр. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16 × 24). VIII + 144 стр Ц. 60 к. Вѣсъ 18 л. 4.000 экз.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ двадцать четвертый. М. 1914. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 4° (27 × 36). 385 стр. Съ рис. + 2 табл. Вѣсъ 3 ф. 7 л. 625 экз.

Егоровъ, Д. Н. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. т. I. Приложеніе. Registrum Raceburgense a 1229—30. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 8° (24 × 16). 54 стр. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Егоровъ, Д. Н. Славяно-германскія отношенія въ средніе вѣка. Колонизація Мекленбурга въ XIII в. т. I. Матеріалъ и методъ. М. 1915. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пр., с. д.). 8° (17 × 25). XI + 567 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 600 экз.

Кадилинъ, П. Грядущее завершеніе войною 1914 года историческаго призванія Россіи въ роли освободительницы и главы славянскаго міра. (Краткій очеркъ по исторіи національнаго самосознанія Русскаго Государства отъ XV по XX в.). Харьковъ. 1914. Тип. Мирный трудъ, (Дѣвичья, 14). 8° (15 × 23). 34 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Москаленко-Судіенко, С. Новое о „Демонѣ“ и „Бояринѣ Оршѣ“. Съ приложеніемъ: 1) поэмы Лермонтова „Демонъ“ въ очищенномъ отъ поддѣльныхъ стиховъ и другихъ недостатковъ видѣ, 2) поэмы „Бояринъ Орша“ и 3) этюда „Татьяна Пушкина“. М. 1914. Изд. Кн-ва Современныя проблемы (Б. Никитская, 24). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 8° (14 × 20). 184 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 16 л. 1.600 экз.

Недригайловъ, И. Я. Лермонтовъ и христіанское подвижничество. (Отд. оттиски изъ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.). Харьковъ. 1914.

Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (15 × 23). 8 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Протоколы общихъ собраній и засѣданій совѣта общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ за 1913 годъ. Отчетъ общества за 1913 годъ, составленный М. И. Бенеманскимъ. Списокъ изданій общества, находящихся въ его складѣ. Списокъ членовъ общества. Казань. 1914. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 76 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Русская Лирика. Вып. I. XVIII вѣкъ. ПГ. 1914. Тип. В. Андерсона и Г. Лойцянскаго (Вознес., 53). 8° (15 × 22). 150 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 14 л. 1.200 экз.

Смирновъ, А., прот. Исторія флотскаго духовенства. ПГ. 1914. Тип. Сельскаго Вѣстника (Мойка, 32). 8° (16 × 23). 76 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Станкевичъ, А. В. Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Біографическій очеркъ. М. 1914. Изд. 3-е. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская площ. Филипповскій, 11). 8° (17 × 25). V + 310 стр. + 1 портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 1.500 экз.

Становскій, И. Къ 50-лѣтію Виленской дирекціи народныхъ училищъ и начальной школы въ губерніи. 1864. 1914 г. Юбилейный очеркъ, Вильна. 14. Тип. А. Г. Сыркина. 8° (14 × 22). 35 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 1.520 экз.

Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Книга VI-я. + Вып. I-й. Книга VII. Вып. I. Подъ общей ред. проф. С. Соколова. Ярославль. 1914. Тип. Н. Х. Николаевой (зд. Спасскаго монастыря). 8° (17 × 26). II + 316 + 3 нен. + 134 стр. Вѣсъ 1 ф. 25 л. По 320 экз.

Акты времени правленія Царя Василія Шуйскаго (1606 г. 19 мая—17 іюля 1610 г.). Собралъ и редактировалъ А. М. Гнѣвушевъ. М. 1914. Изд. Имп. О-ва Исторіи и Древн. Россійск. при Московск. Унив. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій, с. д.). 8° (19 × 28). XVII + 421 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 25 л. 300 экз.

Алдановъ, М. Толстой и Ролланъ. ПГ. 1915. Тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (15 × 21). 314 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 2.000 экз.

Андреевскій, Э. С. Записки. Изъ архива К. Э. Андреевскаго. Томъ III. Подъ ред., съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Л. Аваліани. Одесса. 1914. Тип. Акц. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (19 × 28). 375 стр. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 1.000 экз.

Бойко, Я. Херувимская № 3. Для хора. Приваловъ, Н. И. Изъ области церковной археологіи. Стихъ св. Николаю Чудотворцу. Гармонизація XVII—XVIII вѣка. Псальма св. Дмитрія митрополита Ростовскаго. Гармонизація XVII и XVIII вѣка. Варіантъ той же псальмы изъ Выговскихъ книгъ. Гармонизація Н. Привалова. ПГ. 1914. Тип. Энергія (Загородный, 17). 8° (19 × 28). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Бѣлоликовъ, В. З. Яковъ Стефановъ Бѣляевъ. (Старообрядческій (впослѣдствіи единовѣрецъ)—писатель второй половины XVIII в.) Оттискъ изъ жур. Труды Императорской Кіев. дух. академіи. 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 50 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 115 экз.

Заринъ, Василій. Дневныя записки „1824“ года. Въ теченіи Марта. (Оттискъ изъ № 10 — 11 „Богословскаго Вѣстника“ 1914 г.).

Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Троице-Серг. Лавры. 8° (17×24). 39 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Выпускъ 53. ПГ. 1914. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (19×28). 136 стр. Съ 4 табл. и 133 рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 900 экз.

Извѣстія Одесскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Томъ III. Вып. 3. Одесса. 1914. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8° (17×27). 130—185 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммисіи. № 51. Подъ ред. Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1914. Тип. Таврическаго Губ. Земства. 8° (18×28). II + 362 стр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 500 экз.

Карточные каталоги Императорскаго Россійскаго Историческаго музея Имени Императора Александра III. М. 1914. Тип. Синодальная. 4° (25×33). 7 табл. Вѣсъ 6 л. 150 экз.

Кривенко, С. Н. М. Е. Салтыковъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. 3-е. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я л., 27). 8° (17×24). IX + 105 стр. Съ портр. Ц. 75 к. Вѣсъ 23 л. 2.000 экз.

Тройницкій, С. Фарфоровыя табакерки Императорскаго Эрмитажа. ПГ. 1915. Изд. „Старые годы". Тип. Сиріуса (Рыночная, 10). 8° (18×25). 75 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 25 л. 1.200 экз.

Щегловитовъ, И. Г. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, какъ государственный и общественный дѣятель. Съ портретомъ Принца П. Г. Ольденбургскаго. М. 1914. Изд. и тип. тов. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×24). 24 стр. съ портр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Архиповъ, Евгеній. Библіографія Иннокентія Анненскаго. М. 1914. Изд. кн-ства Жатва. Тип. т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (16×20). 344 нен. стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Бельговскій, К. П. Русскій народъ въ Карпатахъ. Лемки. Кіевъ. 1914. Изд. Кіев. отд. галицко-русскаго о-ва. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (14×20). 15 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Богдановичъ, М. Угорская Русь. Библіотека войны № 24. М. 1914. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 16° (14×18). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Богдановичъ, М. Червонная Русь (Австрійскіе украинцы). Библіотека войны №№ 8—9. М. 1914. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 16° (14×18). 31 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Васильевскій, М. Н. Государственная система отношеній къ старообрядческому расколу въ царствованіе Императора Николая I. Казань. 1914. Тип. Центральная. 8° (17×27). 254 + V стр. Вѣсъ 24 л. 300 экз.

Венгеровъ, С. А. проф. Эпоха Бѣлинскаго. (Изъ лекцій, читанныхъ въ Петроградскомъ университетѣ). ПГ. 1915. Изд. Кн-ва Прометей Н. Н. Михайлова 2-е. Тип. Печатный Трудъ (Прачешный пер., 4). 8° (16×23). 43 стр. Вѣсъ 6 л. 3.100 экз.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. проф. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1915. Изд. Кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33) 7-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (18×27). VI + VI + 699 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 3.050 экз.

Война. Хроника и отклики. № 3. ПГ. 1914. Изд. Историческаго Вѣстника. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8⁰ (16 × 25). 82 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Гинсъ, Г. К. и Шафрановъ, П. А. Сельскохозяйственное вѣдомство за 75 лѣтъ его дѣятельности. (1887—1912 г.г.). ПГ. 1914. Изд. Канцеляріи Главноуправляющаго Землеустр. и Землед. Тип. Содружество (Гончарная, 24). 8⁰ (19 × 27). VII + 397 + 61 + VII стр. съ 22 портр. Вѣсъ 3 ф. 20 л. 950 экз.

Джаншіевъ, Г. А. Сборникъ статей подъ ред. В. П. Обнинскаго. Со вступительной статьей А. Ѳ. Кони и перепиской Г. А. Джаншіева съ А. Ѳ. Кони. М. 1914. Изд. Задруга. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., с. д.). 8⁰ (17 × 25). XXIII + 519 + 1 нен. стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 22 л. 1.100 экз.

Есиповъ, В. В. проф. Высшее образованіе въ Царствѣ Польскомъ за сто лѣтъ. (1815—1915). Варшавскій университетъ (Извлечено изъ Журнала Мин. Народнаго Просвѣщенія за 1914 годъ). ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 8⁰ (16 × 25). 21 стр. Адресъ склада: Т-во М. О. Вольфъ. (Невскій, 13). Ц. 30 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Загоскинъ, М. Н. Собраніе сочиненій. Подъ ред. М. Н. Никольскаго. ПГ. 1915. Изд. и Тип. Тов. М. О. Вольфъ, (Гостин. Дв., 13). 4⁰ (20 × 28). 2326 стр. съ 30 рис. и портр. Ц. 3 р. Вѣсъ 6 ф. 15 л. 20.000 экз.

Записки А. А. Яковлева, бывшаго въ 1803 г. оберъ-прокуроромъ Св. Синода. М. 1915. Изд. В. А. Акурова. Тип. А. И. Снегиревой. 8⁰ (18 × 27). 55 стр. Вѣсъ 8 л. 300 экз.

Зеленинъ Д. К. Сборникъ. Великорусскія сказки Пермской губерніи. Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерякской. (Записки Имп. русскаго географическаго об-ва по отд. этнографіи. Томъ XLI). ПГ. 1914. Тип. А. В. Орлова, (В. О.. Средн. пр., 6). 8⁰ (17 × 26). LIII × 656 стр. Вѣсъ 2 ф. 16 л. 1.100 экз.

Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ ред. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Выпускъ 21-й. ПГ. 1914. Изд. И. Гранатъ и К⁰. Тип. Мин. Путей Сообщенія (Фонтанка, 117). 8⁰ (19 × 27). 161—240 стр, Съ портр. Вѣсъ 24 л. 3.200 экз.

Книгопродавецъ Н. Соловьевъ. Каталогъ 136. ПГ. 1914. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8⁰ (17 × 22). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 1.260 экз.

Кноррингъ, Н. Н. Міросозерцаніе гр. А. К. Толстого. (Отд. оттиски изъ сборника Харьк. историко-филологическаго об-ва въ честь проф. В. П. Бузескула). Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8⁰ (18 × 26). 34 стр. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Краткій историческій очеркъ дѣятельности Златоустовскаго уѣзднаго земства со дня открытія земскихъ учрежденій въ Уфимской губерніи. Златоустъ. 1914. Тип. Т-ва Лебедева и Бѣлякова. 8⁰ (18 × 26). 99 стр. Вѣсъ 12 л. 1.000 экз.

Матеріалы для исторіи города Боровска и его уѣзда. Т. II. Копіи съ документовъ архива Н. П. Глухарева. Собраны и списаны имъ же. Боровскъ. 1914. Тип. А. В. Муратовой. 8⁰ (17 × 26). 164 + IV стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Михайловъ, М. Австрія и ея славянскіе народы. (Библіотека Войны. № 44). М. 1914. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 16⁰ (14 × 18). 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Морской, А. Военная мощь Россіи. Предсказанія генералъ-адъютанта А. Н. Куропаткина и ихъ критика графомъ С. Ю. Витте. ПГ 1915. Тип. Е. М. Малоховскаго (Петр. ст., Б. пр,, 17). 8° (15×20). 159 16 нен. стр. Скл.: кн. маг. М. В. Попова (Невскій, 68). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 18 л. 1.500 экз.

Нольде, Б. Э., баронъ. Начало войны. Опытъ дипломатической исторіи. (Оттискъ изъ журнала Русская Мысль, октябрь, 1914 г.), ПГ. 1915. Изд. кн-ва Русская Мысль. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (16×25). 40 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 5 л. 1.200 экз.

Падалка, Л. В. Карта Боллана о заселеніи Полтавской территоріи во второй четверти XVII вѣка. Полтава. 1914. Изд. Учен. Арх. комиссіи. Тип. Т-во Печ. дѣла. 8° (17×26). 3 стр.+1 карта. Ц. 50 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Петровъ, Д. К. проф. А. И. Герценъ и Доносо Кортесъ. ПГ. 1914. Тип. А. Э. Винеке. (Екатерингофскій пр., 15), 8° (16×24). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Поляковъ, П. Какъ восточная Пруссія стала нѣмецкой землей. Библіотека войны № 41. М. 1914. Изд. и Тип. К. Ф. Некрасова. (Ярославль). 16° (14×18) 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Резановъ, А. С. Нѣмецкія звѣрства. ПГ. 1914. Изд. М. А. Суворина, 2-е доп. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×21)... XXIV+438 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 4.025 экз.

Русская литература XX вѣка. 1890—1910. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Кн. III. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва Н. И. Кушнеревъ и К°. 8° (18×27). 257—384 стр.+3 портр. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Селивановъ, В. П. Родословная книга. 1818—1914 годъ. Рязань. 1914. Тип. Б. В. Тарасова. 16° (11×16). 56 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Успенскій, Александръ. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Вып. 3 М. 1914. Изд. Общ. Архива Мин. Имп. Двора. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18×27), 497—738 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 600 экз.

Ѳ. М. Достоевскій о войнѣ. Пророчество о европейской войнѣ. Саратовъ. 1914. Тип. Э. К. Измаилъ. 8° (19×27). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 7.600 экз.

Бай-де, бар. Размышленія француза въ его второмъ отечествѣ. (Отд. оттискъ изъ „Русскаго Архива"). М. 1914. Тип. Сунодальная. 8° (18×27). 33 стр. Вѣсъ 6 л. 350 экз.

Вергунъ, Дмитрій. Что такое Галиція. ПГ. 1915. Изд. Лукоморье (Невскій, 40). Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (12×17). 46 стр. съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 2.500 экз.

Верховской, П. В. Къ вопросу о „фальсификаціи" Духовнаго Регламента. ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16×25). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Вѣстникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Вып. 5. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное дѣло (Конторская, Клещевскій пер., 3). 8° (17×25). 90 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Гротъ, К. Я. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. ПГ. 1915. Изд. 3-е, Тип. Мин. Путей Сообщенія (Фонтанка, 117). 8° (14×22). VI+118+15 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Дашкевичъ, Николай Павловичъ, академ. Статьи по новой русской литературѣ. ПГ. 1914. Тип. Импер. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12) 8° (16×24). 696 стр. Съ 1 портр. Ц. 3 р. 35 к. Вѣсъ 2 ф. 18 л. 663 экз.

Есиповъ, В. В., проф. Польскіе крестьяне за 100 лѣтъ. ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16×25). 22 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Записки Неофилологическаго общества при Императорскомъ Петроградскомъ университетѣ. Вып. VIII. Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна. Изданъ подъ ред. проф. Д. К. Петрова и К. Ѳ. Тіандера. ПГ. 1915. Тип. А. Э. Винеке (Екатеринг. пр., 15). 8° (17×26). VI+407 стр. съ портр. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 650 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. Вып. 56-й. ПГ. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×28). 247 стр. съ 5 табл. и 142 рис. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 900 экз.

Каталогъ библіотеки этнографическаго отдѣла русскаго музея Императора Александра III. (1-го декабря 1912 г. по 30-е ноября 1913 г.). ПГ. 1914. Тип. Общественная Польза, (Б. Подъяч., 39). 4° (25×32). 29 стр. Вѣсъ 7 л. 640 экз.

Каталогъ № 563. Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. СПБ. 1914. Тип. Арнгольда (Литейный, 59). 8° (16×24). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Кельмановичъ, М. Д. Къ 50-ти лѣтію со дня введенія судебныхъ уставовъ. 20 ноября 1864 г. 20 ноября 1914 г. Кишиневъ. 1914. Тип. М. Д. Кельмановича (Купеческая, 66). 16° (11×17). 50 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Кичеевъ, Г. Н. Русскій народъ въ его славныхъ сынахъ. А. С. Хомяковъ, какъ представитель русскаго національнаго самосознанія. Кіевъ. 1915. Изд. Кіевск. отд. Галицк. русск. об-ва. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (14×21). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Колачевъ, В., прот. О положеніи придворнаго духовенства въ XVIII вѣкѣ. Историческая справка. ПГ. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій пр., 8). 8° (15×21). 22 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Лазаревскій, В. А. Русскій народъ въ Карпатахъ. Галицкая Русь въ ея борьбѣ за свою національную самобытность. Кіевъ. 1915. Изд. Кіевск. отд. Галицко-русск. об-ва. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (14×21). 29 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Лекціи, читанныя въ 1913/14 г. Вып. I. А. А. Тихомировъ. Открытія и идеи въ наукѣ. II. М. К. Любавскій. Наступленіе на степь. III. И. Н. Бороздинъ. Памятники античной культуры на югѣ Россіи. Комиссія по устройству чтеній для учащихся выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пр., с. д.). 8° (18×27). 119+2 нен. стр. Съ рис.+1 листъ рис. Ц. 80 к. Вѣсъ 18 л. 25.000 экз.

Линниченко, И. А., проф. Два письма Фридриха II. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (15×23). 2 нен.+24 стр. Вѣсъ 4 л. 325 экз.

Линниченко, И. А., проф. Рѣчи и поминки. Сборникъ статей по исторіи русской литературы и біографическихъ воспоминаній. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (17×25). 319+2 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 500 экз.

Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Выпускъ III. Журналы 1714 года. ПГ. 1914. Изд. Арх. Морск. Министер. Тип. акц. общ. тип. дѣла въ Петроградѣ (7 рота, 26). III + 231 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 1.000 экз.

Мѣщаниновъ, И. Царскія грамоты и келейный родословецъ патріарха Филарета Никитича. ПГ. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (21 × 29). XI + XXXIX + XXVII стр. и 1 табл. Вѣсъ 23 л. 40 экз.

Никольскій, Н. В. Къ исторіи христіанскаго просвѣщенія черемисъ въ XIX вѣкъ. Казань. 1914. Тип. Казанскаго университета. 8⁰ (17 × 25). II + 77 стр. Вѣсъ 7 л. 50 экз.

Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію составляемое А. Л. Бемомъ, М. Г. Долобкомъ, В. В. Дорошенкомъ, Ю. И. Клецадной, С. С. Лисовскимъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и Л. А. Шахматовымъ. Подъ редак. В. Н. Бенешевича. 1912 г. Выпускъ III. Украиновѣдѣніе. ПГ. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8⁰ (16 × 24). IV + 477—536 стр. Вѣсъ 9 л. 3.813 экз.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ одиннадцатый. Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1889 года по 1894 годъ. ПГ. 1914. Тип. Государственная. 8⁰ (18 × 16). VI + 465 стр. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 1.200 экз.

Памятная книжка Императорскаго Училища Правовѣдѣнія на учебный 1914—1915 годъ. ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 8⁰ (13 × 19). LXXIX + 336 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 28 л. 500 экз.

Переписка Николая Владиміровича Станкевича 1830—1840. Редакція Алексѣя Станкевича. М. 1914. Изд. А. Станкевича. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Филипповскій пер., 11). 8⁰ (18 × 27). IX + 786 + 16 нен. стр. + 1 портр. Складъ: Кн. маг. Н. П. Карбасниковъ. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 7 л. 2.000 экз.

Перетцъ, В. Н. Конспектъ лекцій по русской діалектологіи. Кіевъ. 1914. Изд. студ. Унив. Св. Влад. и слушат. В. Ж. К., 2-е. Тип. Трудъ М. В. Ельника (Караваевская, 4). 8⁰ (18 × 27). 142 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 23 л. 250 экз.

Преображенскій, П. Г., свящ. Рѣчь, произнесенная 26 октября въ залѣ Императорской Петроградской Духовной Академіи: Новыя задачи по изученію древняго памятника византійской исторіографіи лѣтописи преподобнаго Ѳеофана Сигріанскаго. ПГ. 1914. Тип. М. Меркушева (Невскій, 8). 8⁰ (15 × 23). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 25 экз.

Резановъ, А. С. Нѣмецкія звѣрства (Добавленіе ко второму изданію). Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по оффиціальнымъ документамъ. ПГ. 1915. Изд. М. А. Суворина. Тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 224 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 2.500 экз.

Саводникъ, В. Краткій очеркъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М. 1915. Изд. 3-е. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰ (Пименовская, с. д.). 8⁰ (17 × 24). IV × 484 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 20.000 экз.

Сборникъ статей въ честь Владислава Петровича Бузескула. XXI томъ сборника Харьковскаго историко-филологическаго общества. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло. 8⁰ (17 × 26). XXIII + 831 + II + 1 нен. стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 450 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Лермонтовъ и Грибоѣдовъ. (Трагедія личности въ русской литературѣ 20—30 годовъ). ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 8⁰ (16 × 25). 54 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 6 л. 1.200 экз.

Тихомировъ, В. М. Поэзія Фета. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16 × 24). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Тройницкій, С. Гербы лейбъ-компаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Рисовалъ О. Шарлемань. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ, (Рыночная, 10). 8° (18 × 26). 566 стр. съ рис. Ц. 7 р. Вѣсъ 4 ф. 16 л. 600 экз.

Тупинъ, А. П. Прибалтійскій Край и война. Матеріалы изъ русской печати за августъ, сентябрь и октябрь 1914 г. съ предисловіемъ проф. К. И. Арабажина. ПГ. 1914. Изд. Автора. Тип. Э. Ф. Мексъ, (Забалканскій, 22). 8° (15 × 22). 241 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз.

Ястребовъ, Н. В. проф. Галиція наканунѣ Великой Войны. 1914 г. ПГ. 1915. Тип. А. Э. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (16 × 23). VIII + 146 стр. Съ карт. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 21 л. 3.000 экз.

Андерсонъ, Вальтеръ. Романъ Апулея и народная сказка. Томъ 1. Казань. 1914. Тип. Казанскаго университета. 8° (17 × 25). XI + + 652 стр. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 200 экз.

Бернштейнъ, Ник. Исторія національныхъ гимновъ. ПГ. 1915. Тип. Главнаго Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 16° (13 × 19). 48 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Блохъ, М. Война въ изображеніи русскихъ писателей. (А. С. Пушкинъ, М. Ю. Лермонтовъ, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, В. М. Гаршинъ, Л. Н. Андреевъ, В. В. Вересаевъ, Народная Поэзія). Двинскъ. 1914. Тип. Двинскаго Листка. 8° (14 × 21). 102 + 2 нен. стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 280 экз.

Богословскій, М., проф. Учебникъ русской исторіи. Курсъ V класса гимназій. М. 1915. Изд. к-ва т-ва И. Д. Сытина. 8° (15 × 22). 179 стр. 1 карта. Ц. 65 к. Вѣсъ 21 л. 5.000 экз.

Война и Польша. (Польскій вопросъ въ русской и польской печати). Статьи І. Вейсенгоффа, А. Кизеветтера, Л. Козловскаго, Л. Кживицкаго. А. Ледницкаго, П. Милюкова, А. Свентоховскаго и др. Предисловіе и редакція А. С. Козловскаго. М. 1914. Изд. кн-ва писателей. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пр., с. д.). 8° (15 × 22). XII + 134 стр. + 1 карта. Ц. 75 к. Вѣсъ 15 л. 3.000 экз.

Георгіевскій, В. Т. Житіе и подвиги Святителя Иларіона, Митрополита Суздальскаго. ПГ. 1914. Изд. М. Д. Усова. Тип. Синодальная. 8° (15 × 22). 28 стр. Вѣсъ 4 л. 3.200 экз.

Желтая книга. Дипломатическая переписка Франціи, предшествовавшая войнѣ 1914 г. Съ вступительной статьей Академика Габріэля Га-
ното. Дипломатическій Архивъ. Томъ V. Перевелъ Н. М. Лаговъ. ПГ. 1915. Изд. Освобожденіе, (Невскій, 92). Тип. Грамотность, (5-я Рождеств., 44). 16° (16 × 21). XVI + 192 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 18 л. 4.000 экз.

Жуковскій, С. В. Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. ПГ. 1915. Тип. Н. І. Евстифѣева, (Невскій, 15). 8° (17 × 24). 214 стр. + 1 карта. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 31 л. 750 экз.

Извѣстія Одесскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ. Іюль—октябрь 1914 г. Томъ III. Вып. 4—5. Одесса. 1915. Тип. Центральная (Херсонская, 21). 8° (17 × 27). 188—250 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 500 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1914 г. Томъ XIX. Книжка 3-я. ПГ. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9-я лин., 12). 8° (17 × 24). 306 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 813 экз.

Содержаніе: Багалѣй, Д. И. Изданія сочиненій Г. С. Сковороды.— Срезневскій, В. И. 40 лѣтъ жизни Востокова.—Пархоменко, В. А. Ист. христіанства на Руси. Шляковъ, Н. В. Житіе св. Алексія.— Бугославскій, С. А. Преп. Несторъ.—Обнорскій, С. П. Исторія хожденія Арсенія Селунскаго.—Каринскій, Н. М. Саввина книга.— Делобко, М. Г. Языкъ боснійскихъ грамотъ.—Петровскій, Н. М. Труды В. И. Григоровича.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ подъ ред. Проф. М. М. Ковалевскаго и Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. О. М. Шимкевича. Книга XXXIII. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (19×28) 401—520 стр. Съ рис. + 8 портр. Вѣсъ 29 л. 3.800 экз.

Казанскій, П. Е., проф. Присоединеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси. Рѣчь въ публичномъ собраніи Одесскаго отдѣленія Галицко-Русскаго благотворительнаго общества, 5-го октября 1914 года. Одесса. 1914. Изд. 2-е. Тип. Епархіальнаго дома (Александровскій пр., 6). 8° (16×25) 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Казанскій, П. Е., проф. Современное положеніе Червонной Руси. Австро-Венгерскія звѣрства. Публичная лекція 12-го октября 1914 г. Одесса. 1914. Тип. Е. Христогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8°. (17×24). 36+2 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Казанскій, П. Е., проф. Современное положеніе Червонной Руси. Австро-Венгерскія звѣрства. Публичная лекція 12-го октября 1914 г. Одесса. 1914. Изд. 2-е. Тип. Епархіальнаго дома (Александровскій пр., 6). 8° (17×24). 31 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 1.200 экз.

Катаевъ, И. М. Даніилъ Романовичъ Галицкій. Галицкая Русь въ XIII—XIV вв. до присоединенія къ Польшѣ. Очеркъ. (Очерки по русской исторіи для школъ и народнаго чтенія. М. 1915. Изд. кн-ва Школа. (Спиридоновская, 14). Тип. Вильде (Брестскій пер., 2). 16° (13×18). 32 стр. съ картою. Ц. 8 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Коваленскій, Михаилъ. Хрестоматія по русской исторіи. Т. II. М. 1915. Изд. т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, с. д.) 8° (18×26). XII+320 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 2.500 экз.

Кто такіе меннониты. Краткій историческій очеркъ. Гальбштадтъ. 1914. Тип. т-ва Радуга. 8° (17×23). 44 стр. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Левенстимъ, А. Финляндскія медали. (Оттискъ изъ III тома „Нумизматическаго Сборника, изд. Московскимъ Нумизматическимъ Обществомъ). М. 1914. Тип. Московская Синодальная. 4° (20×30). 56 стр. + 8 табл. Вѣсъ 26 л. 100 экз.

Марковъ, В. С. Къ исторіи раскола старообрядчества второй половины XIX столѣтія. Переписка проф. Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, какъ матеріалъ для исторіи раскола и отношеній къ нему Правительства (1865—1904 г.г.). М. 1914. Изд. Импер. О-ва Ист. и Древн. Россійск. при Моск. Универ. Тип. Г. Лисснеръ и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (18×27). 943 стр. Ц. 5 р. Вѣсъ 4 ф. 24 л. 1.000 экз.

Никольскій, Агафангелъ. Краткій очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи къ историческому обозрѣвательному духовному концерту въ гор. Шлиссельбургѣ. Шлиссельбургъ. 1914. Тип. Е. Н. Кабаева (Екатерин. кан., 66). 8° (15×22). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Обнинскій, П. Н. Сборникъ статей. Подъ ред. В. П. Обнинскаго. Со вступительной статьей акад. А. Ѳ. Кони и портретомъ П. Н. Обнинскаго. М. 1914. Изд. Задруга (Мал. Никитская, 29). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Путинковскій пер., с. д.). 8⁰ (17 × 24). 231 + 1 нен. стр. Ц. 1 руб. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 1.100 экз.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матерьялы. Годъ III. Вып. I. М. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (26 × 33). 59 лист. рис. + 30 стр. Вѣсъ 3 ф. 1 л. 300 экз.

Памятники искусства Тульской губерніи. Матерьялы. Годъ III. Вып. II. М. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (26 × 33). 21 лист. рис. + 3 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 300 экз.

Пасхаловъ, Вяч. Обзоръ музыкальной конструкціи записанныхъ М. Е. Пятницкимъ Воронежскихъ пѣсенъ въ связи съ характерными особенностями Великорусскаго пѣсеннаго склада. М. 1914. Тип. Ж. Шейбель. 4⁰ (27 × 35). 16 + XVI стр. Вѣсъ 9 л. 10.000 экз.

Пичета, В. И. Драма болгарскаго народа. (Миръ и война. Вып. 3). Борьба за національное объединеніе Болгаріи. М. 1914/1915. Изд. Кн-ва общее дѣло. Тип. Г. Ламбертъ. 16⁰ (13 × 17). 28 стр. Адр. скл. (Маросейка, 11). Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Покровскій, Н. В. проф., Замѣтки о памятникахъ Псковской церковной старины. М. 1914. Изд. журн. Свѣтильникъ. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 4⁰ (24 × 31). 37 стр. + XXIII табл. рисунковъ. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 200 экз.

Спаѳарисъ, И. Принадлежащіе музею Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей предметы съ арабскими, персидскими и турецкими надписями. Статья читанная авторомъ въ 430-мъ засѣданіи Общаго Собранія членовъ Общества 26 марта 1914 года. Одесса. 1915. Тип. Б. Сапожникова (ул. Жуковскаго, 12). 8⁰ (20 × 27). 49 + 2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 72 экз.

Труды по востоковѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ. Вып. XLIII. Восточный Сборникъ въ честь проф. А. Н. Веселовскаго. М. 1914. Тип. М. О. Аттая и К⁰ (Маросейка, Косьмодаміанскій пер., 5). 8⁰ (18×27). 479+III стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 600 экз.

Тучапскій, П. А. Иванъ III и Зарубежные евреи (Хозя Кокосъ и Захарія Гуилъ-Гурсисъ). По поводу статьи В. И. Огородникова (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей"). Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (20 × 27). 10 стр. Вѣсъ 3 л. 25 экз.

Успенскій. Ѳ. И. Первыя страницы русской лѣтописи и Византійскія перехожія сказанія (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго общества исторіи и древностей"). Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (20 × 27). 32 стр. Вѣсъ 9 л. 50 экз.

Ѳоминъ, Александръ. Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи общественныхъ идей въ началѣ XIX вѣка. ПГ. 1914. Тип. Спріусъ (Рыночная, 10). 4⁰ (20 × 28). 91 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 600 экз.

Александровскій, Г. В. Чтенія по Новѣйшей Русской Литературѣ. Графъ Л. Н. Толстой и его художественное творчество перваго періода. Общая характеристика народническаго направленія въ русской литературѣ въ 40—70-ые годы XIX вѣка. Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Графъ А. К. Толстой и его стихотворенія. Кіевъ. 1915. Изд. 4-е, испр.

Тип. 1-й Кіев. Арт. Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (14 × 25) VII + 220 стр. Адр. скл. Кн. маг. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 5.100 экз.

Блиновъ, Ив. Судебная реформа 20 ноября 1864 г. Историко-юридическій очеркъ. ПГ. 1914. Тип. Сенатская. 4° (23 × 31). 234 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 200 экз.

Веселовскій, С. Сошное письмо. Изслѣдованіе по исторіи кадастра и посошнаго обложенія Московскаго государства. Томъ первый. Вступительныя замѣчанія о хозяйствѣ Московскаго государства и объ окладныхъ единицахъ. Большая московская соха въ концѣ XVI в. и послѣ смуты. Посошные налоги XVI в., перешедшіе въ XVII вѣкъ. Налоги, введенные послѣ Смуты. Оклады сошнаго письма съ конца XVI в. Государственный, международный и городовой разводъ податей и повинностей. Порядки посошнаго тягла въ частновладѣльческихъ земляхъ. Мірская раскладка податей. М. 1915. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (18 × 27). XVI + 442 стр. Складъ: авторъ Арбатъ, 23). Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 1.535 экз.

Виноградовъ, В. П. Наслѣдіе Митрополита Платона въ исторіи Московской Духовной Академіи. Рѣчь въ собраніи Церковно-Археологическаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія 22 октября 1914 г. (Оттискъ изъ „Богословскаго Вѣстника". № 10—11. 1914 г.). Сергіевъ Посадъ. 1914. Изд. Церк.-Археол. Отд. Общ. Люб. Дух. Просв. Тип. Троице-Сергіевой Лавры. 8° (16 × 23). 26 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Дмитріевъ, С. И. Генералъ-Адмиралъ Графъ Ф. М. Апраксинъ Сподвижникъ Петра Великаго 1671—1728. ПГ. 1914. Тип. А. К. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17 × 24). 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

„Дѣло о пожиткахъ Государыни царевны Наталіи Алексѣевны". (Отд. оттиски изъ „Старины и Новизны" кн. XVII. 1914 г.). М. 1914. Тип. Синодальная 8° (19 × 28). 117 стр. Вѣсъ 20 л. 100 экз.

Евдокимъ, архіеп. Дневникъ о. протоіерея Родіона Путятина. Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св.-Троице-Сергіевой Лавры. 8° (17 × 24). 171 стр. Вѣсъ 16 л. 1.000 экз.

Евсѣевъ, И. Е. Геннадіевская Библія 1499 года. М. 1914. Тип. Синодальная, 4° (27 × 36). 21 стр. Вѣсъ 11 л. 50 экз.

Изъ архива Михалковыхъ (Отд. оттиски изъ „Старины и Новизны". Кн. XVII. 1914 г.). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19 × 28). 44 стр. Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Исторія русской адвокатуры. Томъ I. Гессенъ І. В. Адвокатура, общество и государство 1864 $\frac{20}{XI}$ 1914. М. 1914. Изд. Совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Тип. Земля (I Мѣщанская, 5). 8° (16 × 25). XXIV + 623 + 4 нен. стр. + 10 портр. Вѣсъ 3 ф. 20 л. 5.000 экз.

Катковъ, М. А. Роль уѣздныхъ предводителей дворянства въ государственномъ управленіи Россіи. Къ вопросу о реформѣ уѣзднаго управленія. (Изъ ученыхъ записокъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая, вып. IX, за 1914 г.). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8° (17 × 24). 70 стр. + 1 портр. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Котляревскій, Н. А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1914 г. ПГ. 1914.

Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О. 12 л.). 8° (16×24). 106 стр. Съ портр. Вѣсъ 14 л. 835 экз.

Михайловъ, Дм. Дм. Курсъ исторіи русской литературы съ эпохи Петра Великаго до Пушкина и Хрестоматія. ПГ. 1915. Изд. 2-е, испр. Тип. Петроградская губернская. 8° (17×24). XI+190+389+V стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 1.200 экз.

Москва. Путеводитель. Подъ ред. Е. А. Звягинцева, М. Н. Коваленскаго, М. С. Сергѣева и К. В. Сивкова. (Историческая комиссія учебнаго отдѣла общ. распр. техн. знаній). М. 1915. Изд. и Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 16° (12×16). 702+II стр. Съ рис.—карты Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 5.000 экз.

Муравьевъ, А. Н. Записка о состояніи Православной церкви на востокѣ. (Изъ архива А. В. Муравьева). (Отд. оттиски изъ „Старины и Новизны", кн. XVII 1914 г.). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 30 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Новосадскій, Н. И. Греческая эпиграфика. Лекціи, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Часть I. М. 1915. Изд. Имп. Москов. Археолог. Инст. Имп. Николая II, 2-е. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер.). 8° (19×27). III+253+IV стр. +1 карта. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 600 экз.

Погодинъ, А. Л., проф. Краткій очеркъ исторіи славянъ. М. 1915. Изд. Г. А. Лемана. Тип. Т/Д. Мысль, Н. П. Меснянкинъ и К° (Петровка 17). 8° (15×24). 126 стр. Складъ: Кн. маг. Наука (Б. Никитская, 10) Ц. 60 к. Вѣсъ 15 л. 3.000 экз.

Порфирьевъ, С. Бѣлая палата въ Болгарахъ по рисункамъ альбома Чернецовыхъ. (Отд. оттискъ изъ XXIX-го т. „Извѣстій общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи" за 1914 годъ). Казань. 1915. Тип. Университета. 8° (17×25). 8 стр. +2 листа рис. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Пятницкій, Ив. Русскій сектантъ—въ своей исторіи. (Изъ журнала „Странникъ", 1884. №№ 5—6). Пермь. 1914 Тип. Чердынцева. 8° (15×24) 43 стр. Вѣсъ 3 л. 500 экз.

Романцевъ, И. С. Описаніе Новгородскаго Софійскаго каѳедральнаго собора. (Отд. оттискъ изъ II тома Трудовъ пятнадцатаго археологическаго съѣзда въ Новгородѣ). М. 1914. Тип. Синодальная. 8° (27×36). 81 стр. Вѣсъ 28 л. 50 экз.

Саводникъ В. Хрестоматія для изученія исторіи русской словесности, Вып. 2-й. Древне-русская письменность (до конца XVII вѣка). М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (18×25). IV+387 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 5.000 экз.

Сперанскій, М. Н. Исторія русской литературы XIX вѣка. М. 1914. Изд. О-ва взаимопом. студ. филолог. при М. У. Тип. И. Ф. Смирнова (Б. Дмитровка). 8° (10×27). 484 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 25 л. 300 экз.

Страница изъ исторіи кустарной промышленности въ Московской губерніи и Россіи. (Къ 25-ти лѣтнему юбилею дѣятельности въ кустарномъ и кустарно-кооперативномъ дѣлѣ Сергѣя Тимофеевича Морозова) (Отд. от. изъ журн. „Новый Колосъ"). М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 16° (13×17). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Шахматовъ, А. А. Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому

отдѣленіямъ за 1914 годъ. ПГ. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8⁰ (17×24), 460 стр. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 835 экз.

Бертье-Делагардъ, А. Л. Изслѣдованіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ средневѣковья въ Тавридѣ. (Отд. оттискъ изъ XXXII тома „Записокъ Имп. Одесскаго об-ва исторіи и древностей"). Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (Ул. Кондратенко. 8). 8⁰ (20×28). 30 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Высоцкій, Н. Г. Первый печатный трудъ о скопцахъ. (Отд. оттискъ изъ Русскаго Архива 1914 года). М. 1914. Тип. Синодальная. 8⁰ (18×27). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 30 экз.

Записки Ростовскаго на-Дону общества исторіи, древностей и природы. Томъ второй. Подъ ред. А. М. Ильина. Ростовъ на-Д. 1914. Тип. Ф. А. Закройцева. 8⁰ (21×29). IV + 242 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 500 экз.

Затворницкій, Н. М. Наполеоновская эпоха Библіографическій указатель. Выпускъ II. ПГ. 1915. Тип. Гр. Скачкова съ С-ми. 8⁰ (17×25). 313 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 3.000 экз.

Константинъ Карловичъ Гротъ, какъ государственный и общественный дѣятель (12-го января 1815 – 30-го октября 1897). Матеріалы для его біографіи и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Томъ I и II. ПГ. 1915. Изд. Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (17×24). IV + 446 + 84 стр. + 482 стр. Вѣсъ 3 ф. 12 л. I т. 1.940. II т. 2.100 экз.

Котляревскій, Несторъ. Николай Васильевичъ Гоголь. 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. ПГ. 1915. Изд. 4-е испр. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., 28). 8⁰ (15×23). XV + 572 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 5.000 экз.

Краткій указатель музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1915. Изд. 5-е, перераб. Тип. Е. Хрисогелоса (Ул. Кондратенко, 8). 8⁰ (13×23). 110 стр. Вѣсъ 9 л. 1.200 экз.

Къ исторіи саббатіанскаго движенія и саббатіанской литературы. I. Новые матеріалы и источники по исторіи саббатіанскаго движенія. ПГ. 1914. Тип. Т-ва Екатеринг. Печатное Дѣло (Екатеринг., 7). 8⁰ (13×19). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Протасовъ, Н. Плафонная лѣпка и печные изразцы Елисаветинскаго времени въ актовомъ залѣ Императорской Московской Духовной Академіи. (Оттискъ „Богословскаго Вѣстника", № 10—11 за 1914 г.). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Св. Тр.-Сергіевой Лавры" 8⁰ (17×26). 26 стр. + 7 лист. рис Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сто сорокъ пятый. Спб. 1914. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8 (20×28). XL + 597 + X стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 1.200 экз.

Чижовъ, Б. Генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ. 1818—1882 г. Біографическій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. Глав. Упр. военно-учеб. заведеній. Тип. Т-ва Художеств. Печати (Демидовъ пер., 4). 8⁰ (14×20). 23 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 2.000 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1915 г.

ТОМЪ СТО ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

Приложенія:

V. Генералъ фонъ-Мольтке и генералъ Фалькенгаунъ (тамъ же).
VI. Портретъ Императрицы Екатерины II (при 2-й книгѣ).
VII. Германскій императоръ Вильгельмъ II (тамъ же).
VIII. Генералъ Данкль. Германскій кронпринцъ. Генералъ Макензенъ (тамъ же).
IX. 57-й пѣхотный австрійскій герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго полкъ (тамъ же).
X. Портретъ Михаила Александровича Толстопятова (при 3-й книгѣ).
XI. Радко-Дмитріевъ на боевыхъ позиціяхъ (тамъ же).
XII. 28-го августа 1914 г. Рѣшительные минуты Городка (тамъ же).
XIII. Вильгельмъ II въ главной квартирѣ кронпринца (тамъ же).
XIV. Пьяная атака (тамъ же).

Библіографическій листокъ.

1. Вѣстникъ Общества ревнителей исторіи. Выпускъ I. 1914 г. Подъ редакціей М. К. Соколовскаго. (На обложкѣ январской книги).

2. Д. И. Багалѣй. Русская исторія. Пособіе къ лекціямъ для высшей школы и руководство для учителей и самообразованія. Томъ I. Княжеская Русь (до Іоанна III). М. 1914 г. (Тамъ же).

3. У Троицы въ Академіи. 1814—1914 г.г. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. Изданіе бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи. М. 1914 г. (Тамъ же).

4. Сборникъ Московскаго архива Министерства Юстиціи. Томъ VI. М. 1914 г. (Тамъ же).

5. Труды Новгородскаго церковно-археологическаго общества. Томъ I. Новгородъ. 1914 г. (Тамъ же).

6. Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей В. Н. Бенешевича. Вып. II. Петроградъ. 1914 г. (Тамъ же).

7. Записки Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. X в. II. В. К. Арсеньевъ. Китайцы въ Уссурійскомъ Краѣ. Очеркъ истор.-этнографическій. Хабаровскъ. 1914 г. (На обложкѣ февральской книги).

8. Н. К. Никольскій. Рукописная книжность древне-русскихъ библіотекъ (XI—XVII в.в.). Матеріалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей, вып. I-й А—Б. (Тамъ же).

9. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXV. Iисусова молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Сообщенiе А. С. Орлова. 1914 г. (Тамъ же).

10. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXIV. Проф. И. Шляпкинъ. Указецъ книгохранителя Спасо-Прилуцкаго монастыря Арсенiя Высокаго. 1854 г. (Тамъ же).

11. Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанiя В. С. Сѣровой. Изд. „Шиповникъ". Петроградъ. 1914 г. (Тамъ же).

12. Труды Саратовской ученой архивной комиссiи. Вып. 31. Саратовъ. 1914 г. (На обложкѣ мартовской книги).

13. Державный Орденъ Св. Iоанна Iерусалимскаго, именуемый Мальтiйскимъ въ Россiи. Сост. И. К. Антошевскiй. Петроградъ. 1914 г. (Тамъ же).

14. Императорское Общество Любителей древней письменности. Библiографическая Лѣтопись. I. 1914 г. (Тамъ же).

15. П. К. Козловъ. Въ сердцѣ Азiи. (Памяти Н. М. Пржевальскаго). Петроградъ. 1914 г. (Тамъ же).

16. С Тройницкiй. Фарфоровыя табакерки Императорскаго эрмитажа. Петроградъ. 1915 г. (Тамъ же).